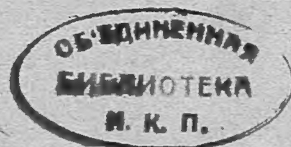
250

390

Историческая Комиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З.

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ
ПО ИСТОРІИ
НОВАГО ВРЕМЕНИ.

Томъ III.

— ИЗДАНІЕ Т-ва И. Д. СЫТИНА —
и „Сотрудника школъ“ А. К. ЗАЛѢССКОЙ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Стр.

Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII вѣкѣ.

«Въ концѣ XVII столѣтія, — говоритъ Арнольдъ Тойнби, — въ Англіи существовало, по расчету Грегори Кинга, 180,000 фригольдеровъ, а менѣе чѣмъ чрезъ столѣтіе тогдашніе памфлетисты и даже такіе осторожные писатели, какъ Артуръ Юнгъ, говорятъ о мелкихъ собственникахъ, какъ о фактически исчезнувшемъ явленіи. Простое констатированіе такого контраста дѣйствуетъ поражающимъ образомъ. Человѣкъ, незнакомый съ нашей исторіей за промежуточный періодъ, могъ бы подумать, что произошла какая-либо истребительная война или насильственная соціальная революція, вызвавшая переходъ собственности отъ одного класса къ другому». На самомъ дѣлѣ хотя и произошла революція, но революція безшумная, мирная, вызванная экономическими причинами.

Но не менѣе значительная революція произошла и въ области промышленности. Сопоставивъ середину XVIII вѣка и періодъ 30-хъ — 40-хъ годовъ XIX ст., мы нашли бы не менѣе рѣзкій контрастъ, чѣмъ указанный Тойнби. Вмѣсто разбросанной по селамъ, по крестьянскимъ избамъ мелкой промышленности — широко развитая фабричная индустрія, сконцентрированная въ крупныхъ городахъ; вмѣсто прялокъ и челноковъ ткача, приво-

Пособія. *I. М. Кулишеръ.*—Исторія экономическаго быта Зап. Европы. Курсъ лекцій, изданный въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Изд. 2-е. С.-Пб. 1910. *Тойнби.*—Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII вѣкѣ. Пер. подъ ред. А. И. Чупрова. Москва. 1898. *Шульце-Геверницъ*—Крупное производство въ Англіи. *Held.*—Zwei Bücher zur Socialgeschichte Englands. *Гельдъ.*—Развитіе крупной промышленности въ Англіи. 1899. *Mantoux.*—La révolution industrielle an XVIII siecle. 1906. *Cunningham.*—Growth of English Industry and Commerce in modern times. *Роджерсъ.* — Исторія труда и заработной платы въ Англіи XIII—XIX в. Петербургъ 1899. *Марксъ*—Капиталъ, пер. подъ ред. Базар.-Степ., т. I. *I. М. Кулишеръ.* Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли, т. II. Девятнадцатый вѣкъ. Спб. 1908.

димыхъ человѣкомъ въ движеніе, — усовершенствованныя прядильныя машины и механическіе ткацкіе станы, работающіе при помощи паровыхъ двигателей. Прежніе ручные прядильщики и ткачи, работавшіе въ своихъ коттеджахъ, исчезли, ихъ замѣнили толпы фабричныхъ рабочихъ.

Переворотъ этотъ въ области англійской промышленности находится въ тѣснѣйшей связи съ переворотомъ, совершившимся въ землевладѣніи Англіи. Одна изъ причинъ исчезновенія мелкихъ собственниковъ состоитъ въ потерѣ ими заработка отъ производства промышленныхъ издѣлій, ибо съ развитіемъ фабричнаго производства сталъ погибать этотъ подсобный промыселъ; одна земля не прокармливала, приходилось покидать ее и уходить въ города. А этотъ уходъ въ города, на фабрики, земледѣльческаго населенія прежнихъ мелкихъ собственниковъ доставлялъ необходимую фабричной индустріи рабочую армію.

Домашняя промышленность.

Англійская промышленность XVII и первой половины XVIII ст. представляетъ собою ту форму производства, которую мы называемъ домашнимъ или кустарнымъ. Средневѣковый ремесленникъ не только производилъ товары для небольшого, мѣстнаго рынка, но и самъ сбывалъ ихъ непосредственно потребителю. Въ XVII ст. во всѣхъ важнѣйшихъ отрасляхъ промышленности господствующей формой производства уже было не ремесло, а кустарная промышленность. Хотя каждый мастеръ и изготовлялъ попрежнему товары у себя на дому, въ своей мастерской, но не сбывалъ ихъ самъ потребителю, а продавалъ ихъ скупщику-посреднику, который закупалъ издѣлія у цѣлаго ряда производителей и доставлялъ ихъ на рынокъ. Такимъ образомъ, изготовленіе промышленныхъ издѣлій, самый процессъ производства имѣлъ попрежнему характеръ мелкаго производства, какъ и въ ремеслѣ. Но сбытъ производился оптомъ, въ широкихъ размѣрахъ; въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, уже имѣлось крупное производство. Производитель сохранилъ за собой только изготовленіе товара; сбытъ же перешелъ въ руки торговца-скупщика. Изъ одного документа 1615 года намъ извѣстна организація важнѣйшей отрасли производства того времени — шерстяной промышленности. Существовали богатые суконщики, торговцы, которые пріобрѣтали шерсть въ помѣстьяхъ оптомъ и затѣмъ раздавали ее прядильщикамъ, ткачамъ и валяльщикамъ для обработки, готовую же ткань сбывали на рынкахъ. Мастеръ такимъ образомъ выполнялъ лишь часть процесса производства по заказу скупщика,

обрабатывая полученный отъ него матеріалъ. Или же кустари пріобрѣтали самостоятельно шерсть, но вынуждены были, не имѣя достаточнаго капитала, покупать ее въ кредитъ и на невыгодныхъ условіяхъ. Въ результатѣ они попадали въ зависимость отъ торговцевъ шерстью, въ долгу у которыхъ постоянно находились и вынуждены были сбывать имъ обработанную шерсть, готовый продуктъ, по установленной торговцемъ цѣнѣ, получая за свой трудъ минимальное вознагражденіе.

Вообще, характерную черту англійской промышленности этой эпохи составляетъ та экономическая сила, которую пріобрѣтаетъ merchant-manufacturer, скупщикъ-предприниматель. Рабочіе на дому, кустари, находятся въ полной зависимости отъ него. Съ конца XVII ст. скупщику принадлежитъ не только матеріалъ — пряжа, шерсть, ткань, но и орудія производства — ткацкій станокъ, мельница для валянья сукна. Кустари жалуются па низкую заработную плату, на конкуренцію учениковъ-малолѣтнихъ, которыми стараются замѣнить взрослыхъ рабочихъ; жалуются на крайнюю продолжительность рабочаго дня, на ночной трудъ — приходится работать при свѣчахъ; жалуются, наконецъ, на безработицу: «хозяева доставляютъ намъ работу въ теченіе половины, самое большое двухъ третей года».

Дѣйствительно, условія жизни рабочихъ-кустарей въ эту предшествующую введенію машинъ эпоху «весьма мало соотвѣтствовали тѣмъ соблазнительнымъ описаніямъ, которыя мы находимъ у довѣрчивыхъ почитателей прошлаго. Хижины, въ которыхъ они жили, были нерѣдко весьма нездоровы, оконъ было мало и они были очень малы, мебели также имѣлось мало и еще меньше украшеній. Главная и подчасъ единственная комната являлась одновременно и кухней и мастерской». Питаніе ихъ также не отличалось обиліемъ; сотни и тысячи семействъ не знали даже вкуса мясныхъ блюдъ. По подсчетамъ Грегори Кинга, писавшаго въ концѣ XVII вѣка, низшіе классы населенія Англіи составляли около 880 тысячъ семействъ, изъ которыхъ половина потребляла мясо два раза въ недѣлю, другая же половина только разъ въ недѣлю или, вообще, не потребляла мяса.

Мануфактура. До 80-хъ годовъ XVIII вѣка кустарная или домашняя форма производства являлась господствующей. На континентѣ Европы уже съ конца XVII вѣка появилась новая форма производства — централизованныя мануфактуры. Мануфактура отличается тѣмъ отъ кустарной промышленности, что здѣсь не только сбытъ совер-

шается въ крупныхъ размѣрахъ, но самое приготовленіе товаровъ пріобрѣтаетъ характеръ крупнаго производства. Изъ мастерской кустаря или ремесленника оно переходитъ въ помѣщеніе предпринимателя, подъ руководствомъ и надзоромъ котораго производятся промышленныя издѣлія. Предприниматель беретъ въ свои руки, слѣдовательно, не только сбытъ товаровъ, какъ при кустарной формѣ производства, но и самое изготовленіе ихъ, техническую сторону производства.

Въ Англіи такихъ централизованныхъ мануфактуръ имѣлось весьма немного, они возникали чрезвычайно медленно. Даже въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда мы встрѣчаемъ рабочихъ, производящихъ товары въ принадлежащемъ предпринимателю помѣщеніи, число ихъ всегда составляетъ лишь небольшую часть среди лицъ, работающихъ на даннаго хозяина; рядомъ съ ними у него имѣется обыкновенно гораздо больше кустарей, которые приготовляютъ продукты того же рода у себя на дому. Въ большемъ количествѣ централизованныя предпріятія появляются съ 70-хъ годовъ XVIII вѣка, но эти предпріятія отличались отъ мануфактуръ тѣмъ, что здѣсь уже производство совершалось не ручнымъ способомъ, а машиннымъ, что собранные подъ одной крышей въ помѣщеніи предпринимателя рабочіе изготовляли промышленныя издѣлія не при помощи облегчавшихъ работу инструментовъ и орудій, а посредствомъ машинъ, замѣнявшихъ трудъ человѣка. Но такія предпріятія представляли собою уже не мануфактуры, а фабрики. Характерную черту фабрики составляетъ пользованіе машинами; машины и появляются въ Англіи съ 70-хъ годовъ XVIII вѣка, примѣненіе ихъ обозначаетъ «промышленную революцію».

Появленіе машинъ.

Потребность въ замѣнѣ ручного труда машиннымъ ощущалась въ Англіи уже въ серединѣ XVIII вѣка. И хлопчатобумажная и шерстяная промышленность нуждалась въ такомъ приспособленіи, при помощи котораго можно было бы въ одинаковый промежутокъ времени производить болѣе значительное количество пряжи, ибо чувствовался недостатокъ въ пряжѣ; прядильщики не въ состояніи были доставлять ткачамъ необходимое количество ея. Этотъ спросъ на пряжу еще болѣе усилился со времени примѣненія въ 60-хъ годахъ въ ткацкомъ промыслѣ летучаго челнока, изобрѣтеннаго Кэемъ, благодаря которому удвоилось количество продукта, производимаго въ теченіе дня ткачомъ. Экономическая необходимость заставила теперь обратить особенно вниманіе

на изобрѣтеніе прядильной машины, на усовершенствованіе техники прядильнаго промысла.

Результатомъ этого прядильнаго «голода» и явилось изобрѣтеніе прядильной машины, появленіе которой знаменуетъ собою новую эру въ исторіи экономической жизни —, эру машиннаго производства. Изобрѣтеніе прядильной машины связано съ именами Л. Поль, Джона Уайетта, Аркрайта, Харгривса и Кромптона. Изобрѣтеніе Поля и Уайетта (30-е годы XVIII в.) стало примѣняться на практикѣ лишь сначала 80-хъ годовъ XVIII в., когда ихъ прядильная машина была въ деталяхъ усовершенствована Аркрайтомъ. Однако, машина Аркрайта, названная ватерной, такъ какъ она приводилась въ движеніе силою воды, приготовляла слишкомъ толстыя нити, непригодныя для болѣе тонкихъ матерій. Необходимую для пряденья тонкихъ нитей машину изобрѣлъ Харгривсъ и назвалъ ее Дженни въ честь своей дочери.

Наконецъ, вѣнцомъ этихъ изобрѣтеній явилась машина Кромптона. Послѣдній соединилъ въ одной машинѣ достоинства и водяного станка Аркрайта и изобрѣтенія Харгривса, такъ что получалась тонкая, какъ на Дженни, но вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпкая, какъ на ватерной машинѣ, нить. Кромптонъ назвалъ свой аппаратъ «мюль-машиной», т.-е. «смѣсью» изъ двухъ различныхъ аппаратовъ. Если водяной станокъ Аркрайта далъ возможность выдѣлывать коленкоровыя ткани, издѣлія изъ чистаго хлопка, которыя ранѣе привозились изъ Индіи, то благодаря мюльной машинѣ, доставлявшей нить особенной тонкости, Англія опередила легендарную искусность индусовъ, производя муслинъ (кисею) особенной, совершенно неизвѣстной до того времени, тонкости и нѣжности. Возникло новое производство муслина, центромъ котораго являлся Ланкаширъ, и въ 1785 году Великобританія производила не менѣе 50 тысячъ штукъ муслина.

До изобрѣтенія прядильной машины чувствовался «прядильный голодъ», теперь онъ былъ не только удовлетворенъ, но и удовлетворенъ съ избыткомъ: прядильщикъ въ состояніи былъ въ теченіе того же времени произвести въ 200 разъ больше, чѣмъ до появленія Дженни-машины. Картина рѣзко измѣнилась: уже нехватало ткачей для обработки всей производимой пряжи. Такимъ образомъ снова не получалось равновѣсія, и положеніе было столь же неудовлетворительно, какъ и прежде, но причина его лежала уже въ иномъ направленіи. Въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка прядильное производство значительно обогнало ткацкій промыселъ,

и послѣдній уже не поспѣвалъ за первымъ, замедляя изготовленіе бумажныхъ тканей. Это вызвало работу творческой мысли въ новомъ направленіи, стремленіе къ усовершенствованіямъ въ техникѣ ткацкаго производства. Дѣйствительно, вскорѣ былъ изобрѣтенъ Картрайтомъ механическій ткацкій станокъ; ткачъ, работавшій на немъ, создавалъ почти столько же, сколько 40 ручныхъ ткачей въ теченіе того же времени. Но на практикѣ онъ сталъ примѣняться лишь значительно позже — для этого нужны были еще усовершенствованія ткацкаго стана Радклиффомъ и Хорроксомъ. Только съ 1813 года фабриканты стали пользоваться этимъ изобрѣтеніемъ, замѣнявшимъ и въ области ткачества физическій трудъ машиннымъ; но еще и впослѣдствіи они полагали, что количество ручныхъ ткачей въ будущемъ не только не уменьшится, а, напротивъ, еще должно возрасти.

Примѣненіе пара. Уже первыя прядильныя машины приводились въ движеніе не рукой человѣка, а силой животныхъ—ословъ и лошадей или силой воды. Но для болѣе крупныхъ предпріятій этихъ двигательныхъ силъ было недостаточно; фабрики съ болѣе значительнымъ количествомъ прядильныхъ машинъ могли возникать лишь при условіи примѣненія двигательной силы пара. Быстрый ростъ англійской бумагопрядильной индустріи и былъ результатомъ одновременнаго распространенія прядильной машины и изобрѣтеннаго Уаттомъ парового двигателя. Однако было бы ошибочно предполагать, что изобрѣтеніе паровой машины было вызвано потребностью въ ней въ хлопчатобумажной промышленности; паровой двигатель былъ изобрѣтенъ гораздо раньше, чѣмъ необходимость въ новой силѣ природы стала ощущаться въ обрабатывающей промышленности. И изобрѣтеніе паровой машины было вызвано важными потребностями экономической жизни, но только не въ индустріи, а въ области горнаго дѣла. До 80-хъ годовъ XVIII ст. еще никто себѣ не могъ представить паровую машину иначе, какъ въ видѣ насоса для выкачиванія воды изъ рудниковъ.

Такова была первая паровая машина, изобрѣтенная Томасомъ Сэвери въ 1698 году. Сэвери было извѣстно тяжелое положеніе владѣльцевъ рудниковъ, которые едва въ состояніи были бороться съ напоромъ воды, и онъ рѣшилъ придти имъ на помощь. Въ его патентѣ машина названа изобрѣтеніемъ «для поднятія воды и для приведенія въ движеніе всевозможныхъ мельницъ двигательной силой огня»; Сэвери называлъ ее «другомъ горнозаводчика». Однако вскорѣ выяснилось, что при пользованіи

этимъ изобрѣтеніемъ опасность взрыва очень велика, а въ то же время сила машины была незначительна и она поглощала такое количество топлива, что примѣненіе ея въ широкихъ размѣрахъ не могло быть экономически выгоднымъ. Примѣнялась машина только тамъ, гдѣ не требовалось большого количества силъ: она годилась для устройства фонтановъ, купаленъ, для орошенія садовъ.

Паровая машина Джемса Уатта.

Другомъ горнозаводчика водоподъемная машина Сэвери стала лишь въ усовершенствованной Ньюкоменомъ и Коуле формѣ. Въ этомъ видѣ она давала возможность выкачивать воду на глубинѣ вдвое большей, чѣмъ это было возможно раньше, и поэтому въ рудникахъ Корнуэльса появился сильный спросъ на нее уже въ 20-хъ годахъ XVIII вѣка. Однако при большемъ напорѣ воды и ея силъ не хватило. Нѣсколько десятилѣтій спустя, въ Корнуэльсѣ, дойдя до извѣстной глубины, приходилось уже снова прекращать производство; но тогда появилась изобрѣтенная Джемсомъ Уаттомъ паровая машина, примѣняемая въ производствѣ и до нашего времени. Всѣ съ напряженіемъ ожидали результатовъ дѣйствія новой машины, и она, дѣйствительно, превзошла наиболѣе смѣлыя надежды; уже при примѣненіи первыхъ двухъ машинъ въ рудникахъ Корнуэльса въ 1777 году можно было убѣдиться въ преимуществахъ новаго изобрѣтенія по сравненію съ предыдущими. «Скорость, сила, объемъ машины и страшный шумъ, производимый ею, — писалъ Уаттъ своему компаньону Больтону, — удовлетворили всѣхъ, кто ее видѣлъ, — и друзей и недруговъ. Я пускалъ ее два раза въ ходъ такимъ образомъ, чтобы она двигалась болѣе спокойно и дѣлала меньше шуму, но мистеръ Вильсонъ (владѣлецъ рудника) не можетъ спать, если не слышитъ ея бушеванія. Между прочимъ—изъ шума, производимаго машиной, люди, повидимому, заключаютъ о силѣ ея. Скромныя заслуги здѣсь столь же мало признаются, какъ и среди людей». Спустя три года, фирмой Больтонъ - Уаттъ было установлено 20 машинъ въ Корнуэльсѣ, произведено же было на этомъ заводѣ вдвое больше. Въ 1790 году въ Корнуэльсѣ уже не было ни одной машины системы Сэвери - Ньюкомена; эта столь прославленная въ свое время водоподъемная машина была совершенно вытѣснена геніальнымъ изобрѣтеніемъ Уатта.

Лишь съ большимъ трудомъ Больтону удалось убѣдить Уатта приспособить водоподъемную машину къ нуждамъ обрабатывающей промышленности, дать возможность примѣненія и тамъ паро-

вого двигателя. Къ этому времени, въ 80-хъ годахъ, потребность въ паровомъ двигателѣ ощущалась уже и въ обрабатывающей промышленности, не только въ хлопчатобумажной, но и въ металлургической.

Надо имѣть въ виду, что въ это время машинный способъ производства распространяется и въ металлургической индустріи: *кричный* [1]) молотъ и мѣха—ручные инструменты кузнеца, и древесный уголь при плавкѣ желѣза уступаютъ мѣсто воздуходувной машинѣ, пламенной печи на минеральномъ топливѣ и прокатному стану — автоматическимъ приспособленіямъ человѣческаго ума. До 80-хъ годовъ XVIII вѣка развитіе желѣзодѣлательнаго производства было сопряжено съ большими затрудненіями, такъ какъ приводило къ истребленію лѣсовъ. При тогдашнихъ способахъ выдѣлыванія изъ руды желѣза сжигалось чрезвычайно много дерева: чтобы получить одну тонну желѣза, необходимо было сжечь четыре сажени дровъ строевого лѣса. Конечно, расчистка лѣсовъ приносила даже пользу, содѣйствуя развитію земледѣлія образованіемъ просѣкъ, но «прожорливые» желѣзодѣлательные заводы пожирали все, что только могло сгорать, такъ что старые и большіе лѣса быстро исчезали. Весь лѣсъ цѣликомъ истреблялся и надо было выжидать много лѣтъ, пока онъ опять выростетъ. Чтобы положить конецъ безпощадному истребленію лѣсовъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Лондона, жителями котораго овладѣло опасеніе, что столица вскорѣ вовсе не будетъ имѣть топлива поблизости, уже въ 1581 г. было воспрещено актомъ парламента рубить лѣсъ для топлива на выдѣлку желѣза на протяженіи 14 миль отъ Темзы.

Такимъ образомъ, единственный исходъ заключался въ замѣнѣ лѣса минеральнымъ топливомъ. Еще въ началѣ XVII ст. было взято нѣсколько патентовъ на выдѣлку чугуна безъ употребленія древеснаго угля, но изобрѣтенія эти на практикѣ не примѣнялись; желѣзодѣлательное производство стало сокращаться, опасались, что оно вовсе исчезнетъ. Только въ 1735 году Абрагамъ Дерби достигъ, наконецъ, этой цѣли, но производство чугуна посредствомъ каменнаго угля стало примѣняться лишь полвѣка спустя, когда и дальнѣйшій процессъ, превращеніе чугуна въ полосовое желѣзо, былъ усовершенствованъ, сталъ производиться при

[1]) Кричный молотъ, это—молотъ употребляемый при обработкѣ въ желѣзо или сталь «крицы», т.-е. рыхлой, губчатой, пропитанной шлакомъ желѣзной массы. *Прим. ред.*

помощи минеральнаго топлива. Это достигнуто было изобрѣтеніями Корта въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка; съ этихъ поръ обработка чугуна и прокатываніе его также производилось на каменноугольномъ топливѣ и притомъ новымъ механическимъ способомъ, примѣнявшимся въ металлургической промышленности до 70-хъ годовъ XIX вѣка, отчасти существующимъ и до сихъ поръ. Результаты не замедлили сказаться. Въ половинѣ XVIII вѣка въ Англіи вырабатывалось 18 тысячъ тоннъ полосового желѣза, въ 1821 — 400 тысячъ тоннъ. Въ серединѣ XVIII вѣка многіе держались того мнѣнія, что Англія можетъ обойтись безъ собственной желѣзодѣлательной промышленности, что ей выгоднѣе пользоваться желѣзомъ, привозимымъ изъ Испаніи, чѣмъ изготовлять его у себя дома, ибо этимъ предотвращалось бы истребленіе лѣсовъ. Въ началѣ XIX вѣка она, напротивъ, не только избавилась отъ иностранной зависимости въ полученіи желѣза для изготовленія машинъ и инструментовъ, но и стала вывозить этотъ металлъ въ огромномъ количествѣ въ другія страны.

Успѣхи естественныхъ наукъ и техники.

Появленіе машинъ и фабричнаго способа производства во второй половинѣ XVIII вѣка объясняется, однако, не одной потребностью въ усовершенствованной техникѣ, но и тѣмъ уровнемъ, котораго достигли естественныя науки и техника въ это время. До половины XVIII вѣка эти изобрѣтенія были немыслимы по той простой причинѣ, что наука и техника стояли на слишкомъ низкой ступени развитія. Такъ, изобрѣтеніе паровой машины было результатомъ пріобрѣтенныхъ къ этому времени научныхъ свѣдѣній и постепенное развитіе ея происходило одновременно съ развитіемъ естественныхъ наукъ. Сэвери и Ньюкоменъ при устройствѣ ими паровой машины основывались на великомъ открытіи, сдѣланномъ Торичелли въ 1643 г. о давленіи воздуха, тогда какъ до него думали, что природа не терпитъ пустого пространства. Причина несовершенства изобрѣтенной ими паровой машины коренилась въ отсутствіи научныхъ свѣдѣній о теплотѣ и ея свойствахъ. Не было точнаго прибора для измѣренія теплоты. Впервые былъ изобрѣтенъ подобный приборъ въ 1650 г. голландцемъ Дреббелемъ въ видѣ термометра съ растворомъ мѣднаго купороса, лишь въ 1714 г. Фаренгейтъ воспользовался ртутью для измѣренія температуры; за нимъ уже послѣдовали термометры Реомюра въ 1730 г. и Цельсія въ 1741 г. Далѣе, въ 1760 г. профессоромъ университета въ Глазго Блэкомъ были сдѣланы разныя открытія

въ области теоріи теплоты: онъ выяснилъ понятія свободной и скрытой теплоты и удѣльной теплоты. Однимъ изъ наиболѣе прилежныхъ учениковъ Блэка былъ механикъ Уаттъ; пріобрѣвъ новыя свѣдѣнія по теоріи теплоты, Уаттъ приступилъ къ усовершенствованію паровой машины и сдѣлалъ свое великое изобрѣтеніе. Такимъ образомъ на изобрѣтеніе паровой машины наука имѣла огромное вліяніе, и безъ открытій, сдѣланныхъ въ области физики, это изобрѣтеніе было бы немыслимо.

Въ другихъ изобрѣтеніяхъ второй половины XVIII вѣка вліяніе науки и техники не обнаруживается столь ясно, какъ въ исторіи паровой машины, однако и здѣсь можно прослѣдить тѣ нити, которыми они связаны съ современной имъ техникой и естественной наукой. Нерѣдко указываютъ на то, что эти изобрѣтенія были сдѣланы людьми, совершенно незнакомыми съ естественными науками: Харгривсъ, изобрѣтатель Дженни, былъ ткачъ, Аркрайтъ, изобрѣтатель ватерной машины, былъ цырюльникъ, Картрайтъ, изобрѣтатель механическаго ткацкаго станка, былъ сельскій священникъ. Дѣйствительно, эти изобрѣтенія не были созданы учеными механиками, подобно паровой машинѣ, но изобрѣтатели ихъ не были также лишь цырюльниками, священниками или простыми рабочими. Они были механиками, именно— часовыхъ дѣлъ мастерами. Такъ, цырюльникъ Аркрайтъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ; прозвище его было «ноттингэмскій часовщикъ». Точно также Фультонъ, изобрѣтатель парохода, былъ первоначально часовыхъ дѣлъ мастеромъ; хотя онъ вскорѣ и бросилъ это занятіе, но пріобрѣтенныя въ этомъ ремеслѣ свѣдѣнія имѣли большое вліяніе на конструкцію его изобрѣтеній. Съ нимъ познакомился Картрайтъ, впослѣдствіи изобрѣвшій механическій ткацкій станокъ, и также построилъ модель парохода, колеса котораго приводились въ движеніе посредствомъ часового механизма. Такимъ образомъ и Картрайтъ былъ не только священникомъ, но и механикомъ. Наконецъ и Харгривсъ соединялъ съ занятіемъ ткача профессію механика, принадлежа къ числу тѣхъ импровизированныхъ инженеровъ, которые въ тѣ времена, за отсутствіемъ настоящихъ инженеровъ, устанавливали водяныя и вѣтряныя мельницы, насосы и фонтаны, производили необходимыя починки въ механизмахъ и руководили ихъ конструкціей. Эти лица знали обыкновенно ариѳметику, отчасти и механику, умѣли чертить проекты, вычислять скорость и силу механизмовъ.

То обстоятельство, что изобрѣтатели въ области прядильно-ткацкой промышленности были знакомы съ часовой механикой, является крайне важнымъ для пониманія того, при какихъ условіяхъ возникли новыя изобрѣтенія. Сложность часового механизма и тонкость работы, необходимость имѣть дѣло съ цѣлой системой зубчатыхъ колесъ и пользоваться самыми разнообразными инструментами, — все это должно было подготовить будущихъ изобрѣтателей прядильной машины и механическаго ткацкаго станка. Дѣло въ томъ, что то же самое маховое колесо, которое первоначально примѣнялось въ искусствѣ изготовленія часовъ для регулированія ихъ хода, служило впослѣдствіи въ машинной техникѣ XVIII вѣка средствомъ для поддержанія хода машинъ. Но, находясь въ связи съ часовымъ искусствомъ, изобрѣтенія въ области пряденья и ткачества, тѣмъ самымъ стоятъ въ связи и съ открытіями въ области естественныхъ наукъ, ибо уже первые успѣхи въ техникѣ часовъ всецѣло покоятся на новыхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ физикѣ, на установленныхъ въ XVII вѣкѣ Галилеемъ и Гюйгенсомъ законахъ колебанія маятника. Съ половины XVII вѣка часы уже стали точными приборами, основанными на выводахъ науки. Такимъ образомъ ясно, что изобрѣтеніе машинъ обусловливалось не только нуждой въ нихъ, но и успѣхами въ области естественныхъ наукъ и техники, и при отсутствіи послѣднихъ появленіе машинъ во второй половинѣ XVIII вѣка было бы немыслимо даже при существованіи самой сильной потребности въ нихъ: машины появились именно во второй половинѣ XVIII вѣка по той причинѣ, что лишь къ этому времени термофизика и механика достигли необходимаго для сложныхъ техническихъ изобрѣтеній уровня развитія.

Промышленность и торговля Англіи въ теченіе всего XVIII вѣка быстро развивалась, и когда въ области естественныхъ наукъ были сдѣланы новые успѣхи, Англія въ состояніи была удовлетворить назрѣвшую потребность въ техническихъ улучшеніяхъ. Примѣнить теорію на практикѣ была въ состояніи только Англія, ибо она одна обладала тѣмъ умѣньемъ и опытомъ [1]), при которомъ только и возможно осуществленіе заду-

---

[1]) Въ теченіе многихъ вѣковъ англійская текстильная промышленность пользовалась успѣхами фламандской и голландской промышленности, стоявшей наиболѣе высоко въ области обработки волокнистыхъ веществъ. Англичане и фламандцы совмѣстно работали въ теченіе семи вѣковъ на пользу англійской промышленности, развивая и совершенствуя технику производства.

манной творческой мысли, возможно удачная конструкція сложнаго механизма.

Всѣ условія экономической жизни въ Англіи способствовали промышленному перевороту, все было какъ бы подготовлено для такого переворота, все ждало лишь только толчка, который бы вызвалъ полное преобразованіе въ промышленной жизни страны. Такимъ толчкомъ явились машины. Первоначально нѣсколько мюльныхъ машинъ или нѣсколько дженни, приводимыхъ въ движеніе руками человѣка, можно было установить въ любомъ мѣстѣ, въ томъ же жиломъ помѣщеніи, гдѣ прежде кустари работали ручнымъ способомъ, особыхъ зданій для этого еще не требовалось. Но позже, когда количество машинъ увеличивалось, производство расширялось, пріобрѣтались паровые двигатели, мастерская уже превращалась въ крупное фабричное предпріятіе. Необходимъ былъ уже значительный капиталъ и для пріобрѣтенія многочисленныхъ машинъ и двигателей и для постройки спеціальныхъ фабричныхъ зданій. Такой капиталъ уже существовалъ въ Англіи въ XVIII ст.

Торговый капиталъ.

На континентѣ Европы въ XVIII вѣкѣ обнаруживается постоянный недостатокъ въ капиталѣ. Капитала не имѣлось даже для созданія различныхъ отраслей кустарной промышленности, требующей по своему характеру лишь незначительнаго капитала, только оборотнаго капитала для пріобрѣтенія сырья и оплаты рабочихъ. Отсюда тѣ постоянныя затрудненія, съ которыми приходилось бороться и Фридриху Великому и Маріи-Терезіи при созданіи новыхъ отраслей промышленности; отсюда необходимость поддержки предпринимателей со стороны правительства, выдачи имъ пособій и премій; отсюда и непродолжительность существованія вновь возникавшихъ мануфактуръ.

Въ совершенно иномъ положеніи находилась Англія. Здѣсь никакихъ субсидій предпринимателямъ не выдавалось; предприниматели въ нихъ не нуждались. Въ каменноугольномъ и солеваренномъ производствѣ, въ рудникахъ для добыванія квасца и олова, въ стеклянныхъ заводахъ уже съ начала XVII ст. были помѣщены крупные капиталы и господствовало крупное произ-

---

Вліяніе нидерландской техники на англійскую обнаруживается и въ другихъ областяхъ: въ сферѣ земледѣлія, кораблестроенія, мореплаванія, банковаго дѣла, но сами Нидерланды «съ 1730 г. переживаютъ въ области промышленности періодъ застоя, за которымъ слѣдуютъ десятилѣтія полнаго упадка... и все это происходитъ наканунѣ промышленнаго переворота».

водство. Богатство страны капиталами выражалось далѣе въ чрезвычайномъ ростѣ англійскаго государственнаго долга: населеніе могло предоставить въ распоряженіе правительства свои обширные денежные запасы. Въ концѣ XVII вѣка національный долгъ Англіи составлялъ немногимъ болѣе 20 милл. фунтовъ стерлинговъ, въ половинѣ XVIII ст. безсрочные займы достигали 43 милл. ф. ст., а къ концу XVIII ст. (въ 1786 г.) равнялись огромной, неслыханной до того времени, цифры въ 240 милл. ф. ст., такъ что въ Амстердамѣ возникалъ вопросъ о томъ, долго ли Англія еще въ состояніи будетъ платить проценты по своимъ долгамъ. Кредиторы правительства предпочитали безсрочные займы всякимъ другимъ; погашеніе государственныхъ займовъ вызывало жалобы со стороны кредиторовъ, которые со слезами на глазахъ говорили, что они нигдѣ не въ состояніи столь вѣрно помѣщать свои деньги. Они готовы были довольствоваться чрезвычайно низкимъ процентомъ— къ концу XVIII ст. $^2/_5$ государственнаго займа заключалось въ 3-процентной рентѣ.

Состояніе государственнаго долга свидѣтельствовало о существованіи свободныхъ капиталовъ въ странѣ, капиталовъ, не находившихъ себѣ примѣненія въ другихъ областяхъ хозяйственной жизни. Внѣшняя торговля была монополизована немногими компаніями и для всѣхъ прочихъ торговля какъ съ Остъ-Индіей, такъ и съ Америкой и съ другими странами была совершенно закрыта. Въ области же промышленности господствовавшая кустарная форма производства не требовала, какъ мы видѣли выше, значительныхъ капиталовъ. Поэтому-то появившіяся въ 1713 и слѣдующихъ годахъ новыя акціонерныя предпріятія имѣли столь большой успѣхъ и вызвали головокружительную спекуляцію на лондонской биржѣ. Между тѣмъ все это были дутыя предпріятія, мыльные пузыри, какъ ихъ называли. Уже самая цѣль предпріятія, указанная въ объявленіи, приглашавшемъ публику подписываться на акціи, свидѣтельствовала о томъ, что учредители его имѣли въ виду обогатиться путемъ обмана легковѣрныхъ людей. Такъ основана была компанія для осуществленія perpetuum mobile, другая—для извлеченія серебра изъ свинца, третья—для привоза изъ Испаніи высокорослыхъ ословъ. Предлагалось даже подписываться на предпріятіе, имѣющее цѣлью растапливаніе древесныхъ опилокъ и выдѣлку изъ нихъ досокъ. И публика шла на приманку, усердно подписывалась на акціи и дѣлала взносы; первые покупщики легко находили другихъ покупщиковъ, пріобрѣтавшихъ у нихъ акціи по

еще болѣе высокой цѣнѣ. Дѣло доходило до того, что объявлялась подписка на капиталъ предпріятія, цѣль котораго даже не сообщалась; всякій, уплатившій двѣ гинеи, получитъ впослѣдствіи акцію въ 100 гиней и узнаетъ цѣль общества. Публика соглашалась и на это. Во имя Господа, дайте намъ возможность подписаться на что-либо, что бы это ни было», — таково было общее желаніе. Опьяненіе кончилось крахомъ и всеобщей паникой.

При такихъ условіяхъ появленіе машинъ должно было найти себѣ, очевидно, благодарную почву. Весь свободный капиталъ, искавшій приложенія въ головокружительной спекуляціи, нашелъ себѣ теперь примѣненіе во вновь возникавшей фабричной промышленности.

Рабочая сила.

И другой, необходимый для развитія фабричной промышленности элементъ — рабочая сила, былъ подготовленъ предыдущимъ развитіемъ. Въ XVIII вѣкѣ происходятъ въ широкихъ размѣрахъ огораживанія, т.-е. уничтожается черезполосица, общинныя пустоши, и т. наз. «открытыя» поля, т.-е. такія, на которыхъ послѣ снятія жатвы всякій имѣлъ право пасти свой скотъ. Для веденія болѣе раціональнаго хозяйства необходимо было устраненіе этихъ остатковъ аграрнаго коммунизма и установленіе индивидуальной собственности. Въ XVIII вѣкѣ было *издано* парламентомъ свыше 700 биллей, которыми, на основаніи поданной заинтересованными лицами петиціи, разрѣшалось огораживаніе. Огораживанія, однако, были чрезвычайно невыгодны для мелкихъ держателей. Они лишались возможности выпаса скота на общинной землѣ и на чужихъ поляхъ послѣ уборки хлѣба и получали взамѣнъ этого лишь небольшой клочокъ пастбища, почему вынуждены были сократить количество содержимаго скота. Кромѣ того, часть издержекъ по подачѣ петиціи въ парламентъ о разрѣшеніи огораживанія и расходы по возведенію изгородей на отведенномъ участкѣ тяжело ложились на мелкихъ владѣльцевъ — іоменовъ. Мало того, комиссары, производившіе перераспредѣленіе земель, дѣленіе пустошей и округленіе владѣній, назначались парламентомъ, состоявшимъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ; они принадлежали также либо къ числу послѣднихъ, либо къ угоднымъ лордамъ лицамъ. Правда, мелкіе землевладѣльцы могли не соглашаться на подачу петиціи въ парламентъ и даже протестовать противъ нея. Но они не рѣшались вступать въ борьбу съ сильными, иногда даже подъ вліяніемъ угрозъ подписывали петиціи; а во многихъ случаяхъ они, несмотря на свою многочисленность,

владѣли менѣе чѣмъ $^1/_5$ всѣхъ земель, такъ что ихъ согласія и не требовалось (достаточно было желанія, выраженнаго владѣльцами $^4/_5$ огораживаемой земли). Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ іомены набирались смѣлости подать протестъ противъ петиціи. Такой протестъ былъ связанъ съ значительными расходами, да и не приводилъ къ цѣли, ибо по полученіи петиціи отъ своихъ же родственниковъ и друзей — крупныхъ землевладѣльцевъ — парламентъ лишь для вида производилъ анкету, и затѣмъ заранѣе изготовленный билль вступалъ въ силу. Марксъ поэтому говоритъ о «парламентарной формѣ грабежа» въ XVIII вѣкѣ, о томъ, что «законъ теперь самъ явился средствомъ захвата народныхъ земель»; посредствомъ биллей объ огораживаніи «лендъ-лорды сами себѣ дарили народныя земли въ частную собственность».

Многіе іомены вышли изъ огораживанія задолженными и обѣднѣвшими; они получили худшіе участки и лишились возможности держать скотъ въ прежнемъ размѣрѣ; послѣднее въ корнѣ подрывало все хозяйство. Они вынуждены были идти навстрѣчу крупнымъ землевладѣльцамъ, стремившимся къ расширенію своихъ владѣній, и продавать имъ свои земли. Одни, выручившіе необходимый для веденія хозяйства капиталъ, превращались въ арендаторовъ или же покидали насиженныя мѣста и уходили въ города искать счастья во вновь возникавшей фабричной промышленности въ качествѣ предпринимателей. Другіе, продавъ свои земли за безцѣнокъ, отправлялись въ города въ качествѣ фабричныхъ рабочихъ. Въ такомъ положеніи находились помимо многихъ мелкихъ землевладѣльцевъ всѣ малоземельные или безземельные крестьяне—коттеры. Прежде они держали свой скотъ на общинномъ пастбищѣ на общинной землѣ строили и свои хижины; теперь, съ уничтоженіемъ общинныхъ земель, они лишились всего, ибо при дѣлежѣ они не пользовались правомъ на участокъ. Имъ не оставалось ничего иного, какъ продавать свой скотъ и идти на фабрику. Фабричная промышленность имѣла, слѣдовательно, готовый рабочій матеріалъ, рабочую силу, которой могла располагать.

Регламентація производства.

Необходимыя условія для развитія крупной фабричной промышленности — техника, трудъ, капиталъ были налицо. Имѣлся, наконецъ, и еще одинъ моментъ, безъ котораго ростъ фабричнаго производства былъ бы невозможенъ — свободная конкуренція. Въ XVI—XVII ст. въ Англіи существовала еще строгая регламентація производства. Какъ предпринимателями, такъ и рабочими могли быть только опредѣленныя лица, именно, только тѣ, кто

отбылъ обязательный семилѣтній срокъ ученичества. Запрещалось держать свыше опредѣленнаго числа станковъ и нанимать болѣе установленнаго числа рабочихъ, такъ что опредѣлялся максимумъ производства. Качество издѣлій, размѣръ ихъ и вѣсъ, а равно орудія и инструменты были установлены правительствомъ, изготовленные предметы подвергались осмотру властями и наложенію клейма. Наконецъ, мировыми судьями опредѣлялся размѣръ заработной платы, при чемъ мировые судьи состояли изъ предпринимателей, слѣдовательно, были заинтересованы въ низкой платѣ; установленный же ими размѣръ являлся максимальнымъ, ибо запрещалось давать болѣе высокую плату, но не болѣе низкую.

Такого рода регламентація промышленности, какъ и самый цеховой строй, продолжалъ существовать на континентѣ Европы еще въ началѣ XIX ст.; цехи еще продолжали настаивать на своихъ правахъ и хотя многія правила на практикѣ уже не выполнялись, но все же иниціативѣ и предпріимчивости отдѣльныхъ лицъ ставились существенныя препятствія. Совершенно иную картину наблюдаемъ въ Англіи. Всѣ эти цеховыя правила—и семилѣтнее обязательное ученичество, и установленіе мировыми судьями размѣра заработной платы, и запрещеніе нанимать не свыше опредѣленнаго числа рабочихъ, и обязательный осмотръ издѣлій,—съ начала XVIII в. почти совсѣмъ не примѣнялись, существовали лишь на бумагѣ. Что же касается той отрасли промышленности, гдѣ впервые появляется машина и фабрика, хлопчатобумажной индустріи, то въ ней болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, обнаруживались признаки новой эры, наступленіе періода свободной конкуренціи. Въ противоположность старой шерстяной промышленности, составлявшей съ XV вѣка одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ богатства Англіи,—новая, развившаяся лишь въ XVIII вѣкѣ, хлопчатобумажная индустрія не пользовалась покровительствомъ государства, ибо бумажныя ткани конкурировали съ шерстяными. Институты, постепенно уходившіе въ вѣчность въ другихъ отрасляхъ производства, отсутствовали въ хлопчатобумажной промышленности съ самаго ея возникновенія. Здѣсь предприниматель былъ всецѣло предоставленъ самому себѣ; онъ не могъ опираться ни на исключительныя привилегіи производства въ борьбѣ съ другими производителями, ни на установленную максимальную плату въ борьбѣ съ рабочими. Поэтому въ этой отрасли производства уже во второй половинѣ XVIII вѣка онъ вынужденъ былъ заботиться о расши-

реніи сбыта своихъ издѣлій и о сокращеніи издержекъ производства путемъ усовершенствованія техники, примѣненія машинъ. Въ то же время инціатива его не встрѣчала на своемъ пути никакихъ преградъ: цехъ не могъ помѣшать ему ни нанимать любое количество рабочихъ, ни производить товары новымъ способомъ, при помощи машинъ.

Монополіи.

На континентѣ Европы въ XVIII вѣкѣ не только сохранилась цеховая регламентація промышленности, но и въ тѣхъ новыхъ отрасляхъ производства, на которыя она не распространялась, существовало другое препятствіе, сильно стѣснявшее развитіе крупной промышленности, въ видѣ монополій и исключительныхъ привилегій, выдаваемыхъ отдѣльнымъ лицамъ. Въ цеховой промышленности существовала монополія производства, принадлежавшая членамъ цеха, здѣсь, въ нецеховой промышленности — монополія отдѣльныхъ лицъ или компаній, которымъ принадлежало исключительное право производства и сбыта товаровъ данной спеціальности. И въ XVIII ст., и въ началѣ XIX вѣка находимъ въ Германіи, Франціи ассоціаціи скупщиковъ, изъ коихъ каждой принадлежитъ опредѣленный районъ: кустари не могутъ сбывать своихъ издѣлій кому бы то ни было, кромѣ членовъ данной корпораціи, которая вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно затрудняетъ доступъ въ свою среду. Или же государство предоставляетъ образованіе мануфактуръ и сбытъ товаровъ даннаго рода на протяженіи всей страны или опредѣленной части ея лишь опредѣленному лицу, выговорившему себѣ такую исключительную привилегію. Нетрудно замѣтить, что при такихъ условіяхъ развитіе фабричной промышленности не могло быть успѣшнымъ.

Въ Англіи въ XVIII вѣкѣ всѣхъ этихъ препятствій уже не было. Въ XVII вѣкѣ и тамъ въ области нецеховой промышленности мы находимъ монополіи въ изобиліи. Елисавета раздавала ихъ своимъ любимцамъ въ большомъ количествѣ, называя это право предоставленія монополій лучшей жемчужиной въ своей коронѣ. Когда въ парламентѣ прочитанъ былъ длинный списокъ предметовъ, производство и сбытъ которыхъ является привилегіей отдѣльныхъ лицъ или корпорацій, среди нихъ оказались самые разнообразные товары, оказалось почти все, что только можно было придумать. Одинъ изъ членовъ парламента спросилъ, не упомянутъ ли и хлѣбъ въ этомъ спискѣ. И когда всѣ съ удивленіемъ воскликнули: неужели и хлѣбъ, онъ продолжалъ: «я васъ увѣряю, если дѣло такъ пойдетъ дальше, то еще до слѣ-

дующей сессіи парламента и продажа хлѣба окажется монополіей кого-либо». И впослѣдствіи при Яковѣ I исключительныя привилегіи производства и сбыта раздавались отдѣльнымъ любимцамъ короля; различныя отрасли горной и горнозаводской промышленности, производство стекла, мыла, булавокъ, различныхъ тканей и т. д. составляло монополію.

Однако, долго такое состояніе продолжаться не могло. Вражда къ «монополистамъ» среди населенія была чрезвычайно велика; монополиста сравнивали съ библейскимъ мытаремъ, называли кровопійцей и чудовищемъ. Въ 1640 году сэръ Джонъ Кольпеперъ говорилъ о нихъ въ парламентѣ, что они, подобно лягушкамъ въ Египтѣ, поселились въ домахъ, съ головы до ногъ покрыли человѣка своими знаками. Парламентъ принялъ рѣшеніе, согласно которому ни одинъ монополистъ не можетъ быть членомъ парламента. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ году четыре владѣльца исключительныхъ привилегій были удалены изъ его состава. Съ этого времени начинается постепенное уничтоженіе монополій. Съ конца XVII ст. король окончательно лишается права раздачи ихъ безъ согласія парламента, парламентъ же отказываетъ въ разрѣшеніи монополій производства и торговли внутри страны. Онъ допускаетъ только монополію въ области внѣшней торговли. Поэтому англійская остъ-индійская компанія могла сохранить свое исключительное право торговли съ Индіей до начала XIX вѣка, но промышленныхъ монополій въ Англіи въ XVIII ст. уже не могло быть; въ началѣ XVIII ст. исчезли послѣднія монополіи, именно, исключительное право добычи и продажа каменнаго угля и олова въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Англіи. Когда Адамъ Смитъ писалъ свое знаменитое сочиненіе о «Богатствѣ народовъ» въ 60—70-хъ годахъ XVIII ст., они уже настолько были всѣми забыты, что примѣръ такого рода монополій ему уже пришлось брать изъ другихъ странъ, съ континента.

Свободная конкуренція. Уничтоженіе монополій чрезвычайно оживило англійскую промышленность, внесло въ нее духъ иниціативы, вызвало расширеніе производства, привлекло новые капиталы. Свободная конкуренція была давно господствующимъ явленіемъ въ области промышленности, когда на сцену выступило крупное производство, фабрики и машины.

Появленіе первыхъ машинъ вызвало вражду къ нимъ какъ со стороны скупщиковъ-предпринимателей, такъ и со стороны

мастеровъ - кустарей и самостоятельныхъ ремесленниковъ. Не желали никакихъ новшествъ въ разъ установившихся, примѣняемыхъ въ теченіе столѣтій, способахъ производства, и опасались ихъ. Изобрѣтатели подвергались гоненіямъ; конкуренты-промышленники, услышавъ о новомъ изобрѣтеніи, являлись въ домъ изобрѣтателя, уничтожали модели или машины, на которыхъ онъ работалъ. Изобрѣтатель вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Это испытали и Харгривсъ, и Аркрайтъ — изобрѣтатели прядильной машины.

Но вскорѣ отношеніе предпринимателей къ изобрѣтеніямъ измѣнилось. Они поняли, что путемъ новыхъ машинъ можно нажить состояніе, что не бороться съ ними надо, а, наоборотъ, узнать (какъ можно скорѣе) секретъ новаго изобрѣтенія, скопировать его и примѣнять въ производствѣ. Теперь всякій старался воспользоваться новыми изобрѣтеніями, ничего не уплачивая авторамъ послѣднихъ, безцеремонно нарушая ихъ права. Таково было поведеніе владѣльцевъ прядиленъ въ отношеніи Корта; Уаттъ и Больтонъ вынуждены были возбуждать рядъ процессовъ противъ тѣхъ, кто незаконно пользовался паровой машиной. Другіе изобрѣтатели никакого патента на машину не брали и охотно предоставляли пользованіе ею всѣмъ и каждому. Но и тѣ, кто добивался патента, какъ, напр., Аркрайтъ, пользовались имъ недолго; владѣльцы добились того, что Аркрайтъ лишился патента въ 1785 г. Послѣ этого началось распространеніе фабричной промышленности въ области хлопчатобумажнаго производства, совершившееся съ чрезвычайной, прямо, лихорадочной быстротой. «Всякій, кто имѣлъ капиталъ, хотя бы весьма небольшой, бросался на это дѣло — лавочники, трактирщики, перевозчики товаровъ, всѣ они становились фабрикантами. Многіе изъ нихъ терпѣли неудачу и вынуждены были вернуться къ своимъ прежнимъ занятіямъ или увеличить собою армію фабричныхъ рабочихъ. Но другіе достигали своей цѣли и наживали состоянія, хотя и не имѣли понятія о той отрасли производства, посредствомъ которой обогащались. Много фабрикантовъ вышло изъ тѣхъ іоменовъ, которые вынуждены были покинуть свои земли вслѣдствіе огораживаній; они обнаружили большую предпріимчивость въ области промышленности и нерѣдко, наживъ даже богатства, покупали обратно земли отцовъ и дѣдовъ. Другіе изъ скупщиковъ - предпринимателей превратились въ фабрикантовъ, переставъ раздавать матеріалъ на домъ и помѣщая станки въ собственныхъ наскоро выстроенныхъ

2*

зданіяхъ. Были и кустари, мелкіе мастера, открывшіе фабрику на деньги, скопленныя въ предшествующіе годы изъ небольшой заработной платы. И въ области бумагопрядильной промышленности, и въ производствѣ гончарныхъ и металлическихъ издѣлій находимъ цѣлый рядъ случаевъ, когда рабочіе достигли положенія предпринимателя.

Первоначально фабриканты жили еще весьма скромно; они не подражали лендлордамъ въ расточительности. Пріобрѣтаемые доходы снова помѣщались въ предпріятіи, затрачивались па расширеніе его. Только когда благосостоянію семьи уже было положено основаніе и дѣлать сбереженія уже не было надобности, когда фабриканты уже свыклись съ своимъ новымъ положеніемъ, — тогда въ лицѣ ихъ дѣтей и внуковъ уже появилось новое поколѣніе съ новыми потребностями и привычками, съ новыми расходами.

Организація фабричнаго предпріятія.

Самой трудной задачей фабриканта была организація предпріятія. Это была новая задача — скупщики-предприниматели, раздававшіе работу на домъ, еще не знали ея. И это была нелегкая задача. Кустари не соглашались покидать свои жилища и идти на фабрику. Съ презрѣніемъ они относились къ тому, кто посылалъ туда своихъ дѣтей; работа на фабрикѣ считалась низменной, недостойной мастера. Рабочій персоналъ приходилось набирать изъ иныхъ элементовъ: крестьяне, ушедшіе изъ селъ, вслѣдствіе огораживаній, уволенные солдаты, нищіе, призрѣваемые приходами, подонки всѣхъ классовъ и слоевъ населенія, — вотъ кто шелъ на фабрику въ первый періодъ фабричнаго производства. Все это были люди совершенно недисциплинированные и неподготовленные къ фабричной работѣ. Необходимо было прежде всего пріучить ихъ къ правильной работѣ, завести дисциплину, приноровить къ машинному способу производства. А это было нелегко. Рабочіе не только портили много матеріала, не умѣли обращаться съ машинами, но и вообще противились всякой организаціи производства, требовавшей отъ нихъ подчиненія и напряженнаго труда; дисциплина на фабрикѣ была для нихъ тяжела и невыносима. Обвиняя машины въ сокращеніи заработка, рабочій относился къ нимъ крайне враждебно, портилъ и ломалъ ихъ. Всякое волненіе рабочихъ сопровождалось разгромомъ фабрикъ и уничтоженіемъ машинъ. Разрушеніе машинъ составляло въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій явленіе обычное. Уже первыя дѣйствія этого рода вызвали законъ 1769 года, угрожавшій смерт-

ной казнью за разрушеніе зданія, въ которомъ имѣются машины, однимъ лицомъ или толпой незаконной и мятежной. Когда начинались волненія, сопровождавшіяся уничтоженіемъ машинъ рабочими, правительство посылало войска и дѣло оканчивалось кровопролитіемъ и ссылкой въ колоніи; но большинство участниковъ, благодаря содѣйствію населенія, ускользало отъ преслѣдованія: населеніе стояло въ этой борьбѣ на ихъ сторонѣ.

Однако, эти волненія, нанося убытки отдѣльнымъ предпринимателямъ, все же не могли задержать побѣдоносное шествіе фабричной промышленности. Фабрики росли и расширялись, промышленное населеніе страны увеличивалось на счетъ сельскохозяйственнаго. Появляются крупные города, промышленные центры, — до 1750 г. въ Англіи подъ большимъ городомъ понимали всякій городъ съ населеніемъ свыше 5 тысячъ жителей. Крупнымъ промышленнымъ центромъ сталъ прежде всего Манчестеръ, въ которомъ и вокругъ котораго въ Ланкаширѣ сосредоточивалась хлопчатобумажная промышленность. Въ 1727 году Дефоэ еще называлъ Манчестеръ однимъ изъ наиболѣе крупныхъ, пожалуй, крупнѣйшимъ селомъ Англіи; полвѣка спустя въ Манчестерѣ уже насчитывалось 3,400 домовъ и 22 тысячи жителей — сооруженіе каналовъ облегчило Манчестеру снабженіе углемъ и торговыя сношенія съ Ливерпулемъ. Но быстрый ростъ его начался позже: въ 1790 году только населеніе достигло 50 тысячъ, а десять лѣтъ спустя — 95 тысячъ; въ 1841 году оно равнялось 350 тыс. Въ 1786 г., по словамъ современника, надъ домами возвышалась лишь одна труба — изъ фабрики Аркрайта; черезъ 15 лѣтъ въ Манчестерѣ насчитывалось свыше 50 бумагопрядильныхъ фабрикъ, большинство которыхъ пользовалось силой пара.

И другіе центры хлопчатобумажной промышленности — Рочдель, Ольдгемъ быстро возрастали, хотя и далеко не въ той степени, какъ Манчестеръ. Напротивъ, развитіе Лидса, гдѣ сосредоточивалась шерстяная промышленность, шло гораздо медленнѣе; лишь съ начала XIX ст., когда и въ области шерстяной индустріи машина начала побѣждать ручного прядильщика, развитіе пошло скорѣе.

Результаты новой техники производства сказались весьма быстро. Въ 1788 году расходы предпринимателя на сырье и трудъ при производствѣ хлопчатобумажной пряжи равнялись 12 шилл., въ 1800 году, они, подъ вліяніемъ примѣненія прядиль-

ной машины, сократились на 3 шилл., т.-е. составляли всего четвертую часть тѣхъ издержекъ, которыя необходимы были прежде для производства пряжи; наконецъ, въ 1830 г. расходы немногимъ превышали 1 шилл. Такое уменьшеніе издержекъ обозначало огромную экономію въ производствѣ. Оно сопровождалось сильнымъ удешевленіемъ бумажной пряжи: съ 35 шилл. цѣна фунта пряжи упала до 9 шилл. въ 1800 г. и до 3 шилл. въ 1830, т.-е. населеніе уплачивало въ 1800 г. за фунтъ пряжи всего четвертую часть прежней цѣны, а въ 1830 г. всего одну двѣнадцатую часть того, что стоила пряжа до введенія машинъ. Благодаря этому, потребленіе бумажныхъ тканей чрезвычайно возрасло; люди, которые прежде вслѣдствіе дороговизны бумажныхъ матерій, не могли ихъ пріобрѣтать, получили теперь возможность потреблять ихъ, одѣваться въ дешевыя бумажныя издѣлія. Выиграли отъ этого паденія цѣнъ не только англичане, но и населеніе другихъ странъ, ибо какъ только прекратилась континентальная система, установленная Наполеономъ и открылись порты, англійская бумажная пряжа и выдѣланныя изъ нея ткани стали наводнять другія европейскія государства — Германію, Швейцарію, Италію. Дешевые англійскіе товары, изготовленные машиннымъ способомъ, вездѣ находили себѣ широкій рынокъ сбыта. Англійская торговля, вслѣдствіе этого, расла — съ 1787 г. до 1815 г. обороты ея увеличились вчетверо, а въ 1815 — 1840 гг. снова болѣе чѣмъ удвоились; крупная промышленность процвѣтала. Но страдало отъ всего этого мелкое машинное производство. Въ Англіи ручной трудъ въ прядильномъ производствѣ уже былъ невозможенъ. На континентѣ Европы населеніе въ качествѣ потребителей предпочитало англійскіе дешевые товары дорогимъ предметамъ собственнаго ручного издѣлія. Мѣстная промышленность не могла конкурировать съ англійской; кустарное производство въ Германіи, Франціи, Швейцаріи не могло существовать на ряду съ англійскими фабриками. И здѣсь необходимо было постепенно переходить къ машинному способу производства, идти по стопамъ Англіи, заимствовать ея изобрѣтенія.

Промышленный переворотъ и рабочій классъ.

Но и въ самой фабричной промышленности Англіи далеко не все обстояло благополучно. Фабричное населеніе было населеніемъ нездоровымъ, невѣжественнымъ, жило въ печальныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Если мы въ настоящее время обратимъ наши взоры назадъ, спросимъ себя, въ какомъ положеніи находились англійскіе фабричные рабочіе того времени, то получен-

ный отвѣтъ насъ прямо ужаснетъ. Мы узнаемъ, что рабочій день былъ продолжителенъ, составлялъ нерѣдко 12—13 час. въ день, что заработная плата стояла низко, плохо прокармливая рабочаго, вызывая необходимость жить въ грязныхъ жилищахъ, скученно и бѣдно, что широко примѣнялся трудъ не только взрослыхъ женщинъ, но и малолѣтнихъ дѣтей въ возрастѣ 7—10 лѣтъ, которыхъ заставляли работать по 10—12 часовъ въ день.

На основаніи такого рода фактовъ, мы склонны будемъ утверждать, какъ это нерѣдко дѣлаютъ, что промышленный переворотъ оказался чрезвычайно пагубнымъ для фабричнаго населенія, что фабрика и машина вызвала всѣ эти бѣдствія. Однако, такой выводъ былъ бы слишкомъ поспѣшнымъ. Факты даютъ намъ право лишь утверждать, что условія жизни рабочаго класса въ первый періодъ фабричнаго производства были весьма печальныя. Но не болѣе. Для дальнѣйшаго вывода, для того, чтобы установить, что промышленный переворотъ являлся причиной этого явленія, нужно нѣчто большее, необходимо еще разсмотрѣть и факты иного рода, необходимо выяснить, каковы были условія жизни рабочихъ въ предшествующій періодъ. Только тогда можно будетъ произвести сравненіе между обоими періодами — до и послѣ распространенія фабрикъ, и опредѣлить, вызвало ли появленіе послѣднихъ, замѣна ручного производства фабричнымъ, улучшеніе или ухудшеніе въ положеніи рабочихъ. Быть-можетъ, послѣднее было и раньше весьма неблагопріятно и перемѣны въ организаціи и техникѣ производства не создали ничего новаго въ этомъ отношеніи. Приступимъ къ такому сопоставленію двухъ упомянутыхъ періодовъ.

Что касается прежде всего наиболѣе важнаго момента, именно, размѣровъ заработка рабочихъ, то въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, произошло сильное ухудшеніе. Правда, денежная или номинальная заработная плата рабочихъ въ общемъ не только не понизилась, а, напротивъ, даже увеличилась, т.-е. возрасло то количество денегъ, которое получалъ теперь англійскій рабочій отъ предпринимателя. Но еще скорѣе и въ еще большемъ размѣрѣ повышались цѣны на съѣстные припасы, такъ что даже увеличенная денежная плата означала для рабочаго меньшую реальную плату, чѣмъ прежде; получая болѣе значительную сумму денегъ, чѣмъ раньше, онъ оказывался, однако, въ худшемъ положеніи, такъ какъ могъ пріобрѣсти на нее лишь меньшее количество нужныхъ ему товаровъ. По Роджерсу, заработная плата англій-

скихъ рабочихъ въ теченіе всей второй половины XVIII вѣка равнялась 1½—2 шилл. въ день, въ прядильномъ и ткацкомъ промыслахъ она составляла въ среднемъ 9 шилл. въ недѣлю; въ первой половинѣ XVIII ст. она была нѣсколько ниже. Въ концѣ XVIII вѣка плата, однако, нѣсколько повысилась и это возрастаніе продолжалось и въ началѣ XIX вѣка, такъ что плата промышленныхъ рабочихъ увеличилась на 75 проц. Средній годовой заработокъ прядильщика на фабрикахъ составлялъ въ въ 1819—1821 гг. 20 фунтамъ 18 шилл. Наконецъ и на товъ 12 шилл. Между тѣмъ въ теченіе всего XVIII ст. промышленный рабочій, по вычисленіямъ того же Роджерса, зарабатывалъ въ лучшемъ случаѣ, т.-е. когда онъ работалъ полныхъ 52 недѣли въ году, всего 15 фунт. 13 шилл. По сравненію съ этой послѣдней цифрой и заработная плата въ бумаготкацкой промышленности въ эпоху введенія машинъ была выше, именно, годовой расходъ рабочаго равнялся, по Эллисону, въ 1819 — 1821 гг. 20 фунтамъ 18 шилл. Наконецъ и на шерстопрядильныхъ фабрикахъ заработная плата, по Бенсу, значительно возрасла между 1795 г. и 1805 г., именно, съ 16 шилл. 9 пенс. въ день до 24 шилл. 8 пенс. и снова повысилась между 1805—1815 гг. на 31 шилл. 8 пенс.; затѣмъ она упала на 20 шилл. 1 пенс. въ 1825 г. и, наконецъ, въ 1835 г. плата снова вернулась къ тому уровню, который занимала въ 1805 г., равняясь 25 шилл.

Заработная плата и хлѣбныя цѣны.

Такимъ образомъ, денежная плата въ эпоху введенія машинъ не только не сократилась, а, наоборотъ, увеличилась. Но, какъ мы уже упоминали, положеніе рабочаго зависитъ не отъ денежной, а отъ реальной платы, ибо отъ размѣровъ реальной платы зависитъ, насколько онъ въ состояніи удовлетворять свои потребности въ пищѣ, жилищѣ, одеждѣ и т. д. Реальная же плата опредѣляется двумя моментами: во-1-хъ, величиной денежной платы, уплачиваемой предпринимателемъ, и, во-2-хъ, цѣнами употребляемыхъ рабочими продуктовъ, т.-е. прежде всего хлѣба. Между тѣмъ съ цѣнами на хлѣбъ произошла слѣдующая рѣзкая перемѣна «Когда въ 1744—1745 гг. (денежная) заработная плата англійскихъ рабочихъ стала повышаться, квартеръ[1]) пшеницы стоилъ 21—22 шилл., напротивъ, послѣ 1780 г. цѣна пшеницы

[1]) Квартеръ — мѣра сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ = 1,38 четвертей = 291 литру = 23,68 ведра. *Прим. ред.*

въ рѣдкіе годы стоила менѣе 50 шилл., а къ концу столѣтія она поднялась даже вдвое. Выяснилось, что сельское хозяйство Англіи не въ состояніи удовлетворить всей существующей потребности въ хлѣбѣ, и Англія нуждается въ иностранномъ хлѣбѣ. Тѣмъ не менѣе парламентъ, въ интересахъ лордовъ-землевладѣльцевъ, всячески стѣснялъ привозъ хлѣба изъ-за границы. Въ 1791 г. былъ изданъ законъ, согласно которому свободный ввозъ хлѣба въ Англію допускался лишь въ томъ случаѣ, когда цѣна успѣла достигнуть 55 шилл. за квартеръ пшеницы; въ 1804 г. предѣльная цѣна была повышена до 64 шилл. и, наконецъ, закономъ 1815 г. ввозъ запрещался при цѣнѣ ниже 82 шилл. Но въ томъ же направленіи вліяли и другія обстоятельства: война съ Франціей, континентальная система Наполеона не менѣе затрудняли доставку хлѣба съ континента Европы, чѣмъ приведенныя мѣры покровительства землевладѣльцамъ.

Результатъ долженъ былъ получиться весьма печальный. Артуръ Юнгъ въ своемъ сочиненіи о цѣнахъ, вышедшемъ въ 1815 г., приходитъ къ тому выводу, что со времени шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка до 1812 года цѣны на хлѣбъ въ Англіи повысились на 100 проц., и что въ томъ же размѣрѣ 100 проц. увеличилась и денежная заработная плата. Однако,—прибавляетъ онъ, — одновременно съ повышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ и заработной платы на 100 проц. цѣна на съѣстные припасы вообще возрасла на 134 проц., ибо цѣна на мясо увеличилась на 146 проц., на масло—на 140 проц., на сыръ—на 153 проц. Такимъ образомъ, реальная плата стояла на одну треть ниже, чѣмъ прежде, рабочій вынужденъ былъ теперь довольствоваться меньшимъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, чѣмъ за полстолѣтія ранѣе. Но существенно еще и другое обстоятельство. Даже при сопоставленіи однѣхъ только цѣнъ на хлѣбъ съ заработной платой — и тѣ, и другая возрасли, какъ мы видѣли, въ равномъ размѣрѣ — измѣненія въ нихъ совпадаютъ лишь въ томъ случаѣ, если имѣть въ виду крупные періоды. Напротивъ, по отдѣльнымъ годамъ такого параллельнаго движенія не существовало. Въ то время, какъ заработная плата въ теченіе десятилѣтія почти не измѣнялась, цѣна на хлѣбъ въ отдѣльные годы возрастала чуть ли не вдвое, и наступалъ голодъ; спустя же нѣсколько лѣтъ, цѣна снова *понижалась* до прежняго уровня. Такъ, за десятилѣтіе 1805 — 1814 гг. цѣна на хлѣбъ составляла въ среднемъ 90 шилл. за квартеръ, а въ 1815 — 1824 гг. равнялась 64 шилл. Этому

соотвѣтствовала и денежная плата. Однако, въ отдѣльные годы, какъ, напр., въ 1800 — 1801 гг., въ 1809 — 1813 гг., въ 1816 — 1817 гг., цѣна хлѣба превышала 100 шилл., доходя до 135 шилл., заработная же плата сохраняла свой прежній размѣръ. Въ эти годы рабочіе классы прямо голодали; приходы вынуждены были прійти имъ на помощь, затрачивая милліоны на поддержаніе бѣдствующаго населенія.

Такимъ образомъ, денежная плата повысилась недостаточно; она не соотвѣтствовала возрастанію цѣнъ на хлѣбъ за отдѣльные годы, не соотвѣтствовала увеличенію цѣнъ на другіе припасы. Но едва ли причину этого можно приписывать переходу отъ кустарной промышленности къ фабрикѣ, отъ ручного труда къ машинному. Иногда указываютъ на то, что промышленная революція выражалась прежде всего въ лишеніи заработка сотенъ тысячъ кустарей, производившихъ ручнымъ способомъ, а это должно было вызвать сильнѣйшее пониженіе заработной платы. Однако, необходимо имѣть въ виду слѣдующее. Какъ мы видѣли выше, послѣ появленія прядильной машины, бумагопряденье стало вскорѣ фабричнымъ производствомъ, и уже въ началѣ XIX вѣка ручное пряденье хлопка на дому отошло въ Англіи въ область преданія. Но вѣдь это касалось лишь одной сравнительно небольшой отрасли труда. Въ другихъ областяхъ промышленности до 1820 года примѣненіе машинъ составляло лишь единичное явленіе, ни о какомъ вытѣсненіи ручного труда, ни о какомъ лишеніи заработка ручныхъ рабочихъ на дому не могло быть и рѣчи. Между тѣмъ бѣдственное положеніе рабочихъ относится именно къ этой эпохѣ, къ концу XVIII ст., и первымъ двумъ десятилѣтіямъ XIX вѣка. Такъ, въ области шерстопрядильнаго производства первыя машины появляются лишь около 1815 г., но распространяются въ значительномъ количествѣ лишь значительно позже, въ другихъ отрасляхъ текстильной промышленности борьба между ручнымъ трудомъ и машиной начинается значительно позже. Но всего важнѣе то обстоятельство, что механическій ткацкій станъ сталъ входить въ употребленіе лишь въ 20-хъ годахъ XIX вѣка. Въ 1813 году въ Англіи насчитывалось всего 2,400 механическихъ ткацкихъ станковъ, а ручныхъ станковъ было около 200,000; переходъ ручныхъ ткачей на фабрики совершался лишь въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Такимъ образомъ, въ области ткачества до 20-хъ годовъ XIX вѣка вліяніе машины еще совершенно не чувствовалось, ручной трудъ еще процвѣталъ. Мало

того, какъ мы видѣли выше, примѣненіе прядильной машины содѣйствовало расцвѣту ручного ткачества; нехватало ткачей для обработки всего того огромнаго количества пряжи, которое доставляли новыя прядильныя машины.

Такимъ образомъ, въ концѣ XVIII ст. и первой четверти XIX вѣка спросъ на рабочія руки не уменьшился; и если всетаки рабочіе не могли добиться увеличенія заработной платы, соотвѣтственно росту цѣнъ на съѣстные припасы, то, очевидно, надо приписать совершенно инымъ причинамъ. Машинное производство овладѣло только однимъ бумагопряденьемъ, ручное пряденье прекратилось, но сильно расширилось ручное ткачество; прежніе ручные прядильщики, поскольку они не перешли на фабрику, находили себѣ заработокъ въ ткацкомъ промыслѣ. Но другой моментъ оказывается весьма пагубнымъ для рабочихъ: чрезвычайно быстрый ростъ населенія. До 1751 г. высшій приростъ населенія въ Англіи за десятилѣтіе,—говоритъ Тойнки,—равнялся 3 проц. Для каждаго изъ послѣдующихъ трехъ десятилѣтій приростъ равнялся 6%; затѣмъ между 1781 и 1791 г. онъ составлялъ 9%; между 1791 и 1801 г. — 11%, между 1801 и 1811 г. — 14% и 1811 и 1821 г. — 18%. Это — высшая цифра прироста когда-либо достигнутая Англіей, потому что, начиная съ 1815 года, она постоянно умѣрялась обширной эмиграціей. Напротивъ, во Франціи съ 1789 года по 1801 годъ населеніе почти не возрасло, а затѣмъ во второмъ десятилѣтіи XIX вѣка увеличеніе составляло 3%, въ третьемъ 7%, въ четвертомъ 5%, т. е. происходило приблизительно въ тѣхъ размѣрахъ, какъ въ Англіи до 80-хъ годовъ XVIII вѣка. Это различіе въ быстротѣ роста населенія объясняетъ намъ, почему въ Англіи происходили тѣ бѣдствія, которыхъ во Франціи мы не наблюдаемъ, почему въ Англіи оказывался избытокъ рабочихъ рукъ, который не находилъ себѣ примѣненія и который мѣшалъ и другимъ рабочимъ добиться платы, соотвѣтствовавшей примѣненіямъ въ цѣнахъ на съѣстные припасы.

Быстрый ростъ населенія.

Иная картина получается при сравненіи другихъ сторонъ труда — продолжительности рабочаго времени, примѣненія труда женщинъ и дѣтей и т. д. Въ средневѣковыхъ англійскихъ статутахъ опредѣляется, что работа какъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, такъ и ремесленниковъ должна начинаться съ восходомъ солнца и продолжаться до наступленія ночи. Въ законѣ Елисаветы 1562 года рабочій день установленъ въ 14—15 часовъ,

Продолжительность рабочаго времени.

при чемъ этотъ законъ опредѣляетъ минимальную продолжительность рабочаго времени и указываетъ максимумъ продолжительности перерывовъ во время работы, но не минимумъ ихъ. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ взглядамъ эпохи, когда и правительство, и представители экономической науки стремились всячески, въ интересахъ развитія англійской промышленности, къ удлиненію рабочаго времени, и находили, что всякое сокращеніе рабочаго дня составляетъ гибель для Англіи. Установленный Елисаветой рабочій день являлся, повидимому, обычнымъ еще и въ половинѣ XVIII вѣка. Въ одной англійской брошюрѣ, вышедшей въ 1747 году, сообщаются данныя о продолжительности рабочаго дня въ 118 предпріятіяхъ Лондона. Изъ этихъ 118 предпріятій въ 13 работа продолжалась съ 6 час. утра до 6 час. вечера, въ 3—съ 6 час. утра до 7 час. вечера, въ 61—съ 6 час. утра до 8 час. вечера, въ 39—съ 6 час. утра до 9 час. вечера и въ 2—съ 5 час. утра до 9 час. вечера. Такимъ образомъ въ 100 предпріятіяхъ изъ 118 работали съ 6 час. утра до 8—9 вечера или 14—15 часовъ въ сутки; это составитъ не менѣе 75—80 час. въ недѣлю.

Такова была продолжительность труда до начала «промышленнаго переворота». Что же произошло съ появленіемъ и распространеніемъ фабрикъ и машинъ. Уже въ эпоху появленія первыхъ прядильныхъ машинъ, т.-е. въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XVIII вѣка рабочій день нѣсколько сократился: какъ указываетъ Сидней Веббъ, «въ 1797 г. англійскій рабочій трудился обыкновенно 72 часа въ недѣлю, и это составляло уже шагъ впередъ по сравненію съ 1747 г., когда большинство работало 75—80 часовъ въ недѣлю». Въ послѣдующую эпоху рабочій день временно возвращается къ тому размѣру, который являлся обычнымъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Именно, въ 1804 г. на бумагопрядильныхъ фабрикахъ рабочее время составляло 74—80 час. въ недѣлю, т.-е. столько же, сколько мы находимъ въ предпріятіяхъ съ ручнымъ трудомъ, до появленія машинъ, въ 1747 году. Но затѣмъ въ 1814 году продолжительность труда сократилась на бумагопрядильняхъ до 74 часовъ въ недѣлю, а въ 20-хъ и 30-хъ годахъ и до 69—70 часовъ, т.-е. рабочій день съ 14—15 час. уменьшился до 12 часовъ. Точно также и на бумаготкацкихъ фабрикахъ господствуетъ рабочій день въ 14—15 час. только въ 1814 году, когда механическій станокъ примѣнялся еще весьма мало. Напротивъ, въ 1830 г., когда ручной трудъ и въ бумаготкацкомъ производствѣ былъ уже въ значительной степени

замѣненъ машиннымъ, работа продолжалась не болѣе 72 час. въ недѣлю, т.-е. 13 час. въ день. Сравнительно съ 8 и 9-часовымъ рабочимъ днемъ, господствующимъ въ Англіи въ настоящее время, 13 часовъ составляютъ, конечно, крайне длинный рабочій день, и уже въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XIX вѣка, а тѣмъ болѣе въ настоящее время, писатели не хотѣли вѣрить, чтобы до введенія машинъ продолжительность рабочаго времени могла бытъ еще больше, напротивъ, они полагали, что введеніе машинъ вызвало такое увеличеніе продолжительности работы. Однако, въ дѣйствительности, при изученіи рабочаго дня въ предшествующую промышленному перевороту эпоху, приходится признать, что распространеніе машинъ вызвало не ухудшеніе, а, напротивъ, даже извѣстный прогрессъ въ этомъ направленіи.

Женскій и дѣтскій трудъ.

То же самое мы должны сказать и въ отношеніи степени распространенія въ промышленности труда женщинъ и дѣтей. Какъ на континентѣ Европы, такъ и въ Англіи въ XVII и XVIII ст., всѣ стремленія были направлены къ возможно широкому примѣненію труда малолѣтнихъ въ области промышленности. Наивной радостью преисполнялись люди XVIII в., когда имъ удавалось найти полезную работу для дѣтей, разсчитывая на то, что съ примѣненіемъ дѣтскаго труда улучшится матеріальное положеніе населенія. Скупщики, раздававшіе работу кустарямъ и добивавшіеся протекціонныхъ пошлинъ на сбываемые ими товары, ссылались на то, что данная отрасль промышленности доставляетъ заработокъ женщинамъ и дѣтямъ. Дѣйствительно, въ первой половинѣ XVIII вѣка, когда о машинахъ еще и помину не было, работали дѣти съ 5—7-лѣтняго возраста въ слѣдующихъ отрасляхъ промышленности: въ шелковой промышленности, въ производствѣ парусовъ, въ хлопчатобумажной, въ бирмингемскомъ промыслѣ металлическихъ издѣлій. Извѣстный изобрѣтатель прядильной машины Джорджъ Кромптонъ слѣдующимъ образомъ описываетъ свое дѣтство. «Едва я сталъ ходить, какъ меня заставили работать въ бумаготкацкомъ производствѣ. Пряжу моя мать клала въ глубокую коричневую лохань, куда вливалась мыльная вода. Затѣмъ она загибала мнѣ платье и ставила меня въ лохань, чтобы я отбивалъ ногами пряжу. Воду она каждый разъ прибавляла, послѣ чего я вновь приступалъ къ работѣ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока лохань не наполнялась настолько водой, что я уже не въ состояніи былъ стоять въ ней. Тогда къ ней придвигали стулъ, за спинку котораго я держался».

Хотя, такимъ образомъ, эксплоатація дѣтскаго труда въ эпоху до-промышленнаго переворота составляла явленіе общераспространенное въ кустарной промышленности, считавшееся вполнѣ естественнымъ въ тѣ времена, но англичанинъ Уаррантонъ, писавшій въ 1677 году, находилъ примѣненіе дѣтскаго труда, очевидно, еще недостаточнымъ. Онъ указывалъ въ качествѣ примѣра, достойнаго подражанія, на «промышленныя школы», которыя онъ видѣлъ въ Германіи, гдѣ двѣсти дѣвочекъ подъ надзоромъ мастерицы, безъ остановки, при полномъ молчаніи, пряли шерсть, подвергаясь наказанію за плохую или недостаточно скорую работу. «Въ этой странѣ,—прибавляетъ онъ, — кто имѣетъ больше дѣтей, тотъ и живетъ лучше, тогда какъ у насъ чѣмъ ихъ больше, тѣмъ беднѣе человѣкъ; тамъ дѣти обогащаютъ отца, здѣсь они доводятъ его до нищеты». Болѣе оптимистически смотрѣлъ на дѣло писавшій пятьдесятъ лѣтъ спустя (въ 20-хъ годахъ XVIII вѣка) Даніэль Дефоэ. Онъ приходитъ въ восхищеніе отъ трудолюбія, которымъ отличается населеніе въ Галифаксѣ: «женщины и дѣти расчесываютъ шерсть или прядутъ; всѣ работаютъ отъ мала до велика; не видно ни нищихъ, ни праздношатающихся; съ пятилѣтняго возраста всякій въ состояніи снискивать себѣ пропитаніе».

Подобными восторженными описаніями благосостоянія ткачей Дефоэ вызвалъ у послѣдующихъ писателей идиллическія изображенія добраго стараго времени, когда еще господствовала кустарная форма производства, чтобы тѣмъ ярче оттѣнить мрачную картину фабричной жизни. Но наиболѣе мрачную сторону послѣдней, въ ихъ изображеніи, составляло то самое пользованіе трудомъ малолѣтнихъ, которое составляетъ центръ тяжести въ описаніи Дефоэ. Англійскому министру Вилліаму Питту приписывались слова, обращенныя имъ къ фабрикантамъ въ 1796 году. Когда послѣдніе жаловались ему на дороговизну рабочихъ рукъ, онъ отвѣчалъ имъ: «берите дѣтей». Эти слова впослѣдствіи ставились ему въ вину, но въ дѣйствительности они не представляютъ собою чего-либо особеннаго, а выражаютъ собою лишь общій взглядъ эпохи...

Наиболѣе ужасной эта эксплоатація становилась тогда, когда фабриканты пользовались трудомъ сиротъ, получаемыхъ ими изъ домовъ призрѣнія. Сэръ Фредерикъ Эденъ, сочиненіе котораго относится къ 1797 году, указываетъ на то, что въ Англіи съ появленіемъ машинъ, приводимыхъ силою воды, оказалась потребность въ рабочей силѣ дѣтей въ мѣстностяхъ съ проточной водой.

Сюда и посылались тысячи дѣтей въ возрастѣ 7—13 лѣтъ изъ общинныхъ пріютовъ Лондона, Бирмингенга и другихъ городовъ. Съ изобрѣтеніемъ паровой машины эта присылка дѣтей, впрочемъ, значительно сократилась, ибо промышленность уже не сосредоточивалась болѣе въ мѣстахъ, расположенныхъ у рѣкъ, а могла распространяться повсемѣстно. Однако, еще въ 1815 г. въ англійскомъ парламентѣ указывалось на существованіе подобныхъ злоупотребленій: одинъ фабрикантъ пріобрѣлъ у лондонскаго прихода извѣстное количество мальчиковъ, которыхъ уступилъ другому фабриканту, послѣдній же сильнѣйшимъ образомъ эксплоатировалъ ихъ. Въ другомъ случаѣ фабрикантъ изъ Ланкашира заключилъ договоръ съ лондонскимъ приходомъ, на основаніи котораго онъ обязался брать у послѣдняго на каждыхъ двадцать здоровыхъ дѣтей одного идіота.

Какъ ни ужасенъ этотъ родъ эксплоатаціи дѣтей, «похищеніе дѣтей», какъ его называетъ Марксъ, но и онъ не является характернымъ для эпохи примѣненія машинъ. Въ Англіи и раньше приходы освобождали себя отъ необходимости тратить общинныя суммы на бѣдныхъ дѣтей, отдавая послѣднихъ въ работу кустарямъ и ремесленникамъ. По закону Елисаветы 1601 года, смотрители бѣдныхъ каждаго прихода обязаны были отдавать дѣтей въ ученичество: мальчиковъ до достиженія ими 24-лѣтняго возраста, дѣвочекъ—до 21 года. Законъ 1897 года обязывалъ промышленниковъ, по назначенію мировыхъ судей, брать къ себѣ дѣтей изъ приходовъ въ качествѣ учениковъ, подъ страхомъ штрафа въ 10 ф. стерл. Дѣйствительно, напр., въ чулочномъ производствѣ въ началѣ XVIII вѣка мастера брали дѣтей въ огромномъ количествѣ, такъ что нерѣдко приходилось по десяти и болѣе малолѣтнихъ на одного взрослаго рабочаго, хотя это и было запрещено закономъ. Но причина этихъ нарушеній закона заключалась въ томъ, что хозяева получали отъ приходскихъ совѣтовъ по 5 фунтовъ стерл. за каждаго малолѣтняго, отъ котораго освобождалась приходская школа. Положеніе этихъ дѣтей было крайне печальное, граничившее съ голодной смертью. Нерѣдко въ мастерской имѣлся всего одинъ камзолъ, который надѣвалъ каждый разъ тотъ, кому приходилось выйти изъ мастерской.

Изъ приведенныхъ фактовъ примѣненія дѣтскаго труда еще задолго до появленія машинъ и двигателей, видно, насколько неправильно утвержденіе, что примѣненіе машинъ вызвало пользованіе трудомъ малолѣтнихъ, обвиненіе фабричной формы про-

изводства въ томъ, что она создала эксплоатацію дѣтскаго труда. Конечно, до появленія фабрикъ, когда главной формой производства являлась кустарная промышленность, дѣти работали преимущественно на дому, въ семьѣ; лишь со времени примѣненія машинъ они вынуждены были перейти на фабрику, гдѣ условія производства оказывали на нихъ особенно вредное вліяніе, гдѣ санитарныя условія были, пожалуй, еще хуже, чѣмъ въ избахъ и мастерскихъ кустарей. Конечно, машинное производство дѣлало дѣтскій трудъ особенно выгоднымъ и удобнымъ для фабриканта, присоединяя, такимъ образомъ, къ прежнимъ мотивамъ, вызывавшимъ пользованіе имъ, еще новый: во многихъ случаяхъ представлялась возможность замѣнить взрослыхъ рабочихъ малолѣтними, для надзора за машинами во многихъ случаяхъ, и они были вполнѣ пригодны. Но все же не слѣдуетъ забывать, что основныя причины пользованія трудомъ женщинъ и дѣтей лежали гораздо глубже. Онѣ коренились въ общемъ характерѣ міровоззрѣнія людей XVII—XVIII ст., вытекали изъ всей промышленной политики того времени.

Въ XVII—XVIII ст. все было направлено къ одной цѣли: увеличить производство и вывозъ промышленныхъ издѣлій изъ страны. Нужно было всячески сокращать расходы въ производствѣ товаровъ. Поэтому писатели того времени настаивали на удлиненіи рабочаго дня, на сокращеніи заработной платы. Они увѣряли, что слишкомъ высокая заработная плата не только удорожаетъ товаръ и, слѣдовательно, не даетъ возможности Англіи конкурировать съ другими странами, но и ведетъ къ тому, что рабочіе изъ шести дней въ недѣлю работаютъ всего три, ибо имъ достаточно на всю недѣлю полученнаго за три дня заработка. И государство, дѣйствительно, осуществляло эти требованія, устанавливало минимумъ рабочаго дня, опредѣляло высшій размѣръ заработной платы. Но точно также и примѣненіе дѣтскаго труда въ широкихъ размѣрахъ было чрезвычайно важно съ точки зрѣнія принципа — производить возможно больше и возможно дешевле. Съ употребленіемъ малолѣтнихъ въ производствѣ количество труда, примѣняемаго въ промышленности, увеличивалось; трудъ дѣтей былъ дешевле труда взрослыхъ. Но и въ другихъ отношеніяхъ трудъ малолѣтнихъ имѣлъ значеніе: заработки семьи возрастали, къ доходу родителей присоединялась плата, получаемая дѣтьми; да и дѣти съ раннихъ лѣтъ пріучались къ полезному труду, научались работать. Поэтому-то даже филантропы были

горячими сторонниками труда малолѣтнихъ. На другую сторону дѣла, на моральныя и санитарныя условія труда, еще не обращали вниманія. Тому обстоятельству, что дѣти лишались школьнаго обученія, что они выростали дикарями, что трудъ въ раннемъ возрастѣ вредно отзывался на ихъ здоровьѣ, въ тѣ времена еще не придавали значенія. Вся эта политика сохранилась и съ появленіемъ фабрикъ въ концѣ XVIII вѣка. И лишь постепенно, съ начала XIX ст., взгляды стали измѣняться, началась борьба съ трудомъ малолѣтнихъ вообще, съ чрезмѣрно-длиннымъ рабочимъ днемъ взрослыхъ, съ другими неблагопріятными условіями производства. Появилось фабричное законодательство, имѣющее цѣлью защитить рабочихъ отъ эксплоатаціи предпринимателей; возникли союзы рабочихъ для борьбы за улучшеніе условій труда, за повышенную заработную плату. Съ этихъ поръ тотъ ростъ производства, который вызванъ былъ примѣненіемъ новой техники, сталъ приносить выгоду и рабочему населенію, и ихъ положеніе стало улучшаться все болѣе и болѣе.

І. М. Кулишеръ.

Кабинетъ и парламентъ въ Англіи въ XVIII вѣкѣ.

Революція 1688 года и торжество конституціонализма въ Англіи.

Монархъ не можетъ умереть одинъ:
Въ свое паденье увлекаетъ онъ
Все близкое, какъ горный водопадъ.
Онъ—колесо гигантскаго размѣра,
Стоящее на высотѣ горы;
И тысячи вещей прикрѣплены
Къ его огромнымъ и могучимъ спицамъ;
Падетъ оно—ужасное паденье
Раздѣлятъ съ нимъ всѣ вещи мелочныя.
Еще монархъ ни разу не вздыхалъ,
Чтобы народъ съ нимъ вмѣстѣ не страдалъ.

Такую характеристику роли и значенія короля Шекспиръ влагаетъ въ уста Розенкранца, одного изъ героевъ своего Гамлета, но устами придворнаго льстеца на этотъ разъ, очевидно, говоритъ самъ поэтъ. Если мы внимательно просмотримъ всѣ драмы Шекспира, не обходя и его историческихъ хроникъ, то мы

Литература. Для парламентской исторіи Англіи XVIII вѣка лучшимъ доступнымъ для русской публики пособіемъ можетъ считаться 4-й томъ книги Грина «Исторія англійскаго народа», Москва, 1893. Для эпохи революціи 1688 и царствованія Вильгельма III все еще сохраняетъ значеніе, несмотря на нѣкоторую устарѣлость, блестяще написанная 8-томная «Исторія Англіи отъ восшествія на престолъ Іакова II» Маколея (въ русскомъ переводѣ составляетъ 6—13 томы «Полнаго Собранія Сочиненій Маколея», изд. Тиблена. СПБ., 1861—64), а для XVIII вѣка отдѣльные біографическіе очерки Питта, Клейва, и др.—въ другихъ томахъ того же собранія сочиненій Маколея. Лучшее спеціальное сочиненіе по исторіи государственнаго строя Англіи съ конца XVIII вѣка *E. Th. May.* «Constitutional history of England 1760—1860» въ 3 томахъ, 4 изд., London, 1902, къ сожалѣнію, не переведено на русскій языкъ. Имѣетъ нѣкоторую цѣну краткій очеркъ Бутми «Развитіе конституціи и политическаго общества въ Англіи», Москва, 1877. Весьма цѣнна исторія митинговъ и политической агитаціи: Джефсонъ, «Платформа. Ея возникновеніе и развитіе», 2 тома, СПБ., 1901. Изложена эта книга Дерюжинскимъ въ статьѣ «Митинги въ Англіи», напечатанной въ его сборникѣ «Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи», СПБ., 1906; тамъ же статья «Свобода печати и судъ присяжныхъ въ Англіи».

найдемъ въ нихъ не болѣе 20 упоминаній о парламентѣ. Эти упоминанія, по большей части мимоходныя и случайныя, нерѣдко шутливыя и саркастическія, говорятъ съ полной ясностью, что парламенту Шекспиръ почти не придавалъ значенія, видя въ немъ второстепенный, даже третьестепенный органъ государственнаго управленія, состоящій при королѣ. Дѣйствительно, Тюдоры въ теченіе столѣтія своего господства (1485—1603) сумѣли придать парламенту почти совершенно декоративный характеръ. Правда, они тщательно соблюдали внѣшнее уваженіе къ нему; правда, они не проводили новыхъ законовъ и не облагали страну новыми налогами, не созвавъ парламента и не посовѣтовавшись съ нимъ; но, подчиняясь внѣшнимъ образомъ буквѣ конституціи, они относились съ полнымъ пренебреженіемъ къ ея духу; поэтому парламентъ во время ихъ господства сколько-нибудь самостоятельнаго значенія не имѣлъ. Въ этотъ періодъ въ Англіи произошелъ тотъ же процессъ, что приблизительно въ то же время и на континентѣ Европы, именно процессъ возвышенія королевской власти насчетъ привилегій и политическихъ правъ дворянства. Произошелъ онъ, правда, не въ такой крайней степени: въ то время, когда на континентѣ Европы, напримѣръ, во Франціи или Испаніи, представительныя собранія, какъ бы они ни назывались — генеральными штатами, кортесами или иначе, вовсе перестали созываться, въ то время въ Англіи парламентъ сохранилъ свое существованіе, хотя и утратилъ свое прежнее значеніе. Но 1603 годъ, какъ разъ тотъ годъ, когда появился въ свѣтъ шекспировскій Гамлетъ, былъ поворотнымъ моментомъ въ его исторіи. Умерла королева Елизавета; корона Англіи перешла изъ дома Тюдоровъ въ шотландскій домъ Стюартовъ, и между короной и парламентомъ началась рѣшительная борьба, менѣе чѣмъ черезъ столѣтіе закончившаяся побѣдой этого послѣдняго.

Если бы Шекспиръ писалъ своего Гамлета столѣтіемъ позже, то Розенкранцъ нашелъ бы, вѣроятно, иныя выраженія для своей мысли, или, по крайней мѣрѣ, поэтъ не такъ явно соглашался бы съ нимъ.

Нужно замѣтить, однако, что и во времена Шекспира англійское самодержавіе рѣзко отличалось отъ самодержавія Генриха IV французскаго или Филиппа II испанскаго. И это отличіе мы найдемъ ярко запечатлѣннымъ въ историческихъ драмахъ того же Шекспира:

Какой судья изрекъ, нахмурясь грозно,
Для Кларенса послѣдній приговоръ?

спрашиваетъ въ Ричардѣ III герцогъ Кларенсъ своихъ убійцъ, подосланныхъ братомъ.

Кто смѣетъ смертной казнію пугать
Того, кто не судимъ судомъ законнымъ?

Съ подобными притязаніями на «законный судъ» во времена Шекспира не могла бы обратиться къ своему палачу или убійцѣ ни одна изъ жертвъ испанскаго Филиппа II, точно такъ же, какъ и его современника Іоанна Грознаго русскаго. «Отчего же», — съ такимъ вопросомъ въ другой шекспировской хроникѣ король Генрихъ V обращается къ придворнымъ, въ страхѣ ожидающимъ первыхъ дѣйствіи со стороны молодого монарха,

Какой-то страхъ замѣтенъ въ вашемъ горѣ?
Не въ Турціи находимся мы съ вами,
Друзья, а въ Англіи; не Амурату
Наслѣдуетъ здѣсь Амуратъ, а Генрихъ
Такому жъ Генриху.
. . . .
Я счастливъ, что близъ трона
Есть человѣкъ настолько безпристрастный,
Что осудить не побоялся даже
И самаго наслѣдника престола.

Это чувство законности, это уваженіе къ суду и эта увѣренность въ прочности опредѣленнаго правопорядка уже во времена Шекспира были общимъ явленіемъ, значительно возвышавшимъ Англію надъ всѣми остальными странами цивилизованнаго міра. Конечно, носители короны не всегда были готовы покорно склоняться передъ властью закона. Не «lex est rex, sed rex est lex», говорили ихъ сторонники. Іаковъ II Стюартъ приказалъ молодому герцогу Сомерсету ввести въ пріемную залу дворца папскаго нунція, котораго онъ принялъ, открыто нарушая законъ, запрещающій дипломатическія сношенія съ Ватиканомъ. «Мнѣ говорили юристы,—отвѣтилъ герцогъ,—что я не могу повиноваться Вашему Величеству, не нарушая закона». — «Вы должны знать,—отвѣтилъ ему король,—что я выше закона»—«Можетъ быть Ваше Величество и выше закона, да я то не выше», смѣло отвѣтилъ Сомерсетъ. Подобный діалогъ въ то время былъ бы невозможенъ ни въ какомъ другомъ монархическомъ государствѣ Европы; впрочемъ, и въ Англіи онъ не прошелъ даромъ

смѣлому герцогу: онъ былъ лишенъ должности. Такимъ образомъ въ конфликтѣ между короной и закономъ побѣда осталась *пока* на сторонѣ короны, но не надолго.

Революція 1688 года свергла съ престола послѣдняго Стюарта и возвела на престолъ Вильгельма III Оранскаго вмѣстѣ съ его женой Маріей. Но значеніе этой безкровной и тѣмъ болѣе великой революціи не ограничивается династической перемѣной, также какъ и окончательнымъ торжествомъ протестантизма надъ католицизмомъ, борьба между которыми послужила ближайшимъ поводомъ къ ней; она была торжествомъ парламента надъ короной, конституціонализма — надъ самодержавіемъ, законности — надъ произволомъ.

Актомъ, формально свидѣтельствующимъ объ этомъ торжествѣ, была уже извѣстная читателю «декларація правъ», скоро обращенная въ «билль о правахъ» [1].

Если кто-либо будетъ читать билль о правахъ, ничего не зная ни о тѣхъ событіяхъ, которыя предшествовали его принятію, ни о послѣдующемъ ходѣ исторіи Англіи, то онъ, конечно, обратитъ главное вниманіе на фактъ династической перемѣны. «Послѣдній король Іаковъ II,—говорится въ немъ,—пытался ниспровергнуть и искоренить протестантскую вѣру и законы и вольности этого королевства... каковыя всѣ дѣйствія безусловно и прямо противны общеизвѣстнымъ законамъ и статутамъ и свободѣ этого королевства»; но онъ отрекся отъ престола; его высочество принцъ Оранскій по совѣту духовныхъ и свѣтскихъ лордовъ и нѣкоторыхъ значительныхъ лицъ изъ общинъ созвалъ парламентъ, который и объявилъ принца и принцессу Оранскихъ королемъ и королевой Англіи, поставивъ имъ условіемъ впредь соблюдать законы королевства. Такимъ образомъ революцію началъ Іаковъ II, а парламентъ и принцъ Оранскій возстановили нарушенное право; ихъ дѣятельность имѣла, слѣдовательно, строго консервативный характеръ, — вотъ содержаніе революціи по биллю о правахъ. Ничего подобнаго тому, что мы имѣемъ въ актахъ французскаго учредительнаго собранія 1789 или другихъ революціонныхъ народныхъ собраній, мы здѣсь не видимъ. Ни одного новаго права народу не дано, ни одного стараго права не отнято у короны. Если читатель отъ текста

[1]) Книга для чтенія по исторіи новаго времени, т. II, ст. Е. Щепкина, стр. 465 — 467.

билля обратится къ преніямъ конвента, вырабатывающаго декларацію правъ, и парламента, обращавшаго ее въ билль, поскольку эти пренія извѣстны (въ то время парламентъ засѣдалъ при закрытыхъ дверяхъ и протоколовъ преній не велось), то и тамъ онъ врядъ ли найдетъ что-либо, что могло бы измѣнить его мнѣніе. Ни о суверенитетѣ народа, ни о естественныхъ и неотъемлемыхъ правахъ человѣка и гражданина, ни о ниспроверженіи существующаго строя и замѣнѣ его чѣмъ-то существенно новымъ тамъ не было слышно. Напротивъ, все дышало глубочайшимъ уваженіемъ къ старинѣ и стремленіемъ укрѣпить древнія вольности, а вовсе не создавать новыя. И въ этомъ отношеніи торіи не отличались отъ виговъ. И общины, и духовные и свѣтскіе лорды были вполнѣ искренни. Они были твердо убѣждены, что по существу дѣло идетъ дѣйствительно только о возстановленіи нарушенныхъ правъ, а не о созданіи чего-то существенно новаго.

Между тѣмъ это былъ несомнѣнный оптическій обманъ. Революція 1688 кладетъ грань между двумя эпохами англійской исторіи, эпохой самодержавія Тюдоровъ и борьбы за него Стюартовъ и эпохой конституціонализма.

Билль о правахъ не остался только на бумагѣ; онъ дѣйствительно вошелъ въ жизнь. Англія въ полномъ смыслѣ стала страной конституціонной. Законодательная власть отнынѣ въ полномъ объемѣ принадлежала парламенту; безъ него король не могъ ни провести новаго закона, ни наложить на населеніе новаго налога, или даже взимать старый, ни собирать армію. Пренія въ парламентѣ окончательно стали свободными, и арестъ и преслѣдованіе его члена за рѣчь въ немъ, какъ это бывало при Стюартахъ, сдѣлались рѣшительно невозможными. Діалогъ, подобный тому, который такъ еще недавно вели Іаковъ II и герцогъ Сомерсетъ, немыслимый въ то время ни въ одномъ изъ монархическихъ государствъ континента Европы, сталъ немыслимымъ и въ Англіи, но совсѣмъ по другой причинѣ: не потому, чтобы не могло найтись столь дерзкаго подданнаго, который въ лицо монарху осмѣлился бы апеллировать къ власти закона, а потому, что не нашлось бы монарха, который бы счелъ возможнымъ оспаривать эту власть. Отнынѣ lex былъ rex, а не наоборотъ. Что же касается rex, то онъ остался весьма вліятельнымъ и сильнымъ, самымъ вліятельнымъ и сильнымъ въ государствѣ должностнымъ лицомъ, но не болѣе; свою власть

онъ получалъ на основаніи опредѣленныхъ парламентскихъ статутовъ и дѣйствовать онъ долженъ былъ въ строго опредѣленныхъ закономъ рамкахъ. За публичное утвержденіе божественнаго происхожденія королевской власти можно было даже попасть подъ судъ, какъ это и случилось нѣсколькими годами позднѣе (при Аннѣ) съ Сачевереллемъ.

Таково дѣйствительное содержаніе революціи 1688—89 года.

Въ первые же годы царствованія Вильгельма III стало ясно, что парламентъ не только не склоненъ поступаться своими вновь завоеванными или (по его мнѣнію) лишь возстановленными правами, но намѣренъ твердо бороться за ихъ расширеніе. Это сказалось въ принятіи лишь на краткій срокъ акта о мятежѣ, въ настойчивомъ проведеніи вопреки королевскому вето трехгодичнаго билля (1694); это сказалось и въ отношеніи къ финансамъ страны. Изъ королевскихъ доходовъ, назначенныхъ парламентомъ Іакову II пожизненно, только одна часть была назначена на тѣхъ же условіяхъ и Вильгельму съ Маріей, а другая часть сперва на четыре года, потомъ даже только на годъ (что вмѣстѣ съ ежегоднымъ вотированіемъ билля о мятежѣ вызвало необходимость ежегоднаго созыва парламента), и Вильгельмъ, несмотря на то, что въ этомъ рѣшеніи онъ видѣлъ личное оскорбленіе, долженъ былъ примириться съ нимъ.

Такимъ образомъ, если парламентъ былъ настойчивъ и болѣе или менѣе единодушенъ, то корона должна была уступать, и это даже тогда, когда ее носилъ такой твердый и сильный человѣкъ, какъ Вильгельмъ. Право королевскаго вето въ теоріи не оспаривалось; но пользоваться имъ королю было трудно, разъ финансы страны находились цѣликомъ въ рукахъ парламента. Когда въ 1694 г. король наложилъ свое вето на одинъ билль, въ которомъ онъ видѣлъ посягательство на права короны (о недопущеніи чиновниковъ въ члены палаты общинъ), то въ палатѣ прямо говорилось о возможности соединить неправящійся королю билль съ биллемъ финансовымъ, и такимъ способомъ принудить короля къ уступкѣ; дѣло, однако, до этого не дошло. Корона лишь въ исключительныхъ случаяхъ налагала вето на принятые парламентомъ билли и въ 1707 (при Аннѣ) сдѣлала это въ послѣдній разъ. Съ тѣхъ поръ королевское вето отошло въ область преданія; если бы король во второй половинѣ XVIII вѣка пожелалъ имъ воспользоваться, то парламентъ увидѣлъ бы въ этомъ попытку государственнаго переворота, неизбѣжно обре-

ченную на неудачу, такъ какъ онъ, безъ сомнѣнія, не смогъ бы найти министровъ, которые согласились бы взять на себя отвѣтственность за возстановленіе утерянной королевской прерогативы.

При Вильгельмѣ III, впрочемъ, самое понятіе министерской отвѣтственности (передъ парламентомъ), столь характерное для Англіи XIX вѣка, было еще совершенно неизвѣстно англійскому праву. Парламентъ былъ только законодательной властью; исполнительная цѣликомъ принадлежала коронѣ, и парламентъ претендовалъ только на то, чтобы пользуясь ею, корона не выходила за рамки, намѣченныя законами; въ этихъ широкихъ предѣлахъ все предоставлялось ея усмотрѣнію. Министры были слугами короля, — не общинъ и не лордовъ. Поэтому на характеръ и направленіе иностранной политики, — область, которой законодательство регулировать почти не можетъ, — парламентъ не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія.

Свобода слова и совѣсти послѣ революціи 1688 года.

Въ первые годы царствованія Вильгельма англійскому праву не были извѣстны также свобода слова и свобода совѣсти,—два института, впослѣдствіи ставшіе тоже характерными его чертами. Что касается свободы совѣсти, то въ этой области не только Вильгельмъ III, но, пожалуй, даже Іаковъ II, столь неудачно пытавшійся доставить (хотя бы и съ задними цѣлями) свободу богослуженія иновѣрцамъ, были либеральнѣе парламента.

Вильгельмъ III, выросшій въ Нидерландахъ, странѣ, послѣ долгой и тяжелой борьбы завоевавшей религіозную свободу, правнукъ Вильгельма Молчаливаго, стяжавшаго себѣ безсмертные лавры борьбой за нее, самъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ свободы совѣсти. Напротивъ, и лорды, и общины слишкомъ боялись воинствующей католической церкви, съ торжествомъ которой было связано торжество деспотизма Стюартовъ, чтобы признавать этотъ принципъ, по крайней мѣрѣ въ полномъ его объемѣ. На этой почвѣ нѣсколько разъ происходили тренія между короной и парламентомъ; извѣстнымъ компромиссомъ между ними явился билль о терпимости, принятый въ 1689 г. Онъ даетъ гораздо менѣе, чѣмъ обѣщаетъ его заглавіе. Прежде всего въ немъ идетъ рѣчь не о религіозной терпимости вообще, даже не о терпимости по отношенію къ христіанамъ, а только о терпимости къ протестантамъ, не принадлежащимъ къ господствующей Церкви. И даже по отношенію къ нимъ идетъ рѣчь далеко не о полномъ уравненіи ихъ въ правахъ. Ни одинъ изъ тѣхъ статутовъ времени Елизаветы, которыми въ обязанность подданнымъ

подъ страхомъ наказанія вмѣнялось присутствіе при богослуженіи англійской церкви и удаляться диссидентскихъ сходбищъ, не былъ формально отмѣненъ. Но актъ о терпимости опредѣлилъ, что ихъ не слѣдуетъ примѣнять къ лицамъ, которыя принесутъ присягу на подданство и въ признаніи суприматіи и докажутъ свой протестантизмъ, подписавъ декларацію противъ пресуществленія. Точно стыдясь этихъ уступокъ, билль о терпимости торжественно заявлялъ, что законодательство не должно оказывать ни малѣйшаго снисхожденія ни одному паписту и ни одному лицу, отвергающему ученіе о Троицѣ въ томъ видѣ, какъ оно формулировано англійской церковью.

Таковъ былъ первый робкій шагъ. Подъ дѣйствіемъ закона о терпимости богослуженіе для протестантовъ (все-таки за нѣкоторыми, хотя и немногими исключеніями) стало дѣйствительно свободнымъ. Въ 1716 былъ отмѣненъ актъ о расколѣ, направленный противъ нонконформистовъ. Но католики (въ Англіи, впрочемъ, немногочисленные), находились въ прежнемъ отверженномъ положеніи; упорная борьба съ католической Франціей, которую приходилось вести Англіи и при Вильгельмѣ, и при Аннѣ, только закрѣпляла ихъ безправіе. Закономъ 11—12 года царствованія Вильгельма было назначено наказаніе пожизненной тюрьмой католическому священнику, который гдѣ бы то ни было, за исключеніемъ домовъ иностранныхъ посольствъ, будетъ исполнять свои духовныя обязанности. Правда, законъ этотъ часто обходился и прямо нарушался; уже министерство Вальполя рѣшительно не желало примѣнять его на практикѣ, какъ и другіе законы той же категоріи, такъ что уже съ 20-хъ годовъ XVIII вѣка Англія могла считаться страной если не религіознаго равноправія, то по крайней мѣрѣ широкой религіозной терпимости.

Нѣсколько быстрѣе шло дѣло съ освобожденіемъ печатнаго слова отъ прежнихъ стѣсненій. Въ деклараціи правъ о немъ не было упомянуто. Цензура, существовавшая въ Англіи въ качествѣ правильно дѣйствующаго учрежденія съ 1642 г., въ послѣдній разъ передъ революціей была установлена въ 1685 г. на 8-лѣтній срокъ, и дѣятели революціи даже не подумали о его сокращеніи; они удовольствовались только перемѣной цензора; сочиненія, прежде запрещавшіяся, стали свободными; зато все, что хотя бы отдаленнымъ образомъ звучало папизмомъ, безжалостно запрещалось. Въ 1693 г., въ виду истеченія срока дѣйствія цен-

зурнаго закона, онъ былъ возобновленъ, но только на два года, и притомъ не безъ нѣкотораго, хотя и недостаточно энергичнаго протеста со стороны наиболѣе прогрессивно настроенныхъ членовъ нижней палаты. Въ 1695 г. палата общинъ отказалась возобновить его; палата лордовъ попробовала сдѣлать это, но общины оказались тверды. Такимъ образомъ въ 1695 г. срокъ дѣйствія закона истекъ.

Позднѣе (1697) сдѣлана была попытка возстановить цензуру. Поводъ подала газетная статья, которая, какъ боялись, могла подорвать государственный кредитъ. Но соотвѣтственный билль, возникшій по иниціативѣ нѣкоторыхъ членовъ палаты общинъ, былъ отвергнутъ ими во второмъ чтеніи. Это была послѣдняя попытка возобновить цензуру. Итакъ, съ 1695 г. цензоръ болѣе не назначался, и произведенія печати могли отнынѣ выходить въ свѣтъ безъ цензурнаго одобренія. Это не значитъ, однако, чтобы печать сразу стала вполнѣ свободной; если не рука цензора, то судебная кара все еще висѣла надъ ней, а суды XVIII вѣка,— притомъ эти были не суды присяжныхъ, а суды коронные,—не отличались снисходительностью къ преступленіямъ печати. Все, что пахло богохульствомъ, кощунствомъ, защитой папизма или отрицаніемъ догматовъ англиканской Церкви, оскорбленіемъ величества или государственной измѣной, а также пасквилемъ (libel) или оскорбленіемъ частнаго или должностного лица, вызывало долголѣтнее тюремное заключеніе или даже смертную казнь. Такъ Дефо, знаменитый авторъ Робинзона, былъ въ 1702 г. (при Аннѣ) приговоренъ судомъ къ значительному денежному штрафу, троекратному выставленію у позорнаго столба и къ тюремному заключенію на срокъ, зависящій отъ милости королевы, за брошюру, въ которой онъ иронически совѣтовалъ покруче расправиться съ диссидентами. Даже простое оглашеніе въ печати того, что происходило въ стѣнахъ палаты общинъ, засѣданія которой были секретными, не могло пройти безнаказанно. При этомъ нѣкоторые законы, примѣнявшіеся къ преступленіямъ печати, отличались очень большой растяжимостью. Слово libel, пасквиль, не имѣло въ законѣ сколько-нибудь яснаго опредѣленія, и подъ него подводили очень и очень многое. Тѣмъ не менѣе печать была освобождена отъ произвола и усмотрѣнія цензора и поставлена на почву права; подвергнуться преслѣдованію издатель, какъ и писатель, отнынѣ могъ только за напечатаніе того, что прямо и опредѣленно запрещено закономъ,

хотя бы и растяжимымъ, а подвергнуться наказанію только по суду, на которомъ обвиняемый всегда имѣлъ возможность защиты (притомъ въ случаѣ преслѣдованія за libel или за оскорбленіе онъ имѣлъ право доказывать фактическую справедливость имъ написаннаго),—и это было великимъ завоеваніемъ, благодаря которому печать въ Англіи въ теченіе всего XVIII вѣка пользовалась тою степенью свободы, которая не была знакома въ то время ни Франціи, ни Испаніи, ни одному изъ германскихъ или изъ итальянскихъ государствъ. При цензурѣ въ Англіи имѣлась всего одна, и то официальная или скорѣе официозная газета; черезъ 2 недѣли послѣ ея отмѣны возникла первая частная газета, еще черезъ 10 дней за ней послѣдовала вторая, и въ короткій срокъ въ Англіи имѣлось болѣе десятка газетъ, съ современной точки зрѣнія, конечно, жалкихъ, но для своего времени имѣвшихъ громадное значеніе. Такимъ образомъ благодаря отмѣнѣ цензуры былъ созданъ весьма и весьма вліятельный органъ общественнаго мнѣнія, соперничавшій съ самой палатой общинъ.

Характерно, что парламентъ, отмѣняя цензуру, совершенно не сознавалъ значенія своего рѣшенія. Когда лорды попытались возстановить цензуру, то общины передали имъ объяснительную записку. Въ ней сжато и сильно, мѣстами иронически, была охарактеризована нелѣпость и несправедливость закона о цензурѣ, какъ причины притѣсненій, взятокъ, стѣсненій въ книжной торговлѣ, домовыхъ обысковъ, для которыхъ онъ нерѣдко подавалъ поводъ Цензура, говорилось въ запискѣ, стѣсняетъ книжную торговлю съ чужими землями, открывая для нея въ интересахъ цензурнаго контроля одну только лондонскую гавань; она задерживаетъ цѣнные тюки съ книгами въ таможнѣ, пока книги не испортятся отъ сырости; онъ стѣсняетъ даже таможенныхъ чиновниковъ, которые должны ожидать цензора, чтобы вскрыть пришедшій изъ-за границы тюкъ, въ которомъ имѣются книги; а почемъ же таможенный чиновникъ можетъ знать, что въ тюкѣ нѣтъ книгъ, пока онъ его не вскроетъ? и т. д. Все мелочи, второстепенныя неудобства, при чемъ палата озабочивалась даже не интересами литературы—ихъ она не касалась вовсе,—а чисто коммерческими интересами книжной торговли (представители которой вмѣстѣ съ переплетчиками и типографами уже за два года до того спеціально ходатайствовали объ отмѣнѣ цензуры, хотя и безуспѣшно). Идея свободы слова, какъ необходимаго института конституціоннаго строя, была, очевидно, совершенно ей чужда, и

свобода печати явилась въ Англіи не результатомъ сознательной борьбы за нее (хотя сторонники таковой имѣлись въ Англіи уже въ серединѣ XVII вѣка), а неожиданнымъ плодомъ постепеннаго развитія событій, совершенно независимаго отъ поставленныхъ себѣ политическими дѣятелями той эпохи цѣлей.

Кабинетъ министровъ. Почти такимъ же неожиданнымъ для нихъ плодомъ явился и кабинетъ министровъ съ его отвѣтственностью передъ парламентомъ.

Основной принципъ этого института, какимъ его знаетъ современное право, состоитъ въ слѣдующемъ.

Во главѣ управленія стоятъ не отдѣльныя лица, завѣдующія отдѣльными его отраслями и другъ отъ друга независимыя, а спеціальный комитетъ, связанный общей товарищеской солидарностью и общей отвѣтственностью; этотъ комитетъ и есть кабинетъ министровъ. Во главѣ его стоитъ премьеръ (первый министръ), который, однако, является не начальникомъ кабинета, а лишь его предсѣдателемъ и старшимъ членомъ; онъ, какъ всякій предсѣдатель, только primus inter pares. Король, когда является надобность назначить новый кабинетъ, не самъ выбираетъ отдѣльныхъ министровъ, а предлагаетъ составить его опредѣленному лицу, который и является премьеромъ; это лицо подбираетъ членовъ кабинета изъ людей съ нимъ болѣе или менѣе единомышленныхъ. Кабинетъ сообща вырабатываетъ программу дѣйствій; всѣ важнѣйшія мѣры въ управленіи страною принимаются имъ съ общаго согласія, и всѣ его члены берутъ на себя отвѣтственность за дѣйствія всего кабинета; въ результатѣ—то, на первый взглядъ парадоксальное явленіе, что министръ народнаго просвѣщенія можетъ быть принужденъ оставить свой постъ за ошибки военнаго министра, а военный министръ — за ошибки министра финансовъ. Все управленіе находится въ рукахъ кабинета, король дѣйствуетъ только черезъ его посредство. Каждый актъ короля (не исключая и помилованія осужденнаго судомъ преступника) долженъ быть подписанъ министромъ, который и беретъ на себя за него отвѣтственность. Подъ отвѣтственностью разумѣется не отвѣтственность передъ судомъ, — вещь въ государствахъ съ прочно установленнымъ конституціоннымъ строемъ совершенно исключительная (ее министры несутъ, конечно, индивидуально за прямыя нарушенія закона), а политическая отвѣтственность передъ парламентомъ, который можетъ заставить кабинетъ выйти въ отставку, если

найдетъ, что направленіе его дѣятельности, хотя бы формально законное, не соотвѣтствуетъ интересамъ страны. Эту отвѣтственность кабинетъ несетъ солидарно и притомъ не только за свою непосредственную дѣятельность (или бездѣятельность), а также за дѣйствія короля (дарованіе помилованія или отказъ въ немъ, отказъ подписать какой-либо законопроектъ, т.-е. примѣненіе своего права вето и т. д.); самъ король, какъ предполагается, не можетъ дѣлать зла и лично безотвѣтственъ. Кабинетская система, слѣдовательно, требуетъ, чтобы министерство пользовалось довѣріемъ парламента, а такъ какъ члены парламента всегда дѣлятся на политическія партіи, то всякій кабинетъ неизбѣжно долженъ быть кабинетомъ какой-либо политической партіи (или коалиціи партій). Члены его, по необходимости, берутся не изъ чиновниковъ, а изъ политическихъ дѣятелей, изъ членовъ парламента. Въ современной Англіи это требованіе соблюдается особенно строго. Министръ долженъ быть или пэромъ, членомъ верхней палаты, или членомъ палаты общинъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда премьеръ, формируя кабинетъ, не видитъ возможности обойтись безъ участія въ немъ лица, случайно не находящагося въ составѣ той или другой палаты, то кто-либо изъ его сторонниковъ обыкновенно добровольно слагаетъ съ себя депутатскія полномочія, чтобы очистить мѣсто въ палатѣ общинъ отъ какого-либо округа; тамъ происходятъ дополнительные выборы, и желаніе премьера можетъ быть удовлетворено только въ томъ случаѣ, если выборы дадутъ для него благопріятный результатъ. Въ другихъ парламентарныхъ странахъ это требованіе принадлежности министровъ къ составу палатъ (въ особенности по отношенію къ военному и морскому министрамъ) иногда обходится, но въ Англіи исключенія изъ него невозможны.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ система кабинетскаго управленія. Впервые она была выработана именно въ Англіи, господствовала въ ней въ полномъ объемѣ въ концѣ XVIII вѣка, и изъ Англіи заимствована другими государствами Европы. Совершенно ясно, что система кабинета усиливаетъ власть парламента на счетъ короны; парламенту при ней принадлежитъ не только законодательная власть, но самый ближайшій контроль надъ властью исполнительной, не исключая и области иностранной политики, которая при иныхъ условіяхъ остается почти совершенно внѣ его вліянія. Напротивъ, роль короля при ней сводится до минимума, такъ какъ, выбирая министра, король

обязанъ руководствоваться не своими симпатіями или убѣжденіями, а убѣжденіями господствующаго въ парламентѣ большинства. Казалось бы, сторонникомъ этой системы долженъ быть парламентъ, а король долженъ былъ бы противиться ей всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами. Въ исторіи Англіи имѣло мѣсто какъ разъ противоположное.

Въ 1692 г. палата общинъ приняла билль о служащихъ, въ силу котораго ни одинъ правительственный чиновникъ не могъ быть членомъ палаты общинъ. Мотивомъ для этого служило стремленіе обезпечить свою независимость отъ короны; дѣйствительно, раздача должностей служила для короны удобнымъ способомъ подкупать членовъ палаты общинъ. Такимъ образомъ биллемъ о служащихъ палата стремилась обезпечить свою независимость. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, — этотъ билль не проводилъ различія между мелкимъ таможеннымъ или акцизнымъ чиновникомъ и министромъ, долженъ былъ углубить пропасть между палатой и кабинетомъ министровъ, принимавшимъ болѣе бюрократическій характеръ. Лорды отвергли билль. Въ слѣдующемъ 1693 г. палата общинъ приняла аналогичный билль. Онъ устанавливалъ, что никто изъ членовъ палаты общинъ, выбранныхъ въ нее послѣ 1 января 1694 г., не можетъ принимать должности съ жалованьемъ отъ короны, а если приметъ ее, то теряетъ свое мѣсто въ палатѣ и не можетъ быть избранъ въ нее до новыхъ общихъ выборовъ. Лорды внесли въ него существенную поправку, допускающую переизбраніе такого лица непосредственно послѣ принятія имъ должности; слѣдовательно, билль въ новой редакціи требовалъ, чтобы членъ палаты общинъ, поступившій на государственную службу, подвергался переизбранію, если желаетъ сохранить свое мѣсто въ палатѣ. Общины уступили, и билль былъ отправленъ королю. Но король не побоялся вызвать негодованіе палаты, отказавшись подписать его. Общины были оскорблены и раздражены и заговорили даже о необходимости отказать королю въ деньгахъ. До этого, однако, не дошло. Но въ 1694 г. въ палату общинъ тотъ же самый билль былъ внесенъ въ третій разъ. На этотъ разъ король употребилъ такое давленіе на общинъ, что общины, хотя и незначительнымъ большинствомъ голосовъ, сами отвергли билль, и онъ былъ похороненъ.

Такимъ образомъ благодаря настойчивому желанію Вильгельма и вопреки общинамъ министры сохранили право оставаться членами палаты, хотя и не были обязаны быть ими. Они брались

изъ лицъ, пользующихся личнымъ довѣріемъ Вильгельма, совершенно независимо отъ своей принадлежности къ составу парламента, и независимо отъ принадлежности къ той или другой изъ боровшихся партій, торіевъ и виговъ; король даже стремился къ сохраненію извѣстнаго равновѣсія между тѣми и другими. Министры стояли каждый во главѣ отдѣльной отрасли администраціи, другъ съ другомъ ничѣмъ связаны не были, и смѣщая одного изъ нихъ, король нерѣдко даже не считалъ нужнымъ совѣтываться съ другими. Такая система лишала правительство Вильгельма III опоры въ парламентѣ, который не чувствовалъ своей связи съ министерствомъ и относился къ нему, какъ учрежденію ему совершенно чуждому. Въ 1693 г. графъ Сондерландъ, ранѣе бывшій министромъ Іакова II и католикомъ, потомъ измѣнившій свергнутому королю и побѣжденной церкви, и втершійся въ милость къ Вильгельму, далъ ему совѣтъ — выбрать своихъ министровъ исключитеельно изъ партіи виговъ; вѣдь революція 1688 г. была главнымъ образомъ ея дѣломъ; она въ то время господствовала въ палатѣ общинъ и въ палатѣ лордовъ; къ тому же она была сторонницей войны съ Франціей, которой всего болѣе желалъ самъ король. Такимъ образомъ, говорилъ Сондерландъ, все заставляетъ Вильгельма оперется именно на эту партію и такимъ способомъ привязать къ себѣ большинство палаты общинъ. Соображенія Сондерланда показались Вильгельму убѣдительными, и онъ предложилъ, хотя и не сразу, наиболѣе виднымъ вождямъ вигской партіи, Росселю, Сомерсу, Шрьюсбери и Монтегю, наиболѣе вліятельные министерскіе посты. Это не былъ еще кабинетъ въ современномъ смыслѣ слова; въ немъ не было премьера, и министры все же были назначены индивидуально короной; но выбирая ихъ, корона имѣла въ виду создать и добиться извѣстной однородности.

Прошло нѣсколько лѣтъ; срокъ полномочіямъ палаты общинъ истекъ, она была распущена, и новые выборы (1698), совершившіеся при новомъ настроеніи избирателей, совершенно измѣнили ея составъ: въ ней оказалось торійское большинство. У палаты общинъ начались рѣзкіе конфликты съ министерствомъ и даже съ самимъ королемъ; такъ палата потребовала, чтобы нидерландская гвардія Вильгельма вернулась въ Нидерланды; она же провела билль о возвращеніи помѣстій, пожалованныхъ Вильгельмомъ своимъ личнымъ друзьямъ гол-

ландцамъ, при чемъ палата объявляла министровъ отвѣтственными за эти пожалованія. Вильгельмъ далъ отставку Росселю и Монтегю, двумъ министрамъ, особенно ненавистнымъ торійскому большинству палаты, но оно не удовлетворилось такою уступкою. Тогда тотъ же графъ Сондерландъ далъ Вильгельму совѣтъ отставить всѣхъ министровъ виговъ и замѣнить ихъ торіями. Вильгельмъ принялъ совѣтъ.

Системѣ однороднаго министерства было, такимъ образомъ, положено начало; однако ей грозили весьма серьезныя опасности, и главною изъ нихъ было то, что ни король, ни общины, ни члены кабинета еще не понимали того значенія, которое имѣетъ это учрежденіе. Палата общинъ требовала отвѣтственности министровъ, но не хотѣла кабинета, считая, что кабинетъ — это лишь удобное средство для короля прятаться за министровъ, которые, конечно, какъ тогда думали всѣ, не могутъ быть наказаны за его поступки. Король, напротивъ, желалъ однородности министерства, но не хотѣлъ отказаться отъ своей самостоятельности и потому не соглашался на его отвѣтственность передъ палатой. Въ то время, когда шла глухая борьба между короной и парламентомъ изъ-за этихъ вопросовъ, совершилось важное для монархическаго государства событіе въ королевской семьѣ: умеръ единственный сынъ наслѣдницы престола Анны, будущей королевы, и являлась опасность, что въ недалекомъ будущемъ на тронъ Англіи могутъ съ видами на успѣхъ заявить претензію католическіе представители династіи Стюартовъ. Было необходимо урегулировать вопросъ о престолонаслѣдіи, что и было исполнено актомъ престолонаслѣдія 1701 г. (Act of Settlement), однимъ изъ самыхъ важныхъ памятниковъ англійской конституціонной исторіи. Обойдя сына Іакова II и его ближайшихъ родственниковъ, онъ утвердилъ право на наслѣдіе престола за Софіей Ганноверской (правнучкой Іакова I) съ ея потомствомъ, и установилъ, какъ общій принципъ, что корону Англіи можетъ носить только членъ англиканской церкви. Не довольствуясь этимъ, общины воспользовались случаемъ, чтобы включить въ актъ нѣсколько постановленій конституціоннаго характера; палата лордовъ согласилась съ ними, а король, несмотря на все свое нежеланіе, не могъ ни прямо отказать въ своемъ утвержденіи такому важному биллю, какъ билль, регулировавшій вопросъ о престолонаслѣдіи, ни даже торговаться съ парламентомъ изъ-за его отдѣльныхъ пунктовъ. Вотъ важнѣйшія изъ этихъ постановленій:

Съ момента вступленія на престолъ Софіи Ганноверской или ея сына (каковой и наступилъ въ 1714 г. послѣ смерти Анны) «всѣ вопросы и дѣла, относящіеся къ управленію этимъ государствомъ и принадлежащіе по законамъ и обычаямъ этого королевства вѣдомству тайнаго совѣта, должны разсматриваться въ этомъ совѣтѣ, и всѣ рѣшенія, принятыя въ этомъ совѣтѣ, должны быть подписаны тѣми членами совѣта, по предложенію и съ согласія которыхъ это рѣшеніе было принято».

«Никто, занимая должность или исполняя порученія, оплачиваемыя королемъ, или пользующійся королевской пенсіей, не можетъ быть членомъ палаты общинъ.

«Судьи не могутъ быть лишаемы мѣстъ, пока они будутъ хорошо исполнять свои обязанности.

«Король не можетъ помиловать осужденнаго преступника, когда обвиненіе противъ него было возбуждено палатой общинъ».

Мы видимъ, что этотъ актъ совмѣщалъ въ себѣ самые противоположные принципы. Онъ устанавливалъ несмѣняемость судей иначе, какъ за преступленіе и по суду (были сдѣланы нѣкоторыя оговорки, которыя не получили развитія на практикѣ). Онъ лишалъ короля возможности аннулировать обвинительный приговоръ, направленный противъ министра. Далѣе онъ требовалъ, чтобы всѣ правительственные акты подписывались кѣмъ-либо изъ высшихъ должностныхъ лицъ государства, и установлялъ, такимъ образомъ, систему контрассигнованія королевскихъ актовъ этими лицами. Это было крупнымъ шагомъ по пути къ образованію системы отвѣтственнаго кабинета. А въ то же время актъ вновь растворялъ кабинетъ министровъ въ тайномъ совѣтѣ, учрежденіи болѣе широкомъ и менѣе опредѣленномъ и, вводя въ жизнь во имя независимости палаты общинъ излюбленный ею принципъ несовмѣстимости государственной службы съ званіемъ ея члена, вновь углублялъ пропасть между министерствомъ и народнымъ представительствомъ.

Такимъ образомъ и тутъ мы видимъ, что кабинетская система развивалась независимо отъ желаній политическихъ дѣятелей и политическихъ партій того времени; она была, какъ говоритъ Маколей, «отчасти дѣломъ случая, отчасти человѣческой мудрости, но не той высшей мудрости, которая вращается въ области великихъ принциповъ политической философіи, а простой житейской мудрости болѣе низшаго пошиба, заботящейся

объ удовлетворенiи обыденныхъ потребностей съ помощью обыденныхъ средствъ. Ни самъ Вильгельмъ, ни его наиболѣе просвѣщенные совѣтники не поняли революцiи, безшумно совершавшейся передъ ихъ глазами—такъ какъ это, несомнѣнно, была цѣлая революцiя — начавшейся съ конца 1693 года и закончившейся къ концу 1696 года. Въ началѣ этой революцiи всѣ важныя должности государственнаго управленiя были поровну распредѣлены между двумя главными партiями, при чемъ приверженцы одной изъ нихъ безпрестанно интриговали противъ приверженцевъ другой, препирались съ ними, вызывали другъ противъ друга вотумы порицанiя и изыскивали одни противъ другихъ всевозможныя обвиненiя, а палата общинъ не держалась никакого опредѣленнаго направленiя, не подчинялась никакой руководящей идеѣ и отличалась безпорядочными и неувѣренными дѣйствiями. Къ концу же 1696 года всѣ главные чиновники короны принадлежали къ партiи виговъ, были тѣсно связаны между собой личными и общественными отношенiями и обнаруживали готовность защищать другъ друга отъ всякихъ нападокъ, а большинство палаты общинъ было приведено въ стройный порядокъ и научилось дѣйствовать, какъ одинъ человѣкъ, подъ начальствомъ своихъ вождей».

Выраженiя Маколея звучатъ нѣкоторымъ преувеличенiемъ: перемѣна, о которой онъ говоритъ, была однимъ изъ необходимыхъ послѣдствiй революцiя 1689 года, и врядъ ли правильно считать ее самостоятельной революцiей; къ тому же на пути къ образованiю отвѣтственнаго кабинета былъ сдѣланъ только первый, хотя и довольно значительный, шагъ; завершено же оно было лишь къ 1784 г. Но самый фактъ отмѣченъ правильно.

Въ слѣдующее царствованiе, однако (1702 — 1714), кабинетской системѣ грозила большая опасность. Королева Анна не отличалась ни государственнымъ умомъ, ни твердостью характера своего предшественника, а приблизительное равновѣсiе партiй въ палатахъ давало возможность придворнымъ интригамъ и личнымъ капризамъ королевы играть роль въ ходѣ государственной машины. И министерства смѣнялись нерѣдко скорѣе по какому-нибудь капризу королевы, чѣмъ вслѣдствiе ясно выраженнаго настроенiя парламента. Тѣмъ не менѣе кабинетская система не была поколеблена, а скорѣе даже окрѣпла. Палата общинъ поняла, что участiе ея членовъ въ кабинетѣ не можетъ быть для нея невыгоднымъ, и въ 1708 г. было отмѣнено то по-

становленіе акта о престолонаслѣдіи 1701 г., которое запрещало совмѣщеніе званія члена палаты общинъ съ званіемъ министра; съ тѣхъ поръ членъ палаты, принявшій государственную должность, правда, терялъ свое званіе, но могъ быть переизбранъ; другими словами, избиратели должны были одобрить его поступленіе на службу. Такимъ образомъ корона не могла членовъ палаты общинъ подкупать раздачей должностей, а въ то же время стало возможнымъ образованіе кабинета изъ числа членовъ обѣихъ палатъ. Кабинетъ въ этотъ періодъ постепенно распространилъ свое вліяніе на всѣ государственныя дѣла, тогда какъ значеніе тайнаго совѣта, какъ органа, лишеннаго непосредственной исполнительной власти, не распоряжавшагося ни военной силой, ни администраціей, естественно падало.

Развитіе кабинета при двухъ первыхъ Георгахъ.

Въ 1714 умерла Анна, а такъ какъ Софія Ганноверская умерла еще раньше, то на престолъ, согласно акту 1701 г., вступилъ сынъ послѣдней Георгъ I (1714—27), курфюрстъ Ганноверскій. Такимъ образомъ произошла личная унія Англіи и Ганновера, сохранявшаяся цѣлое столѣтіе (1714—1837). Георгъ I чувствовалъ себя гораздо болѣе нѣмецкимъ государемъ, чѣмъ англійскимъ; всѣ его интересы и симпатіи лежали на его нѣмецкой родинѣ. Англійскими дѣлами онъ интересовался сравнительно мало, и это оказалось благопріятнымъ для развитія англійской конституціонной свободы. Онъ вовсе не владѣлъ англійскимъ языкомъ, а его министры по большей части не знали ни нѣмецкаго, ни даже французскаго; объясняться они должны были по латыни. Ранѣе на засѣданіяхъ министерства всегда присутствовалъ король, который былъ его предсѣдателемъ. Присутствіе на нихъ Георга стало очевидно совершенно невозможнымъ, и совѣтъ собирался безъ него, сообщая ему о принятыхъ рѣшеніяхъ черезъ посредство одного изъ министровъ. Отсутствіе короля естественно доставляло каждому участнику большой просторъ и большую независимость мнѣній; кромѣ того, явилась необходимость въ предсѣдателѣ, т.-е. въ первомъ министрѣ. Такимъ образомъ при Георгѣ I кабинетъ сталъ уже вполнѣ сложившимся учрежденіемъ. Въ 1721 г. настроеніе палаты общинъ принудило короля, несмотря на его нежеланіе, вручить бразды правленія Роберту Вальполю, одному изъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей Англіи. Вмѣстѣ съ Вальполемъ въ англійское правительство вошли торговые и промышленные интересы. Опираясь на поддержку палаты общинъ, кабинетъ Вальполя, — первый кабинетъ, вполнѣ заслу-

живающій этого наименованія, — остался у власти, даже послѣ вступленія на престолъ Георга II (1727—1760), который питалъ личную къ нему антипатію, и продержался въ общей сложности болѣе 20 лѣтъ. Когда въ 1742 году онъ потерпѣлъ пораженіе въ палатѣ общинъ вслѣдствіе неудачъ въ начатой правительствомъ войнѣ съ Испаніей и вышелъ въ отставку, то было ясно, что нельзя поручить управленіе страною какому бы то ни было министерству, которое не пользовалось бы довѣріемъ парламента.

Усиленіе палаты общинъ на счетъ палаты лордовъ.

Такимъ образомъ воля короны должна была уступить волѣ парламента. Но парламентъ состоялъ изъ двухъ палатъ, палаты законодателей въ силу права рожденія и законодателей въ силу права избранія. Которой должна была принадлежать руководящая роль?

Годъ революціи 1688—1689, который доставилъ торжество конституціонализму, является исходною точкой также въ измѣненіи отношеній между ними. Уже раньше палата общинъ настаивала на томъ, что въ финансовыхъ вопросахъ она имѣетъ преимущество передъ палатой лордовъ. Но въ годъ революціи былъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ. Принятая ею резолюція гласила.

«Всѣ денежныя средства и налоги, даваемые Его Величеству въ парламентѣ, — исключительно приношеніе общинъ; общины имѣютъ неоспоримое и единственное право опредѣлять сумму и назначать въ такихъ билляхъ предметы, условія, ограниченія и сущность такихъ ассигнованій, при чемъ палата лордовъ не должна вносить сюда какихъ-либо измѣненій». Лорды подчинились этой резолюціи и такимъ образомъ фактически потеряли почти всякое вліяніе на финансы; у нихъ оставалось право отвергнуть финансовый билль цѣликомъ, что очень трудно, и право отвергнуть цѣликомъ бюджетъ, что почти совершенно невозможно, такъ какъ оставить страну безъ утвержденнаго бюджета (въ которомъ имѣется, между прочимъ, и смѣта самой палаты лордовъ) всегда крайне рискованно. Держа въ своихъ рукахъ казначейство, общины получили перевѣсъ въ системѣ государственныхъ установленій. Министерство естественно должно было обращаться за поддержкою къ нимъ, а не къ лордамъ. Такимъ образомъ отвѣтственность передъ парламентомъ означала въ дѣствительности отвѣтственность передъ его нижней палатой. И даже въ области законодательной, въ которой въ теоріи палаты были совершенно

равноправны, нижняя, въ концѣ-концовъ, всегда могла принудить верхнюю къ уступкѣ, если только сама обладала достаточно внушительнымъ и прочнымъ большинствомъ (что далеко не всегда имѣетъ мѣсто).

При Аннѣ, когда въ 1711 г. ея симпатіи отъ виговъ перешли къ торіямъ, оказалось нужнымъ сломить сопротивленіе верхней палаты, въ то время въ большинствѣ своемъ вигской. Королева вышла изъ затрудненія довольно просто, сразу назначивъ 12 новыхъ пэровъ изъ партіи тори.

Такимъ образомъ въ рукахъ короны имѣлось противъ лордовъ могущественное орудіе, котораго у нея не было противъ общинъ. Правда, съ 1711 г. этимъ орудіемъ корона больше не пользовалась; если она жаловала кому-нибудь достоинство пэра, то это дѣлалось всегда индивидуально въ награду за заслуги на поприщѣ государственной или военной службы, науки или искусства. Однако, въ противоположность праву вето, которое корона утеряла, это орудіе сохранило всю свою силу: нѣсколько разъ въ исторіи Англіи лорды должны были уступать настояніямъ короны, когда эта послѣдняя давала имъ понять, что въ случаѣ ихъ упорства она прибѣгнетъ къ массовому назначенію лордовъ и такимъ образомъ перемѣститъ центръ политической тяжести въ ихъ палатѣ. Но разъ министры были отвѣтственны передъ палатой общинъ, разъ каждый актъ короны, — и пожалованіе пэромъ не составляло исключенія, — долженъ былъ быть контрассигнованъ министромъ, то въ дѣйствительности этимъ орудіемъ владѣлъ не король, а палата общинъ. Палата лордовъ должна была склоняться передъ нею.

Въ 1719 лорды сдѣлали попытку измѣнить это отношеніе. Они приняли билль, въ силу котораго число пэровъ фиксировалось, и по достиженіи опредѣленной не высокой нормы корона могла жаловать кого-либо достоинствомъ пэра только когда какой-нибудь титулованный родъ угаснетъ. Внѣшнимъ образомъ билль былъ направленъ какъ будто противъ короны; но общины хорошо поняли его истинное значеніе, и безъ колебаній отвергли.

Напротивъ, якобитскій мятежъ 1715 — 1716 г., вспыхнувшій въ Шотландіи и имѣвшій цѣлью возстановленіе на престолѣ дома Стюартовъ, далъ поводъ палатѣ общинъ подъ предлогомъ опасности парламентскихъ выборовъ въ смутное время мятежа не только продлить свое собственное существованіе, но на мѣсто трехлѣтняго установить 7-лѣтній срокъ парламентскихъ полно-

мочій. Мѣра эта, — весьма спорная съ точки зрѣнія права, — должна была сдѣлать нижнюю палату болѣе устойчивой (впрочемъ, право досрочнаго роспуска короной, т.-е. фактически министерствомъ, ею не было затронуто). Билль былъ принятъ лордами и утвержденъ королемъ.

Составъ палаты общинъ. Коррупція. Палата общинъ и общественное мнѣніе.

Кого, однако, представляла палата общинъ? Была ли она истинной выразительницей англійскаго народа, или нѣтъ?

Мы уже знаемъ, что Англія (съ Уельсомъ) въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка посылала въ нее 513 депутатовъ. Число это оставалось неизмѣннымъ вплоть до избирательной реформы 1832 года; изъ нихъ 92 приходилось на графства, 4—на университеты, остальные—на морскіе порты, города и мѣстечки.

Если уже при Тюдорахъ и Стюартахъ избирательная система обращала палату общинъ въ своеобразную олигархію, находившуюся въ сравнительно слабой зависимости отъ населенія[1]), то тѣмъ болѣе это имѣло мѣсто въ XVIII вѣкѣ. Еще при Іаковѣ I общины добились признанія того принципа, что города, разъ призванные въ парламентъ, призывались въ него и впредь; при Карлѣ II онѣ рѣшительно протестовали противъ пожалованія королемъ избирательныхъ правъ одному новому мѣстечку. Съ тѣхъ поръ королевская прерогатива обращать любой городъ или мѣстечко въ городъ парламентскій считалась отмѣненной. Число членовъ палаты общинъ и ихъ распредѣленіе по графствамъ и городамъ было такимъ образамъ окончательно фиксировано; корона потеряла возможность произвольно измѣнять составъ и характеръ палаты призывомъ въ нее представителей отъ новыхъ мѣстечекъ, выборы въ которыхъ могли бы по какимъ-либо причинамъ оказаться благопріятными для ея политики. Зато измѣненіе въ распредѣленіи населенія въ странѣ не отражалось на палатѣ. Между тѣмъ въ теченіе первой половины XVIII вѣка въ Англіи выросли такіе города, какъ Бирмингамъ, Ливерпуль, Манчестеръ, достигшіе населенія во много десятковъ тысячъ жителей, тогда какъ въ періодъ революціи они едва насчитывали по 2 — 4 тыс. жителей; между тѣмъ представительства въ палатѣ общинъ они не имѣли раньше, не получили его и теперь; Лондонъ, выросшій за это время болѣе чѣмъ вдвое, сохранилъ его въ прежнемъ размѣрѣ; въ то же время мѣстечки, и раньше незначительныя, теперь совсѣмъ жалкія, иногда состоявшія изъ двухъ-трехъ хижинъ,

---

[1]) См. статью А. Савина «Англійскій парламентъ при Тюдорахъ и первыхъ Стюартахъ» во II томѣ «Книги для чтенія по исторіи новаго времени».

сохранили свое право посылать одного или двухъ представителей. Былъ городокъ Старый Сарумъ, на который сторонники реформы постоянно указывали съ своего рода злорадствомъ; въ давнее время онъ получилъ право на особаго представителя въ палатѣ; къ серединѣ XVIII вѣка онъ совершенно исчезъ съ лица земли; но право представительства въ палатѣ за нимъ сохранилось, и пользовался имъ сосѣднiй лордъ. Въ шестидесятыхъ годахъ XVIII вѣка 254 англiйскихъ члена палаты общинъ, т.-е. почти половина, были представителями такихъ «гнилыхъ» или «карманныхъ» мѣстечекъ, общее число избирателей въ которыхъ опредѣлялось въ 5.723 человѣка; тогда какъ сотни тысячъ жителей большихъ городовъ вовсе не имѣли голоса. Такимъ образомъ торгово-промышленный классъ, быстро выросшiй и окрѣпшiй послѣ революцiи 1688 года, былъ почти совершенно лишенъ представительства. Землевладѣльческiй же классъ, который почти только и былъ представленъ въ палатѣ, былъ представленъ крайне неравномѣрно, почти случайно.

Но этого мало. Тайна пренiй въ парламентѣ, строго охраняемая, освобождала народныхъ представителей отъ какой бы то ни было отвѣтственности даже передъ небольшую кучкою ихъ привилегированныхъ избирателей. Такимъ образомъ палата общинъ была корпорацiей, представлявшей, и притомъ крайне неравномѣрно, лишь очень небольшую часть населенiя (на 8 миллiоновъ жителей Англiи въ концѣ XVIII вѣка насчитывалось не болѣе 160.000 избирателей), члены которой не только не обязаны отчетомъ даже передъ этою избравшею ихъ частью, но лишены всякой возможности давать его.

Такiя условiя естественно должны были давать полную возможность для всякихъ злоупотребленiй, — и они дѣйствительно развились. Гнилыя мѣстечки по большей части находились въ полной зависимости отъ мѣстнаго лорда; лордъ обыкновенно принадлежалъ къ той или другой изъ двухъ борющихся партiй, виговъ или тори, и поддерживалъ тѣхъ или другихъ изъ многихъ претендентовъ на власть (если самъ не былъ однимъ изъ нихъ). Такимъ образомъ каждое правительство имѣло въ своей полной зависимости значительное число избирательныхъ округовъ. Иные округа можно было купить прямо за деньги; цѣна доходила иногда до 4.000 фунтовъ стерлинговъ. Сами депутаты далеко не отличались безкорыстiемъ, и ихъ голоса покупались такъ же, какъ они сами покупали свои мѣста въ палатѣ. Въ особенности разви-

лись злоупотребленія такого рода со времени Вальполя (1721—42), который главнымъ орудіемъ своей политики сдѣлалъ торговлю гнилыми мѣстечками и депутатскими голосами; на нее тратились значительныя средства какъ изъ доходовъ государства, такъ и изъ средствъ поддерживавшихъ его богатыхъ вигскихъ фамилій; такимъ образомъ именно онъ можетъ считаться всего болѣе отвѣтственнымъ за то, что вмѣстѣ съ парламентаризмомъ (и одновременно съ широкой религіозной терпимостью) въ англійскую политическую жизнь въ широкихъ размѣрахъ проникла коррупція.

И тѣмъ не менѣе въ общемъ и цѣломъ палата общинъ шла впередъ и вела впередъ государство. За закрытыя двери залы ея засѣданій голосъ общественнаго мнѣнія все же проникалъ, и палата не могла не прислушиваться къ нему, не могла до извѣстной степени не подчиняться ему, хотя бы иногда и противъ воли.

Реакція при Георгѣ III и окончательное торжество парламентаризма.

Въ 1760 на великобританскій престолъ вступилъ Георгъ III, и это событіе, казалось, грозило большими опасностями парламентаризму и свободѣ. Молодой монархъ не только хорошо владѣлъ англійскимъ языкомъ, но считалъ себя и былъ въ дѣйствительности англичаниномъ и гораздо болѣе чувствовалъ себя королемъ англійскимъ, чѣмъ ганноверскимъ, хотя ганноверскіе интересы ему тоже не были чужды и имѣли сильное вліяніе на его иностранную политику. Держась весьма высокаго мнѣнія о прерогативахъ королевской власти, онъ не хотѣлъ довольствоваться тою ролью, какою довольствовались первые Георги; онъ негодовалъ на тиранію партій, хотѣлъ управлять самъ и настойчиво стремился къ возстановленію личнаго режима эпохи Тюдоровъ. Между тѣмъ парламентъ не только уже завоевалъ всю полноту законодательной власти, но поставилъ кабинетъ министровъ почти въ полную зависимость отъ себя. Началась новая борьба, которая закончилась пораженіемъ короны и окончательнымъ торжествомъ принципа парламентаризма.

Въ 1761 г. на одномъ засѣданіи кабинета Ньюкестля, членомъ котораго былъ знаменитый Питтъ Старшій, произошелъ слѣдующій достопамятный діалогъ, ярко характеризующій борющіяся политическія стремленія той эпохи.

«Призванный сюда голосомъ народа, — говорилъ Питтъ, — передъ которымъ я признаю себя отвѣтственнымъ за свое поведеніе, я не останусь въ такомъ положеніи, которое дѣлаетъ меня отвѣт-

ственнымъ за мѣры, относительно которыхъ я не могу распоряжаться».

«Когда джентльменъ говоритъ здѣсь (т.-е. въ кабинетѣ) о своей отвѣтственности передъ народомъ,—возразилъ Питту лордъ Гренвиль, — онъ говоритъ языкомъ палаты общинъ и забываетъ, что здѣсь, за этимъ столомъ, онъ отвѣтственъ только передъ королемъ». Питтъ вышелъ въ отставку.

Причина конфликта между Питтомъ и королемъ лежала въ различномъ ихъ отношеніи къ семилѣтней войнѣ, въ которой дѣятельное участіе принимала и Англія, распространивъ ея театръ съ Европы на Америку и Азію. Побѣда при Пласси (близъ Калькуты), одержанная въ самомъ началѣ войны (1757) Клейвомъ надъ арміей бенгальскаго властелина Сюраджи Довлаха, котораго французы побудили открыть военныя дѣйствія противъ англичанъ, поставила Бенгалію въ зависимость отъ Англіи; съ этого времени начинается дѣйствительное владычество Англіи надъ Остъ-Индіей. Черезъ два года (1759) не менѣе важная побѣда была одержана въ Америкѣ: ген. Вольфъ взялъ Квебекъ, послѣ чего Канада изъ французскихъ рукъ перешла въ англійскія. Такимъ образомъ Англія твердою ногою стала въ Индіи и укрѣпила свое положеніе въ Америкѣ. Благодаря тому и другому она изъ средняго по размѣрамъ и численности населенія европейскаго государства съ незначительными колоніями во внѣевропейскихъ странахъ обратилась въ самую могущественную въ мірѣ морскую державу. Война, побѣдоносная въ трехъ частяхъ свѣта, обѣщавшая значительное расширеніе англійской торговли, была въ высшей степени популярна въ англійскомъ обществѣ, въ особенности въ среднихъ его кругахъ, и Питтъ велъ ее съ большой энергіей. Но Георгъ III, ганноверскія симпатіи котораго были непріятно затронуты союзомъ съ Пруссіей, къ тому же питавшій къ Питту, «трубѣ мятежа», какъ онъ его называлъ, глубокою антипатію, былъ рѣшительнымъ сторонникомъ мира, — и въ этомъ лежала причина отставки популярнаго министра.

Въ 1762 во главѣ кабинета былъ поставленъ лордъ Бьютъ, тори и любимецъ короля, не состоявшій даже членомъ парламента, что въ это время представлялось уже нѣкоторымъ нарушеніемъ установившагося обычая. Однако Бьютъ сумѣлъ создать себѣ необходимое большинство въ палатѣ общинъ, широко пользуясь для этого всѣми не менѣе твердо установившимися со вре-

менъ Вальполя пріемами подкупа и интриги. Имъ была устроена спеціальная канцелярія, вѣдавшая выборныя дѣла и расходовавшая на нихъ громадныя по тому времени суммы. Какъ бы то ни было, но побѣда оказалась на сторонѣ короля. Болѣе того: оказалось, что, говоря объ отвѣтственности передъ народомъ, Питтъ говорилъ даже не на языкѣ палаты общинъ, которая въ это время была почти совершенно солидарна съ королемъ, а на какомъ-то другомъ, тогда еще почти неизвѣстномъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстномъ большинству государственныхъ дѣятелей того времени. И однако дальнѣйшій ходъ событій доказалъ и этимъ государственнымъ дѣятелямъ и самому королю, что научиться ему и прислушиваться къ нему имъ совершенно необходимо.

Отставка Питта, назначеніе Бьюта, нѣкоторыя особенно непопулярныя его мѣры, а затѣмъ парижскій миръ (1763), совершенно не соотвѣтствовавшій ни желаніямъ народа, ни ожиданіямъ, для которыхъ давали основаніе блестящіе военное успѣхи, вызвали взрывъ народнаго негодованія. Онъ проявился прежде всего въ формахъ уличныхъ демонстрацій съ различными эксцессами, но ими не ограничился.

Въ послѣдніе годы министерства Вальполя возникло новое религіозное движеніе методистовъ. Методистскіе проповѣдники читали свои проповѣди подъ открытымъ небомъ; слушать ихъ собирались десятки тысячъ человѣкъ; по окончаніи проповѣди шли диспуты.

Это были первые извѣстные въ исторіи Англіи митинги; первоначально они такимъ образомъ имѣли чисто религіозный характеръ. Но понемногу они начали входить въ жизненный обиходъ; событія 1761 и слѣдующихъ годовъ сильно содѣйствовали ихъ развитію, и митинги сдѣлались могущественнымъ орудіемъ, черезъ посредство котораго общественное мнѣніе дѣйствовало на палаты, министровъ и самого короля, — на послѣдняго даже едва ли не всего больше, такъ какъ на нихъ обыкновенно вырабатывались петиціи для подачи королю. Другимъ орудіемъ, не менѣе сильнымъ, была уже сильно развившаяся пресса.

Агитація противъ Бьюта въ прессѣ, во главѣ которой шелъ «North Briton», органъ члена палаты общинъ, Уилькса, и на митингахъ, была настолько рѣшительна и настойчива, что Бьюту пришлось выйти въ отставку (1763). Его замѣститель, Гренвиль, продолжавшій его политику, возбудилъ по личному желанію ко-

роля процессъ противъ Уилькса по обвиненію въ оскорбленіи величества въ статьѣ въ № 45 его изданія. Уильксъ былъ арестованъ, но судъ освободилъ его на томъ основаніи, что онъ, какъ членъ палаты, не могъ подлежать аресту (кромѣ случаевъ государственной измѣны и т. п.), и даже присудилъ въ его пользу денежное вознагражденіе съ непосредственно виновнаго въ его арестѣ министра Галифакса. Однако угодливая палата общинъ, несмотря на рѣшительный протестъ Питта, признала его сочиненіе оскорбительнымъ и возмутительнымъ пасквилемъ» (libel) и изгнала его изъ своей среды (1764). Рѣшеніе палаты вызвало взрывъ общественнаго негодованія; слова «Уильксъ и свобода» были боевымъ лозунгомъ, безпрестанно раздававшимся на улицахъ; на окнахъ, воротахъ и стѣнахъ чуть не каждаго дома мѣломъ или какъ-нибудь иначе было написано «№ 45»; печать громко протестовала, и двѣсти возбужденныхъ противъ нея процессовъ не могли заставить ее замолчать. Дѣло это имѣло свой эпилогъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Самъ Уильксъ, сначала не обнаружившій достаточной твердости и бѣжавшій за границу, въ 1768, къ моменту общихъ парламентскихъ выборовъ, вернулся на родину и съ полнымъ успѣхомъ выступилъ кандидатомъ въ Миддльсексѣ. Палата общинъ отвѣтила кассаціей его избранія. Онъ снова явился кандидатомъ, снова былъ избранъ, и снова палата не только кассировала выборы, но сдѣлала постановленіе о его неизбираемости. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ выбранъ въ третій разъ. На этотъ разъ палата сдѣлала болѣе: она просто признала поданные за него голоса не дѣйствительными и постановила считать избраннымъ его соперника, полковника Лутреля, хотя тотъ получилъ всего 296 голосовъ, тогда какъ за Уилькса было подано 1.143. Рѣчь Питта, который настаивалъ на томъ, что палата не имѣетъ права нарушть волю избирателей, не помогла дѣлу. Черезъ нѣсколько дней миддльсекскіе избиратели собрались на митингъ и выработали длинную петицію королю; въ ней они просили короля «удалить дурныхъ и вредныхъ совѣтниковъ, по совѣтамъ которыхъ отняты у народа самыя дорогія его права». Петиція была напечатана въ газетахъ и получила широкое распространеніе. Подъ ея вліяніемъ собирались и въ другихъ мѣстахъ митинги и вырабатывали аналогичныя резолюціи и петиціи.

Вся эта агитація не осталась безплодной, и когда въ 1774 г. Уильксъ былъ вновь выбранъ на новыхъ общихъ выборахъ, то палата уже не рѣшилась еще разъ прибѣг-

нуть къ тому же пріему; Уильксъ свободно занялъ мѣсто на ея скамьяхъ.

Нѣсколько ранѣе была одержана другая побѣда общественнаго мнѣнія надъ парламентомъ. Съ давнихъ временъ парламентъ очень ревниво слѣдилъ за сохраненіемъ тайны своихъ засѣданій; опубликованіе отчета о немъ было въ глазахъ лордовъ и общинъ посягательствомъ на ихъ привилегію, которое не должно было оставаться безнаказаннымъ. Во времена Стюартовъ тайна была нужна парламенту противъ короны, чтобы не допустить или затруднить преслѣдованіе члена парламента за высказанное имъ мнѣніе или за голосованіе. Но при Георгахъ, когда на свободу мнѣній депутатовъ никто уже не посягалъ, тайна была нужна противъ общества. Общество, въ свою очередь, не хотѣло мириться съ нею.

Со времени Георга III стали появляться въ печати полусатирическіе отчеты о засѣданіяхъ «сената лилипутовъ», въ которыхъ парламентскіе ораторы выводились подъ разными прозрачными псевдонимами. Въ 1771 палата общинъ по жалобѣ своего члена, полковника Онсло, обиженнаго тѣмъ, что онъ былъ выведенъ въ одномъ изъ такихъ отчетовъ какъ «жалкое насѣкомое», издала особую прокламцію, которою она подтвердила старинное запрещеніе печатанія какихъ бы то ни было отчетовъ, и нѣсколько времени спустя постановила арестовать типографа Миллера, который не пожелалъ подчиняться прокламаціи. Но потребность въ гласности была уже слишкомъ хорошо сознана, и органомъ общественнаго мнѣнія явился на этотъ разъ лондонскій городской совѣтъ, однимъ изъ альдерменовъ котораго въ это время состоялъ тотъ же Уильксъ. На послѣднее постановленіе общинъ лондонскій совѣтъ отвѣтилъ арестомъ того пристава палаты который, исполняя ея приказъ, арестовалъ Миллера въ предѣлахъ лондонскаго Сити безъ постановленія его властей. Палата, въ свою очередь, арестовала лорда-мэра и одного изъ альдерменовъ, не рѣшившись тронуть другого, именно Уилькса, который, однако, былъ главнымъ виновникомъ этой мѣры. Когда лорда-мэра и альдермена вели въ тюрьму, то громадная толпа народа устроила имъ по дорогѣ восторженную овацію, обративши ихъ шествіе въ тріумфальное. Это странная, не разъ, однако, повторявшаяся въ исторіи Англіи борьба посредствомъ взаимныхъ арестовъ (палата общинъ издавна пользуется въ Англіи правомъ подвергать аресту лицъ, виновныхъ въ нарушеніи ея привилегій) велась не долго: арестъ по постановленію палаты не могъ

продолжаться во время парламентскихъ каникулъ, и закрытіе сессіи привело къ освобожденію всѣхъ арестованныхъ. Но съ этихъ поръ палата не рѣшалась болѣе лицъ, виновныхъ въ печатаніи ея отчетовъ, подвергать какимъ бы то ни было преслѣдованіямъ.

Такимъ образомъ въ 70-хъ годахъ XVIII ст. была отвоевана свобода печатанія парламентскихъ отчетовъ, что поставило членовъ палаты общинъ подъ строгій контроль со стороны ихъ избирателей. Отнынѣ избиратели требовали отъ своихъ избранниковъ, чтобы тѣ по закрытіи сессіи давали имъ отчетъ, и эти послѣдніе не могли укрываться за парламентскую привилегію. Это привело палату общинъ въ болѣе тѣсную связь съ избирателями, съ народомъ.

Мы уже видѣли, что вступленіе на престолъ Георга III почти совпало съ великимъ измѣненіемъ въ политическихъ судьбахъ Англіи: Англія только что стала великой міровой державой. Это событіе, конечно, не было послѣдствіемъ нѣсколькихъ случайно одержанныхъ побѣдъ; оно явилось въ результатѣ всего экономическаго развитія страны, которая изъ страны земледѣльческой, вывозящей свой хлѣбъ за границу, какой она была въ первой половинѣ XVIII вѣка, во вторую половину обратилась въ страну по преимуществу промышленную, нуждающуюся во ввозномъ хлѣбѣ.

Пріобрѣтеніе обширныхъ владѣній въ Азіи и Америкѣ, принося метрополіи значительныя коммерческія и политическія выгоды, не могло остаться безслѣднымъ для ея собственнаго развитія. Такіе государственные люди, какъ Вальполь и Питтъ, которые становились у кормила правленія лишь подъ сильнѣйшимъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, умѣли цѣнить добрыя отношенія съ колоніями. Напротивъ, являвшіеся имъ на смѣну представители аристократіи и любимцы короля видѣли въ колоніяхъ только дойную корову. Послѣ паденія Питта въ 1761, при Бьютѣ и еще болѣе при Гренвиллѣ, т.-е. послѣ заключенія мира съ Франціей и другими ведшими войну державами, началось обостреніе отношеній между Англіей и ея американскими колоніями, окончившееся тяжелой войной и ихъ отпаденіемъ. Въ 1764 г. министерство Гренвилля, подъ вліяніемъ соображеній фискальнаго свойства, провело черезъ парламентъ билль, по которому цѣлый рядъ товаровъ, ввозимыхъ въ колоніи, облагался пошлинами; въ 1765 г. оно ввело штемпельный актъ, облагавшій

опредѣленнымъ гербовымъ сборомъ разные торговые и др. документы. Кромѣ того, министерство Гренвилля рѣшило настаивать на безусловномъ соблюденіи навигаціоннаго акта 1651 г. (допускавшаго къ торговлѣ съ колоніями только англійскіе корабли съ англійскимъ же экипажемъ), который въ послѣднее время плохо соблюдался, и стремилось суровыми мѣрами подавить контрабандную торговлю (между англійскими и испанскими владѣніями въ Америкѣ, ставшую совершенно необходимой для благосостоянія колоній. Въ своихъ фискальныхъ мѣрахъ англійское правительство руководилось желаніемъ, казавшимся ему вполнѣ справедливымъ, возложить на колоніи, по крайней мѣрѣ, долю того финансоваго бремени, которое, въ видѣ значительнаго государственнаго долга, легло на плечи Англіи вслѣдствіе войны, — войны, принесшей гораздо болѣе значительныя выгоды колоніямъ, чѣмъ самой метрополіи. Между тѣмъ колонисты выставили принципъ: «taxation without represensation is tiranny» (обложеніе налогами безъ представительства — тиранія). Георгъ III и правящіе круги Англіи прямо не понимали этого принципа; имъ казалось, что разъ американцы такіе же подданные англійскаго короля, какъ и англичане, то они имѣли такъ же мало основаній протестовать противъ рѣшеній палаты общинъ, какъ и жители Бирмингама или Манчестера или тѣ 8 милліоновъ англійскихъ гражданъ, которые тоже не имѣли голоса; палата общинъ, выбранная опредѣленными мѣстностями, имѣющими на то историческое право, была въ глазахъ Георга III представительницей всего англійскаго народа и дѣйствовала отъ его имени. Тѣмъ не менѣе, даже среди вліятельныхъ политическихъ дѣятелей Англіи далеко не всѣ сочувствовали вызывающей политикѣ Гренвилля, но только по чисто практическимъ соображеніямъ; занявшій его мѣсто Роккингамъ (1765 — 66) считалъ ее опасной и не желалъ чрезмѣрно раздражать колонистовъ; но и онъ не сомнѣвался въ правѣ англійскаго парламента облагать колонистовъ налогами и рѣшительно отвергалъ принципъ колонистовъ. При Роккингамѣ въ 1766 г. отмѣненъ штемпельный актъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, парламентъ принялъ декларацію о томъ, что «во всѣхъ случаяхъ» ему принадлежитъ верховная власть надъ колоніями. Питта, протестовавшаго противъ этой деклараціи въ палатѣ общинъ, и Шельбурна — въ палатѣ лордовъ поддержали въ первой только два члена (даже Боркъ, впослѣдствіи бывшій сторонникомъ независимости Америки, былъ противъ) и въ послѣдней только 4. Совсѣмъ иначе смотрѣли

на вопросъ промышленные круги Англіи. Для нихъ палата общинъ не была истинной представительницей англійскаго народа; они признавали принципъ колонистовъ; они сомнѣвались въ необходимости сохраненія навигаціоннаго акта и слишкомъ дорожили, — даже съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ, — развитіемъ благосостоянія колоній, чтобы не смотрѣть на контрабанду очень снисходительными глазами. Но эти круги не имѣли политическаго вѣса; выразителемъ ихъ стремленій былъ Питтъ, но онъ почти не имѣлъ сторонниковъ въ палатѣ общинъ, вызывалъ въ себѣ вражду какъ торіевъ, такъ и большинства виговъ и пользовался ненавистью короля. И тѣмъ не менѣе, когда политика Бьюта, Гренвилля и, наконецъ, Роккингама потерпѣла очевидную неудачу, то королю пришлось пойти навстрѣчу общественному мнѣнію и вновь призвать къ власти Питта (1766). Побѣда общественнаго мнѣнія и Питта была, однако, далеко не полная: Питтъ только вступилъ въ кабинетъ Графтона, а не составилъ своего кабинета, и долженъ былъ дѣйствовать съ людьми, довольно ему чуждыми. Не болѣе чѣмъ черезъ годъ серьезная болѣзнь заставила его почти вовсе устраниться отъ дѣлъ правленія, и кабинетъ, до 1768 г. считавшій его въ числѣ своихъ членовъ, но состоявшій изъ людей, не понимавшихъ его замысловъ, лишенный его руководительства, шелъ совсѣмъ не по его дорогѣ. Вмѣсто отказа отъ обложенія Америки налогами послѣдовала жалкая реформа налоговой системы, которая совершенно не удовлетворила колонистовъ. Послѣ его отставки министерство Графтона, при которомъ палата общинъ вела столь печальную борьбу съ миддльсекскими избирателями Уилькса, въ отношеніи къ колоніямъ мало чѣмъ отличалось отъ министерства Роккингма. Оно пало подъ бичомъ сарказмовъ знаменитыхъ «Писемъ Юніуса», но его паденіе не было торжествомъ свободы; его мѣсто заняло министерство любимца короля Норта (1770 — 82), тори и рѣшительнаго врага колоній. При немъ отношенія Англіи съ колоніями обострялись все болѣе, пока, наконецъ, дѣло не дошло до открытой войны съ ними и до потери американскихъ колоній. Таковъ былъ главный результатъ политики Норта.

Но былъ и другой. Министерство Норта, которое довело дѣло до войны, состояло изъ личныхъ друзей Георга III; оно было орудіемъ короля и въ своей дѣятельности сравнительно мало считалось даже съ волей палаты общинъ, въ особенности въ послѣдніе годы, когда

настроеніе палаты подъ вліяніемъ пораженій стало склоняться въ пользу мира. Конечно, если бы палата была единодушна, то она принудила бы его уйти въ отставку. Но достаточно единодушна она не была, и этимъ пользовался Нортъ. Въ 1780 общины приняли резолюцію, въ которой прямо говорили, что «вліяніе короны возросло и продолжаетъ возрастать, но оно должно быть уменьшено». Въ 1782 г. вскорѣ послѣ капитуляціи Корнваллиса онѣ постановили считать «врагомъ короля и народа всякаго, кто будетъ совѣтовать королю продолжать войны съ американскими колоніями». Это былъ прямой вотумъ недовѣрія министерству Норта, которое вело войну. Нортъ почувствовалъ, что дѣло грозитъ очень тяжелыми послѣдствіями, и, хотя и не безъ колебаній и прямо вопреки настояніямъ Георга III, черезъ нѣсколько дней подалъ въ отставку, и притомъ сразу отъ имени всего кабинета. Это былъ первый случай, когда голосованіе палаты непосредственно повело за собою одновременную отставку всего кабинета. Этотъ коллективный выходъ въ отставку важенъ, однако, не только потому, что онъ былъ первымъ въ исторіи Англіи дѣйствительнымъ министерскимъ (кабинетскимъ) кризисомъ, но и потому, что онъ былъ полнымъ и окончательнымъ крушеніемъ личной политики короля.

Правда, черезъ два года Питтъ Младшій, находясь во главѣ кабинета, сдѣлалъ попытку, опираясь на поддержку короля, управлять страною вопреки вотуму палаты общинъ. Но въ данномъ случаѣ желанія короля совпадали съ настроеніемъ общественнаго мнѣнія, того самаго общественнаго мнѣнія, которое выдвинуло и поддерживало Вальполя и Питта Старшаго противъ короля. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ въ состояніи выдержать враждебное къ нему отношеніе общинъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ которыхъ онъ распустилъ палату. Выборы оказались вполнѣ благопріятными для него, и новая палата была вполнѣ на его сторонѣ.

Это былъ послѣдній случай управленія страною вопреки палатѣ общинъ. Съ тѣхъ поръ отрицательный вотумъ палаты, направленный противъ министерства, неизбѣжно влечетъ за собою или немедленную отставку министерства, или столь же немедленный роспускъ палаты, а исходъ выборовъ окончательно рѣшаетъ судьбу министерства. Система однороднаго кабинета, опирающагося на партію, имѣющую большинство въ палатѣ общинъ, или, говоря иначе, система партійнаго управленія, сложилась окончательно.

Еще въ 1771 г. извѣстный юристъ швейцарецъ Делольмъ сказалъ: «Основной принципъ англійскихъ юристовъ состоитъ въ томъ, что парламентъ можетъ сдѣлать все: онъ не можетъ только превратить мужчину въ женщину и женщину въ мужчину». О всемогуществѣ парламента говорили, впрочемъ, задолго до этого (Эдуардъ Кокъ въ началѣ XVII вѣка). Но для того, чтобы эти выраженія имѣли смыслъ въ XVI, XVII, въ первой половинѣ XVIII вѣка, и даже еще при министерствѣ Норта, для этого слово «парламентъ» нужно употреблять въ томъ условномъ смыслѣ, въ которомъ его употребляютъ англійскіе юристы, и въ какомъ оно звучитъ крайне странно какъ для юристовъ континентальной Европы, такъ даже и для обыкновенной англійской публики; нужно признавать, что парламентъ есть учрежденіе, состоящее изъ короля, палаты лордовъ и палаты общинъ (король въ парламентѣ). Воля такъ понимаемаго парламента есть согласная воля трехъ органовъ, и эта воля была дѣйствительно юридически всемогуща, т.-е. не могла быть законнымъ образомъ ограничена волею какого бы то ни было другого учрежденія страны уже при Стюартахъ и даже Тюдорахъ. Но только съ конца XVIII вѣка, со времени министерства Питта Младшаго (1783 — 1801) всемогущъ былъ парламентъ въ обычномъ смыслѣ слова, т.-е. двѣ его палаты, изъ которыхъ наиболѣе сильной была нижняя, тогда какъ за верхней, кромѣ нѣкоторыхъ судебныхъ функцій, сохранилась лишь роль тормаза, правда весьма сильнаго, въ области законодательной. Король, конечно, сохранилъ долю своего вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ; еще въ 1804 онъ имѣлъ достаточно силы, чтобы рѣшительно отказать Питту Младшему, когда тотъ пожелалъ включить въ свой кабинетъ Чарльза Фокса, вождя крайней фракціи виговъ, и Питтъ, несмотря на свою твердость и настойчивость, принужденъ былъ уступить. Даже значительно позднѣе первый министръ, составляя свой кабинетъ, совѣтуя пожаловать кому-нибудь достоинство лорда и т. д., долженъ былъ до нѣкоторой степени считаться съ симпатіями и антипатіями короля, съ его желаніями и убѣжденіями при досрочномъ роспускѣ палаты, при внесеніи билля въ палату и т. д.; но при настойчивости и достаточной поддержкѣ палаты всегда должна была восторжествовать его воля надъ волей короля. Поэтому король отнынѣ царствовалъ, а не управлялъ, и былъ скорѣе символомъ государства или декоративной частью государственной машины, чѣмъ его дѣятельнымъ органомъ.

Парламентъ во всякомъ случаѣ сталъ гораздо болѣе могущественнымъ, чѣмъ былъ раньше. Однако не трудно замѣтить, что онъ совершенно отказался пользоваться своею властью въ очень обширной и важной жизненной области, и такимъ образомъ самъ добровольно ограничилъ свою компетенцію.

Въ XVI и XVII вѣкѣ парламентъ никогда не упускалъ изъ виду вопросовъ религіи. Онъ дѣлалъ постановленія о томъ, какой религіи должна держаться Англія, установлялъ догматы вѣры, протестовалъ противъ употребленія образовъ и восковыхъ свѣчей въ церквахъ, противъ наложенія на себя крестнаго знамени и т. д. Что бы то ни было подобное стало совершенно немыслимымъ въ концѣ XVIII вѣка. Не было издано никакого законодательнаго акта, который ограничилъ бы въ этомъ отношеніи компетенцію парламента, и если бы обѣ его палаты приняли билль о присоединеніи Великобританіи къ католической церкви, то король не имѣлъ бы силъ отказать ему въ своей санкціи, и билль обратился бы въ актъ, съ формальной стороны вполнѣ законный. Но если бы какой-нибудь членъ той или другой палаты предложилъ подобный билль, то его несомнѣнно сочли бы сумасшедшимъ. Сама жизнь ограничила компетенцію парламента въ этомъ отношеніи, какъ она же ограничила власть короны безъ всякихъ спеціальныхъ законодательныхъ актовъ. И ограничила благодаря тому, что народъ, люди, граждане, какъ таковые, дибились признанія извѣстныхъ своихъ правъ, неотъемлемыхъ даже въ силу парламентскаго постановленія. Къ числу такихъ неотъемлемыхъ правъ относится свобода человѣческой совѣсти и человѣческаго слова, устнаго и печатнаго. Мы видѣли, что уже при Вальполѣ Англія могла считаться страной религіозной свободы и свободы слова, такъ какъ министерство не считало нужнымъ примѣнять суровые законы противъ католиковъ и противъ печати; и послѣ Вальполя было только нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ ихъ примѣненія. Убѣжденія въ невозможности ихъ примѣненія настолько упрочилось въ общемъ сознаніи, что въ 1778, при министерствѣ Норта, въ эпоху общей реакціи, законы противъ католиковъ были отмѣнены въ своихъ наиболѣе существенныхъ пунктахъ. Но полное уравненіе католиковъ въ правахъ съ протестантами, т.-е. отмѣна обязательной присяги, которая дѣлала для нихъ невозможнымъ постановленіе на службу или вступленіе въ парламентъ, было произведено только въ 1829 г., а уравненіе евреевъ—даже только въ 1858.

Что касается свободы печати, то фактически она была создана закономъ о пасквилѣ (Libel Act) 1792, передавшимъ преступленія печати въ вѣдѣніе суда присяжныхъ. Такимъ образомъ гарантіей охраны является общее правосознаніе гражданъ, дѣйствующее черезъ посредство этого суда.

Ограниченіе компетенціи парламента въ области личныхъ правъ гражданъ не уменьшило его могущества; скорѣе наоборотъ. Палата общинъ и при Питтѣ и долгое время послѣ Питта, избиралась все тою же ничтожною кучкою землевладѣльцевъ, едва составлявшею 2% всего населенія, что и раньше, при чемъ роль гнилыхъ мѣстечекъ не только не уменьшилась, но увеличилась; всѣ требованія избирательной реформы, громко раздававшіяся съ начала царствованія Георга III и въ митинговыхъ рѣчахъ и резолюціяхъ, и въ періодической прессѣ, долгое время не приводили ни къ чему; болѣе или менѣе радикальные проекты реформы, вносившіеся въ обѣ палаты и отдѣльными депутатами (Вильксомъ въ 1776, Питтомъ Младшимъ, тогда еще только членомъ палаты общинъ, въ 1782 и др.) и лордами (Питтомъ Старшимъ, тогда уже лордомъ Чатамомъ, въ 1770, герцогомъ Ричмондомъ въ 1780), и даже министрами (Питтомъ Младшимъ въ 1785), систематически отвергались вплоть до 1832 года. Такимъ образомъ парламентъ сохранялъ свой прежній составъ; и тѣмъ не менѣе, его характеръ сильно измѣнился уже ко времени Питта Младшаго. Печатаніе его отчетовъ сдѣлало его гораздо болѣе чуткимъ къ общественному мнѣнію; то же печатаніе отчетовъ, если не уничтожало, то, по крайней мѣрѣ, сильно затрудняло прямой подкупъ депутатовъ, а произведенное въ 1783 сильное сокращеніе секретныхъ фондовъ сдѣлало почти невозможной, по крайней мѣрѣ для правительства (не для отдѣльныхъ лицъ), покупку и парламентскихъ мѣстъ; и то и другое при Питтѣ уже почти совершенно вышло изъ употребленія (что не мѣшало тому же Питту воскресить въ широкихъ размѣрахъ ту же систему въ Ирландіи). Коррупціи если не исчезла, то сократилась.

В. Водовозовъ.

Политическія ученія въ Англіи въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ XIX вѣка.

Хотя представители политической мысли XVIII вѣка въ Англіи и пользуются меньшей извѣстностью, чѣмъ ихъ французскіе современники, однако изъ этого факта не слѣдуетъ заключать, что послѣ двухъ революцій XVII вѣка англійская общественная жизнь впала въ долгій сонъ и прекратилась работа политической мысли. Въ теченіе XVIII вѣка въ Англіи шла хотя и незамѣтная, но важная политическая работа: складывалась кабинетная система правленія, и парламентаризмъ принялъ ту форму, въ которой онъ впослѣдствіи сталъ извѣстенъ и былъ воспринятъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ; построена была конституціонная

Пособія. Исторія политическихъ теорій въ Англіи въ XVIII вѣкѣ мало подвергалась изученію и изложенію въ цѣломъ, поэтому трудно указать, — въ особенности на русскомъ языкѣ,— общія и болѣе или менѣе популярныя сочиненія, посвященныя этому вопросу. Для изученія политической мысли этого періода единственное средство -- обращаться къ произведеніямъ самихъ представителей политической мысли XVIII вѣка и къ монографіямъ, изучающимъ отдѣльныхъ авторовъ, — Болингброка, Юніуса, Юма, Годвина, Бентама и т. д. Изъ общихъ сочиненій можно указать особенно на слѣдующія: *Чичеринъ, Исторія политическихъ ученій,* часть 3, Москва, 1874 г. Хотя въ этомъ обширномъ и капитальномъ сочиненіи и нѣтъ связной и полной исторіи спеціально англійскихъ политическихъ ученій, однако въ немъ имѣется очень добросовѣстное, подробное и точное изложеніе доктринъ Гучисона, Фергюсона Юма, Пэна, Борка и Бентама. *Leslie Stephen, History of english Thought in the XVIII Century,* vol. II, London, 1876. Лучшее сочиненіе, изучающее англійскую идеологію XVIII вѣка. Хотя оно имѣетъ въ виду главнымъ образомъ исторію философской мысли, однако во второмъ томѣ помѣщена прекрасная обширная глава, обнимающая англійскія политическія ученія XVIII вѣка въ цѣломъ. *E. Halevy, La formation du radicalisme philosophique,* 3 vol., P., 1904. Подробное и самостоятельное изложеніе доктринъ Бентама въ связи съ общей умственной политической атмосферой второй половины XVIII вѣка и начала XIX вѣка.

теорія, и возникла радикально-демократическая партія. Хотя англійскія политическія доктрины этой эпохи и не оказали того міроваго вліянія, какое произвели французскія теоріи XVIII вѣка, однако въ нихъ было много глубокой философской мысли, здраваго смысла и вѣрнаго пониманія природы политическихъ явленій: — и онѣ до сихъ поръ не потеряли теоретическаго интереса, не говоря уже объ ихъ историческомъ значеніи въ развитіи англійской общественности.

I. Конституціонно-монархическія теоріи.

Локкъ. Главное политико-философское наслѣдіе, полученное англійской политической мыслью отъ XVII вѣка, заключалось въ теоріяхъ Локка. У Локка черпали послѣдующіе писатели идею естественныхъ правъ свободы и собственности, неотчуждаемо принадлежащихъ всѣмъ людямъ; у него они находили ученія о происхожденіи государства изъ общественнаго договора, о цѣляхъ государства, сводящихся къ лучшей охранѣ естественныхъ правъ свободы и собственности, о предѣлахъ государственной власти, опредѣляемыхъ правильнымъ выполненіемъ указанной цѣли, о правѣ на сопротивленіе въ случаѣ правительственнаго гнета и нарушенія естественныхъ правъ; отъ Локка они брали ученіе объ ограниченной монархіи и о раздѣленіи законодательной и исполнительной властей, какъ гарантіи свободы; наконецъ, у него же они заимствовали доводы въ пользу религіозной терпимости и возможности отдѣленія государства отъ церкви.

Виги и тори. Политическая исторія Англіи въ XVIII вѣкѣ представляетъ собою борьбу двухъ партій, — виговъ и тори; вначалѣ, въ царствованіе королевы Анны, во взаимномъ положеніи этихъ партій была нѣкоторая неустановленность, но съ восшествіемъ на престолъ Георга I (въ 1714 г.), призваннаго вигами, началось господство виговъ, продолжавшееся непрерывно около 45 лѣтъ, до воцаренія Георга III, въ 1760 году. Съ восшествіемъ же на престолъ Георга III господство виговъ смѣнилось продолжавшимися около десяти лѣтъ колебаніями, пока, наконецъ, въ 1770 году лорду Норту не удалось составить торійскаго министерства. Господство торіевъ прервано было на короткое время въ 1782 году, вслѣдствіе вызваннаго американской войной кризиса, но, послѣ пораженія коалиціоннаго министерства, было скоро возстановлено и продолжалось до самой эпохи билля о реформѣ 1832 года.

Виги въ теоріи были сторонниками той правительственной системы, по которой въ государствѣ должна господствовать выраженная черезъ посредство парламента народная воля, а монархическая власть должна быть подчинена ограниченіямъ, которыя ей будутъ указаны этой народной волей. Виги боролись противъ теоріи божественнаго права за принципъ парламентской власти, какъ основы трона, и за право народа низлагать династію, переступающую границы конституціи.

Тори въ большинствѣ являлись въ теоріи сторонниками божественнаго права королей, считали грѣхомъ всякое сопротивленіе королевской власти и саму власть парламента разсматривали, какъ подчиненную власти законно-царствующаго короля.

Но это были лишь общіе теоретическіе принципы, отъ которыхъ на практикѣ и та и другая партія, въ зависимости отъ стеченія политическихъ обстоятельствъ, часто отступали, и виги, находясь во власти, нерѣдко отстаивали мѣры, отвѣчавшія скорѣе торійскимъ принципамъ, а тори, находясь въ оппозиціи, становились сплошь и рядомъ на вигскую точку зрѣнія. Характернымъ принципомъ торизма являлось ученіе о пассивномъ повиновеніи и неприкосновенномъ правѣ монарха; но это было лишь абстрактное положеніе, и на практикѣ тори нисколько не боялись дѣйствовать вопреки этимъ принципамъ. Въ концѣ-концовъ тори можно было опредѣлить, какъ человѣка, который преданъ монархіи, не отказываясь отъ идеала свободы, вига, какъ человѣка, который любитъ свободу, не отказываясь отъ монархіи.

Обѣ политическія партіи никогда не были въ Англіи врагами государства, а лишь сторонниками различнаго способа управленія государствомъ. Такъ на это смотрѣли и сами англичане; Юмъ, напр., писавшій въ половинѣ XVIII в., считалъ, что и тори и виги законны и полезны, однако только подъ условіемъ сдерживанія своимъ противникомъ, ибо въ отдѣльности каждая партія представляетъ лишь крайнюю доктрину, имѣющую относительную пользу и цѣнность.

Болингброкъ.

Яркій образецъ того, какой радикальный оттѣнокъ могла получать торійская доктрина, даютъ сочиненія Генри Джона Болингброка (1678—1751). Болингброкъ былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся и блестящихъ политиковъ своего времени. По связямъ своимъ онъ принадлежалъ къ торійской партіи; во время заключенія Утрехтскаго мира, закончившаго войну за испан-

ское наслѣдство, онъ, въ качествѣ министра, пріѣзжалъ въ Парижъ для тайныхъ переговоровъ по поводу прелиминарныхъ статей мира. Въ этихъ переговорахъ Болингброкъ игралъ активную и видную роль. Будучи натурой честолюбивой и безпокойной, Болингброкъ принялъ участіе въ заговорѣ якобитовъ, стремившихся возвести на англійскій престолъ сына Якова II Стюарта, и съ этой цѣлью поднявшихъ въ 1714 году возстаніе въ Шотландіи. Когда виги поторопились послѣ смерти королевы Анны призвать въ Англію Ганноверскую династію, Болингброкъ въ числѣ другихъ вождей торійской партіи принужденъ былъ, спасаясь, бѣжать во Францію, гдѣ онъ тотчасъ же привлекъ къ себѣ всеобщія симпатіи и сдѣлался центромъ вниманія самыхъ разнородныхъ круговъ. Во время господства Вальполя Болингброкъ получилъ возможность вернуться въ Англію; но парламентъ лишилъ его права засѣдать въ палатѣ лордовъ, хотя это право принадлежало ему въ силу его пэрскаго достоинства. Тогда Болингброкъ сталъ писать политическіе памфлеты и воззванія, нападая на Вальполя. Современникъ его, Свифтъ, характеризуетъ его, какъ обладающаго «умомъ, большими способностями, красотою, быстротою пониманія, обширнымъ образованіемъ и прекраснымъ вкусомъ, какъ выдающагося оратора въ палатѣ общинъ, удивительнаго собесѣдника, съ хорошимъ характеромъ, прекрасными манерами, благороднаго и презирающаго деньги».

По своему философскому направленію Болингброкъ находился подъ исключительнымъ вліяніемъ французскаго просвѣщенія XVIII вѣка. Близкій другъ Вольтера, онъ и писалъ въ духѣ Вольтера. Часто съ довольно большимъ легкомысліемъ и въ шутовскомъ тонѣ писалъ онъ о Богѣ, о церкви и государствѣ, нападая на положительныя религіи въ особенности указаніями на практическія злоупотребленія, наблюдаемыя въ церковныхъ организаціяхъ. Стиль его сочиненій былъ легкимъ, остроумнымъ и насмѣшливымъ, совершенно въ иронической манерѣ французскихъ энциклопедистовъ. Эта иронія его оказала большое разрушительное вліяніе на многіе застарѣвшіе предразсудки, въ особенности въ области исторической науки.

Изъ его политическихъ сочиненій наибольшее значеніе имѣли *Замѣтки объ англійской исторіи* (1731 года), *Разсужденіе о партіяхъ* (1734 г.) и *Письма о патріотизмѣ* (1738 г.), вторая часть которыхъ издана была и отдѣльно подъ заглавіемъ *Идея Короля-Патріота*.

Его политическія воззрѣнія.

Политическія воззрѣнія Болингброка, какъ и его политическая дѣятельность, на первый взглядъ представляются нѣсколько неопредѣленными. Будучи торіемъ и сторонникомъ изгнанной династіи Стюартовъ, Болингброкъ, однако, со страстью истаго вига нападалъ на абсолютистскіе принципы Стюартовъ. Онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ торійской доктрины пассивнаго повиновенія подданныхъ и божественнаго права королей. Теорія божественнаго права, по его словамъ, настолько нелѣпа, что она смутила бы здравый смыслъ самоѣда или готтентота. Но не раздѣляя надеждъ, возлагавшихся торіями на утвержденіе абсолютной власти королей, Болингброкъ былъ чуждъ и оптимистическаго довѣрія виговъ къ англійской конституціи. Особенно его возмущала современная ему политическая развращенность, партійная и избирательная подкупность, глубоко проникшая во всѣ слои англійскаго общества и мелкое торгашество интересовъ на политической аренѣ. Въ качествѣ средства борьбы противъ этой подкупности, онъ предлагалъ уничтожить постоянныя арміи и сдѣлать парламенты не семилѣтними, а трехлѣтними и даже годичными. Демократія и тиранія одинаково были далеки отъ политическихъ идеаловъ Болингброка.

Болингброкъ исходилъ въ своихъ построеніяхъ изъ идеи первоначальнаго договора, лежащаго въ основѣ государства. «Англійская конституція является въ самомъ строгомъ смыслѣ слова сдѣлкой, условнымъ договоромъ между княземъ и народомъ и между народными представителями и народомъ въ цѣломъ». Всякая власть, слѣдовательно, имѣетъ народное происхожденіе; воля народа, заключившаго первоначальный договоръ, опредѣляетъ конституцію государства. Люди обладаютъ естественнымъ правомъ свободы и они должны оберегать эту свободу. Свобода политическая состоитъ въ томъ, что законы издаются съ согласія народа и правильнымъ образомъ приводятся въ исполненіе.

Анализъ англійской конституціи.

Особенно интересенъ анализъ Болингброка англійской конституціи. Здѣсь въ вопросѣ о раздѣленіи властей законодательной, исполнительной и судебной, въ ученіи о необходимости взаимной независимости короля, палаты лордовъ и палаты общинъ для равновѣсія властей, для ихъ взаимнаго сдерживанія и для обезпеченія свободы, Болингброкъ является ближайшимъ предшественникомъ Монтескье, и прямое вліяніе его на знаменитаго автора «Духа Законовъ» несомнѣнно. «Англійская конституція, — пишетъ Болингброкъ въ *Разсужденіи о партіяхъ*, — является догово-

ромъ между княземъ и народомъ. Чтобы этотъ договоръ не могъ быть разорванъ ни княземъ ни народомъ, законодательная или верховная власть передана нашей конституціей тремъ властямъ, изъ которыхъ одну представляетъ король. Только благодаря этой смѣси властей..., скомбинированныхъ въ единую систему и уравновѣшивающихъ одна другую, наша свободная конституція сохранилась въ теченіе такого долгаго періода». Это ученіе о «равновѣсіи сторонъ въ ихъ взаимной независимости другъ отъ «друга», имѣющееся въ своихъ основныхъ чертахъ уже въ сочиненіяхъ Локка, впервые утвердилось въ политическихъ доктринахъ благодаря той борьбѣ, которую велъ за него Болингброкъ.

Королевская власть.

Ученіе о раздѣленіи властей соединялось у Болингброка съ умѣреннымъ монархизмомъ. Король, въ его теоріи, является высшимъ должностнымъ лицомъ, имѣющимъ отрицательный голосъ въ законодательствѣ. Онъ — носитель исполнительной власти и обладаетъ, кромѣ того, нѣкоторыми другими правами и привилегіями, такъ называемыми прерогативами. Обѣ палаты парламента приготавливаютъ и принимаютъ законопроекты или отвергаютъ представленные имъ билли, составляютъ всеподданнѣйшіе адресы, выражаютъ порицаніе правительству. «Высшая судебная власть принадлежитъ лордамъ, общинамъ же надлежитъ судить объ общественныхъ расходахъ и давать необходимыя денежныя ресурсы. Если бы законодательная власть вмѣстѣ съ исполнительной была цѣликомъ отдана въ руки короля, какъ это имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ странахъ, то король былъ бы абсолютнымъ королемъ; если бы она была отдана лордамъ, то англійское правленіе было бы аристократическимъ; если бы — общинамъ, то — демократическимъ. Именно, это раздѣленіе властей и привилегій, отдѣльно предоставляемыхъ королю, лордамъ и общинамъ, и составляетъ ограниченную монархію. Если бы какая-нибудь изъ трехъ частей, составляющихъ наше правительство, захотѣло узурпировать власть, то двѣ другія могутъ, соединивши свои силы, ввести ее въ ея настоящія границы. Даже если бы двѣ составныя части правительства захотѣли соединиться, для цѣлей узурпаціи, то вліяніе третьей можетъ, по крайней мѣрѣ, задержать зло и дать времени случай помѣшать такому результату. Въ этомъ, именно, и заключается то равновѣсіе, о которомъ столько говорили, и то приложеніе, которое ему должно быть дано. Это согласно и съ здравымъ смысломъ и это подтверждается опытомъ». Не зная автора этихъ строкъ, легко можно было бы ошибиться и

приписать ихъ Монтескье; такъ онѣ напоминаютъ его разсужденія въ XI книгѣ «Духа Законовъ». Король, по мысли Болингброка, является только высшимъ офиціальнымъ лицомъ въ государствѣ; власть его покоится не на божественномъ источникѣ, а на народной волѣ. Но роль его въ государствѣ велика: кромѣ того, что исполнительная власть находится въ его рукахъ, на него возлагается высокая миссія быть высшимъ третейскимъ судьею надъ партіями, такъ какъ раздѣленіе на партіи ослабляетъ государство и партійная борьба вредна и полна отрицательныхъ сторонъ, то король («король-патріотъ», по выраженію Болингброка), долженъ стоять выше партійныхъ раздѣленій и назначать министрами способныхъ, честныхъ и даровитыхъ людей, невзирая на то, къ какой партіи они принадлежатъ.

Болингброкъ особенно стоялъ за чистоту конституціи, защищая свободу и честность выборовъ; онъ и противъ партіи виговъ возставалъ, главнымъ образомъ, потому, что она не уважала на практикѣ ни правъ короны, ни привилегій подданныхъ. Однако въ убѣжденіяхъ Болингброка не было ничего революціоннаго, онъ съ недовѣріемъ относился къ республиканскимъ стремленіямъ нѣкоторыхъ виговъ, крѣпко держался за монархическій принципъ и лишь желалъ вдохнуть въ монархію новый духъ—политическую честность, добродѣтель, патріотизмъ. Въ лицѣ Болингброка воплотился яркій типъ убѣжденнаго представителя конституціонно-либеральныхъ идей новѣйшаго англійскаго образца [1]).

„Духъ Законовъ“ Монтескье.

Англійская политическая мысль, какъ она вылилась въ литературную форму въ произведеніяхъ Локка и Болингброка, оказала прямое вліяніе на *Духъ Законовъ* Монтескье (1784 г.). Но высказанныя Локкомъ и Болингброкомъ идеи объ относительномъ характерѣ политическихъ формъ, о преимуществахъ умѣренной монархіи и смѣшанной формы правленія, о раздѣленіи властей, какъ главной гарантіи разумной гражданской свободы, о громадномъ значеніи общаго духа народа въ сохраненіи политическаго здоровья, были повторены Монтескье въ гораздо болѣе талантливой, блестящей и глубокой формѣ, что и заставило послѣдующія поколѣнія забыть болѣе раннія сочиненія Болингброка. Удивительное и глубокомысленное произведеніе Мон-

---

[1]) **Гучисонъ.** На ряду съ Болингброкомъ въ числѣ политическихъ мыслителей въ первую половину XVIII вѣка въ Англіи долженъ быть упомянутъ и основатель шотландской школы моральной философіи Фрэнсисъ Гучисонъ (1694—1747). Въ своихъ политическихъ взглядахъ онъ непосредственно примыкалъ къ Локку.

тескье впервые съ необычайной ясностью самимъ англичанамъ выяснило философско-политическую сущность англійской конституціи и оказало глубочайшее и рѣшительное вліяніе на послѣдующую англійскую политическую мысль. Это вліяніе мы находимъ и въ *Комментаріяхъ къ законамъ Англіи* Блекстона, и въ сочиненіяхъ Фергюсона, и въ *Письмахъ Юніуса*.

Блекстонъ.

Въ особенности это вліяніе политическихъ идей Монтескье сказалось на ученіи знаменитаго англійскаго юриста Вильяма Блекстона (1723—1780). Пріобрѣтя громадныя практическія юридическія знанія въ качествѣ адвоката, члена парламента и верховнаго судьи, Блекстонъ свою политическую доктрину изложилъ въ лекціяхъ по англійскому праву, которыя онъ началъ читать въ Оксфордскомъ университетѣ съ 1751 г. и которыя напечаталъ подъ заглавіемъ *Комментаріи къ законамъ Англіи* (1765—1769).

Анализъ англійской конституціи.

Блекстонъ вполнѣ воспринялъ идеи Монтескье о раздѣленіи властей, ихъ равновѣсіи и взаимномъ сдерживаніи. Подобно Монтескье, онъ полагалъ, что народъ не можетъ управлять самъ собой и долженъ выбирать представителей для изданія законовъ. Его анализъ англійской конституціи чрезвычайно близко напоминаетъ страницы *Духа Законовъ*. При всѣхъ тираническихъ правленіяхъ власть издавать законы и ихъ исполнять принадлежитъ одному человѣку или одному учрежденію. Всякій разъ, какъ эти двѣ власти соединены вмѣстѣ, нѣтъ общественной свободы. При подобномъ правленіи правитель издаетъ тираническіе законы и исполняетъ ихъ тиранически, такъ какъ онъ одновременно и законодатель и исполнитель и имѣетъ и для того и для другого всю власть, какую ему угодно имѣть. Но въ государствѣ, въ которомъ законодательная власть отдѣлена отъ исполнительной, законодательная власть не даетъ власти исполнительной той силы, которая можетъ оказаться во вредъ ея собственной независимости и гражданской свободѣ. Дабы сохранить уравновѣшенность въ конституціи, необходимо, чтобы исполнительная власть была вѣтвью законодательной, а не сливалась въ одно цѣлое съ нею. Поэтому англійская конституція надѣлила исполнительную власть тою долею участія въ законодательствѣ, которая состоитъ скорѣе во власти отвергать законопроекты, чѣмъ во власти опредѣлять ихъ содержаніе. Истинное превосходство англійской формы правленія состоитъ въ томъ, что ея составныя части взаимно сдерживаютъ другъ друга въ законодательствѣ. Народъ есть тормозъ для знати,

а знать — для народа, вслѣдствіе обоюдной привилегіи, по которой одинъ можетъ отвергнуть то, что другой предлагаетъ, въ то время какъ король, сдерживая обѣ части, защищаетъ исполнительную власть противъ всякаго рода узурпаціи. Подобно тому, какъ въ механикѣ всякая машина, движимая тремя различными пружинами равной силы, но въ трехъ различныхъ направленіяхъ, имѣетъ движеніе сложное и въ то же время общее для этихъ направленій; точно также три вѣтви законодательства, хотя движимыя противоположными страстями, соединяются, чтобы создать счастье и обезпечить свободу государства. Различіе ранговъ и достоинствъ необходимо во всякомъ хорошо управляемомъ государствѣ. Но аристократическое учрежденіе еще болѣе необходимо въ новѣйшей конституціи, чтобы поддержать права короля или народа. Такъ какъ знатные титулы необходимы въ государствѣ, то тѣ, кто владѣетъ ими, должны составлять независимую вѣтвь законодательства. Если бы они были слиты съ народной палатой, ихъ привилегіи скоро были бы унесены народнымъ потокомъ. Въ свободномъ государствѣ всякій гражданинъ, входящій въ него, долженъ, нѣкоторымъ образомъ, быть своимъ собственнымъ правителемъ. Въ государствѣ, столь значительномъ, какъ англійское, имѣетъ силу очень мудрое постановленіе, чтобы граждане дѣйствовали черезъ своихъ представителей; но отъ избирателей требуется при этомъ обладаніе извѣстной собственностью, дабы исключить изъ выборовъ тѣхъ, кого вслѣдствіе ихъ низменнаго состоянія можно подозрѣвать въ отсутствіи собственной воли.

Блекстонъ при жизни своей пользовался необычайнымъ авторитетомъ въ англійскомъ обществѣ, и его идеи оказали настолько глубокое вліяніе на современниковъ, что Дайси считаетъ возможнымъ назвать тридцатилѣтній періодъ между 1760 и 1790 годами эпохою Блекстона. Основнымъ тономъ этой эпохи было чувство политическаго оптимизма, безусловнаго довольства и патріотической гордости, что являлось естественнымъ послѣдствіемъ утвержденія англійскаго могущества и удачнаго разрѣшенія долгаго революціоннаго кризиса. Съ какимъ неограниченнымъ оптимизмомъ, характеризующимъ всю эту эпоху, смотрѣлъ на англійскую конституцію Блекстонъ, можно видѣть изъ слѣдующей его тирады: «Трудно въ достаточной и должной степени восхвалить конституцію, столь мудро согласованную, столь крѣпко устроенную, столь совершенно законченную; внимательный и тщательный

анализъ этой конституціи будетъ ея наилучшимъ панегирикомъ. Цѣлью нашихъ комментаріевъ было изслѣдовать ея твердыя основы, выдвинуть ея широкое очертаніе, объяснить употребленіе и распредѣленіе ея различныхъ частей и показать изящныя пропорціи цѣлаго въ гармоническомъ взаимодѣйствіи этихъ частей. Мы при этомъ анализѣ конституціи постоянно имѣли случай удивляться въ ней и благороднымъ памятникамъ древней простоты, и самымъ любопытнымъ утонченностямъ современнаго вкуса. Отъ насъ, правда, не ускользнули и ея недостатки, ибо и у нея есть недостатки; словно судьба боялась, чтобы люди не были введены въ соблазнъ смотрѣть на нее, какъ на нечеловѣческое твореніе; но эти недостатки происходятъ, главнымъ образомъ, отъ дѣйствія времени или отъ страсти къ неловкимъ улучшеніямъ, проявленнымъ въ недавнія эпохи. Поддержать, исправить и украсить это зданіе, — вотъ задача, падающая на лордовъ и на лицъ, посылаемыхъ страною въ парламентъ. Охрана британской свободы есть падающій на нихъ долгъ въ отношеніи къ самимъ себѣ, ибо они ею пользуются; въ отношеніи къ предкамъ, ибо предки ее имъ передали; въ отношеніи къ потомству, ибо оно потребуетъ отъ нихъ эту свободу, какъ наилучшее и наиблагороднѣйшее наслѣдіе человѣчества». Эта свобода и эти совершенства конституціи казались Блекстону не новымъ пріобрѣтеніемъ благодаря недавнимъ реформамъ, а давнишнимъ, исконнымъ достояніемъ англійскаго народа; и сами революціи, потрясшія Англію въ XVII вѣкѣ, разсматривались не какъ разрушеніе стараго порядка и созданіе новаго, а какъ возстановленіе прежней традиціи, нарушаемой новаторскими поползновеніями Стюартовъ. Изъ политическаго оптимизма у Блекстона, какъ и у всей старой партіи виговъ, къ которой онъ принадлежалъ, вытекалъ конституціонный и либеральный консерватизмъ [1]).

Либерально-конституціонная теорія англійскаго парламентаризма осталась господствующей въ Англіи и ея вліяніе сохраняется до самаго послѣдняго времени. Однако уже во второй половинѣ XVIII вѣка отъ нея отдѣлились слѣва и справа два враждебныя теченія — демократическій либерализмъ и консерватизмъ. И то и другое теченіе нѣкоторымъ образомъ связаны

---

[1]) **Фергюсонъ.** Къ школѣ Монтескье можетъ быть причисленъ на ряду съ Блекстономъ и профессоръ этики въ Гласго Адамъ Фергюсонъ (1724—1816), одинъ изъ представителей шотландской школы моральной философіи. Фергюсонъ былъ страстнымъ защитникомъ принципа свободы.

были, философски, съ новымъ утилитарнымъ направленіемъ, зародившимся въ англійской моральной философіи. Не удивительно поэтому, что философъ, впервые выдвинувшій въ ученіи о нравственности и правѣ принципъ пользы, Давидъ Юмъ (1711—1776), занялъ особое мѣсто въ исторіи англійской политической мысли.

Юмъ. Будучи надѣленъ громаднымъ умозрительнымъ геніемъ, Юмъ [1]) сдѣлался однимъ изъ величайшихъ философовъ, когда-либо существовавшихъ; главное его значеніе — въ области теоріи знанія, гдѣ онъ былъ непосредственнымъ предшественникомъ Канта. Что касается сферы практической философіи, то здѣсь скептицизмъ Юма одинаково былъ разрушительнымъ и для матеріалистическаго и для религіознаго догматизма. Юмъ былъ врагомъ чисто раціоналистическихъ и математическихъ построеній въ этикѣ и правѣ; и религію, и мораль, и право онъ понималъ какъ историческія явленія. Эта историческая точка зрѣнія гарантировала его отъ доктринерскаго отрицанія и отъ метафизическаго радикализма; релятивизмъ его воззрѣній заставлялъ его держаться средней линіи. Однако, хотя и невольно, Юмъ сдѣлался одновременно родоначальникомъ и англійскаго радикализма (онъ былъ, такъ сказать, духовнымъ отцомъ Бентама) и англійскаго консерватизма (онъ оказалъ вліяніе на Борка). Этотъ двойственный характеръ политической философіи Юма естественно проистекалъ отъ возможности двоякаго примѣненія самого принципа пользы къ политической жизни. Съ точки зрѣнія пользы могутъ быть оправданы и сохраненіе существующихъ учрежденій, какъ гарантіи спокойствія и порядка, и радикальная реформаціонная дѣятельность, какъ устраняющая несовершенства существующаго строя.

Политическое ученіе Юма. Радикальная тенденція Юма сказалась въ его статьѣ *Идея совершеннаго государства*. Въ ней онъ съ одной стороны предлагаетъ фантастическій планъ федеральной республики, а съ другой—указываетъ на тѣ преобразованія, которыя могли бы сдѣлать изъ англійскаго государственнаго строя наиболѣе совершенную ограниченную монархію. Должны быть реформированы и нижняя палата парламента — уравненіемъ избирательнаго права, съ предоставленіемъ всякому собственнику, имѣющему около 200 фунтовъ стерл. дохода, и верхняя палата — созданіемъ пожизненнаго,

---

[1]) Важнѣйшіе труды Юма: «Трактатъ о человѣческой природѣ»: «Моральные, политическіе и литературные опыты»; «Изслѣдованіе о человѣческомъ пониманіи; Исторія Англіи съ вторженія Юлія Цезаря до революціи 1688 г.»; «Политическіе опыты»; «Естественная исторія религіи».

а не наслѣдственнаго пэрскаго достоинства и предоставленіемъ палатѣ лордовъ самой выбирать своихъ членовъ.

Но статья о *Совершенномъ государствѣ* не характерна для Юма, ибо вообще онъ былъ чуждъ радикальныхъ воззрѣній. Съ точки зрѣнія практической пользы (этой единственной основы власти, по мнѣнію Юма, отрицавшаго одинаково и теологическую теорію божественнаго права, и демократическую теорію первоначальнаго договора и народнаго суверенитета), многовѣковой опытъ исторіи, создавшей опредѣленныя политическія формы, является наилучшимъ показателемъ правильной политики, и долгое существованіе учрежденій лучше всего доказываетъ пользу ихъ. Юмъ являлся безусловно противникомъ революціонной доктрины. Онъ возражалъ противъ теоріи всеобщаго равенства людей и противъ утвержденія, будто люди подчиняются власти въ силу собственнаго согласія. Онъ не признавалъ и права подданныхъ на сопротивленіе власти. Нельзя, по его мнѣнію, съ точки зрѣнія общественной пользы, допустить подобнаго права, ибо тогда расшатаются сами устои общества. Теорія сопротивленія власти— одно изъ самыхъ опасныхъ ученій. Лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о спасеніи самого общества, нелѣпо было бы требовать пассивнаго подчиненія. Консерватизму Юма содѣйствовали его историческая точка зрѣнія и его уваженіе къ силѣ привычки, къ непрерывности и преемственности политическаго развитія, какъ главнаго условія порядка и прочности.

Вообще, все политическое ученіе Юма проникнуто было умѣренностью и стремленіемъ держаться золотой середины. Въ политическомъ строѣ должна быть соблюдена середина между противоборствующими началами свободы и власти. Раздѣленіе на партіи вообще вредно, но оно можетъ быть полезно въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ раздѣленіе на виговъ и тори въ Англіи. Здѣсь обѣ партіи сходятся въ признаніи существующаго строя, расходясь только въ оттѣнкахъ, и являются такимъ образомъ прекраснымъ сдерживающимъ началомъ другъ для друга. Политическая наука, по мнѣнію Юма, вполнѣ относительна. Польза или вредъ той или другой формы зависитъ отъ всей совокупности конкретныхъ историческихъ обстоятельствъ. Онъ считалъ, однако, возможнымъ установить, какъ политическую аксіому, что лучшая монархія та, гдѣ власть наслѣдственна, лучшая аристократія та, гдѣ власть сосредоточена въ рукахъ цѣлаго сословія, а не отдѣльныхъ лицъ, лучшая демократія та, гдѣ народъ выражаетъ

свое мнѣніе черезъ представителей. Однако, если бы нужно было выбирать для Англіи между республиканскимъ устройствомъ и абсолютной монархіей, Юмъ предпочелъ бы абсолютную монархію. Онъ не вѣрилъ въ прочность республики и ждалъ отъ республиканской формы правленія лишь раздѣленія на враждебныя партіи и классы, гражданскихъ войнъ, смутъ и установленія тираніи.

Политическаго значенія Юма не слѣдуетъ преувеличивать: будучи чистымъ теоретикомъ и скептикомъ, Юмъ далъ уничтожающую критику доктрины общественнаго договора и оказалъ на политическую мысль не столько творческое, сколько критическое вліяніе. Въ области положительнаго политическаго творчества Юмъ довольствовался часто общими мѣстами.

II. Радикально-демократическія ученія въ XVIII в.

Англійская политическая мысль въ XVIII вѣкѣ не остановилась на простомъ комментированіи національной конституціи и на формулированіи принциповъ умѣренной и смѣшанной монархіи. Во вторую половину столѣтія возникло радикально-демократическое теченіе, которое скоро завершилось образованіемъ радикальной партіи и выразилось въ цѣломъ рядѣ литературныхъ произведеній. Это радикальное теченіе развилось не безъ вліянія тѣхъ соціальныхъ измѣненій, которымъ подвергся строй англійскаго общества въ XVIII вѣкѣ. Вслѣдствіе глубокаго промышленнаго переворота, пережитаго въ это время Англіей, быстро возросшаго торговаго обмѣна и ускореннаго производства, народился новый промышленный классъ, который, однако, оставался не у власти, безъ соотвѣтствующаго дѣйствительному его значенію вліянія на судьбы государства. Въ борьбѣ этого новаго выростающаго молодого промышленнаго класса со старымъ правящимъ классомъ земельной аристократіи и родился политическій радикализмъ, требовавшій конституціонныхъ реформъ и расширенія и уравненія избирательнаго права. Зарожденіе фабричнаго производства, возникновеніе капиталистической хозяйственной формы становилось въ разрѣзъ со старыми общественными политическими формами, оставшимися отъ прежняго натуральнаго хозяйства. Явились стремленія къ освобожденію личности отъ связывающихъ ее путъ и вѣра въ естественную гармонію индивидуальныхъ интересовъ, и индивидуализмъ и утилитаризмъ сдѣлались основой политической философіи новыхъ возникающихъ классовъ.

Впервые особенно сильно проявило себя это новое общественное теченіе въ началѣ царствованія Георга III, открыто отстранившаго отъ себя виговъ и приблизившаго торіевъ, въ связи съ такъ называемымъ дѣломъ Уилькса[1]).

Это дѣло Уилькса сопровождалось необычайнымъ возбужденіемъ народа; на избраніе Уилькса смотрѣли, какъ на борьбу народа съ королемъ. Повсюду собирались митинги, выражались народные протесты, вопросъ ставился о томъ, за кѣмъ должно остаться послѣднее слово въ политическихъ конфликтахъ. Общественное мнѣніе дѣлается все болѣе и болѣе враждебнымъ правительству; агитація распространяется по всѣмъ уголкамъ королевства и увеличивается со дня на день. Начинается движеніе къ парламентской реформѣ, образуется общество для защиты билля о правахъ и конституціонное общество, главными требованіями котораго являлись: ежегодные парламенты, запрещеніе депутатамъ принимать какую-нибудь должность или пенсію отъ короля, предоставленіе американцамъ права самимъ устанавливать налоги, улучшеніе судьбы Ирландіи. Это было зарожденіемъ радикальной партіи, первымъ руководителемъ которой былъ Горнъ Тукъ.

Письма Юніуса.

Этому умственному движенію и прогрессу демократическаго духа сильно содѣйствовали появившіяся въ это время *Письма Юніуса* (1769—1772). *Письма Юніуса*, авторъ которыхъ остался неизвѣстнымъ (предполагаютъ, что это былъ Филиппъ Фрэнсисъ), страстно и талантливо отстаивали права народа и сыграли громадную роль въ политической исторіи Англіи. Тонъ ихъ очень рѣзокъ и дышитъ политическимъ радикализмомъ, но ближайшее знакомство съ ихъ политическими идеями убѣждаетъ насъ, однако, что въ нихъ мы имѣемъ дѣло все съ тѣмъ же либерально-конституціоннымъ направленіемъ Болингброка и Монтескье. Политическою цѣлью автора *Писемъ Юніуса* было остановить неумѣренный ростъ власти парламента и злоупотребленія имъ своими привилегіями, ярко сказавшіяся въ дѣлѣ съ исключеніемъ Уилькса изъ нижней палаты. Парламентское всемогущество представлялось Юніусу тираніей. Подобно Монтескье и Фергюсону, онъ считалъ задачей государства охрану свободы и безопасности. Эта цѣль лучше всего достигается монархической формой правленія. «Человѣкъ, — писалъ онъ, — который предпочитаетъ республиканскую форму правленія квалифицированной и

[1]) См. статью В. В. Водовозова.

ограниченной монархіи, въ родѣ нашей, не имѣетъ здраваго сужденія о политическихъ дѣлахъ». Верховная власть должна принадлежать тремъ органамъ, взаимно уравновѣшивающимъ и контролирующимъ другъ друга. Нижняя палата представляетъ народъ, но она не можетъ сама расширять своихъ правъ за предѣлы, которые были начертаны народомъ первой палатѣ. Рядомъ съ народной палатой должна стоять палата лордовъ, на которую возлагается контроль надъ другими законодательными органами. Наконецъ, надъ палатами долженъ стоять король. Онъ не отвѣтственъ и въ принципѣ не можетъ быть неправымъ. Но и надъ нимъ можетъ быть созданъ контроль, установленіемъ министерской отвѣтственности. Министры отвѣтственны передъ парламентомъ за свои дѣйствія, хотя бы они и выполняли лишь приказанія короля. Вообще Юніусъ былъ систематическимъ сторонникомъ ограниченной монархіи и рѣзко отдѣлялъ себя отъ республиканцевъ; его политическая теорія — теорія умѣреннаго конституціонализма.

Въ это самое время радикальное теченіе получило новыя силы подъ вліяніемъ политическаго движенія, вызваннаго возстаніемъ противъ метрополіи сѣверо-американскихъ колоній, и вслѣдствіе провозглашенія ими демократическихъ принциповъ. Въ 80-е годы XVIII столѣтія среди англійскихъ радикаловъ наиболѣе выдающуюся роль играли Чарльзъ Фоксъ и Джонъ Картрайтъ. Особенно блестящую и яркую фигуру представлялъ Фоксъ (1749 — 1806). Выбранный въ палату общинъ еще когда ему не было 21 года, Фоксъ началъ свою политическую карьеру торіемъ и былъ членомъ правительства въ министерствѣ лорда Норта (1770 года). Но съ 1775 года, съ начала американской войны, онъ становится защитникомъ правъ американскихъ колонистовъ и ихъ свободы; онъ отстаиваетъ права всѣхъ угнетаемыхъ, возстаетъ противъ рабства, защищаетъ избирательную реформу и мало-по-малу дѣлается представителемъ парламентской партіи противъ королевской. На ряду съ Фоксомъ, въ качествѣ родоначальника англійскаго политическаго радикализма, долженъ быть упомянутъ и «отецъ реформъ» Джонъ Картрайтъ (1740—1824). Уже въ въ 1776 году онъ издалъ памфлетъ, одно заглавіе котораго было цѣлой программой: *Выбирайте: представительство и уваженіе къ вашимъ правамъ — или обманъ и презрѣніе къ вашимъ правамъ! Ежегодные парламенты и свобода — или долгіе парламенты и рабство!* Въ этомъ памфлетѣ Картрайтъ отстаивалъ избирательное право, какъ естественное и неотчуждаемое

Фоксъ.

Картрайтъ.

право, и защищалъ введеніе въ Англіи всеобщаго избирательнаго права и принципъ личнаго представительства. Личность, а не собственность является единственной основой права представительства. Всѣ граждане, достигшіе 18-лѣтняго возраста, должны имѣть голосъ и только одинъ голосъ; голосованіе должно быть тайнымъ; парламентъ избирается ежегодно и выборы производятся въ одинъ день; избирательные округа должны имѣть равное число избирателей. Въ 1780 году Картрайтъ основалъ «Общество Конституціонной Освѣдомленности», которое выпустило проектъ деклараціи правъ; въ союзѣ съ Фоксомъ и Шериданомъ Картрайтъ организовалъ также радикальный «Вестминстерскій Комитетъ Корреспонденцій».

Періодъ времени между шестидесятыми и девяностыми годами XVIII вѣка, ознаменовавшійся волненіями, сопровождавшими дѣло Уилькса, и возстаніями американскихъ колоній, можетъ считаться эпохой, когда впервые оформились радикальныя демократическія идеи въ Англіи.

Когда разразилась французская революція, она тотчасъ же отразилась на политической жизни Англіи. Въ Англіи снова начинаютъ образовываться демократическія организаціи, объединяющія сторонниковъ парламентской реформы. Среди теоретиковъ радикальной доктрины особенно выдѣляются въ это время Пристлей, Прайсъ и Пэнъ.

Пристлей.

Оригинальную и незаурядную фигуру представлялъ собою Джозефъ Пристлей (1733—1804). Будучи психологомъ-матеріалистомъ, свободомыслящимъ въ религіозныхъ вопросахъ, отрицающимъ божественность Христа, Пристлей оставался христіанскимъ священникомъ и проповѣдникомъ одного диссидентскаго прихода. Философъ, психологъ, богословъ, плодовитый историкъ, великій химикъ (открывшій кислородъ), Пристлей былъ одновременно и политическимъ агитаторомъ, сторонникомъ революціонной доктрины. Исповѣдованіе имъ революціонныхъ принциповъ заставило его даже подъ конецъ жизни покинуть Англію. Когда въ эпоху французской революціи Пристлей вздумалъ однажды отпраздновать у себя на дому годовщину взятія Бастиліи, возбужденная противъ революціонеровъ лондонская толпа произвела полный разгромъ его дома, уничтожила его лабораторію и его рукописи. Послѣ этого тяжелаго случая Пристлей принужденъ былъ переселиться въ Америку.

Изъ сочиненій Пристлея, относящихся къ политикѣ, должны быть особенно упомянуты: *Трактатъ о гражданскомъ правле-*

ніи, Рѣчь объ исторіи и политикѣ и *Письмо къ Эдмонду Борку по поводу его Размышленій о революціи во Франціи.*

Придерживаясь матеріалистическихъ взглядовъ въ сферѣ психологіи и не отличая психическихъ явленій отъ физическихъ, Пристлей былъ въ то же время врагомъ матеріализма въ сферѣ метафизической, признавая и бытіе Бога и безсмертіе души. Всю мораль Пристлей сводилъ на стремленіе къ наибольшему личному счастью и былъ однимъ изъ основателей утилитаризма; именно въ его *Трактатѣ о гражданскомъ правленіи* нашелъ Бентамъ поразившую его и положенную имъ въ основу своей философіи формулу наибольшаго счастья наибольшаго числа людей, какъ принципа нравственной дѣятельности человѣка. Въ своей политической доктринѣ онъ вполнѣ принималъ демократическія идеи Руссо. Правительство, по его мнѣнію, основывается на сдѣлкѣ, по которой каждый человѣкъ отказывается отъ части своей гражданской свободы, т.-е. отъ права дѣйствовать по своему свободному усмотрѣнію, взамѣнъ за опредѣленную долю политической свободы, т.-е. вліянія на управленіе страною. Отсюда слѣдовали у него обычныя заключенія относительно народнаго суверенитета и оправданія возстанія въ тѣхъ случаяхъ, когда основной договоръ нарушенъ.

Прайсъ. Въ то время, какъ Пристлей исходилъ въ своихъ демократическихъ построеніяхъ изъ идеи пользы, другой современный ему радикалъ Ричардъ Прайсъ (1723—1791) основывался на метафизическомъ понятіи свободы, составляющемъ естественное право человѣка. Въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ онъ рѣзко расходился съ Пристлеемъ и, будучи платоникомъ и врагомъ матеріализма, полемизировалъ противъ психологическаго матеріализма Пристлея. Сначала онъ занимался богословскими работами, а потомъ отдался политикѣ. Во время возстанія американскихъ колоній онъ былъ пламеннымъ защитникомъ требованій американцевъ; по этому поводу онъ отстаивалъ идею всеобщаго мира и европейской федераціи, указывая на великую цѣнность утвержденнаго въ Америкѣ федеративнаго принципа. Въ октябрѣ 1789 года, въ годовщину революціи 1688 года, Прайсъ произнесъ въ одной изъ церквей рѣчь, въ которой защищалъ демократическія идеи революціи. Эта рѣчь, которой мы коснемся ниже, послужила поводомъ къ знаменитому возраженію Борка, къ его *Размышленіямъ о французской революціи.*

Въ основу своей политической доктрины Прайсъ полагалъ принципъ политической свободы. Подъ гражданской свободой онъ разумѣлъ право гражданскаго общества или государства управлять самимъ собою, по своей собственной волѣ или по своимъ собственнымъ законамъ, не будучи подчиненнымъ никакой власти, которая не была бы установлена, направляема и контролируема націей въ цѣломъ. Свобода есть право самоуправленія. Гдѣ нѣтъ самоуправленія, тамъ рабство. Политическій строй постольку можетъ быть названъ свободнымъ, поскольку онъ есть созданіе народа. Онъ рождается вмѣстѣ съ народомъ и имѣетъ въ виду лишь народное счастье. Различныя политическія формы представляютъ собою только различные способы, избранные народомъ для управленія своими дѣлами и для обезпеченія спокойнаго владѣнія своими правами. Во всякомъ свободномъ государствѣ каждый человѣкъ есть свободный законодатель. Всякіе налоги — безвозмездные дары на нужды государства. Всѣ законы суть регламенты, установленные съ общаго согласія, для общей защиты и безопасности; и всѣ должностныя лица являются депутатами, на которыхъ возложено выполненіе этихъ законовъ; неправильно поэтому опредѣлять свободу, какъ «правленіе законовъ, а не правленіе людей». Если законы издаются однимъ человѣкомъ или собраніемъ людей, а не по общему согласію всего народа, то такое правительство не отличается отъ рабства. Изъ этого слѣдуетъ, что гражданская свобода въ своемъ наиболѣе совершенномъ видѣ можетъ существовать только въ небольшихъ государствахъ, гдѣ каждый членъ можетъ подать свой голосъ лично и можетъ лично нести общественныя должности. Когда же государство дѣлается слишкомъ обширнымъ, то неизбѣжно, какъ послѣдствіе, — уменьшеніе свободы. Однако, и при такихъ обстоятельствахъ существуетъ средство приблизиться къ совершеннѣйшей свободѣ. Хотя всѣ члены большого государства и не могутъ индивидуально и лично голосовать по общественнымъ дѣламъ, они могутъ, однако, назначать отъ себя представителей, они могутъ поручать законодательную власть съ тѣми ограниченіями, которыя они считаютъ необходимыми, извѣстному числу делегатовъ, и все, что эти делегаты сдѣлаютъ, въ предѣлахъ даннаго имъ порученія, то и будетъ разсматриваться, какъ созданное соединенными голосами и на совѣщаніи всей общины. Въ этомъ случаѣ, очевидно, государство будетъ еще болѣе или менѣе свободнымъ и самоуправляющимся, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, будетъ ли представительство

более или менѣе совершеннымъ. Если лица, которымъ вручена власть, остаются недолгое время, если они избраны свободнымъ голосованіемъ бо́льшей части государства, и если они не выходятъ изъ границъ полученныхъ инструкцій, то, можно сказать, свобода имѣется налицо; если же депутаты избираются на долгое время и притомъ лишь частью народа, и если они не подчинены контролю людей, пославшихъ ихъ, то сама идея свободы уничтожается. Итакъ, для свободнаго государства необходимо, чтобы оно управлялось собраніемъ народныхъ представителей, избранныхъ всеобщимъ голосованіемъ и отвѣтственныхъ передъ избирателями. Но Прайсъ считалъ, что есть вѣскія основанія къ этому собранію представителей присоединить наслѣдственный совѣтъ, образуемый изъ лицъ высшаго ранга въ государствѣ, съ верховнымъ должностнымъ лицомъ во главѣ, надѣленнымъ исполнительной властью. Это создастъ противовѣсы, полезные для законодательства, и будетъ способствовать силѣ, единству и быстротѣ управленія, не разрушая свободы. До извѣстной степени это требованіе Прайсъ видѣлъ осуществленнымъ въ англійской конституціи. «Что мы хвалимъ въ нашей странѣ, — писалъ онъ, — такъ это ея конституцію».

Пэнъ. Если на образованіе конституціонно-либеральной доктрины въ Англіи немалое дѣйствіе оказало иноземное вліяніе Франціи черезъ посредство политической теоріи Монтескье, то въ англійскомъ радикализмѣ, на ряду съ несомнѣннымъ французскимъ вліяніемъ теорій Руссо и Великой революціи, сильно сказалось и рѣшительное воздѣйствіе Сѣверной Америки и ея республиканской мысли, пробудившейся подъ вліяніемъ геройской борьбы колоній противъ гнета метрополіи. Это послѣднее вліяніе съ особенной силой проявилось черезъ посредство Томаса Пэна. Томасъ Пэнъ (1739—1809), хотя былъ и англичаниномъ по происхожденію, однако рано переселился въ Сѣверную Америку, гдѣ и принялъ большое участіе въ борьбѣ Соединенныхъ Штатовъ за свою независимость. Въ 1776 году онъ издалъ противъ англійской конституціи республиканскій памфлетъ, *Здравый Смыслъ*. Когда началась французская революція, Пэнъ жилъ во Франціи: онъ былъ свидѣтелемъ разрушенія Бастиліи, и на него была возложена миссія передать Вашингтону ключи разрушенной крѣпости. Во время бѣгства короля въ Вареннъ Пэнъ тоже находился въ Парижѣ. За его радикально-революціонныя убѣжденія ему дано было званіе французскаго гражданина, и онъ сдѣ-

лался членомъ Конвента, въ которомъ онъ вмѣстѣ съ Кондорсе вырабатывалъ новую декларацію правъ. Въ самый разгаръ революціи Пэнъ издалъ свою нашумѣвшую книгу *Права Человѣка*. Первая часть этой книги появилась въ 1791 году и была посвящена Вашингтону; въ ней содержался отвѣтъ на нападки Борка противъ французской революціи и защищалась политика учредительнаго собранія. Вторая часть книги вышла въ 1792 году и была посвящена Лафайету; въ ней излагались принципы революціи и указывалось, какимъ образомъ Англія, слѣдуя примѣрамъ Соединенныхъ Штатовъ и Франціи, сможетъ ввести у себя демократическія учрежденія.

Критика политическаго строя.

Томасъ Пэнъ нападалъ и на современныя ему религіозныя вѣрованія и на современные установившіеся политическіе взгляды. Это былъ революціонеръ, демократъ и республиканецъ въ полномъ смыслѣ слова. По мнѣнію Пэна, и короли и священники—обманщики. Въ настоящее время, когда наступаетъ вѣкъ просвѣщенія и разума, изъ религіи должны исчезнуть всякія суевѣрія, а изъ политики вѣрность и преданность существующему строю; въ религіи долженъ царить деизмъ, въ политикѣ — демократія. До сихъ поръ народъ держался своими правителями въ рабствѣ. Всякая традиція есть неразумный предразсудокъ, и старый общественный порядокъ долженъ быть смѣненъ новымъ. Существуютъ двѣ правительственныя формы — избирательная и наслѣдственная. Наслѣдственная система есть величайшій абсурдъ; представительная система приводитъ къ правительству наиболѣе умныхъ, тогда какъ наслѣдственная система влечетъ за собою часто правленіе наиболѣе глупыхъ. Правленіе какъ королей, такъ и аристократіи неразумно. Всѣ разнообразныя правительственныя системы сводятся къ одной изъ этихъ формъ, т.-е. къ наслѣдственной или избирательной. Названіе смѣшанныхъ формъ неправильно, ибо элементы ихъ, разсматриваемые отдѣльно, или представительные или наслѣдственные. По мнѣнію Пэна, у самого Эвклида нѣтъ теоремы болѣе математически правильной, чѣмъ положеніе: наслѣдственное правительство не имѣетъ права существовать; когда, слѣдовательно, мы лишаемъ кого-нибудь осуществленія имъ наслѣдственной власти, мы отнимаемъ у него то, владѣть чѣмъ онъ никогда и не имѣлъ права и на что ни законъ ни обычай не могли и никогда не могутъ ему дать ни малѣйшаго основанія. Аргументы противъ наслѣдственной системы заключаются въ абсурдности этой системы и въ ея несовмѣстимо-

сти съ цѣлями хорошаго правительства. Ничто не можетъ, — говоритъ Пэнъ, — представиться нашему уму большей нелѣпицей, какъ то, что правительство цѣлаго народа можетъ оказаться въ рукахъ младенца, лишеннаго опыта, что часто не лучше, чѣмъ если бы оно оказалось въ рукахъ безумнаго. Разсматривая юридическую сторону вопроса, Пэнъ стремится и юридически доказать, что наслѣдственная система не имѣетъ ни малѣйшаго права на существованіе. Прежде всего, она не имѣетъ права возникнуть, ибо никто не имѣетъ права сдѣлать свою власть надъ народомъ наслѣдственной. Но, быть - можетъ, начавшись въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, эта власть можетъ стать правомѣрной подъ вліяніемъ времени? По мнѣнію Пэна, сама постановка этого вопроса уже абсурдна, ибо время не больше можетъ имѣть вліянія на принципъ, чѣмъ и принципъ на время. Несправедливость, хотя бы она началась и тысячу лѣтъ тому назадъ, тѣмъ не менѣе остается несправедливостью, какъ если бы она началась сегодня. Время по отношенію къ принципамъ является вѣчно настоящимъ. Но какое намъ дѣло до тысячелѣтія? Наша жизнь есть лишь очень короткая часть этого періода времени, и если въ моментъ, когда мы начинаемъ нашу жизнь, мы встрѣчаемъ господство несправедливости, то это и есть моментъ, когда она начинается для насъ, и наше право противиться ей — такое же, какъ если бы эта несправедливость никогда ранѣе не существовала. Но, можетъ - быть, народъ можетъ установить наслѣдственную власть путемъ закона? И на этотъ вопросъ Пэнъ отвѣчаетъ отрицательно. Всякій законъ и всякая конституція, изданная съ этимъ намѣреніемъ, являются актомъ измѣны не только противъ правъ всѣхъ членовъ націи, которые были несовершеннолѣтними въ моментъ его изданія, но также и противъ правъ всѣхъ грядущихъ поколѣній. Всякій народъ, конечно, имѣетъ право выбирать для настоящаго времени ту форму правленія, какая ему нравится, но наслѣдственная преемственность существуетъ не для него, она существуетъ для новыхъ поколѣній; и такъ какъ тѣ, кто должны быть подчинены этой формѣ правленія, еще несовершеннолѣтніе или еще не родились, то настоящее поколѣніе не имѣетъ права ихъ связывать, и узурпація подобнаго права есть коварство и измѣна противъ права нисходящихъ поколѣній.

Пэнъ, развивая эти взгляды, отрицалъ всякую силу традиціи и исторической преемственности. Ни юридической давности, ни священнаго характера нормъ, сложившихся въ долгомъ

опытѣ историческаго процесса, для него не существуетъ. Онъ отрицалъ не только прошлое во имя настоящаго, но и право настоящаго надъ будущимъ во имя этого будущаго. Впрочемъ, его доводы противъ права народа закономъ устанавливать наслѣдственную форму правленія съ юридической точки зрѣнія наивны, что ему и указывалъ Боркъ. То, что составъ народа ежедневно мѣняется, такъ же мало можетъ быть приведено противъ установленія наслѣдственной формы правленія, какъ и противъ изданія всякаго другого закона, такъ какъ всякій законъ и всякая конституція, не только устанавливающая монархическую форму правленія, но и республиканскую, и регулирующая осуществленіе избирательнаго права, имѣетъ дѣйствіе не только на то поколѣніе, которое ихъ издало, но и на тѣ, которыя приходятъ ему на смѣну. Что касается до представительнаго правленія, то Пэнъ «не желаетъ даже унижаться до изслѣдованія, гдѣ, какъ и по какому праву оно существуетъ». Его источникъ всегда ясенъ. Самъ человѣкъ есть источникъ и доказательство своего представительства, — оно ему принадлежитъ въ силу его существованія, и его личность является достаточнымъ его основаніемъ. Истинныя и притомъ единственно истинная основа представительнаго правительства есть равенство правъ. Каждый индивидъ, безъ различія, имѣетъ право одного голоса и не болѣе одного голоса въ выборѣ представителей. Съ нетерпимостью чисто революціонной, Пэнъ говорилъ: «единственнымъ случаемъ, при которомъ лишеніе права голоса при выборѣ представителей оказалось бы соотвѣтствующимъ принципамъ справедливости, было бы лишеніе права голоса, какъ наказаніе, на опредѣленное время, тѣхъ лицъ, кто предложилъ бы лишить его другихъ».

Пэнъ, какъ это можно видѣть изъ вышесказаннаго, былъ послѣдовательнымъ республиканцемъ. Представительное правительство, т.-е. правительство, устанавливаемое путемъ выборовъ, имѣетъ свой источникъ въ естественныхъ и вѣчныхъ правахъ людей. Будетъ ли человѣкъ самъ своимъ собственнымъ законодателемъ,—какъ это было въ первобытномъ состояніи, — будетъ ли онъ лично осуществлять свою долю законодательной власти, — какъ это практикуется въ небольшихъ демократіяхъ, гдѣ вся масса народа можетъ собраться для изданія законовъ,— будетъ ли человѣкъ осуществлять свое право, избирая лицъ, которыя должны представлять его въ національномъ собраніи народныхъ представителей, — источникъ этого права во всѣхъ

указанныхъ случаяхъ одинъ и тотъ же. Только первый случай влечетъ къ неравенству во власти; второй можетъ годиться только для очень небольшихъ демократій; и лишь третій наиболѣе подходитъ для созданія прочной и широкой правительственной формы.

Годвинъ. Какъ ни были радикальны взгляды Пэна, однако они не представляли собою еще самаго крайняго выраженія англійскаго радикализма XVIII вѣка. Это послѣднее дано было Вильямомъ Годвиномъ (1756—1836). Въ февралѣ 1793 года Годвинъ выпустилъ двухтомное *Изслѣдованіе о политической справедливости*. Это произведеніе служило какъ бы отвѣтомъ на *Размышленія о французской революціи* Борка, который подвергъ революціонный идеалъ безпощадной критикѣ. Въ *Политической справедливости*, на основныя положенія которой оказали сильнѣйшее вліяніе теоріи Руссо, Гольбаха и Гельвеція Годвинъ чисто апріорнымъ и абстрактнымъ методомъ стремился обосновать прежде всего анархическій идеалъ, а потомъ относительныя преимущества демократическаго республиканскаго строя.

Всякое правительство объявляется Годвиномъ зломъ, насиліемъ надъ индивидуальной совѣстью и надъ личнымъ убѣжденіемъ, зломъ, необходимымъ въ теченіе опредѣленнаго періода историческаго процесса, но мало-по-малу исчезающимъ подъ вліяніемъ умственнаго прогресса. На этомъ теоретическомъ отрицаніи всякаго правительства Годвинъ останавливается съ большой настойчивостью и вполнѣ заслуживаетъ мѣсто одного изъ родоначальниковъ современнаго анархизма, которое ему даютъ большинство новѣйшихъ историковъ соціалистическихъ и анархическихъ идей. Всѣ существующія церкви, присяги, обязательства, законы противъ нравственности Годвиномъ отрицаются, какъ препятствіе развитію индивидуальной свободы. Даже общественное воспитаніе отвергается этимъ непоколебимымъ апостоломъ индивидуализма, какъ могущее создать чрезмѣрное постоянство и однообразіе идей. Годвинъ протестуетъ также противъ примѣненія уголовнаго кодекса, основаннаго на системѣ принужденія и насилія. Институтъ частной собственности находитъ въ немъ яраго противника.

Нисходя съ высотъ теоріи къ разсмотрѣнію конкретной дѣйствительности, Годвинъ готовъ, однако, признать временную необходимость правительства и даже произво-

дитъ сравнительную критику различныхъ формъ правленія. Онъ рѣзко критикуетъ монархическое и аристократическое правительства. По его мнѣнію, монархъ находится въ рукахъ льстецовъ: монархіи, вызывая боязнь предъ королемъ, создаютъ малодушіе подданныхъ; въ конституціонныхъ монархіяхъ выборы сопровождаются безпорядками; въ аристократіяхъ не соблюдается основной принципъ общественной справедливости, — отличать человѣка отъ другихъ людей лишь по его личной заслугѣ, и вводятся безсмысленные титулы знатности. Послѣ этой, нужно сказать, очень слабой и поверхностной критики монархическихъ и аристократическихъ учрежденій, Годвинъ превозноситъ преимущества демократіи. Демократію онъ опредѣляетъ, какъ такую правительственную систему, гдѣ всякій членъ общества разсматривается, какъ человѣкъ, и ничто болѣе, гдѣ всѣ граждане равны. Не то, чтобы талантъ и собственность при этомъ строѣ были лишены всякаго вліянія, но никакое положительное учрежденіе этого вліянія не укрѣпляетъ. Годвинъ не думалъ, чтобы демократія была безъ недостатковъ. Онъ считалъ необходимымъ принимать во вниманіе уловки умѣлыхъ ораторовъ, льстецовъ толпы, непостоянство народа, опасности неограниченной свободы и то, что въ демократическихъ государствахъ истинныя заслуги часто не признаются и держатся подъ подозрѣніемъ и что зависть является господствующимъ зломъ. Однако, несмотря на это, Годвинъ предпочиталъ демократію монархіи и аристократіи, ибо спокойствіе, по мнѣнію Годвина, еще не счастье. «Однимъ изъ главныхъ источниковъ, — пишетъ Годвинъ (въ 14 гл. V кн. *Политической Справедливости*), — ошибочнаго сужденія о демократіи является то, что имѣютъ въ виду такихъ людей, какими ихъ сдѣлали монархія и аристократія. И отъ этого исходятъ въ оцѣнкѣ возможности или невозможности людей самоуправляться своими собственными законами... Слѣпая вѣра, безусловное подчиненіе власти, недовѣріе къ самимъ себѣ, вотъ главныя препятствія прогрессу... Демократія даетъ человѣку сознаніе своей цѣнности и, отвергая деспотическую власть, учитъ его подчиняться только приказомъ разума, способствуетъ относиться къ другимъ людямъ, какъ къ себѣ подобнымъ, не какъ къ врагамъ, которыхъ нужно остерегаться, а какъ къ братьямъ, которымъ должно оказать помощь... Нѣтъ ничего неразумнѣе, какъ по современному состоянію людей заключать о томъ, чѣмъ они могутъ быть позже. Путь прогресса необычайно простъ: — говорить истину, дѣйствовать

сообразно истинѣ... Нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго, какъ всемогущество истины, или, другими словами, соотвѣтствіе между идеями и внѣшнимъ поведеніемъ. Если наука способна къ вѣчному прогрессу, то и люди способны къ постоянному прогрессу въ мудрости и справедливости».

Демократическое правительство должно быть организовано сообразно даннымъ разума и справедливости. Такъ законодательная власть не должна состоять изъ двухъ собраній, — что только вооружаетъ одну часть націи противъ другой, — а изъ одного собранія. Чтобы помѣшать слишкомъ поспѣшнымъ и необоснованнымъ рѣшеніямъ единаго собранія, достаточно, по мнѣнію Годвина, потребовать пять или шесть послѣдовательныхъ обсужденій законопроектовъ. Правительство можетъ ставить себѣ только двѣ законныя цѣли: одна заключается въ подавленіи несправедливостей, совершонныхъ противъ индивидовъ въ общинѣ, другая — въ защитѣ противъ внѣшняго нападенія. Что касается до роли парламента, то она тоже должна быть уменьшена. Постоянное собраніе нисколько не необходимо во время мира и даже можетъ оказаться вреднымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ многолюдныхъ собраніяхъ мы часто руководствуемся мотивами, чуждыми разуму и очевидности, находясь подъ временнымъ вліяніемъ парламентскаго оратора. Изъ этого слѣдуетъ, что если необходимо прибѣгать къ совѣщательнымъ собраніямъ, то нужно дѣлать это какъ можно меньше: или ихъ надо избирать только въ исключительныхъ случаяхъ, въ родѣ римскихъ диктаторовъ, или они должны засѣдать самое короткое время, напр., одинъ день въ году. Такое собраніе въ началѣ демократическаго періода будетъ давать приказы; но мало-по-малу достаточно будетъ простого приглашенія повиноваться законамъ, и голосъ разума будетъ услышанъ.

Возлагая такія чрезмѣрныя надежды на преобразованіе человѣческой природы, Годвинъ былъ чуждъ всякаго историческаго духа. Онъ готовъ былъ разрушить до основанія все политическое зданіе и построить новое на принципахъ абстрактнаго разсужденія. Онъ слишкомъ вѣрилъ въ неограниченную способность человѣческаго совершенствованія и во всемогущество разума. «Ни одинъ писатель,—пишетъ о немъ тонкій изслѣдователь вліяній французской революціи на англійскую литературу, Эдвардъ Доуденъ, — не выражаетъ болѣе ясно, чѣмъ Годвинъ, индивидуализма, характеризующаго начало революціоннаго движенія въ Европѣ; ни одинъ писатель не даетъ болѣе поразительнаго доказательства

абсолютнаго отсутствія историческаго чувства. Человѣкъ у него не представляется созданіемъ прошлаго... Насталъ какъ бы первый годъ творенія; вся Вселенная должна быть переустроена на принципахъ разума, не обращая вниманія на накопившіяся наслѣдственныя тенденціи. Есть что-то возвышенное, трогательное и комическое въ томъ героическомъ безуміи, съ которымъ философъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ образуетъ цѣлый человѣческій міръ. Но ошибки, такъ же, какъ и истины, не столько принадлежатъ личности писателя, сколько чрезвычайной исторической эпохѣ, въ которую онъ жилъ».

III. Консервативная оппозиція противъ демократическаго радикализма въ концѣ XVIII вѣка.

Французскія политическія идеи, представленныя Пэномъ и Годвиномъ, никогда хорошо не акклиматизировались въ Англіи. Общественныя условія Англіи, отвращеніе англичанъ къ абстрактнымъ теоріямъ абсолютнаго характера помѣшали англичанамъ принять матафизическій и какъ бы математическій методъ разсужденій въ политической сферѣ. Всѣ англійскіе теоретики согласно признаютъ, что политическая истина должна быть основана на опытѣ. Блестящія дарованія Борка и его истинно-философская проницательность привели его ближе, чѣмъ кого-нибудь другого изъ его современниковъ, къ настоящему историческому методу. Въ его же лицѣ нашла своего самаго непримиримаго критика революціонно-демократическая доктрина англійскихъ радикаловъ XVIII вѣка.

Боркъ. Эдмондъ Боркъ (1730 — 1797) родился въ Ирландіи, въ Дублинѣ, въ мѣщанской семьѣ, но вслѣдствіе покровительства одного знатнаго лорда онъ уже въ 1764 году попалъ въ парламентъ, гдѣ онъ скоро началъ, благодаря своимъ талантамъ и совершенно исключительному краснорѣчію, играть видную политическую роль. Въ парламентѣ онъ принадлежалъ къ партіи виговъ и былъ постоянно сторонникомъ либеральныхъ началъ; онъ энергично протестовалъ противъ политическаго вліянія придворной камарильи и призывалъ партію виговъ сомкнуться въ борьбѣ противъ подкупности правительства. Во время войны Англіи со своими американскими колоніями онъ былъ на сторонѣ колоній и высказывался за соглашеніе съ ними; во время реформы Остъ-Индской компаніи Боркъ выступилъ съ огненными рѣчами, какъ одинъ изъ главныхъ обвинителей губернатора Варрена Гастингса. Когда началась французская революція, Боркъ сразу отрицательно от-

несся къ ея демократическому радикализму и выступилъ противъ нея съ книгою *Размышленія о революціи во Франціи.* Это отдалило его отъ многихъ прежнихъ политическихъ друзей по партіи виговъ, привѣтствовавшихъ французскую революцію и упрекавшихъ Борка въ измѣнѣ дѣлу свободы. Въ такомъ отношеніи Боркъ видѣлъ нарушеніе традиціонныхъ принциповъ стараго вигизма и апеллировалъ противъ «новыхъ» виговъ къ «старымъ» вигамъ въ памфлетѣ *Воззваніе новыхъ виговъ къ старымъ вигамъ* (1791). Подъ конецъ жизни Боркъ сдѣлался ревностнымъ сторонникомъ реакціоннаго министерства Питта Младшаго и все дальше отдалялся отъ своихъ прежнихъ политическихъ друзей.

„Размышленія о революціи во Франціи“.

Классическое произведеніе Борка, написанное имъ въ самый разгаръ французской революціи, *Размышленія о революціи во Франціи,* произвело громаднѣйшее впечатлѣніе на всѣхъ современниковъ не только въ Англіи, но и во Франціи и въ Германіи. Сочиненіе было написано въ опроверженіе демократическихъ принциповъ, выставленныхъ въ то время радикаломъ Ричардомъ Прайсомъ. Послѣдній въ своей рѣчи, произнесенной 4 октября 1789 года, высказалъ три положенія, лежащихъ, по его мнѣнію, въ основѣ всякой свободной конституціи, въ частности англійской: 1) право выбирать тѣхъ, кто нами правитъ, 2) право низлагать правителей вслѣдствіе ихъ дурного поведенія, 3) право устанавливать форму правленія по своему усмотрѣнію. Исторія англійской революціи 1688 года, по мнѣнію Борка, наоборотъ, доказываетъ, что, призывая на королевскій тронъ Вильгельма III, англійскій народъ и парламентъ нисколько не вѣрили въ свое право путемъ избранія назначать своихъ королей, а, напротивъ, приняли всевозможныя усилія, чтобы доказать, что право королей основывается лишь на наслѣдственности, и что въ будущемъ долженъ строго поддерживаться порядокъ престолонаслѣдія, господствовавшій въ Англіи и раньше. Что касается права низлагать правительство вслѣдствіе его дурного поведенія, то нѣтъ, — говоритъ Боркъ, — ни одного правительства, которое могло бы существовать хоть одинъ моментъ, если бы было дозволено низвергнуть его за нѣчто столь неопредѣленное, какъ дурное поведеніе. Карлъ I низвергнутъ былъ за то, что боролся противъ протестантской церкви и государства, противъ основныхъ законовъ и неоспоримыхъ вольностей, за то, что нарушилъ, такъ сказать, первоначальный договоръ между королемъ и народомъ. Но, и низлагая Карла I,

англійскій парламентъ имѣлъ въ виду только оградить будущихъ королей отъ возможности такихъ нарушеній. Противъ права народа самому устанавливать форму правленія Боркъ говоритъ: «Съ эпохи великой хартіи до билля о правахъ постоянной политикой нашей конституціи было требовать и сохранять наши вольности, какъ наслѣдство, которое намъ оставлено нашими предками, и которое мы должны передать нашему потомству, какъ благо, принадлежащее спеціально народу нашего королевства, внѣ отношенія къ какому-нибудь болѣе общему и болѣе древнему праву. Благодаря этому наша конституція сохранила единство, несмотря на громадное разнообразіе партій. Мы обладаемъ наслѣдственной короной, наслѣдственнымъ сословіемъ пэровъ, палатой общинъ, и нашъ народъ имѣетъ свои привилегіи и вольности въ силу наслѣдственнаго права отъ отдаленныхъ предковъ».

Революція, которая произошла во Франціи въ концѣ XVIII в., болѣе гибельна, по мнѣнію Борка, для Франціи, чѣмъ всѣ революціи, которыя переживала Франція раньше. «Удивительная вещь, — пишетъ Боркъ воображаемому французскому корреспонденту, — видѣть, съ какой быстротой Франція, какъ только она могла передохнуть, возстала отъ самыхъ жестокихъ и самыхъ долгихъ гражданскихъ войнъ (XVI вѣка), какія только переживалъ какой бы то ни было народъ. Почему? Потому что во всѣхъ избіеніяхъ французы не убивали характера своей страны. Ни достоинство, увѣренное въ себѣ, ни благородная гордость, ни чувство славы и соревнованія не были погашены: наоборотъ, они были возбуждены, зажжены. Государственные органы, хотя и поврежденные, все же продолжали существовать: всѣ награды и всѣ отличія, которыя возбуждаютъ честь и добродѣтель, были сохранены. Но ваша современная смута, какъ параличъ, поразила источникъ самой жизни. Всѣ тѣ, кто между вами были созданы, чтобы руководиться лишь принципомъ чести, разжалованы и деградированы, и не испытываютъ другихъ чувствъ, кромѣ чувства униженія и обиды. Но наше поколѣніе скоро исчезнетъ; то поколѣніе знати, которое придаетъ ему на смѣну, будетъ походить на ремесленниковъ, на крестьянъ, на спекулянтовъ, на ростовщиковъ и на евреевъ, которые впредь сдѣлаются ихъ равными, а иногда и ихъ господами. Повѣрьте мнѣ, мой другъ, что тѣ, кто претендуютъ нивеллировать, никогда не уравниваютъ. Во всѣхъ обществахъ, которыя по необходимости состоятъ изъ различныхъ классовъ гражданъ, необходимо, чтобы былъ одинъ

классъ, которому принадлежало бы господство; поэтому нивелляторы только мѣшаютъ и переворачиваютъ естественный порядокъ вещей: они дѣлаютъ общественное зданіе неустойчивымъ, помѣщая въ воздухѣ то, что для прочности зданія должно было бы быть помѣщено въ фундаментѣ... Канцлеръ Франціи при открытіи Генеральныхъ Штатовъ сказалъ съ элегантностью ритора: «всѣ профессіи почетны». Если бы онъ хотѣлъ заявить только, что никакое честное занятіе не должно вызывать къ себѣ презрѣнія, то онъ не отошелъ бы отъ истины; но, говоря, что всякое состояніе почетно, мы принуждены дѣлать нѣкоторыя различія. Занятіе, напримѣръ, парикмахера ни для кого не можетъ быть источникомъ почета. Государство не должно угнетать лицъ этого класса; но оно очень пострадало бы, если бы такимъ лицамъ, въ томъ состояніи, въ которомъ они являются теперь, дано было управлять государствомъ. Вы полагаете, что вашимъ поведеніемъ вы побѣждаете предразсудокъ; вы ошибаетесь: вы объявляете войну самой природѣ. Вы не подумаете, надѣюсь, что мое желаніе заключается въ томъ, чтобы видѣть власть и отличіе данными исключительно привилегіямъ рожденія и титуловъ. Нѣтъ, для правительства единственно допустимые титулы, реальные или предполагаемые, — знаніе и добродѣтель. Гдѣ бы они ни встрѣтились, въ какомъ бы сословіи, жизненной обстановкѣ, профессіи или ремеслѣ они ни были, они даютъ право на положеніе и почетъ. Горе странѣ, которая оказалась бы слишкомъ безумной и нечестивой, чтобы пренебречь услугами талантовъ и гражданскихъ, военныхъ или религіозныхъ добродѣтелей, которыя были бы ей предложены для ея украшенія и для службы ей! Горе странѣ, которая осудила бы на неизвѣстность все, что способно просвѣтить государство и прославить его! Горе странѣ, которая, впадая въ противоположную крайность, стала бы смотрѣть на рабское воспитаніе, на одностороннее отношеніе къ вещамъ, на наемническія и низменныя занятія, какъ на предпочтительный дипломъ для начальствованія»! Чтобы представительство государства было въ правильномъ соотношеніи съ добродѣтелью и заслугами, необходимо, по мнѣнію Борка, чтобы въ немъ были представлены и таланты и собственность. Таланты должны разсматриваться, какъ активный и дѣятельный принципъ, собственность же — какъ принципъ пассивный.

Боркъ былъ рѣшительнымъ противникомъ политической метафизики и революціоннаго метода политическаго творчества. «Всѣ

реформы, которыя мы произвели до сихъ поръ, — пишетъ онъ, — проистекаютъ изъ уваженія къ старинѣ и къ традиціи. Духъ новшества есть результатъ эгоистическаго характера и узкихъ взглядовъ. Когда презираютъ своихъ предковъ, не думаютъ и о потомствѣ». «Искусство создать новый планъ общества, обновить общество, реформировать его, какъ и всякая вообще экспериментальная наука, не можетъ быть преподано a priori; и кратковременный опытъ также не можетъ намъ дать такого практическаго знанія, такъ какъ дѣйствительные результаты моральныхъ причинъ не всегда обнаруживаются непосредственно тотчасъ же. Правительственная наука носитъ настолько практическій характеръ, требуетъ столько опытности (больше опытности, чѣмъ человѣкъ можетъ пріобрѣсти за всю свою жизнь каковы бы ни были его способности и сила его наблюдательности), что никто не долженъ, безъ чрезвычайныхъ предосторожностей, рисковать разрушить зданіе, которое могло въ теченіе вѣковъ отвѣчать, хотя бы лишь только въ сносной формѣ, общимъ соціальнымъ цѣлямъ, или перестраивать его, не имѣя передъ глазами образцовъ и примѣровъ, польза которыхъ была бы уже испытана».

Боркъ защищалъ англійскую конституцію и предпочиталъ ее «простымъ» конституціямъ, продуктамъ революціонной абстракціи. «Простыя правительства чрезвычайно несовершенны. Если вы разсматриваете общество съ какой-нибудь одной только точки зрѣнія, вы найдете, что эти простыя политическія формы безконечно привлекательны. Каждая достигаетъ своей цѣли болѣе совершеннымъ образомъ, чѣмъ можетъ достигнуть своихъ многообразныхъ цѣлей сложная форма. Однако лучше нѣкоторое несовершенство и нѣкоторая аномалія въ цѣломъ, чѣмъ строгая заботливость въ однѣхъ частяхъ и полная небрежность въ другихъ. Лицемѣръ находитъ себѣ удовлетвореніе въ возвышенныхъ спекуляціяхъ. Такъ какъ онъ не намѣревается итти далѣе чисто теоретическихъ положеній, то ему ничего не стоитъ исповѣдывать самую великолѣпную теорію. Однако люди этой категоріи такъ заняты своими теоріями о правахъ человѣка, что они совершенно забываютъ натуру человѣческую». «Уступая требованіямъ разума, французскіе революціонеры пожертвовали семьею для человѣчества, прошлымъ для настоящаго. Между тѣмъ всѣ поколѣнія солидарны. Мы — наслѣдники нашихъ предковъ, и мы не должны проматывать нашего наслѣдія: благодаря легкости въ перемѣнѣ государственныхъ формъ, слѣдующей неустойчивому капризу во-

ображенія и моды, непрерывность цѣпи, соединяющей общество, нарушается. Ни одно поколѣніе не связано съ другимъ поколѣніемъ, и жизнь человѣческая становится не дороже жизни лѣтнихъ мухъ».

Боркъ, однако, не былъ реакціонеромъ и противникомъ какого бы то ни было измѣненія въ политическомъ строѣ; но онъ являлся сторонникомъ умѣренной реформы. «Воодушевленный и великодушный теоретикъ можетъ желать созданія общества иначе устроеннаго, чѣмъ то, которое онъ нашелъ, но настоящій политическій дѣятель всегда соображаетъ о томъ, какъ лучше использовать уже существующій матеріалъ. Склонность къ сохраненію, соединенная со способностью къ улучшенію, — вотъ мой идеалъ государственнаго человѣка. Все остальное относится къ пошлымъ воззрѣніямъ и къ опаснымъ опытамъ. Совсѣмъ иное дѣло — въ одно и то же время и сохранять и реформировать. Когда сохраняютъ старое учрежденіе въ его полезныхъ частяхъ, то всякія добавленія должны быть приспособлены къ тому, что сохраняютъ; въ этомъ случаѣ нужно приложить къ дѣлу много умственной силы, настойчивую и твердую внимательность, различныя способности сравненія и комбинированія и умъ, оплодотворенный опытомъ».

Боркъ былъ врагомъ не столько абстрактныхъ теорій, сколько революціонныхъ софизмовъ. «Я не хочу унижать теоріи и умозрѣнія, — писалъ онъ, — ибо это значило бы унизить самъ разумъ. Нѣтъ, всякій разъ, какъ я борюсь противъ теоріи, я борюсь противъ нее, какъ противъ слабой, ошибочной, ложной, неосновательной, несовершенной; и одно изъ средствъ открыть, что это ложныя теорія, — сблизить ее съ опытомъ. Вотъ пробный камень для всѣхъ теорій, касающихся человѣка и человѣческихъ дѣлъ».

Англичане, вообще враждебно относящіеся ко всякимъ политическимъ спекуляціямъ, съ самаго начала французской революціи недовѣрчиво относились къ Франціи. Казни временъ Конвента и духъ завоеваній, овладѣвшій французами въ эпоху Директоріи, окончательно оттолкнули тѣхъ, кто еще колебался до того времени. Премьеръ-министръ Питтъ рѣшительно принялъ сторону Борка. Боркъ представлялъ собою для англичанъ любовь ко всему, что существуетъ, какъ созданіе прошлыхъ поколѣній, — къ религіи, къ правительству, къ обычаямъ страны, въ рѣзкой противоположности съ Годвиномъ, пропитаннымъ доктриною энциклопедистовъ и презиравшимъ настоящее и прошлое для будущаго. Большинство англичанъ восприняло точку зрѣнія Борка. Эта точка зрѣнія прекрасно высказана однимъ изъ историковъ

англійской мысли XVIII вѣка, Лесли Стифеномъ: «Сложная организація общества можетъ быть понята только послѣ внимательнаго изученія хода исторической эволюціи. Его сокровенная структура, а также каждая его даже и поверхностная особенность носитъ отпечатокъ силъ, дѣйствовавшихъ съ первыхъ эпохъ мысли... Человѣкъ, какимъ мы его видимъ нынѣ, есть продуктъ безчисленныхъ силъ, характеръ его былъ переданъ въ наслѣдство долгимъ рядомъ предковъ... Большая заслуга Борка заключалась въ томъ, что онъ понялъ эти истины, которыя стали теперь общимъ мѣстомъ, и увидѣлъ ихъ отношеніе къ политическому умозрѣнію. Полное непониманіе ихъ важности характеризуетъ всю революціонную школу». Во время раскола Борка съ радикальнымъ крыломъ виговъ съ Чарльзомъ Фоксомъ во главѣ, торжество осталось за Боркомъ. Напрасно Маккинтошъ въ своихъ демократическихъ *Vindiciae Gallicae* и Пэнъ въ своихъ республиканскихъ *Правахъ человѣка* пытались привлечь общественное мнѣніе на сторону революціонеровъ; большинство виговъ и общество пошло за Боркомъ, и противореволюціонное теченіе окончательно восторжествовало въ Англіи почти на сорокъ лѣтъ.

IV. Радикализмъ въ ученіи Бентама.

Несмотря на утвердившееся къ началу XIX вѣка торжество стараго торизма Блекстоновской школы, демократическая доктрина не исчезла въ Англіи, а продолжала подъ дѣйствіемъ соціальныхъ причинъ развиваться, пока, наконецъ, не восторжествовала въ началѣ 30-хъ годовъ XIX вѣка, когда окончательно выросъ новый соціально-экономическій классъ, потребовавшій себѣ мѣста въ политическомъ организмѣ.

Въ 1793 году была организована радикальная партія; эта партія черезъ посредство «Общества сношеній» вступила въ связь съ французскими республиканцами, но англійское правительство стало преслѣдовать ее и вскорѣ ее распустило. Однако отдѣльные члены ея сохранили свои радикальныя убѣжденія, въ началѣ XIX вѣка мало-по-малу снова объединились и пріобрѣли достаточное вліяніе, чтобы принять участіе въ политической жизни. Умственнымъ идеологическимъ центромъ радикальной партіи была группа учениковъ Бентама, подъ конецъ своей жизни сдѣлавшагося убѣжденнымъ демократомъ, такъ называемая утилитарная школа. Хотя демократическая программа провозглашена была въ Англіи же въ 80-ые годы XVIII вѣка, однако одновременно

не было создано демократической доктрины, такъ какъ въ радикальной партіи съ самаго начала недоставало мыслителя, который сумѣлъ бы поставить доктрину на истинно-философскую высоту. Такіе философы-радикалы появились лишь въ XIX вѣкѣ въ лицѣ Бентама, Джемса и Джона Миллей и вообще представителей утилитарной школы.

Бентамъ. Іеремія Бентамъ (1748—1832) почти семьдесятъ лѣтъ проповѣдывалъ необходимость радикальной реформы права и оказалъ настолько могущественное вліяніе на общественное мнѣніе въ Англіи въ первую половину XIX вѣка, что такой знатокъ англійской юридической жизни, какъ Дайси, въ своей книгѣ объ *Отношеніяхъ между правомъ и общественнымъ мнѣніемъ въ Англіи въ XIX вѣкѣ*, считаетъ, что вся эпоха между 1825—1870 гг. является періодомъ бентамнизма или индивидуализма, пришедшаго на смѣну стараго торизма 1800—1830 гг. Громадное реформаціонное движеніе англійскаго законодательства, направленное на постепенное усовершенствованіе англійскаго права, тѣсно связано съ идеями Бентама.

Принадлежа по происхожденію къ среднему классу и обладая большимъ состояніемъ, Бентамъ получилъ въ молодости тщательное юридическое образованіе и готовился сначала къ практической юридической дѣятельности; оставивши потомъ юридическую карьеру, Бентамъ продолжалъ, однако, быть вѣренъ своимъ юридическимъ вкусамъ и посвятилъ себя дѣлу реформы права.

«Вся долгая жизнь Бентама, — пишетъ о немъ Гюйо въ своей книгѣ объ англійскомъ утилитаризмѣ, — цѣликомъ была обращена на практику: онъ принималъ интересы человѣчества къ сердцу такъ близко, какъ любой коммерсантъ интересы фирмы, гдѣ помѣщены его капиталы. Онъ пристально слѣдилъ за всѣми націями міра и посылалъ то одной, то другой свои проекты реформъ, объявляя всюду войну предразсудкамъ, устарѣлымъ обычаямъ, отжившимъ этическимъ или юридическимъ воззрѣніямъ, провозглашая, что личный интересъ есть въ то же время и истинное основаніе какъ морали, такъ и законодательства. Свидѣтель и сторонникъ французской революціи, онъ давалъ ей совѣты, повергъ на усмотрѣніе учередительнаго собранія массу часто очень практическихъ и очень вѣрныхъ совѣтовъ относительно налоговъ, судовъ, тюремъ, колоній. Конвентъ даровалъ Бентаму титулъ французскаго гражданина. Но вскорѣ лихорадочная и

стремительная смѣна событій заставила Бентама, почувствовавшаго себя безсильнымъ во Франціи, направить свои силы въ другую сторону: онъ занялся Польшей, Россіей, Соединенными Штатами, предлагая имъ составленіе свода законовъ и реформъ въ области народнаго просвѣщенія. Но его неутомимая дѣятельность особенно широко развернулась въ Англіи, гдѣ онъ сталъ во главѣ партіи радикаловъ».

Бентамъ родился въ 1748 году, два года спустя послѣ неудачи послѣдней попытки провести реставрацію Стюартовъ; умеръ онъ непосредственно передъ вотумомъ Reform Act 1832 года. 84 года его жизни заполняютъ періодъ, отдѣляющій послѣднюю попытку возстановить въ Англіи дѣйствительное верховенство короля отъ начала въ Англіи современнаго демократическаго правительства. Этотъ періодъ, конечно, простирается за границы XVIII вѣка; но хотя Бентамъ жилъ почти до конца первой трети XIX вѣка, онъ по духу вполнѣ остался сыномъ XVIII вѣка; онъ былъ въ Англіи лучшимъ представителемъ гуманитаризма и просвѣщенныхъ чувствъ той эпохи.

Бентамъ сдѣлался въ первую четверть XIX вѣка однимъ изъ столповъ радикализма, но радикально-демократическія воззрѣнія его развились лишь въ позднѣйшій періодъ его жизни, въ молодости же, въ эпоху французской революціи, Бентамъ нисколько къ демократамъ причисленъ быть не можетъ. Правда, одно время и въ началѣ революціи, онъ какъ будто склонялся къ республиканству, но это продолжалось недолго. Неудержимое краснорѣчіе ораторовъ Конституанты его раздражаетъ. Въ конфискаціи церковныхъ имуществъ, въ возстановленіи имущества потомкамъ протестантовъ, подвергшихся преслѣдованіямъ при Людовикѣ XIV, онъ видѣлъ нарушеніе принципа безопасности. Онъ готовъ былъ даже одно время присоединиться къ лигѣ борьбы противъ обществъ революціонной пропаганды въ Англіи. Онъ безусловно отрицательно относился къ декларяціямъ правъ человѣка и написалъ даже сочиненіе (въ 1795 году) *Анархическія софизмы или разсмотрѣніе декларацій правъ во время французской революціи*. Деклараціи, по мнѣнію Бентама, прежде всего безполезны, такъ какъ власть монарха можно ограничить и конституціоннымъ кодексомъ, а власть учредительнаго органа нельзя ограничить и деклараціей. Далѣе — самъ тонъ деклараций ложенъ; въ нихъ провозглашается, какъ существующее («люди равны между собой», «законы не могутъ отчуждать свободы гра-

Критика декларацій правъ.

жданъ»), то, что по мысли составителей декларацій лишь должно быть. Въ этомъ тонѣ сказывается различіе между «разумнымъ цензоромъ» законовъ (по выраженію Бентама) и анархистомъ; первый допускаетъ существованіе законовъ, которыхъ онъ не одобряетъ, и требуетъ ихъ отмѣны, второй (анархистъ) отрицаетъ само ихъ существованіе, и свою волю и свой капризъ объявляетъ закономъ, предъ которымъ все человѣчество должно преклониться. Декларацiи провозглашаютъ существованіе четырехъ естественныхъ правъ: свободы, собственности, безопасности и сопротивленія насилію. Однако, всѣ эти права, если ихъ понимать не какъ созданіе законовъ, а какъ естественную и неотъемлемую принадлежность всѣхъ людей, носятъ анархическій характеръ. Возьмемъ для примѣра свободу. Нѣтъ закона, который не представлялъ бы собою ограниченія свободы и, слѣдовательно, не нарушалъ бы мнимаго естественнаго права свободы. Декларація правъ, правда, различаетъ между свободой и злоупотребленіемъ ею, но кто будетъ устанавливать это различіе? «Представляютъ будущимъ законодателямъ заботу опредѣлить, что должно разсматриваться, какъ злоупотребленіе свободой. Какое же значеніе имѣетъ преграда, которая устанавливается свободнымъ усмотрѣніемъ правительства?»—Разсмотримъ далѣе собственность. Собственность опредѣляется закономъ. Принципъ естественнаго права собственности сдѣлался бы яснымъ, если бы допустить, что всѣ права собственности и всѣ виды собственности, которою владѣетъ индивидъ, не обращая вниманія на то, какъ онъ владѣетъ, неотчуждаемы и не могутъ быть отняты никакимъ закономъ. Но нѣтъ налоговъ, штрафовъ, которые не являлись бы нарушеніемъ права собственности и не оправдывали бы, слѣдовательно, сопротивленія и возстанія. Что касается безопасности, то всякій законъ возлагаетъ принужденіе, и угроза наказаніемъ есть покушеніе на безопасность. Но особенно мятежническій, антисоціальный и анархическій характеръ теоріи индивидуальныхъ естественныхъ правъ сказывается въ четвертомъ естественномъ правѣ, въ правѣ на сопротивленіе угнетенію.

Выработка демократической доктрины.

Относясь вначалѣ критически къ революціоннымъ и демократическимъ доктринамъ, Бентамъ впослѣдствіи, подъ вліяніемъ неудачъ со своими филантропическими и реформаторскими проектами, началъ отрицательно смотрѣть на существующій политическій строй, критиковать монархическую и аристократическую форму правленія и, наконецъ, не безъ вліянія Джемса Милля

(отца извѣстнаго философа Джона Стюарта Милля), сдѣлался послѣдовательнымъ и крайнимъ демократомъ. Въ 1808 году Бентамъ знакомится съ Джемсомъ Миллемъ. Потомъ и Бентамъ, и Джемсъ Милль сближаются съ демократами Бердеттомъ и Горномъ Тукомъ. *Эдинбургское Обозрѣніе* является въ это время органомъ проведенія ихъ радикально-демократическихъ идей. Первое время, настаивая на реформѣ избирательнаго права, они не доходятъ до всеобщаго избирательнаго права и требуютъ лишь избирательнаго права для всѣхъ, кто платитъ прямые налоги. Бентамъ формулируетъ рядъ демократическихъ требованій въ *Катехизисъ парламентарной реформы*. Въ 1811 году онъ сходится съ майоромъ Картрайтомъ, первымъ англійскимъ теоретикомъ всеобщаго избирательнаго права. Картрайтъ основываетъ «Общество друзей парламентарной реформы» и «Клубъ Гемпамбдена. Возникаетъ «радикализмъ». Въ 1811 году Бентамъ и Бердеттъ требуютъ уже всеобщаго избирательнаго права. Бентамъ и Джемсъ Милль придаютъ въ то же время радикализму философскій характеръ. Они разсчитываютъ установленіемъ всеобщаго избирательнаго права такимъ образомъ организовать представительный режимъ, что общій интересъ и гармонія интересовъ правящихъ съ интересами управляемыхъ явятся неизбѣжными результатами устройства законодательной власти.

Бентамизмъ; его основные принципы.

Бентамъ не былъ великимъ филантропомъ, такъ какъ его филантропическія затѣи кончались неудачей, онъ не былъ и великимъ философомъ, ибо его утилитаризмъ является наивной и слабой философской системой, но онъ былъ крупнымъ реформаторомъ права. Онъ проникся той основной мыслью, что законы, регулирующіе внѣшнія дѣйствія человѣческихъ массъ, должны и могутъ опредѣляться принципомъ наибольшаго счастья наибольшаго числа людей, какъ это счастье, въ своихъ общихъ и внѣшнихъ формахъ, понимается въ данномъ обществѣ. Основныя идеи Бентама относительно реформы права могутъ быть резюмированы, какъ ихъ правильно формулировалъ Дайси, въ трехъ главныхъ принципахъ съ двумя выводами изъ нихъ. Первый основной принципъ бентамизма есть взглядъ на законодательство, какъ на науку. Наука эта покоится на основныхъ чертахъ человѣческой природы, и искусство законодательства, для своего успѣха, должно являться приложеніемъ законодательныхъ принциповъ. Второй принципъ бентамизма есть пониманіе истинной цѣли законодательства въ осуществленіи принципа пользы; другими словами, истинная

цѣль всякаго закона, по Бентаму, — благопріятствовать наибольшему счастью наибольшаго числа людей. Третій принципъ — каждый является главнымъ и, по общему правилу, лучшимъ судьею своего собственнаго счастья; вслѣдствіе этого законодательство должно стремиться устранить всѣ ограниченія свободы дѣйствія индивида, за исключеніемъ лишь тѣхъ ограниченій, которыя необходимы, чтобы гарантировать подобную же свободу другихъ лицъ. Изъ этихъ трехъ руководящихъ принциповъ бентамовскаго законодательнаго утилитаризма: научнаго характера хорошаго законодательства, принципа пользы и вѣры въ laissez-faire, англійскіе индивидуалисты, съ Бентамомъ во главѣ, вывели, по словамъ Дайси, два слѣдующія послѣдствія: законъ долженъ расширить сферу договоровъ и усилить изъ нихъ вытекающую обязательность; что же касается до обладанія политической властью, то всякій человѣкъ долженъ считаться за одного и только за одного. Этотъ послѣдній выводъ и привелъ утилитарную доктрину Бентама, сначала, какъ мы видѣли, враждебную демократизму, къ принятію демократическаго идеала.

Къ демократическимъ воззрѣніямъ пришелъ Бентамъ, съ одной стороны, вслѣдствіе количественнаго анализа пользы (наибольшее,—количественно,—счастье наибольшаго,—то же количественно,—числа людей), съ другой, подъ вліяніемъ убѣжденія, что каждый стремится къ своему личному интересу. Поэтому, гдѣ власть находится въ рукахъ меньшинства, тамъ не могутъ быть соблюдены интересы большинства; для этого необходимо, чтобы сама власть находилась въ рукахъ большинства. Бентамъ воображалъ, что онъ разрѣшитъ всѣ вопросы счастья, пользы, политики, примѣняя простой подсчетъ количества, не обращая вниманія на качество. «Я прежде всего руководился, — пишетъ онъ, — самою точною изъ всѣхъ наукъ, ариѳметикой». Для достиженія цѣлей государства необходимо, чтобы правители обладали надлежащей способностью, что лучше всего будетъ достигнуто предоставленіемъ выбора правителей массѣ народа. Единственная форма правленія, имѣющая въ виду общее счастье, есть демократія; при всякой другой формѣ правленія правители преслѣдуютъ интересы меньшинства, ибо всякій правитель имѣетъ въ виду лишь свою выгоду. Такъ это бываетъ и въ монархіи. Бентамъ не находитъ словъ, чтобы заклеймить монархическій образъ правленія. Цѣлью государства здѣсь является счастье одного лишь лица: монархъ получаетъ выгоды въ ущербъ интересамъ своихъ подданныхъ и дѣлается поэтому

естественнымъ врагомъ своихъ подданныхъ. Монархъ есть лишь рабовладѣлецъ въ широкихъ размѣрахъ, а народъ сводится на положеніе стада и состоитъ изъ обманутыхъ, оскорбляемыхъ и глупцовъ. Хорошей монархіи не можетъ быть; и ограниченная монархія отличается отъ неограниченной только тѣмъ, что она достигаетъ тѣхъ же цѣлей посредствомъ обмана.

Политическій идеалъ Бентама.

Политическій идеалъ Бентама въ этотъ періодъ его развитія очень простъ. Въ государствѣ должна неограниченно и безъ всякихъ задержекъ господствовать воля народа, т.-е. воля большинства; при этомъ власть большинства осуществляется или непосредственно или черезъ выборныхъ депутатовъ. Непосредственно большинству принадлежитъ учредительная власть; всѣ остальныя функціи власти осуществляются представителями. Это представительное собраніе должно наиболѣе чистымъ образомъ осуществлять волю большинства народа; оно должно избираться всеобщимъ, равнымъ, тайнымъ и ежегоднымъ голосованіемъ всего народа; всеобщность избирательнаго права должна простираться и на женщинъ, исключеніе которыхъ изъ политической жизни основывается лишь на предразсудкѣ. Представительное собраніе должно быть единымъ: Бентамъ всѣми силами возставалъ противъ двухпалатной системы, видя въ ней нарушеніе количественнаго ариѳметическаго принципа въ образованіи воли народа. Если власть должна принадлежать ариѳметическому большинству людей, понятно, что отвергаются всякія учрежденія, служащія для ограниченія власти представительнаго собранія; оно должно быть всемогущимъ и неограниченнымъ. Раздѣленіе власти нашло въ Бентамѣ своего рѣшительнаго и непримиримаго противника.

Историческое значеніе англійскаго радикализма.

Политическій радикализмъ, зарождающійся въ Англіи въ концѣ XVIII вѣка и утверждающійся въ первой половинѣ XIX вѣка, явился естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ образованія новаго класса въ англійскомъ обществѣ. Возникаетъ новый промышленный классъ, интересы котораго сталкиваются съ интересами старой феодальной аристократіи; сила его и значеніе все больше возрастаютъ, и идеологическимъ выраженіемъ его стремленій явилось движеніе въ пользу демократическихъ реформъ. Конечно, демократическій радикализмъ начала XIX вѣка былъ вполнѣ созданіемъ и отраженіемъ средняго торгово-промышленнаго класса. Эта тѣсная связь съ идеологіей средняго класса прекрасно отмѣчена Дайси даже относительно главнаго представителя и, можно сказать, идейнаго творца философскаго радика-

лизма, Іереміи Бентама. «Хотя Бентамъ, — пишетъ Дайси, — отличался отъ своихъ согражданъ своимъ геніемъ, своимъ просвѣщеніемъ и рвеніемъ къ общественному благу, однако онъ принадлежалъ въ гораздо большей степени, чѣмъ это видѣлъ онъ самъ и его противники, къ среднему классу. Онъ раздѣлялъ лучшія идеи этого класса. Когда онъ вѣрилъ, что цѣль права, какъ и цѣль жизни, заключается въ содѣйствіи наибольшему счастью наибольшаго числа людей, онъ разумѣлъ подъ счастьемъ не сложное понятіе блаженства, а то соединеніе честной и трудолюбивой жизни и пользованія достаткомъ и матеріальнымъ комфортомъ, которое, какъ извѣстно, есть предметъ желаній средняго англичанина. Онъ говорилъ языкомъ своихъ соотечественниковъ, и люди средняго класса, къ которымъ онъ обращался, понимали, что онъ хочетъ сказать».

А. Ященко.

Американская республика.

I.

Колоніи англичанъ на территоріи Соединенныхъ Штатовъ.

Самая древняя изъ 13 англійскихъ колоній, объявившихъ себя въ 1776 году независимыми штатами Америки, была основана на берегу Чезапикскаго залива. Страна эта еще въ XVI столѣтіи была изслѣдована англійскими мореплавателями и получила отъ нихъ названіе Виргиніи (отъ virgo — дѣва) въ честь королевы Елизаветы. Виргинія оказалась, по ихъ отзывамъ, «самой богатой, плодородной и пріятной въ цѣломъ мірѣ страной». Въ 1606 году лондонскіе и плимутскіе купцы образовали для эксплуатаціи этой страны «Виргинскую кампанію»; по хартіи, выданной кампаніи королемъ Іаковомъ, въ ея владѣніе поступила вся территорія между 40 и 45 и между 34 и 38 градусами сѣверной широты: первая половина отдавалась плимутской части компаніи, вторая — лондонской. **Виргинія и Мэриландъ.**

Фактически использовали свои права только лондонцы. Уже въ слѣдующемъ году они привезли въ Виргинію первую партію колонистовъ въ количествѣ 105 человѣкъ. Это были, по большей части, люди неспособные къ труду — отбившіеся отъ родни аристократы, купцы, бѣжавшіе отъ долговъ, и разнаго рода иска-

1) *Channing.* Students' History of the U. S. 2) *Mc Carthy.* A chort History of the U S. 3) *Channing.* United States of Amerika 1765—1865. *Fiske.* The American Revolution. *Брайсъ.* Американская республика, т. I—III. Русск. пер. 6) *Токвиль.* Демократія въ Америкѣ. Русск. пер. 7) *Дайси.* Основы государствен. права въ Англіи. Русск. пер. 8) *Елинекъ.* Декларація правъ человѣка и гражданина. Русск. пер. Статистическія и историческія свѣдѣнія объ отдѣльныхъ штатахъ заимствованы, кромѣ того, изъ соотвѣтствующихъ статей въ Encyclopedia Britannica.

тели наживы. Условія жизни въ новой странѣ оказались для нихъ слишкомъ суровыми: черезъ 6 мѣсяцевъ въ живыхъ осталось изъ нихъ не болѣе половины. Черезъ два года лондонская компанія получила новую хартію, дававшую ей надъ колонистами полную власть, ограниченную лишь правомъ королевскаго veto. Въ 1611 г. уполномоченный компаніей губернаторъ Дэль написалъ для Виргиніи первые законы. За свою жестокость они получилъ названіе *«черныхъ»* (Blue laws). Смертная казнь, пытки и тѣлесныя наказанія занимали въ нихъ главное мѣсто: за простое опозданіе въ церковь полагались розги, а въ 3-й разъ каторжныя работы; богохульникамъ во 2-й разъ прокалывали языкъ, а въ третій разъ подвергали смерти. Лишь съ прибытіемъ новыхъ колонистовъ и улучшеніемъ ихъ состава виргинскіе законы приняли болѣе мягкій характеръ.

Черезъ 12 лѣтъ послѣ основанія перваго города Виргиніи, Джемстауна, въ ней было 11 поселковъ съ населеніемъ въ 4,000 человѣкъ. Составъ ихъ былъ уже иной: въ Виргинію ѣхало теперь много предпріимчивыхъ и зажиточныхъ людей. Скоро компанія согласилась предоставить колонистамъ участіе въ управленіи страной: въ іюлѣ 1619 года на клиросѣ Джемстаунской церкви собралось первое въ Америкѣ представительное собраніе. Вотъ какъ описываетъ его очевидецъ и участникъ: «Безъ молитвы всѣ начинанія людскія кончаются плохо; поэтому собравшіеся на клиросѣ депутаты прежде всего выслушали молитву, произнесенную священникомъ мистеромъ Бэксомъ, чтобы Богъ помогъ намъ и благословилъ нашу работу для славы Его и для блага нашей колоніи. Потомъ, чтобы, начавши дѣло обращеніемъ ко Всемогущему Богу, продолжить его выраженіемъ благоговѣйнаго почтенія къ намѣстнику Его, нашему всемилостивѣйшему и августѣйшему государю (Our gracions and Dread Soveraigne), всѣхъ депутатовъ попросили отойти въ глубь церкви, послѣ чего ихъ вызывали поименно, одного за другимъ, и всѣ, безъ малѣйшаго колебанія, принесли присягу Верховенства. Затѣмъ уже было открыто собраніе». Черезъ пять лѣтъ послѣ этого король, недовольный проникновеніемъ въ лондонскую компанію пуританъ, уничтожилъ ея хартію, и Виргинія превратилась въ королевскую провинцію: губернаторъ ея назначался уже королемъ.

Коронные губернаторы управляли Виргиніей по указаніямъ изъ центра. При Стюартахъ они ревностно боролись тамъ за начала королевскаго абсолютизма; всякія проявленія самодѣятельности и

свободы подавлялись, при чемъ къ врагамъ общественнаго порядка причислялись народныя школы и печать. «Я надѣюсь, что у насъ никогда не будетъ школъ и типографій,—говорилъ (въ серединѣ XVII столѣтія) губернаторъ Бёркли:—онѣ суть орудіе діавола въ борьбѣ противъ Бога и короля. Ученіе принесло людямъ лишь духъ своеволія да всякаго рода ереси и сектантство, а книгопечатаніе распространило ихъ вмѣстѣ съ пасквилями на наше достойнѣйшее правительство». Въ концѣ XVII вѣка въ Виргиніи возникъ, однако, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Америкѣ центровъ образованности — «Колледжъ Вильгельма и Маріи»

Процвѣтаніемъ своимъ колонія была обязана культурѣ табака: въ Европѣ спросъ на него росъ съ каждымъ годомъ послѣ того, какъ онъ былъ завезенъ туда первыми изслѣдователями Виргиніи. Выгоды табачнаго производства стали привлекать туда людей капитала, и оно было поставлено мало-по-малу на широкую ногу. Зажиточные плантаторы образовали изъ себя сильную и вліятельную общественную группу: въ ихъ руки перешло и мѣстное самоуправленіе (приходы и графства), и государственная церковь. Табачныя плантаціи Виргиніи обрабатывались рабскимъ трудомъ. Еще въ 1619 году голландскіе купцы привезли сюда первую партію черныхъ невольниковъ, а къ концу столѣтія число ихъ было здѣсь уже очень значительно; къ серединѣ же XVIII вѣка они составляли 45% населенія. Положеніе рабовъ въ Виргиніи, сравнительно съ болѣе южными колоніями, было сноснымъ. Число ихъ на каждой плантаціи было невелико; работали они вмѣстѣ съ бѣлыми рабочими, подъ наблюденіемъ самого хозяина или его семьи; привозъ новыхъ негровъ въ Виргинію скоро прекратился, такъ какъ они размножались здѣсь достаточно быстро. При такихъ условіяхъ рабство въ Виргиніи носило даже извѣстный остатокъ патріархальности. Не то было, какъ мы увидимъ, на крайнемъ Югѣ.

Въ 1632 году Карлъ I пожаловалъ одному изъ своихъ придворныхъ, сэру Джорджу Кальверу, сѣверо-восточную часть Виргинской территоріи съ тѣмъ, чтобы она служила убѣжищемъ для гонимыхъ въ Англіи католиковъ. Въ честь жены Маріи страна эта получила названіе Мэриланда. Католической колоніей ей сдѣлаться, однако, не удалось: новые колонисты съ самаго начала столкнулись здѣсь съ протестантскими выходцами изъ Виргиніи, и такъ какъ на сторонѣ послѣднихъ оказался вскорѣ и численный перевѣсъ, то католики были лишены политическихъ правъ, и

государственной религiей Мэриланда было признано англиканство. Лорды Балтиморы, какъ стали именоваться Джорджъ Кальверъ и его старшiе потомки, удержали въ своихъ рукахъ Мэриландъ вплоть до самой революцiи, но они не пользовались своею властью деспотически: въ 1635 году законодательная власть была передана общему собранiю колонистовъ, а когда число ихъ стало слишкомъ велико, на мѣсто общаго собранiя стала палата депутатовъ. По общественному строю Мэриландъ былъ похожъ на сосѣднюю Виргинiю, но рабы составляли здѣсь нѣсколько меньшiй процентъ.

Южныя колонiи. Въ 1663 году похожая на мэрилендскую хартiю была выдана Карломъ II Кларендону и другимъ 7 лордамъ на территорiю, лежавшую къ югу отъ Виргинiи, еще въ XVI вѣкѣ названную французами Каролиной (въ честь короля Карла IX). Для привлеченiя въ страну колонистовъ хартiя провозглашала въ Каролинѣ религiозную свободу. Это, дѣйствительно, привлекло сюда эмиграцiю изъ многихъ европейскихъ странъ — изъ Францiи, Шотландiи, Ирландiи, Нидерландовъ. Въ политическомъ отношенiи Каролину предполагали сдѣлать строго аристократической страной: управленiе передавалось въ руки титулованной знати, а народъ отъ государственной жизни совершенно устранялся. Но на практикѣ этотъ проектъ не осуществился: колонисты не подчинились конституцiи и не обращали на нее никакого вниманiя; сами лорды-владѣльцы не могли осуществить въ Каролинѣ своихъ владѣльческихъ правъ; противъ нихъ поднимали возстанiе и нѣсколько разъ изгоняли изъ страны; въ 1729 году они принуждены были формальнымъ образомъ отказаться отъ правъ на Каролину и передать ее королю: изъ нея образовались двѣ провинцiи подъ названiемъ Сѣверной и Южной Каролины. Феодально-аристократическое устройство номинально просуществовало въ Каролинѣ около 25 лѣтъ.

На смѣну этой искусственной аристократiи здѣсь возникала новая аристократiя крупныхъ плантаторовъ-рабовладѣльцевъ. Сѣверная Каролина по условiямъ быта напоминала Виргинiю, самое населенiе ея въ значительной части составилось изъ виргинскихъ переселенцевъ; восточная половина колонiи была занята табачными плантацiями, а на западѣ были мелкiя фермы и пастушескiя хозяйства. Въ Южной Каролинѣ главное значенiе получила культура риса; огромныя пространства земли соединялись здѣсь въ рукахъ богатыхъ владѣльцевъ (большею частью французскихъ гу-

генотовъ); рабовъ покупали въ огромномъ количествѣ: въ серединѣ XVIII столѣтія они составляли уже до $^3/_5$ всего населенія. На рисовыхъ поляхъ негры работали большими партіями подъ свистъ бичей и крики черныхъ погонщиковъ; владѣльцы жили далеко отъ своихъ имѣній — въ приморскихъ курортахъ и городахъ и оставляли рабовъ на попеченіе управляющихъ; работа была такъ тяжела и обращеніе такъ безчеловѣчно, что негры быстро вымирали; имъ на смѣну везли изъ Африки новыхъ и спѣшили дисциплинировать ихъ посредствомъ бича. Огромный процентъ въ населеніи негровъ держалъ бѣлыхъ въ постоянномъ страхѣ, и чтобы успокоить себя, они терроризировали рабовъ драконовскими законами и отнимали у нихъ всѣ признаки человѣческаго существованія.

Тѣ же условія создавались въ Георгіи — въ колоніи, основанной уже въ XVIII вѣкѣ (1733 г.) къ югу отъ Каролины. Основателемъ ея былъ Джемсъ Эдвардъ Оглеторп, предложившій отправлять въ Америку неоплатныхъ должниковъ, вмѣсто того, чтобы попусту содержать ихъ въ тюрьмахъ. Новая колонія должна была стать вмѣстѣ съ тѣмъ оплотомъ Каролины противъ испанской Флориды. Оглеторп хотѣлъ сдѣлать Георгію страной мелкихъ фермъ и противился введенію тамъ рабскаго труда, но его усилія въ концѣ-концовъ не привели ни къ чему: Георгія покрылась обширными плантаціями, и рабство сдѣлалось въ ней почти единственной формой труда. Съ 1752 года управленіе Георгіей было передано коронѣ.

Новая Англія.

Сѣверныя колоніи англичанъ во всѣхъ почти отношеніяхъ были противоположностью южныхъ, начиная съ условій климата и почвы. На восточномъ берегу Сѣверной Америки климатъ мѣняется отъ сѣвера къ югу гораздо быстрѣе, чѣмъ въ Европѣ: на протяженіи 15 градусовъ между сѣверной и южной границей старинныхъ штатовъ находятся всѣ климаты Европы и Америки между мысомъ Нордъ-Капомъ (71° с. ш.) и Сахарой (15° с. ш.). Отъ этого зависѣло различіе земледѣльческихъ культуръ и общихъ условій хозяйства: чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ земледѣліе становилось менѣе выгоднымъ и болѣе труднымъ; культура табака не могла перейти черезъ границу Виргиніи и Мэриланда; культура риса начиналась лишь къ югу отъ нихъ; на сѣверѣ культивировалась пшеница и маисъ, а на крайнемъ сѣверѣ земледѣліе вообще переставало быть выгоднымъ и едва прокармливало мѣстныхъ крестьянъ: здѣсь развивались другія занятія — торговая

дѣятельность, рыбный промыселъ и ремесла; рабскій трудъ на сѣверѣ почти совсѣмъ не находилъ приложенія.

Самое возникновеніе сѣверныхъ колоній отличало ихъ отъ южныхъ: тѣ основаны были правительствомъ и торговыми компаніями, колоніи Новой Англіи возникли изъ свободныхъ союзовъ людей, гонимыхъ за религіозныя убѣжденія. Въ началѣ XVII в. множество англійскихъ пуританъ бѣжало въ Голландію. Но здѣсь они ужились недолго: имъ хотѣлось найти болѣе дѣвственную страну для приложенія своихъ религіозныхъ воззрѣній, для организаціи жизни по чисто христіанскому образцу. Взоры ихъ естественно обратились къ Америкѣ. Послѣ долгихъ колебаній они рѣшились «ввѣрить себя Богу» и плыть черезъ океанъ въ безлюдную, невѣдомую страну; средства добыли продажей имущества и займомъ у лондонскихъ купцовъ. Лѣтомъ 1620 года изъ Голландіи отбылъ первый корабль съ «отцами-пилигримами». Интересно описаніе ихъ путешествія, составленное современникомъ и свидѣтелемъ событій Натоніэлемъ Мортономъ: «По истинѣ скорбно было зрѣлище разставанія. Эти мотивы, рыданія и вздохи, раздававшіеся изъ ихъ среды, эти слезы, бѣжавшія изъ глазъ, слова одобренія, пронзавшія сердце!.. Даже посторонніе зрители не могли удержаться отъ слезъ... Но вотъ почтенный пасторъ упалъ на колѣни, и за нимъ упали всѣ остальные. Въ горячихъ молитвахъ онъ вручилъ отъѣзжавшихъ милосердному Богу. Всѣ, проливая слезы, обнялись и простились одинъ за другимъ. Для многихъ это прощаніе было послѣднимъ»... Къ берегамъ Америки «пилигримы» прибыли зимой. Бурное теченіе занесло ихъ далеко къ сѣверу, и только послѣ долгихъ усилій имъ удалось причалить къ какой-то скалѣ. «Вокругъ нихъ была ужасная и печальная пустыня, полная дикихъ людей и звѣрей. Почва мерзлая, покрытая кустарникомъ и лѣсомъ... А позади безпредѣльный океанъ, отдѣлявшій ихъ отъ цивилизованнаго міра»... Предстояло пережить суровую зиму безъ готовыхъ жилищъ и необходимыхъ запасовъ; грозила постоянная опасность отъ голодныхъ волковъ и враждебныхъ индѣйцевъ. Черезъ какихъ-нибудь три мѣсяца почти половина пріѣхавшихъ умерла, а среди остальныхъ почти не оставалось вполнѣ здоровыхъ. Но «пилигримы» не потеряли присутствіе двухъ и немедленно принялись за работу — построили дома, а съ весны запахали землею; съ индѣйцами завязали обмѣнъ, сбывая имъ зерно, а отъ нихъ получая мѣха; продажей мѣховъ имъ удалось вскорѣ скопить деньги и распла-

титься съ долгами. Такъ возникла первая колонія Новой Англіи— Нью-Плимутъ.

Земля, занятая колонистами, не принадлежала никому: лишь черезъ 70 лѣтъ (въ 1691 г.) она закрѣплена была за ними королевской хартіей. Самимъ приходилось думать и о политической организаціи: при основаніи колоніи «пилигримы» подписали взаимный договоръ, въ которомъ обязались подчиняться установленнымъ съ общаго согласія законамъ и признавать англійскаго короля своимъ государемъ; затѣмъ избрали изъ своей среды губернатора и другихъ должностныхъ лицъ.

Черезъ девять лѣтъ послѣ основанія Нью-Плимута англійскіе пуритане начали заселять берега Массачузетскаго залива. На этотъ разъ они явились съ королевской хартіей на образованіе самоуправляющихся колоній. Первая колонія возникла у бухты Салемъ (1629 г.); на слѣдующій годъ появилось шесть новыхъ городовъ и среди нихъ Бостонъ. Въ теченіе 10 лѣтъ въ Массачузетсъ прибыло не менѣе 20.000 колонистовъ. Управленіе организовалось на демократическихъ началахъ: общій митингъ издавалъ законы и избиралъ губернатора; въ 1638 году было введено народное представительство, но избраніе губернатора и послѣ этого осталось въ рукахъ самого народа; каждый городъ и селеніе сохраняли, кромѣ того, самоуправленіе и имѣли свое вѣче (митингъ).

Въ 1635—36 гг. часть жителей Массачузетса, недовольная установившимися тамъ церковными порядками, образовала за его южной границей нѣсколько новыхъ поселковъ; въ 1639 г. они составили федерацію и выработали себѣ конституцію — первую писанную конституцію въ Америкѣ. Въ отличіе отъ строго пуританскаго Массачузетса, Коннектикутъ, какъ стала называться новая провинція, объявилъ въ своей конституціи свободу всѣхъ протестантскихъ религій. Существованіе его было санкціонировано королевской грамотой лишь 23 года спустя.

Одновременно съ Коннектикутомъ, къ востоку отъ него, заселилась территорія Родъ-Айлендъ. Первые города Родъ-Айленда были основаны индепендентами, въ 1636 году изгнанными изъ Массачузетса во главѣ со своими вождями Роджеромъ Уильямсомъ и Анной Гетчисонъ. Въ 1643 году Родъ-Айлендскіе города получили грамоту отъ Долгаго парламента, разрѣшавшую имъ образовать федерацію, которая и была образована ими спустя четыре года (въ 1647 г.).

Территорія къ сѣверу отъ Массачузетса носила названіе Нью-Гемптайръ. Еще съ 1623 года она стала заселяться семьями рыбаковъ. Въ началѣ Нью-Гемптайръ добровольно примкнулъ къ Массачузетсу, но съ 1685 года превратился въ особую провинцію. Еще сѣвернѣе лежала территорія Мэнъ, постепенно сливавшаяся съ Массачузетсомъ.

Новая Англія была демократической страной, но своеобразная аристократія сложилась и здѣсь: это было пуританское духовенство, вліяніе котораго накладывалось и на законы и на жизнь. Законодательство Новой Англіи вдохновлялось пуританскимъ идеаломъ; отступленія отъ него подводились подъ уголовныя статьи: праздность, непосѣщеніе церкви, куреніе табака, даже поцѣлуй—трактовались, какъ преступленія; въ Бостонѣ на ношеніе длинныхъ волосъ смотрѣли, какъ на опасное для души щегольство. Самые законы пуритане любили брать цѣликомъ изъ библіи или пересыпать библейскими цитатами. Къ другимъ религіямъ относились нетерпимо и несогласно мыслящихъ изгоняли изъ своей среды. Подъ угрозой смертной казни были изгнаны изъ Массачузетса католическіе священники, а въ 1656 году той же мѣрѣ подвергли «проклятое племя еретиковъ, именуемыхъ квакерами»; когда же квакеры вернулись обратно, ихъ подвергли жестокимъ пыткамъ и даже висѣлицѣ. Убѣжищемъ для гонимыхъ за религію сдѣлался въ Новой Англіи Родъ-Айлендъ: согласно съ принципами Роджера Уильямса, онъ положилъ свободу совѣсти въ основу своего государственнаго устройства и, впервые въ исторіи человѣчества, осуществилъ полное отдѣленіе церкви отъ государства.

Но не въ одной нетерпимости проявилось въ Новой Англіи вліяніе пуританства. Въ то самое время, какъ виргинскій губернаторъ объявлялъ народныя школы орудіемъ дьявола, Коннектикутъ внесъ въ кодексъ своихъ законовъ постановленіе объ обязательномъ обученіи дѣтей: «Сатана, врагъ рода человѣческаго, говорилось тамъ, находитъ для себя въ невѣжествѣ народа самое могучее средство борьбы: обученіе дѣтей должно быть главной заботой государства». Начальныя школы существовали по всей Новой Англіи, а въ крупныхъ центрахъ возникали колледжи; первый изъ нихъ былъ основанъ въ Массачузетсѣ еще въ 1636 году.

Вліяніе пуританской религіи сказалось и на демократической организаціи мѣстнаго управленія; въ основу административнаго дѣленія легли церковныя общины пуританъ: расширяя постепенно

кругъ своей дѣятельности, онѣ, и въ качествѣ административныхъ единицъ, сохранили свое демократическое устройство.

Связь Новой Англіи съ метрополіей была очень слаба: правительство предоставляло ее вначалѣ ея собственной судьбѣ. Между тѣмъ колонисты имѣли внѣшнихъ враговъ въ лицѣ сосѣднихъ французскихъ и голландскихъ колоній и особенно индѣйцевъ. Съ индѣйцами пуритане не поладили съ самаго начала: на отдѣльные случаи грабежей и насилій они отвѣчали карательными экспедиціями и вырѣзывали вокругъ себя цѣлыя племена; индѣйцы, въ свою очередь, объединялись въ союзы и становились тогда опасными для самаго существованія колоній. Внѣшняя опасность вызвала еще въ 1643 году объединеніе ново-англійскихъ колоній въ политическій союзъ — первый примѣръ образованія въ Америкѣ союзнаго государства. Только Родъ-Айлендъ и Мэнъ не пригласили въ союзъ за ихъ отступленіе отъ пуританства. Каждая колонія прислала въ союзное собраніе двухъ депутатовъ; были выбраны комиссары, уполномоченные говорить съ врагомъ отъ имени Новой Англіи.

На свое независимое положеніе колоніи Новой Англіи привыкли смотрѣть, какъ на исконное право, котораго лишить ихъ не можетъ никто. Когда въ 1636 году Карлъ I задумалъ уничтожить хартію Массачузетса, тамъ приготовились къ вооруженной защитѣ — созвали милицію, вооружили пушками форты; столкновенія не произошло только потому, что у Карла, занятаго борьбой съ парламентомъ, не было денегъ для завоеванія Массачузетса; «безпорядки въ метрополіи—залогъ юныхъ свободъ Новой Англіи», —сказалъ по этому поводу массачузетскій губернаторъ Уинтропъ. Второе посягательство на свободу колоній было сдѣлано въ 1686 году. Новая Англія вмѣстѣ съ средними колоніями, недавно отнятыми у нидерландовъ, объединилась подъ властью одного губернатора, резиденціей котораго былъ назначенъ Бостонъ; онъ явился туда внезапно, прежде чѣмъ бостонцы приготовились къ защитѣ; хартіи были уничтожены; началась борьба со школами и печатью. Но едва достигла Америки вѣсть о сверженіи короля Іакова, бостонцы возстали съ оружіемъ въ рукахъ и заключили губернатора въ тюрьму. Черезъ три года Массачузетсъ получилъ хартію короля Вильгельма, возстановлявшую тамъ прежнія вольности, кромѣ права выбирать губернатора; по этой же хартіи Нью-Плимутъ и Мэнъ были присоединены къ Массачузетсу, а Н. Гемптайръ получилъ отдѣльное устройство.

Среднія колоніи.

Между Новой Англіей и Мэрилaндомъ лежали четыре среднія колоніи. Три изъ нихъ были основаны голландцами и шведами, а четвертая англійскими квакерами, во главѣ съ богатымъ банкиромъ Пеномъ. Средними ихъ можно было назвать не только въ географическомъ смыслѣ, но и по ихъ соціально-экономическому строю: земледѣліе играло здѣсь гораздо бо́льшую роль, чѣмъ въ Новой Англіи, но крупныхъ плантацій не существовало; рабскій трудъ примѣнялся, но рабы никогда не составляли болѣе 10% населенія; земледѣльческой аристократіи не существовало, но богатое городское купечество рѣзко возвышалось надъ крестьянской земледѣльческой массой.

Голландцы начали въ Америкѣ свою колонизаціонную дѣятельность почти одновременно съ англичанами. Въ 1609 году организованная ими экспедиція Гудзона изслѣдовала американскіе берега, и по ея слѣдамъ, въ промежуткѣ между территоріями лондонской и плимутской колоній, были основаны Новый Амстердамъ и фортъ Оранжъ на рѣкѣ Альбони; провинція получила названіе Новыхъ Нидерландовъ. Южнѣе отъ нея, на берегу Делаварскаго залива, возникла въ 1638 году Новая Швеція, также завоеванная вскорѣ голландцами. Управленію провинціей былъ приданъ полуфеодальный характеръ; колонисты раздѣлялись на полусотни, подчиненныя такъ называемымъ патронамъ, облеченнымъ торговыми привилегіями и всей полнотой административной власти; высшая власть принадлежала генералъ-директору колоніи и его совѣту, назначавшимся правленіемъ Вестъ-Индской компаніи.

Еще въ 1621 году англійскій король заявилъ о своихъ верховныхъ правахъ на территорію, занятую голландцами, а въ 1664 г. онъ осуществилъ эти притязанія на дѣлѣ. Новые Нидерланды были завоеваны англичанами и, въ качествѣ завоеванной провинціи, переданы во владѣніе брата короля, герцога іоркскаго — будущаго Іакова II; Новый Амстердамъ былъ переименованъ въ Нью-Іоркъ, а фортъ Оранжъ — въ Альбони. Южную часть провинціи, получившею названіе Нью-Джерси, герцогъ уступилъ лордамъ Беркли и Картере.

Въ качествѣ завоеванной страны, Нью-Іоркъ упра́влялся вначалѣ деспотически, но въ 1683 году тамъ собралось законодательное собраніе, съ согласія герцога принявшее декларацію мѣстныхъ правъ. Окончательно конституціонный строй восторжествовалъ здѣсь, однако, лишь послѣ англійской революціи 1688 года, да и

послѣ этого борьба губернаторовъ съ народнымъ представительствомъ не прекращалась. Королевской провинцией Нью-Іоркъ былъ сдѣланъ въ 1685 году: губернаторъ его съ этого времени назначался отъ имени короля. Что касается Н. Джерси, то эта часть бывшей голландской территоріи превратилась въ королевскую провинцію и получила конституцію лишь въ 1702 году.

Въ 1680 году король въ уплату за долги отдалъ территорію по берегу Делаварской бухты (бывшую Новую Швецію), а также обширную страну къ западу отъ нея богатому квакеру Пену. Черезъ два года, Пенъ пріѣхалъ въ свои владѣнія и принялся за организацію новаго общества на квакерскихъ началахъ. Въ основу написанной имъ конституціи были положены начала политическаго равенства, полной свободы совѣсти и независимости церкви отъ государства. Свобода совѣсти была объявлена вѣчнымъ неотмѣняемымъ закономъ Пенсильваніи (какъ стала называться эта страна); за себя и за своихъ потомковъ Пенъ обязался никогда и ни въ чемъ ея не нарушать. Вліяніе квакерства проявилось, кромѣ того, на отношеніи къ войнѣ и рабству: изъ всѣхъ американскихъ колоній Пенсильванія одна принципіально возставала противъ рабскаго труда, и до середины XVIII вѣка (до 1744 года) упорно отказывалась созывать милицію, считая войну недопустимой для истиннаго христіанина. Въ 1744 году милиція въ первый разъ собралась въ Пенсильваніи въ виду крайней опасности со стороны индѣйцевъ и французовъ. Свободный строй и вѣротерпимость привлекали въ Пенсильванію колонистовъ со всѣхъ сторонъ, и населеніе провинціи быстро возрастало. Въ началѣ XVIII столѣтія маленькій Делаваръ отдѣлился отъ Пенсильваніи въ особую провинцію, хотя и подчинялся еще ея губернатору.

Альбонскій конгрессъ 1774 г.

Такъ возникли 13 колоній, положившихъ начало современнымъ штатамъ Америки. Вначалѣ, кромѣ общаго языка и общей метрополіи, онѣ не были связаны между собою ничѣмъ. Ихъ раздѣляли, напротивъ, и различія общественнаго и политическаго быта и огромныя географическія пространства. Дорогъ почти не существовало. Морское сообщеніе прекращалось зимой благодаря бурямъ, а сухопутное сообщеніе было настолько неудобно, что путь отъ Южной Каролины до Массачузетса бралъ, напримѣръ, столько же времени, какъ переѣздъ въ Европу, не уступая ему и по своимъ опасностямъ. Еще въ концѣ XVIII вѣка изъ Бостона съ какимъ-нибудь удобствомъ можно было проѣхать лишь до Балтиморы (Мэриландъ), а южнѣе приходилось ѣхать только вер-

хомъ. Понятно, что общеніе между колоніями при такихъ условіяхъ не могло быть оживленнымъ. Лишь военная опасность сближала ихъ по временамъ, какъ это случилось, еще въ XVII столѣтіи, съ колоніями Новой Англіи. Съ конца XVII вѣка эта опасность грозила имъ особенно часто, благодаря почти безпрерывной войнѣ англичанъ съ французами: въ Америкѣ французы заключили союзъ съ индѣйцами и со всѣхъ сторонъ тѣснили колоніи англичанъ. Тогда само правительство стало строить планы объединенія колоній подъ единой властью. Но такъ какъ въ эти планы входило и уничтоженіе мѣстныхъ свободъ, то колоніи противились имъ, какъ только могли. Такъ случилось, например, въ концѣ XVII вѣка съ попыткой превратить Бостонъ въ административный центръ всѣхъ сѣверныхъ колоній (см. выше стр. 119). Слѣдующая попытка объединенія американскихъ провинцій была сдѣлана въ серединѣ XVIII вѣка. На этотъ разъ администрація призвала себѣ на помощь мѣстныя силы; въ 1754 году, по инiціативѣ нѣсколькихъ губернаторовъ, въ городѣ Альбони было созвано собраніе представителей всѣхъ колоній для обсужденія вопроса о соединеніи ихъ въ одинъ военный союзъ. Но одного того, что о союзѣ хлопотали губернаторы, было достаточно, чтобы колоніи отнеслись къ его идеѣ равнодушно; изъ 13 колоній прислали депутатовъ только 7, и практическихъ результатовъ ихъ засѣданія не имѣли.

Моральное значеніе перваго проявленія въ Америкѣ объединительныхъ стремленій альбонскій конгрессъ получилъ благодаря принятому имъ, хотя и не утвержденному потомъ ни одной колоніей, проекту пенсильванскаго депутата Франклина. Внесенію его предшествовала горячая агитація въ «Пенсильванской Газетѣ». Уже девизъ ея — «Объединеніе или смерть» — показываетъ, какое важное значеніе придавали Франклинъ и его сторонники своему проекту. Они хотѣли образовать федерацію всѣхъ американскихъ колоній Англіи для цѣлей военной защиты и охраны общихъ торговыхъ интересовъ. Федерація не уничтожала автономности каждой колоніи въ ея внутреннихъ дѣлахъ и заключалась лишь въ подчиненіи общему генералъ-президенту, назначаемому королемъ, и совѣту изъ представителей законодательныхъ собраній въ количествѣ, пропорціональномъ участію каждой колоніи въ общихъ расходахъ. Совѣтъ сохранялъ по отношенію къ генералъ-президенту полную независимость, и только именной королевскій указъ могъ распускать его раньше срока.

II.

Пробужденіе національнаго сознанія.

Съ 1675 года общій надзоръ за колоніями находился въ рукахъ постояннаго комитета при королевскомъ тайномъ совѣтѣ, носившаго названіе «Лорды комитета торговли и колоній» или, сокращенно, «лорды торговли». Кромѣ офиціальныхъ докладовъ «лордамъ торговли» о состояніи колоній американскимъ губернаторамъ все чаще и чаще приходилось писать имъ частныя письма,— письма, полныя жалобъ на поведеніе колонистовъ: американцы выставлялись въ этихъ письмахъ мятежниками, не признающими законовъ, увлеченными нелѣпыми «политическими бреднями», мечтающими при первой возможности отложиться отъ имперіи. Эти жалобы вызывались непрерывной борьбой, которая шла между колоніями, защищавшими свои древнія права, и правительствомъ, которое руками губернаторовъ стремилось расширять въ колоніяхъ свою власть и подчинить ихъ болѣе дѣйствительному контролю изъ центра. Споръ шелъ, напримѣръ, о правѣ колоній ежегодно вотировать губернаторское жалованье: законодательныя собранія считали себя въ правѣ каждый годъ устанавливать его размѣръ и даже совершенно вычеркивать изъ бюджета; этимъ правомъ они пользовались, какъ сильнымъ орудіемъ противъ губернаторскаго произвола. Поднимался иногда вопросъ и о самомъ народномъ представительствѣ: колонисты считали его основаннымъ на неотъемлемомъ правѣ всѣхъ англичанъ выбирать своихъ представителей для составленія законовъ и вотированія бюджета, губернаторы же утверждали, что это лишь привилегія, дарованная колонистамъ королемъ, и что отъ его доброй воли зависитъ сохранить ее за ними или отнять. По приказанію «лордовъ торговли» губернаторы распускали собраніе, ограничивали свободу печати, пріостанавливали Habeas corpus, но въ большинствѣ случаевъ имъ приходилось уступать...

Противоположность хозяйственныхъ интересовъ.

Съ начала XVIII вѣка все сильнѣе давала себя знать противоположность хозяйственныхъ интересовъ Америки и ея метрополіи. Америка вела обширную торговлю съ Вестъ-Индіей, Испаніей, Португаліей; въ 1769 году, напримѣръ, одинъ Нью-Йоркъ вывезъ товару на сумму двухъ съ половиной милліоновъ рублей. Въ сѣверныхъ колоніяхъ начинала развиваться и промышленность; въ Н. Джерси еще въ XVII вѣкѣ

началось производство желѣза — появились доменныя печи, кузницы и горны.

Между тѣмъ Англія желала видѣть въ Америкѣ лишь источникъ собственнаго богатства и подчинить ее своимъ торговопромышленнымъ интересамъ. Въ силу такъ называемыхъ «Актовъ мореплаванія», первый изъ которыхъ былъ изданъ еще во время республики, колоніи лишались права свободной торговли: перечисленные въ актахъ товары должны были вывозиться только въ Англію и только изъ Англіи производиться ввозъ; на остальные товары накладывались огромныя пошлины.

По поводу торговыхъ актовъ парламента еще въ 1661 году массачузетское собраніе заявило, что «всякій налогъ, вредный для страны и несогласный съ мѣстными законами, непротивными законамъ Англіи, есть нарушеніе мѣстныхъ правъ». Но до второй половины XVIII вѣка *бороться* съ торговыми актами американцамъ въ сущности не приходилось: они просто *не обращали на нихъ вниманія*; торговля запрещенными товарами производилась совершенно открыто; пошлины не собирались; назначенные правительствомъ чиновники предпочитали вступать съ американцами въ сдѣлки.

Еще болѣе строгіе акты издавались парламентомъ относительно промышленности. Съ 1699 года Америкѣ воспрещенъ былъ вывозъ шерстяныхъ издѣлій; вскорѣ послѣ этого былъ изданъ законъ о прекращеніи въ американскихъ колоніяхъ желѣзнаго производства, кромѣ первоначальныхъ стадій обработки; въ 1770 году былъ строго запрещенъ вывозъ въ Америку только что изобрѣтенныхъ машинъ, ихъ моделей и чертежей. Въ подобныхъ законахъ проявлялось открытое стремленіе подавить въ Америкѣ опаснаго конкурента.

Американская теорія.

Во время французскихъ войнъ общая опасность смягчала враждебныя чувства Америки и Англіи и заставляла ихъ держаться другъ за друга. Послѣ заключенія мира (въ 1763 г.) этого препятствія къ разрыву уже не существовало. Какъ разъ съ этимъ временемъ совпало усиленіе въ Англіи монархическаго начала: въ лицѣ Георга III возродилась теорія неограниченныхъ правъ короля и какъ бы вернулись времена Стюартовъ. Это не могло не отразиться и на положеніи колоній. Противъ нихъ начался рѣшительный натискъ: во что бы то ни стало хотѣли подчинить ихъ центральному авторитету. Для проведенія въ жизнь торговыхъ актовъ были изданы «указы о содѣйствіи», дававшіе тамо-

женнымъ чиновникамъ право дѣлать обыски въ частныхъ домахъ. На постановленіе законодательныхъ собраній накладывали королевское veto. Въ своихъ возраженіяхъ на эти акты американцы дошли постепенно до выработки общихъ принциповъ американской свободы.

Два политическихъ дѣятеля одновременно выступили съ новой для англичанъ теоріей американскихъ правъ. Это были массачузетскій адвокатъ Джемсъ Отисъ и виргинскій—Патрикъ Генри. Они ссылались уже не на древнія хартіи колоніи и вообще не на положительный законъ, а на *духъ* англійской конституціи и на *врожденныя* права человѣка: парламентскій актъ, противный этимъ правамъ — не законъ, а проявленіе тираніи; парламентъ можетъ отмѣнить всѣ хартіи, но никакой парламентъ въ мірѣ не уничтожитъ Самимъ Богомъ дарованныхъ человѣку правъ и правъ, присущихъ англичанину по духу англійской конституціи; недѣйствительно и королевское veto, когда оно отмѣняетъ полезныя для народа постановленія: идя противъ интересовъ страны, король разрываетъ свой договоръ съ народомъ и изъ отца его превращается въ тирана, тирану же никто не обязанъ повиноваться.

Итакъ, конституція — выше парламента; прирожденныя права человѣка—выше писанныхъ законовъ. Въ этой совсѣмъ неанглійской теоріи отразилось сознаніе глубокой противоположности интересовъ Америки и Англіи. Въ природѣ человѣка былъ открытъ независимый ни отъ англійскаго короля, ни отъ англійскаго парламента источникъ американскаго права — первый шагъ къ идеѣ политической независимости. Сама конституція Англіи теряла для американцевъ свои конкретныя черты: отъ нея оставался только «духъ», только общіе принципы, независимые отъ воли парламента и тождественные въ сущности тѣмъ же естественнымъ человѣческимъ правамъ. Идея этихъ правъ не явилась къ американцамъ извнѣ: она вытекала изъ ихъ религіозныхъ представленій, изъ ихъ привычки считать исповѣданіе своей вѣры неотъемлемымъ правомъ человѣка; формулировка же ея была, въ значительной степени, заимствована у философовъ англійской революціи, и прежде всего у Локка.

Законъ о гербовомъ сборѣ.

Въ началѣ 1764 года парламентъ принялъ резолюцію о введеніи въ американскихъ колоніяхъ гербоваго сбора со всѣхъ публичныхъ документовъ. Истиннымъ, хотя и не высказаннымъ, мотивомъ этой резолюціи было желаніе доказать свое право вводить

въ Америкѣ налоги, не спрашивая на нихъ согласія мѣстныхъ законодательныхъ собраній.

Именно такъ поняли ее и въ Америкѣ. Волненіе охватило всѣ американскія провинціи. Взгляды Отиса и Патрика Генри какъ-то вдругъ оказались признанной всѣми теоріей. Городской митингъ Бостона и собраніе Массачузетса приняли резолюцію Самуэля Адамса о томъ, что стремленіе парламента распространить на Америку свои финансовыя права совершенно незаконно; для борьбы съ нимъ всѣмъ колоніямъ предлагали выработать общій планъ дѣйствій. На приглашеніе откликнулись Коннектикутъ, Пенсильванія, Нью-Йоркъ, Виргинія и Южная Каролина. Смыслъ принятыхъ ихъ законодательными собраніями резолюціи былъ таковъ: «какъ свободные англичане, американцы не обязаны подчиняться парламенту, въ которомъ они не представлены, но если ихъ попросятъ отъ имени короля, они не откажутся участвовать по мѣрѣ силъ въ расходахъ имперіи». Резолюціи эти были посланы въ Лондонъ, а Пенсильванія командировала туда Франклина для ихъ личной защиты передъ парламентомъ.

Въ началѣ слѣдующаго года парламентъ принялъ все-таки законъ о гербовомъ сборѣ. Но осуществить его оказалось невозможнымъ: никто не подчинялся закону, и сами судьи игнорировали его въ своихъ приговорахъ; подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія сборщики отказывались отъ должностей; толпа сжигала и топила ящики съ марками; на улицахъ происходили демонстраціи; газеты печатали черепа на мѣстѣ приклейки марокъ. Во главѣ этого движенія становились тайные союзы «сыновей свободы». Угрожающій тонъ зазвучалъ и въ постановленіяхъ собраній. Виргинское законодательное собраніе объявило новый законъ посягательствомъ на основы конституціи; а всѣхъ несогласныхъ съ этимъ — врагомъ американскихъ колоній; королю же Георгу оно поставило на видъ судьбу Тарквинія, Цезаря и Карла I. Массачузетское собраніе заявило, что новый законъ въ корнѣ уничтожаетъ тѣ условія, при которыхъ предки американцевъ цѣною собственной крови и пота заселяли свою страну: «онъ нарушаетъ взаимную симпатію и довѣріе между подданными Его Величества; умы американскихъ подданныхъ получатъ враждебное Его Величеству направленіе, если ими будутъ управлять, отступая отъ главныхъ основъ конституціи». По приглашенію Массачузетса въ Нью-Іоркѣ собрался конгрессъ представителей всѣхъ почти колоній (не могли прислать депутатовъ Сѣверная Каролина, Георгія

и Нью-Гемпшайръ). Онъ присоединился къ резолюціи Виргиніи и постановилъ довести о своемъ рѣшеніи до свѣдѣнія короля и обѣихъ палатъ парламента.

Таунсгендовскіе акты.

Парламентъ отмѣнилъ, наконецъ, законъ о гербовомъ сборѣ. Но едва американцы успѣли отпраздновать побѣду и въ вѣрноподданническихъ адресахъ выразить королю свою благодарность, какъ парламентъ предпринялъ противъ нихъ новую атаку.

Въ 1766 году былъ принятъ законопроектъ министра финансовъ Таунсгенда о введеніи въ Америкѣ новыхъ пошлинъ на привозныя вина, масло, фрукты, стекло, бумагу, кожу, краски и чай. Доходы съ этихъ пошлинъ должны были итти на содержаніе американскихъ губернаторовъ и судей; для борьбы же съ контрабандой возобновлялось дѣйствіе «указовъ о содѣйствіи», и учреждались адмиралтейскіе суды безъ участія присяжныхъ.

Въ прежнее время вопросъ о правѣ парламента «регулировать» при помощи пошлинъ американскую торговлю не вызывалъ принципіальныхъ споровъ: американцы ограничивались фактическимъ нарушеніемъ подобныхъ актовъ; теперь же принципіальная сторона вопроса затронула ихъ прежде всего, тѣмъ болѣе, что новый актъ нарушалъ и другія основы американской свободы, прежде всего финансовую зависимость королевскихъ чиновниковъ отъ законодательныхъ собраній. Сопротивленіе вспыхнуло съ новой силой. Массачузетское собраніе разослало опять приглашеніе объединиться для общаго протеста противъ «Таунсгендовскихъ актовъ», и отправить королю петицію объ ихъ отмѣнѣ. Эти дѣйствія привели Георга въ ярость: массачузетское посланіе было объявлено призывомъ къ мятежу, и губернаторы получили приказъ немедленно обязать всѣ собранія отказаться отъ солидарности съ этимъ циркуляромъ. «Намъ приказываютъ отмѣнить циркуляръ, — сказалъ въ массачузетскомъ собраніи Отисъ, — но пусть Британія сама откажется отъ своихъ мѣръ, иначе американскія колоніи потеряны для нея навсегда».

Американцы рѣшили сопротивляться. Въ качествѣ орудія борьбы былъ избранъ бойкотъ всѣхъ англійскихъ товаровъ впредь до отмѣны «Таунсгендовскихъ актовъ». Первыми приняли это рѣшеніе купцы Новой Англіи. Затѣмъ, по почину виргинскаго собранія, къ нимъ примкнули и южныя колоніи. Женскіе союзы «дочерей свободы» обязывались носить домотканное платье и отказаться отъ употребленія чая.

Результаты бойкота скоро сказались и въ Англіи: англійскіе купцы терпѣли такіе убытки, что обратились въ парламентъ съ петиціей объ отмѣнѣ таунсгендовскихъ актовъ. Парламентъ пошелъ на компромиссъ и принялъ предложеніе Норта объ отмѣнѣ американскихъ пошлинъ, кромѣ пошлины на чай. Послѣднюю рѣшили сохранить для доказательства права парламента «регулировать американскую торговлю». «Пошлину на чай, — сказалъ Нортъ, — мы отмѣнимъ только тогда, когда Америка будетъ лежать у нашихъ ногъ».

Бостонская бойня.

Но не компромиссомъ можно было теперь успокоить американцевъ. Раздраженіе ихъ не улеглось: малѣйшій поводъ вызывалъ новыя волненія. Весной 1768 года военный фрегатъ, появившійся въ бостонской бухтѣ, сталъ насильно захватывать людей для пополненія своего экипажа — пріемъ въ тѣ времена совершенно обычный. На этотъ разъ къ нему отнеслись иначе. Въ Бостонѣ собрался огромный митингъ, потребовавшій удаленія изъ бухты фрегата. Кое-какъ удалось успокоить толпу, но въ Лондонъ было написано, что необходима присылка войскъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Бостонѣ появились солдаты. Это подлило масло въ огонь. Прежде всего солдатамъ отказали въ квартирахъ: до самой зимы они простояли въ палаткахъ, а потомъ кое-какъ размѣстились въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Отношенія между ними и населеніемъ были все время натянутыми; солдатъ подвергали насмѣшкамъ и оскорбленіямъ; тѣ затаили въ себѣ злобу. Весной 1770 года положеніе разрѣшилось такъ называемой «Бостонской бойней»: раздраженные солдаты дали залпъ по толпѣ и положили 11 человѣкъ. Вскорѣ послѣ этого, къ великому торжеству населенія, солдаты были удалены изъ Бостона.

Комитеты сношенія.

Броженіе въ Америкѣ принимало все болѣе широкія и опасныя для правительства формы. Въ 1772 году, по поводу споровъ о жалованіи главнаго судьи, массачузетскіе города, во главѣ съ Бостономъ, учредили комитеты «для поддержанія правъ колонистовъ, какъ людей, христіанъ и англійскихъ подданныхъ» и «для сношенія по этому поводу съ другими городами». Это было уже начало революціонной организаціи народа. Комитеты возникали произвольно, внѣ установленныхъ политическихъ рамокъ; губернаторы не имѣли надъ ними никакого контроля. Революціонный характеръ новой организаціи сталъ еще болѣе ясенъ, когда рядомъ съ городскими «комитетами сношенія» появились комитеты

колоній: до организаціи національнаго правительства отсюда оставался одинъ только шагъ. Первый изъ такихъ комитетовъ учредила у себя, въ мартѣ 1773 года, Виргинія, а вслѣдъ за ней всѣ колоніи Новой Англіи и Южная Каролина.

Поводомъ къ учрежденію колоніальныхъ комитетовъ послужили событія въ Родъ-Айлендѣ. У входа въ гавань Провиденса долгое время стояла восьмипушечная шкуна «Госпи», сильно досаждавшая населенію своими законными и незаконными дѣйствіями: она останавливала входящія въ гавань суда, конфисковала товары, а матросы въ свободное отъ службы время портили у фермеровъ фруктовыя деревья и крали скотъ. Однажды ночью шкуна сѣла случайно на мель; группа смѣльчаковъ подкралась къ ней на лодкахъ, овладѣла экипажемъ и сожгла судно. Правительство приказало схватить виновныхъ и доставить ихъ въ Англію. Въ Родъ-Айлендъ прибыла чрезвычайная комиссія. Но исполнить порученіе правительства оказалось нелегко: ни одного виновнаго не удалось обнаружить, а верховный судья Родъ-Айленда Хопкинсъ заявилъ, кромѣ того, что онъ признаетъ незаконнымъ всякій арестъ мѣстнаго жителя для суда внѣ колоніи. Комиссіи оставалось лишь прекратить засѣданія и донести правительству о невозможности исполнить свою задачу. Для наблюденія за дѣятельностью этой комиссіи Виргинія и предложила учредить колоніальные комитеты.

Бостонская партія чая.

Между тѣмъ, правительство рѣшило во что бы то ни стало настоять на взиманіи пошлины на чай. Съ контрабандой рѣшили бороться при помощи дешевизны: остъ-индскій чай, идущій въ Америку, былъ освобожденъ отъ всѣхъ промежуточныхъ пошлинъ до самаго прихода его въ американскій портъ. Осенью 1773 года нѣсколько кораблей, нагруженныхъ чаемъ, отправились въ главные порты Америки — Бостонъ, Нью-Іоркъ, Филадельфію и Чарльзтонъ: здѣсь ихъ должны были принять агенты остъ-индской компаніи. Но всюду, кромѣ Бостона, народъ заставилъ агентовъ заранѣе отказаться отъ грузовъ; только бостонскіе получатели наотрѣзъ отказались подчиниться толпѣ.

Бостонскій комитетъ постановилъ ни въ какомъ случаѣ не допускать выгрузки чая; на городскомъ митингѣ народъ выразилъ готовность пожертвовать для этой цѣли имуществомъ и жизнью; сосѣдніе города и правительство были поставлены объ этомъ въ извѣстность. Корабль, нагруженный чаемъ, три недѣли

стоялъ передъ Бостономъ; толпа народа дежурила на берегу. Наконецъ, «сыны свободы» потеряли терпѣніе: переряженные индѣйцами они явились на корабль и на глазахъ всего народа побросали ящики съ чаемъ въ море.

Въ Англіи это поняли, какъ объявленіе войны. Парламентъ принялъ рѣшительныя мѣры: Бостонскій портъ подвергался блокадѣ и закрывался впредь до возмѣщенія убытковъ остъ-индской компаніи; массачузетская хартія отмѣнялась; управленіе колоніей передавалось главнокомандующему англійскихъ войскъ въ Америкѣ генералу Геджу; виновныхъ въ мятежѣ должны были судить за предѣлами Массачузетса. Вскорѣ Геджъ съ четырьмя полками солдатъ вступилъ въ Бостонъ.

1-ый континентальный конгрессъ.

Опасность, грозившая Массачузетсу, была понята въ Америкѣ, какъ общенаціональная опасность: въ чувствахъ и дѣйствіяхъ колонистовъ обнаружилась полная солидарность. Страна облеклась въ трауръ; въ гаваняхъ опускались флаги; съ колоколенъ раздался погребальный звонъ; въ церквахъ служили молебствія объ отвращеніи междоусобной войны. На помощь безработнымъ бостонцамъ текли пожертвованія деньгами и хлѣбомъ. Народныя собранія выражали сочувствіе Массачузетсу. Во всѣхъ уже колоніяхъ теперь возникли комитеты сношеній. Массачузетское собраніе открылось въ Салемѣ и постановило прекратить всѣ сношенія съ Англіей до отмѣны репрессій. Прежде чѣмъ успѣлъ вмѣшаться Геджъ, оно вынесло, кромѣ того, постановленіе о созывѣ континентальнаго конгресса и успѣло даже выбрать въ него депутатовъ.

Колоніи дружно послѣдовали этому примѣру. 4 сентября 1774 года конгрессъ уже открылъ въ Филадельфіи свои засѣданія, при чемъ одна только Георгія не имѣла тамъ своихъ депутатовъ. Конгрессъ рѣшилъ продолжать борьбу. Для наблюденія за осуществленіемъ бойкота англійскихъ товаровъ онъ поручилъ всѣмъ городамъ и графствамъ учредить мѣстные комитеты надзора, съ тѣмъ, чтобы ихъ дѣйствія подчинялись комитетамъ колоній. Всѣмъ, кто отказался бы примкнуть къ этой ассоціаціи, также объявлялся бойкотъ. По отношенію къ Англіи конгрессъ принялъ, однако, примирительный тонъ: «въ интересахъ обѣихъ сторонъ» онъ призналъ за парламентомъ право «регулировать внѣшнюю торговлю американскихъ колоній». На май слѣдующаго года было постановлено созвать новый конгрессъ.

III.

Революція.

Начало военныхъ дѣйствій.

Но прежде чѣмъ 2-ой конгрессъ успѣлъ собраться, въ Массачузетсѣ произошли событія, послужившія началомъ открытой войны.

Законодательное собраніе Массачузетса собралось вновь, несмотря на приказъ Геджа объ отсрочкѣ. Оно объявило себя верховнымъ учрежденіемъ страны — провинціальнымъ конгрессомъ — и, въ качествѣ такового, отрѣшило Геджа отъ должности, какъ нарушителя мѣстныхъ законовъ; на мѣсто губернатора оно назначило временное правительство — «комитетъ безопасности», а всѣ налоги и платежи предложило вносить, вмѣсто короннаго чиновника, назначенному конгрессомъ казначею.

Геджъ чувствовалъ себя въ Бостонѣ, какъ въ непріятельской странѣ: никто не желалъ на него работать, ни за какую цѣну онъ не могъ ничего купить. Населеніе, между тѣмъ, усиленно вооружалось. Въ городѣ Конкордѣ, неподалеку отъ Бостона, засѣдалъ массачузетскій комитетъ; тамъ же устраивался складъ военныхъ припасовъ. Въ апрѣлѣ 1775 года для захвата его Геджъ отправилъ въ Конкордъ отрядъ пѣхоты. До Конкорда солдаты дошли благополучно, хотя склада тамъ уже и не нашли, но на обратномъ пути имъ пришлось выдержать настоящее сраженіе: въ нихъ стрѣляли изъ-за каждаго забора, изъ-подъ каждаго куста; отступленіе превратилось подъ конецъ въ паническое бѣгство, и въ Бостонъ они вернулись потерявши около 300 человѣкъ убитыми и ранеными. Черезъ нѣсколько дней Бостонъ окружали уже десятки тысячъ вооруженныхъ людей.

2-ой континентальный конгрессъ.

2-ой континентальный конгрессъ открылся среди всеобщаго патріотическаго подъема. «Нѣтъ больше границъ между колоніями, — говорилъ на первомъ его засѣданіи Патрикъ Генри, — виргинцы и пенсильванцы, жители Новой Англіи и Нью-Іорка — одинъ народъ. Я уже не гражданинъ Виргиніи, а американецъ».

Конгрессъ, съ безмолвнаго согласія народа, присвоилъ себѣ всѣ права центральнаго правительства. Онъ назначилъ главнокомандующимъ американскихъ войскъ виргинскаго депутата Вашингтона. Для переговоровъ съ иностранными государствами былъ учрежденъ «комитетъ сношенія съ иностранными друзьями», а «почтеннымъ собраніямъ и конвентамъ колоній» конгрессъ предло-

жилъ «учредить правительства, какія мнѣніе народныхъ представителей найдетъ наилучшими для блага своихъ избирателей и для счастья всей страны». Слѣдуя этому предложенію, колоніи одна за другой составляли себѣ конституціи и учреждали новую власть, на мѣсто королевскихъ губернаторовъ. Первой сдѣлала это Виргинія. Въ іюнѣ 1776 года виргинскій конгрессъ утвердилъ проектъ конституціи и принялъ декларацію правъ гражданина вмѣстѣ съ декларацiей независимости. Только Родъ-Айленду и Коннектикуту не пришлось составлять себѣ новыхъ конституцій: ихъ хартіи были такъ либеральны, что не понадобилось производить въ нихъ никакихъ перемѣнъ, кромѣ формальнаго упраздненія королевской власти.

Декларація независимости.

Но конгрессъ не рѣшался еще на окончательный разрывъ съ Британiей. Онъ протянулъ сперва королю «оливковую вѣтку мира», въ видѣ петиціи американскаго народа о примиреніи «враждующихъ подданныхъ» и о прекращеніи «междоусобной войны». На эту петицію «измѣнниковъ и бунтовщиковъ» король отвѣтилъ присылкой нѣмецкихъ солдатъ, нанятыхъ имъ у мелкихъ князей Германіи. Появленіе въ Америкѣ иностраннаго войска вызвало тамъ новый взрывъ патріотизма и положило конецъ колебаніямъ конгресса. Онъ избралъ комиссію для составленія деклараціи независимости, а къ колоніямъ обратился съ просьбой немедленно отвѣтить, желаютъ ли онѣ оставаться подданными англійскаго короля. Когда отвѣтъ колоній былъ полученъ, декларація была уже готова. Съ поправками комиссіи ее составилъ Джефферсонъ— депутатъ Виргиніи и авторъ ея деклараціи. 4 іюля 1776 года декларація была принята конгрессомъ.

«Мы считаемъ очевидными слѣдующія истины,—говорилось въ ея началѣ:—всѣ люди сотворены равными и надѣлены отъ Создателя неотчуждаемыми правами, къ числу которыхъ относятся — жизнь, свобода и стремленіе къ счастью. Для обезпеченія этихъ правъ учреждены среди людей правительства, получающія свою власть отъ управляемыхъ. Если данная форма правительства становится вредной для этой цѣли, народъ можетъ ее исправить и даже вовсе уничтожить и замѣнить новой»... Конечно, народъ долженъ прибѣгать къ этому лишь въ случаѣ крайности, но когда намѣреніе подчинить его неограниченному деспотизму становится яснымъ, народъ «не только имѣетъ право, но и обязанъ свергнуть такое правительство и ввѣрить свою безопасность другой охранѣ». Декларація перечисляетъ затѣмъ всѣ злоупотребленія, допущен-

ныя въ Америкѣ королевской властью, начиная отъ неправильнаго пользованія правомъ veto и кончая открытіемъ противъ колоній военныхъ дѣйствій. «Въ силу всего этого, — кончаетъ декларація, — мы, представители Соединенныхъ Штатовъ Америки, собравшіеся на общій конгрессъ, призывая Верховнаго Судію міра въ свидѣтели нашей правоты, объявляемъ отъ имени и по порученію народа, что эти колоніи суть, и по праву должны быть, свободные и независимые штаты. Съ этого времени они освобождаются отъ подданства Британской коронѣ, и политическая связь между ними и Великобританскимъ государствомъ совершенно порывается».

Джефферсонъ предлагалъ внести въ декларацію и заявленіе объ отмѣнѣ въ Америкѣ рабства, но конгрессъ на это не согласился.

Статьи конфедераціи.

За провозглашеніемъ независимости возникалъ не менѣе важный вопросъ объ организаціи союзнаго государства. Первоначальный проектъ Патрика Генри, предлагавшаго организовать національное представительство пропорціонально населенію каждаго штата и другой проектъ, составленный Франклиномъ и надѣлявшій конгрессъ обширными правами, оказались непріемлемыми: первый порывъ патріотическаго увлеченія прошелъ, а въ штатахъ, между тѣмъ, успѣли укрѣпиться мѣстныя правительства, и они уже не такъ охотно поступались теперь въ пользу союза своими верховными правами.

Проектъ иного характера былъ представленъ конгрессу специальной комиссіей: по этому проекту роль союзнаго конгресса сводилась къ улаживанію споровъ между штатами, къ завѣдыванію союзной арміей и къ внѣшнему представительству союза; все остальное, вплоть до заключенія торговыхъ договоровъ, предоставлялось вѣдѣнію отдѣльныхъ штатовъ. Каждый штатъ имѣлъ въ конгрессѣ одинъ голосъ; измѣненія въ условіяхъ союза допускались лишь по единогласному рѣшенію всѣхъ штатовъ. Эти «статьи конфедераціи» и были приняты въ 1777 году конгрессомъ, а въ мартѣ 1781 года онѣ вошли въ законную силу послѣ того, какъ ихъ согласился принять послѣдній штатъ. Главная особенность «статей» заключалась въ томъ, что онѣ не вносили никакихъ почти измѣненій въ политическое устройство колоній; конгрессъ просто становился на мѣсто королевской власти, отличаясь отъ нея, впрочемъ, еще меньшими размѣрами фактической власти: за королемъ стояла военная сила

Британіи, а авторитетъ конгресса былъ чисто моральный и зависѣлъ, слѣдовательно, отъ доброй воли штатовъ.

Заключеніе мира. Война шла для американцевъ съ перемѣннымъ успѣхомъ. Послѣ первыхъ побѣдъ, одержанныхъ Вашингтономъ, послѣдовали крупныя неудачи: англичане овладѣли Нью-Іоркомъ и Филадельфіей и готовились двинуться на югъ, гдѣ оставалось еще много приверженцевъ короля. Армія американцевъ уступала во многихъ отношеніяхъ англійской; лучшую часть ея составляли ветераны французской войны, къ числу которыхъ принадлежалъ и Вашингтонъ, большинство же ея состояло изъ фермеровъ, мало привычныхъ къ военной дисциплинѣ: они вступали въ армію и покидали ее, когда имъ этого хотѣлось, не считаясь съ видами командировъ; численность арміи вслѣдствіе этого постоянно мѣнялась. Послѣ первыхъ неудачъ многихъ охватило малодушіе; цѣлые полки расходились по домамъ, и Вашингтонъ опасался одно время, какъ бы англичане не стали вербовать въ Америкѣ солдатъ для себя; и дѣйствительно, измѣна проникла уже въ армію: два видныхъ генерала передались на сторону англичанъ, и чуть не погубили американскаго дѣла. Сильно страдала армія и отъ недостатка военныхъ припасовъ и провіанта: солдаты голодали недѣлями и ходили въ лохмотьяхъ и босикомъ. Къ счастью, многіе изъ нихъ въ промежуткахъ между сраженіями успѣвали воздѣлывать свои поля и могли, такимъ образомъ, кормить себя собственнымъ трудомъ. Въ началѣ войны у американцевъ не было пороховыхъ и пушечныхъ заводовъ: тяжелыя орудія и порохъ приходилось отбивать у англичанъ или контрабандой получать отъ тайныхъ союзниковъ — французовъ. Съ большимъ трудомъ удалось Вашингтону организовать изъ части своихъ солдатъ регулярную армію, т. наз. «континентальную линію». Общественное мнѣніе долгое время противъ этого протестовало. Наконецъ, и въ самомъ населеніи не было полнаго единодушія: по мѣрѣ неудачъ уменьшалось число непримиримыхъ; въ Нью-Іоркѣ часть населенія привѣтствовала англичанъ, какъ освободителей отъ революціонной тираніи, а когда англійскій главнокомандующій выпустилъ прокламацію, обѣщавшую амнистію всѣмъ, кто немедленно изъявитъ покорность королю, охотники воспользоваться амнистіей нашлись даже среди членовъ конгресса.

Съ самаго начала войны взоры патріотовъ обращались къ иностраннымъ государствамъ: ждали помощи отъ старыхъ враговъ и соперниковъ Англіи — Испаніи, Франціи и Нидерландовъ.

Но на открытый союзъ съ Америкой не рѣшался никто. Напрасно депутація во главѣ съ Франклиномъ жила въ Парижѣ: ей оказывали знаки вниманія, восхищались личностью Франклина, но дѣйствительная помощь ограничивалась пока тайной присылкой денегъ и военныхъ запасовъ. Зато добровольцы пріѣзжали въ американскую армію со всѣхъ сторонъ; нѣкоторые изъ нихъ, въ родѣ генерала Лафайэта, прусскаго полковника Штаубена, поляка Костюшки, оказали американцамъ огромныя услуги.

Первая крупная побѣда американской арміи, одержанная осенью 1777 года близъ Саратоги (въ штатѣ Нью-Іоркъ), измѣнила, однако, отношеніе къ американцамъ и со стороны правительствъ: Франція первая признала независимость штатовъ и вступила съ ними въ открытый союзъ; ея примѣру послѣдовали Испанія и Нидерланды. Слѣдующее пораженіе американцы нанесли англичанамъ уже при помощи французскаго флота (17 октября 1781 года при Іорктаунѣ).

Эта побѣда рѣшила судьбу всей войны. Голоса въ пользу мира раздавались въ Англіи уже давно: рѣшительная побѣда надъ Америкой становилась все менѣе вѣроятной, а торговые интересы страны терпѣли отъ войны огромный ущербъ. Послѣ Іорктауна общественное мнѣніе заговорило еще громче: дошло до того, что парламентъ объявилъ врагомъ народа всякаго, кто посовѣтуетъ королю продолжать войну. При такихъ условіяхъ правительству не оставалось ничего, какъ начать переговоры о мирѣ, а 3 сентября 1783 года мирный договоръ былъ, наконецъ, подписанъ. Англія признала штаты независимымъ государствомъ и уступала имъ территорію отъ сѣверной границы Мэна до южной границы Георгіи и на западъ до рѣки Миссисипи.

IV.

Конституція Соединенныхъ Штатовъ.

Критическій періодъ.

Борьба за существованіе не кончилась для новаго государства заключеніемъ мира: предстояла борьба съ тяжелымъ внутреннимъ кризисомъ, который былъ вызванъ огромнымъ несоотвѣтствіемъ между задачами, стоявшими передъ нимъ и средствами, съ которыми приходилось ихъ выполнять. Миръ заключенъ былъ *съ союзомъ штатовъ*; на западѣ лежала *союзная* территорія; кредиторы ждали уплаты долговъ отъ *союза*, но, именно, союзнаго государства фактически и не существовало: конгрессъ, органи-

зованный статьями конфедераціи, походилъ больше на совѣщательный органъ независимыхъ республикъ, чѣмъ на правительственный центръ союзнаго государства.

Національная территорія Соединенныхъ Штатовъ образовалась изъ земель, уступленныхъ имъ Англіей къ западу отъ Аллегонскихъ горъ. Раздѣлить ихъ между отдѣльными штатами оказалось невозможнымъ, потому что на каждый клочокъ ихъ предъявляли права сразу нѣсколько штатовъ. Поэтому конгрессъ, еще до утвержденія статей конфедераціи, предложилъ всѣмъ штатамъ отказаться отъ своихъ притязаній на части союзной территоріи, съ тѣмъ, чтобы она осталась общимъ достояніемъ союза. Большинство штатовъ немедленно на это согласилось и, такимъ образомъ, хотя статьи конфедераціи и не уполномочивали конгрессъ на управленіе союзной территоріей, оно по необходимости перешло въ его руки.

Еще большія затрудненія были вызваны финансовымъ кризисомъ. Въ теченіе войны и въ первые годы послѣ заключенія мира, когда ввозъ въ Америку заграничныхъ товаровъ почти въ пять разъ превысилъ вывозъ, вся хорошая монета ушла изъ страны. Бумажныя деньги, выпущенныя въ огромномъ количествѣ, быстро потеряли всякую цѣну. Кредитъ внутри страны былъ подорванъ. Должники волновались, требуя отъ государства облегченія своихъ обязательствъ; въ нѣсколькихъ штатахъ дѣло дошло до вооруженныхъ столкновеній. Для борьбы съ этимъ кризисомъ у конгресса не было средствъ: онъ не имѣлъ права заключить торговыхъ договоровъ для облегченія внѣшней торговли Америки; у него не было средствъ для устройства монетнаго двора.

Внѣшній и внутренній долгъ Соединенныхъ Штатовъ составлялъ послѣ войны 40,000,000 долларовъ. Такъ какъ штаты не торопились съ доставкой конгрессу просимыхъ имъ средствъ, то для уплаты однихъ процентовъ по внѣшнему долгу приходилось заключать новые займы, а по внутреннимъ долгамъ проценты не уплачивались совершенно; о погашеніи самихъ обязательствъ нечего было и думать. Въ числѣ внутреннихъ долговъ одинъ особенно не терпѣлъ отлагательствъ: это долгъ офицерамъ и солдатамъ, во время войны почти не получавшихъ жалованья и запускавшихъ свое хозяйство въ расчетѣ на будущее возмѣщеніе государствомъ ихъ убытковъ; волненіе арміи грозило государству серьезными осложненіями: одно время Вашингтону стоило большого труда удержать ее отъ открытаго мятежа.

Наконецъ, конгрессъ не имѣлъ возможности выполнить принятыхъ на себя Соединенными Штатами при заключеніи мира обязательствъ: онъ не могъ защитить роялистовъ противъ репрессій со стороны отдѣльныхъ штатовъ, не могъ добиться и уплаты англійскимъ кредиторамъ долговъ, сдѣланныхъ до войны, такъ какъ не имѣлъ ни надъ штатами, ни надъ отдѣльными лицами принудительной власти. Это позволяло и англичанамъ не выполнять всѣхъ условій мирнаго договора и грозило, кромѣ того, опасностью новой войны.

Неудовлетворительность статей конфедераціи съ каждымъ днемъ становилась яснѣе. Попытки частичнаго ихъ исправленія не удавались, такъ какъ всякій разъ находился какой-нибудь штатъ, отклонявшій предложенныя поправки. Выйти изъ такого положенія можно было лишь при помощи исключительныхъ мѣръ: «гнетущая нужда», какъ выразился Джонъ Адамсъ, вырвала у американцевъ конституцію.

Учредительное собраніе.

Къ созыву учредительнаго собранія (конвента) привелъ совершенно случайный, повидимому, поводъ: Виргинія и Мэриландъ разрѣшали между собой пограничные споры и созвали совѣщаніе изъ представителей всѣхъ заинтересованныхъ въ ихъ спорѣ штатовъ; обсуждая мѣстные вопросы, совѣщаніе пришло къ выводу о необходимости созвать національный конвентъ для пересмотра статей конфедераціи. Страна какъ будто ждала этого призыва: большинство штатовъ, не дожидаясь мнѣнія по этому поводу конгресса, постановило участвовать въ будущемъ конвентѣ и выбрало туда депутатовъ; послѣ одобрительнаго отзыва конгресса къ нимъ примкнули и отдѣльные штаты, за исключеніемъ только Родъ-Айленда.

На конвентѣ собрались почти всѣ вожди революціи, выдающіеся мыслители и политическіе дѣятели Америки. Онъ началъ съ того, что самъ расширилъ свою первоначальную задачу — вмѣсто пересмотра «статей» принялся за выработку новой конституціи. «Во всѣхъ сужденіяхъ нашихъ,—гласила принятая конвентомъ резолюція,—мы будемъ стремиться къ тому, что кажется намъ первой потребностью каждаго истиннаго американца — къ консолидаціи нашего союза; отъ нея вѣдь зависитъ безопасность, благоденствіе, счастье, быть-можетъ, самое существованіе нашей націи». Въ сознаніи важности предстоявшей работы, конвентъ постановилъ вести свои засѣданія закрыто, чтобы народъ не узналъ объ ихъ результатахъ, пока проектъ конституціи не будетъ за-

конченъ: хотѣли оградить себя отъ внѣшнихъ вліяній, сохранить спокойную сосредоточенность мысли; конгрессъ отклонилъ даже предложеніе Франклина начать засѣданіе молитвой, боясь, что это натолкнетъ народъ на мысль о важности задуманнаго дѣла.

Но слишкомъ велико было въ самомъ конвентѣ разнообразіе интересовъ и взглядовъ, чтобы закрытыя двери могли предохранить его отъ партійныхъ разногласій и споровъ. Торговопромышленный сѣверъ и земледѣльческій югъ, крупные и мелкіе штаты, владѣльцы огромныхъ плантацій и бѣдные фермеры — за всѣми этими группами стояло такое глубокое различіе потребностей и идей, что примирить ихъ было можно лишь путемъ сознательныхъ компромиссовъ; приходилось отказаться отъ слишкомъ отвлеченныхъ построеній и считаться повсюду съ существующими порядками и привычками народа; извѣстная общность для всѣхъ историческаго опыта и правовыхъ понятій, привитыхъ столѣтней связью съ Англіей, облегчала эту задачу. Конечно, и теоріи политиковъ, и прежде всего Монтескье, оказали на составителей конституціи свое вліяніе, но они укладывали и ихъ въ рамки мѣстныхъ потребностей — пользовались ими, какъ формой для готоваго матеріала. У Монтескье заимствовали, прежде всего, точное разграниченіе законодательной, исполнительной и судебной власти и идею ихъ равновѣсія въ свободномъ государствѣ.

Конституція.

Ни для одного американца не подлежало, конечно, сомнѣнію, что законодательная власть должна принадлежать народному представительству: ни американская, ни англійская практика иныхъ законодателей не знала. Та же практика подсказала и учрежденіе 2-ой палаты конгресса—сената; образцомъ для нея, кромѣ англійской палаты лордовъ, могли послужить и совѣты при губернаторахъ колоній. Учрежденіе сената было вызвано, кромѣ того, и практической необходимостью. Депутаты крупныхъ и мелкихъ штатовъ не могли столковаться по поводу представительства въ національномъ конгрессѣ: первые хотѣли, чтобы число представителей опредѣлялось количествомъ населенія каждаго штата, вторые — чтобы всѣ штаты имѣли въ конгрессѣ одинаковый голосъ; мелкіе штаты видѣли для себя въ равномъ представительствѣ гарантію противъ подавленія ихъ крупными штатами и ни за что не хотѣли отказаться отъ этого права. Выходомъ явилось дѣленіе конгресса на двѣ палаты, съ тѣмъ, чтобы въ одной изъ нихъ представительство было равнымъ, въ другой — пропорціональнымъ населенію. Равному представительству въ сенатѣ мелкіе штаты придавали

такое значеніе, что настояли на внесеніи въ конституцію оговорки о непреложности этого положенія, и о невозможности измѣнить его даже въ порядкѣ исправленія конституціи. По поводу представительства въ первой палатѣ (въ палатѣ депутатовъ) возникъ другой крупный споръ — принимать ли въ расчетъ рабовъ при опредѣленіи цифры населенія штата или считать только свободныхъ: ясно, что первое было выгодно рабовладѣльческимъ штатамъ, а второе — свободнымъ. Выходомъ и въ этомъ случаѣ явился компромиссъ: постановили считать и рабовъ, но не всѣхъ, а лишь $^3/_5$ ихъ общаго количества. Что касается способа избранія депутатовъ, то его предоставили усмотрѣнію каждаго отдѣльнаго штата. Подобно тому, какъ дѣятельность законодательныхъ собраній колоній была поставлена въ предѣлы англійскихъ законовъ и колоніальныхъ хартій, составители конституціи и конгрессу не предоставили неограниченныхъ правъ, установивши точный кругъ его дѣятельности. Тутъ возникъ еще одинъ споръ: рабовладѣльцы не хотѣли предоставлять конгрессу права вводить таможенныя пошлины, боясь, что онъ воспользуется имъ для борьбы съ работорговлей; споръ снова рѣшили компромиссомъ: право регулировать торговлю конгрессу предоставили, не внесли въ конституцію оговорку, что до 1808 года работорговля не будетъ отмѣнена и пошлина на рабовъ не будетъ превышать 10 долларовъ съ человѣка. Чтобы сдѣлать конгрессъ независимымъ отъ исполнительной власти, было установлено время его ежегоднаго созыва, и власть измѣнять сроки своихъ засѣданій была предоставлена лишь ему самому. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ получилъ право только отсрочивать рѣшенія конгресса впредь до новаго принятія ихъ двумя третями обѣихъ палатъ.

Исполнительная власть вручалась одному лицу — президенту республики. Образцомъ для президентской власти послужила власть англійскаго короля: подобно ему, президентъ долженъ былъ возвышаться въ идеѣ надъ теченіями партій и представлять народъ въ его цѣломъ. Но съ другой стороны президентъ республики не могъ, конечно, во всемъ походить на короля: его власть не должна была стать монархической. Поэтому предложеніе о пожизненности президентской власти было отвергнуто и вмѣсто нея установленъ четырехлѣтній срокъ: каждые четыре года народъ какъ бы возвращаетъ себѣ верховную власть, чтобы вручить ее новому президенту. Кромѣ того, дѣятельность президента была поставлена подъ постоянный контроль сената, безъ согласія кото-

раго онъ не можетъ ни раздавать должностей, ни заключать договоровъ. Только въ военное время его власть становится огромной, такъ какъ онъ является главою всѣхъ военныхъ силъ страны. Разъ избранный народомъ президентъ никѣмъ не можетъ быть лишенъ своей власти раньше срока, иначе, какъ по приговору чрезвычайнаго суда за государственную измѣну или уголовное преступленіе; не можетъ быть измѣненъ никѣмъ и размѣръ его жалованья. Чтобы устранить изъ президентскихъ выборовъ партійность, придумали косвенный способъ избранія президента: оно было поручено не непосредственно народу, а особымъ выборщикамъ, назначаемымъ отъ каждаго штата въ количествѣ, равномъ числу его депутатовъ въ обѣихъ палатахъ конгресса, но съ тѣмъ, чтобы въ числѣ ихъ не было ни членовъ конгресса, ни высшихъ должностныхъ лицъ. Дальнѣйшая практика показала, что и этимъ способомъ партійность не устранялась: выборы президента фактически сдѣлались прямыми, и кандидаты на президентскую должность стали выставляться отъ партій. Что касается опредѣленія числа выборщиковъ отъ каждаго штата, то способъ, принятый конвентомъ, опять-таки явился компромиссомъ между сторонниками равнаго вліянія всѣхъ штатовъ и вліянія, пропорціональнаго населенію.

Важную роль отвела конституція судебной власти: она предоставила ей право разбирать всѣ законы страны съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія конституціи, и фактически отмѣнять ихъ своими приговорами. Ничего новаго для американцевъ тутъ, въ сущности, не было: законодательство американскихъ колоній находилось всегда подъ контролемъ и «лордовъ торговли», критиковавшихъ его съ точки зрѣнія законовъ Британіи, и колоніальныхъ судовъ, охранявшихъ мѣстныя хартіи. Случаи отмѣны законовъ судебной властью были извѣстны американцамъ и до конституціи. Въ 1786 году, напримѣръ, Родъ-Айлендскій судъ призналъ недѣйствительнымъ законъ о бумажныхъ деньгахъ, такъ какъ нашелъ его противорѣчащимъ конституціи штата. Сюда можно отнести и случай съ судьею Хопкинсомъ, признавшимъ незаконнымъ постановленіе слѣдственной комиссіи объ арестѣ колонистовъ для отправки ихъ въ Англію (см. выше стр. 129). Съ другой стороны конституція была, въ сущности, договоромъ между штатами, уступавшими въ пользу націи часть своихъ правъ; необходимо было не только установить точныя условія этого договора, но и создать такую власть, которая могла бы оберегать его статьи отъ произ-

вольныхъ толкованій и выяснять въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ихъ истинный смыслъ. Независимый судъ казался самымъ подходящимъ для этого органомъ. Гарантіей независимости судей составители конституціи признали ихъ назначеніе народнымъ избранникомъ — президентомъ, а главное — ихъ несмѣняемость и неизмѣнный, во все время ихъ службы, размѣръ жалованья.

Изъ понятія американцевъ о верховномъ законѣ, подчиняющемъ себѣ всѣ другіе законы и самую законодательную власть, естественно вытекала необходимость поставить конституцію внѣ зависимости отъ постоянно дѣйствующихъ органовъ власти и установить чрезвычайный способъ для внесенія въ нее какихъ бы то ни было поправокъ и дополненій. Способъ этотъ былъ указанъ въ конституціи особой статьей: предложенія о поправкахъ къ конституціи должны исходить или отъ двухъ третей палаты депутатовъ и сената, или отъ спеціальнаго конвента, созываемаго по просьбѣ законодательныхъ собраній двухъ третей всѣхъ штатовъ, а для принятія предложенныхъ поправокъ необходимо согласіе трехъ четвертей законодательныхъ собраній или спеціальныхъ конвентовъ, созванныхъ въ каждомъ штатѣ. Тутъ снова сказался договорный характеръ конституціи: заключая союзъ, штаты никому не пожелали передать свое право измѣнять его условія.

Учреждая національное правительство, штаты не отказывались и отъ другихъ своихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя опредѣленнымъ образомъ передавались союзу: штаты отказались отъ права заключать торговые договоры и вести внѣшнюю политику, мѣнять границы между штатами и издавать законы, противные союзной конституціи; во всемъ остальномъ они сохранили полную самостоятельность и свободу.

Утвержденіе конституціи и первыя поправки.

Въ силу «статей конфедераціи» для утвержденія новой конституціи требовалось согласіе всѣхъ 13 штатовъ. Но члены конвента рѣшили не считаться больше со «статьями» и считать конституцію принятой послѣ утвержденія ея девятымъ штатомъ; иначе говоря, они предложили штатамъ нарушить прежній договоръ и заключить новый, хотя бы желающихъ нашлось не болѣе девяти; другимъ оставался бы тогда выборъ между присоединеніемъ къ готовому союзу и полной изолированностью.

Въ іюнѣ 1787 года конституція была принята уже девятью штатами, и могла считаться вошедшей въ силу; черезъ нѣсколько недѣль къ нимъ присоединились 10-й и 11-й штаты, а черезъ годъ и остальные два. Это не было, однако, результатомъ того, что

конституція всѣхъ сразу удовлетворила; принимать ее заставляла скорѣе нужда. Напротивъ, конституцію критиковали со всѣхъ сторонъ и никто не былъ вполнѣ ею доволенъ. Однимъ она казалать не достаточно демократической, другіе боялись за самостоятельность штатовъ: массамъ было труднѣе мириться съ компромиссомъ, чѣмъ замкнутому собранію конвента.

Первый же конгрессъ предложилъ къ конституціи десять поправокъ, которыя въ концѣ 1791 года были приняты тремя четвертями штатовъ. Поправки эти заключались, во-первыхъ, въ провозглашеніи основныхъ гражданскихъ свободъ — свободы совѣсти, свободы печати, союзовъ и собраній, неприкосновенности частнаго жилища и права ношенія оружія, а, во-вторыхъ, въ разъясненіи, что перечисленіе правъ народа въ конституціи не означаетъ отрицанія другихъ его правъ и что права, не отнятыя конституціей у штатовъ, тѣмъ самымъ остаются за ними.

Организація новаго государства. Федералисты.

Въ апрѣлѣ 1789 года вступилъ въ должность первый президентъ Соединенныхъ Штатовъ — герой освободительной войны Вашингтонъ. Были назначены министры, посланники и судьи. Открылся первый конгрессъ. Намѣченная въ конституціи организація государства облекалась въ живую плоть.

Въ этой работѣ проявилось прежнее различіе стремленій и взглядовъ. Два главныя политическія теченія намѣтились еще въ періодъ борьбы за конституцію; сторонники одного изъ нихъ получили названіе федералистовъ, а ихъ противники — республиканцевъ. Господствующая партія — федералистовъ — стояла за широкое толкованіе конституціи, позволявшее расширять мало-помалу права союза. Главной опорой ея было купечество сѣверныхъ штатовъ, тяготѣвшее къ Англіи и по своимъ торговымъ интересамъ и по политическимъ симпатіямъ. Вождь федералистовъ, Александръ Гамильтонъ, находилъ американскую конституцію слишкомъ демократической и не вѣрилъ въ политическія способности народа: «Вашъ народъ — порядочное животное», — вырвалось у него однажды во время спора. Онъ находилъ, что на сторону революціи надо привлечь людей со средствами и предлагалъ организовать національный банкъ, денежныя операціи котораго могли бы заинтересовать капиталистовъ въ успѣхахъ новаго государства. Онъ полагалъ, что при управленіи государствомъ нельзя обойтись безъ силы, подъ которой можно понимать принужденіе закономъ или оружіемъ» и безъ раздачъ почестей и наградъ, съ помощью которыхъ можно привязать гражданъ

къ правительству. Другой вождь федералистовъ Джонъ Адамсъ, утверждалъ, что сенатъ долженъ быть представителемъ богатыхъ и благородныхъ (well-born) классовъ. Въ привычкахъ и взглядахъ самого Вашингтона, также близкаго къ федералистамъ, было много аристократическаго. Власти своей онъ старался придать чисто монархическій блескъ: открывалъ конгрессъ торжественной рѣчью и принималъ отвѣтный адресъ, выѣзжалъ изъ дворца не иначе, какъ въ парадной каретѣ четверней, на пріемахъ отвѣчалъ посѣтителямъ церемоннымъ поклономъ и не протягивалъ руки. Преемникъ его, Джонъ Адамсъ, держался такихъ же пріемовъ. Враги даже пустили про него слухъ, что онъ мечтаетъ породниться съ королемъ Англіи и основать американскую династію. Подражаніе аристократической Англіи доходило на сѣверѣ до мелочей: купечество носило дворянскія шляпы, парики и короткіе панталоны; женщины пудрили волосы и взбивали высокія прически; на вечерахъ танцовали старинные танцы и вели салонный разговоръ; въ гервардскомъ и уэльскомъ колледжахъ Новой Англіи студенты значились въ спискахъ по степени знатности родителей.

Республиканцы.

Республиканцы опирались, главнымъ образомъ, на земледѣльческій югъ. Осужденный по числу своего населенія играть въ союзѣ роль меньшинства и незаинтересованный, подобно торговому сѣверу, въ усиленіи національнаго правительства, онъ отстаивалъ верховныя права штатовъ и требовалъ буквальнаго толкованія конституціи. Кромѣ того, въ противоположность федералистамъ, республиканцы стояли за расширеніе въ государствѣ демократическихъ началъ. Казалось бы, это могло помѣшать ихъ успѣху на рабовладѣльческомъ и аристократическомъ югѣ, но, въ дѣйствительности, вышло иначе: демократическая программа оказалась въ рукахъ южанъ прекраснымъ орудіемъ критики союзнаго правительства, тѣмъ болѣе, что деревенская и болѣе простая жизнь южныхъ штатовъ создавала тамъ удобную почву для демократическихъ настроеній. Вліяли и симпатіи къ Франціи, къ которой югъ тяготѣлъ такъ же сильно, какъ сѣверъ къ Англіи. Вождь республиканцевъ, Джефферсонъ, былъ горячимъ поклонникомъ французской революціи.

Успѣхи демократіи.

Федералисты продержались у власти 12 лѣтъ и успѣли разрѣшить въ сторону централизма всѣ важнѣйшіе вопросы государственнаго управленія. Но другая сторона ихъ дѣятельности, ихъ недовѣріе къ народу и склонность къ аристократизму быстро

уменьшало число ихъ сторонниковъ. Законы «объ иностранцахъ» и «о мятежѣ» 1798 года, посягавшіе на свободу печати и права иностранныхъ подданныхъ, окончательно подорвали къ нимъ довѣріе народа. На президентскихъ выборахъ 1800 года на мѣсто Джона Адамса былъ избранъ Джефферсонъ.

«Мы достигли теперь демократическаго блаженства, — писали по этому поводу федералисты, — мы имѣемъ правительство мошенниковъ и дураковъ (knaves and blockheads)», но слова эти были порождены уже безсильнымъ гнѣвомъ: судьба аристократической партіи была рѣшена въ Америкѣ безповоротно; ея дальнѣйшая политическая исторія заключалась въ неуклонномъ развитіи демократіи. Избирательное право повсюду расширялось, и въ началѣ XIX вѣка уже во всѣхъ почти штатахъ оно было фактически всеобщимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ входило въ жизнь начало прямого народнаго голосованія. Еще въ 1780 году его примѣнилъ Массачузетсъ при обсужденіи вопроса о новой конституціи. Его примѣру стали слѣдовать и другіе штаты, при чемъ кромѣ вопросовъ учредительнаго характера плебисциту стали подвергать также выборъ губернаторовъ и даже судей. Пропадали послѣдніе остатки связи государства съ церковью: государственная церковь уничтожалась, и всѣ религіи становились равноправными. Вліяніе демократіи проявилось и по отношенію къ рабству. Еще до принятія конституціи всѣ сѣверные штаты, кромѣ Нью-Джерси и Нью-Іорка, приступили къ законодательному освобожденію рабовъ; даже на югѣ возникали освободительныя общества, и только развитіе культуры хлопка съ начала XIX столѣтія положило ихъ дѣятельности рѣзкій конецъ.

Экономическое развитіе и ростъ территоріи Соединен. Штатовъ.

Побѣды демократіи въ Америкѣ стояли въ тѣсной связи съ ея экономическимъ развитіемъ и быстрымъ ростомъ населенія. За 40 лѣтъ отъ 1760 года населеніе Америки возросло отъ 1,600,000 человѣкъ до $5\frac{1}{2}$ милліоновъ, т.-е. увеличилось въ $3\frac{1}{2}$ раза. Въ отдѣльныхъ штатахъ оно росло еще быстрѣе: населеніе штата Нью-Іорка, напримѣръ, почти учетверилось всего за 29 лѣтъ, отъ 1771 до 1800 года. О ростѣ торговли можно судить по цифрамъ вывоза и ввоза. Съ 1790 до 1800 года цѣнность ежегодно продаваемыхъ Америкой товаровъ поднялась съ 20 до 70 милліоновъ долларовъ, а покупаемыхъ съ 25 до 90 милліоновъ. Доходы государства увеличились за это же время въ три раза (до 10 милліоновъ), а расходы въ 4 (до 7 милліоновъ). На сѣверѣ съ конца XVIII столѣтія развиваются ману-

фактуры. Несмотря на старанія Англіи не допустить въ Америку моделей паровыхъ машинъ, въ 90-хъ годахъ XVIII столѣтія тамъ появляются уже прядильные заводы. А югъ становится въ это время поставщикомъ въ Англію хлопка. Въ 1790 году онъ произвелъ всего 200,000 фунтовъ хлопка, но уже черезъ десять лѣтъ вывозъ хлопка изъ южныхъ штатовъ равнялся 20 милліонамъ фунтовъ, въ 1803 году—около 40 милл., а еще черезъ 20 лѣтъ—уже 142 милліонамъ фунтовъ. Въ 1793 году было изобрѣтено приспособленіе для очищенія хлопковаго волокна: производительность рабскаго труда увеличилась благодаря ему въ нѣсколько сотъ разъ; рабы поднялись въ цѣнѣ; разговоры о прекращеніи работорговли прекратились. Съ этихъ поръ экономическіе интересы сѣвера и юга разошлись еще больше: югъ стоялъ за свободную торговлю съ Англіей, а сѣверъ сталъ видѣть въ ней конкурента и ограждался отъ нее пошлинами.

Быстро росла и заселенная территорія штатовъ. Въ 1791 г. сѣверная часть Нью-Іорка, носившая названіе Вермонтъ, была принята въ союзъ на правахъ независимаго штата. Между 1792 и 1802 годомъ образовались три новыхъ штата на западной территоріи — Кентукки, Тенесси и Огайо. Въ 1803 году была куплена у Франціи къ западу отъ Миссисипи огромная территорія Луизіана, по площади равнявшаяся всей прежней территоріи штатовъ. До 1819 года на этой территоріи возникли уже 4 новыхъ штата. Въ 1819 году была пріобрѣтена у Испаніи Флорида. Улучшеніе путей сообщенія, появленіе пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ помогли всей этой обширной территоріи сохранить политическое единство.

Быстрыя перемѣны хозяйственной жизни, постоянный приливъ новаго населенія, возникновеніе новыхъ штатовъ, лишенныхъ всякихъ историческихъ традицій — все это быстро выметало изъ Америки послѣдніе остатки аристократіи. Однако, еще въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія Токвиль сравнивалъ американское общество съ картиной, покрытой слоемъ демократическаго лака, изъ-подъ котораго то и дѣло выступаютъ старинныя аристократическія краски.

Ив. Херасковъ.

Французскія политическія теоріи XVIII вѣка.

Старый порядокъ. «Старый порядокъ», установившійся въ большинствѣ государствъ Западной Европы въ XVI — XVII вв., представлялъ изъ себя своеобразный компромиссъ между средневѣковымъ строемъ и потребностями новаго времени. Лишивъ политическаго значенія двѣ главныя соціальныя силы среднихъ вѣковъ — феодальное дворянство и католическое духовенство — и создавъ объединенныя и централизованныя государства въ формѣ абсолютныхъ монархій, онъ нашелъ свое наиболѣе полное воплощеніе въ системѣ Людовика XIV. Но ни самъ «король-солнце», ни его подражатели въ другихъ государствахъ и не думали продолжать работу государственнаго строительства въ интересахъ освобожденія человѣческой личности и уравненія въ правахъ своихъ подданныхъ. Лишивъ власти своихъ старыхъ противниковъ, новое государство заключало съ ними самый тѣсный союзъ для охраны ихъ привилегированнаго положенія, неразрывно связывало судьбы абсо-

Пособія. (Въ виду чрезвычайнаго обилія литературы вопроса называются только наиболѣе важные труды). — *Геттнеръ.* Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. II. — *Н. И. Карѣевъ.* Исторія Западной Европы въ новое время *Т. III.*—*Рокэнъ.* Движеніе общественной мысли во Франціи въ XVIII в.—*Шаховъ.* Вольтеръ и его время.—*М. М. Ковалевскій.* Происхожденіе современной демократіи. Т. I, ч. 2. — *Чичеринъ.* Исторія политическихъ ученій. Т. II и III.— *Paul Janet.* Histoire de la science politique. Ч. II.—*Franck.* Réformateurs et publicistes de l'Europe. XVIII-ème siècle.

Объ отдѣльныхъ представителяхъ движенія: *Морлей.* Вольтеръ.—*Штраусъ* Вольтеръ.—*Pelissier.* Voltaire philosophe.—*Vian.* Histoire de Montesquieu.—*Сорель.* Монтескье — *Морлей.* Дидро и энциклопедисты. — *Collignon.* Diderot.— *Ducros.* Les Encyclopédistes. — *Грей Грэхемъ.* Руссо, его жизнь, произведенія и окружающая среда. — *Морлей.* Руссо. — *Chuquet.* Rousseau. — *W. Guerrier.* L'abbé de Mably. — Въ русскомъ переводѣ существуютъ «Персидскія письма» и «Духъ Законовъ» Монтескье, обѣ диссертаціи и «Общественный договоръ» Руссо.

лютной монархіи съ сохраненіемъ соціальнаго господства дворянства и духовенства и къ прежней опекѣ надъ человѣческой личностью со стороны высшихъ сословій присоединяло новую — опеку всемогущаго «полицейскаго» государства.

Общій характеръ „просвѣтительнаго“ движенія.

Эпоха Людовика XIV показала ярко слабыя стороны его системы, и его смерть, оставлявшая его преемникамъ тяжелое наслѣдіе умиротворенія и возрожденія разоренной и обнищалой Франціи, дала сильный толчокъ французской общественной мысли. Уже въ послѣдніе годы жизни Людовика XIV замѣчается появленіе оппозиціи его системѣ. Послѣ его смерти оппозиція разрастается въ сильное общественное движеніе, носящее названіе «просвѣщенія». Существующіе государственные и общественные порядки подвергаются суровой критикѣ и всестороннему пересмотру. Промышленные успѣхи XVII и XVIII вв. дѣлаютъ изъ буржуазіи политическую силу первой величины. Обладая экономическимъ могуществомъ, сильная своей просвѣщенностью, она уже не желаетъ играть прежней второстепенной роли въ политической жизни и уступать первое мѣсто привилегированнымъ сословіямъ. Соціальныя измѣненія въ обществѣ вызываютъ новыя потребности, которыя требуютъ преобразованія устарѣлыхъ политическихъ и соціальныхъ формъ. Старый порядокъ приносилъ интересы человѣческой личности въ жертву государству. «Просвѣтители» берутъ ее подъ свою защиту и стараются отстоять ея естественныя неотчуждаемыя права — свободу и равенство. Уродливому сочетанію разныхъ историческихъ привилегій они противополагаютъ идеалъ естественнаго состоянія, когда люди пользовались всѣми своими естественными правами, теоріи божественнаго права и ученію о божественномъ происхожденіи государства — ученіе объ общественномъ договорѣ и народномъ верховенствѣ, офиціальной догматической церковности и господству католической церкви — религіозную терпимость и естественную религію, государственной опекѣ въ области народнаго хозяйства — принципы полнаго невмѣшательства государства въ экономическія отношенія и предоставленіе широкой свободы личной иниціативѣ и частной предпріимчивости. Главной задачей «просвѣтителей» является борьба за свободу человѣка, стремленіе эманципировать его отъ двойного гнета государства и церкви.

Къ народной массѣ они проникнуты теплымъ филантропическимъ чувствомъ и сознаютъ долгъ культурнаго меньшинства способствовать улучшенію ея положенія. Они полны вѣры

въ благородство человѣка, въ могущество его разума и убѣждены, что человѣчество въ силахъ создать себѣ лучшую обстановку жизни. Эта любовь къ ближнему и вѣра въ него даетъ ихъ проповѣди ту моральную силу и убѣжденность, заставляетъ ихъ говорить страстнымъ языкомъ религiзныхъ реформаторовъ и дѣлаетъ изъ нихъ послѣдователей настоящихъ религiозныхъ сектантовъ, проповѣдующихъ новую религiю — религiю Разума — и вѣрующихъ въ близкое наступленiе новаго царства Божiя — царства Разума.

Историческое значенiе „просвѣщенiя“.

Въ теченiе всего XIX вѣка французская «просвѣтительная» литература подвергалась суровой критикѣ съ самыхъ различныхъ сторонъ. Нападали на нее и реакцiонеры, и либералы, и идеалисты, и позитивисты. Указывали на то, что французскiе «просвѣтители», преклоняясь предъ мощью человѣческаго разума, забывали границы, которыя онъ никогда не можетъ перешагнуть, игнорировали значенiе опыта и наблюденiя и строили свои теорiи абстрактнымъ, дедуктивнымъ путемъ, что они не понимали закона эволюцiи общественныхъ отношенiй, чужды были историческаго духа и вѣрили въ легкую возможность воплощенiя своихъ абстрактныхъ идеаловъ въ жизнь; что ихъ теорiи, наконецъ, носили чисто кабинетный характеръ, представляли своего рода игру ума, отрицанiе ради отрицанiя, какъ характерную для ихъ времени литературную моду. Въ этихъ упрекахъ, несомнѣнно, было много справедливаго, но недостатки просвѣтительной литературы не должны закрывать предъ нами ея сильныхъ сторонъ. И главной заслугой французскихъ писателей всегда останется то, что они первые развили во всей возможной полнотѣ передъ глазами европейскаго общества вѣчные идеалы человѣческихъ стремленiй — свободу и равенство — и первые сдѣлали попытку обосновать свое новое мiросозерцанiе на научномъ фундаментѣ. Каковы бы ни были ошибки, ими допущенныя, какъ бы жестоко ни заблуждались поколѣнiя ихъ послѣдователей, пытаясь провести ихъ теорiи въ дѣйствительной жизни, «просвѣтители» XVIII вѣка, съ ихъ горячей любовью къ народному благу и здоровой оптимистической вѣрой въ человѣка и его разумъ, указали будущимъ поколѣнiямъ тѣ принципы, за осуществленiе которыхъ и теперь еще борется человѣчество.

Два перiода „просвѣщенiя“.

Въ развитiи оппозицiоннаго настроенiя французскаго общественнаго мнѣнiя въ XVIII в. можно замѣтить два ясно отличающихся другъ отъ друга перiода, хронологической гранью между

которыми являются 50-ые годы. До средины столѣтія требованія французскаго общества отличаются сравнительной умѣренностью: оно не разочаровалось еще въ традиціонной монархической власти, желаетъ только наиболѣе необходимыхъ реформъ въ дѣлѣ преобразованія подгнившаго стараго порядка и вѣритъ въ возможность мирнаго исхода изъ создавшагося кризиса. Но мало-помалу настроеніе общества начинаетъ мѣняться. Наступаетъ полное разочарованіе въ возможности реформаторской дѣятельности со стороны королевской власти, просыпается потребность въ активномъ участіи въ политической жизни, возрождается идея народнаго представительства, и общество не только требуетъ реформъ, но и само желаетъ ихъ производить.

Этимъ двумъ стадіямъ развитія оппозиціоннаго настроенія соотвѣтствуютъ и два поколѣнія представителей французской «философіи» XVIII вѣка. Къ первому поколѣнію можно отнести Вольтера, Монтескье и большинство физіократовъ. Ко второму — Дидро и энциклопедистовъ, Руссо и Мабли.

Первое поколѣніе „просвѣтителей“.

Первое поколѣніе «просвѣтителей» настроено сравнительно примирительно по отношенію къ королевской власти и даже къ привилегированнымъ сословіямъ. Изъ двухъ основныхъ цѣлей стремленій своего вѣка — свободы и равенства — они цѣнятъ больше первую, чѣмъ второе. Главная ихъ задача — личная свобода человѣка, свобода мысли, свобода совѣсти. Нападая на нетерпимое католическое духовенство и отстаивая религіозную свободу, они остаются все же на почвѣ деистической естественной религіи. Къ народной массѣ они испытываютъ извѣстный филантропическій интересъ, охотно говорятъ о ея страданіяхъ, заявляютъ о необходимости отмѣны крѣпостного права и осуществленія другихъ преобразованій въ духѣ гуманности, но очень далеки отъ мысли допустить народъ къ участію въ управленіи. Ихъ политическимъ идеаломъ является или «просвѣщенный» абсолютизмъ, или аристократическая монархія.

Вольтеръ.

Признаннымъ вождемъ всего оппозиціоннаго движенія, «патріархомъ» философовъ былъ *Вольтеръ* (1694 — 1778). Онъ не оставилъ послѣ себя настоящихъ политическихъ трактатовъ, и его нельзя назвать поэтому политическимъ теоретикомъ въ истинномъ смыслѣ слова. Но въ его изумительной по своей плодовитости и разносторонности литературной дѣятельности можно, тѣмъ не менѣе, найти достаточно данныхъ для характеристики его политическихъ взглядовъ.

Главной задачей всякаго государственнаго дѣятеля Вольтеръ считаетъ установленіе господства «естественныхъ законовъ», которые одинаковы во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. А для этого прежде всего за всѣми гражданами надо обезпечить ихъ «естественныя права», которыя правительство должно свято уважать. Права эти, по его мнѣнію, слѣдующія: полная свобода личности, свобода собственности, свобода мысли и совѣсти, свобода печати и право судиться по уголовнымъ дѣламъ въ судѣ присяжныхъ при строгомъ соблюденіи законовъ.

Личная свобода. Дороже всего для Вольтера духовная свобода человѣка — свобода мысли и свобода совѣсти, и главнаго врага этихъ высшихъ благъ человѣческой культуры онъ видитъ въ фанатическомъ духовенствѣ, опекающемъ человѣческую личность и посягающемъ на ея неотъемлемыя права. Борьбѣ съ католической церковью и католицизмомъ онъ посвящаетъ поэтому всю свою энергію и въ католическое духовенство пускаетъ самыя ядовитыя стрѣлы своихъ насмѣшекъ. Прежде всего онъ желаетъ терпимости, возможности для всякаго гражданина, не принадлежащаго къ господствующей церкви, не подвергаться преслѣдованіямъ за свою вѣру и спокойно отправлять свой культъ. Онъ превозноситъ вѣротерпимую политику Фридриха II и Екатерины II и настойчиво требуетъ во Франціи возстановленія Нантскаго эдикта и предоставленія гражданскихъ правъ протестантамъ. До сихъ поръ въ католическихъ странахъ церковь претендовала на первенство передъ государствомъ и требовала подчиненія себѣ свѣтской власти. Вольтеръ, наоборотъ, хочетъ, если не подчинить прямо церковь государству, то, по крайней мѣрѣ, поставить ее подъ государственный контроль. Такъ, онъ требуетъ правительственнаго надзора надъ періодическими собраніями духовенства и въ особенности надъ монашескими орденами. Всѣ акты гражданской жизни, въ которыхъ проявляется вмѣшательство духовенства, должны быть секуляризованы. Бракъ, завѣщаніе, похороны, напр., должны превратиться въ акты чисто гражданскіе, а церковные суды должны быть совсѣмъ уничтожены. Отождествляя естественную религію, приверженцемъ которой онъ всегда остается, съ моралью, Вольтеръ видитъ въ духовенствѣ только учителей морали. Поэтому самое существованіе особаго привилегированнаго духовнаго сословія онъ находитъ несправедливымъ и требуетъ уничтоженія всѣхъ привилегій духовенства, секуляризаціи церковныхъ имуществъ и содержанія духовенства за счетъ государства.

Но не только католическая церковь угрожаетъ индивидуальной свободѣ. Естественныя права человѣка лучше всего обезпечиваются правильнымъ устройствомъ суда. Между тѣмъ современные судебные порядки страдаютъ полнымъ неуваженіемъ къ личности подсудимаго. Близко познакомившись съ вопіющими недостатками французскаго судопроизводства въ процессахъ Каласа и Сирвена, гдѣ рука объ руку съ фанатизмомъ католиковъ - обвинителей шли формализмъ, нетерпимость и жестокость оффиціальныхъ судей, Вольтеръ требуетъ коренного преобразованія варварскихъ средневѣковыхъ формъ суда, уничтоженія инквизиціи, уничтоженія пытокъ и жестокихъ наказаній, преобразованія тюремъ, запрещенія произвольныхъ арестовъ, устройства суда присяжныхъ и, наконецъ, введенія по всей Франціи однообразнаго законодательства взамѣнъ безчисленнаго множества «кутюмъ», существующихъ въ отдѣльныхъ французскихъ провинціяхъ.

Соціальныя реформы.

Высшее благо человѣка — свобода, которую Вольтеръ опредѣляетъ, какъ подчиненіе однимъ только законамъ. Но подчиненіе законамъ будетъ тогда справедливо, когда законы для всѣхъ будутъ равны, и когда въ обществѣ не будетъ существовать сословныхъ привилегій. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Фридриху II онъ прямо говорилъ даже, что увѣруетъ въ божественное право рыцарей только тогда, когда увидитъ, что крестьяне рождаются на свѣтъ съ сѣдлами на спинахъ, а рыцари—со шпорами на ногахъ. Онъ не разъ говоритъ о томъ, какъ тяжело положеніе французскаго крестьянина, на котораго всей тяжестью ложатся государственные налоги, и который, кромѣ того, долженъ уплачивать всевозможныя повинности въ пользу привилегированныхъ сословій. Поэтому онъ требуетъ болѣе справедливаго распредѣленія налоговъ между отдѣльными классами общества, а прежде всего освобожденія личности и собственности земледѣльца отъ остатковъ феодальной зависимости и всевозможныхъ сеньеріальныхъ правъ. И онъ не ограничивается одними общими разсужденіями. Когда уже во второй половинѣ своей жизни, живя въ своемъ знаменитомъ замкѣ Фернеѣ, онъ узнаетъ о тяжеломъ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ Франшъ - Конте, гдѣ еще крѣпостное право сохранилось во всей своей силѣ на монастырскихъ земляхъ, изъ - подъ его пера выливается цѣлый рядъ брошюръ и памфлетовъ, въ которыхъ онъ описываетъ тяжелое положеніе монастырскихъ крестьянъ и требуетъ, во имя естественныхъ

правъ человѣка отмѣны крѣпостного права и другихъ формъ крестьянской зависимости.

Просвѣщенный абсолютизмъ.

Таковы наиболѣе нужныя, по мнѣнію Вольтера, реформы, которыя должны освободить человѣческую личность и улучшить положеніе народа. Кто же долженъ заняться осуществленіемъ этихъ преобразованій, и какая форма правленія наиболѣе соотвѣтствуетъ тому «господству естественныхъ законовъ», о которыхъ мечтаетъ Вольтеръ? Теоретически онъ готовъ согласиться, что демократическая республика самая совершенная изъ всѣхъ формъ правленія, и что демократическіе народы пользуются наибольшимъ счастьемъ. Но на практикѣ онъ отнюдь не желаетъ поручить осуществленіе преобразованій самому народу и признать за нимъ право на участіе въ управленіи. Искренно желая улучшенія положенія народной массы, онъ въ то же время относится къ ней съ значительной долей аристократическаго презрѣнія. Онъ убѣжденъ, что «все потеряно, когда чернь пускается разсуждать». «Я понимаю, — говоритъ онъ, — подъ народомъ чернь, у которой есть только руки, чтобы жить. Опасаюсь, что этотъ разрядъ людей никогда не будетъ имѣть времени и способности научиться. Мнѣ кажется даже необходимымъ, чтобы существовали невѣжды». Поэтому онъ ждетъ преобразованій не снизу, а сверху, и наиболѣе подходящей для современныхъ государствъ формой правленія считаетъ монархію. Когда въ 20-хъ годахъ XVIII в. онъ посѣтилъ Англію, свободная англійская конституція не могла не привлечь къ себѣ его вниманія. Въ своихъ «Англійскихъ письмахъ» онъ такъ отзывается объ англійскихъ порядкахъ: «Англійская нація есть единственная, которая... неутомимыми усиліями установила, наконецъ, ту мудрую правительственную форму, гдѣ король всемогущъ, чтобы дѣлать добро, и гдѣ, однако, у него связаны руки, чтобы дѣлать зло». Но дальше такихъ общихъ отзывовъ объ англійскихъ порядкахъ онъ не идетъ и нигдѣ не говоритъ о томъ, что желалъ бы распространенія англійскихъ конституціонныхъ порядковъ на всю остальную Европу. Онъ готовъ удовлетвориться и абсолютной монархіей, но только подъ условіемъ, чтобы она «умѣрялась терпимостью и просвѣщеніемъ» и занялась осуществленіемъ нужныхъ преобразованій. Поэтому практическій идеалъ Вольтера — «просвѣщенный» абсолютизмъ, и онъ неустанно проповѣдуетъ «союзъ королей и философовъ» противъ ихъ общаго врага — католической церкви, такъ какъ онъ убѣжденъ, что свобода и равенство, какъ онъ ихъ понимаетъ,

вполнѣ могутъ существовать при королевскомъ абсолютизмѣ. Вотъ почему, когда послѣ вступленія на престолъ Людовика XVI первымъ министромъ сдѣлался Тюрго, и во Франціи наступила краткая эпоха «просвѣщеннаго абсолютизма», Вольтеръ, бывшій въ это время уже глубокимъ старикомъ, видѣлъ въ этомъ событіи «восходъ блестящей зари лучшихъ дней и наступленіе новой эпохи, когда и царственная философія, которую такъ долго преслѣдовали, начинаетъ диктовать свои торжествующіе законы».

Физіократы.

Къ политическимъ воззрѣніямъ Вольтера близко подходятъ политическія воззрѣнія большинства *физіократовъ*. Стремясь открыть естественный порядокъ, лежащій въ основѣ человѣческихъ обществъ, они такъ же, какъ Вольтеръ, требуютъ признанія за человѣческой личностью права свободнаго распоряженія своими силами, но только ихъ интересуетъ не столько духовная свобода, сколько свобода экономической дѣятельности человѣка. Ихъ основной принципъ, формулированный Гурнэ въ извѣстной фразѣ «laissez faire, laissez passer», заставляетъ ихъ отрицательно относиться къ существующему соціальному и экономическому строю. Поэтому они являются противниками привилегій и сторонниками гражданскаго равенства, требуютъ отмѣны феодальныхъ правъ, стѣсняющихъ сельское хозяйство, уничтоженія монопольныхъ правъ цеховъ и торговыхъ компаній, прекращенія регламентаціи промышленности со стороны государства, преобразованія старой финансовой системы въ духѣ большей справедливости и т. д.

Но такъ же, какъ Вольтеръ, они надежды свои въ дѣлѣ осуществленія этихъ реформъ возлагаютъ не на народную массу, а на правительственную власть. Основатель школы физіократовъ *Кенэ* (1694—1774) для осуществленія своего экономическаго идеала желаетъ полнаго единства и безусловнаго господства надъ обществомъ верховной власти. Его послѣдователь *Мерсье де ла Ривьеръ* (1720—1794) въ своемъ «Естественномъ порядкѣ политическихъ обществъ» развиваетъ цѣлую теорію въ этомъ направленіи. Онъ убѣжденъ, что народъ не можетъ управлять собой самъ. Принципы политики, — говоритъ онъ, — или очевидны или нѣтъ. Если они очевидны, то созданіе какихъ бы то ни было ограниченій для верховной власти только помѣшаетъ ей дѣйствовать на благо общества. Если же они не очевидны, то такія ограниченія все равно не принесутъ никакой пользы, такъ какъ, боясь невѣжества государя, ему будутъ противополагать невѣжество

людей, которые не умѣютъ управлять сами собой. Поэтому Мерсье де ла Ривьеръ думаетъ, что только «законный деспотизмъ» (le despotisme légal) въ силахъ установить естественный порядокъ обществъ и осуществить народное благо. На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ въ сущности и третій знаменитый физіократъ *Тюрго* (1727—1781), когда, будучи уже министромъ Людовика XVI, составляетъ свой планъ необходимыхъ преобразованій. Допуская широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія въ своей іерархіи муниципалитетовъ, онъ, однако, сохраняетъ неприкосновенной неограниченную власть короля и высказывается противъ возстановленія уничтоженныхъ при Людовикѣ XV парламентовъ, такъ какъ они могутъ служить серьезной помѣхой на пути преобразованій. Ему приписываютъ даже по этому поводу слова: «Дайте мнѣ пять лѣтъ деспотизма, и Франція будетъ свободна». Такимъ образомъ, и физіократы считаютъ наиболѣе соотвѣтствующей ихъ стремленіямъ формой правленія «просвѣщенный» абсолютизмъ и находятъ возможнымъ существованіе при немъ индивидуальной свободы и гражданскаго равенства.

Монтескье. Вольтеръ и физіократы въ общемъ вѣрно передавали господствующее настроеніе французскаго общества первой половины XVIII вѣка, мало обращая вниманія на вопросы формы правленія и требуя опредѣленныхъ преобразованій въ разныхъ сферахъ общественной жизни. Но въ то же время во французскомъ обществѣ можно было замѣтить и другое теченіе мысли, не вѣрившее въ возможность соединенія абсолютизма съ гражданской свободой и требовавшее гарантій для защиты правъ личности. Самымъ виднымъ представителемъ этого теченія является *Монтескье* (1689 — 1755). Въ его произведеніяхъ, съ одной стороны, чувствуется нотка аристократической оппозиціи, идеализирующей доброе старое время сословной монархіи и недовольной бюрократическимъ и придворнымъ абсолютизмомъ Людовика XIV, лишившимъ земельную аристократію ея прежняго политическаго значенія. Съ другой стороны, своимъ ученіемъ о политической свободѣ и раздѣленіи властей онъ кладетъ основаніе теоріи конституціонной монархіи и подготовляетъ, такимъ образомъ, будущую борьбу революціи противъ королевской власти.

Персидскія письма. Монтескье дебютировалъ на литературномъ поприщѣ «Персидскими письмами», произведеніемъ, написаннымъ въ духѣ Вольтера (1721). Эта злая сатира на правительственные порядки и нравы высшаго общества конца царствованія Людовика XIV и

эпохи регентства. Въ непринужденной, шутливой, часто даже фривольной формѣ переписки двухъ персидскихъ путешественниковъ, странствующихъ по Европѣ, Монтескье развертываетъ предъ читателями рядъ картинъ, рисующихъ современное ему состояніе Франціи. Уничтожающими красками онъ описываетъ ненасытный деспотизмъ Людовика XIV, придворные нравы Версальскаго дворца, чванство придворной знати, схоластическіе споры ученаго духовенства, нетерпимость католической церкви и религіозныя преслѣдованія протестантовъ. Его собственныя стремленія носятъ въ этотъ моментъ прямо радикальный оттѣнокъ. Христіанство и католицизмъ онъ подвергаетъ ряду насмѣшекъ, которыя не уступаютъ въ своей смѣлости Вольтеру, и противополагаетъ офиціальной церкви свободный деизмъ. Въ политическомъ отношеніи онъ увлекается республиканской идеей и въ исторіи троглодитовъ, которую разсказываютъ XI — XIV письма, изображаетъ картину естественнаго состоянія людей, наслаждающихся полнымъ блаженствомъ при демократическомъ устройствѣ общества и государства.

„Духъ законовъ“.

«Персидскія письма» имѣли чрезвычайно шумный успѣхъ и сдѣлали сразу Монтескье литературной знаменитостью. Но онъ, однако, не продолжалъ своей литературной дѣятельности въ этомъ направленіи. Жанръ сатиры плохо удовлетворялъ его умственные интересы. Его влекло къ серьезной работѣ надъ изученіемъ строенія человѣческихъ обществъ, и онъ отказался отъ блестящей публицистики въ пользу научныхъ занятій, которымъ и сталъ посвящать всѣ свои досуги. Первымъ научнымъ его трудомъ были появившіяся въ 1734 году «Размышленія о причинахъ величія и паденія римлянъ». Вслѣдъ за тѣмъ появился знаменитый «Духъ законовъ», вышедшій въ свѣтъ въ 1748 году.

Надъ «Духомъ законовъ» Монтескье работалъ около 20 лѣтъ, начавъ свой трудъ еще въ 1729 году. Обстоятельное знакомство съ исторіей своей родины и исторіей античныхъ республикъ, обширныя познанія въ области юриспруденціи, являвшейся главной его спеціальностью, наконецъ, наблюденія надъ политической жизнью какъ Франціи, такъ и другихъ странъ Европы, особенно Англіи, которыя онъ вынесъ во время своихъ путешествій по Европѣ въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ гг., все это въ совокупности дало ему возможность собрать громадный матеріалъ историческаго, политическаго, юридическаго и экономическаго характера, благодаря чему онъ могъ обосновать свои теоретиче-

скія положенія на фактахъ и иллюстрировать ихъ рядомъ примѣровъ.

Задача и методъ Монтескье.

Задача Монтескье — открыть законы, управляющіе человѣческими обществами, которые онъ опредѣляетъ, какъ «необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы вещей». Различая законы природы, которые измѣнить человѣческая воля безсильна, и законы положительные, которые являются результатомъ человѣческаго творчества, онъ думаетъ, что и положительные законы, т.-е. юридическія нормы, регулирующія человѣческія отношенія, возникаютъ не по произволу людской воли, а слагаются подъ воздѣйствіемъ цѣлаго ряда сложныхъ факторовъ: природы страны, климата, образа жизни и основныхъ занятій населенія, нравовъ и обычаевъ, правительственной формы, наконецъ, религіи. Открыть «духъ» законовъ, т.-е. принципы, на основаніи которыхъ существуютъ общества, и есть цѣль Монтескье. Методъ, которымъ обыкновенно шли для разрѣшенія подобныхъ вопросовъ въ XVIII вѣкѣ, былъ дедуктивный, раціоналистическій. Въ первой книгѣ Монтескье платитъ въ этомъ отношеніи дань своему времени и старается вывести нѣкоторыя необходимыя положенія изъ соображеній о естественномъ дообщественномъ состояніи человѣка. Но въ этой же первой книгѣ онъ рѣшительно становится на иной путь и опредѣляетъ особенности своего метода, индуктивнаго и сравнительнаго, котораго онъ собирается держаться въ своемъ изложеніи. И этому методу онъ остается вѣренъ въ теченіе всего своего сочиненія. Затрогивая самые разнообразные общественные вопросы и предлагая въ своей книгѣ читателю настоящую энциклопедію государствовѣдѣнія и юриспруденціи, онъ повсюду группируетъ факты и только на основаніи ихъ дѣлаетъ обобщенія. Иногда его обобщенія страдаютъ произвольностью и случайностью, такъ какъ матеріалъ, на основаніи котораго онъ заключаетъ, не всегда достаточно обширенъ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ всегда рѣзко отличается своимъ методомъ отъ большинства современниковъ и въ своемъ изслѣдованіи приближается къ пріемамъ ученыхъ XIX вѣка.

Ученіе о формахъ правленія.

«Духъ законовъ» Монтескье имѣлъ совершенно исключительное вліяніе какъ на современниковъ, такъ и на потомство. Энциклопедическій характеръ дѣлалъ его настольной книгой государственныхъ людей XVIII вѣка и давалъ имъ возможность черпать оттуда указанія по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Но наибольшее впечатлѣніе на общество произвели тѣ отдѣлы сочи-

нія, гдѣ Монтескье изображалъ свой политическій идеалъ. Собственно говоря, Монтескье отнюдь не хотѣлъ придать своей книгѣ характеръ изображенія лучшей изъ возможныхъ формъ правительства. «Я пишу не для того, — заявляетъ онъ въ предисловіи, — чтобы критиковать тѣ или иныя учрежденія. Каждая нація найдетъ здѣсь объясненіе господствующихъ у нея принциповъ». Поэтому онъ старается быть безпристрастнымъ по отношенію ко всѣмъ возможнымъ формамъ правленія, но въ то же время не находитъ нужнымъ скрывать своихъ опредѣленныхъ симпатій къ англійской конституціи, и страницы, посвященныя имъ анализу англійскихъ порядковъ (кн. XI, гл. 6), сдѣлались наиболѣе знаменитымъ мѣстомъ всего «Духа законовъ». Мы и остановимся теперь, главнымъ образомъ, на ученіи его о формахъ правленія и о политической свободѣ.

а) Природа различныхъ формъ правленія.

Въ противоположность традиціонному дѣленію формъ правленія, установившемуся со временъ Платона и Аристотеля, на монархію, аристократію и демократію, Монтескье устанавливаетъ собственную классификацію. Онъ признаетъ три образа правленія — республиканскій, монархическій и деспотическій; при чемъ республики онъ подраздѣляетъ на демократическія и аристократическія. *Природа* демократіи состоитъ въ томъ, что въ ней верховная власть принадлежитъ всему народу. Природа аристократіи — въ томъ, что верховная власть принадлежитъ ограниченному числу лицъ. Въ монархіи «правитъ одинъ, на основаніи опредѣленныхъ и установленныхъ законовъ», и природа ея состоитъ въ существованіи «посредствующихъ властей, подчиненныхъ и зависимыхъ», необходимыхъ для того, чтобы дѣятельность монарха совершалась черезъ законные органы. Наиболѣе естественной посредствующей властью служитъ власть дворянства. Существованіе дворянства — существенный признакъ монархіи. «Гдѣ нѣтъ монарха, нѣтъ дворянства; гдѣ нѣтъ дворянства, нѣтъ монарха, а есть только деспотъ». Точно такъ же привилегіи духовенства опасны въ республикахъ, но полезны въ монархіяхъ. Кромѣ привилегій высшихъ сословій, въ монархіи необходимо существованіе особаго «хранилища законовъ» (un dépôt des lois), которое опубликовываетъ законы, когда они изданы, и напоминаетъ о нихъ, если они забываются». Такое учрежденіе должно составлять особую самостоятельную политическую корпорацію. Въ деспотіи, какъ и въ монархіи, власть принадлежитъ одному лицу, но оно не стѣснено никакими законами и руковод-

ствуется только своими желаніями и прихотями. Здѣсь господствуетъ полный произволъ. «Когда дикари Луизіаны хотятъ достать плодъ, то они срубаютъ дерево и срываютъ плодъ. Таково и деспотическое правленіе».

б) Ихъ принципы.

Отъ природы той или иной формы правленія Монтескье отличаетъ ея *принципъ*, подразумѣвая подъ нимъ главную движущую силу даннаго государственнаго строя, т.-е. тѣ человѣческія стремленія, которыя придаютъ государственному строю его специфическія особенности. Въ демократіи такимъ основнымъ началомъ служитъ *добродѣтель* (vertu). Это добродѣтель не моральная, а политическая—любовь къ отечеству и преданность общему дѣлу. Такой патріотизмъ—необходимое условіе существованія демократической республики. Какъ скоро онъ исчезнетъ, власть переходитъ въ руки честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ людей, и государство клонится къ гибели. Въ аристократіи тоже нужна добродѣтель, но другого рода. Народъ не нуждается здѣсь въ горячемъ патріотизмѣ, такъ какъ его страсти будутъ сдерживать законы, но что будетъ сдерживать самъ господствующій классъ? Вотъ почему здѣсь больше всего необходима *умѣренность* въ удовлетвореніи своихъ стремленій. Въ монархіи, гдѣ, какъ мы видѣли, необходимо должны существовать отдѣльныя сословія, принципъ коренится въ отношеніи отдѣльныхъ сословій къ власти монарха. Это отношеніе побуждаетъ каждаго стремиться къ извѣстнымъ почестямъ и отличіямъ, сохраняя въ то же время чувство своей независимости. Такимъ образомъ принципомъ монархіи является *честь* (honneur), своеобразный «предразсудокъ» каждаго лица или каждаго состоянія. Честолюбіе опасно въ республикѣ, но полезно въ монархіи. Оно придаетъ ей жизнь и въ то же время не представляетъ опасности, такъ какъ постоянно можетъ быть подавляемо. Въ деспотіи не можетъ быть чувства чести, такъ какъ тамъ всѣ равны и всѣ рабы. Поэтому движущимъ принципомъ деспотіи служитъ *страхъ*, и отъ подданныхъ не требуется ничего, кромѣ безпрекословнаго повиновенія.

в) Характеръ законодательства.

Съ природой и основными принципами каждой формы правленія должны сообразоваться и законы, которыми управляется государство. Въ демократіи, напримѣръ, основанной на равенствѣ, законы должны устанавливать возможно болѣе уравнительное распредѣленіе имуществъ, поскольку это не нарушаетъ правъ собственности. Въ монархіи больше всего надо заботиться о поддержаніи дворянства, какъ главной посредствующей власти и носителя чув-

ства чести. Для этого полезно установленіе майоратовъ и субституцій. Поэтому же дворянскія земли должны пользоваться особыми привилегіями. Здѣсь полезна даже немыслимая въ другихъ формахъ правленія продажа должностей, такъ какъ она сообщаетъ духъ постоянства и независимости органамъ власти.

Искаженіе и извращеніе принциповъ, лежащихъ въ основѣ каждой формы правленія, приводитъ къ ея упадку. Демократія извращается не только тогда, когда утрачивается духъ равенства, но и тогда, когда въ обществѣ развивается чрезмѣрная страсть къ свободѣ и равенству. Въ такомъ случаѣ уже никто не хочетъ повиноваться другому, народъ не признаетъ никакихъ властей, кромѣ собственной, стягиваетъ къ себѣ всѣ дѣла и становится деспотомъ. Аристократія извращается, когда власть вельможъ изъ законной дѣлается произвольной, и они теряютъ духъ умѣренности; народъ управляется тогда деспотически, только вмѣсто одного деспота имѣетъ ихъ нѣсколько. Монархія извращается, когда монархъ уничтожаетъ права посредствующихъ органовъ власти и привилегіи сословій, когда онъ самъ стремится управлять всѣмъ и всѣ дѣла стягиваетъ ко двору, когда онъ произвольно мѣняетъ законы, когда онъ облекаетъ властью и награждаетъ почестями раболѣпствующихъ льстецовъ и убиваетъ въ своемъ народѣ чувство чести. Тогда монархія вырождается въ деспотизмъ. Что касается деспотіи, то она извращается постоянно, потому что она есть извращенная форма правленія по своей природѣ.

г) Извращеніе принциповъ.

По мнѣнію Монтескье, государственное общеніе людей далеко не всегда преслѣдуетъ одну и ту же цѣль. Цѣли различныхъ государствъ могутъ быть очень разнообразны. Одно государство ставитъ своей задачей расширеніе своихъ предѣловъ, другое — развитіе торговли, третье — военную славу и т. д. Но единственно достойная цѣль государства, по его мнѣнію, это обезпеченіе политической свободы. Свободу, говоритъ онъ, опредѣляютъ самымъ различнымъ способомъ. Чаще всего, особенно въ демократіяхъ, подъ свободой подразумѣваютъ народовластіе. Но на самомъ дѣлѣ свобода вовсе не обозначаетъ право народа дѣлать все, что ему угодно. Свобода есть только право дѣлать все, что позволяютъ законы. Свободу можно различать въ ея отношеніи къ государственному устройству и въ ея отношеніи къ отдѣльному гражданину. Въ этомъ второмъ отношеніи политическая свобода

Политическая свобода.

состоитъ «въ томъ спокойствіи духа, которое исходитъ изъ сознанія личной безопасности». Итакъ, свобода, это — гарантія личныхъ правъ человѣка. Это, прежде всего, свобода мысли и печати, затѣмъ свобода совѣсти и вѣротерпимость и, наконецъ, личная неприкосновенность, обезпечиваемая правильнымъ устройствомъ суда и отсутствіемъ какихъ бы то ни было чрезвычайныхъ трибуналовъ.

Какая же форма правленія наиболѣе благопріятна для осуществленія свободы? Обыкновенно свободу помѣщаютъ въ демократіяхъ, но Монтескье съ этимъ не согласенъ. «Демократія и аристократія, — говоритъ онъ, — не суть государства, свободныя по своей природѣ». Политическая свобода встрѣчается лишь при умѣренномъ правленіи, ибо для того, чтобы не было злоупотребленія властью, необходимо, чтобы одна власть сдерживала другую, и чтобы между ними существовало равновѣсіе. Ближе всего къ цѣли въ этомъ отношеніи подходитъ средневѣковая сословно-представительная монархія, особенно въ ея идеализированной формѣ — англійской конституціи. Этотъ выводъ и заставляетъ Монтескье посвятить знаменитую 6 главу XI книги своего «Духа законовъ» анализу англійской конституціи. Въ основу своего изложенія Монтескье положилъ разсужденія Локка, но дополнилъ и развилъ ихъ сообразно своимъ наблюденіямъ. Извѣстно, что долгое время изображеніе англійской конституціи у Монтескье считалось вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣйствительности, и сами англичане по книгѣ Монтескье изучали свои государственные порядки.

Раздѣленіе властей.

Въ каждомъ государствѣ, говоритъ Монтескье, есть три рода власти: *законодательная*, *исполнительная* и *судебная*. Политическая свобода гарантируется ихъ раздѣленіемъ, и всякій разъ, какъ хотя бы двѣ изъ нихъ соединяются въ однѣхъ рукахъ, свободѣ грозитъ опасность. Если въ рукахъ одного и того же лица или одного и того же учрежденія законодательная власть соединена съ исполнительной, то свободы уже не существуетъ, такъ какъ одинъ и тотъ же монархъ или сенатъ можетъ издавать тиранническіе законы, чтобы затѣмъ исполнять ихъ тиранническимъ образомъ. Нѣтъ свободы также, когда съ законодательной властью соединена судебная: судья становится законодателемъ и, слѣдовательно, дѣлаетъ, что хочетъ. Если же судебная власть соединяется съ исполнительной, то судья получаетъ силу притѣснителя. Наконецъ, все можно считать потеряннымъ, если

одно и то же лицо или учрежденіе соединяетъ въ своихъ рукахъ всѣ три рода власти. Поэтому всѣ три рода власти должны быть независимы другъ отъ друга, и между ними должно существовать равновѣсіе. *Судебную* власть слѣдуетъ вручать не постоянной коллегіи, а лицамъ, временно избираемымъ изъ народа. Тогда эта власть, кажущаяся обыкновенно столь страшной въ глазахъ народа, покуда она находится въ рукахъ извѣстнаго сословія или постоянной корпораціи, становится незамѣтной и какъ бы несуществующей. Нѣтъ постоянныхъ судей предъ глазами, и общество начинаетъ бояться учрежденія, а не отдѣльныхъ лицъ. Право заключать гражданъ въ тюрьму должно принадлежать исключительно суду, и только въ случаяхъ крайней опасности для государства можно вооружать этимъ правомъ органы исполнительной власти. *Законодательная* власть естественно должна принадлежать всему народу въ силу того принципа, что всякій свободный человѣкъ долженъ управляться самъ собой. Но такъ какъ въ большихъ государствахъ это совсѣмъ невозможно, а въ маленькихъ очень трудно, то народъ долженъ дѣлать черезъ своихъ представителей то, чего не можетъ дѣлать самъ. Избирательными правами должны пользоваться всѣ граждане, за исключеніемъ только тѣхъ, которые «находятся въ такомъ низкомъ положеніи, что должны считаться неимѣющими собственной воли». Народные представители выбираются не для того, чтобы дѣйствовать активно, а для того, чтобы издавать законы и наблюдать за тѣмъ, какъ они исполняются. Въ каждомъ государствѣ, однако, есть люди, возвышающіеся надъ другими своимъ происхожденіемъ, богатствомъ или почетомъ. Если бы они имѣли права, равныя со всѣми другими, и поглощались народной массой, то общая свобода была бы для нихъ рабствомъ и перестала бы возбуждать въ нихъ интересъ. Поэтому они должны принимать въ законодательствѣ участіе, сообразное ихъ положенію, и образовывать особое учрежденіе, которое могло бы такъ же останавливать стремленія народа, какъ народъ ихъ собственныя стремленія. Такая аристократическая палата тѣмъ болѣе необходима, что она умѣряетъ столкновенія между народнымъ представительствомъ и исполнительной властью и является между ними естественнымъ посредникомъ. *Исполнительная* власть должна находиться въ рукахъ монарха, потому что она почти всегда требуетъ быстраго дѣйствія, а для этого всегда удобнѣе одно лицо, чѣмъ цѣлая коллегія. Если бы исполнительная власть была вмѣсто монарха поручена

извѣстному числу лицъ, взятыхъ изъ законодательнаго учрежденія, то свободы бы не существовало, такъ какъ законодательная и исполнительная власти оказались бы соединенными.

Отношенія законодательной и исполнительной властей.

Законодательное учрежденіе должно періодически собираться, а составъ его обновляться посредствомъ новыхъ выборовъ. Время засѣданій и продолжительность собраній должны опредѣляться исполнительной властью, которая, кромѣ того, должна имѣть право останавливать рѣшенія власти законодательной. Это необходимо, потому что въ противномъ случаѣ эта послѣдняя могла бы сдѣлаться деспотической. Наоборотъ, законодательная власть не должна имѣть право останавливать рѣшенія власти исполнительной, такъ какъ вслѣдствіе этого остановились бы всѣ дѣла. Взамѣнъ этого она обладаетъ правомъ контролировать дѣятельность исполнительной власти и слѣдить за тѣмъ, не нарушаетъ ли она законовъ. Законодательная власть не имѣетъ права требовать къ отвѣту самое лицо, облеченное исполнительной властью. Его особа священна и неприкосновенна. Съ того момента, какъ она была бы предана суду и обвиненію, свободы бы больше не существовало, и государство превратилось бы изъ монархіи въ несвободную республику. Но такъ какъ монархъ не можетъ дѣлать ошибокъ, не имѣя дурныхъ совѣтниковъ, то въ случаѣ нарушенія законовъ надо привлекать къ отвѣтственности и судить министровъ. При этомъ судъ надъ ними долженъ быть предоставленъ верхней палатѣ законодательнаго учрежденія, такъ какъ она занимаетъ середину между монархомъ и народомъ. Опасность со стороны исполнительной власти особенно велика тѣмъ, что она распоряжается финансами и войскомъ. Здѣсь нужны особыя гарантіи. Поэтому не слѣдуетъ устанавливать подати и опредѣлять состава сухопутныхъ и морскихъ силъ разъ навсегда. Подобныя постановленія должны дѣлаться законодательной властью ежегодно для того, чтобы исполнительная власть не перестала отъ нея зависѣть. Таковы взаимныя отношенія всѣхъ трехъ родовъ власти. Задерживая другъ друга, они, повидимому, должны были бы находиться въ состояніи покоя или бездѣйствія, но такъ какъ неизбѣжный ходъ вещей заставитъ ихъ итти впередъ, то они принуждены будутъ двигаться согласно другъ съ другомъ. Эта система равновѣсія властей, которой пользуются англичане, не нова. Идею ея они нашли въ лѣсахъ древней Германіи, и только постепенный опытъ внесъ въ нее необходимыя усовершенствованія.

Таково въ краткихъ чертахъ изображеніе англійской конституціи у Монтескье, представляющее вмѣстѣ съ тѣмъ его собственный политическій идеалъ. Его изображеніе не разъ подвергалось критикѣ. Указывали на то, что онъ многое не вѣрно понялъ въ англійскихъ порядкахъ, многаго вовсе не замѣтилъ. Такъ, онъ совсѣмъ не обратилъ вниманія на англійское мѣстное самоуправленіе, являющееся истиннымъ фундаментомъ англійской свободы, не указалъ, какую громадную роль играетъ на ряду съ судомъ присяжныхъ коронный судъ и т. д. Наконецъ, самое ученіе его о раздѣленіи властей, легшее впослѣдствіи въ основу большинства французскихъ конституцій, противорѣчило установившемуся въ Англіи парламентскому министерству, которое составлялось изъ представителей большинства парламента и такимъ образомъ сосредоточивало въ рукахъ парламента и законодательную и исполнительную власть. Если первые упреки въ большинствѣ случаевъ имѣютъ основаніе, то послѣдній основанъ на недоразумѣніи. Монтескье былъ въ Англіи, когда только начиналъ складываться механизмъ парламентскаго министерства, и когда у власти стояло первое такое министерство — министерство Вальполя. Поэтому онъ естественно могъ не придавать еще большого значенія взаимоотношеніямъ между министерствомъ и парламентомъ, а способъ, которымъ Вальполь обычно формировалъ себѣ послушное большинство — широкіе подкупы, могъ только еще болѣе убѣдить Монтескье въ необходимости изолированія исполнительной власти отъ законодательной.

Аристократизмъ Монтескье.

Что касается собственнаго идеала Монтескье, то онъ является, какъ мы видѣли, приверженцемъ конституціонной монархіи, какъ лучшаго средства обезпечить свободу личности. Его ученіе о взаимоотношеніяхъ властей легло въ основу европейскаго конституціоннаго права, и онъ съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ духовнымъ отцомъ европейскаго либерализма. У него самого ученіе носитъ ясно выраженный аристократическій характеръ. Идя дальше Вольтера и физіократовъ въ области чисто политической мысли и не вѣря въ возможность соединенія абсолютизма съ личной свободой, онъ хочетъ прочныхъ гарантій противъ возможнаго деспотизма въ видѣ правильнаго конституціоннаго механизма. Зато его требованія въ соціальныхъ вопросахъ гораздо скромнѣе. Онъ возмущается существованіемъ рабства и требуетъ его уничтоженія во имя гуманности, протестуетъ противъ жестокости современныхъ судебныхъ порядковъ и желаетъ ихъ преобразованія

въ духѣ большаго уваженія къ правамъ человѣческой личности. Но въ то же время онъ не хочетъ уничтоженія дворянскихъ привилегій. Извѣстно, что главнымъ оплотомъ аристократической оппозиціи и сословныхъ привилегій были во Франціи парламенты. И Монтескье, самъ принадлежавшій къ рядамъ парламентской знати, отстаиваетъ необходимость существованія въ монархіи особаго «хранилища законовъ», подъ которымъ, очевидно, подразумѣваетъ парламенты, и защищаетъ даже такой остатокъ феодальныхъ порядковъ, какъ продажу должностей, видя въ ней средство независимости отъ королевской власти.

Ростъ оппозиціоннаго настроенія французскаго общества.

Проповѣдь французскихъ писателей имѣла шумный успѣхъ и во Франціи и во всей Европѣ. Ихъ книгами зачитывались самые разнообразные круги общества. Казалось, что ихъ настойчивый призывъ былъ услышанъ представителями власти, и почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ этого времени началась оживленная преобразовательная работа. Фридрихъ II, Екатерина II, Іосифъ II, Помбаль, Аранда, Тануччи, Струензее и другіе представители «просвѣщеннаго» абсолютизма, совершая свои преобразованія, казалось, вдохновлялись идеалами французской литературы и осуществляли тотъ же «союзъ королей и философовъ», о которомъ мечталъ Вольтеръ. Только родина «просвѣтительной» философіи — Франція — оставалась глуха къ ихъ требованіямъ. Тупое и развращенное правительство Людовика XV коснѣло въ желаніи сохранить неприкосновенными обветшавшіе порядки и реагировало на голосъ общественнаго мнѣнія цензурными преслѣдованіями, судебными приговорами и административной расправой. Между тѣмъ французское общество этого времени отнюдь и не думало въ какомъ бы то ни было отношеніи покушаться на королевскій авторитетъ. Оно ждало только реформъ сверху. «Около 1750 года, — говоритъ Токвиль, — вся нація... желала реформъ больше, чѣмъ правъ, и если бы тогда на престолѣ былъ государь, обладавшій энергіей и способностями Фридриха Великаго, я не сомнѣваюсь, что онъ произвелъ бы въ обществѣ и правительствѣ нѣкоторыя изъ перемѣнъ, совершонныхъ революціей, и при этомъ не только не лишился бы короны, а даже значительно увеличилъ бы свою власть». Но не только идея «королевской демократіи», а даже просто мысль о какихъ бы то ни было измѣненіяхъ была совершенно чужда правительству. Упорство правительства стало раздражать общество. Оно устало ждать и перестало надѣяться. Оно разувѣрилось въ возможности реформъ

сверху и начало понимать, что для осуществленія этихъ реформъ само общество должно прежде всего получить власть въ свои руки. Оно начало требовать поэтому уже не однѣхъ реформъ, но и политической свободы. Оживились воспоминанія о генеральныхъ штатахъ, съ восторгомъ привѣтствовались всякія проявленія оппозиціи, хотя бы и аристократической.

Второе поколѣніе „просвѣтителей“.

Этому новому настроенію французскаго общества соотвѣтствуетъ и новое направленіе просвѣтительнаго движенія. Второе поколѣніе «просвѣтителей» отличается бо̀льшимъ радикализмомъ. Въ ихъ проповѣди чувствуется сильная нота негодованія и озлобленія. Они уже не удовлетворяются частичными передѣлками стараго зданія, они требуютъ окончательной его сломки и возведенія на его мѣстѣ новаго, согласнаго съ требованіями разума. Въ философскихъ вопросахъ они переходятъ отъ деизма къ матеріализму и атеизму. Въ политикѣ единственной цѣлью ихъ является не личная свобода, а народное благо, и осуществить это благо призывается самъ народъ. Эпоха увлеченія англійской конституціей миновала. Англійскіе порядки подвергаются теперь суровой критикѣ, для чего злоупотребленія подкупами въ парламентѣ и возстаніе сѣвероамериканскихъ колоній даютъ достаточный матеріалъ. Полные ненависти къ господствующей аристократіи писатели второго поколѣнія идеализируютъ неиспорченную народную массу, противополагая ее развращеннымъ верхамъ, и политическій идеалъ свой они видятъ въ непосредственномъ народовластіи или представительной демократіи, особенно когда въ 1776 году возникаетъ великая американская республика.

„Энциклопедія“.

Повышеніе оппозиціоннаго тона, бо̀льшая требовательность и большее ожесточеніе противъ стараго порядка уже чувствуются въ первыхъ томахъ знаменитой «Энциклопедіи наукъ, искусствъ и ремеслъ». Чѣмъ дальше продолжается это многотомное изданіе, тѣмъ повышается тонъ его статей, и послѣдніе томы отличаются гораздо большей смѣлостью, чѣмъ первые. Извѣстно, что задуманная Дидро «Энциклопедія» объединила вокругъ одного предпріятія всѣ выдающіяся силы лагеря «философовъ», и что въ числѣ ея сотрудниковъ можно было встрѣтить и корифеевъ первой величины, въ родѣ Вольтера, Монтескье и Руссо, и незамѣтныхъ второстепенныхъ литературныхъ тружениковъ. Но «энциклопедистами» въ собственномъ смыслѣ слова называютъ только писателей, наиболѣе тѣсно примыкавшихъ по своимъ взглядамъ

къ Дидро (д'Аламберъ, Кондильякъ, Гельвецій, Гольбахъ, аббатъ Рейналь и др.).

Главной задачей «Энциклопедіи» было подвести итоги научной работѣ отдѣльныхъ изслѣдователей послѣднихъ вѣковъ и взамѣнъ стараго католическаго міросозерцанія построить новое, чисто-научное міросозерцаніе. Но на ряду съ чисто-научной задачей «Энциклопедія» стремилась и къ другимъ цѣлямъ. Она была прежде всего произведеніемъ оппозиціоннымъ, «громаднымъ арсеналомъ», по выраженію Морлея, въ которомъ добывалось оружіе для штурма стараго порядка. Каждая статья, касавшаяся какого-нибудь политическаго или соціальнаго, философскаго или моральнаго вопроса, не только знакомила читателя съ научнымъ пониманіемъ даннаго вопроса, но и старалась путемъ безпощадной критики существующаго порядка возбудить въ его душѣ соотвѣтственное настроеніе. На каждомъ шагу читатель долженъ былъ чувствовать необходимость коренныхъ реформъ во всѣхъ областяхъ общественной жизни. Преобразованіе судебныхъ порядковъ, осуществленіе религіозной свободы, уничтоженіе привилегій высшихъ сословій, освобожденіе крестьянъ, реформа финансоваго обложенія и т. д. — вотъ вопросы, которые постоянно затрогиваетъ «Энциклопедія». Въ своихъ разсужденіяхъ ея сотрудники исходятъ изъ принципа естественныхъ правъ человѣка и ученія о народномъ верховенствѣ. Но изъ этихъ положеній они не дѣлаютъ соотвѣтственныхъ выводовъ и не предлагаютъ читателю опредѣленной политической доктрины потому ли, что слишкомъ различны были политическія стремленія отдѣльныхъ сотрудниковъ, или потому, что цензурныя условія заставляли ихъ обходить съ особенной осторожностью подобнаго рода щекотливыя темы.

Политическіе взгляды энциклопедистовъ.

Большинство энциклопедистовъ не было политическими писателями въ настоящемъ смыслѣ слова. Самъ *Дидро* (1713—1784) не оставилъ послѣ себя политическихъ трактатовъ и вообще рѣдко касался политическихъ вопросовъ. Но тамъ, гдѣ онъ затрогивалъ политическія злобы дня, онъ всегда оказывается врагомъ деспотизма и сторонникомъ народнаго представительства.

Болѣе обстоятельно занимается вопросами политики баронъ *Гольбахъ* (1723—1789) въ своей «Système social». Въ основѣ всякаго общества, по его мнѣнію, лежитъ общественный договоръ, хотя бы безмолвный, и даже абсолютный монархъ царствуетъ только съ согласія своего народа. Если государь не исполняетъ

своего долга по отношенію къ народу, то и у народа нѣтъ больше по отношенію къ нему никакихъ обязательствъ. Иногда пытаются оправдать деспотизмъ и ссылаются на право завоеванія. Но завоеваніе есть не право, а сила. Деспотизмъ противенъ природѣ человѣка. Это не одна изъ формъ правленія, это — отсутствіе всякихъ формъ, и «легальный деспотизмъ» — contradictio in adjecto. Немногимъ лучше деспотизма монархія. Развѣ возможно ожидать, чтобы въ одномъ человѣкѣ соединялись и способности и добродѣтели? Рѣдкіе моменты, когда на престолѣ бываетъ хорошій государь, смѣняются царствованіями чудовищъ и безумцевъ, и почти всегда монархія бываетъ чистѣйшимъ деспотизмомъ. Хвалятъ устойчивость и продолжительность монархій. Но вѣдь это внѣшнее спокойствіе на самомъ дѣлѣ похоже на хроническія болѣзни, которыя медленно подтачиваютъ человѣческое тѣло! Гольбахъ согласенъ, что англійская нація — самая свободная въ мірѣ, но удовлетвориться англійскими порядками онъ не можетъ. По его мнѣнію, англійскій король обладаетъ черезчуръ большими правами: палата лордовъ всецѣло въ его рукахъ, а на палату общинъ онъ можетъ оказывать воздѣйствіе подкупами, такъ что фактически его воля не встрѣчаетъ препятствій, и англичане далеки отъ идеала истинной свободы. Правда, дальше Гольбахъ старается показать свое безпристрастіе и разбираетъ недостатки аристократической и демократической формъ правленія, но эта вторая часть его книги значительно уступаетъ въ силѣ и яркости первой и даетъ возможность понять, что симпатіи автора во всякомъ случаѣ не на сторонѣ монархіи.

Еще большее количество рѣзкихъ выходокъ противъ монархіи содержитъ извѣстная книга аббата *Рейналя* (1713 — 1796) — «Философская и политическая исторія обѣихъ Индій». Цѣль автора — историческая, но изложеніе событій постоянно прерывается риторическими восклицаніями на политическія темы и рѣзкими выпадами по адресу тиранніи. Подобнаго же рода фразы можно встрѣтить и у другихъ энциклопедистовъ. Такое политическое настроеніе кружка энциклопедистовъ ярко показывало, какъ успѣла ко второй половинѣ XVIII вѣка измѣниться общественная атмосфера во Франціи.

Руссо.

Общество, разочаровавшееся въ возможности мирныхъ преобразованій, опредѣленно стремилось теперь къ захвату власти и нуждалось въ политическомъ ученіи, которое бы оправдало и осмыслило его стремленія. Такое ученіе и создалъ *Руссо*

(1712 — 1778), бывшій настоящимъ предвѣстникомъ и вдохновителемъ великой французской революціи. Вліяніе Руссо какъ на современниковъ, такъ и на потомство было совершенно исключительно. Этотъ своеобразный мыслитель, представлявшій собой въ одномъ отношеніи плоть отъ плоти французскаго раціонализма, а въ другомъ—ярого противника односторонности современнаго ему умственнаго движенія, съ невѣдомой силой ударилъ по сердцамъ своихъ читателей и заставилъ заговорить въ нихъ тѣ струны, которыя до сихъ поръ молчали. Этотъ геніальный самоучка соединялъ въ себѣ блестящую и безпощадную діалектику настоящаго ритора и софиста, не останавливающагося ни передъ какими выводами изъ разъ принятыхъ положеній, съ большимъ художественнымъ талантомъ и поэтическимъ жаромъ, что давало его словамъ особенную силу. Голосъ наболѣвшаго чувства неудачника-плебея влагаетъ въ его уста горячую ненависть къ существующему государственному и общественному порядку, заставляетъ мрачными красками изображать тѣневыя стороны блестящей цивилизаціи и искать спасенія въ возвращеніи къ первобытной простотѣ жизни на лонѣ природы. Изумительное богатство воображенія даетъ ему возможность нарисовать утопическую картину этого блаженнаго состоянія, а горячее состраданіе къ низшимъ классамъ общества приводитъ къ идеализаціи человѣческой природы и къ вѣрѣ въ возможность осуществленія своего утопическаго идеала. Монтескье — спокойный, трезвый наблюдатель, накопляющій путемъ упорнаго труда громадный запасъ фактовъ, дѣлающій очень осторожныя обобщенія и старающійся даже скрыть или замаскировать свой собственный идеалъ. Руссо — смѣлый діалектикъ, открыто бросающій обществу вызовы и мало интересующійся, поскольку его построенія соотвѣтствуютъ реальной жизни. Онъ вовсе чуждъ индуктивнаго метода Монтескье и всегда вѣренъ раціоналистической дедукціи. Онъ кладетъ въ основу своихъ разсужденій дорогія его сердцу положенія и, не обращая вниманія ни на исторію, ни на современность, въ своей страстной риторикѣ разматываетъ клубокъ умозаключеній и дѣлаетъ самые крайніе выводы, хотя бы они и его самого ставили иногда втупикъ.

Жизнь и дѣятельность Руссо соткана изъ непримиримыхъ противорѣчій, объясняющихся прежде всего его характеромъ. Но въ его литературной дѣятельности мы видимъ господство одной основной идеи, и главныя его сочиненія тѣсно связаны другъ съ другомъ и представляютъ логическое продолженіе одно другого.

Въ первыхъ своихъ двухъ диссертаціяхъ онъ произноситъ безпощадный приговоръ надъ современными порядками. Въ «Эмилѣ» и «Общественномъ договорѣ» онъ дѣлаетъ попытку выразить свои положительные идеалы. Диссертація о наукахъ и искусствахъ стремится доказать, что существующее образованіе вредно. «Эмиль» указываетъ, какъ надо построить систему истиннаго воспитанія и образованія. Диссертація о происхожденіи неравенства говоритъ, что современное государство вопіющимъ образомъ противорѣчитъ неотъемлемымъ правамъ человѣка. «Общественный договоръ» строитъ такое государство, гдѣ гражданинъ пользовался бы всей возможной полнотой своихъ правъ.

Диссертація о наукахъ и искусствахъ.

Извѣстно, что первымъ литературнымъ произведеніемъ Руссо была диссертація въ отвѣтъ на тему, заданную Дижонской академіей: «Способствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ очищенію нравовъ?» Руссо самъ разсказываетъ, какъ онъ случайно прочелъ объ этой темѣ въ газетѣ, и какъ его внезапно осѣнило вдохновеніе. Съ неслыханной смѣлостью мысли и страстью языка онъ подвергъ разсмотрѣнію заданную тему и на поставленный вопросъ далъ отрицательный отвѣтъ. За средневѣковымъ мракомъ и невѣжествомъ наступило возрожденіе наукъ и искусствъ. «Но мы не должны этому радоваться,—говоритъ Руссо,—потому что наука и искусства испортили нравственность человѣка». Своимъ происхожденіемъ науки и искусства обязаны нашимъ порокамъ: астрономія — суевѣрію, краснорѣчіе — честолюбію, геометрія — жадности, физика — пустому любопытству и т. д. Науки и искусства пусты по своимъ предметамъ и опасны по своимъ слѣдствіямъ. Рожденныя праздностью, онѣ въ свою очередь питаютъ ее, и потеря времени есть первый ущербъ, какой онѣ приносятъ обществу. Отвѣтьте мнѣ, знаменитые философы,—восклицаетъ Руссо,— вы, отъ которыхъ мы получили столько возвышенныхъ знаній: если бы вы не научили насъ ни одной изъ этихъ вещей, развѣ стали бы мы отъ этого менѣе многочисленны, хуже бы мы управлялись, были бы менѣе грозны, не такъ процвѣтали бы или сдѣлались болѣе порочными?» Если работы настоящихъ ученыхъ, такимъ образомъ, безполезны, то произведенія «неизвѣстныхъ писателей и праздныхъ литераторовъ» прямо вредны. Своими научными парадоксами они подрываютъ основы вѣры и уничтожаютъ добродѣтель. И откуда рождается современный упадокъ нравовъ, какъ не отъ пагубнаго неравенства, введеннаго отличіемъ талантовъ? Спрашиваютъ не о томъ, честенъ ли человѣкъ, а о томъ, есть

ли у него талантъ. Расточаютъ награды остроумію, а добродѣтель остается безъ почета. У насъ есть естествоиспытатели, математики, поэты, музыканты, живописцы, но у насъ нѣтъ больше хорошихъ гражданъ, а если они и встрѣчаются когда, то они разсѣяны по нашимъ покинутымъ деревнямъ и живутъ въ бѣдности и презрѣніи. Если наши потомки «не будутъ безумнѣе насъ, то они поднимутъ руки къ небу и съ горечью въ сердцѣ скажутъ: Всемогущій Боже! Избавь насъ отъ просвѣщенія и гибельныхъ искусствъ нашихъ отцовъ и возврати насъ къ невѣжеству, невинности и бѣдности, единственнымъ благамъ, которыя могутъ создать наше счастье и имѣютъ цѣну передъ Тобой!»

Несмотря на то, что Руссо старался мѣстами смягчать рѣзкость своего отрицательнаго вывода и впослѣдствіи даже доказывалъ, что истребленіе произведеній искусства привело бы еще къ худшему варварству, тѣмъ не менѣе его сочиненіе именно своей парадоксальностью произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на общество, и Руссо сразу пріобрѣлъ большую литературную славу. При всей односторонности своего разсужденія, онъ вѣрно указалъ слабую сторону современной цивилизаціи, видѣвшей въ новыхъ идеяхъ своего рода игру ума и сохранившей предразсудки высшаго свѣта.

„Рѣчь о неравенствѣ“. Въ первой диссертаціи Руссо уже указалъ, что одно изъ самыхъ опасныхъ послѣдствій образованія — неравенство. Позднѣе, въ отвѣтъ на возраженія, сдѣланныя ему ех-королемъ польскимъ Станиславомъ Лещинскимъ, онъ прямо уже объявилъ неравенство корнемъ всѣхъ общественныхъ бѣдствій: отъ неравенства произошло богатство, отъ богатства—роскошь и праздность, отъ роскоши и праздности — искусства и науки. Поэтому, когда черезъ 4 года послѣ выхода въ свѣтъ его первой работы Дижонская академія предложила новую тему о причинахъ происхожденія неравенства, Руссо охотно взялся за нее, чтобы подробно развить свои взгляды [1]).

Руссо исходитъ изъ положенія, что по естественному праву всѣ люди равны между собой. Если и существуютъ нѣкоторыя естественныя неравенства, то они отнюдь не влекутъ за собой неравенства политическаго. Современный человѣкъ удалился отъ своего первообраза, и, чтобы познать его истинную природу, надо откинуть искусственные наросты современной цивилизаціи и представить себѣ человѣка въ первобытномъ состояніи такимъ, какимъ

---

1) Болѣе подробное изложеніе „Рѣчи о неравенствѣ“ см. въ статьѣ объ „Общественныхъ теоріяхъ XVIII в.“.

онъ вышелъ изъ рукъ Творца. Первую часть своего сочиненія онъ посвящаетъ изображенію прелестей этого первобытнаго состоянія, когда всѣ люди были одинаково равны и свободны, когда не было общества и государства. Человѣкъ вѣчно могъ бы остаться въ этомъ состояніи, если бы онъ не обладалъ «пагубной способностью къ совершенствованію». Благодаря этой пагубной способности онъ сталъ изобрѣтать орудія, научился обрабатывать металлы и воздѣлывать землю, а земледѣліе повлекло за собой установленіе собственности и положило конецъ равенству. Съ установленіемъ собственности обнаружилось естественное неравенство способностей, и родились всѣ пороки, порождаемые стремленіемъ человѣка превосходить другихъ. Появилось различіе между богатыми и бѣдными. Богачи стали стремиться властвовать надъ бѣдными, бѣдняки — присвоить себѣ имущество богатыхъ. Наступила всеобщая война и необезпеченность. Тогда богатые изобрѣли способы обратить въ свою пользу силы своихъ главныхъ противниковъ. Они предложили образовать общій союзъ для водворенія мира и охраны правъ всѣхъ и каждаго, который долженъ былъ обезпечить за каждымъ то, что ему принадлежитъ. Выгодную сторону такого союза увидѣли всѣ, а тѣ стороны союза, которыя можно было обратить во зло, предусмотрѣли только тѣ люди, которые сами собирались ими воспользоваться въ своихъ интересахъ. Такимъ образомъ путемъ договора возникло гражданское общество. Первоначально всѣ должностныя лица были выборными. Но постепенно правители воспользовались смутами и неурядицами, чтобы преобразовать свою власть въ наслѣдственную, и съ этихъ поръ стали смотрѣть на государство, какъ на свою собственность, а на гражданъ, какъ на своихъ рабовъ. Такъ сформировалось окончательно современное общество и государство, представляющія собой высшую ступень неравенства и несправедливости.

„Общественный договоръ“.

Современное государство представляетъ вопіющее противорѣчіе по отношенію къ тѣмъ естественнымъ правамъ, которыми люди пользовались въ первобытномъ состояніи. Но вернуться назадъ къ блаженству первобытнаго состоянія больше невозможно. Остается сохранить современную цивилизацію и создать такой государственный порядокъ, который бы сумѣлъ примирить естественную свободу и равенство человѣка съ существованіемъ государства. Разрѣшенію этой проблемы Руссо посвятилъ наиболѣе знаменитое изъ своихъ сочиненій — «Общественный договоръ».

Этотъ небольшой трактатъ написанъ, несомнѣнно, подъ впечатлѣніемъ «Духа законовъ» Монтескье. Хотя Руссо ссылается на него довольно рѣдко, но постоянно имѣетъ его въ виду и зачастую съ нимъ полемизируетъ. Свое отношеніе къ «Духу законовъ» Руссо прямо опредѣляетъ въ «Эмилѣ», гдѣ говоритъ, что Монтескье ограничился только изложеніемъ положительнаго права установленныхъ государственныхъ формъ, и что задача его, Руссо, изобразить самые принципы государственнаго права.

«Человѣкъ родится свободнымъ,—начинаетъ Руссо свое разсужденіе,—а между тѣмъ вездѣ онъ въ цѣпяхъ!» По какому праву существуетъ такое рабство? Оно не можетъ быть основано ни на естественныхъ условіяхъ, ни на искусственномъ договорѣ. Его нельзя основать ни на принципѣ родительской власти, ни на правѣ сильнаго. Единственнымъ основаніемъ законной власти между людьми можетъ служить заключенный ими договоръ, но и этотъ договоръ не можетъ состоять въ отчужденіи однимъ лицомъ своей свободы въ пользу другого. Такой естественный договоръ, лежащій въ основѣ всякаго общества и государства, преслѣдуетъ совсѣмъ другую цѣль. Его задача «найти такую форму союза, которая бы всей полнотой общей силы защищала и охраняла личность и имущество каждаго члена союза, и при помощи которой каждый, соединяясь со всѣми остальными, повиновался бы, однако, только самому себѣ и оставался бы такимъ же свободнымъ, какъ и раньше». Эта цѣль будетъ достигнута, если каждый гражданинъ, вступая въ союзъ, откажется всецѣло отъ всѣхъ своихъ правъ въ пользу общества. Если бы отдѣльныя лица сохранили за собой часть своихъ правъ, то это скоро могло бы привести къ анархіи. Между тѣмъ «полное отчужденіе» всѣхъ правъ приводитъ къ полному равенству гражданъ и вмѣстѣ съ тѣмъ гарантируетъ и сохраненіе свободы, ибо, подчиняясь общей волѣ, гражданинъ подчиняется только самому себѣ, такъ какъ онъ самъ является участникомъ этой общей воли. Цѣлью государственнаго союза является общее благо, и эта возвышенная цѣль даетъ возможность соединить разрозненныя воли отдѣльныхъ гражданъ въ одну общую волю. Общая воля гражданъ и есть верховная власть во всякомъ государствѣ. Нечего бояться тиранніи этой общественной воли. Разъ суверенный народъ, которому, согласно договору, принадлежитъ вся полнота правъ, состоитъ изъ отдѣльныхъ лицъ, у него нѣтъ и не можетъ быть интересовъ, противоположныхъ интересамъ этихъ лицъ. Поэтому нѣтъ на-

добности, чтобы подданные имѣли какія - либо гарантіи по отношенію къ верховной власти, такъ какъ тѣло не можетъ хотѣть вредить своимъ членамъ.

Народный суверенитетъ.

Верховная власть не можетъ быть отчуждаема или представляема, такъ какъ можно передавать только власть, а не волю, и всякая передача общей воли есть подмѣна ея частной, т.-е. разрушеніе самого общества. Народъ - самодержецъ можетъ быть представленъ только самимъ собой. Народъ можетъ выбирать депутатовъ, но они никогда не будутъ его представителями: они только его приказчики (commissaires) и ничего не могутъ рѣшить окончательно. «Англійскій народъ воображаетъ себя свободнымъ, но жестоко ошибается: онъ свободенъ только во время избранія членовъ парламента; но едва только они уже избраны, онъ дѣлается рабомъ, онъ—ничто. Въ короткіе моменты своей свободы онъ пользуется ею такъ, что вполнѣ заслуженно ее теряетъ». По той же самой причинѣ верховная власть недѣлима. Общая воля можетъ быть только одна. Воля какой - нибудь части народа не можетъ имѣть значенія. Поэтому нельзя говорить о раздѣленіи властей. Политики, дѣлящіе верховную власть на отдѣльные элементы, дѣлаютъ изъ нея существо фантастичное, какъ бы составленное изъ отдѣльныхъ кусковъ. «Разсказываютъ, что японскіе фокусники на глазахъ у зрителей разрубаютъ ребенка на части, затѣмъ подбрасываютъ на воздухъ его члены одинъ за другимъ и возвращаютъ его въ свои руки живымъ и невредимымъ. Таковы приблизительно фокусы и нашихъ политиковъ: расчленивъ общественное тѣло чудеснымъ способомъ, достойнымъ ярмарки, они опять соединяютъ его куски неизвѣстно какъ».

Такимъ образомъ, верховная власть неограничена, неотчуждаема, непредставляема и недѣлима. Общая воля, которая въ ней выражается, по существу своему, всегда права, такъ какъ она стремится къ общему благу. Это не значитъ, что народъ-государь не дѣлаетъ ошибокъ. Такія ошибки всегда могутъ произойти, такъ какъ общую волю (volonté générale) слѣдуетъ отличать отъ воли всѣхъ (volonté de tous). Воля всѣхъ есть совокупность частныхъ воль, каждая изъ которыхъ стремится къ своему интересу, и поэтому она можетъ ошибаться. Общая же воля есть то, на чемъ сходятся всѣ частныя воли, и потому она всегда права. Существованіе политическихъ партій и частныхъ союзовъ въ государствахъ не должно допускаться, такъ какъ воля всякой

партіи есть опять-таки частная воля. Только, когда граждане будутъ подавать голосъ каждый за себя, безъ всякаго соглашенія съ другими, можетъ получиться истинное выраженіе общей воли. Но все же Руссо не можетъ не признавать, что рѣшенія народа неизбѣжно будутъ приниматься по большинству голосовъ. Въ такомъ случаѣ меньшинство будетъ подчинять свою волю чужой. Какъ же примирить это съ его основнымъ положеніемъ, что каждый подчиняется только самому себѣ? Руссо пробуетъ устранить противорѣчіе такимъ способомъ. При подачѣ голосовъ у гражданъ спрашиваютъ не то, одобряютъ ли они предложеніе или нѣтъ, а только какова общая воля. Поэтому, подавая свой голосъ, человѣкъ только выражаетъ убѣжденіе, что общая воля такова, какъ онъ ее формулируетъ. Если перевѣсъ окажется на другой сторонѣ, то это значитъ только то, что онъ ошибся въ своемъ опредѣленіи общей воли, и поэтому, соглашаясь теперь съ своими противниками, онъ ничуть не теряетъ своей свободы.

Законодательная и исполнительная власть.

«Въ каждомъ свободномъ дѣйствіи, — говоритъ Руссо, — надо различать моральную и физическую стороны, т.-е. волю, которая опредѣляетъ поступокъ, и силу, которая его осуществляетъ. Сообразно съ этимъ и въ государствѣ надо различать волю или власть законодательную и силу или власть исполнительную. Законодательная власть принадлежитъ самому народу-самодержцу и не можетъ принадлежать никому, кромѣ него, такъ какъ всякій законъ есть выраженіе общей воли. Но народъ самъ не можетъ быть исполнителемъ, и для исполненія законовъ должно существовать правительство, которое, такимъ образомъ, является посредникомъ между народомъ-самодержцемъ и его отдѣльными подданными. Руссо не допускаетъ возможности договора между народомъ и правительствомъ. Договоръ подразумѣваетъ равенство договаривающихся лицъ. Между тѣмъ народъ всегда остается повелителемъ, и правительство обязано повиноваться его приказаніямъ. Правительство является по отношенію къ народу приказчикомъ, обязаннымъ исполнять волю своего государя — народа. Отличаясь отъ верховной власти, воплощающей общую волю, правительство имѣетъ свою частную волю, которая заставляетъ его стремиться къ собственной выгодѣ. Если не обращать вниманія на это стремленіе, то правительство можетъ получить перевѣсъ надъ народомъ, подчинить общую волю своей частной и установить деспотизмъ. Поэтому для охраны свободы необходимо, чтобы

отъ времени до времени народъ собирался самъ собой, и чтобы его собранія открывались двумя предложеніями: 1) угодно ли народу сохранить существующую форму правленія? 2) угодно ли ему оставить исполнительную власть въ рукахъ тѣхъ лицъ, которыя ею въ данное время пользуются? Такимъ образомъ правители всегда должны находиться въ полной зависимости отъ народа, который имѣетъ право ихъ назначать и смѣщать.

Формы правленія.

Такъ какъ, по мнѣнію Руссо, верховная власть въ государствѣ всегда принадлежитъ народу, то и классификація формъ правленія у него отличается отъ общепринятой: въ основу ея онъ кладетъ не то соображеніе, кому принадлежитъ верховная власть, а то, изъ кого состоитъ правительство. Сообразно съ этимъ онъ дѣлитъ государственныя формы на демократіи, аристократіи и монархіи. Каждый образъ правленія имѣетъ свои выгоды и невыгоды. Казалось бы, лучшей формой является демократія, когда исполнителемъ является самъ народъ - законодатель. Но на практикѣ этотъ образъ правленія ведетъ къ большимъ затрудненіямъ. Онъ требуетъ простоты нравовъ, отсутствія рѣзкаго дѣленія общества на богатыхъ и бѣдныхъ и, наконецъ, большаго досуга у гражданъ, чтобы они могли посвящать все свое время дѣламъ правленія. Демократія существовала въ античномъ мірѣ. Граждане могли тамъ посвящать себя государственнымъ дѣламъ, такъ какъ на нихъ работали рабы. «Какъ! — восклицаетъ по этому поводу Руссо, — неужели свобода можетъ существовать только при помощи рабства? Можетъ-быть. Крайности сходятся». Но, очевидно, въ современной жизни, гдѣ нѣтъ рабства, та форма свободы, которая существовала въ античномъ мірѣ, непримѣнима. Вотъ почему Руссо приходитъ къ заключенію, что, если бы существовалъ народъ боговъ, онъ управлялся бы демократически, но что для людей эта совершенная форма не пригодна. Монархическая форма правленія придаетъ правительству силу, твердость и единство, но зло ея заключается въ томъ, что монархъ обыкновенно заботится больше о своей выгодѣ, чѣмъ о пользѣ народа. Кромѣ того, въ избирательной монархіи при перемѣнѣ престола неизбѣжны смуты и безпорядки, а въ наслѣдственной власть всегда можетъ достаться малолѣтнему или неспособному лицу. Аристократія можетъ быть наслѣдственная и выборная. Наслѣдственная аристократія, безспорно, есть самая худшая изъ формъ правленія. Зато выборная аристократія отличается крупными преимуществами. Въ ней народъ, сохраняя за собой законодательную

власть, избираетъ своихъ правителей, и власть достается обыкновенно самымъ способнымъ лицамъ. Благодаря этому выборная аристократія оказывается болѣе осуществимой, чѣмъ демократія, и менѣе опасной, чѣмъ монархія, и является наиболѣе подходящимъ способомъ правленія. Руссо только дѣлаетъ оговорку, что вопросъ о преимуществѣ формы правленія въ каждомъ данномъ случаѣ долженъ рѣшаться въ зависимости отъ цѣлаго ряда условій, въ которыхъ протекаетъ жизнь даннаго народа.

Гражданская религія.

Основнымъ условіемъ прочности государственнаго строя является проведеніе строгаго единства въ его организаціи. Единство было сравнительно легко установить въ древнемъ мірѣ, но въ новое время оно встрѣчаетъ себѣ сопротивленіе въ двойственности церкви и государства. Руссо не можетъ допустить раздѣленія властей свѣтской и духовной. Не удовлетворяетъ его и даже подчиненіе церкви государству. Съ точки зрѣнія полновластія народа-самодержца онъ требуетъ полнаго сліянія обѣихъ властей. Народъ-самодержецъ долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и религіознымъ законодателемъ. Какую же религію слѣдуетъ предписать гражданамъ? Старыя языческія религіи, конечно, для этого непригодны, такъ какъ онѣ являются для насъ заблужденіемъ и обманомъ. Не годится для этого и католицизмъ, такъ какъ онъ признаетъ двѣ власти, два законодательства, два отечества. Кромѣ того, онъ проникнутъ фанатизмомъ и нетерпимостью. Нельзя основать общество и на чистой морали евангельскаго христіанства. Христіанство отстраняетъ отъ себя всякое отношеніе къ политическимъ вопросамъ, отрѣшаетъ людей отъ всего земного, отечество христіанъ не отъ міра сего, не на землѣ, а на небѣ. Поэтому необходимо, чтобы верховная власть установила чисто-гражданское исповѣданіе вѣры. Верховная власть можетъ требовать отъ гражданъ всего, что необходимо для общественнаго блага, и потому должна предписать имъ извѣстные догматы, необходимые для общежитія, предоставляя имъ въ остальныхъ вопросахъ вѣровать, какъ имъ подсказываетъ ихъ совѣсть. Принудить къ вѣрѣ нельзя никого, но всякій невѣрующій долженъ быть изгнанъ изъ государства, не какъ безбожникъ, а какъ человѣкъ, не исполняющій предписанія закона и потому непригодный къ общественной жизни. «Если же кто-нибудь, признавъ публично эти догматы, ведетъ себя такъ, какъ будто въ нихъ не вѣритъ, то онъ долженъ быть наказанъ смертью: онъ совершилъ величайшее изъ преступленій, онъ солгалъ предъ

законами». Положительные догматы этой религіи состоятъ въ вѣрѣ въ Бога, въ загробную жизнь и въ загробное воздаяніе, въ святость общественнаго договора и законовъ. Отрицательные исчерпываются однимъ — запрещеніемъ нетерпимости. Поэтому всякій, кто скажетъ, что внѣ церкви нѣтъ спасенія, долженъ быть изгоняемъ изъ государства.

Значеніе Руссо.

Таково въ своихъ основныхъ чертахъ политическое міросозерцаніе Руссо. Отрицательно относясь къ современному строю, основанному на деспотизмѣ и соціальномъ неравенствѣ, онъ хочетъ положить въ основу государства будущаго — свободу и равенство. Но подъ свободой онъ подразумѣваетъ совсѣмъ не то, что Монтескье. Это не отмежевываніе извѣстной сферы дѣятельности человѣка, въ которую не смѣетъ вторгаться государственная власть, а непосредственное участіе гражданина во власти. Поэтому ему и не нужны гарантіи противъ народнаго постановленія, поэтому онъ признаетъ народный суверенитетъ неограниченнымъ, недѣлимымъ и непередаваемымъ. Подмѣнивъ свободу народа властью народа, онъ требуетъ во имя народнаго блага радикальныхъ соціальныхъ преобразованій и проведенія принципа полнаго равенства гражданъ, но въ то же время дѣлаетъ личность совершенно безправной предъ народомъ - самодержцемъ и лишаетъ ея даже такого неотъемлемаго права, какъ свободы совѣсти. Этотъ демократическій деспотизмъ, деспотизмъ всемогущаго народа - самодержца, — характерная черта стремленій демократическихъ слоевъ французскаго общества послѣдней трети VIII вѣка, и Руссо съ своимъ страстнымъ языкомъ и неумолимой послѣдовательностью разсужденій, не останавливавшейся ни передъ какими выводами, хотя бы для торжества демократіи приходилось признавать существованіе рабства, а для торжества свободы совѣсти каратъ изгнаніемъ и смертной казнью несогласно мыслящихъ, является настоящимъ духовнымъ отцомъ и пророкомъ демократовъ 1793 года, вѣрившихъ въ его «Общественный договоръ», какъ въ новое евангеліе.

Руссо, несомнѣнно, самый оригинальный политическій мыслитель второго поколѣнія «просвѣтителей». Но его теорія, какъ ни сильно дѣйствовала она на радикально настроенное общество, оказывалась слишкомъ трудно примѣнимой на практикѣ. Объ истинной демократіи даже онъ самъ сказалъ, что она возможна только у боговъ, такъ какъ народъ не можетъ отдавать все свое время дѣламъ правленія. Но и выборная аристократія съ ея по-

стоянными собраніями народа-суверена трудно осуществима въ жизни. Вдобавокъ, легко устроить народное собраніе въ республикѣ въ нѣсколько тысячъ жителей, но какъ его созвать въ странѣ, гдѣ населеніе превышаетъ 20 милліоновъ? Съ другой стороны, политическій идеалъ Монтескье, отличавшійся бо́льшей практичностью и осуществимостью, тоже не могъ удовлетворить общественное настроеніе своимъ аристократизмомъ и консерватизмомъ.

Мабли. Задачу примирить ученіе Руссо съ ученіемъ Монтескье и выработать изъ высказанныхъ ими принциповъ нѣчто среднее, что могло быть немедленно примѣнено къ жизни, осуществилъ третій писатель, *Мабли* (1709—1785). Мабли былъ писателемъ очень плодовитымъ и въ противоположность Монтескье и Руссо не сконцентрировалъ своихъ политическихъ идей въ одномъ какомъ-нибудь произведеніи, а разсѣялъ ихъ въ цѣломъ рядѣ трактатовъ. Главными его произведеніями были: «Considérations sur l'histoire de la France», «Entretiens de Phocion», «Doutes sur l'ordre naturel des sociétés politiques», «De la législation ou principes des lois», «Des droits et des devoirs des citoyens» и другія.

По своему міросозерцанію Мабли скорѣе моралистъ, чѣмъ политикъ, и исходнымъ пунктомъ его разсужденій является мысль о моральномъ перевоспитаніи человѣчества. Онъ считаетъ свободное развитіе страстей несовмѣстимымъ съ общественнымъ благомъ и требуетъ принесенія ихъ въ жертву высшимъ принципамъ. Самая злая и вредная изъ страстей, несомнѣнно, жадность, и единственное средство уничтожить «этого вѣчнаго врага равенства» Мабли видитъ въ уничтоженіи частной собственности и установленіи коммунистическаго строя. Но при современномъ состояніи человѣчества этотъ идеалъ неосуществимъ. Людей нужно для него подготовить соотвѣтственнымъ законодательствомъ и государственнымъ порядкомъ. Мабли и старается показать, каковъ долженъ быть этотъ порядокъ.

Критика чистой демократіи. Какъ и Руссо, онъ хочетъ построить государственный порядокъ на свободѣ и равенствѣ, этихъ высшихъ «дарахъ природы» человѣку. Источникомъ верховной власти и онъ признаетъ народъ. Народъ всегда имѣетъ неотъемлемое право измѣнять существующій образъ правленія. Ему поэтому должна цѣликомъ принадлежать главная власть въ государствѣ — законодательная. Смѣшно ожидать справедливыхъ и разумныхъ законовъ въ монар-

хіи или аристократической республикѣ, ибо и монархъ и аристократія всегда будутъ стремиться къ осуществленію своихъ частныхъ выгодъ. Народъ только тогда будетъ уважать свои законы, когда онъ самъ будетъ своимъ собственнымъ законодателемъ. Но признавая, такимъ образомъ, принципъ народнаго верховенства, Мабли не дѣлаетъ заключенія о его неограниченности. По его мнѣнію, у каждаго гражданина и послѣ образованія государства остаются права, и за каждымъ участникомъ общественнаго договора онъ признаетъ неотъемлемымъ право подвергать законы критикѣ и не повиноваться несправедливымъ законамъ.

Руссо признавалъ верховную власть непередаваемой, въ народныхъ представителяхъ видѣлъ простыхъ приказчиковъ народа-самодержца и требовалъ непосредственнаго народовластія. Мабли не довѣряетъ чистой демократіи и думаетъ, что представительная система единственное средство обезпечить политическую свободу. Когда народъ самъ издаетъ законы, ему ничего не стоитъ относиться къ нимъ съ презрѣніемъ. Въ «чистой демократіи» каждый гражданинъ можетъ предлагать свои фантазіи, чтобы превращать ихъ въ законы. Всѣ дѣла будутъ рѣшаться въ безразсудномъ порывѣ. «Народъ знаетъ, что ему въ дѣйствительности принадлежитъ верховная власть, и у него всегда будутъ угодники и льстецы, а, слѣдовательно, всѣ предразсудки и пороки деспота». Демократія сообщаетъ иногда душѣ героическія стремленія, но при отсутствіи просвѣщенія главными движущими силами въ ней всегда будутъ оставаться страсти и предразсудки. Вотъ почему «въ демократіи на общественной площади создаются декреты столь же несправедливые и нелѣпые, какъ и въ Диванѣ».

„Республиканская монархія“.

Поэтому законодательная власть должна быть передана собранію народныхъ представителей. Какъ послѣдователь принципа равенства, Мабли отвергаетъ наслѣдственную аристократическую палату и довольствуется единымъ представительнымъ собраніемъ. Но чтобы гарантировать собраніе отъ увлеченій, онъ находитъ нужнымъ обставить его дѣятельность разными формальностями и установить, чтобы депутаты получали отъ своихъ избирателей соотвѣтствующія инструкціи, которыя бы опредѣляли ихъ поведеніе въ законодательномъ собраніи. Недовѣріе его къ непосредственному народовластію такъ велико, что, при всей своей преданности принципу равенства, онъ совѣтуетъ даже предоставлять

политическія права однимъ земельнымъ собственникамъ. Руссо высказывался противъ дѣлимости суверенитета, смѣялся надъ теоріей раздѣленія властей и въ исполнительной власти видѣлъ не самостоятельный органъ, а приказчика власти законодательной. Мабли и въ этомъ отношеніи высказывается противъ его теоріи. Онъ является горячимъ поклонникомъ раздѣленія властей и развиваетъ дальше ученіе Монтескье по этому вопросу. Уже Монтескье косвенно содѣйствовалъ распространенію республиканской идеи: онъ призналъ за республикой высшій принципъ (добродѣтель), чѣмъ за монархіей (честь), называлъ королевскую власть просто исполнительной, принижалъ ее, такимъ образомъ, передъ властью законодательной и подчеркивалъ необходимость недовѣрія къ королевскимъ совѣтникамъ. Чѣмъ дальше развивалось оппозиціонное настроеніе французскаго общества, тѣмъ больше замѣчалось недовѣріе къ королевской власти и стремленіе установить во Франціи «республиканскую монархію». Такое стремленіе сильно чувствуется у Мабли. Въ противоположность Монтескье онъ не одобряетъ англійской конституціи и доказываетъ, что въ ней нѣтъ настоящаго равновѣсія властей. Права монарха въ Англіи слишкомъ обширны, и онъ имѣетъ большой перевѣсъ надъ парламентомъ, такъ какъ онъ его созываетъ, отсрочиваетъ и распускаетъ, а своимъ veto можетъ помѣшать изданію любого закона. Благодаря своей безотвѣтственности онъ можетъ дѣлать, что угодно, и отвѣтственность министровъ не можетъ спасти общество отъ его произвола. Гораздо больше нравится Мабли шведская конституція, по которой король лишенъ права вмѣшиваться въ законодательство и даже въ области исполнительной власти поставленъ подъ опеку сената. По мнѣнію Мабли, монархъ совсѣмъ не долженъ имѣть никакихъ правъ въ области законодательства, и законодательное собраніе должно быть совершенно независимо отъ его воздѣйствія. Но и исполнительная власть не должна быть цѣликомъ сосредоточена въ рукахъ монарха, такъ какъ это давало бы ему постоянные поводы къ захватамъ. Судъ долженъ быть совершенно независимъ отъ администраціи, а полиція должна подчиняться суду. Управленіе финансами надо поручить лицамъ, выбираемымъ изъ среды законодательнаго собранія. Въ арміи офицеры должны быть выборными, и монарху должно принадлежать только право верховнаго надзора и команды во время войны. Иностранными дѣлами монархъ долженъ руководить при помощи особаго совѣта, при чемъ право войны и мира должно

принадлежать законодательному собранію. Спрашивается, да нужна ли вообще при такихъ условіяхъ власть монарха, и не проще ли установить прямо республиканскій порядокъ? Мабли этого не думаетъ. Въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, сохраненіе монархіи еще необходимо. Она даетъ возможность сохранять равенство между аристократическими фамиліями, держитъ ихъ въ подчиненіи и предохраняетъ, такимъ образомъ, государство отъ тиранніи. Мало того, въ сочиненіи, написанномъ въ отвѣтъ на обращеніе къ нему поляковъ за совѣтами (Du gouvernement et des lois de la Pologne), онъ не только не желаетъ уничтоженія въ Польшѣ королевской власти, а даже совѣтуетъ усилить ее и сдѣлать наслѣдственной.

Исторія Франціи.

Свою политическую теорію Мабли счелъ необходимымъ примѣнить къ исторіи Франціи и въ своихъ «Observations sur l'histoire de France» показать, что его политическій идеалъ оправдывается прошлымъ страны. Изъ «Германіи» Тацита онъ заимствуетъ описаніе учрежденій древнихъ франковъ, переводя при этомъ его изображеніе на языкъ французскаго общества XVIII вѣка и приходя поэтому къ заключенію, что франки пользовались неограниченной свободой. Въ сверженіи послѣдняго Меровинга Пипиномъ Короткимъ онъ видитъ не что иное, какъ примѣненіе принципа народнаго верховенства. Но настоящимъ героемъ французской исторіи въ его глазахъ является Карлъ Великій — «философъ, законодатель, патріотъ и завоеватель одновременно», котораго онъ изображаетъ въ видѣ «республиканскаго монарха» своей теоріи и которому приписываетъ созданіе правильнаго народнаго представительства. Въ дальнѣйшей исторіи онъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдитъ за возникновеніемъ и развитіемъ генеральныхъ штатовъ, хотя и признаетъ въ нихъ лишь слабое подобіе законодательныхъ собраній Карла Великаго. На возстановленіе генеральныхъ штатовъ онъ возлагаетъ свои надежды въ будущемъ и первый изъ современниковъ открыто высказывается о необходимости ихъ созыва.

Значеніе Мабли.

Въ своей политической теоріи Мабли былъ эклектикомъ. Его ученіе не оригинально и составлено изъ принциповъ, заимствованныхъ у Монтескье и Руссо. Тѣмъ не менѣе оно пользовалось среди современниковъ большимъ успѣхомъ. Съ одной стороны, онъ упрощалъ и облегчалъ примѣненіе на практикѣ демократическихъ принциповъ Руссо, съ другой—старался обезпечить личную свободу гражданина ограниченіемъ правъ суверреннаго народа.

и раздѣленіемъ властей. Такое стремленіе построить государственный порядокъ на свободѣ и равенствѣ и въ то же время нѣкоторое недовѣріе къ непосредственному народовластію были характерными чертами настроенія французскаго общества передъ революціей, и въ опытѣ созданія «республиканской монархіи» при помощи конституціи 1791 года нельзя не видѣть вліянія ученія Мабли.

В. Бутенко.

Общественныя теоріи XVIII вѣка.

Выдѣляя общественныя ученія какого-либо историческаго момента въ обособленную группу, мы уже тѣмъ самымъ признаемъ, что подъ всѣми видимыми ихъ различіями лежитъ нѣчто общее, характерное именно для даннаго момента. Это общее — единство жизненныхъ впечатлѣній. Какъ ни различно оцѣниваютъ теоретики окружающую ихъ общественную жизнь, какъ ни кажутся иной разъ абстрактными ихъ построенія, она — эта самая жизнь — служитъ всегда и направляющей силой ихъ критики, и конкретной основой ихъ отвлеченныхъ разсужденій. Есть и еще одинъ общій элементъ — традиція, т.-е. совокупность научныхъ, философскихъ, религіозныхъ положеній, составляющихъ какъ бы духовное наслѣдіе предыдущихъ поколѣній, общій умственный багажъ всѣхъ мыслителей эпохи. Пользуясь этимъ наслѣдствомъ, какъ готовымъ матеріаломъ, общественная мысль или перерабатываетъ его въ духѣ новаго времени, если оно можетъ быть приспособлено къ его запросамъ, или отвергаетъ, какъ нѣчто, совершенно устарѣлое. Вліянія традиціи не слѣдуетъ игнорировать даже въ послѣднемъ случаѣ: оно всегда сказывается въ заимствованіи то какого-либо частнаго элемента старой системы, то ея общаго плана, по которому располагается новый матеріалъ. Но все же не традиція, а жизнь даетъ всякому общественному ученію то, что въ немъ есть индивидуально-цѣннаго; не общія черты традиціи, но общіе жизненные мотивы придаютъ интересъ и значеніе ихъ группировкѣ по эпохамъ.

Пособія: *Випперъ,* Общественныя ученія и историческія теоріи 18 и 19 вв.; *Lichtenberger,* Le socialisme an XVIII siecle; *Guerrier,* L'abbe de Mably; *Жоресъ,* Исторія французской революціи т. I; *Тэнъ,* Происхожденіе современной Франціи, т. I; *Ковалевскій,* Происхожденіе современной демократіи, т. I, ч. 3. *Wollters,* Studica ü. Agrarzustände u. Agrarproblem, *h. Blanc,* Histoire de la Revolution franzaise, I. Изъ источниковъ въ русскомъ переводѣ имѣется *Руссо,* о происхожденіи неравенства.

Общественный строй Франціи XVIII вѣка представляетъ собой соединеніе элементовъ отживающаго средневѣковаго и уже прочно утвердившагося, хотя и не побѣдившаго окончательно, буржуазнаго порядка. На ряду съ цеховыми корпораціями и вопреки имъ развивается крупная промышленность королевскихъ и привилегированныхъ мануфактуръ, развиваются новыя отрасли промышленнаго производства, съ самаго своего возникновенія свободныя отъ цеховыхъ узъ. Создаются крупные капиталы, рабочія руки концентрируются въ большихъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Несмотря на многочисленныя таможенныя перегородки, быстро растетъ внутренняя и внѣшняя торговля, растутъ, перестраиваются и укрѣпляются большіе города. Все болѣе кричащей становится роскошь зажиточныхъ классовъ, особенно подымающейся буржуазіи: откупщиковъ, государственныхъ поставщиковъ, крупныхъ торговцевъ и фабрикантовъ, за которыми тянется постепенно бѣднѣющее и продающее свои земли дворянство. Все больше скопляется въ городахъ рабочей и тщетно ищущей заработка бѣдноты. Сельскіе ремесленники попадаютъ все въ большую зависимость отъ скупщиковъ-капиталистовъ. Капиталистическій духъ, проникшій уже давно въ рамки цехового ремесла, дѣлаетъ тамъ все новыя и новыя завоеванія. Съ другой стороны, средневѣковый духъ регламентаціи и монополіи, еще настолько силенъ, что распространяетъ свое вліяніе и за предѣлами корпорацій. Королевская власть считаетъ своей обязанностью постоянно вмѣшиваться въ ходъ производства, регламентируя и условія труда и качество продукта.

Тоже и въ сельскомъ хозяйствѣ. На землѣ еще лежатъ многочисленные феодальные оброки и барщины, мобилизацію земли стѣсняетъ неясность правъ собственности, сеньеръ обладаетъ монополіями, мѣшающими свободному развитію производства, его юрисдикція даетъ ему возможность въ иныхъ случаяхъ смотрѣть на крестьянъ все еще какъ на своихъ подданныхъ, коегдѣ есть даже и крѣпостное право.

Между тѣмъ въ крестьянствѣ еще писателями XVII вѣка отмѣчается значительная дифференціація. Зарождается новый классъ фермеровъ-капиталистовъ и образуется контингентъ безземельныхъ сельскихъ рабочихъ. Вторая половина царствованія Людовика XIV—конецъ XVII и начало XVIII вѣка—эпоха критическая для французской деревни, истощенной какъ внѣшней, такъ и внутренней политикой короля-солнца, эпоха общаго упадка

сельскаго хозяйства. Этотъ упадокъ тяжело отражается на капиталистическомъ развитіи деревни: фермеры капиталистическаго типа исчезаютъ, находя невыгоднымъ помѣщать капиталы въ деревнѣ, спросъ на рабочія руки сокращается. Массы сельскаго пролетаріата и бѣднаго, недостаточно обезпеченнаго землею, крестьянства превращаются въ босяковъ, нищихъ, разбойниковъ. Въ описаніи деревни этой эпохи нѣтъ буквально ни одной свѣтлой черты. Въ теченіе XVIII вѣка деревня нѣсколько оправляется. Снова появляются крупные фермеры и рабочій пролетаріатъ, крестьянство понемногу скупаетъ дворянскія земли, общій жизненный уровень повышается. Но еще въ самомъ концѣ XVIII в., въ эпоху революціи, въ деревнѣ масса нищаго безработнаго люда, не находящаго себѣ мѣста въ экономической системѣ, лишняго въ сельскомъ хозяйствѣ и еще не нужнаго въ индустріи.

Вполнѣ естественно, что не столько старыя и привычныя общественныя формы, сколько новыя и возникающія иной разъ, такъ сказать, на глазахъ, поражали умъ и воображеніе современниковъ. Читая нѣкоторыхъ изъ общественныхъ мыслителей XVIII вѣка, можно иногда совсѣмъ забыть, что это пишетъ человѣкъ, живущій еще среди остатковъ феодальнаго строя. Не вопросъ о феодальной собственности, о корпоративныхъ привилегіяхъ, а вопросъ о собственности вообще они ставятъ, о ея происхожденіи и законности, о преимуществахъ крупной и мелкой собственности. Не сословныя перегородки они осуждаютъ, а имущественное неравенство, чрезмѣрное богатство однихъ и нищету другихъ. У тѣхъ, кто касается феодальнаго строя, вопросы этого порядка или включаются въ вопросы болѣе широкіе, о соціальномъ строѣ вообще, или рѣшаются въ зависимости отъ того, какъ авторы отвѣчаютъ на наиболѣе важный для нихъ вопросъ о достоинствахъ и недостаткахъ буржуазнаго порядка, основаннаго на неограниченномъ господствѣ частной собственности и свободной игрѣ экономическихъ силъ. Послѣдній интересуетъ всѣхъ безъ исключенія.

Поэтому наиболѣе удобной классификаціей общественныхъ теорій XVIII вѣка будетъ такая, въ основу которой положено ихъ отношеніе къ буржуазному прогрессу. Если мы примемъ во вниманіе, кромѣ того, положительныя программы критиковъ буржуазнаго прогресса, то получимъ четыре группы: 1) идеологи буржуазнаго прогресса, 2) критики буржуазнаго прогресса — сторонники стараго сословнаго строя, 3) критики буржуазнаго прогресса —

сторонники демократіи мелкихъ собственниковъ, 4) соціалисты. Разумѣется, это дѣленіе нѣсколько грубо, одна группа переходитъ въ другую иногда путемъ едва замѣтныхъ оттѣнковъ мысли. Но оно необходимо, какъ предварительное указаніе главныхъ ея направленій.

I.

Теорія естественнаго права.

Одну изъ характернѣйшихъ чертъ почти всѣхъ общественныхъ ученій XVIII вѣка составляетъ унаслѣдованная отъ политическихъ писателей XVII вѣка *теорія естественнаго права.* Въ основѣ этой теоріи лежитъ представленіе о человѣкѣ вообще, свободномъ отъ всего того, что ему дали прогрессъ культуры и развитіе общественныхъ учрежденій. У такого отвлеченнаго человѣка есть извѣстныя наклонности и потребности. И съ этими потребностями, данными природой, неизбѣжно связано право на ихъ удовлетвореніе. Оно присуще человѣку внѣ всякой зависимости отъ постановленій писаннаго права, его санкція въ самой природѣ человѣка. Такъ получается на ряду съ системой писаннаго права система права естественнаго. Первое можетъ согласоваться со вторымъ, можетъ и не согласоваться.

Въ дальнѣйшемъ развитіи теоріи возможны два ея толкованія. Можно разсматривать ее просто, какъ гипотезу, удобную для теоретическаго анализа нормъ положительнаго права. Но можно вложить въ нее нѣчто большее, отождествивъ понятія естественности и справедливости. Тогда естественное право превращается въ форму выраженія правового идеала, въ совокупность идеальныхъ нормъ, а выраженіе «естественный порядокъ» становится равнозначущимъ «идеальному порядку». Само собой разумѣется, что содержаніе, вкладываемое въ эти формы, можетъ быть въ высшей степени разнообразнымъ, въ зависимости отъ того, какія свойства признать въ человѣкѣ естественными.

Наконецъ, послѣдній этапъ въ развитіи теоріи состоитъ въ томъ, что естественный порядокъ, сохраняя свои черты идеала, находитъ себѣ мѣсто въ исторіи человѣческаго общества и, сообразно съ первоначальнымъ значеніемъ слова «естественный», фиксируется, какъ ея исходный пунктъ, какъ нѣчто предшествующее организаціи общественнаго союза. Такимъ образомъ естественное состояніе противополагается состоянію соціальному, а естественный человѣкъ изъ человѣка вообще превращается въ первобытнаго человѣка — въ дикаря.

Теорія естественнаго права была очень удобна для борьбы съ установившимися, традиціонными отношеніями, какъ политическими, такъ и соціальными. Но въ этихъ предѣлахъ она годилась для самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Стоитъ допустить, что естественный порядокъ — неограниченное господство частной собственности и полная свобода экономической дѣятельности, — и она превращается въ апологію буржуазнаго строя, въ критику всевозможныхъ монополій и стѣсненій промышленнаго труда, столь распространенныхъ при старомъ порядкѣ. Наоборотъ, представимъ себѣ естественный порядокъ въ видѣ отсутствія частной собственности, общности земли, всеобщаго равенства — и мы получимъ теорію, если не соціалистическую, то во всякомъ случаѣ враждебную общественному неравенству, неизбѣжному результату того же самаго буржуазнаго строя. При неопредѣленности понятія «естественный человѣкъ» и то и другое допущеніе одинаково возможны. И дѣйствительно, въ XVIII вѣкѣ мы можемъ наблюдать оба эти направленія.

Физіократы.

Наиболѣе видные представители перваго — *физіократы*, группа писателей экономистовъ, выступившихъ въ литературѣ приблизительно въ серединѣ вѣка. Личная собственность или свобода, движимая собственность и земельная собственность — таковы, по ихъ теоріи, естественныя права человѣка. Общественная организація и власть необходимы для ихъ обезпеченія. Слѣдовательно, соціальное состояніе — не нарушеніе естественныхъ законовъ, а, наоборотъ, ихъ неизбѣжное развитіе. Между естественнымъ порядкомъ и общественнымъ нѣтъ рѣзкой грани.

Единственная цѣль законодателя — охрана естественныхъ правъ. Все, что вытекаетъ изъ нихъ, справедливо и соотвѣтствуетъ общественнымъ интересамъ. Неравенство лишь тогда достойно осужденія, когда оно обусловлено не природой собственности, а какими-либо искусственными мѣрами. *Экономическій прогрессъ — необходимое условіе развитія человѣчества*; о немъ надо заботиться — все остальное приложится. А для экономическаго прогресса необходима полная свобода сельскаго хозяйства, промышленности и торговли. Пусть концентрируется земля въ рукахъ крупныхъ фермеровъ, пусть накопляются капиталы — все это повышаетъ производительность и потому полезно.

Естественный порядокъ — логическое слѣдствіе естественныхъ качествъ человѣка. Слѣдовательно, для его осуществленія достаточно сдѣлать его общеизвѣстнымъ. Всякій, зная истину, неиз-

бѣжно ей покорится. Вся задача тѣхъ, кто уже постигъ ее, сводится къ проповѣди, раскрывающей глаза другимъ, къ *просвѣщенію* людей. Съ другой стороны, источникъ всѣхъ общественныхъ золъ — невѣжество.

Такъ теорія естественнаго права связывается у физіократовъ съ чисто-идеалистическимъ взглядомъ на ходъ историческаго развитія. Въ этомъ отношеніи они — типичные представители просвѣтительной философіи, выразители идей, господствующихъ въ средѣ французской интеллигенціи ихъ эпохи. Несмотря на то, что большинство французскихъ философовъ XVIII вѣка — сторонники матеріалистическаго міросозерцанія, въ философіи исторіи они остаются идеалистами. Прогрессъ науки, накопленіе знаній, ихъ распространеніе, ихъ утилизація — вотъ что для нихъ наиболѣе цѣнно въ исторіи. Съ этой точки зрѣнія и рисуютъ они картину прошлаго человѣчества. Вполнѣ естественно, что при этомъ развитіе разума выдвигается на первый планъ и изображается, какъ истинный и единственный двигатель исторіи. Первое поколѣніе просвѣтителей настроено пессимистически. Вольтеру все прошлое представляется въ чрезвычайно мрачныхъ краскахъ, въ настоящемъ онъ отмѣчаетъ лишь нѣкоторое слабое просвѣтлѣніе разума, будущее отнюдь не внушаетъ ему особенно смѣлыхъ ожиданій. Этотъ пессимизмъ вполнѣ понятенъ: слишкомъ одинокой и безсильной должна была чувствовать себя эта группа интеллигентныхъ людей среди окружающаго ихъ мрака невѣжества и суевѣрія. Физіократы, наоборотъ, большіе оптимисты, они вполнѣ увѣрены въ близкомъ торжествѣ просвѣщенія и осуществленіи своихъ идеаловъ. И можно сказать съ увѣренностью, что ихъ оптимизмъ тѣсно связанъ съ тѣмъ подъемомъ буржуазіи, тѣмъ буржуазнымъ прогрессомъ, который они замѣчали въ окружающей ихъ дѣйствительности и который они идеализировали въ своихъ произведеніяхъ.

Общественная теорія физіократовъ — сплетеніе старой теоріи естественнаго права съ новымъ по существу ученіемъ объ экономическомъ прогрессѣ, какъ основномъ условіи прогресса вообще, — ученіемъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствующимъ настроенію поднимающейся буржуазіи. Но задача ихъ — не историческая. Ихъ занимаетъ, главнымъ образомъ, теоретическое оправданіе буржуазнаго хозяйства, доказательство его правъ на существованіе и покровительство. Представить буржуазный порядокъ, какъ порядокъ естественный и разумный — вотъ что для нихъ важно.

Поэтому старое въ ихъ теоріи общества больше бросается въ глаза, чѣмъ новое *).

Барнавъ.

Только въ эпоху революціи, когда самосознаніе буржуазіи достигаетъ полнаго развитія, находимъ мы писателя, который, совершенно отбрасывая теорію естественнаго права, воспринимаетъ зародышъ новой теоріи, имѣющійся у физіократовъ, и кладетъ его въ основу своей философіи исторіи. Этотъ писатель — *Барнавъ*, извѣстный дѣятель Учредительнаго Собранія. Физіократы — теоретики, расчищающіе путь для грядущаго торжества буржуазнаго строя; въ лицѣ Барнава, буржуазія, поднявшаяся изъ ничтожества и побѣдившая благодаря экономическому прогрессу, оглядывается на пройденный путь и старается уяснить себѣ его послѣдовательные этапы.

Теорія Барнава въ высшей степени интересна, какъ первая и единственная въ XVIII вѣкѣ попытка матеріалистическаго истолкованія исторіи. *Всѣ историческіе перевороты сводятся у него къ перемѣнамъ въ способахъ производства, отъ которыхъ непосредственно зависятъ формы собственности. Распредѣленіе собственности, въ свою очередь — основа распредѣленія власти.* Хозяйственнымъ прогрессомъ объясняется не только эволюція политическихъ учрежденій, но даже такіе факты, какъ религіозная реформація XVI вѣка.

Цѣль Барнава—выясненіе общихъ причинъ революціи. Его работа такъ и называется: «Введеніе во французскую революцію». Но начинаетъ онъ издалека, съ первобытнаго человѣчества.

Первобытный человѣкъ живетъ охотой; собственность его очень ограничена: лукъ и стрѣлы, убитая дичь. Все же зачатки политическихъ учрежденій уже существуютъ. Равенство благопріятствуетъ демократіи; но намѣчается и монархическій принципъ — власть вождя во время сраженія. Люди, обладающіе бо́льшими знаніями, чѣмъ масса, образуютъ аристократію старцевъ, жрецовъ, прорицателей и т. п. Умственная аристократія, такимъ образомъ, предшествуетъ военной.

Переходъ ко второму періоду исторіи человѣчества отмѣчается смѣной охоты скотоводствомъ; эту смѣну вызываетъ ростъ населенія. Въ этотъ періодъ собственность имѣетъ уже большое значеніе: различіе въ величинѣ стадъ иногда очень велико. Она начинаетъ оказывать вліяніе на учрежденія. Для охраны богатствъ

*) Болѣе подробно о физіократахъ см. ст. Борового.

необходима сильная власть, — и въ обществѣ, живущемъ скотоводствомъ, иногда возникаетъ деспотія. Власть захватываютъ обыкновенно богатые, а пользованіе властью еще увеличиваетъ ихъ богатство. Но ростъ населенія и потребностей вызываетъ новый переворотъ — заставляетъ перейти къ земледѣлію.

Для земледѣлія необходима земельная собственность; происходитъ раздѣлъ земли, при чемъ о естественномъ равенствѣ нѣтъ болѣе и рѣчи. Ясно, что лица, обладающія властью, и тѣ, у кого больше скота, захватываютъ себѣ больше земли. Если даже допустить, что въ иныхъ случаяхъ происходилъ равный раздѣлъ, равенство не могло продолжаться долго. Всякая небрежность собственника или несчастная случайность: неурожай, падежъ скота заставляютъ его прибѣгать къ займамъ у болѣе богатаго сосѣда, а задолженность, въ концѣ-концовъ, ведетъ къ рабству. Разбросанные по разнымъ деревнямъ и невѣжественные, благодаря непрерывному и однообразному труду, бѣдняки не могутъ бороться. Образуется мощная земельная аристократія. Торговля еще недостаточно развита и между частями страны нѣтъ постоянной, прочной связи. Центральной власти трудно поддерживать единство, тѣмъ болѣе, что отсутствіе капиталовъ затрудняетъ сборъ податей. Поэтому, пока единственнымъ богатствомъ остается земля, длится господство аристократіи.

Конецъ его наступаетъ лишь съ развитіемъ мануфактуръ и торговли. Правда, аристократическія учрежденія могутъ задерживать развитіе индустріи. Но въ концѣ-концовъ *политическія учрежденія всегда приспособляются къ экономическимъ условіямъ, а не наоборотъ.* Индустрія и торговля — источники обогащенія для новыхъ классовъ населенія, а *новое распредѣленіе богатствъ ведетъ къ новому распредѣленію власти.* Общины, скопившія богатства, выкупаютъ свою свободу, а затѣмъ и часть земель аристократіи, въ корнѣ расшатывая этимъ ея могущество. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ измѣненіе и въ государственномъ строѣ. Въ небольшихъ государствахъ народъ оказывается уже достаточно сильнымъ, чтобы захватить власть и основать республики; въ большихъ онъ лишь помогаетъ монархіи справиться съ аристократіей, тѣмъ самымъ создавая національное единство на почвѣ, подготовленной торговлей. Такъ возникаетъ абсолютизмъ новаго времени, господство котораго длится до тѣхъ поръ, пока все возрастающая сила народа не дастъ ему возможности

опрокинуть или ограничить монархію. Этотъ моментъ и насталъ во Франціи въ концѣ XVIII вѣка.

Французская революція для Барнава какъ бы финалъ многовѣковаго историческаго развитія. Дальнѣйшая эволюція его не интересуетъ, да онъ, повидимому, ее себѣ и не представляетъ. Онъ, разумѣется, не могъ не видѣть, что новыя богатства, результатъ индустріи и торговли, распредѣлены вовсе не равномѣрно, что образуется новая аристократія капитала, что значительная часть народа не пользуется плодами экономическаго прогресса. Но въ его исторической работѣ все это остается, такъ сказать, внѣ поля зрѣнія. Подъемъ буржуазіи иногда вполнѣ отождествляется съ подъемомъ народа, какъ будто только она одна и заслуживаетъ этого названія. Трудно сказать, думалъ ли Барнавъ, что успѣхи освобожденной промышленности приведутъ въ концѣ-концовъ къ общему благосостоянію, или онъ считалъ нестоящей вниманія судьбу тѣхъ неимущихъ массъ, которыя были лишены избирательныхъ правъ Учредительнымъ Собраніемъ. Такъ или иначе, но буржуазный строй для него идеалъ, никакихъ сомнѣній въ его совершенствѣ у Барнава нѣтъ.

II.

Среди защитниковъ стараго сословнаго строя мало извѣстныхъ именъ. Читающая публика XVIII вѣка, большинство которой составляли не старые владѣльческіе слои, а интеллигенція и интеллигентная буржуазія, представляла для нихъ къ тому же среду мало сочувственную. Поэтому они рѣдко вполнѣ откровенно высказываютъ свои мечты. Въ большинствѣ случаевъ на первый планъ они выдвигаютъ критику, а о томъ, что является ихъ идеаломъ, можно лишь догадываться по нѣкоторымъ отдѣльнымъ черточкамъ. Критическое отношеніе къ буржуазному порядку сближаетъ ихъ съ теоретиками мелкой собственности и соціализма. Подъ флагомъ этихъ болѣе популярныхъ теорій они провозятъ въ большинствѣ случаевъ свой реакціонный грузъ. Тѣмъ болѣе цѣнны для насъ такіе писатели, которые, какъ *Гойонъ-де-ля-Пломбани*, договариваютъ свои задушевныя мысли до конца.

Гойонъ начинаетъ тоже съ критики. Онъ выступаетъ въ качествѣ защитника интересовъ крестьянства и земледѣлія. Между источниками богатства должно существовать извѣстное равновѣсіе. **Гойонъ.**

Въ настоящее же время число ремесленниковъ и купцовъ слишкомъ велико по сравненію съ числомъ земледѣльцевъ. Сельское хозяйство въ забросѣ. Крестьяне плохо обрабатываютъ землю, а часть земли и вовсе не обрабатывается. Въ крестьянахъ растетъ стремленіе подняться выше: они покидаютъ землю и уходятъ въ большіе города. Переходя къ индустріи, Гойонъ выражаетъ негодованіе по поводу недостаточной заработной платы и необезпеченности труда. Словомъ, мы имѣемъ дѣло какъ будто съ человѣкомъ, симпатіи котораго на сторонѣ низшихъ классовъ. Но стоитъ обратиться къ его положительнымъ построеніямъ, и это впечатлѣніе быстро разсѣивается.

Въ самомъ дѣлѣ, что предлагаетъ Гойонъ? Прежде всего *доведеніе до абсурда средневѣковаго корпоративнаго принципа*. Число купцовъ и ремесленниковъ каждой корпораціи должно быть фиксировано разъ навсегда, въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями. Ремесло передается по наслѣдству, свободный трудъ безусловно воспрещается. Переходъ людей изъ одного состоянія въ другое вызываетъ безпорядки — онъ долженъ быть по возможности стѣсненъ. Крестьянъ, уходящихъ въ города, слѣдуетъ просто высылать на родину. Не только ремесленный и крестьянскій трудъ, но и всѣ остальныя профессіи, отъ судейской до лакейской, дѣлаются наслѣдственными. Мелкій городской людъ долженъ быть зарегистрованъ. Каждый будетъ имѣть свой номеръ и ему будетъ разрѣшено работать лишь въ томъ кварталѣ, гдѣ онъ прописанъ.

Вся эта система закрѣпощенія труда кажется Гойону еще недостаточной. Онъ знаетъ, что есть масса бѣдняковъ, людей неопредѣленнаго званія, бродягъ, которые не найдутъ въ ней мѣста. Оставаясь свободными, они представляютъ извѣстную опасность для его «благоустроеннаго» общества. И вотъ при каждой корпораціи создается родъ каторжной тюрьмы подъ благозвучнымъ названіемъ maisons communes, въ которой этотъ элементъ находитъ себѣ мѣсто на ряду со стариками, больными, слабыми. Такая же организація вводится въ деревняхъ. Режимъ въ этихъ домахъ самый суровый, такъ какъ «люди несчастны, если ими не управляютъ». Это — царство принудительнаго труда. Но за то общество избавлено отъ самыхъ опасныхъ для его благосостоянія людей.

Въ идеальномъ государствѣ Гойона только правящіе классы могутъ дышать свободно. Весь рабочій народъ прикрѣпленъ къ

мѣсту жительства и наслѣдственному занятію и живетъ подъ вѣчнымъ страхомъ каторжныхъ работъ. Ему некуда спастись отъ сильнаго и во все вмѣшивающагося государства. И лучше всего то, что Гойонъ какъ будто бы только о благѣ этого самаго рабочаго народа и заботится.

Изъ другихъ писателей того же направленія наибольшаго вниманія заслуживаетъ Ленгэ. Гойонъ мечтаетъ о будущемъ, Ленгэ болѣе чутокъ къ дѣйствительности. Онъ видитъ, что общественное развитіе идетъ въ направленіи противоположномъ его идеалу. Поэтому онъ только пессимистически вздыхаетъ о прошломъ, не предлагая никакихъ плановъ реформы. Но какъ критикъ онъ въ высшей степени интересенъ. Незаурядная наблюдательность позволяетъ этому реакціонеру подмѣтить такія черты ненавистнаго ему буржуазнаго порядка, которыя совершенно не отмѣчались, а можетъ быть и не замѣчались, поклонниками и защитниками прогресса въ родѣ Барнава и Кондорсэ. Наиболѣе уязвимый пунктъ буржуазнаго строя — конечно, положеніе рабочаго класса, и именно на этотъ пунктъ Ленгэ и нападаетъ съ наибольшей энергіей. **Ленгэ.**

Рабочій — наслѣдникъ раба древности и серва среднихъ вѣковъ. Улучшилось ли по сравненію съ ними его положеніе? Ничего подобнаго, утверждаетъ Ленгэ. *Все, что рабочій выигралъ, это — свободу умирать съ голоду.* При рабствѣ не существовало нищеты, такъ какъ собственникъ былъ заинтересованъ въ сохраненіи раба. Положеніе лошадей и сейчасъ еще лучше положенія рабочихъ: ихъ, *къ счастью, никто еще не вздумалъ освобождать. Ядовитый даръ свободы* принесли народу короли, которые старались въ борьбѣ съ феодалами привлечь сервовъ на свою сторону. По своему невѣжеству, непониманію своей выгоды сервы дали себя прельстить свободой. Уже скоро многіе изъ нихъ поняли въ чемъ дѣло и начали протестовать. Но ихъ освобождали насильно.

Такъ образовался современный порядокъ. Общество раздѣлилось на двѣ части: собственниковъ и рабочихъ. Послѣдніе, потерявъ въ лицѣ господъ своихъ покровителей, безсильны противъ богатыхъ. Взамѣнъ рабства они пріобрѣли недостаточную и непостоянную плату за упорный трудъ. Такъ какъ они безсильны, то на нихъ же возлагаютъ и государственныя повинности. И ихъ положеніе отнюдь не улучшается: жизнь становится все дороже, а заработная плата уменьшается. Чѣмъ хуже положеніе рабочаго,

тѣмъ легче ее понизить. *Свободный договоръ хозяина съ рабочимъ — насмѣшка*, такъ какъ рабочій не можетъ прожить нѣсколько дней безъ работы. *Свобода — одинъ изъ ужаснѣйшихъ бичей, произведенныхъ новымъ временемъ*. Рабочаго легко замѣнить другимъ и потому богатые совершенно равнодушны къ его положенію. Между тѣмъ не богатство — источникъ жизни бѣдняка, а, наоборотъ, жизнь бѣдныхъ — источникъ богатства. Бѣдняку платятъ лишь послѣ того, какъ онъ заплатилъ своимъ трудомъ, и притомъ платятъ меньше.

Ленгэ предчувствуетъ возможность великой соціальной революціи, возстанія неимущихъ противъ имущихъ. Но онъ не ждетъ отъ нея ничего хорошаго. Онъ боится, что она будетъ имѣть своимъ результатомъ анархію. А анархія для него — самое ужасное. Поэтому какъ ни плохъ существующій порядокъ, надо стараться о томъ, чтобы народъ оставался въ невѣжествѣ. *Сейчасъ у народа есть только руки*; *«все потеряно, если онъ замѣтитъ, что у него есть умъ»*.

Итакъ, настоящее ужасно, будущее безнадежно, только въ прошломъ находитъ Ленгэ кое-что отрадное, и эти свѣтлыя черточки — рабство и деспотизмъ. Естественно, что глубоко пессимистична у Ленгэ и общая теорія развитія человѣчества. Физіократы въ согласіи съ большинствомъ общественныхъ мыслителей XVIII вѣка видятъ въ естественномъ состояніи нѣчто идеальное. Ленгэ примыкаетъ къ другой традиціи, восходящей къ Гоббсу, Эпикуру и Лукрецію. Естественное состояніе — состояніе анархіи, борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Поэтому собственность не есть естественное право. Въ основѣ ея лежитъ насиліе. Возможно, что какіе-нибудь охотники, возвратившись съ неудачной охоты, рѣшили захватить продукты труда болѣе мирныхъ земледѣльцевъ и заставили ихъ работать на себя. Первоначально они пользовались добычей совмѣстно, затѣмъ рѣшили раздѣлить ее во избѣжаніе раздоровъ. Съ появленіемъ собственности явилась необходимость въ законахъ для ея обезпеченія — такъ рождается общество. Общество — насиліе и собственность — узурпація. Законы какъ бы заговоръ противъ наиболѣе многочисленной части общества. Кто говоритъ общество, тотъ говоритъ: богатство и бѣдность. Но опрокинуть общества и собственности нельзя, такъ какъ они меньшее зло, чѣмъ естественный хаосъ. Сдѣлать людей счастливыми въ обществѣ невозможно, но они могутъ быть въ немъ болѣе или менѣе несчастны. Чѣмъ общество богаче, тѣмъ

люди несчастнѣе, такъ какъ богатые могутъ жирѣть лишь на счетъ бѣдняковъ. Слѣдовательно, ростъ богатства — ростъ числа несчастныхъ. Современныя государства стоятъ на этомъ пагубномъ пути и ничто какъ будто не можетъ ихъ спасти.

Ленгэ — очень талантливый, оригинальный и остроумный писатель. Онъ много писалъ и его много читали. Тѣмъ не менѣе вліяніе его незначительно, ему не удалось создать школы. И это объясняется не только его реакціонными идеями, но и полной безплодностью его пессимистическихъ разсужденій. Человѣкъ, зашедшій въ безнадежный тупикъ, не можетъ вести за собою другихъ. Вѣроятно, и въ реакціонныхъ кругахъ не особенно любили этого невѣрующаго реакціонера.

III.

Безспорно, самая вліятельная изъ намѣченныхъ нами группъ — сторонники демократіи мелкихъ собственниковъ. Эта группа защищаетъ интересы и отчасти отражаетъ настроенія массъ населенія, страдающихъ отъ капиталистическаго развитія: мелкаго городского и особенно деревенскаго люда. Прогрессъ для этихъ общественныхъ слоевъ — разрушительная сила, отнимающая собственность, превращающая хозяина - мастера или крестьянина — въ батрака, сводящая до минимума заработокъ самостоятельнаго производителя, безсильнаго противъ конкуренціи крупныхъ предпринимателей. И ихъ теоретики мечтаютъ повернуть назадъ ходъ исторіи, задержать развитіе индустріи и торговли, обезпечить неприкосновенность мелкой собственности, помѣшать накопленію капиталовъ. Они видятъ, что неограниченное господство частной собственности ведетъ съ неизбѣжностью ко всѣмъ тѣмъ бѣдствіямъ, съ которыми они борятся. Слѣдовательно, частная собственность сама по себѣ есть зло. Это положеніе приводитъ ихъ иногда къ чисто соціалистической теоріи. Но, переходя къ практическимъ предложеніямъ, они тотчасъ возвращаются къ частной собственности; безъ нея не можетъ существовать общество. Самые рѣшительные требуютъ всеобщаго передѣла земли, мелкихъ неотчуждаемыхъ надѣловъ; болѣе умѣренные довольствуются законами противъ роскоши, стѣсненіями торговли, запрещеніемъ и регламентаціей наслѣдованія. Соціализмъ — для нихъ орудіе критики, но отнюдь не планъ ихъ идеальнаго строя. Ихъ руководящая идея — не уничтоженіе частной собственности, а уравненіе иму-

ществъ, болѣе или менѣе радикальное. Поэтому эгалитаризмъ — наиболѣе подходящій терминъ для общей характеристики группы.

Во главѣ ея стоитъ одинъ изъ популярнѣйшихъ писателей XVIII вѣка — *Руссо*. Самъ происходящій изъ мелко-буржуазной семьи, испытавшій въ молодости много униженій и вынесшій изъ нихъ ненависть къ богатымъ и высокопоставленнымъ, онъ какъ бы естественный защитникъ угнетенной бѣдноты.

Руссо.

Исходный пунктъ общественной философіи Руссо — естественное состояніе. Трудно сказать, представляетъ ли для него естественное состояніе опредѣленный историческій періодъ или только фикцію, необходимую для яснаго пониманія соціальнаго строя. Въ началѣ своего «Разсужденія о происхожденіи неравенства» Руссо ясно заявляетъ, что естественнаго состоянія, быть-можетъ, никогда и не было, что разсужденіе о немъ не столько историческая истина, сколько гипотическія соображенія, важныя для выясненія природы вещей. Это заявленіе само по себѣ достаточно рѣшительно. Но слѣдующая за нимъ ссылка на авторитетъ священныхъ книгъ, ничего не говорящихъ о естественномъ состояніи, дѣлаетъ сомнительной искренность Руссо въ данномъ случаѣ. Весьма вѣроятно, что всѣ эти оговорки имѣютъ единственной цѣлью смягчить судей изъ ортодоксально-богословскаго лагеря *). Какъ бы то ни было, въ дальнѣйшемъ Руссо совершенно о нихъ забываетъ.

Теоретическіе взгляды.

По природѣ всѣ люди равны. Основные принципы человѣческой души — самосохраненіе и состраданіе, изъ которыхъ исходятъ всѣ нормы естественнаго права. *Инстинкта общественности у естественнаго человѣка нѣтъ: дикари — одиноки.* Они живутъ разсѣянно среди звѣрей и питаются тѣмъ, что даетъ имъ земля въ своемъ естественномъ плодородіи. Всѣ ихъ желанія имѣютъ основой физическія потребности: это — пища, самка и отдыхъ. Потребности незначительны и легко удовлетворимы; поэтому первобытному человѣку чужды предусмотрительность и любопытство; его разумъ неизбѣжно ограниченъ. Семьи нѣтъ, половыя отношенія случайны, а дѣти покидаютъ мать, какъ только становятся способны сами добывать себѣ пищу. Собственно у дикарей нѣтъ ни добродѣтелей ни пороковъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ моральныхъ связей и долга. Но страсти дикаря, въ соотвѣтствіи съ ограниченными потребностями, мягки и сдерживаются состраданіемъ, которымъ обладаютъ даже высшія живот-

---

*) Разсужденіе было написано на тему, предложенную Дижонской академіей.

ныя. Состраданіе исполняетъ роль законовъ, нравственности, добродѣтелей. Драки изъ-за пастбища, изъ-за самки у дикарей рѣдки, такъ какъ живутъ они изолированно, земельный просторъ великъ, а индивидуальнаго полового чувства они не знаютъ. Такимъ образомъ, не имѣя ни общества, ни собственности, ни брака, люди живутъ многіе вѣка.

Естественное состояніе очень устойчиво: природа не готовила людей къ общественной жизни. Но у человѣка есть способность совершенствоваться, въ которой — источникъ всѣхъ его бѣдъ. Она выводитъ человѣка изъ естественнаго состоянія и дѣлаетъ тираномъ надъ самимъ собою и природой.

Толчкомъ къ развитію служатъ трудности въ удовлетвореніи потребностей, увеличивающіяся вмѣстѣ съ размноженіемъ человѣчества. Онѣ заставляютъ человѣка изыскивать новыя средства добывать себѣ пропитаніе. На берегахъ водъ люди становятся рыбаками, въ лѣсахъ — охотниками. Какая-либо счастливая случайность научаетъ ихъ пользоваться огнемъ. Вмѣстѣ съ этими первыми успѣхами на пути культуры появляется рефлексія и предусмотрительность. Человѣкъ замѣчаетъ, что другіе люди чувствуютъ и ведутъ себя сходно съ нимъ. Въ иныхъ случаяхъ онъ ищетъ помощи у себѣ подобныхъ — такъ возникаютъ свободные союзы для опредѣленной цѣли, длящіеся короткое время. Общеніе облегчаетъ дальнѣйшій прогрессъ. Люди изобрѣтаютъ каменныя орудія и жилища, становятся осѣдлыми. Тогда только появляется прочная семья и первая собственность. Въ свою очередь осѣдлая жизнь способствуетъ развитію общественности. Но законовъ у людей еще нѣтъ — санкціей зачатковъ общественной морали служитъ кровавая месть.

Если естественное состояніе — дѣтство человѣчества, то этотъ періодъ — самый счастливый въ его жизни — можно назвать молодостью. Дальнѣйшее развитіе рода — постепенное одряхлѣніе и вырожденіе. Первый шагъ къ вырожденію — возникновеніе земельной собственности, которая принесла съ собою неравенство, рабство и нищету. Эту революцію произвели металлургія и агрикультура. Ихъ прогрессъ тѣсно связанъ. Земледѣліе начинается, вѣроятно, съ овощей вокругъ хижинъ, такъ какъ люди не имѣютъ еще подходящихъ инструментовъ для хлѣбопашества, да и спроса на хлѣбъ нѣтъ. Обработка руды доставляетъ и то и другое. Изъ культуры земли неизбѣжно вытекаетъ ея раздѣлъ. Трудъ, приложенный къ землѣ, даетъ право сначала

на продукты, затѣмъ на самую землю до уборки. Повторяясь изъ года въ годъ, это право превращается въ собственность, которая для своей охраны нуждается въ законахъ. Если бы люди были равны и по талантамъ и по потребностямъ, то соціальное равенство могло бы сохраниться и при такихъ условіяхъ, но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ.

Дальнѣйшій ходъ событій легко себѣ представить. У однихъ скопляется много земли, другіе, не успѣвшіе ее захватить, становятся бѣдняками, ничего не потерявъ. Они вынуждены условіями или получать все изъ рукъ богатыхъ или грабить ихъ. Въ первомъ случаѣ является рабство, во второмъ начинаются смуты, такъ какъ несчастные считаютъ свои потребности правомъ, равносильнымъ собственности. Между правомъ болѣе сильнаго и правомъ перваго занятія идетъ непрерывная война, которая, разумѣется, болѣе убыточна для богатыхъ. Тогда богатые рѣшаютъ воспользоваться противъ бѣдныхъ хитростью. Они говорятъ приблизительно такъ: объединимся, чтобы защищать слабыхъ отъ притѣсненія, сдерживать тщеславныхъ, обезпечить каждому его владѣнія, миръ и справедливость; вмѣсто того, чтобы тратить свои силы другъ противъ друга, создадимъ верховную власть, которая будетъ править по мудрымъ законамъ и поддерживать между нами вѣчное согласіе. Бѣдняковъ было не трудно обмануть и завлечь этой картиной.

Таково начало общества и законовъ, которые дали лишь новую силу богатымъ, закрѣпивъ собственность, сдѣлавъ изъ узурпаціи непререкаемое право, подчинивъ родъ человѣческій труду, рабству и нищетѣ. *Истиннымъ основателемъ гражданскаго общества былъ тотъ, кто первый, огородивъ участокъ земли, рѣшился сказать «это мое» и нашелъ достаточно простыхъ людей, чтобы ему повѣрить.* Въ обществѣ всѣ человѣческія способности получаютъ свое высшее развитіе. Зато человѣкъ, бывшій раньше свободнымъ, становится рабомъ себѣ подобныхъ даже тогда, когда кажется ихъ господиномъ: богатый нуждается въ услугахъ, бѣдный — въ помощи. Честолюбіе, соревнованіе, желаніе выиграть что-либо на счетъ другого — все это послѣдствія собственности и спутники неравенства.

Рождающееся государство не имѣетъ устойчивой формы. Всѣ законы состоятъ изъ нѣсколькихъ общихъ нормъ, которыя гарантированы общиной и составляютъ содержаніе общественнаго договора. Но слабость подобнаго правленія заставляетъ вскорѣ

передать власть въ руки извѣстныхъ лицъ, а для большей прочности общественнаго договора, который въ любой моментъ можетъ быть расторгнутъ каждымъ членомъ общества, религія освящаетъ его своимъ авторитетомъ. *Форма правленія зависитъ при этомъ отъ распредѣленія собственности.* Гдѣ выдѣляется одинъ богачъ — образуется монархія, гдѣ выдѣляется нѣсколько — аристократія, гдѣ богатство распредѣляется равномѣрно — демократія. Лишь постепенно выборная власть превращается въ наслѣдственную. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и отношеніе правителей государства къ подданнымъ: они начинаютъ считать себя собственниками государства, равными богамъ, а своихъ согражданъ — рабами. Такимъ образомъ въ развитіи общественнаго неравенства можно отмѣтить три ступени: 1) установленіе закона и права собственности, 2) установленіе магистратуры, 3) превращеніе законной власти въ произволъ. Послѣдняя ступень какъ бы заканчиваетъ кругъ: всѣ снова равны въ рабствѣ, снова господствуетъ право сильнаго, такъ какъ общественный договоръ нарушенъ деспотомъ.

Прогрессъ совершенно извратилъ природу человѣка. Въ современномъ обществѣ царитъ борьба интересовъ, взаимная ненависть. Вредить ближнему всегда выгоднѣе, чѣмъ быть ему полезнымъ. Неравенство достигаетъ такихъ размѣровъ, что одни умираютъ отъ голода, другіе — отъ излишества. Возникаетъ масса нездоровыхъ, пагубныхъ для жизни ремеслъ. И чѣмъ менѣе полезно для жизни занятіе, тѣмъ болѣе оно доходно. Поэтому наиболѣе необходимое — земледѣліе въ совершенномъ забросѣ. Съ ростомъ индустріи крестьяне, осужденные на трудъ и голодъ, покидаютъ поля, чтобы искать хлѣба въ городѣ. А въ городахъ скопляется масса полуголоднаго и голоднаго люда, который живетъ въ антигигіеническихъ условіяхъ и становится жертвой эпидемій.

Такова жизнь человѣческаго общества. Подобно индивидууму, оно имѣетъ свои возрасты: дѣтство, зрѣлость и старость. Современный періодъ, соотвѣтствующій старости и одряхлѣнію, самый тяжелый. *Но возвращеніе назадъ такъ же невозможно, какъ невозможно для старика помолодѣть.* Можно лишь разумными мѣрами задержать разрушительный процессъ, а иногда, если общество молодо, даже предупредить, такъ какъ старость общества, вопреки аналогіи съ личностью, часто вызывается такими обстоятельствами, которыхъ можно избѣжать. Понятно, что Руссо предлагаетъ для разныхъ обществъ различные проекты реформъ въ

зависимости отъ ихъ возраста, т.-е. бо́льшей или меньшей удаленности отъ естественнаго состоянія. Не менѣе понятно также, что естественное состояніе при такихъ условіяхъ не можетъ служить общественнымъ идеаломъ, тѣмъ болѣе, что даже въ теоріи Руссо, повидимому, не считаетъ его лучшимъ періодомъ въ жизни человѣчества. *Но важнѣе всего то, что собственность, въ теоріи — источникъ всѣхъ общественныхъ золъ, на практикѣ возвращается снова на принадлежащее ей мѣсто — незыблемой основы общественнаго порядка.* Правда, собственность лишена санкціи естественнаго права, которой она обладаетъ у физіократовъ, но это не мѣшаетъ Руссо объявить ее священной. Въ нѣкоторомъ отношеніи она даже важнѣе свободы: такъ какъ имущество легче узурпировать, оно требуетъ болѣе тщательной охраны, чѣмъ личность.

Практическая программа. Основное зло современнаго общества — крайнее неравенство. Поэтому одна изъ самыхъ важныхъ задачъ правительства — борьба съ неравенствомъ. Но собственность священна, слѣдовательно, нельзя отнимать богатства у ихъ владѣльцевъ, а надо съ одной стороны отнять возможность ихъ накоплять, съ другой — поставить преграды обѣднѣнію гражданъ. Предлагаемыя Руссо мѣры крайне скромны. Самая существенная изъ нихъ — реформа системы налоговъ. Главный налогъ стараго порядка taille, — по мнѣнію Руссо, удобенъ только тамъ, гдѣ заботятся о количествѣ и обезпеченности сбора, а не о благѣ жителей. Гдѣ крестьянинъ ничего не платитъ, или платитъ мало, культура земли хороша; гдѣ онъ обремененъ податью, пропорціональной продукту, онъ перестаетъ обрабатывать землю. Налогъ, падающій на земледѣліе, разоряетъ страну.

Лучше всего, если государственные доходы получаются со спеціально назначенныхъ для этой цѣли государственныхъ земельныхъ фондовъ. Но если этихъ доходовъ нехватаетъ или нѣтъ вовсе, то слѣдуетъ прибѣгнуть къ *прогрессивному налогу*. При его раскладкѣ необходимо принимать во вниманіе не только количество имущества. *Въ имуществѣ надо различать двѣ составныя части: необходимое и излишекъ.* Тѣ, у кого есть только необходимое, должны быть свободны отъ налога; наоборотъ, весь излишекъ можетъ быть отобранъ въ случаѣ нужды. Не слѣдуетъ также выпускать изъ виду при раскладкѣ того, что отдѣльные граждане извлекаютъ изъ общественнаго союза неодинаковую пользу. Всѣ преимущества общества достаются богатымъ. Когда

мошенничаетъ богатый, онъ можетъ быть увѣренъ въ безнаказанности; когда обокрадутъ богатаго, то горе невинному бѣдняку, если его заподозрятъ. Къ богатому всѣ бѣгутъ на помощь, отъ бѣднаго закрыты всѣ двери. Но когда требуется барщина или нужны солдаты, обращаются къ нему. Наконецъ, богатые должны платить больше податей еще и потому, что потерю бѣдняка труднѣе поправить: первый пистоль труднѣе добыть, чѣмъ второй милліонъ.

Второстепенные налоги должны носить тотъ же характеръ налоговъ на излишекъ. Особенно необходимы налоги на предметы роскоши: на продукты безполезныхъ и слишкомъ доходныхъ ремеслъ, на ввозъ въ города бездѣлушекъ, на ливреи, экипажи, зрѣлища, на профессіи бездѣльниковъ — пѣвцовъ, скомороховъ и т. д. Эти налоги помѣшаютъ росту неравенства, росту числа тунеядцевъ въ городахъ и опустѣнію деревни. *Налоги должны быть достаточно высоки, чтобы обуздать жадность богатыхъ.* Индустрія отъ нихъ не пострадаетъ; ей только придется перейти къ производству другихъ, болѣе полезныхъ предметовъ.

Рядъ таможенныхъ сборовъ — съ ввозимыхъ въ страну предметовъ роскоши, съ вывозимыхъ сырыхъ продуктовъ — составляетъ часть общей системы регламентаціи торговли. Руссо осуждаетъ государственное вмѣшательство въ той формѣ, въ какой оно практиковалось старымъ порядкомъ, какъ нецѣлесообразное. Но *правильное направленіе торговли, правильное распредѣленіе въ странѣ съѣстныхъ припасовъ, денегъ и товаровъ, сообразно потребностямъ времени и мѣста — истинный источникъ богатства.*

Очень осторожно говоритъ Руссо еще объ одной сферѣ дѣятельности государства: о регулированіи перехода имуществъ по наслѣдству. Не вдаваясь въ подробности, онъ только защищаетъ право государства извѣстнымъ образомъ стѣснять гражданъ въ посмертномъ распоряженіи имуществомъ. Если прибавить ко всѣмъ этимъ мѣрамъ экономическаго характера, горячо защищаемое Руссо, общественное воспитаніе (оно должно пріучать дѣтей видѣть свои интересы въ общемъ благѣ), то мы получимъ почти полную схему тѣхъ соціальныхъ реформъ, которыя онъ считалъ осуществимыми въ государствѣ, испорченномъ неравенствомъ, подобно современной ему Франціи.

Разумѣется, не слѣдуетъ думать, что въ этой умѣренной программѣ полностью выражается соціальный идеалъ Руссо. Гораздо ближе къ нему проектъ, написанный Руссо для обратившихся къ нему за совѣтомъ корсиканцевъ. Корсика имѣетъ въ его глазахъ большое преимущество передъ крупными европейскими государствами. Она значительно моложе, развитіе торговли и промышленности еще не успѣло привить корсиканцамъ пороковъ другихъ націй. Неравенство есть и тамъ, но оно не достигло большихъ размѣровъ, съ нимъ поэтому легче бороться и можно въ этой борьбѣ добиться бо́льшихъ успѣховъ. Къ сожалѣнію, проектъ корсиканской конституціи дошелъ до насъ только въ отрывкахъ.

Проектъ корсиканской конституціи.

Основной законъ этой конституціи — равенство. Это отнюдь не означаетъ полнаго уничтоженія частной собственности. Государство должно лишь наложить на нее узду и подчинить ее общему благу. Такъ какъ торговля содѣйствуетъ скопленію богатствъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, то корсиканскіе законодатели должны поставить себѣ цѣлью *возможное приближеніе къ идеалу натуральнаго хозяйства*: всякій имѣетъ все необходимое у себя. Однако совершенно избѣгнуть обмѣна между провинціями не удастся, и эту функцію слѣдуетъ взять на себя самому правительству. Государство также должно быть поставлено па натурально-хозяйственный базисъ: государственные доходы получаются въ натурѣ, жалованье чиновникамъ выплачивается продуктами, главный налогъ — барщина. Такая система невозможна въ большомъ, но легко осуществима въ маленькомъ государствѣ.

Если въ государствѣ нѣтъ ни торговли ни промышленности, то единственнымъ источникомъ неравенства можетъ служить скопленіе земель въ однѣхъ рукахъ. Съ этимъ зломъ можно бороться при помощи *аграрныхъ законовъ и законовъ о наслѣдованіи*. Аграрные законы не должны имѣть обратной силы: это было бы несправедливо и нарушало бы существующія права. Но государство всегда имѣетъ возможность установить извѣстный maximum земельной собственности на будущее время и не признавать дареній и завѣщаній въ пользу тѣхъ, у кого такой maximum уже есть. Разъ будетъ поставлена преграда для накопленія земельныхъ богатствъ, они начнутъ неизбѣжно раздробляться благодаря разумнымъ законамъ о наслѣдованіи. Что касается, наоборотъ, бѣдныхъ и въ то же время много семейныхъ гражданъ, которые могутъ дойти вслѣдствіе дробленія земли до нищеты, то для нихъ

государство должно имѣть земельный фондъ и ассигновывать изъ него дополнительные надѣлы.

Такова утопія Руссо. Ея экономически-реакціонный характеръ вполнѣ ясенъ. Но не надо забывать, что Руссо и предлагалъ этотъ проектъ экономически-отсталой странѣ. Несмотря на всѣ свои симпатіи къ натуральному хозяйству, къ патріархальной крестьянской демократіи, къ простотѣ нравовъ и учрежденій, онъ не мечтаетъ объ осуществленіи своего идеала въ сколько-нибудь широкомъ масштабѣ. Его ни въ коемъ случаѣ нельзя считать революціонеромъ, хотя нѣкоторые изъ его учениковъ и сдѣлали изъ его теоріи, нисколько ея не насилуя, совершенно революціонные выводы. И надо сказать, что они въ данномъ случаѣ были, несомнѣнно, послѣдовательнѣе своего учителя, робкая программа котораго совершенно не соотвѣтствуетъ парадоксально-смѣлой теоріи.

Вообще, послѣдовательность мысли не принадлежитъ къ числу достоинствъ Руссо. Но это не мѣшало ему стать непререкаемымъ авторитетомъ для такихъ дѣятелей революціи, какъ Робеспьеръ и С.-Жюстъ, авторитетомъ не только въ области политическихъ *), но и въ области соціальныхъ идей. Это и не удивительно: непослѣдовательность Руссо, какъ соціальнаго мыслителя, есть лишь отраженіе настроеній вполнѣ опредѣленнаго общественнаго слоя — мелкихъ собственниковъ, благосостоянію которыхъ угрожаетъ капиталистическое развитіе. Чувствуя, что съ ростомъ богатства ихъ существованіе, какъ самостоятельныхъ производителей, становится непрочнымъ, они готовы отрицать собственность, какъ основу богатства, и въ то же время всѣми помыслами и мечтами привязаны къ собственности, какъ основѣ своего существованія. Ненавидя богатство, они способны на рѣзкую критику капиталистическаго строя, но, дрожа за свою собственность, совершенно не въ силахъ сдѣлать изъ этой критики практическіе выводы. Руссо — ихъ теоретикъ, Робеспьеръ — ихъ политическій вождь.

IV.

Во многихъ отношеніяхъ очень близокъ къ Руссо аббатъ *Мабли*, писатель, хотя и не столь популярный, но все же въ XVIII вѣкѣ очень вліятельный. Мы найдемъ у него ту же сим- **Мабли.**

---

*) О политическихъ идеяхъ Руссо, см. ст. Бутенко.

патію къ натуральному хозяйству, къ патріархальной жизни мелкихъ и независимыхъ земельныхъ собственниковъ, то же враждебное чувство къ индустріи и особенно къ торговлѣ, наконецъ, что важнѣе всего, ту же смѣлость теоретической мысли и сравнительную осторожность практической программы. Тѣмъ не менѣе въ его теоріи есть двѣ черты, рѣзко отличающія ее отъ теоріи Руссо, и это дѣлаетъ необходимымъ и интереснымъ ея отдѣльное разсмотрѣніе. *Эти черты — ученіе о первобытномъ коммунизмѣ и о страстяхъ.*

Мабли прежде всего моралистъ съ аскетическимъ настроеніемъ и съ моральнымъ критеріемъ подходитъ онъ къ оцѣнкѣ человѣческаго общества. Мѣрой счастья общества нельзя считать богатство урожая: мы не можемъ, какъ животныя, думать только о пастбищѣ. Конечно, нужны и хорошіе урожаи; но важнѣе ихъ хорошіе граждане. Процвѣтающая агрикультура лишь плодъ, а не основа общественнаго благосостоянія. Поэтому истинная цѣль политики—соціальныя добродѣтели; *хорошая политика мало отличается отъ морали.*

Точка зрѣнія Мабли, какъ мы видимъ, діаметрально противоположна точкѣ зрѣнія физіократовъ. Явная или скрытая полемика съ ними чувствуется во всѣхъ произведеніяхъ Мабли, трактующихъ соціальные вопросы.

Основное свойство человѣческой души — себялюбіе. Но на ряду съ нимъ Творецъ помѣстилъ соціальныя качества: состраданіе, благодарность, любовь къ славѣ, соревнованіе и т. п. Всѣ эти качества могутъ извращаться въ страсти, напр., соревнованіе можетъ обратиться въ зависть, любовь къ славѣ — въ тщеславіе и т. д. *Общество, вопреки мнѣнію Руссо, возникло вовсе не для обезпеченія собственности.* Люди объединились, такъ какъ у нихъ отъ природы уже были соціальныя качества, а потребности толкали ихъ къ взаимопомощи. Общество, слѣдовательно — естественная форма жизни человѣчества; состояніе изолированности противорѣчитъ основнымъ свойствамъ человѣческой души.

Пока населеніе было рѣдко, люди жили охотой и рыболовствомъ. Ростъ населенія и нужда заставила ихъ перейти къ земледѣлію. Но культура земли вовсе не требуетъ неизбѣжно частной собственности. Наоборотъ, первобытные люди, руководствуясь своими естественными влеченіями и вытекающими изъ нихъ идеями, соединяли свои силы для общаго труда; такъ возникъ естествен-

ный коммунизмъ. *Только общее владѣніе землей и можетъ дать счастье человѣчеству, такъ какъ для сохраненія и развитія соціальныхъ качествъ необходимо равенство.* Поддерживая скромность потребностей, оно сохраняетъ миръ въ душѣ и мѣшаетъ развитію страстей. Сама природа предназначила насъ къ равенству. Она дала намъ одинаковые органы и потребности, она не раздѣлила полей границами, а предоставила ихъ всѣмъ людямъ сообща.

Кажется, ничто не могло внушить первобытному человѣку идею частной собственности. Онъ привыкъ смотрѣть на землю, какъ на общее наслѣдіе, и самый актъ вступленія въ общество удалялъ его, такъ сказать, отъ себя самого, внушая идею общаго блага. При коммунизмѣ было очень легко удовлетворить всѣ свои потребности. Наиболѣе сильные обрабатывали землю, другіе занимались полезными ремеслами. Продукты труда сносились въ общественные магазины. Общественныя власти наблюдали за распредѣленіемъ и за нравственностью гражданъ.

Что же заставило людей выйти изъ этого блаженнаго состоянія? Отвѣтить на этотъ вопросъ трудно. Быть можетъ въ обществѣ начались злоупотребленія: правители могли присваивать себѣ при распредѣленіи больше, чѣмъ имъ слѣдовало, лѣнтяи могли бездѣльничая пользоваться продуктами труда другихъ. На почвѣ злоупотребленій возникло требованіе раздѣла имуществъ, такъ какъ люди не знали, что частная собственность грозитъ имъ еще худшими бѣдами.

Такимъ образомъ строй, основанный на частной собственности — не естественный порядокъ, какъ учатъ физіократы, а, наоборотъ, нарушеніе естественнаго порядка. Люди, раздѣливъ земли, уклонились отъ природы, нарушили повелѣнія Творца, и были за это жестоко наказаны. Съ установленіемъ частной собственности на землю неизбѣжно возникаетъ неравенство имуществъ, общество распадается на классы, соціальныя качества обращаются въ страсти. Неравенство имуществъ рождаетъ жадность, своекорыстіе, неравенство сословное — тщеславіе. Земля даетъ ограниченное количество благъ, слѣдовательно, и потребности должны быть извѣстнымъ образомъ ограничены. Если же у одного, богача, образуются воображаемыя потребности, другому, бѣдному, нехватаетъ на удовлетвореніе естественныхъ нуждъ. Въ естественномъ порядкѣ потребности объединяютъ людей, въ политическомъ — разъединяютъ, такъ

какъ люди могутъ удовлетворить ихъ лишь на счетъ другихъ. Трудъ былъ лишь пріятнымъ развлеченіемъ, пока работали всѣ. Теперь рабочій глубоко несчастенъ посреди производимаго имъ изобилія, потому что ему за его тяжелый трудъ достается лишь плохая пища, да и то онъ никогда не имѣетъ увѣренности въ томъ, что получитъ ее завтра.

Такъ какъ естественному человѣку присущи моральныя качества, искаженныя впослѣдствіи неравенствомъ, а задача политики — торжество добродѣтели, то соціальнымъ идеаломъ можетъ быть лишь естественное состояніе, т.-е. коммунизмъ. Изъ историческихъ государствъ наиболѣе близка была къ идеалу Спарта, и она пользовалась безмятежнымъ счастьемъ 600 лѣтъ. Къ сожалѣнію, этотъ идеалъ неосуществимъ именно потому, что людьми руководятъ теперь не добродѣтели, а страсти. Многіе думаютъ (Мабли имѣетъ въ виду физіократовъ), что естественный порядокъ сразу установится, какъ только люди узнаютъ, въ чемъ онъ состоитъ: вѣдь онъ лучшій изъ возможныхъ порядковъ, и люди естественно къ нему тяготѣютъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ. *Въ обществѣ съ земельной собственностью, съ неравенствомъ, ни одинъ порядокъ не можетъ казаться всѣмъ наилучшимъ. Общество раздѣлено на классы, а классы имѣютъ враждебные интересы.* Допустимъ, какъ физіократы, что естественный порядокъ — земельная собственность. Какъ убѣдить рабочаго, у котораго есть только его ремесло и который живетъ въ вѣчномъ трудѣ, что существующій порядокъ — наилучшій. Какъ убѣдить хлѣбопашца, что ему такъ же хорошо быть арендаторомъ, какъ и собственникомъ? Словомъ, какъ убѣдить тѣхъ, у кого ничего нѣтъ, т.-е. большинство гражданъ, что они живутъ при порядкѣ, гарантирующемъ наибольшую сумму счастья и удовольствія. Гдѣ есть богатые, есть и бѣдные: они взаимно необходимы. Пусть это будетъ неизбѣжно. Но почему *я* долженъ быть доволенъ, играя низкую роль бѣднаго, въ то время, какъ *другіе*, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, играютъ важную роль богатыхъ?

То же самое, если идеальный строй — коммунизмъ. Сильные не согласятся на возвращеніе къ нему изъ тщесловія, богатые — изъ жадности. Всѣ доказательства будутъ безсильны противъ страстей. Что касается бѣдныхъ, то у нихъ слишкомъ много работы, чтобы слушать увѣщанія философовъ. Да и нѣтъ у нихъ ни желанія реформы, ни чувствъ, подходящихъ

для новаго строя: народъ въ своей нищетѣ такъ привыкъ заискивать у высшихъ, всецѣло отъ нихъ зависѣть, что потерялъ чувство равенства. Льстить себя надеждой, что страсти людей можно побѣдить силой разума, значитъ, не знать ихъ. Страсти — душа мира, онѣ — тираны человѣка, а не рабы разума. *Въ морали и политикѣ нѣтъ общеобязательныхъ истинъ, подобныхъ геометрическимъ, такъ какъ страсти всегда принимаютъ за истину мнѣнiе, имъ благопрiятное. Онѣ — наши господа, а не логическая очевидность.*

Этотъ протестъ противъ рацiоналистическаго духа просвѣтительной философiи XVIII вѣка, направленный непосредственно по адресу физiократовъ, заслуживаетъ вниманiя, какъ наиболѣе ясная (въ до-революцiонной Францiи) формулировка идеи противорѣчiя классовыхъ интересовъ. Характерно, что мы встрѣчаемъ ее именно у противниковъ буржуазнаго строя, въ то время, какъ защитники его, физiократы, являются провозвѣстниками теорiи соцiальной гармонiи.

Итакъ, положенiе получилось безвыходное: существующiй общественный строй искажаетъ душу, обращая соцiальныя качества въ страсти, а страсти дѣлаютъ безнадежными попытки его исправить. Какъ же быть? Вступать въ борьбу со страстями нѣтъ смысла, ихъ нужно перехитрить, нужно постараться использовать нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе безвредныя, для борьбы съ другими. Этотъ способъ дѣйствiя требуетъ крайней постепенности, реформаторъ долженъ быть очень остороженъ. И прежде всего надо остерегаться нарушенiя собственности. *Разъ собственность уже установлена, на нее слѣдуетъ смотрѣть, какъ на основу мира, порядка и безопасности.* Въ этомъ Мабли совершенно сходится съ Руссо. И вообще, ихъ практическiя программы очень близки, несмотря на все различiе теорiй.

Двѣ важнѣйшiя страсти, такъ сказать, основныя — корыстолюбiе и тщеславiе. Всѣ законы, не считающiеся съ ними, совершенно безполезны. Законодатель долженъ стараться дать обществу такую организацiю, чтобы люди находили свое счастье безъ помощи этихъ страстей. Начинать надо съ правительства. Чтобы правители не давали дурного примѣра гражданамъ, надо отнять у нихъ возможность обогащаться: они не должны получать жалованья. Само государство должно быть бѣдно, слѣдуетъ заботиться не объ увеличенiи его доходовъ, а о сокращенiи расходовъ. *Самое*

лучшее было бы вовсе не требовать съ гражданъ налоговъ, а ограничиваться барщиной.

Чтобы отнять почву у жадности частныхъ лицъ, надо сдѣлать богатство безполезнымъ при помощи законовъ противъ роскоши. Эти законы должны все регламентировать: мебель, дома, столъ, одежду. Безполезныя искусства должны быть запрещены совсѣмъ, торговля по возможности стѣснена, такъ какъ самый духъ ея враждебенъ хорошему правленію: основа ея — жадность, послѣдствія — новыя потребности и новыя богатства.

Въ борьбѣ съ богатствомъ очень полезны разумные законы о наслѣдованіи. Слѣдовало бы вовсе воспретить переходъ имуществъ изъ одной семьи въ другую. Можно лишь разрѣшить завѣщать движимое имущество въ награду слугамъ — это содѣйствуетъ переходу богатствъ къ бѣднякамъ. Все остальное имущество должно дѣлиться поровну между дѣтьми. *Если у отца единственная дочь, то онъ обязанъ взять еще двухъ пріемныхъ сыновей.* Выморочное имущество должно переходить къ бѣднякамъ. Хорошо, чтобы богатые смотрѣли на бѣдныхъ, какъ на своихъ дѣтей и наслѣдниковъ.

Не менѣе важны аграрные законы, если они установляютъ опредѣленный maximum земли, которымъ можетъ владѣть отдѣльное лицо. Только они могутъ сохранить извѣстное равенство. Это не повредитъ культурѣ земли: какъ разъ въ крупныхъ владѣніяхъ забрасываютъ землю, а мелкія всегда хорошо обработаны.

Программа Мабли занимаетъ какъ бы среднее мѣсто между умѣренными пожеланіями Руссо и его корсиканскимъ проектомъ. Пожалуй, Мабли нѣсколько бо́льшій оптимистъ: онъ надѣется на осуществленіе своей программы въ большихъ европейскихъ государствахъ. Но и для него оно возможно лишь, какъ случайность: государство, стоящее на краю гибели, можетъ для сохраненія своего существованія рѣшиться на необходимыя реформы (примѣръ — Польша). Такія случайности нерѣдки, и обыкновенно нехватаетъ только людей способныхъ ими разумно воспользоваться.

V.

Бриссо. Изъ менѣе крупныхъ представителей школы Руссо — Мабли (въ большинствѣ случаевъ трудно рѣшить, кому изъ нихъ тотъ или иной писатель больше обязанъ) особеннаго вниманія заслуживаютъ двое: Бриссо и Госселинъ. Первый, впослѣдствіи извѣст-

ный дѣятель жирондистской партіи, выступилъ незадолго до революціи съ работой, цѣль которой доказать, что существующіе уголовные законы слишкомъ суровы. Несмотря на спеціальный характеръ темы, большая часть книги Бриссо посвящена чрезвычайно общимъ разсужденіямъ о естественныхъ правахъ человѣка. Интересъ ея, между прочимъ, въ томъ и заключается, что по ней мы можемъ видѣть, какъ въ XVIII вѣкѣ теорія естественнаго права прилагалась къ рѣшенію очень частныхъ вопросовъ права положительнаго.

Міръ такъ устроенъ, — говоритъ Бриссо, — что для сохраненія и развитія однѣхъ его частей необходимо разрушеніе другихъ. Люди тоже подчинены этому закону: для своего существованія они вынуждены разрушать другія тѣла. Ихъ потребности, единственная норма ихъ поведенія, даютъ имъ на то право. Такое право разрушать внѣшнее тѣло для удовлетворенія потребностей и есть *естественная собственность*. Такимъ образомъ потребности — цѣль и оправданіе собственности. Но изъ этого логически вытекаетъ, что съ удовлетвореніемъ потребности и право собственности прекращается; человѣкъ имѣетъ право на то, что ему необходимо, и болѣе ни на что. «Не думайте, что священное право собственности дано намъ, чтобы ѣсть пищу двадцати человѣкъ, тогда какъ намъ достаточно порціи одного». Искусственныя потребности не могутъ увеличивать права собственности; расширять его за предѣлы необходимаго, значитъ, переходить его границы.

Такъ какъ право собственности ограничено, то оно не можетъ быть исключительнымъ: никто не можетъ заявлять исключительныхъ притязаній на какую-либо вещь, ибо эта вещь можетъ понадобиться *другому* для удовлетворенія *его* потребностей. Естественное право собственности — только право временнаго пользованія.

Ясно, что собственность, какъ естественное право (dans la nature) совершенно не совпадаетъ съ собственностью фактической: «французъ имѣетъ столько же правъ на дворецъ Могола, на сераль султана, сколько сами Моголъ и султанъ». Въ естественномъ порядкѣ собственность преходяща, въ общественномъ она постоянна и исключительна. Какъ же развилось современное право собственности, при которомъ одинъ обладаетъ благами, достаточными для удовлетворенія потребностей сотни, тогда какъ эта сотня умираетъ съ голоду? Бриссо отвѣчаетъ на этотъ вопросъ рѣзко и опредѣленно: единственный его источникъ — узурпація.

Собственность общественнаго порядка — результатъ жадности; право перваго занятія вовсе не достаточно для ея оправданія. Она — не естественное право, а соціальное изобрѣтеніе, по самой своей основѣ ему противоположное. Допущенное расширеніе границъ права собственности — истинное преступленіе, такъ какъ оно совершается на счетъ правъ другихъ индивидуумовъ. Но теперь естественный порядокъ настолько извращенъ, что, наоборотъ, называютъ преступленіемъ, если несчастный, лишенный своего естественнаго права, заявляетъ претензіи на чужую собственность, чтобы спастись отъ голодной смерти. «Посудите, какъ мы далеки отъ природы: *въ естественномъ состояніи воръ — богатый, тотъ, у кого есть излишекъ*, въ общественномъ — тотъ, кто похищаетъ у богатаго».

Разумѣется, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ вѣрнаго ученика Руссо, вся эта революціонная теорія, всѣ эти выходки противъ собственности, противъ богатства отнюдь не приводятъ Бриссо къ какимъ-либо революціоннымъ предложеніямъ. Его практическій выводъ до смѣшного не гармонируетъ съ аргументаціей, его можно было бы счесть за пародію, если бы онъ не соотвѣтствовалъ въ такой мѣрѣ общему духу школы.

Въ самомъ дѣлѣ, стоило ли доказывать, что по естественному праву настоящій воръ — богатый, что бѣднякъ, который отнимаетъ у него имущество, лишь возстановляетъ свое поруганное право, если въ заключеніе Бриссо все же призываетъ къ защитѣ гражданской собственности, т.-е. того же самаго вора — богатаго, и къ наказанію покушающагося на нее бѣдняка. Все, чего онъ требуетъ, это смягченіе законовъ противъ воровства: отмѣна смертной казни и полное освобожденіе отъ наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда кража совершена подъ вліяніемъ голода. Чтобы затушевать рѣзкость перехода, Бриссо пользуется уже знакомымъ намъ методомъ. Подобно Руссо, онъ заявляетъ, что возвращеніе къ естественному состоянію невозможно: оно для насъ страна химеръ, не болѣе; то, что хорошо въ естественномъ состояніи, не годится для человѣка въ обществѣ. Но если такъ, то всѣ его разсужденія о естественномъ правѣ собственности теряютъ свое практическое значеніе, и изъ нихъ нельзя сдѣлать даже такого скромнаго вывода, какой дѣлаетъ Бриссо.

Если мы забудемъ на время конечную цѣль всѣхъ разсужденій Бриссо и обратимъ вниманіе только на его теорію, то мы

найдемъ въ ней мало оригинальнаго. Общая характеристика естественнаго порядка, перехода къ общественному порядку, критика послѣдняго — все это явно заимствовано у Руссо. Единственная разница — это названіе «собственность», введенная Бриссо для обозначенія естественнаго права пользованія предметами внѣшняго міра въ цѣляхъ удовлетворенія человѣческихъ потребностей. И тутъ можно говорить лишь о *названіи*, такъ какъ самое понятіе, безъ всякаго сомнѣнія, имѣется у учителей школы. Какъ бы то ни было, установленное Бриссо противоположеніе естественной собственности и собственности гражданской сыграло извѣстную роль въ дальнѣйшемъ развитіи теоріи, слившись съ другимъ болѣе грубымъ противоположеніемъ: имущества необходимаго (nécessaire) и имущества излишняго (superflu). Такимъ образомъ мелкая собственность, какъ имущество необходимое, получила санкцію естественнаго права, а собственность крупная, какъ излишекъ, была этой санкціи лишена. Такое видоизмѣненіе — можно смѣло сказать, такую вульгаризацію — ученія Руссо мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ дѣятелей конвента.

Бриссо — одинъ изъ самыхъ умѣренныхъ учениковъ Руссо; Госселенъ, наоборотъ, пожалуй, самый радикальный представитель того же направленія. Его практическая программа ближе всего къ корсиканскому проекту Руссо. Но различіе въ томъ, что Госселенъ считаетъ свой проектъ осуществимымъ въ большихъ современныхъ ему государствахъ, въ томъ числѣ и во Франціи. **Госселенъ.**

Мы не будемъ излагать подробно теоретическую часть «Размышленій» Госселена: въ существенныхъ чертахъ это теорія страстей Мабли. Неравенство — результатъ жадности; задача законодателя — подавленіе жадности и установленіе равенства. Какъ же достигнуть этой цѣли? Возвращеніе къ естественному коммунизму невозможно, законы противъ роскоши безполезны. Тѣмъ не менѣе, Руссо неправъ, осуждая вмѣстѣ съ неравенствомъ самое общество. Вполнѣ возможно, сохраняя общество, уничтожить неравенство. «Наиболѣе быстрый способъ разрушить неравенство — обращеніе всѣхъ имуществъ въ общественную собственность и затѣмъ равный раздѣлъ по примѣру спартанскаго законодателя». Госселенъ предвидитъ возможныя возраженія насчетъ законности такой экспропріаціи, и въ отвѣтъ на нихъ приводитъ уже знакомую намъ теорію естественной и гражданской собственности. Основа естественной собственности — потребность; всѣ люди имѣютъ рав-

ное право на всѣ вещи, необходимыя для ихъ существованія. Фактическія отношенія собственности — результатъ узурпаціи. Частныя лица могутъ быть лишь временными владѣльцами вещей, истинный собственникъ которыхъ общество. Если бы объ этихъ истинахъ помнили при первомъ раздѣлѣ имущества, то люди не знали бы золъ неравенства. Но и теперь еще не поздно вернуться къ тому же положенію вещей при помощи общей экспропріаціи. Если же такой путь будетъ признанъ опаснымъ, возможно достигнуть той же цѣли другимъ путемъ, безъ всякаго насилія. Прежде всего всѣ земли, которыя вовсе не распаханы или заброшены владѣльцами въ теченіе десяти лѣтъ (исключая лѣса и луга), всѣ королевскіе домены, всѣ церковныя владѣнія должны быть разбиты на равные участки и распредѣлены между бѣдняками. При этомъ государство должно придти имъ на помощь ссудой на обзаведеніе хозяйственнымъ инвентаремъ. Земли, принадлежащія частнымъ владѣльцамъ, постепенно выкупаются государствомъ, которое ассигнуетъ на эту цѣль ежегодно десять милліоновъ. Эти земли, разумѣется, тоже дробятся. Результатъ этихъ мѣропріятій скажется уже черезъ нѣсколько лѣтъ: вся почва Франціи будетъ распредѣлена равномѣрно между ея счастливыми обитателями.

Верховная собственность на землю должна остаться, повидимому, у государства; частныя лица будутъ лишь пользоваться правами наслѣдственныхъ арендаторовъ. Въ одномъ случаѣ Госселенъ называетъ ихъ колонами, въ другомъ говоритъ, что они будутъ платить цензъ. Чтобы удержать равенство, чтобы помѣшать новому накопленію богатствъ, надѣлы будутъ объявлены недѣлимыми и неотчуждаемыми. Всякій будетъ имѣть ровно столько земли, сколько ему необходимо для безбѣднаго существованія. Многосемейнымъ будутъ выдаваться государствомъ дополнительные надѣлы, наслѣдство бездѣтныхъ будетъ переходить къ ближайшему безнадѣльному родственнику. Излишекъ населенія будетъ уходить въ колоніи новаго свѣта. Новый режимъ принесетъ, разумѣется, гибель безполезнымъ искусствамъ, производству предметовъ роскоши; зато полезныя ремесла и торговля будутъ при немъ процвѣтать. Госселенъ понимаетъ, что они могутъ явиться новымъ источникомъ неравенства, но это неравенство, по его мнѣнію, не можетъ быть особенно значительно, если въ земельномъ строѣ будутъ строго соблюдаться указанные выше принципы.

Госселенъ — довольно наивный мечтатель, очень плохо разбирающійся въ окружающей его общественной жизни. Но эта самая наивность придаетъ его мечтамъ ту привлекательную смѣлость, ту принципіальную послѣдовательность, которыхъ мы напрасно стали бы искать у другихъ, болѣе крупныхъ представителей эгалитарной школы. И въ этихъ особенностяхъ — его право на наше вниманіе.

VI.

Мы видѣли, что по своей программѣ Мабли такой же утопистъ - ретроградъ, такой же идеологъ мелкой собственности и натуральнаго хозяйства, какъ Руссо. Тѣмъ не менѣе, благодаря своей коммунистической теоріи, онъ долженъ считаться однимъ изъ учителей французскихъ соціалистовъ эпохи революціи. Но во Франціи XVIII в. были и болѣе послѣдовательные защитники коммунизма. Ихъ немного, они не особенно популярны, пролетаріатъ — ихъ естественная аудиторія — еще далекъ отъ сознанія своихъ классовыхъ интересовъ, и все же всякій интересующійся развитіемъ общественной мысли неизбѣжно заинтересуется и этими предтечами великаго соціалистическаго движенія XIX в.

Въ началѣ 30-хъ годовъ XVIII вѣка въ бѣдной шампанской деревушкѣ жилъ скромный священникъ Жанъ Мелье. Вступивъ въ борьбу съ мѣстнымъ сеньёромъ за интересы крестьянъ, онъ, разумѣется, оказался побѣжденнымъ и, не вынеся чувства унизительнаго безсилія, рѣшилъ покончить съ собой. Но передъ смертью онъ написалъ въ высшей степени интересную книгу, въ которой подвергъ уничтожающей критикѣ всѣ основы существующаго строя: религію и церковь, монархію и сословныя привилегіи, имущественное неравенство и частную собственность. Судьба этой книги очень печальна и въ извѣстной мѣрѣ можетъ служить какъ бы символистическимъ изображеніемъ судьбы практическаго коммунизма въ XVIII вѣкѣ. Она вскорѣ стала извѣстна въ литературныхъ кругахъ Парижа и выдержки изъ нея были напечатаны самимъ Вольтеромъ. Конечно, Мелье—соціалиста не было въ этихъ выдержкахъ: Вольтеръ совсѣмъ не сочувствовалъ потрясенію частной собственности. Затѣмъ ее надолго забыли. И только въ срединѣ XIX вѣка «Завѣщаніе» Мелье было случайно найдено и, наконецъ, издано цѣликомъ. Такимъ образомъ, о вліяніи книги на развитіе соціалистическихъ взглядовъ почти

Мелье.

не можетъ быть и рѣчи. Она интересна, какъ выраженіе настроенія интеллигентнаго человѣка начала XVIII вѣка, живущаго вдали отъ большихъ городовъ, въ непосредственномъ соприкосновеніи съ крестьянской массой, и глубоко сочувствующаго этой массѣ. Крестьяне на его глазахъ переживаютъ тяжелый экономическій кризисъ, о которомъ мы говорили въ началѣ статьи, и Мелье, по мѣрѣ своихъ силъ и знаній, ищетъ изъ него выхода.

Какъ и Мабли, Мелье исходитъ изъ идеи естественнаго равенства людей. *Всѣ люди имѣютъ равное право жить и пользоваться нѣкоторой частью благъ земныхъ, занимаясь полезнымъ трудомъ.* Между тѣмъ, въ дѣйствительности, одни тираннически господствуютъ надъ другими и получаютъ въ жизни всякія удовольствія, а другіе, жалкіе рабы, стонутъ всю жизнь подъ бременемъ труда и нищеты. Въ мірѣ царитъ вопіющая несправедливость. Слезы обиженныхъ и страданія народа, угнетаемаго богатыми и сильными, внушаютъ такое отвращеніе и презрѣніе къ жизни, что хотѣлось бы умереть, или, еще лучше, вовсе не родиться.

Одно изъ самыхъ распространенныхъ золъ общественной жизни состоитъ въ томъ, что всѣ блага и богатства земли находятся въ частномъ владѣніи. Жадность человѣка ненасытна и пробуждаетъ въ немъ всѣ его порочныя наклонности. Частная собственность это какъ бы открытая дверь для ея дѣятельности. Люди, чтобы обезопасить себя отъ нужды или чтобы достигнуть возможности удовлетворять всѣ свои желанія, ведутъ ожесточенную борьбу за богатство. Самые сильные, хитрые, ловкіе, а часто самые злые, недостойные побѣждаютъ въ этой борьбѣ и захватываютъ въ свои руки жизненныя блага. Такъ возникаетъ неравенство въ распредѣленіи богатствъ.

Но этого мало: на ряду съ нимъ существуетъ еще неравенство сословное. Ничтожная кучка знатныхъ, всѣ привилегіи которыхъ коренятся въ совершенныхъ ихъ предками грабежахъ и насиліяхъ, считаютъ простолюдиновъ своими подданными, пожалуй, даже рабами. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ крестьяне не рабы знатныхъ? Нѣтъ ничего болѣе жалкаго и несчастнаго, чѣмъ французскій крестьянинъ. Онъ работаетъ на дворянъ и, напрягая всѣ свои силы, едва зарабатываетъ на пропитаніе самому себѣ. Самый маленькій дворянчикъ заставляетъ крестьянина трепетать передъ собой; не довольствуясь тѣми податьми и барщинами, которыя считаются законными, онъ стремится урвать у нихъ все, что

только можетъ и какъ только можетъ — силой или хитростью. «Вамъ говорятъ о дьяволахъ, дорогіе друзья, васъ заставили повѣрить, что дьяволы, это самыя злыя и отвратительныя существа... Но знайте, что для васъ нѣтъ болѣе злыхъ дьяволовъ, чѣмъ люди, о которыхъ я сейчасъ говорю; у васъ нѣтъ злѣйшихъ враговъ, чѣмъ знатные, великіе и богатые».

Кромѣ дворянъ на шеѣ народа сидитъ еще масса другихъ тунеядцевъ. Одни монахи чего стоятъ. Не принося рѣшительно никакой пользы обществу, бездѣльничая, въ буквальномъ смыслѣ слова, они обладаютъ огромными богатствами и живутъ въ свое удовольствіе, несмотря на свои обѣты отреченія отъ міра и умерщвленія плоти. Какое безуміе содержать ихъ на счетъ труда другихъ. «Природа настолько плодородна, съ сочувствіемъ цитируетъ Мелье Фенелона, что она могла бы дать все, что нужно, безконечному числу умѣренныхъ и трудолюбивыхъ людей, но гордость, изнѣженность и тунеядство однихъ повергаютъ другихъ въ бѣдность и нищету».

Такимъ образомъ критика частной собственности тѣсно сплетается у Мелье съ критикой соціальнаго строя старой Франціи. Очевидно, для него совершенно нечувствительна грань, отдѣляющая принципы, въ его время уже отмиравшіе, отъ тѣхъ, которымъ суждена была еще долгая жизнь и долгое господство.

Какимъ же образомъ держится этотъ явно-несправедливый строй? Какимъ образомъ меньшинство ухитряется властвовать надъ большинствомъ и эксплоатировать его? Само собою разумѣется, что оно пользуется при этомъ простымъ насиліемъ. Но такое средство было бы безсильно, если бы народы, одураченные хитрой ложью, не подставляли добровольно свои шеи подъ ярмо. Эта ложь — заблужденіе и предразсудки, объединяемые въ одно цѣлое подъ названіемъ религіи. Злоупотребляя легковѣріемъ и невѣжествомъ массъ, люди сильные легко убѣждаютъ ихъ во всемъ, въ чемъ хотятъ, а затѣмъ уже заставляютъ принять съ покорностью и уваженіемъ свои законы. Въ союзѣ двухъ видовъ лжецовъ — свѣтскихъ правителей и духовенства — истинный источникъ всѣхъ бѣдствій. Религія поддерживаетъ правительство, хуже котораго не можетъ быть, а правительство поддерживаетъ религію, нелѣпѣе которой не можетъ быть. Духовные приказываютъ повиноваться властямъ, какъ поставленнымъ отъ Бога, подъ страхомъ проклятія и вѣчнаго наказанія. А свѣтскія власти за-

ставляютъ относиться съ почтеніемъ къ духовнымъ и защищаютъ предразсудки, которые проповѣдуютъ священники.

Мелье, какъ и Мабли, прекрасно понимаетъ, что поведеніе различныхъ общественныхъ группъ диктуется ихъ интересами, что одни общественные слои, по самому своему положенію, являются защитниками существующаго порядка, а другіе — естественными его противниками. Нѣтъ никого, говоритъ онъ, кто бы рѣшился вступить въ борьбу со зломъ: одни не хотятъ, другіе не могутъ. Не хотятъ всѣ сильные, богатые, знатные, всѣ любящіе спокойную и сладкую жизнь, не могутъ бѣдняки, выносящіе на своихъ плечахъ все бремя общественнаго строя. Причина ихъ безсилія въ ихъ невѣжествѣ и въ ихъ разъединенности. Задача друзей народа, такимъ образомъ, вполнѣ ясна. Это — просвѣщеніе массъ. Остальное — дѣло самого народа. Все отъ него зависитъ, все на немъ держится. «У знатныхъ не было бы больше богатствъ, чѣмъ у васъ, если бы вы не давали имъ своего богатства; у нихъ не было бы больше власти, чѣмъ у васъ, если бы вы не хотѣли подчиняться ихъ законамъ. Они пользуются вашими силами противъ васъ же самихъ.—Объединяйтесь же народы! васъ губитъ то, что вы сражаетесь другъ противъ друга вмѣсто того, чтобы сражаться въ однихъ рядахъ за общее дѣло». Если народъ будетъ дѣйствовать единодушно, то побѣдить ему уже не трудно. Чтобы изсушить корни тираніи, достаточно лишить ихъ питательныхъ соковъ. «Не давайте же ничего гордымъ и безполезнымъ бездѣльникамъ, не давайте ничего тиранамъ, которые васъ угнетаютъ; пусть ваши дѣти, ваши родные и друзья перестанутъ имъ служить — и вы увидите, какъ эти люди завянутъ, подобно травѣ, корни которой не получаютъ соковъ изъ земли».

Какъ удивительна эта проповѣдь международнаго объединенія угнетенныхъ, пассивной революціи — бойкота въ устахъ сельскаго священника начала XVIII вѣка. И, пожалуй, еще болѣе удивителенъ тотъ демократически-революціонный духъ, который проникаетъ книгу Мелье и который такъ чуждъ соціалистической и эгалитарной литературѣ XVIII вѣка. Мы видѣли, что мысль о революціи, какъ средствѣ улучшить бѣдственное положеніе народныхъ массъ, не приходитъ въ голову не только Мабли, но даже и Руссо, этому общепризнанному теоретику демократіи. Очевидно обстановка нищей деревни создавала нѣсколько иныя настроенія, чѣмъ обстановка парижскихъ салоновъ.

Идеалъ Мелье — коммунизмъ. Равенство въ трудѣ и наслажденіи — таковъ основной принципъ справедливаго соціальнаго строя. Коммунизмъ не ограничивается поэтому сферой производства, но простирается и на потребленіе. «Люди должны владѣть всѣми благами и богатствами земли сообща и на равныхъ правахъ, и пользоваться ими также сообща и равномѣрно. Всѣ жители одного города или одного прихода должны составлять какъ бы одну семью. Они должны жить вмѣстѣ, пользоваться одинаковой или подобной пищей, имѣть одинаково хорошую одежду, одинаково хорошее жилище. Съ другой стороны, всѣ обязаны принимать участіе въ общемъ трудѣ, каждый сообразно своей спеціальности. Выборные старцы должны руководить дѣлами.

Такова организація основной ячейки. Но она не остается изолированной. Между отдѣльными общинами должна существовать федеративная связь, такъ какъ безъ взаимной помощи ихъ благосостояніе не прочно.

При коммунистическомъ строѣ Мелье предвидитъ грандіозный подъемъ производительныхъ силъ, а въ связи съ нимъ быстрое повышеніе уровня общаго благосостоянія и сокращеніе рабочаго дня. Аскетическое противоположеніе изобилія и добродѣтели, которое мы встрѣчаемъ у Мабли, а отчасти и у Руссо, Мелье совершенно чуждо, какъ чужда ему вся христіанская мораль, съ ея проповѣдью терпѣнія и презрѣнія къ земнымъ благамъ.

Голоса такихъ скромныхъ и незамѣтныхъ людей, какъ Мелье, рѣдко становятся достояніемъ исторіи, между тѣмъ, какъ извѣстные симптомы, они далеко не маловажны. Мелье представляется намъ мыслителемъ совершенно одинокимъ, но почемъ мы знаемъ, сколько было еще людей, подобно ему заброшенныхъ судьбой въ глухія деревни, отрѣзанныхъ отъ общенія съ литературнымъ міромъ, подобно ему болѣзненно чувствующихъ всю несправедливость окружающей ихъ жизни? Почемъ мы знаемъ, наконецъ, какія смутныя мечты и надежды рождались въ средѣ самой обездоленной массы?

VII

Имя самаго виднаго теоретика-соціалиста до-революціонной Франціи — Морелли въ XVIII вѣкѣ было почти такъ же мало извѣстно, какъ и имя Мелье. Главная его книга (code de la Nature) вышла анонимно и долгое время приписывалась Дидро. **Морелли.**

Это обстоятельство было, конечно, очень невыгодно для автора, но зато выгодно для самой книги: имя Дидро придало ей особую авторитетность. Первые практическіе соціалисты — Бабефъ и его товарищи по заговору — считали Морелли-Дидро своимъ главнымъ учителемъ.

Теорія Морелли во многомъ напоминаетъ Мабли. *По естественнымъ своимъ качествамъ человѣкъ добръ*: онъ стремится сохранить свое бытіе при помощи данныхъ природой естественныхъ и невинныхъ средствъ. Природа во избѣжаніе застоя создала его такъ, чтобы потребности нѣсколько превышали силы. *Эта слабость людей должна была ихъ сблизить и развить въ нихъ общественныя чувства.* Такъ какъ природа оставила нераздѣленными свои производительныя силы, то никто не могъ считать себя ихъ собственникомъ. Общество должно было покоиться на недѣлимости земли и на общемъ пользованіи ея продуктами. Равенство потребностей естественно вызывало идею равенства правъ, а изобиліе не давало развиться соперничеству. Такимъ образомъ, природа направляла общество къ одной цѣли: общему благу. Мораль и политика должны были лишь помогать этимъ естественнымъ тенденціямъ.

Первоначальной формой правленія былъ патріархатъ: вся власть принадлежала отцамъ семействъ. Но съ ростомъ народовъ чувство единства и авторитетъ отцовъ ослабѣли, явилась потребность въ законахъ. Это былъ критическій моментъ въ исторіи человѣчества: дальнѣйшій ходъ развитія зависѣлъ отъ того, каковы будутъ эти законы. Къ сожалѣнію, законодатели не считались съ природой, забыли укрѣпить чувство общественности и создали конституціи, которыя были причиной всѣхъ послѣдующихъ золъ. Ихъ *основная ошибка — раздѣлъ общаго имущества*. Какой бы равный ни былъ раздѣлъ, всякая *частная собственность — summi materia mali*. Разрушивъ естественный коммунизмъ, законодатели порвали связи общественности. Съ другой стороны, вмѣстѣ съ частной собственностью, родился основной порокъ — жадность, своекорыстіе, изъ котораго исходятъ всѣ остальные. Такъ добрый по природѣ человѣкъ сталъ злымъ.

Послѣ первой ошибки наши законы впали во вторую: они усвоили идею о первичной испорченности человѣка. Между тѣмъ всѣ кодексы были бы не нужны, если бы у людей не было мотивовъ вредить другъ другу. При господствѣ частной собственности надо всѣмъ царитъ духъ личнаго интереса. И, наоборотъ, стоитъ

возстановить общность имущества и онъ будетъ подавленъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ всякое зло.

Люди мало-по-малу начинаютъ понимать истину. Раньше они почувствовали нужду въ законахъ, не зная, каковы хорошіе законы. Нужны были заблужденія и преступленія, чтобы показать человѣческому разуму, что коммунистическій строй — самый лучшій. Почти у всѣхъ народовъ есть идея золотого вѣка, когда царили общественныя добродѣтели. Но тогда люди относились къ нему *безсознательно*. Теперь можно надѣяться, что человѣчество вернется къ нему *сознательно*. Быть можетъ къ этой высокой цѣли Провидѣніе и вело человѣческій родъ.

Для осуществленія необходимой реформы нужно одно условіе: полная свобода критики и пропаганды. *Стоитъ разсѣять тѣ предразсудки, которые служатъ опорой частной собственности, и человѣчество легко пойметъ преимущества коммунизма.*

Заключительная часть книги Морелли содержитъ подробно разработанный проектъ коммунистическаго государства. Въ первомъ параграфѣ стоятъ три основныхъ закона: 1) ничто въ обществѣ не можетъ быть личной собственностью, кромѣ того, что идетъ непосредственно на потребленіе; 2) всѣ граждане содержатся обществомъ; 3) всякій, сообразно съ силами, талантомъ и возрастомъ, принимаетъ участіе въ общественномъ трудѣ. Дальнѣйшіе параграфы касаются деталей распредѣленія, организаціи труда и управленія. Продукты, которые могутъ долго сохраняться, должны всѣ сосредоточиваться въ общественныхъ магазинахъ и оттуда распредѣляться; продукты, которые быстро портятся, будутъ приноситься въ общественныя мѣста и тамъ раздаваться тѣми самыми людьми, которые ихъ изготовляютъ. Количество производимыхъ продуктовъ должно быть пропорціонально числу гражданъ, если же какого-либо предмета не будетъ хватать на всѣхъ, то его раздача будетъ прекращена или доля каждаго уменьшена. Ни торговли, ни мѣны между гражданами не будетъ. Можно разрѣшить лишь мѣновую торговлю съ иностранными государствами, но она должна производиться подъ строгимъ контролемъ, чтобы благодаря ей въ республикѣ не возникла частная собственность. Каждый гражданинъ въ 10 лѣтъ начинаетъ изучать ту профессію, которая ему нравится (2°); 15 или 18 лѣтъ онъ женится; отъ 20 до 25 онъ занимается хлѣбопашествомъ. Если послѣ 25 лѣтъ онъ пожелаетъ заняться той

профессіей, которую онъ избралъ раньше, то онъ сразу становится мастеромъ. Если онъ предпочитаетъ другую, то до 30 лѣтъ онъ долженъ быть простымъ рабочимъ. Съ 40 лѣтъ гражданинъ становится рабочимъ-волонтеромъ, т.-е. вполнѣ свободнымъ въ выборѣ занятія. Стариковъ, больныхъ и слабыхъ содержитъ общество. Въ каждой профессіи распредѣленіемъ труда завѣдуютъ старшіе и наиболѣе опытные мастера поочередно. До 30 лѣтъ гражданинъ обязанъ носитъ форму, назначенную для его профессіи, послѣ 30 лѣтъ онъ можетъ выбирать себѣ одежду по своему вкусу. (4⁰).

Управленіе республикой носитъ странный и сложный характеръ; это — довольно причудливое соединеніе патріархальнаго начала съ выборнымъ. Вся нація раздѣлена на равныя провинціи, провинція на равныя cités, cité на трибы, трибы — на фамиліи. Каждая фамилія поочередно даетъ изъ своей среды начальника трибы, начальники трибъ поочередно занимаютъ постъ начальника cité и т. д. Этимъ начальникамъ принадлежитъ исполнительная власть: командованіе отрядами земледѣльцевъ, надзоръ за магазинами и т. д. Въ каждомъ cité есть кромѣ того сенатъ, состоящій изъ отцовъ семействъ не моложе 50 лѣтъ. Эти мѣстные сенаты выбираютъ ежегодно депутатовъ въ сенатъ республики. Послѣднему принадлежитъ власть законодательная и наблюденіе за примѣненіемъ законовъ (7⁰ и 8⁰).

Въ послѣднихъ параграфахъ бросается въ глаза законъ о бракѣ. Бракъ въ утопіи Морелли обязателенъ, только съ 40 лѣтъ граждане освобождаются отъ этой повинности. Суровый законъ лишь немного смягчается разрѣшеніемъ развода послѣ 10-лѣтней супружеской жизни (9⁰).

При всемъ сходствѣ между теоріями Морелли и Мабли, не трудно замѣтить, что онѣ расходятся, какъ разъ въ самомъ существенномъ: въ отношеніи къ прогрессу. Для Мабли, какъ и для Руссо, золотой вѣкъ позади, цивилизація — только упадокъ, только разложеніе общества, возвращеніе къ райскому блаженству естественнаго состоянія невозможно, благодаря испорченности человѣчества. Ихъ теоріи очень напоминаютъ христіанское ученіе о грѣхопаденіи, только безъ вѣры въ Искупителя. Морелли согласенъ съ ними относительно прошлаго. Но онъ очень оптимистиченъ. Будущее представляется ему въ еще болѣе розовыхъ краскахъ, чѣмъ прошлое, и вслѣдствіе этого иначе онъ оцѣниваетъ настоящее. При всѣхъ бѣдствіяхъ и порокахъ, вызываемыхъ

частной собственностью, оно для него какъ бы переходная ступень отъ безсознательнаго блаженства къ сознательному, періодъ тяжелый, но необходимый для конечнаго торжества цѣлей Провидѣнія, суровая школа человѣчества.

Такимъ образомъ получается своеобразная теорія прогресса, конечнымъ этапомъ котораго служитъ не буржуазный строй, какъ у Барнава и Кондорсэ, а соціалистическій. Это — теорія еще вполнѣ раціоналистическая: паденіе первобытнаго коммунизма объясняется въ ней невѣжествомъ, для его возстановленія достаточно просвѣщенія. Въ этомъ отношеніи Морелли далеко не только до Барнава, но даже до Руссо и Мабли, у которыхъ можно уже найти нѣкоторые зачатки матеріалистическаго пониманія исторіи. Руссо отмѣчаетъ вліяніе на человѣчество смѣны способовъ производства и распредѣленія собственности, Мабли подчеркиваетъ противорѣчіе классовыхъ интересовъ въ современномъ обществѣ. Морелли ничего этого не видитъ, исторія складывается у него изъ промаховъ человѣческаго разума и изъ ихъ исправленій. Человѣчество какъ бы рѣшаетъ задачу. Допустивъ ошибку въ самомъ началѣ, оно страдаетъ, пока ее не откроетъ; но, найдя, въ чемъ она состояла, неизбѣжно приходитъ къ правильному рѣшенію.

Много еще времени должно было пройти, пока соціалистическая теорія, связавъ свою судьбу съ борьбой пролетаріата, смогла освободиться отъ историческаго идеализма, смогла воспринять и развить въ законченную систему тѣ принципы философіи исторіи, которые въ XVII столѣтіи были формулированы съ наибольшей отчетливостью Барнавомъ. Соціализмъ до-революціонной Франціи не имѣетъ корней въ народной массѣ, онъ — лишь смѣлая мечта немногихъ народолюбивыхъ интеллигентовъ. Не будемъ же требовать отъ нихъ того, чего они дать не могли, и признаемъ ихъ дѣйствительныя заслуги: искреннюю любовь къ человѣку, вѣру въ его свѣтлое будущее, рѣшительность въ критикѣ общественныхъ золъ и послѣдовательность въ формулировкѣ практическихъ требованій.

Вяч. Волгинъ.

Физiократы.

Съ именемъ физiократовъ или «экономистовъ» XVIII вѣка (въ отличiе отъ «философовъ» или энциклопедистовъ) связано представленiе не только объ опредѣленной экономической доктринѣ, но и новомъ мiросозерцанiи, пришедшемъ на смѣну идеямъ стараго порядка. Уже самыя названiя школы — физiократы, физiократiя, указываютъ на новый идейный смыслъ, который несло съ собой молодое ученiе и которому суждено было произвести переворотъ въ философско-экономическихъ понятiяхъ эпохи. Вѣрѣ, характеризовавшей ученiе меркантилистовъ, въ спасительную силу положительнаго закона и администрацiи физiо-

---

Литература: *W. Hasbach.* Die allgemeinen philosphischen Grundlagen der von François Quesnay und A. Smith begrundeten politischen oekonomie. 1890. *G. Kellner.* Zur Geschichte des Physiocratismus. 1847. *Lavergne.* Les économstes français du XVIII-e siècle 1870. Статью *Lexis'a* «Physiocratische Schule въ Handwörterb. der Staatswiss. *M. Ковалевскiй.* Происхожденiе современной демократiи, т. I, ч. III. *Н. Карѣевъ.* Крестьяне и крестьянскiй вопросъ во Францiи въ послѣдней $^1/_4$ XVII стол., гл. V. 1879. *Гиггсъ.* Физiократы. 1899 (въ концѣ книги обильный указатель литературы) *K. Knies.* Karl Friedrichs von Baden brieflicher Verkehr mit Mirabeau und Du-Pont I—II 1892 г. и особенно сочиненiя наиболѣе авторитетныхъ изслѣдователей физiократич. доктрины: *A. Oncken'a*—Ст. «Quesnay». Въ Handw. der Staatswiss., ст. «Zur Geschichte der Physiokratie въ Schmoller's Iahrbuch. 1893, «Entstehen und Werden der physiokratischen Theorie въ Vierteljahrschrift für Staats-und Volkswirtschaft hrsg. von K. Frankenstein. 18$^{96}/_{97}$, «Der ältere Mirabeau und die Oekonomische Gesellschaft in Bern». 1886., «Die Maxime Laissez-faire et Laissez-passer, ihr Ursprung, ihr Werden». 1886, «Geschichte der Nationalökonomie. 1. Die Zeit vor Ad. Smith» 1902 (русск. пер. 1908 г.) и *G. S. Chelle.* «Dupont de Nemourset l'école Physiocratique». 1888, «Vincent de Gournay». 1897.

Наиболѣе значительныя произведенiя физiократовъ изданы подъ ред. Дэра въ «Collection des principaux économistes. Physiocrates». I—II. 1846. Сочиненiя Кенэ переизданы А. Онкеномъ въ 1888 г. («Oeuvres de Quesnay»). На русск. яз. *Ф. Кенэ.* Выбранныя мѣста изъ его сочиненiй со вступит. статьей (А. Миклашевскаго. 1896 . Сочиненiя Тюрго переизданы Дэромъ въ 1844 г. I—II. «Oeuvres de Turgot»). На русск. яз. *Тюрго.* «Размышленiя» изд. А. Миклашевскимъ.

краты противопоставили глубокое убѣжденіе въ торжествѣ извѣчныхъ законовъ природы надъ временными и случайными твореніями человѣка [1]). Задача законодателя заключается, по ученію физіократовъ, въ познаніи абсолютныхъ, неизмѣнныхъ законовъ «естественнаго порядка». Воплощеніе ихъ въ жизни — таковъ смыслъ его творческой дѣятельности.

Франсуа Кене, отецъ физіократіи, его ученіе.

Основоположникомъ физіократическаго міросозерцанія былъ врачъ Франсуа Кенэ (1694 — 1774). Именно его воззрѣніямъ было суждено не только произвести переворотъ въ современныхъ ему соціально-экономическихъ понятіяхъ, образовать цѣлую школу, но оставить также глубокій слѣдъ и на послѣдующей разработкѣ экономической науки.

Изученіе экономики Кенэ невозможно безъ знакомства съ его политико-правовой концепціей, такъ какъ правовыя и политическія идеи Кенэ являются органическимъ элементомъ его «экономической науки» (science économique), представляющей собой чуть ли не всю совокупность современныхъ ему знаній объ обществѣ. Въ этой универсальной наукѣ нѣтъ еще привычныхъ намъ классификацій отдѣльныхъ научныхъ знаній. Для Кенэ мораль и политика, напр., неразличимы; этика, экономика, политика представляютъ въ сущности одно и то же значеніе. Въ основѣ соціологическихъ построеній Кенэ лежатъ идеи естественнаго права. Въ кажущемся хаосѣ общественныхъ явленій онъ склоненъ видѣть строгую закономѣрность, «естественный порядокъ» (ordre naturel), носящій извѣстный характеръ.

„Естественный“ порядокъ и „положительный“ порядокъ.

Законы «естественнаго порядка» созданы Богомъ. Они — абсолютны, вѣчны, неподвижны и задача благоустроеннаго человѣческаго общежитія заключается въ томъ, чтобы познать ихъ и, согласно имъ, строить свою общественную организацію. Порядокъ, создаваемый человѣчествомъ въ соотвѣтствіи съ извѣчными принципами естественнаго порядка, Кенэ, а вслѣдъ за нимъ и вся физіократическая школа, называетъ «положительнымъ» или «позитивнымъ порядкомъ» (ordre positif). Этотъ порядокъ, въ отличіе отъ перваго, носитъ временный, относительный характеръ, не можетъ почитаться неизмѣннымъ и какъ работа фило-

---

[1]) Физіократія, въ буквальномъ переводѣ съ греческаго, значитъ господство природы.

софской мысли, такъ и практика законодателя должны быть направлены къ постоянному усовершенствованію положительнаго законодательства, положительнаго порядка въ духѣ идеальныхъ законовъ естественнаго права. Отсюда творящей человѣческой мысли ставится широкая программа — изученіе мірового процесса въ его цѣломъ, ибо познаніе существующихъ положительныхъ законовъ недостаточно для обезпеченія и укрѣпленія «экономическаго управленія» (gouvernement économique), являющагося для Кенэ синонимомъ благосостоянія [1]).

Естественный порядокъ, по мысли Кенэ, есть прежде всего утвержденіе основного «естественнаго права», которое не терпитъ никакого умаленія — права частной собственности. Въ пользованіи этимъ правомъ каждая личность должна быть совершенно свободна. Смыслъ самого правительства сводится къ охранѣ права собственности. Кенэ не отступаетъ передъ мыслью о неравенствѣ, являющемся естественнымъ результатомъ подобнаго порядка вещей. Способности къ увеличенію своего имущества и энергія людей различны. Одни побѣждаютъ, другіе падаютъ. Но Кенэ и прочіе физіократы не боятся этой борьбы; они полагаютъ, что она способна вызвать въ соперникахъ соревнованіе и является, такимъ образомъ, стимуломъ прогресса. Терніи общественной жизни — плодъ предустановленнаго мірового порядка, неизбѣжный моментъ въ общей экономіи природы. И тѣмъ не менѣе Кенэ — что было замѣчательно для его эпохи — высказывается также за естественное право каждаго на «поддержаніе жизни», возлагая на организованное общество функціи взаимопомощи.

„Легальный деспотизмъ“.

Необходимый регуляторъ внутреннихъ отношеній, построенныхъ на свободной конкурренціи, Кенэ видитъ въ установленіи надлежащаго правительства, стоящаго надъ противорѣчивыми общественными интересами, внѣ партійныхъ симпатій и несогласій. Такимъ правительствомъ, по мысли Кенэ, не можетъ быть конституціонализмъ, который передовая буржуазія этой эпохи мечтала пересадить съ англійской почвы на континентъ. Конституціонализмъ можетъ оказаться во власти того или другого общественнаго интереса и можетъ быть использованъ во вредъ другимъ.

[1]) Различеніе «естественнаго» и «положительнаго» порядковъ является краеугольнымъ пунктомъ въ ученіи Кенэ. И когда впослѣдствіи физіократовъ обвиняли въ утопизмѣ, игнорированіи «положительнаго порядка», стремленіи пересадить цѣликомъ на землю «естественный порядокъ», въ этомъ гораздо болѣе была повинна школа, ученики, чѣмъ духовный вождь физіократіи.

Естественнымъ правительствомъ, способнымъ подняться надъ борьбой враждебныхъ интересовъ, является неограниченная монархія, управляемая на основаніи «общихъ» законовъ, форма правительства, которую Кенэ называетъ «легальнымъ деспотизмомъ» (despotisme légal, d. légitime, pouvoir absolu reglé par les lois). Всякое раздѣленіе власти, — училъ физіократъ Мерсье де-ла Ривьеръ, — находится въ глубокомъ противорѣчіи съ естественнымъ порядкомъ... Физически невозможно, чтобы могло существовать иное правительство, чѣмъ правительство одного... Уже въ силу того, что человѣку суждено жить въ обществѣ, ему суждено жить и подъ деспотической формой правленія... Только эта форма можетъ обезпечить обществу наилучшія условія существованія. Почти то-же самое говорилъ другой крупный физіократъ — аббатъ Бодо, вѣрившій, что торжество «истиннымъ принципамъ» (vrais principes) можетъ быть гораздо скорѣе обезпечено властью одного суверена, чѣмъ трудно достижимымъ перевоспитаніемъ всего народа. Наконецъ, Дю-Понъ, лучшій хранитель традицій физіократіи, категорически высказывался за неограниченную, наслѣдственную монархическую власть.

Политическая философія физіократовъ оказывается, такимъ образомъ, очень близкой бюрократическимъ проектамъ реформъ Буагильберга, Вобана, Форбоннэ.

Основными задачами правительства физіократы считаютъ: внѣшнюю защиту страны или обезпеченіе внѣшней безопасности, а, слѣдовательно, организацію постоянной арміи, охрану естественнаго права собственности, организацію правосудія, наконецъ, введеніе всеобщаго обязательнаго начальнаго обученія.

Изъ политико-правовой концепціи Кенэ вытекаетъ и все экономическое ученіе физіократовъ.

Экономическое ученіе физіократовъ.

Полная свобода хозяйствующей личности — вотъ принципъ, одухотворяющій экономическое міросозерцаніе физіократовъ. Это признаніе свободы не можетъ быть понимаемо, разумѣется, въ смыслѣ отказа отъ экономической политики вообще, какъ отдѣльные изслѣдователи пытались характеризовать физіократическую систему. Даже такіе страстные и послѣдовательные отрицатели правительственной регламентаціи изъ физіократовъ, какъ Тюрго, не только намѣчали опредѣленную программу правительственныхъ реформъ, но и проводили ихъ въ жизнь съ неуклонной суровостью. Но всѣ эти реформы, по мысли физіократовъ, должны были служить торжеству началъ свободной конкуренціи, ибо

монополіи и правительственныя и частныя гибельно отражаются на самыхъ дорогихъ для физіократовъ интересахъ — интересахъ потребителя. Въ этомъ центральномъ пунктѣ экономическаго міросозерцанія физіократовъ громко звучитъ революціонная нота. Послѣ регламентацій и запрещеній стараго порядка, разнузданнаго торжества откупной системы, пренебреженія интересами потребителя въ угоду сословныхъ монополій или привилегій впервые раздалось требованіе предоставить всѣмъ равную «священную свободу» (liberté sacrée) распоряжаться своимъ имуществомъ, самостоятельно защищать свои личные интересы.

„Чистый доходъ“.

Новой чертой, рѣзко отдѣляющей доктрину физіократовъ отъ предшествовавшей имъ экономической мысли, является то исключительное вниманіе, которое они удѣляютъ въ своей системѣ земледѣлію. Вниманіе правительственной политики прошлыхъ лѣтъ было обращено исключительно на торгово-промышленную индустрію; развитіе и укрѣпленіе ея составляло главный предметъ заботъ и меркантилистовъ. Въ системѣ физіократовъ земледѣліе выступаетъ на первый планъ. Земля объявляется единственнымъ источникомъ всѣхъ созидаемыхъ богатствъ; только она даетъ «чистый доходъ» (produit net); промышленность и торговля не создаютъ ничего новаго, онѣ заняты лишь переработкой сырья, доставляемаго земледѣліемъ. Отсюда главныя заботы государства должны быть направлены на поддержаніе и укрѣпленіе сельскаго хозяйства — увеличеніе «чистаго дохода». Этого требуютъ самые насущные интересы страны; отъ процвѣтанія земледѣлія зависитъ процвѣтаніе промышленности, торговли, наукъ, искусствъ.

И чрезвычайно интересно прослѣдить отношеніе Кенэ, а вслѣдъ за нимъ и другихъ физіократовъ, къ различнымъ группамъ населенія, въ зависимости отъ рода ихъ занятій. Такихъ основныхъ группъ въ схемѣ Кенэ можно насчитать четыре.

Основныя группы населенія.

Во-первыхъ, классъ землевладѣльцевъ (classe des propriétaires), включающій оба первыя сословія—дворянство и духовенство. Въ ихъ рукахъ сосредоточены земельныя богатства, имъ же принадлежатъ первоначальныя затраты на землю и устройство необходимыхъ приспособленій для ея обработки (дороги, ирригація, зданія и пр.). Дальнѣйшая обработка почвы, какъ и полученіе самаго продукта находятся въ рукахъ собственно производительнаго класса — земледѣльцевъ-арендаторовъ. Послѣдніе получаютъ за свой трудъ вознагражденіе въ формѣ предпринимательской прибыли, землевладѣльцы — «чистый доходъ» въ формѣ

арендной платы. Такъ какъ всѣ налоги у физіократовъ, какъ мы увидимъ дальше, падаютъ исключительно на «чистый доходъ», то и политическія права должны быть предоставлены только плательщикамъ налога, т.-е. землевладѣльцамъ. Всѣ высшія должности въ государствѣ замѣщаются ими же, но безъ всякаго вознагражденія.

Вторую группу образуетъ производительный классъ — земледѣльцы (classe productive). Ихъ трудомъ созидается тотъ излишекъ, который, за покрытіемъ расходовъ, обращается въ «чистый доходъ» и является единственнымъ источникомъ обогащенія націи. Подъ земледѣльцами Кенэ и физіократы разумѣютъ всюду не крестьянъ, характеризуемыхъ ими хищническими пріемами хозяйства, а классъ арендаторовъ, представителей крупной культуры. Они создаютъ «чистый доходъ» націи; поэтому, государство должно быть заинтересовано въ подъемѣ благосостоянія этой группы населенія.

Въ третью группу входятъ представители торговли и промышленности. Физіократы называютъ этотъ классъ «безплоднымъ» (classe stérile), такъ какъ онъ занимается переработкой и перемѣщеніемъ сырья и не создаетъ излишка, подобно земледѣльцамъ. Купцы разсматриваются физіократами, какъ паразиты, живущіе на счетъ потребителя; государство, поэтому, должно отказаться отъ покровительства купеческому классу и всѣми мѣрами содѣйствовать свободной конкуренціи между иностранными и туземными купцами. Отказъ отъ покровительственныхъ и запретительныхъ пошлинъ ведетъ къ пониженію купеческой прибыли, т.-е. чистому выигрышу потребителя. Совершенно послѣдовательно физіократы являются и горячими антагонистами модной тогда колоніальной политики; во всякомъ случаѣ, они требуютъ полнаго равноправія между метрополіей и колоніями.

Наконецъ, четвертая группа и наиболѣе обширная состоитъ изъ массъ бѣднѣйшаго населенія — мелкихъ ремесленниковъ, рабочихъ, поденщиковъ, неимущихъ и пр. Эта группа имѣетъ чисто потребительское значеніе и потому не занимаетъ виднаго мѣста въ экономической системѣ физіократовъ.

Экономическая политика.

Ученіе физіократовъ о первенствѣ земледѣлія надъ всѣми другими формами хозяйства и признаніе значенія производительнаго класса исключительно за земледѣльцами знаменуетъ собой полный и рѣшительный разрывъ съ господствовавшими тогда теченіями экономической практики. Меркантилисты призывали госу-

дарство къ заботамъ о торговлѣ и промышленности, пренебрегая интересами земледѣлія; физіократы приглашаютъ государство именно на немъ сосредоточить все свое вниманіе. Даже выдвинувъ противъ меркантилистовъ знаменитый лозунгъ «laissez faire, laissez passer» — свободу хозяйственной иниціативы, они въ центральномъ пунктѣ своей экономической программы дѣлаютъ рѣшительное отступленіе. Они требуютъ покровительства земледѣлію, требуютъ поддержанія высокихъ цѣнъ на хлѣбъ. Высокія цѣны, обогащая земледѣльческій классъ, даютъ возможность переходить къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства, подымать производительность почвы и тѣмъ повышать «чистый доходъ». Съ ростомъ цѣнъ на сельскохозяйственный продуктъ растетъ заработная плата, что имѣетъ крупное потребительное значеніе. Однако, и въ политикѣ удержанія высокихъ цѣнъ на хлѣбъ физіократы остаются вѣрными себѣ: они не считаютъ возможнымъ прибѣгать исключительно къ покровительственнымъ или запретительнымъ пошлинамъ (Кенэ высказывается противъ безпошлиннаго ввоза хлѣба при обычныхъ обстоятельствахъ), а рекомендуютъ свободу торговли хлѣбомъ, свободный вывозъ его заграницу. Только такимъ путемъ — думаютъ они — можно было бы избѣгнуть опасностей внутренняго перепроизводства хлѣба и неизбѣжно связаннаго съ нимъ пониженія цѣнъ. Поощреніе земледѣлія у физіократовъ связано съ покровительствомъ земледѣльческому классу вообще. Кенэ рекомендуетъ, напр., освобожденіе арендаторовъ отъ несенія нѣкоторыхъ повинностей: военной, дорожной и пр. Но всѣ эти льготы онъ распространяетъ исключительно на классъ арендаторовъ, т.-е. болѣе или менѣе крупныхъ хозяевъ, и очень мало заботится о судьбахъ крестьянскаго населенія съ его низкими формами сельско-хозяйственной культуры.

Финансовая программа. Экономическое міровоззрѣніе физіократовъ опредѣлило и ихъ финансовую программу.

Разъ земледѣліе является единственнымъ источникомъ «чистаго дохода», то справедливость и техническія соображенія говорятъ за исключительное обложеніе этого дохода. Всѣ другіе налоги въ конечномъ счетѣ, все равно, были бы переложены на землевладѣльческій классъ, какъ единственно платежеспособный въ податномъ смыслѣ. Физіократы попутно подвергли обстоятельной критикѣ систему косвенныхъ налоговъ. Косвенные налоги, прежде всего, свободно перелагаются на доходъ землевладѣльцевъ; было бы, поэтому, напрасной иллюзіей мечтать о сохраненіи

косвеннаго обложенія, якобы уравновѣшивающаго всѣхъ гражданъ въ несеніи податныхъ тягостей. Указанія на его уравнительность— неправильны. На самомъ дѣлѣ косвенные налоги тяжелѣе ложатся на бюджетъ бѣдныхъ, чѣмъ богатыхъ, при одинаковомъ потребленіи. Далѣе, косвенное обложеніе предполагаетъ сложную, дорого стоющую систему управленія, вноситъ неустройство въ повседневную внутреннюю жизнь гражданъ, вызываетъ контрабанду. Наконецъ, косвенное обложеніе противорѣчитъ основному естественному праву — праву частной собственности. Оно посягаетъ на его незыблемость и по одному этому должно быть отринуто. Защита собственности есть краеугольный камень всякой податной реформы. Столь же горячо протестовали физіократы и противъ системы привилегій. Она не только несправедлива, но и нецѣлесообразна съ точки зрѣнія интересовъ самихъ привилегированныхъ сословій. Если весь податной грузъ будетъ лежать на бѣдномъ населеніи, то оно, въ концѣ концовъ, будетъ или раздавлено имъ или откажется платить налоги. И въ томъ и въ другомъ случаѣ страдаетъ все государство.

Однимъ словомъ, всякій налогъ, по ученію физіократовъ, кромѣ обложенія «чистаго дохода», былъ бы напраснымъ отягощеніемъ государства и плательщиковъ. Этотъ «единый» налогъ, носящій строго подоходный характеръ, падающій на собственность, а не на лицо, долженъ быть строго пропорціоналенъ «чистому доходу»; это сообщаетъ ему гибкость, которой не обладаютъ другіе налоги. Величина «единаго» налога не можетъ быть произвольной; она не можетъ опредѣляться и государственными потребностями, а фиксируется разъ навсегда. Она не должна превышать $^3/_{10}$ ежегоднаго чистаго дохода съ земель.

——

Кене и его школа.

Вышеизложенное ученіе физіократовъ привлекаетъ на первый взглядъ чрезвычайной внѣшней стройностью. Но такимъ оно вышло изъ рукъ Кенэ. Между тѣмъ, между основоположникомъ доктрины и многочисленной его школой существуютъ не только различія въ вопросахъ практической политики, но и серьезныя теоретическія разногласія. Нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи находятъ даже, что ученіе физіократовъ въ томъ видѣ, какъ его обычно принято понимать и излагать, является гораздо болѣе продуктомъ философско-экономическаго генія маркиза Мирабо (Старшаго), чѣмъ самого Кенэ. Онкенъ такъ и называетъ Мирабо «дѣйствительнымъ основателемъ экономической секты». Школа

рѣзко отличается отъ Кенэ абсолютизмомъ своихъ построенiй. Трезвый, осторожный Кенэ никогда не забывалъ пропасти, лежащей между «ordre naturel» — идеаломъ, къ которому слѣдуетъ стремиться, и «ordre positif», реальнымъ порядкомъ, мирившемся съ нѣкоторыми уклоненiями отъ начертаннаго идеала. Послѣдователи Кенэ стерли эту разницу. У Мирабо, Тюрго и младшихъ физiократовъ нѣтъ никакого принципiальнаго различiя между обоими порядками. Кенэ, устанавливая, напр., единый налогъ, проектируетъ въ то же время рядъ переходныхъ финансовыхъ мѣръ, могущихъ имѣть важное, хотя бы и временное практическое значенiе. Послѣдователи и ученики заявляютъ себя сторонниками радикальнаго переворота въ налоговой области и вѣрятъ въ возможность немедленнаго осуществленiя реформы безъ какихъ бы то ни было уступокъ существующему порядку. Кенэ считалъ возможнымъ законодательное ограниченiе процента, другiе физiократы, какъ Тюрго или Дю-Понъ, стояли за абсолютную свободу процента. Для Кенэ свобода была средствомъ къ достиженiю совершеннаго порядка, а не самоцѣлью; въ устахъ физiократовъ требованiе свободы превращается въ самодовлѣющiй принципъ безъ уступокъ требованiямъ реальной политики. Максима — «laissez faire, laissez passer», формула свободы, ставшая позже точкой отправленiя всѣхъ проповѣдниковъ гармонiи интересовъ, никогда не получала у Кенэ такого категорическаго выраженiя, какой былъ ей приданъ его радикальными послѣдователями. Тюрго не признавалъ никакихъ ограниченiй въ свободѣ торговли; свобода — по мѣткому выраженiю одного изъ его послѣдователей — была для него первымъ и послѣднимъ словомъ политической экономiи.

Однимъ словомъ, въ ученiи физiократовъ слѣдуетъ всегда строго различать теорiи собственно Кенэ и творенiя школы. Послѣднiя отличаются отъ первыхъ догматизмомъ, радикализмомъ, прямолинейностью. Наконецъ, теорiя Кенэ иногда была неправильно воспринята его послѣдователями. Такъ, Тюрго, излагая основной пунктъ учителя объ исключительной роли земледѣлiя въ общей экономiи страны, заключаетъ, что земледѣлецъ является источникомъ всѣхъ производительныхъ богатствъ. У Кенэ источникомъ является не земледѣлецъ, а сама земля. На этомъ построена вся его налоговая система, облагающая имущество, а не лицо. Очевидны недоразумѣнiя, которыя могли проистекать изъ подобнаго смѣшенiя понятiй.

Исторія школы. Труды Кене.

Бросимъ теперь взглядъ на исторію образованія школы и на отдѣльныхъ ея представителей.

Кенэ, по профессіи хирургъ, работалъ долгое время въ области физіологическихъ проблемъ и былъ извѣстенъ, какъ авторъ капитальнаго труда — «Essai philosophique sur l'économie animale», выпущеннаго въ 1736 году и черезъ 11 лѣтъ вышедшаго вторымъ изданіемъ. Экономика начинаетъ привлекать его вниманіе значительно позже, когда онъ сталъ придворнымъ врачомъ и съ появленіемъ «Большой Энциклопедіи» получилъ приглашеніе сотрудничать въ ней по философско-экономическимъ вопросамъ. Первыя его экономическія статьи относятся къ 1756 году. Въ слѣдующемъ году произошло знаменитое «обращеніе» маркиза Мирабо, когда послѣдній послѣ научнаго диспута съ Кенэ призналъ правильность его основныхъ экономическихъ положеній и сообразно съ этимъ принялся перестраивать свое собственное экономическое и политическое міросозерцаніе. Съ 1757 года и начинается физіократическое лѣтосчисленіе. Главнымъ трудомъ Кенэ, которому и вся школа придавала исключительное значеніе [1]), была его «Экономическая таблица» («Tableau économique»—между 1758 и 1759 гг.), въ которой сведены всѣ явленія, возникающія изъ производства, распредѣленія и обращенія богатствъ. Экономическая таблица была пополнена еще: «Вопросами» (Questions intéressantes sur la population, l'Agriculture et le Commerce) и «Максимами» «Maximes). Первые намѣчаютъ рядъ вопросовъ (главныхъ вопросовъ — 228), разрѣшенныхъ лишь опытнымъ путемъ, помощью спеціальной статистической анкеты, вторыя—сводъ принциповъ, добытыхъ апріорно и долженствующихъ служить руководствомъ для сужденія о фактахъ экономической дѣйствительности. Вотъ — нѣсколько максимъ Кенэ: «... Суверенная власть должна быть единой; она должна стоять надъ личностями, образующими общество и надъ несправедливыми притязаніями частныхъ интересовъ, ибо единственная цѣль властвованія и подчиненія заключается въ учрежденіи безопасности и защитѣ интересовъ, дозволенныхъ закономъ...», «... Суверенъ и нація (Nation) никогда не должны терять изъ виду, что земля есть единственный источникъ богатствъ и послѣднія своимъ ростомъ обязаны только земледѣлію...», «... Налогъ долженъ быть пропорціоналенъ массѣ

[1]) Мирабо, напр., называетъ «Экономическую таблицу» великимъ изобрѣтеніемъ, которое можетъ быть поставлено только на ряду съ двумя другими: изобрѣтеніемъ письма и денегъ.

національнаго дохода; увеличеніе налога должно слѣдовать за увеличеніемъ дохода...», «...Земли, отданныя подъ культуру хлѣбныхъ злаковъ, должны быть, поскольку это возможно, соединяемы въ крупныя фермы, эксплуатируемыя богатыми земледѣльцами...» и т. д., и т. д. Максимы, такимъ образомъ, представляютъ все основное ученіе физіократовъ, изложенное въ формѣ афоризмовъ. «Таблица», «Вопросы» и «Максимы», взятыя вмѣстѣ, являются главнымъ ключомъ для познанія физіократической системы въ ея цѣломъ.

Въ сотрудничествѣ съ Мирабо Кенэ выпустилъ «Théorie de l'Impôt», стоившую Кенэ непродолжительной ссылки, и обширный трехтомный комментарій къ таблицѣ подъ именемъ «Philosophie Rurale», не имѣвшій, впрочемъ, никакого успѣха вслѣдствіе трудностей изложенія. Съ середины 60-хъ годовъ физіократы получаютъ возможность защищать свои идеи въ спеціальномъ органѣ—«Journal de l'Agriculture, du Commerce et des Finances»; въ журналѣ принималъ участіе и Кенэ. Статьи, написанныя имъ, были изданы позже въ двухъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ «Physiocratie» его единомышленникомъ Дю-Пономъ, редактировавшимъ этотъ журналъ. Горячіе теоретическіе споры, которые велись въ теченіе двухъ лѣтъ на страницахъ этого журнала, послѣ того, какъ онъ былъ изъятъ изъ рукъ физіократовъ (журналъ издавался при «Коммерческой Газетѣ», бывшей офиціозомъ), были перенесены на страницы новаго журнала аббата Бодо — «Ephémérides du Citoyen». Въ этомъ журналѣ Кенэ не принималъ такого горячаго участія, какъ въ предыдущемъ, хотя и здѣсь полемизировалъ съ Форбоннэ, Монтодуэномъ и другими антогонистами физіократовъ. Рѣдко появлялся онъ и на экономическихъ собраніяхъ физіократовъ, которыя устраивалъ Мирабо въ своемъ домѣ въ теченіе 9 лѣтъ съ начала 1767 года. Тѣмъ не менѣе Кенэ былъ признаннымъ главой школы; многочисленные его послѣдователи популяризировали и комментировали его сочиненія; мнѣніе его по спорнымъ пунктамъ физіократической доктрины считалось рѣшающимъ. Восторженные почитатели называютъ его «Сократомъ», «Конфуціемъ Европы» и проч. [1]). Кенэ скончался въ сентябрѣ 1774 года, когда физіократы были въ зенитѣ ихъ

[1]) Китай въ представленіи Кенэ и другихъ физіократовъ былъ страной, по своимъ порядкамъ болѣе всѣхъ приближавшейся къ осуществленію «ordre naturel». Особенное сочувствіе физіократовъ вызывало высокое мѣсто, которое Китай удѣлялъ земледѣлію въ ряду другихъ занятій.

славы. Тюрго былъ министромъ и задумывалъ реформу, которая должна была стать первымъ шагомъ къ воплощенію физіократическихъ идей въ жизни. Съ паденіемъ Тюрго и вліяніе физіократовъ быстро падаетъ.

Маркизъ Мирабо (старшій).

Особое мѣсто въ школѣ физіократовъ или, какъ называли ихъ современники, «сектѣ экономистовъ», должно быть удѣлено маркизу Мирабо (1715—1789), отцу знаменитаго революціоннаго оратора, болѣе другихъ способствовавшему пропагандѣ физіократическихъ идей.

Мирабо былъ популярнымъ писателемъ еще до своихъ сношеній съ физіократами. Особенный успѣхъ въ ряду его многочисленныхъ твореній имѣла книга «Ami des hommes», выпущенная въ 1756 г. Въ чрезвычайно капризной и несистематической формѣ авторъ изложилъ здѣсь свое общественное credo, оказавшееся очень близкимъ къ воззрѣніямъ Кенэ. Подобно ему, Мирабо защищаетъ свободу торговли, въ земледѣліи видитъ единственный источникъ государственнаго благосостоянія. Мирабо не доставало школы. Его «физіократическія» идеи были счастливыми интуиціями, а не логическими, строго продуманными выводами изъ общаго соціально-политическаго міросозерцанія. Недостатокъ школы возмѣстило ему знакомство съ Кенэ. Послѣдній совершенно покорилъ необузданную натуру Мирабо, сдѣлавъ изъ него пламеннаго прозелита своего ученія. Увѣровавъ въ непреложность началъ, выставленныхъ Кенэ, Мирабо отдался весь новому ученію и защищалъ дорогое для него міросозерцаніе, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями. Ему принадлежитъ цѣлая груда работъ, комментировавшихъ главныя теоретическія положенія Кенэ, онъ же былъ организаторомъ и вдохновителемъ знаменитыхъ собраній «экономистовъ» до момента ихъ прекращенія. Изъ сочиненій Мирабо физіократическаго содержанія наиболѣе извѣстна, появившаяся въ 1763 г. «Philosophie Rurale», которая послѣ «L'ordre naturel», Мерсье де-ла Ривьера, можетъ быть названа самымъ полнымъ изложеніемъ воззрѣній физіократической школы. Въ этой работѣ Мирабо помогалъ Кенэ. Физіократическія сочиненія Мирабо похоронили его репутацію, какъ писателя. Они не отличаются ни глубиной ни оригинальностью; къ тому же были написаны крайне тяжелымъ и неяснымъ языкомъ. Въ большинствѣ случаевъ всѣ его писанія были простымъ перепѣвомъ слишкомъ трудныхъ для большой публики сочиненій Кенэ. Отъ главы школы онъ отличался только упорнымъ и рѣзкимъ догма-

тизмомъ и крайней прямолинейностью. Принципы, выставленные Кенэ, онъ доводилъ до послѣднихъ логическихъ предѣловъ; экономическая свобода была для него понятіемъ, не допускавшимъ никакихъ ограниченій. Свобода торговли, свобода вывоза и ввоза должна была быть абсолютной; всякое государственное вмѣшательство, всякія попытки регулировать частныя отношенія извнѣ должны были быть отвергнуты. Мирабо сочувственно цитировалъ итальянскаго писателя, сказавшаго, что міръ движется самъ по себѣ (Il mondo va da se). Въ этомъ смыслѣ Мирабо не только шелъ гораздо дальше трезваго и близкаго къ жизни Кенэ, но нерѣдко и извращалъ его завѣты. Но своимъ феодальнымъ именемъ, своимъ открытымъ домомъ, своими собраніями, своими громкими, хотя высокопарными и преувеличенными рѣчами, онъ создавалъ широкую рекламу молодому ученію и въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ для популяризаціи его больше, чѣмъ кто-либо другой. Послѣдніе два десятка лѣтъ Мирабо были омрачены безконечными скандальными процессами, которые онъ велъ съ своей женой и дѣтьми. Въ пылу борьбы съ домашними радикально настроенный маркизъ не стѣснялся выпрашивать королевскіе приказы о заточеніи въ тюрьму (lettres de cachet), чтобы потомъ пускать ихъ противъ своихъ дѣтей. Неудивительно, что процессы сильно повредили ему въ общественномъ мнѣніи и поколебали его репутацію, какъ человѣка.

Изъ другихъ представителей школы заслуживаютъ особаго упоминанія Дю-Понъ-де-Немуръ, Мерсье де-ла Ривьеръ и Тюрго.

Дю-Понъ-де-Немуръ. Дю-Понъ-де-Немуръ (1739 — 1817) пришелъ къ центральному пункту экономической программы физіократовъ совершенно самостоятельно. 23-хъ лѣтъ отъ роду онъ написалъ небольшую работу «Réflexions sur la richesse de l'Etat», въ которой рекомендовалъ ввести единый налогъ, падающій на землевладѣльцевъ. Книга обратила на себя вниманіе Кенэ и Мирабо, и въ томъ же году молодой авторъ былъ пріобщенъ къ физіократической «сектѣ». Дю-Понъ оказалъ выдающіяся услуги новой доктринѣ: во-первыхъ, редактированіемъ физіократическихъ журналовъ, во-вторыхъ, изданіемъ работъ Кенэ и Тюрго, наконецъ, своей практической дѣятельностью. Онъ былъ усерднымъ сотрудникомъ Тюрго — сперва въ провинціи, потомъ, когда Тюрго сталъ министромъ, — въ Парижѣ. Очень многія вступленія съ изложеніемъ мотивовъ къ новымъ законодательнымъ актамъ были написаны Дю-

Поному; «Мемуаръ о муниципалитетахъ», навлекшій на Тюрго неудовольствіе короля, былъ также написанъ имъ. Съ выходомъ Тюрго въ отставку происходитъ временный перерывъ и въ государственной службѣ Дю-Пона. Позже мы видимъ его исполнителемъ отвѣтственныхъ порученій по заключенію договоровъ съ Англіей, затѣмъ въ собраніи нотаблей, въ Учредительномъ Собраніи. Спасаясь отъ мести якобинцевъ, онъ уѣзжаетъ въ Америку и и съ этого момента начинается его скитальческая жизнь. Онъ возвращался еще во Францію, но кончилъ свои дни въ Америкѣ. Весь ушедшій въ пропаганду физіократическихъ идей и практическую работу, Дю-Понъ не успѣлъ изложить своихъ воззрѣній въ какой-либо общей систематической работѣ. Ему принадлежитъ, однако, болѣе ста введеній и предисловій къ работамъ другихъ физіократовъ. Среди этихъ многочисленныхъ статей особеннаго вниманія заслуживаетъ его введеніе къ изданному имъ собранію сочиненій Кенэ. Въ этомъ введеніи Дю-Понъ съ свойственной ему тонкостью и остроуміемъ пытается разрѣшить капитальную проблему физіократіи: какія условія породили современный физіократамъ порядокъ вещей, находящійся въ глубокомъ противорѣчіи съ абсолютными нормами естественнаго права.

Мерсье де-ла Ривьеръ.

Мерсье де-ла Ривьеръ (1720—1794) пользовался высокой репутаціей, какъ авторъ капитальнаго труда «L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques», имѣвшаго бóльшій успѣхъ, чѣмъ сухія изслѣдованія Кенэ или многорѣчивыя и спутанныя произведенія Мирабо. А. Смитъ называлъ эту книгу самымъ яснымъ и связнымъ изложеніемъ ученія физіократовъ. Нѣкоторые почитатели превознесли ее выше «Духа законовъ» Монтескье. Именно здѣсь мы находимъ тѣ блестящія страницы въ защиту самаго дорогого физіократамъ лозунга — хозяйственной свободы, которыя оказали несомнѣнное вліяніе на Смита. Первыя 26 главъ этого сочиненія посвящены изложенію основныхъ принциповъ общежитія. Эта часть труда можетъ быть названа философіей государства: авторъ ставитъ и пытается разрѣшить въ обще-физіократическомъ смыслѣ проблемы права, власти, личныхъ гарантій и т. п. Слѣдующія 18 главъ заняты разработкой экономической программы физіократовъ, при чемъ и здѣсь Мерсье остается вѣрнымъ ученикомъ Кенэ. Мерсье де-ла Ривьеръ пользовался громкой славой и далеко за предѣлами своей родины. Между прочимъ, онъ ѣздилъ въ Россію, по приглашенію Екатерины II. Свиданіе ихъ, конечно, не дало, да и не могло дать никакихъ осяза-

тельныхъ результатовъ. Практически настроенную Екатерину не могли удовлетворить слишкомъ отвлеченныя разсужденія французскаго раціонализма и она простилась очень сухо съ философомъ.

Бодо, Летронъ и др.

Къ числу физіократовъ принадлежали также такіе выдающіеся писатели этой эпохи, какъ аббатъ Бодо, ранѣе высказывавшійся въ духѣ меркантилизма, и давшій послѣ своего обращенія прекрасное изложеніе воззрѣній Кенэ, Дю-Пона и Мерсье де-ла Ривьера, Летронъ, лучшій знатокъ изъ физіократовъ денежнаго хозяйства, аббатъ Рубо, Сенъ-Перави и мн. др. Изъ писателей, сочувствовавшихъ физіократическимъ идеямъ, но не цѣликомъ принимавшихъ ихъ, слѣдуетъ упомянуть: Морелле, Кондильяка, отчасти Кондорсэ.

Тюрго.

Практическимъ дѣятелемъ физіократической школы былъ Тюрго (1727—1781). На литературное поприще онъ выступилъ очень рано, написавъ 22-хъ лѣтъ отъ роду работу въ опроверженіе системы Ло. Въ 1755 г. Тюрго сближается съ Гурнэ, бывшимъ въ теченіе 7 лѣтъ парижскимъ торговымъ интендантомъ. Энергичный и широко образованный Гурнэ подобралъ себѣ группу молодыхъ, способныхъ помощниковъ, съ которыми онъ старался поддерживать не только дѣловыя служебныя, но и чисто товарищескія отношенія. Онъ создалъ кружокъ для совмѣстныхъ занятій экономической наукой; въ этомъ кружкѣ занимались изученіемъ и переводами лучшихъ образчиковъ иностранной экономической литературы, дебатировали жгучія экономическія проблемы современности. Словомъ, это былъ чисто научный кружокъ, школа, исповѣдывавшая опредѣленное экономическое міросозерцаніе и расколовшаяся уже позже, послѣ смерти Гурнэ. Гурнэ не былъ оригинальнымъ мыслителемъ; его экономическая программа сложилась всецѣло въ духѣ умѣреннаго меркантилизма и, если онъ, подобно физіократамъ, и протестуетъ противъ системы запрещеній, то зато всегда и безусловно высказывается за покровительственную политику государства. Отъ физіократовъ его отдѣляетъ также: принципіальное различеніе имъ внутренней и внѣшней торговой политики, его защита системы личныхъ налоговъ, наконецъ, — и это главное, — отсутствіе у него какого-либо различія между сельско-хозяйственной и промышленной индустріей, какъ источниками дохода. Политическое міросозерцаніе Гурнэ очень близко къ физіократическому, такъ какъ и онъ отдаетъ просвѣщенному абсолютизму рѣшительное предпочтеніе передъ всякой иной формой правительства.

Тюрго, сблизившись съ Гурнэ, становится усерднымъ членомъ основаннаго имъ кружка, примыкая къ лѣвому его крылу, позже измѣнившему Гурнэ ради физіократовъ. По смерти Гурнэ Тюрго пишетъ ему «Похвальное слово» (Eloge de Gournay), въ которомъ всячески пытается затушевать принципіальныя различія между идеями Гурнэ и теоріями Кенэ. По вѣрному замѣчанію Онкена, Тюрго, въ сущности, былъ столь же мало ученикомъ Гурнэ, какъ и Кенэ. Назначенный въ 1761 г. интендантомъ въ Лиможъ, Тюрго обнаруживаетъ чрезвычайную энергію: задумываетъ налоговую реформу, организуетъ особыя благотворительныя бюро, пишетъ цѣлыя экономическія изслѣдованія. Къ этому времени относится, напр., главный его трудъ «Размышленія объ образованіи и распредѣленіи богатства» (Reflexions sur la formation et la distribution des richesses), мемуаръ въ защиту свободы процента, письма о свободѣ торговли хлѣбомъ и т. д. «Размышленія» Тюрго, долгое время почитавшіяся классическимъ изложеніемъ физіократической догмы, представляютъ, въ сущности, краткій и очень элементарный учебникъ политической экономіи. Для знакомства съ физіократической доктриной онъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ почитаться достаточнымъ. Въ мемуарѣ о свободѣ процента Тюрго высказывается за полную отмѣну законовъ о процентѣ, считая, что свобода процента есть логическій выводъ изъ права частной собственности. Письма о свободѣ хлѣбной торговли были адресованы генеральному контролеру — аббату Террэ, когда тотъ задумалъ уничтожить свободу торговли, введенную эдиктомъ 1764 г. Общественное мнѣніе видѣло въ свободной торговлѣ причину высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, разорявшихъ бѣдное населеніе. Террэ предложилъ высказаться предварительно интендантамъ. Тюрго очень ретиво откликнулся на это предложеніе. Въ семи письмахъ онъ горячо отстаиваетъ свободу торговли, но, хотя Террэ одобрительно отнесся къ разсужденіямъ лиможскаго интенданта, тѣмъ не менѣе, остался вѣренъ своему первоначальному плану и отмѣнилъ непопулярный эдиктъ. Энергичная дѣятельность и выдающіяся дарованія Тюрго не могли остаться незамѣченными, и въ 1774 г. онъ былъ призванъ на отвѣтственный постъ генеральнаго контролера финансовъ. Тюрго - министръ представляетъ трагическую фигуру. Его министерская программа была въ сущности физіократической программой. Но, съ одной стороны, Тюрго въ придворныхъ сферахъ былъ совершенно одинокъ въ своихъ реформаторскихъ стремленіяхъ, если не считать

короля, дарившаго Тюрго своимъ сочувствіемъ и то только на первыхъ порахъ, съ другой, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ прямолинейныхъ, непримиримыхъ физіократовъ въ стилѣ Мирабо, которые не считали возможнымъ итти на какія - либо уступки общественному мнѣнію или учитывать конъюнктуры. Поэтому, какъ ни благодѣтельны были для простого народа задуманныя Тюрго реформы, проводить ихъ въ жизнь онъ долженъ былъ желѣзной рукой, нерѣдко противъ тѣхъ, кого правительство имѣло въ виду облагодѣтельствовать. И физіократическій абсолютизмъ ничѣмъ не уступалъ абсолютизму королевскому.

——

Физіократы внѣ Франціи.

Физіократическія идеи имѣли успѣхъ не только у себя на родинѣ, но и перешагнули далеко ея границы.

Въ Германіи, напр., при дворѣ Фридриха маркграфа Баденскаго теоретическое увлеченіе физіократической доктриной перешло въ намѣреніе практически ее осуществить. Несмотря на чрезвычайную энергію, обнаруженную при этомъ радикально настроеннымъ веймарскимъ экономистомъ Шлеттвейномъ, попытки кончились полной неудачей, разбившись о цѣлый рядъ естественныхъ препятствій — низкій уровень хозяйства страны, отсутствіе крупнаго землевладѣнія и пр. Шлеттвейнъ палъ и задуманная реформа была оставлена. Также безрезультатно окончилась и другая попытка реформы въ физіократическомъ духѣ въ Италіи, въ Тосканѣ. Увлеченіе физіократами въ Австріи, Россіи и Швеціи было поверхностнымъ и случайнымъ. Іосифъ II, Екатерина II, Густавъ III не пошли далѣе простого литературнаго интереса къ нашумѣвшей тогда доктринѣ; наиболѣе близко имъ было, разумѣется, политическое міросозерцаніе физіократовъ съ его защитой просвѣщеннаго абсолютизма. Горячій откликъ нашли физіократическія идеи въ Швейцаріи. «Экономическая Энциклопедія», изданная въ Ивердонѣ, сложилась подъ непосредственнымъ физіократическимъ вліяніемъ; въ ней цѣликомъ перепечатывались статьи физіократическаго содержанія изъ «Большой Энциклопедіи» Дидро. Въ Базелѣ, подъ вліяніемъ убѣжденнаго послѣдователя физіократовъ Изелина, нѣкоторое время выходилъ журналъ, поставившій себѣ образцомъ «Эфемериды». Отдѣльныхъ послѣдователей и литературныхъ пропагандистовъ физіократіи мы встрѣчаемъ также въ Италіи, Испаніи, Швеціи, Польшѣ. Далеко не всегда идеи физіократовъ усваивались въ чужой странѣ въ чистомъ видѣ; иногда онѣ сознательно видоизмѣнялись,

иногда являлись безсознательнымъ смѣшеніемъ дурно понятой физіократической доктрины съ старыми меркантилистическими принципами.

Физіократическое ученіе, несшее съ собой полный переворотъ въ установившихся соціально - экономическихъ понятіяхъ, проектировавшее грандіозную налоговую реформу, разумѣется, не могло не вызвать возраженій. Изъ этихъ возраженій наибольшаго вниманія заслуживаютъ замѣчанія, сдѣланныя Форбоннэ, Галіани, Морелли, Мабли и Кондильякомъ.

Критика физіократическаго ученія.

Форбоннэ принадлежалъ къ правому крылу кружка Гурнэ и пользовался репутаціей выдающагося теоретика - финансиста. Раздѣляя во многомъ воззрѣнія меркантилистовъ (ученіе о торговомъ балансѣ), онъ горячо критиковалъ основные принципы физіократической доктрины, безусловно высказывался за государственную регламентацію, ограниченіе свободы торговли; возражалъ противъ единаго поземельнаго налога. Въ изслѣдованіяхъ о финансахъ онъ усиленно подчеркиваетъ историческую точку зрѣнія. Его трезвая критика была тѣмъ опаснѣе для физіократовъ, что Форбоннэ занималъ видное официальное положеніе.

Форбоннэ.

«Діалоги о торговлѣ хлѣбомъ» аббата Галіани (1728 — 1787), секретаря неаполитанскаго посольства при парижскомъ дворѣ, были, главнымъ образомъ, направлены противъ над-историческихъ увлеченій школы, противъ универсализма ея построеній. Общіе рецепты въ области соціально - экономической политики, — писалъ онъ, — невозможны. Политика гораздо больше опредѣляется мѣстными условіями, чѣмъ апріорными предвзятыми соображеніями. Какъ можно игнорировать такіе крупные факторы въ общей экономіи страны, какъ ея климатическій характеръ, геологическое строеніе ея почвы, самый характеръ ея управленія и т. д., и т. д. Поэтому Галіани отрицательно относится къ системѣ безусловной свободы торговли хлѣбомъ. Хлѣбная политика не можетъ быть одинаковой въ разныхъ странахъ и при различныхъ историческихъ условіяхъ. Забота о хлѣбѣ принадлежитъ вообще полиціи, а не торговлѣ, — замѣчаетъ онъ. Въ ядовитыхъ сарказмахъ по адресу физіократической доктрины остроумный аббатъ приравниваетъ вывозъ зерна вывозу здраваго смысла. Галіани горячо защищаетъ промышленность (мануфактуру) и торговлю, доказывая на рядѣ примѣровъ возможность процвѣтанія отдѣльныхъ странъ, не занимающихся сельскимъ хозяйствомъ; наоборотъ, онъ рисуетъ печальную будущность для чисто земледѣльческаго госу-

Галіани.

дарства. Покончивъ съ физіократической системой, Галіани переходитъ къ самимъ физіократамъ. Онъ усматриваетъ большую опасность въ ихъ фанатизмѣ, въ ихъ энтузіазмѣ, не позволяющемъ видѣть истины. Характеристика физіократовъ въ психологическомъ смыслѣ отличается большой тонкостью. Этотъ злой памфлетъ, написанный изящнымъ языкомъ въ стилѣ салонной болотовни эпохи, имѣлъ громадный успѣхъ въ ученыхъ и литературныхъ кругахъ. Признанный остроумецъ вѣка — Вольтеръ былъ въ восторгѣ отъ книги аббата, даже Тюрго, рѣшительно несогласный съ основными положеніями автора, испыталъ на себѣ ея обаяніе. Физіократы рѣшили мобилизовать всѣ силы, чтобы побить опаснаго противника. Галіани отвѣчали Дю-Понъ, Мерсье де-ла Ривьеръ, Бодо, Рубо, Морелле. Однако, у многихъ произведеніе Галіани, благодаря оригинальной и остроумной аргументаціи, подорвало вѣру въ физіократовъ.

Вольтеръ. Не менѣе остроумнымъ и злымъ, хотя и поверхностнымъ критикомъ физіократовъ выступилъ Вольтеръ. Въ памфлетѣ, имѣвшемъ громадный успѣхъ у современниковъ, «L'Homme aux quarante écus» Вольтеръ выводитъ, между прочимъ, мелкаго земледѣльца съ ежегоднымъ доходомъ въ сорокъ экю, который въ наполовину жалобной, наполовину юмористической формѣ разсказываетъ о горестяхъ своего существованія. Налоги съѣдаютъ половину его скуднаго дохода. Однажды, не будучи въ состояніи уплатить причитавшихся съ него податей, онъ попалъ въ тюрьму. По выходѣ изъ нея, онъ встрѣчаетъ на дорогѣ крупнаго городского коммерсанта, проѣзжавшаго въ каретѣ, запряженной шестерней. Между ними завязывается бесѣда по поводу налоговъ. Земледѣлецъ жалуется на свое положеніе, удивляется громадности доходовъ своего собесѣдника и спрашиваетъ у него, платитъ ли и онъ половину своихъ доходовъ въ казну. Негоціантъ смѣется надъ простодушіемъ поселянина и объясняетъ ему, что его богатства заключаются въ цѣнныхъ бумагахъ, что онъ не владѣетъ ни пядью земли, а, слѣдовательно, ему не за что и платить, такъ какъ только земля является источникомъ дохода. Прибыль же, которой онъ пользуется, была получена съ земли, уже обложенной разъ, и было бы, поэтому, несправедливо требовать еще налоговъ съ купца, нажившагося на перепродажѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. И остроумный коммерсантъ, прекрасно усвоившій физіократическую доктрину, заканчиваетъ бесѣду пожеланіемъ, чтобы поселянинъ и впредь вносилъ свои подати, изъ

чистаго и вѣрнаго источника дохода (revenu clair et net), котораго — увы! — не имѣетъ онъ, коммерсантъ. Очень остроумны также діалоги человѣка съ сорока экю съ математикомъ - геометромъ, разжирѣвшимъ монахомъ, аргументирующимъ приблизительно такъ же, какъ аргументировалъ и купецъ; забавна его аудіенція у генеральнаго контролера и т. д. Въ заключеніе всѣхъ этихъ бесѣдъ злосчастный земледѣлецъ проклинаетъ единый налогъ, какъ источникъ всѣхъ своихъ бѣдствій. Шутка Вольтера имѣла крупный успѣхъ. Однако, она свидѣтельствуетъ о томъ, что Вольтеръ былъ недостаточно серьезно знакомъ съ физіократической доктриной. Единый налогъ, — по мысли физіократовъ, — долженъ былъ падать на крупное землевладѣніе, а не на мелкихъ земледѣльцевъ, которые, наоборотъ, должны были быть свободны отъ всякихъ платежей. Позже Вольтеръ измѣнилъ свое отношеніе къ физіократамъ. Назначеніе Тюрго министромъ въ 1771 г. привело его, напр., въ восторгъ. Къ Дю - Пону онъ относился также съ большимъ сочувствіемъ. Физіократическія Эфемериды заслужили въ высшей степени благосклонный отзывъ въ его «Историческихъ фрагментахъ».

Морелли и Мабли.

Морелли и особенно Мабли нападаютъ по преимуществу на принципъ частной собственности, усердно защищаемый физіократами. Мабли видѣлъ въ земельной собственности источникъ всѣхъ общественныхъ несчастій и съ энтузіазмомъ повѣствовалъ о равенствѣ состояній, которое одно могло бы утвердить общее благосостояніе. Физіократы, согласно своему индивидуалистическому міровоззрѣнію, именно, въ этомъ равенствѣ видѣли источникъ несвободы.

Кондильякъ.

Болѣе слабой и противорѣчивой была критика Кондильяка, который, отказавшись въ теоретической части своей работы отъ воззрѣній физіократовъ на землю, какъ единственный источникъ богатствъ, въ части, посвященной практической политикѣ, удерживаетъ всецѣло программу физіократовъ. Книга Кондильяка вызвала горячую и основательную отповѣдь Летрона. Ихъ споръ относился, однако, уже къ тому времени, когда довѣріе къ физіократамъ было окончательно утрачено, а въ самой школѣ начались разногласія.

Подведемъ итоги.

Историческая роль физіократической доктрины.

Физіократическая доктрина складывалась въ эпоху, когда созрѣвшая буржуазія была не въ состояніи долѣе мириться съ порядками феодальной монархіи. Цеховая организація, монополіи, изъятія въ пользу привилегированныхъ сословій тормозили эко-

номическія начинанія третьяго сословія. Податная система и феодальныя повинности разоряли народъ. Естественно—центральнымъ пунктомъ новой революціонной доктрины стало требованіе свободы, равно необходимой для промышленности, торговли, земледѣлія, искусствъ. Личный интересъ былъ возглашенъ главной пружиной человѣческихъ дѣйствій; за государствомъ или правительствомъ была оставлена лишь одна необходимая функція — защита права частной собственности. Тамъ, гдѣ свободны частные интересы — учили физіократы — тамъ обезпечено торжество и общественному интересу, ибо послѣдній есть не что иное, какъ именно совокупность частныхъ интересовъ. Частныя права могутъ быть ограничены лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда этого требуютъ интересы цѣлаго. Такимъ образомъ, первый лозунгъ физіократіи: свобода личности, свобода хозяйственной иниціативы.

Слѣдующимъ капитальнымъ пунктомъ ихъ программы было указаніе на первенствующую роль, которую должно играть земледѣліе въ общей экономіи страны. Пренебреженіе интересами сельскаго хозяйства — главный упрекъ, который дѣлаютъ физіократы меркантилистамъ и въ частности Кольберу. Однако, физіократы не столько думаютъ о помощи французскому обнищавшему крестьянину, сколько о томъ, чтобы обратить мелкаго земледѣльца, разореннаго феодальными поборами и налогами, въ самостоятельнаго зажиточнаго арендатора и на мѣсто мелкаго крестьянскаго землевладѣнія насадить крупную сельско-хозяйственную культуру.

Разумѣется, ни современная финансовая наука, ни современные государственные бюджеты не могутъ удовлетворяться финансовыми планами физіократовъ; неоспоримо также, что физіократы преувеличенно понимали роль земледѣлія въ хозяйственной жизни страны. Во всякомъ случаѣ, теорія физіократовъ была естественной реакціей противъ крайностей Кольбертизма въ такой земледѣльческой странѣ, какой была Франція этой эпохи: «Единый налогъ» не былъ кабинетнымъ измышленіемъ; онъ былъ подсказанъ жизнью, уродствами налоговой системы. Разнообразіе, сложность, неуравнительность податей невольно толкали экономическую мысль къ противоположной крайности — поискамъ «единаго» налога. Отсюда «десятина» Вобана, отсюда налогъ на чистый доходъ физіократовъ.

Столь же жизненной была и политическая философія физіократовъ, несмотря, казалось бы, на рѣжущее ея противорѣчіе ихъ

экономической программѣ. Экономическая программа говорила о свободѣ и самостоятельной защитѣ личнаго интереса, политическая всѣ надежды возлагаетъ на просвѣщеннаго деспота. Физіократы отказываются отъ народнаго суверенитета въ духѣ Руссо или Мабли, критикуютъ теорію Монтескье о раздѣленіи властей и всѣ свои симпатіи отдаютъ неограниченной монархіи. Мы уже выше говорили, какъ понимали они эту власть. Съ ней они выросли и они не знали иной силы, которая могла бы воплотить ихъ идеалы въ жизни. Менѣе всего считали возможной физіократы реформу снизу. Отсюда не слѣдуетъ, что политическая программа физіократовъ до самаго конца не претерпѣла никакихъ измѣненій. Защита просвѣщеннаго абсолютизма прекрасно уживалась съ той фазой въ развитіи средняго сословія, когда политическая программа въ его глазахъ не имѣла большой цѣнности и оно дорожило союзомъ съ монархіей, чтобы имѣть возможность дать отпоръ притязаніямъ свѣтскихъ и духовныхъ феодаловъ. И пока зрѣло подъ сѣнью абсолютной власти экономическое могущество буржуазіи, она стояла вдалекѣ отъ политическихъ вопросовъ, охотно отождествляла себя съ «народомъ», а политическія права предоставляла привилегированнымъ сословіямъ (землевладѣльцамъ у физіократовъ). Къ концу XVIII столѣтія третье сословіе—фактически могущественнѣйшее сословіе государства. Располагая огромными денежными капиталами, оно становится кредиторомъ государства. Но, ставъ кредиторомъ, третье сословіе отрѣшается отъ безграничнаго довѣрія королевской власти. Теперь оно заинтересовано въ государственномъ управленіи, его дефекты вызываютъ въ кредиторахъ тревогу. Кредиторы начинаютъ сознавать невозможность осуществленія экономической реформы при наличныхъ политическихъ условіяхъ и дѣйствовавшей системѣ управленія. И эта эволюція въ воззрѣніяхъ буржуазіи не могла пройти мимо физіократовъ, бывшихъ наиболѣе яркими выразителями настроеній эпохи. Новыя вѣянія съ особой силой отразились въ мемуарѣ Тюрго — Дю-Пона о муниципалитетахъ. Въ своихъ раннихъ работахъ Дю-Понъ былъ такимъ же поклонникомъ принципа неограниченной власти, какъ и другіе основоположники физіократіи. «... Необходимо, — писалъ онъ, — чтобы опекающая власть была единой. Идея многихъ властей въ одномъ и томъ же государствѣ является абсурдомъ... Только интересы наслѣдственныхъ монарховъ явно и неразрывно... связаны съ интересами ихъ народовъ...» Мемуаръ, наоборотъ, рѣзко критикуетъ систему административной централи-

заціи, источникомъ всѣхъ золъ усматриваетъ въ отсутствіи «конституціи» и откровенно говоритъ о невозможности для монарха входить лично во всѣ подробности государственнаго механизма. Авторы мемуара настаиваютъ на необходимости муниципальной реформы, т.-е. предоставленія извѣстныхъ функцій управленія, а также раскладки налоговъ мѣстнымъ выборнымъ собраніямъ, состоящимъ изъ лицъ, удовлетворяющихъ опредѣленному имущественному цензу. Какъ ни далеки въ этомъ мемуарѣ Тюрго и Дю-Понъ отъ идей собственно Кенэ, однако, едва ли этотъ мемуаръ можетъ служить лишь для характеристики легкомыслія его составителей, какъ это склоненъ утверждать, напр., Онкенъ. Этотъ документъ, наоборотъ, рисуетъ намъ неизбѣжный переломъ, который долженъ былъ произойти въ физіократахъ наканунѣ революціи, когда вѣра въ способность бюрократіи произвести реформу была окончательно утрачена. Особенно ясно долженъ былъ это чувствовать Тюрго послѣ своихъ Пирровыхъ побѣдъ 1774 и 1776 гг. Въ этомъ отклоненіи отъ первоначальныхъ завѣтовъ физіократіи Тюрго не былъ одинокъ. Въ 1779 году физіократъ Летронъ въ спеціальномъ трактатѣ о провинціальной администраціи еще съ бо́льшей силой выразилъ свое недовѣріе къ способности монархіи самостоятельно уврачевать свои раны.

———

Классовой характеръ физіократіи.

Споры о томъ, чьи интересы представляли физіократы, продолжаются до сихъ поръ. Писатели либеральнаго оттѣнка усматривали въ физіократахъ соціалистовъ; представители соціалистической мысли называютъ физіократовъ защитниками буржуазныхъ интересовъ. Стремленіе охарактеризовать физіократическую доктрину, какъ соціалистическую, обычно принадлежитъ изслѣдователямъ политической программы физіократовъ. Но мы уже видѣли, какъ отражались на послѣдней измѣненія, происходившія въ судьбахъ буржуазіи; послѣдніе физіократы отказались отъ той централизацій, которая позволяла сближать ихъ съ соціалистами. Да и съ самаго начала физіократы отдѣлили себя рѣзкой гранью отъ коммунистическихъ принциповъ Руссо или Мабли. Наоборотъ, переходя къ экономической программѣ, мы видимъ, что она цѣликомъ продиктована интересами третьяго сословія, т.-е. носитъ рѣзко выраженный буржуазный характеръ. Правда, сочиненія физіократовъ, такъ же, какъ и другіе проекты податной реформы этой эпохи (Буагильберга, Вобана, Форбоннэ, Булэнвлье и др.) написаны въ тонѣ глубокаго сочувствія къ простому народу, но

это гуманное отношеніе отнюдь не связано съ защитой специфическихъ интересовъ рабочаго класса (промышленнаго пролетаріата или сельско-хозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ). Когда физіократы говорятъ о «народѣ», они понимаютъ подъ этимъ широкимъ и неопредѣленнымъ терминомъ и мелкихъ самостоятельныхъ хозяевъ, и ремесленниковъ, и рабочихъ.

Въ основѣ экономическаго міросозерцанія физіократовъ лежитъ признаніе частной собственности естественнымъ и неотчуждаемымъ правомъ каждаго. Вторая статья Деклараціи правъ человѣка и гражданина 1789 года была почти буквальнымъ воспроизведеніемъ этого важнѣйшаго принципа физіократической программы.

Далѣе, физіократы требовали неограниченной свободы распоряженія своимъ капиталомъ, свободы процента отъ обложенія, свободы внѣшней и внутренней торговли, отмѣны монополій и привилегій, свободы труда, другими словами, свободы эксплуатаціи труда безъ тѣхъ ограниченій, которыя связывали предпринимательскій размахъ при феодально-цеховыхъ порядкахъ. Отъ этой недвусмысленной защиты интересовъ капитала недалеко до той слащавой идеализаціи соціальнаго прогресса, до того претворенія его во всеобщую «гармонію интересовъ», за которую позже писатели-соціалисты обрушивались на буржуазную школу политической экономіи.

Въ области земледѣлія физіократы открыто стоятъ на сторонѣ крупнаго хозяйства. Только послѣднее можетъ поднять чистый доходъ націи. Тюрго называетъ фермеровъ «драгоцѣнной породой людей».

Еще болѣе выступаетъ классовый характеръ физіократіи въ ея ученіи о единомъ прямомъ налогѣ. Признаніе торгово-промышленнаго класса «безплоднымъ» повело за собой полное освобожденіе движимой капиталистической собственности отъ обложенія. Процессъ образованія капиталовъ болѣе не встрѣчалъ никакихъ препятствій. Всѣ налоги пали на землю, находившуюся въ рукахъ привилегированныхъ сословій—феодаловъ; свободной отъ налоговъ оказалась буржуазія. Позднѣйшіе же физіократы, какъ Летронъ, вводятъ въ свои проекты податныхъ реформъ и косвенные налоги, легче всего перелагаемые на низшіе слои народа. Революція, мобилизовавшая земельную собственность, передавшая ее изъ рукъ феодаловъ въ руки третьяго сословія, упразднила и самую теорію единаго налога. Теорія физіократовъ и была рево-

люціонной постольку, поскольку она была буржуазной, поскольку она сознательно или безсознательно защищала интересы пародившагося капиталистическаго класса. Въ этомъ соціально - историческомъ смыслѣ революція была цѣликомъ предсказана въ твореніяхъ физіократической школы. И какъ философія Великой французской революціи была философіей индивидуализма, такъ и физіократическая доктрина, — по справедливому замѣчанію Гиггса,— была доктриной экономическаго индивидуализма. Она вполнѣ чиста отъ какихъ-либо соціалистическихъ элементовъ.

Ученіе физіократовъ было идеологіей хозяйственнаго переворота, происходившаго въ современной имъ Франціи. Этотъ переворотъ ниспровергъ несоотвѣтствовавшій болѣе экономическимъ условіямъ времени феодальный строй и на мѣсто его водворилъ всесильную отнынѣ буржуазію. Защиту абсолютизма, какой была меркантильная система, смѣнила защита революціи, какой были физіократы. Въ этой смѣнѣ мы видимъ борьбу двухъ враждебныхъ системъ обложенія, борьбу ренты и капитала.

Научные заслуги физіократіи.

Помимо выдающейся роли, которую сыграло физіократическое ученіе въ умственной жизни до - революціонной Франціи, оно имѣетъ и опредѣленныя научныя заслуги. Впервые разрозненные экономическіе факты были сведены въ строгую систему экономическихъ знаній, проникнутыхъ единствомъ метода, строго согласованныхъ въ деталяхъ съ положенными въ ихъ основу философско - политическими принципами. Въ своемъ ученіи объ «ordre naturel» и «ordre positif» физіократы впервые показали, что соціально-экономическій строй не есть произвольное установленіе человѣческихъ рукъ, а есть продуктъ естественныхъ законовъ физическихъ и нравственныхъ, къ познанію и воплощенію которыхъ въ дѣйствительности должно стремиться всякое положительное законодательство. Въ основу ученія положены «очевидныя» истины, результатъ познанія извѣстныхъ законовъ; Физіократовъ обвиняли въ отвлеченности. Мы видѣли сейчасъ, что ихъ теоріи продиктованы были жизнью, и физіократическое міросозерцаніе, если подойти къ нему со стороны его практическихъ выводовъ, отличается неменьшей трезвостью, чѣмъ грубая и далекая отъ научнаго единства философія меркантилизма.

А. Боровой.

Буржуазія въ XVIII в.

Роль XVIII в. въ исторіи буржуазіи.

Въ концѣ XVII в. буржуазія въ наиболѣе культурныхъ странахъ Европы уже играла значительную роль, какъ экономическая сила. Но нигдѣ, за исключеніемъ Голландіи и Англіи, не ощущалось въ сколько-нибудь замѣтной формѣ ея политическое вліяніе.

Даже въ Англіи, гдѣ буржуазія наложила свою печать на ходъ революціи 1688 года, главныя пріобрѣтенія революціи достались не ей, а землевладѣльцамъ. Буржуазія уже при реставраціи не могла воспротивиться реакціонной избирательной реформѣ, отнявшей право посылки депутатовъ отъ крупныхъ промышленныхъ центровъ и надѣлившей имъ гнилыя мѣстечки, и принуждена была смотрѣть, какъ парламентъ издаетъ протекціонистскіе законы, выгодные только лендлордамъ. При новомъ режимѣ она должна была бороться изо всѣхъ силъ, чтобы не быть окончательно оттѣсненной землевладѣльческой аристократіей. Въ другихъ странахъ дѣло обстояло еще хуже. Во Франціи, гдѣ войны и религіозная политика Людовика XIV разорили буржуазію, она даже въ экономическомъ отношеніи была слаба и, конечно, не могла и претендовать на политическое вліяніе. То же было въ Германіи, гдѣ подъ ударами молодого абсолютизма территоріальныхъ князей гибли вольности могущественныхъ когда-то городовъ, а на политической сценѣ вмѣсто бюргерства гордо начинало свое шествіе расфранченное на французскій манеръ дворянство. Растерзанная, разорванная на клочки Италія

Пособія: *Ehernberg*, Entstehung und Bedeutung grosser Verwögen, *Его же*, Ostindische Handelsgesellschaften въ HWB. d. Staatswiss. *Normand* La bourgeoisie francaise au XVII siecle. *Bardoux*, La bourgeoisie francaise 1789—1848. *Гиббинсъ*, Промышленная исторія Англіи. *Roggers*, Six centuries of work and wages. *Кулишеръ*, Эволюція прибыли на капиталъ. *Levy*, History of british trade. *Jaures*, Histoire socialiste, t. I *Дживелеговъ*, Введеніе къ русск. перев. Исторіи XIX в. Лависса и Рамбо.

16*

уже не пыталась больше бороться съ неблагопріятной экономической конъюнктурою, погубившей еще въ XVI в. ея торговое преобладаніе. Венеція и Генуя еще держались, но то была лишь тѣнь былого могущества. И если буржуазія Франціи и Германіи дошла до конца уклона и собиралась уже подниматься, то итальянскую буржуазію ждали годы еще болѣе глубокаго упадка.

При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что англійская революція 1688 года вспыхнула и завершилась, какъ чисто мѣстное явленіе, и что буржуазія другихъ странъ не почуяла въ Биллѣ о правахъ радостнаго звона, возвѣщающаго и ей свободу отъ стѣснявшаго ее уже тогда произвола.

Если мы сопоставимъ съ этой картиною другую, если мы сравнимъ буржуазію конца XVII в. съ буржуазіей конца XVIII, то увидимъ нѣчто совершенно иное. Когда французская революція провозгласила принципы свободы, равенства, народнаго суверенитета и понесла ихъ черезъ Рейнъ, черезъ Альпы, черезъ Пиринеи—они были встрѣчены всюду, какъ что-то родное, давно назрѣвшее, давно ожидаемое. Сила пропаганды, которая обнаружилась въ принципахъ 1789 года, именно тѣмъ и объясняется, что въ соціальныхъ отношеніяхъ зарейнской и заальпійской Европы они нашли подготовленную почву. Сопоставленіе этихъ двухъ моментовъ въ исторіи торгово-промышленныхъ классовъ Европы, конца XVII и конца XVIII вв.: полнаго политическаго безсилія и богатаго самыми блестящими перспективами подъема придаетъ огромный, совершенно исключительный интересъ XVIII вѣку, какъ тому періоду эволюціи европейской буржуазіи, когда она сдѣлала свои первыя рѣшительныя завоеванія и впервые набралась силы.

Промышленность.

Прежде всего необходимо выяснить, каковъ былъ экономическій базисъ этого процесса. Или, говоря иначе, какимъ капиталомъ работала больше европейская буржуазія въ XVIII вѣкѣ: торговымъ или промышленнымъ?

Промышленность въ XVIII вѣкѣ занимаетъ, повидимому, менѣе значительное мѣсто въ общемъ балансѣ экономическаго развитія Европы. Достаточно сказать, что почти до самаго конца столѣтія всюду на континентѣ господствующей формой промышленности является кустарное производство. Мануфактура только-только укрѣпляется и нигдѣ еще — за исключеніемъ Англіи — не играетъ самостоятельной роли. Она всюду принуждена комбинироваться съ кустарной промышленностью. У насъ имѣются,

напримѣръ, цифры, добытыя спеціальной промышленной анкетой въ Бельгіи въ пору особенно пышнаго расцвѣта ея промышленности въ этотъ періодъ. По этимъ даннымъ видно, что бельгійская промышленность носила характеръ по преимуществу кустарный. На дому производилась не только пряжа: на дому работало большинство ткачей. Въ текстильной промышленности дѣйствовало не болѣе 12 мануфактуръ, но эти мануфактуры не были предпріятіями строго централизованными: значительную долю работы они все-таки раздавали кустарямъ. Напримѣръ, въ полотняной мануфактурѣ въ Турнѣ было занято 277 рабочихъ, но на нее же работали 535 кустарей. Шерстяная мануфактура въ Мехельнѣ сконцентрировала въ одномъ мѣстѣ 175 рабочихъ, но, кромѣ того, на нее работало 259 кустарей. Во Франціи дѣла обстояли не болѣе блестяще. Новѣйшія изслѣдованія показали, что все «городское» промышленное производство было сконцентрировано не въ городахъ, а въ деревняхъ. Въ городахъ же на мануфактурахъ работало лишь очень незначительное въ процентномъ отношеніи количество рабочихъ. И любопытно, что правительство должно было санкціонировать эту форму промышленности, которая, конечно, не могла быть особенно пріятной сторонникамъ старыхъ цеховыхъ привилегій. Въ 1762 г. былъ изданъ декретъ о регламентаціи деревенской промышленности, при чемъ для кустарей было сдѣлано обязательнымъ вступленіе въ цехъ.

Мы сейчасъ увидимъ, что и въ этихъ формахъ промышленность тѣмъ не менѣе дѣлала огромные успѣхи въ XVIII вѣкѣ. Теперь намъ нужно въ двухъ словахъ охарактеризовать значеніе для промышленности того факта, который случился въ Англіи во второй половинѣ XVIII вѣка. Мы говоримъ о промышленномъ переворотѣ [1]).

Появленіе признаковъ промышленнаго переворота было симптомомъ, что производству тѣсно въ прежнихъ рамкахъ и въ прежнихъ формахъ, и какъ только оказалось возможно утилизировать новые принципы, эволюція промышленности въ Англіи пошла впередъ гигантскими скачками. Въ 1768 году Аркрайтъ основалъ въ Нотингемѣ свою первую фабрику. Въ 1788 г., т.-е. всего черезъ двадцать лѣтъ фабрикъ было уже 142. Работало на нихъ 2.000.000 веретенъ, и ежегодно онѣ вырабатывали товару на

---

1) Общая оцѣнка переворота дана въ другой статьѣ настоящаго тома.

7.000.000 фунтовъ. На этихъ фабрикахъ было занято 26.000 рабочихъ-мужчинъ, 31.000 женщинъ и 35.000 дѣтей[1]). Но и тутъ современная статистика указываетъ, что кромѣ централизованныхъ рабочихъ перечисленныхъ выше, на фабрики работало еще на дому 133.000 мужчинъ, 59.000 женщинъ и 48.000 дѣтей. А знаменитый парламентскій отчетъ объ обслѣдованіи промышленности 1806 года прямо утверждаетъ, что, напр., въ шерстяной промышленности домашняя и фабричная промышленности не только не конкурируютъ, «но и помогаютъ другъ другу».

Когда новыя формы производства, добытыя Англіей, сдѣлаются достояніемъ всего культурнаго человѣчества, промышленный ростъ пойдетъ быстрѣе. Но XVIII вѣку не придется быть свидѣтелемъ этого факта. Намъ достаточно констатировать, что въ XVIII в. ростъ промышленности является важнымъ факторомъ въ созданіи соціальной мощи буржуазіи. Но еще важнѣе, чѣмъ прибыль съ промышленнаго капитала, была прибыль съ торговаго.

Торговля. Въ началѣ XVIII в. торговая эволюція Европы могла уже подвести нѣкоторые итоги съ тѣхъ поръ, какъ открытіе Америки и морского пути въ Индію во второй половинѣ XV в. дали совершенно новое направленіе европейской торговлѣ. XVI и XVII вѣка, несмотря на то, что они были наполнены конфессіональными спорами, войнами за религію и политическими пертурбаціями, т.-е. обстоятельствами всего менѣе благопріятными для мирной хозяйственной дѣятельности, установили базы, на которыхъ должна была въ будущемъ строиться основа новой экономической жизни. Но то были только базы и ничего больше. Намъ нѣтъ необходимости повторять въ данный моментъ подробности того, въ чемъ они заключались. Это уже сдѣлано въ другихъ статьяхъ «Книги для чтенія». Намъ важно разсмотрѣть тѣ условія, которыя давали направленіе росту торговли въ XVIII в.

Къ концу XVII в. выяснилось прежде всего, что торговля можетъ вестись и будетъ вестись отнынѣ только подъ національнымъ флагомъ той или другой страны, т.-е. подъ защитою сильной національной власти. Слѣдовательно, лучшіе шансы на торговое преобладаніе были у тѣхъ странъ, въ которыхъ національная власть успѣла организоваться наилучшимъ образомъ. Эта

[1]) Въ дальнѣйшей эволюціи англійской промышленности произошла нѣкоторая задержка, вслѣдствіе революціонныхъ войнъ и особенно континентальной блокады.

неизбѣжная предпосылка заранѣе исключала изъ категоріи странъ съ блестящими видами на торговое развитіе Германію и Италію.

Германія послѣ тридцатилѣтней войны, какъ извѣстно читателю, начала оправляться очень быстро. Нѣмецкая буржуазія таила въ себѣ много не исчерпанныхъ силъ и много крупныхъ возможностей. Но для конкуренціи съ заграничными странами она не была вооружена ни копьемъ ни щитомъ, ибо то вооруженіе, которымъ располагала Священная Римская имперія германской націи, было уже давно бутафорскимъ вооруженіемъ. Города вообще доживали послѣдніе дни. Они были обречены не только по политическимъ причинамъ. Таможенные барьеры, которыми отгородились князья стѣсняли сбытъ товаровъ, суживали рынокъ и тѣмъ самымъ заставляли какъ капиталы, такъ и рабочія руки искать себѣ примиренія на территоріяхъ болѣе обширныхъ княжествъ. Единственная надежда нѣмецкой буржуазіи зиждилась на отдѣльныхъ государствахъ, прежде всего на Австріи и Пруссіи. Но габсбургскій орелъ вышелъ изъ смуты XVII в. съ перешибленными надолго крыльями, а гогенцоллернскій еще не научался расправлять свои такъ, чтобы Европа слышала шумъ его полета.Только остатки старыхъ торговыхъ связей съ Швейцаріей и сѣверной Италіей продолжали держаться въ богатыхъ еще недавно въ имперскихъ городахъ юга: въ Аугсбургѣ, который потерялъ свои крупные банкирскіе дома, въ Ульмѣ, который едва сохранилъ частицу своего вывоза въ Италіи (полотно), въ Нюрнбургѣ, гдѣ отъ цвѣтущей промышленности осталось только производство игрушекъ, въ Регенсбургѣ который заглохъ окончательно хотя потому, что въ немъ была резиденція инперскаго сейма. Нѣмецкая торговля должна почти замкнуться во внутреннемъ рынкѣ, да и тамъ ей приходилось съ большимъ трудомъ отбиваться отъ настойчивой и назойливой французской конкуренціи. Когда же нѣмецкіе корабли подъ флагомъ Бремена или Гамбурга уходили за границу, то они везли либо сырье, либо самые обыкновенные мѣшки съ балластомъ, для усиленія устойчивости судовъ. Въ Нантѣ, одномъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ портовъ Франціи XVIII в., па берегу возвышались цѣлыя песчаныя горы. То былъ балластъ нѣмецкихъ кораблей, выгруженный здѣсь. Мѣстные жители называли эти своеобразныя дюны, въ образованіи которыхъ пе принимали участія силы природы—«нѣмецкими товарами»—produits de

Въ Германіи.

l'Allemagne [1]). Нѣмецкая буржуазія прекрасно сознавала неудобства такого торговаго баланса и горько на это жаловалась устами Юстуса Мезера и другихъ патріотовъ. Но она не въ силахъ была измѣнить ничего. Ей оставалось напрягать силы въ культурной работѣ и политической пропагандѣ съ цѣлью сплотить воедино разрозненныя силы Германіи и дать ей то, чего ей недоставало для успѣшной конкуренціи съ заграницею: могущественную національную власть. Въ продолженіе всего XVIII в. шла эта работа. Результаты ея сказались только въ XIX в., когда нѣмецкая буржуазія черезъ таможенный союзъ, сквозь благотворную грозу резолюціи, привела Германію къ объединенію.

Въ Италіи. Еще меньше могла разсчитывать на выдающуюся роль въ обмѣнѣ XVIII в. Италія. Положеніе ея было несравненно хуже, чѣмъ положеніе Германіи. Германія тоже была раздроблена, но тамъ, по крайней мѣрѣ, каждый клочокъ территоріи принадлежалъ своему собственному государю, который худо ли, хорошо ли могъ разговаривать объ общемъ съ подданными отечествѣ, объ одномъ и томъ же патріотизмѣ. Италія, такъ же безжалостно разодранная на клочья, на очень большомъ пространствѣ была лишена даже этого утѣшенія. Самые большіе куски ея территоріи: Неаполь - Сицилія на югѣ, Ломбардія на сѣверѣ, Тоскана — въ центрѣ томились подъ игомъ чужеземныхъ властителей. Поэтому къ тѣмъ невзгодамъ, отъ которыхъ страдало хозяйство Германіи: къ фискализму, нелѣпой таможенной политикѣ, присоединялась еще совершенно хищническая эксплуатація. Прежній богатырь въ мірѣ торговли—Венеція, еще въ XVII в. вынуждена была окончательно отказаться отъ мысли возстановить свою былую роль въ обмѣнѣ съ Востокомъ. Теперь единственная задача пышной царицы Адріатики заключалась въ томъ, чтобы сохранить свое политическое значеніе на сѣверѣ Италіи и особенно на Средиземномъ морѣ. Но въ 1669 году послѣ упорной борьбы она должна была отказаться отъ Крита, въ 1717 г. она потеряла Марею. Въ ея владѣніи кромѣ итальянской terra ferma остались только Далмація и Іонійскіе острова. Судорожно цѣплялась за остатки былого могущества венеціанская буржуазія, но внутренняя болѣзнь, загнѣздившаяся въ царствѣ дожей, когда отъ него отлетѣла душа,

---

[1]) По вычисленіямъ Ficher'а, въ 1720 г. ввозъ изъ Франціи и Германіи составлялъ 21 м. фр., а вывозъ—11½ м. фр., а въ 1789 г. первая цифра была равна 175 м. фр., вторая—96 м. фр.

подтачивала его медленно и вѣрно. А душою его была торговля. Когда республика потеряла свои колоніи, когда ей пришлось бороться съ конкуренціей сосѣдей (Анкона и Ливорно были объявлены порто-франко еще въ XVII в., Тріестъ — въ 1717 г.), правительство попробовало было поощрять притокъ капиталовъ въ промышленность. Но венеціанскія сукна уже не выдерживали конкуренціи англійскихъ, а венеціанскіе шелка — французскихъ. Послѣднимъ отчаяннымъ усиліемъ буржуазіи метнулась было къ землевладѣнію, сдѣлала попытку въ землѣ найти пищу для своихъ свободныхъ капиталовъ. Съ этой цѣлью была проведена секуляризація монастырскихъ имуществъ (декретирована 1767, осуществлена 1770—73; 127 монастырей подверглись упраздненію). Но ничто не могло уже вернуть прежняго успѣха, неизмѣнно сопровождавшаго всѣ экономическія предпріятія Венеціи. Подступало разложеніе. Въ Венеціи и оно было красиво. Мы это знаемъ по мемуарамъ Казановы, по письмамъ Балларины, по картинамъ Лонги. Они съ необычайной яркостью изображаютъ намъ своеобразный міръ венеціанскаго декаданса: маску, ставшую государственнымъ установленіемъ; куртизанку, играющую первенствующую роль; свѣтскую даму со своимъ чичисбеемъ, которая тянется за куртизанкой игорные дома, маскарады, казино; монастыри, въ которыхъ болѣе веселятся, чѣмъ молятся; огромные склады, которые стоятъ пустыми; арсеналъ, въ которомъ не работаютъ; дуэли, похищенія, побѣги, нападенія, и гондолы, гондолы, гондолы въ той суетливой толкотнѣ, въ какой онѣ неизмѣнно фигурируютъ на пейзажахъ Каналетто. Это было самое настоящее разложеніе. Бонапарту не пришлось даже рубить могучее дерево венеціанской свободы. Оно было гнило до корня и свалилось отъ перваго удара.

Въ Испаніи

Но сильная національная власть сама по себѣ, конечно, не могла вызвать торговаго расцвѣта. Она была необходима для того, чтобы этотъ расцвѣтъ поддерживать; безъ нея онъ былъ невозможенъ. Чтобы создать его, нужны были силы иного порядка. Чтобы его питать, когда этихъ другихъ силъ не хватило, одной національной власти было мало. Это лучше всего видно на примѣрѣ Испаніи. Въ XV и XVI вв. на Пиринейскомъ полуостровѣ сложилась крѣпкая національная власть. И ей было что охранять, потому что завоеваніе Америки открывало заманчивыя перспективы и для промышленности,

и для торговли Пиринейскаго полуострова. Но габсбурги оказались для Испании династией еще болѣе «фатальной», чѣмъ для Германіи. Они оцѣнивали экономическія явленія, какъ и всякія другія, съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія съ догматами самаго узкаго католичества. Поэтому когда неслыханный наплывъ благородныхъ металловъ превратилъ Испанію въ богатѣйшій рынокъ для продуктовъ европейской промышленности, у власти не оказалось твердой и здоровой торговой политики: золото и серебро ушли въ обмѣнъ на иностранные товары, а цвѣтущая испанская промышленность оказалась разоренной. Золотой дождь не оплодотворилъ нивы національнаго хозяйства.

Въ Нидерландской республикѣ. Наслѣдіе Испаніи, прежде всего, попало въ руки молодой Нидерландской республики, только что передъ этимъ завоевавшей себѣ независимость. Когда въ 1581 г. Испанія завоевала Португалію, она захватила не только маленькую метрополію, но и огромныя ея колоніи. Вся сложная система португальской монопольной торговли, хорошо налаженной и дававшей большіе барыши, попала въ руки Испаніи, гдѣ изъ нея немедленно было сдѣлано употребленіе ad majorem Dei gloriam. Чтобы нанести ударъ своей недавней подданной, отстоявшей свободу наперекоръ усиліямъ Альбы и инквизиторовъ,—Филиппъ II въ 1585 г. захватилъ всѣ нидерландскіе корабли, стоявшіе въ Лиссабонѣ и находившіеся въ португальскихъ водахъ, и запретилъ своимъ подданнымъ всякія сношенія съ Нидерландами. Страна должна была вслѣдствіе этого остаться безъ восточныхъ пряностей, которыя она получала исключительно черезъ португальцевъ, а торговля пряностями была нервомъ и транзита, и транспорта, и биржевой торговли Нидерландовъ. Чтобы избѣжать грозившаго разоренія, нидерландскимъ купцамъ не оставалось ничего другого, какъ обратиться къ самому источнику: въ 1595 году въ Индію отправился первый голландскій флотъ, а спустя пятьдесятъ лѣтъ не оставалось въ Индіи, на Зондскихъ и Молуккскихъ островахъ, даже въ Японіи, крупной гавани, гдѣ у голландцевъ не было бы факторіи. Мало того, они достигли въ индійскомъ районѣ такого могущества, что въ это время конкурировать съ ними было очень трудно. Большой крейсерскій флотъ сторожилъ на всѣхъ путяхъ, и какой-нибудь контрабандистъ, пытающійся проникнуть въ сферу торговаго владычества Голландіи, рисковалъ довольно быстро пойти ко дну или, въ лучшемъ случаѣ, лишиться своего судна.

Въ XVII въ. первенствующая роль въ торговлѣ принадлежала Голландіи. Захвативъ наслѣдіе Пиринейскихъ государствъ, она сумѣла воздержаться отъ ихъ ошибокъ. Она перестала стремиться ко ввозу золота во что бы то ни стало. Она перестало бояться вывызить золото въ колоніи. Наоборотъ, она стремилась выгодно закупать колоніальные товары, чтобы потомъ, перепродавъ ихъ, получать большую прибыль. Другими словами, она первая перешла отъ системы денежнаго баланса къ системѣ баланса торговаго.

Нид. Ост.-Индская компанія.

Разумѣется, торговля Голландіи съ Индіей была цѣликомъ построена на системѣ монополіи. Первыя экспедиціи были отправлены на средства отдѣльныхъ, нарочито образовавшихся, товариществъ, а въ 1602 году изъ всѣхъ этихъ товариществъ образовалась Нидерландская Остъ-индская компанія, первая крупная монопольная компанія на европейской почвѣ, послужившая образцомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ. Во главѣ ея стояли тѣ же лица, которыя управляли и молодой республикою. Непосредственно дѣла вершались восемью палатами, въ которыхъ засѣдали крупные акціонеры, при чемъ, такъ какъ Амстердамъ доставлялъ половину капитала, то въ немъ находились четыре палаты, и онъ выбиралъ половину членовъ правленія. Благодаря связи съ правительствомъ, монополія компаніи охранялась всѣми средствами государства, и права ея были очень велики: въ Индіи она могла отъ имени генеральныхъ штатовъ объявлять войну и заключать миръ, заключать договоры съ туземными князьками, чеканить монету, строить города и крѣпости, назначать военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, чинить судъ и расправу. Монополія приносила особенно на первыхъ порахъ огромныя выгоды. Хотя правительство и объявляло формально, что каждому гражданину республики предоставляется право участвовать въ компаніи, но акціи ея очень быстро поднялись такъ высоко, что фактически они сосредоточивались въ рукахъ небольшой кучки учредителей, не превышавшей 600 человѣкъ.

Центромъ дѣятельности компаніи были Зондскіе острова, главнымъ образомъ Ява, затѣмъ Молуккскіе (Амбоина и Банда) и отчасти Японія. На Зондскихъ и Молуккскихъ островахъ торговля велась на началахъ строгой монополіи, при чемъ для фиксаціи цѣны на товары компанія не останавливалась передъ тѣмъ, чтобы предавать огню цѣлыя плантаціи гвоздики или срубать мускатныя деревья. Мѣстные царьки были въ полномъ подчине-

ніи у компаніи. Въ Японіи голландцы торговали тоже на началахъ монополіи, но здѣсь имъ не давали безудержанно эксплуатировать туземцевъ: Японія была сильной страной, и умѣла диктовать свои правила чужеземнымъ купцамъ [1]). Во всякомъ случаѣ, при тѣхъ или иныхъ условіяхъ, монополія первое время приносила огромные барыши: 100, 300, 400 процентовъ и больше.

Англійская Ост.-Индск. компанія.

Почти одновременно съ голландцами, нѣсколько позднѣе ихъ, стали вторгаться въ сферу португальскаго торговаго вліянія въ Остъ-Индіи и англичане. Первая англійская остъ-индская компанія образовалась даже на два года раньше, чѣмъ голландская, въ 1600 году. Она получила монополію на торговлю во всѣхъ земляхъ въ Индійскомъ и Тихомъ океанахъ между Магеллановымъ проливомъ и мысомъ Доброй Надежды. Первая экспедиція флота компаніи, впрочемъ, была похоже скорѣе на каперскую операцію: главный доходъ былъ полученъ отъ захвата хорошо нагруженнаго португальскаго корабля. Прошло много времени, пока компанія упрочилась на экономическихъ основахъ. Времена были тяжелыя. XVII вѣкъ въ Англіи не былъ очень благопріятенъ для спокойной торговой дѣятельности. Только съ реставраціи начинается ея расцвѣтъ. Она становится твердой ногой на индійскомъ побережьи, въ 1669 году завоевываетъ Бомбей и тѣмъ превращается въ политическую организацію. Въ 1698 г. она пріобрѣла береговую полосу у устьевъ Гугли, гдѣ находилась, между прочимъ, деревушка Калькутта. Къ 1707 г. изъ этой деревушки уже вырюсъ большой городъ, гдѣ находилась резиденція цѣлаго президентства.

Къ этому времени компанія успѣла радикально преобразоваться. Уже въ теченіе XVII в. ей пришлось прибѣгнуть къ неоднократному выпуску новыхъ акцій. Въ 1702 г. рядомъ съ ней образовалась новая компанія, которая вступила съ нею въ борьбу. Лишь въ 1708 г. обѣ компаніи слились въ одну организацію и продолжали дѣло. Но теперь она все больше и больше увлекается политическими задачами. Именно въ это время и происходитъ окончательное превращеніе чисто-торговой организаціи въ политическую. Имперія великаго могола была въ разложеніи. Она только ждала завоевателя, чтобы склониться къ его ногамъ.

[1]) По прибытіи на Японскую территорію голландцы должны были выдать оружіе и позволить водворить себя на одномъ маленькомъ островкѣ. Они не имѣли права торговать непосредственно съ японскими купцами, а должны были заключать всѣ сдѣлки съ правительственной комиссіей.

Ибо послѣ смерти геніальнаго по-своему Аурензеба некому было держать славный когда-то скипетръ. Вопросъ заключается въ томъ, кто получитъ наслѣдіе старыхъ правителей Индіи: французы или англичане. Къ 1746 г. у французовъ было два даровитыхъ человѣка: Дюпле и Лабурдоне. Двухлѣтняя первая борьба сложилась въ ихъ пользу. Но потомъ у англичанъ выдвинулся Робертъ Клайвъ, бывшій простымъ писцомъ на службѣ у Компаніи, и французы потеряли все. Клайвъ обнаружилъ огромный талантъ полководца и изворотливый совсѣмъ по-восточному умъ дипломата. Безпринципный и жадный по природѣ, жестокій по расчету, Клайвъ не останавливался ни передъ чѣмъ, чтобъ дать англійскому владычеству окончательный перевѣсъ въ Индіи. Бенгалъ, Даканъ и др. наиболѣе важныя области Индіи въ концѣ его дѣятельности (1767) фактически должны были признать власть Англіи. Послѣдній періодъ своей службы Клайвъ, уже достаточно обогатившійся самъ, пробовалъ бороться съ эпидемическимъ взяточничествомъ среди чиновниковъ и офицеровъ. Это ему удавалось плохо, и при Уоренѣ Гастингсѣ все пошло по-старому. Но несомнѣнно одно: главная работа по упроченію богатѣйшей въ мірѣ странъ за Англіей было сдѣлано Клайвомъ. Его преемникамъ, изъ которыхъ самымъ выдающимся былъ маркизъ Уэльсзи, оставалось додѣлать немного. Но необходимость держать большое войско и цѣлую сѣть канцелярій самымъ плачевнымъ образомъ стало отзываться на дивидендахъ компаніи. Понадобились новые выпуски акцій, сдѣлались неизбѣжными займы.

Конецъ обѣихъ крупныхъ компаній, нидерландской и англійской, былъ одинъ. Политическія задачи, которыя они неизбѣжно должны были поставить передъ собою, тяжело ложились на ихъ бюджетъ. Войны, усмиреніе возстаній, завоеванія, организаціи управленія поглощало огромныя суммы. Между тѣмъ, и монополія перестала фактически существовать, хотя извнѣ не появлялось никакихъ противниковъ. Брешь въ монополіи пробили сами служащіе компаній, которые подъ ихъ флагами вели свою собственную частную торговлю. И диведенды, получаемые этими ловкими людьми, во много разъ превышали дивиденды самихъ компаній. Принципъ монопольной торговли потерпѣлъ, такимъ образомъ, фіаско. Нидерландская компанія погибла въ эпоху революціи, когда страна подпала подъ французское владычество, и англичане, воспользовавшись этимъ, отобрали у Голландіи всѣ ея владѣнія на океанахъ. Когда Вѣнскій конгрессъ въ 1814 г.

возстановилъ Голландію и вернулъ ей ея владѣнія, о воскрешеніи старой компаніи не было рѣчи. Конецъ англійской компаніи былъ другой. Она не выдержала тяжести политическихъ задачъ. Возстаніе сипаевъ въ 1857 г. показало безсиліе компаніи справляться съ политическими затрудненіями въ Индіи. 2 авг. 1858 г. Индія была принята въ составъ британскихъ колоній.

Мы не могли не остановиться нѣсколько дольше на остъ-индскихъ компаніяхъ въ Нидерландахъ и Англіи. Важность этой новой формы монопольной торговли бросается въ глаза. Буржуазія въ двухъ, наиболѣе передовыхъ въ хозяйственномъ отношеніи, европейскихъ странахъ нашла ту форму, которая наиболѣе отвѣчала требованіямъ момента. Ибо въ XVII и въ началѣ XVIII вв. монопольное общество было единственной возможной формой крупной торговли. На это указываетъ цѣлый рядъ фактовъ: высокіе дивиденды компаній, полная ненарушимость монополій, безпрестанное возникновеніе такихъ же монопольныхъ компаній въ другихъ странахъ, совершенное безсиліе даже въ теоріи принципа свободной торговли. Ибо фритредеровскія теоріи стали пріобрѣтать почву лишь къ концу XVIII в., когда принципъ монополіи пережилъ себя на практикѣ и чуть не ежедневно давалъ новыя и новыя доказательства своего банкротства. Экономическая эволюція не ждала. Она уже выдвигала новые принципы, болѣе отвѣчающіе усложнявшимся условіямъ хозяйственной жизни. А первая половина XVIII в. прошла подъ ярко горѣвшимъ знакомъ монополіи не только въ Голландіи и Англіи, но и въ пошедшихъ по ихъ слѣдамъ Франціи, Пруссіи, Австріи[1]).

Посмотримъ же, каковы были результаты торговаго развитія разныхъ странъ въ разсматриваемое время.

Результатъ торговаго роста.

Въ Англіи торговля растетъ безпрерывно съ конца XVII в. Въ 1663 г. общая сумма ввоза и вывоза равнялась 6 милл. фун. съ небольшимъ. Въ 1714 г. одинъ вывозъ уже превышаетъ 8 милл. фун., а въ 1761 г. онъ составляетъ 16 милл., а ввозъ— 10 милл. Водоизмѣщеніе торговаго флота въ 1663 г. составляло 95.000 тонъ, въ 1712 г. — 327.000, а въ 1786 г. — 932.000. Когда появляются признаки хозяйственнаго переворота, эволюція торговли идетъ быстрѣе. Въ 1790 г. ввозъ составлялъ 16.390.000

---

[1]) Остъ-индскія и Вестъ-индскія компаніи этихъ государствъ представляютъ не болѣе, какъ копіи голландскихъ и англійскихъ.

фун., а вывозъ 17.636.000 ф. Въ 1800 г. соотвѣтствующія цифры были 28.258.000 ф. и 34.382.000 ф. Если въ 1772 г. въ британскіе порты вошло 894.000 судовъ и вышло изъ нихъ 996.000, въ 1788 г. эти цифры поднялись до 1.558.000 и 1.541.000.

Эти цифры вовсе не составляютъ особенности Англіи и не представляются чѣмъ-то недосягаемымъ для другихъ странъ. Даже во Франціи, которая вступала въ XVIII в., разоренная вдвойнѣ — войнами Людовика XIV и отмѣною Нантскаго эдикта, заставившаго эмигрировать 200.000 лучшихъ промышленныхъ работниковъ - гугенотовъ — и тамъ мы видимъ энергичную дѣятельность, приносящую быстрые плоды. Сейчасъ же послѣ Утрехтскаго мира, закончившаго эру безсмысленныхъ войнъ, населеніе принимается лѣчить раны, нанесенныя хозяйству страны. Прокладываются новыя широкія шоссе, развивается и расширяется дѣятельность портовъ, въ цеховомъ режимѣ пробиваются все новыя и новыя бреши, растетъ свободная конкуренція. Съ 1715 г. по 1792 торговые обороты Франціи учетверились, въ то время, какъ въ Англіи, приблизительно за тотъ же періодъ они едва утроились, хотя цифры ввоза и вывоза въ Англіи выше. Во Франціи въ 1787 г. было ввезено товаровъ на 310 милл. ливр., не считая колоніальныхъ, и вывезено на 524 м. л.

Биржи.

Всѣ эти цифры показываютъ, какъ у буржуазіи руководящихъ европейскихъ странъ крѣпла почва подъ ногами въ теченіе XVIII в. Въ другихъ странахъ происходило то же, хотя и не въ такомъ быстромъ темпѣ. И, можетъ-быть, лучшимъ показателемъ успѣховъ торговли и усиленія ея роли въ міровой экономіи является положеніе міровыхъ биржъ въ XVIII в. Мы знаемъ [1]), что послѣ крушенія Антверпенской и Ліонской биржъ роль ихъ перешла къ биржѣ Амстердамской. Въ XVII и XVIII в. Амстердамская биржа была единственной изъ европейскихъ биржъ, которая имѣла крупное международное значеніе какъ для товарныхъ, такъ и для вексельныхъ сдѣлокъ. Правда, въ XVII в. сдѣлки съ бумагами имѣли еще чисто мѣстное значеніе: котировались на биржѣ почти исключительно акціи двухъ голландскихъ компаній, остъ-индской и создавшейся по образцу ея вестъ-индской. Международной фондовой биржей Амстердамъ сталъ лишь въ XVIII в., притомъ скорѣе во второй его половинѣ. Въ

---

1) См. т. I, ст. «Первыя биржи и революція цѣнъ».

1747 г. биржевой указатель содержитъ упоминаніе о 28 мѣстныхъ и лишь 17 иностранныхъ бумагахъ, къ 1783 г. на ряду съ 80 мѣстными фигурируютъ 100 иностранныхъ. Къ 1770 г. Амстердамская биржа помѣстила у себя заграничныхъ займовъ на 250 милл. гульд., и это не была еще высшая цифра. Ни Лондонская, ни тѣмъ болѣе Парижская биржа не могли итти въ какое-нибудь сравненіе съ Амстердамской. Только послѣ того, какъ Голландія была завоевана французами, нѣкоторую часть оборотовъ Амстердамской биржи унаслѣдовала биржа въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, гдѣ къ тому времени начала уже восходить звѣзда Ротшильдовъ.

Соціальная роль буржуазіи.

Такъ, постепенно, шагъ за шагомъ, пользуясь всѣми благопріятными обстоятельствами, буржуазія шла впередъ, укрѣпляя свое экономическое положеніе и завоевывая себѣ мѣсто на широкой политической аренѣ.

Первый признакъ ея поступательнаго движенія заключался въ томъ, что она начала отнимать политическое вліяніе у классовъ, которымъ еще не такъ давно политическое господство принадлежало безраздѣльно, у представителей землевладѣнія.

Въ Германіи меньше всего прямыхъ указаній этого рода. Но зато сколько угодно косвенныхъ. Тамъ политическія противоположности между буржуазіей и землевладѣльческими классами разыгрываются на почвѣ территоріальнаго расчлененія. Землевладѣльческая знать, дворянство, была привязана къ династіямъ многочисленныхъ крупныхъ, среднихъ и мелкихъ государствъ, и потому была ревностной носительницей принципа партикуляризма. Для него таможенныя заставы, акцизы, монетная путаница не представляли никакихъ неудобствъ, и къ единству поэтому оно не стремилось. Буржуазія, наоборотъ, уже въ XVIII в., по мѣрѣ того, какъ развивались промышленность и торговля, все яснѣе и яснѣе ощущала неудобства раздѣленія страны на безконечное множество отечествъ, которыя смотрѣли одно на другое съ ненавистью и всѣ преисполнены были высоко-патріотическаго эгоизма, весьма вреднаго для хозяйственной дѣятельности. Классовое сознаніе уже тогда начинало подсказывать буржуазіи, что безъ единства она никогда не выбьется изъ бюрократическихъ тисковъ и никогда не отниметъ господства у землевладѣнія. А пока она могла только исподволь перекупать дворянскія земли и стараться проникать ко двору, чтобы тамъ вести борьбу съ вліяніемъ знати.

Ростъ буржуазнаго землевладѣнія.

Если въ Германіи этотъ процессъ только начинался, то во Франціи XVIII в. онъ въ полномъ разгарѣ. Къ тому же здѣсь онъ виднѣе, ибо на ряду со свѣтскимъ дворянскимъ землевладѣніемъ играло огромную роль церковное. Поэтому линія натиска буржуазнаго капитала сама собою становится шире. Уже начиная съ XVII в. капиталъ, накопленный въ торговлѣ и промышленности, идетъ въ землю. Мемуары современниковъ (маркизъ Булье), сочиненія экономистовъ (Мирабо старшій) полны указаніями на то, что дворянскія земли таютъ подъ напоромъ буржуазнаго капитала. Дворянство не можетъ сопротивляться этому натиску. Феодальная эксплуатація земли оставляетъ его съ постоянными дефицитами, и чтобы какъ-нибудь сводить концы съ концами, оно вынуждено то и дѣло назначать въ продажу то одинъ участокъ, то другой. Церковныя земли еще не вошли въ этотъ потокъ мобилизаціи. Пока держится старый порядокъ, ихъ защищаетъ законъ о main-morte, о неотчуждаемости церковныхъ земель. Но въ XVIII в. можно констатировать тотъ фактъ, что церковныя земельныя богатства перестаютъ увеличиваться. Оскудѣла рука вѣрующихъ, которые вкусили плодовъ отъ раціоналистическаго древа просвѣтительной философіи. Оскудѣлъ самый земельный фондъ, изъ котораго церковь обогащалась, начиная чуть не со временъ Хлодвига: дворянскія земли. Да и церкви сдѣлалось уже не такъ легко вступать во владѣніе новыми землями. Въ 1749 г. былъ изданъ знаменитый эдиктъ о main-morte, согласно которому церковь должна была уплачивать въ пользу государства одну пятую отказаннаго ей имѣнія, если это дворянскій ленъ, и одну шестую, если это недворянское имѣніе. Не у всякаго монастыря и не у всякой церкви въ распоряженіи находились необходимыя для этого средства. Такимъ образомъ дворянскія имѣнія таютъ, церковныя почти не увеличиваются [1]), а земли третьяго сословія растутъ и растутъ. И становятся со своими новыми методами эксплоатаціи настолько замѣтнымъ явленіемъ въ экономической жизни страны, что является цѣлая школа теоретиковъ земледѣльческаго капитализма — физіократы.

Въ Англіи мы видимъ нѣсколько иную картину. Церковное землевладѣніе было ликвидировано уже гораздо раньше. Въ

[1]) Въ 1784 г. пошлина по закону о main-morte достигла едва 300.000 ливровъ. Другими словами, всего церковь наслѣдовала земли на сумму 1 милл. ливровъ. Это—едва приличное имѣніе.

XVIII в. торгово-промышленный капиталъ могъ вторгаться въ сферу землевладѣнія либо на счетъ крупныхъ лендлордскихъ земель, либо на счетъ земель мелкихъ фригольдеровъ, іоменовъ. У купцовъ и промышленниковъ были всѣ основанія стремиться къ землѣ, потому что послѣ революціи 1688 года, упрочившей парламентское верховенство, главнымъ образомъ земля давала доступъ въ парламентъ, т.-е. ключъ къ власти. Но лорды сами отлично понимали это и отнюдь не склонны были отдавать въ руки буржуазіи земельные цензы. Наоборотъ, они очень старались, и довольно успѣшно, сдѣлать такъ, чтобы буржуазіи не изъ чего было выкраивать себѣ цензы. Такой сдѣлалась въ XVIII в. тенденція примѣненія закона 1677 г.—о незаконномъ держаніи (Statute of Frouds). Этотъ законъ, изданный при Карлѣ II, первоначально имѣлъ своей цѣлью сосредоточіе въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ тѣхъ земель, которыми владѣли мелкіе фригольдеры. Онъ давалъ право лендлорду прекращать держаніе всякой земли, на которую у іомена нѣтъ письменныхъ документовъ, составленныхъ по формѣ, и держаніе которой регулировалось только обычаемъ. Когда въ XVIII в. земли іоменовъ стали переходить въ руки буржуазіи, лендлорды стали пользоваться закономъ 1677 г., чтобы захватить непрочныя іоменскія земли и не дать имъ перейти въ руки буржуазіи. Первоначальная чисто экономическая тенденція осложнилась политической. Свои собственныя земли лендлорды сумѣли оградить отъ буржуазіи законами о майоратѣ и пр., на которыя было чрезвычайно щедро землевладѣльческое большинство парламента. Но іоменскія земли все-таки стали переходить во владѣніе буржуазіи въ большомъ количествѣ. Словомъ, въ Англіи мы имѣемъ другую картину, чѣмъ во Франціи: буржуазное землевладѣніе растетъ не на счетъ дворянскаго, а на ряду съ нимъ. Но оно растетъ и становится политической силой.

Политическая роль буржуазіи. Нидерланды.

Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ буржуазіи удастся пріобщить себя къ политической власти. О Нидерландахъ можно не разговаривать много. Тамъ буржуазія уже достигла всѣхъ своихъ политическихъ цѣлей. Генеральные штаты послѣ смерти Вильгельма Ш (1702 г.) упразднили даже должность штаттальтера, и вся полнота власти перешла въ руки наиболѣе богатыхъ представителей буржуазіи, и хотя въ 1747 г. штатгальтерство и было возстановлено, хотя Вельгельмъ V обнаруживалъ деспо-

тическія замашки, но вліяніе буржуазіи отъ этого не уменьшалось. Нѣсколько иначе обстояло дѣло въ Англіи.

Англія.

Юридически власть, которой англійская буржуазія могла пользоваться черезъ парламентъ, была очень невелика. Въ парламентъ представители буржуазіи проходили черезъ узенькую дверь того избирательнаго закона, который былъ отмѣненъ первой революціей и въ интересахъ землевладѣльческой знати вновь возстановленъ реставраціей. Мало того, при Аннѣ (9 Anne c. 5) былъ изданъ новый законъ, подтвержденный и детализированный при Георгѣ (33 George II c. 20), еще разъ ограничившій избирательное право въ угоду землевладѣльцевъ. До этого времени купцы, владѣвшіе большимъ имущественнымъ цензомъ, свободно могли избираться въ городахъ. Послѣ изданія обоихъ этихъ законовъ было постановлено, что въ городахъ избирательнымъ правомъ пользуются только лица, владѣющія тамъ земельной собственностью, приносящей доходу не менѣе 300 фунтовъ въ годъ. Это постановленіе, какъ нетрудно понять, лишало избирательныхъ правъ цѣлую категорію купцовъ, которые дѣлали большіе обороты, не владѣя землею нигдѣ.

Такимъ образомъ юридически у буржуазіи даже стало нѣсколько меньше политическихъ возможностей. Но это, конечно, не значитъ, что вліяніе ея не увеличилось фактически. У буржуазіи были прямыя связи съ правительствомъ чрезъ головы достопочтенныхъ эсквайровъ, засѣдавшихъ въ парламентѣ. Правительство не могло не считаться съ буржуазіей, когда она сдѣлалась такой огромной денежной силою. Правительство нуждалось въ деньгахъ. А у буржуазіи въ началѣ XVIII в. было много свободныхъ капиталовъ. Въ 1694 г. компанія купцовъ могла основать англійскій банкъ, что едва ли было возможно безъ наличности крупныхъ денежныхъ средствъ. Затѣмъ, въ первой половинѣ XVIII в., учетный процентъ держался на очень низкомъ уровнѣ, что тоже свидѣтельствуетъ объ обиліи свободныхъ денегъ въ Сити. И, конечно, только съ помощью Сити Питтъ Старшій могъ осуществить огромный по тому времени заемъ въ 75 милл. фунтовъ. Разумѣется, капиталисты превосходно сознавали власть денегъ. Недаромъ были моменты, когда законопроекты, которымъ сочувствовало землевладѣльческое большинство парламента, не могли пройти вслѣдствіе сопротивленія буржуазіи. Такъ было съ проектомъ введенія акциза, съ которымъ въ 1733 г. очень носился Уальполь, и который очень привле-

калъ землевладѣльцевъ. Его провалила буржуазія. И если она не дѣлала большихъ усилій для того, чтобы еще въ XVIII в. добиться того, чего она добилась въ 1832 и 1867 годахъ, то потому, главнымъ образомъ, что стремленіе къ политическому вліянію насыщалось у нея сполна въ другомъ мѣстѣ. У англійской буржуазіи было свое царство, свое обширное поле для политическихъ экспериментовъ, — Индія. Это былъ своего рода спасительный клапанъ, и если Англіи не пришлось никогда переживать потрясеній буржуазной революціи, какія пережиты были Франціей въ 1789 и слѣдующихъ годахъ, то, главнымъ образомъ, потому, что англійская буржуазія владѣла Индіей. Въ лучшихъ условіяхъ находилась только нидерландская буржуазія, которая одновременно и владѣла Индіей и управляла метрополіей.

Въ бытовыхъ отношеніяхъ усиленіе роли буржуазіи ярко сказывается въ сферѣ соціальныхъ титуловъ. При консерватизмѣ англичанъ перемѣны, происшедшія въ этой области, означали цѣлую революцію. «Даніель Дефо, — говоритъ одинъ историкъ,—первый сдѣлалъ изумительное открытіе, что человѣкъ, занимающійся торговлей, можетъ быть джентльменомъ, хотя такое смѣлое положеніе вначалѣ было встрѣчено съ недовѣріемъ». Но когда Самъ Джонсонъ объявилъ, что купецъ представляетъ новый видъ джентльмена, скептики вынуждены были смолкнуть. Факты экономическаго порядка одержали еще одну побѣду.

Франція. Во Франціи, въ виду ея общаго политическаго положенія, значеніе буржуазіи не было такъ велико. Послѣдовательный и крѣпко установившійся абсолютизмъ не былъ такой политической формой, при которой общественная группа могла бы легко оказывать вліяніе на ходъ и направленіе государственныхъ дѣлъ. Къ тому же и сама буржуазія не воспользовалась обстоятельствами, когда они давали ей въ руки ключъ къ установленію вліянія. Эдиктъ 1604 года, установившій полную свободу продажи должностей, такъ наз. la Paulette, отдавалъ всю бюрократическую организацію, сверху донизу, въ руки тѣхъ, кто могъ платить, т.-е. въ руки буржуазіи. А держать въ рукахъ бюрократическую организацію при установившемся абсолютизмѣ значило держать въ рукахъ политическое господство. Ибо чиновничество и судъ могли сдѣлаться всѣмъ послѣ того, какъ при Аркѣ и Иври была окончательно разгромлена феодальная партія. Но буржуазія не воспользовалась выгодами своего положенія. Когда послѣ смерти Людовика XIII феодальная партія снова

подняла голову, буржуазія шла съ ней рука въ руку. Фронда была движеніемъ столько же дворянскимъ, сколько и крупно-буржуазнымъ. И если бы буржуазія держалась твердо, королевская власть не могла выйти изъ Фронды укрѣпленной. Но за нѣсколько уступокъ экономическаго характера буржуазія головою выдала Фронду кардиналу Мазарини. Парижскій парламентъ пропустилъ моментъ, когда онъ могъ превратиться въ настоящее представительное учрежденіе, ограничивающее королевскую власть. Царствованіе Людовика XIV отодвинуло всѣ подобныя перспективы въ сферу очень отдаленныхъ возможностей или, лучше сказать, въ сферу невозможнаго. Въ XVIII в. уже не приходилось думать о захватѣ вліянія. Приходилось входить въ соглашенія съ властью изъ-за каждаго отдѣльнаго повода. Но по мѣрѣ того, какъ росла торговля и промышленность, росла и буржуазія; росла и множилась. Старыя разслоенія въ ея средѣ сдѣлались отчетливѣе. Опредѣлились окончательно группы. Впереди шли крупные финансисты: генеральные откупщики, важнѣйшіе поставщики арміи и флота, наиболѣе богатые акціонеры привилегированныхъ обществъ въ родѣ Caisse d'Escompte или Индійской компаніи. За ними — владѣльцы государственной ренты, потомъ купцы и промышленники, потомъ землевладѣльцы и домовладѣльцы. Весь этотъ народъ, разсчетливый, дѣятельный и вполнѣ сознающій свою силу, относился къ абсолютизму съ недовѣріемъ. Причинъ на это было много. Абсолютизмъ не давалъ простору, необходимаго для свободной экономической дѣятельности, путалъ коммерческіе расчеты своимъ вмѣшательствомъ, давилъ подобно Сизифову камню на промышленность тѣмъ, что покровительствовалъ цеховому строю и другимъ пережиткамъ старины. Даже такія крупныя учрежденія, какъ Учетная касса, игравшая тогда роль государственнаго банка и обладавшая огромнымъ акціонернымъ капиталомъ (въ 1776 г. — 15 милл. ливр., въ 1789 г. — 100 м. л.) не были застрахованы отъ произвола. Ее нѣсколько разъ упраздняли и вновь возстанавливали, при чемъ всякій разъ капиталъ ее грабили чиновники и придворные. Затѣмъ, при абсолютизмѣ государство было очень ненадежнымъ должникомъ. Держатели ренты никогда не выходили изъ состоянія тревоги, потому что правительство очень любило прибѣгать къ банкротству. Для него это былъ способъ удобный, такъ какъ обязательства по займамъ поглощали въ XVIII в. половину бюджета ежегодно, и банкротство давало воз-

можность на нѣкоторое время вздохнуть свободнѣе. А если полное банкротство по какимъ-нибудь причинамъ представлялось неудобнымъ, то прибѣгали къ пониженію процента, къ принудительному возвращенію долга и проч. И регентъ и Людовикъ XV пользовались такими средствами. Но рантьерамъ все это несло разореніе или, по крайней мѣрѣ, большіе убытки, вслѣдствіе крупныхъ колебаній биржевого курса на государственныя бумаги, и они, естественно, готовы были на все, чтобы на будущее время устранить такіе эксперименты. Всѣ эти условія дѣлаютъ совершенно понятнымъ стремленіе французской буржуазіи къ власти. Во Франціи не было тѣхъ клапановъ, которые спасали Англію: парламента, черезъ который все-таки можно было достигать многаго и одно присутствіе котораго въ государственномъ механизмѣ дѣлало правительство болѣе сговорчивымъ, и Остъ-индской кампаніи, гдѣ стремленіе буржуазіи къ власти находило полное удовлетвореніе. Оттого во Франціи буржуазная революція ворвалась со всѣми судорогами насилія и однимъ ударомъ смела старый абсолютизмъ и его союзника — феодальный строй.

Германія. Въ Германіи буржуазія не пришла даже къ сознанію своей силы, потому что экономическіе факты такого сознанія не подсказывали. Но безсознательно, какъ мы уже знаемъ, буржуазія безпрерывно работала надъ укрѣпленіемъ своего значенія и въ культурной области, какъ мы знаемъ [1]), ей удалось добиться того, что національная литература, отъ Гриммельсгаузена и Логау до Лессинга и Виланда и отъ Гюнтера до Гете стала буржуазной литературой, что общественное міровоззрѣніе и наука стали отражать настроенія и потребности буржуазіи. А у людей, наиболѣе тѣсно связавшихъ свою судьбу съ судьбою экономическаго роста Германіи, уже начинало появляться политическое сознаніе, пониманіе несовмѣстимости существующихъ формъ государственнаго устройства, построенныхъ на принципѣ полной безотвѣтственности, съ нервомъ хозяйственной жизни эпохи. Вотъ что писалъ, напр., въ 1796 году гамбургскій банкиръ, англичанинъ по происхожденію, чистый нѣмецъ по духу, Джонъ Паришъ: «Купецъ всегда долженъ обнаруживать величайшую предусмотрительность, когда онъ заключаетъ сдѣлки съ

---

[1]) См. во II т. статьи «Германія послѣ тридцатилѣтней войны» и «Умственныя теченія въ Германіи XVIII в».

тѣмъ или инымъ правительствомъ. Ибо его положеніе слишкомъ неодинаково съ положеніемъ его контрагента... Для министра ничего не стоитъ принести въ жертву какую-нибудь фирму. Пока фирма своимъ кредитомъ можетъ прійти на помощь государству, купца почитаютъ и передъ купцомъ заискиваютъ. Но когда надобности въ немъ больше нѣтъ, государственный мужъ драпируется въ тогу своего достоинства и немедленно забываетъ про купца... И представляется уже снисхожденіемъ, если въ случаѣ какихъ-нибудь неправильныхъ дѣйствій жалобы купца будутъ хотя бы выслушаны, — не говоря уже о томъ, чтобы ихъ приняли во вниманіе. Во мнѣ говоритъ не демократическое настроеніе, а дѣловой опытъ»...

Въ эпохи, для буржуазіи критическія, «дѣловой опытъ» можетъ стать и демократизмомъ, и революціей. Когда Паришъ писалъ эту фразу, его классовое сознаніе было, конечно, просвѣтлено французской революціей, и заключительная оговорка, можетъ-быть, была не болѣе, какъ привычнымъ жестомъ купеческой осторожности. Такъ, какъ Паришъ, думала не вся нѣмецкая буржуазія. Она не выросла настолько. Но и собственный ея «дѣловой опытъ», и раскаты бури, ревѣвшей за Рейномъ и докатывавшейся въ видѣ крестьянскихъ волненій до Саксоніи и Силезіи, были хорошими политическими учителями. Пройдетъ нѣкоторое время и нѣмецкіе публицисты, безсознательные идеологи интересовъ буржуазіи, будутъ наперерывъ другъ передъ другомъ доказывать несостоятельность деспотизма.

Просвѣщенный абсолютизмъ.

Спрашивается, доходилъ ли до пониманія власти въ Германіи и вообще въ странахъ экономически болѣе отсталыхъ этотъ новый фактъ, тотъ фактъ, что буржуазія пробуждается и можетъ не сегодня-завтра заявить о тѣхъ политическихъ правахъ, которыя принадлежатъ ей въ мѣру ея соціальной роли. Несомнѣнно, доходилъ, ибо иначе была бы совершенно необъяснима та странная политическая форма, которая зовется просвѣщеннымъ абсолютизмомъ. Нѣтъ необходимости подробно останавливаться сейчасъ на характеристикѣ просвѣщеннаго абсолютизма [1]). Достаточно припомнить два его главныхъ признака: то, что старо-землевладѣльческіе привилегированные классы лишаются монополіи государственной поддержки и то, что въ угоду третьему сословію принимаются мѣры, формально клоня-

---

[1]) Ср. т. II, ст. «Просвѣщ. абсолютизмъ въ Германіи».

щіяся къ установленію гражданскаго равноправія. Что это означаетъ? То, во-первыхъ, что абсолютизмъ пришелъ къ выводу, что прежняя опора трона, феодальные классы не заслуживаютъ болѣе исключительной, тревожно-заботливой поддержки, ибо они утрачиваютъ реальное основаніе своей силы. А во-вторыхъ, что будущее по всѣмъ признакамъ принадлежитъ классамъ непривилегированнымъ, тѣмъ, кто составляетъ третье сословіе и прежде всего буржуазію.

И превращеніе абсолютизма классическаго въ абсолютизмъ просвѣщенный представляетъ собою минимумъ уступокъ, которыя дѣлаются третьему сословію. Этого минимума не могла избѣжать ни одна самая отсталая въ экономическомъ отношеніи страна въ Европѣ. Если не считать Россіи, гдѣ «просвѣщенные» эксперименты Екатерины были не болѣе, какъ неуклюжими потугами на политическое кокетство, «просвѣщенной» эпидеміи не удалось избѣжать не только Пруссіи и Австріи, изъ отсталыхъ передовымъ, — но и Неаполю, Испаніи, Португаліи, отсталымъ безнадежно. Во Франціи, гдѣ абсолютная власть чуяла, что она стоитъ на вулканѣ, могли только принимать отдѣльныя мѣры этого порядка—въ родѣ того закона о main morte 1749 г., о которомъ говорилось выше; къ выдержанной просвѣщенной политикѣ тамъ уже были неспособны. Тамъ говорили: apres nous le déluge и пытались урвать, что можно. Въ Голландіи и Англіи, конечно, не нуждались въ этого рода компромиссахъ. Но въ остальныхъ странахъ вѣрили, что компромиссы отдаляютъ часъ крушенія абсолютизма и усердно занимались просвѣщенными опытами.

Такимъ образомъ въ разныхъ государствахъ Европы мы наблюдаемъ съ XVIII вѣка различныя стадіи въ развитіи торговли и промышленности и соотвѣтственно этому различныя стадіи политическаго вліянія буржуазіи. Но всюду, начиная отъ Голландіи, гдѣ буржуазія властно распоряжается судьбами государства и кончая Неаполемъ, гдѣ въ безсознательномъ страхѣ передъ надвигающимся мѣрнымъ шагомъ торгово-промышленныхъ классовъ, власть спѣшитъ отмахнуться отъ союза съ духовенствомъ и дворянствомъ и провозглашаетъ равенство всѣхъ передъ закономъ,—уже чувствуется нарастающее вліяніе буржуазіи. И все говоритъ за то, что новый вѣкъ, XIX, будетъ временемъ еще болѣе рѣшительныхъ побѣдъ торгово-промышленнаго класса.

Въ этомъ заключается главное значеніе XVIII вѣка въ исторіи европейской буржуазіи. *А. Дживелеговъ.*

Попытки реформъ во Франціи при Людовикѣ XVI.

Взору наблюдателя Франціи второй половины XVIII вѣка представляетъ своеобразную картину сочетанія самыхъ противоположныхъ явленій: прогресса и необычайной жизненности съ одной стороны, отсталости и полной ветхости съ другой. Въ экономической жизни страны замѣтна плодотворная и энергическая дѣятельность. Быстрымъ темпомъ растутъ промышленность и торговля. Просвѣщеніе дѣлаетъ успѣхи въ широкихъ кругахъ общества. Вопросы науки, литературы и въ особенности политики одинаково привлекаютъ къ себѣ вниманіе людей самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній. Общество чутко отзывается на всякое политическое событіе, а его мнѣніе выростаетъ въ силу, которой приходится бояться правительству абсолютнаго монарха. Но при всемъ томъ эти новыя явленія должны жить и двигаться въ старыхъ общественныхъ и политическихъ рамкахъ. Правда, старая монархія должна была примѣниться къ новымъ формамъ жизни. Правительство Людовика XV говоритъ инымъ языкомъ и дѣйствуетъ иначе, нежели слуги Людовика XIV; даже болѣе того: оно стремится поспѣть за требованіями времени, а иногда и руководитъ обществомъ въ его новыхъ стремленіяхъ. Французскій абсолютизмъ къ концу XVIII вѣка все болѣе принимаетъ оттѣнокъ просвѣщеннаго абсолютизма. Однако принципы управленія въ сущности своей остаются прежними. Мелочная опека правительства, хотя и болѣе мягкая, стѣсняетъ дѣятельность общества. То, что дается одною рукой, отнимается другой.

Пособія: *E. Lavisse.* Histoire de France, tome IX. Paris. 1910. — *J. Droz.* Histoire du regne de Louis XVI. Paris. 1839. — *F. Rocquin.* L'esprit révolutionnaire avant la révolution. Paris. 1878.— *Э. Шере.* Паденіе стараго режима (пер. подъ редакціей Е. Тарле). — *Токвиль.* Старый порядокъ и революція. — *П. Ардашевъ.*—Провинціальная администрація во Франціи при Людовикѣ XVI, т. 1—3.— *A. Wahl.* Vorgeschichte der französischen Revolution, т. 1—2. Tübingen. 1907. — *Г. Аѳанасьевъ.* Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго. Одесса. 1884.

Правительство проводитъ сѣть прекрасныхъ дорогъ и этимъ содѣйствуетъ росту торговли, но для постройки ихъ оно возобновляетъ тягостную феодальную барщину. Оно хлопочетъ о развитіи земледѣлія, поощряетъ разработку пустошей, содѣйствуетъ земледѣльческимъ обществамъ, но въ то же время сохраняетъ весь порядокъ феодальныхъ повинностей и стѣсненій. Все новое, свѣжее, что призвано жить и развиваться въ будущемъ, все это, можно сказать, существуетъ не благодаря дѣятельности правительства, а скорѣе вопреки ему. Въ общественномъ строѣ Франціи непоколебимо стоятъ многія учрежденія стараго порядка, иногда ведущія свое происхожденіе отъ среднихъ вѣковъ. Система налоговъ попрежнему несправедлива и убыточна для государства, привилегіи и отличія попрежнему выдѣляютъ изъ массы народа и изъ круга интеллигентнаго общества небольшую группу дворянъ и духовныхъ. Въ этихъ старыхъ сословныхъ дѣленіяхъ буржуазія остается безъ мѣста. Состоятельный буржуа по своему значенію, кругу общества и привычкамъ жизни стоитъ рядомъ съ дворяниномъ, но офиціально онъ относится къ сѣрой массѣ простого народа—tièrs ètât. Этотъ порядокъ своими неожиданностями, пестротой и неопредѣленностью похожъ на административную карту Франціи того времени. Какъ на этой картѣ часто неизвѣстно, къ какой провинціи относится то или иное мѣстечко, а дворъ одного владѣльца иной разъ дѣлится на двѣ половины, принадлежащія къ разнымъ округамъ, такъ и въ общественномъ быту того времени часто не знаешь, въ какую категорію отнести то или иное явленіе, а два явленія, близкія въ одномъ отношеніи, оказываются глубоко различными въ другомъ.

Потребность въ преобразованіяхъ чувствовалась давно. Но сознаніе того, какъ глубоко должны были захватить они всю соціальную структуру, долго оставалось чуждымъ какъ правительству, такъ и самому обществу. Когда умеръ Людовикъ XIV, неясное стремленіе общества къ измѣненію существующаго порядка не отлилось ни въ какой общій планъ преобразованій. Потребовался цѣлый почти вѣкъ горькихъ опытовъ и интенсивной работы мысли французскаго общества, чтобы притти къ сознанію того, что улучшеніе матеріальныхъ рессурсовъ государства мыслимо только при условіи коренной ломки всѣхъ существующихъ установленій.

Въ сферѣ финансовъ всего острѣе чувствовались недостатки настоящаго порядка, и наиболѣе энергичныя попытки реформы въ царствованіе Людовика XV происходили именно въ этомъ

вѣдомствѣ. Но всѣ эти попытки разбивались о дружное сопротивленіе привилегированныхъ, а инициаторы ихъ не разъ платились потерею должности. Другія попытки министровъ Людовика XV исправить многообразные недостатки и злоупотребленія въ арміи или въ системѣ народнаго хозяйства имѣли мало значенія и большею частью останавливались на полдорогѣ. Общество относилось ко всѣмъ этимъ реформаторскимъ попыткамь или безучастно или съ недовѣріемъ и враждой. Почти во всякой реформѣ, касающейся матеріальныхъ интересовъ, подозрѣвали заднюю мысль правительства или еще повыжать денегъ въ пользу казны или доставить какую-либо выгоду лицамъ, причастнымъ къ правительству. Къ тому же мысль и жизнь общества и его офиціальныхъ вождей въ теченіе XVIII вѣка далеко разошлись. Общество выработало себѣ политическіе и соціальные идеалы, чуждые правительству и всему существующему строю. Сквозь безпорядокъ и произволъ этого строя въ дали будущаго лучшіе представители общества видѣли стройныя и величественныя очертанія новаго государства, построеннаго на принципахъ справедливости и разума. Осуществить его по общему мнѣнію могла только верховная власть. Но люди, стоявшіе у власти теперь, не годились для трудной работы созиданія. Не годился для нея и старый король. Надо было ждать появленія у власти новыхъ людей. Вотъ почему восшествіе на престолъ юнаго Людовика XVI пробудило общій энтузіазмъ и общія надежды.

I.

Людовикъ XVI.

Когда Людовикъ XVI вступилъ на престолъ, ему шелъ двадцатый годъ. Въ исторіи европейскихъ монархій трудно указать другой моментъ, когда король такъ мало былъ бы пригоденъ для тѣхъ задачъ, которыя ставитъ ему его высокое призваніе. Юный монархъ былъ почти круглый невѣжда; въ познаніяхъ и развитіи онъ далеко уступалъ многимъ изъ своихъ подданныхъ. Кое-какъ и кое-чему онъ подучился уже потомъ, когда почувствовалъ на себѣ всю тяжесть своихъ обязанностей, всю серьезность своей роли. Здраваго смысла онъ не былъ лишенъ, но тщетно стали бы искать въ немъ тѣхъ драгоцѣнныхъ качествъ ума и воли, которыя для избранныхъ натуръ пополняютъ съ избыткомъ недостатокъ подготовки и отчасти замѣняютъ пробѣлы образованія. Въ этомъ отношеніи онъ обладалъ скорѣе

отрицательными качествами. Онъ былъ робокъ по натурѣ и пугался сложныхъ задачъ государственнаго управленія. Его воля была мягка и быстро подчинялась разнообразнымъ, часто противоположнымъ вліяніямъ. Никто не могъ быть увѣренъ за его дѣйствія и взгляды въ завтрашній день. Эта апатичная натура знала одну только страсть—охоту. Предаваясь охотѣ, король забывалъ политику. Онъ могъ еще цѣлыми днями заниматься слесарнымъ мастерствомъ, но напрягать свою мысль надъ рѣшеніемъ государственныхъ дѣлъ было выше его силъ. Эти дѣла онъ предоставлялъ рѣшенію тѣхъ, кто въ данный моментъ наиболѣе привлекалъ его симпатіи или покорялъ его волю. А если таковыхъ не было, и онъ чувствовалъ себя одинокимъ передъ рѣшеніемъ труднаго вопроса, онъ плакалъ цѣлыми часами. Въ этомъ выражалось его доброе сердце. Но такой пассивной добротою, которую цѣнили въ немъ многіе, онъ принесъ неизмѣримо больше вреда, чѣмъ пользы, и своему народу и самому себѣ.

Выборъ министровъ. Морепа.

На первыхъ же шагахъ новой дѣятельности Людовика XVI ожидала трудная задача: выборъ совѣтниковъ и министровъ. Оставить старыхъ непопулярныхъ министровъ его предшественника было невозможно. Но при отсутствіи у короля самостоятельности сужденія и опыта выборъ новыхъ совѣтниковъ совершился подъ вліяніемъ придворныхъ партій и вышелъ случайнымъ. Это имѣло огромное значеніе для будущаго. Своимъ первымъ совѣтникомъ король сдѣлалъ графа Морепа, который нѣкогда по волѣ маркизы Помпадуръ потерялъ мѣсто морского министра. Морепа не былъ лишенъ дарованій; онъ былъ даже сторонникомъ реформъ, но прежде всего это былъ царедворецъ стараго типа: реформы не должны были слишкомъ задѣвать интересы могущественныхъ лицъ. Какъ свѣтскій человѣкъ, онъ слишкомъ легко смотрѣлъ на серьезныя затрудненія государства. Ему-то и ввѣрилъ свою неопытность молодой король и сохранилъ это довѣріе до самой его смерти [1]). Выборъ Морепа удовлетворилъ партію родныхъ короля, боявшихся возвращенія къ власти Машо, который былъ генеральнымъ контролеромъ при Людовикѣ XV и поплатился своею должностью за слишкомъ смѣлые реформаторскіе планы. Но вскорѣ въ министерствѣ появился человѣкъ болѣе опасный для враговъ реформы, человѣкъ, впрочемъ, мало извѣстный въ большой публикѣ—Тюрго.

---

[1]) Морепа умеръ въ 1781 году. Послѣ него сильнымъ вліяніемъ на короля пользовался министръ иностранныхъ дѣлъ. Верженнъ.

Тюрго.

Если необходимость реформъ для Франціи была сознана, если серьезно хотѣли приступить къ ихъ осуществленію, то трудно было найти человѣка, болѣе подходящаго для роли реформатора, нежели Тюрго. Въ теченіе тринадцати лѣтъ Тюрго занималъ постъ интенданта Лимузена. Интендантъ по сущности своей должности вѣдалъ въ своемъ округѣ все, что относилось къ администраціи и финансамъ. Отличаясь исключительною работоспособностью и добросовѣстностью, Тюрго входилъ во всѣ детали своихъ полномочій и невозможно было знать свое дѣло лучше, нежели зналъ его онъ. На примѣрѣ одной провинціи Тюрго изучилъ всѣ злоупотребленія и недостатки, отъ которыхъ страдала администрація и соціальный бытъ Франціи. Но и немногіе изъ администраторовъ сдѣлали столько для ихъ искорененія въ предѣлахъ своей компетенціи, сколько сдѣлалъ Тюрго въ Лимузенѣ. Тюрго реформировалъ способъ раскладки и взиманія таліи, замѣнилъ денежною повинностью дорожную барщину, увеличилъ сѣть дорогъ, содѣйствовалъ свободѣ хлѣбной торговлѣ и свободѣ промышленности, стремился повысить народное образованіе. Эта дѣятельность снискала ему глубокое уваженіе и горячую любовь жителей его провинціи. Но достоинства Тюрго не ограничивались опытностью и практическими свѣдѣніями. Тюрго былъ также и человѣкъ теоріи, человѣкъ глубокаго образованія и научной подготовки. Политико-экономическіе взгляды Тюрго, близкіе къ теоріи физіократовъ, представляютъ цѣлый этапъ въ развитіи науки. Но онъ обладалъ познаніями и въ другихъ наукахъ, исторіи, географіи и естествознаніи. Это былъ всеобъемлющій и притомъ богатый оригинальными идеями умъ. Къ этимъ дарованіямъ присоединялись качества, неоцѣнимыя въ государственномъ человѣкѣ: честность, искренность, преданность своей идеѣ и полное отсутствіе личнаго интереса. Но ему не хватало какъ разъ того, чѣмъ былъ такъ силенъ Морепа. Онъ не былъ царедворцемъ. Онъ не умѣлъ придавать своимъ проектамъ мягкую форму, дѣлать ихъ пріемлемыми для лицъ, близкихъ ко двору и правительству, да, впрочемъ, это и по самой сущности его реформъ было невозможно. Ему не хватало ловкости въ обращеніи. Потому-то дворъ и министры скоро оказались настроены противъ его личности, какъ и противъ его смѣлыхъ начинаній.

Впрочемъ, на первыхъ порахъ и король и Морепа едва ли думали о реформѣ. Самое назначеніе Тюрго приписываютъ случаю, а постъ морского министра, на который онъ былъ призванъ

сначала, былъ сравнительно неважной должностью. Своимъ назначеніемъ онъ былъ обязанъ рекомендаціи одного своего школьнаго товарища госпожѣ Морепа. Правда, уже раньше король обратилъ на него вниманіе въ своемъ совѣтѣ. Быть-можетъ, назначеніемъ Тюрго хотѣли привлечь на сторону новаго правительства философовъ и экономистовъ, сужденіе которыхъ имѣло вліяніе на общественное мнѣніе.

Возстановленіе парламента.

Новое царствованіе началось съ либеральной и популярной мѣры, въ которой Тюрго принималъ лишь незначительное участіе, но которая имѣла важныя послѣдствія для дѣла реформы — съ возстановленія парижскаго парламента.

Право парламента регистрировать королевскіе эдикты и возражать на нихъ, если не ограничивало, то во всякомъ случаѣ значительно стѣсняло власть французскихъ королей въ XVI и XVII вѣкѣ. Людовикъ XIV заставилъ замолчать и парламентъ. Изъ «верховной» палаты это учрежденіе превратилось просто въ «высокую». Но какъ только старый король умеръ, корпорація судебныхъ магистровъ вновь подняла голову. Право ремонстрацій, отнятое Людовикомъ XIV, парламентъ вернулъ себѣ при регентѣ. Съ этихъ поръ снова начинается оппозиція парламента правительству, идущая черезъ все царствованіе Людовика XV. Въ вопросѣ объ отношеніяхъ галликанской церкви къ Риму и въ вопросѣ финансовыхъ реформъ парламентъ держится точки зрѣнія, противоположной правительству, и пытается сдѣлать недѣйствительными его распоряженія. Протесты парламента, правда, ограничивали королевскій деспотизмъ. Но, состоя изъ представителей привилегированнаго класса, парламентъ былъ въ сущности помѣхой для реформъ даже въ томъ скромномъ масштабѣ, въ которомъ допускало ихъ правительство Людовика XV. Тѣмъ не менѣе въ обществѣ, утомленномъ произволомъ абсолютизма, протесты парламента находили полное сочувствіе. Немногіе видѣли, что парламентъ борется не за новыя идеи, но въ силу корпоративнаго духа, за свои права и привилегіи своихъ членовъ. Къ концу вѣка, когда политическая мысль передовыхъ круговъ выработала теорію государства, построеннаго на естественномъ правѣ и общественномъ договорѣ, парламентъ тоже выставилъ свою теорію ограниченія монархіи. Отдѣльные парламенты, т.-е. парижскій и провинціальные стали разсматривать себя какъ части единаго общефранцузскаго парламента. Онъ являлся учрежденіемъ, представлявшимъ націю и ея интересы въ отсутствіе

Генеральныхъ Штатовъ. Эту теорію онъ противопоставилъ взгляду Людовика XV, что вся законодательная власть сосредоточивается въ монархѣ.

Однако въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV правительство сознало, что парламенты представляютъ серьезную угрозу монархіи. Канцлеръ Мопу провелъ реформу парижскаго парламента, главною цѣлью которой было уничтоженіе права ремонстрацій. Но новое судебное учрежденіе, покорное волѣ короля, вызвало только нападки общества. Противъ реформы были какъ тѣ, кто не понималъ, что парламентъ въ сущности защищаетъ дѣло соціальной реакціи, такъ и тѣ, интересы которыхъ находили защиту въ его протестахъ. Только маленькая группа людей просвѣщенныхъ и литераторовъ привѣтствовала ее, какъ устраненіе препятствій для преобразованій.

Восшествіе на престолъ Людовика XVI воскресило надежды уволенныхъ магистратовъ и ихъ союзниковъ изъ аристократіи и буржуазіи. Парижскій парламентъ былъ популяренъ, какъ единственный оплотъ противъ абсолютизма, и общественное мнѣніе требовало его возстановленія. Не безъ колебанія уступилъ король этимъ требованіямъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Морепа, искавшаго популярности. Канцлеръ Людовика XV, Мопу, авторъ реформы, былъ отставленъ. Уволенъ былъ и генеральный контролеръ Терре. Оба эти министра въ глазахъ народа были воплощеніемъ произвола и деспотизма. На мѣсто Терре былъ назначенъ Тюрго. Парижскій парламентъ былъ возстановленъ. Эти мѣры вызвали общій восторгъ. Но возстановленіе парламента оказалось впослѣдствіи роковымъ для дѣла реформы.

Программа Тюрго.

Иниціатива преобразованій исходила отъ самого Тюрго. Король и Морепа только послѣдовали его планамъ. Тюрго глубоко вѣрилъ въ силу идей. Ему казалось, что если истина однажды найдена, она должна воплотиться въ жизненныхъ отношеніяхъ, устраняя на своемъ пути противорѣчащія ей традиціи, предразсудки и частные интересы. Тюрго былъ далекъ отъ «исторической» точки зрѣнія, видящей какъ разъ въ этихъ явленіяхъ главныхъ двигателей развитія общества. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ собирался онъ, отрицая исторію, перестроить весь общественный порядокъ Франціи. Но Тюрго понималъ, что факторы, враждебные справедливымъ идеямъ, не уступаютъ имъ безъ борьбы, и въ примѣненіи къ жизни истинъ, казавшихся ему очевидными, дѣйствовалъ осторожно, стараясь первое время щадить слишкомъ

опасныхъ противниковъ. Такъ онъ будетъ всегда уступчивъ по отношенію къ церкви и высшимъ прелатамъ. Проводить идеи въ жизнь должна королевская власть. Поэтому Тюрго былъ сторонникомъ абсолютизма. Но и абсолютный король былъ для него лишь слугою общаго блага. Только какъ общественное призваніе ставилъ онъ высоко королевскую власть. Самъ же король былъ для него такимъ же человѣкомъ со слабостями, какъ и всѣ. Онъ обращался къ нему какъ къ человѣку и иногда очень сурово указывалъ ему на его недостатки. Сторонникъ абсолютизма, Тюрго былъ въ то же время приверженцемъ индивидуальной свободы и врагомъ всѣхъ стѣсненій частной дѣятельности. Предѣлы для личной иниціативы въ торговлѣ и промышленности, сословныя перегородки, обособленныя организаціи, феодальныя повинности, все это наслѣдіе средневѣковья должно было пасть. А рядомъ съ этимъ должна была усилиться и королевская власть. Такова была программа Тюрго.

Финансовыя реформы.

Эта программа должна была быть выполнена постепенно, но безъ замедленія. Всего настоятельнѣе была необходимость внести порядокъ въ финансы. На 325.300.000 ливровъ расходовъ въ 1774 году казна располагала лишь 276.700.000 ливровъ доходовъ, слѣдовательно дефицитъ равнялся 48.600.000 ливровъ. 24 августа Тюрго представилъ королю планъ дальнѣйшей финансовой политики: «Впредь не должно быть ни банкротства, ни новыхъ налоговъ, ни займовъ». Этими словами отвергались въ корнѣ всѣ прежніе финансовые пріемы. Тюрго дѣйствительно удалось улучшить состояніе финансовъ. Это было достигнуто рядомъ отдѣльныхъ мѣръ, такъ какъ общая реформа финансовъ могла быть лишь послѣдствіемъ предварительныхъ соціальныхъ преобразованій. Эта общая реформа, конечно, должна была прежде всего коснуться таліи, самаго важнаго, но и самаго несовершеннаго по принципу раскладки и взиманія налога. До проведенія необходимой для этого соціальной реформы Тюрго успѣлъ только улучшить способъ взиманія таліи, уничтоживъ круговую поруку при ея уплатѣ.

Первыя же мѣры Тюрго сильно затронули интересы откупщиковъ косвенныхъ налоговъ. Громадная часть доходовъ, минуя казну, попадала въ ихъ руки. Такъ, въ 1776 году изъ 370 милліоновъ дохода на ихъ долю пришлось 90 милліоновъ. Заборы казначейства впередъ въ счетъ будущихъ поступленій (anticipations) давали тоже огромный доходъ откупщикамъ и банкирамъ, ссужав-

шимъ въ этомъ случаѣ казну. Откупъ былъ, кромѣ того, стѣснителенъ и разорителенъ для населенія, ибо, взимая налоги, откупщики дѣйствовали безпощадно. Капиталы ихъ были огромны. По одному извѣстію, за 50 лѣтъ послѣ 1726 года откупщики выручили 1719 милліоновъ ливровъ. Доли нѣкоторыхъ изъ нихъ исчисляются десятками милліоновъ. Но вліяніе откупщиковъ опиралось кромѣ капитала еще на связи при дворѣ и въ аристократіи. Помимо обогащенія на счетъ откупщиковъ путемъ браковъ и участія въ ихъ операціяхъ, члены аристократіи попросту получали крупные куши за покровительство имъ въ видѣ такъ называемыхъ croupes и пенсій. Въ спискѣ крупье и пенсіонеровъ мы встрѣчаемъ имена такихъ высокихъ особъ, какъ Марія Антуанетта и тетка короля. Въ народѣ вліяніе откупщиковъ поддерживалось цѣлой арміей изъ трехсотъ тысячъ агентовъ по сбору налоговъ. Очевидно, что реформа откупа затронула бы интересы огромнаго числа лицъ и среди нихъ многихъ высокопоставленныхъ. Тюрго поэтому не рѣшился уничтожить всю систему. Но онъ изъялъ часть налоговъ изъ вѣдѣнія откупщиковъ, сокративъ этимъ ихъ выгоды и потери казны. Онъ уничтожилъ также ихъ соляную монополію въ центральныхъ провинціяхъ. Спорные случаи между плательщиками и откупщиками, гдѣ правота сторонъ была неясна, онъ предписалъ рѣшать впредь въ пользу плательщиковъ, тогда какъ раньше дѣлалось наоборотъ. Тюрго не удалось уничтожить обычай croupes и пенсій, но онъ уговорилъ короля не назначать болѣе новыхъ пенсіонеровъ и крупье на счетъ откупа.

Стремясь къ экономіи всюду, гдѣ это было возможно, Тюрго добровольно уменьшилъ свое жалованье съ 142.000 ливровъ до 82.000. Но попытка сократить огромныя пенсіи придворныхъ и министровъ ему не удалась. Зато онъ уничтожилъ часть безполезныхъ должностей и уменьшилъ расходы по взиманію приблизительно на 6 милліоновъ ливровъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣръ Тюрго удалось уплатить часть долговъ и къ 1776 году свести дефицитъ къ суммѣ менѣе 17 милліоновъ ливровъ. Послѣдняя финансовая мѣра Тюрго, учрежденіе Учетной кассы, которая, кромѣ выпуска банковыхъ билетовъ, должна была производить банковыя операціи, содѣйствовала пониженію учетнаго процента, такъ какъ для нея этотъ процентъ былъ ограниченъ 4%.

Реформа хлѣбной торговли.

Гораздо болѣе рѣшительный характеръ носятъ другія реформы Тюрго, экономическія и соціальныя. Тюрго началъ съ

реформы хлѣбной торговли. Со временъ Кольбера интересы земледѣлія были подчинены во Франціи интересамъ промышленности. Ради ея развитія стремились поддержать низкія цѣны на хлѣбъ; впрочемъ, дешевизны хлѣба добивались и вслѣдствіе заботы о продовольствіи народа. Таковъ источникъ искусственной регламентаціи хлѣбныхъ цѣнъ и всей торговли хлѣбомъ. Эта регламентація выразилась въ запрещеніи внѣшней торговли и торговли внутренней между провинціями. Но государство руководилось при этомъ и совершенно иными соображеніями, а именно интересами фиска. За деньги оно поддерживало старыя привилегіи и монополіи и даже создавало новыя. Учреждались должности рыночной полиціи, въ большинствѣ случаевъ ненужныя, а покупщикамъ ихъ предоставлялось право взимать разнаго рода сборы съ торговли хлѣбомъ, какъ процентъ на отданный правительству капиталъ. Право взимать пошлины продавалось и цѣлымъ городамъ. Особенно много такихъ должностей было въ Парижѣ и Руанѣ. Создавались также и компаніи хлѣбныхъ монополистовъ въ городахъ. Главныя торговыя артеріи, большія рѣки, для хлѣбной торговли были перерѣзаны въ Руанѣ, Ліонѣ и Бордо благодаря транзитнымъ пошлинамъ, а въ округѣ Парижа полнымъ запрещеніемъ вывоза хлѣба изъ его предѣловъ. Но и самая продажа хлѣба была обременена разнообразными поборами и стѣснительными правилами на всякой стадіи обмѣна. Такъ, въ Парижскомъ округѣ нельзя было продавать хлѣбъ въ пути, а непремѣнно на рынкѣ, предписывалось оставлять хлѣбъ на возахъ или баркахъ, запрещено было развязывать мѣшки и продавать хлѣбъ долѣе 11 дней по привозѣ.

Система регламентаціи не устранила, однако, ни высокихъ цѣнъ, ни голодовокъ. Подъ вліяніемъ англійскихъ порядковъ и идей физіократовъ при Людовикѣ XV началось движеніе въ пользу свободы торговли. Результатомъ его явилась отмѣна запрещеній эдиктами 1754, 1763 и 1764 годовъ. Но они лишь принципіально провозгласили свободу; фактически она была невозможна, ибо многочисленныя мелкія преграды были оставлены. Реформа потерпѣла неудачу и въ концѣ 60-хъ годовъ была отмѣнена. Помимо частныхъ интересовъ, съ которыми была связана система регламентаціи хлѣбной торговли, она находила себѣ оправданіе также и во взглядахъ народной массы, привыкшей къ установленному порядку и въ системѣ опеки видѣвшей средство противъ отлива хлѣба въ другія мѣста, дороговизны и голодовки.

Но въ сохраненіи существующаго порядка было сильно заинтересовано и могущественное «общество голодовки» (pacte de famine) [1]).

Тюрго снова вступилъ на тотъ путь, который былъ начатъ, но затѣмъ покинутъ правительствомъ Людовика XV. 13 сентября появился эдиктъ, разрѣшавшій свободную торговлю хлѣбомъ внутри страны и привозъ его изъ-за границы. Вывозъ изъ Франціи разрѣшенъ не былъ. Въ предисловіи къ эдикту Тюрго отвергаетъ основанія въ пользу регламентаціи. Страхъ передъ колебаніями цѣнъ напрасенъ; они вѣдь такъ же неизбѣжны, какъ и самые неурожаи. Недостатка въ хлѣбѣ можно избѣжать не регламентаціей, но лишь свободой торговли. Чтобы дать время новому порядку установиться и предупредить возможность недостатка хлѣба, Тюрго устроилъ хлѣбные склады, откуда булочникамъ Парижа въ случаѣ нужды выдавалось бы извѣстное количество хлѣба.

Мѣра Тюрго была встрѣчена неодинаково. Сторонники реформы ликовали. Вольтеръ писалъ: «провинція долго проливала слезы отчаянія; теперь онѣ смѣнились слезами радости». Землевладѣльцы, арендаторы и купцы радовались свободѣ. Но противъ нея были монополисты, у которыхъ отнималась возможность спекуляціи и барышей, парламентъ, который терялъ право надзора за снабженіемъ столицы хлѣбомъ и, наконецъ, простой народъ, боявшійся повышенія цѣнъ, привыкшій къ опекѣ и не понимавшій, что въ конечномъ результатѣ мѣра для него выгодна.

Мучная война.

Одно обстоятельство подвергло мѣру Тюрго серьезному испытанію. Урожай 1774 года былъ плохъ, и при неорганизованности подвоза изъ-за границы цѣны на хлѣбъ поднялись. Народъ и противники свободы приписали это мѣрѣ Тюрго. Весною 1775 года стали разноситься слухи, что дороговизна вызвана скупками частныхъ лицъ Въ апрѣлѣ въ Дижонѣ, Пикардіи и Иль де Франсѣ начались волненія. Толпы народа разбивали лавки съ хлѣбомъ, но не брали его себѣ, а выбрасывали или истребляли. Постепенно бунтовщики приблизились къ Парижу и 2 мая появились въ Версалѣ, наводнивъ улицы и даже дворъ замка. Они требовали дешеваго хлѣба. Администрація и полиція дѣйствовали вяло. Начальникъ гвардіи, охранявшій версальскій рынокъ, обѣщалъ даже

[1]) См. статью «Государственное хозяйство стараго порядка», т. II, стр. 241 и слѣд.

пониженіе цѣны до двухъ су. Тюрго былъ въ Парижѣ. Съ согласія короля онъ хотѣлъ быстро подавить мятежъ, но начальникъ полиціи Ленуаръ, противникъ хлѣбной реформы, явно потворствовалъ бунтовщикамъ. Они проникли въ Парижъ и стали повторять здѣсь свои безчинства. Какія-то личности раздавали деньги народу, подстрекая его къ мятежу. Тогда Тюрго началъ дѣйствовать рѣшительно. Ночью на 4-ое мая онъ былъ облеченъ военною властью, отрѣшилъ отъ должности Ленуара, окружилъ рынки войсками и подъ страхомъ смерти запретилъ сборища. Надъ захваченными мятежниками былъ наряженъ судъ превотальной комиссіи, а протестъ парламента противъ нея и заступничество его за мятежниковъ энергично отклонены королемъ. Къ 6-му мая спокойствіе возстановилось въ Парижѣ, а черезъ нѣкоторое время и въ провинціи. Невозможно съ достовѣрностью сказать, кто былъ виновникомъ этого движенія, получившаго названіе «мучной войны» (la guerre des farines). Весьма возможно, что оно совершилось при участіи, а, можетъ-быть, и по иниціативѣ враговъ Тюрго, придворныхъ, откупщиковъ и монополистовъ.

Продолженіе хлѣбной реформы въ 1775 г.

Однако Тюрго не былъ устрашенъ волненіями, и реформа не остановилась. Мѣры 1774 года только высказали новый принципъ свободы, который провозглашался и при Людовикѣ XV еще болѣе рѣшительно, чѣмъ теперь. Но чтобы сдѣлать его примѣнимымъ на дѣлѣ, необходимо было уничтожить всю сѣть мѣстныхъ стѣсненій и ограниченій, расчистить дорогу для обращенія хлѣба внутри Франціи. Тюрго работалъ надъ этимъ весь 1775 и начало 1776 года, не смущаясь критикой и нападками враговъ. Здѣсь-то и пригодились его громадная опытность и основательное знакомство со всѣми условіями дѣла. Прежде всего были уничтожены ввозныя и рыночныя пошлины въ пользу должностныхъ лицъ въ городахъ. Дороги по Ронѣ и Гароннѣ стали свободны съ отмѣною транзитныхъ пошлинъ въ Ліонѣ и Бордо. Всего позднѣе была освобождена хлѣбная торговля въ Парижѣ, гдѣ въ пользу должностныхъ лицъ рыночной полиціи взималось 4 милліона ливровъ пошлинъ въ годъ. Эти должности были уничтожены уже февральскимъ эдиктомъ 1776 года. Такимъ образомъ торговля стала свободна и по Сенѣ. Всѣ эти частныя мѣры показываютъ, что реформа Тюрго была не простымъ провозглашеніемъ голаго принципа, но детально и глубоко продуманною мѣрою практическаго дѣятеля.

Борьба за свободу хлѣбной торговли взяла много вниманія и энергіи; но и другія реформы откладывать было невозможно, и Тюрго дѣлалъ нѣсколько дѣлъ сразу.

Дорожная барщина.

Среди прочихъ тягостей стараго порядка населеніе Франціи сильно страдало отъ натуральной дорожной повинности. Съ 1737 года, когда она была введена повсюду, населеніе придорожныхъ общинъ было обязано около двухъ недѣль въ году проводить надъ постройкой новыхъ дорогъ и починкой старыхъ. Такимъ образомъ повинность падала лишь на часть населенія, но и въ средѣ обязанныхъ ею она, благодаря невѣдѣнію инженеровъ и злоупотребленіямъ чиновниковъ, распредѣлялась неравномѣрно. Еще интендантомъ Тюрго реорганизовалъ барщину въ своей провинціи, замѣнивъ ее денежнымъ взносомъ. Теперь, по настоянію своихъ друзей и сотрудниковъ, онъ принялся за реформу ея во всемъ королевствѣ. Въ мемуарѣ королю онъ указывалъ, что болѣе всего дорогами пользуются собственники, а между тѣмъ именно они вовсе не содѣйствуютъ ихъ постройкѣ и содержанію. Не слѣдуетъ смущаться протестами, которые они подымутъ противъ обложенія ихъ налогомъ на содержаніе дорогъ. Такъ привилегированные поступаютъ всегда. Мемуаръ убѣдилъ, даже растрогалъ короля картиною бѣдствій и тягостей народа, и онъ далъ свое согласіе на реформу. Ей предшествовали подготовительныя мѣры 1775 года. Циркуляромъ 6 мая, т.-е. въ день подавленія мучной войны, Тюрго предписалъ интендантамъ временно пріостановить отбываніе барщины. Потомъ онъ запросилъ мнѣніе ихъ насчетъ желательности реформы. Большинство интендантовъ высказалось въ ея пользу.

Безуспѣшность оппозиціи реформѣ.

Казалось, дѣло реформъ было обезпечено и шло полнымъ ходомъ. Реакціонная партія при дворѣ, ханжи, раздраженные тѣмъ, что Тюрго разрѣшилъ продажу мяса во время поста, и сторонники Шуазёля, мечтавшіе вновь поставить его у власти, употребляли всѣ усилія, чтобы подорвать довѣріе короля къ Тюрго. Но Тюрго сумѣлъ увлечь короля. Казалось, Людовикъ XVI искренно желалъ облегчить народъ, горькую долю котораго Тюрго умѣлъ нарисовать ему яркими и правдивыми чертами. Раскрывая язвы Франціи, Тюрго апеллировалъ къ чувствамъ Людовика, какъ человѣка, а не самодержца. Когда кто-то намекнулъ королю на безвѣріе его министра, онъ возразилъ: «Какое мнѣ дѣло; онъ честный и просвѣщенный человѣкъ, а этого мнѣ достаточно».

Однако мѣры Тюрго взволновали всю Францію. Мы говорили уже о мучной войнѣ. Приготовленія къ реформѣ дорожной барщины въ 1775 году возбудили полемику между Академіей наукъ и инженерами дорожнаго вѣдомства, обвинявшими Тюрго въ химеричности проектовъ. У Тюрго нашлись и принципіальные противники. Женевскій банкиръ Неккеръ, которому вскорѣ суждено было играть важную роль въ событіяхъ, опубликовалъ книгу о хлѣбной торговлѣ, гдѣ онъ критиковалъ мѣры Тюрго и защищалъ систему регламентаціи хлѣбной торговли. Дороговизна хлѣба въ 1775 г. и впечатлѣнія мучной войны въ глазахъ многихъ оправдывали взгляды Неккера, и книга имѣла большой успѣхъ.

Мальзербъ въ министерствѣ. Конфликтъ съ церковью.

Лѣтомъ 1775 г. партія реформы въ министерствѣ усилилась. На освобождавшійся постъ министра двора и исповѣданій (secrétaire d'Etat de la Maison du Roi) былъ назначенъ другъ Тюрго, Мальзербъ, бывшій первый президентъ палаты косвенныхъ налоговъ (Cour des Aides), извѣстный сторонникъ религіозной свободы и реформы церковнаго устройства. Но вмѣстѣ съ усиленіемъ партіи Тюрго усилилась и дѣятельность его враговъ и противниковъ. Съ этого времени къ нимъ присоединилась и церковь. Мальзербъ воспретилъ отобраніе у протестантовъ ихъ дѣтей съ цѣлью воспитанія ихъ въ католической вѣрѣ. Тюрго подготовлялъ эдиктъ, узаконяющій браки протестантовъ, до сихъ поръ непризнаваемые правительствомъ. Еще раньше Тюрго потерпѣлъ неудачу въ своей попыткѣ замѣнить формулу коронаціонной присяги, обѣщавшую истребить всѣхъ еретиковъ, другой, болѣе сообразной духу времени, которая обѣщала бы всѣмъ церквамъ королевства одинаковое покровительство монарха. Но Тюрго затронулъ интересы церкви гораздо глубже, нежели эта попытка измѣнить устарѣвшій обрядъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ сообщилъ собранію духовенства свои предположенія относительно изъятія изъ рукъ церкви воспитанія юношества, реформы госпиталей и, наконецъ, относительно ограниченія финансовыхъ привилегій духовенства. Предложенія Тюрго реакціоннымъ большинствомъ прелатовъ были отвергнуты Мало того, духовенство черезъ депутацію просило короля усилить репрессіи противъ протестантовъ, рекомендуя слѣдовать политикѣ Людовика XIV. Одновременно оно дало понять, что ничуть не намѣрено подчиниться реформаторскимъ тенденціямъ министра и отказаться отъ своихъ привилегій. Оно вотировало добровольный даръ въ 16 милліоновъ ливровъ, но съ условіемъ,

чтобы король взялъ на себя уплату половины процентовъ и погашенія займа, заключеннаго церковью для этого дара.

Союзъ церкви съ парламентомъ.

Походъ церкви противъ реформъ этимъ не ограничился. Не найдя поддержки въ королѣ, духовенство рѣшило дѣйствовать самостоятельно. Вражда противъ министра-реформатора привела ее къ союзу со старымъ врагомъ, парламентомъ. Недовольный отмѣной регламентаціи хлѣбной торговли, которая давала ему нѣкоторыя полицейскія функціи, раздраженный авторитетнымъ отклоненіемъ вмѣшательства его въ мучную войну, угрожаемый въ привилегіяхъ своихъ членовъ близящейся реформой барщины и слухами о новыхъ финансовыхъ реформахъ, парламентъ всталъ въ ряды недовольныхъ. Онъ принялся за преслѣдованіе либеральной прессы, нападавшей на церковь и распространявшей передовыя политическія идеи. Но вскорѣ онъ рѣшительно выступилъ и противъ самого Тюрго.

Второстепенныя реформы.

Одновременно съ хлѣбной реформой и подготовкой другихъ крупныхъ преобразованій въ 1775 году былъ проведенъ цѣлый рядъ болѣе мелкихъ мѣръ.

Новые эдикты. Уничтоженіе барщины.

1776 годъ открылся важными реформами,—Тюрго представилъ сразу шесть проектовъ. Одинъ намъ уже извѣстенъ: онъ довершилъ реформу хлѣбной торговли уничтоженіемъ ненужныхъ должностей въ столицѣ. Другіе освобождали торговлю съѣстными припасами и виномъ. Два проекта имѣли огромное значеніе. Первый уничтожалъ дорожную барщину, второй цехи и рабочія корпораціи. Эдиктъ о барщинѣ уничтожалъ впредь всякую натуральную повинность трудомъ для какихъ бы то ни было цѣлей. Постройка дорогъ должна производиться на средства, собираемыя путемъ налога, падающаго на всѣхъ плательщиковъ двадцатины, въ томъ числѣ и на короля, какъ владѣльца доменовъ. Чтобы расходованіе налога не было отвращаемо отъ его прямого назначенія, онъ долженъ быть вносимъ непосредственно въ вѣдомство дорогъ (administration des Ponts et Chaussées), а о его расходованіи долженъ былъ публиковаться ежегодный отчетъ. Эдиктъ о барщинѣ имѣетъ важность не столько практическую, сколько принципіальную. Впервые здѣсь осуществлялся принципъ равнаго обложенія всѣхъ, сообразно размѣру имущества безъ различія общественнаго положенія. Тюрго не скрывалъ, что это только начало общаго уравненія подданныхъ въ отношеніи налоговъ. Поэтому эдиктъ произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Противники нашлись и въ королевскомъ совѣтѣ, не говоря уже о томъ, что

всѣ привилегированные и выразитель ихъ, парламентъ, подняли яростные нападки на законъ. Отрицали практичность и полезность мѣры, но главнымъ аргументомъ былъ все же принципъ, что дворянство и духовенство свободно отъ прямыхъ податей. Противникъ Тюрго въ королевскомъ совѣтѣ, хранитель печати, Мироменилъ, старался воскресить передъ королемъ образъ старой монархіи, гдѣ дворянство сражается за короля, духовенство молится, а простой народъ платитъ подати и работаетъ. Но эта была аргументація старыми идеями, безсильная противъ доводовъ справедливости и гуманности, которые Тюрго предпослалъ своему эдикту и которые убѣдили короля. Тюрго сдѣлалъ уступку только въ пользу духовенства. Ему разрѣшалось откупиться отъ налога уплатой нѣкоторой суммы.

Упраздненіе цеховъ. Возникшая въ средніе вѣка, но совершенно искаженная преобразованіями эпохи абсолютизма, цеховая организація просуществовала до конца XVIII вѣка [1]), когда во Франціи уже значительно развилась мануфактурная промышленность, стоявшая внѣ цеховой организаціи. Однако масса потребностей удовлетворялась еще работою цеховъ. Къ концу XVIII в. цехи превратились исключительно въ особый видъ монополіи. Вся ихъ организація направлялась главнымъ образомъ къ тому, чтобы обезпечить право на производство за группою лицъ, купившихъ это право у правительства. Отъ этого прежде всего страдалъ потребитель, и это неудобство далеко не искупалось надзоромъ за доброкачественностью труда, которую должна была обезпечивать цеховая организація. Сторонники свободы труда, физіократы, были врагами цеховъ. На ихъ сторонѣ была масса потребителей и тѣхъ рабочихъ, у которыхъ цехи отнимали возможность самостоятельнаго заработка. Но за цехи стояли прежде всего мастера, а затѣмъ всѣ тѣ, кому былъ выгоденъ режимъ привилегій и прежде всего парламентъ. Вѣдь именно парламенту давали доходъ неисчислимые и безконечные процессы, проистекавшіе изъ путаницы и хаоса цеховыхъ регламентацій и привилегій. Уничтожая цехи, Тюрго исходилъ изъ признанія права всякаго человѣка на трудъ по собственному выбору, изъ желанія понизить цѣну продуктовъ, уничтоживъ ограниченіе производства, наконецъ изъ того взгляда, что не предписанія, а конкуренція улучшаетъ качества продукта. Поэтому эдиктъ о цехахъ разрѣшаетъ всѣмъ, даже

---

1) О цехахъ см. во II томѣ статью «Рабочіе во Франціи въ XVII в.».

иностранцамъ, торговлю и ремесло всякаго рода. Изъ этого общаго положенія исключались лишь нѣкоторые цехи, требующіе особенно строгаго надзора. Всѣ прочія корпораціи, равно союзы рабочихъ и подмастерій, эдиктъ запрещалъ.

Множество народа почувствовало сильную тревогу за свои интересы. Одинъ изъ близкихъ къ Тюрго лицъ, Бонсерфъ, издалъ еще въ концѣ 1775 г. книгу «О вредѣ феодальныхъ правъ», въ которой предлагался постепенный выкупъ баналитетовъ, права охоты, ценза, барщины и шампара. Собственники феодальныхъ правъ почувствовали угрозу; послѣ февральскихъ эдиктовъ было ясно, въ какомъ направленіи идетъ реформа. Парламентъ запретилъ книгу, и только покровительство Тюрго спасло самого автора отъ заключенія.

Вопросъ о феодальныхъ повинностяхъ.

Но у парламента было и прямое средство для борьбы съ реформой: возраженія и отказъ въ добровольной регистраціи эдиктовъ. 4 марта эдикты были представлены для регистраціи. Парламентъ тотчасъ заявилъ свои возраженія противъ отмѣны барщины. Въ нихъ повторялся обычный аргументъ привилегированныхъ: подчинить благороднаго налогу, замѣняющему барщину, значитъ превратить его въ разночинца. Король не принялъ ни этихъ, ни вторичныхъ возраженій. Чтобы заставить парламентъ регистрировать всѣ 6 эдиктовъ, онъ назначилъ королевское засѣданіе (lit de justice) на 12 марта. Обрядъ засѣданія въ присутствіи короля предписывалъ регистрацію безъ голосованія, но разрѣшалъ парламенту представить мотивированный протестъ. Это было поручено королевскому адвокату Сегье. Въ пространныхъ рѣчахъ Сегье признавалъ вредъ барщины и недостатки цеховъ, допускалъ необходимость реформы, но рѣзко осуждалъ мѣры Тюрго. Онѣ нарушаютъ законныя права собственниковъ и принесутъ странѣ одинъ вредъ. Въ своей рѣчи въ защиту цеховъ онъ высказалъ характерную теорію соціальнаго порядка французской монархіи. Всѣ подданные короля раздѣлены на столько сословій, сколько существуетъ состояній въ королевствѣ. Духовенство, дворянство, суды, магистраты, университеты, академіи, компаніи финансистовъ, компаніи купцовъ,—все это особыя группы, представляющія отдѣльныя звенья цѣпи, первое кольцо которой держитъ въ рукѣ самъ король. «Цехи тоже составляютъ одну часть этого нераздѣльнаго цѣлаго,—часть, которая служитъ общему благоустройству королевства». Одна мысль разрушить эту драгоцѣнную цѣпь приводитъ Сегье въ ужасъ. Многіе изъ аргу-

Оппозиція парламента.

ментовъ Сегье смутили короля. Однако онъ не измѣнилъ своей воли, и эдикты были зарегистрированы.

Впечатлѣніе отъ эдиктовъ въ народѣ. Взрывъ восторга былъ отвѣтомъ народа на преобразованія Тюрго. Въ Парижѣ рабочіе устроили иллюминацію и оваціи въ честь министра. Нѣсколько тысячъ ихъ покинули мастерскія своихъ патроновъ, чтобы начать собственное производство. Въ провинціи крестьяне, освобожденные отъ барщины, ликовали.

Нападки на Тюрго. Но въ моментъ полной побѣды дни реформаторской дѣятельности Тюрго были сочтены. Уже давно велась противъ него кампанія всѣми, чьи интересы онъ задѣлъ, а такихъ было много. Изъ среды финансистовъ и откупщиковъ королю и Морепа представляли мемуары, въ которыхъ пытались доказать, что финансовыя мѣры Тюрго приведутъ къ банкротству. Многочисленные памфлеты и эпиграммы осмѣивали дѣло реформы, сваливали на Тюрго вину въ дороговизнѣ хлѣба, обвиняли его въ деспотизмѣ и ненасытномъ честолюбіи. «Король», говорилось въ одной пѣснѣ, «скоро признаетъ и себя за злоупотребленіе и добровольно упразднится». Дворъ, съ принцами во главѣ, тоже старался подѣйствовать на короля. Одновременная реформа королевской гвардіи, проведенная военнымъ министромъ графомъ Сенъ-Жерменомъ, союзникомъ Тюрго, уменьшила доходы принца Конде на два милліона ливровъ, а самъ Тюрго былъ главнымъ препятствіемъ для расхищенія казны принцемъ Конти. Ожидались и новыя сокращенія въ расходахъ на дворъ. Къ концу 1775 года къ этимъ врагамъ Тюрго присоединился еще одинъ, опаснѣйшій, сама королева. Веселую и легкомысленную Марію Антуанетту осаждала компанія знатныхъ друзей, требовавшихъ у нея пенсій и подарковъ изъ казны. Нежеланіе Тюрго дать принцессѣ Ламбаль должность съ жалованьемъ въ 150.000 ливровъ, на чемъ настаивала сама королева, вооружила ее противъ министра. За Тюрго было просвѣщенное общество и народъ. Но поддержка перваго только компрометировало его въ глазахъ враговъ. Поддержка второго ничего не могла ему дать.

Охлажденіе короля. Дѣло реформы было въ безопасности, пока ему сочувствовалъ король. Однако самая личность короля была плохою гарантіей. Слѣдуетъ удивляться не тому, что черезъ 20 мѣсяцевъ послѣ призванія Тюрго настроеніе короля измѣнилось, но скорѣе тому, что Тюрго и реформы находили въ немъ сочувствіе и поддержку такъ долго. Король былъ радъ облегчить участь народа, но чѣмъ дальше шло дѣло реформы, тѣмъ

сложнѣе и труднѣе становилась задача. Притомъ Тюрго имѣлъ привычку посвящать короля въ суть каждой реформы, и чтеніе его обстоятельныхъ мемуаровъ, напряженіе мысли для уразумѣнія каждаго вопроса въ концѣ-концовъ утомили Людовика, и работа прискучила ему. Та буря, которую подняли реформы въ обществѣ, нападки на Тюрго и короля въ памфлетахъ, совѣты окружающихъ и королевы,—все это, въ концѣ-концовъ, смутило его вялый духъ. Нѣсколько мелкихъ промаховъ Тюрго, мимо которыхъ прошелъ бы безъ вниманія человѣкъ съ натурой покрупнѣе, лишили его того довѣрія у короля, какимъ онъ пользовался до тѣхъ поръ. Въ королевскомъ совѣтѣ вмѣстѣ съ ходомъ реформъ убеличивалось количество его принципіальныхъ и личныхъ противниковъ. Самъ Морепа, въ началѣ покровительствовавшій преобразованіямъ, потомъ охладѣлъ къ нимъ, главнымъ образомъ, изъ зависти къ популярности Тюрго. Такъ создалась почва для его отставки.

Отставка Тюрго.

Всеобщее возбужденіе, вызванное февральскими эдиктами, броженіе среди крестьянъ и случаи отказа отъ уплаты феодальныхъ податей усилили шансы оппозиціи. На другой день послѣ королевскаго засѣданія парламентъ предъявилъ повторныя возраженія противъ эдиктовъ. Но окончательный ударъ Тюрго нанесла все же придворная интрига, во главѣ которой стояла королева. Нѣсколько раньше Тюрго и министръ иностранныхъ дѣлъ Верженнъ настояли на отозваніи изъ Лондона французскаго посла графа де-Гинь, поведеніе котораго вредило интересамъ Франціи. Де-Гинь принадлежалъ къ числу друзей королевы. Началась борьба между двумя партіями, въ которой король, въ концѣ-концовъ, сталъ на сторону интересовъ государства. Отставка графа де-Гиня послѣдовала въ концѣ марта. Но вслѣдъ за нею королевѣ удалось получить реваншъ. 12-го мая Тюрго дана была отставка, а графъ де-Гинь пожалованъ герцогомъ.

Проектъ реформы управленія и перевоспитанія націи.

Уходъ Тюрго оставилъ невыполненной еще одну реформу, которую онъ предназначалъ на 1776 годъ — реформу всего соціальнаго строя Франціи. До сихъ поръ Тюрго разрушалъ устарѣлые порядки и учрежденія, лишь устраняя препятствія для свободы личной дѣятельности каждаго. Теперь онъ задумывалъ созданіе учрежденій, которыя должны были бы перевоспитат націю и призвать всю ея совокупность къ общественной работѣ. На мѣсто самостоятельныхъ общественныхъ тѣлъ и группъ, въ неприкосновенности которыхъ Сегье видѣлъ главное условіе

существованія Франціи, Тюрго предполагалъ создать стройную лѣстницу мѣстныхъ организацій, муниципалитетовъ, призванныхъ къ раскладкѣ и удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ съ верховнымъ муниципалитетомъ всего королевства.

Безсиліе французской монархіи.

Каковы бы ни были частные причины и ближайшіе поводы отставки Тюрго, неудача его дѣла вытекала изъ всего положенія Франціи. Вмѣстѣ съ Тюрго потерпѣла пораженіе попытка поставить французскую монархію на почву просвѣщеннаго абсолютизма, господствовавшаго тогда во многихъ странахъ Европы. Власть короля во Франціи ранѣе чѣмъ гдѣ-либо достигла громаднаго значенія. Но и нигдѣ, какъ здѣсь, монархія не сдѣлалась въ такой степени слугою интересовъ дворянства и церковной іерархіи. Людовикъ XIV былъ всесиленъ провести какія угодно преобразованія. При его преемникахъ теорія власти оставалась прежней, но ея примѣненіе сузилось въ силу многихъ причинъ, быть-можетъ, всего болѣе вслѣдствіе ничтожества самого монарха. Въ теченіе всего XVIII вѣка оппозиція привилегированныхъ ограничивала его власть. Но и средній классъ въ политической мысли опредѣлилъ своихъ руководителей. Такъ выросла двоякая оппозиція правительству, одна во имя привилегій, другая во имя иного политическаго порядка. Когда абсолютная власть, наконецъ, сдѣлала попытку руками Тюрго провести давно назрѣвшія реформы, было слишкомъ поздно. Она не имѣла подъ собою той дисциплины общества, той способности молча подчиняться, какія позволили просвѣщеннымъ монархамъ Пруссіи и Австріи спокойно выполнить ихъ задачу. Вопросъ о реформахъ слишкомъ взволновалъ всѣ классы общества. Среди шума и споровъ партій король и его главный совѣтникъ не сумѣли найти мѣру реформамъ и способъ ихъ проведенія. Допустивъ опыты Тюрго, по радикализму и прямолинейности равные революціоннымъ, они скоро отступили, и послѣ отставки Тюрго круто повернули на прежнюю дорогу.

II.

Клюньи.

Новый министръ, Клюньи, понялъ свою задачу просто.

Отставка Тюрго означала отказъ отъ его реформъ и уступку оппозиціи. Значитъ, надо было передѣлать сдѣланное имъ. Цехи были возстановлены, правда, съ нѣкоторыми измѣненіями, которыя допускали сами противники Тюрго. Плата за вступленіе въ цехъ была понижена, къ ремеслу допущены женщины, нѣсколько

соприкасающихся производствъ соединены въ одинъ цехъ. Дорожная барщина была вновь возложена на придорожныя общины, и такимъ образомъ возстановлено прежнее несправедливое распредѣленіе этой повинности. Впрочемъ, общинамъ было предоставлено право вмѣсто барщины платить денежный взносъ. Въ управленіи финансами возобновились всѣ прежніе обычаи. Деньги вновь полились рѣкой въ карманы частныхъ лицъ въ видѣ пенсій, наградъ и взятокъ. Надѣляя другихъ, Клюньи, конечно, не забывалъ и самого себя.

Однако внѣшнія обстоятельства и состояніе финансовъ толкали Францію на путь реформъ. Отставка Тюрго вызвала паденіе цѣны государственныхъ бумагъ и повышеніе процента; голландскіе банкиры и учетная касса, открывшіе было кредитъ Тюрго, отказались отъ своихъ обязательствъ, когда стало ясно, что правительство возвращается къ старымъ пріемамъ хозяйства. Возстаніе американскихъ колоній и вооруженія Англіи заставляли предвидѣть возможность войны, а для этого требовались деньги. Такъ нужда въ деньгахъ и кредитѣ еще разъ заставила правительство подумать о либеральныхъ мѣропріятіяхъ.

Когда осенью 1776 года Клюньи умеръ, Морепа выбралъ ему въ преемники Неккера. Государству былъ нуженъ искусный финансистъ и человѣкъ, пользующійся кредитомъ въ средѣ капиталистовъ и банкировъ. Но общественное мнѣніе привѣтствовало выборъ Неккера, какъ человѣка, близкаго къ философскимъ, просвѣщеннымъ кружкамъ, какъ друга либеральныхъ реформъ, умѣвшаго писать и говорить въ сентиментальномъ и гуманномъ стилѣ своего времени, наконецъ, какъ человѣка, непричастнаго къ чиновничеству и притомъ протестанта. **Неккеръ.**

Неккеръ былъ совершенно непохожъ на Тюрго. Его вообще нельзя назвать государственнымъ человѣкомъ. Для этого ему не хватало опредѣленности политическихъ убѣжденій и яснаго плана дѣятельности. Онъ и не задавался никакими задачами общаго пересозданія существующаго порядка. Вся его реформаторская дѣятельность заключалась въ рядѣ частныхъ мѣропріятій, изъ которыхъ многія шли въ направленіи, уже раньше предуказанномъ Тюрго. Но зато онъ обладалъ талантомъ финансиста и банкира, а главное, его репутація въ финансовыхъ кругахъ позволяла ему съ успѣхомъ прибѣгать къ такимъ пріемамъ, на которыхъ потерпѣлъ бы неудачу всякій другой. Неккеръ, какъ иностранецъ, банкиръ и протестантъ не могъ быть назначенъ на высокій постъ

генеральнаго контролера. Чтобы ввести его въ управленіе финансами, его сдѣлали совѣтникомъ при генеральномъ контролерѣ, а потомъ назначили на должность генеральнаго директора финансовъ, придуманною спеціально для него. Но доступа въ королевскій совѣтъ ему дано не было.

Финансовыя мѣропріятія Неккера.

Неккеръ основалъ свою финансовую систему на займахъ. Различныя обстоятельства указывали ему этотъ путь. Съ 1778 года къ обычнымъ расходамъ прибавились издержки на войну съ Англіей, объявленную для поддержки американскаго возстанія. Увеличить налоги, не затрогивая привилегированныхъ, было невозможно. Но прошлое Неккера, какъ банкира, связи съ финансовыми кругами, всеобщее довѣріе обѣщали полный успѣхъ кредитныхъ операцій. Дѣйствительно, цѣлый рядъ займовъ въ формѣ лотерей и выпуска пожизненныхъ рентъ былъ заключенъ съ блестящимъ успѣхомъ. Несмотря на огромную цифру, до которой возросъ государственный долгъ при Неккерѣ, 600 милліоновъ ливровъ, кредитъ его ни разу не поколебался. Однако система эта приносила несомнѣнный вредъ странѣ. Избѣгая налоговъ, приходилось обременять бюджетъ высокими процентами. Впослѣдствіи Мирабо, критикуя систему Неккера, писалъ: «Занимать, не взимая налоговъ, значитъ отдавать націю во власть ростовщиковъ, ибо только они ссужаютъ деньгами безъ обезпеченія; это значитъ взваливать на будущія поколѣнія тяжесть несправедливостей, совершаемыхъ министромъ, который видитъ только свою собственную славу и свои сегодняшніе успѣхи». Къ тому же система займовъ не могла быть примѣняема до безконечности, и рано или поздно на очередь долженъ былъ бы стать вопросъ о коренной реформѣ налоговъ.

Реформы Неккера.

Неккеръ думалъ и о реформахъ. Онъ не принесъ съ собою общаго плана преобразованій, продуманнаго во всѣхъ частностяхъ, подобно плану Тюрго. Если бы даже Неккеръ былъ способенъ на созданіе такого плана, примѣръ Тюрго и его собственное положеніе, какъ иностранца и протестанта, должны были предостерегать его. Неккеръ принялся за чистку многочисленныхъ злоупотребленій и исправленіе отдѣльныхъ недостатковъ. И отъ такой работы можно было ждать хорошихъ результатовъ. Слѣдуя примѣру Тюрго, онъ, гдѣ могъ, стремился къ экономіи. Множество должностей въ финансовомъ вѣдомствѣ было упразднено и этимъ введена экономія въ управленіи. Такъ 48 генеральныхъ сборщиковъ были замѣнены 12-ю. 27 финансовыхъ

чиновниковъ военнаго вѣдомства были замѣнены однимъ. Примѣненіе откупа къ взиманію налоговъ было ограничено табачнымъ и солянымъ налогами, таможенными пошлинами и парижскими городскими пошлинами. И въ этомъ Неккеръ шелъ по пути Тюрго. Онъ улучшилъ также технику финансоваго управленія, подчинивъ многочисленныя отдѣльныя кассы общему надзору финансовой администраціи. Сокращено было и число придворныхъ должностей. Расходы короля на столъ, свѣчи, путешествія были уменьшены. Съ пенсіями Неккеру было также трудно бороться, какъ и Тюрго. Къ тому же война съ Англіей влекла за собою награды офицерамъ, и общая сумма пенсій при Неккерѣ увеличились съ $16\frac{1}{2}$ милліоновъ ливровъ почти до 22 милліоновъ.

Общей реформы налоговъ Неккеръ не произвелъ. Но въ 1780 году онъ издалъ эдиктъ, которымъ ограничивалось увеличеніе таліи. До тѣхъ поръ размѣръ ея на каждый годъ опредѣлялся простымъ расположеніемъ правительства. Отнынѣ увеличивать ее можно было только эдиктомъ, подлежащимъ регистраціи парламента. Эта мѣра значительно увеличивала сферу вмѣшательства парламента въ управленіе; она шла навстрѣчу общественному мнѣнію, требовавшему ограниченія произвола правительства.

Въ своемъ планѣ административной реформы Тюрго видѣлъ средство перевоспитать націю, пріучить ее къ общественной работѣ. Административная реформа Неккера далека отъ такой цѣли. Свой взглядъ на реформу онъ высказалъ королю въ секретномъ мемуарѣ о провинціальныхъ собраніяхъ. Учреждая ихъ, онъ хочетъ избѣгнуть чрезмѣрной централизаціи, перегруженія правительства мелкими дѣлами, которыя могутъ быть рѣшены на мѣстахъ. Онъ хочетъ также восполнить недостатки существующаго порядка, при которомъ всѣ мѣстныя дѣла вершатся временными гостями въ провинціи, интендантами. Эти чиновники приносятъ мало пользы, стремясь покинуть свое мѣсто ради слѣдующей, высшей должности. Къ тому же провинціальныя собранія всегда будутъ болѣе послушны правительству, нежели провинціальные штаты и парламенты, которые слишкомъ вмѣшиваются въ дѣла правительства и возбуждаютъ общественное мнѣніе. Въ качествѣ опыта въ іюлѣ 1778 г. было введено провинціальное собраніе въ Берри. Оно должно было состоять изъ 48 членовъ, половина которыхъ принадлежала къ третьему сословію. Одна треть со-

става была назначена королемъ изъ числа жителей - собственниковъ. Двѣ другія должны были быть коотированы этой первой третью. Предсѣдателемъ долженъ былъ быть кто-либо изъ духовенства. Обсужденіе вопросовъ было совмѣстное, а голосованіе—поголовное. На собраніе была возложена раскладка и сборъ налоговъ, общественныя работы и заботы о мѣстныхъ нуждахъ. Такимъ образомъ реформа была чрезвычайно умѣренна и осторожна. Само собраніе, заканчивая свою первую сессію, адресовало королю пожеланіе, чтобы впредь его составъ опредѣлялся не назначеніемъ короля, не самопополненіемъ, но выборомъ жителей. Однако и составленное такимъ несовершеннымъ способомъ собраніе провело нѣсколько полезныхъ мѣръ для распредѣленія таліи и реформы дорожной барщины. Нѣсколько позднѣе возникло еще одно собраніе въ Монтобанѣ. Такъ въ области административной реформы Неккеръ ограничился только робкими начинаніями. Въ другихъ областяхъ онъ остался лишь при выраженіи благихъ пожеланій. Онъ хотѣлъ реформировать соляной налогъ и уничтожить внутреннія таможни, но дальше словъ реформа не двинулась. Въ вопросахъ экономическихъ Неккеръ старался держаться середины между регламентаціей и свободой. Внутренняя торговля хлѣбомъ была дозволена, но продавать его предписывалось непремѣнно на рынкахъ.

Много вниманія Неккеръ посвятилъ благотворительности; режимъ тюремъ былъ смягченъ, было приступлено къ реформѣ госпиталей, одинъ видъ пытки при допросѣ уничтоженъ. Въ области соціальныхъ отношеній единственной крупной мѣрой была отмѣна крѣпостного состоянія на доменахъ короля. Но крѣпостныхъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, тронуть не рѣшились, а парламентъ, регистрируя эдиктъ, поспѣшилъ прибавить, что настоящее распоряженіе не должно ни въ чемъ посягать на права сеньоровъ.

Успѣхъ Неккера.

Управленіе Неккера вызывало почти всеобщій восторгъ и одобреніе. Неккеру удалось то, чего не могъ достичь такой реформаторъ, какъ Тюрго. Онъ умѣлъ угодить сторонникамъ реформъ, улучшая частности и поддерживая въ нихъ надежду на общія преобразованія, и въ то же время избѣгнуть ненависти реакціонеровъ, остерегаясь коренной ломки существующаго порядка. Онъ привлекъ симпатіи податныхъ сословій тѣмъ, что займами избѣгнулъ увеличенія налоговъ, снискалъ благосклонность друзей королевы тѣмъ, что, несмотря на стремленіе къ эко-

номіи, часто уступалъ ихъ требованіямъ, привязалъ къ себѣ финансистовъ выгодами участія въ государственныхъ займахъ. Даже часть прелатовъ, враждебныхъ ему какъ протестанту, онъ сумѣлъ привлечь къ себѣ тѣмъ, что щадилъ церковные капиталы и не слишкомъ ратовалъ за своихъ единовѣрцевъ. Наконецъ, король цѣнилъ въ немъ умѣреннаго реформатора и честнаго человѣка. Однако и у него были враги. То были откупщики и отставленные чиновники, непримиримая часть духовенства и парламентъ, видѣвшій, что управленіе Неккера отодвигаетъ его на второй планъ и не даетъ ему вліянія на дѣла. Парламентъ съ самаго начала смотрѣлъ съ недовѣріемъ на дѣятельность Неккера, и если не выступилъ противъ него съ рѣзкой оппозиціей, то виною тому осторожная политика министра, не подававшая повода къ такому выступленію. Однако уже въ 1777 году, когда было приказано приступить къ повѣркѣ доходовъ дворянства, легко ускользавшаго отъ пятипроцентнаго налога, парламентъ выразилъ протестъ. Наконецъ у него были враги и завистники въ правительствѣ. Когда, продолжая опыты административной реформы, онъ хотѣлъ ввести провинціальное собраніе въ Муленѣ, интендантъ провинціи воспротивился этому, и большинство министровъ присоединилось къ нему. Тотъ же Морепа, призвавшій Неккера къ власти, сталъ его врагомъ, какъ только его популярность поставила его на первое мѣсто въ правительствѣ.

Финансовый отчетъ.

Нападки враговъ выразились въ памфлетахъ, критиковавшихъ управленіе Неккера. На эту критику онъ отвѣтилъ опубликованіемъ отчета о состояніи финансовъ (Compte rendu). До тѣхъ поръ генеральный контролеръ ежегодно составлялъ смѣту предполагаемыхъ доходовъ и расходовъ, а по истеченіи года составлялся отчетъ уже произведеннымъ операціямъ. Но всѣ эти исчисленія оставались для публики неизвѣстными. Поэтому опубликованіе отчета произвело большую сенсацію, какъ апелляція министра къ общественному мнѣнію. Неккеръ обнародовалъ только обычные доходы и расходы, чрезвычайныхъ онъ не касался. Поэтому картина финансовъ получилась весьма выгодныя. 256 милліоновъ доходовъ давали избытокъ надъ расходами въ 10 милліоновъ. Но если бы Неккеръ включилъ въ отчетъ и чрезвычайные расходы, то пришлось бы констатировать дефицитъ почти въ 90 милліоновъ, а такъ какъ государство должно было погасить около 129 милл. долга и суммъ, забранныхъ впередъ, то все превышеніе расходовъ надъ доходами дошло бы до 2188 м. ливр.

Отчетъ не былъ просто смѣтою изъ голыхъ цифръ. Неккеръ снабдилъ его краснорѣчивою апологіей своихъ дѣйствій и изложеніемъ встрѣченныхъ имъ препятствій, которыя заключались въ недостаткахъ существующаго порядка. Отчетъ имѣлъ громадный успѣхъ какъ во Франціи, такъ и за границей. Его можно было найти, какъ въ деревенской избѣ, такъ и на туалетномъ столѣ свѣтской дамы. Кредитъ государства укрѣпился еще болѣе. Тѣмъ не менѣе Неккеръ былъ наканунѣ отставки.

Отставка Неккера. Его противники разоблачили передъ королемъ умолчанія отчета. Приверженцы абсолютизма были недовольны этой отдачей дѣйствій правительства на судъ общественнаго мнѣнія. Морепа острилъ надъ мѣрою Неккера. Кому-то изъ враговъ его удалось добыть и опубликовать упомянутый выше секретный мемуаръ о провинціальныхъ собраніяхъ, въ которомъ либеральный Неккеръ, съ виду преклонявшійся передъ общественнымъ мнѣніемъ, выставлялъ новое учрежденіе, какъ опору противъ непокорныхъ парламентовъ, какъ замѣну часто строптивыхъ провинціальныхъ штатовъ и высказывался, какъ сторонникъ абсолютизма. Интенданты прочли въ этомъ мемуарѣ рѣзкую критику своей дѣятельности. Тогда Неккеръ съ цѣлью укрѣпить свое положеніе, потребовалъ отъ короля рѣшительнаго выраженія къ себѣ довѣрія. Онъ потребовалъ себѣ титула министра, мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ и распространенія на всю Францію провинціальныхъ собраній. Король по совѣту Морепа отказалъ, и Неккеръ 19 мая 1781 года подалъ въ отставку.

Отставка Неккера вызвала всеобщее изумленіе и огорченіе. Многія высокопоставленныя лица лично выразили ему свое сочувствіе. Вмѣстѣ съ Неккеромъ смѣнилось не лицо, смѣнилась вся система управленія. Реакція, начавшаяся было послѣ ухода Тюрго, но остановленная четырехлѣтнимъ правленіемъ Неккера разыгралась теперь со всею силой.

Реакція. Эту реакцію возвѣстилъ самый выборъ преемника Неккеру. Новый министръ, Жоли де-Флёри, былъ совсѣмъ неопытенъ въ дѣлѣ финансовъ, но зато былъ извѣстенъ какъ ярый сторонникъ твердой власти и противникъ реформъ. Провинціальныя собранія, которыя Неккеръ успѣлъ учредить, были поставлены подъ надзоръ интендантовъ. Должности, уничтоженныя Неккеромъ, возстановлены съ цѣлью получить деньги отъ новыхъ покупщиковъ. Продолжавшаяся война съ Англіей требовала все новыхъ расходовъ. Флёри увеличалъ налоги на табакъ и съѣст-

ные припасы и учредилъ третью двадцатину. Но онъ не сумѣлъ избѣгнуть и займовъ, при чемъ ему пришлось заключать ихъ на невыгодныхъ для казны условіяхъ.

Реакція проявилась съ силою и въ соціальныхъ отношеніяхъ. Въ то время, когда Тюрго отмѣною барщины и цеховъ поднялъ вопросъ объ уничтоженіи остатковъ феодализма, когда Неккеръ отмѣною крѣпостного состоянія на доменахъ короля сдѣлалъ хотя и небольшой шагъ впередъ по тому же пути, во всѣхъ углахъ Франціи помѣщики стали возобновлять феодальныя повинности, которыя когда-то несли въ ихъ пользу зависимые крестьяне, но которыя постепенно вышли изъ употребленія. Какъ были настроены сеньоры, показываетъ упомянутая выше оговорка парламента при регистраціи эдикта 1779 г., освобождавшаго крестьянъ на королевскихъ доменахъ. Парламентъ заявляетъ, что эдиктъ не долженъ посягать на права сеньоровъ. Послѣ отставки Неккера феодальная реакція усилилась еще болѣе, сначала при молчаливомъ попустительствѣ, а потомъ и при открытой санкціи правительства [1]).

Съ начала царствованія Людовика XVI въ арміи и флотѣ дѣятельно и непрерывно, несмотря на смѣну министровъ, велись реформы. Сенъ-Жерменъ и Сегюръ въ арміи, Сартинъ и Кастри во флотѣ произвели массу улучшеній боевого состава, тактики, обученія солдатъ и подготовки офицеровъ. Эти реформы сказались въ успѣхахъ войны съ Англіей, а своими побѣдами надъ Европой революціонная Франція въ значительной степени обязана имъ. Однако, духъ реакціи проникъ и въ армію. Занимать мѣста офицеровъ искони считалось правомъ дворянства; но фактически третье сословіе и особенно богатая буржуазія давно уже проникли въ корпусъ офицеровъ. Какъ и въ другихъ областяхъ, дворянство предприняло борьбу за свои исключительныя привилегіи и здѣсь. Результатъ сказался тотчасъ по уходѣ Неккера. Черезъ три дня былъ изданъ регламентъ, допускавшій къ офицерскимъ степенямъ лишь того, кто могъ неоспоримо доказать дворянство четырехъ ближайшихъ поколѣній предковъ.

Управленіе Флёри, который, увеличивая налоги, отягощалъ ихъ плательщиковъ, а заключая займы, не щадилъ интересы казны, возбудило всеобщее неудовольствіе. Парижскій парламентъ,

[1]) Подробнѣе о феодальной реакціи см. во II т. Книги статью «Крестьянство во Франціи въ XVIII в.», стр. 286 и слѣд.

признательный за отставку Неккера, молчалъ. Но зато дѣйствовали парламенты провинціальные. Въ отвѣтъ на эдиктъ, устанавливавшій третью двадцатину, одинъ изъ нихъ, Безансонскій, выразилъ рѣзкій протестъ противъ произвола министровъ и заявилъ требованіе, которое правительству отнынѣ придется слышать все чаще и чаще, требованіе созыва Генеральныхъ штатовъ. Черезъ мѣсяцъ Флёри получилъ отставку. Но его преемнику д'Ормессону, человѣку строгой честности, не удалось выполнить задачу, несмотря на попытки не допускать расхищеніе казни. Да и не такой человѣкъ былъ нуженъ правительству и двору. Дворъ и слышать не хотѣлъ объ экономіи и реформахъ. Лишь для немногихъ было ясно, куда ведетъ Францію ростъ долговъ и дефицита и отсрочка реформъ. Удача кредитныхъ операцій Неккера, иллюзія финансоваго благополучія Франціи, распространенная въ публикѣ его отчетомъ, успѣшное окончаніе войны съ Англіей, высоко поднявшее внѣшній престижъ королевства, наконецъ, общій экономическій подъемъ страны располагали къ оптимизму, заставляли вѣрить, что мѣнять систему нѣтъ необходимости. Такъ думали всѣ, кто извлекалъ выгоды изъ этой системы. Поэтому искали человѣка, который сумѣлъ бы доставать деньги такъ же легко, какъ Неккеръ, но который не подымалъ бы рѣчи ни о реформахъ ни объ экономіи. Такой человѣкъ нашелся въ лицѣ Калонна.

Калоннъ. Ни репутація интригана, которую Калоннъ составилъ себѣ въ своей предшествующей административной дѣятельности, ни антипатія короля къ его сомнительной нравственности, ни ненависть къ нему магистратуры, раздражать которую такъ боялось правительство, не помѣшали успѣху настойчивыхъ рекомендацій принцевъ и друзей королевы, ждавшихъ отъ Калонна удовлетворенія своимъ аппетитамъ. Неоспоримымъ аргументомъ въ пользу ихъ кандидата былъ его кредитъ въ финансовыхъ кругахъ и надежда легко доставать деньги.

Калоннъ вышелъ изъ той же среды, какъ и Тюрго, изъ среды провинціальныхъ интендантовъ. Но если Тюрго былъ типомъ тѣхъ немногихъ просвѣщенныхъ чиновниковъ, которые старались, гдѣ и какъ могли, вносить хотя бы частичныя улучшенія въ бытъ народа, и дѣятельность которыхъ представляетъ одну изъ немногихъ свѣтлыхъ сторонъ стараго порядка, то Калоннъ являлся яркимъ образчикомъ тѣхъ карьеристовъ-интендантовъ, на которыхъ такъ рѣзко обрушился Неккеръ въ своемъ мемуарѣ о

провинціальныхъ собраніяхъ. Уже давно стремился онъ попасть на мѣсто генеральнаго контролера. Занявъ его, онъ всю свою политику направилъ къ одной цѣли: удержаться у власти какъ можно дольше, во что бы то ни стало. Разсказываютъ, что въ первой же своей бесѣдѣ съ королемъ Калоннъ заявилъ, что у него 220 тысячъ долговъ, что генеральному контролеру легко найти средство расплатиться съ ними, но онъ предпочитаетъ ждать всего отъ милости короля. Пораженный этой откровенностью, Людовикъ, молча, вынулъ изъ своего стола акціи парижской водной кампаніи на сумму въ двѣсти тридцать тысячъ ливровъ и передалъ ихъ Калонну. Калоннъ сумѣлъ расплатиться съ долгами и сохранить при себѣ акціи. Однако при всѣхъ своихъ недостаткахъ Калоннъ обладалъ и выдающимися дарованіями. Онъ обладалъ способностью легко и быстро осваиваться со всякимъ новымъ дѣломъ и исключительною работоспособностью. Какъ свѣтскій человѣкъ, онъ умѣлъ очаровывать всѣхъ.

Его средства для полученія кредита.

Уже давно во Франціи дѣйствія правительства направлялись не волею короля, но интересами и желаніями вліятельныхъ общественныхъ группъ. Вызвать довѣріе всѣхъ этихъ группъ къ правительству—такова была задача Калонна, и вначалѣ она блестяще удалась ему. Чтобы получить кредитъ для заключенія необходимыхъ займовъ, надо показывать видъ, что не стѣсняешься въ средствахъ, надо много тратить. Таковъ былъ принципъ Калонна. Онъ бросалъ деньги, не считая. Для поощренія земледѣлія былъ созданъ комитетъ агрикультуры; были предприняты грандіозныя работы по устройству портовъ, дорогъ, каналовъ, рынковъ и плотинъ, была основана Индійская компанія. Всѣ эти предпріятія требовали огромныхъ затратъ, но по крайней мѣрѣ они сильно содѣйствовали экономическому подъему страны. Для поощренія торговли были заключены торговые трактаты и снова возвѣщена отмѣна внутреннихъ таможенъ. Но рядомъ съ этими полезными мѣрами съ небывалою силой возобновилось расхищеніе казны придворными. Калоннъ не отказывалъ никому. Желала ли королева пріобрѣсти Сенъ-Клу, деньги на покупку брались изъ казны, запутывались братья короля въ долгахъ, ихъ выручала казна; пенсіи и жалованья удваивались съ необычайной предупредительностью, недоимки съ придворныхъ прощались. Чтобы помочь знатному вельможѣ расплатиться съ долгами, Калоннъ за дорогую цѣну покупалъ его ненужное для казны имѣніе. Одни друзья королевы, Полиньяки, ежегодно обходились го-

сударству въ 700.000 ливровъ, а вся сумма пенсій при Калоннѣ доросла до 32 милліоновъ. Такая щедрость къ придворнымъ раздражала общество и вредила правительству, но не она была причиной конечнаго краха. Чтобы покрыть всю сумму, необходимую на ежегодныя нужды государства, на грандіозныя сооруженія и на погашеніе долга, нужно было превышеніе доходовъ надъ расходами, а добиться его можно было только коренной финансовой и общественной реформой. Калоннъ не могъ не знать, что рано или поздно придется подумать о реформахъ, и тѣмъ не менѣе онъ съ непростительнымъ легкомысліемъ оттягивалъ этотъ моментъ, а деньги добывалъ посредствомъ займовъ.

Финансовыя мѣры. Гигантскія сооруженія, щедрыя раздачи должны были создать иллюзію финансоваго благополучія и укрѣпить кредитъ. Той же цѣли служила учрежденная Калонномъ касса погашенія, которая, какъ онъ утверждалъ, въ теченіе 25 ближайшихъ лѣтъ выплатитъ 800 милліоновъ уже раньше накопившагося долга. Но при этомъ Калоннъ забылъ, что старые долги можно погасить излишкомъ доходовъ, а не новыми займами. Успѣхъ этихъ займовъ онъ подготовлялъ искусной рекламой журналистовъ, состоявшихъ у него на жалованьи, биржевыми маневрами, благодаря которымъ онъ вздувалъ курсъ государственныхъ фондовъ и, наконецъ, высокимъ процентомъ капиталистовъ и банкировъ. Дѣйствительно, вначалѣ займы проходили съ блестящимъ успѣхомъ и покрывались подпиской въ нѣсколько дней. Но сверхъ того, онъ увеличивалъ выручаемую сумму, негласно расширяя заемныя операціи. Такимъ образомъ за три года управленія Калоннъ добылъ 800 милліоновъ ливровъ. Но этого не хватало на расходы, и Калоннъ прибѣгалъ къ другимъ средствамъ. Онъ создавалъ новыя должности и продавалъ ихъ, перелилъ золотую монету въ монету худшаго качества, наконецъ въ 1785 году ему удалось получить отъ собранія духовенства добровольный даръ въ 18 милліоновъ ливровъ. За это онъ обязался содѣйствовать церкви въ преслѣдованіи философіи и запретить изданіе сочиненій Вольтера.

Оппозиція противъ мѣръ Калонна. Однако иллюзія финансоваго благополучія продолжалась недолго. Первымъ противъ Калонна выступилъ Неккеръ. Въ своей книгѣ «О финансовомъ хозяйствѣ во Франціи», выпущенной въ свѣтъ въ 1784 году, онъ, выдвигая свои прошедшія заслуги, рѣзко критиковалъ управленіе своихъ преемниковъ; съ цифрами въ рукахъ онъ доказывалъ возрастаніе долга и нападалъ на

расхищеніе казны и неумѣлое управленіе. Книга имѣла огромный успѣхъ, а въ результатѣ ея кредитъ Калонна пошатнулся. Когда въ 1786 году Калоннъ выпустилъ новый заемъ въ 80 милліоновъ ливровъ, ему пришлось повысить процентъ до 9, а обезпеченіемъ займа объявить питейный и соляной налоги. Но вскорѣ въ оппозицію къ Калонну сталъ давнишній противникъ министровъ—парламентъ. Еще раньше нерасположенный къ Калонну, парламентъ, однако, первое время поддался общему увлеченію и повѣрилъ въ способность его возстановить финансы. Чтобы заставить парламентъ регистрировать эдикты о займахъ, Калоннъ, всего менѣе помышлявшій объ экономіи и реформахъ финансовъ, каждыіі эдиктъ сопровождалъ патетическими обѣщаніями ввести экономію и облегчить народъ. Однако, уже регистрируя первый заемъ, парламентъ сдѣлалъ правительству предостереженіе, а когда онъ увидѣлъ, что деньги идутъ не на погашеніе старыхъ долговъ, и что обѣщаніе «возстановить порядокъ и экономію» не исполняется, парламентъ представилъ королю рѣзкія возраженія и рѣшился даже упрекнуть его въ слишкомъ щедрыхъ тратахъ на принцевъ и на дворъ. Вышеупомянутый послѣдній заемъ въ 80 милліоновъ парламентъ вовсе отказался утвердить и уступилъ, только повинуясь личному приказу короля. Калоннъ одержалъ верхъ, но эта побѣда ясно показала ему, что на дальнѣйшіе займы согласія парламента онъ не получитъ. Заговорили и провинціальные парламенты. Лѣтомъ 1786 года парламенты Ренна и Бордо вступили въ борьбу изъ-за нѣкоторыхъ мѣръ Калонна, касавшихся ихъ провинцій, и оказали настолько упорное сопротивленіе имъ, что королю пришлось уступить.

Тотъ моментъ, который Калоннъ долженъ былъ предвидѣть съ самаго начала,—моментъ, когда дальнѣйшіе займы станутъ невозможны и возникнетъ вопросъ о погашеніи долга и устраненіи дефицита, наконецъ, насталъ. Было ясно, что система Калонна непригодна, и естественно было бы ему подать въ отставку, предоставивъ другимъ примѣнять новыя мѣры. Но Калоннъ не останавливался ни передъ чѣмъ; послѣ того, какъ онъ три года твердилъ, что все обстоитъ прекрасно, онъ заговорилъ теперь о преобразованіяхъ.

Преобраз-вательные планы Калонна

Чтобы получить согласіе короля на реформы, было необходимо сначала подготовить его къ открытію истиннаго положенія финансовъ. Какъ ни старался Калоннъ смягчить мрачныя краски этой картины, для короля стало ясно, что всѣ предшествующія

увѣренія въ благополучіи финансовъ, были чистой ложью. Тѣмъ не менѣе Калонну удалось склонить короля къ принятію проектовъ, которые должны были сдѣлать Францію счастливой и обезсмертить имя Людовика XVI. Планъ Калонна былъ обширенъ и заключался въ слѣдующемъ. Вмѣсто пятипроцентнаго налога учреждалась новая поземельная подать, подъ названіемъ subvention territoriale, одинаково падающая на всѣхъ земельныхъ собственниковъ королевства; податныя привилегіи должны были исчезнуть. Имущества церкви должны были подвергнуться обложенію наравнѣ со всѣми другими. Талія реформировалась и облегчалась для рабочихъ и ремесленниковъ; торговля хлѣбомъ объявлялась свободной; дорожная барщина замѣнялась денежною податью. Во всѣхъ провинціяхъ, гдѣ не было штатовъ, вводилось самоуправленіе трехъ степеней: въ общинахъ, округахъ и провинціяхъ. Для участія въ общинномъ собраніи надо было имѣть 600 ливровъ дохода; нѣсколько мелкихъ собственниковъ, сумма доходовъ которыхъ доходила до этой цифры, должны были посылать въ собраніе одного представителя. Собраніе округа составлялось изъ представителей общинъ, собраніе провинцій — изъ представителей округовъ. Это собраніе должно было распредѣлять и взимать налоги, завѣдовать благотворительностью и общественными работами, но не имѣло исполнительной власти и подчинялось надзору интенданта. Ясно, къ чьимъ идеямъ вернулся Калоннъ, и вслѣдъ за нимъ Людовикъ XVI. То, что думалъ ввести Тюрго, общую земельную подать, это теперь предлагалъ Калоннъ.

Калоннъ былъ увѣренъ, что его проекты встрѣтятъ непреодолимое сопротивленіе всегдашняго защитника привилегій, парламента, для котораго будетъ удобный поводъ начать борьбу съ утратившимъ его довѣріе министромъ. Чтобы избѣгнуть парламентской оппозиціи, онъ придумалъ способъ расположить общественное мнѣніе въ пользу проектовъ и такимъ образомъ оказать давленіе на парламентъ. О Генеральныхъ штатахъ думать было нечего. Калоннъ предложилъ королю по примѣру Генриха IV созвать нотаблей, т.-е. лицъ, выдающихся по своему общественному положенію. Собраніе нотаблей должно было состоять изъ 147 членовъ, назначенныхъ королемъ изъ среды дворянства, духовенства, магистратуры и должностныхъ лицъ значительныхъ городовъ. Только пять или шесть членовъ собранія принадлежали къ третьему сословію, всѣ остальные были дворяне по рожденію или по занимаемой должности. Калоннъ былъ увѣ-

ренъ, что это собраніе, раздѣленное на семь отдѣленій, руководимыхъ братьями короля и принцами крови, будетъ послушно волѣ короля. Чтобы не дать оппозиціи времени для критики его проектовъ, Калоннъ до самаго открытія собранія въ февралѣ 1787 года держалъ ихъ въ секретѣ какъ отъ публики, такъ и отъ самихъ нотаблей.

Собраніе нотаблей.

Собраніе открылось блестящей рѣчью генеральнаго контролера. Эта рѣчь поразила слушателей признаніемъ, что дефицитъ, который Калоннъ раньше отрицалъ, достигаетъ 80 милліоновъ. Собраніе было изумлено еще болѣе, когда Калоннъ заявилъ, что близокъ роковой кризисъ, и что отвратить его можно только реформами. Далѣе изъ устъ министра нотабли услышали безпощадную критику тѣхъ самыхъ порядковъ государственнаго хозяйства, на поддержаніе которыхъ были направлены всѣ усилія его трехлѣтней дѣятельности. Привилегіи и изъятія, система налоговъ, различіе и несвязность сословій и соціальныхъ группъ,— все это злоупотребленія, устраненіе которыхъ будетъ источникомъ грядущаго благоденствія Франціи. Нельзя было высказаться болѣе революціонно. Изумленнымъ нотаблямъ пришлось испытать то же разочарованіе, какъ и Людовику XVI, выслушивая признанія Калонна. Но дѣйствіе этихъ признаній было другое. Раньше обсужденія налоговъ нотабли потребовали отчета въ состояніи финансовъ. Калоннъ далъ понять, что проекты одобрены королемъ, и что онъ спрашиваетъ мнѣніе нотаблей не о принципѣ, но лишь о способахъ выполненія. Это еще болѣе раздражило нотаблей. Вся затѣя Калонна представилась имъ какъ средство, прикрываясь ихъ согласіемъ, повыжать еще денегъ изъ страны. Они остались при прежнемъ мнѣніи. Эта неожиданная для всѣхъ оппозиція нотаблей пробудила поддержку общества. Въ собраніяхъ и политическихъ кружкахъ Парижа, получившихъ въ это время названіе клубовъ, ихъ дѣйствія сочувственно и горячо обсуждались. Начались нападки и въ печати. Калоннъ понемногу сталъ уступать. Онъ сталъ увеличивать цифру дефицита и, наконецъ, сознался, что она доходитъ до 113 милліоновъ, но всю отвѣтственность за него онъ переложилъ съ себя на Неккера, чѣмъ привелъ въ ярость многочисленныхъ приверженцевъ послѣдняго.

Изъ проектовъ Калонна нотабли приняли только три: о провинціальныхъ собраніяхъ, который они снабдили поправками въ либеральномъ духѣ, объ отмѣнѣ барщины и о свободѣ хлѣбной

торговли. Земельный налогъ (subvention territariale) былъ единогласно отвергнутъ, такъ какъ онъ посягалъ на привилегіи, а собраніе состояло только изъ привилегированныхъ. Такъ были приняты реформатскія попытки Калонна нотаблями. Положеніе его было поколеблено. Его знатныя покровители отказались отъ него, и утратившій свою популярность министръ получилъ отставку 8-го апрѣля 1787 года.

Бріеннъ. Ликвидація податной реформы.

Черезъ мѣсяцъ руководство дѣлами было поручено одному изъ яростныхъ противниковъ Калонна въ собраніи нотаблей архіепископу Тулузскому Ломени де Бріенну. Какъ и многихъ другихъ министровъ, Бріенна навязали королю противъ воли. Ставъ у власти, Бріеннъ увидѣлъ необходимость поддерживать проекты Калонна, противъ которыхъ онъ боролся въ качествѣ нотабля. Ни собственной программы, ни финансоваго опыта у него не было. Онъ потребовалъ отъ нотаблей согласія на земельный налогъ и прибавилъ къ этому еще налогъ на гербовую бумагу. Нотабли отказали ему такъ же, какъ и Калонну, заявивъ, что не считаютъ себя въ правѣ утверждать новые налоги. Одинъ изъ нихъ, маркизъ Лафайетъ, открыто потребовалъ созыва Національнаго Собранія.

Черезъ нѣсколько дней собраніе нотаблей было распущено, но новые налоги, земельный и гербовый, должны были пройти обычнымъ путемъ, т.-е. черезъ парламентъ. Здѣсь они натолкнулись на то же упорное сопротивленіе, что и въ собраніи нотаблей, и изъ среды парламента раздалось то же требованіе созыва Генеральныхъ штатовъ. Это сопротивленіе, которое не побѣдили ни королевское засѣданіе, ни ссылка парламента въ Труа, въ концѣ-концовъ, заставило правительство капитулировать. Проекты новыхъ налоговъ были взяты обратно въ сентябрѣ того же года.

Такъ кончилась послѣдняя попытка реформъ при Людовикѣ XVI. Мы видѣли, что она повторяетъ собою тѣ же принципы, какіе лежали въ основѣ первой, выразившейся въ грандіозныхъ мѣропріятіяхъ и планахъ Тюрго. Десять лѣтъ раздѣляетъ обѣ эти попытки. Но то, что было выполнимо въ началѣ, стало невозможно въ концѣ. Колебанія правительства дискредитировали его въ глазахъ просвѣщеннаго общества, а уступки малѣйшимъ проявленіямъ оппозиціи привилегированныхъ довели ихъ упорство и смѣлость до дерзости. Калоннъ побоялся встрѣчи съ парламентомъ, но оказалось, что нотабли не менѣе способны къ оппозиціи. Ихъ открытый протестъ возбудилъ общественное

мнѣніе съ небывалою силой. Послѣдующая оппозиція парламентовъ только поддержала и усилила это возбужденіе.

Примѣру высшихъ сословій послѣдовалъ народъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ роспуска нотаблей начались возстанія въ различныхъ провинціяхъ Франціи, которыя не прекращались съ этихъ поръ до послѣдняго дня существованія монархіи. Народъ подхватилъ требованіе созвать Генеральные штаты, высказанное публично нотаблями, и оно стало вскорѣ лозунгомъ всей страны. Какъ ни разно понимали задачу Генеральныхъ штатовъ привилегированные и народъ, и тѣ и другіе одинаково выражали своимъ требованіемъ недовѣріе къ правительству. Стѣсненное въ средствахъ, смущенное возстаніями, утратившее вѣру въ собственный авторитетъ правительство дало, наконецъ, свое согласіе на созывъ Генеральныхъ штатовъ. Этимъ оно признало, что слагаетъ съ себя дѣло реформы и передаетъ его въ руки самой націи.

Д. Кончаловскій.

Политическія и административныя реформы.

Конституція старой Франціи.

Въ старой Франціи — писалъ одинъ изъ выдающихся французскихъ юристовъ Лабулэ — всѣ формы государственной власти были сосредоточены въ однѣхъ рукахъ, и, слѣдовательно, старая монархія не имѣла конституціи въ современномъ смыслѣ этого слова. Однако уже въ старой монархіи можно указать рядъ учрежденій, въ которыхъ народъ видѣлъ свою «конституцію», свой основной государственный законъ.

Таковы были генеральные штаты, за которыми не только политическіе мыслители, но и государственные дѣятели и широкіе общественные слои равно признавали право давать согласіе на установленіе новыхъ налоговъ или отказывать въ немъ. Таковы были парламенты, ставшіе со второй половины XVIII вѣка въ первые ряды оппозиціи и вплоть до самой революціи остававшіеся наиболѣе энергичнымъ и яркимъ защитникомъ «конституціонности». Та громадная политическая роль, которую игралъ парламентъ въ XVIII вѣкѣ, явилась исторически результатомъ свое-

---

Пособія: *По генезису революціи*: особ. см. *Токвиль*. Старый порядокъ и революція. *F. Rocquain*. L'esprit révolutionnare avant la révolution. 1715—1789 (Есть русск. пер.) *H. Taine*. Les origines de la France contemporaine. L'ancien régime Есть русск. пер.), *М. Ковалевскій*. Происхожденіе современной демократіи, т. I. *В. Герье*. Идея народовластія и революція 1789 г. *Н. Карѣевъ*. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣд. четверти XVIII в. *П. Ардашевъ*. Провинц. администрація во Франціи въ послѣднюю пору. Ст. Пор., т. 1—III. *А. Ону*. Выборы 1789 г. во Франціи и наказы третьяго сословія и проч. *По общей политич. и соціальн. ист. революціи:* кромѣ старыхъ исторій—Тьера, Минье, Бюшеза и Ру, Луи-Блана, Мишле, Тэна, Шере, Зибеля и др. (многія им. въ русск. пер.) см. особ.: *A. Aulard*. Histoire politique de la Révolution française. 1789—1804. *Jaurès*. Histoire socialiste. 1789—1900. T. I—V. (V томъ написанъ Devill'емъ). *М. Ковалевскій*, указ. соч., т. II—III. *По конституціонной и административн. ист. революціи: Duguit et Monnier* Les constitutions et les principales lois polit. de la France depuis 1789. *Richter*. Staats und Geselschaftsrecht der französischen Revolution von 1789—1804. *А Боровой*. Исторія личной свободы во Франціи, т. I, части I—II. *Ch. Lescoeur*. La division et l'organisation du territoire français.

образной доктрины, возникающей еще въ концѣ XVI вѣка. Въ 1576 году на штатахъ впервые была высказана мысль, что парламентъ есть «une sorte des trois Etats raccourcie et au petit pied», т.-е. парламентъ являлся естественнымъ представителемъ націи на то время, когда не собраны штаты. Эта идея, первоначально бывшая простой теоретической формулой, становится знаменемъ, подъ которымъ группируются парламенты съ закрытіемъ послѣднихъ генеральныхъ штатовъ въ 1614 году. Скоро она получаетъ могучую поддержку въ новой теоріи, выдвинутой въ пылу борьбы съ королевской властью самими парламентами. Новая теорія заключалась въ томъ, что всѣ парламенты образуютъ какъ бы единый парламентъ и въ отдѣльности принадлежатъ лишь къ разнымъ классамъ. Такимъ образомъ постепенно сложилась идея о единомъ и постоянномъ представительствѣ націи въ лицѣ совокупности всѣхъ парламентовъ. Общепризнаннымъ вождемъ ихъ былъ, конечно, парижскій парламентъ. Простую формальную процедуру, издавна принадлежавшую парламентамъ, именно регистрацію законодательныхъ актовъ, благодаря умѣлой и настойчивой политикѣ и глубокой солидарности между собой, они превращаютъ постепенно въ чрезвычайно важное право — право контроля за всѣми законодательными актами (droit de vérification). Парламенты начинаютъ провѣрять законы, поступающіе къ нимъ для регистраціи и дѣлаютъ такъ-наз. представленія (remontrances) въ тѣхъ случаяхъ, когда новый законодательный актъ нарушалъ, по мнѣнію парламентовъ, въ чемъ-либо исконную «конституцію» страны. Въ этихъ представленіяхъ парламенты, обосновывая свои протесты на принципахъ естественнаго права, защищаютъ, по преимуществу, свои сословные интересы и сословныя привелегіи. И, тѣмъ не менѣе, ремонстраціи, благодаря энергіи парламентовъ и горячей поддержкѣ ихъ со стороны общественнаго мнѣнія, становятся къ срединѣ XVIII вѣка самымъ страшнымъ противникомъ королевскаго абсолютизма. И не только общество смотрѣло на генеральные штаты, какъ на исконную форму національнаго представительства, а въ парламентахъ хотѣло видѣть ихъ естественнаго продолжателя, но и правительство лишь въ минуты крайняго раздраженія на оппозицію могло оспаривать «конституціонность» права парламентскихъ представленій. Въ глазахъ населенія протесты парламентовъ противъ королевскаго «деспотизма» и «насилій» были борьбой за законность, за «конституцію». И только въ возвращеніи къ ней — къ періо-

дическому созыву штатовъ населеніе видѣло панацею отъ золъ и бѣдствій, съ которыми не могло справиться «неконституціонное» правительство. Въ силу своей «неконституціонности» должна была рухнуть старая монархія. При всей сбивчивости и неясности этого понятія у дореволюціоннаго человѣка, оно прочно жило въ немъ. И пока парламентъ отстаивалъ гарантіи личной свободы и требовалъ созыва генеральныхъ штатовъ, онъ естественно стоялъ во главѣ оппозиціи, и революція видѣла въ немъ своего наиболѣе авторитетнаго вождя. Только когда побѣжденное правительство принуждено было уступить, и на очередь былъ поставленъ вопросъ о реальной организаціи генеральныхъ штатовъ, всѣмъ стало ясно, что парламентъ лишь игралъ въ революцію, по существу же оставался учрежденіемъ реакціоннымъ, глубоко враждебнымъ освободительному движенію. Стало ясно, что борьба парламентовъ противъ абсолютизма въ 1787 и 1788 гг. была не безкорыстнымъ служеніемъ интересамъ «французовъ» или даже «человѣка», какъ говорили ихъ хлесткія ремонстраціи, а узкой эгоистической политикой, и перлы патетическаго краснорѣчія прикрывали реальные карманные интересы. Съ этого момента парламенты утрачиваютъ всякое вліяніе, перестаютъ играть роль въ революціонномъ движеніи, уступая мѣсто живымъ общественнымъ силамъ.

Конституціонныя идеи въ обществѣ.

Идея конституціи, какъ опредѣленной формы національнаго представительства, жила, такимъ образомъ, уже въ дореволюціонномъ человѣкѣ. Къ концу царствованія Людовика XVI самыя благодѣтельныя правительственныя реформы не могутъ примирить общества съ правительствомъ стараго порядка и разбиваются о могучій протестъ оппозиціи за неправомѣрный характеръ ихъ проведенія. Народъ не шелъ уже на тѣ подачки, которыя ему бросали благодѣтели; онъ требовалъ коренной государственной реформы, желалъ не милости, а права. Ему стало тѣсно жить подъ временами суровой, временами благодушной опекой абсолютизма. Требованіями о дарованіи «конституціи» или «возвращеніи къ старой» предреволюціонное общество заполнило свои наказы, о конституціи начинаютъ всего раньше говорить въ учредительномъ собраніи.

Монархизмъ.

Глубокая и страстная борьба, поднявшаяся въ концѣ XVIII в. противъ правительства стараго порядка, была, однако, менѣе всего борьбой противъ короля или монархическаго принципа. Франція 89 года оставалась глубоко преданной монархіи. Въ эту эпоху въ ней не было не только республиканской партіи или республи-

канской печати, но, въ сущности, и республиканцевъ. Ихъ можно было бы перечесть по пальцамъ — писалъ единственный республиканецъ 89 года — Камиллъ Демуленъ. Въ наказахъ — грандіозномъ національномъ памятникѣ, съ необычайной силой и широтой отразившемъ нужды и запросы всего французскаго народа, мы вовсе не встрѣчаемъ республиканскихъ заявленій. Не только привилегированныя сословія, но и наиболѣе революціонно настроенное 3-е сословіе въ своихъ проектахъ общественнаго переустройства отнеслись къ королевской власти съ полнымъ довѣріемъ. Все, что было вліятельнаго въ эту эпоху въ сферѣ политической мысли, оставалось приверженнымъ королю и монархіи. И это, несмотря на то, что въ воздухѣ предреволюціонной Франціи уже носились республиканскія идеи. Англійская революція XVII вѣка и особенно американская борьба за независимость нашли горячій откликъ въ просвѣщенныхъ слояхъ французскаго общества. Монархическіе французы зачитываются американскими декларацiями правъ, монархическій Парижъ приходитъ въ энтузіазмъ отъ представителя юной американской республики — Франклина, монархистъ Лафайетъ, вернувшись изъ Америки, щеголяетъ республиканскимъ костюмомъ, говоритъ о наступленіи «американской эры», будируетъ противъ короля.

Такимъ образомъ увлеченіе республикой наканунѣ революціи носило или слишкомъ отвлеченный или слишкомъ поверхностный характеръ. Республиканскія симпатіи не были живымъ элементомъ политическаго міросозерцанія эпохи. По существу, передовое французское общество оставалось монархическимъ. Вѣковыя традиціи, соціально-экономическіе интересы революціонной буржуазіи, упованія на то, что въ открывающейся борьбѣ монархія пойдетъ рука объ руку съ революціей противъ феодальныхъ порядковъ и сословныхъ привилегій — дѣлали монархію особенно популярной въ передовыхъ слояхъ буржуазіи. Вопросъ шелъ не о разрушеніи монархіи — пишетъ Оларъ — а объ ея организаціи.

И эта точка зрѣнія нашла себѣ рѣшительное выраженіе въ политическомъ творчествѣ конституанты.

Конституція 1791 г.

Капитальнымъ трудомъ конституанты была конституція 91 г., устанавливавшая новый порядокъ государственнаго устройства и управленія. Конституціи предшествовала декларація правъ чело-

вѣка и гражданина (августъ — сентябрь 1789 г.), имѣвшая своей задачей утвержденіе принциповъ гражданской свободы.

При старомъ порядкѣ личная свобода была не правомъ, а милостью, даруемой съ высоты престола, или лаской высокопоставленнаго бюрократа. Гарантіи закона были фикціей; немногое, что въ этой области было сдѣлано старымъ правительствомъ, парализовалось широкой системой административныхъ наказаній, фактической безотвѣтственностью администрацій. Неудивительно, что въ наказахъ всѣхъ сословій (кромѣ крестьянскаго) вопросу о личной свободѣ удѣлено чрезвычайно широкое мѣсто. Было бы трудно указать челобитную или ходатайство, въ которыхъ требованіе гарантій правъ личности не нашло бы себѣ выраженія въ той или иной формѣ; цѣлый рядъ наказовъ предлагаетъ проекты декларацій, усматривая ихъ цѣнность не только въ глубоко-воспитательномъ значеніи изложенія «священныхъ принциповъ» общежитія, но также и въ томъ, что декларація должна была дать положительную руководящую программу для будущей дѣятельности законодательныхъ собраній. Такимъ образомъ первой заботой новаго общества было стремленіе водворить законъ и право тамъ, гдѣ доселѣ царило лишь административное усмотрѣніе.

Декларація правъ. Результатомъ этихъ стремленій явился одинъ изъ величайшихъ памятниковъ человѣческой мысли, воздвигнутый на пьедесталѣ всего освободительнаго движенія XVIII вѣка, памятникъ, въ созиданіи котораго незримо участвовали умъ, воля и чувства всего французскаго народа — декларація правъ человѣка и гражданина. Въ глазахъ современниковъ декларація была не только «символомъ крушенія стараго порядка», но также политическимъ принципомъ революціи, ея соціально-политической программой. Конечно, декларація была результатомъ чрезвычайно сложныхъ и противорѣчивыхъ историческихъ вліяній. Новѣйшіе изслѣдователи показали, что мысль установить законодательнымъ путемъ рядъ неотчуждаемыхъ, прирожденныхъ, священныхъ правъ личности — не политическаго, а религіознаго происхожденія и восходитъ не ко времени французскаго или американскаго освободительныхъ движеній, а гораздо болѣе раннему времени — эпохѣ реформаціи. Французская декларація впитала, такимъ образомъ, въ себя множество историческихъ струй. Отсюда ея противорѣчія и та пестрота, за которую ее обвиняютъ изслѣдователи, критически настроенные къ принципамъ 89 года. Наконецъ въ эпоху, когда явилась декларація, умами и сердцами современниковъ равно вла-

дѣли двѣ враждебныя доктрины: одна — индивидуалистическая, либеральная, списанная съ конституціонныхъ образцовъ Англіи, принадлежавшая Монтескье, другая — государственная, демократическая, навѣянная образами античнаго міра, породившая впослѣдствіи якобинизмъ, принадлежавшая Руссо. Въ первый и наиболѣе страстный періодъ своего разрушительнаго творчества дѣятели конституанты не продумывали обѣихъ философій до конца. Начавъ въ духѣ Руссо, они продолжали въ духѣ Монтескье. Справедливо замѣтилъ одинъ писатель, что авторы деклараціи были за разъ и демократы и либералы, за разъ вѣрили и въ торжество личной свободы и суверенитетъ народа. Этимъ самымъ въ ихъ дѣло вкралось гигантское противорѣчіе, такъ какъ ясно, что одно начало можетъ вполнѣ отрицать другое. Права народа, принципъ народовластія можетъ пріостановить и даже отмѣнить права личности. Декларація 89 года, такимъ образомъ, была какъ бы компромиссомъ между признаніемъ «естественныхъ и неотчуждаемыхъ» правъ личности и идеей народнаго суверенитета; въ ней жили рядомъ два противоположныхъ принципа; одной рукой она отнимала то, что давала другой. Но декларація была отвѣтомъ, котораго давно ждала изстрадавшаяся страна. Этотъ отвѣтъ не послѣдователенъ, непродуманъ, порывистъ, носитъ на себѣ многочисленные слѣды импровизацій. Этотъ отвѣтъ создавался въ моментъ горячаго творческаго увлеченія, въ атмосферѣ, столь же насыщенной энтузіазмомъ, какъ и враждой, но въ немъ воинствовавшее собраніе излило весь бальзамъ на раны старой Франціи, какой могла. Декларація велика не тѣмъ, что первая возвѣстила человѣчеству освободительные принципы, но тѣмъ, что практическія и трезвыя формулы американцевъ силой своего философскаго генія, темперамента и блеска претворила въ великіе соціально-моральные постулаты, подымающіе народныя массы, обращающіе ихъ въ активныхъ борцовъ революціи. Именно этотъ характеръ проповѣди и сообщаетъ всему акту непреходящую историческую цѣнность.

Декларація состоитъ изъ небольшого предваренія и 17 статей. Въ предвареніи національное собраніе объясняетъ руководившія имъ намѣренія при изданіи деклараціи: «невѣдѣніе, забвеніе или презрѣніе правъ человѣка — суть единственныя причины общественныхъ бѣдствій и порчи правительствъ». И революціонный законодатель послѣдовательно возглашаетъ «забытыя» права человѣка: свободу и равенство въ правахъ (ст. 1 и 6.), защиту

естественныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка, т.-е. свободы, собственности, безопасности и сопротивленія угнетенію (ст.2 и 17), начало народнаго верховенства (ст. 3), неприкосновенность права личной свободы, т.-е. совокупность гарантій противъ произвольныхъ арестовъ, заключеній и наказаній (ст. 7—9), религіозную терпимость (ст. 10), свободу слова и печати (ст. 11), равенство въ обложеніи и контроль за обложеніемъ (ст. 13—14), отвѣтственность администраціи и раздѣленіе властей (ст. 15 и 16).

Такова была основная программа новаго общества. Прежде всего она есть откровенный буржуазный актъ и послѣдующая исторія показала, что на долю «народа» (peuple), «всей націи» (toute la nation) досталось немного изъ блестящихъ завоеваній буржуазіи. Мы видимъ, какъ въ общій, ярко индивидуалистическій, тонъ декларацiи врываются демократическія республиканскія ноты: принципъ народнаго суверенитета, принципъ равноправія. Борьба личнаго начала съ началомъ государственнымъ — таково основное противорѣчіе, къ которому можетъ быть сведено все содержаніе декларацiи. И мы увидимъ ниже, какъ глубоко разошлись республиканскіе принципы декларацiи съ организаціей конституціонной монархіи и дѣленіемъ «равноправныхъ» гражданъ на активныхъ и пассивныхъ.

Творцы декларацiи были чрезвычайно довольны результатами своей работы; она возбуждала въ нихъ самыя восторженныя упованія. И, между тѣмъ, декларація, оставаясь высокимъ памятникомъ теоретической радикальной мысли, не пріобрѣла того практическаго значенія, какого можно было ждать отъ нея. За формулами декларацiи не было реальной силы, которая была бы призвана осуществлять новыя правила и которая только одна и могла бы дать имъ практическую цѣнность. Было необходимо установить судебную охрану «естественныхъ правъ», дать пострадавшимъ право иска и уголовнаго преслѣдованія противъ лицъ, виновныхъ въ нарушеніи основныхъ правъ личности. Въ декларацiи ничего подобнаго нѣтъ, почему она и не могла получить серьезнаго юридическаго значенія. Недаромъ одинъ изъ восторженныхъ почитателей декларацiи, французскій государственникъ Бутми, писалъ однажды: «... юридическая и практическая цѣнность декларацiи ничтожна. Судамъ нечего дѣлать съ этимъ сверхконституціоннымъ текстомъ». Но воспитательное значеніе декларацiи — неизмѣримо. Многіе изъ предшествовавшихъ декларацiи освободительныхъ актовъ другихъ странъ превосходятъ ее своимъ практи-

ческимъ смысломъ, и, тѣмъ не менѣе, ихъ вліяніе на міровую культуру было несравненно меньшимъ. Принципы декларацiи 89 года для цѣлаго ряда поколѣній служили руководящимъ лозунгомъ политической и общественной дѣятельности. Декларація не дала защиты, но была, сообразно условіямъ своего времени, самымъ смѣлымъ, искреннимъ и сильнымъ протестомъ противъ произвола, который дотолѣ знало человѣчество.

Административная власть.

Отсутствіе юридической защиты основныхъ правъ личности въ декларацiи было еще болѣе подчеркнуто своеобразной постановкой революціей вопроса объ отвѣтственности власти. Организація административной юстиціи, т.-е. формъ судебнаго обжалованія административныхъ распоряженій является больнымъ мѣстомъ революціоннаго творчества. Въ эпоху стараго порядка существовалъ цѣлый рядъ учрежденій, частью судебно-законодательнаго, частью судебно-административнаго характера, стоявшихъ на стражѣ законности. Дѣлопроизводство этихъ органовъ административной юстиціи, какъ и другихъ судебныхъ и административныхъ учрежденій дореволюціонной Франціи характеризовалось неимовѣрной волокитой, сложностью, тяжкими поборами. Революція смела эти учрежденія безъ остатка. Въ основу новаго законодательства было положено начало раздѣленія властей и отвѣтственности должностныхъ—административныхъ лицъ. Но теорія раздѣленія властей въ примѣненіи къ административной юстиціи была истолкована въ смыслѣ абсолютной независимости одной власти отъ другой. Отсюда администрація была объявлена свободной отъ чьего бы то ни было контроля надъ ея дѣятельностью и администраціи было предоставлено судить самоё себя. Такое своеобразное преломленіе принципа раздѣленія властей объясняется политическими особенностями момента. Революціонный законодатель опасался помѣхъ свободѣ революціоннаго творчества и, помня порядки стараго режима, когда парламенты охотно вмѣшивались въ сферу дѣятельности администраціи, рѣшилъ сдѣлать администрацію неуязвимой. Онъ не только отказался отъ мысли создать спеціальные административные трибуналы или передать судебное обжалованіе распоряженій администраціи въ вѣдѣніе общихъ судовъ, но въ цѣломъ рядѣ законовъ совершенно эмансипировалъ администрацію отъ судебнаго контроля. Жалобы на администрацію за преступленія по должности направлялись не въ общіе суды, а шли на предварительное разсмотрѣніе депар-

таментскихъ директорій, т.-е. судить администрацію за ея незакономѣрныя дѣйствія была призвана сама администрація. Въ компетенціи общихъ судовъ были оставлены только иски о неправильномъ взиманіи нѣкоторыхъ налоговъ. Суду было воспрещено: вмѣшательство въ какой бы то ни было формѣ въ дѣятельность административныхъ органовъ, привлеченіе къ отвѣтственности должностныхъ административныхъ лицъ за ихъ служебныя дѣйствія, наконецъ, разсмотрѣніе административныхъ актовъ, когда вопросъ о законности ихъ входитъ въ гражданскій или уголовный процессъ. И въ этомъ направленіи, т.-е. въ смыслѣ рѣзкаго обособленія администраціи шло и все послѣдующее развитіе революціоннаго законодательства. Правда, учрежденія, вѣдавшія административную юстицію, послѣ основной административной реформы, предпринятой конституантой, сотояли изъ выборныхъ властей, переизбираемыхъ черезъ 4 года. Но все же самый принципъ, по замѣчанію одного изъ французскихъ изслѣдователей, недопустимъ: «Въ сущности, это — система стараго порядка, абсолютной монархіи. Мѣсто интендантовъ заняли директоріи. Лица перемѣнились, но принципъ остался тотъ же».

———

Основныя начала конституціи 1791 г.

«Чтобы конституція была хороша,—говорилъ депутатъ Мунье отъ имени конституціоннаго комитета въ засѣданіи 9 іюня 89 г.,— необходимо, чтобы въ ея основѣ лежали права личности; необходимо, слѣдовательно, установить принципы, составляющіе базу всякаго общежитія, чтобы каждая статья конституціи непосредственно вытекала изъ этихъ принциповъ... Однимъ словомъ, комитетъ высказался за предвареніе конституціи декларацiей правъ людей...»

Конституція, такимъ образомъ, по мысли ея творцовъ, должна была быть развитіемъ принциповъ, изложенныхъ въ декларація. И дѣйствительно, въ конституціи 91 года мы видимъ ту же борьбу двухъ противоположныхъ, взаимно - отрицающихъ началъ, что и въ декларацiи. «Суверенитетъ единъ, недѣлимъ, неотчуждаемъ и необъемлемъ. Онъ принадлежитъ націи; никакая часть народа, никакое лицо не можетъ приставить себѣ его осуществленія», — гласитъ I ст. III тит. «О государственныхъ властяхъ». Но нація, отъ которой проистекаютъ всѣ власти, можетъ осуществлять ихъ только путемъ уполномочія и представителями націи являются: законодательный корпусъ и король. Національному собранію ввѣрена законодательная власть, власть исполнительная принадле-

житъ королю, судебныя — избраннымъ судьямъ. Правительство имѣетъ монархическую форму.

Итакъ, съ одной стороны, нація, отъ которой *одной* проистекаютъ всѣ власти, съ другой стороны, монархъ, не избираемый, а наслѣдственный, «Божіей милостью» монархъ, т.-е. двѣ самодержавныя власти, неизбѣжно вступающія въ конфликтъ. И такъ какъ суверенитетъ объявленъ принадлежащимъ націи, а король могъ царствовать лишь силой закона, высшей власти страны, и только именемъ закона требовать повиновенія, то ясно, что конституція была республиканской, лишь по формѣ оставаясь монархической. Но, положивъ въ основу конституціоннаго акта демократическій принципъ, буржуазія отреклась отъ демократіи, когда перешла на реальную почву организаціи властей. Статьи конституціи, трактующія о законодательномъ собраніи, являются вопіющимъ нарушеніемъ начала равноправія. До взятія Бастиліи буржуазія должна была считаться съ революціоннымъ народомъ; съ паденіемъ крѣпости — она чувствуетъ себя окрыленной, способной отнынѣ самостоятельно вести борьбу за свои права и не нуждающейся болѣе въ помощи народа. Именно тогда у торжествующей буржуазіи и зародилась соблазнительная мысль — сдѣлать политическія права достояніемъ новаго привилегированнаго сословія — буржуазіи, и отказать въ нихъ черни. Народныя волненія въ октябрѣ 89 года еще болѣе укрѣпили буржуазію въ ея намѣреніи. Въ собраніи нашлось лишь 5 депутатовъ, возвысившихъ свой голосъ въ защиту правъ народа; остальные не задумались надъ искаженіемъ принциповъ, недавно освященныхъ декларацiей.

Избирательное право.

Населеніе было раздѣлено на активныхъ и пассивныхъ гражданъ. Къ первымъ были отнесены только тѣ природные или натурализованные французы, которые, имѣя не менѣе 25 лѣтъ отроду, проживали въ теченіе опредѣленнаго закономъ срока въ кантонѣ или городѣ, уплачивали прямой налогъ, равный по цѣнности тремъ рабочимъ днямъ, не состояли въ услуженіи, были включены въ списки національной гвардіи по мѣсту жительства, принесли гражданскую присягу, не состояли во время выборовъ подъ судомъ и слѣдствіемъ и не были объявлены банкротами. Выборы депутатовъ въ національное собраніе были двухстепенные; поэтому, функціи активныхъ гражданъ, участвовавшихъ въ первичныхъ собраніяхъ, сводились къ назначенію избирателей въ опредѣленной пропорціи къ мѣстному населенію (кантона или

города). Избиратели же сверхъ условій, необходимыхъ для того, чтобы быть активными гражданами, должны были еще имѣть высокій имущественный цензъ (не одинаковый по мѣстамъ, въ зависимости отъ величины населенія). Избиратели въ департаментскихъ собраніяхъ и выбирали представителей народа на 2 года съ правомъ переизбранія по окончаніи срока еще на одну легислатуру. Депутатами могли быть всѣ активные граждане.

Конституція вычеркивала, такимъ образомъ, изъ списка полноправныхъ гражданъ бѣднѣйшіе слои населенія (до 2 милл. въ 1791 году — около $^1/_3$ всѣхъ гражданъ), которые, вопреки Сійесу, наиболѣе краснорѣчивому защитнику цензитарной системы, не менѣе другихъ способствовали возрожденію страны своимъ неустаннымъ трудомъ, своими вѣковыми страданіями. Участіе въ активной политической жизни стало удѣломъ привилегированнаго класса гражданъ, обладавшаго имущественнымъ цензомъ. Это было отказомъ отъ демократической программы декларацін. Но печать, за исключеніемъ демократическаго журнала Демулена и Лусталю, шла въ унисонъ съ учредительнымъ собраніемъ. Пролетаріатъ же былъ слишкомъ слабъ, чтобы реагировать на чудовищный политическій софизмъ. «Отказъ въ политическомъ равноправіи, — справедливо замѣчаетъ Жоресъ въ своей «Соціалистической исторіи», — былъ свободнымъ и сознательнымъ актомъ буржуазіи. Сумѣла же она отвергнуть двухпалатную систему или абсолютное veto!».

Законодат. и исполнит. власть.

Зато въ организаціи властей демократическій принципъ восторжествовалъ вполнѣ. Законодательная власть ввѣрялась конституціей однопалатному законодательному собранію, переизбираемому черезъ 2 года и возобновляемому непосредственно силой закона. Король не могъ распустить собранія. Конституція предоставляетъ законодательному собранію: предлагать и устанавливать законы, опредѣлять государственные расходы, устанавливать государственные налоги, учреждать и упразднять государственныя должности, объявлять и прекращать войну (по формальному предложенію короля), ратифицировать союзные и торговые договоры и пр. и пр. Верховная исполнительная власть была вручена королю. Особа короля объявлена неприкосновенной и священной, власть короля — наслѣдственной и нераздѣльной. Король — верховный глава общаго управленія королевствомъ (попеченіе о поддержаніи порядка и общественнаго спокойствія, сношенія съ иностранными державами), а также сухопутной и мор-

ской вооруженной силы. Король утверждаетъ постановленія законодательнаго собранія; онъ можетъ отказать въ своемъ согласіи на эти постановленія и тогда они уже не могутъ быть вторично представлены тѣмъ же законодательнымъ собраніемъ, но такой отказъ могъ имѣть только пріостанавливающій характеръ (суспензивное veto) и, если бы два законодательныя собранія, слѣдующія за тѣмъ, которое представило постановленіе, вотировали его вновь въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, отказъ короля теряетъ силу. Выборъ и увольненіе министровъ были предоставлены исключительно королю, при чемъ министрами не могли быть назначаемы ни члены настоящаго ни послѣдующихъ законодательныхъ собраній. Каждый приказъ короля долженъ быть имъ собственноручно подписанъ и контрассигнованъ соотвѣтствующимъ министромъ. Министры объявлены отвѣтственными и отъ отвѣтственности ихъ не освобождаетъ ни словесное, ни письменное повелѣніе короля.

Исполнительная власть, признанная конституціей независимой, оказалась въ дѣйствительности совершенно дезорганизованной; вся ея роль сводилась къ автоматическому исполненію велѣній національнаго собранія. Король не получилъ права на созывъ или роспускъ законодательнаго собранія. Законодательная инициатива была предоставлена исключительно собранію. (Король могъ только пригласить законодательный корпусъ войти въ разсмотрѣніе извѣстнаго предмета). Наконецъ королю было отказано въ правѣ абсолютнаго veto.

Стремленіе революціонной буржуазіи къ неограниченному господству, замаскированное демократическими тенденціями, нашло себѣ выраженіе въ принятіи однопалатной системы. Представители радикальнаго большинства, воспитанные на доктринахъ Мабли и физіократовъ, выставили рядъ аргументовъ противъ двухпалатной системы или системы противовѣса. Они говорили о единствѣ и недѣлимости суверенитета, принадлежащаго націи и представляемаго законодательнымъ собраніемъ. Никакая иная палата не можетъ ограничивать той, которая представляетъ народную волю. Эти аргументы одержали верхъ надъ соображеніями о томъ, что наличность двухъ палатъ есть одинъ изъ способовъ разрѣшенія конфликтовъ между законодательной и исполнительной властями.

Безсиліе, на которое обрекала конституція исполнительную власть, было еще болѣе подчеркнуто ея рѣшеніемъ вопроса о министерской отвѣтственности. Согласно конституціи, министры не

могли быть членами законодательныхъ палатъ и, такимъ образомъ, не подлежали отвѣтственности политической, если бы общее направленіе ихъ политики расходилось съ взглядами большинства собранія. Рѣшеніе это было принято конституантой изъ опасенія, что черезъ министровъ, избираемыхъ изъ среды собранія, можетъ создаться слишкомъ тѣсная связь между законодательной и исполнительной властями, и это невыгодно отразится на самостоятельности первой. Но, благодаря такой системѣ, всякая связь между административными и законодательными властями рухнула, министры оказались совершенно оторванными отъ собранія и заранѣе были обречены въ немъ на непопулярность. Отказомъ въ вотированіи необходимыхъ администраціи средствъ, законодательное собраніе въ любой моментъ могло парализовать всю его дѣятельность. Мѣстная администрація послѣ общей реформы конституанты оказалась какъ бы внѣ прямого воздѣйствія главы исполнительной власти, такъ какъ, съ одной стороны, назначеніе муниципальныхъ и провинціальныхъ чиновниковъ стало дѣломъ народнаго избранія въ первичныхъ и департаментскихъ собраніяхъ, съ другой, реформа не позаботилась о точномъ разграниченіи компетенціи органовъ центральнаго и мѣстнаго управленія и мѣстныя выборныя власти стали вѣдать и общегосударственныя дѣла, не всегда считаясь съ волей центральнаго правительства. Все управленіе, въ противоположность старому порядку, оказалось, такимъ образомъ, глубоко децентрализованнымъ.

Судебная власть. Радикальныя измѣненія были внесены конституціей и спеціальными законами учредительнаго собранія (особ. зак. 16—24 августа и 7—11 сентября 1790 г.) и въ организацію судебной власти. Правосудіе вершится безпошлинно судьями, избранными на срокъ народомъ. Смѣщеніе или временное устраненіе ихъ отъ должности можетъ послѣдовать не иначе, какъ на основаніи надлежащаго судебнаго разбирательства. Общественный обвинитель назначается народомъ. Число и округа судовъ, такъ же, какъ и число судей, образующихъ отдѣльный трибуналъ, опредѣляются законодательной властью. Таковы основныя положенія конституціи. Августовскій законъ упразднилъ продажность и наслѣдственность судебныхъ должностей и санкціонировалъ начало раздѣленія властей. Въ уголовный судъ былъ введенъ институтъ присяжныхъ. Адвокатская корпорація, носившая замкнутый, узкосословный характеръ, упразднялась; защита была объявлена свободной. Разрушеніе старой юстиціи было довершено сентябрьскимъ

закономъ. Парламенты, президіалы, бальяжи и всѣ исключительныя и привилегированныя юрисдикціи болѣе не существовали.

Народовластіе.

Такимъ образомъ въ вопросѣ объ организаціи государственныхъ властей принципъ народовластія одержалъ въ конституціи рѣшительную побѣду надъ монархическимъ началомъ. Главѣ монархіи была оставлена жалкая пассивная роль. Въ извѣстной прокламаціи къ народу, составленной Людовикомъ XVI передъ его бѣгствомъ въ Вареннъ, мы находимъ любопытную характеристику политическаго законодательства революціи, съ точки зрѣнія интересовъ самой исполнительной власти. Король опредѣленно заявляетъ, что монархія разрушена, разъ король устраненъ собраніемъ изъ конституціи, что воля наказовъ, желавшихъ участія короля въ изданіи законовъ нарушена, что предоставленное королю право отсрочивающаго veto — фикція, не дающая реальныхъ гарантій. Король протестуетъ противъ лишенія его права законодательнаго почина, а также права назначенія членовъ магистратуры и чиновниковъ администраціи. Онъ указываетъ на невозможность управленія такимъ обширнымъ государствомъ, какъ Франція, съ столь недостаточными полномочіями.

Но и конституція, построенная на двухъ противорѣчивыхъ принципахъ, независимо отъ внѣшнихъ условій, не могла быть долговѣчной. Республиканское содержаніе не могло жить въ тѣсной для него монархической формѣ. Отрицаніе же конституціей принципа равноправія создало противъ нея многочисленные кадры оппозиціи, и мы увидимъ ниже, какъ стихійный размахъ революціонныхъ событій сломилъ конституцію, нисколько не заботясь о выполненіи тѣхъ формальныхъ условій, которыя были необходимы для ея пересмотра и измѣненій.

Мѣстное управленіе.

Для воплощенія новыхъ принциповъ было необходимо прежде всего реорганизовать государство въ административномъ смыслѣ. Съ одной стороны, въ централизаціи, оставшейся отъ стараго режима, новое общество видѣло источникъ деспотизма, съ другой, немыслимо было оставаться долѣе при той невѣроятной путаницѣ дѣленій территоріи въ политическомъ, церковномъ, военномъ, финансовомъ, судебномъ и пр. отношеніяхъ, которыя уродовали старую Францію и вызывали со стороны населенія постоянныя жалобы и нареканія. У дореволюціонной Франціи былъ уже вполнѣ удачный опытъ съ провинціальными собраніями, которыя, обладая лишь совѣщательнымъ голосомъ, тѣмъ не менѣе умѣряли шероховатости

слишкомъ централизованнаго механизма. Въ глазахъ населенія наканунѣ революціи они были поэтому одной изъ дѣйствительнѣйшихъ гарантій противъ административнаго произвола. И все же задуманная реформа уже въ силу своей грандіозности должна была представить для законодателя гигантскія трудности. Но та же сила раціоналистическаго экстаза, которая продиктовала Франціи ея декларацію правъ, внѣ какихъ-либо историческихъ, бытовыхъ или мѣстныхъ условій, указала путь и для рѣшенія сложной проблемы управленія. Франція — въ глазахъ революціоннаго законодателя — единое, нераздѣльное государство. Старыя феодальныя границы стираются; съ ними исчезаетъ административная опека центра надъ мѣстной жизнью. Община перестаетъ быть отголоскомъ бюрократическихъ канцелярій и начинаетъ жить новой самостоятельной жизнью. Ей, по мысли конституанты, должно быть предоставлено право не только обдумывать свои дѣла, но и самой вершать ихъ. Таковы были идеи, послужившія исходной точкой для реформы.

Франція была раздѣлена на 83 департамента, возможно равные по величинѣ территоріи и густотѣ населенія. Въ основу дѣленія былъ положенъ такой расчетъ, чтобы житель департамента въ теченіе сутокъ могъ изъ любого его пункта попасть въ главное мѣсто департамента. Новое дѣленіе не было чисто механическимъ. Депутаты посвятили немало времени, чтобы сообразовать требованія администр. удобства съ вѣками сложившимися традиціями. Конечно, имъ не удалось достичь геометрической правильности рисунка; департаменты вышли различными и по своей величинѣ (400 — 900 тыс. гект.) и по цифрѣ населенія (110 — 750 тыс. чел.). Но законодатель приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы «раздѣлить провинціи, но не разрушить ихъ». Департаменты были подѣлены на подчиненные имъ въ іерархическомъ порядкѣ дистрикты [1]), послѣдніе — на кантоны. Во главѣ департаментовъ и дистриктовъ были поставлены собранія изъ выборныхъ членовъ: администрація департамента (36 членовъ) и администрація дистрикта (12 членовъ), переизбираемыя черезъ два года. Собранія дѣлились на секціи: исполнительныя (директоріи деп. или дистр.) и совѣщательныя (совѣты деп. и дистр.). Директоріи за-

[1]) Дистрикты были уничтожены конституціей III г., но возстановлены подъ именемъ округовъ конституціей VIII г. Подъ этимъ именемъ, какъ и департаменты, они существуютъ и понынѣ.

сѣдали постоянно — имъ принадлежало фактическое управленіе департаментомъ или дистриктомъ, совѣты собирались на извѣстное время въ году, чтобы намѣтить общій планъ работъ для даннаго періода. Департаментскія и дистриктныя собранія — первая самостоятельно, вторая по приглашенію администраціи департамента — вѣдали административныя дѣла, распредѣленіе прямыхъ налоговъ между дистриктомъ и муниципалитетомъ, разверстку податей между плательщиками, контроль за взиманіемъ ихъ и проч. Наконецъ, при администраціяхъ состояли еще: генеральный прокуроръ-синдикъ (для деп.) и прокуроръ-синдикъ (для дистр.), избиравшіеся активными гражданами и имѣвшіе задачей — блюсти интересы націи, осуществляя контроль за дѣятельностью собраній. Функціи прокуроровъ не были точно опредѣлены закономъ и ихъ вліяніе поэтому чрезвычайно разнообразилось по мѣстамъ.

Въ городахъ и селахъ, независимо отъ ихъ величины и населенности, было введено муниципальное устройство. Члены муниципалитета избирались непосредственно активными гражданами на два года и образовывали общій совѣтъ коммуны. Въ городахъ, поселкахъ и приходахъ съ населеніемъ свыше 500 душъ муниципалитетъ, кромѣ совѣта, выдѣлялъ еще бюро съ выборнымъ мэромъ во главѣ. При совѣтѣ состоялъ прокуроръ коммуны, игравшій ту же роль, что и департаментскіе и дистриктные прокуроры. Функціи муниципальной администраціи были чрезвычайно обширны, ибо она вѣдала не только мѣстныя дѣла, но осуществляла и нѣкоторыя общегосударственныя задачи (распредѣленіе и взиманіе прямыхъ налоговъ, управленіе общественными учрежденіями и проч.).

Для обезпеченія порядка и повиновенія законамъ была образована національная гвардія, возникшая самостоятельно еще въ 89 году. Въ новомъ народномъ ополченіи революція хотѣла видѣть какъ бы противовѣсъ постоянной арміи, находившейся подъ верховнымъ командованіемъ короля. И здѣсь, такимъ образомъ, революціонный законодатель приложилъ всѣ усилія, чтобы вырвать дѣйствительную власть изъ рукъ центральнаго правительства.

Децентрализація.

Мы уже сказали выше, что послѣ административной реформы центральное правительство оказалось отрѣзаннымъ отъ мѣстныхъ органовъ. Департаменты и дистрикты были независимы отъ короля и министровъ. Еще бо́льшую самостоятельность прі-

обрѣли муниципалитеты, эмансипировавшіеся, въ свою очередь, отъ департаментовъ. Небольшія коммуны рѣшали свои дѣла такъ же смѣло и свободно, какъ и крупные города. Въ послѣдующей исторіи революціи коммуны вообще играли выдающуюся роль. Въ то время, какъ департаментскія собранія были очагомъ федерализма, коммуны стремились къ объединенію революціонныхъ требованій народа. Въ эпоху конвента коммуна становится не только энергичнымъ сотрудникомъ начинаній революціоннаго правительства, но нерѣдко и ихъ иниціаторомъ. Народныя общества — эти центры революціонно-демократической пропаганды, какъ и революціонные комитеты, были созданы коммуной.

Въ мѣстныхъ учрежденіяхъ народъ проходилъ революціонную школу, здѣсь зрѣли его республиканскія настроенія. И вообще они были превосходнымъ орудіемъ политическаго воспитанія. Участвуя въ нихъ, народъ привыкъ къ самостоятельной политической работѣ, выборной системѣ, и разъ заведенный жизненный механизмъ не останавливался, когда въ силу тѣхъ или другихъ причинъ наступали перерывы въ повседневной дѣятельности революціонныхъ центровъ. Но, если подобная децентрализація способствовала чрезвычайному оживленію дѣятельности мѣстныхъ органовъ, то центральное правительство (исполнит. власть) она обрекла на чисто пассивную роль. Но учредительное собраніе не удовольствовалось и подобной организаціей «административной» или «муниципальной анархіи». Въ законѣ 15 марта 91 года оно приглашаетъ совѣты и директоріи департаментовъ доводить до свѣдѣнія законодательнаго корпуса о тѣхъ приказахъ короля, которые покажутся имъ противорѣчащими законамъ. Далѣе было некуда итти въ смыслѣ выраженія недовѣрія главѣ исполнительной власти. Но подобная система — по вѣрному замѣчанію Жореса — свидѣтельствовала въ то же время о непоколебимой увѣренности въ себѣ революціонной буржуазіи. Тогда она народа не только не боялась, но была убѣждена, что во всѣхъ столкновеніяхъ съ королемъ, народъ будетъ ея союзникомъ и не задумалась, поэтому, всю дѣйствительно правящую власть перенести въ его руки.

Духовенство.

Выдающимся политическимъ актомъ конституанты было «гражданское устройство духовенства» (constitution civile du clergé).

Революція въ основѣ своей была отрицаніемъ феодализма. Поэтому, и первые удары торжествующей буржуазіи пали на

права и привилегіи, связанныя съ сословнымъ строемъ. Возглашеніе естественныхъ правъ должно было сломать сословныя перегородки и ввести въ обиходъ революціоннаго общества новое для него понятіе безсословнаго гражданства. Церковь была крупнѣйшимъ феодаломъ, устоемъ стараго общества. И тогда, когда началась революція, высшее духовенство, въ противоположность сельскому, оставалось вѣрнымъ старому порядку, отрицало новое право, отстаивало свои привилегіи. Неизбѣжно революція должна была вступить въ борьбу съ церковью; инстинктъ самосохраненія подсказалъ ей необходимость ослабленія власти и значенія духовенства. Это было борьбой свѣтскаго демократическаго государства противъ мистическаго аристократизма церкви, борьбой двухъ враждебныхъ, взаимоотрицающихъ міровъ, первоначально шедшей на почвѣ соціально-экономическихъ интересовъ, а позже перешедшей въ борьбу идей, принциповъ, міросозерцаній. И въ этой борьбѣ раскрылось основное противорѣчіе революціи. Вписавъ въ число естественныхъ правъ человѣка право на религіозную свободу, въ своихъ послѣдующихъ законодательныхъ актахъ она пожертвовала этимъ правомъ во имя демократическаго принципа равенства, во имя соображеній высшей государственной необходимости.

Первый ударъ могуществу церкви, особенно высшихъ ея слоевъ, былъ нанесенъ еще въ 89 году отмѣной десятины, вызывавшей нескончаемыя жалобы со стороны крестьянства. За этимъ ударомъ послѣдовалъ второй, болѣе грозный — обращеніе церковныхъ имуществъ въ національную собственность (декреты 12 авг., 2 ноября). Національзація земель духовенства прошла безъ вознагражденія собственниковъ. Съ середины декабря часть конфискованныхъ земель была уже пущена въ продажу. Лишенное ренты духовенство стало получать опредѣленное содержаніе отъ государства.

Такимъ образомъ революціонный законодатель не остановился передъ нарушеніемъ декларацiи тамъ, гдѣ шла рѣчь о благѣ цѣлаго народа. Онъ подсѣкъ въ корнѣ соціально-экономическое могущество духовенства. Онъ рѣшилъ, наконецъ, вторгнуться въ его внутреннюю жизнь, стереть всякія границы между нимъ и прочими гражданами.

«Гражданское устройство духовенства» заключалось въ слѣдующемъ: старыя церковныя границы уничтожались и сливались съ государственными; епархіи и по числу и по границамъ должны

были соотвѣтствовать департаментамъ. Должности епископовъ и приходскихъ священниковъ (прочіе церковные титулы упразднялись) становились выборными, при чемъ избиратели могли и не принадлежать къ католическому вѣроисповѣданію. Вступленіе въ духовную должность обусловливалось принесеніемъ специальной присяги въ вѣрности націи, закону, королю. Духовенство объявлено свободнымъ отъ какой-либо зависимости отъ папскаго престола: епископы болѣе не нуждались въ папскомъ утвержденіи и не должны были приносить присяги въ повиновеніи папѣ. Утверждались они старшими въ порядкѣ духовной епархіи; священники утверждались епископами. Жалобы на отказъ въ утвержденіи въ духовной должности приносились свѣтской власти. Новая реформа — свѣтская, національная и демократическая — подчиняла церковь государству и обращала духовенство въ чиновничество, зависимое отъ свѣтской власти. Реформа духовенства была заключена декретомъ 27 ноября 90 года, требовавшимъ отъ всѣхъ служителей религіи принесенія присяги «гражданскому устройству духовенства». Ослушникамъ декрета первоначально грозило отставленіе отъ должности, позже, въ эпоху обостренія борьбы революціоннаго государства съ защитниками стараго режима, разнообразныя ограниченія личныхъ правъ до изгнанія изъ предѣловъ французской территоріи и ссылки включительно.

Новый декретъ раскололъ все духовенство на: «присяжное» или «конституціонное», пошедшее за революцiей, и «неприсяжное» или «ослушное», отказавшееся отъ принятія новой реформы. Въ борьбу, открывшуюся за этимъ расколомъ, было вовлечено не только духовенство, но и гражданскія власти и широкія народныя массы. Во многихъ мѣстахъ населеніе отказывалось принять присяжныхъ священниковъ и для водворенія ихъ приходилось прибѣгать къ военной силѣ. Конституанта сама оказалась уже совершенно не въ силахъ бороться съ тѣмъ волненіемъ, которое поднялось вокругъ реформы; естественнымъ плодомъ этихъ антагонистическихъ настроеній явилось ожесточеніе, подсказавшее позже якобинскому государству рядъ крупныхъ мѣръ противъ ослушниковъ «народной воли». Легислатива открываетъ уже суровыя преслѣдованія противъ неприсяжныхъ священниковъ. Рядомъ декретовъ (29 ноября 91 года, 27 мая, 26 августа, 17 сентября 92 года) она отдаетъ ихъ судьбу въ руки революціонно настроенныхъ мѣстныхъ властей. Особеннаго напряженія достигло движеніе противъ непри-

сяжнаго духовенства въ іюлѣ 92 года. По докладу мин. вн. дѣлъ — Ролана, представленному въ конвентъ уже въ январѣ 93 года, число однихъ священниковъ, добровольно покинувшихъ предѣлы Франціи, можетъ быть опредѣлено не менѣе, чѣмъ въ 10 — 11 тысячъ человѣкъ. По отношенію къ черному духовенству революція поступила не менѣе радикально. Февральскимъ декретомъ 90 года монашескіе обѣты были навсегда воспрещены; ордена и конгрегаціи, требовавшіе обѣтовъ, распущены, и открытіе таковыхъ вновь запрещено. Революціонный законодатель и здѣсь хотѣлъ провести принципъ равноправія, уравнявъ монаховъ съ остальными гражданами и насаждая революціонное право на мѣсто каноническаго. Законъ 26 августа, открывшій эру преслѣдованій противъ неприсяжнаго духовенства, имѣлъ силу и по отношенію къ монахамъ. Ожесточенное гоненіе на духовенство — и бѣлое и черное — началось въ эпоху конвента. Только брачущееся, вопреки каноническимъ правиламъ, священство могло разсчитывать на снисхожденіе. Христіанское богослуженіе во многихъ мѣстахъ исчезаетъ, церкви и священные предметы подвергаются надругательству, справляются пышные языческіе праздники, священники, вѣрные христіанскому культу, изгоняются. Затѣмъ открывается эра гражданскихъ религій: сперва культъ «Разума», пропагандируемый анархистическими теченіями (эбертисты), потомъ культъ «Высшаго Существа», патронируемый Робеспьеромъ. Оба культа были не столько религіозными догмами, сколько политико-религіозными системами, важными для концентраціи республиканскихъ элементовъ страны. Только съ паденіемъ Робеспьера начинается реакція въ пользу католическаго духовенства.

Демократическая пропаганда.

Протесты противъ цензитарнаго режима начинаютъ раздаваться еще при конституантѣ. Въ апрѣлѣ 90 года Кондорсэ отъ имени парижскихъ коммунъ составляетъ адресъ съ жестокой критикой избирательной системы. Въ іюнѣ того же года Маратъ въ своемъ журналѣ «Другъ народа» печатаетъ горячую филиппику противъ дѣленія гражданъ на активныхъ и пассивныхъ. «Что выиграли мы,—восклицаетъ онъ,—разрушеніемъ аристократіи крови, если мы ее замѣнили аристократіей богатства». И краснорѣчивое воззваніе Марата къ законодателямъ кончается недвусмысленными угрозами по ихъ адресу. Такъ шагъ за шагомъ, сперва на почвѣ недовольства избирательной системой, потомъ на почвѣ смутныхъ

опасеній тайныхъ махинацій короля, его сношеній съ эмиграціей и Австріей, начинаютъ складываться республиканскія убѣжденія. Эти ранніе республиканцы первоначально вербуются исключительно изъ рядовъ буржуазіи, ея лѣвыхъ демократическихъ слоевъ. Крестьянскія массы и городской пролетаріатъ остаются незатронутыми. Но по мѣрѣ того, какъ растетъ недовольство цензитарной системой, дѣлаетъ успѣхи и республиканская идея. Изъ радикальныхъ круговъ буржуазіи она переходитъ въ народъ, пріобрѣтаетъ вождей, находитъ себѣ сторонниковъ среди рабочихъ, особенно безработныхъ, ищетъ различныя формы выраженія. Въ 91 году около Бриссо, Кондорсэ и Ролановъ группируется уже порядочная кучка депутатовъ и журналистовъ республиканскихъ убѣжденій. Разсужденіе Робеспьера въ защиту всеобщаго голосованія въ апрѣлѣ 91 года имѣетъ колоссальный успѣхъ. Политическіе клубы, патріотическія общества съ энтузіазмомъ восхваляютъ и пропагандируютъ краснорѣчивый памфлетъ Робеспьера; онъ дѣлается популярнымъ и въ широкихъ слояхъ населенія. Въ іюнѣ всеобщее вниманіе привлекаетъ петиція 13 народныхъ обществъ, требующая надѣленія всѣхъ правами активныхъ гражданъ. Конечно, въ эту эпоху республиканская пропаганда въ значительной мѣрѣ растворялась еще въ общемъ демократическомъ движеніи, не терявшемъ надежды на обращеніе Людовика XVI въ лойяльнаго конституціоннаго монарха, но достаточно было одного невѣрнаго шага со стороны короля, чтобы дать пищу дальнѣйшему развитію республиканизма.

Республиканцы.

Этимъ фатальнымъ шагомъ, послужившимъ прологомъ будущей драмы, поглотившей монархію, было бѣгство королевской семьи въ Вареннъ. Не слѣдуетъ преувеличивать значенія этого событія непосредственно для той эпохи, которую мы сейчасъ разсматриваемъ. Правда, парижане встрѣчали вернувшагося короля молча, съ покрытыми головами; королеву привѣтствовалъ зловѣщій гулъ. Народныя общества, всѣ, за исключеніемъ якобинцевъ, были настроены враждебно, республиканскіе памфлеты требовали немедленнаго низложенія короля, столица была наводнена афишами и прокламаціями, оскорбительными для чести королевской семьи. Однако монархическія чувства французскаго народа и его буржуазныхъ представителей на этотъ разъ одержали верхъ. Республиканскія ноты, зазвучавшія въ сложномъ хорѣ голосовъ, поднявшемся за извѣстіемъ о бѣгствѣ короля, были заглушены сочувственными кликами оставшихся вѣрными монархическимъ

принципамъ. Законодательное собраніе и якобинцы не только были далеки отъ мысли о возможности немедленнаго водворенія республики, но искусной диверсіей всю вину за происшедшее пытались сложить съ короля на его совѣтниковъ. Выступленія республиканскихъ ораторовъ въ клубѣ якобинцевъ потерпѣли полную неудачу. Наоборотъ, конституціонная монархія и въ эти дни нашла среди якобинцевъ энтузіастическихъ защитниковъ. Этого — мало. Буржуазія, стоявшая у власти, обезпокоенная приливомъ демократическихъ волнъ, рѣшила дать сраженіе демократіи съ ея безпокойными лозунгами: всеобщаго голосованія, референдума, контроля народа надъ законодательнымъ собраніемъ и проч. Инстинктъ самосохраненія продиктовалъ ей рѣшительныя средства. 17 іюля она дала кровавое сраженіе демократіи на Марсовомъ полѣ. Побѣда ея открыла новую эру политической жизни. Демократія и либеральная буржуазія — отнынѣ два враждебныхъ міра. И послѣ кроваваго усмиренія буржуазія не почила на лаврахъ. Ей нужно было довершить побѣду. Противъ демократовъ и республиканцевъ, скомпрометированныхъ въ іюльскомъ движеніи, были открыты преслѣдованія. Избирательный законъ былъ измѣненъ еще болѣе въ пользу буржуазіи, такъ какъ право выбора чиновниковъ и депутатовъ было представлено небольшой группѣ лицъ съ высокимъ имущественнымъ цензомъ [1]. Такова была позиція, занятая буржуазіей въ отвѣтъ на демократическія требованія народа. Война была объявлена; она кладетъ глубокую печать на все послѣдующее политическое творчество революціи.

Буржуазно-монархическая реакція.

Легислатива.

Конституанта разошлась, безсильная справиться съ пожаромъ, охватившимъ Францію. Она обѣщала слишкомъ много, чтобы то немногое, что удалось ей осуществить, могло удовлетворить волнующіяся народныя массы. Она удалилась, начертавъ принципы, но провести ихъ въ жизнь она не сумѣла. Легислативѣ предстояло консолидировать революцію. На долю ей осталось тяжелое наслѣдство.

Страна переживала полное экономическое разстройство. Народъ страдалъ отъ безработицы, отъ дороговизны хлѣба. Нищета по отдѣльнымъ мѣстамъ достигла крайнихъ предѣловъ. Къ этой главной причинѣ недовольства присоединился рядъ другихъ: не-

---

[1] Законъ этотъ былъ отсроченъ до новыхъ выборовъ, т.-е. на 2 года и практическаго примѣненія не получилъ.

удовлетворительность избирательнаго закона, гражданское устройство духовенства, половинчатые декреты конституанты о выкупѣ феодальныхъ правъ и пр. Неизбѣжно легислатива должна была вступить на тотъ же путь, какимъ шла конституанта—путь самозащиты: борьбы съ «народомъ» во имя буржуазныхъ группъ, призвавшихъ ее къ власти. Демократическіе и республиканскіе элементы, попавшіе въ легислативу, первое время ничѣмъ не обнаруживали знаковъ своего существованія. Даже Кондорсэ, одинъ изъ признанныхъ вождей республиканцевъ, повидимому, отказался временно въ легислативѣ пропагандировать республику. Господствующимъ ея теченіемъ остается монархическое. Пропасть между сувереномъ и представителями націи выростаетъ лишь тогда, когда король вздумалъ использовать право, предоставленное конституціей, право суспенсивнаго veto. Франція вела въ это время войну съ Австріей, начало ея было для Франціи крайне неудачнымъ. Военные неуспѣхи заставили собраніе прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ борьбы противъ своихъ политическихъ враговъ. 27 мая оно декретируетъ высылку неприсяжныхъ священниковъ, 8 іюня образуетъ подъ Парижемъ военный лагерь изъ 20 тыс. человѣкъ. Но въ маѣ же собраніе было оглушено извѣстіемъ, что король наложилъ veto на оба декрета. На поднявшееся возмущеніе король реагировалъ роспускомъ популярнаго въ собраніи министерства жирондистовъ. Тогда выступаетъ на сцену парижское населеніе, проходившее день за днемъ революціонную школу на митингахъ, въ клубахъ, жившее въ атмосферѣ, насыщенной политическимъ электричествомъ. 20 іюня парижскій народъ врывается въ дворецъ. Это былъ народный взрывъ, выступленіе пролетаріата безъ непосредственной иниціативы буржуазіи и безъ непосредственнаго участія республиканцевъ. Но событія 20 іюня были роковыми. Оскорбленіе, нанесенное королю, не могло быть забыто ни имъ, ни тѣми, кто такъ или иначе стоялъ за интересы короны. Шумный и оскорбительный характеръ антимонархической демонстраціи временно усилилъ рядъ сочувствующихъ монарху, но лишь временно. Война, борьба съ внутренними политическими врагами, ошибки двора, вытекавшія изъ его двусмысленной политики, все болѣе отдаляли короля отъ собранія и націи. Народъ постоянно волнуется слухами объ измѣнѣ короля. «Объявленіе отечества въ опасности» было врученіемъ собранію диктатуры. Нельзя было болѣе дискредитировать королевскую власть. Это «объявленіе» отпѣвало королевскій тронъ при жизни.

20 іюня.

Съ этого момента катастрофа виситъ въ воздухѣ; вожди іюньскаго движенія готовятъ новый антимонархическій взрывъ и королю предстоитъ погибнуть въ неравной борьбѣ съ революціонно настроеннымъ Парижемъ и поддерживавшимъ его коммунальнымъ движеніемъ. Взрывъ разразился внезапно, круто оборвавъ работу законодательнаго собранія. Сорганизовавшіеся парижскіе федералисты, частью открытые республиканцы (марсельцы), уже въ іюнѣ и августѣ 92 года ведутъ правильную осаду собранія, требуя низложенія короля, если не немедленной отмѣны королевской власти. Въ то время, какъ законодательное собраніе еще торгуется съ королемъ, предостерегая его отъ грозящей ему опасности и совѣтуя устами Гюата «спасти отечество и корону, взявъ хорошихъ министровъ», парижскія секціи являются въ собраніе съ требованіемъ низложенія династіи. Крайнимъ срокомъ онѣ назначаютъ 9 августа. Собраніе не поспѣло съ своимъ отвѣтомъ. 10 августа народъ самъ двинулся въ походъ противъ династіи. Соціально-политическое творчество перешло къ народу. 10 августа было генеральнымъ сраженіемъ революціи со всѣмъ, что такъ или иначе тянуло къ старому порядку, низложеніемъ монархіи, торжествомъ демократіи. Всѣ послѣдующія событія, даже сентябрьскіе дни, были лишь логическимъ ходомъ, неизбѣжно вытекавшимъ изъ этого революціоннаго взрыва. Со взятіемъ Тюльерійскаго дворца пала монархія. Король сталъ плѣнникомъ Парижа. «Мы взяли вторую Бастилію, отнынѣ Франція свободна» — говорили якобинцы. Исполнительная власть была пріостановлена. На личныя бумаги министровъ наложены печати. Народъ приглашался созвать національный конвентъ, которому и предстояло указать средства, могущія утвердить суверенныя права народа, господство свободы и равенства. И легислатива лихорадочно работаетъ, чтобы облегчить роды новаго близящагося порядка. Ей приходится теперь серьезно считаться съ парижской коммуной, стремившейся урегулировать власть надъ всей страной.

10 августа.

Его результаты.

Центральнымъ правительственнымъ органомъ сталъ временный исполнительный совѣтъ — изъ 6 министровъ, избираемыхъ не изъ среды законодательнаго собранія. Вдохновителемъ «совѣта» сперва былъ Дантонъ, избраніе котораго было торжествомъ демократической партіи; послѣ его ухода въ октябрѣ 92 года руководящая роль перешла къ Ролану, проводившему жирондистскія идеи. Исполнительный совѣтъ функціонировалъ съ 13 августа 92 года по 19 апрѣля 94 года, когда онъ былъ замѣщенъ 12-ю исполни-

тельными комиссіями. Рядомъ съ исполнительнымъ совѣтомъ выдающееся значеніе пріобрѣтаетъ другой органъ, вышедшій изъ возстанія 10 августа — революціонная коммуна. Популярная въ широкихъ слояхъ населенія, она чувствовала въ себѣ достаточно силы, чтобы дѣйствовать совершенно самостоятельно, не считаясь въ отдѣльныхъ случаяхъ не только съ легислативой, но и съ исполнительнымъ совѣтомъ. Наиболѣе крупнымъ политическимъ завоеваніемъ 10 августа было уничтоженіе дѣленія гражданъ на активныхъ и пассивныхъ; возрастная норма для пользованія политическими правами была понижена съ 25 лѣтъ до 21 лѣт. возраста; такимъ образомъ демократія завоевала, хотя и двухстепенное, всеобщее голосованіе. Муниципалитеты были облечены функціями помощи общественной безопасности. Этотъ законъ, отдававшій личную свободу гражданъ на усмотрѣніе администраціи и коммуны, былъ актомъ, предоставившимъ революціи возможность наносить безпощадные удары своимъ врагамъ. Власть становилась деспотической для «спасенія отечества». Одна чрезвычайная мѣра принимается за другой. Правительство обращается въ одушевленную, страстную партію, защищающую свое дѣло, свои политическіе идеалы, не останавливающуюся ни передъ какими препятствіями, не брезгующую никакими средствами. Спасеніе страны отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ становится лозунгомъ его; для него оно воздвигаетъ многочисленныя гекатомбы, для него не щадитъ оно жертвъ. Увлеченные идеей спасенія отечества, фанатически настроенные члены законодательнаго собранія живутъ великой исторической минутой, отдавая ей всѣ свои помыслы, мечтая о новой счастливой эпохѣ, которую они откроютъ слабому или заблуждающемуся человѣчеству, не боясь никакой отвѣтственности и творя, разрушая. Никакія жертвы имъ — въ одно время любящимъ и ненавидящимъ — не страшны. Таковы были Маратъ, Дантонъ, С.-Жюстъ, отчасти Робеспьеръ. И сентябрьскія убійства — лишь кровавая иллюстрація къ этой фанатической творческой психикѣ. Легислативѣ пришлось активно выступить въ ту пору, когда революціонный пожаръ разгорѣлся уже яркимъ пламенемъ, когда становилось ясно всѣмъ, что открывается послѣдняя рѣшительная борьба между новымъ и старымъ, борьба, въ которой та и другая сторона будутъ равно безпощадны. Къ этому времени сформировались партіи и клубы съ опредѣленной политической программой, громаднымъ агитаціоннымъ аппаратомъ, дѣйствовавшимъ на всю страну, какъ у

Торжество демократіи. (на полях)

Безсиліе Легислативы. (на полях)

якобинцевъ. Легислатива была несвободна. Ею руководили трибуны. Ея законодательныя мѣропріятія не были спокойной органической работой, они были оружіемъ противъ враговъ. Постоянно находилась она въ положеніи самообороны. И въ этихъ условіяхъ отсутствіе гарантій личной свободы было въ ея рукахъ самымъ надежнымъ оружіемъ.

———

Конвентъ.

21 сентября 92 года собрался конвентъ. Государственный порядокъ Франціи представлялъ хаосъ. Старой конституціи болѣе не существовало, исполнительная и судебныя власти были дезорганизованы, всѣ функціи государственной власти были сконцентрированы въ одномъ конвентѣ, который юридически получилъ право безконтрольнаго распоряженія судьбами цѣлаго народа. Между тѣмъ конвентъ, менѣе чѣмъ какое-либо другое революціонное собраніе, являлъ собой компактную массу, имѣвшую опредѣленную политическую программу, одушевленную одними и тѣми же идеалами. Единственно, что объединяло болѣе или менѣе все собраніе, это — искренно-республиканское настроеніе его членовъ. Парижскіе выборы въ конвентъ были, напримѣръ, полнымъ торжествомъ республиканской партіи. Но уже съ первыхъ засѣданій въ конвентѣ борются два враждебныхъ теченія: одно, полагающее, что революціонный кризисъ прошелъ, что наступила пора мирной консолидаціи завоеваній послѣднихъ дней, другое, убѣжденное въ обратномъ: что революція еще не кончена и мирная органическая работа — невозможна, прежде чѣмъ не будутъ вырваны съ корнемъ старыя учрежденія, а люди не будутъ перевоспитаны, согласно республиканскимъ идеаламъ. Революціонные слои Парижа, его пролетаріатъ, секціи, коммуна стояли открыто на сторонѣ монтаньяровъ, видя въ ихъ политическихъ противникахъ враговъ своихъ и враговъ свободы.

———

Республика.

21 сентября 92 года, въ силу единогласнаго рѣшенія конвента, королевская власть перестала существовать во Франціи. Декретъ о ея отмѣнѣ былъ встрѣченъ страной съ неописуемымъ энтузіазмомъ. Черезъ три дня Франція была объявлена «единой и недѣлимой республикой», и организація республики стала первой и главной задачей новаго правительства. Этой задачѣ и была посвящена первая эпоха существованія конвента (до 9 термидора).

Комитетъ для выработки проекта конституціи, избранный 11 октября 92 года, состоялъ, по преимуществу, изъ жиронди-

стовъ, почему якобинцы образовали также свой «вспомогательный комитетъ». Оба комитета работаютъ очень медленно. Только 15 февраля 93 года Кондорсэ внесъ въ собраніе проектъ «новаго соціальнаго договора» (nouveau pacte social). Задачу новой конституціи комитетъ видѣлъ въ «подчиненіи индивидуальныхъ воль общей волѣ» и «утвержденіи естественной свободы».

Жирондистская конституція.

Конституціи предшествовала декларація изъ 33 параграфовъ. По общему духу жирондистская декларація очень близка деклараціи 89 г. Это—тоже открытое исповѣданіе либеральнаго принципа съ нѣкоторыми поправками въ демократическомъ духѣ. Такъ, нѣкоторыя формы личной свободы (св. совѣсти, св. печати) нашли въ новой деклараціи болѣе категорическое выраженіе. Оставляя, подобно предшествующей буржуазной деклараціи, «неприкосновеннымъ» право частной собственности, жирондистскій проектъ включилъ въ свой текстъ обязательное обученіе, признавъ его основнымъ правомъ личности. Общественная помощь признана священнымъ долгомъ общества. Наконецъ въ ст. 31—32 впервые устанавливается право на сопротивленіе, о которомъ декларація конституанты упоминала лишь вскользь. И если бъ конституціи удалось создать дѣйствительныя гарантіи для защиты этого права, то нарушенія личной свободы стали бы если не невозможными, то крайне рѣдкими. Но ни жирондистской конституціи, ни конституціи 93 года не удалось осуществить этой задачи.

Новая республиканская конституція не допускала исключеній въ пользованіи политическими правами. Французскимъ гражданиномъ, а слѣдовательно, и избирателемъ могъ быть всякій, достигшій 21 года, внесенный въ гражданскіе списки первичнаго собранія, прожившій безъ перерыва въ теченіе года на французской территоріи и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на той части ея, гдѣ онъ желаетъ воспользоваться своимъ избирательнымъ правомъ. Конституція принимаетъ однопалатную систему. Законодательная власть принадлежитъ собранію, переизбираемому ежегодно. Члены законодательнаго корпуса избираются по департаментамъ въ первичныхъ собраніяхъ въ расчетѣ 1 депутата на 50 тысячъ душъ населенія. Исполнительная власть сосредоточена въ исполнительномъ совѣтѣ, отвѣтственномъ передъ законодательнымъ корпусомъ и состоящемъ изъ 7 министровъ и секретаря. Члены исполнительнаго совѣта избираются въ первичныхъ собраніяхъ; на основаніи этихъ выборовъ департаментская администрація составляетъ списки кандидатовъ — по 13 на каждый министерскій постъ. И уже по

этимъ листамъ происходятъ окончательные выборы министровъ въ первичныхъ собраніяхъ.

Мѣстное управленіе. Въ мѣстномъ управленіи произошли слѣдующія перемѣны. Число департаментовъ осталось тѣмъ же. Во главѣ департаментовъ проектировались административные совѣты изъ 18 членовъ; ихъ исполнительными органами должны были стать директоріи (4 члена). При департаментскомъ управленіи долженъ былъ состоять избираемый исполнительнымъ совѣтомъ національный комиссаръ, на обязанности котораго лежало наблюденіе за точнымъ исполненіемъ законовъ и непосредственныя сношенія съ исполнительнымъ совѣтомъ. Дистрикты подлежали упраздненію. Департаменты дѣлились на коммуны, во главѣ которыхъ должно было стоять управленіе изъ 12 членовъ и мэра, подчиненное департаментской администраціи. Коммуны дѣлились на секціи и первичныя собранія. Собраніе гражданъ, управляющихъ секціями, съ муниципальной администраціей образуютъ общій совѣтъ коммуны.

Выдающимся пунктомъ жирондистскаго проекта въ демократическомъ смыслѣ была попытка организаціи референдума. 50 подписей гражданъ достаточно, чтобы созвать первичное собраніе для возбужденія вопроса о необходимости новаго закона или пересмотрѣ стараго. Если собраніе присоединится къ предложенію гражданъ, созываются всѣ остальныя первичныя собранія этой коммуны. Если и это собраніе присоединится къ первоначальному предложенію, созываются собранія всего департамента. Принятое въ такомъ собраніи предложеніе направляется уже прямо для обсужденія въ законодательный корпусъ. Если послѣдній отвергнетъ предложеніе, а оно, между тѣмъ, будетъ поддержано другимъ департаментомъ, законодательный корпусъ долженъ созвать немедленно всѣ первичныя собранія республики для разрѣшенія конфликта и, если они выскажутся въ большинствѣ противъ рѣшенія законодательнаго корпуса, послѣдній долженъ быть переизбранъ, а члены его, вотировавшіе послѣднее рѣшеніе, не могутъ быть избираемы въ ближайшую легислатуру.

Жирондистскій проектъ весьма заботливо отнесся также къ вопросу о пересмотрѣ конституціи. Для этой цѣли каждый разъ, когда пересмотра конституціи требуетъ большинство гражданъ республики, законодательнымъ корпусомъ созывается конвентъ. Пересмотръ конституціи обязателенъ черезъ каждыя 20 лѣтъ. Въ конвентѣ засѣдаютъ департаментскіе депутаты (по 2 отъ каждаго),

избираемые тѣмъ же путемъ, что и члены легислатуры. Сессія конвента не можетъ превысить годичнаго срока.

Непосредственное народовластіе. Жирондистская конституція, по мысли ея творца Кондорсэ, должна была быть воплощеніемъ идеаловъ Руссо. Въ этомъ была и сила и слабость его проекта. Если, съ одной стороны, новая конституція, какъ первая попытка организаціи непосредственной демократіи, могла разсчитывать на широкій успѣхъ въ народныхъ массахъ, то, съ другой стороны, она должна была натолкнуться на жестокую критику якобинцевъ, боявшихся непосредственнаго обращенія къ народу, остававшемуся еще во многихъ мѣстахъ вѣрнымъ монархическимъ принципамъ. Новая конституція организуетъ колоссальную и свободоубійственную власть, — говорили у якобинцевъ. Демократическая печать отнеслась къ ней враждебно. Нельзя упускать изъ виду и тѣхъ практическихъ трудностей, которыя должны были возникнуть при замѣнѣ представительнаго начала непосредственнымъ народовластіемъ. По волѣ 50 гражданъ огромный, тяжелый, дорого стоющій государственный механизмъ могъ прійти въ движеніе, тысячи гражданъ отрывались отъ своихъ занятій, чтобы «законодательствовать» и вести систематическую борьбу противъ законодательнаго корпуса, если бы онъ отказался исполнить волю департамента.

При политической невоспитанности тогдашнихъ народныхъ массъ, при широко развитомъ абсентеизмѣ тогдашнихъ избирателей, при необходимости, наконецъ, съ точки зрѣнія лѣваго демократическаго крыла, напряженнѣйшей концентраціи силъ для борьбы съ внѣшними и внутренними врагами, федералистскій проектъ Кондорсэ успѣха имѣть не могъ. Да и положеніе самой жиронды въ это время было уже безнадежнымъ. Жиронда давно тяготилась тѣмъ градомъ исключительныхъ мѣръ, которыя были «политикой момента», «реальной политикой», монтаньяровъ. Съ своимъ тяготѣніемъ къ конституціоннымъ гарантіямъ, къ мирной органической работѣ, она устаетъ отъ постояннаго революціоннаго напряженія.

Гибель жирондистовъ. И монтаньяры, прекрасно угадывавшіе настроенія Жиронды, громили ее въ «клубахъ» и передъ народомъ, обвиняли въ стремленіи къ возстановленію монархіи и т. д. Жиронда съ каждымъ днемъ утрачивала все болѣе свое руководящее значеніе. Въ апрѣлѣ 93 года народъ требуетъ уже суда надъ жирондистами. Революціонные взрывы парижской коммуны 31 мая и 2 іюня унесли жиронду и ея конституціонные проекты. Политическая роль ея кончилась. Правда, многочисленные депутаты встали

на ея защиту, въ рядѣ городовъ начались федералистскія или жирондистскія возстанія, вначалѣ имѣвшія успѣхъ. Но конвентъ, поддерживаемый хорошо сплоченными организаціями коммунъ и якобинцевъ, раздавилъ движеніе. Были двинуты свѣжія силы; въ наиболѣе опасныя мѣста были отправлены комиссары съ неограниченными полномочіями, и всѣ попытки на сопротивленіе были сломлены.

Однако теперь и монтаньяры считали необходимымъ имѣть свою конституцію и комитетъ общественнаго спасенія. Устраиваетъ настоящій tour de force, поручая Геро де-Сешеллю составить ее въ возможно короткій срокъ единолично. Черезъ недѣлю проектъ удостоился одобренія комитета, 11 іюня былъ внесенъ въ конвентъ, а 24 іюня Франція имѣла новую конституцію — «конституцію 93 года».

Конституція 1793 г.

Новой конституціи, подобно первымъ двумъ, предшествуетъ декларація правъ человѣка и гражданина. Если сравнивать эту декларацію статью за статьей съ жирондистской, легко убѣдиться, что, по существу, между ними нѣтъ большой разницы. Для обѣихъ прототипомъ служила декларація конституанты. Всѣ три деклараціи считаютъ задачей «политической ассоціаціи», «общества людей» — защиту естественныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка. Онѣ одинаково перечисляютъ эти естественныя права, предлагаютъ однородныя средства для ихъ защиты. «Демократичность» монтаньярской деклараціи сказалась лишь въ томъ, что въ первую свою статью она включила основной принципъ якобинской соціальной философіи: «Цѣль всякаго общенія есть достиженіе общаго блага» и подчеркнула вопросъ о «сопротивленіи насилію». Въ ст. 10, 11, 33 — 35 нашли себѣ мѣсто не только обстоятельное опредѣленіе «произвольнаго» или «тиранническаго» приказа и «насилія», но указано, что возстаніе можетъ быть правомъ и даже обязанностью. Здѣсь имѣются, такимъ образомъ, всѣ формы сопротивленія насилію: пассивное, оборонительное и наступательное.

Конституція 93 года была боевымъ средствомъ въ рукахъ монтаньярскаго конвента; ея задачей было — спаять разрозненные поднявшіеся департаменты. Въ своей основѣ она не отличается отъ жирондистскаго проекта и не превосходитъ его демократизмомъ, но она проще, цѣльнѣе и практичнѣе. Въ основу политической жизни конституція 93 года кладетъ всеобщую подачу голосовъ, обусловливая избирательное право рожденіемъ и про-

живаніемъ во Франціи и достиженіемъ 21 года. Двустепенные выборы, установленные послѣ 10 августа, отмѣняются; депутаты законодательнаго собранія избираются въ первичныхъ собраніяхъ кантоновъ прямымъ голосованіемъ. Первичныя собранія образуются изъ гражданъ, проживающихъ не менѣе 6 мѣсяцевъ въ опредѣленномъ кантонѣ (число участниковъ собранія установлено между 200 и 600). Чиновники мѣстной администраціи и магистратуры избираются по двухстепенной системѣ. Члены законодательнаго корпуса избираются на годъ. Законъ, принятый законодательнымъ корпусомъ, передается на разсмотрѣніе народа и только въ томъ случаѣ дѣлается закономъ, если въ теченіе 40 дней его не опротестуетъ десятая часть первичныхъ собраній въ половинѣ общаго числа департаментовъ и еще одно. Въ противномъ случаѣ корпусъ созываетъ первичныя собранія [1]. Такимъ образомъ, законодательная иниціатива новой конституціей поручена представительству, народъ же получалъ своеобразное veto. Эта система представляетъ, несомнѣнно, бо́льшія практическія удобства, чѣмъ система референдумовъ жирондистскаго проекта. Исполнительная власть сосредоточена въ исполнительномъ совѣтѣ изъ 24 членовъ. Послѣдніе избираются законодательнымъ корпусомъ изъ кандидатовъ, представленныхъ департаментскими собраніями. Половина членовъ исполнительнаго совѣта выбываетъ къ концу легислатуры. Исполнительному совѣту принадлежитъ право назначенія, смѣщенія и судебнаго преслѣдованія начальствующихъ лицъ администраціи, но число и функціи послѣднихъ опредѣляются законодательнымъ корпусомъ. Въ основу организаціи судебной власти попрежнему положено выборное начало, но самая система была значительно упрощена. Та же система, что для утвержденія закона, была принята и для пересмотра конституціи; для этого было необходимо требованіе десятой части первичныхъ собраній въ половинѣ общаго числа департаментовъ, увеличенныхъ еще однимъ. Созванныя первичныя собранія должны были рѣшать вопросъ объ основаніяхъ къ созыву конвента. Конвентъ формировался тѣмъ же способомъ, что и легислатуры.

Конституція 93 года, созданная спѣшно, въ нѣсколько дней, разумѣется, не могла и думать о детальной разработкѣ принциповъ политическаго устройства; ея задачей было набросать общіе

---

[1] Въ отличіе отъ законовъ декреты законод. собранія, какъ и въ жирондистскомъ проектѣ (компетенція тѣхъ и другихъ точно опредѣляется конституціей), получаютъ силу безъ народнаго контроля.

принципы — «profession de foi» новаго очищеннаго отъ жиронды правительства. Въ этомъ смыслѣ, какъ мы уже сказали выше, бо́льшая демократичность новой конституціи сравнительно съ жирондистскимъ проектомъ является сомнительной. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ послѣдній гораздо демократичнѣе монтаньярской конституціи. Такъ, въ жирондистскомъ проектѣ избраніе членовъ исполнительнаго совѣта, въ послѣднемъ счетѣ, находилось въ рукахъ первичныхъ собраній, у монтаньяровъ—въ рукахъ законодательнаго собранія. Двустепенные выборы, уничтоженные жирондистами, вновь фигурируютъ въ монтаньярской конституціи для избранія мѣстной администраціи и магистратуры. Еще бо́льшее недовѣріе къ народу проявили монтаньяры въ вопросѣ о референдумѣ. Жирондисты довольствовались протестомъ 1-го или 2-хъ департаментовъ для пересмотра закона, монтаньяры требуютъ первичныхъ собраній болѣе чѣмъ половины департаментовъ. Но жиронда была на подозрѣніи у народа; вотъ почему и ихъ проектъ, независимо отъ содержанія, былъ заранѣе обреченъ на непопулярность; наоборотъ, монтаньярская конституція, можетъ-быть, незаслуженно сдѣлалась въ глазахъ народа «евангеліемъ демократіи». Она осталась неоконченной и потому совершенно неприложимой. Это былъ чисто теоретическій документъ, который, по мысли его творцовъ, долженъ былъ благопріятно настроить общественное мнѣніе по отношенію къ правительству. Дальнѣйшія событія помѣшали усовершенствовать конституцію. 10 октября правительство было объявлено революціоннымъ, и дѣйствіе общихъ законовъ, слѣдовательно, и конституціи было пріостановлено. Новый конвентъ естественно отказался отъ наслѣдія монтаньяровъ (послѣ 9 термидора), и конституція 93 года осталась, такимъ образомъ, лишь идеологическимъ памятникомъ эпохи.

———

Революціонное правительство.

Какъ указываетъ Оларъ, терминъ «революціонное правительство» возникаетъ лишь съ изданіемъ декрета 10 октября 93 года, но фактически то положеніе, которое обычно называется этимъ именемъ, складывается раньше. «Революціоннымъ правительствомъ» называютъ систему, утвердившуюся съ 10 августа 92 года и просуществовавшую до самаго конца конвента,—т.-е. 26 октября 95 г. За этотъ долгій періодъ времени, свыше 3 лѣтъ, страна, въ сущности, не имѣетъ дѣйствующей конституціи, а приспособляетъ чисто опытнымъ путемъ къ исковерканной конституціи 91 года временныя учрежденія и временныя положенія. Система исчезаетъ

постепенно, безъ послѣдовательности и плана, такъ же, какъ она и пришла

Первымъ органомъ революціоннаго правительства хронологически былъ временный исполнительный совѣтъ, созданный легиславтивой одновременно съ низложеніемъ королевской власти 10 августа 92 года. Фактически онъ скоро утрачиваетъ всякое значеніе; 1 апрѣля 94 года онъ замѣщается 12 исполнительными комиссіями, подчиненными Комитету Общественнаго Спасенія и обязанными послѣднему ежедневной отчетностью.

Вторымъ хронологически, но главнымъ по значенію, органомъ революціоннаго правительства былъ самъ конвентъ. Если фактически въ эпоху террора главенствующая политическая роль и принадлежитъ К. О. С., то не надо забывать, что 1) самый комитетъ былъ созданіемъ конвента, и 2) что самыя крутыя террористическія мѣры, которыя принималъ комитетъ, могли сложиться только въ исполненіе террористическаго законодательства, созданнаго конвентомъ.

Слѣдующими органами революціоннаго правительства были его комитеты: ком. общ. безопасности (Com. de sûreté générale), ком. общ. обороны (Com de défense dén.) и ком. общ. спасенія (Com de salutpublic).

К. О. Б. былъ облеченъ чрезвычайными полномочіями. Онъ вѣдалъ всѣ дѣла о «подозрительныхъ» и о нарушеніи общественной тишины и спокойствія. Въ его рукахъ, слѣдовательно, была вся полиція. Въ началѣ въ этомъ комитетѣ бóльшимъ вліяніемъ пользовались жирондисты, но съ января 93 года имъ овладѣли монтаньяры, которые съ тѣхъ поръ и оставались прочными хозяевами положенія.

К. О. О. былъ созданъ съ спеціальной цѣлью усилить слишкомъ слабый исполнительный совѣтъ. Однако организація комитета была неудачей. Засѣданія его не были тайными. На нихъ присутствовало всегда множество народа, такъ какъ всѣ члены конвента имѣли на нихъ право совѣщательнаго голоса. Засѣданія комитета стали ареной борьбы жирондистовъ и монтаньяровъ. Отсюда его полное практическое безсиліе. Послѣ долгихъ и страстныхъ преній 6 апрѣля 93 года конвентъ преобразовалъ его въ К. О. С.

К. О. С. Декретъ 10 октября 93 года перенесъ всю реальную власть въ руки К. О. С. Послѣдующіе законы еще болѣе ее усилили, давъ комитету безконтрольное право назначенія и смѣщенія

должностныхъ лицъ. За исключеніемъ полиціи, бывшей въ вѣдѣніи К. О. Б., все теперь находилось въ его рукахъ. Комитетъ сталъ истиннымъ диктаторомъ и главной пружиной революціоннаго правительства. Ему принадлежало высшее направленіе всей политики государства. Онъ сносится съ иностранными державами, разсылаетъ комиссаровъ, слѣдитъ за дѣятельностью «народныхъ обществъ» и «революціонныхъ комитетовъ», ревизуетъ тюрьмы, осуществляетъ высшій надзоръ. Онъ — неограниченный владыка во всемъ, что касается разнообразныхъ формъ и гарантій личной свободы гражданъ. Въ его рукахъ — ихъ имущество, свобода, самая жизнь.

Наконецъ, активнѣйшими органами революціоннаго правительства были: комиссары и національные агенты, народныя общества и революціонные комитеты.

Комиссары не были оригинальнымъ изобрѣтеніемъ конвента. **Комиссары.** Они были извѣстны и конституантѣ и легислативѣ. Но впервые конвентъ, находясь въ исключительныхъ обстоятельствахъ, превратилъ комиссаровъ въ болѣе или менѣе постоянное учрежденіе. Число комиссаровъ, получавшихъ командировки отъ конвента, было значительно и доходило иногда до половины всѣхъ членовъ конвента. Миссіи ихъ были чрезвычайно разнообразны. Они посылаются — «возстановить общественный порядокъ и спокойствіе», «организовать революціонныя или военныя комиссіи для суда надъ эмигрантами, контръ-революціонерами и пр.», «установить надзоръ за мѣстной администраціей», «произвести реквизиціи» и пр. и пр. Для болѣе успѣшнаго осуществленія намѣченныхъ имъ задачъ конвентъ вручаетъ имъ громадную, иногда неограниченную власть, подтверждая это рядомъ законовъ, напоминая въ спеціальныхъ инструкціяхъ. Контроль за ихъ дѣятельностью былъ фикціей. Комиссары должны были довольствоваться инструкціями самаго общаго характера. Все остальное ставилось въ зависимость отъ личнаго усмотрѣнія комиссара. Общая оцѣнка ихъ дѣятельности представляетъ величайшія трудности. Разнообразіе поставленныхъ имъ цѣлей, глубокія мѣстныя различія, смѣны настроеній въ правящихъ сферахъ, отсутствіе твердыхъ опредѣленныхъ полномочій — все это, разумѣется, не могло не обусловить крайняго разнообразія и ихъ мѣропріятій. Если, съ одной стороны, ихъ необыкновенная энергія, высокая преданность революціи и республикѣ вызываютъ чувство невольнаго восхищенія у всякаго, погружающагося въ ихъ единственную въ своемъ родѣ переписку

съ конвентомъ и комитетомъ, то эксцессы жестокости и сознательное игнорированіе гарантій личной свободы вызываютъ противоположныя чувства. Въ общемъ, комиссары выполнили гигантскую работу. Забывая о личной жизни, день и ночь они отдавали на служеніе слагавшейся республикѣ. Только ихъ напряженной работой была спасена Франція отъ внѣшняго разгрома. Ихъ дѣятельность остается памятникомъ необычайной энергіи, фанатической преданности республикѣ и конвенту, неограниченной рѣшимости.

Народныя общества. Народныя общества (sociétés populaires ou jacobines) съ самаго начала привлекаютъ къ себѣ вниманіе правительства, какъ естественные центры революціонно-демократической пропаганды. Первоначальной ихъ задачей было распространеніе народнаго образованія, но съ установленіемъ революціоннаго правительства они начинаютъ преслѣдовать, главнымъ образомъ, политическія и административныя цѣли. Въ противоположность демократическимъ собраніямъ, общества эти были настроены по отношенію къ жирондизму очень враждебно. Они быстро выростаютъ въ самостоятельную силу, нерѣдко не считающуюся съ планами центральнаго правительства. Однако и К. О. С. признавалъ ихъ главными носителями революціонной идеи.

Революціонные комитеты. Революціонные комитеты (comités révolutionnaires, ou de surveillance, dits de salut public) были созданы въ мартѣ 93 г. Ихъ функціи первоначально сводились исключительно къ надзору за иностранцами. Но, по мѣрѣ того, какъ событія принимаютъ болѣе грозный характеръ, комитеты узурпируютъ себѣ бо́льшую власть. Нѣкоторые изъ нихъ самостоятельно переформировываются въ К. О. С. и усваиваютъ себѣ почти диктаторскую власть. Въ революціонномъ движеніи 31 мая — 2 іюня комитеты играютъ уже выдающуюся роль, провоцируя народныя массы противъ жирондистовъ. Законъ 17 сентября облекъ ихъ огромными полномочіями. Согласно ст. 3-ей, они не только составляли списки «подозрительныхъ», но получили также право давать противъ нихъ предписанія объ арестѣ и накладывать печати на ихъ бумаги. Предписанія ихъ должны быть немедленно приводимы въ исполненіе мѣстными органами власти. Естественно, что на этой почвѣ комитеты нерѣдко совершали вопіющія злоупотребленія. Но они страдали не только излишествомъ революціоннаго усердія; служеніемъ республиканскимъ интересамъ въ нихъ нерѣдко прикрывались личные счеты, взяточничество и пр. Попытки организаціи контроля

за дѣятельностью комитетовъ оказались неудачными. За все время во Франціи дѣйствовали 21,500 ком., по закону ихъ должно было быть до 45,000. Они закрыты повсемѣстно декретомъ 1-го вентора.

Таковы были органы революціоннаго правительства. Попытка спаять ихъ въ одно цѣлое была сдѣлана декретомъ 14 фримера 2 года, который, по толкованію К. О. С., имѣлъ въ виду обратить всѣ власти въ «революціонныя арміи». «Вы — пишетъ онъ революціоннымъ комитетамъ — руки политическаго тѣла; голова его — конвентъ, мы — его глаза».

Терроръ.

Революціонное правительство обычно отождествляютъ съ терроромъ, но, если послѣднимъ не называть исключительно отрицанія принциповъ 89 года, то эру террористической дѣятельности правительства слѣдуетъ считать съ августа и сентября 93 года, совпавшихъ съ моментами наибольшей внѣшней опасности для Франціи и съ общими толками о грядущемъ впереди голодѣ. Какъ принципъ, терроръ былъ возглашенъ 5 сентября 93 года; съ этого момента начинается его неограниченное господство вплоть до термидоріанской реакціи.

Терроръ былъ состояніемъ самообороны; онъ былъ въ то же время кульминаціонной точкой въ разрушительномъ творчествѣ революціонной эпохи. «Революціонное правительство» не было чѣмъ-либо самодовлѣющимъ; оно видѣло въ себѣ лишь органъ революціоннаго народа и не понимало колебаній въ выборѣ средствъ для уничтоженія его враговъ. Мягкость казалось неумѣстной тамъ, гдѣ рѣчь шла о существованіи цѣлаго народа, о неприкосновенности народнаго суверенитета — республики. Передъ спасеніемъ «народа» должны были отступить на задній планъ интересы личности. Идея «общаго блага», легко рождающаяся въ годины революціонныхъ бурь, легко совмѣщающая самые чистые идеалистическіе порывы съ разнузданнѣйшимъ человѣконенавистничествомъ, была господствующей, дѣйствительно суверенной идеей эпохи. Эта идея прощала всѣ средства, прощала инквизицію, оправдывала смерть для воскресенья. Но нельзя не признать, что принципы якобинизма были самымъ яркимъ отрицаніемъ индивидуалистическихъ идей, нашедшихъ себѣ мѣсто въ декларацiи 89 года. Они нанесли непоправимый ударъ «естественнымъ» правамъ человѣка, такъ и тѣхъ, надъ кѣмъ она стояла. Народъ, не узнавъ свободы, привыкъ къ диктатурѣ. Сражаясь противъ абсолютизма, терроръ былъ лучшей его школой.

———

Паденіе Робеспьера. Успѣхи на театрѣ войны дискредитировали терроръ, дискредитировали Робеспьера—наиболѣе популярнаго въ общественномъ мнѣніи вдохновителя революціоннаго правительства — и подготовили 9 термидора. Съ энтузіазмомъ привѣтствуетъ страна паденіе «тирана», «диктатора» и «его» режима. Новому правительству—этому чудовищному, по выраженію Кинэ, компромиссу между жертвами, прославившими своихъ палачей и палачами, смѣнившими своихъ жертвъ — какъ-будто улыбалось будущее. Оно родилось изъ внѣшнихъ успѣховъ, его встрѣтило народное благоволеніе. И оно съ постыдной и жалкой торопливостью спѣшило отрясти прахъ отъ прошлаго. Начинается реакція — мрачная, жестокая, мелочная и безпощадная въ своей мстительности, реакція, не имѣющая идеи, лозунговъ, людей, обезглавившая Францію, подготовившая военный деспотизмъ Наполеона.

На первыхъ порахъ термидоріанская реакція поддерживаетъ систему революціоннаго правительства, частью въ виду продолжавшихся внѣшнихъ осложненій, частью потому, что она давала удобное оружіе противъ политическихъ враговъ. Теперь терроръ, по имени вычеркнутый изъ правительственныхъ актовъ, служитъ для борьбы съ демократической оппозиціей во имя реставраціи прежнихъ политическихъ привилегій буржуазіи. Тѣмъ не менѣе въ организаціи центральнаго управленія былъ произведенъ рядъ измѣненій. **Термидоріанская реакція.** Исполнительная власть, по декрету 7 фруктидора, изъ рукъ К. О. С. и К. О. Б. (послѣдній вѣдалъ полицію) перешла въ руки 13 комитетовъ (всего ихъ было установлено 16), которымъ исполнительныя комиссіи, замѣстившія временный исполнительный совѣтъ, обязаны были отчетностью — каждому въ его части. Постановленія комитетовъ должны были немедленно быть приводимы въ исполненіе; они имѣли право смѣщенія чиновниковъ съ должностей. К. О. С. лишился своего первоначальнаго значенія. Функціи мин. вн. дѣлъ отошли отъ него и были переданы законодательному комитету, пріобрѣтшему, съ полученіемъ права назначенія всѣхъ должностныхъ лицъ, главное значеніе въ ряду органовъ термидоріанскаго правительства. За К. О. С. остались функціи военнаго министерства и мин. иностранныхъ дѣлъ съ 10 милл. ливровъ секретнаго фонда. Практическія неудобства такой децентрализаціи вскорѣ дали себя почувствовать, и декторомъ 21 флореаля термидоріанское правительство попыталось вернуть К. О. С. его прежнее значеніе. Это не увѣнчалось успѣхомъ. Наоборотъ, чрезвычайно поднялось при новомъ порядкѣ вещей значеніе К. О. Б.

Онъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю полицію республики и, въ частности, парижскую. Наиболѣе дѣятельными правительственными органами оказались исполнительныя комиссіи, члены которыхъ постепенно пріучались играть роль какъ бы министровъ и которыя получили сильное преимущество передъ комитетами, благодаря постоянству своего состава. Въ мѣстномъ управленіи послѣ декрета 14 фримера не произошло значительныхъ перемѣнъ. Департаментскія собранія, скомпрометировавшія себя сочувствіемъ къ федерализму и жирондѣ, фактически были сведены на нуль. Активнымъ органомъ на мѣстахъ оставалась коммуна, дистрикты служили лишь передаточной инстанціей. Послѣ заключенія мира съ Пруссіей и Испаніей департаментской администраціи, благодаря вернувшимся въ конвентъ жирондистамъ, была возвращена ея прежняя роль. Но и другіе мѣстные органы, выполнявшіе за время ея бездѣйствія ея функціи, стремились отстоять свои полномочія, и это двусмысленное положеніе длилось вплоть до принятія новой конституціи. Измѣненія коснулись и другихъ органовъ революціоннаго правительства. Наиболѣе устойчивымъ оказался институтъ комиссаровъ, которыми продолжало пользоваться и новое правительство. Но все же дѣятельность ихъ теперь протекала въ значительно болѣе узкихъ рамкахъ и подъ непосредственнымъ контролемъ конвента. «Народныя общества» были сметены термидоріанской реакціей. Противъ защитниковъ «патріотическихъ обществъ»—якобинцевъ, скоро создается сильное общественное движеніе. Изъ залы конвента оно перекочевываетъ на улицу. Якобинцы становятся предметомъ систематическихъ издѣвательствъ и преслѣдованій. 16 октября «народныя общества» получаютъ тяжкій ударъ, отъ котораго имъ не суждено было оправиться. Конвентъ воспретилъ всякія филіальныя отдѣленія и аггрегаціи «народныхъ обществъ», такъ же, какъ и всякую корреспонденцію между ними. Петиціи и адреса коллективнаго характера были также воспрещены; установленныя власти по поводу таковыхъ не могли дѣлать никакихъ постановленій. Съ закрытіемъ якобинскаго клуба (ноябрь 94 года) была разбита вся якобинская организація, со смертью центра стали мертвѣть и члены этого—недавно могучаго и живого организма. Декретъ 6 фруктидора и ст. 361 — 362 новой конституціи были погребальнымъ камнемъ для «народныхъ обществъ». Революціонные комитеты пережили крушеніе режима, ихъ породившаго, но представляли только обломки того учрежденія, которое играло такую видную роль въ

эпоху террора. Дѣятельность ихъ совершенно замираетъ къ концу конвента; члены ихъ, на ряду съ якобинцами, дѣлаются крайне непопулярными и подвергаются даже уличнымъ нападкамъ и преслѣдованіямъ. 31 мая 95 года конвентъ вотировалъ закрытіе революціоннаго трибунала; постепенно отмирали сами, безъ формальнаго закрытія правительствомъ, и разныя комиссіи — «революціонныя», «военныя», «народныя» и пр.

Конституція III (1795) года.

Главнымъ политическимъ наслѣдствомъ термидоріанскаго правительства была его конституція III г. Жерминальскія побѣды конвента надъ голодными толпами, кричавшими: «Конституцію 93 г. и хлѣба», и его преріальскій тріумфъ открыли эту реакціи. Все, что тяготѣло къ демократіи или республикѣ, подвергалось жестокимъ гоненіямъ. Роялистскія банды съ остервенѣніемъ мстили за 93 годъ и истребляли безчеловѣчнымъ образомъ «революціонеровъ». Правда, конвентъ термидоріанской реакціи рядомъ декретовъ реагируетъ на «бѣлый терроръ», «роялистскія неистовства», но въ мотивахъ къ нимъ нерѣдко слышатся ноты раздраженія и противъ «террористовъ».

Преріальская побѣда кончилась отказомъ конвента отъ демократической конституціи 93 года. Хотя докладчикъ конституціонной комиссіи — Буасси д'Англа и говорилъ въ собраніи, что они хотятъ сохранить все, что есть въ ней (конст. 93 г.) полезнаго, но тутъ же добавлялъ, что «долгъ комиссіи указать, что эта конституція... есть организація анархіи». Новой конституціи 5 фрукт. г. 3-го предшествуетъ не только декларація правъ, но и декларація обязанностей. Она была откровеннымъ отказомъ отъ какихъ-либо демократическихъ тенденцій. Первоначальный проектъ 1 ст. деклараціи, гласившій «Цѣль общества есть общее благо» вызвалъ всеобщее недоумѣніе, и когда нѣкоторые вздумали его толковать, какъ право на трудъ, онъ былъ рѣшительно отвергнутъ. Замѣчаніе Дону, главнаго редактора новой конституціи, о желательности помѣщенія въ декларацію статьи о равенствѣ, вызвало горячія пренія. Боязнь, что равенство, формулируемое въ неопредѣленной формѣ, можетъ быть истолковано въ нежелательномъ смыслѣ, заставило ограничиться указаніемъ «равенства» въ ряду другихъ правъ «человѣка въ обществѣ», а самое «равенство» истолковать исключительно какъ равенство всѣхъ передъ закономъ. Не только «право возстанія», возглашенное конституціей 93 года, но и «право сопротивленія наси-

лію», признанное декларацією 89 года, жирондистской деклар., конституціей 93 г., были вычеркнуты новой декларацієй.

Антидемократическая конституція III г. отказалась отъ принципа политическаго равноправія. Всеобщее голосованіе вновь уступаетъ мѣсто цензитарному режиму. Для участія въ привычномъ собраніи требовалось: рожденіе и проживаніе во Франціи, внесеніе въ гражданскій списокъ кантона, нахожденіе въ теченіе года на французской территоріи и уплата прямого налога — личнаго или съ недвижимости. Конституція возстановила двухстепенную систему. Для участія въ избирательскихъ собраніяхъ требовалось: достиженіе 25 л. возраста и обладаніе имуществомъ на правѣ собственности, доходъ съ котораго, въ зависимости отъ населенности мѣста, равнялся бы 100, 150 или 200 дневнымъ заработкамъ. Первичныя собранія избирали: членовъ избирательныхъ собраній, мировыхъ судей и ихъ помощниковъ, президента кантональной администраціи и муниципальныхъ чиновниковъ въ коммунахъ съ населеніемъ свыше 5 тысячъ жителей. Избирательныя собранія: членовъ законодательнаго корпуса, членовъ кассаціоннаго суда, департаментской администраціи, нѣкоторыхъ членовъ уголовныхъ и гражданскихъ судовъ. Законодательный корпусъ состоялъ изъ 2 палатъ: «совѣта старѣйшинъ» (250 членовъ) и «совѣта пятисотъ», обновлявшихъ ежегодно свой составъ на $^1/_3$. Члены законодательнаго корпуса, выбывавшіе черезъ три года, могли быть переизбраны, но послѣ непрерывной 6-лѣтней легислатуры требовалось, по крайней мѣрѣ, два года перерыва. Для участія въ совѣтѣ пятисотъ требовалось: достиженіе 30 л. возраста и проживаніе на территоріи республики въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ. Совѣту пятисотъ принадлежитъ законодательная инициатива. Принятое въ совѣтѣ предложеніе называется «резолюціей». Для участія въ совѣтѣ старѣйшинъ требуется: достиженіе 40 л. возраста, женатое или вдовое состояніе и проживаніе на территоріи республики въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ. Совѣтъ старѣйшинъ одобряетъ или отвергаетъ резолюціи совѣта пятисотъ. Въ первомъ случаѣ резолюція становится закономъ. Во второмъ — резолюція можетъ вторично поступить на обсужденіе совѣта старѣйшинъ не ранѣе, чѣмъ черезъ годъ. Законодательной инициативы у совѣта нѣтъ, за исключеніемъ права мѣнять мѣстонахожденіе законодательнаго корпуса. Оба совѣта могутъ образовывать спеціальныя комиссіи, но не постоянные комитеты.

Такимъ образомъ, законодательная власть въ новой конституціи была не только рѣшительнымъ отступленіемъ отъ демократическихъ принциповъ, но и значительнымъ уклономъ вправо отъ старой либеральной программы, не стоявшей за двухпалатную систему.

Исполнительная власть была вручена исполнительной директоріи изъ 5 членовъ не ниже 40 л. возраста, избираемой законодательнымъ корпусомъ. Выборы производятся тайной баллотировкой совѣта пятисотъ, намѣчающаго въ 10 разъ бо́льшее число кандидатовъ сравнительно съ тѣмъ, которые подлежатъ избранію; совѣтъ старѣйшинъ выбираетъ директоровъ изъ этого списка. Въ члены директоріи могутъ быть избираемы граждане, бывшіе или членами законодательнаго корпуса или министрами. Директорія ежегодно обновляется на пятую своего состава, но члены директоріи могутъ быть переизбраны не ранѣе, какъ черезъ 5 лѣтъ. Директорія управляетъ не непосредственно, а черезъ министровъ (не менѣе 6 и не болѣе 8), которыхъ назначаетъ и смѣщаетъ сама. Министры не образуютъ совѣта. Функціи и число министровъ опредѣляются законодательнымъ корпусомъ[1]). Директорія была ограничена въ финансовой области, такъ какъ національное казначейство (5 комиссаровъ, избираемыхъ законодательнымъ корпусомъ) было вполнѣ самостоятельнымъ учрежденіемъ. Позднѣйшій опытъ показалъ неудобства такого порядка вещей. Вообще въ новой конституціи раздѣленіе властей было проведено очень широко. Министры не могли быть избираемы изъ числа депутатовъ. Директорія не имѣла права роспуска совѣтовъ, послѣдніе не могли смѣнить директоровъ.

Мѣстное управленіе также потерпѣло радикальныя измѣненія. У департаментской администраціи не было сохранено ни совѣтовъ, ни директорій. Дѣленіе на дистрикты было уничтожено. Мелкіе муниципалитеты исчезли. Во главѣ департаментовъ стали коллегіи изъ 5 членовъ, ежегодно обновляющіяся на пятую часть своего состава. Единицей мѣстной жизни осталась коммуна. Послѣднія, въ зависимости отъ числа жителей, избирали опредѣленное число муниципальныхъ агентовъ, которые и составляли кантональный муниципалитетъ, вполнѣ подчиненный департаментской администраціи. Министры получили право отмѣны постановленій

---

[1]) Первоначально ихъ было 6 (вн. дѣлъ, юст., военн., морск., ин. дѣлъ, фин.). Декретъ 3 янв. 96 г. прибавилъ седьмого — мин. полиціи.

департ. управленія (послѣднее, въ свою очередь, муниципальное), если они въ чемъ-либо противорѣчатъ законамъ или правительственнымъ распоряженіямъ. Наконецъ, въ качествѣ блюстителей закона и интересовъ правительства къ департаментской и муниципальной администраціи были прикомандированы особые комиссары. Такимъ образомъ, былая самостоятельность мѣстной жизни исчезла; центральное правительство подчинило себѣ вполнѣ мѣстные органы.

Какъ бы мы ни оцѣнивали термидоріанское правительство въ роли носителя опредѣленной политической идеи, мы должны признать, что новый режимъ и новая конституція были необходимой естественной реакціей, не столько въ политическомъ, сколько въ психологическомъ смыслѣ. Революціонный маятникъ, взмахи котораго становятся все болѣе судорожными и неправильными по мѣрѣ приближенія къ террору, совершаетъ въ эпоху его владычества полный кругъ и возвращается къ своей исходной точкѣ. Открывшись борьбой противъ деспотизма, революція пришла сама къ деспотизму — такому безпощадному и мстительному, какого не знали самыя мрачныя эпохи стараго порядка. Франція представляла страшное зрѣлище, гдѣ служители, казалось, одной религіи взаимно истребляли другъ друга. Революція убивала революціонеровъ. Однако пробилъ часъ и «революціоннаго правительства»; жизнь вступила въ борьбу съ отжившими безплотными символами. На смѣну людей идеи — цѣльныхъ, фанатически упорныхъ, непримиримыхъ выходитъ плоская порода людей компромисса, «золотой середины». Но эти люди устали отъ смерти и желали жить. И этимъ они были сильнѣе первыхъ. Они могли не имѣть самостоятельнаго политическаго credo, они лишь должны были отказаться отъ системы управленія своихъ предшественниковъ. Страна и народъ, задыхавшіеся подъ бременемъ террора, пошли бы за ними и предоставили имъ говорить за себя. Такъ сложилось термидоріанское «либеральное» правительство. Оно отвергло конституцію, организовавшую «анархію», отказалось отъ демократіи, убило мѣстную жизнь и нашло свою идею въ отрицаніи всего, что принесъ съ собой 93-й годъ. И когда оно обратилось къ народу, оно нашло въ плебисцитѣ нужное ему довѣріе. Конституція была принята 1,057,390 голосами противъ 49,978.

Алексѣй Боровой.

Крестьянство и крестьянская реформа во Франціи во время революціи.

Отмѣна сеньоріальныхъ правъ въ Савойѣ

19 октября 1771 г., король сардинскій, Карлъ Эммануилъ, подписалъ указъ, провозгласившій отмѣну всякаго рода сеньоріальныхъ правъ и платежей, обременявшихъ землю и ея владѣльцевъ въ Савойѣ. Отмѣна должна быть произведена при помощи выкупа, но не добровольнаго, а обязательнаго. Если $^2/_3$ жителей данной общины потребуютъ выкупа, къ нему должны приступить немедленно же, и, буде соглашенія между сеньорами и подвластными не послѣдуетъ, разверстаніе производится специальной правительственной комиссіей.

2 января 1778 г. съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями законъ 1771 г. былъ подтвержденъ. Организованы были специальныя комиссіи для проведенія выкупной операціи, и разъ

Пособія: *Sugenheim*, die Aufgebung der Leibeigenschaft in Europa, St-Petersbourg 1861 (главы о Франціи); *Doniol*, la féodalite et la révolution française, Paris, 1874; *Карѣевъ*. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи. М. 1879; *Sagnac*, la législation civile de la révolution française. Paris, 1898. Изданіе, подъ ред. *Sagnac et Caron*, les comites des, droits féodaux et de législation et d'abolition du regime seigneurial (1789—93); la collection des documents inedits sur l' histoire iconomique de la révolütion française. Paris, 1897; *Dubreuil*, la revolution dans le departement des Cotes du Nord. Paris. 1900; *B. Minzes*, die Nationalguterverause rung während der französischen Revolution (Seine et Oise) Iena, 1892; *Лучицкій*, крестьянская поземельн. собственность и продажа національныхъ имуществъ (dep. de f'Aisne et Bouche du Rhône). Кіевъ, 1896 г.; *Спиліоти*, къ вопросу о продажѣ націон. имуществъ (dep. de la Sarthe) Кіевъ, 1897; *le Carpentier*, la proprietè fonciere du clergé et la vente des biens écclesiastiques (Seine Inferieure). Paris, 1901; *Vermal*, essaic sur la repartition sociale des biens ecclesiastiques nationalisés (dep. du Rhône). Paris, 1906; *Viallay* la vente des biens nationaux pendant la revolution française. Paris, 1908; *Marion*, la vente des biens nationaux (dep. de la çironde et Cher). Paris 1908; *Charlety*, documents, relatifs a la vente des biens nationaux (dep. du Rhône). Lyon, 1906. Изданія того же комитета по исторіи эконом. франц. революціи, des dep. Bouches du Rhôn и др.

договоръ крестьянъ съ сеньорами утверждался, всѣ сеньоріальныя отношенія, вся зависимость земли отъ сеньоровъ объявлялись прекратившимися.

Вмѣсто прежнихъ правъ сеньоры получали деньги, дѣлались рантьерами государства, и всякая связь ихъ съ прежними подвластными прекращалась. Выкупную операцію начали приводить немедленно въ исполненіе. Въ 1778 г. освободилось 20 общинъ, въ 1780—26, въ 1788 г.—60, 1790 г.—80; и эта операція, вплоть до революціи, совершалась при полномъ спокойствіи въ странѣ. Если были нѣкоторыя волненія, то они вызваны были одной изъ мѣръ правительства: проектомъ продажи части общинной земли для покрытія выкупной суммы. Значительное число общинъ протестовало противъ этой мѣры, и на примѣненіи ея правительственные агенты не настаивали.

Какъ пытались реформировать отношенія крестьянъ къ сеньорамъ въ это же время во Франціи.

Въ сосѣдней съ маленькой Савойей странѣ, поземельныя отношенія которой сложились въ большомъ масштабѣ, но были почти вполнѣ сходны въ основныхъ своихъ чертахъ съ отношеніями, существовавшими въ Савойѣ, дѣло сеньоріальныхъ правъ и сеньоріальной организаціи стояло совершенно иначе. Не то, чтобы не было попытокъ произвести и во Франціи нѣчто подобное тому, что пытались сдѣлать въ Савойѣ въ XVI и XVII вв. и что удалось осуществить въ XVIII в. Такая попытка имѣла мѣсто во Франціи и въ XVII и въ XVIII вв. Но всѣ эти попытки оказались лишь попытками, не давщими никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ результатовъ.

Понятно, что о какихъ-либо реформахъ, даже самыхъ скромныхъ размѣровъ, не могло быть и рѣчи. Правда, въ 1779 г. былъ изданъ указъ, провозглашавшій необходимость отмѣны остатковъ крѣпостного права, но онъ касался только этихъ остатковъ, потерявшихъ въ XVIII в. свой прежній характеръ и превращавшихся изъ формальной зависимости въ зависимость исключительно земельную. Да, вдобавокъ, сфера примѣненія его была еще болѣе сужена, такъ какъ онъ могъ быть и долженъ былъ быть примѣненнымъ лишь къ той части государственныхъ или доменныхъ крестьянъ, среди которой удержались отживающія формы старой крѣпостной зависимости. Наконецъ, и это самое главное, дѣйствіе указа не распространялось на земли дворянъ и другихъ сословій, и это не потому даже, что не было средствъ для выкупа: короля, гласилъ указъ, удержала отъ этого шага та заботливость и то вниманіе, «съ какими во всѣ времена королевская власть

относилась къ законамъ о собственности, — законамъ, составляющимъ самую надежную опору порядка и справедливости». Смыслъ заявленія былъ совершенно ясенъ, и парижскій парламентъ подчеркнулъ его, когда, внося указъ въ регистръ, сдѣлалъ оговорку, гласившую, что «настоящимъ указомъ не должны быть нарушены права сеньоровъ». Вызовъ короля, приглашавшаго сеньоровъ послѣдовать его примѣру, остался безъ отвѣта, а среди крестьянъ создалось убѣжденіе, что издатели указа лишь укрѣпили сеньоріальныя права. И даже тогда, когда, послѣ неудачи двухъ собраній нотаблей, стало яснымъ, что для спасенія государства необходимы реформы, настоятельно необходимо обращеніе къ странѣ, неизбѣженъ созывъ генеральныхъ штатовъ, та же политика охраненія во что бы то ни стало существующаго соціальнаго строя, сохраненія сеньорій и сеньоріальныхъ институтовъ продолжала царить въ полной силѣ. Чтобы добиться созыва генеральныхъ штатовъ, Неккеръ въ своемъ докладѣ королю вынужденъ былъ увѣрять, что «среднему сословію и въ голову не можетъ прійти мысль о томъ, чтобы ослабить или уменьшить сеньоріальныя, или почетныя (honorifiques), прерогативы, которыя составляли отличную черту двухъ высшихъ классовъ, во всемъ, касающемся либо ихъ собственности, либо ихъ личности». А 23 іюня 1789 г. въ своей деклараціи, прочитанной представителямъ народа, открыто заявилъ, что вопросъ о сеньоріальномъ режимѣ, о сеньоріальныхъ правахъ не долженъ и не можетъ служить предметомъ обсужденія. «Десятины, чинши, права и обязанности феодальныя и сеньоріальныя, и вообще всѣ полезныя и почетныя права, связаны ли они съ землей и съ фьефами, или принадлежатъ тѣмъ или инымъ лицамъ», король объявлялъ неприкосновенными, какъ и всякую иную собственность. И той же точки зрѣнія онъ придерживался, когда отказывалъ, уже послѣ 4 августа, утвердить декреты національнаго собранія, касавшіеся сеньоріальныхъ правъ и феодальнаго режима. Въ полную противоположность политикѣ савойскаго правительства, правительство Франціи упорно стояло за сохраненіе сеньоріальнаго режима, отказывалось допустить какія бы то ни было измѣненія и реформы въ немъ.

Поддержка сеньоровъ правительствомъ.

Но дѣло не ограничивалось лишь одной простой охраной сеньоріальнаго режима. Мы говорили уже въ статьѣ о крестьянахъ въ XVIII в. во Франціи, о томъ движеніи, которое во второй половинѣ XVIII в. началось во Франціи, — движеніи, вы-

лившемся въ форму сеньоріальной реакціи. Правительство пошло навстрѣчу этому движенію, «этой, по выраженію Бонсерфа (des iuconvenrents des droits feodaux, p. 42), феодальной тираніи, поднявшей яростно голову послѣ цѣлаго столѣтія покоя и молчанія». Этимъ оно оживило и удесятерило ту ненависть къ сеньоріальному режиму въ средѣ и крестьянъ и буржуазіи, которая проявлялась не разъ и въ два предшествующія столѣтія. И теперь, поддержанная внезапнымъ натискомъ со стороны сеньоріальныхъ владѣльцевъ, она, эта ненависть, естественно должна была сдѣлаться еще большей, еще болѣе непримиримой. Въ противоположность крестьянину прусской и датской монархій, французскій крестьянинъ XVIII в. былъ собственникомъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ лично свободнымъ, въ своемъ приходѣ, въ своихъ общественныхъ дѣлахъ, независимымъ отъ сеньора; въ качествѣ свободнаго человѣка онъ пользовался и правомъ судебной охраны. Между тѣмъ, особенно благодаря сеньоріальной реакціи, достигшей апогея своего развитія въ 80-хъ годахъ, онъ былъ болѣе, чѣмъ когда-либо, эксплуатируемъ и угнетаемъ.

Реакція противъ сеньоріи среди крестьянъ.

Что при такихъ условіяхъ должна была начаться въ той или другой формѣ реакція со стороны крестьянства, ранѣе того возстанія, какое имѣло мѣсто въ іюлѣ 1789 г., врядъ ли подлежитъ сомнѣнію. Давно уже этотъ фактъ отмѣченъ историками въ 70-хъ годахъ, когда сеньоріальная реакція начала уже сказываться, были случаи отказа отъ уплаты сеньоріальныхъ платежей и даже случаи нападенія на замки. По обычной логикѣ и обычной привычкѣ случаи эти были приписаны не тому, что было дѣйствительной причиной ихъ возникновенія, а зловредной брошюрѣ Бонсерфа, каковая, будто бы, найдена была въ приходѣ, гдѣ произошли «недоразумѣнія». Разъ брошюра была сожжена,—дѣло было, казалось, исправлено. Но это только казалось. Спорадически продолжали возникать случаи «недоразумѣній». Если движеніе тогда не приняло болѣе широкихъ размѣровъ, то потому, что въ большинствѣ случаевъ, по мѣрѣ роста сеньоріальной реакціи, крестьянство, обладавшее правомъ судебной защиты, стало прибѣгать все чаще и чаще къ судебной власти. Процессы съ сеньорами стали особенно часты въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ. Крестьяне доходили въ борьбѣ на этой почвѣ до парламентовъ, но и здѣсь, какъ и въ ихъ отношеніяхъ къ правительственной власти, ихъ ждало полное разочарованіе. Они проигрывали одинъ процессъ за

другимъ, и съ конца 80-хъ годовъ стали все чаще и чаще проявляться тѣ случаи «недоразумѣній», которые были раньше спорадическими. Въ своихъ донесеніяхъ интенданты все чаще и чаще сообщаютъ о такого рода случаяхъ, и, какъ Моллевиль и др., уже открыто указываютъ на возрастающую ненависть къ сеньоріальному режиму, какъ на главнѣйшую причину волненій и актовъ насилія. Крестьяне не разъ въ своихъ жалобахъ, посылаемыхъ въ національное собраніе, подчеркиваютъ это явленіе.

Созывъ генеральныхъ штатовъ. Въ такихъ условіяхъ приходилось существовать французскому крестьянству,—таково было его положеніе, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда 24 генваря 1789 г. была опубликована королевская грамота, призывавшая населеніе страны избрать своихъ представителей на генеральные штаты съ цѣлью «установленія постояннаго и неизмѣннаго порядка во всѣхъ частяхъ управленія, касающихся счастья подданныхъ и благосостоянія королевства» и въ видахъ «наискорѣйшаго по возможности уврачеванія болѣзней государства и уничтоженія злоупотребленій». А въ регламентѣ о порядкѣ выборовъ было заявлено прямое желаніе, чтобы «всѣ подданные участвовали въ выборахъ», и чтобы «и на крайнихъ предѣлахъ королевства, и въ наименѣе извѣстныхъ селеніяхъ за каждымъ была обезпечена возможность довести до свѣдѣнія короля свои желанія и свои жалобы».

Настроеніе крестьянъ. Тѣ пути и средства, которые до сихъ поръ были закрыты для земледѣльческаго класса, повсюду встрѣчавшаго лишь отказы или полное невниманіе къ его нуждамъ, теперь, казалось, были въ его рукахъ, были открыты для него. Блеснула надежда, что положеніе его измѣнится, что съ него сложатъ ту непосильную тяготу, которая была возложена на его плечи, что господству сеньоріальнаго права настанетъ конецъ. И эта надежда была настолько сильна, что тѣ же интенданты и тѣ же административные чины, которые рисовали въ мрачныхъ краскахъ настроеніе крестьянства и сообщали чуть не постоянно о волненіяхъ и бунтахъ среди крестьянъ, теперь, во время выборовъ, уже писали о томъ полномъ порядкѣ, который царилъ на выборахъ, о томъ, какъ волненія утихали, когда созывались сходы для выбора депутатовъ и составленія наказовъ.

Два теченія господствовавшія во время выборовъ: Два теченія, совершенно различныхъ, проявились во время процесса выборовъ,—два теченія, опредѣлившія на долгое время весь дальнѣйшій ходъ событій и отразившіяся на судьбѣ крестьянства. Одно, развивавшееся исключительно въ одной лишь

крестьянской средѣ, среди земледѣльческаго класса, составлявшаго преобладающее большинство населенія Франціи того времени. Это теченіе чисто соціальное, вылившееся въ требованіе соціальныхъ реформъ, и только соціальныхъ реформъ, касавшихся и земли, земельныхъ владѣній, и земельнаго и сословнаго строя, и чуждое, по понятнымъ причинамъ, политическаго сознанія. Другое, охватившее собою все то, что было интеллигентнаго въ странѣ, городскихъ жителей, буржуазію мелкую и отчасти крупную. Результатъ всей предшествующей работы мысли, всего того умственнаго движенія, которое создалось во Франціи въ XVIII в., оно приняло почти исключительно политическій обликъ. На первый планъ были выдвигаемы политическія реформы, созданіе конституціи, организація общественной власти, которая должна была замѣнить старый порядокъ вещей новымъ, основаннымъ на принципѣ свободы, свободы повсюду, во всѣхъ сферахъ жизни, свободы отъ того произвола, отъ той опеки, упорство которыхъ сохранить незыблемымъ старый соціальный строй сдѣлались главной задачей и цѣлью. Вѣра въ конституцію, какъ орудіе спасенія отъ всякихъ золъ, была полная, и вопросы соціальные, волновавшіе массу крестьянскаго населенія, отодвигались на задній планъ, казались второстепенными, или, по крайней мѣрѣ, такими, рѣшеніе которыхъ было возможно и могло быть успѣшно лишь послѣ созданія и укрѣпленія новаго строя. Были среди дѣятелей этого теченія и такіе, которые, какъ позже Henrys въ рѣчи, произнесенной 14 іюня 1789 г., доказывали, что политическое равенство не находится въ противорѣчіи съ сеньоріальными правами; были и такіе, какъ Мунье, которые считали, что соціальные вопросы — не дѣло національнаго собранія, главная задача котораго — созданіе конституціи; но большая часть, сознавая необходимость реформъ, хотя и очень умѣренныхъ, въ сферѣ соціальныхъ отношеній крестьянства къ сеньорамъ и вообще въ сферѣ сеньоріальнаго права, изъ чисто политическихъ расчетовъ старалась замалчивать ихъ, чтобы тѣмъ успѣшнѣе добиться главной цѣли — созданія и укрѣпленія политической свободы и конституціи. Въ своей брошюрѣ «Qu, est ce que la tiers état» Сьейесъ избѣгалъ всячески затрогивать вопросъ о реформѣ сеньоріальныхъ правъ; въ инструкціи, имѣвшей громадный успѣхъ и составленной имъ для руководства при выборахъ, онъ настаивалъ на необходимости добиваться однихъ политическихъ правъ. Между тѣмъ уже въ августѣ въ своемъ ме-

политическое и соціальное.

муарѣ о выкупѣ сеньоріальныхъ правъ онъ становится рѣшительно на сторону требованія реформъ, рекомендуетъ послѣдовать примѣру Савойи, выражая увѣренность, что то же, и еще въ лучшемъ видѣ, будетъ сдѣлано и во Франціи. Тѣ же тенденціи, тотъ же духъ царятъ и во всей почти той громадной литературѣ, которая создалась во Франціи въ періодъ выборной агитаціи, въ тѣхъ безчисленныхъ брошюрахъ, которыя послѣ почти могильнаго молчанія въ началѣ 80-хъ годовъ наводнили и города и деревни. Почти во всѣхъ — политика на первомъ планѣ. Въ ней — рѣшеніе всѣхъ вопросовъ.

Условія благопріятствовавшія устраненію соціальнаго вопроса.

И немалое значеніе имѣли въ этомъ отношеніи два обстоятельства, ставившія препятствія для правильной и соотвѣтственной нуждамъ крестьянскаго населенія постановки вопроса. Съ одной стороны, то было полное незнаніе того, чѣмъ былъ сеньоріальный режимъ въ дѣйствительности, чѣмъ онъ сталъ именно въ моментъ, предшествующій революціи, каково было дѣйствительное вліяніе, оказываемое имъ на крестьянское населеніе, въ какія формы вылилась въ 89 году сеньорія. Съ другой—почти полная вѣра въ точность и вѣрность того образа, въ какомъ обрисованъ былъ сеньоріальный режимъ въ юридической литературѣ, руками февдистовъ, сводившихъ въ своихъ трудахъ все разнообразіе сеньоріальныхъ правъ, какъ они нормировались кутюмами XVI в., въ одну цѣльную систему, къ однимъ общимъ началамъ. То, насколько жизнь измѣнила всѣ отношенія, насколько она уничтожила или видоизмѣнила тѣ или другія формы отношеній земледѣльческаго класса къ сеньорамъ, оставалось внѣ поля зрѣнія, какъ февдистовъ, такъ и дѣятелей иного лагеря. Возведенное въ теорію все старое и уже измѣнившееся или введенное въ жизнь послѣдующими за XVI в. новообразованіями, было признано обладающимъ весьма характерными признаками собственности, которую ставили подъ особенную охрану, либо, какъ то дѣлали представители власти, старавшіеся во что бы то ни стало сохранить ее неприкосновенной, либо, какъ то проповѣдовали экономисты, исходившіе изъ принципа, что въ ней основа общества, слѣдовательно, и въ лицахъ, владѣющихъ ею, и лишь требовавшіе примѣненія естественнаго порядка, свободы отношеній. Если подвергали критикѣ существующія отношенія, то съ точки зрѣнія накопленія богатства, необходимаго результата свободы и водворенія естественнаго порядка. Вопросъ о распредѣленіи былъ имъ чуждъ, и вопроса

объ интересахъ крестьянства, какъ таковогo, вопроса объ ихъ обезпеченіи путемъ земельныхъ и сеньоріальныхъ реформъ не ставилось. Характерно, что въ брошюрѣ, вышедшей въ 1789 г. въ Безансонѣ, подъ заглавіемъ: cri de la raison, въ брошюрѣ, посвященной болѣе всего вопросу о крестьянахъ, авторъ касается лишь вопроса о mainmortables'яхъ и сервахъ, т.-е. о группахъ, уже исчезавшихъ и во всякомъ случаѣ подвергшихся сильнымъ измѣненіямъ въ XVIII в., и немало страницъ посвящалось рѣшенію вопроса о томъ, «имѣетъ ли право король уничтожить mainmorte, не нарушая этимъ права собственности своихъ подданныхъ». Лишь одинъ Клико-Блервашъ въ своей брошюрѣ: о средствахъ улучшенія во Франціи положенія земледѣльцевъ и т. д., написанной еще въ началѣ 80-хъ годовъ и выпущенной въ 89 г., яростно нападалъ на сеньоріальныя порядки, требовалъ ихъ отмѣны, предлагая примѣнить къ Франціи савойскій законъ 1771 г., но его брошюра не оказала вліянія.

Какъ отнеслись къ крестьянскимъ нуждамъ сводные наказы.

И на выборахъ представителей средняго сословія въ генеральные штаты, и на тѣсно связанныхъ съ выборами наказахъ (cahiers), точнѣе на сводныхъ наказахъ, редактированныхъ въ центральныхъ пунктахъ избирательныхъ округовъ, отразилось главнымъ, можно сказать, преобладающимъ образомъ второе изъ указанныхъ теченій въ обществѣ того времени. Въ депутаты, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, попали горожане, преимущественно судебные чины, адвокаты, литераторы или, какъ ихъ называли тогда, философы, — лица, либо пропитанныя юридическими теоріями, господствовавшими и преобладавшими въ то время, либо находившіяся подъ сильнымъ вліяніемъ идей физіократовъ и тѣсно связанныхъ съ ними тенденцій поднять культуру, увеличить общее богатство страны, безъ отношенія къ тому, создается ли вмѣстѣ съ тѣмъ и благоденствіе крестьянскаго класса, либо изъ тактическихъ соображеній, въ видахъ обезпеченія прежде всего въ рукахъ средняго сословія политическаго вліянія и политической власти, сознательно замалчивающія вопросъ (далеко, впрочемъ, неясный и для нихъ) крестьянскій, точнѣе сеньоріальный, отодвигавшія его на задній планъ. Интересы крестьянъ остались почти безъ представительства. И то же произошло и съ наказами. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ приходскіе наказы, составленные и отправленные въ центральный пунктъ байльяжа или общаго округа, не вносились требованія и желанія крестьянъ. По всей Франціи были разосланы

разнообразные проекты наказовъ, образцы, составленные въ видахъ достиженія, главнымъ образомъ, политическихъ цѣлей и задачъ, которые, подъ давленіемъ то, преимущественно, чиновъ судебнаго вѣдомства, большею частью либерально настроенныхъ во всемъ, исключая вопросовъ сеньоріальнаго права и крестьянъ, то отчасти дворянъ и др. лицъ, подписывались крестьянами и фигурировали, какъ крестьянскіе наказы или приходскіе наказы. Только въ сравнительно немногихъ приходахъ крестьянамъ удавалось провести, часто въ видѣ добавокъ, тѣ требованія, которыя касались ихъ нуждъ, затрогивали важнѣйшій для нихъ вопросъ: о той или иной отмѣнѣ всѣхъ тѣхъ невыносимыхъ тяготъ, которыя накладывалъ на нихъ сеньоріальный режимъ, ожившій и безпощадный, обнаружившій въ послѣдніе годы, передъ 1789 г., тенденцію къ полному торжеству и полному укрѣпленію. И краткость времени для выборовъ и для составленія cahiers, давленіе со стороны—уже и тогда возбуждали недовольство среди крестьянства, и отъ многихъ приходовъ посылались отдѣльные приходскіе наказы, не попавшіе въ центральный пунктъ, — наказы, въ которыхъ ярче и опредѣленнѣе высказывались желанія крестьянской массы: отмѣна сеньоріальныхъ правъ, какъ правъ обременительныхъ и возмутительныхъ, часто отмѣна ихъ безъ выкупа. Но еще хуже стояло дѣло крестьянъ и крестьянскихъ интересовъ тамъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ составлялась общая сводка пожеланій въ видѣ наказа отъ даннаго байльяжа или сенешосе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ среднее сословіе просто вычеркивало требованія крестьянъ, игнорировало ихъ наказы и при составленіи общаго наказа вносило почти исключительно одни политическія пожеланія. Въ другихъ составители наказа 3 сословія открыто заявляли, что отмѣна и уничтоженіе сеньоріальныхъ правъ представляютъ громадныя трудности, дѣлающія необходимымъ отложить вопросъ о сеньоріальныхъ правахъ на долгое время. Если въ другихъ и упоминалось о необходимости реформы и въ этой сферѣ, то реформѣ, которая не шла бы далѣе того, о чемъ думалъ Тюрго. Точка зрѣнія правительства на сеньоріальныя права, какъ на неприкосновенную собственность, была почти въ полномъ видѣ и точкой зрѣнія средняго сословія. Оно раздѣляло эти права на двѣ группы: права земельныя, какъ результатъ отдачи въ пользованіе, и права личныя, слѣдствіе нарушенія естественнаго права и узурпаціи, и только послѣднія считали возможнымъ отмѣнить. Первыя подлежали выкупу. Но

единства въ опредѣленіяхъ того, какія права личныя и какія земельныя, не было. Одни наказы средняго сословія включали въ категорію личныхъ правъ одно, другіе — другое. То же и относительно вопроса земельныхъ правъ. Да и самый вопросъ о выкупѣ былъ поставленъ и неясно и неопредѣленно. Будетъ ли онъ личнымъ для каждаго крестьянина или общимъ для цѣлой общины, будетъ ли онъ обязательнымъ или добровольнымъ.

Общій характеръ положенія вопроса о крестьянахъ.

Такимъ образомъ, уже въ моментъ выборовъ, ближайшая судьба сеньоріальнаго или крестьянскаго вопроса опредѣлилась для ближайшаго будущаго. Инціативы со стороны королевской власти ждать было невозможно и немыслимо. Мы видѣли, какая точка зрѣнія установилась на этотъ счетъ въ сферахъ и у короля. Исторія выборовъ и порядка сведенія наказовъ обнаружила, что столь же мало можно было ожидать, что среднее сословіе возьметъ на себя въ ближайшее время такую инціативу. Интересы массы, составлявшей громадную часть населенія страны, оставлены были на произволъ судьбы, и это въ то время, когда раздраженіе ея противъ сеньоріальнаго режима достигло высшей степени силы и напряженія, и когда призывъ короля, обращенный къ населенію, создавалъ надежды на то, что завѣтныя и обострившіяся желанія и требованія крестьянства найдутъ, наконецъ, полное удовлетвореніе, что истощившееся его терпѣніе будетъ успокоено, и успокоено тѣми (какъ оно называло ихъ, nos seigneurs) генеральными штатами, куда, какъ думало крестьянство, попадутъ всѣ его жалобы.

Послѣдствія этого: волненія въ средѣ крестьянъ и іюльская жакерія.

Понятно, каковы могли быть послѣдствія такого положенія дѣлъ. Волненія, временно затихавшія въ моментъ выборовъ и составленія наказовъ отъ деревень, вспыхивали вновь. Многіе крестьяне увѣрены, что уже въ силу созыва генеральныхъ штатовъ, въ силу того, что уже ими заявлены требованія того или иного рода, обязанность уплачивать сеньоріальныя права и повинности падаетъ. Другіе вѣрятъ, что отмѣны желаетъ король, что онъ приказываетъ разрушать замки. Въ Бретани, Дофинэ, Эльзасѣ и другихъ мѣстахъ крестьяне отказываются выполнять сеньоріальныя повинности, платить десятину, либо ренту и платежи сеньорамъ. Настроеніе крестьянъ уже и раньше открытія генеральныхъ штатовъ таково, что вызываетъ опасенія со стороны административныхъ властей, посылающихъ почти непрерывно сообщенія о томъ, что либо крестьяне такой-то общины отказываются платить, либо склонны къ такого рода дѣйствіямъ,

либо можно предвидѣть, что они пойдутъ по тому же пути, либо что они, то тамъ, то сямъ, разрушили тотъ или иной замокъ, или ограбили его.

Движеніе все еще носитъ спорадическій характеръ. Большинство, видимо, не теряетъ надежды на nos seigneurs des etats généraux, на nos seigneurs de l'assemblée nationale. Но 5 мая штаты уже собрались, проходитъ май, въ іюнѣ штаты превращаются въ національное собраніе, проходитъ іюнь. Между тѣмъ до слуха крестьянъ, съ жадностью прислушивающихся и нетерпѣливо ждущихъ, не доходитъ ни въ близкихъ, ни въ болѣе отдаленныхъ уголкахъ ни малѣйшаго извѣстія о томъ, что же сдѣлано по животрепещущему и наболѣвшему вопросу, всецѣло и исключительно поглощавшему крестьянскіе умы. До нихъ доходятъ вѣсти о спорахъ изъ-за сословій, о преніяхъ о конституціи, о декларацiи правъ, о вещахъ мало или и вовсе для нихъ непонятныхъ. Представители средняго сословія упорно замалчиваютъ вопросъ о реформѣ сеньоріальнаго режима, и это становится все болѣе и болѣе яснымъ для крестьянства.

Недоставало толчка для того, чтобы накопившееся и накоплявшееся недовольство крестьянъ вылилось въ активное и широкое движеніе. Событія 14 іюля, взятіе Бастиліи, послужили этимъ толчкомъ, и едва только вѣсть о паденіи Бастиліи достигла до деревень, крестьянство почти повсюду поднялось и повторило по отношенію къ сеньоріальнымъ замкамъ то же, что городское населеніе сдѣлало съ Бастиліей. Въ самыхъ различныхъ мѣстахъ Франціи замки подверглись нападенію, иногда и разрушенію, во многихъ случаяхъ сеньоріальные архивы, хранившіе ненавистные для крестьянъ livres terriers, reconnaissances, и тому подобные документы, заключавшіе въ себѣ перечень сеньоріальныхъ повинностей, теперь, по глубокому убѣжденію крестьянъ, значительно увеличенныхъ и умноженныхъ благодаря работѣ февдистовъ, подверглись сожженію. Та ненависть (haine), о которой писалъ Неккеру интендантъ Моллевиль еще до созыва генеральныхъ штатовъ, проявилась съ полной силой и повергла въ неописуемый ужасъ всю страну, все городское населеніе. Вооружились жители даже самыхъ маленькихъ бурговъ, чтобы спасти себя и города отъ грозныхъ «разбойниковъ». Бывали случаи, когда вооруженные буржуа выходили изъ стѣнъ города и нападали на крестьянъ, разбивали и избивали ихъ (Ліонъ, Шалонъ на Сонѣ и др.).

Отношеніе къ жакеріи и крестьянскому вопросу національнаго собранія.

Въ началѣ августа вѣсти о жакеріи, возстаніяхъ крестьянъ и сожженіяхъ замковъ сдѣлались извѣстными и національному собранію. Въ вечернемъ засѣданіи 3 августа комитетъ, избранный для разсмотрѣнія предварительныхъ докладовъ, представилъ подробный отчетъ о всемъ томъ, что происходило въ странѣ. Отъ имени комитета членъ національнаго собранія, Саломонъ, нарисовалъ ужасающую картину: «собственность сдѣлалась жертвой самаго наглаго грабежа и разбойничества, повсюду жгутъ замки, налоги и сеньоріальныя права не уплачиваются болѣе, законы — безсильны, власти безъ авторитета, суды обратились въ фантомы». И онъ настаиваетъ на принятіи мѣръ, на немедленномъ обращеніи къ населенію съ воззваніемъ, проектъ котораго тутъ же докладываетъ собранію.

Проектъ заключалъ въ себѣ явный отказъ поставить теперь же, на ближайшую очередь, вопросъ о сеньоріальномъ режимѣ, отказъ обсуждать крестьянскій вопросъ. Въ собраніи только два голоса раздались робко въ пользу крестьянъ. Неизвѣстный депутатъ, имя котораго осталось не отмѣченнымъ въ протоколахъ, предупреждалъ собраніе не говорить о феодальныхъ правахъ, какъ правахъ несправедливыхъ, потому что жители деревень ожидаютъ ихъ отмѣны, требуютъ ее въ своихъ наказахъ, и отказъ имъ, въ формѣ деклараціи, лишь усугубитъ ихъ раздраженіе. Другой депутатъ изъ Бретани въ болѣе рѣзкой формѣ поставилъ вопросъ. Онъ прямо потребовалъ, чтобы требованія наказовъ были выполнены, и чтобы сеньорамъ было воспрещено насильно заставлять крестьянъ дѣлать заявленія (déclarations) объ ихъ повинностяхъ. Но предсѣдатель собранія устранилъ обсужденіе поставленныхъ ими требованій, какъ совершенно постороннихъ дебатируемому сюжету о составленіи деклараціи. Большинство было склонно принять немедленно декларацію, какъ она выработана была комиссіей, но нѣкоторыхъ и она не удовлетворила: они требовали болѣе рѣшительныхъ мѣръ, настаивали на особой деклараціи, содержащей въ себѣ угрозы уголовныхъ и строгихъ каръ за дѣйствія, направленныя противъ собственности. Среди всеобщаго шума и волненія, среди страстныхъ преній, заявленіе, сдѣланное нѣсколькими депутатами о томъ, что раньше принятія рѣшенія необходимо удостовѣриться въ точности и вѣрности всего сообщеннаго, ознакомиться съ протоколами, а не руководиться простыми сообщеніями, не оказало дѣйствія. Собраніе согласилось въ принципѣ съ предложеніемъ

комиссіи, передало проектъ деклараціи въ редакціонную комиссію и назначило вечернее засѣданіе 4 августа для окончательнаго его обсужденія.

Роль дворянъ.

Но была группа лицъ, которыхъ Ривароль окрестилъ именемъ демагоговъ демократіи, группа лицъ, среди которыхъ выдающуюся роль играли самые видные сеньоры, какъ-то: Ноайль, герцогъ д'Эгильонъ и де-ла-Рошуко, Александръ Ламеттъ и др. Жакерія заставила ихъ иначе, чѣмъ депутатовъ средняго сословія, отнестись къ вопросу о сеньоріальномъ режимѣ. Въ своихъ тайныхъ собраніяхъ, по словамъ Баррера, они постановали дѣйствовать болѣе рѣшительнымъ образомъ, чтобы спасти положеніе. «Чего колебаться? Вѣдь сама судьба произноситъ свой приговоръ. Спасать феодальный порядокъ? Но ничего болѣе намъ не остается, какъ почтить возможно лучше его агонію». И рѣшеніе требовать провозглашенія отмѣны феодальнаго режима было ими принято.

Засѣданіе ночное 4 августа.

Знаменитое въ лѣтописяхъ французской исторіи вечернее засѣданіе національнаго собранія 4 августа началось въ 6 часовъ вечера, и въ 8 докладчикъ редакціоннаго комитета Тарже поднялся, чтобы прочесть заново переработанную декларацію, обращенную къ населенію и въ частности и, главнымъ образомъ, къ крестьянамъ, составленную въ выраженіяхъ, еще болѣе опредѣленныхъ и рѣшительныхъ, чѣмъ тѣ, изъ-за которыхъ шли споры въ засѣданіи 3 августа. Декларація категорически отказывала ставить на очередь животрепещущій для крестьянства вопросъ о сеньоріальномъ режимѣ, откладывала его на долгое время. Національному собранію предлагали заявить, что оно требуетъ какъ строжайшаго выполненія всѣхъ старыхъ и существующихъ законовъ, такъ и уплаты всѣхъ повинностей и платежей и въ такой же мѣрѣ, какъ-то дѣлалось прежде, въ прошедшія времена, и все это дѣлать, пока собраніе не издастъ новыхъ законовъ или не издастъ особыхъ постановленій. Когда и какъ, объ этомъ декларація умалчивала. И при томъ настроеніи, которое царило среди представителей средняго сословія, исходъ предложенія редакціонной комиссіи врядъ ли подлежалъ сомнѣнію. Но едва лишь закончилъ свое чтеніе Тарже и началось обсужденіе доклада, какъ виконтъ де-Ноайль поднялся съ своего мѣста и произнесъ рѣчь, въ которой подвергъ рѣзкой критикѣ тактику представителей средняго сословія, разсчитывая втайнѣ спасти то, что можно еще было спасти. «Цѣль, преслѣдуемая

декларацiей — прекратить броженiе въ провинцiяхъ, обезпечить общественную свободу, укрѣпить и утвердить собственниковъ въ ихъ подлинныхъ правахъ. Но можно ли надѣяться на успѣхъ, разъ остается неизвѣстнымъ, въ чемъ кроется причина возстанiя, обнаружившагося въ королевствѣ, можно ли излѣчить зло, разъ не примѣняютъ къ нему того лѣченiя, которое одно можетъ устранить это зло? Общины высказали свои пожеланiя: не конституцiи просили онѣ, потому что это желанiе было высказано лишь въ однихъ байльяжахъ. Чего же онѣ требовали? Облегченiя или измѣненiя сеньорiальныхъ правъ. И вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ онѣ, эти общины, видятъ теперь, какъ ихъ представители занимаются тѣмъ, что мы называемъ и что, въ дѣйствительности, есть общественное дѣло, но для нихъ общественнымъ дѣломъ кажется то, чего онѣ сами желаютъ и чего страстно хотятъ добиться. Благодаря несогласiямъ, создавшимся среди представителей народа, села распознали, кто былъ преданъ имъ, стремился къ ихъ счастью, и кто противился этому, а эти послѣднiе — люди наиболѣе могущественные. Что же произошло при такомъ положенiи дѣлъ? Они сочли себя въ правѣ вооружаться противъ силы и теперь не знаютъ себѣ больше узды». Возстановить спокойствiе въ странѣ, доказывалъ Ноайль, можно лишь однимъ: не декларацiей, а постановленiемъ, провозглашающимъ, что устанавливается равенство всѣхъ передъ налогами, что феодальныя права предоставляется выкупить общинамъ, на основанiи исчисленнаго изъ десятилѣтняго перiода размѣра ежегоднаго дохода, получаемаго отъ этихъ правъ, и что отнынѣ сеньорiальная барщина, main-morte и всякая иная личная услуга и повинности отмѣняются безъ выкупа».

Заявленiе было рѣзкое и рѣшительное, и герцогъ д'Эгильонъ нѣсколько смягчилъ его своей рѣчью. Онъ призналъ сеньорiальные порядки тяжелымъ, невыносимымъ игомъ для крестьянства, оправдывалъ его возстанiе, высказался въ пользу отмѣны сеньорiальныхъ правъ, но внесъ поправку въ горячiя рѣчи Ноайля. «Вѣдь, — говорилъ онъ, — нельзя скрывать отъ себя, что эти права есть собственность и, какъ всякая собственность, они священны... Вѣдь нельзя забывать, что какъ сеньоры — земельные собственники, такъ и владѣльцы фьеровъ уже отказались отъ своихъ привилегiй, отъ податныхъ изъятiй, и можно ли требовать отъ нихъ теперь еще и полнаго отказа отъ сеньорiальныхъ ихъ правъ, являющихся ихъ собственностью,

нерѣдко единственнымъ ихъ достояніемъ»? И онъ настаивалъ на справедливомъ вознагражденіи за потерю всѣхъ этихъ правъ, предлагалъ собранію принять резолюцію, въ силу которой всѣ безъ исключенія сеньоріальныя права и повинности должны были быть выкупаемы подлежащими лицами и общинами, буде они того пожелаютъ, выкупаемы по тарифу изъ $7\frac{1}{2}\%$, но съ тѣмъ, чтобы до выкупа они продолжали существовать и уплачиваться по старому, впредь до окончанія выкупа. Послѣдній онъ, очевидно, предполагалъ, какъ дѣло личное и самостоятельное и для общины, и для отдѣльныхъ ея членовъ.

Мирабо отсутствовалъ. Представители средняго сословія упорно молчали. Всталъ лишь одинъ изъ представителей физіократической школы, Дюпонъ де-Немуръ. Но его рѣчь была исключительно посвящена вопросу о содержаніи деклараціи. Онъ находилъ ее недостаточной, указывалъ на необходимость судамъ дѣйствовать поэнергичнѣе для возстановленія спокойствія, на настоятельность репрессій, на желательность внесенія добавленія въ декларацію особаго пункта, который онъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ: «объявить, что всякій гражданинъ обязанъ повиноваться законамъ, уважать свободу, безопасность и собственность всѣхъ остальныхъ гражданъ, и что на суды возлагается обязанность безустанно и безпрерывно бдить за исполненіемъ этихъ законовъ». О сеньоріальныхъ правахъ, о сеньоріальномъ режимѣ имъ не было сказано ни одного слова.

Рѣчь Керенгаля, депутата отъ нижней Бретани, встрѣченная громомъ аплодисментовъ, вернула вновь національное собраніе къ вопросу, возбужденному де-Ноайлемъ. То было уже прямымъ обвиненіемъ національнаго собранія въ томъ, что, благодаря ему, стали возможны безпорядки и крестьянскія возстанія. «Вы могли,—говорилъ онъ,—предотвратить сожженіе замковъ, если бы вы не медлили такъ и сразу объявили, что путемъ принудительнаго выкупа отмѣняются и уничтожаются всѣ тѣ страшныя орудія, которыми располагаютъ замки и которыя вотъ уже цѣлый рядъ вѣковъ угнетаютъ народъ». И онъ обрисовалъ въ яркихъ чертахъ все то, чѣмъ былъ сеньоріальный режимъ для населенія, все то зло, которое онъ причинялъ странѣ, оправдывалъ образъ дѣйствій крестьянъ, «терпѣніе которыхъ истощилось» и предлагалъ предать сожженію всѣ тѣ документы и акты, съ помощью которыхъ поддерживается сеньоріальный режимъ.

Наиболѣе яркая и краснорѣчивая изъ всѣхъ произнесенныхъ рѣчей, она увлекла собраніе. Протоколъ засѣданія 4 августа отмѣчаетъ, что «энтузіазмъ овладѣлъ всѣми, и цѣлой вереницей безчисленныя предложенія, и одно важнѣе другого, были внесены въ собраніе». Одно за другимъ были провозглашены отмѣна права охоты, голубятенъ, сеньоріальной юстиціи, десятины, платы за требы и т. д., но не должно забывать, что большинство предложеній исходило отъ дворянъ и чиновъ духовенства, и что нерѣдко предложеніе объ отмѣнѣ налога или права, принадлежавшаго дворянству, выдвигалось духовными лицами и обратно. Отмѣна права охоты исходила отъ епископа, предложеніе отмѣны церковной десятины отъ герцога дю-Шателе. Съ другой стороны, самыя эти предложенія не шли далѣе того, что содержали въ себѣ наказы, какъ средняго, такъ и высшихъ сословій, отчасти наказы нѣкоторыхъ приходовъ.

Къ 2-мъ часамъ ночи національное собраніе приняло рядъ рѣшеній. Оно декретировало отмѣну серважа и мертвой руки (main morte), подъ какими бы наименованіями они не существовали, выкупаемость сеньоріальныхъ правъ, отмѣну сеньоріальной юстиціи, уничтоженіе исключительнаго права охоты, гареннъ, голубятенъ, замѣну десятины денежнымъ оброкомъ съ правомъ выкупа ея. То были общіе принципы, общія пожеланія. Необходимо было придать имъ силу закона, оформить ихъ, чтобы они, наконецъ, осуществились на дѣлѣ и послужили средствомъ успокоенія умовъ, прекращенія волненій, вспыхнувшихъ въ средѣ крестьянъ.

Настроеніе послѣ засѣданія 4 августа.

Но энтузіазмъ, овладѣвшій собраніемъ и побудившій его провозгласить отмѣну сеньоріальныхъ порядковъ, длился недолго. Уже на другой же день одинъ изъ депутатовъ, маркизъ Тибуто, вступился на защиту сеньоріальнаго порядка вещей въ брошюрѣ, представлявшей собою текстъ рѣчи, которую онъ готовился произнести 5 августа и съ которой выступилъ въ засѣданіи 10 августа. За нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ депутатовъ и частныхъ лицъ, открыто заявлявшихъ протесты противъ рѣшеній національнаго собранія. Были сдѣланы попытки провести во Франціи теорію, нашедшую позднѣе примѣненіе въ Пруссіи, теорію, въ силу которой $^1/_3$ земли, отходившей къ крестьянину въ качествѣ полной собственности, подлежала отчужденію въ пользу сеньора. И когда національное собраніе, начиная съ 6 августа, приступило къ выработкѣ общаго декрета, долженство-

вавшаго воплотить въ форму закона пожеланія и принципы 4 августа, рядъ ораторовъ стали употреблять всѣ усилія, всю силу своего краснорѣчія, чтобы либо задержать и отложить окончательное рѣшеніе, либо спасти хоть частицу того, утрата чего была признана необходимой въ ночь на 4 августа.

Декреты національнаго собранія 4 и 17 августа.

Но ни аргументы, ни яркія рѣчи, ни эти усилія, проявляемыя и дворянствомъ, и духовенствомъ, и многими представителями средняго сословія, не помогли дѣлу. Національное собраніе спѣшило покончить, какъ можно скорѣе, съ вопросами, поднятыми 4 августа, чтобы перейти къ конституціоннымъ вопросамъ, и въ одномъ изъ засѣданій большинствомъ голосовъ,—голосовъ, заинтересованныхъ одной какой-либо статьей и враждебныхъ другой изъ сословныхъ интересовъ, приняло декретъ, мало въ чемъ (за исключеніемъ вопроса о десятинѣ и почетныхъ правахъ), измѣнявшій рѣшенія 4 августа, и возложило работу по части выработки реальнаго закона на спеціальную комиссію, которой не былъ указанъ даже срокъ представленія доклада.

Но этотъ декретъ національнаго собранія, декретъ 11 августа 1789 г., такъ же мало подвинулъ дѣло практическаго рѣшенія вопроса, сильно волновавшаго крестьянскую массу, какъ и постановленія собранія 4 августа. Въ своей поспѣшности избавиться отъ него, собраніе ограничилось лишь общими принципами, платоническимъ приказомъ, не давая ни малѣйшихъ указаній, какъ осуществить на дѣлѣ то, что оно декретировало. Оно дало общую, на дѣлѣ лишь неопредѣленную инструкцію комиссіи, создало для нея рамки, оказавшіяся узкими, мало соотвѣтствовавшими тѣмъ реальнымъ соотношеніямъ, которыя зародились въ странѣ къ 1789 г. на почвѣ прежнихъ феодальныхъ порядковъ. Оно объявляло торжественно, что оно «разрушаетъ и уничтожаетъ всецѣло и всемѣрно феодальный режимъ», и тѣмъ самымъ создавало въ средѣ крестьянства, жаждавшаго прекращенія старыхъ порядковъ, полную увѣренность, что отнынѣ старыя отношенія болѣе не существуютъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, такъ называемый ими феодальный режимъ отмѣнялся не въ настоящую, не въ данную минуту, а въ будущемъ, болѣе или менѣе отдаленномъ, срокъ наступленія котораго ни для кого не былъ ясенъ. Правда, провозглашена была отмѣна всѣхъ повинностей и правъ, связанныхъ съ main-morte personnelle и rèelle, и равнымъ образомъ съ личной зависимостью. Но какія это были повинности и права, опредѣлено не было, и при запу-

танности и перепутанности отношеній, какія создались въ теченіе XXVIII в. въ моментъ разложенія старыхъ порядковъ, при разнообразіи не только формъ, но даже и названій этихъ отношеній, наконецъ благодаря и тому обстоятельству, что отъ отношеній личной зависимости (servitude personnelle) остались лишь самые ничтожные слѣды и что въ большей части Франціи они исчезли, неизбѣжно должны были возникнуть, и дѣйствительно возникли, на практикѣ споры и недоразумѣнія, все болѣе и болѣе обострявшія и безъ того уже враждебныя чувства сельскаго населенія къ держателямъ сеньоріальныхъ правъ. До разрѣшенія этихъ споровъ права и этого рода сохранялись, какъ сохранялись, въ виду декрета 11 августа, и всѣ тѣ права, которыя были объявлены правами, вытекающими изъ правъ на землю и, слѣдовательно, подлежащими выкупу. Взиманіе этихъ правъ было ограждено декретомъ, и это въ то время, когда ни порядокъ, ни способъ выкупа ихъ не былъ установленъ: собраніе откладывало ихъ на будущее. Такимъ образомъ, провозглашенный отмѣненнымъ сеньоріальный порядокъ отмѣнялся лишь на бумагѣ, при чемъ тѣ права, которыя немало раздражали населеніе и возбуждали его негодованіе, права, правда, второстепенныя: droits honorifiques, обойдены были полнымъ молчаніемъ. Обойдена была молчаніемъ и другая, въ высокой степени важная, сторона вопроса: въ силу какихъ основаній тѣ или иныя права признаются подлежащими выкупу или изъятыми изъ него, какого рода принципъ положенъ въ основаніе для опредѣленія права на выкупъ, принципъ ли только собственности или и владенія, на комъ должна лежать обязанность представлять доказательства законности подлежащаго выкупу права? И въ то же самое время, особой статьей, тоже собраніе отмѣнило право, связанное съ феодальными порядками, право создавать вѣчно наслѣдственныя аренды, право, игравшее немалую роль въ созданіи крестьянской собственности.

Борьба короны съ національнымъ собраніемъ изъ-за декретовъ.

Вдобавокъ, принятый собраніемъ декретъ не сразу вошелъ въ законную силу. Его утвержденіе встрѣтило совершенно понятное противодѣйствіе со стороны короны, не желавшей отступать отъ той традиціонной политики, которая была, какъ мы видѣли, усвоена ею задолго до 1789 г. И корона и дворъ стали открыто на сторону противниковъ декрета, а между тѣмъ національное собраніе было убѣждено, что установленіе спокой-

ствія въ странѣ возможно и мыслимо лишь при условіи утвержденія декрета верховной властью.

Между собраніемъ и короной началась борьба изъ-за декрета, борьба, въ извѣстной мѣрѣ объясняющая и оправдывающая тактику средняго сословія, которой оно держалось со дня провозглашенія генеральныхъ штатовъ національнымъ собраніемъ и вплоть до 4 августа. Въ исходѣ борьбы сомнѣній быть не могло послѣ іюньскихъ и іюльскихъ дней, но она затянулась до 3 ноября и тѣмъ самымъ добавила къ ряду другихъ причинъ еще и новую, усиливавшую анархію въ странѣ, разжигавшую все больше и больше ненависть крестьянства къ сеньоріальному режиму и съ каждымъ днемъ создававшую новыя и новыя затрудненія для проведенія реформы сеньоріальныхъ отношеній на той почвѣ, на какую пыталось поставить ее собраніе своимъ актомъ 11 августа и потомъ своими законами 1790 г. На рѣшительное требованіе собранія 19 сентября утвердить декретъ, король 21 сентября вмѣсто утвержденія предписываетъ лишь опубликовать декреты на всемъ протяженіи королевства. Декреты отпечатываются въ королевской типографіи, но собраніе уже 20 октября узнаетъ, что они лежатъ въ типографіи и не распубликованы. Только тогда, наконецъ, но уже по постановленію самого собранія, декреты вписываются въ реестры судовъ, муниципалитетовъ и другихъ учрежденій, становятся законами.

То было полной побѣдой собранія, и двѣ недѣли спустя, 3 ноября, король вынужденъ издать особый указъ, окончательно утверждавшій постановленія собранія по вопросамъ о сеньоральномъ режимѣ.

Феодальная комиссія, ея составъ и характеръ.

Но то была побѣда въ сферѣ политики и политическихъ отношеній. Она ни въ малой степени не гарантировала еще и побѣды надъ сеньоріальнымъ строемъ. Окончательный законъ, который долженъ былъ реформировать отношенія крестьянъ и другихъ лицъ къ сеньорамъ, не былъ еще выработанъ. Комиссія, избранная національнымъ собраніемъ еще 12 августа, едва только конституировалась 9 октября, едва начала свои занятія. Только почти пять мѣсяцевъ спустя она въ состояніи была представить собранію выработанный ею одинъ законопроектъ, а еще два мѣсяца позднѣе, законопроектъ о порядкѣ выкупа. Комиссія эта или comite de la féodalite, состоявшая изъ 30 членовъ, своимъ составомъ изображала самое національное собраніе. Какъ и въ самомъ собраніи и въ комиссіи преобладающее значеніе

получили адвокаты. Ихъ насчитывалось въ комиссіи 16 человѣкъ и къ нимъ нужно причислить Мерлэна и Тронше, считавшихся выдающимися юристами и знатоками сеньоріальнаго права. Сверхъ того, въ комиссіи присутствовали 4 дворянина, одинъ чиновникъ и 2 крестьянина. Какъ и въ собраніи тутъ были и владѣльцы фьефовъ и сеньорій и богатые адвокаты и члены судебнаго сословія, владѣвшіе то фьефами, то сеніоріями. А, главное, въ большинствѣ они были пропитаны теоріями XVIII в., въ частности, февдистовъ, относительно законности сеньоріальныхъ правъ, какъ вытекающихъ изъ ихъ правъ собственности на землю, которую они сдавали землевладѣльцамъ по договору, по спеціальнымъ соглашеніямъ. Два главныхъ руководителя работы комиссіи—Тронше и Мерлэнъ, оба являлись наиболѣе яркими представителями этого теченія юридической мысли.

Понятно, какое направленіе могли получить работы комиссіи при такихъ условіяхъ. Почти всѣ проекты и доклады были вырабатываемы Мерлэномъ, игравшимъ самую видную и вліятельную роль въ комиссіи, гдѣ, какъ и въ собраніи, авторитетъ его стоялъ очень высоко.

Въ рукахъ комиссіи, уже при самомъ началѣ ея работъ, былъ рядъ готовыхъ проектовъ реформы.

Но ни съ однимъ изъ этихъ проектовъ комиссія не согласилась и всѣ ихъ отвергла. Постановленія 4 августа и декретъ 11 августа ставили комиссіи опредѣленныя рамки, давали опредѣленныя указанія. Комиссія рѣшила итти своимъ путемъ, истолковывая августовскіе декреты такъ, чтобы интересы не пострадали...

Проекты комиссіи.

Задача для рѣшенія вопроса о реформѣ сеньоріальныхъ отношеній была, несомнѣнно, не легкая. Мерлэнъ самъ указалъ на это въ своемъ докладѣ комиссіи. «Феодальность заразила собою все, проникла всюду», — писалъ онъ. Когда всѣ договоры, касавшіеся земли, приняли сеньоріальную форму, массы чисто земельныхъ рентъ подчинены были, подобно цензивѣ, дѣйствію пошлины, при переходѣ имущества, lods et ventes, и потому самому создавали почву для предположенія о существованіи и здѣсь сеньоріальнаго права, directe seigneuriale. Онъ мало подозрѣвалъ, что хаосъ былъ, въ дѣйствительности, гораздо большимъ, не въ силу лишь однихъ указанныхъ имъ причинъ, а вслѣдствіе внутреннихъ измѣненій отношеній, все еще покры-

вавшихся старыми именами и названіями. Сохранилась форма, сущность же давно исчезла. Да, кромѣ того, полный почти, хотя и медленный, переворотъ совершился въ странѣ: личная зависимость со многими ея послѣдствіями совершенно исчезла, оставались кое-гдѣ лишь слѣды, да и то только болѣе формальные.

Мерлэнъ, а вслѣдъ за нимъ и комиссія, нашли иной, болѣе легкій способъ распутать этотъ хаосъ. Въ своихъ предположеніяхъ реформы они, исходя изъ толкованія чисто юридическихъ декретовъ 4 августа, установили то положеніе, что декретами всѣ фьефы прекратили свое существованіе и превратились въ простую форму собственности, и что, слѣдовательно, сеньоры перестали быть таковыми и являются простыми кредиторами поземельныхъ долговъ. Вопросъ о законодательныхъ декретахъ при такихъ условіяхъ рѣшался просто: для всѣхъ частныхъ случаевъ разверстанія отношеній достаточно установить порядокъ разверстанія, какой примѣняется къ отношеніямъ простого кредитора къ простому должнику, устраняя и забывая то, что было реально, что существовало и составляло корень всего вопроса: отношенія сеньора-кредитора къ должнику-цензитарію, или должнику-вассалу. И эта точка зрѣнія комиссіи, принятая и осуществленная въ законѣ 15 марта 1790 г., явилась основнымъ базисомъ реформы. Статья 1-я перваго отдѣла гласила: «Всѣ полезныя права (droits utiles), сохраняющія свое существованіе до выкупа, приравниваются къ простымъ рентамъ и поземельнымъ повинностямъ».

Критика этихъ проектовъ.

Но отсюда вытекалъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые нужно было рѣшить, чтобы дать возможность практическаго примѣненія закона. Какого рода эти «полезныя права», какъ выдѣлить ихъ изъ цѣлой суммы тѣхъ многообразныхъ правъ и повинностей, которыя порождены были сеньоріальнымъ режимомъ? Если все сводится къ простымъ отношеніямъ кредитора и должника, на комъ лежитъ обязанность доказательства того, что данное право дѣйствительно полезно и не подлежитъ отмѣнѣ безъ выкупа? То были вопросы, которые возбуждались и въ комиссіи, и болѣе всего, въ современныхъ брошюрахъ, трактовавшихъ о сеньоріальной реформѣ, въ родѣ брошюры, наиболѣе выдающейся и принадлежавшей перу Будена («Reflexions sur le rachat des droits fèodaux, 1790»), подвергшаго жестокой, но совершенно справедливой и вѣрной критикѣ все искусственное зданіе, соору-

женное комиссіей. Съ цѣлью разобраться въ хаосѣ сеньоріальныхъ отношеній и правъ и выполнить постановленія августовскихъ декретовъ, комиссія предприняла совершенно безнадежную работу выдѣленія правъ узурпированныхъ и, слѣдовательно, подлежащихъ отмѣнѣ, отъ законныхъ правъ (droits legitimes). Въ этихъ видахъ она раздѣлила всю сумму сеньоріальныхъ правъ на 2 категоріи: на права личныя (droits personnels), которыя, съ ея точки зрѣнія, нѣкогда, во времена смутъ, когда сеньоръ давалъ охрану и обезпечивалъ трудъ вассалу, были, можетъ-быть, и законнымъ, но сдѣлались безполезными и несправедливыми съ того момента, какъ сеньорія превратилась въ инертное и вредное учрежденіе, и на права реальныя (droits réels), налагающія извѣстныя повинности на лицъ при посредствѣ земли, повинности, падающія на землю и составляющія плату за уступку земли собственникамъ. Согласно отчасти августовскимъ декретамъ къ личнымъ правамъ, подлежавшимъ отмѣнѣ безъ выкупа, были причислены всѣ тѣ, которыя, по выраженію проекта, вытекали изъ того, что «одно лицо могло бы требовать отъ другого, какъ его собственности». Отсюда, длиннѣйшій, но вовсе не исчерпывающій перечень правъ, — перечень, который вынуждены были, по понятнымъ причинамъ, сдѣлать и комиссія и собраніе. Тутъ были права и крѣпостной зависимости, и main-morte личная, и барщины, и все то, что являлось, по теоріи, платой за покровительство сеньору, цѣлый рядъ монопольныхъ правъ сеньора (право предпочтительной продажи вина, баналитеты разнаго рода и т. д.), пошлины при въѣздахъ, переѣздахъ черезъ мосты, по дорогамъ и т. д. и т. д. Если бы реформа такого рода имѣла мѣсто много столѣтій назадъ, она была бы исполнима и понятна, но въ XVIII в. большая часть такихъ отмѣняемыхъ безвозмездно правъ уже болѣе не существовала. То, что жило, что давило, что вызывало раздраженіе и на отмѣнѣ чего настаивали крестьяне, было слѣдствіе этихъ отжившихъ правъ, отжившихъ учрежденій. Но именно эти-то послѣдствія не были подведены подъ категорію личныхъ правъ, а отнесены къ правамъ реальнымъ. Реакція противъ декретовъ 4 августа, — реакція, нашедшая поддержку при дворѣ, сказалась на работахъ комиссіи: попытка обезпечить выгоды за кредиторами-сеньорами были несомнѣнны и были успѣшны. Какъ выразился Буденъ, комиссія и собраніе отмѣняли почти исключительно лишь такія права, которыя уже исчезли, и сохра-

няли тѣ, которыя ихъ замѣняли и были болѣе всего распространены. Законъ 15 марта лишь зарегистровалъ то, что создалось самой жизнью, что она сама измѣнила и отмѣнила, но все остальное, всѣ выгодныя права, каково бы ни было ихъ происхожденіе, сохранялись впредь до выкупа. То были droits fixes, какъ-то: феодальныя ренты, чинши, шампаръ и т. п., и droits casuels какъ lods et ventes и др., а равно и тѣ изъ личныхъ правъ, которыя вытекали якобы изъ факта уступки земли. Сеньоріальный режимъ объявленъ былъ на бумагѣ, de jure, отмѣненнымъ, но всѣ послѣдствія его были удержаны почти въ полной силѣ.

Но дѣло отмѣны поставлено было еще въ худшія условія. Несмотря на раздѣленіе всѣхъ сеньоріальныхъ правъ на двѣ категоріи, для ряда частныхъ случаевъ были сдѣланы изъятія и изъ первой категоріи были перенесены во вторую такія права, относительно которыхъ будетъ доказано, что онѣ — результатъ предполагаемой уступки земли сеньорамъ. Особенно характерны способы и средства, которые установлены были для достиженія этой цѣли. Приравнивая сеньоровъ къ кредиторамъ, а вассаловъ и крестьянъ — къ должникамъ, комиссія и собраніе должны были бы возложить на кредитора обязанность доказывать свое право. Но они поступили какъ разъ наоборотъ: всю тяжесть доказательствъ противъ признанія какого-либо права подлежащимъ выкупу возложили на должниковъ. Съ точки зрѣнія закона 15 марта лучшимъ доказательствомъ существованія права сеньора является практическое обладаніе имъ этимъ правомъ. Доказывать, что всѣ такія права не подлежатъ выкупу, что они — результатъ узурпаціи, — должны были крестьяне, и это, когда всѣ акты, опорочивающіе или подтверждающіе эти права могли находиться и находились въ рукахъ сеньоровъ, въ ихъ архивахъ. Наоборотъ, достаточно было предъявленія такого первичнаго (primordial) акта сеньоромъ, достаточно было сослаться на reconnaissances, или livres terriers, т.-е. описи земель и повинностей, чтобы данныя права, безразлично отъ ихъ категорій, были признаны выкупаемыми. И это, когда нерѣдко и тѣ и другіе являлись результатомъ хитрости или насилія, были узурпаціей. Болѣе того, въ случаѣ потери такихъ актовъ (titres), вслѣдствіе ли пожара, или разрушенія и грабежа замка, законъ 15 марта допускалъ свидѣтельскія показанія или представленіе

двухъ reconnaissances, если они идентичны, въ удостовѣреніе, что владѣніе правами продолжалось въ теченіе 30 лѣтъ.

Правда, позже комитетъ по частному случаю рѣшилъ, что сеньоръ долженъ предъявить документы, если противная сторона того потребуетъ. Но это было платоническимъ рѣшеніемъ, такъ какъ сеньоръ, въ случаѣ если первичный актъ былъ противъ него, отказывался отъ представленія документа, ссылаясь на его утерю или неимѣніе его. Единственной сколько-нибудь благопріятной для вассала и крестьянина была лишь одна статья закона, въ силу которой при существованіи многихъ документовъ, неблагопріятныхъ для нихъ, долженъ былъ быть принимаемъ во вниманіе тотъ документъ, который былъ наименѣе отяготительнымъ для нихъ, хотя сеньоръ все-таки могъ доказывать, что самымъ точнымъ и справедливымъ является именно наиболѣе обременительный. Да вдобавокъ, декретируя всю эту систему юридическихъ доказательствъ права, устанавливая свободу сеньоровъ отъ представленія первичныхъ документовъ, взваливая на крестьянъ и вассаловъ обязанность предъявленія доказательствъ и документовъ, и комиссія, и собраніе упустили изъ виду, что если и можно было оправдать до нѣкоторой степени эту систему для той части Франціи, гдѣ примѣнялся принципъ nulle terre sans seigneur, то она въ корнѣ нарушала другой принципъ, господствовавшій на югѣ, принципъ: nul seigneur sans titre, тотъ самый, на который не разъ ссылались сельскіе наказы, настаивая на примѣненіи его въ судахъ. Между тѣмъ, для всѣхъ тѣхъ правъ, которыя и комиссія и собраніе признали реальными, т.-е. для большей части сеньоріальныхъ правъ, какъ общее правило для всей страны было установлено, что доказывать ихъ незаконный характеръ и происхожденіе — обязанность крестьянъ, цензитаріевъ и вассаловъ.

Дѣла передавались въ руки суда, и возможность такъ или иначе покончить, если не со всѣмъ сеньоріальнымъ режимомъ, то хотя съ отдѣльными проявленіями его, откладывалась на долгое и неопредѣленное время. Вся та борьба, которую на этой почвѣ вели крестьяне съ сеньорами въ 1789 г., въ большинствѣ случаевъ проигрывавшихъ свои иски въ парламентахъ, грозила возобновиться вновь и создать безконечную серію процессовъ, тѣмъ болѣе, что дѣло разверстанія отношеній не было регулировано и представлялось свободной волѣ сторонъ. Всѣ невыгоды въ процессахъ должны были остаться попрежнему на

сторонѣ цензитаріевъ и вассаловъ. Было дано обѣщаніе реформировать весь старый земельный строй, опиравшійся на обычное право, на кутюмы, между тѣмъ, именно это то обычное право и легло въ основаніе закона 1790 г. Всѣ правила, установленныя кутюмами, утверждавшими фактъ, а не право, были сохранены, и разъ должникъ не могъ доказать противнаго, владѣніе сеньора сохранялось, и должникъ вынужденъ продолжать платить и чиншъ и другія повинности, свозить все это попрежнему въ замокъ сеньора или въ иное, указанное сеньоромъ, мѣсто. «Всѣ споры о существованіи и характерѣ реальныхъ правъ должны рѣшаться на основаніи доказательствъ, допускаемыхъ кутюмами, статутами и правилами, соблюдавшимися до настоящаго времени», такъ гласилъ законъ 15 марта 1790 г. Между тѣмъ сущность всей борьбы съ сеньоріальнымъ режимомъ происходила какъ разъ въ плоскости факта владѣнія, и вся масса земледѣльческаго населенія и до, и послѣ 1789 г. всячески протестовала именно противъ того, что доказывало фактъ владѣнія, т.-е. тѣхъ reconnaissances, которыя составлялись февдистами во второй половинѣ XVIII в.

Проектъ выкупа сеньоріальныхъ правъ.

Правда, отмѣняя сеньоріальный режимъ своими августовскими декретами и возлагая на земледѣльческое населеніе, какъ и на другія группы населенія, обязанность уплаты сеньоріальныхъ правъ, подлежащихъ выкупу, собраніе давало обѣщаніе въ самомъ непродолжительномъ времени спеціальнымъ закономъ опредѣлить систему и порядокъ этого выкупа, введеніе котораго и должно было покончить старый порядокъ вещей. Но закона этого пришлось населенію ожидать очень и очень долгое время, такъ какъ только 9 мѣсяцевъ спустя, 3—9 мая 1790 г., былъ окончательно принятъ декретъ о выкупѣ. Но что это былъ за декретъ, что это была за система выкупа? Обязательный выкупъ былъ отвергнутъ. Признанъ выкупъ чисто факультативный. Законъ предоставлялъ сторонамъ полную свободу при сдѣлкахъ и соглашеніяхъ, и благодаря этому устанавливалъ, какъ основное положеніе, что ни сеньору, ни цензитарію не предоставлялось права требовать выкупа, заставлять другую сторону приступить къ нему. Выкупъ, и такимъ образомъ прекращеніе сеньоріальнаго строя, отодвигались на долгое время, и это тѣмъ болѣе, что на почвѣ нормъ, установленныхъ закономъ 15 марта, судебнымъ спорамъ и пререканіямъ было открыто широкое поле. Малѣйшее разногласіе въ оцѣнкѣ спорнаго права

влекло судебную волокиту. Еще хуже стояло дѣло въ отношеніи самаго выкупа. Комиссія и вслѣдъ за ней и собраніе отвергли принципъ личнаго выкупа. Во всѣхъ случаяхъ солидарности зависимыхъ лицъ въ отбываніи повинностей и платежныхъ правъ, — а такіе случаи представляли подавляющую массу, — выкупъ долженъ былъ быть тоже солидарнымъ. Отдѣльный цензитарій при такихъ условіяхъ долженъ былъ для своего освобожденія уплатить выкупъ за всѣхъ сотоварищей, если эти послѣдніе не желали приступить къ нему. Но это было наименьшимъ затрудненіемъ, созданнымъ закономъ. Худшимъ было другое постановленіе, обязывавшее цензитарія при выкупѣ земли выкупать не только всѣ лежавшія на ней постоянныя права (droits fixes), но и временныя и случайныя (droits casuels), т.-е. не только чиншъ, шампаръ и т. п., но и droit de lods et ventes (пошлину съ перехода имущества изъ рукъ въ руки), составлявшія то треть, то даже половину стоимости цензивы. Выкупная сумма сразу подымалась до такихъ размѣровъ, которые дѣлали выкупъ для большинства населенія совершенно немыслимымъ, особенно въ странѣ, гдѣ капиталовъ было, какъ мы знаемъ, мало и кредитъ былъ неорганизованъ (собраніе не подумало даже о какой-либо его организаціи для облегченія выкупной операціи). Вдобавокъ, отъ выкупающагося требовалось при выкупѣ и погашеніе всѣхъ сдѣланныхъ имъ недоимокъ за прежнее время. Законодатель умолчалъ о томъ, должна ли быть при уплатѣ недоимокъ сдѣлана какая-либо скидка въ томъ или иномъ процентѣ, т.-е. то, что допускалось и практиковалось при старомъ режимѣ. Выкупъ сеньоріальныхъ повинностей и правъ становился, такимъ образомъ, совершенно невозможнымъ для громаднаго большинства населенія, которое, въ силу декретовъ 11 августа, такъ же, какъ и 15 марта, обязано было впредь до выкупа нести всѣ тѣ повинности, уплачивать всѣ тѣ права, признанныя подлежащими выкупу, — какія оно несло и платило при старомъ режимѣ. Отмѣненный 4 и 11 августа сеньоріальный режимъ сохранялся во всей своей сущности и, слѣдовательно, былъ признанъ уничтоженнымъ лишь на бумагѣ. Сущность сеньоріальнаго режима сохранилась только подъ другой кличкой.

Какъ отнеслась страна къ реформамъ конститу-

Понятно, каковы могли быть результаты всей этой дѣятельности національнаго собранія при томъ возбужденіи, какое царило въ странѣ, при томъ нетерпѣливомъ ожиданіи реформъ, какое охватило все населеніе. Крайняя медленность, съ какою

анты въ сферѣ сеньоріальныхъ правъ.

велось дѣло созданія и выработки законовъ, долженствовавшихъ на дѣлѣ покончить съ сеньоріальнымъ режимомъ, платоничность первыхъ декретовъ, изданныхъ собраніемъ, задержка въ утвержденіи даже этихъ послѣднихъ, не могла не отразиться на населеніи такъ же, какъ и на всѣхъ тѣхъ, чьи интересы были существеннымъ образомъ затронуты провозглашеніемъ отмѣны стараго строя, уничтоженія сеньоріальныхъ отношеній. Страну, гдѣ въ теченіе уже ряда мѣсяцевъ ожиданіе реформы создало цѣлый рядъ активныхъ дѣйствій массы, держали въ совершенно неопредѣленномъ положеніи, въ полномъ недоумѣніи относительно того, уничтоженъ или нѣтъ сеньоріальный режимъ, что уничтожено, что подлежитъ выкупу и, слѣдовательно, платежу до выкупа, какъ выкупать права. Реакція, которая, какъ мы видѣли, началась послѣ 4 августа, усилилась благодаря какъ отказу короны утвердить декретъ, такъ и агитаціи придворныхъ, и уже въ концѣ 1789 г. со стороны сеньоровъ обнаружилось явное стремленіе не считаться съ декретами, и сеньоры начали борьбу за сохраненіе отмѣненныхъ правъ.

Протесты крестьянъ и измѣненіе его отношенія къ національному собранію.

Безконечный рядъ жалобъ со стороны крестьянъ на дѣйствія сеньоровъ сталъ сыпаться въ феодальную комиссію. И почти непосредственно послѣ 4 августа начинается повтореніе, но въ болѣе ясной, опредѣленной формѣ и уже въ этотъ разъ несомнѣнно идущихъ непосредственно отъ крестьянъ наказовъ. Крестьяне жалуются на то, что сеньоры не признаютъ, вопреки декретамъ собранія и санкціи короля, того, что они лишены ихъ сеньоріальныхъ правъ, что февдисты работаютъ во всю, и что старый режимъ продолжаетъ дѣйствовать. И крестьянская масса то,—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и селахъ,—отказывается уплачивать сеньоріальныя права и нести сеньоріальныя повинности, толкуя декреты 4 и 11 августа по своему, то требуетъ, чтобы собраніе точно опредѣлило ихъ права, облегчило справедливое рѣшеніе сеньоріальнаго вопроса. Еще до опубликованія декретовъ 15 марта 1790 г. крестьянская масса, въ большинствѣ, вѣрила національному собранію,—и это сказывается въ почтительномъ тонѣ обращеній къ нему со стороны крестьянъ,—она надѣялась, что просьбы ея будутъ услышаны. Большинство добивалось того, чтобы были опредѣлены размѣры и способы выкупа, чтобы всѣ сеньоры, въ двухнедѣльный или иной срокъ, представили ранніе и настоящіе акты (titres), устанавливающіе ихъ право на сеньоріальную землю и на взиманіе

сеньоріальныхъ правъ, чтобы до выкупа никакія иныя права, кромѣ правъ, признанныхъ правильными путемъ провѣрки этихъ titres, не были впредь взимаемы, чтобы сеньоры вернули каждому цензитарію излишки противъ взысканнаго съ него свыше права, чтобы были уничтожены и отмѣнены пошлины съ перехода имущества (lods et ventes), чтобы установлена была закономъ обязанность сеньоровъ выполнить все это подъ угрозой потери цензовъ и сеньоріальныхъ правъ, чтобы уменьшены были, какъ-то дѣлалось раньше, размѣры недоимокъ и т. п. Съ особенной энергіей протестовали они противъ признанія права сеньора ссылаться на давность владѣнія, на акты, подтверждающіе эту давность, доказывая всячески, что всѣ эти акты, всѣ эти reconnaissances, livres terriers и т. п. измѣняли характеръ первичныхъ актовъ (titres primordiaux), вводя новыя права или разными способами увеличивая размѣръ уже существовавшихъ.

Жалобами такого рода феодальная комиссія была наводнена, но всѣ онѣ оставлены были безъ удовлетворенія, и въ народной массѣ все болѣе и болѣе росло подозрѣніе, что національное собраніе, на которое она возлагала послѣ 4 августа такія надежды, находится въ рукахъ сеньоровъ, держитъ ихъ сторону, что сеньоріальный режимъ вовсе не уничтоженъ, что его стараются сохранить вопреки заявленію объ его отмѣнѣ и уничтоженіи. Опубликованіе декретовъ 15 марта и вслѣдъ за тѣмъ декретовъ майскихъ, устанавливавшихъ порядокъ и формы выкупа, превратило это подозрѣніе въ увѣренность. Тогда тонъ и характеръ жалобъ и обращеній крестьянъ къ собранію рѣзко и рѣшительно измѣняется. Это уже не просьбы, а рядъ протестовъ. Все чаще и чаще раздаются теперь требованія либо выкупа при помощи націи, либо полной отмѣны сеньоріальнаго строя.

Недовольство и раздраженіе крестьянства въ теченіе 1791 г. возрастаютъ все болѣе и болѣе. Даже тѣ, кто готовъ былъ бы выкупить права, лежащія на его землѣ, не въ состояніи сдѣлать это. Декреты дали въ руки сеньоровъ настолько сильное орудіе для борьбы за сохраненіе признанныхъ выкупаемыми сеньоріальныхъ правъ, сами сеньоры стали пользоваться имъ съ такимъ все болѣе и болѣе усиливающимся рвеніемъ, что о практическомъ осуществленіи реформы нечего было и думать. Въ феодальную комиссію то и дѣло поступаютъ жалобы на то, что сеньоры всячески препятствуютъ выкупу, ставятъ и предъявляютъ такія требованія, которыя не даютъ возможности при-

ступить къ выкупу. А это все создаетъ на всемъ почти пространствѣ страны все болѣе и болѣе растущее раздраженіе, обостряетъ ненависть крестьянъ къ сеньорамъ.

Новая жакерія.

Затихшая было послѣ 4 августа іюльская жакерія, теперь, послѣ опубликованія декретовъ 15 марта и 5 мая, вспыхнула вновь и съ немалой силой, охвативши и рядъ новыхъ мѣстъ. За криками озлобленія и раздраженія, вылившимися въ тѣхъ заявленіяхъ, которыми крестьяне засыпали національное собраніе послѣ изданія декретовъ, за выраженіемъ съ ихъ стороны недовѣрія къ нему, начался рядъ активныхъ движеній: нападеній на замки, сожженій сеньоріальныхъ бумагъ. Вторая половина 1790 и первая 1791 гг. прошли въ такихъ движеніяхъ крестьянской массы, достигая въ бывшемъ Руергѣ, Керси и части Лимузена до размѣровъ настоящаго бунта. Національному собранію то и дѣло доносили о смутахъ и жакеріяхъ, имѣвшихъ мѣсто и въ деп. Ньевръ, и въ деп. du Gers, и въ Soiret, и Seine, и Marne, и въ Indre et Loire, и въ Aube и т. д. Значительная часть Франціи была охвачена этимъ движеніемъ. И то, что было особенно характерно въ этихъ движеніяхъ, это зарождавшееся и усиливавшееся, благодаря декретамъ, недовѣріе въ средѣ крестьянъ къ городамъ, къ горожанамъ. Эти послѣдніе получили все и всяческія свободы, крестьяне же «были забыты». И они проникались увѣренностью въ томъ, что главной причиной являлось то обстоятельство, что весь составъ представительства, — какъ то писали крестьяне общины Лурмаренъ (Bouches de Rhône), состоялъ изъ лицъ, вышедшихъ изъ городовъ. А между тѣмъ города обложены лишь ничтожными сеньоріальными правами, тогда какъ деревни стонутъ отъ сеньоровъ, ихъ агентовъ, фермеровъ-откупщиковъ сторожей сеньоріальныхъ безчисленныхъ правъ, да и вдобавокъ забыты: никто не заикается о нихъ. А это то, что убиваетъ революціонный духъ среди земледѣльцевъ, заставляя ихъ опасаться возвращенія стараго порядка вещей, а съ нимъ и мести со стороны бывшихъ сеньоровъ противъ тѣхъ, кто выказалъ себя «защитникомъ общественной пользы». И они прибавляли, что «не должно забывать одного: свобода и феодализмъ не могутъ жить бокъ о бокъ», если одна часть страны стонетъ подъ давленіемъ ужасающаго режима, и притомъ та часть, которая питаетъ страну, то революція не пріобрѣтетъ симпатій, а конституція не укрѣпится въ ней. Изгоните чудовище феодализма, и ввергнутыя въ

горе и страданіе деревни превратятся въ самый прочный оплотъ для республики».

Политика національнаго собранія въ отношеніи крестьянъ.

Но ни на феодальную комиссію, ни на національное собраніе всѣ эти заявленія и усиливающаяся смута не оказывали вліянія. Подъ впечатлѣніемъ первыхъ же извѣстій о волненіяхъ среди крестьянъ, собраніе издало цѣлый рядъ декретовъ, направленныхъ къ подавленію даже силой возобновившагося движенія. Вновь и съ большей настойчивостью предписано было уплачивать права во что бы то ни стало; отмѣненную 4 августа десятину возстановляютъ и приказываютъ уплачивать натурою. Все это впредь до изданія закона или до выкупа. 15 іюля 1790 г. уже предписано привести въ исполненіе угрозу отдачи подъ судъ непокорныхъ, а еще позднѣе отдается приказъ дѣйствовать вооруженной силой, посылать городскія милиціи для усмиренія. Но все это оказывается безрезультатнымъ. Волненія растутъ и ширятся, и собраніе вынуждено уступить. Но уступки—частичныя, второстепенныя. Разрѣшается крестьянамъ требовать предъявленія имъ сеньоромъ первичныхъ актовъ, только не давая ихъ имъ въ руки, а показывая ихъ въ сеньоріальномъ архивѣ, но основной принципъ: право владѣнія остается нерушимымъ, какъ нерушимой остается и принятая система выкупа. О томъ успокоеніи, на которое разсчитывалъ Ноайль, когда 4 августа 1789 г. онъ произносилъ въ собраніи свою рѣчь, не могло быть и рѣчи. Собраніе упорно вѣрило въ свое дѣло, изумлялось, какъ столь «ясное» и «справедливое» дѣло можетъ казаться неяснымъ и несправедливымъ, и своимъ упорствомъ, вмѣсто успокоенія, создавало все больше и больше новые предлоги для смуты. Между законодательствомъ и страной образовалась пропасть, заполнить которую собраніе оказалось безсильнымъ. Задуманная реформа не могла быть примѣнена къ жизни, оказалась мертворожденной, и къ концу своей дѣятельности національное собраніе стало сознавать и чувствовать это все яснѣе и яснѣе. Феодальная комиссія собиралась все рѣже, оставляя безъ отвѣта сыпавшіеся въ нее запросы, протесты, мемуары и пр. А въ странѣ, въ которой уже началась эмиграція дворянства, усиливались все больше и больше вражда и ненависть къ сеньоріальному режиму, который обѣщали уничтожить, но который продолжалъ существовать въ деревняхъ, несмотря на торжественное провозглашеніе его отмѣны... Болѣе того: росла и усиливалась ненависть къ законодательнымъ актамъ консти-

туанты, росло требованіе полнаго пересмотра ихъ, замѣны новыми подъ угрозой бунта и гражданской войны.

Легислатива: колебанія ея въ вопросѣ о сеньоріальныхъ правахъ.

Но и новое собраніе, Легислатива, смѣнившее Учредительное собраніе, долгое время не рѣшалось сдѣлать сколько-нибудь рѣшительныхъ шаговъ въ отвѣтъ на возраставшія требованія крестьянства. Правда, вскорѣ послѣ открытія ея засѣданій, 14 октября 1791 г., было рѣшено образовать вновь комиссію для разсмотрѣнія «феодальныхъ» дѣлъ изъ 12-ти человѣкъ. Дюмоларъ, одинъ изъ членовъ новаго собранія, мотивировалъ необходимость этой мѣры тѣмъ, что «незнакомство съ мѣстными условіями привело къ нѣкоторымъ ошибочнымъ мѣрамъ, послужившимъ предлогомъ для бывшихъ сеньоровъ дѣйствовать въ ущербъ цензитаріямъ, что благодаря этому создалось масса недоимокъ, увеличивающихся все болѣе и болѣе и могущихъ повлечь за собой опасныя послѣдствія для крестьянства». Но о какой-либо критикѣ декретовъ конституанты не было и рѣчи, и комиссія, образованная тогда же, проявляла слабые признаки жизни и дѣятельности. Престижъ конституанты въ глазахъ новаго собранія былъ еще очень великъ, и никто не рѣшался покуситься на авторитетъ декретовъ 15 марта. Даже тогда, когда одинъ изъ депутатовъ, Крестэнъ (Crestin), представитель департамента Верхней Соны, поднялъ было вопросъ о неправильности постановленія конституанты относительно mains-mortes réelles, отнесенныхъ къ числу выкупаемыхъ правъ, вопреки ихъ прямому смыслу, какъ вытекающихъ изъ прежней крѣпостной зависимости, ни онъ ни собраніе не рѣшались, да и не думали ни критиковать законъ во всей его совокупности, ни возбуждать вопроса объ его отмѣнѣ. Рѣчь Крестэна была преисполнена выраженіями глубочайшаго уваженія къ законамъ конституанты. Точка зрѣнія, съ какой разсматривала конституанта вопросъ о реформѣ сеньоріальныхъ отношеній, точка зрѣнія, вытекавшая изъ прочно вкоренившихся юридическихъ воззрѣній XVIII в. на собственность, была раздѣляема и многими изъ тѣхъ, кто занялъ скамьи Легислативы. Не одинъ Дези (Deusy) стоялъ на точкѣ зрѣнія на вопросъ, какъ всецѣло входящій въ область гражданскаго права, въ духѣ XVIII в., съ полнымъ почти исключеніемъ точки зрѣнія цѣлесообразности, на которой настаивалъ въ своей брошюрѣ Будэнъ. Поэтому продолжавшееся и неустанное давленіе на собраніе со стороны крестьянской массы лишь очень слабо на первыхъ порахъ отражалось на дѣятельности феодальной

комиссіи. Съ октября 91 г. по февраль 1792 г. она не обнаружила признаковъ жизни, что побудило одного изъ депутатовъ потребовать отъ нея, въ засѣданіи 12 февраля, представленія законопроекта, который покончилъ бы съ сеньоріальнымъ режимомъ. Наканунѣ собраніе приняло извѣстный декретъ противъ эмигрантовъ. Теперь, говорилъ депутатъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, собранію необходимо издать другой декретъ въ пользу и защиту тѣхъ, кто остался вѣрнымъ отечеству. «Декреты національнаго собранія,—заявилъ депутатъ,—совершенно иллюзорны, такъ же, какъ и обѣщанія его разрушить феодальный режимъ. Я требую, чтобы былъ выработанъ новый декретъ комиссіей, и чтобы она, исправивши все то, что сдѣлано конституантой, вывела бы народъ изъ рабства, которое тяготѣетъ надъ нимъ даже и въ дни свободы».

Рѣчь Кутона.

Семнадцать дней спустя, 29 февраля, то же предложеніе, но еще въ болѣе рѣзкой и рѣшительной формѣ, было сдѣлано депутатомъ Оверни, Кутономъ. Рѣчь его, произнесенная внѣ очереди, была сплошной и безпощадной критикой и всего законодательства конституанты, и всего образа ея дѣйствій. Почти все то, что высказывали крестьяне въ своихъ петиціяхъ, въ обращеніяхъ къ собранію, чего они требовали, нашло оттолосокъ въ рѣчи Кутона, отбросившаго всѣ выраженія похвалы и превознесенія конституанты. Въ унисонъ съ крестьянами, теперь уже титуловавшими законы конституанты «злодѣйскими» (scélerates), онъ старался доказать, что конституанта своими декретами превратила великій актъ 4 августа «въ сновидѣніе, обманчивую иллюзію, породившую одну лишь скорбь и сожалѣнія». И это потому, что ея декреты «отняли у народа надежду освободиться въ одинъ прекрасный день и отъ деспотизма бывшихъ сеньоровъ, и отъ грабежа и насилій ихъ агентовъ», что она сама сдѣлала все, чтобы затруднить дѣло освобожденія, обнаружила «несправедливую по отношенію къ народу щедрость, выгодную однимъ сеньорамъ», и что ея декреты составлены такъ, «какъ будто ихъ продиктовали сами сеньоры». И онъ потребовалъ пересмотра, какъ списка тѣхъ правъ, которыя были признаны подлежащими выкупу, такъ и самой системы выкупа,—системы, и несправедливой, и непригодной въ смыслѣ практическаго ея примѣненія, потребовалъ отмѣны какъ солидарности выкупа, такъ и обязательной одновременности выкупа и постоянныхъ и временныхъ правъ. То былъ первый серьезный ударъ, нанесенный

декретамъ конституанты съ трибуны законодательнаго собранія. Рѣчь было рѣшено отпечатать, распространить повсюду, а комиссіи предложено ускорить дѣло пересмотра.

Собраніе своимъ рѣшеніемъ, своими продолжительными аплодисментами подчеркнуло и тѣ мотивы, которыми руководился Кутонъ, произнося свою рѣчь, мотивы, представлявшіе рѣзкую противоположность съ тѣми, которые легли въ основу работъ комиссіи, избранной конституантой. Послѣдняя смотрѣла на вопросъ съ чисто юридической стороны, съ точки зрѣнія права и существующихъ законовъ, она рѣшила его въ этой узкой сферѣ, не считаясь съ обстоятельствами и условіями, упорно отстаивая малѣйшее проникновеніе принципа цѣлесообразности въ ея работу. Теперь рѣчь Кутона сразу порывала съ этой традиціей, созданной и укрѣпленной конституантой. Изъ сферы гражданскихъ отношеній вопросъ переносился въ сферу политики и въ область цѣлесообразности. Новыя обстоятельства давили на страну и необходимо вызывали потребность въ реагированіи. Уже 1 января 1792 г. устами швейцарскаго корреспондента «Монитера» всей странѣ было объявлено о той опасности, которая грозитъ ей: опасности войны, неизбѣжными результатами которой, въ случаѣ пораженія, должно было явиться возстановленіе всего стараго, а равно и сеньоріальнаго режима. «Вся Европа,—писалъ корреспондентъ,—всѣ ея кабинеты, всѣ ея суевѣрія, всѣ ея феодальности угрожаютъ Франціи». И то не было бравадой. Съ высоты императорскаго германскаго трона раздалось слово, грозившее Франціи войной и коалиціей всей старой Европы, если Франція не откажется отъ всего того, что создала она съ августа 1789 года. Декларація императора отъ 3 декабря 1791 г. содержала въ себѣ недвусмысленное требованіе «прекратить всѣ нововведенія, принятыя въ теченіе августа 1789 г. и возстановить заинтересованныхъ лицъ въ пользованіи ими всѣми тѣми доходами, которые были у нихъ отняты». Ни для кого не было тайной, что извнѣ энергично поддерживалась политика сопротивленія декретамъ со стороны заинтересованныхъ лицъ, въ каждой деревнѣ, и это свидѣтельствуетъ петиціи крестьянъ,—всѣ знали о томъ, что дѣлаютъ, и что намѣрены сдѣлать эмигранты. Все это происходило въ то время, когда ликвидація старыхъ порядковъ не была почти начата, когда декреты оказались мертвой буквой, когда въ странѣ царило все болѣе и болѣе усиливающееся недовольство, когда требованіями покончить съ сенью-

ріальнымъ режимомъ,—требованіями, исходящими со стороны того класса населенія, который составлялъ громадное большинство его, завалено было законодательное собраніе. Не пустымъ звукомъ были слова, произнесенныя вслѣдъ за рѣчью Кутона депутатомъ Муиссе (Mouysset). «Обращаю ваше вниманіе, — говорилъ онъ, — что требованія, которыя вы услышали изъ устъ оратора, не единоличны: цѣлая масса другихъ требованій, извѣстныхъ многимъ депутатамъ, должна же, наконецъ, приковать ваши взоры».

Опасность, грозящая извнѣ, представлялась очень значительной и, въ виду настроенія народной массы, необходимость дѣйствія, необходимость привлечь ее на сторону революціи, связать ее съ нею неразрывными узами, казалась неизбѣжной. Единственный путь къ спасенію — итти навстрѣчу тѣмъ желаніямъ, тѣмъ требованіямъ, съ какими эта масса обращалась и къ конституантѣ, и къ Легислативѣ. И это сказалось вполнѣ въ принятыхъ съ энтузіазмомъ мотивахъ Кутона. «Какъ ни сильна наша армія,—восклицалъ Кутонъ,—она не оправдаетъ нашихъ ожиданій, пока она и вся нація не соединятся воедино, пока народъ, достаточно расположенный къ тому, не соединится съ арміей и въ чувствахъ и, если то будетъ нужно, и въ дѣйствіи». И что же необходимо предпринять, чтобы достигнуть этого въ минуту, когда «придется съ оружіемъ въ рукахъ защищать нашу свободу противъ соединенныхъ усилій тирановъ», спрашивалъ Кутонъ. «Вы видѣли въ адресахъ и обращеніяхъ къ народу единственное средство вліять. Я не осуждаю его, но въ моихъ глазахъ оно играетъ второстепенную роль. Предлагаемое мною средство иного рода: вы хотите просвѣщать его, я предлагаю облегчить его. Вы хотите привязать его къ революціи рѣчами, а я предлагаю привлечь его къ ней справедливыми и благотворными законами, всегда живая память о которыхъ сдѣлаетъ для него священнымъ и титулъ и обязанности гражданина». И то обстоятельство, что центральнымъ пунктомъ для осуществленія этой цѣли была указана реформа сеньоріальнаго режима, что предложеніе это было принято, показывало, насколько подъ одновременнымъ дѣйствіемъ и видимой опасности и грознаго, усиливавшагося недовольства крестьянской массы совершился мало-по-малу поворотъ отъ прежней политики аграрной къ новой, слѣдовавшей по пятамъ нарастающихъ требованій крестьянской массы и вынужденной осуществить полностью торжествен-

ное обѣщаніе 4 августа: полную и дѣйствительную отмѣну сеньоріальнаго строя.

Измѣненіе отношенія къ сеньоріи и сеньоріальнымъ правамъ.

Рядъ обстоятельствъ содѣйствовалъ этому. Попытка сохраненія строя или созданныхъ имъ правъ слабѣла все болѣе и болѣе, и острота вопроса о правахъ сеньоровъ утрачивала прежнее значеніе. Три года неосуществленія декретированныхъ реформъ наложили особый отпечатокъ на вопросъ о сеньоріальныхъ правахъ: ихъ фактическому осуществленію нанесенъ былъ сильнѣйшій ударъ. Несмотря на всѣ усилия и увѣщанія конституанты, громадная часть крестьянства упорствовала въ увѣренности, что сеньоріальнаго режима нѣтъ, и что крестьяне свободны отъ платежей. Фактически платежи поступали туго, часто не поступали совсѣмъ. Каждое требованіе уплаты сеньоріальныхъ правъ вызывало то бунты, то споры. И мало-по-малу престижъ этихъ правъ, ихъ авторитетъ, столь сильный до 1789 г., падалъ все болѣе и болѣе. Главный оплотъ ихъ палъ и, какъ предметъ спора, они утрачивали характеръ непререкаемаго права, освященнаго старыми законами и фактомъ владѣнія. А рядомъ падало значеніе и вліяніе естественныхъ и главныхъ защитниковъ этихъ правъ: короны, дворянства, церкви. Съ другой стороны, постепенно создавался переворотъ въ воззрѣніяхъ на право, на его происхожденіе. Ряды тѣхъ, кто и въ комиссіи феодальной, и въ конституантѣ стояли на точкѣ зрѣнія идей о правѣ XVIII в., на точкѣ зрѣнія комментаторовъ обычнаго права и февдистовъ, на точкѣ зрѣнія признанія того историческаго факта, въ силу котораго всѣ земли крестьянъ не имѣли иного источника своего происхожденія, кромѣ уступки этихъ земель сеньорами, все болѣе и болѣе рѣдѣли. Въ брошюрной литературѣ, въ запискахъ лицъ, представляемыхъ въ феодальную комиссію, стала выступать и получать силу другая точка зрѣнія, наиболѣе рельефно проводимая Мишалле въ его брошюрѣ: «Разоблаченная тайна феодальныхъ правъ» (Les droits féodaus devoiles). Историко-юридической теоріи концессіоннаго права, исповѣдуемой Мерлэномъ и конституантой, была противопоставлена теорія аллодіальнаго и общиннаго права и, въ силу этого, первая отвергалась, какъ совершенно ложная. Поэтому и выводы, сдѣланные конституантой изъ ложной теоріи, совершенно отвергались, оспаривалась законность тѣхъ правъ, которыя признавались конституантой. Правило nulle terre sans seigneur, признанное конституантой и распространенное на всю Францію,

по теоріи Мишалле и по ученію его послѣдователей, есть не иное что, какъ простая узурпація, результатъ насилія и, въ связи съ этимъ, пошлины съ перехода имущества, lods et ventes, не могутъ быть разсматриваемы, какъ условіе уступки земель, да «они и не были таковыми». Понятно, что при такихъ условіяхъ и рѣчи быть не можетъ о выкупѣ правъ, носящихъ явные слѣды узурпаціоннаго происхожденія: они должны быть отмѣнены безъ выкупа и выкупаться лишь тѣ, которыя могутъ быть подтверждены подлинными документами. «Скажутъ, — говорилъ Мишалле,—что это,—актъ несправедливости, что это нарушеніе правъ собственности, но,—продолжаетъ онъ,—даже признавая, что для владѣльцевъ этихъ правъ большое несчастье лишаться того, что они считаютъ законной своей собственностью, развѣ ихъ жертвы, ихъ ошибки, могутъ быть приравнены къ тѣмъ жертвамъ, которыя понесли цензитаріи, уплачивая въ продолженіе ряда вѣковъ суммы, которыя они не должны были платить? Вѣдь справедливость будетъ болѣе оскорблена по отношенію къ цензитаріямъ, чѣмъ по отношенію къ владѣльцамъ сеньоріальныхъ правъ, такъ какъ цензитаріи были путемъ насилія обращены въ рабовъ, а вслѣдъ затѣмъ ихъ еще заставили выкупаться изъ рабства путемъ установленія ненавистныхъ правъ». «Развѣ чувство справедливости,—заключаетъ Мишалле, — не будетъ болѣе возмущено, когда милліоны несчастныхъ обречены выкупаться отъ повинностей, которыхъ они не должны нести, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда утратятъ права — это слѣдствіе узурпаціи, — нѣсколько частныхъ лицъ?» И это та точка зрѣнія, которую приводили и Гарнье въ своей брошюрѣ «De la destruction du régime féodal» (1792), и Gastier, и рядъ другихъ, та точка зрѣнія, которую усвоили и многіе изъ членовъ легислативы, и феодальной ея комиссіи, какъ Maille, Дюшатель, Лемальянъ и др., находившіеся подъ явнымъ вліяніемъ идей, проводимыхъ въ этихъ брошюрахъ, составлявшихъ нѣчто въ родѣ руководства при работахъ феодальной комиссіи.

Законы легислативы, касающіеся сеньоріальныхъ правъ.

Понятно, каковы должны были быть, при совокупности указанныхъ условій, законодательные акты легислативы, касавшіеся сеньоріальныхъ правъ и феодальнаго режима.

Декретъ объ отмѣнѣ сеньоріальныхъ правъ.

Впервые работы комиссіи пошли ускореннымъ темпомъ. Уже мѣсяцъ съ небольшимъ спустя послѣ постановленія легислативы, «разсмотрѣть всѣ декреты конституанты о выкупѣ сеньоріальныхъ правъ и представить проектъ способа освобожденія соб-

ственниковъ изъ путъ феодализма», — 11 апрѣля Латуръ-Дюшатель, отъ имени комиссіи, внесъ проектъ, относившій всѣ droits casuels, а равно и lods et ventes, (къ категоріи правъ, уничтожаемыхъ безъ вознагражденія, и отмѣнявшій солидарность выкупа. Менѣе мѣсяца спустя, 2 мая, легислатива заслушала проектъ второго декрета, представленнаго Реньо-Бокарономъ, по вопросу, поднятому еще при началѣ дѣйствій собранія Cresten'омъ. 18 іюня прочтенъ былъ вице-предсѣдателемъ комиссіи Лемальяномъ докладъ о проектѣ выкупа на новыхъ началахъ. Наконецъ, послѣ преній 20 и 25 августа, былъ окончательно принятъ въ третьемъ чтеніи — весь законъ цѣликомъ въ ночномъ засѣданіи 28 августа, почти ровно три года спустя послѣ ночи 4 августа. Каждый изъ вносимыхъ докладовъ былъ новымъ безпощаднымъ осужденіемъ того, что давала крестьянамъ конституанта. Казалось, что все то, что за послѣдніе мѣсяцы высказывала крестьянская масса въ своихъ петиціяхъ, которыми она клеймила декреты конституанты, сконцентрировалось въ тѣхъ рѣчахъ, которыя произносились докладчиками. Разрывъ съ традиціями конституанты казался полнымъ. Дѣйствія конституанты характеризовались какъ дѣйствія, пропитанныя чудовищной непослѣдовательностью, пропитанныя пагубнѣйшимъ снисхожденіемъ въ пользу одной стороны, сеньоровъ. И это было понятно. Въ своихъ декретахъ конституанта исходила изъ феодальныхъ законовъ, феодальной юриспруденціи, узаконяла узурпацію, насчитывавшую рядъ лѣтъ существованія и подтверждаемую актами сеньоріальныхъ описей, возводила давность владѣнія въ неоспоримый принципъ права и собственности. Легислатива стала на совершенно противоположную точку зрѣнія. Она игнорировала и феодальные законы, и феодальную юриспруденцію, пыталась порвать съ прошлымъ, отринула право давности владѣнія, считая лишь одну узурпацію и насиліе главными источниками сеньоріальныхъ правъ. «Если бы пользованіе злоупотребленіями оправдывало злоупотребленія, если бы насиліе могло узаконить насиліе, родъ человѣческій былъ бы осужденъ на вѣчное рабство», заявилъ Уде (Cudet), и въ этихъ словахъ выразилъ всю сущность новыхъ теченій законодательства. Колеблющимся постановленіямъ конституанты по вопросу о mains mortes réelles, которыя декретъ признавалъ результатомъ концессіоннаго договора, легислатива противопоставила свое новое рѣшеніе, шедшее навстрѣчу требованіямъ крестьянъ, и, признавши рѣшеніе консти-

туанты схоластической тонкостью во вкусѣ XIV в., недостойной свободнаго народа, отнесла mains mortes réelles къ числу отмѣняемыхъ безъ выкупа.

Правда, легислатива, какъ конституанта, приняла ничѣмъ не оправдываемое дѣленіе сеньоріальныхъ правъ на права личныя (personnels) и права реальныя (réels), но, вводя принципъ историческаго происхожденія этихъ правъ въ противоположность принципу конституанты, она расширила въ значительной степени сумму правъ личныхъ и посему подлежащихъ отмѣнѣ, и сузила до крайнихъ предѣловъ сумму выкупаемыхъ реальныхъ правъ, болѣе того, фактически сдѣлала эти права иллюзорными, такъ какъ требованіе предъявленія подлинныхъ актовъ, подтверждавшихъ эти права, было въ массѣ случаевъ невыполнимо, вслѣдствіе пожара или пропажи ихъ. И между тѣмъ какъ все законодательство конституанты было проникнуто презумпціей законности правъ сеньоровъ, все стояло на сторонѣ сеньора, кредитора, — легислатива пыталась сдѣлать почти обратное. Всѣ законопроекты легислативы стремятся создать презумпцію въ пользу держателя, цензитарія, отдаютъ предпочтеніе этому послѣднему, въ ущербъ сеньору, кредитору. Она стремится признать всѣ сеньоріальныя права подлежащими отмѣнѣ безъ выкупа и останавливается лишь предъ тѣми правами, которыя могутъ быть подтверждены подлинными первичными документами, возлагая при этомъ всю тяжесть доказательствъ не на цензитарія, а на сеньора, кредитора. Въ вопросѣ о временныхъ и случайныхъ правахъ (droits casuels) она становится всецѣло на сторону крестьянства и настаиваетъ на ихъ отмѣнѣ безъ выкупа, тѣмъ самымъ подрывая въ корнѣ декреты конституанты, устанавливавшіе обязанность выкупа этихъ правъ одновременно съ выкупами остальныхъ. Самый сильный ударъ наносился этимъ сеньоріальному режиму, законодатель отмѣнялъ его всецѣло, выполняя то, что было обѣщано 4 августа, но выполнено не было, что нужно было сдѣлать, чтобы удержать массы въ тяжелую минуту, переживаемую страной. И съ этого момента надо считать, что сеньоріальный режимъ фактически и отчасти юридически, перестаетъ существовать въ странѣ: законы легислативы разрушаютъ его основы, оставляя лишь нѣкоторыя формы его. И это результатъ различія тѣхъ двухъ системъ, представителями которыхъ являлись оба національныя собранія.

Декретъ о выкупѣ сеньоріальныхъ правъ. Вопросъ о способахъ и порядкѣ выкупа возбудилъ много споровъ. Солидарность выкупа была отмѣнена; уплаты выкупной суммы, въ тѣхъ случаяхъ, когда выкупъ могъ имѣть мѣсто, разсрочивалась на два года и 10 мѣсяцевъ, путемъ погашенія выкупного капитала десятыми долями; разрѣшено каждому цензитарію свободно выкупаться, независимо отъ солидарныхъ съ ними другихъ лицъ, обязанныхъ уплатой лежавшихъ на всѣхъ нихъ правъ; выкупъ lods et ventes допускался лишь въ случаѣ дѣйствительной продажи выкупной земли; на сеньора возлагалась обязанность, въ теченіе 3 мѣсяцевъ предъявить подлинные акты, подъ угрозой потери правъ; наконецъ установленъ 5-лѣтній срокъ давности для недоимокъ въ 5 лѣтъ, вмѣсто прежнихъ 29 лѣтъ. Всѣмъ этимъ должна была быть достигнута главная цѣль — полная свобода собственности, превращеніе прежде зависимыхъ держаній въ абсолютную собственность держателей, крестьянъ, такъ же, какъ и другихъ.

Волненія среди крестьянъ и ихъ возрастающее недовольство. Но какъ ни была радикальна реформа, принятая легислативой, она уничтожала сеньоріальный режимъ болѣе de jure, чѣмъ de facto, даже отсрочивала это его уничтоженіе до разбора отношеній и до окончательнаго выкупа всѣхъ тѣхъ правъ, которыя могли быть признаны законными, основанными па подлинныхъ документахъ. Открывалась арена для исковъ и судебныхъ споровъ, въ особенности изъ-за недоимокъ. Съ другой стороны, какъ ни быстро былъ принятъ новый законъ, онъ еще въ теченіе почти года держалъ потерявшее терпѣніе крестьянство въ состояніи возбужденія. Тѣ требованія, которыя крестьяне предъявляли въ началѣ революціи, возрастали, и уже въ 1792 г. раздавались голоса, которые настаивали на полной ликвидаціи сеньоріальныхъ правъ. Ненависть къ сеньоріальному режиму становилась съ каждымъ днемъ все бòльшей и бòльшей, а опасность усиливающихся смутъ все болѣе и болѣе очевидной. «Истинная причина, которая возбуждаетъ жителей деревень, — писалъ одинъ мѣстный судья изъ Шампани, въ апрѣлѣ 1792 г., — противъ сеньоровъ и ихъ старыхъ замковъ и ихъ агентовъ, — это отвращеніе, какое питаетъ народъ къ феодальному варварству, уничтоженіе котораго провозглашено только наполовину. Разоренный и разоряемый вѣками народъ былъ убѣжденъ, что революція освободитъ его отъ феодальной тираніи, что и личность и имущество его сдѣлаются вполнѣ свободными, и онъ не будетъ платить иныхъ налоговъ, кромѣ тѣхъ, которые

онъ обязанъ платить націи. И вотъ, не безъ удивленія, онъ узнаетъ, что его собственность сдѣлается свободной лишь тогда, когда онъ выкупитъ ее у сеньоровъ. Такъ какъ Франція страна свободы, то и всѣ феодальныя права должны быть уничтожены вмѣстѣ съ фьефами и уничтожены безъ всякаго выкупа, такъ какъ, теряя права, сеньоръ все-таки выигрываетъ, ибо сдѣлается свободнымъ отъ феодальной зависимости и необходимости выкупить свой фьефъ». А главное, продолжаетъ онъ, «дворяне перестанутъ быть опасными». И это не было единичнымъ мнѣніемъ. Уже въ декабрѣ 1792 г. рядъ петицій уже былъ присланъ въ конвентъ, — петицій, обнаружившихъ, что даже и декреты легислативы не удовлетворяютъ населеніе. Жители нижней Нормандіи настойчиво требуютъ у конвента, чтобы пересмотрѣны были всѣ эти декреты въ цѣляхъ полной отмѣны стараго. Настроеніе массъ было далекимъ отъ того, на что надѣялся Кутонъ, подымая вопросъ о сеньоріальныхъ правахъ, и грозило подорвать въ корнѣ то единеніе и единодушіе, въ которомъ, въ виду внѣшней опасности, видѣли якорь спасенія.

То, что не было отмѣнено и уничтожено августовскими декретами легислативы и что вызывало все большее и большее раздраженіе со стороны крестьянской массы, когда полномочія легислативы были окончены, и съ 21 сентября 1792 г. начало дѣйствовать новое національное собраніе, знаменитый конвентъ, должно было неотложно получить свое полное завершеніе. Тѣ условія, которыя своимъ дѣйствіемъ побудили легислативу спѣшить съ дѣломъ сеньоріальныхъ отношеній, къ сентябрю приняли угрожающій характеръ. Волненія среди массъ населенія достигли крайнихъ размѣровъ, а извнѣ грозила опасность вторженія чужеземцевъ, побѣда которыхъ должна была повлечь за собой возстановленіе стараго порядка, вернуть въ страну и представителей стараго порядка, эмигрантовъ. Сцены 10 августа, сентябрьская рѣзня, провозглашеніе республики 21 сентября, взрывы патріотизма и всеобщее вооруженіе были рядомъ симптомовъ того, какова будетъ и должна быть дѣятельность новаго собранія въ крестьянскомъ вопросѣ, и это тѣмъ болѣе, что конвентъ былъ осаждаемъ почти непрестанно петиціями и жалобами со стороны крестьянъ.

Легислатива, несмотря на свое стремленіе пойти по пути прямо противоположному тому, по которому шла конституанта, не рѣшилась осуществить вполнѣ и всецѣло обѣщанія 4 августа.

Она не разрушала всецѣло стараго сеньоріальнаго режима, не отмѣняла его окончательно. Все еще признавалось сеньоріальное право, разъ оно подтверждается или можетъ быть подтверждено подлинными актами. Законодатель еще сохранялъ слова и названія: слово «сеньоріальныя права» фигурировало въ августовскихъ декретахъ. Конвентъ сталъ на новую точку зрѣнія, и свои удары направилъ на весь сеньоріальный строй, во всей его совокупности, въ малѣйшихъ его проявленіяхъ. То было общимъ увлеченіемъ, и тѣ, кто, какъ Кутонъ, еще склонный къ умѣренности въ своихъ требованіяхъ, какія онъ предъявилъ въ легислативѣ въ своихъ рѣчахъ, или какъ Мерлэнъ, душа законовъ конституанты, главный ихъ творецъ, защищавшій право собственности сеньоровъ и конституанты, теперь, вслѣдъ за Mailhe'емъ, ушедшимъ еще дальше по пути отрицанія сеньоріальнаго режима, наперерывъ другъ передъ другомъ, въ качествѣ членовъ законодательной секціи комитета общественнаго спасенія, вырабатывали законопроекты, долженствовавшіе вполнѣ удовлетворить крестьянскую массу, признававшую лишь первую статью декрета 4 августа, а въ ней лишь первыя строки. Они не останавливались даже предъ тѣмъ ущербомъ, какой ихъ аболиціонистская политика наносила финансамъ государства, вслѣдствіе отмѣны безъ всякаго выкупа всѣхъ сеньоріальныхъ правъ, часть которыхъ взималась и государствомъ. Тенденція и цѣли конвента обнаружились съ полной ясностью еще въ декабрѣ 1792 г. 15 декабря 1792 г. имъ былъ принятъ и опубликованъ декретъ, являвшійся орудіемъ борьбы съ защитниками стараго режима. «Во всѣхъ тѣхъ странахъ, которыя будутъ заняты войсками республики, гласилъ этотъ декретъ, генералы армій обязаны немедленно провозгласить отъ имени французскаго народа суверенитетъ народа, отмѣну десятины, феодализма, сеньоріальныхъ правъ, какъ феодальныхъ, такъ и цензуальныхъ, постоянныхъ ли или временныхъ (casuels) безразлично, баналитетовъ, личной зависимости, барщины, дворянства и вообще всѣхъ и всякихъ привилегій». И то не было фразой. Декретъ примѣнялся фактически и въ той Савойѣ, которая до революціи рѣшила крестьянскій вопросъ на основахъ выкупной операціи, и въ которой къ 1792 г. часть выкупа была уже внесена. Занявшія ее французскія войска положили конецъ выкупамъ, провозгласивши, согласно декрету, полную отмѣну сеньоріальнаго режима, прекращеніе выкупныхъ платежей и признаніе полной свободы земельной собственности. Не

Декреты конвента, и окончательная отмѣна сеньоріи и сеньоріальныхъ правъ.

могъ, естественно, конвентъ не сдѣлать того же и въ самой Франціи. Съ іюля 1793 г. по январь 1794 г. имъ было выработано и опубликовано новое законодательство, замѣнившее всѣ прежніе декреты, внесшіе въ нихъ всѣ тѣ исправленія, какія были необходимы для цѣльности закона. Декретомъ 17 іюля всему сеньоріальному режиму нанесенъ былъ новый и окончательный ударъ. Онъ отмѣнялся всецѣло: и фактически и юридически. «Всѣ недавніе сеньоріальные повинности и платежи, всѣ феодальныя и цензуальныя права, постоянныя и временныя, даже тѣ, которыя сохранены въ силу декрета 25 августа 1792 г., отмѣняются безъ выкупа; исключаются изъ-подъ дѣйствія предшествующей статьи лишь ренты и платежи, чисто земельные, *не феодальные*». Таково было рѣшеніе конвента, и это рѣшеніе было настолько рѣшительнымъ, что достаточно было малѣйшаго слѣда «феодализма» въ какой-либо земельной сдѣлкѣ, чтобы она была признана подлежащей дѣйствію статьи декрета объ отмѣнѣ ея безъ выкупа. Но конвентъ пошелъ и далѣе. То, чего не разъ требовали крестьяне въ своихъ петиціяхъ, было осуществлено: конвентъ прекратилъ статьей 9-ой декрета всѣ гражданскіе и уголовные процессы, касавшіеся земли ли, недоимокъ ли по сеньоріальнымъ платежамъ, притомъ безъ уплаты судебныхъ издержекъ. Крестьяне, какъ и рядъ другихъ лицъ, тѣмъ самымъ объявлялись свободными собственниками, не обязанными никакими платежами въ пользу другихъ лицъ за собственную ихъ землю. Вся сумма старыхъ платежей сеньорамъ оставалась отнынѣ въ карманѣ свободнаго собственника. Но конвентъ не остановился и на этомъ и попытался разрушить и уничтожить самые слѣды сеньоріальнаго строя. Статьей 6-й декрета 17 іюля предписывалось всѣмъ бывшимъ сеньорамъ, февдистамъ, нотаріусамъ и другимъ держателямъ документовъ, удостовѣряющихъ права, отмѣненныя декретомъ, представить ихъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ по опубликованіи декрета, въ секретаріатъ подлежащей общины, подъ угрозой (ст. 7) для всѣхъ, укрывающихъ эти документы, наказанія пятилѣтней каторгой. Всѣ эти документы, по мысли конвента, должны быть, по истеченіи мѣсячнаго срока, свезены въ секретаріатъ дистрикта и затѣмъ сожжены рукою палача, чтобы, такимъ образомъ, изгладилась самая память о ненавистномъ сеньоріальномъ режимѣ. Затѣмъ цѣлымъ рядомъ новыхъ декретовъ, то подтверждалась отмѣна права охоты и рыбной ловли (30 іюля), то декретировалась

конфискація всякаго зданія, на которомъ окажутся сеньоріальные гербы (1 августа), то воспрещалось, подъ страхомъ лишенія гражданскихъ правъ, — и это было поддержано Мерлэномъ, — взиманіе какихъ бы то ни было сеньоріальныхъ правъ (7 августа) и т. п.

Сеньоріальный режимъ былъ въ этотъ разъ уничтоженъ и уничтоженъ радикально и навсегда, обѣщаніе 4 августа было выполнено буквально и по формѣ и по существу, и то успокоеніе крестьянской массы, котораго тщетно ожидали и на которое надѣялись ораторы засѣданія 4 августа, было вполнѣ достигнуто: желанія и требованія крестьянъ были удовлетворены въ полной мѣрѣ, періодъ жакерій былъ законченъ.

Разрушеніе сеньоріальнаго режима было настолько полное, ударъ, нанесенный ему, былъ настолько силенъ, что всѣ попытки, которыя были сдѣланы позже, при Наполеонѣ, оказались безсильными. Реакція противъ революціи не въ силахъ была отмѣнить то, что было декретировано легислативой и конвентомъ. Въ попыткахъ недостатка не было, но если и удалось измѣнить кое-что въ декретахъ, то лишь незначительныя стороны ихъ. Отмѣнена была очень скоро (во 2 году республики) нелѣпая мѣра о сожженіи документовъ, возбудившая протесты и со стороны крестьянъ.

Что сдѣлано было тремя собраніями въ отношеніи земельнаго вопроса и земельнаго обезпеченія крестьянской массы.

Отмѣняя и уничтожая сеньоріальный режимъ со всѣми его послѣдствіями, революціонное законодательство парализовало силу дѣйствія лишь одной стороны тѣхъ отношеній, которыя установились между земледѣльцами-крестьянами и ихъ бывшими сеньорами. Оно сняло однимъ ударомъ всю ту тяжесть, которая лежала на землѣ и на крестьянахъ, освобождала и землю и крестьянъ, но, провозглашая послѣднихъ полными и неограниченными собственниками ихъ земли, оно оставляло этихъ собственниковъ въ томъ же положеніи по отношенію къ землѣ, въ какомъ они находились до революціи: та земля, которою владѣли крестьяне до революціи, и въ томъ же количествѣ сохранялась за ними. Но мы знаемъ, что причины и бѣдственнаго положенія крестьянъ и отсталость культуры въ странѣ коренились не въ одномъ лишь фактѣ непосильнаго обложенія крестьянства и сеньоріальными и иными платежами. Громадную роль играли въ этомъ отношеніи и то разслоеніе, какое создалось въ средѣ крестьянства, и та крайняя неравномѣрность въ распредѣленіи земли, какая существовала во всей странѣ, и

тотъ фактъ, — слѣдствіе предыдущихъ, — что количество малоземельныхъ и безземельныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Франціи достигало немалыхъ размѣровъ.

Что же было сдѣлано революціонными законодательствами для того, чтобы парализовать дѣйствіе этой причины?

Двоякаго рода фондъ, скопившійся въ рукахъ государства.

Двоякаго рода земельнымъ фондомъ могло во время революціи располагать государство. То были, съ одной стороны, общинныя земли, съ другой—вся та сумма земель, которая послѣдовательно очутилась въ распоряженіи государства и которая образовалась вслѣдствіе, во-первыхъ, провозглашенія церковныхъ земель національной собственностью (земли перваго происхожденія, biens de la première origine), и во-вторыхъ, вслѣдствіе конфискаціи имуществъ, принадлежавшихъ эмигрантамъ, лицамъ сосланнымъ, казеннымъ и т. п. (biens de la seconde origine ou des emigrés etc.). И тѣ и другія сдѣлались во время революціи предметомъ законодательныхъ мѣропріятій, цѣлаго ряда декретовъ, выясняющихъ вполнѣ земельную политику временъ революціи и дающихъ ясный отвѣтъ на поставленный вопросъ.

Общинныя земли.

Вопросъ объ общинныхъ земляхъ былъ однимъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ во Франціи стараго режима. Въ XVI в. изъ-за нихъ шла упорная и тяжелая борьба между сеньорами и крестьянами, вызываемая постоянными стремленіями сеньоровъ, въ видахъ увеличенія суммы получаемыхъ ими съ земли сеньоріальныхъ платежей, узурпировать общинныя земли путемъ либо простого захвата, либо допущенныхъ законами и обычаями правъ сеньора требовать то выдѣленія части общинной земли (triage), то отвода части въ видахъ охраны ея (reserve) и т. п. Узурпаціи были настолько значительны, что вызывали протесты уже въ XVI в. и побудили королевскую власть издавать эдикты, пытавшіеся положить конецъ злоупотребленіямъ сеньоровъ; болѣе того, общинныя земли были признаны неотчуждаемыми. Но законы эти уже съ конца XVII в. соблюдались мало, отъ нихъ сдѣланы были отступленія, и въ XVIII в. узурпаціи сеньоровъ продолжались, вызывая цѣлый рядъ судебныхъ процессовъ, доходившихъ до парламентовъ и обыкновенно проигрываемыхъ крестьянами. Практика выдѣленія части общинныхъ земель въ пользу сеньора путемъ triage была нерѣдка, и вызывала со стороны крестьянъ жалобы, все болѣе и болѣе усиливавшіяся, но оставшіяся безрезультатными. Въ 1789 г. жалобы эти достигли наибольшей силы, и крестьянскіе

наказы переполнены ими. И феодальная комиссія, и комиссія земледѣлія и торговли были наводнены ими, и вопросъ объ общинныхъ земляхъ неизбѣжно долженъ быть такъ или иначе затронутъ уже конституантой. Но здѣсь тотъ же характеръ уклончивости въ разрѣшеніи наболѣвшаго вопроса, которымъ отмѣчена дѣятельность конституанты въ сеньоріальномъ вопросѣ, выступаетъ съ особенной яркостью. Конституанта не рѣшается пойти по пути огражденія правъ общинъ. Только 11 декабря 1789 г. изданъ былъ декретъ, касавшійся общинныхъ земель, но декретъ чисто отрицательнаго характера, вызванный дѣйствіями самихъ общинъ, самовольно завладѣвшихъ общинными землями. Декретъ воспрещалъ жителямъ общинъ, подъ предлогомъ ихъ права собственности на общинныя земли, самовольно вступать во владѣніе ими, если онѣ не находились у нихъ въ фактическомъ владѣніи въ моментъ 4 августа. Общинамъ предоставлялось лишь право вчинять иски къ узурпаторамъ. Правда, въ декретѣ 15 марта 1790 г. провозглашена была отмѣна triage'а, но конституанта обставила эту отмѣну рядомъ стѣснительныхъ юридическихъ правилъ. Общинамъ, намѣревавшимся вступить во владѣніе тѣми общинными землями, которыя были отняты у нихъ, предоставлено было право въ теченіе 5 лѣтъ искать эти земли посредствомъ суда, но безъ права требовать возврата всего того дохода, который былъ полученъ съ нихъ узурпировавшими землю. Болѣе того. Преклоненіе предъ правомъ владѣнія и существовавшими раньше законами и обычаями сказалось настолько сильно, что феодальная комиссія предложила было отмѣнить triage лишь на будущее время и сохранить въ силѣ дѣйствія всѣхъ прежнихъ рѣшеній, утверждавшихъ triages, совершонныхъ до 1789 г., и только съ большими усиліями удалось добиться принятія иного рѣшенія. Отмѣнено было лишь дѣйствіе всѣхъ эдиктовъ и постановленій королевскаго совѣта относительно triages, имѣвшихъ мѣсто не болѣе 30 лѣтъ тому назадъ. Но и это послѣднее было сдѣлано лишь для областей Лорени, Барруа и Клермонтуа; на всю остальную Францію дѣйствіе декрета не было распространено. Конституанта пошла еще далѣе. Декретомъ 22 ноября 1790 г. провозглашены были имѣющими законную силу всѣ отчужденія земель пустопорожнихъ и т. п. частнымъ лицамъ, если они, эти отчужденія, совершены согласно формамъ, принятымъ въ моментъ заключенія сдѣлки. Если позже, декретомъ отъ 13 апрѣля 1791 г.,

Отношеніе конституантъ по вопросу объ общинныхъ земляхъ.

отмѣнялись всѣ захваты, произведенные послѣ 4 августа 1789 г., въ пустопорожнихъ земляхъ, то зато утверждены были «безвозвратно» за сеньорами всѣ такого рода ихъ захваты, произведенные до 4 августа. Право владѣнія, а затѣмъ и собственности были признаны за владѣльцами до 4 августа, если они отдали земли эти въ аренду, на чиншевомъ правѣ, либо огородили ихъ или такъ или иначе подвергли обработкѣ. И то же установлено было и для земель брошенныхъ и захваченныхъ сеньорами: разъ захватъ произведенъ былъ съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ тогда обычаемъ или закономъ, право собственности владѣльца должно быть неоспоримымъ. Не отрицая въ то же время и правъ общинниковъ, конституанта не приняла никакихъ мѣръ, чтобы опредѣлить точно, какими способами общинники въ состояніи будутъ доказать свои права на свои узурпированныя земли.

Законодательство объ общинныхъ земляхъ легислативы.

Только легислатива, но почти подъ конецъ своихъ полномочій, попыталась рѣшить вопросъ объ общинныхъ земляхъ и, понятно, рѣшила его на почвѣ тѣхъ же воззрѣній и принциповъ, изъ которыхъ она исходила въ своихъ декретахъ относительно сеньоріальнаго режима. 2 мая 1792 г. былъ внесенъ Реньо-Бокарономъ спеціальный докладъ объ общинныхъ земляхъ, но только 28 августа былъ принятъ и опубликованъ декретъ, передававшій общинныя земли въ руки общинниковъ. Дѣло было рѣшено на основаніяхъ, прямо противоположныхъ тѣмъ, которыми руководилась конституанта. Всѣ общинныя земли, которыя были присуждены сеньорамъ, признаны узурпированными, и потому общинамъ предоставлено право вступать вновь во владѣніе утраченными землями подъ двумя условіями: если они докажутъ, что они издавна владѣли ими, и если сеньоръ не представитъ подлиннаго документа, доказывающаго, что право его на эту землю было пріобрѣтено законнымъ путемъ. Затѣмъ всѣ такъ наз. пустопорожнія земли, брошенныя земли, ланды и пустоши, относительно которыхъ доказано будетъ, что они находились когда-либо во владѣніи общины, были объявлены собственностью той или тѣхъ общинъ, въ территоріи которыхъ они находились. Сеньору предоставлялось право доказывать принадлежность ему всѣхъ такого рода земель, подъ условіемъ либо представленія подлиннаго акта, либо доказательства, что онъ владѣлъ ими безъ перерыва въ теченіе 40 лѣтъ.

Законы конвента, касавшіеся общинныхъ земель.

Какъ и въ вопросѣ о сеньоріальныхъ правахъ, такъ и въ вопросѣ объ общинныхъ земляхъ, рѣшеніе легислативы не удовлетворило тѣхъ требованій, съ какими населеніе обращалось къ законодательнымъ учрежденіямъ. И легислатива и затѣмъ конвентъ были засыпаны этими требованіями «во имя процвѣтанія и славы республики», «во имя блага страны и ея успокоенія». Конвентъ и здѣсь пошелъ навстрѣчу требованіямъ крестьянъ, и своими декретами объ общинныхъ земляхъ создалъ то же, что и декретами объ сеньоріальномъ режимѣ: создалъ полное признаніе правъ собственности за общинами. Декретъ 10 іюня 1793 г. объявлялъ, что «всѣ вообще общинныя земли, извѣстныя во всей республикѣ подъ различными названіями земель пустопорожнихъ, ландовъ и т. д., принадлежатъ, по самой своей природѣ, всѣмъ жителямъ, въ территоріи которыхъ находятся эти общинныя земли». Общинамъ предоставлялось широкое право требовать ихъ возврата, и чтобы возвратъ этотъ сдѣлать неизбѣжнымъ, измѣненъ былъ декретъ 28 августа 1792 г., устанавливавшій право сорокалѣтняго владѣнія. Конвентъ нашелъ это недостаточнымъ и постановилъ, чтобы прежними сеньорами былъ представленъ только подлинный актъ, который, не являясь ни въ какомъ случаѣ актомъ, вытекающимъ изъ сеньоріальной власти, свидѣтельствовалъ бы ясно и неопровержимо, что данная земля пріобрѣтена имъ вполнѣ законно.

Это было равносильно полной конфискаціи общинныхъ земель въ пользу общинъ, такъ какъ почти невозможно было представить подобнаго рода актъ. Этимъ окончательно ликвидировался вопросъ, отъ отрѣшенія котораго уклонилась конституанта: предметъ столькихъ жалобъ, протестовъ, петицій, общинныя земли были объявлены свободной собственностью общинъ.

Какъ рѣшенъ былъ вопросъ о характерѣ и порядкѣ пользованія общинными землями.

Но это была лишь одна сторона дѣла. Оставался открытымъ другой вопросъ: характеръ и порядокъ пользованія этими общинными землями. Вопросъ объ этомъ былъ моднымъ вопросомъ во второй половинѣ XVIII в. Въ рѣдкой изъ европейскихъ странъ онъ не былъ предметомъ споровъ и обсужденій и ряда законодательныхъ мѣръ. Враждебное отношеніе къ общиннымъ землямъ проходитъ красной нитью во всей литературѣ, во всѣхъ мѣропріятіяхъ того времени. Съ той точки зрѣнія, которая господствовала въ то время, съ точки зрѣнія умноженія богатства, — этой главной цѣли всѣхъ стремленій, — существованіе общинныхъ земель, не обработанныхъ, представлявшихъ жалкіе

пустыри, приносящихъ лишь ничтожный доходъ, — представлялось величайшимъ зломъ, ихъ уничтоженіе величайшимъ благомъ, сильнѣйшимъ средствомъ поднятія культуры и увеличенія богатства страны. Что раздѣлъ ихъ въ частную собственность между всѣми, имѣющими на нихъ право, настоятельно необходимъ, считалось не подлежащимъ сомнѣнію: примѣръ Англіи и ея богатой культуры, что связывалось съ уничтоженіемъ въ ней общинныхъ земель, импонировалъ, и попытки раздѣла общинныхъ земель были произведены въ разныхъ мѣстностяхъ Европы. Вліяніе господствовавшихъ въ XVIII в. воззрѣній на значеніе и роль общинныхъ земель сказалось съ полной силой и тогда, когда легислатива приступила къ обсужденію этого вопроса. Сомнѣній во вредѣ общинныхъ земель не было. Докладчикъ и ораторы повторяли старые аргументы, сопоставляли картину цвѣтущихъ полей частнаго владѣнія съ печальной картиной общинныхъ земель. И собраніе приняло мѣру, долженствовавшую сразу содѣйствовать и процвѣтанію культуры, и уничтоженію безплодныхъ земель, и созданію контингента преданныхъ людей, мелкихъ собственниковъ. Согласно докладу Авелина легислатива декретомъ отъ 14 августа 1792 г. постановила произвести немедленно же, въ текущемъ году, послѣ снятія жатвы, раздѣлъ всѣхъ общинныхъ земель, кромѣ лѣсовъ, между всѣми гражданами каждой общины. Раздѣлъ былъ объявленъ обязательнымъ, и каждому участнику гарантировалась полная собственность выпавшаго на его долю участка. Но, принявши докладъ Авелина, оно отложило на 3 дня вопросъ о способахъ и пріемахъ раздѣла, — вопросъ, такъ и оставшійся открытымъ и не рѣшенный легислативой.

То было чисто теоретическимъ рѣшеніемъ вопроса въ духѣ XVIII в. безъ малѣйшаго отношенія къ тому, что представляли собою общинныя земли въ экономіи крестьянскаго хозяйства, безъ отношенія и къ тому, чего требовали крестьяне. Анкета, произведенная легислативой относительно общинныхъ земель, дала самые скудные результаты. Отвѣтовъ было мало. Требованія, предъявленныя въ этихъ отвѣтахъ то частными лицами, то муниципалитетами, то обществами, оказались самыми разнообразными и противорѣчивыми. Одни высказывались противъ раздѣловъ, другіе настаивали на нихъ, но эти послѣдніе высказывали самыя разнородныя желанія, исходившія то отъ группъ зажиточныхъ лицъ, то отъ группъ сельскаго пролетаріата. Не-

рѣдко противорѣчивыя требованія исходили отъ одной и той же общины. Было ясно одно: интересъ къ раздѣлу былъ различенъ и у различныхъ группъ, и въ различныхъ мѣстностяхъ, и самый раздѣлъ въ виду этихъ различій требовалъ и различныхъ мѣръ для своего правильнаго осуществленія. Декретъ, между тѣмъ, не исходилъ и не опирался на мѣстныхъ данныхъ, а вытекалъ всецѣло изъ чисто апріорныхъ соображеній, признанныхъ аксіомой въ XVIII в.

Понятно, что декретъ оказался и могъ оказаться чисто бумажной мѣрой. Но та мысль, которая легла въ его основаніе, была принята конвентомъ, попытавшимся провести на практикѣ раздѣлъ общинныхъ земель въ цѣляхъ и уничтоженія общинныхъ земель, и созданія мелкихъ собственниковъ. Напрасны были усилія нѣкоторыхъ изъ членовъ конвента направить дѣло раздѣла общинныхъ земель по такому пути, который обезпечивалъ бы земельный фондъ, представляемый общинными землями, за общиной. Предложеніе, сдѣланное Сугэ, настаивавшимъ на томъ, чтобы раздѣлъ былъ лишь временнымъ, чтобы допущены были передѣлы, съ цѣлью не датъ возможности продать участокъ и въ видахъ поддержанія равенства въ пользованіи землей, не прошло. Большинство приняло принципъ легислативы, лишь нѣсколько ослабивши его. Декретомъ 10 іюля 1793 г. раздѣлъ общинныхъ земель былъ признанъ необходимымъ, но не обязательнымъ, а факультативнымъ. Всѣ жители общины, безъ различія пола, достигшіе 21 года, получали право требовать раздѣла, и если число голосовъ, настаивающихъ на раздѣлѣ, достигало $^{1}/_{3}$ всего состава населенія общины, раздѣлъ становился обязательнымъ. Въ видахъ быстрѣйшаго выполненія раздѣла рѣшеніе общины или $^{1}/_{3}$ ея жителей считалось окончательнымъ; оно не требовало признанія его какой-либо высшей инстанціей. Конвентъ признавалъ необходимымъ это послѣднее лишь въ случаѣ продажи общинной земли. Опредѣленъ былъ и самый способъ раздѣла, общій и одинаковый во всей странѣ. Раздѣлъ былъ установленъ поголовный. Каждый житель общины, безъ различія пола и возраста, получалъ право на участокъ. Исключались какъ тѣ, кто не жилъ въ общинѣ, равно и тѣ изъ бывшихъ, кто уже воспользовался изъ общинной земли на основаніи тріажа. Раздѣлъ производился путемъ жребія, и участокъ, отданный кому-либо изъ членовъ общины, становился его полной и неограниченной собственностью. Такимъ образомъ

de facto декретировано было полное почти исчезновенiе общинныхъ земель, за исключенiемъ лѣсовъ и такихъ земель, которыя служили для общаго пользованiя въ видѣ дорогъ, улицъ, площадей, кладбищъ и т. п.

Если бы всѣ эти мѣры конвента были приведены въ исполненiе, большинство тѣхъ общинъ, у которыхъ сохранились общинныя земли, безразлично въ какой бы мѣстности они не находились, были бы потеряны. Но процессъ раздѣла совершился очень медленно; въ массѣ департаментовъ декретъ не былъ примѣненъ. А тамъ, гдѣ онъ нашелъ примѣненiе, онъ вызвалъ рядъ протестовъ и недоразумѣнiй.

Реакцiя противъ раздѣла общинныхъ земель.

Съ другой стороны, помимо соображенiй, вытекавшихъ изъ жалобъ и злоупотребленiй при раздѣлахъ, мало-по-малу стали выдвигаться и новыя соображенiя, подрывавшiя силу закона. Раздѣлъ общинныхъ земель былъ проектированъ въ видахъ увеличенiя количества мелкихъ собственниковъ. Но увеличенiе ихъ количества оказалось очень скоро вещью опасной и неудобной во многихъ отношенiяхъ. Въ комиссiяхъ о нищенствѣ о промышленности, о торговлѣ и т. п. стали возникать опасенiя, что созданiе массы собственниковъ повлечетъ за собою то, что «собственникъ, какъ и мануфактуристъ увидятъ себя въ положенiи людей, у которыхъ не хватитъ рабочихъ, когда ихъ предпрiятiя потребуютъ большого количества рабочихъ рукъ». Помощь безземельнымъ, утверждали они, повредитъ самымъ серьезнымъ образомъ дѣлу развитiя промышленности, обработкѣ земли, нацiональному процвѣтанiю. И они выдвинули теорiю о томъ, что государство не должно безпокоиться о каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ, а заботиться о всѣхъ и предоставлять свободу дѣйствовать и влiять различнымъ соцiальнымъ отношенiямъ. Затѣмъ фактически оказалось, что то, на что жаловались въ XVIII в., на отсутствiе рабочихъ рукъ въ земледѣлiи, на отсутствiе спецiальнаго рабочаго класса, сказывалось съ особенной силой и въ 1793 г. и въ послѣдующихъ годахъ. Комитетъ общественнаго спасенiя счелъ себя обязаннымъ издавать рядъ предписанiй о привлеченiи рабочихъ рукъ въ деревни. Предписано было составить списки этихъ рабочихъ и объявлять имъ, что они обязаны работать за установленную плату, гдѣ то будетъ нужно и указано, подъ угрозой, что съ ослушниками будетъ поступлено какъ съ подозрительными. Угроза въ тѣ времена господства «волевыхъ импульсовъ» не шуточная.

При такихъ условіяхъ реакція противъ законовъ легислативы и конвента не замедлила проявиться. И ужъ въ третьемъ году республики въ самомъ конвентѣ былъ поднятъ вопросъ о необходимости прекратить дѣйствіе закона о раздѣлѣ общинныхъ земель. Поднялъ его членъ конвента Баральонъ, ссылавшійся на злоупотребленія при раздѣлахъ, на вредъ ихъ для скотоводства и земледѣлія, и въ виду этого требовавшій присоединенія уцѣлѣвшихъ общинныхъ земель къ національнымъ имуществамъ, какъ новому источнику для поддержки курса ассигнацій. Тогда его предложеніе не имѣло успѣха. Но уже въ IV году и особенно въ V г. республики реакція противъ закона конвента была полной. Законъ 2 преріаля V-го года поставилъ осуществленіе раздѣла въ зависимость не отъ простого рѣшенія схода, а отъ постановленія законодательныхъ собраній и установилъ, какъ общее правило, что для продажи общинной земли требуется всякій разъ изданіе спеціальнаго закона. Но уже въ VII и затѣмъ въ VIII годахъ двумя законами былъ окончательно отмѣненъ законъ конвента. Раздѣлы, правда, не особенно многочисленные и совершонные на основаніи закона 10 января 1793 г., были утверждены, но для тѣхъ случаевъ раздѣла, которые не были оформлены, установлено, какъ правило, что всѣ лица, получившія участки, обязаны впредь уплачивать общинѣ опредѣленную годовую плату, подлежащую выкупу. Что же касается общинныхъ земель, расхищенныхъ безъ соблюденія закона, то они объявлены были неотъемлемой собственностью общины и подлежали возврату. Законъ 9 брюмера VIII г. установилъ, какъ основной принципъ, что ни отчужденіе, ни способы пользованія общинными землями не могутъ быть совершаемы или измѣняемы иначе, какъ по рѣшенію муниципальнаго совѣта и съ утвержденія главы государства.

Этимъ дѣйствіе закона конвента совершенно отмѣнялось, и значительная масса общинныхъ земель была сохранена за общинами.

Продажа національнаго имущества.

Посмотримъ теперь, какъ и что было сдѣлано революціей для крестьянскаго населенія и для удовлетворенія его земельныхъ нуждъ при помощи тѣхъ земель, которыя закономъ 2 ноября были объявлены національной собственностью, затѣмъ и тѣхъ, которыя послѣ изданія закона объ эмигрантахъ въ 1792 г. пополнили земельный фондъ, образовавшійся изъ имуществъ церкви и духовенства, землями и имуществами эмигрировавшихъ

дворянъ и разнаго рода другихъ лицъ, сосланныхъ, казненныхъ и т. п.

Какъ велико было количество этого имущества.

Какъ велико было во Франціи количество земельныхъ имуществъ, принадлежавшихъ церкви и духовенству, мы точно не знаемъ; неизвѣстно и то, сколько именно церковныхъ земель было продано въ періодъ революціи. Уже въ 1793 г. (1 февраля) исчисленія Камбона опредѣлили цѣнность всѣхъ проданныхъ и не проданныхъ церковныхъ земель въ 2.400 милл. ливровъ. Почти въ той же мѣрѣ были исчислены и всѣ тѣ земли, которыя такъ или иначе были конфискованы, т.-е. земли эмигрантовъ, осужденныхъ, сосланныхъ и проч. По Ролану и Камбону эти послѣднія земли представляли цѣнность около 4 милліардовъ. Но дѣйствительно проданныхъ было, несомнѣнно, гораздо меньше, такъ какъ ужъ въ III году республики часть имуществъ, принадлежащихъ осужденнымъ и сосланнымъ, была возвращена ихъ собственникамъ. Сенатусъ-консультъ X года разрѣшилъ эмигрантамъ вступить во владѣніе тѣми изъ ихъ имуществъ, которыя не были проданы, такъ что, когда при реставраціи былъ возбужденъ вопросъ о вознагражденіи эмигрантовъ, то, по наиболѣе точнымъ исчисленіямъ, всѣ дѣйствительно проданныя имущества эмигрантовъ могли быть куплены всего на сумму около 2.300 милл. Какому дѣйствительно количеству земли соотвѣтствуетъ общая сумма, какъ всѣхъ церковныхъ имуществъ, такъ и эмигрантскихъ,—сумма, которую исчисляютъ (но неточно) въ $5\frac{1}{2}$ милліардовъ, сказать теперь, при состояніи работъ и изслѣдованій по этому вопросу въ настоящее время, совершенно невозможно. Не нужно забывать, что въ эти имущества входили и ренты съ имуществъ, и дома, и зданія, и промышленныя заведенія, и движимость. И въ особенности это можно сказать о церковныхъ имуществахъ. Однимъ изъ главныхъ предметовъ владѣнія церкви составляли ренты и городскія зданія. Собственно говоря, большая и весьма значительная часть церковной собственности сосредоточивалась въ городахъ. Особенно это относится какъ къ собственности епископій, такъ и монастырей. Значительную часть такихъ же владѣній представляли и дома эмигрантовъ, что совершенно понятно въ виду абсентеизма большей части дворянъ. Можно, поэтому, думать, что въ общей экономіи продажъ церковныя земли далеко не играли первенствующей роли и что продажи въ деревняхъ, исключая продажи въ городахъ, составляли сравнительно малый

процентъ въ общей продажѣ,—процентъ, колебавшійся въ предѣлахъ отъ 3% до 1 — 2% и менѣе, къ общей суммѣ земель. Большое значеніе имѣли продажи эмигрантскихъ земель, такъ какъ, если принять общую сумму земель, принадлежавшихъ дворянамъ, равной $^1/_3$, то нѣсколько болѣе половины этого количества дворянской земли оказалось проданнымъ до реставраціи, т.-е. болѣе $^1/_6$. Въ общей сложности врядъ ли все количество проданной и такимъ образомъ перемѣнившей владѣльцевъ земли превосходило $^1/_5$ или $^1/_4$ всего количества земель. Это и былъ приблизительный размѣръ земельнаго фонда, очутившагося въ рукахъ національнаго собранія, вершителя судебъ Франціи.

Какъ же поступили съ этимъ фондомъ собранія, смѣнявшіяся во Франціи въ періодъ революціи?

Законодательство, касавшееся продажи нац. имущества и послѣдовательныя его примѣненія.

Несомнѣнно, что главнымъ стимуломъ, побудившимъ конфисковать церковныя имущества, обратить ихъ въ національную собственность, а затѣмъ и пустить ихъ въ продажу, была финансовая нужда, проявлявшаяся съ теченіемъ времени все рѣзче и рѣзче. Мотивъ этотъ былъ высказанъ и въ рѣчи Бюзо (6 августа 1789 г.), и въ предложеніяхъ маркиза Лакоста (8 августа), и Талейрана (10 октября). Безвыходное положеніе финансовъ, неудача займовъ, предложенныхъ Неккеромъ, побудили прибѣгнуть къ средству, которое считали тогда единственно возможнымъ, единственно «крупной и сильной мѣрой» (Талейранъ), т.-е. къ конфискаціи и продажѣ церковныхъ имуществъ. Вся финансовая политика всѣхъ собраній въ періодъ революціи базировалась на этомъ средствѣ, и, естественно, весь процессъ продажи, порядокъ и способы этой продажи отпечатлѣвали на себѣ эту политику. Внѣ продажи національныхъ имуществъ не усматривали никакого другого способа использованія новаго земельнаго фонда, и понятно, что на первый планъ выдвигался вопросъ о возможно большемъ доходѣ, какой должна была дать эта продажа. Дѣло продажи должно было быть дѣломъ полной свободы, неограниченной конкуренціи; она должна была совершаться путемъ публичнаго аукціона, по принципу, кто дастъ больше. Всѣ иные способы использованія земельнаго фонда были отрицаемы; предложенія, исходившія отъ частныхъ лицъ и отъ членовъ собраній,—предложенія, настаивавшія то на примѣненіи къ земельному фонду началъ кредитной операціи, которая облегчила бы пріобрѣтеніе земель бѣднѣйшими крестьянами, то на выдѣленіи особаго фонда для обезпеченія крестьянъ зе-

млей, то, въ виду этого, на отмѣнѣ аукціона, не находили поддержки. Все дѣло продажи представлялось свободной игрѣ соціальныхъ силъ.

Не безъ сильной и упорной борьбы удалось конституантѣ провести финансовую мѣру. Духовенство воспротивилось конфискаціи и завязало борьбу на почвѣ принципіальнаго вопроса, имѣетъ ли право церковь владѣть недвижимой собственностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно прибѣгло къ прозрачнымъ угрозамъ, указывая на неизбѣжность при конфискаціи аграрной анархіи. Устами епископа Нима, Балора, оно провозгласило тѣсную связь вопроса о церковныхъ земляхъ съ вопросомъ о бѣдныхъ, и заявило, что готово на уступки тамъ, гдѣ дѣло касалось средствъ на содержаніе служителей церкви или на богослуженіе, но не тамъ, гдѣ рѣчь шла «о священной неотчуждаемой патримоніи бѣдныхъ». Конфискацію земель церкви, этой собственности бѣдняковъ, приравнивали къ воровству. Съ неменьшимъ искусствомъ была затронута и другая сторона вопроса — о послѣдствіяхъ, къ какимъ приведетъ продажа земель. Предсказывали, что результатомъ будетъ гибель земледѣльческой культуры, что операція продажи не принесетъ никакой пользы народу, земледѣльческому классу. «Продажа церковныхъ имуществъ, утверждалъ виконтъ де-Мирабо, разоритъ провинціи, ослабитъ земледѣльческую дѣятельность, обогатитъ иностранцевъ капиталистовъ, въ рукахъ которыхъ государственныя бумаги». Аббатъ Мори пошелъ еще дальше. Онъ горячо предсказывалъ, что продажа церковныхъ имуществъ обратится въ предметъ спекуляціи, ажіотажа, онъ увѣрялъ, что уже и въ ту минуту, когда онъ говоритъ, во Франціи составленъ европейскій заговоръ, и что евреи настаиваютъ такъ горячо на дарованіи имъ гражданскихъ правъ лишь для того, чтобы, вмѣстѣ съ титуломъ гражданина, заполучить церковныя земли. Такъ говорили въ національномъ собраніи. А внѣ его выпускались массами брошюры, въ которыхъ самыми мрачными красками обрисовывалась судьба конфискованныхъ земель, въ которыхъ говорилось объ образованіи ассоціацій, скупающихъ все въ ущербъ народу. Брошюры исходили изъ среды духовенства и его защитниковъ, преисполнены были краснорѣчія, подкупившаго позже рядъ историковъ продажи національныхъ имуществъ. Собраніе было напугано настроеніемъ умовъ, созданныхъ этими рѣчами и этими брошюрами, рисовавшими ужасы, которыхъ не было, да и не могло быть въ то время налицо, и подъ влія-

ніемъ страха отвергало предложеніе Дюпона о прекращеніи арендныхъ контрактовъ на церковныя земли въ видахъ предоставленія возможности большему числу лицъ участвовать въ покупкѣ земли. Только 2 ноября, но вопреки требованію Мирабо, настаивавшему на открытомъ признаніи правъ націи на имущества церкви, собраніе, большинствомъ 568 противъ 346 при 40 воздержавшихся, приняло рѣшеніе, по которому всѣ церковныя имущества были объявлены находящимися въ распоряженіи націи, впредь до пріисканія средствъ на содержаніе церкви и ея служителей, на поддержку бѣдныхъ и т. п. Но уже 13 ноября было постановлено опечатать всѣ церковные документы на владѣніе имуществами и потребовать отъ духовенства представить въ 2-мѣсячный срокъ детальныя деклараціи о количествѣ всѣхъ принадлежащихъ ему имуществъ, суммѣ доходовъ и размѣрѣ долговъ, на нихъ лежащихъ, подъ угрозой строгаго наказанія. Нѣсколько болѣе мѣсяца спустя, 18 и 19 декабря, подъ давленіемъ финансовыхъ затрудненій, рѣшено было выпустить ассигнаціи, и для обезпеченія ихъ продать на сумму до 400 милл. конфискованныхъ церковныхъ имуществъ, уже объявленныхъ національными. Изъ продажи исключены были лишь лѣса, приходско-церковныя земли (cures ed fabriques), земли мальтійскаго ордена, госпиталей, учебныхъ заведеній и т. д. Этимъ дѣйствіемъ одной изъ главныхъ опоръ стараго режима былъ нанесенъ сильнѣйшій ударъ: подрывалась сила и опора его вліянія въ странѣ, и то былъ важнѣйшій результатъ постановленія конституанты.

Но рядомъ съ финансовыми мотивами, какъ противовѣсъ угрозамъ духовенства, стали проводить и другіе. Стали въ рѣчахъ указывать и на политическое значеніе предлагаемой конфискаціи и продажи церковныхъ имуществъ. И Талейранъ и другіе выдвинули необходимость связать интересы населенія съ новымъ порядкомъ вещей, создаваемымъ учредительнымъ собраніемъ и сдѣлать невозможнымъ возстановленіе стараго порядка. Созданіе мелкихъ собственниковъ и продажа имъ земли мелкими участками—вотъ средство, которое можетъ привести къ этому, и Талейранъ предложилъ продавать землю мелкими, а не отрубными участками и допускать къ покупкѣ всѣхъ и каждаго, а не однихъ лишь кредиторовъ государства. То было одновременно отвѣтомъ и на рѣчи со скамей духовенства и на требованія, предъявленныя наказами относительно церковныхъ земель. Ре-

зультатомъ явился декретъ 14 мая 1790 г., выработанный комиссiей по отчужденiю, и установившiй порядокъ и способы продажи. Собранiе преслѣдуетъ двѣ цѣли: 1) установленiе правильнаго порядка въ дѣлѣ финансовъ и кредита и 2) увеличенiе, которое оно считаетъ фактомъ особенной важности, «счастливымъ», числа собственниковъ среди по преимуществу сельскихъ обывателей. Съ этой цѣлью, особенно для пахотныхъ земель, виноградниковъ, луговъ, устанавливается принципъ раздѣленiя продаваемой земли на участки. Предписано дѣлить болѣе крупныя имѣнiя на части, насколько это возможно, насколько то допускаетъ природа земель, и отдавать на торгахъ предпочтенiе покупателямъ мелкихъ участковъ покупщику цѣлаго имѣнiя, или части его, если цѣны, предлагаемыя обѣими сторонами, окажутся одинаковыми. Затѣмъ создается рядъ облегченiй при покупкѣ, въ расчетѣ на покупки бѣднѣйшими крестьянами. Устанавливается, какъ правило, что 15 дней спустя послѣ присужденiя участка покупщику его, онъ вноситъ двѣнадцатую долю всей суммы прiобрѣтеннаго участка, а уплата остальной суммы разсрочивается на 12 лѣтъ путемъ ежегодной уплаты равными долями съ начисленiемъ 5%. «Каждый крестьянинъ,—гласилъ докладъ комиссiи,—желающiй прiобрѣсть небольшой участокъ земли, будетъ имѣть полную возможность достигнуть этого, внесши небольшой задатокъ, и затѣмъ найти средства погашенiя долга въ своемъ трудѣ и въ той жатвѣ, которую получитъ съ прiобрѣтенной земли. И въ то же время, благодаря удобствамъ и легкости покупокъ, къ публичнымъ торгамъ будетъ привлечена масса покупщиковъ и тѣмъ самымъ будутъ подняты цѣны, и такимъ образомъ государство и казна окажутся въ барышахъ.

Это та двойная точка зрѣнiя, которая проходитъ красной нитью чрезъ цѣлый рядъ дальнѣйшихъ мѣръ, регулировавшихъ продажу, направлявшихъ эту продажу, и которая своими колебанiями запутывала и задерживала правильный ходъ продажи.

Не нужно забывать, что два теченiя создались еще въ XVIII в., до революцiи, по вопросу о культурѣ земли, о лучшей системѣ, которая обезпечивала бы и процвѣтанiе земледѣлiя, и богатство страны. Вопросъ, интересовавшiй умы, былъ не въ томъ, какъ создать благосостоянiе каждаго земледѣльца,—это былъ вопросъ аграрный, какъ таковой онъ возбуждалъ страхъ и ужасъ въ большинствѣ умовъ и не былъ даже понятенъ громадному большинству,—а въ томъ, что и какъ можетъ содѣйствовать

подъему культуры. Споръ вращался почти исключительно вокругъ вопроса: мелкое ли или крупное хозяйство создаетъ прогрессъ культуры, обезпечиваетъ ростъ ея въ странѣ, безъ отношенія къ тому, насколько та или иная форма можетъ служить средствомъ обезпеченія крестьянства. И въ то время, какъ всѣ, кто являлся послѣдователемъ ученія физіократовъ, распинался за культуру крупную, рядъ другихъ мыслителей выдвигалъ мелкую крестьянскую культуру, какъ крупнѣйшую силу, могущую поднять земледѣліе и создать богатство въ странѣ. Оба теченія находили своихъ представителей въ рядахъ членовъ и конституанты, и ряда другихъ собраній, и ихъ вліяніемъ опредѣлялась въ значительной мѣрѣ и политика въ дѣлѣ продажи.

Въ конституантѣ въ первое время, видимо, теченіе въ пользу предпочтенія мелкой собственности и мелкой культуры получило перевѣсъ, но лишь ничтожное меньшинство ставило вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею на первый планъ, усматривала въ немъ главную цѣль, которую должно было преслѣдовать собраніе при распродажѣ. Въ комиссію о нищенствѣ (de la mendicité) уже при самомъ образованіи ея поступила брошюра извѣстнаго Бонсерфа, вышедшая въ 1789 г.: о необходимости и средствахъ занять производительнымъ образомъ рабочихъ, въ которой авторъ настаивалъ на необходимости сохранить часть земельнаго фонда въ пользу бѣднѣйшихъ. То было не болѣе, какъ филантропическая мѣра, на большее пойти тогда не могли. Но мысль была подхвачена; ее поддержало королевское общество земледѣлія, и она служила предметомъ обсужденія въ комиссіи. Члены ея предлагали даровую раздачу (возлагавшуюся на мѣстныя учрежденія) части пустопорожнихъ земель семьямъ бѣдняковъ, извѣстныхъ своей честностью, съ оказаніемъ имъ помощи на первое время выдачей провизіи на годъ и пособіемъ при постройкѣ жилья и зданій.

Но ни доклады, ни горячія рѣчи не оказывали замѣтнаго дѣйствія на большинство. Уже въ томъ же 1790 г. финансовыя затрудненія, не устраненныя продажей муниципалитетами части земель, вызывали со стороны нѣкоторыхъ членовъ конституанты предложенія о необходимости, въ видахъ скорѣйшаго пополненія казны, сократить сроки платежей по пріобрѣтеннымъ разными лицами землямъ. Предложеніе было сдѣлано въ іюнѣ, и коекакъ удалось Ларошфуко и его сочленамъ по комиссіи отсрочить рѣшеніе вопроса о сокращеніи сроковъ платежей. Рядъ

іюньскихъ и іюльскихъ декретовъ (25, 26 и 29 іюня и 9 іюля) подкрѣплялъ постановленія 14 мая о порядкѣ продажи. Но въ августѣ и сентябрѣ настроеніе быстро мѣняется. И въ клубахъ и въ національномъ собраніи все чаще и энергичнѣе подымается вопросъ объ измѣненіи декрета 14 мая. «Нація,—проповѣдовали въ обществѣ друзей конституціи, — на которой лежитъ 2 милліарда долга и которая не имѣетъ иного средства погасить его, кромѣ продажи національнаго имущества, не обязана и не должна предоставлять право покупщикамъ вносить плату за пріобрѣтенную землю въ теченіе 15 лѣтъ». А въ собраніи раздавались рѣчи, что упорядоченіе финансовъ — главное и существенное дѣло, передъ которымъ должны отступать на задній планъ всѣ иныя соображенія. Напрасны были всѣ возраженія Ларошфуко, напрасно доказывалъ онъ, что именно созданіе возможно большаго числа мелкихъ собственниковъ — главная цѣль и одно изъ могущественныхъ средствъ поднятія и улучшенія финансовъ, напрасно распинался за сохраненіе постановленій 15 мая, регулировавшихъ продажу и благопріятныхъ мелкой собственности. Предложенія комиссій: финансовой и объ отчужденіи земель нашли откликъ въ большинствѣ, и декретомъ 3 ноября была установлена новая система продажъ, радикально измѣняющая систему 14 мая. Принципъ раздѣленія фермы или метеріи на мелкіе участки отвергнутъ. Предписывается продавать такія фермы и метеріи цѣликомъ со всѣми ихъ угодьями, приказывается продать такимъ же образомъ и земли, которыя находились въ арендѣ у одного лица. Рядомъ отмѣнены и прежнія льготы по уплатамъ. Для пахотныхъ и другихъ земель срокъ погашенія вмѣсто 12 лѣтъ установленъ въ 4½ года, для всѣхъ другихъ земель (главнымъ образомъ городскихъ) разсрочка платежа допущена на срокъ 2 года и 10 мѣсяцевъ. Единственная уступка, которой удалось добиться защитникамъ декрета 15 мая, была отсрочка примѣненія дѣйствія новаго декрета до 15 мая 1791 г. Правда, въ рядѣ послѣдующихъ декретовъ не переставали говорить (напр., въ декретѣ отъ 3 іюля 1791 г.) о томъ, что цѣль собранія — создать возможно большее число собственниковъ. Но это не болѣе, какъ красивыя слова: всѣмъ административнымъ властямъ дистриктовъ, производившихъ продажу, рекомендовалось отдавать предпочтеніе покупщикамъ участка въ цѣломъ предъ покупщиками его въ разбродъ, даже если и тѣ и другіе предложатъ одну и ту же цѣну за весь участокъ.

Законодательство легислативы и конвента относительно нац. имущества.

Съ созывомъ легислативы и затѣмъ конвента наступаетъ видимое измѣненіе въ политикѣ, регулирующей дѣло продажи. Оба собранія вновь возвращаются къ принципу раздѣленія земель на мелкіе участки. 14 августа 1792 г., одновременно съ изданіемъ декрета о раздѣлѣ общинныхъ земель, издается декретъ, въ силу котораго предписано всѣ имущества эмигрантовъ, а затѣмъ и мальтійскаго ордена и проч., раздѣлять на мелкіе участки въ 2, 3 и 4 арпана максимумъ «въ видахъ увеличенія числа мелкихъ собственниковъ», и затѣмъ, либо продавать ихъ, либо отдавать на вѣчныя времена за денежную ренту. Но система разсрочекъ осталась неизмѣнною, да, сверхъ того, въ видахъ опять финансовыхъ соображеній, было постановлено оказывать при продажахъ предпочтеніе тѣмъ, кто при покупкѣ внесетъ всю сумму разомъ: такимъ дозволялось торговаться на публичномъ аукціонѣ и за нѣсколько участковъ. Конвентъ пытался пойти нѣсколько дальше. 3 іюня 1793 г. онъ декретировалъ мѣру, напоминающую предложенія Ларошфуко. Декретомъ этимъ предписывалось, чтобы въ тѣхъ общинахъ, у которыхъ не окажется въ наличности общинныхъ земель, и будутъ только земли эмигрантскія, изъ этихъ послѣднихъ выдѣлялась часть достаточная для того, чтобы отдавать на вѣчно-наслѣдственномъ правѣ по 1 арпану каждой главѣ семьи, не имѣющему собственности въ общинѣ. Но этотъ декретъ не былъ примѣненъ на дѣлѣ. 13 сентября конвентъ пошелъ опять назадъ и измѣнилъ его, по финансовымъ соображеніямъ. Новый декретъ гласилъ, что главамъ семей, не имѣющимъ собственности, предоставляется право покупать участки изъ эмигрантскихъ земель до суммы въ 500 л. и не болѣе и производить уплату по нимъ въ теченіе 15 лѣтъ равными долями безъ начисленія процентовъ. Объ отдачѣ за ренту уже нѣтъ болѣе и рѣчи.

Дальнѣйшая судьба законовъ о продажѣ нац. имуществъ.

Годъ спустя дѣлается попытка вернуться къ прежней системѣ 15 мая 1790 г., даже расширить ее. Въ засѣданіи 8 сентября 1794 г. (II годъ 22 фруктидора) вандинскій депутатъ Файо потребовалъ отмѣны всего законодательства о продажѣ, какъ идущаго противъ интересовъ бѣднѣйшихъ классовъ. «Только конституанта способна была провозгласить свободу, которая не осуществлялась, и создавать законы, выгодные лишь для нѣсколькихъ лицъ, друзей конституанты 1789 г.»,—говорилъ онъ въ конвентѣ. «Задача національнаго конвента иная: онъ долженъ дѣлать все для созданія счастья всѣхъ, я хочу сказать наи-

большаго количества людей. Но что же выходитъ на дѣлѣ? Бѣдняки и несчастные не получили ни малѣйшаго облегченія отъ распродажи національныхъ имуществъ. Вина въ этомъ — публичные торги. Они устранили и устраняютъ санъ-кюлотовъ отъ пріобрѣтенія земли». И онъ потребовалъ отмѣны аукціонной продажи и раздѣла всѣхъ земель въ собственность между всѣми безземельными и малоземельными съ тѣмъ, чтобы послѣ оцѣнки отданныхъ участковъ надѣленные обязались бы уплатить стоимость участка равными платежами въ теченіе 20 лѣтъ. Но конвентъ оказался глухимъ по отношенію къ предложеніямъ подобнаго рода. Возраженія депутата отъ нижней Луары, Луазо, оказались болѣе пріемлемыми и болѣе соотвѣтствующими мнѣніямъ большинства. Продажа съ публичныхъ торговъ — необходима, доказывалъ онъ: республика нуждается въ деньгахъ для того, чтобы укрѣпиться внутри и бороться противъ всей Европы. Да и превратить всѣхъ въ собственниковъ значитъ создать величайшую соціальную опасность, причинить громадное зло. «Въ республикѣ, насчитывающей 24 милл. жителей, немыслимо, чтобы всѣ превратились въ земледѣльцевъ. Торговля и промышленность требуютъ рукъ, необходимо раздѣленіе труда. Да еще вопросъ, что выгоднѣе для блага и богатства страны. Вѣдь по мнѣнію самыхъ знаменитыхъ экономистовъ необходимо отдавать предпочтеніе крупному хозяйству, какъ требующему лишнихъ расходовъ на содержаніе зданій и улучшенія и, слѣдовательно, приносящему большой доходъ. Наконецъ, по его увѣренію, недостаточно одного труда, чтобы сдѣлать землю плодородной: для этого необходимы орудія и средства, безъ которыхъ трудъ земледѣльца окажется безплоднымъ, а вѣдь ни орудіями, ни средствами классъ бѣдныхъ не обладаетъ».

Это мнѣніе оказалось рѣшающимъ, и предложеніе Файо было отвергнуто.

Правда, почти годъ спустя конвентъ декретомъ отъ 31 мая 1795 г. (2 преріаля III года) постановилъ, что каждому гражданину предоставляется право пріобрѣтать безъ торговъ такую подлежащую продажѣ землю, какую онъ пожелаетъ. Но тутъ же дѣлалась оговорка, подрывавшая постановленіе: уплата должна была быть произведена почти сразу, въ трехмѣсячный срокъ. Этотъ декретъ, очевидно, былъ принятъ случайно: чрезъ 8 дней декретомъ отъ 7 іюня того же года, онъ былъ взятъ конвентомъ обратно. При директоріи реакція, начатая конвентомъ,

приняла еще болѣе рѣшительныя формы. Все вниманіе сосредоточилось на финансовой сторонѣ дѣла, и заботы о мелкомъ собственникѣ исчезли. Послѣдовательно были измѣнены условія уплаты при покупкахъ. Декретомъ 25 апрѣля 1796 г. (6 флореаля IV г.) устанавливается уплата въ половинномъ размѣрѣ при покупкѣ; 31 іюля, того же года (13 термидора) уже требуется уплата $^3/_4$ всей суммы, а $^1/_4$ въ теченіе слѣдующихъ 15 мѣсяцевъ; наконецъ, 6 ноября 1796 же года (16 брюмера V года) $^1/_{10}$ наличными, затѣмъ $^5/_{10}$, изъ коихъ половина чрезъ 10 дней, а половина по истеченіи 6 мѣсяцевъ; остальные $^4/_{10}$ разсрочены на 4 года. На этихъ основаніяхъ позже продавались и лѣса, остававшіеся неприкосновенной собственностью раньше.

Каковы были послѣдствія продажи нац. имущества.

Таково было законодательство революціи, направленное къ регулированію того значительнаго земельнаго фонда, который скопился въ рукахъ государства, благодаря конфискаціи, почти не имѣющей равной себѣ въ исторіи Европы, такова была земельная политика ряда національныхъ собраній. Еще въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ законодательство объ общинныхъ земляхъ, это законодательство, и эта политика могли содѣйствовать, хотя бы въ малой степени, разрѣшенію того тяжелаго положенія, какое создано было неравномѣрностью въ распредѣленіи земельной собственности среди крестьянъ и разслоеніемъ ихъ, усиливавшимся все болѣе и болѣе. Въ этомъ отношеніи вся работа революціи оказалась безплодной: и въ XIX в., какъ и въ XVIII в., положеніе дѣлъ осталось неизмѣннымъ во всемъ томъ, что касается внутреннихъ земельныхъ отношеній среди крестьянскаго класса.

Отраженіе этой продажи на духовенствѣ и дворянствѣ.

Если измѣненія и произошли благодаря факту конфискаціи и распродажи національныхъ имуществъ, то, главнымъ образомъ, въ томъ, что касалось земельныхъ отношеній крестьянства къ другимъ классамъ. Земельныя богатства и связанное съ ними вліяніе двухъ опоръ стараго порядка: духовенства и дворянства, были совершенно подорваны. На ихъ мѣсто заступила буржуазія, принявшая участіе въ покупкѣ и замѣстившая собою и своимъ

Роль буржуазіи.

вліяніемъ прежніе вліятельные классы общества. Въ ея рукахъ теперь сосредоточились тѣ болѣе крупныя владѣнія, которыя находились въ рукахъ дворянства и церкви. Но размѣръ владѣній въ общемъ понизился: старыя крупныя владѣнія и монастырей и дворянства подверглись раздробленію и въ уменьшенномъ масштабѣ сосредоточивались въ однѣхъ рукахъ, рукахъ буржуазіи,

превратившейся въ господствующій классъ и главную опору государства. И та система, которую установили революціонные дѣятели при продажѣ, та свобода, которая царила при покупкахъ, то отсутствіе ограниченій при покупкѣ даже мелкихъ участковъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, содѣйствовали укрѣпленію вліянія новаго класса. Часть болѣе зажиточныхъ крестьянъ, уже владѣвшихъ собственностью и въ достаточныхъ размѣрахъ, получила возможность широко пользоваться продаваемыми землями, скупать ихъ, и мало-по-малу переходить изъ класса земледѣльцевъ въ классъ землевладѣльцевъ, затѣмъ буржуа. Ряды послѣднихъ пополнялись тѣми, кто изъ червячка и куколки превращался въ бабочку. Вчера простой laboureur, простой крестьянинъ, онъ, при дальнѣйшихъ покупкахъ, являлся уже cultivateur, затѣмъ получалъ или присваивалъ себѣ названіе propriétaire, и когда стали продавать лѣса и можно было устраивать заводы, онъ превращался уже въ monsieur. Буржуа-бабочка была готова.

Роль крестьянъ.

Въ крестьянской средѣ остались тѣ, кто оказался даже и послѣ покупокъ мелкихъ собственникомъ или становился таковымъ послѣ произведенной имъ покупки. Какъ не было, особенно въ 1791 г., неблагопріятно для мелкихъ крестьянъ-собственниковъ законодательство временъ революціи, оно не въ силахъ было остановить или измѣнить ту тенденцію, которая проявлялась съ полной силой въ XVIII в., да даже и ранѣе, тенденцію крестьянской массы къ пріобрѣтенію земли, къ расширенію площади крестьянскаго землевладѣнія. Теперь, благодаря законодательству, отмѣнявшему сеньоріальный режимъ, снимавшему съ плечъ крестьянства значительную часть прежнихъ платежей, и въ видѣ десятины, и въ формѣ разнородныхъ сеньоріальныхъ платежей, благодаря просто фактическому отказу платить ихъ всѣ, благодаря, наконецъ, и урожаямъ первыхъ годовъ революціи и общему подъему культуры, засвидѣтельствованному современниками-очевидцами, въ частности Артуромъ Юнгомъ, открыли для крестьянства возможность, особенно при свободѣ конкуренціи при покупкахъ, принять дѣятельное участіе въ этихъ покупкахъ. Конфискація земель духовенства была однимъ изъ требованій, предъявленныхъ въ крестьянскихъ наказахъ, и, естественно, что какъ только съ конца 1790 г. открылась продажа земель, какъ это свидѣтельствуютъ списки заявившихъ желаніе участвовать въ

публичныхъ торгахъ, крестьяне массами устремились на публичные торги.

Когда съ іюня 1791 г. законодательство измѣняется въ ущербъ покупщикамъ мелкими участками, крестьяне продолжаютъ ту же упорную борьбу за землю, но прибѣгаютъ къ инымъ способамъ, инымъ орудіямъ. Не въ одномъ только департаментѣ de l'Aisne выступаютъ крестьяне для борьбы цѣлыми группами, ассоціаціями. Движеніе въ этомъ отношеніи проникаетъ и въ рядъ другихъ департаментовъ. Еще болѣе сильныя ассоціаціи, почти исключительно изъ крестьянъ, мы встрѣчаемъ въ деп. Lot (бывшій Керси) и въ деп. Allier (б. Бурбонне), а также и на югѣ. Жажда пріобрѣтенія земли остается и тогда, когда легислатива вводитъ раздѣлъ національныхъ имуществъ на мелкіе участки (lots). Рядомъ съ отдѣльными крестьянами работаютъ при покупкахъ и ассоціаціи вплоть до 1793 г. А рядомъ идетъ и другое движеніе, характеризующее жажду крестьянъ пріобрѣтать землю. Отовсюду, со стороны владѣльцевъ однихъ домовъ, отъ безземельныхъ journaliers и manouvriers, сельскихъ ремесленниковъ, раздаются жалобы и требованія, все болѣе и болѣе настойчивыя. Они настаиваютъ на правѣ участія въ дѣлежѣ продаваемыхъ имуществъ. А такъ какъ собраніе отказываетъ въ выдѣлѣ части земель для бѣдныхъ, отъ словъ переходятъ къ дѣлу. Для окрестностей Парижа констатировано фактическое завладѣніе землями и раздѣлъ ихъ со стороны мѣстныхъ крестьянъ, въ громадномъ большинствѣ без-или малоземельными. Движеніе здѣсь разрастается настолько, что вынуждаетъ конвентъ декретировать раздѣлъ общинныхъ земель и даже принимать, хотя, какъ мы видѣли, и не во-время мѣры, рекомендованныя Ларошфуко.

Реакція, начавшаяся въ конвентѣ, пытается положить конецъ этому движенію и азарту крестьянства. Изъ фискальныхъ соображеній и изъ чувства той ненависти, которая царила въ умахъ XVIII в., ненависти ко всему корпоративному, къ общинному, къ ассоціаціонному, конвентъ, рядомъ съ отмѣной благопріятныхъ для бѣднѣйшихъ классовъ декретовъ, издаетъ декретъ, воспрещающій продажу земель ассоціаціямъ. Отнынѣ всякія покупки ассоціаціями признаются незаконными и недѣйствительными. Прокурорской власти предложено вычеркивать акты такихъ покупокъ, какъ акты nuls et non avenus, что фактически и имѣло мѣсто повсюду. Этимъ наносится одинъ изъ

сильнѣйшихъ ударовъ тенденціи крестьянъ къ пріобрѣтенію земель. Но и онъ не убиваетъ ихъ стремленій: и послѣ этого закона акты продажъ, какіе были у меня въ рукахъ, свидѣтельствуютъ о продолжающейся борьбѣ за землю. Наиболѣе сильный и чувствительный ударъ нанесенъ былъ позже, когда дѣло продажи національныхъ имуществъ, находившееся въ рукахъ мѣстной администраціи дистриктовъ, перенесено было въ департаменты. Участіе крестьянъ въ покупкахъ ослабѣваетъ самымъ замѣтнымъ образомъ. Участвуютъ въ покупкахъ только болѣе сильные, тѣ куколки, изъ которыхъ вырабатываются при имперіи бабочки-буржуа.

Общій результатъ продажи нац. имущества.

Каковы же были результаты всей этой борьбы, всѣхъ этихъ усилій крестьянства? Несомнѣннымъ является одинъ фактъ: увеличеніе земельной собственности крестьянъ, умноженіе числа мелкихъ собственниковъ. Но каково было отношеніе крестьянскихъ покупокъ къ покупкамъ буржуазіи, вопросъ этотъ остается открытымъ. Слишкомъ мало еще данныхъ для его точнаго рѣшенія, и опредѣленные и точно установленные выводы пока преждевременны. Мы должны сказать, что мы ихъ не знаемъ, да и никто ихъ не знаетъ.

На основаніи лишь нѣкоторыхъ департаментовъ, данныя о которыхъ извѣстны, можно сдѣлать нѣкоторыя приблизительныя, гипотетическія соображенія. До 1794 г. въ большей части извѣстныхъ департаментовъ крестьянскія пріобрѣтенія конкурируютъ съ буржуазными. Послѣднія возрастаютъ лишь въ послѣреволюціонный періодъ, съ конца конвента и съ директоріи. До того крестьяне скупаютъ большую часть земель, лежащихъ въ предѣлахъ территоріи ихъ общинъ, если они не близки къ городамъ и городскимъ поселеніямъ. Всѣ извѣстныя данныя, начиная съ данныхъ объ окрестностяхъ Парижа и Ліона и кончая окрестностями такихъ городовъ, какъ Тарасконъ, показываютъ, что покупки буржуазіи тѣмъ больше, чѣмъ ближе данныя владѣнія лежатъ къ городу. Это общій фактъ. Въ эти покупки входятъ, главнымъ образомъ, городскія и пригородныя земли и особенно зданія монастырей и другихъ учрежденій. Эти послѣднія покупки почти исключительно производятся буржуа. Нерѣдко, покупая зданіе монастыря, лежащее вдали отъ города, покупщикъ разрушаетъ зданіе, свозитъ камни въ городъ, либо бросая землю, либо продавая ее за безцѣнокъ. Чѣмъ далѣе отъ города, тѣмъ покупки буржуа рѣже и ничтожнѣе, и для

крестьянства представляется полный просторъ и свобода для покупокъ. Отсюда, взятыя въ совокупности продажи земель въ однихъ селахъ, съ исключеніемъ земель пригородныхъ и городскихъ земель и зданій, даютъ значительный процентъ купленной земли въ пользу крестьянъ.

Въ тѣхъ только департаментахъ, гдѣ крестьянство обладало и до революціи значительной собственностью, продажи церковныхъ земель крестьянамъ были ничтожны. Большая часть скуплена буржуазіей, но и здѣсь главную роль играла такса изданія какъ предметъ покупки.

Но какъ бы то ни было, несомнѣннымъ является тотъ фактъ, что вопросъ земельный, какъ онъ былъ поставленъ жизнью въ XVIII в., рѣшенъ революціей не былъ. Она не помѣшала естественному переходу части собственности въ руки крестьянъ, хотя въ малой степени содѣйствовала ему. Но она рѣшительно ничего не сдѣлала и не могла сдѣлать, чтобы хоть въ малѣйшей степени измѣнить соціальный характеръ земельныхъ отношеній во французской деревнѣ. Она оставила рѣшеніе задачи отдаленному будущему.

И. Лучицкій.

Рабочіе въ эпоху Французской революціи.

I.

Организація производства въ концѣ 18-го вѣка.

Франція конца XVIII вѣка была всецѣло страною мелкаго производства. Предпріятія съ нѣсколькими десятками рабочихъ уже считались крупными, а мануфактуры, дававшія работу нѣсколькимъ сотнямъ и болѣе лицъ — насчитывались единицами. Классъ работодателей и по происхожденію своему, и по образовательному уровню далеко не такъ отличался отъ класса рабочихъ, какъ впослѣдствіи: сплошь и рядомъ «фабриканты» сами происходили изъ рабочей среды и не умѣли ни читать ни писать. Словомъ *фабрикантъ* обозначались безразлично и владѣльцы предпріятій и рабочіе, а слово *фабрика* (la fabrique) употреблялось чаще всего для обозначенія не отдѣльнаго предпріятія, но цѣлой отрасли производства.

Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда въ предпріятіи имѣлось 500 — 1.000 — 1.500 чел. рабочихъ, эти люди работали въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ не въ зданіи мануфактуры, а у себя на дому. Французская промышленность XVIII столѣтія была типичною *домашнею* промышленностью.

Только въ очень немногихъ отрасляхъ производства рабочіе принуждены были по чисто техническимъ причинамъ работать въ помѣщеніи предпріятія: напр., на бумажныхъ мануфактурахъ и въ мыловарняхъ. Что же касается, напр., промышленности желѣзодѣлательной или суконнаго, бумагопрядильнаго, полотнянаго, шелковаго производства, то здѣсь рабочіе были разбросаны не только по всему городу и его окрестностямъ, на весьма часто

Литература. *Е. В. Тарле.* Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ. Ч. I. Спб. 1909. Стр. 315, ч. II. Спб. 1911. Стр. XVI+580. *Его же.* Рабочіе національныхъ мануфактуръ въ эпоху революціи. Спб. 1907. *E. Levasseur.* L'histoire des classes ouvrieres en France depuis 1789. T. I,

и по деревнямъ. Если мы говоримъ, что Руанъ, Амьенъ, Ліонъ, Седанъ, Шоллэ, Нимъ — были промышленными центрами Франціи въ концѣ XVIII столѣтія, то это нужно понимать такъ, что мануфактуры, существующія въ этихъ городахъ, раздавали работу всей окрестной области.

Деревенскіе жители не только работали на существующія въ городѣ мануфактуры: въ деревнѣ, кромѣ этой формы промышленнаго труда, существовали еще и иныя: 1) въ Бретани, въ Нормандіи, въ Турэни, въ Лангедокѣ, Провансѣ встрѣчались мелкіе самостоятельные деревенскіе производители, которые работали по особому всякій разъ заказу потребителя, либо односельчанина, либо городского «буржуа». Матеріалъ и орудія производства (станокъ) принадлежали при этомъ производителю; 2) гораздо чаще деревенскій производитель выносилъ сработанный товаръ на рынокъ — либо мѣстный, либо по сосѣдству; 3) иногда крестьянская семья изготовляетъ товаръ, не имѣя въ виду ни опредѣленнаго заказчика, ни выноса на рынокъ: она ждетъ появленія странствующаго скупщика, который является въ домъ и забираетъ сработанное. Чаще посредникомъ между производителемъ и потребителемъ является предприниматель, который называется иногда «мануфактуристомъ», иногда «фабрикантомъ». При этомъ иной разъ и матеріалъ и орудія производства принадлежатъ производителю, — иной разъ орудія производства даются ему предпринимателемъ, а иногда предприниматель же даетъ и матеріалъ и орудія производства.

Власти весьма покровительственно относились къ распространенію промышленнаго труда въ деревнѣ по двумъ соображеніямъ: во-первыхъ, во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ центрѣ и на сѣверѣ страны, этотъ трудъ являлся весьма существеннымъ подспорьемъ для крестьянской семьи, — а во-вторыхъ, участіе деревни въ промышленномъ производствѣ сильно понижало заработную плату въ городахъ. Въ своемъ знаменитомъ описаніи путешествія по Франціи (1787 — 1789 гг.) Артуръ Юнгъ утверждаетъ, что средній заработокъ французскаго рабочаго, работающаго на мануфактурѣ, равенъ 26 су въ день (= 1 фр. 30 сантимовъ), женщины работницы 15 су (= 75 сантимовъ), а прядильщиковъ и пряхъ 9 су (= 45 сантимовъ). Документальныя свидѣтельства (приводимыя мною во второмъ томѣ моей книги «Рабочіе во Франціи въ эпоху революціи») говорятъ намъ, что въ общемъ заработокъ деревенскаго производителя былъ

ниже этой цифры; нечего и говорить, что заработокъ каменщиковъ, плотниковъ, слесарей и вообще ремесленниковъ, жившихъ въ городахъ и, по существу дѣла, избавленныхъ отъ конкуренціи со стороны деревни, былъ гораздо выше даже и той цифры, какую даетъ Артуръ Юнгъ, такъ какъ ихъ среднiй заработокъ подходилъ скорѣе къ 2—2½ фр. въ день.

Огромное распространеніе деревенской индустріи имѣло чрезвычайно серьезныя послѣдствія для всей соціально-экономической жизни Франціи. Участіе деревни въ промышленной жизни страны было, поистинѣ, огромно. Всюду, гдѣ почва была недостаточно плодородна (кромѣ сѣвера, особенно, въ горныхъ мѣстностяхъ на югѣ и юговостокѣ страны), особенно быстро и прочно прививалась привычка къ промышленному труду. Владѣльцы городскихъ мануфактуръ съ большою готовностью прибѣгали къ услугамъ деревни: для крестьянина работа на мануфактуру была подсобнымъ промысломъ и, во всякомъ случаѣ, не единственнымъ средствомъ къ существованію. Дѣло дошло до того, что въ иныхъ мѣстахъ, особенно на югѣ, въ Лангедокѣ и Провансѣ, землевладѣльцы неоднократно жаловались властямъ на то, что не хватаетъ рабочихъ рукъ для сельскохозяйственныхъ работъ. Это широчайшее распространеніе промышленнаго труда въ деревнѣ еще до революціи привело къ очень серьезнымъ послѣдствіямъ: такъ какъ въ силу рѣшенія королевскаго совѣта 7 сентября 1762 г. деревенскимъ рабочимъ позволено было свободно заниматься работою, не записываясь въ цехи, то цехи жестоко страдали отъ конкуренціи со стороны деревни; кромѣ того, въ деревнѣ не только совершенно не соблюдались существовавшія вплоть до революціи правила, установленныя для производства, но инспекція мануфактуръ откровенно признавалась, что совершенно немыслимо даже услѣдить за нарушителями регламентаціи. Такимъ образомъ, двѣ коренныя основы всей промышленной жизни при старомъ режимѣ — цехи и регламентація производства — самымъ дѣйствительнымъ образомъ подкапывались деревенскою индустріей.

Самыя обширныя отрасли промышленной дѣятельности были распространены по деревнямъ едва ли не больше, чѣмъ въ городахъ: прежде всего это нужно сказать о прядильныхъ и ткацкихъ промыслахъ, о выдѣлкѣ хлопчатобумажныхъ, полотняныхъ, шерстяныхъ матерій. Нормандія, Фландрія, Геннегау, область Камбрэ, область Бовэ, область Валансьена заняты были производствомъ полотенъ; та же Нормандія, Пикардія, область

Седана, Лангедокъ выдѣлывали сукна и болѣе грубыя шерстяныя матеріи; въ нѣкоторыхъ частяхъ Лангедока и Прованса, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣвернаго района, отчасти въ центрѣ (въ Турэни, въ области Орлеана) — къ концу XVIII вѣка распространилась выдѣлка цвѣтныхъ и простыхъ бумажныхъ матерій. — Нѣсколько особый характеръ носило шелковое производство: во-первыхъ, оно сосредоточивалось въ городахъ и городскихъ предмѣстьяхъ, а не въ деревняхъ, такъ какъ хозяева боялись отдавать дорогой матеріалъ въ грязныя крестьянскія избы; во-вторыхъ, въ производствѣ участвовало три группы лицъ: а) такъ называемые *купцы*, владѣльцы предпріятій, выписывавшіе большія партіи шелковаго сырца, отдававшіе его въ обработку и затѣмъ продававшіе шелковую матерію какъ во Франціи, такъ и за границею; б) рабочіе, или, какъ они въ Ліонѣ назывались, *фабриканты-рабочіе*, люди, владѣвшіе, обыкновенно, однимъ-двумя станками и работавшіе съ помощью своей семьи и, 3), нѣсколькихъ человѣкъ наемныхъ помощниковъ, которые назывались «слугами» (domestiques). Рабочіе и «слуги всегда дѣйствовали сообща и противополагали свои интересы интересамъ *купцовъ*, на которыхъ они смотрѣли какъ на капиталистовъ и хозяевъ.

Среди полнаго господства домашней промышленности попадаются лишь одинокія исключенія. Правда, въ двухъ отрасляхъ индустріи сосредоточеніе рабочихъ въ стѣнахъ мануфактуры требовалось условіями производства: при выдѣлкѣ бумаги, какъ и при выдѣлкѣ мыла, невозможно было давать работу на домъ. Но что касается мыловаровъ, то ихъ было немного: это производство сосредоточивалось, главнымъ образомъ, въ одномъ лишь городѣ Марселѣ.

Что касается всѣхъ отраслей ткацкой промышленности, то здѣсь мануфактуры, сосредоточившія въ своихъ стѣнахъ большое количество рабочихъ, являлись совершеннымъ исключеніемъ. Такимъ исключеніемъ была, напр., громадная суконная мануфактура въ Аббевилѣ (въ Пикардіи, недалеко отъ Амьена), основанная еще въ концѣ XVII вѣка голландскимъ выходцемъ Ванъ-Робэ. Приблизительно 1200 — 1400 рабочихъ работало тамъ въ зданіяхъ мануфактуры (подчиняясь желѣзной дисциплинѣ). Но въ другихъ предпріятіяхъ, даже тамъ, гдѣ работало не меньше, иной разъ больше, чѣмъ у Ванъ-Робэ, работа давалась на домъ, и въ смыслѣ организаціи производства мануфактуры, на-

считывавшія и двѣ и болѣе тысячъ рабочихъ, мало чѣмъ отличались отъ обычныхъ, среднихъ мануфактуръ, гдѣ насчитывалось 40—50 человѣкъ.

Такой порядокъ вещей объясняется, прежде всего, тѣмъ, что не было еще *необходимости* сосредоточивать работу въ зданіи помѣщенія мануфактуры, такъ какъ машины во Франціи еще совсѣмъ почти не были извѣстны. Не только до конца XVIII столѣтія, но и въ теченіе первыхъ десятилѣтій XIX-го, — англійскія механическія усовершенствованія появлялись во Франціи въ высшей степени медленно и рѣдко. Первыя прядильныя механическія приспособленія, такъ называемыя «дженни», стали извѣстны во Франціи лишь около 1774 года; машина Аркрайта проникла въ 1783 году, усовершенствованныя «дженни» («mull-jenny») въ 1790 году. Но слово «проникли» тутъ слѣдуетъ понимать такъ, что одинъ-два экземпляра становились извѣстны французамъ: о введеніи машиннаго производства во Франціи и рѣчи быть не могло за весь разсматриваемый періодъ. По показаніямъ современниковъ, прядильное дѣло въ такой передовой промышленной провинціи, какъ Цикардія, не подвинулось впередъ въ техническомъ отношеніи еще съ эпохи Кольбера. Даже опыты, касающіеся пряжи хлопка, стали сколько-нибудь систематически производиться лишь съ конца директоріи. И нужно еще замѣтить, что при всей своей убогости бумагопрядильное дѣло въ техническомъ отношеніи стояло выше шерстяного и полотнянаго производствъ. Что касается сталелитейнаго дѣла, то во Франціи къ началу революціи были, собственно, всего двѣ сталелитейни, да и тѣ скоро пришли въ упадокъ, — и въ 1792 г. пришлось оборудовать сталелитейную мастерскую при оружейномъ заводѣ въ гор. Тюллѣ, — при помощи выписанныхъ изъ Германіи рабочихъ. Даже и простыя желѣзодѣлательныя мастерскія стояли въ техническомъ отношеніи несравненно ниже англійскихъ, западно-германскихъ, австрійскихъ, швейцарскихъ.

Послѣдствія этой технической отсталости Франціи для положенія рабочаго класса были таковы: 1) замѣчалось стремленіе выписывать цѣлыми партіями обученныхъ рабочихъ изъ-за границы (изъ Англіи, германскихъ странъ, Голландіи, Швейцаріи), а также задерживать во Франціи и отправлять на работы англійскихъ плѣнниковъ; 2) нерѣдко французскіе предприниматели отдавали часть нужной работы за границу — изъ Реймса, Амь-

ена, Бовэ, Седана — промышленники систематически отдавали сырье для пряжи въ германскія страны; то же самое продѣлывали полотняные фабриканты во Фландріи, Эно, Камбрези, Артуа и др. странъ.

Это вызвало жалобы и нареканія со стороны французскихъ рабочихъ, когда въ началѣ революціи наступила безработица, но хозяева продолжали дѣйствовать попрежнему, стремясь получить за границей и болѣе дешевую и болѣе тонкую *пряжу*.

Современники (совершенно справедливо) соединяли причинною связью оба явленія: какъ господство системы домашней промышленности, такъ и слабость техники во Франціи. Имъ казалось, что и заводить большихъ фабрикъ, гдѣ бы рабочіе работали въ самомъ зданіи заведенія, не стоитъ, разъ нѣтъ машинъ. Все это нужно имѣть въ виду, когда мы говоримъ о рабочемъ *классѣ* въ эпоху революціи. Сотни тысячъ людей, разбросанныхъ по деревнямъ и селамъ Франціи и работающихъ порознь на заказчика или на предпринимателя, не знали другъ друга, не могли столковаться, не были способны къ единодушію и объединеннымъ выступленіямъ. Это и было основною причиною политическаго малосилія французскихъ рабочихъ временъ революціи. Только въ Парижѣ, отчасти въ Бордо и Марселѣ, рабочіе жили болѣе скученно; только въ столицѣ, преимущественно, и даютъ они знать о своихъ требованіяхъ.

II.

Первыя волненія. Разгромъ домовъ Ревельона и Анріо.

Безработица, свирѣпствовавшая въ 1789 г. и осложненная дороговизною хлѣба (вслѣдствіе повсемѣстнаго неурожая 1788 г.) еще до открытія генеральныхъ штатовъ вызвала бурныя волненія въ Парижѣ.

27 — 28 апрѣля въ Парижѣ толпа разгромила дома и заведенія двухъ богатыхъ промышленниковъ — владѣльца обойной мануфактуры Ревельона и владѣльца селитроварни Анріо. Поводы къ двухдневному буйству многотысячной разъяренной толпы были такъ ничтожны, что даже непосредственные участники событій не могли толкомъ ихъ объяснить: народъ разъярился на Ревельона за то, что онъ какъ-то выразился, будто рабочіе могутъ просуществовать на 15 су въ день (75 сантимовъ). Полное несоотвѣтствіе между ничтожностью повода и огромностью послѣдствій поразило современниковъ и вызвало безконечные

толки. Въ самомъ дѣлѣ, толпа неистовствовала такъ, что лишь рѣшительное вмѣшательство вооруженной силы прекратило движеніе, уже послѣ того, какъ дома Ревельона и Анріо были разграблены (почему пострадалъ и Анріо, объ этомъ знали еще меньше). Нѣкоторое время говорили даже, что правительство умышленно возбудило безпорядки и смотрѣло сквозь пальцы на ихъ развитіе, съ цѣлью испугать буржуазію призракомъ возстанія черни. На самомъ дѣлѣ это было совершенно невѣрно: правительство, напротивъ, обнаружило большую жестокость въ дѣлѣ подавленія безпорядковъ, войска стрѣляли, нѣсколько наудачу выхваченныхъ лицъ было повѣшено на другой же день у Сент-Антуанскихъ воротъ, другіе заклеймены публично раскаленнымъ желѣзомъ и сосланы въ каторгу; дошедшіе же до насъ документы ясно показываютъ, что и съ самаго начала происшествія было для власти вполнѣ неожиданно. Вообще вспышка поразила всѣхъ. Круги, враждебные реформамъ, держались того мнѣнія, что безпорядки возбуждены герцогомъ Орлеанскимъ, котораго они ненавидѣли. Всѣ эти догадки были совершенно неосновательны. Разгромъ былъ обусловленъ тѣмъ нервнымъ напряженіемъ, въ которомъ уже нѣсколько мѣсяцевъ находилась голодавшая рабочая масса столицы: Ревельонъ и Анріо явились случайными предметами ярости безъ всякой вины съ своей стороны. Лишь очень немногіе публицисты отозвались на кровавое усмиреніе этой стихійной вспышки, — но кое-что весьма интересное историкъ все же можетъ почерпнуть въ этой литературѣ. Такъ, анонимный авторъ одного изъ вышедшихъ въ маѣ 1789 года памфлетовъ протестуетъ противъ «подлыхъ, несправедливыхъ Пилатовъ», осудившихъ «несчастныхъ людей» на смерть. Казненный (пишетъ анонимный авторъ объ одномъ изъ повѣшенныхъ) отдалъ послѣдній свой вздохъ «Богу, отечеству и королю»—и предсталъ предъ подземными судьями — Миносомъ, Радамантомъ и Эакомъ,—и Эакъ, докладывавшій дѣло, сказалъ: «Тѣнь, которую приводитъ къ вамъ Меркурій, брошена въ адъ могущественной шайкою, которая держитъ въ рабствѣ короля и имперію франковъ». Всему причиною — дороговизна хлѣба, порождающая народныя волненія. «Если бы рынки были снабжены хлѣбомъ, все было бы спокойно». Правда, созваны теперь Генеральные Штаты, — «но только собственники и негоціанты выбраны депутатами, а поденщики, ремесленники, наемные люди и земледѣльцы... не выбраны и никто изъ ихъ класса не выбранъ. Но

вѣдь всѣ эти собственники, богатые землевладѣльцы и негоціанты заинтересованы въ томъ, чтобы поддержать дороговизну хлѣба, припасовъ и ничтожныя цѣны на рабочія руки; это союзъ, заключенный ими между собою, и они поклялись кровью несчастныхъ не отступать отъ него». Своекорыстные люди скрыли отъ взоровъ монарха нуждающійся классъ. Если палачи или войска истребятъ десять тысячъ человѣкъ, то отъ этого уменьшится сила государства и т. д. Авторъ кончаетъ пророческимъ «совѣтомъ» — всему голодающему люду итти въ Версаль къ королю и просить у короля «хлѣба или смерти»: онъ какъ бы предвидитъ то, что случилось спустя полгода, 5 — 6 октября. Другія брошюры развиваютъ тѣ же мысли — о дороговизнѣ хлѣба, о безработицѣ, о лишеніи рабочихъ избирательнаго права, — какъ о причинахъ волненій.

Послѣ этой вспышки наступилъ нѣкоторый перерывъ: рабочая масса ждала облегченія своей участи отъ учредительнаго собранія; 14 іюля она приняла дѣятельное участіе въ штурмѣ Бастиліи. А безработица росла и росла, и голодъ все усиливался...

Безработица и голодъ въ 1789 году.

Особенно тяжелъ былъ 1789 годъ именно для парижскаго населенія. «Вотъ до чего мы теперь дошли», писалъ въ началѣ осени одинъ видный журналистъ (Лустало): «мануфактуры пріостановили работу, такъ какъ купецъ потерялъ покупателей», богачъ нанимаетъ меньше слугъ, на которыхъ онъ смотритъ какъ на своихъ естественныхъ враговъ, должникъ легче уклоняется отъ своихъ обязательствъ, ибо суды бездѣйствуютъ, и вообще «число нуждающихся внезапно увеличилось до пугающихъ размѣровъ».

Волненія осенью 1789 г.

При полной безработицѣ, царившей въ Парижѣ, не могло быть, конечно, и рѣчи о сколько-нибудь обширномъ стачечномъ движеніи. Но (въ іюлѣ и августѣ) произошли въ столицѣ нѣкоторыя частичныя волненія, о которыхъ необходимо сказать нѣсколько словъ. Рабочіе, занятые въ строительныхъ промыслахъ, волновались въ концѣ іюля (послѣ взятія Бастиліи) и вынудили, даже муниципалитетъ, сильно расширить начатыя еще до взятія Бастиліи благотворительныя работы. Въ срединѣ августа произошла вспышка среди рабочихъ портняжнаго цеха, домогавшихся увеличенія заработной платы, но предъ нападеніемъ со стороны національной гвардіи — сборище, въ которомъ принимало участіе около 3.000 человѣкъ, — разсѣялось. Въ

тотъ же день (18 августа 1789 г.) произошло бурное движенiе среди подмастерьевъ парикмахерскаго цеха, которые рѣшительно отказались нести какiе-либо расходы въ пользу клерка бюро ихъ цеха. Нужно замѣтить, что послѣ — ночь на 4-е августа цехи фактически перестали существовать, хотя *законъ* объ ихъ уничтоженiи былъ изданъ лишь въ началѣ 1791 года (2 марта). Но принципiальное осужденiе цеховой системы въ ночь на 4 августа такъ подѣйствовало, что съ цехами начисто перестали считаться. Демонстрацiя парикмахеровъ была, правда, разсѣяна вооруженною силою, но платить своему клерку они все-таки не согласились.

Немало тревоги причиняло властямъ и движенiе среди рабочихъ «благотворительныхъ мастерскихъ», т.-е. земляныхъ работъ на Монмартрѣ. Какъ только что сказано, они были неспокойны уже въ iюлѣ, еще до волненiй среди портныхъ и парикмахеровъ. Въ серединѣ августа они снова заволновались. Ихъ было тогда шестнадцать тысячъ человѣкъ (а къ концу августа уже 22 тысячи). Въ видахъ экономiи муниципалитетъ рѣшилъ было уменьшить выдаваемую имъ плату, и безъ того весьма низкую (20 су, т.-е. почти вдвое меньше того, что получала огромная масса даже наиболѣе скудно оплачиваемыхъ городскихъ рабочихъ[1]). Но начавшееся броженiе заставило муниципалитетъ поспѣшно взять назадъ свое рѣшенiе. Вотъ что читаемъ въ протоколѣ засѣданiя отъ 13 августа 1789 года: «По представленiю, сдѣланному собранiю, что есть опасность въ осуществленiи безъ приготовленiй — постановленiя, принятаго имъ, объ уменьшенiи поденной платы рабочимъ монмартрскихъ мастерскихъ, — собранiе, увѣдомленное о броженiи, которое возбудило это постановленiе, сочло, что долгъ его — поступиться экономiей ради спокойствiя, и рѣшило, что исполненiе постановленiя будетъ отложено на нѣсколько дней, и рабочихъ будутъ разсчитывать по цѣнамъ, которыя были имъ даваемы раньше».

Въ своихъ мемуарахъ тогдашнiй мэръ Парижа Бальи признается: «Собранiе не знало какимъ образомъ приняло рѣшенiе объ уменьшенiи цѣнъ за рабочiй день. Это постановленiе вызвало большое броженiе. Въ этомъ дѣйствiи было мало экономiи и была большая неполитичность (une grande impolitique). Не слѣдуетъ мучить людей, которыхъ собираешься удалить; не слѣ-

---

[1]) Не сельскихъ (см. начало этой статьи).

дуетъ рисковать волновать тѣхъ, которыхъ удаляютъ изъ-за страха возстанія. Собраніе принуждено было взять назадъ это рѣшеніе».

Рабочіе, которые чуяли, что муниципалитетъ только того и желаетъ, чтобы отъ нихъ отдѣлаться, были, въ самомъ дѣлѣ, настроены въ высшей степени нервно и подозрительно. 15 и 16 августа работъ не производилось, и рабочимъ было объявлено, что они ничего не получатъ за эти дни. Вспыхнуло движеніе, рабочіе грозили поджечь ратушу и т. д. Былъ вызванъ Лафайетъ съ отрядомъ національной гвардіи. «Рабочіе, увѣдомленные о его прибытіи, пошли навстрѣчу генералу съ цвѣтами, чтобы предложить ихъ ему», говоритъ одинъ современникъ. Для сопротивленія сколько-нибудь существеннаго и систематическаго у рабочихъ силы не хватало, и они это сознавали вполнѣ отчетливо. 17 августа муниципалитетъ закрылъ вовсе монмартрскую «мастерскую», а взамѣнъ ея открылъ нѣсколько отдѣльныхъ мастерскихъ; въ разныхъ концахъ города волненія, котораго отчасти опасались, не произошло, и рабочая масса, до того времени сосредоточенная въ одномъ мѣстѣ, съ сентября (1789 г.) разсѣялась по разнымъ частямъ столицы, гдѣ были учреждены эти новыя мелкія «мастерскія», или, попросту говоря, гдѣ были открыты новыя работы.

Послѣднею вспышкою (со стороны представителей наемнаго труда) въ 1789 году было движеніе среди прислуги, выразившееся въ рядѣ демонстрацій въ концѣ августа. Аристократія эмигрировала, прислуга въ большомъ количествѣ была выброшена на улицу, а въ домахъ тѣхъ богатыхъ и, просто, зажиточныхъ семей, которыя оставались, штатъ прислуги усиленно сокращался, вслѣдствіе наступавшихъ трудныхъ и дорогихъ временъ. Прислуга собиралась толпами по 2, по 3 тысячи человѣкъ, и къ правительству предъявлялись упорныя требованія, чтобы изъ Парижа были высланы всѣ иностранцы (особенно савойяры), находящіеся въ домашнемъ услуженіи. «Несправедливо», заявляли демонстранты, чтобы мы умирали отъ голода за недостаткомъ занятій и работы въ то время, какъ иностранцы являются, чтобы собирать путемъ экономіи большую часть звонкой монеты и вывозить ее потомъ въ Италію; насъ разсчитываютъ изъ домовъ, гдѣ мы служили, вслѣдствіе революціи; или мы покидаемъ нашихъ хозяевъ изъ-за того, что они аристократы, или они насъ разсчитываютъ, такъ какъ знаютъ наши патріотическія чувства».

Слуги тоже были, въ концѣ-концовъ, разсѣяны вооруженною силою.

Безсильные, когда они выступали по своей инициативѣ, со своими профессiональными домогательствами, рабочiе, въ ту же осень 1789 г., въ историческiе дни 5 — 6 октября, приняли дѣятельнѣйшее участiе въ знаменитомъ движенiи на Версаль. Они шли въ слѣпой и отчаянной увѣренности, что переѣздъ королевской семьи въ Парижъ избавитъ ихъ отъ голодовки, но широкiе слои буржуазiи имъ въ данномъ случаѣ всецѣло сочувствовали и помогали, ибо движенiе направлялось противъ контръ-революцiонныхъ происковъ, противъ стягиванiя роялистически-настроенныхъ полковъ къ Версалю и т. п.

Сейчасъ же послѣ того, какъ королевская семья переѣхала въ Парижъ и все успокоилось, обнаружилось, что какъ Нацiональное собранiе, такъ и муниципалитетъ твердо рѣшились показать рабочимъ, что *продолженiя* революцiонныхъ выступленiй они не потерпятъ. Былъ изданъ законъ о военномъ положенiи, нацiональная гвардiя сдѣлалась особенно рѣзка и даже жестока въ обращенiи съ городскою бѣднотою, — и, вообще, съ конца 1789 года исчезаетъ всякая возможность даже такихъ сравнительно невинныхъ рабочихъ манифестацiй, какъ тѣ, что были, напр., еще въ августѣ.

Наступилъ промежутокъ относительнаго спокойствiя, — 1790-ый годъ, годъ урожая, усиленiя промышленной дѣятельности, годъ мнимаго примиренiя короля съ конституцiей, время «празднествъ братства» (14 iюля 1790 года) и т. д. Ни манифестацiй, ни стачекъ въ этомъ году замѣтно не было, по тѣмъ характернѣе и ярче отразилась въ документахъ борьба въ рабочей средѣ между лицами, принадлежавшими и не принадлежавшими къ такъ называемымъ «товариществамъ», организацiямъ, являвшимся пережитками цехового строя (во второмъ томѣ этой «Книги для чтенiя» я подробно о нихъ говорю). Еще въ маѣ 1789 года въ Парижѣ были проявленiя этой борьбы въ одной шляпной мастерской, — но тогда общественное вниманiе слишкомъ поглощено было развертывавшейся борьбою въ генеральныхъ штатахъ, и все, что прямо этого не касалось, проходило незамѣченнымъ. Въ 1790 году борьба въ рабочей средѣ разрослась. Болѣе 800 человѣкъ, работавшихъ въ шляпныхъ мастерскихъ въ Парижѣ, должны были прекратить работы вслѣдствiе борьбы, которую вело противъ нихъ (мы не знаемъ, по какимъ причинамъ)

Рабочiя товарищест[ва]

рабочее товарищество (т. н. «du devoir»). Дѣйствія этой корпораціи распространились и на другіе промыслы, такъ что въ мартѣ 1790 года въ національное собраніе была подана жалоба отъ рабочихъ «всѣхъ профессій, ремеслъ и промысловъ». Они жалуются на преслѣдованія со стороны товарищества, которое обижаетъ ихъ, нападаетъ на нихъ даже во время путешествій изъ города въ городъ и т. п. «Никогда антипатія, во всѣ времена царившая между этими двумя классами рабочихъ (т.-е. принадлежащихъ и не принадлежащихъ къ корпораціи «du devoir») не доходила до такой высокой степени, какъ теперь; броженіе таково, что болѣе восьмисотъ рабочихъ шляпныхъ мастерскихъ, утомленныхъ гнусными притѣсненіями противъ нихъ со стороны рабочихъ «du devoir», прекратили всякую работу; и можно опасаться, что рабочіе другихъ профессій, не менѣе преслѣдуемые, сдѣлаютъ то же самое; это можетъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія; это броженіе существуетъ въ различныхъ городахъ провинціи, какъ и въ Парижѣ; рабочіе столицы только что получили объ этомъ весьма тревожныя извѣстія». Несмотря на подачу этой жалобы, избіенія и драки продолжались. Въ центрѣ Парижа (въ маѣ 1790 г.) плотники корпораціи «du devoir» напали на плотниковъ, не принадлежавшихъ къ этой корпораціи, и избили ихъ. Потерпѣвшіе подали вторичную петицію. Они жалуются собранію, что не могутъ работать ни въ Парижѣ ни въ другихъ городахъ изъ-за безчинствъ и насилій упомянутой корпораціи.

На основаніи дошедшихъ до насъ трехъ документовъ, касающихся дѣятельности этой корпораціи и исходящихъ исключительно отъ ея враговъ-жалобщиковъ, можно заключить, что главною причиною вражды корпораціи къ лицамъ, стоящимъ внѣ ея, повидимому, было то обстоятельство, что они не считались съ ея требованіями, сбивали цѣны, установленныя, быть-можетъ, послѣ борьбы корпораціи съ хозяевами и т. д. Чтобы ужъ покончить съ рабочими товариществами временъ революціи, нужно прибавить, что слѣды вліянія товарищества «du devoir» можно встрѣтить еще во время стачки столяровъ, вспыхнувшей въ Марселѣ, въ маѣ 1792 года. Рабочіе выработали здѣсь новый тарифъ заработной платы и новый уставъ, который долженъ былъ регламентировать отношеніе между рабочими и хозяевами. Стачечники силою останавливали работы въ мастерскихъ. Муниципалитетъ города Бордо выразилъ въ особомъ постановленіи

своё негодованіе по поводу того, что «граждане, къ которымъ революція была наиболѣе благосклонна, такъ какъ она дала имъ право работать за свой счетъ, обусловивши это только взятіемъ простого патента», — что эти самые граждане нарушаютъ новые законы, уничтожающіе всякаго рода корпораціи. Муниципалитетъ одновременно предупредилъ командира національной гвардіи о необходимости принять мѣры къ заарестованію рабочихъ, которые попытаются собраться въ числѣ свыше 10 человѣкъ. Стачка, повидимому, вскорѣ послѣ этого прекратилась. Вообще говоря, вплоть до конца революціоннаго періода власти видѣли происки товариществъ чуть не во всякой стачкѣ. Въ сентябрѣ 1799 года, предъ самымъ концомъ директоріи, министръ полиціи Фуше разослалъ мѣстнымъ властямъ циркуляръ, въ которомъ указывалъ, что среди рабочихъ бумажныхъ мануфактуръ существуетъ ассоціація, которая имѣетъ развѣтвленныя сношенія, устраиваетъ собранія, налагаетъ интердикты на ту или иную мануфактуру, запрещаетъ рабочимъ работать въ томъ или другомъ мѣстѣ и т. д.; при этомъ хозяева вынуждаются платить штрафы, налагаемые на нихъ, ибо иначе ихъ заведенія уничтожаются. «Эти безпорядки возбуждаются и поддерживаются, безъ сомнѣнія, Англіею, съ цѣлью совершенно разорить наши мануфактуры», весьма рѣшительно, но совершенно бездоказательно заключаетъ Фуше. Нужно прибавить, что сохранившіеся отвѣты мѣстныхъ властей на этотъ циркуляръ констатируютъ полное отсутствіе слѣдовъ существованія этой таинственной «ассоціаціи», о которой распространяется Фуше.

Стачечное движеніе 1791 года.

Въ 1790 — 1791 гг. замѣчается нѣкоторое улучшеніе общаго экономическаго состоянія Франціи, и на этой почвѣ становится возможнымъ весною 1791 г. единственное довольно обширное стачечное движеніе, какое только произошло за весь революціонный періодъ.

Это движеніе любопытно не только потому, что оно по своимъ размѣрамъ — единственное за всю революцію, но и по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя оно имѣло: именно оно и привело къ изданію знаменитаго закона противъ стачекъ («закона Ле-Шапелье»), просуществовавшаго во Франціи въ полной силѣ вплоть до 1864 года.

Возникло это движеніе въ Парижѣ и охватило плотниковъ, кузнецовъ, слесарей, столяровъ, башмачниковъ, типографскихъ рабочихъ, каменщиковъ, кровельщиковъ, — и былъ моментъ,

когда хозяева и власти боялись, что стачка распространится на всѣ безъ исключенія промыслы, существовавшіе въ столицѣ. Исходнымъ моментомъ движенія можно считать 14 апрѣля 1791 года, когда плотники потребовали платы въ 50 су въ день, вмѣсто 30—40 су, которые они получали. За плотниками забастовали и наборщики. Хозяева обратились съ жалобою къ муниципалитету, на обязанности котораго лежала охрана порядка, — и муниципалитетъ поручилъ департаменту полиціи выработать обращеніе къ рабочимъ. 26 апрѣля это обращеніе (отъ имени муниципалитета) было расклеено по улицамъ столицы. Муниципалитетъ говоритъ, что ему извѣстно, что рабочіе ежедневно собираются въ очень большомъ количествѣ, столковываются, «вмѣсто того, чтобы употреблять свое время на работу», и дѣлаютъ постановленія, при чемъ «произвольно устанавливаютъ таксу платы за рабочій день». Нѣкоторые рабочіе ходятъ по разнымъ мастерскимъ, сообщаютъ тамъ свои постановленія и употребляютъ угрозы и насилія, чтобы увлечь ихъ за собою и заставить ихъ бросить работу. Муниципалитетъ знаетъ, «что почтенный и трудолюбовый рабочій классъ всегда давалъ самыя недвусмысленныя доказательства своей привязанности къ конституціи и своего повиновенія закону», — и считаетъ поэтому нужнымъ просвѣтить тѣхъ, кто поддался «заблужденію или вѣроломнымъ инсинуаціямъ» и дозволилъ себѣ эти предосудительныя выходки. Муниципалитетъ касается далѣе того, что въ виду только что состоявшейся отмѣны спеціальныхъ пошлинъ на ввозимые въ Парижъ припасы жизнь должна подешевѣть и указываетъ на то, что если несправедливо было бы со стороны хозяевъ подъ этимъ предлогомъ уменьшать заработную плату, то и со стороны рабочихъ несправедливо требовать ея увеличенія.

Воззванія властей. Далѣе муниципалитетъ заявляетъ, что въ обновленной странѣ не должно быть никакой регламентаціи въ установленіи заработной платы, но должна царить полная свобода соглашенія между нанимателемъ и рабочимъ: «Каждый рабочій, когда онъ является къ собственнику или предпринимателю, долженъ быть совершенно воленъ запрашивать у него плату, которую, какъ онъ думаетъ, онъ можетъ получить. Но онъ можетъ домогаться этой платы для себя лично, онъ можетъ ее требовать, только когда о ней добровольно условились. Если бы было иначе, то не было бы справедливости и, слѣдовательно, не было бы свободы... Всѣ граждане равны въ правахъ. Но они не равны и никогда

не будутъ равны по способностямъ, талантамъ и средствамъ: природа не пожелала этого. Слѣдовательно, имъ нельзя обольщать себя надеждою на равные для всѣхъ заработки». Поэтому, полагаетъ муниципалитетъ, сами рабочіе прогадали бы, если бы цѣны были установлены одинаковыя для всѣхъ, если бы, другими словами, стачка окрѣпла и удалась: «Подобная стачка была бы нарушеніемъ закона, нарушеніемъ общей пользы и средствомъ привести тѣхъ, кто эту стачку создалъ бы, къ нуждѣ, вслѣдствіе неминуемо вызваннаго ею прекращенія или перерыва въ работахъ; она была бы со всѣхъ точекъ зрѣнія истиннымъ преступленіемъ». Законъ уничтожилъ цехи, потому что всю выгоду отъ нихъ получали только люди, бывшіе ихъ членами: такъ можетъ ли законъ разрѣшить соглашенія (между рабочими), которыя замѣнили собою цехи и явились бы воскрешеніемъ монополіи, ибо отдавали бы все общество во власть небольшого числа ихъ участниковъ и устроителей? Участники и устроители стачекъ, какъ нарушители закона и враги свободы, подлежатъ наказанію, они нарушаютъ общественный порядокъ и спокойствіе. Муниципалитетъ оканчиваетъ свое воззваніе выраженіемъ надежды, что введенные въ заблужденіе рабочіе опомнятся и не доведутъ муниципальныя власти «до необходимости пустить противъ нихъ въ ходъ средства, которыя даны муниципалитету для обезпеченія общественнаго порядка и поддержанія силы законовъ».

Воззваніе муниципалитета не привело къ цѣли, стачка быстро охватывала одинъ промыселъ за другимъ. Хозяева опять обратились съ жалобою на стачечниковъ и ихъ насильственныя дѣйствія, направленныя противъ товарищей, которые не хотятъ прекращать работы. Муниципальныя власти тогда обратились къ рабочимъ съ новымъ воззваніемъ (4 мая 1791 г.), въ которомъ уже прямо грозятъ стачечникамъ арестомъ и уголовнымъ преслѣдованіемъ въ случаѣ какихъ-либо насилій. Рабочіе, въ свою очередь, подали муниципалитету прошеніе, въ которомъ самымъ почтительнымъ образомъ оправдывались и просили поддержки. Мэръ Бальи ограничился тѣмъ, что посовѣтовалъ имъ вернуться къ работѣ и «защищать свои интересы законнымъ путемъ».

Преслѣдованіе стачечниковъ.

Начались преслѣдованія. Власти дѣятельно вмѣшались въ стачку и арестовывали всѣхъ, въ комъ видѣли зачинщиковъ и подстрекателей. У плотниковъ и наборщиковъ оказались двѣ организаціи, которыя подъ предлогомъ чисто благотворительныхъ

цѣлей, повидимому, довольно дѣятельно поддерживали стачку,— и хозяева не переставали жаловаться и домогаться закрытія обоихъ этихъ обществъ. Несмотря на всѣ мѣропріятія муниципалитета, хозяева все-таки находили, что власти слишкомъ слабо борятся съ рабочимъ движеніемъ и оказываютъ слишкомъ мало покровительства интересамъ предпринимателей. Они обратились съ жалобою на слабость муниципалитета въ національное учредительное собраніе.

Здѣсь дѣло попало въ руки очень вліятельнаго и дѣятельнаго политика Ле-Шапелье, который отъ имени комитета конституціи и внесъ 14 іюня 1791 года законопроектъ, воспрещавшій стачки и какія бы то ни было совмѣстныя дѣйствія представителей той или иной профессіи, направленныя къ борьбѣ противъ предпринимателей.

Законъ Ле-Шапелье.

Въ своемъ докладѣ онъ говоритъ, что нѣкоторые люди устраивали собранія представителей извѣстныхъ промысловъ,— что, по его мнѣнію, противорѣчитъ закону объ уничтоженіи цеховъ. Цѣль этихъ собраній заключается въ томъ, чтобы принудить предпринимателей увеличить заработную плату, а въ видѣ средства къ достиженію этой цѣли пускается въ ходъ насиліе надъ товарищами, которые оказываются довольны своимъ положеніемъ. Ле-Шапелье не одобряетъ (какъ и хозяева) слишкомъ, по его мнѣнію, снисходительнаго отношенія къ забастовщикамъ со стороны муниципалитета, который — еще въ началѣ стачки— разрѣшилъ имъ собраться. «Въ этомъ отношеніи, — пишетъ Ле-Шапелье, — муниципалитетъ совершилъ, повидимому, ошибку. Безъ сомнѣнія, должно быть позволено всѣмъ гражданамъ собираться, но не должно быть позволено гражданамъ извѣстныхъ профессій собираться изъ-за ихъ такъ называемыхъ общихъ интересовъ». Ле-Шапелье согласенъ, что заработная плата должна бы быть нѣсколько выше, но дать рабочимъ средства бороться сообща противъ хозяевъ онъ не желаетъ. По прочтеніи своего доклада, Ле-Шапелье доложилъ самый законопроектъ. Въ законопроектѣ воспрещалось устраивать какія бы то ни было профессіональныя организаціи, и общественныя власти обязывались не принимать никакихъ адресовъ, петицій и т. п. отъ имени какой-либо профессіи; стачки воспрещались безусловно, при чемъ зачинщикамъ и подстрекателямъ грозилъ штрафъ въ 500 франковъ и лишеніе правъ активнаго гражданина на одинъ годъ. Если же въ какомъ-либо актѣ (бумагѣ, афишѣ и т. п.), ис-

ходящемъ отъ стачечниковъ, будетъ заключаться какая-либо угроза противъ предпринимателей, ремесленниковъ, рабочихъ и т. п., которые явились бы замѣстителями стачечниковъ, — то виновные въ составленіи подобныхъ актовъ и въ подписаніи ихъ караются трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ и штрафомъ въ 1000 ливровъ. Что же касается, наконецъ, какихъ бы то ни было сборищъ рабочихъ, которые угрозою или насиліемъ захотѣли бы нарушить чужую свободу труда, то эти сборища приравниваются къ мятежнымъ скопищамъ, и участники ихъ караются по всей строгости подлежащихъ законовъ.

Собраніе почти безъ преній приняло этотъ законъ, а спустя три дня король подписалъ его (17 іюня 1791 года).

О стачечномъ движеніи, вызвавшемъ этотъ законъ, больше ничего не говорится въ дошедшихъ до насъ документахъ. Оборвалась ли стачка внезапно, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ закона Ле-Шапелье, или была заслонена вскорѣ послѣдовавшими событіями огромной политической важности — бѣгствомъ короля, кровавой манифестаціей 17 іюля и т. п., — мы не знаемъ. Знаемъ только, что учредительное собраніе почти одновременно съ закономъ Ле-Шапелье провело и другую мѣру, которая также отчасти имѣла цѣлью нанести ударъ стачечникамъ: эта мѣра заключалась въ уничтоженіи «благотворительныхъ мастерскихъ».

Закрытіе благотворительныхъ мастерскихъ.

«Благотворительныя мастерскія», а гораздо точнѣе — земляныя работы на Монмартрѣ, затѣянныя муниципалитетомъ столицы почти тотчасъ вслѣдъ за взятіемъ Бастиліи—причиняли властямъ много заботъ и безпокойствъ. Огромное скопленіе рабочихъ всегда грозило безпорядками, расходъ муниципальной казны, несмотря на ассигновки со стороны учредительнаго собранія былъ очень великъ, и съ самаго начала этихъ работъ не переставали раздаваться голоса, требовавшіе ихъ закрытія во имя общественной безопасности, экономіи и т. д. Зимою 1790 — 1791 гг. число рабочихъ въ благотворительныхъ мастерскихъ доходило до 31 тысячъ человѣкъ, а расходы до 900.000 франковъ *въ мѣсяцъ*. Кромѣ того, муниципалитетъ города Парижа не могъ быть спокоенъ, пока огромная масса безработныхъ непрерывно тянулась въ столицу, желая записаться на монмартрскія работы. Вскорѣ (въ 1791 г.) исчезла и та основная причина, которая заставила муниципалитетъ такъ поспѣшно открыть и поддерживать эти работы въ 1789 году:

новыя власти, выдвинутыя революціей, окрѣпли и уже могли смѣлѣе дѣйствовать по отношенію къ столичной бѣднотѣ. Вотъ что писалъ одинъ публицистъ (Смитъ), больше всего агитировавшій противъ этихъ благотворительныхъ мастерскихъ (къ слову замѣчу, что онъ былъ муниципальнымъ чиновникомъ): «Для сохраненія этихъ заведеній, которыя создала гуманность, мысль о которыхъ была внушена, быть-можетъ, необходимостью дать занятія классу, среди коего стало замѣчаться нѣкоторое безпокойство, и которыя продолжалъ поддерживать временный муниципалитетъ въ бурныя тогдашнія времена, — для сохраненія этихъ заведеній теперь уже нѣтъ тѣхъ основаній, какія ихъ создали». Теперь настали времена болѣе спокойныя, есть на-лицо вооруженная сила и поэтому возможно уже «остановить злоупотребленія и сдержать насильственныя дѣйствія, при помощи которыхъ кто - либо пожелалъ бы эти злоупотребленія увѣковѣчить». Къ веснѣ 1791 г. въ правящихъ кругахъ окончательно возобладало мнѣніе, что благотворительныя мастерскія— зло, но такое, съ которымъ вполнѣ возможно покончить. Когда же вспыхнула въ апрѣлѣ 1791 года стачка (о которой была рѣчь выше), то хозяева стали упорно просить муниципалитетъ закрыть благотворительныя работы, чтобы выбросить на рынокъ труда нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ и этимъ ослабить позицію стачечниковъ. Можно сказать, что эта парижская стачка нанесла окончательный ударъ благотворительнымъ мастерскимъ. 16 іюня 1791 г., чрезъ два дня послѣ изданія закона Ле-Шапелье, герцогъ Ларошфуко - Ліанкуръ предложилъ учредительному собранію уничтожить эти мастерскія. По его мнѣнію, стачка, происходящая въ столицѣ, доказываетъ, что рабочихъ мало и, слѣдовательно, найдется работа и для тѣхъ, которые пострадаютъ отъ закрытія общественныхъ работъ. Декретъ былъ принятъ въ тотъ же день, 16 іюня 1791 г.

Нѣкоторое время муниципальныя власти полагали, что это вполнѣ спокойно не пройдетъ и даже готовились весьма дѣятельно къ вооруженному отпору. Но на самомъ дѣлѣ эти страхи оказались неосновательными. Были, правда, жалобы, петиціи. «Господа», читаемъ мы въ одной изъ такихъ петицій (поданной уволенными рабочими національному собранію 4 іюля 1791 г.), «рабочіе общественныхъ работъ обращаются къ вамъ въ третій и послѣдній разъ. Голодъ начинаетъ ихъ мучить и контръ-революціонеры радуются этому, рабочіе читаютъ это слишкомъ ясно

на ихъ лицахъ. Они васъ умоляютъ, господа, они настаиваютъ, они васъ просятъ принять какъ можно болѣе скорыя мѣры, чтобы добыть имъ хлѣба, и это — съ сегодняшняго же дня, даже съ этого момента, ибо имъ это нужно *тѣмъ или инымъ способомъ*. Они вамъ кричатъ всѣ, — и это — крикъ двадцати пяти тысячъ людей, три четверти которыхъ имѣютъ въ столицѣ женъ и дѣтей, чтобы вы возстановили благотворительныя мастерскія, по крайнѣй мѣрѣ, до (обнародованія) конституціи, уничтоживши вкравшіяся въ мастерскія злоупотребленія. Нужда, самая гнетущая нужда, и ничто другое заставляетъ ихъ такъ говорить». Но до рабочаго бунта дѣло не дошло, хотя въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ въ началѣ іюля и произошли мѣстные безпорядки.

Политическія воззрѣнія рабочихъ

Что касается до политическихъ воззрѣній и настроеній рабочаго класса въ первые годы революціи, то нужно отмѣтить полное отсутствіе какой бы то ни было самостоятельной роли, какихъ бы то ни было попытокъ самостоятельныхъ политическихъ выступленій со стороны рабочихъ. *Въ общемъ* рабочіе стояли, конечно, на сторонѣ революціи и дѣятельно участвовали во взятіи Бастиліи, въ событіяхъ 5 — 6 октября 1789 г., въ трагически окончившейся демонстраціи 17 іюля 1791 года, но они безпрекословно повиновались въ теченіе всего періода велѣніямъ новыхъ властей, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда новыя власти вели послѣдовательную анти-рабочую политику. Декретами 22 декабря 1789 г. и 15 января 1790 г. гражданиномъ («активнымъ»), имѣющимъ право голоса, признавалось лицо, уплачивавшее прямой налогъ въ размѣрѣ цѣнности трехъ рабочихъ дней. Чтобы имѣть право выставить свою кандидатуру, необходимо было уплачивать около 50 ливровъ въ годъ прямого налога. Въ маѣ 1791 г. была сдѣлана попытка даже ограничить право петицій — сохранивши его только за «активными» гражданами. Все это были логическіе выводы изъ воззрѣнія, высказаннаго еще въ іюлѣ 1789 года Сіесомъ, — что только «активные граждане» суть «истинные акціонеры великаго соціальнаго предпріятія». Полицейская практика первыхъ лѣтъ революціонной эпохи вполнѣ гармонировала съ этимъ стремленіемъ не давать рабочей массѣ возможности заявить какимъ бы то ни было путемъ о своихъ нуждахъ. Съ осени 1789 г. суровость полиціи, разгоняющей малѣйшее сборище рабочихъ, становится особенно замѣтна. Суровыя угрозы не остаются пустымъ

звукомъ. 22 октября 1789 г. хватаютъ рабочаго Блена, подозрѣваемаго въ участіи въ убійствѣ разъяренною толпою одного булочника, приговариваютъ къ смертной казни и въ тотъ же день публично вѣшаютъ. Хватаютъ другого рабочаго (Адріана) обвиняютъ въ томъ, что онъ «старался возбудить мятежъ», приговариваютъ къ смерти, и тоже вѣшаютъ въ 24 часа послѣ произнесенія приговора.

Рабочая петиція 1790 г.

Рабочая масса не реагировала никакъ на эти карательные эксцессы, на притѣсненія полиціи и т. п. и реагировала очень мало и очень сдержанно на лишеніе ея политическихъ правъ.

Вотъ, напр., одинокая петиція (отъ 13 февраля 1790 г.), поданная группою рабочихъ по поводу закона объ устраненіи «пассивныхъ» гражданъ отъ избирательныхъ правъ. Эта почтительная жалоба проникнута духомъ полнѣйшей покорности: «Если ваша мудрость, — говорятъ петиціонеры учредительному собранію,—сочтетъ нужнымъ благопріятно отнестись къ нашей просьбѣ, мы будемъ счастливы, что мы не ошиблись. Если произойдетъ обратное, о законодатели, то наше непоколебимое усердіе будетъ лишь болѣе активнымъ и болѣе гражданственнымъ: вы всегда увидите въ насъ своихъ усерднѣйшихъ защитниковъ». Конечно, никакихъ послѣдствій эта петиція не имѣла.

Контръ-революціонная агитація среди рабочихъ.

Контръ-революціонная партія, отнюдь не собиравшаяся въ эти первые годы сложить оружіе, вела дѣятельную пропаганду въ рабочихъ кварталахъ съ цѣлью возбудить рабочій классъ противъ побѣдившей по всей линіи буржуазіи, противъ учредительнаго собранія и муниципалитета. Одинъ изъ постоянныхъ мотивовъ этой контръ-революціонной пропаганды — указаніе на безработицу, въ которой повинна революція. «Я содрогаюсь, — пишетъ одинъ изъ этихъ контръ-революціонныхъ публицистовъ, — когда думаю о томъ, что станется съ бѣднымъ народомъ, съ этими рабочими, съ этою массою прислуги, оставшимися безъ занятій». Рабочіе «пошлютъ свои проклятья именно учредительному собранію, — и что будетъ для него самымъ ужаснымъ, это то, что оно ихъ заслужило». Другой пропагандистъ указываетъ на то, что буржуазія и, въ частности, новыя власти всѣмъ поживились, а народу остались однѣ кости: «мэръ Бальи, безкорыстный, щепетильный Бальи плаваетъ въ изобиліи, распоряжается деньгами обывателей... Мнѣ, однако, кажется, что онъ уже слишкомъ воспользовался этою революціею, которая дала ему благосостояніе, тогда какъ я и тысячи другихъ

зарѣзаны ею... Предъ революціей я еще обладалъ нѣсколькими су, я ихъ бережно хранилъ, будучи убѣжденъ, что у меня ихъ не могутъ похитить», но эта надежда оказалась тщетною. «О, отдайте намъ наши оковы, но дайте намъ хлѣба!» восклицаетъ онъ. Эти мотивы на всевозможные лады повторяются всѣми пропагандистами указаннаго типа. Часть рабочихъ (особенно занятые выдѣлкою предметовъ роскоши, наиболѣе пострадавшіе отъ революціи, были склонны прислушиваться къ этой пропагандѣ. Свидѣтельствомъ можетъ послужить интереснѣйшая петиція (напечатанная мною въ приложеніи къ I тому моей книги. «Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи»), поданная королю Людовику XVI. Рабочіе жалуются королю на «полное исчезновеніе звонкой монеты, на изгнаніе роскоши, на отсутствіе знати, «удовольствія и капризы которой питали торговлю». Они жалуются, что народные представители ничего для нихъ не сдѣлали. «Гдѣ тѣ, участь которыхъ улучшилась? Свобода, равенство—это химеры, создавшія все зло, первыми жертвами которыхъ будемъ мы, наши жены и наши дѣти».

Петиція рабочихъ, поданная Людовику XVI.

Они «умоляютъ короля» пустить въ ходъ всю свою силу, чтобы «возстановить равновѣсіе между цѣнами на продукты и размѣрами заработной платы и «особенно, чтобы наказать бунтовщиковъ, которые, прикрываясь именемъ друзей конституціи, на самомъ дѣлѣ самые жестокіе ея враги». Эта петиція—одинокое отраженіе контръ-революціонной пропаганды въ рабочихъ кругахъ, которые, *въ общемъ*, оказались совершенно неподатливыми для всѣхъ происковъ враговъ революціи.

Чтобы покончить съ отношеніемъ къ рабочимъ отдѣльныхъ политическихъ партій въ эти первые годы революціи, необходимо упомянуть о демократическомъ крылѣ учредительнаго собранія — «парижской журналистикѣ».

Тутъ необходимо признать, что эти воззрѣнія не отличались ясностью. Демократическіе журналисты Демуленъ, Маратъ, Горза и др. совсѣмъ ничего не сказали, напр., ни о стачечномъ движеніи 1791 года, ни о законѣ Ле-Шапелье; о цензовомъ принципѣ они поговорили, но очень немного. Вообще они любили употреблять неопредѣленное слово «народъ», но спеціально о рабочихъ предпочитали молчать.

Рабочіе и манифестація 17 іюля 1791 г.

Рабочій элементъ участвовалъ въ анти-монархической манифестаціи 17 іюля 1791 года, въ манифестаціи, отъ участія въ которой отказались въ послѣдній моментъ и якобинцы и всѣ,

вообще, сколько-нибудь влiятельныя радикально-построенныя организацiи. Безъ вожаковъ, безъ выработаннаго плана дѣйствiй они подверглись безжалостному разстрѣлу со стороны нацiональной гвардiи и затаили свои чувства до болѣе благопрiятнаго времени. Самое выступленiе ихъ психологически было обусловлено какъ глубокимъ раздраженiемъ по поводу закрытiя благотворительныхъ мастерскихъ, такъ и неудачею длительной и изнурительной стачки, ничего имъ не принесшей, кромѣ закона Ле-Шапелье. Радикальная пресса, не перестававшая съ самаго бѣгства короля въ Вареннъ (т.-е. съ 20 iюня 1791 г.) выражать антидинастическiя чувства, якобинцы и кордельеры въ своихъ клубахъ указывали около четырехъ недѣль подъ рядъ парижскому населенiю на короля, какъ на причину всѣхъ золъ: немудрено, что накипѣвшiя обиды вылились у рабочихъ въ формѣ манифестацiи (вмѣстѣ съ прочею городскою бѣднотою). Молчанiе, испугъ, озлобленiе, — вотъ что характеризуетъ столичную рабочую массу послѣ 17 iюня 1791 года. Но уже приближались времена, когда ей суждено было снова выступить на сцену, съ бо́льшими (хотя и мимолетными) надеждами на успѣхъ.

III.

Угнетенiе промышленной дѣятельности въ 1792—1793 г. Недостатокъ сырья.

Начало войны съ коалицiей было какъ бы сигналомъ быстраго упадка промышленной дѣятельности во Францiи. Не только сбытъ сократился, но и сырье стало исчезать съ рынковъ. Напр., многiя бумагопрядильни вовсе не жаловались на плохой сбытъ, а жаловались именно на «хлопковый голодъ», на то, что англичане, владычествующiе на всѣхъ моряхъ, не даютъ возможности продолжать получать хлопокъ изъ колонiй; игольныя мануфактуры, заведенiя, выдѣлывавшiя сельско-хозяйственныя орудiя, оружейные заводы имѣли сбытъ вполнѣ обезпеченный и должны были закрываться одно заведенiе за другимъ по той простой причинѣ, что англичане перехватывали сталь, шедшую изъ Швецiи, а война съ Австрiей лишала Францiю штирiйской стали, своей же собственной Францiя еще не производила въ тѣ времена почти вовсе; суконныя мануфактуры останавливались изъ-за отсутствiя тонкихъ сортовъ испанской шерсти, шелковыя — изъ-за того, что перестали получать сырецъ изъ Италiи, Сирiи и др. странъ, а своего далеко не хватало; красящiя вещества шли изъ Голландiи, Швейцарiи, западно-герман-

скихъ странъ, и сокращеніе ихъ привоза во Францію гибельно отражался на всей текстильной промышленности. Это сокращеніе сырья пока еще не было всеобщимъ, оно *пока* обусловливалось только войною, отрѣзавшею Францію отъ весьма важныхъ для нея рынковъ сырья, до полнаго развала, наступившаго въ эпоху закона о максимумѣ, было еще далеко.

Что касается до сбыта, то онъ страшно палъ: 1) въ области торговли предметами роскоши (въ ювелирной, шелковой промышленности и т. п.); 2) въ шерстяной промышленности; 3) въ полотняной промышленности (особенно, въ области выдѣлки тонкихъ сортовъ полотна и кружевъ), и въ 1792 году пріостановившееся было, или, по крайней мѣрѣ, ослабѣвшее въ 1790 — 91 гг. сокращеніе рынка давало себя знать уже самымъ чувствительнымъ образомъ.

Рабочее движеніе въ это время рисуется въ такомъ видѣ: послѣ нѣсколькихъ разрозненныхъ проявленій броженія въ рабочей средѣ всѣ помыслы рабочихъ сосредоточиваются на томъ, чтобы заставить законодательную власть издать тарифъ цѣнъ на съѣстные припасы и, шире говоря, на предметы первой необходимости.

Конкуренція фр. рабочихъ съ иностранцами.

Прежде всего, характерна борьба рабочихъ противъ иностранной конкуренціи. Прядильщики и пряхи мѣстности, расположенной вокругъ Седана и работавшей на седанскія суконныя мануфактуры жаловались (въ 1790 г.) учредительному собранію на то, что фабриканты отдаютъ работу въ близлежащій Люксембургъ и пограничныя нѣмецкія деревни. Собраніе не прочь было удовлетворить петиціонеровъ и воспретить подобную раздачу работы за границу, но фабриканты подняли на ноги органы мѣстнаго самоуправленія, начали, въ свою очередь, агитацію въ правящихъ сферахъ, и положеніе вещей осталось безъ измѣненія. Гораздо сильнѣе проявилась борьба съ конкуренціей въ рабочей средѣ города Марселя. Тамъ произошелъ рядъ сборищъ, еще въ концѣ ноября 1791 г. Сначала обсуждали вопросъ о дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ, о безработицѣ, выработали петицію муниципалитету о повышеніи заработной платы (петицію), оставшуюся, конечно, вполнѣ безрезультатной и т. д. Но, когда послѣ нѣкотораго перерыва, движеніе возобновилось въ 1792 г., то на этотъ разъ оно направилось сразу въ совершенно опредѣленную сторону: рабочіе — марсельскіе уроженцы—просили, чтобы муниципалитетъ предложилъ хо-

зяевамъ уволить всѣхъ рабочихъ «чужеземцевъ». Муниципалитетъ исполнилъ эту просьбу; тогда рабочіе-марсельцы стали насильственно изгонять немарсельцевъ. Изгоняемые, жалуясь властямъ на насилія, разъяснили, что они вовсе не «чужеземцы», а природные французы, но только изъ другихъ городовъ. Муниципалитетъ взялъ тогда назадъ свое первоначальное «предложеніе» хозяевамъ. Вскорѣ послѣ этого случая вспыхнула (въ маѣ 1792 году) въ Марселѣ же стачка столяровъ; стачечники устроили рядъ нелегальныхъ собраній, послѣ чего принялись насильственно срывать работы въ мастерскихъ. Стачка быстро распространилась, но муниципальныя власти рѣшительно выступили противъ нея. Въ постановленіи, изданномъ по этому поводу, муниципалитетъ высказываетъ возмущеніе, что «граждане, къ которымъ революція была наиболѣе благосклонна, такъ какъ она дала имъ право работать за свой счетъ, обусловивши это только взятіемъ простого патента»,—что эти самые граждане нарушаютъ новые законы (и прежде всего законъ Ле-Шапелье). Командиру мѣстной національной гвардіи было предложено принять мѣры къ заарестованію рабочихъ, если они попытаются собраться въ числѣ свыше 10 человѣкъ. Мы не знаемъ, чѣмъ кончилась эта стачка.

Движеніе въ Марселѣ.

Движеніе въ Бордо.

Происходили волненія рабочихъ въ эти самые годы также и въ Бордо. Въ 1791 г. происходило тамъ глухое броженіе среди портныхъ, затѣмъ — среди булочниковъ. Въ 1792 г. движеніе охватило плотниковъ и привело къ побѣдѣ: къ повышенію заработной платы; а вслѣдъ за ними возобновили стачку и булочники, которые тоже добились того, что вмѣсто 13 су въ день стали получать 16 су. Замѣтно было также броженіе среди разныхъ категорій портовыхъ рабочихъ. Вообще говоря, въ этихъ двухъ большихъ *торговыхъ*, а не промышленныхъ центрахъ — Марселѣ и Бордо, — рабочій людъ жилъ скученною массою и болѣе былъ способенъ къ коллективнымъ выступленіямъ, чѣмъ въ городахъ чисто-промышленныхъ (въ родѣ Амьена, Седана, Сюмора, Руана, Шолэ, Лилля, Валансьенна и т. п.), гдѣ, какъ уже сказано, мануфактуры отдавали работу ткачамъ, прядильщикамъ и т. п., разбросаннымъ во всѣхъ концахъ данной мѣстности.

Вообще говоря, рабочіе, занятые во всѣхъ отрасляхъ ткацкой промышленности (именно вслѣдствіе этой разбросанности), меньше всего напоминаютъ о себѣ въ разсматриваемый періодъ. Только

въ Парижѣ, гдѣ они живутъ болѣе скученно, одна категорія ихъ (лентовщики) могли собраться и подать (въ концѣ 1791 г.) петицію законодательному собранію съ просьбою уничтожить такъ называемые «цюрихскіе станки», которые еще за тридцать лѣтъ до революціи были ввезены во Францію и которые, дѣйствительно, сильно удешевляли производство (на каждомъ станкѣ одинъ человѣкъ могъ выработать столько, сколько 19—20 человѣкъ безъ станка). Это былъ едва ли не единственный случай торжества механическихъ усовершенствованій и фактическаго вліянія ихъ на условія производства въ концѣ XVIII вѣка во Франціи. Рабочіе, еще до вышеотмѣченной петиціи, пытались разбивать эти станки, но всѣ ихъ усилія остались тщетными (какъ и петиція).

Всѣ эти разрозненныя, рѣдкія проявленія недовольства въ рабочихъ слояхъ только показывали, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, что рабочіе хватались за ближайшія цѣли, искали непосредственныхъ враговъ и предпринимали отдѣльныя, слабыя, несогласованныя дѣйствія противъ того, что въ данный моментъ считали причиною своихъ бѣдъ. Но съ 1792 года они бросаютъ безнадежную борьбу со своими обнищавшими и сокращающими производство хозяевами, сознаютъ безполезность стачекъ и т. п. при существующемъ отчаянномъ положеніи обрабатывающей промышленности и переносятъ всѣ свои надежды на правительство: отъ дальнѣйшихъ успѣховъ революціи они начинаютъ ждать помощи въ своемъ отчаянномъ положеніи. 20-го іюня 1792 г. рабочіе приняли живѣйшее участіе въ манифестаціи, направленной противъ двора. Когда въ іюлѣ и началѣ августа агитація Дантона все болѣе и болѣе увлекаетъ городскія секціи, рабочіе оказываются едва ли не первыми готовы къ бою, а въ историческій день паденія монархіи 10-го августа 1792 г. именно выступленіе Сентъ-Антуанскаго и Сенъ-Марсельскаго предмѣстій рѣшило побѣду.

Рабочіе и республика. Лагерныя работы.

Немедленно послѣ провозглашенія республики, изголодавшаяся рабочая масса стала молить новое правительство о помощи, и жирондистское министерство оказалось въ состояніи хоть на нѣсколько дней дать нѣкоторую работу нуждающимся: 17-го августа начались работы по устройству земляныхъ укрѣпленій вокругъ Парижа. Но эти работы продолжались лишь два мѣсяца. Едва только по ходу военныхъ дѣйствій на границѣ выяснилось, что Парижу не грозитъ нашествіе непріятельской арміи,

какъ работы (и до того вызывавшія нареканія дороговизною) были прекращены.

После прекращенія лагерныхъ работъ всѣ чаянія голодающей массы окончательно сосредоточиваются на мысли о принудительной таксаціи предметовъ первой необходимости. Министръ внутреннихъ дѣлъ Роланъ рѣшительно отстаивалъ принципъ свободы торговли и съ безпокойствомъ смотрѣлъ на частые грабежи обозовъ. «Я не стану передавать всѣхъ удручающихъ деталей, которыя мнѣ доставляетъ моя корреспонденція, — докладывалъ онъ конвенту въ началѣ ноября 1792 г., — но я долженъ предупредить національный конвентъ, что снабженіе провизіей производится всюду столь же насильственнымъ, сколь и произвольнымъ образомъ. Если грузъ хлѣба долженъ быть провезенъ черезъ нѣсколько департаментовъ къ мѣсту назначенія, то рѣдко его не разграбятъ и не продадутъ по цѣнѣ, установленной покупателями», и приходится вооруженною силою «напоминать заблуждающимся гражданамъ ихъ долгъ». И есть уже примѣры, говоритъ Роланъ, когда администраторы были при этомъ убиваемы. Вскорѣ Роланъ вступилъ въ рѣшительную борьбу съ муниципалитетомъ, стоявшимъ на сторонѣ таксаціи.

Борьба за таксацію припасовъ.

Точка зрѣнія Ролана.

«Я не хочу заподозрѣвать намѣренія муниципалитета,—писалъ Роланъ 23-го ноября 1792 г. конвенту:—я не предполагаю, что эти дѣйствія продиктованы желаніемъ снискать популярность и намѣреніемъ подготовить бѣдствія, которыя потомъ можно постараться свалить на высшую администрацію» и т. д. «Безпокойство, агитація, вѣчныя деклараціи»—вотъ чѣмъ муниципалитетъ «погубить столицу и конвентъ», если не положить конецъ безпорядку.

Колебанія монтаньяровъ.

Любопытно, что монтаньяры, съ своей стороны, далеко не сразу стали на сторону таксаціи, хотя нѣкоторые изъ нихъ распространяли весьма охотно слухи о скупкахъ и таинственныхъ махинаціяхъ монархистовъ, которые будто бы виновны въ голодовкѣ. «Граждане законодатели»,—восклицалъ въ Конвенте депутатъ Леженъ,—хотите ли вы уничтожить ужасныя послѣдствія искусственнаго голода, который даетъ себя чувствовать кругомъ? Имѣйте же мужество добраться до причины этого бѣдствія. Причина зла находится въ стѣнахъ этого города, она находится въ башнѣ Тампля: срубите на эшафотѣ голову Людовика XVI-го — и народъ будетъ имѣть хлѣбъ, и изобиліе снова появится на нашихъ рынкахъ». Вывозъ хлѣба за границу

былъ воспрещенъ подъ страхомъ смертной казни. Слухи о скупкахъ приводили народъ въ ярость. «Богатыхъ» начинаютъ отождествлять съ «аристократами». «Есть другіе аристократы — это всѣ крупные купцы, всѣ скупщики, банкиры и всѣ, имѣющіе что-нибудь... Нужно очистить отъ нихъ землю отечества», заявляетъ, напримѣръ, депутація отъ нѣсколькихъ парижскихъ городскихъ секцій, въ конвентъ. Послѣ отставки жирондистскаго министерства это движеніе усилилось. Въ февралѣ 1793 г. вспыхнули безпорядки, начался грабежъ лавокъ народомъ, требовавшимъ хлѣба, мяса, мыла и другихъ предметовъ первой необходимости. 12-го февраля въ засѣданіе конвента явилась депутація отъ всѣхъ 48-ми участковъ столицы. «Граждане,—заявила депутація, — недостаточно заявить, что мы французскіе республиканцы, нужно еще, чтобы народъ былъ счастливъ, чтобы онъ имѣлъ хлѣбъ... мы являемся сюда, не боясь непонравиться вамъ, являемся за тѣмъ, чтобы освѣтить ваши ошибки и показать вамъ истину». Петиція требовала издать законъ о максимумѣ, о максимальной цѣнѣ на предметы первой необходимости, больше которой продавецъ не могъ бы требовать съ покупателя. Рѣзкость тона петиціи раздражила конвентъ и даже Марата до того, что тутъ же было велѣно арестовать одного члена депутаціи, и петиціонеры ушли ни съ чѣмъ. Съ другой стороны, и въ клубѣ якобинцевъ вопросъ не только еще не былъ рѣшенъ, но даже и ставился очень неохотно. Братъ Робеспьера сказалъ тамъ (22 февраля 1793): «Слишкомъ часто повторяющіяся обсужденія вопроса о припасахъ тревожатъ республику», а присутствовавшій на этомъ засѣданіи президентъ Конвента Дюбуа-Крансэ заявилъ, что онъ «съ ужасомъ отвергнетъ петицію, которая будетъ говорить о таксаціи съѣстныхъ припасовъ». Но волненіе возрастало по мѣрѣ вздорожанія хлѣба и мяса, и 1-го мая рабочіе подали въ конвентъ новую петицію, въ высшей степени рѣзкую: «Уже давно, занимаясь только частными интересами и обвиненіями другъ друга, вы замедлились на томъ пути, по которому обязаны итти... Собравшись въ этихъ стѣнахъ, чтобы спасти общество, чтобы создать республиканскіе законы, — отвѣчайте, что вы сдѣлали? Вы много обѣщали и ничего не сдержали... Уже давно вы обѣщаете всеобщій максимумъ на всѣ припасы, нужные для жизни, постоянно обѣщать и ничего не исполнять, удручать и утомлять народъ, это значитъ лишать его возможности относиться къ вамъ дальше съ довѣ-

Петиція рабочихъ 1 мая 1793 г.

Декретъ 4 мая.

ріемъ». Петиція кончалась нападками на «богатыхъ» и угрозою возстанія. Конвентъ сдѣлалъ первый шагъ къ таксаціи — подъ прямымъ впечатлѣніемъ этой петиціи. 4 мая (1793 г.) былъ изданъ декретъ, сводившійся къ постепенному *обязательному* уменьшенію цѣнъ на хлѣбъ въ ближайшіе четыре мѣсяца. Но исходнымъ пунктомъ являлась при этомъ средняя рыночная цѣна за періодъ съ 1 января по 1 мая, — такъ что даже эти послѣдовательныя уменьшенія цѣны не могли удовлетворить людей, заработная плата которыхъ не стояла ни въ какомъ соотвѣтствіи съ средней рыночной цѣною, даже нѣсколько уменьшенной.

Въ концѣ мая разразился, наконецъ, давно назрѣвшій политическій кризисъ: громадная толпа народа, окружившая 31 мая конвентъ, потребовала ареста жирондистовъ, поддержала этимъ Марата и монтаньяровъ и добилась побѣды. Но именно рабочіе составляли въ этой толпѣ весьма значительную часть, и не мудрено, что, давши побѣду монтаньярамъ, они ждали отъ побѣдителей съ особеннымъ нетерпѣніемъ изданія желаннаго закона о максимумѣ. «Чѣмъ болѣе ропщутъ на дороговизну припасовъ, тѣмъ больше возрастаетъ ихъ цѣна; купцы, какъ будто нарочно, возвѣщаютъ, что еще дороже нужно будетъ платить, такъ что эта порода меркантильной аристократіи причиняетъ безконечное зло, раздражаетъ умы и заставляетъ несчастныхъ проклинать революцію», доносили властямъ лѣтомъ 1793 г. полицейскіе агенты. 26 іюля 1793 г. конвентъ подъ страхомъ смертной казни воспретилъ скупку предметовъ потребленія. Но это ничуть не успокоило изголодавшуюся массу. Съ одной стороны, столичной муниципалитетъ, съ другой стороны, парижскіе депутаты въ конвентѣ — изо всѣхъ силъ агитировали въ пользу скорѣйшаго изданія закона о максимумѣ. Въ концѣ августа депутатъ отъ города Парижа (Раффонъ) произнесъ двѣ большія рѣчи, въ которыхъ указывалъ на «интриги Вандеи, эмигрантовъ Питта», такъ какъ быстрое и чрезмѣрное вздорожаніе предметовъ потребленія не объясняется обыкновенными причинами». Купцы и скупщики мерещатся ему повсюду: «вы не позволите,—обращается онъ къ конвенту, — чтобы ихъ (купцовъ) разбой и дальше приводилъ въ отчаяніе республику, вы декретируете, чтобы была такса, по крайней мѣрѣ, на главные товары. Я прошу этого для моихъ согражданъ, которые съ нетерпѣніемъ ждутъ этого необходимаго и спасительнаго декрета. Такса на мясо, вино, сахаръ,

кофе, свѣчи, мыло, оливковое масло. Это слово *такса* вамъ непріятно, и нерѣшительность, въ которой вы изъ-за него находитесь, служитъ причиною вашего опаснаго бездѣйствія; ибо въ это время народъ страдаетъ и ропщетъ... я думаю, что когда страданія не облегчаются — терпѣніе не неистощимо». Въ началѣ сентября начались сборища въ рабочихъ кварталахъ... Конвентъ, наконецъ, рѣшился. Послѣ нѣсколькихъ частичныхъ декретовъ, 29 сентября 1793 года былъ изданъ общій законъ о максимумѣ. Согласно этому закону муниципалитеты обязаны были немедленно выработать и обнародовать таксу на *всѣ* предметы потребленія (пища, одежда, обувь, всѣ продукты ткацкой промышленности, мыло и т. д. и т. д.). Принципъ, которымъ муниципалитеты обязаны были при этомъ руководиться, былъ таковъ: берется цѣна даннаго товара, какъ она установилась въ 1790 году, и увеличивается на $^1/_3$; изъ этой суммы вычитаются тѣ пошлины, которыя въ 1790 году еще существовали, а потомъ были отмѣнены.

IV.

Законъ о максимумѣ имѣлъ гибельное вліяніе на судьбы обрабатывающей промышленности и рабочаго класса во Франціи: 1) онъ нисколько не остановилъ вздорожанія съѣстныхъ припасовъ; 2) цѣлый рядъ промышленныхъ заведеній долженъ былъ закрыться какъ вслѣдствіе полной невозможности продавать товары по «максимальной» таксаціи, не идя навстрѣчу банкротству, такъ и вслѣдствіе отсутствія сырья (которое упорно «пряталось»); 3) наконецъ, законъ о максимумѣ оказался прямымъ орудіемъ угнетенія и эксплуатаціи рабочаго класса со стороны правительственной власти. **Законъ о максимумѣ**

1) Цѣлый рядъ свидѣтельствъ, самыхъ непререкаемыхъ, говоритъ намъ, что законъ о максимумѣ безпрестанно нарушался всѣми продавцами предметовъ потребленія, и что самыя суровыя репрессіи властей не могли рѣшительно ничего подѣлать. Ни мясо, ни хлѣбъ, ни свѣчи, ни мыло, ни одежда, ничто не продавалось по максимуму. Мыловаренное производство въ Марселѣ прекратилось почти вовсе, а всѣ попытки создать новыя мыловарни въ другихъ городахъ оказывались неудачными, и отсутствіе мыла превратилось въ національное бѣдствіе и очень усилило смертность въ 1793 — 1794 гг. Торговцы съѣстными припасами стремились всячески припрятать свои то-

вары и предпочитали *мѣновую* торговлю, гдѣ это было возможно, — а гдѣ не было возможно, тамъ прекращали торгъ. Въ результатѣ — предметы первой необходимости не уменьшались, а повышались въ цѣнѣ, и, въ концѣ-концовъ, именно низшіе слои населенія, жившіе трудами рукъ своихъ, оказались въ особенно отчаянномъ положеніи.

2) Но этого мало: рабочіе страдали отъ этого закона не только въ качествѣ потребителей, но также и въ качествѣ людей, живущихъ трудомъ: дѣло въ томъ, что максимумъ «изгналъ сырье изъ рынковъ», какъ тогда выражались, и цѣлый рядъ мануфактуръ и мастерскихъ закрылся. Не было хлопка, не было желѣза, угля, дровъ, шерсти, льна, красящихъ веществъ. Владѣльцы сырья прятали его или потихоньку сбывали за границу, гдѣ за ихъ товаръ имъ платили настоящую цѣну и настоящими деньгами, а не искусственно-низкую, да еще обезцѣненными бумажками. Нечего и говорить, что колоніальные товары совсѣмъ перестали доставляться во Францію. Сырье, производимое самою Франціей, тоже быстро исчезало: ленъ, сало, конопля, провансальскій шелкъ-сырецъ—все это пряталось владѣльцами, которымъ выгоднѣе было тайкомъ продать все это сырье по какой угодно цѣнѣ за границу, или даже вовсе прекратить свое хозяйство, чѣмъ отдавать товаръ по максимуму. Отсутствіе сырья подрывало въ корнѣ возможность сколько-нибудь правильной промышленной дѣятельности въ странѣ, и безработица со времени изданія закона о максимумѣ усилилась въ неслыханной степени.

Реквизиціи рабочей силы.

3) Кромѣ этихъ двухъ бѣдствій — неслыханнаго, не ослабленнаго, а усиленнаго закономъ о максимумѣ вздорожанія съѣстныхъ припасовъ и безработицы, рабочій классъ страдалъ также и отъ такъ называемыхъ «реквизицій рабочей силы». Дѣло въ томъ, что съ самаго начала существованія закона о максимумѣ рабочій трудъ таксировался властями, наравнѣ съ товарами; принципъ таксаціи, впрочемъ, былъ не 1 : $1^1/_3$, какъ для товаровъ, но 1 : $1^1/_2$. Другими словами, рабочій долженъ былъ получать въ силу этого закона въ $1^1/_2$ раза больше сравнительно съ тѣмъ, что онъ получалъ въ 1790 году. Въ 1790 году средняя поденная плата для рабочихъ, занятыхъ строительными работами (плотниковъ, каменщиковъ, столяровъ, слесарей, землекоповъ и т. п.), а также кузнецовъ, обойщиковъ горшечниковъ, рабочихъ бумажныхъ мануфактуръ, стекольщиковъ,—

колебалась между $1\frac{1}{2}$ и $2\frac{1}{2}$ фр.; отнынѣ эти многочисленнѣйшія категоріи рабочаго населенія должны были получать отъ 2 фр. 25 сант. до 3 фр. 75 сант., рабочіе другихъ категорій тоже рѣдко получали меньше $1\frac{1}{2}$ и больше $2\frac{1}{2}$ фр. въ день въ 1790 г. (и слѣдовательно, 2 фр. 25 и 3 фр. 75 въ 1793г.); такимъ образомъ эти цифры можно признать наиболѣе типичными. Предполагалось, что увеличеніе заработной платы въ $1\frac{1}{2}$ раза, въ то время, какъ цѣна на припасы возвышается всего въ $1\frac{1}{3}$ сравнительно съ цѣнами 1790 года, повлечетъ за собою значительное улучшеніе въ положеніи рабочаго класса. Но на самомъ дѣлѣ случилось нѣчто прямо противоположное. Уже въ 1794 г. ассигнаціи до такой степени пали въ цѣнѣ, что вещь, стоившая осенью 1793 г. ливръ (=франкъ), въ серединѣ 1794 г. стоила, иной разъ, уже 5, 6 и болѣе ливровъ, несмотря на законъ о максимумѣ, который оказался, какъ сказано, совершенно безсиленъ задержать это движеніе цѣнъ. А при такихъ условіяхъ, работать по максимуму становилось совершенно немыслимо,—и рабочіе стали уходить, куда глаза глядятъ. Тѣ хозяева, которые, вообще находили почему-либо выгоднымъ продолжать производство, старались войти со своими рабочими въ особое соглашеніе и платили имъ гораздо выше максимума; другіе жаловались властямъ и просили принудительными мѣрами добыть имъ рабочихъ. И власти, по мѣрѣ силъ, старались исполнять подобныя просьбы. Начались безконечныя «реквизиціи рабочей силы»: власти объявляли подъ реквизиціей рабочихъ то одной, то другой професcіи,—то плотниковъ, то кожевниковъ, то рабочихъ бумажныхъ мануфактуръ и т. д., — и силою отправляли ихъ къ хозяевамъ, которыхъ тѣ покинули. Нечего и говорить, что особенно легко объявлялись реквизиціи и особенно круто обходились съ рабочими въ тѣхъ случаяхъ, когда непосредственно само правительство для своихъ цѣлей нуждалось въ рабочей силѣ. Рабочіе убѣгали и прятались, весьма серьезно рискуя при этомъ своею головою, такъ какъ въ случаѣ ареста ихъ объявляли «подозрительными» и сажали въ тюрьму, а весною 1794 года (особенно въ послѣдніе три мѣсяца предъ паденіемъ Робеспьера) для «подозрительныхъ» путь изъ тюрьмы къ эшафоту оказывался сплошь и рядомъ весьма кратокъ. На стачки и вообще на какое бы то ни было неподчиненіе рабочихъ закону о максимумѣ власти смотрѣли какъ на полицейское преступленіе. Напр., когда въ это время въ Бордо вспыхнуло стачечное

Преслѣдованія противъ рабочихъ.

движеніе среди рабочихъ веревочныхъ мастерскихъ, то муниципалитетъ объявилъ, что подобное поведеніе *ужасно*, и что не наказать рабочихъ было бы преступленіемъ со стороны властей; муниципалитетъ при этомъ усматриваетъ одно лишь отличіе между стачечниками и политическими преступниками. Подобнымъ образомъ ко всякимъ проявленіямъ рабочаго движенія относились власти и въ другихъ мѣстахъ. Тамъ, гдѣ правительству нужно было особенно озаботиться обезпеченіемъ за извѣстными мануфактурами рабочихъ рукъ, пользованіе реквизиціями доходило до геркулесовыхъ столбовъ. Напр., во что бы то ни стало нужно было сохранить въ республикѣ хоть нѣсколько бумажныхъ мануфактуръ, — для печатанія распоряженій правительственной власти, для административной переписки, для печатанія ассигнацій и т. п. И вотъ 12 января 1794 года (23 нивоза) конвентъ издалъ декретъ, согласно которому всѣ рабочіе бумажныхъ мануфактуръ *обязаны* были оставаться и работать у своихъ хозяевъ. Мало того, декретъ предусматриваетъ и такое положеніе вещей, когда у бумажнаго фабриканта не случится достаточнаго количества рабочихъ: «Предприниматели бумажныхъ мануфактуръ могутъ употреблять для службы въ своихъ мастерскихъ всѣхъ гражданъ безъ различія, которыхъ найдутъ годными», а также брать учениковъ «изъ дѣтей всѣхъ гражданъ». Стачки, конечно, строго воспрещаются: «Стачки между рабочими съ цѣлью вызвать остановку работъ будутъ разсматриваться какъ покушеніе на спокойствіе, которое должно царить въ мастерскихъ. Каждый рабочій можетъ индивидуально подавать жалобы и предъявлять просьбы; но онъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ прекращать работу иначе, какъ по причинѣ болѣзни или немощи, засвидѣтельствованной въ должномъ порядкѣ». Рабочій, желающій отойти отъ одного хозяина къ другому, обязанъ предупредить объ этомъ покидаемаго хозяина за шесть недѣль до отхода, въ присутствіи двухъ свидѣтелей.— Постигали реквизиціи и кожевниковъ, и стекольщиковъ, и кузнецовъ, и ткачей, и т. д. Но особенно ярко отразились реквизиціи на судьбѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что въ 1794 году во всей Франціи, а особенно въ южныхъ департаментахъ, ощущался ужасающій недостатокъ въ необходимѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ орудіяхъ. Объясняется это чрезвычайною скудостью стали (которую французы выдѣлывать почти вовсе не умѣли, а, какъ сказано выше,

Декретъ 12 января 1794 г.

Реквизиціи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ.

выписывали—до 1792 г.—изъ Англіи, западной Германіи, Австріи, Швеціи). Недостатокъ необходимѣйшихъ орудій приходилось восполнять бо́льшею затратою мускульнаго труда, а найти рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ оказывалось еще труднѣе, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности. Внявши просьбамъ сельскихъ хозяевъ и руководствуясь вѣчнымъ своимъ стремленіемъ обезпечить страну и армію собственнымъ французскимъ хлѣбомъ, конвентъ декретомъ 11 преріаля (30 мая 1794 года) постановилъ, что всѣ рабочіе, которые «обыкновенно» занимаются полевыми работами, если только они не взяты на военную службу, объявляются подъ реквизиціею для работъ по сбору предстоящаго урожая. Тотчасъ же по полученіи этого распоряженія муниципалитеты должны составить списки рабочихъ, обыкновенно занятыхъ сельско-хозяйственнымъ трудомъ, либо въ своей общинѣ, либо въ другихъ мѣстностяхъ, и объявить всѣмъ этимъ лицамъ о томъ, что они находятся подъ реквизиціею; тѣ лица, которыя обнаруживаютъ неповиновеніе, будутъ судимы, и съ ними будетъ поступлено, какъ съ подозрительными. Изъятіе изъ реквизиціи допускается лишь для больныхъ и немощныхъ, для тѣхъ, которые на своихъ земляхъ заняты работою, «признаваемой необходимою», и тѣ, которые гдѣ-либо уже заняты сельско-хозяйственнымъ трудомъ. Національные агенты обязаны предавать суду всѣхъ, не повинующихся реквизиціи. Поденщики и рабочіе, которые отправятся въ другіе округи, будутъ снабжены паспортами, выданными ихъ общиною. Эти паспорта должны быть предъявлены для визированія во всѣхъ общинахъ, гдѣ ихъ владѣльцы остановятся больше, нежели на три дня. Въ паспортахъ будетъ обозначено, какого рода реквизиціи имѣются въ виду. Не предъявившій паспорта объявляется подозрительнымъ (и заключается немедленно въ тюрьму). Размѣры заработной платы утверждаются мѣстными властями (въ $1\frac{1}{2}$ раза больше платы 1790 г.). Поденщики и рабочіе, которые вступятъ между собою въ соглашеніе съ цѣлью отказаться отъ работъ, требуемыхъ реквизиціею, или съ цѣлью домогаться прибавки заработной платы вопреки постановленію, будутъ предаваться суду революціоннаго трибунала (что было равносильно въ данныхъ условіяхъ смертной казни).

Немедленно это постановленіе было разослано (комиссіею земледѣлія) всѣмъ администраторамъ округовъ. Чтобы понять, какъ именно осуществляли власти на мѣстахъ это постановленіе, до-

статочно ознакомиться съ распоряженіемъ Мэнье, члена конвента, посланнаго съ чрезвычайными полномочіями на югъ въ департаменты Воклюзъ и Устьевъ Роны. Мэнье, предписываетъ мѣстнымъ властямъ подчиненныхъ ему департаментовъ составить два списка: 1) всѣхъ лицъ, занимавшихся въ 1789 году или позднѣе поденнымъ трудомъ, и 2) всѣхъ земельныхъ собственниковъ данной коммуны. (Второй списокъ составляется па основаніи свѣдѣній, даваемыхъ самими собственниками о размѣрахъ земельнаго владѣнія, количествѣ посѣвовъ и т. д.). Всякій разъ, когда собственники будутъ имѣть нужду въ поденщикахъ, они обратятся за полученіемъ таковыхъ къ мѣстному муниципалитету и укажутъ, какія работы имъ необходимы, и муниципалитетъ дастъ имъ то или иное количество, принимая во вниманіе и общее число рабочихъ и количество собственниковъ въ данной общинѣ. При этомъ каждый собственникъ получитъ карточку съ обозначеніемъ числа данныхъ ему рабочихъ, срока, на который они ему даны, характера работъ, для которыхъ они ему даны, ихъ именъ и т. д., рѣшительно воспрещается рабочему наниматься гдѣ бы то ни было безъ разрѣшенія муниципалитета, а собственнику нанимать безъ предъявленія вышеупомянутой карточки. Нарушеніе этого постановленія рабочимъ или собственникомъ карается двухлѣтнимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ и выставленіемъ у позорнаго столба. Сверхъ того, собственникъ уплачиваетъ штрафъ въ 300 ливровъ, изъ коихъ половина идетъ въ пользу бѣдныхъ, а другая половина — доносчику. Всякій рабочій, который окажется незаписаннымъ въ списки или который потребуетъ заработную плату выше установленной, а также и всякій собственникъ, который дастъ ему эту высшую плату, также подвергаются выставленію у позорнаго столба и двухлѣтнему заключенію. Всѣ чины муниципалитета, которые небрежно будутъ исполнять эти правила или въ срокъ не предадутъ суду виновныхъ, будутъ сами объявлены подозрительными и взяты подъ стражу впредь до заключенія мира (съ державами, съ которыми Франція вела войну: это всегда прибавляли, арестуя кого-нибудь на основаніи закона о подозрительныхъ). Таковы были главные пункты этого распоряженія. Рабочіе оказались въ полномъ смыслѣ практика реквизиціи рабочаго труда сдѣлалась менѣе крутой и слова подъ Дамокловымъ мечомъ. Только послѣ паденія Робеспьера репрессія менѣе грозной.

Постановленіе Мэнье.

Отмѣна закона о максимумѣ.

Опустошительныя послѣдствія закона о максимумѣ продолжали сказываться и послѣ его отмѣны. Кромѣ того, продол-

жавшееся обезцѣненіе ассигнацій привело къ такому глубочайшему разстройству всю экономическую жизнь страны, что немногія, уцѣлѣвшія отъ эпохи максимума, промышленныя предпріятія закрывались одно за другимъ.

Дѣло было не только въ общемъ обнищаніи, въ сокращеніи сбыта: обуваться и одѣваться, хоть въ самыя грубыя ткани, французскій народъ продолжалъ, несмотря ни на что; мало того, въ эпоху директоріи, пользуясь тѣмъ, что товаръ уже возможно было продавать по свободной цѣнѣ, иностранные мануфактуристы наводнили своими товарами Францію. Контрабанда дошла до чудовищныхъ, неслыханныхъ размѣровъ, контрабандисты давали правильныя сраженія таможеннымъ чинамъ и полиціи, и ежедневно чрезъ всѣ морскія и сухопутныя границы во Францію вливалась масса иностранныхъ товаровъ — кожевенныхъ, шерстяныхъ, полотняныхъ, бумажныхъ, желѣзныхъ и т. д. Мало того, ассигнаціи потеряли въ 1795—1796 гг. 99% своей номинальной цѣнности: какое же препятствіе могли составить для иностранныхъ купцовъ высокія таможенныя ставки, когда правительство *обязано* было принимать въ видѣ таможенной уплаты свои обезцѣненныя ассигнаціи?

Усиленіе безработицы въ 1795—1799 г.

Благодаря этимъ условіямъ безработица усилилась въ неслыханныхъ размѣрахъ, и бѣдствія рабочихъ дошли до крайнихъ предѣловъ. Самоубійства (напр., въ Парижѣ) приняли въ рабочей средѣ въ 1797—1799 гг. настолько повальный характеръ, что рабочіе хотѣли спеціально собраться съ цѣлью потолковать объ этомъ страшномъ явленій (но полиція не разрѣшила собранія).

Хозяева пользовались обиліемъ рабочихъ рукъ и понижали плату до послѣднихъ предѣловъ. Рабочіе должны были покоряться, нечего было и думать о стачкахъ сколько-нибудь успѣшныхъ въ эпоху такой неслыханной безработицы. Только тамъ, гдѣ производство не дошло еще до полнаго упадка и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ рабочіе работали скученно, въ помѣщеніи мануфактуры, движеніе проявлялось настолько сильно, что вызывало спеціальныя мѣры со стороны правительства. Такъ, 18-го фрюктидора (4-го сентября) 1796 г. было издано постановленіе, касающееся рабочихъ бумажныхъ мануфактуръ, которому суждено было стать образчикомъ для другихъ правительственныхъ актовъ того же рода. Директорія указываетъ въ этомъ постановленіи на то, что, невзирая на законъ Le Chapelier, рабочіе бумажныхъ мануфактуръ продолжаютъ дѣйствовать скопомъ, прекращаютъ

по сговору работы, требуютъ увеличенія платы и т. д. На этомъ основаніи директорія снова подтверждаетъ, что подобныя дѣйствія преступны, и что всякіе штрафы и поборы, налагаемые рабочими на товарищей, будутъ караться, какъ воровство, — въ первый разъ двухлѣтнимъ, во второй разъ четырехлѣтнимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Мало того, рабочіе не имѣютъ права уходить отъ хозяевъ не предупредивши ихъ за сорокъ дней и не могутъ поступать на службу безъ аттестата отъ послѣдняго хозяина и безъ особаго паспорта отъ мѣстной администраціи. Повидимому, это постановленіе не особенно помогло, ибо, спустя три года, 27-го сентября 1799 г. министръ полиціи, Фуше, счелъ нужнымъ разослать циркуляръ всѣмъ мѣстнымъ властямъ съ требованіемъ, чтобы они особенно бдительно относились къ рабочимъ бумажныхъ мануфактуръ въ виду существованія между ними противозаконной ассоціаціи. «Эти безпорядки возбуждаются и поддерживаются безъ сомнѣнія Англіей съ цѣлью совершенно разорить наши мануфактуры», говоритъ онъ между прочимъ. Боролась директорія и съ броженіемъ, происходившимъ между рабочими шляпныхъ мастерскихъ. Противъ нихъ было направлено постановленіе 11-го іюля 1797 г., почти дословно списанное съ только что отмѣченнаго постановленія о рабочихъ бумажныхъ мануфактуръ. Дѣятельную борьбу вела директорія также противъ рабочихъ, которые уклонялись отъ назначенія реквизиціоннымъ путемъ на казенныя работы. Вотъ что предложила директорія совѣту пятисотъ 25-го марта 1796 г.: «Часто случается, что законъ остается неисполненнымъ, такъ какъ онъ не предписываетъ ни наказанія, ни понудительныхъ мѣръ. Рабочіе, требуемые властями или комиссарами исполнительной директоріи на работы, необходимыя для общественнаго дѣла, часто отказываются повиноваться реквизиціи: вызываемые къ суду, они упорствуютъ въ своемъ отказѣ, и такимъ образомъ классъ рабочихъ можетъ вступить въ соглашеніе, чтобы провалить мѣры, требуемыя общею пользою или общественною безопасностью. Трудъ рабочаго есть его собственность, какъ поле—собственность земледѣльца, который его унаслѣдовалъ отъ своихъ отцовъ. А такъ какъ республика имѣетъ право лишать гражданина его земельной собственности, если общественная необходимость этого требуетъ — уплачивая ему справедливое вознагражденіе — такимъ же образомъ, вознаграждая рабочаго, республика можетъ временно располагать его трудомъ. Мы васъ приглашаемъ внести

Борьба директоріи противъ рабочихъ.

законъ, который уполномочивалъ бы суды подвергать исправительнымъ карамъ, а въ случаѣ рецидива — тѣлеснымъ наказаніямъ всѣхъ рабочихъ, которые, будучи въ свою очередь вытребованы, отказались бы повиноваться комиссарамъ исполнительной власти».

Въ отвѣтъ на это предложеніе совѣтъ пятисотъ издалъ законъ, грозившій тюремнымъ заключеніемъ за уклоненіе отъ реквизицій. Но эти реквизиціи являлись для рабочихъ лишь частичнымъ зломъ, сравнительно съ общимъ бѣдствіемъ,—съ неслыханною безработицей, вздорожаніемъ съѣстныхъ припасовъ, общею голодовкою.

«Какъ же конвентъ хочетъ, чтобы мы существовали?»—жаловались рабочіе въ январѣ 1795 года: «закрываютъ работы въ такое суровое время года; хозяева хотятъ уменьшить нашу плату въ то время, какъ все вздорожало сверхъ мѣры; но это окончится». Отовсюду несутся вопли рабочихъ, что они погибаютъ отъ голода, что смерть — единственное ихъ избавленіе.

Жалобы рабочихъ.

Рабочіе были въ эту эпоху до такой степени далеки отъ мысли о какихъ бы то ни было самостоятельныхъ выступленіяхъ, что ихъ отчаяніе весьма мало пугало правительство. Время отъ времени являлась мысль итти только къ дворцу конвента (а потомъ совѣта пятисотъ) и просить помощи, но никакихъ шаговъ въ этомъ смыслѣ не предпринималось рабочею массою. Рабочіе довольствовались горькими жалобами, они обращались мыслью къ прошлому и находили прежніе режимы предпочтительнѣе. «Въ царствованіе Робеспьера люди были счастливѣе», толковали осенью 1795 г. въ одной толпѣ, а въ другой заявляли въ то же время: «При королѣ люди были счастливѣе». «Рабочіе готовы возстать», доносила полиція, «если правительство не уменьшитъ цѣны на припасы, тысячи проклятій противъ правительства въ нѣкоторыхъ кварталахъ». «Громко кричатъ, что невозможно долѣе жить, что готовится большой ударъ... Мысль о будущемъ заставляетъ содрогаться, когда подумаешь, что купецъ не продаетъ, рабочій не работаетъ, и что, къ довершенію несчастья, у рабочаго отнимаютъ средства къ существованію», доносили въ началѣ 1796 года своему начальству полицейскіе агенты. «Въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи женщины обращаются къ солдатамъ, говоря, что у солдатъ есть хлѣбъ, въ то время какъ онѣ умираютъ отъ голода... Въ нѣкоторыхъ группахъ требуютъ снова режима Робеспьера,

такъ какъ тогда было чтó ѣсть; другіе требуютъ стараго режима; всѣ, наконецъ, такого режима, при которомъ ѣдятъ» (tous, enfin, un régime où l'on mange).

Рабочіе и Бабефъ. Этимъ отчаяніемъ, между прочимъ, думалъ воспользоваться и Бабефъ, заговоръ котораго былъ открытъ въ маѣ 1796 года. Можно признать безусловнымъ фактомъ, что онъ не рѣшился сдѣлать основою своей пропаганды между рабочими—мысль объ уничтоженіи частной собственности, очевидно опасаясь, что рабочіе и не поймутъ и не почувствуютъ этой мысли. Зато онъ опредѣленно сулилъ (въ своихъ прокламаціяхъ) непосредственное удовлетвореніе голодающей массы даровымъ хлѣбомъ: «всѣ булочники будутъ объявлены подъ реквизиціей, для непрерывнаго изготовленія хлѣба, который *даромъ* будетъ раздаваться народу; булочникамъ будетъ уплачено по ихъ заявленію». Агитація Бабефа не привела къ какимъ-либо реальнымъ послѣдствіямъ въ рабочей средѣ (и въ процессѣ о заговорѣ оказалось всего 15 человѣкъ рабочихъ изъ 65 подсудимыхъ, при чемъ *всѣ* рабочіе были оправданы за полнымъ отсутствіемъ уликъ). Арестъ и затѣмъ процессъ и казнь Бабефа не произвели въ рабочей средѣ никакого впечатлѣнія.

Рабочіе сознавали полное свое безсиліе, но не переставали въ 1796—1799 гг., жалуясь на свою горькую участь, возлагать всѣ свои надежды на невѣдомыхъ спасителей. Бабефа они не знали и не понимали, но они зато все чаще говорили то о возстановленіи короля, то о воскрешеніи режима Робеспьера, то о «военномъ правительствѣ»: мысль о диктаторѣ, который уничтожитъ директорію все больше (по показанію полицейскихъ рапортовъ этой эпохи) проникаетъ въ рабочую среду. «1-го мессидора (19 іюня 1799 года) рабочіе Сентъ-Антуанскаго предмѣстья собирались въ публичныхъ мѣстахъ... много говорили о директоріи и о министрахъ... говорили: пусть дѣлаютъ, что хотятъ, предмѣстья больше въ это не станутъ вмѣшиваться», гласитъ одинъ бюллетень тайной полиціи въ это время.

Переворотъ 18 брюмера и рабочіе. Немудрено, что переворотъ 18 брюмера, отдававшій Францію въ руки генерала Бонапарта, не возбудилъ ни малѣйшаго сопротивленія въ рабочихъ кругахъ, а, напротивъ, былъ встрѣченъ съ надеждами и сочувствіемъ. Это сочувствіе особенно ярко выразилось спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ переворота, — именно, во время торжествъ по случаю побѣды при Маренго

надъ австрійцами. «Рабочій классъ опьянѣлъ отъ радости... они собирались на улицахъ, жадно слушая новости, крича: «Да здравствуетъ республика! да здравствуетъ Бонапартъ»!.. «Этотъ хорошій духъ есть вѣрное ручательство безсилія смутьяновъ»,—пишетъ полицейскій комиссаръ въ рапортѣ отъ 4 іюля 1800 года.

Что касается до новаго правительства, то оно всецѣло пошло по стопамъ предшествующаго режима во всемъ относившемся къ рабочему классу. Законъ 22 жерминаля (12 апрѣля 1803 года) подтвердилъ полное воспрещеніе какихъ бы то ни было стачекъ (даже вполнѣ мирныхъ) подъ страхомъ уголовнаго преслѣдованія противъ виновныхъ, а кромѣ того, на *всѣхъ* рабочихъ отнынѣ распространено было правило, установленное, какъ мы выше видѣли, первоначально только для рабочихъ бумажныхъ мануфактуръ: ни одинъ хозяинъ не могъ принять рабочаго или ученика безъ удостовѣренія отъ предшествующаго хозяина, что всѣ обязательства даннымъ рабочимъ или ученикомъ выполнены; этимъ весьма значительно стѣснялась свобода передвиженія рабочаго люда. Наконецъ, безапелляціонная юрисдикція по всѣмъ дѣламъ, вытекающимъ изъ профессіональныхъ отношеній между хозяевами и рабочими, поручалась административнымъ властямъ. Въ теченіе всего царствованія Наполеона рабочіе не выходили изъ подъ неослабнаго и суроваго присмотра.

Евг. Тарле.

Соціальныя движенія во время французской революціи.

I.

Подготовка соціальнаго движенія. Движенія, которыя разрушили старую Францію и создали новую, постепенно развивались въ теченіе всего XVIII вѣка. Съ каждымъ десятилѣтіемъ въ нихъ принимали участіе все болѣе и болѣе широкіе круги населенія. Постепенное вхожденіе народныхъ массъ въ эту борьбу не только усиливало ее, но и придавало ей особый оттѣнокъ,—чисто политическое движеніе стало осложняться соціальными мотивами.

Борьба, которая происходила во Франціи во время послѣднихъ генеральныхъ штатовъ въ 1614 году, отличалась ясностью,—это было столкновеніе сословій, отлитыхъ въ юридическія нормы, отлично сознававшихъ свои экономическіе и политическіе интересы.

Но наканунѣ революціи всѣ отношенія сплелись и перепутались, ибо старыя сословныя рамки, хотя и были разбиты, но не пали окончательно и тяготили всѣхъ. Онѣ уже не были юридическими нормами, которыя опредѣляли отношенія, создавшіяся между различными группами населенія, а привилегіями, опиравшимися на традиціи и богатство. Классовыя отношенія, разорвавшія сословную организацію, еще не отлились въ сознаніи людей.

Запутанность отношеній между различными группами населенія была особенно замѣтна въ городахъ, гдѣ, благодаря сложности жизни, низшіе слои населенія плохо разбирались въ своихъ интересахъ и идеалахъ. Рабочіе, озлобленные, всегда готовые на

Библіографія: P. Krapotkine, «La grande Rèvolution». — *Е. Тарле.* «Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи».—*J. Jaurés.* «L' Histoire socialiste» I.—VI т. (Первый томъ переведенъ по-русски).—*И. Тэнъ.* «Происхожденіе современной Франціи (все переведено).—*А. Оларъ.* Политическая исторія французской революціи».—*В. Блосъ* «Исторія французской революціи.»—*К. Каутскій.* «Борьба классовъ въ 1789 году.»—*Ph. Sagnac.* «La lègislation civile de la Révolution française.»

стачку противъ фабриканта, въ то же время сознавали себя членами третьяго сословія и шли въ бой за буржуазные идеалы. Они создали и отстояли буржуазно-парламентскую машину, которая, въ самый разгаръ революціи, лишила ихъ общегражданскихъ правъ: права выборовъ, союзовъ, стачекъ и т. д.

Въ деревнѣ жизнь и всѣ отношенія были проще: надъ всѣмъ крестьянствомъ царилъ вѣковой голодъ, вѣковое угнетеніе, и это опредѣляло отношеніе общественныхъ группъ. Каковы бы ни были политическіе интересы крестьянина, власть земли была сильнѣе всего, и освободить родной ему клочокъ отъ тяготившаго надъ нимъ рабства, округлить и укрѣпить за собой этотъ клочокъ,—вотъ то стремленіе, которое опредѣляетъ соціальное движеніе, въ деревнѣ красной полосой прошедшее черезъ всю революцію. Ни дни баррикадъ, ни казнь короля не нанесли старой монархіи такого удара, какъ незамѣтная работа деревенскихъ муравьевъ, подточившихъ и разрушившихъ самую основу стараго порядка — феодальную собственность.

Въ предреволюціонные годы вся деревенская Франція скрыто кипитъ: голодовки, бунты а усмиренія — это живые ключи, которые лѣтомъ 1789 года превращаются въ огненный потокъ, разрушившій старую жизнь.

Остатки феодальныхъ отношеній, оскорбительные, раздражающіе, вызывали постоянное недовольство сельскаго населенія. Въ наказахъ особенно много говорятъ о феодальныхъ повинностяхъ и о несправедливомъ распредѣленіи налоговъ [1]).

Всѣ наказы — сплошной вопль противъ привилегій, которые къ концу XVIII вѣка потеряли свой сословный характеръ и пріобрѣли соціальный оттѣнокъ, ибо при старомъ порядкѣ всякій богатый былъ въ то же время привилегированнымъ. Изъ всѣхъ соціальныхъ привилегій особенно приходится остановиться на одной, вызывавшей большія нареканія и сыгравшей крупную роль въ ходѣ революціи, — привилегіи по воинской повинности.

Въ теоріи дворянство служило королю шпагой, на практикѣ оно покупало себѣ лишь чины и полки, а вся тяжесть воинской повинности падала на бѣднѣйшее населеніе, которое не могло откупиться отъ солдатчины. «Въ вашей арміи, — писалъ Вольтеръ королю, — имѣется болѣе 30.000 крѣпостныхъ. Если нѣ-

1) См. статью И. В. Лучицкаго.

которые изъ нихъ дослужатся до офицерскаго чина, получатъ отставку и пенсію, но не возвратятся въ свою жалкую лачугу къ своимъ родителямъ и родственникамъ, а поселятся въ городѣ, займутъ лучшую квартиру, то передъ смертью они все-таки не будутъ въ правѣ располагать своимъ имуществомъ и сбереженіями: послѣ ихъ смерти все должно принадлежать ихъ господину!»

На самой службѣ положеніе солдатъ было не изъ легкихъ: процвѣтали варварскія тѣлесныя наказанія, — «солдатъ били палками, ремнями, саблями плашмя, батогами, ивовыми розгами, а негласно пускались въ ходъ и каблуки; этими способами убивали людей такъ же вѣрно, какъ и висѣлицей, только съ большей жестокостью»; полковники и капитаны грабили войска, наживаясь на обмундировкѣ, вооруженіи, пищѣ и жалованьи; надеждъ на выслугу почти не было, такъ что на военную службу итти никто не хотѣлъ: «Каждая жеребьевка, — разсказываетъ Тюрго, — подавала сигналъ къ самымъ сильнымъ безпорядкамъ и къ своего рода гражданской войнѣ между крестьянами, изъ которыхъ одни убѣгали въ лѣса, а другіе съ оружіемъ въ рукахъ преслѣдовали бѣглецовъ, чтобы вернуть ихъ. Число убійствъ и уголовныхъ дѣлъ увеличивалось, и въ результатѣ всего этого являлось обезлюденіе. Когда приходилось собирать батальоны, то приходскіе синдики должны были вести своихъ милиціонеровъ подъ конвоемъ жандармеріи, часто даже въ оковахъ».

Жеребьевка, при помощи которой набирали милиціонеровъ, была еще лучшимъ способомъ пополненія арміи; вербовка давала еще болѣе плачевные результаты: набирали бродягъ, пьяницъ, людей, не знавшихъ, куда имъ пристроиться, часто набирали обманомъ или силой. Въ результатѣ ежегодно насчитывалось до 4.000 дезертировъ, а наканунѣ революціи ихъ число, по опредѣленію Тэна, достигаетъ 30.000.

Положеніе низшихъ чиновъ въ сравненіи съ положеніемъ офицеровъ-дворянъ было очень неважно: содержаніе 12.000 офицеровъ обходилось государству въ 46 милліоновъ ливровъ, а содержаніе 135.000 солдатъ лишь 44 милліона ливровъ.

Этимъ-то войскамъ постоянно приходилось отстаивать феодальный режимъ противъ покушеній на него населенія; понятно, почему въ послѣдніе годы стараго порядка, когда мятежи становятся все чаще и чаще, войска становятся все ненадежнѣй и въ 1788 году маршалъ де-Во передъ возстаніемъ въ Дофинэ доноситъ министру, что «на войска разсчитывать невозможно»,

и 14 іюля 1789 года французская гвардія, побратавшись съ возставшимъ народомъ, взяла приступомъ Бастилію.

Разслоеніе на богатыхъ и бѣдныхъ проникаетъ всѣ слои населенія деревни, даже духовенство. Приходскіе кюрэ и викаріи находились въ такой же феодальной зависимости отъ епископовъ и архіепископовъ, какъ крестьяне отъ своихъ сеньоровъ. Обыкновенно сельскій священникъ имѣлъ клочокъ земли, пригодной лишь для огорода, большинство требъ безплатны, десятина почти цѣликомъ шла въ пользу высшаго духовенства, такъ что приходилось довольствоваться скуднымъ жалованьемъ, которое выплачивалось неаккуратно и неполно. Эту жалкую жизнь сельскаго пастыря прекрасно охарактеризовалъ М. М. Ковалевскій:

«Бѣдственное положеніе, въ какомъ наканунѣ французской революціи находилось большинство приходскаго священства, сближало его участь съ тою, на какую было обречено большинство паствы. Кюрэ и его викарій жили одной жизнью съ мужикомъ, заодно съ нимъ голодали и пьянствовали, заодно съ нимъ унижались передъ старшими, уступая почтительно дорогу проѣзжему помѣщику и довольствуясь обѣдомъ изъ людской епископа. Ихъ соединяли общее горе и общая ненависть. Въ глазахъ церковной аристократіи сельскій кюрэ былъ такимъ же «отдающимъ навозомъ смердомъ», какимъ для помѣщика являлся его сервъ. Священникъ зналъ это не хуже крестьянина; онъ зналъ также, куда идутъ накопленныя церковныя сокровища, и съ упоеньемъ взиралъ на подготовлявшіяся событія въ надеждѣ, что они въ такой же мѣрѣ положатъ конецъ его вѣковой зависимости отъ крупныхъ бенефиціаріевъ, въ какой освободятъ крестьянина отъ тяготѣвшихъ на немъ путъ сеньоріальнаго права».

Такъ что наканунѣ революціи распаденіе на бѣдныхъ и богатыхъ не только разложило старый строй французской деревни, но и тѣ силы, которыя должны были поддерживать его,—армію и духовенство; потому-то солдаты во время мятежей часто шли съ народомъ, а сельскіе священники, оказавшись депутатами, присоединялись къ представителямъ третьяго сословія и пошли противъ дворянства и короля.

Соціальное разложеніе города на богатыхъ и бѣдныхъ опредѣлилось давно и только во время отдѣльныхъ эпизодовъ революціи, въ родѣ бѣгства въ Вареннъ, можно наблюдать единодушный порывъ всѣхъ слоевъ населенія, порывъ чисто полити-

ческій, не осложненный соціальной борьбой, которая настолько ярко проникла всѣ движенія французской революціи, что венеціанскій посланникъ опредѣлилъ ее, какъ «guerra dei poveri contra i ricchi».

Эта «война бѣдныхъ противъ богатыхъ» была подготовлена голодомъ 1788 года. Сухое лѣто и градъ оставили безъ хлѣба три четверти Франціи, и бѣдное населеніе, существовавшее впроголодь при дешевомъ хлѣбѣ, оказалось въ ужасномъ положеніи: въ Лотарингіи «народъ доведенъ почти до голодной смерти», въ Нормандіи «почти всѣ обыватели, не исключая арендаторовъ и земледѣльцевъ, питаются ячменнымъ хлѣбомъ и не имѣютъ ничего, кромѣ воды... много несчастныхъ ѣдятъ овсяный хлѣбъ, питаются разведенными водой отрубями, отъ чего уже умерло много дѣтей», въ Шеврезѣ такой голодъ, что «хлѣбъ приходится раздавать черезъ узкія окошки, и получившіе порцію часто подвергаются нападеніямъ, — ихъ грабятъ другіе, болѣе сильные». Во всей Франціи не хватало хлѣба, и лѣтомъ 1789 года министерство издаетъ одно за другимъ два предписанія — начать возможно раньше уборку полей; по поводу чего маркизъ Д'Отишанъ пишетъ: «Очень непріятно, что приходится снимать урожай раньше, чѣмъ онъ созрѣлъ, но опасно заставлять войско умирать голодной смертью».

Жалобы на дороговизну хлѣба и на народную бѣдность раздаются по всей Франціи, какъ то замѣчаетъ Артуръ Юнгъ, во время своего путешествія, и на этой почвѣ возникаетъ идея объ установленіи таксы на предметы первой необходимости и проводится населеніемъ, по отношенію къ хлѣбу, во многихъ мѣстахъ чисто революціоннымъ путемъ. Въ Брей на Сенѣ 1 мая 1789 года крестьяне толпой до четырехъ тысячъ приходятъ на рынокъ и заставляютъ продавать зерно по 3 ливра за буассо, а не по 4 ливра 10 су. Въ Боньерѣ, въ Лангедокѣ крестьяне ворвались въ городъ и требовали отъ консуловъ установить цѣну на хлѣбъ по 2 су за фунтъ. Въ Нантѣ толпа врывается въ ратушу и заставляетъ понизить цѣну на хлѣбъ на 1 су съ фунта. Въ Неверѣ испуганные торговцы отдаютъ зерно по любой цѣнѣ, часть его просто растаскиваютъ безплатно въ присутствіи сторожей. Подобные же голодные безпорядки проносятся по всей Франціи, толпы народа громятъ булочныя, амбары, порой дома торговцевъ и спекулянтовъ хлѣбомъ, — такъ въ Бриньелѣ разграблено голодной толпой около 50 домовъ. Разрушаютъ

мельницы, часовни, монастыри, чтобы лѣтомъ 1789 года, наконецъ, приняться и за ненавистные замки, когда по вѣрной характеристикѣ Тэна «мятежъ принялъ соціальный характеръ, такъ какъ его жертвой становятся богатые и начальствующіе при существовавшемъ общественномъ строѣ. Возставшіе дѣйствуютъ, такъ что можно подумать, будто имъ знакомо ученіе «Общественнаго договора». Съ судьями они обращаются какъ со своими слугами, сами издаютъ законы, распоряжаются въ качествѣ исполнителей и грубо, деспотично, безъ разсужденія устанавливаютъ то, что считаютъ согласнымъ съ естественнымъ правомъ».

II.

Движеніе, непосредственно подготовившее Великую революцію, началось лѣтомъ 1788 года, не затихало всю зиму и весной достигло такой силы, что за короткій срокъ, мартъ — іюнь 1789 года, вспыхнуло болѣе 300 мятежей, которые подавлять было нелегко. Напримѣръ, командующій войсками баронъ де-Базонваль доносилъ въ концѣ апрѣля: **Начало Великой революціи.**

«Я повторяю г. Неккеру, что положеніе Турени и Орлеанэ ужасно; въ каждомъ донесеніи изъ обѣихъ этихъ провинцій сообщаются подробности трехъ-четырехъ бунтовъ, съ большимъ трудомъ подавляемыхъ войсками и полиціей».

Г. Неккеръ, ставъ у власти, отовсюду получалъ свѣдѣнія о мятежахъ, которые приходилось усмирять войсками и уже ко времени донесенія де-Безонваля отлично оцѣнилъ безвыходное положеніе правительства, въ февралѣ 1789 года онъ признавался: «послушанья нигдѣ нѣтъ, и даже на войска нельзя положиться».

Движеніе до лѣта 1789 года въ большинствѣ случаевъ носитъ характеръ голодныхъ мятежей: оборванныя, голодныя толпы, въ которыхъ смѣшались въ одно разоренные крестьяне, безработные, нищіе, бродяги валятъ въ города, къ мельницамъ, вообще туда, гдѣ можно достать пропитанье, захватываютъ хлѣбъ, зерно, муку, грабятъ по дорогѣ обозы, устраивая засады, и конвою, который охраняетъ ихъ, приходится оружіемъ прокладывать дорогу. Въ этихъ случаяхъ «голодный народъ готовъ рисковать жизнью изъ-за пропитанья». Довольно обычное явленіе, что во главѣ толпъ, порой въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, становятся женщины, ножницами онѣ вспарываютъ мѣшки и уничтожаютъ запасы, которые не могутъ унести съ собой. Все это происходитъ не только въ глухой, далекой провинціи, но и подъ самымъ

Парижемъ, напримѣръ, въ Монлери толпа въ восемь тысячъ человѣкъ, при помощи камней и палокъ, разсѣиваетъ полицейскихъ, разбираетъ съ рынка за полцѣны, а частью даромъ, все привезенное на продажу зерно, и власти оказываются совершенно безсильны. Командующій доноситъ: «Полиція упала духомъ, рѣшимость народа поразительна; я напуганъ тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ».

Движеніе, охватившее всю Францію, къ веснѣ 1789 года начинаетъ пріобрѣтать болѣе сознательный характеръ, это уже не простые голодные бунты, а борьба противъ соціальнаго неравенства, возставшіе не только хотятъ захватить пропитанье на сегодняшній день, но и гарантировать его себѣ на будущее время.

Эти первыя движенія часто основаны на легендѣ о «добромъ королѣ», такъ что крики: «Vive la liberté!» смѣшиваются съ крикомъ: «Vive le roi!» Но борьба уже рѣшительно и опредѣленно направлена противъ существующаго общественнаго строя, противъ соціальныхъ неравенствъ, это уже тѣ движенія, результатомъ которыхъ была знаменитая ночь 4 августа, когда привилегированные великодушно «отказались» отъ отнятыхъ у нихъ привилегій.

Роль избирательной агитаціи.

Созывъ Генеральныхъ штатовъ и избирательная агитація разожгли страсти еще больше. Въ Провансѣ, въ области всегда неспокойной, передъ созывомъ избирательнаго собранія вспыхиваетъ возстаніе въ 40—50 мѣстахъ, затѣмъ сливается въ одно цѣлое движеніе, о которомъ командующій войсками доноситъ:

«Это не отдѣльные мятежи, здѣсь всѣ дѣйствуютъ сообща по одному и тому же принципу. Всѣ умы охвачены однимъ и тѣмъ же заблужденіемъ. Народу внушено, будто бы король хочетъ, чтобы всѣ были равные, чтобы не было больше ни господъ, ни епископовъ, никакихъ ранговъ, никакихъ помѣщичьихъ сборовъ и десятинныхъ податей. Эти заблуждающіеся люди увѣрены, что они въ правѣ такъ дѣйствовать и исполняютъ волю короля».

Движеніе на югѣ Франціи было направлено прежде всего противъ очень тяжелаго для населенія налога на муку. Его отмѣнили въ Эксѣ, Марселѣ, Тулонѣ, Ліонѣ, но толпа продолжала мстить: разрушала городскіе вѣсы, захватывала и уничтожала платежные списки; въ Тулонѣ были разгромлены дома мэра и архиваріуса. Отъ народной ярости не спасалъ и духовный санъ:

въ Маконѣ епископъ забросанъ камнями и грязью, въ Ріе толпа врывается въ епископскій дворецъ, беретъ выкупъ въ 50.000 ливровъ и пытается сжечь архивъ, ненавистный складъ, гдѣ хранятся сеньоріальныя грамоты. Особенно плохо пришлось епископу, сеньору и владѣльцу города Арля: городское населеніе, соединившись съ прибывшими изъ окрестностей крестьянами, на основаніи того, что «король выразилъ желаніе уравнять всѣ сословія», потребовало удаленія старыхъ властей, избранія сбора за помолъ, который взимался въ пользу епископа-сеньора,— «консуловъ изъ своей среды» и отмѣны пошлинъ на вино, мясо и рыбу. Черезъ три дня потребовали уменьшенія наполовину его вызвали на улицу и заставили подписать отреченье отъ этого налога.

Идея соціальной борьбы въ наказахъ.

Опредѣленность и ясность народныхъ требованій, которая наблюдается въ движеніи 1789 года, стоитъ въ тѣсной связи съ избирательной агитаціей; чтобы оцѣнить все ее значеніе, надо обратиться не къ общимъ наказамъ, а къ наказамъ первичныхъ собраній, гдѣ каждая община выражала свои желанія и нужды.

Общинные крестьянскіе наказы почти всѣ написаны интеллигенціей: докторами, мелкими адвокатами, просто ходатаями по дѣламъ, которые были связаны съ мѣстнымъ населеніемъ, знали его положеніе и нужды, а въ то же время читали Вольтера и Руссо, а можетъ-быть, Рейналя и Мабли. По этимъ наказамъ мы можемъ прослѣдить, какъ сверху внизъ идетъ потокъ новыхъ мыслей и находитъ тамъ живой откликъ. Напримѣръ, одинъ наказъ, отстаивая права крестьянъ на общинныя земли, которыя постоянно захватываются богатыми сосѣдями, въ отвлеченныхъ доводахъ естественнаго права блестяще формулируетъ юридическія права крестьянъ: «Ошибочно думали, что право пользованія общинными пастбищами было однимъ изъ сервитутныхъ правъ; это право обитателей общинъ является общественной собственностью, болѣе древняго характера, чѣмъ всѣ права частной собственности... Оно существовало еще до появленія земледѣльческихъ народовъ». Эта ссылка на то, что коммунистическая собственность предшествуетъ частной собственности, показываетъ, что авторъ знакомъ съ идеями коммунизма и уже, конечно, онъ заронилъ ихъ въ головы крестьянъ, которые довѣрили ему формулировать ихъ нужды.

Противоположеніе бѣдныхъ и богатыхъ, какъ двухъ враждующихъ классовъ, постоянно встрѣчается въ общинныхъ наказахъ.

Такъ, напримѣръ, въ наказѣ прихода Фоссъ, послѣ яркаго описанія того разоренія, которое наноситъ крестьянамъ дичь изъ господскихъ лѣсовъ, которую нельзя трогать, говорится:

«При всемъ этомъ въ пользу землевладѣльцевъ, которые разоряютъ насъ, приходится платить еще безконечные налоги.

«Если же мы жалуемся, то, повѣрите ли, находятся сеньоры, которые, не краснѣя, отвѣчаютъ: когда ты разоришься, я подамъ тебѣ милостыню, Боже справедливый! Да развѣ французы обречены быть народомъ нищихъ, живущихъ подаяньемъ нѣсколькихъ богачей?

«Мы полагаемъ, что было бы весьма своевременно обуздать честолюбіе богатыхъ землевладѣльцевъ, большая часть которыхъ думаетъ только о томъ, какъ бы увеличить свои помѣстья на счетъ земель бѣдныхъ; и подобно тому, какъ въ 1749 году было справедливо запрещено монастырямъ увеличивать площадь своихъ владѣній, точно такъ же ничто не мѣшаетъ, повидимому, ограничить теперь площадь частновладѣльческой земли, въ каждой области, опредѣленной долей, напримѣръ, четвертой или пятой долей для сеньоровъ и шестой или седьмой — для остальныхъ частныхъ собственниковъ.

Въ жалобахъ на грабежъ со стороны богатыхъ, крестьянскіе наказы не различаютъ собственниковъ-буржуа отъ собственниковъ-дворянъ, и тѣ и другіе одинаково живутъ за счетъ бѣднаго населенія.

Приходъ Одевиль справедливо указываетъ: «Привилегіи городовъ влекутъ за собой значительное увеличеніе налоговъ на жителей деревень, которые съ трудомъ существуютъ, занимаясь различными отраслями труда».

Приходъ Сенъ-Дени-де-Сернель жалуется почти въ тѣхъ же выраженіяхъ: «Привилегіи, предоставляемыя жителямъ городовъ, являются причиной того, что значительная часть налоговъ падаетъ на жителей деревни, которые съ трудомъ существуютъ, зарабатывая себѣ жалкій хлѣбъ обработкой земли».

Классовыя противорѣчія наканунѣ революціи.

Таковы были чувства крестьянина, стоявшаго въ самомъ низу третьяго сословія, но и вожди tiers état понимали, что эта группа населенія не едина, что соціальныя противорѣчія уже раскалываютъ ее. Блестящій писатель и экономистъ Дюпонъ-де-Немуръ, съ обратной точки зрѣнія, чѣмъ крестьянскіе наказы, прекрасно формулировалъ противоположность интересовъ «буржуа» и «на-

рода», которые офиціально принадлежали къ одному и тому же третьему сословію:

«Въ городахъ смутно сознаютъ,—писалъ онъ,—что третье сословіе не было привилегированнымъ сословіемъ; тамъ знаютъ только весьма незначительную часть того, что третьему сословію приходилось переносить въ деревнѣ; для того, чтобы имѣть объ этомъ правильное представленіе, надо было долгое время прожить среди земледѣльцевъ. Въ городахъ проживалъ тотъ же народъ, который жилъ во всей Франціи, но семьи горожанъ получали лучшее образованіе, имѣли доступъ къ литературѣ и искусствамъ, наслаждались красотою и *привыкали, подобно духовенству и дворянству, пользоваться плодами чужихъ трудовъ;* вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ невольно раздѣляли нѣкоторыя предразсудки высшихъ сословій и нерѣдко думали, что имѣютъ, а *можетъ быть, и дѣйствительно имѣли интересы, противоположные интересамъ деревни*».

Это распаденіе Франціи на богатыхъ и бѣдныхъ и создало то неудержимое соціальное движеніе, которое въ корнѣ расшатало старый порядокъ.

Буржуазія лишь постольку руководила этимъ движеніемъ, поскольку она шла во главѣ толпы и выражала ея желанія. Напримѣръ, парламенты находятъ поддержку въ народѣ лишь до тѣхъ поръ, пока защищаютъ его интересы, поддержку настолько сильную, что для усмиренія возстанія въ Реннѣ въ 1788 году, начавшагося въ защиту парламента, пришлось послать цѣлую армію; тоже самое въ Греноблѣ. Но лишь стоило парламенту въ Реннѣ стать на сторону привилегированныхъ, возстаніе началось противъ него, а въ Эксѣ и Безансонѣ народъ даже ворвался въ зданіе судебныхъ учрежденій.

И какъ ни странно на первый взглядъ, въ началѣ классовая борьба гораздо ярче проявляется не въ такихъ развитыхъ центрахъ, какъ Парижъ, а въ провинціи, и въ это время главная сила революціи въ непрерывныхъ волненіяхъ, которыя охватываютъ всю Францію.

Наканунѣ революціи провинція полна «многочисленными и шумными» избирательными собраніями, на которыя являлись всѣ мѣстные жители, даже бѣдняки, не имѣвшіе права голоса, и на этихъ собраніяхъ сначала обсуждали мѣстныя нужды, затѣмъ, какъ мы видимъ изъ наказовъ, переходили къ вопросу объ общемъ положеніи страны.

Порой власти отдѣляли овецъ отъ козлищъ, но бѣдные — безправные, не всегда покоряются молча. Въ Пенье они требуютъ второго избирательнаго собранія и права голоса для себя, въ Сенъ-Максиминѣ, Арлѣ, Солье и др. городахъ изгоняютъ прежнія судебныя и городскія власти, избираютъ новыя.

Такъ что, несмотря на очень широкое избирательное право, примѣненное при созывѣ Генеральныхъ штатовъ 1789 года, низшіе классы были недовольны своимъ отстраненіемъ отъ избирательныхъ урнъ и протестовали противъ этого въ цѣломъ рядѣ мѣстъ. Эта первая борьба за избирательное право положила начало распаду третьяго сословія.

III.

Соціальное движеніе въ Парижѣ.

Соціальное движеніе, такое сильное въ провинціи, въ Парижѣ почти не прорывалось наружу; этому мѣшала, во-первыхъ, большая крѣпость правительства въ столицѣ, во-вторыхъ, то, что революціонный пылъ населенія находилъ исходъ въ политическихъ движеніяхъ,—манифестаціи въ пользу парламента, манифестаціи по поводу смѣнъ министровъ и т. д. Манифестаціи кончались порой кровавыми схватками съ полиціей, въ дѣло пускались войска, но все это не всколыхивало глубоко массъ парижскаго населенія, — тѣхъ массъ, которыя разъ выступивъ на арену общественной борьбы, долго играли рѣшающую роль въ судьбѣ и Парижа и самой Франціи.

Элементовъ для соціальнаго пожара въ Парижѣ было много: 120.000 нищихъ, полубездомныхъ бродягъ, затѣмъ огромное рабочее населеніе, ремесленники, полуинтеллигенція, занятая въ конторахъ и всевозможныхъ предпріятіяхъ. Соціальное движеніе изъ голодающихъ, возбужденныхъ провинцій постепенно надвигалось на столицу, зимой 1788 — 89 года оно уже охватило Парижъ тѣснымъ кольцомъ, и въ его окрестностяхъ то и дѣло вспыхиваютъ голодные безпорядки: грабятъ обозы съ хлѣбомъ, открыто рубятъ лѣсъ, среди низшихъ классовъ замѣтно возрастаетъ озлобленіе противъ богатыхъ. Госпожа Виже-Лебренъ такъ пишетъ о настроеніи крестьянъ наканунѣ революціи: «Они не только не снимаютъ болѣе передъ вами шапокъ, но еще смотрятъ на васъ съ нахальствомъ; нѣкоторые даже грозили намъ своими толстыми палками». А городское простонародье, по словамъ той же Виже-Лебренъ, держало себя еще болѣе вызывающе: «Утромъ

во время прогулки на Лоншанъ, чернь, собравшаяся около заставы де Л'Этуаль, самымъ ужаснѣйшимъ образомъ оскорбляла всѣхъ лицъ, проѣзжавшихъ въ колясках; негодяи вскакивали на подножки и кричали: въ будущемъ году вы будете стоять на запяткахъ вашихъ экипажей, а мы въ нихъ будемъ сидѣть».

Господа, сидѣвшіе въ коляскахъ, и не подозрѣвали, сколько правды въ этихъ грубыхъ пророчествахъ: всего черезъ годъ парижская толпа съ кликами радости и проклятіями несла на пикахъ головы Делонэ, Флесселя, Фуллона и Бертье.

Мятежъ Ревельона.

Эти кровавые праздники парижской толпы, подготовленные движеніемъ всей Франціи, развернулись неожиданно быстро.

Всего за нѣсколько дней до открытія Генеральныхъ штатовъ, 27—28 апрѣля 1789 г., какъ мы знаемъ, вспыхнулъ мятежъ, закончившійся разгромомъ домовъ и промышленныхъ заведеній Ревельона и Анріо[1]). Черезъ нѣсколько дней толпа, собравшаяся въ предмѣстьи Парижа Вильжуивъ, пытается взять приступомъ тюрьму Бисертъ, и снова приходится пускать въ дѣло войска.

Остановить начавшееся народное движеніе было уже невозможно,—Ревельонъ, Анріо, тюрьма Бисертъ были лишь предлогами. Это видѣли даже такіе наблюдатели, какъ начальникъ полиціи де-Кронь, который писалъ въ день мятежа: «Хотя возстаніе, повидимому, все еще направлено противъ Ревельона, однако настоятельно требуютъ пониженія цѣны на хлѣбъ».

Значеніе его для революціи.

Если, по выраженію Мирабо, «дефицитъ — это кладъ для французскаго народа», щитъ націи въ борьбѣ съ королевской властью, то соціальное движеніе было мечомъ, который рѣшительно и безпощадно поражалъ всѣхъ враговъ революціи. Сила и величіе массоваго, соціальнаго движенія въ томъ, что у него нѣтъ опредѣленныхъ цѣлей: съ каждой побѣдой его порывы растутъ, размахъ увеличивается и, порой кажется, нѣтъ предѣла его разрушающей силѣ.

Ростъ революціонной силы и сознательности французскаго народа во время Великой революціи наблюдается буквально по днямъ. Апрѣльское и майское движеніе было просто бунтомъ голодныхъ, обездоленныхъ людей, для которыхъ крикъ: «хлѣбъ или смерть!»—былъ истиной, но вотъ въ какіе-нибудь два мѣсяца все мѣняется,—уже девизъ толпы иной: «хлѣбъ и оружіе», и если нѣтъ перваго, то второе оказывается въ изобиліи.

---

1) См. статью Е. В. Тарле.

За это короткое время народъ сумѣлъ многое понять и оцѣнить. Воспитаніе толпы шло у дверей Учредительнаго собранія, гдѣ гремѣлъ Мирабо, на уличныхъ собраніяхъ, центромъ которыхъ былъ Палэ-Рояль, гдѣ часто выступали такіе ораторы, какъ Камиллъ Демуленъ, изъ брошюръ и газетъ, которыя наводнили Францію.

Сознательность народа росла поразительно быстро: наканунѣ созыва Генеральныхъ штатовъ, это была просто голодная, раздраженная толпа, которая громила лишь толкаемая инстинктомъ, въ концѣ іюня и началѣ іюля парижскій народъ уже выступилъ въ роли спасителя отечества, защитника своихъ представителей. Интеллигенція, примыкавшая къ третьему сословію, сыграла огромную роль въ развитіи сознательности народа. Съ толпой говорили, ей указывали, объясняли, ей поклонялись, ибо уже чувствовали ея неопреодолимую силу.

Мирабо, Сійэсъ и другіе вожди Генеральныхъ штатовъ, предвидя ихъ возможный роспускъ, боялись, что все окончится демонстраціями и неорганизованными, разрозненными мятежами. Правительство надѣялось, что стоитъ лишь стянуть армію къ Парижу, и депутаты окажутся въ мышеловкѣ, ибо мятежъ Парижа, окруженнаго войсками, не былъ страшенъ Версалю. На этомъ соображеніи и былъ основанъ іюльскій реакціонный заговоръ, который развертывался очень быстро: около 50.000 солдатъ были стянуты къ Парижу, во главѣ этой арміи стоялъ человѣкъ, не боявшійся пролить кровь, — маршалъ де-Брольи. Учредительному собранію намекнули, что его могутъ перевести въ Суассонъ или Анжу, а 11-го іюля 1789 года Неккеръ получилъ отставку и было создано министерство аристократовъ во главѣ съ барономъ де-Бретейль.

Но сила, на которую разсчитывалъ Людовикъ XVI, ускользнула изъ его рукъ,—войска были уже на сторонѣ народа, волна соціальнаго движенія покатилась и по казармамъ.

Настроеніе французской арміи прекрасно выразилось въ заявленія драгунъ офицеру, ведшему ихъ 14-го іюля утромъ въ Версаль: «Теперь мы повинуемся вамъ, но, когда мы придемъ въ Версаль, скажите тамъ министрамъ, что если насъ поведутъ противъ нашихъ согражданъ, то первый выстрѣлъ будетъ въ васъ».

Такое настроеніе войскъ въ сущности предрѣшало исходъ борьбы, и для оцѣнки дѣйствовавшихъ тогда силъ важно выяснить, какъ оно создалось. Національное собраніе ничего не сдѣлало, чтобы привлечь на свою сторону войска, за властъ

надъ арміей боролись лишь двѣ крайнія силы: дворъ и народъ. Офицерамъ устраивали ужины, вино лилось рѣкой, сама королева обходила пирующихъ... народъ, съ крикомъ: «да здравствуетъ третье сословіе!» угощаетъ солдатъ, братается съ ними; угощенія были бы равноцѣнны, если бы солдатамъ не пришлось скоро почувствовать, что они то же дѣти народа, который готовъ за нихъ постоять.

30-го іюня одиннадцать солдатъ французской гвардіи были арестованы за то, что отказались стрѣлять по толпѣ, ихъ посадили въ тюрьму Аббатства, и оттуда солдаты обратились къ народу съ просьбой о помощи. Лустало, редакторъ «Revolutions de Paris», вставъ на стулъ въ Палэ-Роялѣ, прочелъ толпѣ прошеніе солдатъ, обращенное къ народу. Моментально толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ двинулась къ тюрьмѣ, выбила ворота и освободила арестованныхъ. Лишь послѣ этого національное собраніе рѣшилось ходатайствовать передъ королемъ о помилованіи гвардейцевъ, да и то послѣ долгихъ колебаній, отказавшись принять депутацію отъ парижскихъ гражданъ.

Какъ въ отношеніяхъ къ арміи, такъ и въ другихъ вопросахъ, въ лагерѣ революціи наблюдаются два различныя теченія; чисто политическое, буржуазное, которое все время ищетъ примиренія съ королемъ, готовое успокоиться на очень маленькихъ уступкахъ, и народное, соціальное, его цѣли растутъ вмѣстѣ съ ростомъ революціи: отъ уничтоженія абсолютной монархіи и феодальной собственности — къ республикѣ и къ покушенію на частную собственность вообще.

Въ большинствѣ случаевъ оба потока шли раздѣльно, ибо буржуазія не довѣряла народу и всячески ограничивала его права, но въ трудные моменты борьбы обѣ эти силы сливались въ одно, и тогда ударъ для стараго режима былъ неотразимъ, такъ случилось и въ іюлѣ 1789 года. Буржуазія, напуганная отставкой Неккера и слухами объ объявленіи государственнаго банкротства, пошла за народомъ: выборщики 60 секцій города Парижа 10-го іюля уже намѣчаютъ организацію парижской коммуны, 11-го постанавливаютъ потребовать немедленно учрежденія народной милиціи, а національное собраніе одобряетъ это рѣшеніе и аплодируетъ смѣлой рѣчи Шапелье:

«Прежде всего вы должны обсудить вопросъ о враждебныхъ и иноземныхъ войскахъ, держащихъ въ осадѣ добрый и вѣрный народъ; льется кровь, собственность не обезпечена, наконецъ

скандалъ достигъ своего апогея: свора наемныхъ нѣмцевъ охотится за парижскими гражданами. Одна только гражданская гвардія можетъ помочь въ этой бѣдѣ. Опытъ научилъ насъ: охранять себя долженъ самъ народъ.»

Въ это время Парижъ кипѣлъ. Артуръ Юнгъ, объективный наблюдатель, прекрасно подмѣтилъ это. Теперь, разсказываетъ онъ, пользуются всякимъ случаемъ, чтобы устроить собраніе: обычно начинаютъ пускать фейерверкъ и, когда собирается толпа, ктонибудь взбирается на стулъ и говоритъ о послѣднихъ политическихъ новостяхъ. «Раньше, — добавляетъ Юнгъ, — чтобы разгонять такія собранія, было достаточно роты швейцарцевъ; сегодня надо полкъ, а черезъ патнадцать дней потребуется уже цѣлая армія».

Взятіе Бастиліи.

Пророчество оказалось вѣрнымъ, когда 12-го іюля по Парижу пронесся слухъ объ отставкѣ Неккера, это послужило сигналомъ къ началу возстанія. Призывомъ послужила знаменитая рѣчь Камилла Демулена, который съ пистолетомъ въ рукѣ обратился къ тысячной толпѣ:

«Граждане, нельзя терять ни минуты. Отставка Неккера—это сигналъ къ Варѳоломеевской ночи для всѣхъ патріотовъ. Еще сегодня вечеромъ черезъ Марсово поле вступятъ въ городъ германскіе и швейцарскіе батальоны, чтобы задушить насъ. Для насъ только одно спасенье: къ оружію, граждане!»

Съ крикомъ «къ оружію!» двинулась толпа грабить оружейныя лавки, начались демонстраціи, а нѣмецкіе драгуны подъ командой принца Ламбеска, какъ бы подтверждая слова Демулена, сдѣлали сабельную атаку на толпу въ Тильери. Возстаніе перекинулось и въ казармы: французская гвардія, сидѣвшая подъ карауломъ нѣмецкихъ солдатъ, вырвалась и нѣсколькими залпами разсѣяла нѣмецкихъ драгунъ. Эта атака гвардіи сразу измѣнила положеніе—главнокомандующій Де-Безанваль не рѣшился двинуть войска противъ французской гвардіи, а народъ двинулся на окраины и сталъ разрушать ненавистныя таможни, изъ-за которыхъ были такъ дороги всѣ припасы.

13-го іюля съ утра по всему городу звучалъ жуткій зовъ набата, кузницы пылали и гудѣли,—тамъ ковали пики и 50.000 штукъ были изготовлены въ 24 часа, секціи, создавъ революціонное управленіе города, спѣшно организовывали національную гвардію, народъ метался, мстя своимъ врагамъ: преслѣдуютъ полицейскихъ, берутъ приступомъ тюрьму и выпускаютъ заклю-

ченныхъ тамъ должниковъ, грабятъ нѣсколько домовъ аристократовъ и Лазарицкій монастырь, захваченные тамъ запасы хлѣба отправляютъ на центральный рынокъ Парижа.

14-го народъ захватилъ въ домѣ инвалидовъ 30.000 ружей и нѣсколько пушекъ и сразу перешелъ къ серьезной атакѣ. «Къ Бастиліи!» — пронесся призывъ по улицамъ.

Послѣ короткой, но жестокой битвы, Бастилія сдалась. Мы не будемъ касаться этого много разъ описаннаго момента, для насъ гораздо интереснѣе, кто были побѣдители Бастиліи.

Газета Les Révolutions de Paris напечатала на другой день фамиліи наиболѣе отличившихся: Арне, гренадеръ французской гвардіи. Гюлленъ, управляющій королевской прачечной, убѣдилъ рессювельскихъ гренадеръ и люберсакскихъ стрѣлковъ итти; Гюлленъ, впослѣдствіи генералъ имперіи, руководилъ сраженіемъ и одинъ изъ первыхъ бросился на подъемные мосты. Эли, пѣхотный офицеръ изъ полка королевы, Мальяръ, Кюнивье, сынъ садовника, Тюренъ, стрѣлокъ бляшской роты. Почти все тѣхъ же лицъ указываетъ и протоколъ парижской коммуны. Изъ ста человѣкъ убитыхъ тридцать оставили семьи въ полной нищетѣ, а многихъ не могли даже установить фамиліи.

Побѣдители Бастиліи были простонародье и солдаты. Въ этомъ первомъ рѣшительномъ движеніи Парижа интеллигенція почти не играла никакой роли, и третье сословіе (буржуазія) было далеко отъ активной борьбы.

Ни 14-го іюля, ни въ слѣдующіе дни Де-Брольи не рѣшился атаковать Парижъ, а народъ торжествовалъ свою побѣду и мстилъ за былое порабощеніе, — Делонэ, коменданту Бастиліи, Флесселю, купеческому головѣ, союзнику двора, отрубили головы, затѣмъ погибли видные представители стараго порядка — государственный совѣтникъ Фуллонъ и его зять интендантъ Бертье — всѣ участники разбитаго народомъ реакціоннаго заговора. Въ эти дни Парижъ впервые увидѣлъ на улицахъ народную расправу, и одинъ изъ лучшихъ и умнѣйшихъ людей революціи, Бабефъ, оставилъ намъ, въ письмѣ къ женѣ, описаніе шествія 25-го іюля 1789 г., когда толпа черезъ весь Парижъ несла голову Фуллона:

«Я видѣлъ, какъ несли на пикѣ голову тестя, а сзади шелъ зять подъ конвоемъ болѣе тысячи вооруженныхъ людей, онъ прошелъ, такимъ образомъ, на глазахъ у всѣхъ длинный путь отъ предмѣстья до улицы Сенъ-Мартенъ, и двухсотысячная толпа издѣвалась надъ нимъ и выражала свою радость вмѣстѣ съ

конвоемъ, возбужденнымъ звуками барабаана. *О, какую боль причинила мнѣ эта радость!* Я былъ въ одно и то же время и удовлетворенъ и недоволенъ; я говорилъ себѣ: тѣмъ лучше и тѣмъ хуже. Я понимаю, что народъ творитъ судъ и признаю этотъ судъ, когда онъ истребляетъ виновныхъ; но можетъ ли онъ въ наше время не быть жестокимъ? У насъ такіе ужасные нравы! Насъ такъ плохо воспитали всякаго рода казни, четвертованія, пытки, колесованія, костры, висѣлицы, многочисленные палачи повсюду. Наши руководители, вмѣсто того, чтобы цивилизовать насъ, превратили насъ въ варваровъ, потому что и сами они варвары. Они пожинаютъ и будутъ пожинать то, что посѣяли; ибо все это, моя бѣдная маленькая жена, будетъ имѣть ужасающія послѣдствія: мы видимъ еще только начало».

Слова эти прямо пророческія: видя лишь пробужденіе соціальнаго движенія, Бабефъ уже набрасывалъ всю его картину, со всѣми ужасами и жестокостями и вскрылъ въ то же время ихъ причины; казнь Делонэ и дальнѣйшіе расправы были подготовлены разстрѣломъ толпы у дома Ревельона и у стѣнъ Бастиліи.

Значеніе іюльскаго столкновенія народа съ властью было одинаково оцѣнено и вверху и внизу.

При докладѣ о событіяхъ 14-го іюля Людовикъ воскликнулъ: «Но вѣдь это форменный бунтъ!»—«Нѣтъ, ваше величество,— отвѣчалъ герцогъ Де-Ліанкуръ,—это революція».

Бассенъ, представитель С.-Антуанскаго предмѣстья, явившись просить у національнаго собранія помощи рабочимъ, оставшимся безъ заработка во время возстанія, заявилъ: «Господа, вы—спасители отечества, но и у васъ есть спасители».

Коммунальная революція и ея соціальный характеръ.

Вся страна учла значеніе народной побѣды въ самомъ сердцѣ Франціи, и социальное движеніе съ новой силой вспыхнуло въ провинціи: комендантовъ Дижона, Кана, Бордо и Ренна арестовываютъ; въ Безансонѣ, Руанѣ и другихъ городахъ власти совершенно безсильны, и, по образцу Парижа, по всей странѣ вырастаютъ коммуны, которыя захватываютъ власть въ свои руки.

Эта муниципальная революція, вызванная іюльскимъ революціоннымъ движеніемъ, сыграла огромную роль въ разрушеніи стараго строя. Въ городахъ, правда, не въ такой тяжелой формѣ, царила еще феодальная система. Нѣкоторые города, напримѣръ, Аррасъ, Арль, принадлежали духовнымъ или свѣтскимъ сеньорамъ, отъ которыхъ зависѣлъ составъ муниципалитета; во многихъ горо-

дахъ, напримѣръ, въ Анжерѣ, Дижонѣ, Труа за старой феодальной властью сохранились судебныя права, тамъ часто даже параллельно съ королевскими и городскими судами существовали суды духовные; въ такомъ же положеніи была и полиція, зависѣвшая отъ того, кто держалъ судъ.

Сохранились въ городахъ и чисто феодальные налоги, какъ налогъ за покупку и продажу (lods et ventes) въ пользу сеньора, который взималъ за каждый проданный домъ или кусокъ земли въ чертѣ его сеньоріи. Распредѣленіе общихъ налоговъ носило ярко сословный характеръ: духовные, дворяне и всѣ чиновники были изъяты изъ обложенія, и оно всей тяжестью падало на бѣднѣйшіе классы.

Городскія власти, выросшія въ такихъ условіяхъ, стремившіяся переложить всѣ повинности на бѣдноту, не пользовались народной любовью, но было еще одно, что вызывало глубокую ненависть населенія къ отцамъ города, — это спекуляція на хлѣбъ, развитая при старомъ порядкѣ во Франціи, — ей занимался и король, и дворъ, и богатое купечество, стоявшее во главѣ городского управленія.

Связь города съ центральной властью поддерживали коменданты, губернаторы, интенданты съ безчисленной массой болѣе мелкихъ чиновниковъ, которые всѣ жили и богатѣли за счетъ населенія.

Вся эта старая, тяжелая машина лишь ждала удара, чтобы распасться, и вотъ лѣтомъ 1789 года вся Франція возстала такъ же цѣльно и едино, какъ и Парижъ въ день взятія Бастиліи,—каждый городокъ стремится повторить у себя парижскій переворотъ: сзываются избиратели, создаются секціи, избираются новыя муниципальныя власти и мэръ, организовываются національная гвардія, во главѣ которой становится мѣстный Лафайетъ, закупаются ружьи и пушки; порой эта воинственность носила нѣсколько опереточный характеръ, но въ массовомъ движеніи результатъ оказался колоссальный: 400.000 ружей переходятъ въ руки народа, выростаетъ тридцать тысячъ ячеекъ народнаго самоуправленія, создавшихся революціоннымъ путемъ и готовыхъ поддерживать свои права съ оружіемъ въ рукахъ. Если возстаніе деревень, о которомъ мы будемъ говорить дальше, играло огромную разрушительную роль, то за городами, за буржуазіей остается творческая работа, — муниципальная революція подготовила провозглашеніе республики, «она, — по словамъ

Олара, — фактически передала верховную власть изъ рукъ короля въ руки народа и установила во Франціи республиканскій порядокъ въ формѣ тридцати тысячъ коммунъ, слившихся въ одну націю подъ реальной верховной властью французскаго народа; это была какъ бы зарождавшаяся унитарная республика, въ которой власть короля уже стала только номинальной».

Въ результатѣ этого движенія власть попадаетъ въ руки буржуазіи, активныхъ гражданъ, но побѣда въ провинціи, такъ же, какъ и у стѣнъ Бастиліи, принадлежитъ народу, пассивнымъ гражданамъ, и возстанія въ городахъ, не говоря о деревнѣ, носятъ характерные признаки соціальнаго движенія, поднялись наиболѣе обездоленные слои населенія съ крикомъ «хлѣба и оружія!» такъ что буржуазія не разъ подавляла спасительное для нея движеніе.

Вспышки въ провинціи начались какъ только туда пришли извѣстія о событіяхъ въ Парижѣ.

18-го іюля въ Труа, пріѣхавшіе на базаръ, крестьяне отказываются платить пошлины. Скопляется толпа, грабятъ хлѣбъ, начинается еще неясно народное волненіе, но буржуазная національная гвардія быстро подавляетъ его. Затихшее движеніе снова вспыхиваетъ въ августѣ, требуютъ пониженія цѣнъ на соль и хлѣбъ, наконецъ 5-го сентября разражается народная буря: съ криками: «Долой мучныхъ торговцевъ!» «Смерть мэру!» толпа захватываетъ ратушу, мэра, обвиненнаго въ спекуляціи хлѣбомъ, волокутъ по улицамъ и убиваютъ, громятъ лавки и дома,—волненіе тянется почти весь сентябрь, пока буржуазія снова не подавляетъ народъ.

19-го іюля въ Страсбургѣ толпа бѣдноты врывается въ ратушу, изгоняетъ старый муниципалитетъ, добивается пониженія цѣнъ на хлѣбъ и мясо, черезъ день, когда муниципалитетъ хочетъ взять назадъ свои постановленія, громитъ ратушу и сжигаетъ городской архивъ. Солдаты, призванные охранять, остаются безучастными зрителями, зато буржуазія вооружается и заявляетъ коменданту провинціи, графу Рошамбо, что «добрые буржуа вооружены и готовы вмѣстѣ съ войсками поддерживать порядокъ». Но эти реакціонные порывы не осуществились — движеніе охватываетъ весь Эльзасъ, полицейскіе, судьи бѣгутъ, муниципальныя власти замѣняются новыми выборными, населеніе преслѣдуетъ лѣсничихъ и сторожей, съ которыми оно всегда было во враждѣ.

Въ Щербургѣ, Мобёжѣ, Руанѣ, Безансонѣ возстанія длятся по нѣскольку дней, въ нихъ принимаютъ участіе по преимуществу рабочіе, нищіе, матросы. Въ результатѣ изгоняются старыя городскія власти, уничтожаются таможни, понижается цѣна на предметы первой необходимости. Послѣдній пунктъ, характерный признакъ соціальнаго движенія, выдвигается сплошь во всѣхъ городскихъ возстаніяхъ, которыя создали муниципальную революцію 1789 года.

IV.

Соціальное движеніе въ деревняхъ послѣ взятія Бастиліи.

Въ началѣ мы описали движеніе, охватившее французскую деревню съ осени 1788 года; лѣтомъ 1789 г. оно росло непрерывно и выражалось по преимуществу въ отказѣ платить феодальныя повинности. Въ іюлѣ, одновременно съ возстаніемъ въ городахъ, это разрозненное движеніе сливается въ одинъ цѣльный потокъ и превращается въ жакерію, — крестьяне выступаютъ уже не страдающимъ лицомъ, а мстителями и разрушителями. По всей странѣ пылаютъ замки и монастыри, землевладѣльцы, священники, купцы, — всѣ бѣгутъ изъ возставшихъ деревень, по странѣ идутъ слухи о разбойникахъ-разрушителяхъ, которые грабятъ на дорогахъ, уничтожаютъ посѣвы, захватываютъ города, вся картина закутывается даже для современниковъ неясной дымкой легенды.

Изъ городовъ крестьяне приносятъ странные слухи: «Придутъ люди, закованные въ желѣзо, все предадутъ огню и мечу, разграбятъ и сожгутъ замки».

Какой-то прохожій заявляетъ въ Дофинэ, что онъ депутатъ третьяго сословія. «Насъ выбрали, — говоритъ онъ, — не за богатство, а за умъ и знанія; король и собраніе позволяютъ грабить замки».

На Францію идутъ савояры и войска короля сардинскаго— говорятъ на востокѣ.

Время это, полное ужасныхъ потрясеній, осталось въ народной памяти, какъ время «страха». Дѣйствительно, въ цѣломъ рядѣ городовъ и мѣстечекъ совершенно безпричинно, то и дѣло раздавался набатъ, ждали разгрома, иногда онъ случался совершенно неожиданно и самопроизвольно. Напримѣръ, въ городкѣ Бургуань, въ Дофинэ, пронесся слухъ о готовящемся нападеніи, кто нападетъ, почему нападетъ — никто не зналъ, но сейчасъ же была создана городская милиція, ей на помощь явились со-

сѣдніе крестьяне во главѣ со старшинами, священниками и дворянами. Простоявъ день лагеремъ на городской площади, крестьяне стали волноваться: «Такъ какъ мы не нашли врага, — говорили они, — то пойдемъ на дворянъ и на священниковъ, которые поддерживаютъ дворянъ». Попытки богатыхъ гражданъ успокоить своихъ «спасителей» были неудачны: крестьяне построились въ колонны, принудили лейтенанта Риваль принять начальство надъ ними и съ барабаннымъ боемъ и стрѣльбой вышли изъ города, чтобы напасть на замокъ Домарэнъ. Первое нападеніе оказалось удачнымъ: сеньоръ роздалъ деньги, замокъ былъ разгромленъ, вино изъ погребовъ роспито и крестьянскія колонны, все возрастая на пути, двинулись дальше. Слѣдующій замокъ Vaulx не только разгромленъ, но и сожженъ, та же участь постигаетъ замокъ Жанэиріасъ. Тамъ ищутъ повсюду графа Лора-дю-Се, и узнавъ, что онъ бѣжалъ, объявляютъ: «Хорошо сдѣлалъ сеньоръ, что удралъ!»

Черезъ три дня, разгромивъ всѣ окрестныя дворянскія гнѣзда, крестьяне снова явились въ городъ Бургуань и потребовали отъ мѣстнаго сеньора «сжечь всѣ бумаги, ибо они хотятъ освободиться отъ всѣхъ феодальныхъ повинностей». Простой народъ явно сочувствовалъ возставшимъ и присоединялся къ нимъ, буржуазная милиція была слишкомъ слаба, чтобы бороться, и пришлось уступить, чтобы спасти замокъ сеньора отъ огня. Крестьяне поймали мѣстнаго нотаріуса и заставили его читать вслухъ выданные на сожженіе документы, чтобы удостовѣриться, что все выдано; отобрали и уничтожили документы пригородныхъ владѣльцевъ, — монастыря св. Антонія и мальтійскихъ рыцарей.

Въ концѣ іюля и началѣ августа зарево горящихъ замковъ, монастырей и даже фермъ почти каждую ночь озаряетъ горизонтъ Дофинэ, того самаго либеральнаго Дофинэ, сословія котораго первые возстали противъ королевскаго деспотизма, противъ произвола министровъ во имя народнаго блага. Но дѣло въ томъ, что это было не политическое, а чисто соціальное движеніе, «война бѣдныхъ противъ богатыхъ», какъ говоритъ одинъ депутатъ, при которой, по словамъ докладной комиссіи національнаго собранія, никакая собственность, какого бы вида она ни была, не пощажена: пострадали одинаково и «аристократы» и «патріоты».

Эльзасъ и Франшъ-Конте моментально охвачены революціоннымъ пожаромъ; руководятъ разгромомъ имѣній всевозможные

самозванцы, по рукамъ ходятъ манифесты за подписью «Людовикъ», въ нихъ разрѣшается не платить налоговъ и творить расправу.

Въ Пикардіи, Оверни, Нормандіи, короче, по всей Франціи проносится эта буря, подготовленная вѣковымъ рабствомъ народа: крестьяне громятъ и жгутъ помѣстья, истязаютъ и убиваютъ сеньоровъ, «сельскія общества отказываются платить подати не только сеньорамъ, но и королю, дѣлятъ между собой луга и лѣса землевладѣльцевъ». Цѣль этого возстанія въ томъ, чтобы освободить землю отъ тяготѣвшаго подъ ней феодализма,— и вотъ крестьяне жгутъ грамоты и налоговые реестры, но рядомъ съ этимъ, хотя и не повсюду и не очень ярко, проглядываетъ новая мысль: богатые должны исчезнуть, земля можетъ принадлежать лишь крестьянину, который ее обрабатываетъ. Современники замѣчаютъ ее, и даже самые революціонные изъ нихъ глядятъ на это съ безпокойствомъ. Газета «Les Révolutions de Paris» въ сентябрѣ 1789 года писала:

Призракъ соціализма.

«Невѣжество, вѣрнѣе, косность населенія, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ породило мысль о томъ, что свобода и равенство допускаютъ въ извѣстной степени раздѣлъ земельныхъ имуществъ; это и явилось причиной многихъ опустошеній, которыя довели до отчаянія наши провинціи».

Это уже былъ страшный призракъ «аграрнаго закона», который постоянно преслѣдовалъ революцію и заставлялъ буржуазію смотрѣть подозрительно на всякое движеніе бѣдноты. Въ этомъ первомъ движеніи, поддержавшемъ политическіе успѣхи третьяго сословія, буржуа, хотя и не были всецѣло на сторонѣ земледѣльцевъ, однако во многихъ городахъ организовали комитеты защиты противъ возстанія, и національная гвардія не разъ выступала въ деревню для борьбы съ мятежниками. Въ Ліонѣ на этой почвѣ разыгрался характерный эпизодъ классовой борьбы: въ концѣ іюля гражданская гвардія двинулась на защиту замковъ противъ возставшихъ крестьянъ, и когда она возвращалась въ городъ, рабочіе предмѣстій встрѣтили ее градомъ камней, ибо они чувствовали свою солидарность съ крестьянами, а не съ горожанами.

Національное собраніе, спасенное іюльскимъ возстаніемъ, было испугано его послѣдствіями. Оно высказывается за репрессіи, а комитетъ докладовъ 3-го августа изображаетъ положеніе въ самомъ ужасномъ видѣ: «На основаніи полученныхъ изъ провинціи

писемъ мы можемъ заключить, что всякаго рода собственность стала добычей самаго преступнаго разбоя; повсюду замки сожжены, монастыри разрушены, фермы отданы на разгромленіе. Налоги, сеньоріальныя повинности,—все упразднено. Законы безсильны, власти утратили авторитетъ, правосудіе является не болѣе, какъ призракомъ, который тщательно разыскиваютъ въ судахъ».

Комитетъ, рисуя эту вѣрную картину, желалъ, чтобы собраніе высказалось за подавленіе возстанія. Лишь небольшая кучка лѣвыхъ депутатовъ отстаивала право народа на возстаніе, и эту идею прекрасно выразилъ Робеспьеръ: «Нужно любить миръ, но нужно также любить свободу. Что же можетъ быть законнѣй возстанія противъ ужасающаго заговора, составленнаго для того, чтобы погубить націю?»

Безработица.

Возстаніе, охватившее провинціи, поставило Парижъ въ очень затруднительное положеніе, — подвозъ хлѣба сократился еще больше; многія сельскія общины и города, опасаясь голодовки, не позволяли вывозить хлѣба изъ своихъ владѣній, часто обозы съ хлѣбомъ грабились даже недалеко отъ столицы; уже 21 іюля въ засѣданіе муниципалитета явилась депутація отъ рабочихъ кварталовъ Сенъ-Антуанъ и Сенъ-Марсо и требовала уменьшить цѣны на съѣстные припасы. Муниципалитетъ обѣщалъ принять мѣры, но онъ былъ въ сущности безсиленъ, — безработица росла именно вслѣдствіе побѣды народа: элементы, которые кормили рабочій Парижъ, аристократія, купечество, иностранцы разорялись и бѣжали изъ Парижа, даже изъ Франціи. Неккеръ жаловался, что за первые 15 дней сентября мѣсяца онъ выдалъ около шести тысячъ паспортовъ наиболѣе состоятельнымъ людямъ. Ихъ прислуга, поставщики, парикмахеры, портные оставались безъ работы. «Я видѣлъ, — разсказываетъ Байльи, — торговцевъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, просящихъ, какъ милости, чтобы ихъ приняли въ національныя мастерскія за 20 су поденнаго вознагражденія».

Но эти національныя мастерскія, въ которыхъ работало 10—12 тысячъ человѣкъ, далеко не удовлетворяли потребности момента, безработица росла слишкомъ быстро. Въ концѣ лѣта и осенью 1789 г. постоянно собираются толпы рабочихъ-ремесленниковъ, парикмахеровъ, портныхъ, лакеевъ, сапожниковъ и требуютъ повышенія заработной платы и уничтоженія конкуренціи. Все это движеніе не оформлено, требованія порой нелѣпы, но оно играло въ то время серьезную роль, такъ какъ объединяло

пролетарскія массы. Буржуазія, какъ умѣренная, такъ и революціонная, отлично сознавала значеніе нарождавшагося рабочаго движенія. Собранія рабочихъ, иногда въ 2—3 тысячи человѣкъ, происходящія на открытомъ воздухѣ, вызываютъ безпокойство, и національная гвардія разгоняетъ ихъ, а Собраніе и парижскій муниципалитетъ покровительствуетъ этимъ мѣрамъ. Зато такіе люди, какъ «другъ народа» Маратъ, начинаютъ видѣть сквозь все затуманившую политику классовыя противорѣчія, которыя порождаютъ это еще слабое соціальное движеніе. «Никогда нельзя будетъ,—писалъ Маратъ,—улучшить мирными средствами долю бѣдняковъ, вѣчно покорныхъ, вѣчно порабощенныхъ, вѣчно угнетаемыхъ. Здѣсь мы видимъ поразительное доказательство вліянія богатства на законодательство. Но законы имѣютъ силу лишь постольку, поскольку народы имъ повинуются; они сломали иго знати, *они сломятъ также и ярмо богатства.* Главное въ томъ, чтобы ихъ просвѣтить, помочь имъ сознать ихъ права, — и революція произойдетъ неизбѣжно, и никакая человѣческая сила не сможетъ остановить ее».

Походъ на Версаль.

Маратъ уже провидѣлъ дальнѣйшее отпаденіе соціальнаго движенія отъ политическаго и конфликтъ между этими двумя теченіями, шедшими параллельно въ началѣ революціи. Но въ 1789 году еще разъ, во время октябрьскаго похода на Версаль, всѣ революціонные элементы дружно ударили на правительство.

Октябрьскій походъ на Версаль, отдавшій короля въ распоряженіе парижскаго народа, былъ вызванъ той острой нуждой, въ которой очутился рабочій классъ.

1789 годъ былъ сравнительно урожайный, но, несмотря на это, уже осенью въ Парижѣ чувствовался постоянно недостатокъ въ хлѣбѣ: цѣна стояла высокая — фунтъ печенаго бѣлаго хлѣба 4 су, при этомъ приходилось часами дежурить въ очереди у дверей булочныхъ, чтобы получить хлѣбъ. При такой дороговизнѣ особенно тяжело приходилось безработнымъ, которые наполняли столицу. Національныя мастерскія для безработныхъ, вмѣщавшіе 10—12 тысячъ человѣкъ и привлекавшіе безработныхъ изъ провинціи, въ концѣ августа были закрыты [1]).

Буржуазія отлично понимала значеніе этого акта и опасалась серьезныхъ безпорядковъ; буржуа-революціонеръ, публицистъ Лусталло, писалъ объ этомъ очень наивно:

---

[1]) См. статью Е. В. Тарле.

«Тревогу въ умахъ порождало то обстоятельство, что монмартрскіе рабочіе должны быть расчитаны вечеромъ 29 августа, и вотъ принимаются, по случаю закрытія благотворительной мастерской, грозныя предосторожности: туда направляютъ нѣсколько пушекъ; туда же отправляютъ отборный отрядъ... Не произошло ни малѣйшаго безпорядка; не слышно было никакихъ угрозъ; безъ сомнѣнія, въ этой толпѣ несчастныхъ были и дурные, и преступные, и несчастные люди; но слѣдовало бы, чтобы тѣ, кто такъ часто и съ такой звѣриной жестокостью утверждали, что нужно стрѣлять по нимъ картечью, взглянули на нихъ въ ту минуту, быть-можетъ, трогательное зрѣлище этой безысходной нужды и мудро распредѣляемыхъ городомъ благодѣяній тронули бы ихъ свирѣпыя души, если въ этихъ душахъ осталась еще хоть капля чувства».

Часть этихъ рабочихъ была отправлена въ провинцію, но большинство оставалось на парижскихъ мостовыхъ и пополняло ряды голодныхъ и недовольныхъ. Отношеніе этихъ массъ къ королю было очень неопредѣленное: съ одной стороны, онъ рисовался другомъ «аристократовъ», готовымъ на заговоры и злодѣйства противъ національнаго собранія и всѣхъ «патріотовъ», ждавшимъ лишь момента, чтобы повторить Варѳоломеевскую ночь, съ другой стороны, это былъ добрый король, которому стоило сказать ласковое слово, любезно улыбнуться и толпа снова боготворила его, ибо монархическая легенда, хотя и была расшатана въ умахъ, но еще теплилась въ сердцахъ простонародья, а чувство въ моменты порыва почти всегда беретъ верхъ надъ умомъ. Именно сочетаніе этихъ двухъ настроеній: еще неясной ненависти и вѣковой преданности толкнули народъ на походъ въ Версаль.

Планъ просить хлѣба у короля не новъ, къ нему прибѣгали въ 70-хъ годахъ; о немъ говорили сейчасъ же послѣ возстанія Ревеліона; 30 августа толпа въ 1.500 человѣкъ пыталась совершить походъ въ Версаль, чтобы добиться высылки «испорченныхъ и подозрительныхъ депутатовъ». Итакъ, путь былъ намѣченъ.

Политики-революціонеры въ это время сосредоточили свои взгляды также на Версалѣ; тамъ подготавливался военный заговоръ, неясный, неизвѣстный, но страшный; то ли король собирается бѣжать въ Мецъ и оттуда, по примѣру короля Англіи, Карла I, начать правильную войну, то ли при помощи военнаго

переворота онъ собирается разогнать національное собраніе? Силѣ противопоставить силу, двинуть противъ военнаго заговора уже испытанную армію побѣдителей Бастиліи,—таково было намѣреніе вождей революціи, и Дантонъ, Маратъ, Лустало работали въ этомъ направленіи.

—«Хлѣба! Хлѣба!»—вдругъ раздался 5 октября вопль по улицамъ Парижа, и толпы женщинъ, которыя не могутъ достать хлѣба въ булочныхъ, возбужденныя, голодныя врываются въ ратушу; онѣ разгоняютъ караулъ и вооружаются найденнымъ тамъ оружіемъ; какая-то молодая дѣвушка схватываетъ барабанъ и по улицамъ гремитъ призывная дробь... «Въ Версаль! Въ Версаль!»—раздается общій крикъ, и толпа тысячъ въ восемъ, состоящая почти сплошь изъ женщинъ, идетъ изъ Парижа въ Версаль. По дорогѣ присоединяются мужчины. Предводителемъ избранъ герой Бастиліи Мальяръ. Демонстрантовъ подкрѣпляютъ пушки, которыя везутъ на телѣгахъ.

Прибывшая въ Версаль толпа въ сущности была плохо проникнута политическими мотивами, во имя которыхъ ее направляли туда. Національное собраніе не имѣло для нея серьезнаго авторитета, ворвавшись въ него толпа наводняетъ и хоры и залъ, вмѣшивается въ пренія.

«Пусть говоритъ наша мамаша Мирабо,—кричатъ женщины,—мы ее хотимъ послушать».

«Хлѣба! Хлѣба! не нужно длинныхъ рѣчей».

«Кто тамъ говоритъ? велите замолчать этому болтуну. Дѣло не въ этомъ,—надо получить хлѣбъ».

«Таксировать хлѣбъ по 6 су за 4 фунта и мясо по 6 су за фунтъ»—вотъ чего добивается народъ, но онъ не понимаетъ, что для того, чтобы добиться экономическихъ льготъ, такихъ простыхъ на видъ, надо многое разрушить, сломить много авторитетовъ. Такимъ образомъ соціальное движеніе, идя къ своимъ вполнѣ опредѣленнымъ, но не осуществимымъ цѣлямъ, разрушало старый порядокъ, расчищало путь къ политическимъ завоеваніямъ буржуазіи. Этого не сознавали лишь такіе люди, какъ Лафайетъ, пытавшійся бороться съ соціальнымъ движеніемъ, болѣе тонкіе политики лишь направляли его по желательному пути и, благодаря малой сознательности массъ, это удавалось довольно легко. Въ политической области буржуазія, опираясь на народное движеніе, дѣлала реальные успѣхи, въ соціальной ограничивалась лишь обѣщаніями. Въ Версалѣ произо-

шло то же самое: Тамъ народъ одержалъ великую побѣду, но она была использована не для исполненія его соціальныхъ требованій, а для политическихъ успѣховъ буржуазіи.

Побѣда носила самый необычайный характеръ: въ ночь съ 5 на 6 октября въ Версаль прибыло нѣсколько тысячъ національныхъ гвардейцевъ самыхъ революціонныхъ кварталовъ Парижа; при первомъ же столкновеніи королевская гвардія была смята, дворецъ взятъ приступомъ, и королю ничего не оставалось, какъ подъ конвоемъ вооруженнаго народа отправиться въ Парижъ. Всѣ понимали, въ чьихъ рукахъ сила, и Людовикъ XVI прекрасно оцѣнилъ положеніе, сказавъ очень ядовито: «Съ удовольствіемъ и полнымъ довѣріемъ я остаюсь среди моего парижскаго народа».

Слѣдомъ за королемъ перебралось въ Парижъ и національное собраніе.

V.

Буржуазная реакція.

Перемѣщеніе правящихъ силъ въ Парижѣ, подъ непосредственнымъ давленіемъ народа, оказало сильное вліяніе на судьбу народныхъ движеній, они потеряли свой непосредственный соціальный характеръ и крѣпко связались съ политической борьбой партій. Всѣ боровшіяся между собой во время французской революціи группы, за исключеніемъ группы Бабефа, стояли на одной той же соціальной основѣ — частной собственности, если иногда и проскальзываютъ отдѣльныя мысли и слово соціалистическаго оттѣнка, то основа ихъ программъ все-таки остается глубоко буржуазной. Всѣ эти группы стремились руководить народомъ и имъ, организованнымъ и ловкимъ, въ большинствѣ случаевъ удается стать во главѣ народныхъ массъ и передать имъ свои лозунги.

Въ этомъ умѣніи управлять народными движеніями и направлять ихъ по желательному политическому руслу играли большую роль клубы, широко раскинувшіе свои организаціи по всей странѣ, и коммуны, въ которыхъ засѣдала революціонная буржуазія. Даже такіе взрывы народнаго гнѣва, какъ возстаніе 10 августа и 2 сентября 1792 года, удавалось политикамъ использовать для своихъ цѣлей, а не для осуществленія народныхъ стремленій.

Вообще два послѣдующіе года мало дали для развитія революціи, это былъ періодъ, когда буржуазія закрѣпляла свои

первыя завоеванія и прилагала всѣ усилія, чтобы остановить народное движеніе, постоянно угрожавшее собственности.

Эта реакція, нанесшая ударъ соціальному движенію, особенно сильно почувствовалась въ деревнѣ. Тамъ соціальное движеніе исходило изъ критики феодальной собственности и официально должно было закончиться послѣ 4 августа, когда въ принципѣ былъ уничтоженъ феодализмъ. Но отъ принципіальнаго рѣшенія до дѣйствительнаго осуществленія было далеко: дворянство и духовенство продолжали еще пользоваться вліяніемъ и въ національномъ собраніи и въ странѣ, многіе члены третьяго сословія также, прямо или косвенно, пользовались выгодами феодальныхъ повинностей, и вотъ, слѣдомъ за принципіальной отмѣной феодальнаго режима, на деревню взваливается цѣлый рядъ старинныхъ повинностей или рядъ платъ за ихъ выкупъ. Такое странное рѣшеніе національнаго собранія повело къ тому, что крестьянское возстаніе вспыхнуло съ прежней силой, но теперь оно встрѣтило новаго противника — національную гвардію, которая изъ городовъ, какъ мы уже указывали, предприняла цѣлый рядъ экспедицій противъ крестьянъ.

Кромѣ того, рядъ городовъ объявляютъ военное положеніе въ своихъ округахъ и производитъ карательныя экспедиціи.

Въ это время даже казалось, что дворянству и буржуазіи, слившимся въ одно въ борьбѣ за собственность, удастся возстановить феодальныя начала въ деревнѣ, но какъ вначалѣ крестьянское движеніе поддержало городскую революцію, такъ теперь революціонные элементы города, главнымъ образомъ, рабочіе, разбивъ буржуазную реакцію, свергнувъ монархію, разбили и соціальное рабство французской деревни. Оно пало въ связи съ народной побѣдой 10 августа и окончательно было уничтожено конвентомъ послѣ изгнанія жирондистовъ.

Реакціонная волна 1790 и 1791 года, касавшаяся, главнымъ образомъ, соціально-экономическихъ отношеній, захватило и города, именно въ этотъ періодъ былъ проведенъ одинъ изъ самыхъ реакціонныхъ законовъ, законъ Шапелье 14 іюня 1791 года, запрещавшій рабочіе союзы и собранія [1]).

Но ухудшеніе экономическаго положенія массъ, обострившееся подъ вліяніемъ внѣшнихъ войнъ, возстаній въ колоніяхъ и спе-

---

[1]) Все стачечное движеніе и рабочее законодательство мы выпускаемъ, т. к. оно входитъ въ статью «Рабочіе во время французской революціи.»

куляціи на предметы первой необходимости, дало себя уже чувствовать въ началѣ 1792 года. Всѣ припасы поднялись въ цѣнѣ, ассигнаціи, которыми расплачивалось государство, страшно пали. Особенно вздорожали цѣны на колоніальные продукты, напримѣръ, сахаръ вмѣсто обычныхъ 30 су стоилъ 3 ливра.

Началось народное движеніе, были разграблены лавки торговцевъ, которыхъ обвиняли въ спекуляціи. Въ концѣ января 1792 года секція Гобленъ черезъ депутатовъ подало законодательному собранію петицію, въ которой указывалось на необходимость установить максимальныя цѣны; сентъ-антуанскіе рабочіе выступили съ еще болѣе рѣшительными предложеніями и требовали «суровыхъ мѣръ противъ лицемѣрныхъ злодѣевъ, которые съ конституціей въ рукахъ пытаются задушить народъ и стараются замѣнить привилегію рожденія *аристократіей богатства*».

Выступленіе впередъ «аристократіи богатства» чувствовалось всѣми; такъ, мэръ Парижа Петьонъ, въ письмѣ къ Бюзо отъ 6-го февраля 1792 года, говоритъ:

«Буржуазія, этотъ многочисленный и состоятельный классъ, откололась отъ народа, ставитъ себя выше его и относится къ нему съ недовѣріемъ. Ее повсюду преслѣдуетъ одна идея: что теперь революція стала *войной имущихъ съ неимущими*»... и это вѣрно, если въ началѣ революціи можно было говорить о войнѣ бѣдныхъ противъ богатыхъ, то теперь получалось наоборотъ, богатые повели систематическую борьбу противъ народа, лишая его и политическихъ и общегражданскихъ правъ, спекулируя на его бѣдность. Петьонъ призывалъ объединиться и вмѣстѣ бороться противъ аристократіи.

Хотя время усмиреній народа прошло и буржуазія не рѣшилась устроить кровавой бани, какъ 16 іюля 1791 года, но и народъ потерялъ способность къ самостоятельнымъ, рѣшительнымъ выступленіямъ, онъ былъ въ цѣпкихъ рукахъ революціонной буржуазіи, правившей въ клубахъ и секціяхъ, и революціонное настроеніе массъ было использовано исключительно въ политическихъ цѣляхъ.

Роль соціальнаго движенія при сверженіи монархіи.

Первымъ такимъ актомъ была демонстрація 20 іюня 1792 года, на которую муниципалитетъ запретилъ рабочимъ являться вооруженными.

Офиціально это была демонстрація въ защиту декретовъ законодательнаго собранія, въ защиту его авторитета, фактически,

благодаря тому, что въ ней главную роль играли рабочіе, она оказалась первымъ шагомъ къ сверженію короля, чего не желало собраніе, репетиціей къ битвѣ 10 августа.

Лѣто 1792 года вся Франція всколыхнулась: нашествіе иностранцевъ, казалось близкимъ, король и дворъ съ ними въ заговорѣ, законодательное собраніе нерѣшительно и медлитъ.

Въ провинціи съ безпокойствомъ смотрѣли на столицу, напримѣръ, въ концѣ мая марсельскіе якобинцы писали парижскому клубу: «Здѣсь начинаютъ безпокоиться о парижской летаргіи. Возможно ли, что надо подготовить храбрыхъ побѣдителей Бастиліи? Здѣсь идетъ агитація, чтобы послать въ Парижъ армію въ сто тысячъ человѣкъ, чтобы привести въ ужасъ враговъ и добиться достойнаго положенія для добрыхъ гражданъ». Въ то же время въ Тулонѣ шла агитація, чтобы отправить въ Парижъ батальонъ въ 500 національныхъ гвардейцевъ «хорошо вооруженныхъ и добрыхъ патріотовъ, для спасенія Франціи и конституціи».

Весь іюль въ Парижъ прибываютъ батальоны «объединенныхъ» (fédérés) изъ Тулона, Бреста, Марселя и другихъ городовъ. Составъ этихъ батальоновъ очень однообразенъ и характеренъ,—большинство рабочіе, рѣдко «citoyen», почти все стекольщики, каменщики, парикмахеры и т. д., это — безработные, имъ некуда приложить руки, и они взялись за оружіе, готовые итти на борьбу и съ австрійцами и съ врагами народа.

Одновременно съ «объединенными» прибываютъ въ Парижъ и просьбы городовъ и клубовъ о низложеніи короля, вступившаго въ заговоръ съ врагами отечества.

Въ полночь 10-го августа раздался набатъ, затрещали барабаны, и батальоны «объединенныхъ» и сентъ-антуанскихъ рабочихъ двинулись сразу на Тюльери и на ратушу, гнѣздо реакціонной буржуазіи. Соціальный составъ атакующихъ батальоновъ былъ таковъ, что можно было бы ждать и низверженія законодательнаго собранія и всего общественнаго строя, но ими руководили политики: Дантонъ, Камиллъ Демуленъ, Барбару, и возстаніе 10 августа приняло исключительно политическій характеръ — это былъ конецъ монархіи.

Народъ, главнымъ образомъ, рабочій классъ, получилъ лишь одну уступку: всеобщее избирательное право и то не прямое, а двухстепенное. Косвенно побѣда рабочихъ 10 августа принесла огромное улучшеніе въ соціальномъ положеніи деревни,—

въ концѣ августа Національное собраніе приняло рядъ декретовъ о безплатномъ уничтоженіи ряда феодальныхъ правъ.

Все движеніе эпохи конвента носитъ въ сущности политическій характеръ: это борьба съ врагами республики подъ давленіемъ внѣшнихъ событій и борьба за власть между различными группами, часто близкими между собою и по программѣ и по тактикѣ, какъ, напримѣръ, группы Дантона, Гебера и Робеспьера.

Попытка осуществленія соціалистическихъ идеаловъ.

Эта политическая борьба приняла классовый оттѣнокъ только при столкновеніи между Горой и Жирондой и только потому, что для окончательной побѣды Гора рѣшила использовать могучія силы парижскихъ рабочихъ. Это использованіе соціальнаго движенія въ политическихъ цѣляхъ дало очень интересный результатъ: вожди тогдашняго движенія, опиравшіеся на принципъ частной собственности, бывшіе представителями мелкой, радикальной буржуазіи, восприняли нѣкоторыя соціальныя идеи рабочаго класса, — можно сказать, что на моментъ въ воздухѣ запахло соціализмомъ.

Съ соціалистическими идеями, которыя разрабатывались по преимуществу въ кабинетахъ, мы часто встрѣчаемся въ XVIII вѣкѣ и до и во время революціи, но съ попыткой практическаго осуществленія коммунизма мы сталкиваемся лишь въ эпоху конвента.

Его шаги по пути коллективизма были вынуждены тѣмъ соціально-экономическимъ положеніемъ, которое создалось въ странѣ, главнымъ образомъ, въ большихъ городахъ.

Парижская коммуна, захваченная революціонными элементами во время возстанія 10 августа, рано оцѣнила положеніе: ввела общественныя работы, стала продавать муку по пониженной цѣнѣ, наложила прогрессивный налогъ на все населеніе, который въ зависимости отъ дохода колебался отъ 3% до 20%; доходы меньше 900 франковъ въ годъ совсѣмъ были освобождены отъ налога.

Жирондисты, игравшіе почти руководящую роль въ конвентѣ, отнеслись отрицательно къ этимъ мѣрамъ. Такимъ образомъ острая борьба между Жирондой и Горой изъ конвента была вынесена на улицу.

Какъ разъ въ это время, въ концѣ 1792 года, Робеспьеръ въ письмахъ къ своимъ довѣрителямъ писалъ, характеризуя партію Горы: «Это—депутаты, которые защищали дѣло народа до конца, съ наибольшимъ постоянствомъ и вѣрностью».

Но вотъ Жиронда пала подъ ударами революціонныхъ рабочихъ Парижа, якобинцы у власти, а народныя бѣдствія только растутъ: хлѣбъ въ Парижѣ вмѣсто 3 су за фунтъ стоитъ 6 су, въ департаментахъ 7 — 8 и скоро поднимается на 10 — 12 су. Мясо вмѣсто 6 су за фунтъ — 20 су, телятина вмѣсто 5 су — 22 су; фунтъ сахара вмѣсто 1 франка, стоитъ 4½ франка. У дверей булочныхъ, мясныхъ, мелочныхъ лавокъ стоятъ длинные хвосты ожидающихъ очереди, часто припасовъ не хватаетъ, начинается драка, порой народъ громитъ отдѣльныя лавки и склады.

Въ провинціи дѣла обстоятъ не лучше:

«Въ Бордо, — пишетъ комиссаръ конвента, — населеніе проводитъ ночи у дверей булочныхъ, чтобы заплатить очень дорого за плохой хлѣбъ, который часто ему не достается... Сегодня хлѣбъ не пекли и завтра будутъ выдавать по полфунта на человѣка. Хлѣбъ этотъ выпеченъ изъ овса и бобовъ. Въ дни, когда его совсѣмъ не имѣется, раздаютъ бобы, каштаны, рисъ, но при этомъ въ очень незначительномъ количествѣ.

Въ Руанѣ жителямъ ежедневно выдаютъ только четверть фунта хлѣба. Въ Греноблѣ булочники больше не пекутъ хлѣбъ, жители деревни не доставляютъ больше рожь, торговля почти прекратилась.

Колло д'Эрбуа доносилъ конвенту изъ Ліона:

«Въ настоящее время населеніе Ліона равняется, по крайней мѣрѣ, 130.000 человѣкъ, а припасовъ не хватитъ и на три дня... наше положеніе отчаянное». Черезъ нѣсколько дней: «голодъ разразился».

Подъ вліяніемъ голода и общаго недовольства въ провинціи уже вспыхнулъ рядъ мятежей, направленныхъ противъ конвента и особенно противъ якобинцевъ, стоило возстать Парижу и эта партія, наконецъ достигшая власти, была бы раздавлена.

Но исходъ изъ этого положенія былъ указанъ въ самой деклараціи правъ человѣка, принятой якобинцами:

«Общество обязано заботиться о пропитаніи всѣхъ своихъ членовъ. Необходимая помощь бѣдности является долгомъ богатаго по отношенію къ бѣдняку. Право собственности ограничено и примѣняется только къ части имуществъ, гарантированной закономъ. Всякое обладаніе, всякая сдѣлка, наносящая вредъ существованію подобныхъ намъ, по необходимости не дозволена и безнравственна».

Слова Робеспьера прекрасно дополняютъ это положеніе: «Все, что необходимо для сохраненія жизни,—общая собственность всего общества. Только излишекъ является индивидуальной собственностью».

Съ другой стороны, рабочіе практически приходили къ тѣмъ же выводамъ, и конвентъ массами получалъ петиціи, въ которыхъ требовали запрещенія спекуляціи и установленія максимума цѣнъ на предметы первой необходимости.

Конвентъ, буржуазный по своему составу даже послѣ изгнанія жирондистовъ, долженъ былъ пойти по этому пути подъ давленіемъ народныхъ массъ: въ іюнѣ 1793 года была закрыта парижская биржа, въ сентябрѣ закрыты всѣ банкирскія конторы и мѣняльныя лавки, а банкиры, мѣнялы и маклеры арестованы, кто въ тюрьмѣ, кто на дому. Въ апрѣлѣ 1792 года уничтожены всѣ финансовыя компаніи и запрещено всѣмъ банкирамъ, негоціантамъ и другимъ лицамъ образовывать какія бы то ни было учрежденія подобнаго рода, подъ какимъ бы то ни было названіемъ.

Но эти мѣры противъ спекуляціи не приносили благосостоянія рабочимъ массамъ, а надежды парижскихъ рабочихъ и нѣкоторыхъ вождей были широки. Напримѣръ, Рабо Сентъ-Этьенъ еще въ январѣ 1793 года писалъ:

«Когда возстановится политическое равенство, бѣдные скоро начнутъ чувствовать, что оно ослабляется неравенствомъ имуществъ; а такъ какъ равенство означаетъ независимость, то они приходятъ въ негодованіе и ожесточаются противъ людей, отъ которыхъ они зависятъ въ силу своихъ потребностей; они требуютъ имущественнаго равенства; но очень рѣдко случается, чтобы богатые добровольно удовлетворили этому желанію. Тогда приходится добиваться его или силой или путемъ закона»... «Законодатель можетъ установить точные законы относительно максимума богатства, которымъ въ правѣ обладать одинъ человѣкъ».

Маратъ, Геберъ и другіе вожди революціи выступаютъ съ такими же заявленіями. Болѣе крайніе изъ нихъ, напримѣръ, Жакъ Ру подготовляли возстаніе, чтобы осуществить «дѣйствительное равенство» («égalité de fait»). Этотъ популярный агитаторъ избралъ своей спеціальностью проповѣдь въ предмѣстьяхъ противъ богатства:

«Это богачи, — говорилъ Жакъ Ру, — уже четыре года пользуются успѣхами революціи. Насъ давитъ торговая аристократія,

болѣе жестокая, чѣмъ дворянская, и мы не видимъ этому конца, ибо цѣны на товары возрастаютъ постоянно. Теперь время смертной битвы, которую даетъ эгоизмъ рабочему классу... Развѣ собственность мошенниковъ болѣе священна, чѣмъ жизнь человѣка? Средства къ существованію должны быть въ распоряженіи правительства, такъ же, какъ и военныя силы».

Агитація Ру и его друзей, какъ Ворлэ, находили живой откликъ среди рабочихъ. Робеспьеръ жаловался, что это можетъ вызвать «гибельные для республики безпорядки». Дѣйствительно Ру и его друзья подготовляли возстаніе, но въ январѣ 1794 года были арестованы, а въ февралѣ судимы революціоннымъ трибуналомъ; зная свою судьбу, Ру покончилъ самоубійствомъ, но его работа не прошла даромъ, — она открывала путь къ заговору Бобефа.

Въ провинціи раздавались тѣ же рѣчи. Напримѣръ, комиссаръ конвента Буше въ ноябрѣ 1793 года говорилъ въ засѣданіи Генеральнаго совѣта куммуны Мо:

«Вашъ наиболѣе важный долгъ заботиться объ исполненіи революціонныхъ законовъ, а особенно, о законѣ максимума. Не слѣдуетъ ни на минуту терять изъ виду богатыхъ, которые, давясь золотомъ, *еще осмѣливаются объявлять право собственности*, какъ будто это право въ свободномъ состояніи и никогда не вырождалось въ исключительную и варварскую привилегію, заставляющую голодать братьевъ, какъ будто въ республикѣ продукты земли не есть общая собственность гражданъ, за исключеніемъ справедливаго вознагражденія».

Законъ о максимумѣ.

Логическимъ выводомъ изъ этого стремленія ограничить право собственности былъ законъ о максимумѣ цѣнъ. Въ апрѣлѣ 1793 года мэръ г. Парижа, муниципальныя и департаментскія власти выработали на засѣданіи въ якобинскомъ клубѣ петицію объ установленіи максимальныхъ цѣнъ на хлѣбъ и 18 апрѣля подали ее конвенту, при этомъ заявили: «Пусть намъ не возражаютъ ссылкой на право собственности. Право собственности не можетъ быть правомъ доводить до голода своихъ согражданъ. Плоды земли, такъ же какъ и воздухъ, принадлежатъ всѣмъ людямъ».

Конвентъ послѣ долгихъ и горячихъ преній—главными противниками были жирондисты — принялъ 4 мая декретъ, которымъ устанавливались максимальныя цѣны на хлѣбъ, но конвентъ пошелъ на это лишь послѣ того, когда парижская коммуна

объявила себя на революціонномъ положеніи и стала открыто угрожать возстаніемъ.

Смыслъ декрета былъ въ томъ, что потребитель долженъ былъ покупать прямо у производителя, безъ посредства торговцевъ. Всѣ, кто желалъ продавать хлѣбъ или муку, должны были заявить, сколько у нихъ хлѣба и какого сорта и продавать его только на общественныхъ рынкахъ по установленной цѣнѣ, потребители должны были запасаться хлѣбомъ не больше, чѣмъ на мѣсяцъ, имѣя на то удостовѣреніе муниципалитета. Первый шагъ по пути коллективизма, вызванный желаніемъ ослабить соціальное движеніе, повелъ за собой цѣлый рядъ новыхъ шаговъ. Уже въ сентябрѣ пришлось издать декретъ объ установленіи максимальныхъ цѣнъ на цѣлый рядъ продуктовъ: мясо, сало, масло, рыбу, уксусъ, пиво и т. д.

Въ ноябрѣ 1793 года Барерь сдѣлалъ конвенту докладъ, что таксы убиваютъ мелкую торговлю и мелкаго производителя въ пользу крупныхъ, и конвентъ сталъ готовиться къ таксаціи всей жизни—предполагалось установить стоимость продуктовъ на мѣстѣ производства и продавать ихъ съ надбавкой 5% въ пользу крупныхъ продавцовъ и производителей и 5% въ пользу мелкихъ, но этого широко задуманнаго предпріятія конвенту осуществить не удалось.

Для осуществленія закона максимума пришлось принять еще цѣлый рядъ мѣръ: переписи запасовъ, реквизиція излишка и, наконецъ, общественная организація торговли устройство общественныхъ складовъ и магазиновъ.

Часто къ коммунистическимъ мѣрамъ относятъ и выплату въ парижскихъ секціяхъ 2 франковъ лицамъ, приходившимъ на собраніе секцій, но эта мѣра, имѣвшая цѣлью привязать рабочихъ, скорѣе парижскую чернь, къ правившей партіи монтаньяровъ, вела лишь къ разложенію соціальнаго движенія.

Всѣ соціальныя улучшенія этой эпохи проводились исключительно подъ давленіемъ народнаго недовольства: крестьянство, въ іюнѣ 1793 года получило полное и безъ всякаго выкупа уничтоженіе всѣхъ феодальныхъ повинностей, городскіе рабочіе — удешевленіе припасовъ, благодаря установленію максимума цѣнъ на нихъ. Но это были лишь уступки соціальному движенію въ деревнѣ и въ городѣ, которое непрерывно направляли по политическому руслу. Самъ же конвентъ строго на-

блюдалъ за цѣлостью основныхъ принциповъ буржуазнаго порядка:

«Національный конвентъ, — декретировалъ онъ, — назначаетъ смертную казнь всякому, кто предложитъ аграрный или какой-либо другой законъ, подрывающій земельную, торговую или промышленную собственность». Параллельно съ максимумомъ цѣнъ на припасы устанавливался и максимумъ заработной платы; стачки жестоко подавлялись, а противъ рабочихъ собраній и союзовъ былъ изданъ спеціальный законъ [1]).

Какъ разъ къ этому времени относится и исчезновеніе изъ французской революціи соціальнаго потока, такого сильнаго въ ея началѣ: въ деревнѣ онъ изсякъ самъ собою послѣ окончательнаго паденія феодализма лѣтомъ 1793 года; городскія массы, видя, что политическіе перевороты, которые онѣ совершали подъ руководствомъ то тѣхъ, то другихъ группъ, не приносятъ улучшенія ихъ положенія, впали въ апатію. Это и послужило почвой для буржуазной реакціи, которая сначала имѣла лишь одну цѣль, тоже соціальнаго характера—возстановить власть имущихъ классовъ.

Соціальный характеръ реакціи прекрасно сказался въ преніяхъ по поводу новой конституціи, выработанной конвентомъ въ 1795 году. Ея самая характерная черта — замѣна всеобщаго избирательнаго права системой имущественнаго ценза.

«Нами допущены управлять наилучшіе,—говорилъ въ докладѣ Буяссенъ д'Англя,—наилучшіе же—это наиболѣе образованные и наиболѣе заинтересованные въ поддержаніи законовъ. Но, за немногими исключеніями, это тѣ, которые, обладая собственностью, привязаны къ странѣ... Страна, управляемая собственниками, живетъ въ условіяхъ соціальнаго строя, страна, гдѣ управляютъ не собственники, живетъ въ первобытныхъ условіяхъ».

А Gazette française, оцѣнивая положеніе, писала: «Во всѣхъ цивилизованныхъ обществахъ одни собственники составляютъ общество. Всѣ остальные только пролетаріи, состоящіе въ категоріи сверхштатныхъ гражданъ и ждущіе момента, который позволилъ бы имъ пріобрѣсти собственность. Эти принципы, составляющіе основу всѣхъ существующихъ въ настоящее время на землѣ политическихъ обществъ, находились въ совершенномъ забвеніи у насъ въ послѣднія пять лѣтъ. Во все это время не переставали

---

[1]) См. статью Е. В. Тарле.

преслѣдовать собственниковъ, и были употреблены всѣ усилія, чтобы поставить на ихъ мѣсто санкюлотовъ».

Какъ реакція, такъ и первыя возстанія противъ нея — послѣдніе порывы Великой революціи, носили соціальный характеръ: и 12 жерминаля III года (1 апрѣля 1795 г.) и 1 преріаля (20 мая) того же года боевымъ кличемъ возставшихъ рабочихъ было: «Хлѣба и конституціи 1793 года». Послѣднимъ отблескомъ соціальнаго движенія эпохи революціи было дѣло Бабефа, но оно какъ разъ показало, что больше нѣтъ матеріала ни для практическаго осуществленія ни для пропаганды соціальныхъ идей,—не было массъ, которыя пошли бы биться за осуществленіе великой національной общины (grande communaité national), намѣченной Бабефомъ.

Идеи Бабефа были смѣлымъ, но логическимъ развитіемъ практики революціоннаго правительства 1793 — 4 годовъ: общность имуществъ должна была осуществиться переходомъ къ обществу имуществъ всѣхъ осужденныхъ и эмигрантовъ и отмѣной права наслѣдованія, торговля переходила въ вѣдѣніе правительства, всѣ продукты и товары помѣщались въ правительственныхъ складахъ, всѣ граждане должны были работать, деньги уничтожались. Къ этой простой практической системѣ, которая хотѣла расширить и усовершенствовать неудачный опытъ конвента, были прибавлены идеи объ общенаціональномъ воспитаніи, культѣ Высшаго Существа и т. д. Исходнымъ пунктомъ Бабефа была конституція 1793 года, т.-е. всеобщее избирательное право и поддержка бѣдныхъ за счетъ богатыхъ.

«Мы стремимся къ самому высокому къ самому справедливому, — гласилъ «Манифестъ Равныхъ», принадлежавшій перу Сильвенъ Марешаля, — къ общему благу или къ общности благъ. Не будетъ болѣе личной собственности на землю! Земля не будетъ принадлежать никому. Мы требуемъ всеобщаго права пользованія плодами земли: они принадлежатъ всѣмъ».

Въ изложеніи своего ученія (Analyse de la doctrine) Бабефъ такъ опредѣлялъ свои задачи: «Природа предоставила каждому пользоваться всѣми благами... Никто не могъ, не совершивъ преступленія, обратить въ свою исключительную собственность блага земли и промышленности... Въ основанномъ на справедливыхъ началахъ обществѣ не должно быть ни богатыхъ ни бѣдныхъ... Революція еще не кончилась, потому что богачи все еще поглощаютъ всѣ блага и сосредоточиваютъ въ своихъ ру-

кахъ всю власть, между тѣмъ какъ бѣдные работаютъ какъ настоящіе рабы, томятся въ нищитѣ и не принимаютъ никакого участія въ управленіи государствомъ».

Эти строки не были теоретическимъ измышленіемъ, мы найдемъ тѣ же жалобы и въ рѣчахъ агитаторовъ и въ народныхъ пѣсенкахъ:

«Народъ, лишенный всѣхъ правъ, умирающій отъ голода и холода — въ отчаяніи, въ то время какъ наглый богачъ, когда-то пощаженный твоей добротой, — развлекается».

Но даже это ужасное положеніе не могло поднять придавленныя массы: клубъ, организованный Бабефомъ, былъ закрытъ директоріей, агитація въ войскахъ оказалась безрезультатной, и когда-то испытанный девизъ: «Конституція 1793 года! Равенство! Общее благо!», принятый бобувистами въ возстаніи 9 сентября 1796 года, не увлекъ рабочихъ массъ, оцѣпенѣвшихъ послѣ ряда неудачъ. Послѣ неудачи заговора «Равнымъ» стало ясно, что соціально-революціонный потокъ исчезъ и реакціи уже ничто не помѣшаетъ.

В. Филатовъ.

Политическія партіи и клубъ.

I.

Съ самаго начала XVIII вѣка оппозиціонное настроеніе во Франціи инстинктивно стремится къ организаціи общественнаго протеста. Если при этомъ высшіе слои общества замыкаются въ границы мелочного фрондерства и тайнаго издѣвательства, изливая горечь и злобу въ язвительныхъ памфлетахъ и письмахъ, то внизу не могутъ скрыть своихъ чувствъ и сужденій. Сдавленные, стѣсненные въ повседневной жизни всемогущимъ абсолютизмомъ люди идутъ въ театръ и съ жадностью ловятъ отдаленные намеки въ репликахъ актеровъ на жгучіе вопросы дня. Поклонники старины и новизны, — консерваторы и либералы того времени размежевываютъ между собой ложи и партеръ. Въ то время какъ ложи, переполненныя богатой публикой, которая приходитъ въ театръ ради себя и знакомыхъ, ради своихъ туалетовъ, молчатъ или негодуютъ, партеръ смѣется или аплодируетъ. Партеръ, въ которомъ легко достать мѣсто за 15 су, всегда собираетъ болѣе половины всей публики. Здѣсь сидитъ и скромный ремесленникъ, и мелкій торговецъ, и рабочій, — люди, которые идутъ сюда ради самой пьесы. «Въ XVIII в.,—говоритъ Вольтеръ,—театръ единственное мѣсто, гдѣ собирается нація».

Политическая роль театра.

Отзывчивая на злобу дня публика перерождаетъ самихъ авторовъ, которые скоро догадываются, что въ театрѣ съ особеннымъ

Источники: *Оларъ*. Политическая исторія французской революціи. *P. Kropotkine*. La Grande Révolution. Jaurès. Histoire socialiste, tt. I, II, III, IV. *Aulard*. La société des Jacobins, tt. I—VI. *Zinkeisen*. Der Jacobiner-klub, t. I, II. *Aulard*. L'éloquence révolutionnaire pendant la révolution française, t. I, II, III. *Fribourg*, Discours de Danton. *Vellay*, Discours de Robespierre. Статьи *Mathiez*, *Baulig* въ la Revolution Française, t. 40, 41, 48. *Nys* въ Revue de droit international, t. 9, 10. *Caron*, *Galabert* въ Revue d'histoire moderne et contemporaine, t. 10, 16.

жаромъ апплодируютъ сатирѣ на злоупотребленія стараго порядка. И вотъ все, что волнуетъ общество, попадаетъ на сцену. Отставляется ли популярный министръ, — партеръ подчеркиваетъ аплодисментами мѣткія реплики актера, обращенныя какъ бы къ настоящему королю со стороны несправедливо обиженнаго царедворца. Еще задолго до побѣды третьяго сословія надъ привилегированными «Женитьба Фигаро» изображаетъ удачную борьбу народа съ аристократіей, побѣду слуги надъ господиномъ. Знатный баринъ безпощадно отхлестанъ ядовитыми сарказами своего лакея, который увѣряетъ, что на долю его сіятельства выпалъ одинъ трудъ — родиться. Слабый торжествуетъ надъ сильнымъ, бѣдный — надъ богатымъ, придворный выставляется въ самомъ унизительномъ видѣ рядомъ съ буржуа.

За комедіей и драмой начинается очередь оперы. Бомарше пишетъ «Тарара», музыку къ которому сочиняетъ знаменитый Сальери. Опера вся переполнена политическими намеками, сатирическими блестками; въ ней есть и философская тенденція и научныя теорійки. Она имѣетъ блестящій успѣхъ и вызываетъ рядъ манифестацій въ театрѣ. Такъ театръ незамѣтно превращается въ клубъ, сцена дѣлается школой гражданскихъ чувствъ и трибуной политическаго краснорѣчія.

Франкъ-масоны.

Къ срединѣ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ Англіи, оппозиціонные элементы французскаго общества дѣйствительно образуютъ тайныя организаціи для борьбы съ соціальными и политическими предразсудками: во Францію проникаютъ франкъ-масонскія ложи. Уже въ 1732 г. 3 апрѣля въ Парижѣ основывается ложа. Въ 1737 г. мы видимъ уже 5 ложъ; въ 1741 г.—22. Пропаганда растетъ и въ провинціи. «Къ этому времени,—говоритъ Мирабо о срединѣ XVIII в.,—всѣ желали сдѣлаться франкъ-масонами!..» Мало-по-малу отдѣльныя, разбросанныя ложи объединяются, во главѣ ихъ становятся «Великій Востокъ Франціи» и «Главный Великій Капитулъ Франціи». Въ 1787 г. имъ подчинялось 636 ложъ, изъ нихъ 67 въ Парижѣ и 71 — въ арміи. Вольтеръ и Монтескье, многіе изъ революціонныхъ дѣятелей, какъ, напримѣръ, маркизъ Лафайетъ, Кондорсе, Бриссо, Камиллъ Демуленъ, Сіейсъ, были масонами. Незамѣтно, мирно подкапывало масонство основы сословнаго строя: члены ложъ—богатые и бѣдные, знатные и худородные—должны были признавать себя равными и назывались братьями. Такимъ образомъ масонство было косвеннымъ обличеніемъ недостатковъ соціальнаго строя, пропа-

гандой братскаго единенія. Луи Бланъ увѣренъ, что большинство революціонеровъ было братьями — франкъ-масонами.

Пріемъ Людовика XVI въ Парижской ратушѣ 17 іюля 1789 г., когда рядъ присутствовавшихъ гражданъ скрестили надъ головой короля свои шпаги, въ то время какъ онъ поднимался по лѣстницѣ, напоминаетъ извѣстный франкъ-масонскій обрядъ (такъ наз. «Стальной сводъ»).

Масонскія ложи проложили дорогу другимъ организаціямъ, которыя образовались уже въ революціонное время.

Если отдѣльныя частицы общественной оппозиціи лишь постепенно соединялись въ теченіе XVIII вѣка, то послѣ паденія Калонна разложеніе стараго порядка пошло быстро. Общества и клубы растутъ съ поразительной быстротой, тѣмъ болѣе, что само правительство, обѣщая созвать Генеральные Штаты, пригласило 5 іюля 1788 г. ученыхъ и интеллигентныхъ людей высказать свои соображенія.

Первые клубы. Англія была духовной матерью французскаго масонства, она же вмѣстѣ съ Соединенными Штатами способствовала зарожденію клубовъ.

Сперва это были только литературные или, какъ обыкновенно говорилось, «философскіе клубы». Таковъ, напримѣръ, шахматный клубъ графа Прованскаго. Но политическіе интересы скоро придали этимъ клубамъ иное направленіе. Въ 1785 году, напр., герцогъ Орлеанскій образовалъ въ Пале-Роялѣ Бостонскій или Американскій клубъ (Le Club de Boston ou des Americains), который, впрочемъ, не сыгралъ крупной роли. Полицейскія запрещенія и полицейская цензура сильно задерживали развитіе клубной жизни. Министръ Бретейль даже закрылъ клубы, ссылаясь на то, что «въ нихъ французы дѣлаются англичанами и сообщаютъ другъ другу необузданность республиканскихъ принциповъ». Но 20 ноября 1788 г. клубы открылись вновь. Они занялись дѣятельной пропагандой новыхъ политическихъ и соціальныхъ идеаловъ. Такъ, «Общество друзей чернокожихъ» (La société des amis des noirs) предполагало уничтожить въ колоніяхъ рабство. Членами его состояли, крупные дѣятели въ области научной и философской мысли — Кондорсе, Лавуазье, многіе представители дворянства и крупной буржуазіи.

Въ противовѣсъ этому обществу работалъ клубъ колонистовъ въ Пале-Роялѣ, составленный крупными плантаторами Вестъ-Индскихъ острововъ.

Подъ предлогомъ занятій физикой и магнетизмомъ основался видными масонами — Бриссо, Кдавіеръ, Лафайетъ, Мирабо, Петіонъ — кружокъ у банкира Корнманна, насчитавшій въ своихъ рядахъ ученыхъ, публицистовъ, членовъ парламента: здѣсь Бриссо предрекалъ въ туманныхъ выраженіяхъ новую республику, рьяный парламентарій д'Эпремениль острилъ по поводу необходимости «разбурбонитъ» (debourbonailler) Францію, Бергассъ защищалъ двухпалатную систему. Подъ аркадами Пале-Рояля у Масе собирались менѣе видные, но болѣе горячіе люди.

Въ Пале-Роялѣ же (Новая стройка) собирались въ клубѣ, или салонѣ искусствъ, артисты, литераторы, ученые. Здѣсь можно было узнать «журнальныя новости», и часто шелъ разговоръ о выборахъ и генеральныхъ штатахъ. По словамъ Бальи, здѣсь ходили по рукамъ списки будущихъ депутатовъ съ весны 1789 г. Собирались также у аббата Морелле, гдѣ тоже велись политическіе разговоры.

Во всѣхъ этихъ клубахъ и обществахъ, ложахъ и кружкахъ можно было найти газеты и журналы, послушать доклады и лекціи. Кромѣ нихъ, существовало множество кафэ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ, напр., кафэ de Foy въ Пале-Роялѣ, сдѣлались настоящими политическими центрами, гдѣ передавались интересныя новости, слагались политическіе слухи.

Провинціи не отставали отъ Парижа. Иные города, какъ Тулуза, сами стали крупными центрами масонскаго движенія; въ другихъ были кабинеты для чтенія, литературные клубы, гдѣ читались журналы, памфлеты. Теперь они быстро принимаютъ политическую окраску.

Академіи.

Немало способствовали политическому оживленію и провинціальныя академіи, особенно въ Метцѣ, Дижонѣ и Аррасѣ. Послѣдняя въ 1788—89 гг. считала въ числѣ своихъ членовъ Максимильяна Робеспьера, военныхъ инженеровъ Мареско и Карно. Вопросы экономическіе и юридическіе служили по преимуществу предметомъ дебатовъ и конкурсовъ на премію въ этихъ академіяхъ.

Филантропическія общества.

Послѣ 1786 г. основываются филантропическія общества, охватившія обширный кругъ администраторовъ, докторовъ, помѣщиковъ, офицеровъ членовъ парламента.

Политическая агитація.

Цѣлый потокъ брошюръ и памфлетовъ политическаго характера направляется въ публику изъ этихъ центровъ общественной мысли. «Теперь все печатаютъ, и лучшія работы едва-едва

выдѣляются среди другихъ», пишетъ Бабефу Дюбуа-де-Фоссе 25 іюня 1787 г.

«Всѣ типографіи завалены заказами, потому что всѣ хотятъ воспользоваться свободой печати», пишетъ Бабефъ своей женѣ въ 1789 г. Каждую недѣлю сыпались дождемъ брошюры, толковавшія о будущихъ Генеральныхъ Штатахъ, ихъ полномочіяхъ, о роли третьяго сословія и проч. Тутъ были и «Памятка французскаго народа» Черутти и «Что такое третье сословіе» Сіейса; многое множество образцовъ, наказовъ, журнальчики, часто насчитывавшіе не болѣе двухъ недѣль своего существованія, разбирались съ жадностью читателями. Эта живая и небывалая агитація вызывала къ жизни спеціальные кружки и союзы, помимо существовавшихъ уже клубовъ.

Патріоты объединялись въ каждомъ городѣ, въ каждой провинціи; высылались эмиссары, чтобы произвести нравственное давленіе на избирателей. Третье сословіе Парижа, солидно организованное въ своихъ клубахъ, высылало своихъ агитаторовъ въ Бретань, гдѣ уже съ зимы 1788 года Вольней велъ избирательную кампанію противъ привилегированныхъ сословій. Денежныя средства даны были парижскими финансовыми тузами.

Особенной энергіей въ этой избирательной борьбѣ отличались два кружка въ Парижѣ: такъ называемый комитетъ Тарже и комитетъ Дюпора. Въ первомъ работали Лафайетъ и братья Ламеты, вторымъ руководилъ умный и рѣшительный членъ Парижскаго парламента Дюпоръ. Онъ искусно умѣлъ объединить около себя всѣхъ выдающихся людей столицы и даже провинціи, извѣстныхъ своимъ патріотическимъ образомъ мыслей. Вскорѣ кружокъ его соединился съ кружкомъ Тарже и получилъ названіе «Общества Тридцати» (La société de Trente). Здѣсь собирались и духовныя лица и члены парламента и дворяне: Фрето, Лепелете де-Сенъ-Фаржо, Сіейсъ, Талейранъ, герцоги де-Ларошфуко, де-Люинь, д'Эгильонъ, маркизы Кондорсе и Лафайетъ, графъ Мирабо и др. Внутри общества шли горячіе дебаты, особенно между Лафайетомъ и Мирабо, но, несмотря на всѣ разногласія, комитетъ развивалъ энергичную агитаціонную дѣятельность, направляя въ провинціи массу брошюръ и памфлетовъ.

Не столь извѣстенъ былъ, но не менѣе дѣятеленъ либеральный кружокъ маркиза де-Крильонъ, къ которому, кромѣ братьевъ Крильоновъ, принадлежали герцогъ Ліанкуръ, князь Сальмъ-Сальмъ, Керсенъ и Дюмурье.

Послѣ открытія Генеральныхъ Штатовъ сходство политическихъ и соціальныхъ интересовъ заставляетъ депутатовъ сближаться между собою. Клубы попрежнему являются популярной формой политическихъ организацій. Либеральное меньшинство дворянъ образуетъ клубъ въ Вирофле съ примирительной цѣлью удержать равновѣсіе между правой и лѣвой Штатовъ. Герцогъ Филиппъ Орлеанскій, преслѣдующій свою цѣль — достиженіе престола, собираетъ своихъ политическихъ друзей въ клубѣ Монружъ и въ клубѣ Валуа. Придворная знать и консервативное дворянство, прежде чѣмъ эмигрировать за границу, собираются въ клубѣ, руководимомъ братьями короля, графами Прованскимъ и Артуа.

Клубъ якобинцевъ.

Но самое видное положеніе занимаетъ тотъ клубъ, который образовали въ Версали бретонскіе депутаты отъ третьяго сословія и духовенства. Они обыкновенно собирались вмѣстѣ въ кафэ Амори на Rue de Pompe, № 44. Повидимому, иниціаторомъ этихъ встрѣчъ былъ Лешапелье. Вскорѣ бретонцы привлекли къ своимъ бесѣдамъ и другихъ своихъ товарищей «патріотовъ»: тутъ были герцогъ Эгильонъ, Мирабо, Сіейсъ, Барнавъ, Петіонъ, Вольней, Грегуаръ, Ламеты, Робеспьеръ и другіе. Собраніе получило названіе «Бретонскаго» клуба. Протоколовъ засѣданій не сохранилось, но, по свидѣтельству современниковъ, клубъ оказывалъ сильное вліяніе на дебаты въ Національномъ Собраніи. По словамъ Мунье, вопросъ о наименованіи третьяго сословія Національнымъ Собраніемъ былъ предрѣшенъ въ Бретонскомъ клубѣ. Грегуаръ разсказываетъ, какъ члены клуба уговорились заранѣе создать извѣстнымъ образомъ настроеніе среди депутатовъ предъ королевскимъ засѣданіемъ 22 іюня и, несмотря на свою малочисленность, успѣли провести свой планъ. Въ томъ же Бретонскомъ клубѣ были подготовлены и событія знаменитой ночи 4 августа.

Когда Національное Собраніе переселилось въ Парижъ, то и Бретонскій клубъ прекратилъ свое существованіе. Тотчасъ послѣ этого «патріоты» утеряли свое вліяніе на выборы бюро въ Учредительномъ Собраніи. Тогда прежніе члены Бретонскаго клуба наняли залу въ монастырѣ якобинцевъ, недалеко отъ манежа, въ которомъ засѣдало Учредительное Собраніе. Этотъ клубъ и получилъ названіе «Общества друзей конституціи, засѣдающаго у якобинцевъ въ Парижѣ». Роялисты въ насмѣшку прозвали «друзей конституціи» якобинцами, быть-можетъ, язви-

тельно намекая на частое присутствіе нѣкоторыхъ монаховъ при дебатахъ новаго клуба. Основаніе клуба можно, такимъ образомъ, относить къ декабрю 1789 г.—январю 1790 г. Клубъ «патріотовъ» скоро сталъ мишенью для злостныхъ насмѣшекъ и ядовитыхъ инсинуацій роялистической печати. Якобинцевъ называли бандой цареубійцъ, увѣряли, что они поклялись на кинжалѣ Жана Клемана, убійцы Генриха III, уничтожить монархическую власть. Чтобы разсѣять злыя сплетни, клубъ рѣшилъ допустить въ свою среду, кромѣ депутатовъ, и постороннихъ лицъ. Правда, засѣданія стали открыты для публики лишь съ 12 октября 1791 г., но дѣятельность клуба была у всѣхъ на виду, и его авторитетъ въ Парижѣ сталъ быстро возрастать. Лучшая часть парижской буржуазіи: негоціанты, адвокаты, доктора, профессора, ученые (Ласепедъ), художники (Давидъ, Верне), литераторы (Мари-Жозефъ-Шенье, Шодерло-де-Лакло, Клооцъ, Фабръ д'Эглантинъ, Латарпъ, Сильвенъ Марешаль, Мерсье и др.), примкнули къ обществу друзей конституціи. Нижніе слои парижскаго населенія, пока существовала монархія, не входили въ якобинскій клубъ. Монархическія тенденціи клуба какъ нельзя больше подтверждаются именами предсѣдателей — герцогъ Эгильонъ (февраль 1790 г.), виконтъ де-Ноайль (іюль 1790 г.), князь Брольи (январь 1791 г.). Политическая программа якобинцевъ въ то время отличается большой умѣренностью. Главныя ея положенія таковы. Вся власть принадлежитъ націи и можетъ исходить только отъ нея; Франція — монархія; въ ней нѣтъ авторитета выше закона; король правитъ лишь по закону и въ силу закона требуетъ себѣ повиновенія. Законъ издается собраніемъ національныхъ представителей и санкціонируется монархомъ.

Его политическая программа.

Особа короля священна и неприкосновенна.

Налоги взимаются лишь въ силу закона, издаваемаго Національнымъ Собраніемъ.

Исполнительная власть сосредоточивается всецѣло въ рукахъ короля.

Министры и другіе чиновники отвѣтственны.

Ни король ни Законодательное Собраніе не можетъ обладать судебной властью.

Такова программа, которой якобинцы остаются вѣрными вплоть до самаго бѣгства короля.

Естественно, что клубъ становится великимъ ратнымъ станомъ буржуазіи, добывающей себѣ политическое господство. Онъ

и политическій учитель, и освѣдомительное бюро, и защитникъ угнетенныхъ и разоблачитель козней контръ-революціонеровъ.

Его дѣятельность.

Здѣсь разбираются вопросы внѣшней политики, читаются доклады о реформѣ судопроизводства, объ отвѣтственности министровъ, дуэли, національныхъ имуществахъ. Въ то же время клубъ—покровитель и руководитель цѣлаго ряда примкнувшихъ къ нему обществъ въ коммунахъ послѣ великой муниципальной революціи. Неоднократно якобинцы обращаются съ циркулярами къ этимъ обществамъ, разъясняютъ ихъ патріотическія недоумѣнія и поддерживаютъ жалобы, увѣщаваютъ и успокаиваютъ. Число объединенныхъ клубомъ обществъ, доходившее до 152 въ 1790 году, достигаетъ къ 1 мая 1791 года 406. Въ мессидорѣ II года, когда клубъ сдѣлался главной опорой «Горы» и Робеспьера, ихъ, вѣроятно, много больше 1.000.

Политическія группы въ Учредительномъ Собраніи.

Если бы мы теперь захотѣли отыскать политическую партію въ составѣ Учредительнаго Собранія въ современномъ смыслѣ этого слова, то испытали бы горькое разочарованіе. Можно сказать, что среди депутатовъ преобладаетъ конституціонно-монархическое направленіе, примиряющее народный суверенитетъ съ исторической традиціей монархической власти. Среди нихъ есть умѣренные, которые быстро пугаются при одной мысли пошатнуть тронъ, есть конституціоналисты-радикалы, которые, желая надѣлить буржуазію полнотой политическаго господства, урѣзываютъ возможно болѣе королевскую прерогативу, хотя и не отрицаютъ ея вполнѣ. Лѣвѣе всѣхъ стоитъ маленькая кучка демократовъ. То, что называется политической партіей, было лишь въ зачаткѣ. Предварительныя соглашенія были крайне рѣдки, и группировки при каждомъ голосованіи образовывались самостоятельно. Сперва депутаты чувствовали себя связанными наказомъ своихъ избирателей, потомъ боялись лишиться свободы дѣйствій. «Никогда, — говоритъ Барнавъ, — въ нашей революціи не боролись въ меньшей мѣрѣ за того или другого человѣка. Каждый боролся за свои мнѣнія, за свои чувства, за свои личныя убѣжденія, слѣдуя за знаменемъ тѣхъ, кто, казалось, защищалъ ихъ съ наибольшей энергіей. Поэтому, когда главари мѣняли направленіе,—мѣнялась и армія». Съ большимъ трудомъ, въ зависимости отъ указаній современниковъ, можно различить въ Національномъ Собраніи шесть группъ: крайнюю правую, правую, правый и лѣвый центръ, лѣвую и крайнюю лѣвую.

Крайняя правая.

Крайняя правая насчитывала въ своей средѣ немногихъ членовъ Національ-

наго Собранія, но ихъ нетрудно было замѣтить во время преній. Вся ихъ роль сводилась къ шумной обструкціи тому, что проводило революціонное большинство. Насмѣшки, язвительные сарказмы сыплются отсюда градомъ, прерываясь по временамъ шумными манифестаціями всей правой въ честь короля. Неповоротливый, тучный Мирабо-бочка, братъ извѣстнаго трибуна, является главнымъ застрѣльщикомъ въ этой безплодной партизанской войнѣ. Неспособный убѣдить противниковъ длинной, скучной и безцвѣтной рѣчью, онъ думаетъ убить ихъ буффонадой, не прочь и побряцать шпагой; рядомъ съ нимъ бывшій защитникъ правъ парламента д'Эпремениль. Нѣкогда глава оппозиціи, онъ въ 1789 г. дѣлается ожесточеннымъ врагомъ революціи. «Я тоже вѣрилъ въ народъ, — говоритъ онъ друзьямъ, — но глубоко ошибся: король, котораго я проклиналъ,—ангелъ, народъ, къ которому взывалъ,—фурія. Но, успокойтесь, все это кончится возстановленіемъ парламентовъ». Онъ выработалъ подробный планъ контръ-революціи и огласилъ его въ собраніи.

Правая. Болѣе многочисленной является группа, которая сосредоточивается около аббата Мори и Казалеса — правая. Первый, знаменитый проповѣдникъ своего времени, членъ французской академіи, начитанный, считающій себя компетентнымъ по всѣмъ вопросамъ, выступаетъ на трибунѣ во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ дебатахъ. На одной недѣлѣ онъ произноситъ до тринадцати рѣчей. Но его политика исключительно отрицательная. Въ его рѣчахъ трудно отыскать идею, которая бы указывала на опредѣленную, строго обдуманную программу. Онъ витійствуетъ изо дня въ день, нападая на всѣ революціонные проекты, вызывая всегда шумливые аплодисменты правой. Его товарищъ Казалесъ выдвинулся краснорѣчивой и энергичной защитой посословныхъ засѣданій. Цѣль его стремленій — прежніе Генеральные Штаты.

Но и Казалесъ не могъ сплотить за собой своихъ товарищей, внушить имъ опредѣленную политическую программу. «Стремясь лишь къ тому, чтобы распустить Національное Собраніе, чтобы дискредитировать его, они не противились плохимъ декретамъ и даже проявляли въ этомъ отношеніи прямо непонятное равнодушіе. Они выходили изъ залы, когда предсѣдатель ставилъ вопросы на голосованіе и приглашали депутатовъ своей партіи (sic!) слѣдовать за ними, или же, если оставались, совѣтовали не принимать участія въ голосованіи. Къ этому безсмысленному пове-

денію присоединялась у нихъ оскорбительная безпечность какъ по отношенію къ Національному Собранію, такъ и по отношенію къ народу, присутствовавшему на засѣданіяхъ. Они не слушали, смѣялись, громко разговаривали, подтверждая, такимъ образомъ, то нелестное мнѣніе, которое народъ составилъ о нихъ». Такъ рѣзко опредѣляетъ тактику правыхъ аристократъ, маркизъ де-Феррьеръ въ своихъ запискахъ.

Умѣренные или правый центръ.

Если правые были безсильны въ Національномъ Собраніи, то умѣреннымъ депутатамъ, которымъ было бы умѣстно составить группу праваго центра, удавалось иногда, объединяясь, достигать извѣстнаго вліянія. Они уже въ началѣ 1790 года составили такъ называемый «Клубъ безпристрастныхъ». Еще до 14 іюля составился кружокъ, который собирался то у лангрскаго епископа, то у Малуэ, то у Вирье. Впослѣдствіи Малуэ былъ увѣренъ, что его поддерживаютъ 50—60 человѣкъ, но въ сущности едва 20 депутатовъ составляли эту группу. Они были близки къ правымъ, и потому народъ называлъ ихъ «аристократами». Главными основами ихъ политики была англійская конституція въ томъ видѣ, какъ она представлена у Монтескье. Они стояли за двухпалатную систему и безусловное королевское veto. Послѣ взятія Бастиліи они проникаются страхомъ предъ революціей и пытаются объединить всѣхъ аристократовъ по возможности. Такимъ образомъ сложился клубъ «Безпристрастныхъ». Одновременно съ открытіемъ клуба былъ обнародованъ ими манифестъ, обѣщавшій защищать національную свободу и истинные интересы народа, конституцію и законную власть, признававшій короля главой исполнительной власти «согласно торжественному желанію націи и монархическимъ основамъ конституціи». Отчужденіе и раздѣлъ церковныхъ имуществъ ставился манифестомъ въ зависимости отъ наказовъ и подъ надзоръ заинтересованныхъ въ этомъ провинцій. Клубъ мечталъ даже образовать противовѣсъ якобинцамъ и издавалъ свой журналъ, переполненный полемическими нападками. Безпристрастіе клубу такимъ образомъ сохранить не пришлось. Клубъ встрѣтилъ явную враждебность у мѣстныхъ жителей, объединенныхъ въ собранія по дистриктамъ. Принужденные переселиться на другой берегъ Сены, прозванные насмѣшливой кличкой «Малуэтистовъ»—по имени своего предсѣдателя, «Безпристрастные» распались уже во второй половинѣ апрѣля. Къ концу 1790 года стараніями Клермонъ Тоннерра и Малуэ опять сложилось общество «Друзей монархиче-

ской конституціи», или «монархическій клубъ»; клубъ старался пріобрѣсти сочувствіе низшихъ классовъ продажей хлѣба беднякамъ по умѣренной цѣнѣ, и стремясь стать наравнѣ съ якобинскимъ клубомъ, онъ тоже развилъ систему филіацій: въ Мецѣ, Лиможѣ, Перпиньянѣ, Э и др. основываются подъ его покровительствомъ общества друзей порядка и мира. Издается журналъ, излагающій очень туманную программу, напоминающую прежнихъ «Безпристрастныхъ». Вначалѣ клубъ насчитывалъ около 600 членовъ, но якобинскій клубъ вскорѣ открылъ энергичную кампанію противъ соперника, а уличная толпа приняла такое угрожающее положеніе по отношенію къ клубу, что засѣданія пришлось перенести, какъ и прежде, въ другое мѣсто. Скоро число членовъ клуба возрасло до 800, и контръ-революціонная политика его дѣлалась все явственнѣе. Параллельно съ этимъ возрастала ненависть и якобинскаго клуба и дистриктовъ Парижа. Уже 28 февраля 1791 года, во время разрушенія народомъ Венсенской крѣпости, выяснилось, что большинство захваченныхъ въ ней вооруженныхъ дворянъ, принадлежитъ къ монархическому клубу, и тогда рядъ депутатовъ письмами въ «Moniteur» заявили о своемъ неучастіи въ клубѣ. Другіе клубы тоже отреклись отъ монархистовъ, и тогда клубъ былъ закрытъ муниципалитетомъ. Такъ напуганные іюльскими и сентябрьскими днями умѣренные монархисты въ концѣ-концовъ присоединились къ правымъ аристократамъ.

Лѣвый центръ.

Главную силу Національнаго Собранія представляла та группа, которую вмѣстѣ съ лѣвыми называли «патріотами» и «конституціоналистами»; она могла быть названа по терминологіи нынѣшнихъ политическихъ партій лѣвымъ центромъ. На нихъ, главнымъ образомъ, лежало все бремя работы въ комитетахъ и на публичныхъ засѣданіяхъ; они дали изъ своей среды рядъ добросовѣстныхъ и трудолюбивыхъ докладчиковъ. Среди нихъ особенно выдѣлялись Турэ, творецъ муниципальной конституціи, защитникъ суда присяжныхъ и продажи церковныхъ имуществъ, и аббатъ Сіейсъ. Послѣ принятія конституціи, недовольные дѣятельностью якобинцевъ, они основываютъ «клубъ 1789 года». Иниціатива принадлежала извѣстнымъ уже братьямъ Крильонамъ. Въ апрѣлѣ 1790 года герцоги Ларошфуко и Ліанкуръ, Талейранъ и другіе рѣшили отдѣлиться отъ якобинцевъ и стали сходиться для бесѣды въ отелѣ Крильоновъ. Близкое участіе въ клубѣ приняли Лафайетъ, Бальи, Сіейсъ и

Кондорсе. Многіе изъ депутатовъ, впрочемъ, состояли одновременно и членами якобинскаго клуба: таковы, напримѣръ, Ларошфуко, Талейранъ, Лешапелье, Дюпонъ-де-Немуръ, Редереръ и Мирабо. Новый клубъ нашелъ поддержку и въ журналистахъ и литераторахъ: къ нему примкнули Мармонтель, Шамреръ, Клавьеръ, Дюровере и друг. Нашлись сочувствующіе и среди финансистовъ и негоціантовъ. Самъ дворъ сперва возлагалъ надежды на новый клубъ, видя въ немъ умѣрителя революціи. Поэтому члены его получили отъ оппозиціи прозвище «Министерской партіи». Они собственно и выражали среднiй духъ Національнаго Собранія, выдвигая свой роялизмъ противъ лѣвыхъ и либерализмъ противъ правыхъ. Политическая ихъ программа обѣщала вѣрность конституціи, сулила «исправлять общественное мнѣніе тѣмъ оппозиціоннымъ духомъ, который не разрушаетъ, а разсуждаетъ, не сожигаетъ, а просвѣщаетъ» (слова Барера). 13 мая клубъ открылся торжественнымъ банкетомъ въ помѣщеніи богато обставленномъ и снятомъ за дорогую цѣну. Офиціальный тостъ былъ провозглашенъ Сіейсомъ: «За революцію, націю, законъ и короля!» Народныя массы Парижа въ общемъ отнеслись къ новому клубу благосклонно, и только революціонная пресса вступила съ нимъ въ ожесточенную полемику. Но и эти конституціоналисты не выработали опредѣленной платформы и сами шли на поводу у революціи. Не встрѣчая энергичной поддержки со стороны двора и аристократіи, съ одной стороны, ослабляемые все возрастающій популярностью якобинскаго клуба—съ другой, они мало-по-малу распадаются и теряютъ своихъ выдающихся членовъ. Лафайетъ одно время носился съ мыслью примирить оба клуба. Мирабо тоже лелѣялъ планъ нейтрализировать революцію, выбравши министровъ изъ обоихъ клубовъ. Но клубъ, очевидно, являлся неудачной перепечаткой якобинскаго и шелъ къ разложенію. Выдающіеся депутаты перестали показываться въ клубѣ. Сіейсъ, принимавшій особенное участіе въ основаніи клуба, вмѣстѣ съ Кондорсе ушелъ изъ него въ началѣ 1791 года. Печально влачили остатки клуба свое существованіе, покамѣстъ не слились съ клубомъ фельяновъ. Окончательно теряетъ авторитетъ свой клубъ 1789 года послѣ бѣгства короля; членовъ его тогда стали смѣшивать съ аристократіей, да они и сами стали переходить на сторону консервативной оппозиціи.

Лѣвые.

Лѣвая группа — это группа якобинскаго клуба. Въ ней слѣдуетъ отмѣтить тріумвиратъ: Дюпора, Александра Ламета и

Барнава, которые всегда держатся вмѣстѣ и подготовляются предварительно къ преніямъ. За ними слѣдовало обыкновенно отъ 30 до 40 депутатовъ. Вожаки якобинскаго клуба, они вовсе не непримиримые радикалы. Борясь съ Мирабо, они сами стремятся къ тому, чтобы дворъ предложилъ Національному Собранію намѣтить министровъ. Одно время они даже ведутъ переговоры съ герцогомъ Орлеанскимъ. Но бѣгство короля для нихъ является сигналомъ къ отступленію. Лучшимъ идеологомъ среднихъ является Барнавъ. Онъ — убѣжденный конституціоналистъ, сторонникъ положительной политики здраваго смысла. Поэтому въ концѣ работъ Національнаго Собранія онъ, быть-можетъ, лучше другихъ депутатовъ, вѣрившихъ въ окончательную ликвидацію революціи, выразилъ настроеніе торжествующей буржуазіи, добившись отмѣны декрета объ избирательныхъ правахъ темнокожихъ и ратуя за повышеніе избирательнаго ценза.

Крайніе лѣвые. Робеспьеръ.

Крайняя лѣвая Учредительнаго Собранія, небольшая кучка изъ людей принциповъ, стоявшихъ за полное осуществленіе декляраціи правъ, тоже примыкала къ якобинскому клубу. Изъ нихъ особенно выдвигается депутатъ отъ Арраса — Максимиліанъ Робеспьеръ. Рано осиротѣвшій, воспитанный на стипендіи въ коллегіи, онъ слишкомъ хорошо былъ знакомъ съ неприглядными сторонами жизни. Въ коллегіи онъ восхищается идеальнымъ строемъ античныхъ республикъ и получаетъ прозвище—«Римлянина». Встрѣча съ Ж.-Ж. Руссо оказываетъ неизгладимое вліяніе на складъ его убѣжденій. Онъ дѣлается рьянымъ поклонникомъ «Общественнаго Договора» и вѣры савойскаго викарія. Талантливый адвокатъ, онъ отказывается отъ мѣста уголовнаго судьи, чтобы не быть вынужденнымъ осуждать на смертную казнь. Популярный общественный дѣятель, членъ академіи въ Аррасѣ, онъ скоро выдвинулся и былъ выбранъ въ Національное Собраніе. Доктринеръ-академикъ, увѣренный въ своемъ умственномъ превосходствѣ, съ бою завоевываетъ славу крупнаго политическаго оратора. Сперва осмѣянный за свой провинціализмъ онъ добивается въ концѣ того, что его рѣчи слушаютъ со вниманіемъ. Одинъ изъ немногихъ, Робеспьеръ нашелъ, что революція лишь только началась, и выступилъ на борьбу во имя абсолютнаго естественнаго права. Поклонникъ Руссо и Мабли, постоянный защитникъ и адвокатъ народа, онъ въ то же время неподкупно честенъ и необычайно трудолюбивъ. Онъ отзывается на всякій крупный вопросъ въ Національномъ Собраніи. Будетъ ли это

отмѣна смертной казни, свобода печати, право войны и мира, право петицій, политическое равноправіе, избирательное право,— онъ всегда умѣетъ подойти къ сущности вопроса, раскрыть его принципіальную сторону. Вскорѣ онъ пріобрѣтаетъ безспорный авторитетъ въ якобинскомъ клубѣ. По мѣрѣ того, какъ приближаются послѣдніе дни Національнаго Собранія, растетъ его энергія, захватывающая своей убѣдительностью, сила его доводовъ. Такъ созрѣваетъ будущій руководитель конвента.

Король и дворъ.

Рядомъ съ этимъ монархически настроеннымъ въ своемъ большинствѣ собраніемъ стояла другая политическая сила—король Людовикъ XVI со своимъ дворомъ. Добродушный флегматикъ, увѣренный въ своемъ правѣ короля «Божіею милостью», онъ совершенно лишенъ политической иниціативы. Отсюда постоянное давленіе на него придворной камарильи: королевы, братьевъ и придворныхъ. Занятіе государственными дѣлами было для него великой тягостью. Быть-можетъ, единственная страсть его — любовь къ охотѣ да къ слесарному ремеслу. Ярко рисуется личность короля въ отрывкахъ изъ его дневника:

Суббота 11 іюля 1789. «Ничего. Отъѣздъ Неккера».

Вторникъ 14. «*Ничего*». (День взятія Бастиліи!)

Понедѣльникъ 5 октября. «Стрѣлялъ у Шатильонской заставы. Убилъ 81 штуку. Прерванъ событіями. И туда и назадъ на лошади».

Вторникъ 6. «Отъѣздъ въ Парижъ; въ половинѣ перваго посѣщеніе думы. Ужиналъ и спалъ въ Тюльери».

Вторникъ 21 іюля 1791. «Отъѣздъ въ полночь изъ Парижа. Пріѣхалъ въ Вареннъ въ Аргонѣ и остановился въ 11 часовъ вечера».

Воскресенье 26. «Рѣшительно ничего. Обѣдня въ галлереѣ. Конференція съ комиссарами собранія».

По свойству всѣхъ нерѣшительныхъ и слабодушныхъ людей онъ быстро уставалъ отъ своего гнѣва и переходилъ къ уступкамъ. Съ самаго начала своего правленія онъ находился подъ опекой умнаго царедворца де-Морепа; послѣ смерти этого опекуна его мѣсто заняла королева Марія-Антуанетта.

Австрійская принцесса, живая, жаждущая удовольствій и развлеченій, не сразу могла примириться съ равнодушнымъ флегматикомъ-мужемъ. И мать и братъ ея неоднократно упрекаютъ за холодное отношеніе къ Людовику XVI, указываютъ на то, что она должна себя вести, какъ королева французская, укоряютъ

ее за суетность и легкомысліе, но тѣ же суровые критики ея веселой разсѣянной жизни не перестаютъ напоминать, что она остается австрійской принцессой и призвана поддерживать интересы своего дома. Тогда среди шумныхъ удовольствій придворныхъ праздниковъ королева приступаетъ къ мужу съ упреками, просьбами, устраиваетъ сцены, не стѣсняясь присутствіемъ министровъ, и въ концѣ-концовъ добивается субсидій своему брату Іосифу II; иногда она по поводу той же австрійской политики входитъ въ рѣзкія пререканія съ министрами, вызывая съ ихъ стороны часто рѣзкую отповѣдь. Около себя она собираетъ пестрый кружокъ искателей приключеній, остряковъ, лицемѣрно преданныхъ фрейлинъ. Всѣ жаждутъ милостей, щедро расточаемыхъ хорошенькой ручкой молодой королевы. Семья Полиньяковъ осыпана благодаря ей пенсіонами и щедрыми единовременными пособіями. Но горе министру, который рѣшится указать расточительной королевѣ на недостатокъ денегъ въ государственной казнѣ, — его ждетъ скорая отставка. Такъ вырабатывается та личная политика королевы, которая постепенно становится политикой короля, та дипломатія, которая пышнымъ цвѣткомъ развернется при Законодательномъ Собраніи. Послѣ событій 5 окт. 1789 г., когда сила окончательно ушла изъ рукъ короля, придворная партія уже не пытается вступить въ открытую борьбу съ революціей и вступаетъ на путь заговора и подкупа революціонныхъ дѣятелей. Эмиграціонное движеніе за границу скоро создаетъ новые центры контръ-революціи, во главѣ которыхъ становятся братья короля — графъ Прованскій и Артуа. И король и эмигранты самостоятельно добиваются вооруженнаго вмѣшательства иностранныхъ державъ въ дѣла Франціи. Маленькій городокъ Кобленцъ дѣлается центромъ роялистическихъ заговоровъ, сборнымъ пунктомъ эмиссаровъ, отправляющихся во Францію. Уже 18 августа 1790 г. до 20.000 представителей 185 общинъ Виваре собрались на равнинѣ Жалеса, съ бѣлымъ крестомъ на шляпѣ. Неприсягнувшіе священники явились самыми рьяными агитаторами контръ-революціи. Складывалась грозная федерація роялистовъ на югѣ, и между патріотами и роялистами шла упорная борьба, окончившаяся въ пользу революціи вслѣдствіе дружной взаимной поддержки народныхъ обществъ, объединившихъ, какъ увидимъ ниже, революціонеровъ.

Потерпѣвъ неудачу въ организаціи вооруженнаго возстанія дворъ возлагаетъ всѣ надежды на иностранное вмѣшательство.

Когда начинается война, королева сообщаетъ мобилизацiонные планы своимъ заграничнымъ корреспондентамъ. Эта секретная переписка была впослѣдствiи открыта въ Тюльери въ «желѣзномъ шкапу», возбудила страстное негодованiе противъ короля и королевы и способствовала ихъ гибели.

Народныя массы послѣ созванiя штатовъ нашли для себя клубъ подъ аркадами Пале-Рояля. Здѣсь иногда до 10.000 человѣкъ дѣлились другъ съ другомъ извѣстiями, обсуждали популярныя брошюры, слушали импровизированныхъ ораторовъ, журналистовъ. **Народные клубы: Пале-Рояль.**

Журналистъ дѣлается теперь крупнымъ политическимъ дѣятелемъ: онъ объединяетъ политическiя группы, создаетъ политическое настроенiе. **Журналисты.**

Депутаты скоро поняли это: Мирабо, а послѣ него Робеспьеръ издаютъ журналы, обращенные къ своимъ избирателямъ (A ses commettants). Роялисты и «патрiоты» стремятся острымъ, рѣзкимъ словомъ привлечь на свою сторону общественное мнѣнiе.

Роялисты подъ руководствомъ остроумнаго Ривароля, скептика въ душѣ, но яраго защитника стараго порядка, издаютъ «Actes des Apôtres» — «Дѣянiя апостоловъ» (т.-е. провозвѣстниковъ новаго режима), въ которыхъ и политика и личность революцiонныхъ дѣятелей вышучивается и высмѣивается. Серьезной критики незамѣтно, зато грубый шаржъ, площадная брань — въ изобилiи. **Ривароль.**

Несравненно многочисленнѣе и влiятельнѣе является, конечно, группа революцiонныхъ журналистовъ.

Незамѣтный адвокатъ Камиллъ Демуленъ, восторженный поклонникъ античныхъ республикъ, издаетъ рядъ журналовъ «Революцiи Францiи и Брабанта», «Рѣчи съ фонаря», гдѣ проявляется во всей полнотѣ утонченное академическое остроумiе той эпохи, густо начиненное неподдѣльной аттической солью. **Камиллъ Демуленъ.**

За ними идетъ рано сгорѣвшiй въ огнѣ журнальной работы Лустало, редакторъ Revolutions de Paris, онъ въ своихъ статьяхъ отзывался на всѣ жгучiе вопросы дня, находилъ время агитировать въ Пале-Роялѣ и, въ концѣ-концовъ, умеръ отъ нервной горячки, потрясенный кровавой расправой маркиза Буле съ революцiонно-настроенными солдатами въ Нанси. Искреннiй энтузiастъ онъ считалъ необходимымъ, чтобы революцiя шла впередъ и высоко ставилъ дѣятельность публициста. Самый эпиграфъ журнала Лустало ярко свидѣтельствуетъ объ его револю- **Лустало.**

ціонномъ энтузіазмѣ: «Великіе представляются для насъ большими потому, что мы стоимъ на колѣнахъ... Встанемъ»!

Но самымъ виднымъ суждено было сдѣлаться крайнему лѣвому журналисту Марату.

Слабый физически съ невѣроятно чувствительнымъ, горячимъ темпераментомъ, честолюбивый и славолюбивый — онъ прямое воплощеніе раздраженнаго индивидуализма XVIII в. Непризнанный ученый, осыпаемый градомъ насмѣшекъ академиковъ и Вольтера, онъ рано замкнулся въ чувствѣ желчной обиды и подозрѣнія. Едва ли кто такъ горячо принималъ къ сердцу лишенія парижскаго народа, и едва ли кто хотѣлъ такъ кроваво мстить врагамъ революціи. Его журналъ «Другъ народа» подстрекаетъ народъ, но часто бранитъ его, упрекаетъ, не позволяя, впрочемъ, себѣ подлаживаться къ грубому площадному языку другого популярнаго журнала «Отецъ Дюменъ». Неоднократно подвергнутый суду, онъ скрывался въ подвалѣ, въ каменоломняхъ и послѣ своей смерти оставилъ имущество цѣнностью всего въ 25 ливровъ.

Выдвинутые на поверхность кипящаго народнаго моря, революціонные литераторы являются основателями демократическаго теченія и республиканскихъ тенденцій и руководителями народныхъ массъ еще задолго до сверженія монархіи. Такъ, 30 іюня Лустало сильной рѣчью побудилъ четырехтысячную толпу, собравшуюся въ Пале-Роялѣ, освободить арестованныхъ гвардейцевъ. Камиллъ Демуленъ отсюда же далъ сигналъ къ походу па Бастилію.

Народные клубы: «Соціальный кружокъ».

Рядомъ съ Пале-Роялемъ растутъ и другіе народные клубы. Одинъ изъ нихъ — «Соціальный кружокъ» или «Всеобщая конфедерація друзей истины» задается цѣлью философско-нравственной. Главный его основатель аббатъ Фоше считалъ, что христіанская религія должна служить основаніемъ соціальнаго переворота. Съ самаго начала клубъ издаетъ свой журналъ «Bouche de fer», ведетъ усиленную агитацію и находитъ откликъ не только во Франціи, но и въ Англіи, Шотландіи, Ирландіи, Польшѣ, Голландіи, Бельгіи и Германіи. Филіальныхъ отдѣленій у него немного, но число посѣтителей доходитъ до 10.000. «Соціальный кружокъ» сближаетъ сторонниковъ демократической оппозиціи и примыкаетъ къ другому демократическому клубу кордельеровъ.

Клубъ кордельеровъ.

Послѣдній образовался благодаря энергіи Дантона изъ собранія избирателей въ парижскомъ дистриктѣ кордельеровъ. Скоро

онъ принялъ видъ маленькаго національнаго собранія, составлялъ рѣшенія, принималъ депутаціи, сносился съ прочими дистриктами. Послѣ замѣны дистриктовъ секціями, собраніе превратилось въ клубъ и приняло названіе «Общества правъ человѣка и гражданина». Уже въ 1790 г. оно засѣдало обыкновенно въ монастырѣ кордельеровъ, отсюда и обычное его названіе. Несмотря на гоненія со стороны муниципалитета, клубъ выработалъ свой регламентъ, издавалъ свой журналъ и способствовалъ организаціи такъ называемыхъ «братскихъ обществъ» или «обществъ обоихъ половъ». Первый клубъ такого рода основанъ былъ Dansar'омъ въ концѣ 1790 г. Дансаръ, бѣдный учитель, въ жалкомъ помѣщеніи при свѣтѣ огарковъ комментировалъ предъ собраніемъ гражданъ пассивнаго права декларацію правъ. Женщины были главными двигателями этихъ обществъ. Главной цѣлью ихъ было добиться всеобщаго избирательнаго права. Уже въ маѣ 1791 г. клубъ кордельеровъ дѣлаетъ попытку объединить до 70 такихъ обществъ подъ руководствомъ центральнаго комитета.

Таковы были демократическія организаціи, объединившія народныя массы.

Парижская коммуна.

Въ то же время сложилась парижская коммуна. Уже въ концѣ іюня 1789 г. собранія парижскихъ избирателей по 60 дистриктамъ безпрерывно сносились другъ съ другомъ. 25-го Бонневилль на собраніи избирателей предложилъ образовать коммуну согласно историческимъ прецедентамъ; 26-го представители дистриктовъ перешли въ городскую думу и 1 іюля уже имѣли второе засѣданіе, а 12-го образовали «постоянный комитетъ», засѣдавшій 14 іюля. Такимъ образомъ парижская буржуазія самовольно организовала свой муниципалитетъ и свою милицію. Во главѣ «постояннаго комитета» сталъ прево парижскихъ купцовъ Флессель, а во главѣ гвардіи — маркизъ де-ла-Салль. Послѣ убійства Флесселя во главѣ парижскаго муниципалитета становится выбранный мэръ Бальи, начальникомъ національной гвардіи избирается популярный депутатъ, маркизъ де-Лафайетъ.

Дистрикты энергично принимаются за внутреннее устройство: выбираютъ гражданскій комитетъ для руководства дѣлами; создаютъ центральное освѣдомительное бюро, въ которомъ встрѣчаются ихъ особые делегаты; совмѣстно съ муниципалитетомъ вырабатываютъ планъ муниципальной организаціи; горячо обсуждаютъ на своихъ засѣданіяхъ всѣ крупные политическіе вопросы.

Замѣна дистриктовъ 48 секціями (законъ 27 іюня 1790 г.) не ослабила энергіи послѣднихъ. Гражданскіе комитеты секцій, состоявшіе изъ 16 членовъ каждый, расширяютъ свои полномочія, организуютъ взаимопомощь, устраиваютъ шумныя демонстраціи порознь и вмѣстѣ въ собраніяхъ. Такъ секціи являются скоро могучимъ двигателемъ революціи.

Муниципальная революція въ провинціяхъ.

Примѣру Парижа слѣдуютъ многіе мѣстечки и города,—такъ происходитъ муниципальная революція въ Страсбургѣ, Труа и Амьенѣ и др.

Маленькій городокъ Issy l'Eveque 6 октября 1789 года тоже учреждаетъ «постоянный комитетъ». Кюре, аббатъ Каріонъ, дѣлается душой движенія и входитъ въ составъ комитета. Одновременно жители образуютъ національную гвардію, въ которой видное мѣсто занимаетъ тотъ же неутомимый кюре. «Постоянный комитетъ» тотчасъ же приступаетъ къ устройству продовольственнаго магазина. Кюре, со шпагой на бедрѣ, съ каской па головѣ самъ смиряетъ непокорныхъ. Когда «постоянный комитетъ» былъ замѣненъ законнымъ муниципалитетомъ, кюре сталъ его главой.

Въ силу этой великой муниципальной революціи образовались до 40.000 самоуправляющихся общинъ во Франціи. Праздникъ федераціи 14 іюля 1790 г. закрѣпилъ это движеніе братскимъ сліяніемъ представителей новыхъ коммунъ.

Крестьянская революція.

Буржуазія организовалась, но крестьянство тоже стало отдѣлять отъ нея свое дѣло. Оно, въ своемъ нетерпѣніи избавиться отъ феодальныхъ повинностей, не дождалось, пока Учредительное Собраніе осуществитъ пожеланія наказовъ легальнымъ путемъ.

Узнавъ о капитуляціи короля и двора, крестьяне поднялись повсюду, вооружились и стали уничтожать записи феодальныхъ повинностей. Во время этой эпохи «великаго страха» буржуазія въ иныхъ мѣстахъ соединялась съ дворянствомъ, чтобы подавить Жакерію, тогда какъ рабочіе обнаруживали сочувствіе крестьянамъ (Dauphiné).

Тактика Національнаго Собранія.

Между тѣмъ Національное Собраніе, поставленное между королемъ и народнымъ возстаніемъ, окончательно укрѣпляетъ свой суверенитетъ. Видя себя въ зависимости отъ парижанъ, оно теперь придерживается колеблющейся политики то противъ короля, то противъ народа. Надѣляя короля пріостанавливающимъ veto, оно, съ одной стороны, подчиняло его власть своей опекѣ, съ другой—мѣшало ему опереться на демократическія общественныя теченія.

Чтобы ограничить право возстаній и ввести порядокъ, по предложенію городского муниципалитета, собраніе издаетъ законъ о бунтѣ (loi martiale).

Наконецъ установленіе ценза для выборовъ окончательно отдавало политическую власть въ руки буржуазіи, превращало ее въ политически привилегированный классъ.

Мирабо.

Въ этотъ моментъ, когда собраніе и король взаимно не довѣряли другъ другу, одинъ изъ депутатовъ, ясно понимавшій положеніе, видѣвшій безпомощность министерства, неспособнаго дѣйствовать по какой-нибудь программѣ, сдѣлалъ попытку примирить обѣ политическія силы. Это былъ графъ Мирабо. Трудно представить себѣ человѣка, который былъ бы болѣе подготовленъ всей предшествующей бурной жизнью къ политической дѣятельности. Въ годы своего тюремнаго заключенія онъ поглощаетъ массу книгъ. Но онъ не удовлетворяется простымъ чтеніемъ, составляетъ выписки, извлеченія, пишетъ дневникъ, интересуется медициной. Журналистъ, филологъ, экономистъ, статистикъ, памфлетистъ, онъ быстро овладѣваетъ любой спеціальностью. Тяжелые годы заключенія создали изъ него искуснаго адвоката своей свободы, обратили всѣ его способности къ защитѣ отъ угрожающаго врага, судебные процессы послѣ тюрьмы развили въ немъ оратора. Потерявъ поддержку семьи, разведенный съ женой, безъ средствъ, принужденный жить литературнымъ трудомъ, онъ успѣваетъ получить дипломатическую миссію въ Берлинъ; здѣсь наглядно знакомится съ основами стараго государственнаго строя, въ немъ просыпается жажда государственной дѣятельности. Уже въ Берлинѣ онъ развиваетъ громадную энергію, являясь «главаремъ безъ партіи, журналистомъ безъ газеты, ораторомъ безъ трибуны, общественнымъ дѣятелемъ въ странѣ безъ общественной жизни». Онъ пріобрѣтаетъ громадный критическій опытъ, привыкаетъ подчинять себѣ людей, заставлять ихъ работать. Еще задолго до 1789 г. онъ уже предсказываетъ наступленіе революціи, и первой заботой его становится сблизиться съ дворомъ, найти мѣсто въ рядахъ правительства. Аристократъ по рожденію, выстрадавшій себѣ личную свободу, онъ рѣшительный сторонникъ сильной монархической власти, но власти революціонизированной, королевской демократіи. Уже въ 1790 г. онъ стремится къ такой конституціи, которая установилась лишь чрезъ 25 лѣтъ: постоянное и періодически созываемое Законодательное Собраніе съ бюджетнымъ правомъ, сильная исполнительная власть короля, отвѣтственное ми-

нистерство, уничтоженіе сословныхъ привилегій и феодализма, даровой судъ, свобода печати,—такъ резюмируется его политика. Отвергнутый министерствомъ и своимъ сословіемъ, онъ сумѣлъ проложить себѣ дорогу самъ на плечахъ третьяго сословія, какъ депутатъ отъ Марсели въ Генеральные Штаты. Здѣсь онъ начинаетъ сложную политическую игру: революціонизируя Національное Собраніе, онъ въ то же время старается защитить прерогативы короля и сблизиться съ верховной властью. Но попытка его основать сильную конституціонную партію потерпѣла неудачу. Тогда онъ становится тайнымъ совѣтникомъ короля, вырабатываетъ сложный планъ контръ-революціи, но авторитетъ его клонится быстро къ упадку. Дворъ считаетъ его купленнымъ политическимъ работникомъ и не торопится пользоваться его совѣтами; въ обществѣ распространяются слухи объ его продажности, Національное Собраніе, боясь захвата имъ власти, преграждаетъ всѣмъ своимъ членамъ доступъ въ министерство. Мирабо, думавшій примирить непримиримое, умеръ не достигнувъ своей цѣли—создать конституціонную монархію. Вскорѣ послѣ его смерти неудачное бѣгство короля сплачиваетъ немногихъ республиканцевъ, находившихъ пріютъ въ «Соціальномъ кружкѣ» и въ клубѣ кордельеровъ. Они начинаютъ усиленную агитацію противъ монархической власти. Однако и якобинцы и обширные слои рабочаго населенія отнеслись спокойно къ событію и высказались за конституціонную монархію. Манифестація республиканцевъ на Марсовомъ полѣ кончилась трагически: была подавлена вооруженною силою.

Фельяны. Тотчасъ началась политическая реакція, продолжавшаяся до весны 1792 г. Республиканцы подверглись суровымъ преслѣдованіямъ. Дантонъ бѣжалъ въ Англію, журналисты Роберъ, Маратъ, Фреронъ и Демуленъ должны были скрываться. Изданъ былъ суровый репрессивный законъ противъ мятежниковъ; избирательный законъ былъ пересмотрѣнъ и цензъ повышенъ.

Въ то же время произошелъ расколъ въ якобинскомъ клубѣ: уже давно правительство имѣло своихъ агентовъ среди якобинцевъ и старалось сблизиться съ президіумомъ. Между тѣмъ положеніе тріумвирата сильно поколебалась. Бриссо, Робеспьеръ, и др. повели упорную кампанію въ печати и клубахъ противъ умѣренной политики тріумвиратовъ. Бѣгство короля окончательно обострило положеніе. Рѣчь Бриссо противъ неприкосновенности королевской особы и агитація въ пользу петиціи клуба

кордельеровъ повлекли за собой окончательный уходъ умѣренныхъ изъ клуба съ тріумвирами во главѣ. 16 іюля состоялось первое засѣданіе ихъ въ монастырѣ фельяновъ. Только шесть депутатовъ остались въ составѣ якобинскаго клуба. Попытки соглашенія не имѣли успѣха. Оба клуба обратились съ циркулярами къ филіальнымъ обществамъ съ объясненіемъ случившагося. Значительное большинство послѣднихъ стояло за примиреніе, изъ остальныхъ большинство было на сторонѣ фельяновъ. Скоро къ фельянамъ примкнула добрая часть членовъ «клуба 1789 г.».

Новые выборы депутатовъ въ Законодательное Собраніе, однако, дали перевѣсъ якобинцамъ надъ фельянами, тѣмъ болѣе, что къ этому времени почти всѣ филіальныя общества окончательно перешли на сторону якобинцевъ. Тѣмъ ближе становятся фельяны къ двору, и новое министерство составляется подъ ихъ вліяніемъ. Муниципальные выборы, на которыхъ кандидатъ якобинцевъ Петіонъ прошелъ въ мэры Парижа громаднымъ большинствомъ, окончательно рѣшили побѣду якобинцевъ. Вскорѣ засѣданія фельяновъ стали систематически срываться якобинцами. Въ дѣло должно было вмѣшаться даже Законодательное Собраніе, которое и запретило собранія въ монастырѣ фельяновъ. Скоро и клубъ фельяновъ закрылся.

Законодательное Собраніе.

Законодательное Собраніе, заступившее мѣсто Національнаго, представляло собой побѣдоносную буржуазію, прошедшую по новому избирательному закону. Подобно своимъ предшественникамъ, члены Законодательнаго Собранія заявляютъ, что «слѣдуютъ лишь велѣнію своей совѣсти», но тѣмъ не менѣе политическая борьба неумолимо заставляетъ ихъ организовываться, и посторонніе зрители безъ труда различаютъ правую и лѣвую. Правую составляли умѣренные конституціоналисты-роялисты, которые въ числѣ 160 человѣкъ вотировали всегда одинаково, лѣвую—объединенные якобинскимъ клубомъ, такъ называемые бриссотинцы, руководимые журналистомъ Бриссо и другими депутатами отъ южныхъ департаментовъ,—впослѣдствіи эту группу назовутъ «Жирондой». Число ихъ доходило до 280. Остальные 300 депутатовъ, называвшіе себя независимыми, не имѣли никакой организаціи и большей частью поддерживали правую. Среди лѣвыхъ можно было выдѣлить еще «хвостъ», или крайнюю лѣвую—человѣкъ съ двадцать, во главѣ которыхъ стояли Шабо, Базиръ, Мерленъ.

Политика бриссотинцевъ.

Отношеніе новыхъ законодателей къ королю было крайне неровнымъ. Уничтоживъ сперва церемоніалъ и титулъ «Его Величества», депутаты тотчасъ же отмѣняютъ свое постановленіе. Неопредѣленное и нерѣшительное поведеніе собранія скоро внушило Бриссо и его друзьямъ желаніе скрытными путями достигнуть политической власти. Средствомъ для этого явился вопросъ объ эмигрантахъ. Бриссо въ своихъ рѣчахъ рисуетъ обширный заговоръ европейскихъ монарховъ противъ революціи и съ октября 91 по апрѣль 92 продолжаетъ вызывать Европу на бой, стремится путемъ войны вызвать новый взрывъ энергіи, подчинить короля или низложить его. Инаръ поддерживаетъ Бриссо и развиваетъ планъ военной пропаганды революціонныхъ идей въ Европѣ, проповѣдуетъ революціонный милитаризмъ.

Эта политика встрѣчаетъ въ якобинскомъ клубѣ горячій отпоръ со стороны Робеспьера, который приписываетъ ее интригамъ двора. Бриссо, несмотря на это, настойчиво идетъ къ своей цѣли: «Намъ нужны великія измѣны», говоритъ онъ. Такъ выростаетъ вражда между Робеспьеромъ и бриссотинцами. Самый краснорѣчивый изъ жирондистовъ Верньо выступаетъ на защиту войны и взываетъ къ оружію. Бриссо продолжаетъ въ своихъ рѣчахъ нападать на министровъ, оставляя въ сторонѣ короля, но скоро терпѣніе его друзей истощается, и Верньо въ горячей рѣчи обличаетъ измѣну короля. Запуганный король призываетъ ко власти друзей Бриссо, Ролана съ товарищами.

Министерство бриссотинцевъ.

Министерство объявляетъ войну Австріи и торжественно подчеркиваетъ свою связь съ обществомъ друзей конституціи: Дюмурье, министръ иностранныхъ дѣлъ, произноситъ рѣчь въ якобинскомъ клубѣ. Такимъ образомъ во главѣ власти становится министерство, поддерживаемое общественнымъ мнѣніемъ— самой крупной организаціей революціонной буржуазіи — якобинскимъ клубомъ.

Буржуазія стала у кормила правленія, политическій вопросъ, повидимому, рѣшенъ, но вскорѣ выступаетъ на сцену вопросъ соціальный.

Соціальный вопросъ.

Секція Гобеленовъ проситъ собраніе принять мѣры противъ спекулянтовъ и скупщиковъ. Но эта петиція встрѣчаетъ рѣзкій протестъ со стороны торговой буржуазіи, которая энергично настаиваетъ на своемъ правѣ полновластно и безраздѣльно распоряжаться своей собственностью. Бриссотинцы въ лицѣ Дюко ограничиваются лишь словеснымъ осужденіемъ спекуляціи. Эко-

номическій кризисъ растетъ, а господствующая партія довольствуется лишь палліативами — воспрещая вывозъ сырыхъ матеріаловъ, выдавая субсидію Парижскому муниципалитету. Среди массъ, до сихъ поръ послушно подчинявшихся руководительству революціонной буржуазіи, растетъ враждебное чувство — пробивается сознаніе своей классовой особенности. Уже Петіонъ, парижскій мэръ, предупреждаетъ своихъ друзей, что третье сословіе раздвоилось, «буржуазія — состоятельный и многочисленный классъ — откололась отъ народа». Онъ горячо взываетъ къ единенію, но классовая рознь выступаетъ все ярче: появляются памфлеты взывающіе къ собственникамъ: «люди неимущіе не равны вамъ».

Въ то время, какъ Маратъ умолкаетъ, съ противоположной стороны рѣзко кричитъ противъ скупщиковъ «Отецъ Дюшенъ». Геберъ, издатель этого журнала, умѣетъ въ грубой, часто непристойной формѣ, языкомъ улицъ и рынка излить чувства мелкаго ремесленника, озлобленнаго противъ капиталистовъ, грозящаго имъ висѣлицей.

Крестьяне въ деревняхъ пытаются ввести таксу на хлѣбъ, — въ Этампѣ дѣло доходитъ до серьезныхъ безпорядковъ, во время которыхъ убиваютъ мэра.

Паденіе министерства бриссотинцевъ.

Между тѣмъ война идетъ несчастливо. Маратъ предлагаетъ солдатамъ убивать неспособныхъ генераловъ и по предложенію бриссотинцевъ привлекается къ суду. Осыпаемые ударами слѣва, друзья Бриссо не находятъ искренняго сочувствія у короля, который попрежнему имѣетъ своихъ тайныхъ совѣтниковъ, бывшихъ фельяновъ. Чувствуя шаткость своего положенія, Роланъ обращается къ королю съ письмомъ, въ которомъ косвенно предлагаетъ ему отказаться отъ права veto. Король, ободряемый военными неудачами, даетъ отставку Ролану и его двумъ товарищамъ — Сирвану и Клавьеру.

Одновременно умѣренные въ лицѣ Лафайета, командующаго арміей Мобжтскаго лагеря, дѣлаютъ послѣднюю попытку: Лафайетъ шлетъ Законодательному Собранію грозное требованіе взять назадъ декретъ противъ эмигрантовъ и неприсягнувшихъ священниковъ, предоставить королю свободное veto, строго преслѣдовать сборища, распустить клубы и отдать подъ судъ Дюмурье.

Послѣдняя борьба короля.

Король тотчасъ же отказывается утвердить декретъ о неприсягнувшихъ священникахъ и образованіи лагеря въ 20.000 человѣкъ для прикрытія Парижа.

Грозная манифестація 20 іюня рабочихъ парижскихъ предмѣстьевъ, соединившихся съ секціями, явилась отвѣтомъ на королевское veto. Но, несмотря на угрозы, король остался непоколебимымъ въ своемъ рѣшеніи. Нарушеніе королевской неприкосновенности вызвало взрывъ сочувствія къ королю не только въ Законодательномъ Собраніи, но и департаментскихъ совѣтахъ. Но король, не сближаясь съ буржуазіей, продолжаетъ вести свою политику, корреспондируя со своими заграничными агентами и подготовляя крушеніе революціи. Новыя военныя неудачи — отступленіе Люнкера на Рейнѣ предъ прусскими войсками—побуждаютъ бриссотинцевъ къ рѣшительному шагу, — Верньо въ страстной рѣчи нападаетъ на придворную камарилью, окружающую короля, призываетъ собраніе возложить отвѣтственность на голову министровъ и въ концѣ рѣчи уже прямо обрушивается на короля, обвиняя его въ измѣнѣ конституціи и народу: «Вы ничто для этой конституціи, — восклицаетъ онъ, — которую вы такъ недостойно нарушили, ничто для этого народа, котораго вы такъ низко предали».

Собраніе объявляетъ отечество въ опасности и созываетъ ополченіе на его защиту. Умѣренные дѣлаютъ послѣднее усиліе удержать грозную волну революціоннаго шквала: епископъ Ламуреттъ 7 іюля предлагаетъ единодушной клятвой подтвердить проклятіе республикѣ и двухпалатной системѣ. Депутаты встаютъ, какъ одинъ человѣкъ, и бросаются другъ другу въ объятія: такъ называемый поцѣлуй Ламуретта. Напуганное министерство подаетъ въ отставку.

Недовольство противъ короля въ департаментахъ усиливается: въ собраніе поступаютъ адреса, требующіе смѣщенія короля, секціи требуютъ того же, и въ послѣдній разъ бриссотинцы устами Гюаде дѣлаютъ призывъ къ королю: «Нація призываетъ В. В. послѣдній разъ соединиться съ ней, чтобы спасти конституцію и тронъ».

Паденіе королевской власти.

Въ виду полнаго безсилія собранія, Парижская коммуна организуетъ возстаніе. Дантонъ, какъ президентъ секціи Французскаго театра, приглашаетъ всѣхъ гражданъ на спасеніе отечества безъ различія и активныхъ и пассивныхъ. Манифестъ герцога брауншвейгскаго, угрожающій Парижу полнымъ разрушеніемъ и примѣрной местью за оскорбленіе королевской семьи, даетъ послѣдній толчокъ. На 9 августа назначены были пренія о временномъ смѣщеніи или низложеніи короля, но въ полночь съ 9 на 10 рево-

люціонный комитетъ захватилъ ратушу, 10 августа 1792 г. инсургенты взяли Тюльери, и король былъ принужденъ искать спасенія въ Законодательномъ Собраніи.

Еще и теперь бриссотинцы пытаются ввести революцію въ спокойное русло: Верньо предлагаетъ лишь временное устраненіе главы исполнительной власти. Послѣ этого собраніе проводитъ рядъ важныхъ декретовъ — неприсягнувшіе священники обрекаются на ссылку въ Кайенну, имущество эмигрантовъ конфискуется, уничтожается различіе между активными и пассивными гражданами, облегчается выкупъ феодальныхъ правъ и отмѣняются преслѣдованія за невыплаченныя феодальныя повинности.

Первое мѣсто теперь въ Парижѣ занимаетъ революціонная коммуна, поддерживаемая секціями и клубомъ кордельеровъ: она въ короткое время снаряжаетъ и обмундировываетъ 30,000 — 60.000 волонтеровъ. Законодательное Собраніе безуспѣшно пытается вырвать власть изъ рукъ коммуны: коммуна отказывается вопреки декрету собранія назначить новые выборы муниципальныхъ властей.

Временный исполнительный совѣтъ.

Во главѣ исполнительной власти становится временный исполнительный совѣтъ изъ шести министровъ: въ него вошли уволенные Людовикомъ XVI Роланъ, Серванъ и Клавьеръ, и принимавшій видное участіе въ организаціи возстанія 10 августа Дантонъ. Ему представлено было право давать подписи за министровъ, еще невыбранныхъ. Онъ и явился настоящимъ министромъ-президентомъ, стремившимся уравновѣсить и примирить революціонную коммуну съ Законодательнымъ Собраніемъ.

Сверженіе короля нашло поддержку въ громадномъ большинствѣ департаментскихъ совѣтовъ и директорій; лишь въ Арденнскомъ департаментѣ Лафайетъ дѣлаетъ попытку увлечь за собой армію противъ Парижа, но, встрѣченный криками «vive l'Assamplée nationale» — покидаетъ армію и сдается австрійцамъ.

Сентябрьскія убійства.

Между тѣмъ новыя военныя неудачи: сдача Вердена и Лонгви создаютъ въ Парижѣ озлобленіе противъ предполагаемаго заговора роялистовъ. Зажигательныя статьи Марата, нерѣшительныя дѣйствія верховнаго трибунала, назначеннаго для суда надъ виновными 10 августа, приводятъ въ ярость коммуну. 2 сентября, по данному сигналу, началась жестокая и отвратительная рѣзня заключенныхъ въ тюрьмы. Убійства прекратились лишь послѣ того, какъ 4 сентября Законодательное Собраніе единодушно обѣщало бороться противъ королей и королевской власти.

Конвентъ. Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ того открылся конвентъ, въ которомъ встрѣтились три группы: «Жиронда», «Гора» и («La Montagne») «Болото». Правда, и теперь партіями даже первыя двѣ можно назвать лишь условно. Теоретикъ жиронды—Кондорсе высказывается въ своемъ докладѣ о проектѣ конституціи: «насущнѣйшая потребность французской республики—не знать никакихъ партій». Единственно, что допускаетъ онъ, это существованіе партій мнѣній. И самые видные изъ жирондистовъ Верньо и Бриссо съ негодованіемъ отвергали обвиненіе въ принадлежности къ партіи.

Послѣдній былъ и главнымъ посредникомъ, сблизившимъ депутатовъ отъ Бордо съ Кондорсе, Клавьеромъ и Роланомъ и положившимъ начало ихъ союзу еще въ Законодательномъ Собраніи. Онъ же положилъ начало и вліянію г-жи Роланъ. Помимо политическихъ завтраковъ, которые давалъ Верньо, г-жа Роланъ давала обѣды, на которыхъ говорилось только о политикѣ. Но если она вліяла на своихъ друзей, то только нравственно, внушивъ имъ стоическій героизмъ и подготовивъ къ мужественной смерти. Поэтому-то противники продолжали ихъ называть бриссотинцами, бордосцами, роландистами, федералистами. Жирондистами же называли, главнымъ образомъ, депутатовъ отъ Бордо. Только Тьеръ и въ особенности Ламартинъ обобщили эту кличку. Впослѣдствіи въ разгарѣ борьбы противъ «Горы»— жирондисты пытаются соорганизоваться въ такъ называемомъ «комитетѣ Дюфришъ-Валазе», для подготовки дебатовъ въ конвентѣ.

Слабо организованные, скорѣе кучка друзей, чѣмъ политическая партія, жирондисты, однако, объединяются опредѣленнымъ идеаломъ: считая революцію законченной со времени установленія республики, они стремятся къ установленной законами парламентской работѣ. Непрерывная революція внушаетъ имъ ужасъ. Они никогда не задаются мыслью организовать движеніе народныхъ массъ — мало того, нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Бюзо, не обинуясь, высказываютъ отвращеніе къ депутаціямъ предмѣстій и секцій. И въ то же время они являются горячими сторонниками «общей воли націи» — народнаго суверенитета, который они стремятся организовать, исключивши мнѣнія отдѣльныхъ партій и мятежныхъ фракцій. Поэтому они энергично борются противъ диктатуры Парижа, отстаивая равномѣрность политическаго значенія департаментовъ и навлекаютъ

со стороны своихъ противниковъ обвиненіе въ федерализмѣ. Занятые организацiей государственнаго строя, они впали въ политическое доктринерство и неспособны были понять классовую борьбу: Гюаде не понимаетъ, почему монтаньяры изображаютъ народъ въ видѣ взаимно-борющихся классовъ и тѣмъ подчеркиваютъ имущественное неравенство. Бриссо ставитъ парижанамъ въ примѣръ департаментъ Жиронды, въ которомъ «царствуетъ порядокъ, хотя народъ и платитъ по 10 су за фунтъ хлѣба».

Особенно отчетливо онъ выражаетъ страхъ своихъ друзей предъ «дезорганизаторами» и «уравнителями»—«проповѣдниками аграрнаго закона» и страстное желаніе водворить порядокъ.

Такимъ образомъ жирондисты, въ концѣ-концовъ, явились идеологами верхнихъ слоевъ буржуазіи, напуганной революціонными замыслами парижскихъ народныхъ массъ.

„Болото“

Къ жирондѣ, которая въ общемъ объединяла до 200 депутатовъ, чаще всего примыкали нерѣшительные депутаты центра—«Болото или Брюхо»—до 500 человѣкъ.

„Гора“.

Лѣвую составляла «Гора», имѣвшая во главѣ якобинцевъ—Робеспьера, С.-Жюста и Кутона и кордельеровъ—Дантона и Марата; ее поддерживали революціонная коммуна и клубъ якобинцевъ съ его многочисленными развѣтвленіями или филіаціями въ департаментахъ. Прозвище «горцевъ»-монтаньяровъ укрѣпляется за послѣдовательными демократами еще въ эпоху Учредительнаго Собранія, но особенно популярнымъ становится только въ эпоху борьбы съ жирондой. Въ противоположность жирондѣ, члены этой группы стояли за революціонную диктатуру Парижа и суровыя мѣры по отношенію къ внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ республики. Но и они не имѣли партійной организаціи и программы. Объединителемъ Робеспьера, Дантона и Марата была парижская коммуна и идея непрерывной революціи. Подобно жирондистамъ, горячіе приверженцы идеи національнаго суверенитета, они, однако, допускали исключительное осуществленіе его Парижемъ. Наконецъ они опирались на опредѣленную группу населенія—санкюлотовъ. Это громадная масса обойденныхъ новымъ режимомъ, объединившая собою и мелкую буржуазію и рабочихъ парижскихъ предмѣстьевъ. Стараясь помочь страдающимъ отъ новаго общественнаго порядка, монтаньяры, однако, не стремятся измѣнить условій производства, а лишь домогаются «справедливыхъ отношеній». Отсюда урав-

нительная политика ограниченій — таксы и максимума, мѣръ противъ спекулянтовъ и эксплуататоровъ. При всемъ этомъ можно усмотрѣть различныя теченія въ тактикѣ этой политической группы. Маратъ былъ сторонникъ плебисцинитарной диктатуры, путь къ которой шелъ черезъ кровопролитное и безжалостное уничтоженіе враговъ народа. Но онъ не ограничивался одной дѣятельностью журналиста и предсѣдателя якобинскаго клуба, онъ дѣйствовалъ — самъ билъ въ набатъ во время возстанія противъ жиронды 1 іюня.

Маратъ.

Робеспьеръ. Робеспьеръ остался попрежнему защитникомъ постоянной правоты народа. Умѣло слѣдуя за народными движеніями, храня въ душѣ своей идеалъ грядущаго царства добродѣтели, безукоризненно честный онъ пользовался громаднымъ авторитетомъ въ рядахъ своей группы. Около него группировалась маленькая кучка друзей - учениковъ, смотрѣвшая на него съ безграничнымъ уваженіемъ. Въ моментъ его паденія нѣкоторые изъ нихъ не могли пережить своего вождя и учителя и покончили съ собою. Болѣзненное самолюбіе Робеспьера заставляло его тѣсно сливать свою личность съ носившейся въ его умѣ мечтой нравственно-религіознаго возрожденія общества въ духѣ идей Руссо. Онъ никогда не могъ простить жирондѣ насмѣшекъ надъ своими религіозными идеалами.

Дантонъ. Рядомъ съ непримиримыми Робеспьеромъ и Маратомъ стоитъ примиритель Дантонъ. Онъ происходилъ изъ мелкой буржуазіи Шампани и былъ сыномъ прокурора бальяжа Арсисъ-Сюръ-Объ. Въ дѣтствѣ еще отличался бурнымъ, пылкимъ нравомъ. Съ трудомъ это дитя полей, забіака и дерзкій шалунъ, подчинялся школьной дисциплинѣ. Въ 1785 году онъ уже адвокатомъ въ парламентѣ и вскорѣ покупаетъ мѣсто адвоката въ королевскомъ совѣтѣ. Разнообразная практика была лучшей школой будущаго трибуна. Но профессіоналъ не закрылъ въ немъ общественнаго дѣятеля: къ началу революціи онъ—членъ масонской ложи 9 сестеръ. Въ 1789 году, какъ президентъ дистрикта кордельеровъ, онъ начинаетъ упорную борьбу съ умѣренными и основываетъ клубъ кордельеровъ. Съ этого времени онъ неутомимо борется со своими политическими врагами, обнаруживая невѣроятную стойкость: онъ не теряется передъ неудачей, умѣетъ выжидать, чтобы вѣрнѣе одержать побѣду.

Бѣгство Людовика XVI заставляетъ его выступить во главѣ знаменитой петиціи о немедленномъ низложеніи короля. Послѣ

рѣзни на Марсовомъ полѣ онъ принужденъ укрываться въ Англіи. Но скоро онъ опять въ Парижѣ и занимаетъ постъ замѣстителя прокурора парижской коммуны. Съ этого времени его авторитетъ все болѣе растетъ. Наканунѣ 10 августа онъ проявляетъ кипучую энергію, организуетъ возстаніе, обезпечиваетъ нейтралитетъ городского мэра, уговариваетъ бриссотинцевъ помочь движенію и, наконецъ, принимаетъ личное участіе въ кровопролитномъ бою, рѣшившемъ участь монархіи. Сдѣлавшись министромъ, онъ не задавался идеальными программами. Это—республиканецъ-практикъ, республиканецъ-оппортунистъ, прежде всего разрѣшающій ближайшія задачи реальной политики. Оборона отечества, переговоры съ враждебными державами при сохраненіи національнаго достоинства и, наконецъ, соединеніе людей всѣхъ партій для того, чтобы противопоставить враждебной Европѣ республику единую и нераздѣльную — такова его программа. Но въ жестокой борьбѣ классовъ и голосъ этого примирителя потерялся. Напрасно слыша набатъ 2 сентября онъ взывалъ: «Это не сигналъ тревоги, а сигналъ атаки на враговъ отечества. Чтобы ихъ побѣдить, нужна смѣлость, еще смѣлость, всегда смѣлость,— и Франція спасена». Напрасно онъ взывалъ къ жирондистамъ: «Пойдемъ вмѣстѣ».

За этими тремя людьми группировалась небольшая группа, не болѣе 100 человѣкъ, да и то по тактическимъ соображеніямъ. Бриссо же упоминаетъ только о кучкѣ изъ 20 человѣкъ. Но за этой малочисленной группой стояла Парижская коммуна, стоялъ народъ секцій и предмѣстій. Ихъ рѣчи поддерживались сочувственными манифестаціями трибунъ, угрожавшихъ ораторамъ противной стороны.

Борьба жиронды съ «Горой.

Сознавая свое безсиліе противъ парижской коммуны, жиронда попыталась создать особую охрану изъ 4.470 человѣкъ для конвента по выбору директорій департаментовъ; но коммуна сумѣла привлечь на свою сторону явившихся въ Парижъ молодыхъ федератовъ. Тогда жиронда нападаетъ на Марата, Робеспьера и Дантона, обвиняя ихъ въ диктатурѣ, требуетъ отчета въ денежныхъ суммахъ, истраченныхъ совѣтомъ коммуны и Дантономъ, добивается слѣдствія надъ виновниками сентябрьскихъ убійствъ и назначенія новыхъ выборовъ въ генеральный совѣтъ коммуны. Но выборы не оправдали надеждъ «государственныхъ людей»,—во главѣ коммуны монтаньяры стали прокуроръ Шометтъ съ помощникомъ Геберомъ и мэръ Пашъ.

Судъ надъ королемъ далъ поводъ къ новой ожесточенной схваткѣ между «Горой» и жирондой. Вѣрные своей идеѣ народнаго суверенитета, жирондисты тщетно ссылались на необходимость прибѣгнуть къ суду націи, которая даровала конституцией 1791 года неприкосновенность королю. Конвентъ послѣдовалъ за Бареромъ, который выше всего ставилъ конвентъ, выражавшій волю всего народа и видѣлъ въ процессѣ короля мѣру общественной безопасности. Большинствомъ 387 изъ 721 Людовикъ былъ осужденъ на смертную казнь.

Казнь короля была сигналомъ къ войнѣ съ цѣлой коалиціей европейскихъ державъ. Необходимы были люди и деньги.

Если Дантонъ проводилъ политику естественныхъ границъ, то жирондисты лелѣяли планъ войны для пропаганды революціонныхъ идей и низверженія тирановъ. Первыя военныя дѣйствія были удачны, и конвентъ вскорѣ послѣ побѣды при Вальми провозгласилъ во Франціи республику (22 сентября 1792 г.).

Сперва народныя массы и городская буржуазія радостно встрѣчали французскія войска. Въ Майнцѣ собрался Рейнсконѣмецкій національный конвентъ, провозгласившій присоединеніе къ Франціи всей области отъ Ландау до Бингена. Но вскорѣ принципъ безкорыстнаго освобожденія отступилъ назадъ передъ желаніемъ получить плату за это освобожденіе. Насильственные налоги, реквизиціи, введеніе французской правительственной системы охладили симпатіи населенія завоеванныхъ областей. Начались неудачи и пораженія, и въ предпріимчивой головѣ главнокомандующаго Дюмурье родился планъ послѣ завоеванія Голландіи возстановить во Франціи конституцію 1791 года и раздавить клубы съ конвентомъ.

Секціи снова вопіютъ объ измѣнѣ, обвиняя Дюмурье и жирондистовъ. Вся «Гора» и коммуна соединяются въ этотъ мигъ, чтобы предупредить возстаніе секцій. Маратъ, жестокій Маратъ, взываетъ къ единенію, необходимому для побѣды. И онъ, и Робеспьеръ, и Дантонъ считаютъ необходимымъ защищать Дюмурье въ настоящемъ тяжеломъ положеніи. Конвентъ рѣшаетъ послать въ департаменты депутатовъ съ чрезвычайной властью, какъ комиссаровъ Конвента. По предложенію Дантона создается чрезвычайный уголовный трибуналъ для подавленія контръ-революціонеровъ. Стремясь къ объединенію и централизаціи власти, Дантонъ настойчиво предлагаетъ, чтобы комитетъ выбралъ министерство изъ своей среды, обѣщая самъ не принимать въ немъ

участія. Робеспьеръ поддаваясь вліянію Дантона, поддерживаетъ его предложеніе, но жиронда въ союзѣ съ «Болотомъ», парализуетъ усилія. Въ то же время жирондистская пресса неумолчно кричитъ о захватѣ власти монтаньярами и набрасываетъ тѣнь на защиту «Горой» Дюмурье. Депутаты-жирондисты уклоняются отъ миссіи въ качествѣ комиссаровъ конвента и инспирируютъ своихъ приверженцевъ въ департаментахъ противъ монтаньяровъ.

Возстаніе Вандеи.

Политическая борьба въ конвентѣ, внѣшняя опасность осложняются возстаніемъ вандейскихъ крестьянъ, оскорбленныхъ въ своихъ религіозныхъ чувствахъ и вступившихся за неприсягнувшихъ священниковъ. Законъ о наборѣ ополченія въ 300,000 человѣкъ окончательно раздражилъ крестьянъ Бретани, Анжу и Пуату, которые возстали при крикахъ: «Долой милицію». Мало-по-малу къ крестьянамъ присоединилось дворянство, вышедшее изъ своихъ потайныхъ убѣжищъ. «Христово воинство», какъ называли себя возставшіе крестьяне, превращается въ католическую королевскую армію. Скоро война превращается въ жестокую братоубійственную рѣзню между Бѣлыми, или Шуанами, и Голубыми (республиканцами).

Измѣна Дюмурье.

Побѣжденный австрійцами Дюмурье въ то же время сбрасываетъ маску и обращается къ конвенту съ письмомъ, требуя покончить съ анархіей и вернуться къ конституціи 91 года. Онъ выдаетъ комиссаровъ конвента Австріи и послѣ тщетныхъ усилій увлечь за собой армію сдается самъ австрійцамъ. Дантонъ, который самъ едва не попалъ въ руки Дюмурье, по возвращеніи въ Парижъ подвергнулся нападенію со стороны жиронды. Напрасно онъ взывалъ къ примиренію: «Соединимся, перестанемъ ненавидѣть другъ друга», Ласурсъ ядовитой рѣчью обвинилъ его въ сообщничествѣ съ Дюмурье. Взбѣшенный Дантонъ, поддерживаемый Маратомъ, блестяще опровергъ извѣты враговъ и, принимая вызовъ, предложилъ въ якобинскомъ клубѣ разослать циркуляръ по департаментамъ объ изгнаніи интригановъ.

Временный исполнительный совѣтъ къ этому времени потерялъ свое значеніе, такъ какъ съ 1 января 1793 года образовался генеральный комитетъ обороны, состоявшій изъ 24 членовъ. Онъ долженъ былъ наблюдать за совѣтомъ и объединить руководство военными и иностранными дѣлами. Послѣ измѣны Дюмурье, подъ сильнымъ давленіемъ «Горы», несмотря на сопротивленіе жиронды, основывается комитетъ общественнаго спасенія изъ 9 членовъ, который и представляетъ изъ себя съ этого времени главный органъ исполнительной власти. Душой его ста-

Первый комитетъ общественнаго спасенія 6 апр. 1793 г.

новится Дантонъ. Этимъ наносится сильный ударъ жирондѣ, составлявшей большинство въ комитетѣ обороны. Жиронда отвѣчаетъ на это преданіемъ суду Марата, подписавшаго зажигательный циркуляръ якобинцевъ противъ жиронды. Но судъ оправдываетъ Марата, а секціи особымъ адресомъ обвиняютъ жиронду въ конвентѣ. Жирондисты дѣлаютъ послѣднюю попытку привлечь на засѣданіе секцій умѣренныхъ. Тогда и «отецъ Дюшенъ» Гебера и Робеспьеръ энергично возбуждаютъ санкюлотовъ къ борьбѣ съ богатыми, зажиточными. Сплоченная масса санкюлотовъ, переходя съ засѣданія одной секціи на засѣданіе другой, обезпечиваетъ побѣду за монтаньярами.

Мало того, секціи приходятъ къ мысли установить особые наблюдательные комитеты, которые конвентъ и распространяетъ на всю Францію въ качествѣ революціонныхъ комитетовъ. Продолжая бороться съ модерантизмомъ (умѣренными), коммуна захватываетъ въ свои руки надзоръ за оружіемъ и стремится даже контролировать цивизмъ (гражданскую доблесть) всѣхъ агентовъ республики.

Нападки жирондистскихъ журналистовъ на «убійцъ» становятся все рѣзче. Въ конвентъ приходятъ жалобы изъ приморскихъ городовъ на деспотизмъ комиссаровъ конвента. Послѣдніе, въ свою очередь, доносятъ объ усиленіи модерантизма въ департаментахъ.

Между тѣмъ коммуна все болѣе захватываетъ власть въ свои руки: 17 мая она самовольно назначила Буланже командующимъ военными силами Парижа. На другой же день, 18 мая, Гюаде въ страстной рѣчи открываетъ планъ жиронды: смѣнить парижскія власти и сокрушить коммуну, а въ случаѣ возстанія подавить его или удалиться въ Буржъ и апеллировать ко всей Франціи. Благодаря вмѣшательству комитета общественнаго спасенія, до сихъ поръ сохранявшаго нейтралитетъ, была принята средняя мѣра: Бареръ предложилъ выбрать слѣдственную комиссію изъ 12 человѣкъ. Выборы дали торжество жирондѣ: комиссія 12 составила докладъ о «заговорѣ» коммуны и привлекла къ суду Гебера.

На требованіе депутаціи коммуны освободить арестованнаго Гебера, жирондистъ Иснаръ, бывшій предсѣдатель конвента, бросилъ знаменитую фразу: «Во имя всей Франціи, объявляю вамъ, что если покусятся на національныхъ представителей, Парижъ будетъ уничтоженъ, и скоро будутъ искать на берегахъ

Сены мѣсто, гдѣ существовалъ этотъ городъ». Напрасно Дантонъ снова отвѣчалъ примирительной рѣчью, указывалъ ихъ необходимость единенія Парижа съ департаментами для удвоенія національной силы, — конвентъ поддержалъ Иснара.

Паденіе жиронды.

Тогда броженіе въ секціяхъ достигаетъ высшей силы. Въ клубѣ кордельеровъ ораторы громятъ жиронду. Въ якобинскомъ клубѣ Маратъ требуетъ уничтоженія комиссіи 12, Робеспьеръ взываетъ къ возстанію во имя попраннаго стыда и довѣрія. Въ конвентѣ Маратъ требуетъ уже не только отмѣны комиссіи 12, а нападаетъ на всю фракцію «государственныхъ людей».

Секціи угрожаютъ освободить силой патріотовъ, арестованныхъ комиссіей 12. Подъ давленіемъ манифестантовъ отмѣняется комиссія 12, но на другой день она возстановляется, хотя съ порученіемъ освободить арестованныхъ.

Тогда въ собраніи якобинцевъ Робеспьеръ и Бильо Вареннъ призываютъ къ возстанію. Уже съ 28 мая существовалъ тайный революціонный комитетъ 6, засѣдавшій въ Епископствѣ, 29-го онъ смѣнился комитетомъ 9. Отдѣльныя секціи торопили выступленіе. 31 мая инсуррекціонный комитетъ заставилъ примкнуть къ возстанію мэра и совѣтъ коммуны, совѣтъ и директорію Парижскаго департамента. Образовался единый «Генеральный революціонный совѣтъ», который и назначилъ Анріо главнокомандующимъ національной гвардіей. Депутація революціонной коммуны потребовала отъ конвента отмѣны комиссіи 12 и ареста 22 депутатовъ жиронды. Робеспьеръ въ страстной рѣчи поддерживалъ это предложеніе. Но конвентъ рѣшилъ только упразднить комиссію и одобрилъ постановленіе коммуны вознаградить вооруженныхъ рабочихъ, уплативъ по 40 су за день возстанія.

1 іюня революціонный комитетъ отдалъ приказъ арестовать Ролана и его жену и потребовать отъ конвента снова ареста 22 жирондистовъ. Отказъ конвента и вѣсти о гибели ліонскихъ монтаньяровъ вызвали новое возстаніе 2 іюня. Конвентъ принужденъ былъ уступить давленію вооруженной силы секцій и постановилъ арестовать 29 депутатовъ и двухъ министровъ. Въ числѣ ихъ были самые выдающіеся члены жиронды: Верньо, Жансонне, Гюаде, Бюзо, Луве, Барбару, Петіонъ. Такъ пала жиронда. На другой день Маратъ въ якобинскомъ клубѣ объяснялъ смыслъ движенія: «Мы хотимъ, — говорилъ онъ, — чтобы всѣ санкюлоты пользовались счастьемъ и довольствомъ, но не желаемъ нарушать собственности, а лишь заста-

вить имѣющихъ болѣе 100.000 ренты подѣлиться съ нами». Въ то же время онъ указывалъ на новыхъ враговъ республики — конституціонныхъ священниковъ — они, по его словамъ, кричатъ противъ дантонизма, робеспьеризма и якобинизма въ деревняхъ.

Возстаніе департаментовъ. „Федерализмъ“.

Въ департаментахъ извѣстіе объ арестѣ депутатовъ вызвало горячіе протесты и сильное возбужденіе. Въ Ліонѣ произошла еще 29 мая кровопролитная битва между санкюлотами и умѣренными, съ которыми соединились роялисты. Глава ліонской коммуны Шалье былъ гильотинированъ. Нѣкоторые изъ депутатовъ-жирондистовъ бѣжали изъ-подъ ареста и возбуждали свои департаменты къ междоусобной войнѣ. Кромѣ Ліона, возстаютъ департаменты Жиронды, Гардъ и Устьевъ Роны, города Нимъ, Авиньонъ, Марсель и Тулонъ. Принятіе конституціи конвентомъ нѣсколько ослабило движеніе, получившее названіе федерализма, но все же почти весь югъ Франціи былъ охваченъ возстаніемъ.

2-й комитетъ общественнаго спасенія.

Комитетъ общественнаго спасенія, во главѣ котораго стоялъ Дантонъ, потерялъ популярность вслѣдствіе своей мягкости къ жирондистамъ и примирительной политики, его смѣнилъ поэтому новый комитетъ, въ которомъ руководящее положеніе занялъ Робеспьеръ. Этотъ такъ называемый 2-ой комитетъ общественнаго спасенія вступилъ въ ожесточенную борьбу съ федералистами и вандейцами, подавляя возстаніе вооруженною силою. Въ то же время конвентъ проводитъ рядъ законовъ, въ корнѣ измѣняющихъ общественный строй.

22 іюня конвентъ принимаетъ проектъ принудительнаго налога на богатыхъ. Устанавливается maximum необходимаго дохода. Большіе доходы облагаются прогрессивнымъ налогомъ, доходящимъ до 50%. Закономъ 11 іюня 93 года возвращались общинамъ всѣ общинныя земли, отнятыя въ продолженіе 200 лѣтъ. 17 іюня уничтожены безъ выкупа феодальныя повинности. Дороговизна съѣстныхъ припасовъ вынуждаетъ конвентъ установить таксу на хлѣбъ, и одно время онъ рѣшаетъ даже фиксировать цѣны на продукты, установивъ издержки производства и добавивъ необходимую прибыль для посредника (1 ноября 1793 года). Такимъ образомъ конвентъ вступаетъ на дорогу коммунализаціи производства, несмотря на свое враждебное отношеніе къ идеямъ коммунистовъ, такъ называемому «аграрному закону».

„Аграрный законъ“.

Коммунистическая пропаганда растетъ еще съ 1790 года. Уже Рабо Сентъ-Этьенъ хотѣлъ задержать ростъ богатствъ, Бильо Вареннъ въ «Элементахъ республиканизма» осуждалъ

крупную собственность и стоялъ за ограниченіе наслѣдственнаго права. Мало-по-малу сложилась цѣлая школа соціалистовъ-теоретиковъ, состоявшая по преимуществу изъ священниковъ, проникнутыхъ идеями библейскаго коммунизма. Аббатъ Курнонъ, краснорѣчивый Фоше (въ 90—91 г.), позже Пьеръ Доливье, кюре Пти-Жакъ и много другихъ обличали фарисейство богатыхъ, алчность скупщиковъ. Ліонецъ Ланжъ утверждалъ, что только рабочіе являются настоящими собственниками. Проповѣдь принесла свои плоды, и въ Парижѣ вокругъ краснорѣчиваго иллюмината Варле и суроваго священника Ру сложилась группа «Бѣшеныхъ», требовавшая гильотины для скупщиковъ. Они нашли себѣ горячую поддержку въ секціи гравильеровъ и клубѣ кордельеровъ. «Бѣшеные» организовали шумныя манифестаціи въ конвентѣ, требуя таксаціи съѣстныхъ припасовъ, наказанія спекулянтовъ и пр. За словами слѣдовали дѣйствія: рабочіе грабили магазины. Казалось, близилась новая революція—«третья». Монтаньяры такъ же, какъ и жирондисты, выступили противъ «Бѣшеныхъ». Дантонъ уже во второмъ засѣданіи конвента добился декрета, объявлявшаго отдѣльныхъ лицъ и собственность подъ охраной націи. Маратъ не менѣе энергично обвинялъ Варле и Ру въ томъ, что они являются переодѣтыми аристократами, «наемниками роялизма». Уже 18 марта 1793 года конвентъ вотируетъ смертную казнь всякому, кто предложитъ «аграрный законъ». Но пока шла борьба съ жирондой, «Гора» щадила «Бѣшеныхъ», находя въ нихъ опору противъ своихъ враговъ. Послѣ паденія жиронды «Гора», хотя и поддерживаетъ суровыя мѣры, принятыя коммуной противъ спекулянтовъ и биржевиковъ, однако стремится сокрушить «Бѣшеныхъ». Ру былъ выгнанъ изъ конвента, когда явился туда 25 іюля съ протестомъ противъ ажіотажа. При содѣйствіи Гебера и Колло д'Эрбуа Робеспьеръ добивается его исключенія изъ списковъ клуба кордельеровъ. Привлеченный къ суду революціоннаго трибунала, Ру покончилъ съ собою. **„Бѣшеные“.**

Терроръ. Гражданская война и внѣшнія неудачи создали атмосферу подозрительности и озлобленія, стремленіе уничтожить враговъ и отомстить измѣнникамъ привели конвентъ къ террору. Коммуна черезъ Шометта потребовала въ конвентѣ установленія террора. Комитетъ общественнаго спасенія поддержалъ это требованіе и учредилъ революціонную армію противъ аристократовъ въ департаментахъ и для снабженія вооруженнымъ путемъ Парижа

съѣстными припасами. Законъ 17 сентября 1793 года предписывалъ арестовывать всѣхъ подозрительныхъ, т.-е. тѣхъ, кто своими рѣчами, произведеніями, поведеніемъ или связями выказывалъ себя врагомъ свободы, приверженцемъ тираніи или федерализма.

Послѣ этого погибла на эшафотѣ Марія Антуанетта, 21 жирондистъ, въ томъ числѣ Бриссо и Верньо, были преданы суду и приговорены къ смерти упрощеннымъ судопроизводствомъ, лишившимъ ихъ возможности защищаться. Немногимъ изъ нихъ удалось бѣжать, да и большинство бѣжавшихъ погибли или на эшафотѣ или отъ своей руки. Г-жа Роланъ умерла также подъ ножомъ гильотины. Кондорсе покончилъ съ собой въ тюрьмѣ.

Политическая программа Робеспьера.

Въ это время главнымъ вождемъ «Горы» является Робеспьеръ. «Золотая средина» движенія, онъ, однако, сознавалъ неизбѣжность классовой борьбы: около 2 іюня у него имѣются такого рода замѣтки: «Всѣ опасности исходятъ отъ буржуазіи; чтобы побѣдить ее, необходимо соединить народъ». И это объединеніе стало для Робеспьера главной задачей дня, съ тѣхъ поръ какъ Маратъ погибъ подъ ножомъ Шарлоты Корде, а Дантонъ удалился отъ дѣлъ и ушелъ въ частную жизнь. Въ концѣ 1793 года онъ намѣчаетъ суровую программу: просвѣтить санкюлотовъ, преслѣдовать вредныхъ писателей, распространить хорошую литературу, избрать республиканскихъ генераловъ, наказать измѣнниковъ и заговорщиковъ.

Комитетъ общественнаго спасенія скоро развиваетъ энергичную дѣятельность. Люди «высокой руки»: Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ и Кутонъ наблюдаютъ за общей политикой; «работники»: Карно вѣдаетъ войну, Пріёръ—вооруженіе, Ленде—военное продовольствіе; «террористы» Колло и Бильо-Вареннъ слѣдятъ за комиссарами конвента и ихъ работой въ департаментахъ. Всемогущій комитетъ мало-по-малу подчиняетъ своей волѣ секціи и народныя общества, сокращаетъ сферу ихъ дѣятельности и сводитъ ихъ исключительно къ полицейской роли. Всѣ 44.000 революціонныхъ комитетовъ были подчинены комитету общественной безопасности, который получилъ право «очищать» ихъ и назначать даже ихъ членовъ. Самымъ крупнымъ соперникомъ комитета явился теперь Геберъ съ товарищами, стремившійся послѣ паденія Ру и «Бѣшеныхъ» къ захвату власти; господствуя надъ клубомъ кордельеровъ и коммуной, они рѣшаютъ очистить конвентъ «отъ изношенныхъ и разбитыхъ колѣнокъ революціи» и

Гебертисты.

снова подчинить его коммунѣ. Первымъ опытомъ ихъ политики была отмѣна культа и провозглашеніе религіи разума. Нетерпимые въ религіи, они домогаются безпощадныхъ репрессій въ департаментахъ. Противъ нихъ теперь направляетъ свои усилія Робеспьеръ, защищая Дантона и Барера. Камиллъ Демуленъ выступаетъ застрѣльщикомъ въ своемъ «Старомъ Кордельерѣ», обличая политику террора и проповѣдуя милосердіе. Двусмысленное поведеніе Фабра д'Эглантина и Филиппо, друзей Дантона, внушаетъ Робеспьеру мысль о скрытой оппозиціи Дантона и его товарищей, и съ этихъ поръ онъ рѣшается бороться со всѣми. Геберъ и его товарищи нашли себѣ поддержку не только у кордельеровъ, но и у якобинцевъ и даже въ самомъ конвентѣ: ихъ поддерживаютъ свирѣпые усмирители: Каррье, вернувшійся изъ Нанта, и Колло, сокрушившій Ліонъ. Нѣкоторое время Робеспьеръ является мишенью для нападеній и уличныхъ памфлетовъ. Среди гебертистовъ создается, мысль о диктатурѣ — они прямо заявляютъ себя маратистами. Тогда Сенъ-Жюстъ, усваивая террористическую программу гебертистовъ, выступаетъ на помощь Робеспьеру и въ своей рѣчи 26 февраля грозитъ сильнѣе ихъ партіи «изношенныхъ», идущей медленными шагами, говорящей о милосердіи, не имѣя добродѣтели. Напрасно кордельеры покрывали флеромъ декларацію правъ и Каррье грозилъ возстаніемъ. Коммуна не двинулась на защиту Гебера съ товарищами, и они погибли на гильотинѣ. Роль коммуны кончилась; клубъ кордельеровъ сходитъ со сцены. Но теперь Робеспьеръ не могъ спасти и Дантона съ его друзьями отъ террористовъ Бильо-Варенна и Колло д'Эрбуа. Ослѣпленный борьбою онъ самъ далъ С.-Жюсту матеріалъ для убійственнаго доклада противъ Дантона. Страстная защита Дантона грозила вызвать возстаніе. Обвиняемые лишены были слова, и подъ сильнымъ давленіемъ комитета судъ приговорилъ ихъ къ смерти. Послѣ казни Дантона, Демулена и ихъ друзей онъ остался одинъ наверху со своимъ вѣрнымъ ученикомъ и помощникомъ С.-Жюстомъ и маленькой кучкой друзей. Сознавая себя господиномъ положенія, онъ, какъ вѣрный послѣдователь религіи савойскаго викарія вводитъ религію Верховнаго Существа. Религіозно-нравственное перерожденіе санкюлотовъ, согласно программѣ, начато, — остается поразить лишь тайныхъ враговъ. И вотъ подъ вліяніемъ Робеспьера издается безжалостный законъ 22 преріаля для кары враговъ народа, подъ которыми разумѣ-

Гибель Дантона.

ются, не только явные, но и скрытые — до желающихъ извратить нравы и помѣшать народному воспитанію. Ни дебатовъ, ни защитниковъ, ни свидѣтелей со стороны обвиняемаго. Единственное наказаніе — смерть. Послѣ этого закона противъ «человѣка преріаля» создается коалиція ужаса. Его рѣчь 8 термидора — рѣчь властнаго правителя и безпощаднаго судіи намѣчаетъ грозную политическую программу: «Какое средство отъ зла? Наказать измѣнниковъ, обновить бюро комитета общественной безопасности, очистить этотъ комитетъ, подчинивъ его комитету общественнаго спасенія, очистить этотъ послѣдній, создать единство власти подъ авторитетомъ національнаго конвента». Напуганные видѣніемъ гильотины члены комитетовъ Гальенъ, Бильо, Вадье и др. составили заговоръ и успѣли объединить конвентъ противъ Робеспьера. И на другой день 9 термидора рѣчь Сенъ-Жюста въ конвентѣ была прервана заговорщиками. Робеспьеру не дали говорить, потребовали ареста «тирана». Робеспьеръ былъ арестованъ вмѣстѣ съ друзьями, которые сами хотѣли раздѣлить его участь. Но авторитетъ Робеспьера былъ такъ великъ, что тюремщики отказались его принять. Арестованные отправились въ городскую мэрію и были объявлены конвентомъ внѣ закона. Попытка поднять секціи не удалась: убитыя комитетомъ общественной безопасности, онѣ слабо отозвались на призывъ коммуны. 14 секцій сперва повиновались, но бездѣйствовали, 18 были противъ Робеспьера, а секція гравильеровъ вмѣстѣ съ другими явилась даже на защиту конвента. Городская ратуша была занята приверженцами конвента, и раненый Робеспьеръ оказался въ рукахъ враговъ. На другой день онъ погибъ на эшафотѣ съ тѣми друзьями, которые не успѣли покончить съ собой.

Конецъ Робеспьера.

Вскорѣ послѣ его смерти гибнетъ и поддерживавшій его якобинскій клубъ.

Судьба якобинскаго клуба.

Долгое время якобинцы идутъ въ хвостѣ революціоннаго движенія, уступая первое мѣсто секціоннымъ собраніямъ и откладывая для нихъ свои засѣданія. Даже, послѣ паденія королевской власти, они лишь 21 сентября 1792 г. рѣшаются принять новое названіе Société des Jacobins amis de la liberté et égalité. Составъ членовъ клуба все болѣе демократизируется и въ немъ начинается ожесточенная борьба между сторонниками жиронды и Робеспьера. Послѣдній одерживаетъ верхъ и добивается исключенія жирондистовъ изъ списка членовъ клуба. Съ этого времени его авторитетъ

въ клубѣ дѣлается неоспоримъ: достаточно одному члену ропотомъ выразить свое недовольство рѣчью Робеспьера, чтобъ непокорнаго вычеркнули изъ списковъ.

По мѣрѣ роста революціоннаго движенія повышается и тонъ циркуляровъ клуба, принимая рѣзкій, возбужденный характеръ. «Тиранъ палъ подъ мечомъ закона», начинается циркуляръ отъ 23 янв. 1793 года. Въ это время клубъ тѣсно сближается съ секціями, и его засѣданія неоднократно прерываются демонстративными шествіями секцій. Значеніе клуба таково, что комиссаръ конвента, на другой день послѣ выступленія съ отчетомъ въ конвентѣ, является съ той же цѣлью на засѣданіе якобинскаго клуба. Маратъ и Дантонъ раздѣляютъ съ Робеспьеромъ руководительство клубомъ. Въ 1794 году клубъ достигаетъ наибольшаго вліянія. Это эпоха бурныхъ преній и усиленной чистки клуба отъ «вредныхъ членовъ». Исключеніе изъ списковъ клуба роковымъ образомъ предшествуетъ гильотинѣ, такъ какъ лишаетъ гражданина свидѣтельства объ его цивизмѣ. Клубъ по мысли Робеспьера становится посредникомъ между конвентомъ и народными массами. 9 термидора—рѣшительный переломъ въ судьбѣ клуба. Съ паденіемъ Робеспьера пренія тускнѣютъ, клубъ быстро теряетъ свой авторитетъ: уже 19 сентября 1794 г. зажиточная молодежь нападаетъ на якобинцевъ. 25 вандемьера III года конвентъ запретилъ сношенія съ филіаціями и коллективныя петиціи. 22 брюмера засѣданія клуба были прекращены навсегда. Слѣдомъ за нимъ гибнутъ и закрываются и остальныя народныя общества.

Реакція шла быстро... та реакція, которую Робеспьеръ прозрѣвалъ еще въ декабрѣ 1793 года, когда говорилъ: «Будемъ бодрствовать, ибо близится конецъ республики!».

А. Васютинскій.

Паденіе республики.

Термидоріанцы.

Конституція 1793 года, пропитанная насквозь демократическимъ характеромъ, не отвѣчала реальному соотношенію общественныхъ силъ въ странѣ. Творцы ея, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ [1]), должны были удѣлить въ ней слишкомъ обширное мѣсто плодамъ идеологическихъ построеній. Теоріи Руссо о народномъ суверенитетѣ и о равенствѣ, увлекавшія буржуазную интеллигенцію въ эпоху деспотизма, стали казаться ужасными той же буржуазной интеллигенціи, когда проникли въ текстъ закона. Защитниковъ у конституціи 1793 года было немного, да и они оказались въ глазахъ общества несостоятельны, когда якобинская диктатура сдѣлала ихъ террористами. Во Франціи 1793 года не было элементовъ настоящей демократіи, которая прочными корнями держалась бы въ соціальной толщѣ. Якобинцы могли править страной своими кровавыми браздами до тѣхъ поръ, пока Вандея и внѣшняя опасность держали въ паникѣ всѣхъ, пока люди вѣрили, что только апоѳеозомъ гильотины можно оградить Францію отъ нашествія, и отъ крушенія — всѣ пріобрѣтенія революціи. Лѣтняя кампанія 1794 года въ Бельгіи и на Рейнѣ устранила опасность непріятельскаго вторженія и снова вернула побѣду подъ знамена молодой республики. Общество успокоилось, а такъ какъ французское общество было буржуазнымъ обществомъ, то въ немъ сейчасъ же заговорили всѣ буржуазные инстинкты. Пока врагъ былъ на французской территоріи, а вандейцы не поддавались,— и торгово-промышленный классъ и крестьянство боялись реставраціи, т.-е. лишенія тѣхъ

Пособія: *A. Sorel.* L'Europe et la Révolution française, тт. IV—V. *A. Vandal.* Avénement de Bonaparte, т. I. *Aulard.* Histoire politique de la Révolution française.

[1]) См. статью «Клубы и партіи».

земельныхъ и иныхъ пріобрѣтеній, которыми революція надѣлила ихъ изъ имущества феодальныхъ классовъ: церкви и эмигрантовъ. Когда опасность нашествія прошла, а гильотина продолжала свирѣпствовать,— они испугались натиска со стороны неимущихъ. Ибо гильотина работала подъ девизомъ равенства и братства. А такъ какъ формально торжество равенства обезпечивалось конституціей 1793 года, была взята подъ подозрѣніе и конституція 1793 года.

Такова была почва, на которой разыгралось 9 термидора. Такова была соціальная атмосфера, въ которой сложилась психика термидоріанцевъ. Люди, сдѣлавшіе 9 термидора, были настоящіе средніе представители буржуазіи. Отъ якобинцевъ ихъ отличала полная беззаботность насчетъ всякихъ идеологій и полное отсутствіе фанатизма, который если не оправдываетъ, то объясняетъ многое въ террорѣ. Между якобинцами тоже были эгоисты, которые свои собственныя цѣли ставили впереди общественныхъ задачъ. Термидоріанцы были, за немногими исключеніями, карьеристы сплошь. Въ нихъ ничего не осталось отъ благороднаго патріотизма Дантона, къ группѣ которой они принадлежали и которому трусливо измѣнили. Они ненавидѣли революцію, хотя дѣйствовали отъ ея имени. Именно потому, что они были карьеристами, имъ было легко взять на себя задачу — защищать среднюю линію политики: не давать ходу якобинцамъ, пускать на общественную арену роялистовъ только до тѣхъ поръ, пока они будутъ угрозою лишь революціи, а не ихъ собственной карьерѣ. Этотъ оппортюнизмъ и составляетъ сущность всей правительственной политики, начиная отъ 9 термидора и кончая 18 брюмера. Ея типичнѣйшіе представители — Баррасъ и Сіийесъ, первый болѣе откровенный и развязный, второй болѣе сдержанный и прикрывавшійся принципами, но оба—карьеристы и оппортюнисты до мозга костей. Секретъ успѣха термидоріанцевъ былъ въ томъ, что и общество, измученное терроромъ, держалось тѣхъ же взглядовъ, а армія, которую дисциплинировала война, еще слѣпо повиновалась общественной власти.

Пятилѣтнее господство термидоріанцевъ для внутренней жизни Франціи было однимъ изъ періодовъ, наиболѣе бѣдственныхъ.

Началось, конечно, съ того, что измѣнили конституцію, чтобы господство буржуазіи имѣло и формальную санкцію закона. Демократическія группы, для которыхъ конституція 1793 года была

единственной гарантіей, не хотѣли сдаваться. Хотя эта конституція никогда не примѣнялась, но для нихъ она была все-таки единственной надеждой. Въ первые дни преріаля III года (май 1795 г.) парижскій пролетаріатъ, какъ въ былыя времена, поднялся съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы потребовать хлѣба и конституціи 1793 года. Конвентъ справился съ возстаніемъ съ помощью роялистовъ. Это была послѣдняя вспышка могущественныхъ когда-то предмѣстій. Потомъ казнили «послѣднихъ монтаньяровъ», и по странѣ пронеслась полоса бѣлаго террора. Въ такой обстановкѣ была вотирована конституція III (1795) года. Роялисты стали чувствовать себя настолько сильными, что попытались уже устроить маленькій государственный переворотъ. Термидоріанское большинство, только что опиравшееся на роялистовъ, чтобы раздавить якобинскій пролетаріатъ, теперь воспользовалось угрожающимъ настроеніемъ роялистовъ, чтобы обдѣлать свои собственныя дѣла. Вслѣдъ за вотированіемъ конституціи былъ принятъ законъ (5 фрюкт. = 21 авг.), согласно которому въ будущія законодательныя собранія должны были быть выбраны, по крайней мѣрѣ, двѣ трети выбывающихъ членовъ конвента. Это рѣшеніе совершенно уничтожало свободу выборовъ, и хотя офиціально оно было направлено противъ роялистовъ, но, разумѣется, задѣло всю страну. Парижскія секціи возстали. И опять-таки подъ тѣмъ предлогомъ, что возстаніе поднято роялистами, конвентъ жестоко подавилъ его, отдавъ начальство надъ войсками Баррасу и ген. Бонапарту, проживавшему въ Парижѣ безъ опредѣленныхъ занятій. Это происходило 13 вандемьера (5 окт. 1795 г.). Потомъ все сдѣлалось какъ по-писаному. Конвентъ разошелся. Произошли выборы. Двѣ трети снова прошли въ депутаты. Настала эра директоріи.

13 вандемьера.

Директорія. Новая конституція была совершенно свободна отъ демократическихъ элементовъ, которые заставляли народъ любить и защищать конституцію 1793 года. Въ ней уже не было всеобщей подачи голосовъ. Цензъ былъ возстановленъ вновь. Вмѣсто одной палаты явились двѣ: совѣтъ пятисотъ и совѣтъ старѣйшинъ, при чемъ была поднята и возрастная норма. Антидемократическія тенденціи французской буржуазіи были закрѣплены въ основномъ законѣ. Кромѣ того, раздѣленіе властей и всякихъ административныхъ инстанцій было проведено такъ рѣшительно, что, напр., для нормальнаго соглашенія директоріи съ собра-

ніями почти не оставалось почвы. Какъ будто, предчувствуя, чѣмъ будетъ директорія, конвентъ умышленно закрывалъ путь къ нормальному равновѣсію властей и толкалъ своихъ преемниковъ на путь переворотовъ.

Общество. Власть принадлежала термидоріанцамъ безраздѣльно въ теченіе двухъ лѣтъ. У нихъ было сплоченное большинство въ законодательныхъ собраніяхъ. Въ ихъ рукахъ была директорія. Изъ пяти директоровъ двое: Баррасъ и Рейбель были вождями термидоріанцевъ; третій, Ларевельеръ-Лепо, бывшій жирондистъ, былъ цѣликомъ на ихъ сторонѣ. Карно и Летурнеръ, старые якобинцы, были въ оппозиціи, хотя и безсильной. Эти два года, несмотря на то, что дѣла республики шли въ общемъ хорошо и на внѣшнихъ театрахъ войны и въ Вандеѣ, были печальнымъ временемъ для Франціи. Экономическій кризисъ продолжался, ассигнаціи падали, нищеты и обездоленности не становилось меньше. Въ обществѣ царила нервная напряженность. Якобинцы боялись что режимъ директоріи приведетъ къ реставраціи. Роялисты еще не рѣшались открыто требовать упраздненія республики, но втайнѣ строили ковы.

Термидоріанцамъ приходилось быть настороже и отбиваться на два фланга. Въ маѣ 1796 года былъ открытъ якобинско-коммунистическій заговоръ Бабефа. И прежде, чѣмъ онъ былъ ликвидированъ окончательно, въ январѣ 1797 года напали на слѣды заговора роялистскаго. Этотъ развертывался значительно успѣшнѣе; ибо хотя наиболѣе рьяныхъ удалось изобличить и предать суду, но съ массою роялистовъ все-таки приходилось сильно считаться. На выборахъ 1797 года роялисты подъ разными личинами вошли въ большомъ количествѣ въ оба собранія. Термидоріанское большинство было разбито. Въ директоріи Летурнеръ выбылъ по жребію и на его мѣсто вступилъ Бартелеми, главный дѣятель Базельскаго мира, человѣкъ по взглядамъ близкій къ роялистамъ. Теперь Баррасу и Рейбелю приходилось очень тяжко. Въ директоріи Карно и Бартелеми, люди съ крупными заслугами передъ родиною, побивали ихъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ. Въ собраніяхъ имъ постоянно приходилось отчитываться и защищаться отъ враждебнаго большинства.

Вѣрные себѣ три члена директоріи, тріумвиратъ — Баррасъ, Рейбель и Ларевельеръ, рѣшили и на этотъ разъ выйти изъ труднаго положенія съ помощью государственнаго переворота.

Такъ какъ армія была вѣрна существующему правительству, то имъ оставалось единственно апеллировать къ арміи.

Армія. Раньше этотъ путь былъ немыслимъ. Армію до термидора не вмѣшивали во внутреннія дѣла. Армія существовала только для того, чтобы защищать республику отъ внѣшнихъ враговъ, и была строго подчинена правительству. Она терпѣливо сносила иго конвентскихъ комиссаровъ, безропотно смотрѣла на то, какъ террористы гильотинировали ея лучшихъ вождей: Гушара, Вестермана, Кюстина, водившихъ ее къ побѣдамъ, не пыталась даже освободить изъ тюрьмы Гоша, которому грозила та же гильотина. Попытка Дюмурье повести за собою армію противъ правительства кончилась для него плачевно. И понятно, почему это было такъ. Первыя республиканскія арміи были вооруженнымъ народомъ, гражданами-патріотами, которые служили родинѣ и, конечно, не пошли бы ни за однимъ генераломъ, если бы онъ вздумалъ повести ихъ противъ правительства. Да и конвентъ отлично понималъ опасность такого пути. Если бы даже возможно было представить себѣ въ то время, т.-е. до термидорскаго переворота, что армія пойдетъ за какимъ-нибудь популярнымъ генераломъ противъ республики, конвентъ никогда не обратился бы къ генералу. Это значило бы сдѣлать его сообщникомъ, т.-е. освободить отъ подчиненія. Конвентъ этого не могъ допустить. Поэтому ни Дантонъ съ друзьями, ни Робеспьеръ съ сообщниками не подумали обратиться къ арміи за помощью, когда ихъ посылали на эшафотъ. Начиная съ термидорскихъ дней, особенно послѣ вандемьера, все сдѣлалось по-другому. Война стала безконечной. Солдаты постепенно начали утрачивать связь съ обществомъ и уже не могли, какъ прежде, мечтать о томъ, чтобы вернуться послѣ похода домой простыми гражданами. Они превращались въ профессіоналовъ. Естественно, теперь они хотѣли имѣть отъ своей профессіи все то, что они теряли дома. Естественно, легендарная котомка «рейнскихъ спартанцевъ» перестала служить идеаломъ. Первая итальянская прокламація Бонапарта 1796 г., гдѣ говорилось о плодороднѣйшихъ въ мірѣ долинахъ, гдѣ солдату сулилась не только слава, но и богатство, является гранью, отъ которой начинается новый періодъ въ исторіи революціонной арміи. Солдаты узнали цѣну золота. Награбленное добро коснулось чистыхъ прежде рукъ. И они стали привязываться къ вождю, который своимъ талантомъ открывалъ имъ путь къ богатству и успѣхамъ. Съ другой стороны, и само

правительство уже не видѣло ничего необыкновеннаго въ томъ, чтобы сдѣлать генерала сообщникомъ и тѣмъ разрушить обаяніе верховной власти надъ сознаніемъ солдата. Если бы генералъ при-комитетѣ общественнаго блага держалъ себя съ правительствомъ такъ, какъ во время итальянскаго похода Бонапартъ съ директоріей,—онъ давно былъ бы гильотинированъ. А директорія мирилась съ явнымъ неподчиненіемъ и глотала всѣ дерзости генерала, который изощрялъ на этихъ дерзостяхъ свой стиль. И все по той же основной причинѣ: потому что термидоріанцы и въ конвентѣ и въ директоріи были карьеристами и собственные интересы ставили выше интересовъ родины. Безъ такой эволюціи арміи было бы немыслимо 18 брюмера. Фрюктидорскія событія 1797 года послужили какъ бы маленькой репетиціей для болѣе серьезныхъ покушеній. **18 фрюктидора.**

Тріумвиратъ, не зная, какъ выйти изъ тяжелаго положенія, прежде всего прибѣгъ къ Гошу, ловко сыгравъ на его демократическихъ убѣжденіяхъ и на его простодушіи.

Ярый якобинецъ, котораго призракъ роялизма приводилъ въ неистовство, Гошъ сейчасъ же подъ первымъ попавшимся предлогомъ двинулъ было часть Самбро-Мааской арміи къ Парижу, но собранія узнали объ этомъ маневрѣ (іюль 1797 г.) и армію пришлось повернуть. Тогда обратились къ Бонапарту, и тотъ изъ итальянской арміи прислалъ въ Парижъ генерала Ожеро, тоже якобинца, человѣка безумной отваги и очень недалекаго[1]). И въ то время, какъ заговорщики подготовляли декретъ о преданіи суду Барраса, Рейбеля и Ларевельера и поручали предсѣдателю пятисотъ, генералу Пишегрю, уже давно тайно предавшемуся австрійцамъ, команду надъ вооруженной силою, обреченные директора не теряли времени. Декретъ о преданіи суду долженъ былъ быть принятъ 17 фрюктидора (3 сент. 1797 г.). Въ этотъ день Ожеро занялъ зданія собраній, разогналъ депутатовъ; арестовалъ намѣченныхъ изъ ихъ среды. Въ числѣ арестованныхъ были Бартелеми и Пишегрю. Карно успѣлъ бѣжать. На другой день, 18 фрюктидора, переворотъ былъ оформленъ. Нарядили чрезвычайный судъ, который осудилъ 65 человѣкъ, въ

---

[1]) Въ случаѣ неудачи Ожеро Бонапартъ долженъ былъ двинуться на Парижъ самъ во главѣ своей арміи. Вообще для Бонапарта фрюктидоръ игралъ роль пробнаго камня. Именно послѣ фрюктидора тонъ его писемъ къ директоріи становится особенно дерзкимъ.

томъ числѣ нѣсколько членовъ обоихъ законодательныхъ собраній, и, конечно, Карно, Бартелеми и Пишегрю. Кто не бѣжалъ, былъ отправленъ въ жертву «сухой гильотины» Гвіаны. На освободившіяся въ директоріи мѣста были избраны Мерленъ изъ Дуэ, старый товарищъ Барраса, и Франсуа изъ Нешателя, пѣшка, котораго можно было толкать въ какую угодно сторону.

Рецидивъ якобинства. Якобинцы, которые помогали директоріи отдѣлаться отъ роялистовъ, подняли голову. Они думали, что разъ армія въ лицѣ Гоша и Бонапарта на ихъ сторонѣ и готова предоставить свое побѣдоносное оружіе на защиту старыхъ революціонныхъ принциповъ, то директорія не посмѣетъ имъ мѣшать. И вотъ открылись вновь политическіе клубы, и вновь зазвучала въ нихъ пламенная рѣчь, умолкшая съ самаго термидора. Это значило повѣрить революціонной искренности Барраса и его друзей. Это значило повѣрить въ ихъ честность вообще и забыть, что они — не болѣе, какъ кучка проходимцевъ. Уже вскорѣ послѣ фрюктидора якобинскіе клубы и якобинская печать стали подвергаться стѣсненіямъ, а когда выборы IV (1798) года отдали было значительное количество полномочій въ руки якобинцевъ, директорія съ помощью преданныхъ ей собраній учинила еще одну чистку, на этотъ разъ не прибѣгая къ помощи генераловъ. При провѣркѣ полномочій выборы людей, извѣстныхъ въ качествѣ завѣдомыхъ якобинцевъ, были признаны недѣйствительными. Подъ «разъясненіе» попали около шестидесяти человѣкъ. Мѣра эта была оформлена 22 флореаля VI года (11 мая 1798). Одновременно директоръ Франсуа, бывшій калифомъ на часъ, выбылъ по жребію, и мѣсто его занялъ Трельяръ,—тоже ничтожество, но въ отличіе отъ своего предмѣстника, ничтожество высокомѣрное.

22 флореаля.

Теперь Баррасъ и Рейбель могли быть спокойны. Двумя актами грубаго насилія они избавились отъ наиболѣе ярыхъ своихъ противниковъ. И никогда ни одна диктатура не держала себя съ такимъ цинизмомъ, съ какимъ держался Баррасъ послѣ фрюктидора и флореаля. Онъ зналъ, что бояться ему было некого. Гошъ умеръ, Бонапартъ былъ въ Египтѣ; изъ другихъ генераловъ никто не обладалъ такой популярностью, чтобы рискнуть поднять шпагу на республиканское правительство. Поэтому наглость Барраса и его товарищей перешла всѣ границы. Наполеонъ превосходно характеризуетъ директорію этого періода въ своихъ мемуарахъ (II, 235): «Общая система директоріи заключалась въ томъ, чтобы властвовать наперекоръ правосудію, конституціи и разуму; по-

селять рознь, для того, чтобы царить, воздвигать гоненія, обогащать своихъ креатуръ и тревожить Европу». Безпринципность отъ правительства кругами стала расходиться по странѣ. Распущенность воцарилась самая невѣроятная. Административная машина расшатывается. Экономическая дѣятельность прекращается. Богатѣютъ только паразиты, которымъ небезкорыстно мирволятъ директоры и министры. Нѣтъ ничего удивительнаго, что якобинцы продолжали волноваться; что роялисты тоже не собирались положить оружіе и въ провинціи попрежнему развивали упорную дезорганизующую дѣятельность, направленную противъ республики; что на поляхъ сраженія французскія войска начали терпѣть пораженія. Докладчикъ комиссіи совѣта пятисотъ, которой было поручено произвести разслѣдованіе насчетъ состоянія умовъ и нравовъ, говорилъ, обращаясь къ собранію: «Нѣтъ ни одной отрасли администраціи, куда не проникли бы развратъ и подкупъ... Вы не можете дольше терпѣть такого положенія вещей; иначе вы сдѣлаетесь соучастниками этихъ людей, противъ которыхъ раздается народный голосъ. Вы вырвете изъ ихъ роскошныхъ каретъ и бросите въ жертву народному презрѣнію — этихъ людей, чьи громадныя богатства свидѣтельствуютъ о гнусныхъ и преступныхъ средствахъ, при помощи которыхъ они ихъ нажили». Эти слова имѣли въ виду поставщиковъ и бюрократію, но они попадали не въ бровь, а въ глазъ директоріи. И люди, которые еще не окончательно забыли о республикѣ изъ-за «роскошныхъ каретъ» и пышныхъ баловъ, начали думать о томъ, какъ положить конецъ этому невозможному положенію. Оппозиція противъ директоріи выросла въ средѣ самихъ фрюктидоріанцевъ, когда выборы VII (1799) года послали въ собранія людей враждебныхъ не политической системѣ, какъ выборы двухъ предыдущихъ лѣтъ, а людямъ, стоявшимъ во главѣ республики. Въ собраніяхъ образовалась партія, которая называла себя ново-умѣренной. Вождь у нея былъ тоже готовъ. Изъ директоріи по жребію ушелъ Рейбель, вмѣсто котораго, вопреки желанію Барраса, прошелъ Сійесъ (17 мая 1799).

Торжества Барраса.

При этихъ условіяхъ Баррасу уже никакъ нельзя было предпринять новаго государственнаго переворота. Наоборотъ, ему нужно было быть очень насторожѣ, чтобы самому не сдѣлаться жертвою какого-нибудь переворота. И со свойственной ему ловкостью Баррасъ избѣжалъ опасности, хотя переворотъ дѣйствительно совершился. Для этого ему понадобилось только стать

Баррасъ и Сійесъ.

предателемъ по отношенію къ собственнымъ пособникамъ: пустякъ, передъ которымъ онъ, конечно, не остановился. Когда 17 преріаля совѣтъ пятисотъ обратился къ директоріи съ запросомъ о причинахъ постигшихъ республику неудачъ и о мѣрахъ, которыя директорія думаетъ предпринять, чтобы поправить дѣла, Баррасъ понялъ, что наступило начало конца. Но онъ все-таки попытался спасти положеніе проволочками. На запросъ директорія отвѣта не дала, а за кулисами, столковавшись съ Сійесомъ, Баррасъ сталъ валить вину во всемъ на Мерлена, Ларевельера и злополучнаго Трельяра, который во всякомъ случаѣ былъ невиненъ, какъ новорожденный младенецъ. Это подѣйствовало. 28 преріаля совѣтъ пятисотъ категорически потребовалъ отвѣта на запросы. Директорія отвѣчала уклончиво. Тогда оба собранія пошли на приступъ, зная, что сопротивляться директорія не будетъ. 30 преріаля (18 іюня 1799 г.) совѣтъ пятисотъ кассировалъ выборы Трельяра — подъ законнымъ предлогомъ, но очень поздно: прошелъ уже годъ — и высказался за принятіе рѣшительныхъ мѣръ, чтобы удалить изъ директоріи Мерлена и Ларевельера. Трое обреченныхъ членовъ директоріи, покинутые всѣми, преданные Баррасомъ, не имѣли выхода. Они удалились и были замѣнены Рожеромъ Дюко, Гойе и ген. Муленомъ. Изъ нихъ Рожеръ Дюко былъ тѣнью Сійеса, а двое остальныхъ—честными республиканцами, но посредственностями. Смыслъ этого новаго маленькаго переворота былъ въ томъ, что скипетръ директоріи перешелъ отъ Барраса къ Сійесу.

30 преріаля.

Республика въ опасности.

Теперь Сійесъ могъ отдаться осуществленію своихъ плановъ насчетъ спасенія отечества. Сійесъ тоже былъ карьеристомъ, но онъ былъ честнѣе, чѣмъ Баррасъ, и имѣлъ несомнѣнныя заслуги передъ страною. Въ планахъ, которые носились въ его умѣ, его собственная персона, конечно, играла большую роль, но онъ искренне скорбѣлъ по поводу тѣхъ бѣдъ, которыя переживала Франція, и искренно хотѣлъ избавить ее отъ этихъ бѣдъ. А положеніе все усложнялось. Якобинцы захватили Манежъ и учредили тамъ свой клубъ, въ которомъ ораторствовали Ожеро и Бернадотъ, командовавшіе цѣлымъ сонмомъ ораторовъ изъ числа бывшихъ членовъ конвента. Роялисты продолжали волновать общественное мнѣніе въ Парижѣ, гдѣ они устроили свой штабъ въ самомъ Пале-Роялѣ; въ провинціи они уже не ограничивались простыми разбоями и облавами на республиканцевъ, а составляли цѣлые отряды, собираясь повторить Вандею. Одинъ изъ

такихъ отрядовъ, доходившій до 20.000 чел., едва не взялъ смѣлымъ натискомъ Тулузу (авг. 1799 г.). На полѣ дѣла Франціи не поправлялись. Суворовъ продолжалъ побѣждать въ Италіи; на Рейнѣ и въ Голландіи не было замѣтно никакихъ успѣховъ. Становилось ясно, что не только потерпѣло банкротство данное правительство, но что разлагается само государство. И во Франціи не было, строго говоря, никакого государства въ эти мрачные лѣтніе мѣсяцы 1799 года. Было ясно, что обычными средствами горю помочь нельзя. Необходимо было изобрѣсти что-нибудь экстраординарное. Одной изъ такихъ экстраординарныхъ мѣръ былъ поистинѣ ужасный законъ о заложникахъ, который могъ быть принятъ только въ той атмосферѣ паническаго страха, въ какой работали директорія и собранія въ 1799 году. Онъ былъ вотированъ 24 мессидора VII года (12 іюля 1799 г.) и заключался въ слѣдующемъ: въ случаѣ появленія въ какой-нибудь мѣстности смуты и безпорядковъ, по отношенію къ ней законодательный корпусъ по предложенію директоріи прибѣгаетъ къ установленію круговой отвѣтственности. За всякое преступленіе отвѣтственными считаются не только родственники виновныхъ, мужчины и женщины, но и всѣ живущіе тутъ бывшіе дворяне и родственники эмигрантовъ. Они арестуются, какъ заложники. За убійство каждаго патріота, на нихъ налагается коллективный штрафъ въ 5.000 ливровъ и ссылается четверо заложниковъ. Грабежъ возмѣщается потерпѣвшимъ изъ средствъ заложниковъ.

Эта чисто-террористическая мѣра, къ счастью, почти не примѣнялась, но самое принятіе ея указываетъ, до какой степени растерянности довела директорію неодолимая для нея анархія. Послѣ такого лѣкарства, которое хотѣли прописать Франціи, диктатура уже не должна была казаться чѣмъ-нибудь страшнымъ.

Въ своихъ мемуарахъ Наполеонъ очень хорошо характеризуетъ ту атмосферу, въ которой зародилась тоска по диктатурѣ. «Когда,—говоритъ онъ (II, 367),—правительство обнаруживаетъ плачевную слабость и перемѣнчивость, не знающую границъ; когда—поддаваясь, по очереди, вліянію противоположныхъ партій, живя изо дня въ день, безъ опредѣленнаго плана, безъ твердой линіи поведенія, власть показываетъ мѣру своей несостоятельности; когда наиболѣе умѣренные изъ гражданъ вынуждены признать, что государствомъ болѣе не управляютъ; когда, наконецъ, съ ничтожествомъ во внутреннихъ дѣлахъ администрація соединяетъ

грѣхъ, въ глазахъ гордаго народа наиболѣе тяжкій: униженіе въ политикѣ внѣшней, — тогда смутное безпокойство распространяется въ обществѣ, его начинаетъ волновать чувство самосохраненія, и, пробѣгая взорами вокругъ, оно какъ бы начинаетъ искать человѣка, способнаго спасти его. Многочисленная нація всегда имѣетъ въ нѣдрахъ своихъ такого генія-спасителя, но иногда онъ поздно себя показываетъ... Но пусть только этотъ ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ спаситель обнаружитъ признаки своего существованія: національный инстинктъ угадываетъ его и посылаетъ ему свой призывъ; препятствія сглаживаются передъ нимъ, и великій народъ весь летитъ къ его пути, какъ бы говоря: вотъ онъ!»

Въ этихъ строкахъ хорошо схвачена внѣшняя психологія общества. Но они, конечно, не объясняютъ тѣхъ причинъ, которыя съ необходимостью вели къ паденію республики. Между тѣмъ такія причины были. Республика изжила себя и не могла больше держаться. Чѣмъ это объяснялось?

Непрочность республики. Республика была создана необходимостью организовать наилучшимъ способомъ защиту соціальныхъ пріобрѣтеній революціи какъ внутри страны, такъ и внѣ ея. До тѣхъ поръ, пока существовала монархія, до тѣхъ поръ, пока были живы тѣ мотивы чисто династическаго свойства, которые связывали ее внутри страны съ опредѣленными соціальными группами и внѣ ея—съ иностранными династіями, соціальныя задачи революціи не могли получить осуществленія. Доказательствомъ этому можетъ служить хотя бы безплодность всей соціальной политики Учредительнаго Собранія и колебанія въ этихъ вопросахъ Легислативы, особенно въ первое время. Когда обнаружились связи короля съ прусскимъ и австрійскимъ правительствами, руководители движенія рѣшили удалить монарха изъ системы французскихъ государственныхъ учрежденій, чтобы сокрушить могущественный союзъ представителей стараго порядка противъ революціи. Когда республика была провозглашена, она самымъ энергичнымъ образомъ вступила въ борьбу со старымъ порядкомъ и путемъ неслыханнаго напряженія силъ, путемъ жесточайшихъ репрессій отбила натискъ реставраціонныхъ силъ какъ снаружи, такъ и внутри. Оставалось одно—дать форму новому порядку: обезпечить соціальныя пріобрѣтенія революціи твердыми законами и крѣпкой административной организаціей. И законы и административная организація должны были охранять интересы той группы обще-

ства, которая была въ силѣ и которая обратила исключительно въ свою пользу соціальный переворотъ: третьяго сословія или, говоря точнѣе, буржуазіи и крестьянства. Внѣ третьяго сословія оставались ограбленные аристократы, которые по политической окраскѣ были роялистами, и обдѣленные соціальной революціей, голодные пролетарскіе элементы, политическимъ образомъ мыслей которыхъ было якобинство. Мы уже знаемъ, что временная побѣда послѣднихъ, закрѣпленная въ конституціи 1793 года и поддерживавшаяся терроромъ, была недолга, ибо не отвѣчала реальному соотношенію силъ: термидоріанская реакція отдала власть въ руки политическихъ представителей буржуазіи. И именно буржуазія и крестьянство требовали теперь такого порядка, который не боялся бы натиска ни справа ни слѣва, ни со стороны ограбленныхъ, ни со стороны голодныхъ. Республика, которая сама себѣ нанесла смертельную рану, отправивъ на эшафотъ лучшихъ политиковъ Франціи, оказалась безсильна дать требуемыя обществомъ гарантіи. И когда директорія доказала это съ полной очевидностью, часъ республики пробилъ.

Планъ Сійеса.

Сійесъ, который былъ проводникомъ буржуазныхъ идеологій въ правительствѣ, лучше, чѣмъ кто-нибудь, понималъ, что дѣло должно этимъ кончиться, и принялся высматривать себѣ подходящаго генерала, который могъ бы взяться за совершеніе переворота. Притомъ Сійесъ пока былъ совершенно увѣренъ, что генералъ будетъ только оружіемъ въ его рукахъ, что онъ, какъ Ожеро 18 фрюктидора, сдѣлаетъ свое дѣло и сейчасъ же вложитъ свою шпагу въ ножны, не претендуя больше ни на что. Сійесу важно было только разогнать оба собранія и провести свою конституцію. Планъ ея, хотя и не окончательный, былъ у него готовъ. Словомъ, дѣло стояло за генераломъ. Самымъ подходящимъ въ глазахъ Сійеса послѣ смерти Гоша былъ Бонапартъ. Но Бонапартъ сражался въ Египтѣ, былъ отрѣзанъ моремъ отъ родины, и извѣстія, которыя печатали о немъ англійскія газеты, были довольно грустныя. Нужно было выбирать между остальными. Но кого? Ожеро уже не годился, потому что сталъ черезчуръ ярымъ якобинцемъ, точно такъ же, какъ Журданъ и Бернадотъ. Послѣдняго пришлось даже отставить отъ поста военнаго министра: такой страхъ внушали его друзья, якобинцы новой формаціи изъ Манежа. Изъ остальныхъ крупныхъ генераловъ Моро былъ слишкомъ мало пропитанъ духомъ политической интриги, чтобы ему можно было довѣрить

такую деликатную миссію. Перебирая другихъ, Сійесъ, въ концѣ-концовъ, остановился на молодомъ Жуберѣ. Этотъ генералъ уже давно подавалъ большія надежды и въ 1797 году блестящимъ образомъ отличился въ Италіи подъ начальствомъ Бонапарта въ битвѣ при Риволи и въ Тиролѣ, гдѣ онъ командовалъ лѣвымъ флангомъ арміи. Но его итальянскія отличія были еще недостаточны, чтобы его политическое выступленіе получило вѣсъ въ глазахъ общества. Поэтому, чтобы дать ему возможность прославиться еще больше, Сійесъ рѣшилъ послать его въ Италію противъ Суворова. Если бы ему удалось побѣдить страшнаго русскаго генерала, онъ долженъ былъ вернуться въ Парижъ, разогнать оба собранія и расчистить Сійесу почву для проведенія его конституціи. Жуберъ далъ увлечь себя блестящими перспективами, и отправился въ Италію во главѣ новой арміи. Эта была послѣдняя ставка Сійеса, и она была проиграна. Суворовъ при Нови разбилъ Жубера (15 авг. 1799), и самъ кандидатъ въ диктаторы палъ на полѣ битвы. Сійесъ началъ приходить въ отчаяніе и уже сталъ придумывать о томъ, нельзя ли провести кандидатуру герцога Орлеанскаго. Само собою разумѣется, что враги республики, якобинцы и роялисты, особенно роялисты, удвоили усилія, направленныя противъ администраціи.

Но судьба улыбнулась, наконецъ, Франціи. Въ сентябрѣ счастье повернулось къ ней лицомъ. Въ Швейцаріи Массена съ Лекурбомъ, Молиторомъ, Сультомъ совершенно очистилъ Швейцарію отъ русскихъ и австрійцевъ и устранилъ опасность вторженія, которая представлялась очень реальной. Ней отразилъ австрійцевъ на Рейнѣ, Брюнъ разбилъ англо-русскую армію въ Голландіи, и даже отъ Бонапарта получился запоздалый бюллетень объ Абукирской побѣдѣ. Настроеніе общества сразу перемѣнилось. И роялисты и якобинцы, къ которымъ раньше прислушивались со вниманіемъ, потеряли почву подъ ногами. Кредитъ республики поднялся, и мысль о диктатурѣ перестала казаться такой соблазнительной, какъ прежде. Стали надѣяться, что республика, можетъ-быть, и справится съ затрудненіями сама, безъ помощи генеральской шпаги и переворота.

Бонапартъ. Таково было положеніе дѣлъ, когда вернулся изъ Египта Бонапартъ. Онъ пріѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ произвести переворотъ и стать во главѣ исполнительной власти Франціи. Самая мысль зародилась у него уже давно. Когда сраженіе при Лоди, выигранное такъ геніально-легко, впервые заставило

молодого генерала посмотрѣть на себя, какъ на человѣка высшаго порядка, когда дальнѣйшія его битвы съ австрійцами, очистившія Италію и даровавшія Франціи давно желанный миръ, подняли его популярность до самыхъ необъятныхъ размѣровъ и доставили ему возможность не считаться съ директоріей совершенно, — ему пришла въ голову мысль о диктатурѣ. Но взвѣсивъ все, онъ отложилъ ея осуществленіе. Онъ говорилъ въ Момбелло одному изъ своихъ друзей, Мельци: «Я хотѣлъ бы разстаться съ Италіей только затѣмъ, чтобы во Франціи играть приблизительно такую же роль, какую я играю здѣсь. Но моментъ еще не насталъ: груша не созрѣла. Къ тому же не все зависитъ отъ меня одного. Въ Парижѣ еще не достигнуто соглашеніе. Одна партія работаетъ въ пользу Бурбоновъ. Я не хочу содѣйствовать ея торжеству. Мнѣ необходимо когда-нибудь ослабить республиканскую партію, но только въ моихъ собственныхъ интересахъ. Пока же приходится итти объ руку съ республиканцами. Поэтому, чтобы ублаготворить парижскихъ ротозѣевъ (badauds), нуженъ миръ, а разъ онъ нуженъ, то заключу его я. Ибо если миръ принесетъ Франціи кто-нибудь другой, то это одно поставитъ его въ общественномъ мнѣніи гораздо выше, чѣмъ меня всѣ мои побѣды».

Насчетъ арміи онъ былъ спокоенъ. Въ солдатахъ онъ былъ увѣренъ вполнѣ, ибо зналъ, что былъ кумиромъ солдатъ. И, конечно, не будь этихъ новыхъ, имъ же самимъ отчасти созданныхъ отношеній между командующимъ генераломъ и солдатами, у него вообще не было бы почвы для брюмерскаго дерзанія. Труднѣе было заставить подчиниться офицеровъ, и особенно генераловъ, изъ которыхъ многіе не могли примириться съ тѣмъ, что «выскочка» Бонапартъ обходитъ и Гоша, и Моро, и Массену, и Журдана — людей, оказавшихъ столько услугъ родинѣ. На счастье Бонапарта, Гошъ, самый серьезный конкурентъ, умеръ. И все-таки, чтобы заставить генераловъ и офицеровъ подчиниться, нужно было сдѣлаться гражданской властью. Новый стимулъ для стремленій къ перевороту.

Египетская экспедиція Бонапарта вполнѣ логически вытекала изъ этихъ трезвыхъ, математически правильныхъ силлогизмовъ. За это время «груша» непремѣнно должна была созрѣть, а его популярность—вырасти отъ новыхъ подвиговъ. Онъ ничего не терялъ и могъ все выиграть. И когда онъ покидалъ Египетъ во главѣ своей крошечной эскадры, у него уже созрѣлъ планъ дѣйствія. Въ

мемуарахъ (II, 372) мы читаемъ по этому поводу слѣдующія откровенныя слова: «Его рѣшеніе было принято. То, чего онъ не хотѣлъ попробовать по возвращеніи изъ Италіи, онъ рѣшилъ сдѣлать теперь. Онъ глубоко презиралъ правительство директоріи и коноводовъ обоихъ собраній. Завладѣть властью, вернуть Франціи дни ея славы, дать твердое направленіе общественнымъ дѣламъ — вотъ для выполненія какого проекта онъ уѣхалъ изъ Египта» [1]).

Въ Парижѣ на возвращеніе Бонапарта надѣялись мало. Тамъ очень хорошо помнили, что у него не осталось эскадры и что Нельсонъ зорко стережетъ Средиземное море. И Сійесъ уже собирался устроиться безъ него. Въ началѣ октябрѣ въ Парижъ пріѣхалъ изъ Италіи смѣнившій тамъ Жубера Моро, чтобы получить новыя инструкціи. Сійесъ вызвалъ его къ себѣ, чтобы уговорить его стать во главѣ переворота. Но пока онъ ждалъ Моро, ему принесли депешу о высадкѣ Бонапарта во Фрежюсѣ. Когда Моро пришелъ, Сійесъ молча протянулъ ему депешу. И Моро, словно обрадованный, что ему не придется марать свою шпагу насиліемъ надъ законнымъ правительствомъ, воскликнулъ: «Вотъ тотъ, кто вамъ нуженъ. Онъ устроитъ вамъ переворотъ получше, чѣмъ я». Сійесъ оставилъ его въ покоѣ, чтобы дождаться Бонапарта, переѣздъ котораго изъ Фрежюса въ Парижъ превратился какъ-то самъ собою въ тріумфальное шествіе.

Подготовка переворота. Теперь возникаетъ вопросъ. Если принять во вниманіе, что побѣда французскихъ генераловъ успокоили общество, что оно освободилось отъ цѣпкихъ когтей паники и перестало искать избавленія въ диктатурѣ, — не отягчаетъ ли все это преступленіе Сійеса и Бонапарта еще больше? Оларъ, напр., прямо утверждаетъ, что идея переворота успѣла потерять всѣ корни въ обществѣ, когда разразилось 18 брюмера, что Бонапарту пришлось искусственно ускорять событія, чтобы не потерпѣть неудачи благодаря промедленію. Едва ли это было такъ. Съ моральной точки зрѣнія 18 брюмера едва ли нуждается въ какихъ-то еще отягчающихъ обстоятельствахъ. Оно и безъ того является тяжкимъ преступленіемъ, ибо въ немъ цѣлая страна съ ея интересами была принесена въ жертву личному честолюбію. А съ политической точки зрѣнія нельзя преувеличивать поворота въ обще-

[1]) Въ мемуарахъ, которые онъ диктовалъ генераламъ, жившимъ на о. св. Елены вмѣстѣ съ нимъ, Наполеонъ, подобно Цезарю въ «Комментаріяхъ», говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

ственномъ настроеніи. Прежде всего, никакихъ вспышекъ недовольства, сколько-нибудь значительныхъ: даже якобинцы не пытались протестовать активно. Наоборотъ, въ Парижѣ и провинціи были радостныя манифестаціи. И потомъ, развѣ можно считать прочнымъ чувство облегченія, когда не было еще мира, и когда каждый день могъ принести новую перемѣну военнаго счастья? Развѣ послѣ Цюриха и передъ Маренго не было капитуляціи Генуи? Сійесъ разсуждалъ, какъ опытный политикъ, когда не захотѣлъ оставить мысли о диктатурѣ послѣ побѣдъ Массены и Брюна. Онъ лишь разстался съ идеей монархической реставраціи, ибо въ періодъ относительнаго спокойствія Бурбона или Орлеана не потерпѣли бы ни буржуазія ни крестьянство: первая— изъ страха передъ возвращеніемъ режима административной и финансовой безотвѣтственности, второе — изъ страха передъ отобраніемъ участковъ, купленныхъ изъ фонда національныхъ имуществъ. Но Сійесъ разсчитывалъ, что мысль о диктатурѣ можетъ быть проведена въ сознаніе общества путемъ такой, довольно простой, логической операціи: диктатура—это власть побѣдоноснаго — только побѣдоноснаго — генерала; общество, несомнѣнно, хочетъ мира; счастливый полководецъ дастъ ему желанный миръ, завоеванный побѣдой; миръ, въ свою очередь, закрѣпитъ всѣ соціальныя и политическія пріобрѣтенія революціи. Такъ какъ въ способность директоріи сдѣлать все это уже извѣрились, то диктатура становилась пріемлемой для общества. У Бонапарта были такія же свѣдѣнія. Оставалось сговориться ему съ Сійесомъ и подготовить ударъ практически.

Сійесъ былъ необходимъ Бонапарту, потому что безъ сообщника въ директоріи онъ не могъ надѣяться на успѣхъ. Но для него было ясно, что съ Сійесомъ онъ сдѣлаетъ только первый шагъ, а потомъ отдѣлается отъ него. Ибо если и Сійесъ сообразилъ, въ концѣ-концовъ, что шпага Бонапарта «слишкомъ длинна» для него [1]), то и Бонапартъ предпочиталъ имѣть то-

---

1) Сійесъ не скрывалъ своихъ политическихъ опасеній насчетъ Бонапарта. Однажды, бесѣдуя съ Кабанисомъ и старшимъ братомъ генерала, Жозефомъ, о своемъ планѣ сдѣлать Бонапарта консуломъ въ компаніи съ собою и третьимъ лицомъ, Сійесъ сказалъ: «Я хочу итти объ руку съ генераломъ Бонапартомъ, потому что изъ всѣхъ военныхъ онъ все же наиболѣе штатскій. Но я знаю, что меня ждетъ: послѣ побѣды генералъ отстранитъ своихъ двухъ товарищей и сдѣлаетъ вотъ что». Сійесъ прошелъ между своими двумя собесѣдниками, отодвинулъ ихъ назадъ протянутыми руками и очутился одинъ въ срединѣ комнаты.

варищами людей менѣе крупныхъ и менѣе умныхъ, чѣмъ авторъ «Qu'est ce que le tiers état». Но такъ какъ оба были обречены силою вещей сдѣлать первый шагъ вмѣстѣ, то они добросовѣстно старались столковаться, ибо отлично понимали, что въ случаѣ неудачи дѣло идетъ объ ихъ головахъ. И временами казалось, что между ними не далеко до разрыва. Если бы не Талейранъ съ Редереромъ, Сійесу пришлось бы «искать другого генерала», когда Бонапартъ отказался принять составленный имъ проектъ конституціи. Въ концѣ-концовъ, Сійесъ долженъ былъ пойти на то, что соглашеніе будетъ касаться лишь способовъ осуществленія переворота.

Когда оба столковались, явилась другая задача: устроить такъ, чтобы у переворота не было сильныхъ противниковъ. Несмотря на всѣ благопріятныя обстоятельства, задача вовсе не была проста. Въ директоріи Рожеръ Дюко безъ труда былъ завоеванъ съ самаго начала. Отъ Гойе и Мулена, извѣстныхъ своимъ прямолинейнымъ республиканизмомъ, было рѣшено отдѣлаться тѣмъ или инымъ способомъ. Труднѣе было обойти Барраса, но неопредѣленные посулы сдѣлали свое дѣло, и отъ Барраса получили обѣщаніе сохранять нейтралитетъ. Затѣмъ пошли министры: Камбасересъ, какъ самый вліятельный, Фуше, какъ самый нужный, были привлечены въ первую очередь. Объ остальныхъ можно было не волноваться. Затѣмъ были установлены тѣсныя связи въ обоихъ собраніяхъ. Гораздо существеннѣе былъ вопросъ о генералахъ. Египетскіе товарищи Наполеона, которые пріѣхали съ нимъ, были, конечно, на его сторонѣ: Бертье, Мюратъ, Мармонъ, Ланнъ. Кое-кого изъ старыхъ друзей: Серрюрье, Макдональда, Бонапартъ нашелъ въ Парижѣ. Но оставался Моро. Если бы противники переворота во-время сумѣли обезпечить себѣ его содѣйствіе, Сійесу съ Бонапартомъ пришлось бы трудно. Понадобилось много лести и много ухаживаній, чтобы получить увѣренность въ томъ, что Моро не будетъ на той сторонѣ. Съ якобинцами: Журданомъ, Ожеро и Бернадотомъ рѣшили не вести серьезныхъ переговоровъ, ибо не считали ихъ опасными. Только съ первымъ изъ нихъ Бонапартъ имѣлъ ничего не значащій разговоръ. Позднѣе, когда фактъ совершился, они его признали. Въ заключеніе крупные финансисты обѣщали матеріальную по-

---

Бонапарту, конечно, сейчасъ же передали это мудрое предчувствіе, изображенное въ лицахъ. Онъ улыбнулся и замѣтилъ: «Да здравствуютъ остроумные люди: Сійесъ не ошибся».

мощь, ибо переворотъ былъ для нихъ гарантіей и отъ соціальной революціи и отъ соціальной реставраціи, т.-е. отъ финансовыхъ потрясеній всякаго рода.

Переворотъ.

И все-таки, несмотря на всѣ мѣры предосторожности, переворотъ или оказался бы вовсе неосуществимъ, или во всякомъ случаѣ не прошелъ бы такъ гладко, если бы совѣтъ старѣйшинъ не былъ расположенъ въ пользу конституціонной реформы, о которой давно толковалъ Сійесъ, и если бы онъ по близорукости не принялъ диктатуру за простую конституціонную реформу. Да и совѣтъ пятисотъ, относясь съ большимъ подозрѣніемъ къ Сійесу, не имѣлъ никакихъ подозрѣній насчетъ Бонапарта, не имѣлъ настолько, что 1 брюмера, т.-е. когда генералъ былъ уже въ Парижѣ, онъ выбралъ своимъ предсѣдателемъ его брата Люсьена. Все, такимъ образомъ, благопріятствовало планамъ заговорщиковъ. 18 и 19 брюмера (9 — 10 нояб. 1799 г.), черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ Бонапартъ высадился во Фрежюсѣ, переворотъ совершился.

Въ ночь на 18 брюмера въ квартиру Бонапарта собрались преданные ему военные, а ген. Собастіани привелъ находившихся подъ его начальствомъ драгунъ. Члены обоихъ собраній изъ числа лицъ, на которыхъ могли полагаться Бонапартъ и Сійесъ,— сомнительные, а тѣмъ болѣе оппозиція были благоразумно оставлены въ сторонѣ, — получили повѣстки, приглашавшія ихъ на засѣданія въ 8 ч. утра. Пятьсотъ собрались и выслушали докладъ о страшномъ якобинскомъ заговорѣ, томъ самомъ, о которомъ двѣ недѣли трубили преданные Бонапарту газеты. Выслушали и вынесли постановленіе, что ожидаютъ надлежащихъ мѣръ отъ совѣта старѣйшинъ. Старѣйшины, у которыхъ все было приготовлено заранѣе, издали декретъ, въ которомъ говорилось о заговорѣ и указывались мѣры къ тому, чтобы предотвратить опасность: засѣданія обоихъ собраній переносились въ Сенъ-Клу, а на ген. Бонапарта возлагалась обязанность озаботиться объ исполненіи декрета, съ каковой цѣлью подъ начальство его отдавались всѣ стоявшія въ Парижѣ и окрестностяхъ войска. Половина дѣла было сдѣлано. Получивъ извѣстіе о декретѣ Бонапартъ во главѣ собравшихся войскъ поспѣшилъ въ Тюльери, резиденцію старѣйшинъ, чтобы принести присягу. Тамъ уже были Сійесъ и Дюко, успѣвшіе подать въ отставку, а также секретарь директоріи Лагардъ, который убѣжалъ изъ Люксембургскаго дворца и на всякій случай захватилъ

съ собою печать. Бонапартъ принялъ присягу, и войдя въ садъ, гдѣ онъ увидѣлъ личнаго секретаря Барраса, Ботто, разразился своей знаменитой филиппикой противъ директоріи: «Что вы сдѣлали съ Франціей, которую я оставилъ вамъ въ такомъ блестящемъ состояніи? Я оставилъ вамъ миръ, и нашелъ войну. Оставилъ побѣды — нашелъ пораженія. Оставилъ итальянскіе милліоны — нашелъ повсюду хищническіе законы и нищету. Что сдѣлали вы съ сотней тысячъ французовъ, съ товарищами моей славы? Они мертвы!» Потомъ онъ бросился къ войскамъ, и сталъ имъ говорить рѣчи.

Между тѣмъ въ Люксембургѣ оставшіеся трое директоровъ Баррасъ, Муленъ и Гайе, совершенно растерявшіеся, не знали, что предпринять. Пока они думали, къ Баррасу пріѣхалъ Талейранъ и повидимому не безъ помощи шантажа, подкрѣпленнаго крупной суммой, вынудилъ у него прошеніе объ отставкѣ. Тогда Гойе съ Муленомъ поѣхали въ Тюльери, чтобы потребовать объясненій. Въ свою очередь они были встрѣчены требованіемъ объ отставкѣ. Когда они отказались наотрѣзъ, ихъ снова водворили въ Люксембургъ, а дворецъ заняли отрядомъ подъ начальствомъ Моро. Такъ прошелъ первый день.

19 брюмера Бонапартъ съ генералами, Талейранъ, Сіейсъ, Дюко, Камбасересъ и всѣ вообще заговорщики собрались въ Сенъ-Клу. Дворъ и паркъ дворца были заняты солдатами. Старѣйшины начали засѣданіе спокойно. Но въ совѣтѣ пятисотъ буря разразилась съ первыхъ словъ. Якобинцы, начавшіе ясно понимать въ чемъ дѣло, потребовали объясненія насчетъ слуховъ о заговорѣ, кричали: «Долой диктатуру!» «Конституція или смерть!», настаивали на новой присягѣ конституціи. Предложеніе прошло, и присяга началась, когда въ залу вошелъ Бонапартъ и началъ говорить о заговорѣ и объ опасности, въ какой находится республика. Ему не дали кончить. Раздались крики: «Внѣ закона! Долой тирана!» Якобинцы начали наступать на него, грозя кулаками. Чья-то сильная рука сильно помяла тщедушную фигурку, такъ что гренадеры едва успѣли вытащить его изъ залы. Тогда все пошло быстрѣе. Люсьенъ исчезъ вслѣдъ за братомъ и держалъ рѣчь къ войскамъ, гдѣ называлъ собраніе «представителями кинжала». Мюратъ, Леклеркъ и Серрюрье агитировали среди солдатъ. Бонапартъ носился передъ ними на лошади. И когда гвардейцы и гренадеры были доведены до экзальтаціи, Бонапартъ скомандовалъ атаку, затрещали барабаны, и гре-

надеръ повели въ залу засѣданія пятисотъ. Мюратъ приказалъ: «Fichez moi tout ce monde la dehors!» Въ другія двери ворвался Леклеркъ, и передъ стѣною штыковъ члены собранія должны были спасаться кто куда. Стемнѣло. Все было кончено. Три десятка членовъ совѣта пятисотъ, преданныхъ Сійесу, собравшись вечеромъ 19-го подъ предсѣдательствомъ Люсьена Бонапарта и при докладчикѣ Буле изъ Мерты постановили: упразднить директорію, исключить изъ собраній законодательнаго корпуса 61 депутата, учредить консульскую исполнительную комиссію изъ трехъ лицъ—Сійеса, Рожера Дюко и ген. Бонапарта, которые получаютъ наименованіе «консуловъ французской республики»; «прервать сессію законодательнаго корпуса до 1 вантоза (22 дек.); на это время каждое изъ собраній выбираетъ комиссію изъ 25 членовъ, которые будутъ издавать на основаніи формальныхъ предложеній консульской комиссіи постановленія по всѣмъ неотложнымъ дѣламъ полицейскаго и финансоваго свойства, а также выработаютъ проектъ необходимыхъ измѣненій въ органическихъ частяхъ конституціи, погрѣшности и неудобства которой обнаружены опытомъ». Совѣтъ старѣйшинъ немедленно утвердилъ эти постановленія, сдѣлавъ видъ, что не знаетъ ничего о сомнительности quorum'а засѣданія, и временные консулы приняли присягу на вѣрность «единой и нераздѣльной республикѣ, свободѣ, равенству и представительному строю».

Консульство.

То, что было сдѣлано въ брюмерскіе дни, было самымъ важнымъ этапомъ на пути Бонапарта къ господству. Нужно было только, чтобы оглушительнымъ военнымъ подвигомъ онъ доказалъ, что не были тщетны возлагавшіяся на него патріотическія надежды. Такимъ подвигомъ будетъ Маренго. Все остальное не потребуетъ уже серьезныхъ усилій. Конституція VIII года, пожизненное консульство, самое провозглашеніе имперіи — все это логически вытекало изъ завоеванія 18 брюмера. Выбросить за бортъ Сійеса, какъ выжатый лимонъ, сдѣлать боевыхъ товарищей и друзей подчиненными, прельстить обѣщаніями страну Бонапарту ничего не стоило. Ибо скипетръ его господства былъ таковъ, что имъ удовлетворялись или обѣщали удовлетвориться всѣ интересы. «Бонапартъ, — говоритъ Сорель, выясняя его положеніе въ 1797 году, — завоюетъ крестьянъ и буржуазію, давъ имъ обезпеченіе труда, гарантію порядка, ненарушимое пользованіе національными имуществами, давъ имъ гражданскій кодексъ, бдительную администрацію, равный для всѣхъ судъ. Онъ бу-

детъ держать въ рукахъ прежнихъ якобинцевъ призракомъ контръ-революціи, онъ привлечетъ ихъ къ себѣ, пріобщивъ къ тому, что они любятъ больше всего, къ власти. Онъ примиритъ съ собою прежнихъ дворянъ, давъ имъ счастье, котораго они давно не знаютъ — счастье жить въ своемъ домѣ, найти свою семью, возстановить свое благосостояніе. Армію онъ возьметъ перспективою громкой славы, богатствъ, побѣднаго хмеля, наслажденій мира; всѣхъ вообще — иллюзіей торжествующаго мира и Франціи, благоденствующей въ границахъ цезаревой Галліи».

Въ 1799 году власть, которая ставила себя на смѣну опрокинутой директоріи, должна была дать молчаливую гарантію въ томъ, что она сумѣетъ обезпечить всѣ эти блага. Ибо директорія погибла потому, что ея гарантіямъ больше не вѣрили. Бонапарту повѣрили, и онъ сталъ повелителемъ французовъ.

Это не было концомъ революціи, ибо никто не могъ отважиться въ это время поднять руку на соціальныя завоеванія ея. А реставрація была возможна только при условіи ликвидаціи — въ той или иной формѣ — именно соціальныхъ завоеваній революціи. Но брюмеръ былъ самымъ несомнѣннымъ крушеніемъ республики. Хотя консулы клялись въ вѣрности республикѣ, хотя гренадеры, разогнавшіе совѣтъ пятисотъ, были увѣрены, что они спасли республику, и распѣвали во все горло «Ça ira», возвращаясь изъ Сенъ-Клу въ Парижъ, — но было совершенно несомнѣнно, что отъ республики осталось одно голое имя.

Консульство и имперія были послѣдней ставкой революціи. Когда оказалось, что и Бонапартъ не сумѣлъ дать спокойствія измученной странѣ, ея отчаяніе выразилось въ томъ, что она не стала протестовать противъ реставраціи...

А. Дживелеговъ.

Религіозныя теченія въ эпоху революціи.

Изучая исторію великой французской революціи, не слѣдуетъ упускать изъ виду тѣхъ оригинальныхъ религіозныхъ теченій, которыми она сопровождалась. Революція была знаменательнымъ переворотомъ не только въ области правовыхъ, политическихъ, общественныхъ и экономическихъ отношеній, но и въ сферѣ религіознаго сознанія и соотвѣтствующихъ формахъ его выраженія. Могучая волна полнаго обновленія устарѣлыхъ нормъ жизни не могла не всколыхнуть запросовъ вѣрующей совѣсти, искавшей своего удовлетворенія. Эпоха революціи была временемъ броженія религіозной мысли, находившаго свое выраженіе въ попыткахъ обоснованія новыхъ религій и новыхъ культовъ. Въ этомъ отношеніи революція была продолженіемъ реформаціи и своеобразнымъ завершеніемъ религіозныхъ исканій XVI в.

Пособія: *Gazier*. Etudes sur l'histoire religieuse de la Révolution française. Paris, 1887. *Aulard*. Le culte de la Raison et le culte de l'Etre suprême (1793—1794). Essai historique. 3-me édition. P. 1909 (Изложено на русскомъ языкѣ, по первому изданію 1892 г., въ «Историческомъ обозрѣніи», изд. подъ ред. Н. И. Карѣева, т. VI, Спб. 1893.) Главнымъ спеціалистомъ по религіозной исторіи революціи является въ настоящее время *Albert Mathiez*, написавшій цѣлый рядъ цѣнныхъ изслѣдованій по этому вопросу, а именно: 1) Les origines des cultes révolutionnaires. P. 1904, 2) La théophilanthropie et le culte décadaire 1796—1801. P. 1904; 3) Contributions à l'histoire religieuse de la révolution française, P. 1907; 4) La révolution et l'église. Etudes critiques et documentaires. P. 1910. Музыкальная сторона революціоннаго культа разработана въ книгѣ *Julien Tiersot*, Les fêtes et les chants de la révolution française. P. 1908. Для изученія религіозныхъ идей французскихъ писателей XVIII в. можно указать на русскомъ языкѣ: *Геттнеръ*. Исторія французской литературы XVIII в. *Шаховъ*. Вольтеръ и его время. *Вульфіусъ*. Очерки по исторіи идеи вѣротерпимости и религіозной свободы въ XVIII в.

Къ такой религiозной роли революцiя была достаточно подготовлена просвѣтительной литературой XVIII в., которая вопросамъ вѣры и культа удѣляла всегда выдающееся вниманiе. Всѣ ея наиболѣе яркiе представители, съ Монтескье, Вольтеромъ, Дидро и Руссо во главѣ, часто и охотно затрагивали вѣроисповѣдныя темы, подвергая неумолимой критикѣ теорiю и практику католицизма и выставляя новые взгляды. Поколѣнiя, выступившiя дѣятелями въ эпоху революцiи, воспитались подъ прямымъ воздѣйствiемъ религiозныхъ воззрѣнiй просвѣтительной философiи, примыкая обыкновенно къ тѣмъ или другимъ ея корифеямъ и пытаясь вести далѣе ихъ дѣло.

Поэтому, чтобы понять религiозныя теченiя революцiи, намъ необходимо, прежде всего, выяснить положенiе религiознаго вопроса въ просвѣтительной философiи.

I.

Религiозный вопросъ въ литературѣ.

Религiозный вопросъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ занимавшихъ французскихъ писателей XVIII в. Вѣкъ просвѣщенiя явился въ этомъ отношенiи продолженiемъ столѣтiя реформацiи. Однако въ самой постановкѣ этого вопроса въ ту или другую эпоху мы замѣчаемъ существенное различiе. Дѣятели реформацiи имѣли дѣло съ исторически сложившимся католицизмомъ въ его исконныхъ средневѣковыхъ формахъ, въ его устойчивыхъ и единообразныхъ ученiяхъ. Христiанство являлось для нихъ синонимомъ католичества. Когда ихъ усилiями было положено начало протестантизма, этимъ былъ положенъ конецъ религiозному единству Запада. Началось дробленiе прежней единой церкви на разнообразнѣйшiя вѣроисповѣдныя общины. Этотъ процессъ дробленiя совершается въ теченiе XVI и XVII вв., вызывая къ жизни многочисленныя религiозныя секты и сопровождаясь безконечными богословскими контроверсами и кровопролитными столкновенiями изъ-за религiозныхъ мотивовъ.

Такимъ образомъ, если дѣятели реформацiи боролись противъ единаго католицизма, то философамъ просвѣщенiя пришлось стать лицомъ къ лицу и считаться съ хаотической разноголосицей вѣроисповѣдныхъ ученiй, изъ которыхъ каждое было склонно только самое себя считать истиннымъ. Поэтому и религiозный вопросъ прiобрѣлъ у нихъ иное значенiе, чѣмъ въ реформацiонную эпоху:

теперь шла уже рѣчь не столько о католичествѣ, сколько о самомъ христіанствѣ. Прежде искали истиннаго христіанства, стараясь очистить его отъ католическихъ искаженій, а теперь начинаютъ искать истинной религіи вообще, не примиряясь ни съ однимъ изъ существующихъ христіанскихъ вѣроученій. Утомленные безплодными богословскими контроверсами и ожесточенными сектантскими препирательствами, мыслители дѣлаютъ любопытную попытку основать новую религію, единую для всѣхъ и стоящую выше отдѣльныхъ вѣроисповѣдныхъ формъ христіанства. Эта новая религія получаетъ названіе *разумной* или *естественной* религіи. Такихъ мыслителей называли *деистами*, а ихъ ученіе—*деизмомъ*.

Деизмъ. Это ученіе зародилось впервые на почвѣ Англіи. Еще въ первой половинѣ XVII в.

Увлекаясь желаніемъ возстановить прирожденную человѣку естественную религію, которая сводилась, по ихъ мнѣнію, къ вѣрѣ въ Бога, признанію безсмертія души и воздаянія въ загробной жизни, англійскіе деисты относились отрицательно къ догматической и обрядовой сторонѣ исторически сложившагося христіанства. На первый планъ въ религіи они выдвигали моральныя требованія.

Вольтеръ. Идеи англійскихъ деистовъ произвели очень сильное впечатлѣніе во Франціи и, подхваченныя писателями эпохи просвѣщенія, получили дальнѣйшее развитіе. Первымъ выдающимся проводникомъ деизма на французской почвѣ былъ Вольтеръ. Въ лицѣ его просвѣтители выставили самаго безпощаднаго врага католичества, который неустанно боролся противъ фанатизма, нетерпимости, узкости и суевѣрій французскаго духовенства. Въ противоположность съ англійскими деистами, которые склонны были итти на примиреніе съ исторически сложившимися формами христіанскихъ вѣроученій, Вольтеръ относился безусловно отрицательно къ этимъ формамъ; борьба противъ христіанской церкви въ ея прошломъ и настоящемъ проходитъ красною нитью черезъ всѣ его сочиненія, касающіяся этого вопроса. Стоя исключительно на раціоналистической точкѣ зрѣнія, безусловно отвергая все сверхъестественное и чудесное, онъ подвергаетъ злѣйшей критикѣ разсказы какъ Ветхаго, такъ и Новаго завѣтовъ и осыпаетъ ихъ нерѣдко самыми циническими насмѣшками. Подводя итогъ исторіи христіанства, онъ выражается такъ: «Очевидно, что христіанская религія есть сѣть, въ которую обманщики ло-

били глупцовъ въ теченіе болѣе семнадцати вѣковъ, и въ то же время она есть кинжалъ, которымъ фанатики убивали своихъ братьевъ въ теченіе четырнадцати вѣковъ». («De la paix perpetuelle», art. 31).

Вслѣдъ за англійскимъ деистомъ Болингброкомъ, оказавшимъ на него очень большое вліяніе, Вольтеръ утверждалъ, будто религіозныя ученія были результатомъ сознательнаго обмана и подлога корыстолюбиваго и вѣроломнаго духовенства. Пораженный проявленіямъ фанатизма, суевѣрія и нетерпимости, которыми полна исторія, онъ оставался слѣпымъ передъ положительными историческими заслугами христіанства и его великой цивилизующей силой. Все вниманіе его сосредоточено лишь на темныхъ сторонахъ въ исторіи церкви, за которыми онъ не замѣчаетъ ничего болѣе свѣтлаго. «Вольтеръ,—по выраженію Морлея,—видитъ только обезумѣвшій народъ, который хитрое духовенство ведетъ въ цѣпяхъ; онъ слышитъ лишь безконечное повтореніе вздорныхъ вымышленныхъ легендъ; онъ знаетъ только догмы, погрузившія человѣческій разумъ въ безпросвѣтную тьму». Яркое пламя инквизиціоннаго огня, губившаго еретиковъ, заслоняетъ, въ его глазахъ, все положительное, что дано было культурѣ христіанствомъ.

Выступая ожесточеннымъ и язвительнымъ врагомъ исторически сложившихся вѣроученій, Вольтеръ вовсе не отрицалъ необходимости религіи. Ученія атеистическія и матеріалистическія всегда вызывали съ его стороны энергичный отпоръ. Проповѣдуя идею вѣротерпимости, онъ, однако, вслѣдъ за Локкомъ, не распространялъ ее на атеистовъ, которые, по его мнѣнію, не могутъ быть терпимы въ государствѣ. Какъ деистъ, Вольтеръ признаетъ существованіе личнаго Бога и при всякомъ удобномъ случаѣ любитъ приводить пространныя доказательства бытія Божія, бывшія въ ходу и раньше его. Особенно убѣдительнымъ онъ считаетъ доказательство нравственное, въ силу котораго вѣра въ существованіе Бога, воздающаго за добро и карающаго за зло, является истинной основой нравственнаго поведенія людей. Такая вѣра, по убѣжденію Вольтера, является главнымъ и единственно надежнымъ опорнымъ пунктомъ нравственной жизни и рѣшительно необходима для всякаго гражданскаго общества, которое безъ нея не можетъ существовать. Подчеркивая необходимость признанія Божества съ точки зрѣнія общественно-государствен-

ной, Вольтеръ выставилъ свое знаменитое изреченіе: «Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer».

Менѣе увѣренности проявляетъ Вольтеръ въ рѣшеніи вопросовъ о свободѣ воли и безсмертіи души; здѣсь у него замѣчаются постоянныя колебанія, и скептическая точка зрѣнія нерѣдко торжествуетъ. Вначалѣ онъ вполнѣ признаетъ свободу воли, а впослѣдствіи отрицаетъ эту свободу. Что касается безсмертія души, то онъ склоненъ былъ рѣшать этотъ вопросъ скорѣе отрицательно. Однако подобное рѣшеніе ставило его въ противорѣчіе съ его убѣжденіемъ въ существованіи божескаго правосудія и воздаянія въ загробной жизни, и онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ итти на компромиссъ. Онъ приходитъ къ заключенію, что хотя и нѣтъ доказательствъ безсмертія, но вѣра въ это безсмертіе такъ же необходима, какъ необходима пловцу, затерявшемуся въ морѣ, надежда на достиженіе берега. Отрицать безсмертіе, по словамъ Вольтера, все равно, что закричать человѣку, которыя борется съ волнами океана: «Тщетны твои усилія! Тебѣ не достигнуть берега, ибо его совсѣмъ не существуетъ...»

Вольтеръ однажды выразился, что вѣра есть не что иное, какъ «подавленное недовѣріе». Въ этихъ словахъ находится ключъ къ его собственной религіи: въ ней вѣра перемѣшана съ скептицизмомъ, и совершенно отсутствуютъ искреннее увлеченіе, глубокая убѣжденность, энтузіазмъ. Его разсудочный и сухой деизмъ лишенъ какъ разъ тѣхъ элементовъ, которые даютъ силу религіи. Необходимость религіи выводится имъ не изъ внутренней неистребимой потребности человѣческаго духа, а изъ практическихъ соображеній общественно-государственнаго порядка. Поэтому въ вопросѣ объ отношеніи религіи къ государству онъ требуетъ отъ церкви полнаго подчиненія установленной правительственной власти гражданской и здѣсь, несомнѣнно, впадаетъ въ противорѣчіе съ той идеей вѣротерпимости, которую онъ горячо и успѣшно защищалъ съ теоретической точки зрѣнія. Государство, по его мнѣнію, имѣетъ право признавать извѣстную религію за господствующую и лишать подданныхъ нѣкоторыхъ гражданскихъ и государственныхъ правъ, если они не придерживаются установленнаго имъ культа. (См. въ особенности его памфлетъ «La voix du sage et du peuple».)

Хотя Вольтеръ и не былъ послѣдователенъ, переходя къ практическому примѣненію провозглашенныхъ имъ началъ, но все же его энергичная проповѣдь вѣротерпимости, поддержанная личной

защитой Жана Каласа и другихъ несчастныхъ, пострадавшихъ отъ католическаго фанатизма, представляетъ едва ли не главную заслугу его, какъ писателя по вопросамъ церкви и религіи. Съ другой стороны, онъ много способствовалъ тому, что французское общество XVIII в. не только (что было вполнѣ естественно, принимая въ соображеніе условія времени) разошлось съ католицизмомъ, но и стало относиться къ религіи вообще поверхностно и легкомысленно. Вольтеръ былъ большой мастеръ разбивать и высмѣивать установившіяся религіозныя убѣжденія, но его собственный деизмъ былъ слишкомъ бѣденъ положительнымъ содержаніемъ и искреннимъ убѣжденіемъ, чтобы оживить и упорядочить религіозное сознаніе.

Энциклопедисты. Отъ трактованія религіи исключительно съ общественно-государственной точки зрѣнія былъ одинъ шагъ къ полному отрицанію религіи. Этотъ шагъ сдѣлали энциклопедисты, усвоившіе себѣ матеріалистическую доктрину. Если Дидро начинаетъ отвергать идею личнаго Бога и, склоняясь къ пантеистическимъ взглядамъ, готовъ слить Божество съ матеріей, то Гельвецій и Гольбахъ стоятъ уже на точкѣ зрѣнія чистаго атеизма. Они, какъ и другіе французскіе матеріалисты, являются врагами не только католичества и другихъ положительныхъ вѣроученій, но и религіи вообще. Ихъ основная тенденція заключается въ томъ, чтобы секуляризировать мораль, сдѣлать мораль совершенно независимой отъ религіи. По ихъ воззрѣнію, религія не только не можетъ быть опорой морали, на чемъ настаивали Вольтеръ и другіе деисты, но даже прямо противорѣчитъ истиннымъ требованіямъ этой послѣдней. «Чтобы сдѣлать людей счастливыми,—замѣчаетъ Гольбахъ,—достаточно одной морали. Она имѣетъ право на ихъ поклоненіе, на ихъ культъ. Однимъ словомъ, мораль есть единственная религія, необходимая человѣку».

По мнѣнію энциклопедистовъ, религія есть обманъ, заблужденіе воображенія, смущеннаго ложными страхами; эти страхи сведены въ систему или энтузіастами или обманщиками, которые задались цѣлью заставить человѣческій родъ вѣчно дрожать и быть слѣпымъ, чтобы поработить его своимъ интересамъ. Для поддержанія этого добровольнаго рабства духовенство поощряетъ невѣжество. «Невѣжество всегда было матерью благочестія», замѣчаетъ Гольбахъ. Въ силу отрицательнаго отношенія къ религіи вообще, энциклопедисты еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ Вольтеръ, нападали на историческое христіанство,

подчеркивая въ особенности то, что оно, какъ они думали, являлось всегда заклятымъ врагомъ свободы мысли и свободы политической.

Въ своемъ ученіи о морали, которою они думаютъ замѣнить религію, Гельвецій и Гольбахъ стоятъ вполнѣ на матеріалистической точкѣ зрѣнія, отрицая самостоятельное духовное начало и считая эгоизмъ основнымъ мотивомъ человѣческихъ дѣйствій. Однако они не сводятъ всю мораль къ удовлетворенію эгоистическихъ потребностей и мѣриломъ добродѣтельности поступковъ считаютъ степень ихъ общеполезности. По ихъ опредѣленію, добродѣтель есть то, что способствуетъ общему благу и, наоборотъ, порокъ есть то, что вредитъ обществу. Такой утилитарной моралью, основанной на стремленіи къ общественному благу, энциклопедисты думали замѣнить религію, которая, по ихъ мнѣнію, являлась лишь помѣхою къ осуществленію этого блага.

Рѣшительнымъ и страстнымъ противникомъ анти-религіознаго ученія энциклопедистовъ выступилъ Руссо, которому вообще принадлежитъ самое выдающееся мѣсто въ исторіи религіозной мысли XVIII в. Сила его заключалась въ томъ, что онъ, въ противоположность со своими противниками, обладалъ искреннимъ религіознымъ чувствомъ и, благодаря своему рѣдкому художественному таланту, умѣлъ дать этому чувству увлекательное выраженіе. **Руссо.**

Міросозерцаніе его было радикально противоположно міросозерцанію матеріалистовъ. Для него не подлежало сомнѣнію существованіе двоякаго рода субстанціи — матеріальной и духовной, онъ признавалъ свободу воли и былъ глубоко убѣжденъ въ безсмертіи души. Если матеріалисты регуляторомъ морали считали мѣру ея полезности для общества, то Руссо энергически настаивалъ на врожденности нравственнаго чувства и утверждалъ, что мораль, не освященная религіей, не можетъ быть дѣйствительной и прочной. Если матеріалисты считали существованіе религіи какимъ-то болѣзненнымъ наростомъ въ исторіи человѣчества, то Руссо блестяще доказывалъ, что религія есть естественный и благотворный продуктъ нравственной культуры людей и неизбѣжное условіе ихъ нормальной духовной жизни.

Разойдясь радикально съ матеріалистами, Руссо, вмѣстѣ съ тѣмъ, занялъ въ религіи совершенно иную позицію, чѣмъ Вольтеръ. Источникомъ вольтеровскаго деизма былъ разумъ; религія имъ разсматривалась, какъ явленіе разсудочной области психи-

ческой жизни. Исходной точкой для Руссо является, напротивъ того, чувство и сердце. Къ своей религіи Руссо приходитъ не доводами разсудка, а путемъ чувства и глубокаго внутренняго убѣжденія. О Богѣ твердитъ человѣку на каждомъ шагу все міроздапіе. Для всякаго вдумчиваго наблюдателя зрѣлище природы со всѣми ея красотами есть обнаруженіе Бога. «Я понимаю,— замѣчаетъ Руссо въ одномъ мѣстѣ, — что городскіе жители, видящіе кругомъ себя только стѣны, улицы и преступленія, имѣютъ мало вѣры; но я не могу понять, что деревенскіе жители, особенно тѣ, которые ведутъ уединенную жизнь, могутъ быть невѣрующими. Развѣ ихъ душа не должна по сту разъ въ день въ экстазѣ возноситься къ Творцу всѣхъ чудесъ, окружающихъ ихъ?» Это состояніе религіознаго экстаза хорошо было знакомо Руссо, но въ раціоналистѣ Вольтерѣ оно могло вызвать лишь саркастическую усмѣшку.

Въ противоположность съ разсудочною сухостью вольтеровскаго религіознаго ученія, которому лишь съ трудомъ можно придать названіе вѣры, религія Руссо отличается глубокою искренностью и согрѣта горячимъ воодушевленіемъ. Это кладетъ совершенно особую и оригинальную печать на всѣ его религіозныя идеи, въ общемъ совпадающія со взглядами деистовъ. Подобно Вольтеру, онъ относится отрицательно къ откровенію и къ догматической сторонѣ религіи, но его отзывы объ историческомъ христіанствѣ гораздо мягче и справедливѣе вольтеровскихъ: осуждая многое въ христіанствѣ, какъ историческомъ явленіи, Руссо, однако, признавалъ въ немъ несомнѣннаго двигателя человѣчества по пути прогресса. Если христіанство казалось Вольтеру нѣкоторымъ упадкомъ въ сравненіи съ античными религіями, то Руссо, напротивъ того, утверждаетъ, что языческіе народы только отъ христіанства получили истинную идею о Божествѣ и истинную нравственность. Съ большимъ энтузіазмомъ Руссо относился къ личности божественнаго основателя христіанства и превозносилъ Евангеліе. «Истинное христіанство, — замѣчалъ Руссо, — есть не что иное, какъ та же естественная религія, но лучше истолкованная. Слѣдовательно, исповѣдовать естественную религію вовсе не значитъ объявить себя противъ христіанства». Какъ вѣру въ Бога, такъ и мораль Руссо основываетъ не на разумѣ, а на чувствѣ. Правила морали находимъ мы «въ глубинѣ нашего сердца начертанными неизгладимыми письменами». Совѣсть есть «врожденное чувство», «врожденный принципъ»,

«независимый отъ разума». Богъ «далъ намъ разумъ, чтобы распознать добро,—совѣсть, чтобы его полюбить,—и свободу,—чтобы его выбрать».

Относясь къ религіи съ глубокимъ уваженіемъ и серьезностью и выступая проповѣдникомъ нравственнаго оздоровленія общества, Руссо выгодно отличался отъ Вольтера, легко впадавшаго въ фривольность и не всегда стоявшаго на достаточной высотѣ нравственной. Руссо старался спасти искреннее и глубокое религіозное чувство отъ тлетворнаго вліянія холодной и изсушающей разсудочности, а также спасти тѣсно стоящее въ связи съ религіей истинное нравственное чувство отъ свойственной XVIII вѣку распущенности. Подъ вліяніемъ Руссо стало возрождаться погасшее было совершенно религіозное чувство и начало сказываться стремленіе къ нравственному оздоровленію.

Большое впечатлѣніе на общество революціонной эпохи произвело также ученіе Руссо о «гражданской религіи». Коснувшись вопроса объ отношеніи религіи и государства, Руссо, подобно Вольтеру, отдаетъ рѣшительное первенство государству. Онъ не можетъ допустить существованія двухъ властей — свѣтской и духовной — и требуетъ обязательнаго единства власти, предлагая, вслѣдъ за Гоббсомъ, «соединить обѣ главы орла и все привести къ политическому единству, безъ котораго никогда ни одно государство, ни правительство не будутъ хорошо устроены». («Contrat social», livre IV, ch. VIII). Государство устанавливаетъ минимумъ религіозныхъ догматовъ, которые должны исповѣдывать всѣ подданные. Эти догматы и составляютъ гражданскую религію. Они должны быть простыми и малочисленными, точно выраженными, безъ объясненій и комментаріевъ. «Существованіе Божества могущественнаго, мудраго, благотворящаго, предвидящаго и пекущагося о человѣкѣ, загробная жизнь, блаженство праведныхъ, наказаніе злыхъ, святость общественнаго договора и законовъ, — вотъ положительные догматы». Такъ какъ, безъ исповѣданія этихъ догматовъ, по убѣжденію Руссо, «невозможно быть ни хорошимъ гражданиномъ, ни вѣрнымъ подданнымъ», то власть «въ правѣ изгонять изъ государства всякаго, кто въ нихъ не вѣритъ». Если же кто-нибудь, «признавъ публично эти догматы, поступаетъ такъ, какъ будто онъ въ нихъ не вѣритъ, да будетъ онъ наказанъ смертью; онъ совершилъ величайшее изъ преступленій, онъ солгалъ передъ законами». Такъ сурово карается измѣна «гражданской религіи», какъ явленіе противообщественное.

Такъ какъ «гражданская религія» предусматриваетъ лишь минимумъ догматовъ, необходимыхъ съ государственной точки зрѣнія, то она ничуть не исключаетъ другихъ возможныхъ религій, которыя подданные могутъ исповѣдывать сверхъ «гражданской религіи» и сверхъ обязательнаго участія въ ея культѣ.

Ученіе Руссо о гражданской религіи, въ которомъ онъ всталъ въ противорѣчіе къ собственному принципу вѣротерпимости и свободы внутренняго убѣжденія, пало на благопріятную почву въ эпоху революціи и привело къ выводамъ еще болѣе радикальнымъ, которыхъ онъ не могъ бы одобрить.

II.

Антикатолическое настроеніе въ эпоху революціи

При началѣ революціи религіозное сознаніе французскаго общества, воспитавшагося на просвѣтительной литературѣ, было весьма пестро и неустойчиво. Прямолинейные приверженцы материализма, энциклопедистовъ ударились въ атеизмъ и ограничивались отрицаніемъ религіи; приверженцы Вольтера довольствовались разсудочнымъ и поверхностнымъ деизмомъ и не скрывали своего презрѣнія къ положительнымъ религіямъ; поклонники Руссо увлекались его «естественной религіей», приспособленной къ сантиментальному настроенію эпохи и симпатичной своею искренностью, глубиною и общедоступностью. Адепты всѣхъ этихъ трехъ теченій, весьма различныхъ по существу, сходились въ отрицательномъ отношеніи къ католичеству и, до извѣстной степени, къ самому христіанству. Какъ атеисты, такъ и вольтерьянцы и послѣдователи Руссо видѣли въ католической церкви не только главнаго врага тѣхъ идей терпимости, свободы, гуманности, просвѣщенія, которыя они исповѣдывали, но и главную опору ненавистнаго имъ «стараго порядка», противъ котораго они боролись. Что касается христіанства вообще, то только у послѣдователей Руссо замѣчалось, хотя и не безусловно, болѣе примирительное отношеніе къ нему, атеисты же и вольтерьянцы мало дѣлали различія между католичествомъ и христіанствомъ, исторически сложившимися. Уже задолго до революціи настроеніе большинства французскаго общества было антикатолическимъ и отчасти антихристіанскимъ.

Поведеніе католическаго духовенства по отношенію къ идеямъ просвѣтительной философіи еще болѣе обостряло создавшееся положеніе: оно вело отчаянную борьбу противъ этихъ идей,

становилось еще нетерпимѣе, еще фанатичнѣе и, наперекоръ общественному мнѣнію, не шло ни на какія уступки. Антикатолическія тенденціи становились отъ этого только еще сильнѣе.

Законодательныя учрежденія первыхъ лѣтъ революціи вели себя, однако, очень сдержанно по отношенію къ католичеству и не проявляли намѣренія уничтожить его господствующее положеніе. Своимъ закономъ о такъ называемомъ гражданскомъ устройствѣ духовенства (1791 г.) Учредительное Собраніе имѣло въ виду лишь распространить на это сословіе общіе принципы новой конституціи. Однако этотъ законъ затронулъ тамъ глубоко исконное устройство католической церкви, что вызвалъ протестъ со стороны ея представителей. Только часть духовенства приняла этотъ законъ (le clergé constitutionnel), остальные, около двухъ третей, отказались принять требовавшуюся присягу (le clergé refractaire). Такъ положено было начало расколу среди французскаго духовенства, доставившему революціонному правительству большія затрудненія. Священники неприсягнувшіе, увлекавшіе за собою нерѣдко и свою паству, явились оплотомъ стараго порядка и противниками преобразовательной дѣятельности вообще. Законодательное собраніе рѣшило принять противъ нихъ самыя строгія мѣры съ лишеніемъ гражданскихъ правъ, тюрьмою и изгнаніемъ. Въ еще болѣе враждебныя отношенія къ неприсягнувшему духовенству всталъ конвентъ; этому много способствовало вспыхнувшее весною 1793 г. возстаніе въ Вандеѣ, руководителями котораго оказались не только дворяне, но и священники. Въ эпоху послѣдовавшаго затѣмъ террора антикатолическія и антихристіанскія тенденціи достигли своего высшаго развитія. Подъ руководствомъ конвента начинается процессъ такъ называемой «дехристіанизаціи» (dé christianisation) Франціи.

Процессъ „дехристіанизаціи“.

Первымъ крупнымъ шагомъ въ этомъ смыслѣ была замѣна христіанскаго календаря республиканскимъ, принятая конвентомъ 5 октября 1793 г. и ставшая видимымъ проявленіемъ полнаго разрыва со старыми религіозными традиціями. Этимъ календаремъ вводилось новое лѣтосчисленіе, мѣсяцы получили новыя названія (довольно удачно придуманныя поэтомъ Фабръ д'Эглантиномъ) и стали дѣлиться, вмѣсто 4 недѣль, на 3 декады, прежніе воскресные дни уничтожены и замѣнены другими и т. д. [1]).

---

[1]) Конвентъ декретами 5 окт. и 24 ноября 1793 г. ввелъ новый календарь. Началомъ новой эры былъ признанъ день основанія республики 22 сентября

Съ другой стороны, сами «присягнувшіе» священники содѣйствовали разложенію католической церкви. Къ великому смущенію правовѣрныхъ католиковъ, они начинаютъ вступать въ бракъ. Уже въ ноябрѣ 1792 года женился одинъ епископъ; вскорѣ число женатыхъ священниковъ дошло, по свидѣтельству Грегуара, до двухъ тысячъ. Затѣмъ среди «присягнувшихъ» начинаетъ замѣчаться чуть не повальное стремленіе сложить съ себя духовный санъ. Первый примѣръ подалъ парижскій епископъ Гобель, дѣйствовавшій, однако, не по собственной иниціативѣ, а подъ давленіемъ нѣкоторыхъ членовъ конвента. 7 ноября 1793 г. въ засѣданіи конвента Гобель торжественно отрекся отъ своего духовнаго сана, снялъ съ себя знаки епископскаго достоинства и, привѣтствуемый дружными аплодисментами собранія, надѣлъ на голову красный якобинскій колпакъ. Примѣру его послѣдовалъ весь епископскій совѣтъ, который сопровождалъ его въ конвентъ. Затѣмъ духовныя лица, бывшія членами конвента, поспѣшили на трибуну, чтобы заявить о своемъ отреченіи отъ сана. Въ слѣдующія засѣданія конвента являлись священники «толпами», чтобы произнести слова отреченія и вызвать новые аплодисменты депутатовъ. Немногіе изъ «присягнувшаго» духовенства воздержались отъ подобнаго повальнаго отреченія; въ числѣ ихъ былъ видный политическій дѣятель, уже упомянутый Грегуаръ, продолжавшій до конца конвента носить епископское одѣяніе, несмотря на давленіе со стороны своихъ товарищей.

Движеніе захватило и провинцію. Изъ-за соображеній патріотическихъ, для защиты отъ внѣшняго врага колокола начали переливать въ пушки, а драгоцѣнные сосуды перечеканивать въ монету. Уничтоженіе этихъ матеріальныхъ символовъ культа способствовало дѣлу «дехристіанизаціи», которое большею частью совершалось подъ руководствомъ отправленныхъ въ провинцію членовъ конвента. Одинъ изъ маленькихъ городковъ Иль-де-Франса (Ris Orangis) первый подалъ примѣръ полнаго упраздненія като-

---

1792 г. Годъ раздѣленъ былъ на 12 равныхъ мѣсяцевъ по 30 дней въ каждомъ: осенніе: вандемьеръ, брюмеръ, фримеръ; зимніе — нивозъ, плювіозъ, вентозъ; весенніе—жерминаль, флореаль, преріаль; лѣтніе—мессидоръ, термидоръ, фрюктидоръ. Послѣдніе 5 дней въ году получили названіе санкюлотидъ; шестой день, прибавлявшійся въ високосномъ году, назывался революціоннымъ. Мѣсяцъ дѣлился на три декады, по десяти дней въ каждой. Дни декады носили названіе— «первый»—примиди, «второй»—дюоди—и т. д. Этотъ календарь отмѣненъ былъ 1 января 1806 года. *Ред.*

лическаго культа. Закрывъ храмъ, здѣсь отпустили священника на всѣ четыре стороны, а своимъ патрономъ, вмѣсто св. Власія, избрали античнаго героя Брута. Рядъ другихъ городовъ послѣдовалъ этому примѣру. Тогда конвентъ постановилъ, что всѣ граждане «имѣютъ право устанавливать тотъ культъ, который они захотятъ, и прекращать церемоніи, переставшія нравиться». Съ этого момента закрытіе храмовъ могло совершаться на законномъ основаніи и сдѣлалось обычнымъ явленіемъ.

Нарожденіе революціоннаго культа.

Взамѣнъ уничтожаемаго католичества началъ насаждаться новый революціонный культъ. Начало ему было положено раньше, чѣмъ возникъ процессъ дехристіанизаціи. Первые признаки появленія этого новаго культа замѣтны въ тѣхъ церемоніяхъ, которыми сопровождались такъ называемые праздники федераціи на Марсовомъ полѣ 14 іюля 1790 и 1791 гг.

Извѣстенъ тотъ энтузіазмъ, который владѣлъ революціонною Франціею въ первые годы великаго переворота. Лучшіе дѣятели эпохи горѣли паѳосомъ общественнаго служенія и были глубоко увѣрены въ возможности полнаго переустройства жизни на принципѣ общаго блага. Имъ казалось, что они несутъ на себѣ великую миссію возродить не только Францію, но и все человѣчество къ новой и лучшей жизни. Они безусловно вѣрили въ безграничную силу государства, во всемогущество политическихъ учрежденій, способныхъ, по ихъ мнѣнію, совершенно переродить людей. Они преклонялись передъ «закономъ», который являлся орудіемъ этого почти чудодѣйственнаго перерожденія. Это своеобразное credo образовалось у нихъ подъ вліяніемъ великихъ французскихъ писателей XVIII в. и въ особенности Руссо, который формулировалъ его лучше всѣхъ другихъ въ своемъ «Общественномъ договорѣ», сдѣлавшемся почти евангеліемъ революціи. Это революціонное credo начало рано принимать характеръ настоящей религіи, способной замѣнить всякую другую. «Евангеліе основало религію совѣсти», выразился однажды депутатъ Роммъ: «законъ есть религія государства и долженъ имѣть своихъ священнослужителей, своихъ апостоловъ, свои алтари и свои школы». Залѣ засѣданій Національнаго Собранія часто придавалось названіе «храма конституціи», а депутатовъ чтили почетнымъ званіемъ «законодателей» и «жрецовъ общественнаго блага».

Эта революціонная вѣра вскорѣ нашла себѣ внѣшнее выраженіе въ символахъ и церемоніяхъ, придавшихъ ей характеръ

настоящаго культа. Вскорѣ послѣ взятія Бастиліи появилась трехцвѣтная кокарда—первый изъ революціонныхъ символовъ. Съ начала 1790 г. начали воздвигаться «алтари отечества», ставшіе святилищемъ новой религіи. Своею сѣтью они быстро покрыли Францію, и въ іюнѣ 1792 г. Законодательное собраніе сдѣлало ихъ обязательными для всѣхъ коммунъ. Почти одновременно съ «алтарями отечества» появились «деревья свободы», которыя вскорѣ сдѣлались очень популярными повсюду и разсматривались какъ своего рода священные предметы. Извѣстенъ случай въ Амьенѣ, когда стволъ случайно пострадавшаго «дерева свободы» былъ несенъ покрытымъ чернымъ сукномъ въ мэрію въ торжественной процессіи подъ звуки музыки и въ сопровожденіи большого количества войскъ.

Декларація правъ нерѣдко выгравировывалась на металлическихъ или каменныхъ плитахъ, и эти своеобразныя скрижали возлагались «старцами» на «алтари отечества» для всенароднаго поклоненія. Какъ символъ свободы, началъ также употребляться фригійскій колпакъ (иначе называемый bonnet rouge, bonnet de la Liberté). Для символизаціи равенства вошелъ въ употребленіе масонскій знакъ—ватерпасъ, а для символизаціи братсва прибѣгали къ другому масонскому знаку, изображающему рукопожатіе. Масса другихъ символовъ и эмблемъ мало-по-малу присоединилась къ упомянутымъ. Къ этому нужно прибавить, что прозелиты новой вѣры обыкновенно отличались большою нетерпимостью и фанатизмомъ, безжалостно уничтожали символы и эмблемы католичества и на мѣсто ихъ водружали свои собственные.

Гражданскія церемоніи всякаго рода, быстро распространявшіяся по Франціи, явились внѣшнимъ культомъ этой своеобразной вѣры. Первый образецъ такихъ церемоній далъ упомянутый праздникъ федераціи на Марсовомъ полѣ; въ его устройствѣ вполнѣ уже проявилась революціонная символика съ ея алтарями отечества, трехцвѣтными кокардами и т. д. За этимъ праздникомъ, въ ближайшіе годы, послѣдовали многочисленные патріотическіе праздники подобнаго же характера, которые по своей сущности являлись внѣшнимъ культомъ, воздаваемымъ отечеству и революціи. Къ праздникамъ, прославлявшимъ важныя въ исторіи революціи даты, присоединились торжества погребальныя въ честь героевъ дѣла и слова. Церковь св. Женевьевы переименовывается въ Пантеонъ и дѣлается усыпальницей великихъ лю-

дей, чтимыхъ революціей. Первыми попадаютъ туда останки Мирабо, затѣмъ Вольтера (11 іюля 1792), нѣсколько позже Марата, Руссо и др. Эти похоронныя процессіи, отличавшіяся, по отзыву современниковъ, «истинно античнымъ великолѣпіемъ», всѣ были выдержаны, болѣе или менѣе, все въ томъ же стилѣ революціонной символики и чествовали почившихъ, какъ «мучениковъ свободы» и своего рода святыхъ революціонной церкви. Особенно послѣднее нужно сказать о Руссо, могила котораго въ Эрменонвалѣ, сдѣлалась, еще до перенесенія его праха въ Парижъ, предметомъ настоящаго культа.

Культъ разума.

Тенденціи «дехристіанизаціи» нашли свое высшее проявленіе въ установленіи культа Разума. Иниціатива его учрежденія исходила не отъ конвента, а отъ парижскаго генеральнаго совѣта, бывшаго главнымъ очагомъ антихристіанской пропаганды. Во главѣ движенія стояли якобинскіе дѣятели Геберъ, Шометтъ, Клоцъ и др. (такъ наз. «гебертисты»), находившіеся подъ вліяніемъ матеріалистическаго ученія энциклопедистовъ. 18 брюмера, послѣ упомянутой выше сцены отреченія отъ духовнаго сана парижскаго епископа Гобеля въ засѣданіи конвента, генеральный совѣтъ постановилъ устроить черезъ три дня (20 брюмера II-го года, т.-е. 10 ноября 1793) въ храмѣ Nôtre-Dame патріотическое празднество передъ статуей Свободы, «élevée aux lieu et place de la ci-devant sainte Vierge». Въ циркулярномъ обращеніи къ населенію столицы мэръ Парижа Пашъ назвалъ предполагаемое торжество *Fête de la Liberté et de la Raison*.

Въ назначенный день власти города и парижскаго департамента направились въ десять часовъ утра въ храмъ Богоматери въ сопровожденіи массы городского населенія. Внутри собора все было устроено такъ, чтобы какъ можно меньше напоминать о католическомъ культѣ. Хоры и алтарь были закрыты отъ взоровъ матеріями, прикрѣпленными къ колоннамъ, а въ самомъ центрѣ была устроена гора, увѣнчанная небольшимъ круглымъ храмомъ въ древне-греческомъ стилѣ съ надписью: *A la philosophie*, и бюстами Вольтера, Руссо, Франклина и, вѣроятно, Монтескье. Ниже храма, на половинѣ горы, на небольшомъ алтарѣ также греческаго стиля пылалъ огонь Истины.

Подъ звуки музыки, изъ-за горы, справа и слѣва, появилась процессія молодыхъ дѣвушекъ въ бѣломъ, съ трехцвѣтными поясами, вѣнками на головѣ и свѣтильниками въ рукахъ. Онѣ преклоняли колѣна передъ алтаремъ Истины и затѣмъ группиро-

вались у храма Философіи. Черезъ широко открытыя двери собора народъ, помѣщавшійся на площади, наблюдалъ это символическое шествіе. Затѣмъ изъ собора вышла красивая женщина («истинное воплощеніе красоты», по словамъ современниковъ), олицетворявшая Свободу,—въ бѣломъ одѣяніи, голубомъ плащѣ, красномъ головномъ уборѣ и съ длинной пикой въ рукахъ. Возсѣвъ на тронъ изъ зелени, Свобода принимала поклоненіе республиканцевъ, которые, простирая къ ней руки, пѣли гимнъ, спеціально сочиненный Жозефомъ Шенье и положенный на музыку Госсекомъ. «О, снизойди, Свобода, дщерь природы! — говорилось здѣсь, — народъ призналъ твою безсмертную власть, его руками воздвигнутъ тебѣ алтарь на пышныхъ обломкахъ старыхъ заблужденій. Придите, побѣдители королей, Европа удивляется вамъ; придите распространить ваши побѣды на ложныхъ боговъ, а ты, святая Свобода, пребывай въ этомъ храмѣ и будь божествомъ французовъ!» При энтузіазмѣ народа, дававшаго клятвы остаться ей навсегда вѣрными, Свобода, «бросивъ на всѣхъ благосклонный взглядъ», величественно прошествовала въ глубь храма.

По окончаніи символической церемоніи, всѣ ея участники въ торжественной процессіи, съ Свободой въ центрѣ, которую несли высоко на носилкахъ, направились къ зданію конвента и были допущены въ залъ, гдѣ происходило тогда засѣданіе. Здѣсь произнесены были подобающія случаю рѣчи, и граждане, подъ пѣніе уже извѣстнаго намъ гимна, продефилировали передъ Свободой, на челѣ которой, по предложенію Шометта, президентъ и члены бюро конвента запечатлѣли «братскій поцѣлуй». Сдѣлавъ постановленіе, чтобы соборъ парижской Богоматери именовался отнынѣ храмомъ Разума, конвентъ, вмѣстѣ со всѣми участниками процессіи, направился къ собору, и вся церемонія была повторена.

Характерно, что цѣлая половина членовъ конвента воздержалась отъ участія въ этой церемоніи, такъ какъ не сочувствовала ей. Вообще руководство въ устроеніи новаго культа не принадлежало конвенту, которому пришлось наложить свою печать уже на совершившійся фактъ. Однако, черезъ нѣсколько дней и конвентъ, увлекаемый общимъ потокомъ, сдѣлалъ нѣсколько новыхъ шаговъ по пути «дехристіанизаціи», а въ засѣданіи 30 брюмера допустилъ депутацію отъ одного изъ парижскихъ округовъ, одѣтую въ церковныя облаченія и разыгравшую пародію на католическую обѣдню.

Новый культъ быстро распространился не только въ различныхъ округахъ Парижа, но и по всей Франціи. Всюду эти праздники «Разума и Свободы» происходили почти по одному и тому же плану, уже знакомому намъ. Католическія церкви превращались въ храмы новой религіи; воздвигались алтари, на которыхъ пылалъ неугасимый огонь Истины или Разума; совершались преклоненія передъ Свободой, которую олицетворяла какая-нибудь красивая женщина; произносились патріотически-моральныя поученія; исполнялись такія же пѣснопѣнія и т. д. Знаменателенъ тотъ фактъ, что въ то время, какъ жадная до зрѣлищъ парижская толпа нерѣдко относилась къ этому культу, какъ къ интересной забавѣ, въ провинціи, въ большинствѣ случаевъ, этотъ культъ носилъ характеръ болѣе серьезный и болѣе глубокій. Въ то время какъ въ Парижѣ легкомысленно допустили изображать Свободу не кого другого, какъ модную актрису изъ оперы, въ провинціи эта почетная роль выпадала обыкновенно на долю добродѣтельныхъ женъ и дочерей высшей буржуазіи, которыя наперерывъ добивались этой высокой чести. Затѣмъ нужно имѣть въ виду, что особенно приподнятый характеръ такія церемоніи принимали въ пограничныхъ мѣстностяхъ Франціи, угрожаемыхъ непріятельскимъ нашествіемъ, что̀ ярко подчеркиваетъ патріотическій характеръ новаго культа.

Нарастаніе патріотическихъ чувствъ во Франціи подъ вліяніемъ предпринятаго съ энтузіазмомъ «возрожденія» страны, а также борьбы со внѣшними врагами сыграло, несомнѣнно, важную роль въ попыткѣ секуляризировать культъ и создать нѣкоторое подобіе той «гражданской религіи», необходимость которой признавалъ одинъ изъ главнѣйшихъ оракуловъ революціи—Руссо, считавшій ее солиднѣйшимъ устоемъ государственнаго цѣлаго. До извѣстной степени культъ этотъ, способствовавшій подъему патріотизма, былъ однимъ изъ средствъ національной обороны въ тяжелые годы борьбы противъ европейской коалиціи, но въ то же время онъ явился естественнымъ выраженіемъ всей совокупности тѣхъ идеальныхъ стремленій, которыми жила революція, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетвореніемъ неистребимыхъ религіозныхъ потребностей, нашедшихъ себѣ совершенно новое русло. По мѣткому замѣчанію Мишле, революція не восприняла никакой церкви именно потому, что сама была своего рода церковью. Эта революціонная «церковь» была собраніемъ своеобразныхъ «вѣрующихъ», фанатически преда-

ныхъ извѣстнымъ догматамъ и готовыхъ проводить ихъ, во что бы то ни стало, съ чисто сектантскою экзальтаціей и съ почти изувѣрскою нетерпимостью къ мыслящимъ иначе. Она имѣла не только свои догматы, но и свои символы и эмблемы, свои обряды и пѣснопѣнія, дававшіе ей въ цѣломъ картину религіознаго культа, хотя и лишеннаго элементовъ мистицизма и сверхъестественности.

III.

Культъ Верховнаго Существа.

Культъ Разума имѣлъ успѣхъ непродолжительный. Выросши на почвѣ революціонной экзальтаціи и напряженнаго патріотическаго чувства въ связи съ лихорадочной и мало продуманной попыткой осуществленія нѣкоторыхъ тенденцій XVIII вѣка, онъ настолько противорѣчилъ вѣковымъ традиціямъ и представленіямъ о религіи, что заранѣе былъ обреченъ на гибель. Но прежде чѣмъ погибнуть окончательно, онъ просуществовалъ еще нѣкоторое время въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ, менѣе шокировавшемъ народное религіозное сознаніе, подъ именемъ культа Верховнаго Существа (culte de l'Etre suprême).

Хотя культъ Разума и не имѣлъ ярко выраженнаго атеистическаго характера, но все же онъ исходилъ главнымъ образомъ изъ круговъ атеистически настроенныхъ и заклятыхъ враговъ христіанства. Противъ этого культа должны были протестовать всѣ тѣ, которые, вслѣдъ за Вольтеромъ и Руссо, придерживались деистическихъ воззрѣній. Къ тому же протесту вели и чисто политическія соображенія: установленіемъ культа Разума Франція была сильно скомпрометирована въ глазахъ общественнаго мнѣнія Европы, возмущеннаго профанаціей христіанства, да и въ самой Франціи сказывались признаки недовольства новымъ культомъ, заставившіе правительство призадуматься. Эти политическія соображенія были выдвинуты на первый планъ Робеспьеромъ, когда онъ началъ въ конвентѣ свой извѣстный походъ противъ атеизма и иниціаторовъ культа Разума, хотя и чисто религіозныя соображенія играли у него извѣстную роль, такъ какъ, будучи горячимъ поклонникомъ Руссо, онъ всецѣло раздѣлялъ его деизмъ, насколько это позволяла холодная натура знаменитаго якобинца. Къ тому же, въ «гражданской религіи», предначертанной Руссо, вѣра въ Бога и безсмертіе души значилась ея кардинальнымъ пунктомъ.

Однако, Робеспьеру пришлось выдержать въ конвентѣ очень сильную борьбу, прежде чѣмъ его тенденціи одержали верхъ. Только возведя на эшафотъ Гебера, Шометта и Дантона и нѣкоторыхъ изъ ихъ сторонниковъ, Робеспьеръ получилъ возможность добиться своей цѣли. 18-го флореаля II-го года (7 мая 1794 г.) онъ произвелъ въ конвентѣ знаменитую рѣчь «Объ отношеніи религіозныхъ и моральныхъ идей къ республиканскимъ принципамъ и о національныхъ праздникахъ», въ которой съ большою силою и страстностью обрушился на «вольтерьянцевъ» и поклонниковъ энциклопедіи. Сражаясь подъ знаменемъ Руссо, котораго считалъ своимъ духовнымъ отцомъ, онъ требовалъ измѣненія религіозной политики конвента въ сторону деизма.

По его предложенію конвентъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: 1) французскій народъ признаетъ существованіе Верховнаго Существа, а также безсмертіе души, 2) онъ признаетъ, что достойнѣйшимъ культомъ Верховнаго Существа является исполненіе обязанностей человѣка. Слѣдующіе пункты гласятъ: должны быть устранены особые праздники, чтобы напоминать людямъ о Божествѣ, а также объ ихъ человѣческомъ достоинствѣ. Свои названія они получатъ отъ главныхъ событій французской революціи, отъ наиболѣе цѣнныхъ и полезныхъ добродѣтелей человѣка, отъ великихъ благодѣяній природы. Далѣе слѣдуетъ перечисленіе нѣсколькихъ десятковъ такихъ праздниковъ, посвященныхъ «Верховному Существу и Природѣ», «Роду человѣческому», «Народу французскому», «Благодѣтелямъ человѣчества», «Мученикамъ свободы», «Истинѣ», «Справедливости», «Дружбѣ», «Супружеской любви», «Материнской нѣжности», «Сыновней любви», «Старости» и т. д.

Праздникъ Верховнаго Существа былъ назначенъ на 20 преріаля; его организація была поручена извѣстному художнику Давиду. Въ теченіе 32 дней были употреблены всевозможныя усилія, чтобы придать празднику больше великолѣпія, блеску и артистическаго совершенства.

Съ вечера всѣ дома были украшены трехцвѣтными флагами и зелеными вѣтвями. Въ 8 час. утра залпъ изъ пушекъ возвѣстилъ о началѣ празднества. Со всѣхъ концовъ Парижа тронулись, по направленію къ Тюльери, стройныя колонны «гражданъ» и «гражданокъ», при чемъ мужчины съ мальчиками держались правой стороны, а женщины съ дочерьми и младенцами — лѣвой. Первые имѣли въ рукахъ дубовыя вѣтви, «символъ силы и

свободы», а вторыя — букеты изъ розъ и корзины съ цвѣтами, «символъ граціи и молодости». Юноши слѣдовали особо военнымъ строемъ. Когда всѣ колонны соединились въ Тюльери, на особой эстрадѣ появились члены конвента, украшенные трехцвѣтными шарфами и въ шляпахъ съ перьями тѣхъ же цвѣтовъ, т.-е. краснаго, синяго и бѣлаго. Во главѣ конвента находился Робеспьеръ, только что избранный передъ тѣмъ предсѣдателемъ и игравшій поэтому въ празднествѣ первую роль. Рыдѣляясь среди другихъ тщательно обдуманнымъ костюмомъ, онъ, какъ и всѣ члены, держалъ букетъ изъ колосьевъ ржи, цвѣтовъ и плодовъ. Съ большимъ энтузіазмомъ произнесъ онъ одну за другою двѣ приличествующихъ случаю рѣчи, очень понравившіяся. Въ промежутокъ между ними былъ пропѣтъ артистами оперы гимнъ Верховному Существу, послѣ чего Робеспьеръ поданнымъ ему факеломъ поджегъ заранѣе устроенную статую Атеизма; сгорая, эта послѣдняя обнаружила за собою великолѣпную статую Мудрости, которая, по выраженію офиціальнаго отчета, «предстала передъ глазами народа во всемъ своемъ блескѣ».

По окончаніи второй рѣчи Робеспьера, торжественная процессія направилась на Марсово поле, гдѣ должна была произойти вторая половина празднества. Центръ процессіи составляла великолѣпная въ античномъ стилѣ колесница, задрапированная красными матеріями и запряженная восемью быками съ золочеными рогами. На ней были расположены орудія искусствъ и ремеслъ и произведенія французской почвы, среди которыхъ возвышалось изображеніе Свободы, которое должно было указывать, что процвѣтать могутъ они только подъ ея покровительствомъ. Колесница была окружена членами конвента, при чемъ Робеспьеръ шествовалъ на нѣсколько шаговъ впереди другихъ.

На Марсовомъ полѣ была устроена высокая гора, вокругъ которой и расположилась прибывшая процессія, при чемъ нѣкоторыя группы размѣстились по склонамъ горы, а члены конвента заняли самую вершину ея. Здѣсь повторенъ былъ уже извѣстный намъ гимнъ, за которымъ послѣдовала «большая симфонія», въ которой приняли послѣдовательное участіе хоры старцевъ и юношей, женщинъ и дѣвушекъ. Бросались вверхъ цвѣты, юноши клялись на мечахъ одерживать всегда побѣды, старцы благословляли ихъ и т. д. Праздникъ закончился залпомъ изъ орудій и восторженными патріотическими возгласами.

Новый культъ, введенный этимъ праздникомъ, мало чѣмъ отличался отъ прежняго культа Разума, естественнымъ продолженіемъ котораго онъ явился, и въ большинствѣ случаевъ, особенно въ провинціи, выливался въ прежнія, уже знакомыя формы. Но все же онъ имѣлъ большое принципіальное значеніе, ибо отрѣшался отъ атеистическихъ тенденцій и дѣлалъ нѣкоторый шагъ къ примиренію съ христіанствомъ. Раціоналистическіе культы не убили въ массѣ французскаго населенія потребности живой и истинной вѣры. Въ глазахъ этой массы, втайнѣ остававшейся вѣрной католицизму и съ ужасомъ смотрѣвшей на его поруганіе, Робеспьеръ явился защитникомъ религіи. Ему били челомъ коммуны, желавшія сохранить вѣру прадѣдовъ, на него возлагались послѣднія надѣжды вѣрующихъ; мистическая сектантка Екатерина Тео̀ называла его помазанникомъ Св. Духа, небеснымъ служителемъ, возстановителемъ религіи и т. д.

Всѣмъ этимъ мечтаніямъ положилъ конецъ переворотъ 9 термидора, низвергшій диктатуру Робеспьера и пославшій его на плаху. Вмѣстѣ съ его паденіемъ палъ и терроръ, и немедленно въ настроеніи французскаго общества стали замѣчаться признаки реакціи противъ революціоннаго увлеченія. Въ эпоху директоріи и консульства введенный Робеспьеромъ культъ прекратилъ свое существованіе. Правительство, однако, долго не отказывалось отъ мысли введенія по всей Франціи однообразнаго культа, такъ называемаго «культа декадъ» (le culte décadaire), который, однако, носилъ совершенно офиціальный характеръ и плохо воспринимался населеніемъ.

Теофилантропія.

Но въ ту же эпоху появилось новое теченіе французской религіозной мысли, оказавшееся гораздо болѣе жизненнымъ, чѣмъ предыдущія. Это была такъ называемая теофилантропія, значительно болѣе, чѣмъ другіе революціонные культы, подходившая подъ понятіе религіи. Это теченіе образовалось подъ двойнымъ вліяніемъ масонства и протестантизма, многое заимствовавъ отъ того и другого. Основателемъ его явился убѣжденный франкъ-масонъ, книгопродавецъ Шемэнъ-Дюпонтѐ, задавшійся цѣлью вмѣсто тайныхъ масонскихъ засѣданій устраивать открытыя для публики собранія, которыя преслѣдовали бы тѣ же самыя моральныя и религіозныя цѣли. Такимъ образомъ теофилантропія, прежде всего, явилась новымъ видомъ масонства, дѣлавшагося изъ тайнаго явнымъ, но сохранившаго много общихъ чертъ. Съ другой стороны, теофилантропія создалась подъ сильнымъ

вліяніемъ протестантизма и протестантской обрядности. Шемэнъ-Дюпонте внимательно изучалъ основы ученія протестантовъ и часто посѣщалъ ихъ богослуженіе, которое ему очень нравилось. Къ этому присоединилось вліяніе филантропическихъ идей XVIII в., представленій Руссо о гражданской религіи и нѣкоторыхъ чертъ революціонныхъ культовъ.

Новая религія нашла себѣ первое выраженіе въ книгѣ ея основателя, выпущенной въ сентябрѣ 1796 г. подъ заглавіемъ «Руководство для теофилантроповъ» (т.-е. «поклонниковъ Бога и друзей человѣчества»). Среди пріятелей автора книга произвела очень хорошее впечатлѣніе; немедленно образовался кружокъ прозелитовъ. Существенную поддержку оказалъ Валентинъ Гаюи, знаменитый своими трудами на пользу слѣпыхъ, сдѣлавшій, между прочимъ, доступными этимъ несчастнымъ книги изобрѣтателя рельефнаго шрифта. Этого выдающагося филантропа слѣдуетъ считать вторымъ основателемъ новой секты.

Въ стѣнахъ «Института для слѣпыхъ» и происходили первыя собранія теофилантроповъ, въ которыхъ принималъ участіе и хоръ его питомцевъ. Число этихъ посѣтителей постепенно возрастало; въ связи съ этимъ распространялось и знакомство съ сектой въ публикѣ, преимущественно среди просвѣщенной буржуазіи. Но все-таки распространеніе ея было не особенно значительнымъ, пока на нее не обратило вниманіе правительство директоріи. Одинъ изъ директоровъ, Ларевельеръ-Лепо, сдѣлался такимъ ревностнымъ покровителемъ теофилантроповъ, что долгое время ошибочно считался основателемъ этой секты.

Съ этого момента теофилантропія стало быстро развиваться. Въ числѣ ея адептовъ мы находимъ такихъ выдающихся писателей, какъ Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ, Себастьянъ Мерсье, Жоржъ Шенье, Палиссо и др., а также многихъ извѣстныхъ ученыхъ и политическихъ дѣятелей. Мало-по-малу въ распоряженіи секты оказывается не только нѣсколько приходскихъ церквей, но и соборъ парижской Богоматери. Послѣ переворота, спасшаго республику отъ заговора роялистовъ и извѣстнаго подъ именемъ 18 фрюктидора, насталъ періодъ расцвѣта теофилантропіи. Вліяніе Ларевельера-Лепо, бывшаго главнымъ дѣятелемъ переворота, увеличилось, а теофилантропы поднялись въ глазахъ общественнаго мнѣнія, такъ какъ были искренними республиканцами. Желая осуществить идею «гражданской религіи» Руссо, они въ своемъ ученіи соединяли религіозныя идеи съ чисто политиче-

скими. Считая невозможнымъ существованіе государства безъ религіи, они задались цѣлью создать такую религію, которая воспитывала бы своихъ адептовъ въ республиканскихъ идеяхъ, развивая въ нихъ ту гражданскую доблесть, которая, по ученію Монтескье, представляетъ жизненный нервъ республиканскаго устройства. Ихъ община была отпрыскомъ той революціонной, по выраженію Мишле, «церкви», которая породила и другіе революціонные культы, но въ ней уже простыла ихъ возбужденная горячность и нервная экзальтація. Въ общественномъ мнѣніи современниковъ составилось даже представленіе, что теофилантропія есть политическое общество, лишь маскирующее свои цѣли внѣшнимъ религіознымъ обликомъ. Но это было не совсѣмъ точно. Теофилантропія была попыткой осуществить на практикѣ ту «естественную» религію, которая проповѣдывалась мыслителями XVIII в. и нашла наиболѣе привлекательное выраженіе въ «Исповѣданіи вѣры савойскаго священника» Руссо, сочетавъ ее съ ученіемъ того же писателя о гражданской религіи.

Эта попытка была самой удачной изъ всѣхъ, до тѣхъ поръ извѣстныхъ. Этимъ объясняется успѣхъ теофилантропіи не только въ Парижѣ, но и во всей Франціи и даже далеко за ея предѣлами, въ Италіи, Голландіи и Англіи. Г-жа Сталь въ одномъ изъ своихъ сочиненій, лишь недавно изданномъ [1]), находила подходящими для республиканской Франціи только двѣ религіи: протестантизмъ и теофилантропію. Хотя она отдавала предпочтеніе протестантизму, ссылаясь, главнымъ образомъ, на важность въ религіи освященныхъ временъ традицій и существованіе особаго класса ея служителей, чего не было въ новой сектѣ, но все же она относилась къ теофилантропіи съ большимъ уваженіемъ.

Во времена консульства положеніе теофилантропіи стало рѣзко мѣняться. Бонапартъ не сочувствовалъ ей и въ 1801 г. добился запрещенія собраній ея приверженцевъ. Это было прелюдіей къ заключенному съ папою конкордату (1802 г.), которымъ было реставрировано католичество во Франціи. Теофилантропы либо перешли въ масонство, либо, увлекаемые потокомъ начинавшейся католической реакціи, вернулись въ лоно католической церкви.

Итоги религіозныхъ теченій революціи.

Такъ закончились попытки обосновать новую религію, совершенно порвавъ съ вѣковыми историческими традиціями и прежними вѣроисповѣдными нормами. Основная черта этихъ попытокъ за-

[1]) Des circonstances actuelles, qui peuvent terminer la Révolution, et des principes, qui doivent fonder la République en France.

ключается въ стремленіи секуляризировать религію, исключивъ изъ нея всякій сверхъестественный элементъ и подчинивъ ее интересамъ общественно-государственнаго порядка. Идеи Руссо о гражданской религіи играли здѣсь руководящую роль, но къ нимъ примѣшивались также разнородныя религіозныя и анти-религіозныя вліянія XVIII в. Атеизмъ энциклопедистовъ, разсудочный и холодный деизмъ Дольтера, сантиментальная и расплывчатая вѣра Руссо нашли себѣ послѣдовательное отраженіе въ религіозной исторіи революціи. Процессъ дехристіанизаціи совершается всего болѣе подъ вліяніемъ той борьбы противъ религіи, которую вели энциклопедисты; установленіе культа Разума не обошлось безъ косвеннаго вліянія разсудочнаго и отвлеченнаго деизма великаго раціоналиста Вольтера; въ культѣ Верховнаго Существа смѣшиваются вліянія Вольтера и Руссо съ нѣкоторымъ перевѣсомъ въ сторону второго; наконецъ теофилантропія является наиболѣе полнымъ осуществленіемъ «гражданской религіи» Руссо.

Всѣ эти революціонные культы оказались, въ концѣ-концовъ, не религіей въ собственномъ смыслѣ слова, а лишь ея искусственными суррогатами, лишенными жизнеспособности и обреченными на эфемерное существованіе.

М. Розановъ.

Вліяніе французской революціи на другія страны.

I.

Двоякое вліяніе революціи на Европу.

О вліяніи французской революціи на другія страны можно говорить въ двоякомъ отношеніи, смотря именно по тому, остановимъ ли мы наше вниманіе на дальнѣйшемъ *ходѣ событій* послѣ революціи, или на *измѣненіяхъ*, происшедшихъ въ *жизни народовъ* вслѣдъ за этими событіями. Вообще, какъ извѣстно, въ настоящее время въ исторіи принято различать *событія*, состоящія въ послѣднемъ анализѣ изъ отдѣльныхъ *дѣйствій* (или *поступковъ*) отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ человѣческихъ группъ, и *бытъ* общества, въ смыслѣ совокупности разнаго рода *отношеній* (или *формъ жизни*), господствующихъ въ данномъ обществѣ: разсматривая вліяніе французской революціи на исторію Европы, мы какъ разъ находимъ и то и другое, т.-е., что революція, происшедшая во Франціи, съ одной стороны, была исходнымъ пунктомъ цѣлаго ряда событій, которыхъ безъ нея не было бы, а съ другой — вызвала въ государственномъ и общественномъ быту другихъ націй тоже цѣлый рядъ перемѣнъ въ томъ же направленіи, въ какомъ революція дѣйствовала и въ самой Франціи. Конечно, въ исторіи событія и бытъ, или, иначе говоря, *прагматическая* и въ широкомъ смыслѣ *культурная* (бытовая) ея сторона, связаны между собою неразрывно, въ родѣ того, какъ лицо и изнанка въ ткани, но это нисколько не можетъ служить препятствіемъ для разсматриванія каждой изъ этихъ сторонъ отдѣльно. Напротивъ даже: одинъ изъ пріемовъ науки и состоитъ въ расчлененіи всякаго сложнаго явленія для изученія составныхъ его частей въ отдѣльности.

Впечатлѣніе, произведенное революціей на Европу.

Вотъ какія соображенія положены въ основу того плана, по которому написана настоящая статья. Однако, для того, чтобы понять, почему французская революція именно такъ, а не иначе подѣйствовала на другія страны, нужно предварительно узнать, какое *впечатлѣніе* произвели первыя извѣстія о ней

Пособія: *Sorel:* „L'Europe et la revolution fransaise“.

внѣ Франціи и потому въ какое отношеніе стали къ ней другіе народы и правительства. На этомъ мы сейчасъ и остановимся.

Революція во Франціи была направлена противъ того, что теперь принято называть «старымъ порядкомъ» (ancien régime), разумѣя подъ нимъ совокупность извѣстныхъ государственныхъ и общественныхъ формъ, но эти же формы существовали, и отъ этихъ же формъ страдали люди и въ другихъ странахъ. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, новыя, враждебныя этимъ формамъ идеи, проповѣдовавшіяся въ XVIII вѣкѣ, главнымъ образомъ, французской литературой, благодаря повсемѣстному господству этой литературы, были очень популярны въ образованномъ обществѣ другихъ странъ. На своемъ знамени французская революція поставила лозунги свободы и равенства, что не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія вездѣ, гдѣ только существовало сколько-нибудь замѣтное культурное вліяніе со стороны французской націи.

Возьмемъ хотя бы то впечатлѣніе, какое въ другихъ странахъ было произведено взятіемъ Бастиліи 14 іюля 1789 г. Не характерно ли, напр., что на это событіе писались оды — Альфери въ Италіи или Эбелингомъ въ Германіи, или что въ Англіи по этому случаю устраивались общественныя празднованія, а въ Кэмбриджскомъ университетѣ паденіе Бастиліи было сдѣлано конкурсною темою для студенческихъ сочиненій? Сочувственные отголоски этого событія не миновали и Россіи.

По одному современному извѣстію,—которое, впрочемъ, нельзя не заподозрѣть въ нѣкоторомъ сгущеніи красокъ,—въ тотъ день, когда въ Петербургѣ узнали о взятіи Бастиліи, «на улицахъ города и французы, и русскіе, и датчане, и нѣмцы, и англичане, и голландцы поздравляли другъ друга и обнимались, какъ будто только что освободившись отъ слишкомъ тяжелой цѣпи, которою были скованы». Маленькая дочь Соймонова, секретаря Екатерины II, наслушавшись, очевидно, разговоровъ взрослыхъ, вздумала даже, въ отсутствіе своего отца, устроить у себя иллюминацію, объяснивъ потомъ возвратившемуся отцу, что это— праздникъ по случаю освобожденія бѣдныхъ французскихъ узниковъ. Можно было бы собрать еще немалое количество подобнаго рода примѣровъ, свидѣтельствующихъ вообще о томъ сочувственномъ отношеніи, какое встрѣтила вѣсть о разрушеніи старой «цитадели деспотизма» въ разныхъ мѣстахъ Европы. Чѣмъ болѣе опредѣлялся характеръ французскихъ событій, какъ пол-

наго переустройства государства и общества на новыхъ началахъ, тѣмъ все болѣе и болѣе возрасталъ энтузіазмъ къ революціи, пока ея крайности не вызывали по отношенію къ ней реакціи. Въ Германіи привѣтствовали новую Францію многія историческія знаменитости, какъ, напр., великій философъ Кантъ, видные писатели Клопштокъ, Гердеръ или Вильгельмъ фонъ Гумбольдъ, въ то время еще очень молодой человѣкъ, и многіе другіе.

Желаніе подражать французамъ внѣ Франціи.

Дѣло не ограничивалось однимъ *сочувствіемъ*, но рѣчь заходила и о *подражаніи*. Тамъ, гдѣ не было общественной самодѣятельности, о преобразованіяхъ въ духѣ порядковъ перваго періода французской революціи могли подумывать только отдѣльныя личности или небольшіе кружки въ родѣ тѣхъ прогрессивныхъ дѣятелей, которые уже въ началѣ XIX в. проводили въ Пруссіи разныя либеральныя реформы. Въ Англіи, съ ея болѣе развитою общественною жизнью, желаніе слѣдовать примѣру французовъ проявилось въ болѣе широкихъ формахъ. Здѣсь подъ вліяніемъ событій, происходившихъ въ сосѣдней странѣ, необычайно оживилось политическое движеніе въ прогрессивной части общества, ставившее своею цѣлью реформу парламента въ демократическомъ смыслѣ. Въ эти годы въ Лондонѣ и въ другихъ городахъ образовались особыя общества, агитировавшія въ пользу преобразованія выборовъ и посылавшія привѣтственные адресы учредительному собранію, конвенту, якобинскому клубу. Среди политическихъ дѣятелей Англіи также были люди, благопріятно относившіеся къ тому, что дѣлалось во Франціи въ началѣ революціи, и желавшіе своей родинѣ либеральныхъ реформъ (Фоксъ, Шериданъ, Стэнгопъ, Лэнсдоунъ и др.), а когда противъ революціи знаменитый Бёркъ выступилъ со своими «Размышленіями», тотчасъ же у революціи явилось нѣсколько литературныхъ защитниковъ (Томасъ Пэнъ, Маклинтошъ, Пристлей, Ричардъ Прайсъ).

Надежды на французскую революцію въ разныхъ странахъ.

Мало того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно говорить не только о сочувствіи или желаніи подражать французамъ, но и о *надеждахъ*, какія ими возбуждались въ другихъ націяхъ. Незадолго до начала французской революціи въ столицѣ тогдашней Польши начались засѣданія такъ называемаго четырехлѣтняго сейма, который поставилъ своею задачею возрожденіе страны прогрессивными реформами и дѣйствовалъ подъ сильнымъ вліяніемъ французскихъ политическихъ идей, а въ 1791 г. своею

«конституціей 3 мая» даже предупредилъ изданіе учредительнымъ собраніемъ первой французской конституціи. Встрѣтивъ противодѣйствіе этимъ планамъ со стороны сосѣднихъ державъ, за два десятилѣтія передъ тѣмъ подѣлившихъ между собою часть ихъ владѣній, польскіе патріоты стали возлагать всѣ свои упованія на побѣду французской революціи въ ея борьбѣ съ общими врагами и Франціи и Польши. Не меньшія надежды связаны были съ французскою революціей и въ Ирландіи, находившейся въ угнетеніи у англичанъ: въ этой странѣ уже раньше существовавшее патріотическое общество «Соединенныхъ ирландцевъ» стало теперь мечтать объ отложеніи отъ Англіи для образованія, въ союзѣ съ Франціей, самостоятельной республики, а въ 1794—1795 г. начались въ Ирландіи народные мятежи, которые разрослись въ 1798 г. въ цѣлое возстаніе, дѣйствительно, получившее нѣкоторую помощь отъ Франціи, хотя и окончившееся полною неудачею.

Посмотримъ теперь, какъ отнеслись къ французской революціи европейскія правительства.

Отношеніе къ революціи европейскихъ правительствъ.

Внутреннія смуты и до взрыва французской революціи происходили въ разныхъ государствахъ, и отдѣльныя правительства привыкли относиться къ этимъ смутамъ у сосѣдей, смотря по тому, были ли онѣ, эти смуты, выгодны или невыгодны для того или другого изъ этихъ правительствъ; нерѣдко такіе внутренніе раздоры и волненія даже прямо возбуждались или поддерживались иностранными правительствами, когда имъ нужно было ослабить какую-либо страну, разъ она принадлежала къ враждебному лагерю. Сначала государи и министры не иначе относились и къ французской революціи, поскольку тому или другому правительству казалось, напр., выгоднымъ ослабленіе Франціи, но мало-по-малу при европейскихъ дворахъ поняли, что революція, происходившая во Франціи, имѣла не исключительно мѣстное значеніе, что примѣръ неповиновенія властямъ, поданный французами, можетъ оказаться заразительнымъ, что революція грозитъ порядку и въ другихъ странахъ. Эти опасенія правительствъ создали крестовый походъ монарховъ противъ революціонной Франціи, тѣмъ болѣе, что и въ самой Франціи возникло стремленіе придать революціи характеръ повсемѣстной борьбы противъ «стараго порядка».

Отношеніе къ револю-

Не одни правительства были встревожены событіями, происходившими во Франціи. Революція направила свое дѣйствіе

не только противъ абсолютной монархіи, но и противъ сословныхъ привилегій, феодальныхъ правъ, крѣпостной зависимости крестьянъ и т. п., что задѣвало интересы высшихъ классовъ общества во всѣхъ странахъ. Духовенство и дворянство повсемѣстно стали относиться къ революціи враждебно, и если въ эпоху такъ называемаго «просвѣщеннаго абсолютизма» монархія не вездѣ была въ ладахъ съ привилегированными сословіями, то французская революція, грозившая одинаково и государямъ, и дворянству съ духовенствомъ, могла только содѣйствовать заключенію между ними тѣснаго союза на защиту угрожаемаго «стараго порядка».

ціи со стороны привилегированныхъ.

Начало оппозиціи противъ французовъ.

Демократическій характеръ революціи напугалъ, между прочимъ, и правящіе классы въ Англіи. Не только консервативные торіи, но и либеральные виги, за нѣкоторыми исключеніями, стали во враждебное отношеніе къ французской революціи. Очень видные дѣятели, думавшіе и дѣйствовавшіе прежде въ болѣе или менѣе либеральномъ духѣ, круто повернули въ сторону реакціи. Таковъ былъ министръ Питтъ; къ числу тѣхъ же людей нужно отнести и замѣчательнаго парламентскаго оратора и политическаго писателя Бёрка, въ своихъ «Размышленіяхъ о революціи во Франціи» (1790) разгромившаго французовъ и ихъ новые порядки. Хотя на защиту революціи и выступили въ Англіи нѣкоторые тоже видные писатели, но именно книга Бёрка опредѣлила надолго отношеніе большинства англійскаго общества къ французской революціи. И въ другихъ странахъ, гдѣ еще буржуазіи не приходилось бояться за потерю своего положенія въ обществѣ и государствѣ, такъ какъ она была принижена и отъ революціи могла бы только выиграть, позднѣйшіе ужасы революціи, особенно терроръ, значительно ослабили прежнее сочувствіе и заставили во многомъ разочароваться.

Прибавимъ къ всему сказанному, что антикатолическія, а потомъ вообще антихристіанскія проявленія французской революціи дали врагамъ ея сильное оружіе для враждебной французамъ и ихъ новымъ порядкамъ агитаціи въ народныхъ массахъ. Напр., одна изъ причинъ яркой національной ненависти англичанъ къ французамъ въ концѣ XVIII в. заключалась въ томъ, что въ Англіи называли «безбожіемъ» этой націи.

Подведемъ итоги. Первое впечатлѣніе, произведенное французской революціей на образованные классы общества, было большею частью благопріятнымъ: ей высказывалось сочувствіе,

иногда обнаруживалось стремленіе подражать ея преобразованіямъ, въ иныхъ случаяхъ на нее возлагались даже надежды цѣлыхъ націй. По мѣрѣ того, однако, какъ революція все болѣе и болѣе принимала кровавый и антирелигіозный характеръ, сочувственное отношеніе тѣхъ, кто могъ ей сочувствовать, падало, въ народныхъ же массахъ прямо дѣлалось враждебнымъ и часто не менѣе даже враждебнымъ, нежели отношеніе къ революціи почти съ самаго же начала тѣхъ, чьи интересы она наиболѣе задѣвала, а это какъ мы видѣли, были правительственныя сферы, привилегированныя сословія, правящіе классы.

II.

Переходимъ къ событіямъ.

Начало революціонныхъ войнъ.

20 апрѣля 1792 г. Франція, какъ извѣстно, объявила войну Австріи, съ которою скоро соединилась Пруссія. Со стороны обѣихъ этихъ державъ война была защитою монархическаго принципа противъ революціи, ибо сами французы говорили, что это — борьба противъ королей во имя попранныхъ правъ народовъ. Права народовъ, говорили еще французы, должны оставаться ненарушимыми и для самой Франціи: они обѣщали не дѣлать никакихъ завоеваній для себя и, такимъ образомъ, не посягать на свободу другихъ націй, которымъ, наоборотъ, предлагали свою помощь въ завоеваніи свободы. Съ самаго начала, слѣдовательно, война революціонной Франціи съ монархическою Европою получила со стороны Франціи характеръ революціонной пропаганды, а со стороны ея враговъ — характеръ крестоваго похода противъ революціи. Правда, съ теченіемъ времени революціонная пропаганда превратилась въ войну съ завоевательными цѣлями, а крестовый походъ во имя монархическаго принципа — въ погоню за разными частными выгодами также въ видѣ территоріальныхъ пріобрѣтеній, но безъ революціи не было бы ни этихъ монархическихъ коалицій противъ Франціи, ни этихъ революціонныхъ войнъ, которыя, начавшись въ 1792 г., перешли потомъ въ войны Наполеона I.

Французскіе успѣхи осенью 1792 г.

Въ войнѣ съ Австріей и Пруссіей французы, какъ извѣстно, терпѣли неудачи, но какъ разъ наканунѣ перваго собранія въ Парижѣ національнаго конвента, не замедлившаго объявить Францію республикой, французы имѣли первую удачу при Вальми. Сопровождавшій прусскую армію великій нѣмецкій поэтъ Гёте,

сначала не приписывавшій большого значенія французскимъ событіямъ, сказалъ, что «на этомъ мѣстѣ и въ этотъ день началась новая эра во всемірной исторіи». Вскорѣ послѣ этого французы могли уже перейти въ наступленіе, которое тѣмъ болѣе облегчалось, что въ ближайшихъ къ Франціи областяхъ очень многіе уже съ нетерпѣніемъ ожидали прихода освободителей отъ ненавистныхъ порядковъ. Еще до перехода черезъ границу французскіе генералы принимали иностранныхъ подданныхъ, звавшихъ къ себѣ французскія войска для борьбы съ тираніей. Осенью 1792 г. въ рукахъ французовъ были уже Савойя, лѣвый берегъ Рейна и Бельгія. Въ Савойѣ, входившей въ составъ Сардинскаго королевства, до прихода французовъ во второй половинѣ сентября 1792 г. шла дѣятельная революціонная агитація. «Шествіе моей арміи,—доносилъ генералъ Монтескью,—рядъ тріумфовъ. Сельское и городское населеніе бѣжитъ къ намъ навстрѣчу. Мнѣ кажется, что умы здѣсь расположены къ революціи, подобной нашей». «Перешедши границу,—писали конвентскіе комиссары,—мы и не замѣтили того, что вступили въ чужой край». На лѣвомъ берегу Рейна происходило то же самое, и генералъ Кюстинъ удивлялся самъ той легкости, съ какою въ короткое время онъ занялъ Шпейеръ, Вормсъ, Майнцъ. «Города, — говоритъ одинъ тогдашній дипломатъ, — сдаются безъ сопротивленія, и декларація правъ производитъ дѣйствіе, подобное дѣйствію трубы Іисуса Навина».

Какое настроеніе господствовало среди прирейнскихъ нѣмцевъ, когда къ нимъ пришли французы, можно видѣть изъ одного мѣста поэмы Гёте «Германъ и Доротея»:

«Кто не сознается, какъ трепетало въ немъ весело сердце,
«Какъ въ свободной груди всѣ пульсы забились живѣе
«Въ ту минуту, какъ засвѣтилось новое солнце,
«Какъ услыхали впервые объ общихъ правахъ человѣка,
«О вдохновенной свободѣ и о равенствѣ также похвальномъ!
«Всякій въ то время надѣялся жить для себя, и, казалось,
«Всѣ оковы въ рукахъ эгоизма и лѣни, такъ долго
«Многія страны собой угнетавшія, разомъ распались».

Содѣйствіе французамъ въ сосѣднихъ областяхъ.

Такой же пріемъ встрѣтили французы и въ Бельгіи, которую они освободили отъ Австріи, только что успѣвшей подавить въ этой странѣ національное возстаніе. И въ пограничной области Сардинскаго королевства, и въ западной, зарейнской части Германіи, и въ австрійскихъ Нидерландахъ по отношенію

къ французской революціи проявились не только платоническое сочувствіе, не только теоретическое желаніе послѣдовать примѣру французовъ, не только, наконецъ, простая надежда на ихъ помощь, но прямое *содѣйствіе* французской революціи; французовъ сюда призывали, здѣсь приготовлялись къ ихъ пріему, организовались для того, чтобы и у себя вводить новые порядки по французскому образцу. Еще большее значеніе получаетъ это содѣйствіе революціи со стороны населенія пограничныхъ съ Франціей земель, что послѣ попытокъ организоваться въ республики и Савойя, и лѣвый берегъ Рейна, и Бельгія прямо рѣшили присоединиться къ Франціи: простое содѣйствіе превращалось въ полное *отожествленіе* своего дѣла съ дѣломъ французовъ, на что, конечно, не пошли бы ни Ирландія, ни Польша, которыя тоже хотѣли дѣйствовать заодно съ Франціей въ великой борьбѣ, начавшейся въ 1792 г. въ Европѣ.

Европейская коалиція противъ Франціи.

Французскіе успѣхи конца 1792 г. и вызовъ, брошенной французами всѣмъ монархамъ казнью Людовика XVI, повели къ образованію, въ началѣ 1793 г., большой коалиціи изъ Австріи, Пруссіи, Англіи, Голландіи, Испаніи, Сардиніи и государствъ, составлявшихъ тогдашнюю Священную Римскую имперію германской націи. Въ манифестѣ, съ которымъ національный конвентъ обратился къ революціонной арміи, войнѣ съ этою коалиціей придавалось значеніе борьбы между свободой и тираннией во имя братства народовъ и возрожденія всего міра для новой, лучшей жизни на началахъ свободы и равенства. Исторія этой коалиціи показываетъ, что государи, ополчившіеся противъ революціи, не очень-то были во всемъ солидарны между собою и что свои частныя выгоды они, во всякомъ случаѣ, готовы были предпочесть защитѣ принципа. Первымъ вышелъ изъ коалиціи, вступивъ въ сдѣлку съ революціей, прусскій король, показавъ этимъ дорогу и для другихъ государей, которые потомъ, особенно въ эпоху Наполеона I, заключали подобныя же сдѣлки съ Франціей ради достиженія тѣхъ или другихъ частныхъ выгодъ. Не только пламенный патріотизмъ и революціонный энтузіазмъ французовъ, отстаивавшихъ цѣлость и независимость своей родины и пріобрѣтенія революціи, и не только содѣйствіе со стороны самихъ же подданныхъ тѣхъ государей, съ которыми они вели войну, но и внутренній разладъ, царившій среди членовъ коалиціи, обезпечивали побѣды французовъ.

Франція съ успѣхомъ отразила непріятельское нашествіе, удержала, въ концѣ-концовъ, свои пріобрѣтенія 1792 г., достигнувъ Альповъ и Рейна, какъ своихъ «естественныхъ границъ», и тѣмъ осуществивъ мечту своихъ прежнихъ королей, и въ довершеніе всего овладѣла въ 1795—1799 гг. цѣлымъ рядомъ новыхъ странъ, въ которыхъ провозгласила «права человѣка и гражданина» и основала по образу и подобію своему нѣсколько «дочернихъ республикъ» въ тѣсномъ союзѣ съ республикою-матерью. Имена этихъ революціонныхъ созданій Франціи извѣстны: это были республики Батавская, образованная изъ прежнихъ Нидерландскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Цизальпинская, составившаяся изъ Ломбардіи и нѣкоторыхъ сосѣднихъ областей, Лигурійская, въ которую была превращена Генуя, Римская на мѣстѣ Папской области, Гельвитическая, замѣнившая собою старый Швейцарскій союзъ, и Партенопейская, занявшая материковую часть королевства Обѣихъ Сицилій,—шесть республикъ-дочерей, какъ и республика-мать, Франція, демократическихъ, единыхъ и нераздѣльныхъ. Если бы не перемѣна въ политикѣ Франціи, начавшей также вступать, въ ущербъ своимъ новымъ принципамъ, въ сдѣлки съ представителями «стараго порядка», къ этимъ республикамъ, созданнымъ французскою революціей, могла бы прибавиться еще одна — Венеціанская, въ которой тоже произошелъ демократическій переворотъ, но которая была отдана Австріи съ переходомъ части владѣній Венеціи къ республикѣ Цизальпинской. Впрочемъ, это не мѣшаетъ намъ включить и царицу Адріатики въ число странъ, непосредственно испытавшихъ на себѣ вліяніе французской революціи въ эпоху образованія республикъ-дочерей. Организоваться въ такую же республику дѣлали еще попытку нѣмцы на лѣвомъ берегу Рейна. Къ этой же эпохѣ относится и возстаніе въ Ирландіи, имѣвшее своею цѣлью образованіе изъ нея тоже союзной съ Франціей республики.

Французскія завоеванія.

Каждое изъ этихъ событій, т.-е. каждое основаніе новой республики было новымъ успѣхомъ французской революціи въ одномъ и томъ же направленіи — пропаганды новыхъ идей и учрежденій, которыми жила сама Франція съ 1789 и особенно съ 1792 г. Было бы, однако, ошибочнымъ думать, будто и голландцы, и швейцарцы, и итальянцы разныхъ областей въ дѣлѣ основанія новыхъ республикъ играли чисто пассивную роль побѣжденныхъ, которыми Франція распоряжалась совершенно произвольно, какъ это, впрочемъ, и случилось по отношенію къ на-

селенію Венеціанской республики. Безъ содѣйствія мѣстнаго населенія, конечно, революціонныя арміи Франціи сдѣлать ничего не могли бы. Какъ это было и въ Савойѣ, и на лѣвомъ берегу Рейна, и въ Бельгіи, совершенно такъ же и въ тѣхъ странахъ, о которыхъ идетъ сейчасъ рѣчь, существовали цѣлыя группы людей, сочувствовавшихъ французамъ, бывшихъ готовыми послѣдовать ихъ примѣру, надѣявшихся на ихъ помощь, а главное — содѣйствовавшихъ имъ въ благопріятную минуту.

Батавская республика. Если соединенію Бельгіи съ Франціей предшествовало возстаніе бельгійцевъ противъ Австріи, бывшее тоже революціей въ защиту свободы, то и въ Голландіи незадолго до французской революціи начиналась внутренняя распря, прерванная прусскимъ вмѣшательствомъ въ пользу наслѣдственнаго штатгальтера противъ «патріотовъ», бывшихъ республиканцами-демократами. Многіе изъ послѣднихъ бѣжали отъ преслѣдованій во Францію, откуда они вели агитацію среди голландцевъ о необходимости свергнуть владычество Оранскаго дома. Въ самой странѣ, также съ этою цѣлью, возникли республиканско-демократическія общества. Во французской арміи, дѣйствовавшей въ Бельгіи, которую ей пришлось отвоевывать, былъ особый голландскій, или «батавскій» отрядъ, тогда какъ въ самой Голландіи штатгальтерское правительство тщетно призывало добровольцевъ для защиты страны отъ французскаго нашествія. Патріоты въ благопріятную минуту соединились съ французами, результатомъ чего и было образованіе Батавской республики. Голландія и раньше была республикой, но сословною, федеративною и съ наслѣдственнымъ президентомъ во главѣ, теперь же она преобразовалась по французскому образцу. Основаніе республикъ Лигурійской и Гельветической, равно какъ демократическій переворотъ въ Венеціи, были равнымъ образомъ обязаны мѣстнымъ демократическимъ силамъ, дѣйствовавшимъ подъ вліяніемъ французскихъ идей и съ помощью французовъ.

Преобразованіе старыхъ республикъ въ Италіи. Столица маленькой, но очень богатой купеческой республики, городъ Генуя сдѣлался центромъ значительнаго революціоннаго движенія, въ которомъ принимали участіе многочисленные выходцы и бѣглецы изъ Пьемонта, Ломбардіи, Рима и Неаполя. Когда здѣсь образовался демократическій клубъ и правительство арестовало нѣкоторыхъ его членовъ, остальные подняли возстаніе, окончившееся полною побѣдою, когда на помощь къ нему явились французы. И въ Венеціанской области было много

недовольныхъ, которые время отъ времени волновались противъ правящей олигархіи. Когда началась французская революція, мѣстные демократы также начали основывать революціонные клубы, а съ весны 1797 г. въ одномъ городѣ за другимъ стали происходить народныя возстанія, пока одинъ изъ такихъ клубовъ, дѣйствовавшій въ столицѣ республики, Венеціи, не добился перехода власти въ свои руки, пользуясь французскою поддержкою. (Интересно, что и въ Генуѣ, и въ Венеціи крестьяне выступили врагами мѣстныхъ демократовъ, какъ союзниковъ безбожныхъ французовъ). Венеціи, какъ мы уже видѣли, не удалось остаться демократической республикой, но въ этомъ была вина Франціи, отдавшей значительную часть ея территоріи съ ея главнымъ городомъ Габсбургомъ. Наконецъ не забудемъ, что и Швейцарскій союзъ, превратившійся въ демократическую и унитарную республику Гельветическую, равнымъ образомъ имѣлъ раньше устройство, которое создало массу недовольныхъ. Между отдѣльными кантонами не было равноправія, — одни были даже подчинены другимъ, — равно какъ между городами и ихъ округами, въ городахъ же господствовали немногочисленныя патриціанскія фамиліи. Въ населеніи Швейцаріи общественное броженіе съ демократическимъ характеромъ возникло еще задолго до французской революціи, но власти и правящіе классы всячески подавляли всѣ проявленія недовольства. Особенно сильно было демократическое движеніе (и въ частности вліяніе французскихъ политическихъ идей) въ такихъ городахъ французской Швейцаріи, какъ Женева и Лозанна, но и въ нѣмецкой Швейцаріи были пункты, гдѣ также сосредоточивались главныя силы недовольныхъ, какъ, наприм., Базель. Образовывавшіеся въ этихъ городахъ по французскому образцу клубы стали агитировать въ пользу коренного преобразованія всего союза на началахъ свободы и равноправія. Потомъ начались въ нѣкоторыхъ кантонахъ революціи, изъ которыхъ первая произошла въ кантонѣ Во, превратившемся въ Леманскую республику, пока въ дѣло не вмѣшались французы и не преобразовали всю Швейцарію въ единую и нераздѣльную Гельветическую республику съ чисто демократическимъ устройствомъ.

Перевороты въ Швейцаріи.

Основаніе въ Италіи новыхъ республикъ.

Въ Голландіи, Венеціи, Генуѣ и Швейцаріи мѣстная демократія при помощи французовъ низвергала старыя олигархическія правленія, тогда какъ въ Ломбардіи, въ Папской области и въ Неаполитанскомъ королевствѣ, превратившихся въ республики

37*

Цизальпинскую, Римскую и Партенопейскую, революція была направлена противъ власти абсолютныхъ монарховъ въ лицѣ верховнаго главы Австріи, папы и короля Обѣихъ Сицилій, но и здѣсь, какъ и въ старыхъ аристократическихъ республикахъ, у французовъ были сообщники и сторонники, безъ которыхъ, конечно, они не могли бы имѣть такого быстраго успѣха. Основаніе трехъ названныхъ республикъ въ Италіи было результатомъ мѣстныхъ революцій, и если бы сардинскій король не поспѣшилъ заключить миръ съ Франціей, то революція вспыхнула бы и въ Туринѣ, подобно тому, какъ это произошло въ другихъ мѣстахъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ Италіи вступленіе французовъ послѣ ихъ побѣдъ надъ австрійцами привѣтствовалось населеніемъ, какъ появленіе избавителей отъ чужеземнаго ига или отъ своихъ же деспотовъ. Такъ было, наприм., при въѣздѣ генерала Бонапарта въ Миланъ, бывшій столицей Ломбардіи, или въ принадлежавшую папѣ Болонью. Вскорѣ послѣ этого въ Римѣ и въ другихъ городахъ Папской области начались уличныя демонстраціи съ республиканскимъ характеромъ. Во время одной такой демонстраціи въ самомъ Римѣ былъ убитъ французскій генералъ, что повлекло за собой занятіе Рима французами и демократическую революцію. Неаполитанскій король сдѣлалъ было попытку контръ-революціи въ Папской области, но потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ, въ виду наступленія французовъ, бѣжать изъ своей столицы, гдѣ была провозглашена Партенопейская республика, встрѣченная, впрочемъ, враждебно простонародьемъ. Вскорѣ, однако, всѣ созданія французской революціи въ Италіи были, какъ извѣстно, разрушены новой коалиціей противъ Франціи, съ которой на этотъ разъ участвовала и Россія. Какъ бы то ни было, однако, въ Италіи образовалось четыре республики, да и въ двухъ еще областяхъ произошли, кромѣ того, перевороты. Власть сардинскаго короля, заключившаго миръ съ Франціей съ отреченіемъ въ ея пользу отъ Савойи и Ниццы, поддерживалась только французскими гарнизонами, занявшими страну въ виду войны съ новой коалиціей, но дѣло кончилось тѣмъ, что этотъ государь добровольно удалился на островъ Сардинію, оставивъ Пьемонтъ въ рукахъ французовъ. Уѣхать изъ своего владѣнія вслѣдствіе народныхъ волненій пришлось также и великому герцогу тосканскому.

Наполеонъ, продолжа-

Основаніе французами новыхъ республикъ приходится на 1795 — 1799 годы, когда внутри самой Франціи происходила—

послѣ 9 термидора (27 іюля 1794 г.) — реакція, постепенно приведшая къ перевороту 18 брюмера, къ захвату власти счастливымъ и популярнымъ полководцемъ. Сокрушивъ революцію въ самой Франціи, этотъ полководецъ, въ качествѣ сначала перваго консула французской республики, потомъ императора французовъ, продолжалъ революцію въ Европѣ. Италія снова была завоевана французами, но уже для того, чтобы частью быть непосредственно присоединенною къ Франціи, частью образовать особое королевство самого императора французовъ, частью ея составить владѣніе сначала его брата, потомъ зятя, и въ числѣ государей, вторично лишившихся своихъ престоловъ, былъ папа, изгнанный изъ Рима. Отторженіе отъ Германіи французами лѣваго берега Рейна было началомъ разрушенія средневѣковой Священной Римской имперіи нѣмецкой націи, завершоннаго новымъ владыкой Франціи. Послѣ мира Пруссіи съ Франціей, заключеннаго въ 1795 г., отъ европейской коалиціи противъ революціи стали отпадать одинъ за другимъ второстепенныя германскія государства, а въ 1797 г. и Австрія заключила миръ съ французской республикой, отказавшись при этомъ отъ Бельгіи и Ломбардіи и согласившись на уступку въ пользу Франціи лѣваго берега Рейна. Всѣ сколько-нибудь значительныя германскія государства съ Австріей и Пруссіей должны были вмѣстѣ съ тѣмъ съ согласія французской республики получить разныя вознагражденія, причемъ на роль жертвъ алчности нѣмецкихъ государей были обречены духовные князья, изъ свѣтскихъ тѣ, которые были помельче, да имперскіе города. На конгрессѣ, собравшемся въ Раштатѣ въ 1797 г., начались переговоры на счетъ вознагражденій, которыми французская республика купила у имперіи уступку лѣваго берега Рейна.

тель дѣла революціи въ Европѣ.

Крушеніе Священной Римской имперіи.

Возобновленіе Австріей войны съ Франціей въ составѣ новой коалиціи прервала засѣданія раштатскаго конгресса, но новыя побѣды, одержанныя французами въ 1800 г., заставили Австрію опять заключить миръ съ республикою на прежнихъ основаніяхъ, и очень скоро началось въ Германіи уничтоженіе великаго множества духовныхъ и свѣтскихъ княжествъ и имперскихъ городовъ, присоединявшихся къ владѣніямъ князей, которые такъ или иначе умѣли угодить Франціи, а затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ и сама Священная Римская имперія прекратила свое тысялѣтнее существованіе, почти въ одно время съ крушеніемъ

свѣтской власти папы въ Римѣ. И то и другое произошло, когда Франція сама уже перестала быть республикой.

Европа въ 1815 г.

Наполеоновскія войны начала XIX в., бывшія продолженіемъ революціонныхъ войнъ конца XVIII столѣтія, окончились только въ 1814 или даже въ 1815 г. Отъ начала французской революціи до паденія Наполеона I прошла цѣлая четверть вѣка, въ теченіе которой и сама Франція и почти вся Европа подъ вліяніемъ французской революціи пережили цѣлый рядъ событій, значительно измѣнившихъ самый строй жизни всей Европы. Въ концѣ этого періода противъ Франціи образовалась еще разъ большая европейская коалиція, которая на этотъ разъ Францію побѣдила, при чемъ это была побѣда,—побѣда не только надъ Франціей, но и надъ революціей, произведенной ею въ Европѣ. Какъ ни старались, однако, государи, низложившіе Наполеона, возстановить то, что было разрушено французской революціей и Наполеономъ, поскольку онъ ее продолжалъ въ другихъ странахъ, Европа 1815 г. уже не могла быть тѣмъ, чѣмъ была передъ началомъ революціонныхъ войнъ.

III.

Вліяніе французской революціи послѣ ея окончанія.

Теперь рѣчь будетъ у насъ итти о тѣхъ измѣненіяхъ въ жизни европейскихъ народовъ, на которыхъ сказалось вліяніе французской революціи, но прежде намъ нужно еще условиться относительно хронологическихъ рамокъ, въ какихъ нашъ вопросъ подлежитъ разсмотрѣнію.

Вся наполеонская эпоха представляетъ собою не что иное, какъ продолженіе революціи, хотя и не въ тѣхъ формахъ, какія она имѣла до 1799 г., и низверженіе Наполеона въ 1814 г. считается «концомъ» революціи.

Дальше этого хронологическаго предѣла никто уже изъ историковъ не идетъ: это былъ, если можно такъ выразиться, самый послѣдній конецъ французской революціи, но этотъ *конецъ ея самой* далеко не былъ *концомъ ея вліянія* на дальнѣйшее историческое развитіе Европы. Изъ того, что французами или при содѣйствіи французовъ было сдѣлано въ тѣхъ или другихъ странахъ Европы, не все могло быть уничтожено реакціей, начавшейся послѣ 1814 г., противъ наполеонскаго режима и еще больше противъ французской революціи и идей «философіи XVIII вѣка», которымъ приписывали ея происхожденіе, но, кромѣ

того, осталась *память* о революціи, о томъ, что она сдѣлала, къ чему стремилась, и сохранились въ памяти ея принципы, ея примѣры. Одни, конечно, относились къ этому недавнему прошлому съ осужденіемъ и проклятіями, напрягая всѣ свои силы, чтобы это прошлое не возвратилось, тогда какъ другіе, наоборотъ, ко многому въ этомъ прошломъ относились съ сочувствіемъ, съ надеждою, что идеи свободы и равенства, принципы деклараціи правъ человѣка и гражданина еще воспрянутъ и обновятъ жизнь, и съ болѣе или менѣе сильнымъ желаніемъ содѣйствовать торжеству этихъ началъ въ жизни. Въ XIX в. произошло нѣсколько революцій, бывшихъ своего рода отголосками французской революціи, и, наприм., въ бурномъ 1848 году и во Франціи, и въ Италіи, и въ Германіи многіе жили воспоминаніями изъ временъ французской революціи и дѣйствовали, сообразуясь съ поданными ею примѣрами. Такъ часто бываетъ: и умеръ давно человѣкъ, сказавшій какое-либо новое слово или совершившій какое-либо важное дѣло, а мысль его все еще живетъ въ обществѣ, и примѣръ, имъ поданный, все еще находитъ подражателей, такъ что если уже говорить именно о подражаніи, то одна революція 1848 г. представляетъ не мало примѣровъ прямого слѣдованія примѣру французской революціи.

Наслѣдство, оставленное французской революціей остальной Европѣ.

Вездѣ, гдѣ устанавливалось французское владычество открыто или въ замаскированномъ видѣ, старина рушилась, и, наоборотъ, вводились новые порядки, новыя учрежденія, новые законы, такъ или иначе восходящіе къ «принципамъ 1789 года». Въ 1814—1815 гг. повсемѣстно началась реставрація «стараго порядка», но и новая жизнь разными путями прокладывала себѣ дорогу среди обломковъ старины и ставившихся послѣднею преградъ,— дорогу, главныя вѣхи которой были установлены въ концѣ XVIII в. Очень часто непосредственныя созданія французской революціи оказывались непрочными, эфемерными, но зато чѣмъ дальше отходимъ мы отъ эпохи французской революціи, тѣмъ прочнѣе укореняются въ жизни бытовыя измѣненія, провозглашенныя революціей, на которыя поэтому можно смотрѣть, какъ на *наслѣдство*, оставленное ею потомкамъ и будущимъ временамъ.

Конституціонное движеніе къ новѣйшей исторіи.

Наслѣдство это заключается въ принципахъ *индивидуальной и политической свободы и гражданскаго равноправія*, которые составляютъ содержаніе «Деклараціи правъ человѣка и гражданина». Французская революція открыла собою на материкѣ Европы цѣлый рядъ движеній съ весьма опредѣленнымъ идейнымъ

содержаніемъ. Именно, съ французской революціи начинается борьба за то, что можно назвать *идеаломъ современнаго конституціоннаго государства,* и постепенное осуществленіе этого идеала въ жизни, путемъ введенія соотвѣтственныхъ учрежденій. Всѣ современныя европейскія конституціи, вмѣстѣ съ тѣми, которыя возникали и падали въ теченіе XIX в., являются своего рода потомствомъ первой французской конституціи, увидѣвшей свѣтъ въ 1791 г., поскольку основными признаками конституціоннаго строя являются: во-первыхъ, участіе народнаго представительства въ законодательствѣ, вотированіи налоговъ и контролѣ надъ дѣйствіями органовъ исполнительной власти; во-вторыхъ, равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ, т.-е. отсутствіе сословныхъ перегородокъ въ обществѣ; въ третьихъ, гарантія государствомъ личной свободы гражданъ. Конечно, далеко не всѣ конституціи новѣйшаго времени находились и находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ идеаломъ конституціоннаго государства, но при всѣхъ своихъ отъ него уклоненіяхъ и при всемъ своемъ разнообразіи онѣ представляютъ собою одну опредѣленную категорію фактовъ.

Конституціи конца XVIII в. Первыми конституціями новаго типа, созданнаго Франціей въ эпоху революціи, были тѣ, которыя вводились въ республикахъ второй половины девяностыхъ годовъ. Къ этому времени въ самой Франціи успѣла недолго просуществовать монархическая конституція 1791 г. и не успѣла даже быть приведенною въ дѣйствіе республиканская конституція, принятая народнымъ голосованіемъ 1793 г., а образцомъ, по которому создавались политическія учрежденія республикъ-дочерей, была третья французская конституція, такъ называемая «III-го года». Эфемерная польская конституція 3 мая 1791 г. тоже была составлена подъ сильнымъ вліяніемъ бывшихъ тогда въ ходу французскихъ политическихъ идей. Такъ уже въ концѣ XVIII в. началось распространеніе представительныхъ учрежденій, которыя съ теченіемъ времени постепенно стали вытѣснять абсолютизмъ или, по крайней мѣрѣ, заставляли его приспособляться къ формамъ народнаго представительства.

Общее значеніе „Деклараціи правъ“. Во Франціи «Декларація правъ человѣка и гражданина», сыгравшая въ свое время въ пограничныхъ областяхъ роль іерихонской трубы, въ послѣдній разъ предпослана была конституціонному акту въ 1795 г., и послѣ этого вообще такія деклараціи вышли изъ употребленія, зато во многихъ кон-

ституціяхъ XIX в. содержаніе французскихъ декларацій 1791, 1793 и 1795 (III) годовъ повторяется съ тѣми или другими измѣненіями (и съ сокращеніями, и съ дополненіями) въ особыхъ отдѣлахъ многихъ конституцій «объ общихъ правахъ гражданъ». Въ сущности, всѣ постановленія новѣйшихъ конституцій, касающіяся личной свободы гражданъ и разныхъ видовъ свободы общественной, восходятъ къ деклараціямъ правъ французской революціи, какъ общему первоисточнику.

Принципъ гражданскаго равноправія.

Народное представительство и индивидуальная свобода, провозглашенныя французской революціей, составляютъ политическую ея сторону, направленную противъ господствовавшаго въ Европѣ абсолютизма. Рядомъ со свободою революція провозгласила принципъ гражданскаго равноправія противъ того сословнаго строя общества, тѣхъ привилегій дворянства и духовенства, противъ ихъ феодальныхъ правъ и той крѣпостной неволи крестьянъ, которыя были наслѣдіемъ католико-феодальнаго средневѣковья и вмѣстѣ съ абсолютизмомъ болѣе недавняго происхожденія составляли существо «стараго порядка». Ночь 4 августа 1789 г. положила начало отмѣнѣ остатковъ феодализма во Франціи, и весьма знаменательно, что одинъ изъ первыхъ поводовъ столкновенія революціонной Франціи съ Германіей были протесты нѣмецкихъ князей, владѣвшихъ феодальными правами на восточной окраинѣ Франціи. Окончательно и безповоротно феодальныя права безъ всякаго выкупа ихъ у сеньёровъ рухнули въ 1793 г., какъ разъ въ то время, когда французы уже начали свою революціонную пропаганду въ сосѣднихъ странахъ, гдѣ также до прихода французскихъ армій продолжали существовать остатки средневѣковаго феодализма, неодинаково значительные въ разныхъ мѣстахъ, но въ общемъ тяжело ложившіеся на населеніе. Въ исторіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной неволи и ихъ земель отъ барщины, оброковъ и т. п. французская революція была первымъ крупнымъ шагомъ впередъ, такъ что самоё эту исторію приходится дѣлить на двѣ части — до французской революціи и послѣ французской революціи. Вездѣ, гдѣ въ концѣ XVIII в. французы одерживали побѣды надъ защитниками стараго порядка и низвергали прежнія правительства, должны были исчезать всѣ слѣды феодализма.

Крушеніе соціальнаго феодализма въ Германіи.

Въ центральной Европѣ наибольшею силою обладалъ соціальный феодализмъ въ Германіи. Кое-гдѣ подъ вліяніемъ слуховъ о томъ, что дѣлалось во Франціи, нѣмецкіе крестьяне

начинали волноваться, и въ 1795 г. одинъ германскій владѣтельный князь (изенбургскій) даже предпринялъ освобожденіе крестьянъ въ своемъ владѣніи, послѣ чего то же самое предпринялъ и другой такой князекъ (гогенцоллернъ-гёхингенскій). Наполеонъ, въ качествѣ, въ данномъ случаѣ, наслѣдника революціи, особенно ревностно содѣйствовалъ ликвидаціи соціальнаго феодализма въ Германіи. Въ большей части уцѣлѣвшихъ и увеличившихъ свои территоріи нѣмецкихъ княжествъ и въ тѣхъ изъ нихъ, которыя Наполеонъ создавалъ для своей родни въ Германіи, крѣпостное состояніе крестьянъ было объявлено уничтоженнымъ. Одновременно съ этимъ отмѣнено было крѣпостное состояніе и въ Варшавскомъ герцогствѣ, созданномъ въ 1807 г. Наполеономъ изъ польскихъ областей, по раздѣламъ Рѣчи Посполитой доставшихся Пруссіи. Прусское правительство тогда же поспѣшило освободить крестьянъ и у себя, при чемъ первою мыслью этого правительства было, какъ бы освобожденіе не было провозглашено французами. Пусть наступившая въ 1814 — 1815 гг. реакція не только остановила процессъ освобожденія крестьянъ, и даже во многихъ случаяхъ повернула дѣло назадъ, въ концѣконцовъ, крѣпостничество въ Европѣ исчезло. Замѣтимъ, что въ XIX в. требованія конституціоннаго строя, шедшія со стороны передовыхъ общественныхъ классовъ, обыкновенно соединялись съ требованіями, касавшимися улучшенія юридическаго и экономическаго положенія крестьянской массы. Въ одинъ рядъ съ уничтоженіемъ крѣпостного права подъ вліяніемъ французской революціи слѣдуетъ поставить еще введеніе, при Наполеонѣ, французскаго гражданскаго кодекса въ дѣйствіе въ нѣкоторыхъ странахъ внѣ Франціи, — кодекса, основаннаго на принципахъ гражданскаго равноправія и безсословности. Этотъ кодексъ, впитавшій въ себя многіе законы, которые обязаны были происхожденіемъ своимъ французской революціи, дѣйствовалъ не только на всемъ обширномъ пространствѣ имперіи Наполеона, но и въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ, въ Италіи и въ Варшавскомъ герцогствѣ, изъ котораго потомъ образовалось Царство Польское, пользующееся имъ и по сей день.

Гражданскій кодексъ Наполеона.

Соціальныя и національныя тенденціи.

Говоря о вліяніи французской революціи въ болѣе позднія времена, мы сдѣлали бы важный пропускъ, если бы не обратили вниманія еще на два важныя обстоятельства.

Всѣ *политическія* движенія, происходившія въ Европѣ XIX в., имѣли своимъ исходнымъ пунктомъ французскую рево-

люцію, но въ исторіи XIX в. и особенно съ его середины важное значеніе имѣли еще движенія *соціальныя* и *національныя,* на которыхъ также сказалось въ извѣстной степени вліяніе французской революціи. Эти два вида народныхъ движеній и составляютъ новыя для насъ обстоятельства, требующія разсмотрѣнія.

Французская революція была не только политической, но и соціальной, коснулась не только вопросовъ государственной жизни, но и вопросовъ жизни экономической, поставила ребромъ не только вопросъ о власти, но и вопросъ о собственности. Кульминаціоннаго пункта своего соціальное движеніе французской революціи достигло въ 1793 г., но съ этого же года, а особенно съ 1794 г. началась реакція противъ революціи со стороны имущихъ классовъ общества, сама бывшая результатомъ ихъ опасеній за неприкосновенность того, чѣмъ они владѣли. Въ 1793 г. довольно рѣзко проявились во Франціи идеи и стремленія, которыя мы теперь можемъ подвести подъ понятія соціализма, коммунизма, анархизма, но все это движеніе было подавлено, и къ тому времени, когда революціонная пропаганда за границами Франціи получила наибольшую силу, соціальныя идеи и стремленія не играли уже больше роли. Возрожденіе этихъ идей во Франціи уже въ болѣе позднюю эпоху, передъ 1830 годомъ, въ такъ называемомъ утопическомъ соціализмѣ сэнъ-симонистовъ и Фурье, не имѣло уже ничего общаго съ французской революціей, къ которой родоначальники этихъ системъ относились даже отрицательно. Но въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ произошло во Франціи сближеніе соціализма съ традиціями французской революціи, что немало содѣйствовало ея популярности въ народныхъ массахъ передъ 1848 г. Въ частности, это было возрожденіемъ якобинизма, окрашеннаго въ соціализмъ, что тоже нужно отнести къ числу болѣе отдаленныхъ вліяній французской революціи.

Одновременно съ соціальными идеями и стремленіями, игравшими такую роль въ революціи 1848 г. не въ одной Франціи, но и въ Германіи, въ Европѣ, большую силу получили и также играли очень видную роль въ революціи 1848 г. идеи и стремленія національныя. Связь ихъ съ французской революціей болѣе непосредственна и наглядна. Она провозгласила «естественныя, неотчуждаемыя и священныя» права не только отдѣльныхъ людей и гражданъ, но и цѣлыхъ націй на свободу, само-

опредѣленіе и на равенство правъ среди другихъ націй: это былъ логическій выводъ изъ того параграфа декларацiи правъ, въ которомъ было сказано, что «принципъ всей верховной власти находится существеннымъ образомъ въ націи», — націи въ новомъ пониманіи,—созданномъ французской революціей. Въ своей внѣшней политикѣ Франція этой эпохи провозгласила самостоятельность каждаго народа и братство всѣхъ народовъ. Другое дѣло — какова была французская политика на практикѣ, но и политика завоеваній, къ которой очень скоро перешли французы, оказала свое вліяніе на другіе народы, въ которыхъ стало развиваться національное самосознаніе, которое сыграло такую роль въ послѣдней борьбѣ съ Наполеономъ. Первые проблески совершившагося въ XIX в. объединенія Италіи и Германіи относятся къ тому времени, когда французская революція съ послѣдовавшими за нею войнами вывела обѣ эти націи на новую дорогу, и онѣ пришли къ сознанію, чтобы быть вполнѣ независимыми и занимать принадлежащее имъ мѣсто среди другихъ народовъ, онѣ должны быть сильны и должны быть едины. Въ монархіи Габсбурговъ разныя славянскія народности, лишенныя собственной культуры и подчиненныя нѣмцамъ впервые пробудились отъ сна въ эпоху революціонныхъ войнъ, и только послѣ этого сдѣлалось возможнымъ такъ называемое «славянское возрожденіе». Въ частности, когда Наполеонъ изъ словенскихъ, хорватскихъ и далматинскихъ земель сдѣлалъ свою Иллирію, онъ далъ поводъ возникновенію въ ихъ населеніи представленія объ единствѣ всѣхъ «иллировъ». Еще болѣе непосредственнымъ образомъ отразилась французская революція на національномъ возрожденіи грековъ, которые подобно тому, какъ объ этомъ мечтали ирландцы и поляки, одно время больше всего надѣялись, что ихъ освободятъ отъ турецкаго ига французы.

Французская революція и всѣ перевороты, какіе были ею произведены въ Европѣ, можно сказать, положила конецъ отвлеченному космополитизму XVIII в. и вызвала къ жизни идею національности, которая въ XIX в. налагаетъ свою особую печать на внутреннюю жизнь и взаимныя отношенія отдѣльныхъ народовъ, но то, что было реакціоннымъ и некультурнымъ въ націонализмѣ XIX в., вытекало не изъ «принциповъ 1789 г.», а изъ другихъ источниковъ.

Н. Карѣевъ.

Либеральныя теченія въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка.

Начало XIX вѣка ознаменовано въ Россіи широкими реформами въ области центральнаго и верховнаго управленія и еще болѣе широкими планами, которые, однакоже, остались безъ осуществленія. И тѣ и другіе — и осуществленныя реформы и неосуществленные планы — находятся между собой въ тѣсной внутренней связи: общая ихъ задача—устранить изъ русской государственной жизни такія явленія, главнѣйшимъ источникомъ которыхъ былъ политическій абсолютизмъ, окончательно сложившійся въ Россіи къ исходу XVIII вѣка. Ближайшими толчками къ этой преобразовательной работѣ послужили три обстоятельства, дружно совпавшія къ началу новаго столѣтія: 1) неурядица въ строѣ высшей администраціи; 2) особенный характеръ непродолжительнаго царствованія императора Павла и 3) политическіе взгляды тѣхъ лицъ, которыя пріобрѣли власть и вліяніе съ воцареніемъ Александра I.

Реформа центральнаго управленія.

Картина центральнаго управленія въ началѣ XIX вѣка ярко отпечатлѣвала на себѣ слѣды неурядицы и разрушенія. За сто лѣтъ предъ тѣмъ русская центральная администрація, исторически и безсистемно слагавшаяся въ XVI — XVII вѣкахъ, получила впервые изъ рукъ властнаго преобразователя законченную и систематическую организацію: вмѣсто московскихъ приказовъ,

Паденіе петровскихъ учрежденій въ теченіе XVIII в.

Пособія. *Пыпинъ.* Общественное движеніе при Александрѣ I. *Семевскій.* Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя въ Россіи («Былое», 1906, январь—февраль). *Его же.* Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. *Покровскій.* Александръ I (Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ, вып. I, гл. II). *Тельбергъ.* Сенатъ и «право представленія на Высоч. указы» (Журн. мин. нар. просв. 1910, № 1). *Сперанскій.* Планъ государственнаго преобразованія. М. 1905. *Шильдеръ.* Императоръ Александръ Первый (изданіе малодоступное и дорогое).

возникавшихъ случайно и безъ общаго плана, явилась стройная система коллегій, между которыми были распредѣлены, по естественнымъ ихъ различіямъ, всѣ дѣла центральнаго управленія; названіе свое они получили отъ принципа, положеннаго въ основу ихъ дѣятельности: въ коллегіяхъ рѣшало не усмотрѣніе одного лица, а соборное обсужденіе всѣхъ членовъ. Этимъ средствомъ царь Петръ надѣялся устранить всѣ злоупотребленія старыхъ московскихъ приказовъ: и пристрастіе, и лихоимство, и произволъ. А для того, чтобы коллегіи не уклонялись съ пути, предначертаннаго законодателемъ, надъ ними была поставлена верховная коллегія, получившая названіе «сената». Это высшее учрежденіе должно было контролировать коллегіи и объединять ихъ дѣятельность; оно же, впрочемъ, осуществляло и законодательныя функціи: выступало съ проектами новыхъ законовъ, участвовало въ ихъ обсужденіи, а въ случаяхъ экстроординарныхъ даже законодательствовало собственной властью. Въ этомъ сказывалась связь петровскаго сената съ боярской думой московскихъ временъ: послѣдняя была не только органомъ текущаго управленія и суда, но и участникомъ верховной власти московскихъ государей.

Эта новая организація, которая отъ старыхъ московскихъ учрежденій выгодно отличалась и своей стройностью и принципами дѣятельности, не долго, однакоже, сохраняла въ цѣлости свои положительныя черты. Прежде всего, самое коллегіальное начало, которое должно было стать живымъ духомъ новыхъ учрежденій, исподволь подтачивалось въ нихъ и старыми московскими привычками, отъ которыхъ труднѣе было отдѣлаться, чѣмъ отъ старыхъ учрежденій, и особеннымъ положеніемъ президентовъ, которыхъ знатность или близость къ государю превращала изъ первыхъ между равными въ безапелляціонныхъ руководителей и начальниковъ. Помимо того, коллегіямъ не хватало духа иниціативы, творчества и энергіи; поэтому всякій разъ, какъ передъ властью вставалъ новый острый вопросъ, она, минуя коллегіи, обращалась къ отдѣльнымъ ею избраннымъ и предъ нею отвѣтственнымъ лицамъ; такимъ образомъ развивалась практика непосредственныхъ личныхъ порученій, которыя нарушали стройную систему коллегій и умаляли ихъ административное значеніе. Наконецъ самое существо самодержавія шло въ разрѣзъ съ принципами коллегіальнаго управленія: абсолютный монархъ, стягивающій въ своихъ рукахъ всю полноту

верховной власти, плохо мирится съ необходимостью дѣйствовать посредствомъ учрежденій, а всегда склоненъ обращаться къ лицамъ; съ ними ему удобнѣе вступать въ сношенія, предъ нимъ они отвѣтственны, на нихъ онъ можетъ просто и властно воздѣйствовать.

Подъ дѣйствіемъ такихъ причинъ совершалось въ теченіе всего XVIII вѣка медлительно неуклонное паденіе петровскихъ учрежденій. Въ царствованіе Екатерины II имъ нанесенъ былъ рѣшительный ударъ: важнѣйшія коллегіи оказались перенесенными въ области, утративъ, такимъ образомъ, значеніе центральныхъ органовъ, а сенатъ былъ раздѣленъ на департаменты, что ослабило его силу и умалило его правительственный авторитетъ. Къ тому же, генералъ-прокуроръ, созданный нѣкогда Петромъ для наблюденія за дѣятельностью сената, теперь окончательно сложился въ органъ, независимый отъ сената и стянувшій въ своихъ рукахъ значительную часть его вліянія и власти. Сенатъ, опекаемый генералъ-прокуроромъ, уподобился «немощному тѣлу» (по словамъ одного современника), а генералъ-прокуроръ сдѣлался настоящимъ министромъ съ широкой и разнообразной компетенціей. Императоръ Павелъ возстановилъ коллегіи въ центрѣ, но поставилъ надъ ними «главныхъ директоровъ», которые, пользуясь правомъ личныхъ докладовъ у государя, походили скорѣе на полновластныхъ министровъ, чѣмъ на руководителей коллегіальнаго учрежденія. Къ нимъ скоро присоединились вѣдомства, организованныя на вполнѣ министерскихъ началахъ: министръ удѣловъ, государственный казначей, министръ коммерціи.

Центральное управленіе въ началѣ XIX в. и его недостатки.

Важнѣйшей чертой этихъ новыхъ учрежденій была ихъ непосредственная близость къ престолу, выражавшаяся въ правѣ личныхъ докладовъ у государя. Этимъ обезпечивалась для министровъ свобода отъ сенатскаго контроля. А такъ какъ не сложилось еще другого учрежденія, которое могло бы осуществлять надъ министрами контролирующую и объединяющую функцію, то практика высшаго управленія, и безъ того уже пропитанная вѣковыми русскими недостатками—медлительностью, лихоимствомъ и пристрастіемъ къ сильнымъ — осложнилась еще новыми отрицательными чертами: въ формѣ всеподданнѣйшихъ докладовъ министры осуществляли право законодательной инициативы, но за отсутствіемъ объединяющаго учрежденія инициатива эта проявлялась безъ общаго плана, даже безъ соглашенія съ другими

вѣдомствами, плодомъ чего явилось не только отсутствіе единства, но и прямыя противорѣчія въ правительственной политикѣ. Не было также учрежденія, которое бы контролировало законность всеподданнѣйшихъ министерскихъ докладовъ; отсюда развилась широкая практика «подсовыванія указовъ», чѣмъ одинаково попиралась и законность и цѣлесообразность и облегчалось достиженіе личныхъ цѣлей и личныхъ расчетовъ. Наконецъ, съ паденіемъ сенатскаго авторитета, ослабѣлъ контроль и въ области подчиненнаго управленія, гдѣ министры и главные директоры правили, не обращаясь ко всеподданнѣйшимъ докладамъ: въ прежнее время надъ коллегіями и мѣстной властью стоялъ авторитетъ сената; теперь надъ мѣстной властью тяготѣлъ авторитетъ вліятельныхъ министровъ, которые, однакоже, по самому характеру своей дѣятельности, допускавшей единолично усмотрѣніе, были плохими блюстителями законности; а отвѣтственность министровъ за незаконность собственныхъ распоряженій покрывалась либо высочайшими указами, либо остатками коллегіальной формы, либо прямо-таки слабостью того учрежденія, которое было призвано ихъ контролировать.

Итакъ, картина высшаго управленія въ началѣ XIX вѣка характеризуется слѣдующими чертами: 1) неорганизованнымъ сочетаніемъ коллегіальнаго начала съ вновь народившимися министерскими формами; 2) отсутствіемъ единства въ дѣятельности высшаго управленія; 3) безконтрольнымъ пользованіемъ законодательной инициативой; 4) безнадзорностью подчиненнаго управленія.

Всѣ эти недостатки были настолько ярки, что ихъ одинаково понимали и старые сановники екатерининскихъ временъ и относительно молодые дѣятели, выдвинувшіеся съ воцареніемъ Александра. Одинъ изъ послѣднихъ, гр. Павелъ Строгановъ, человѣкъ, наиболѣе далекій отъ всякаго административнаго опыта, едва побесѣдовавъ съ императоромъ въ первые дни его царствованія, заноситъ въ свои замѣтки, что «трудъ императора дурно организованъ», что въ управленіи «нѣтъ общаго плана», что министры «подсовываютъ» государю указы. Такимъ образомъ состояніе высшей администраціи назойливо пробуждало мысль о реформѣ и притомъ пробуждало ее среди такихъ людей, которымъ, по условіямъ тогдашней Россіи, обезпечивалось почти исключительное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ.

Но едва наблюдательный человѣкъ той эпохи начиналъ размышлять о недостаткахъ административнаго строя, какъ мысль его необходимо выбиралась на болѣе широкую дорогу: реформа высшей администраціи оказывалась тѣсно переплетенной съ вопросами политическаго строя; размышляя о недостаткахъ высшаго управленія, наблюдатель естественно приходилъ къ познанію основного источника этихъ недостатковъ...

Абсолютизмъ Павла I.

Царствованіе императора Павла въ особенности облегчило современникамъ такую широту пониманія. Четырехлѣтнее правленіе этого государя было самой шумной и поучительной демонстраціей тѣхъ послѣднихъ выводовъ, къ которымъ приходитъ самодержавіе, логически сознавшее себя свободнымъ отъ всякихъ ограниченій. Вся политическая идеологія, которую накопилъ за столѣтіе своей практики русскій абсолютизмъ и которая получила самобытно-стройную обработку въ наказѣ Екатерины II, пошла на смарку въ четырехлѣтнее царствованіе ея сына: отвергнута была идея народнаго благосостоянія, какъ *цѣли государственной дѣятельности*, идея, провозглашенная зарождавшимся полицейскимъ абсолютизмомъ въ началѣ XVIII вѣка,— ибо русскій самодержецъ конца этого вѣка объявлялъ себя владыкой въ домѣ и государствѣ», стало-быть возвращался къ давно оставленному частно-вотчинному взгляду на государство и власть; упразднялась законность, какъ *принципъ* государственной дѣятельности, такъ какъ каждому волеизъявленію самодержца должна была усваиваться абсолютная сила, и самодержецъ хотѣлъ властвовать не законами, а распоряженіями; сводилось, наконецъ, къ нулю и значеніе учрежденій, какъ *формъ* этой дѣятельности, такъ какъ Павелъ хотѣлъ имѣть только покорныхъ исполнителей, слѣпо воспринимавшихъ и слѣпо осуществлявшихъ его безудержную волю. Вся дѣятельность Павла была проникнута этими началами, а въ запискѣ, которую онъ послѣ себя оставилъ и которая свидѣтельствуетъ о нѣкоторой теоретической работѣ его ума, создавалась для этихъ началъ и подходящая организація: все управленіе государствомъ стягивалось въ личной канцеляріи императора, а вся система исполнительныхъ органовъ чуть ли не исчерпывалась императорскими генералъ-адъютантами.

Критика современниковъ.

Современники, на шкурѣ своей выдерживавшіе всѣ плоды этого послѣдовательнаго самодержавія, единодушно сходились въ пониманіи и оцѣнкѣ такого порядка вещей. Нѣкоторые отзывы

настолько выразительны, что ихъ небезполезно привести цѣликомъ. «Вдругъ мы переброшены въ самую глубину Азіи, — разсказываетъ одинъ современникъ, — и должны трепетать передъ восточнымъ владыкой, одѣтымъ, однакоже, въ мундиръ прусскаго покроя, съ претензіями на новѣйшую французскую любезность и рыцарскій духъ среднихъ вѣковъ: Версаль, Іерусалимъ и Берлинъ были девизомъ Павла, и такимъ образомъ всю строгость дисциплины и феодальное самоуправіе умѣлъ онъ соединить съ необузданной властью ханской и прихотливымъ деспотизмомъ французскаго дореволюціоннаго правительства». «Одно понятіе — самодержавіе, одно желаніе: самодержавіе неограниченное — были двигателями всѣхъ дѣйствій Павла». Но самую уничтожающую критику павловскаго царствованія даетъ его наслѣдникъ, будущій императоръ Александръ: «благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами, существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ - навыворотъ; невозможно перечислить всѣ безразсудства, которыя совершались здѣсь; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, немалую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ; выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ, заслуги здѣсь не при чемъ; однимъ словомъ, мое несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемся описанію; хлѣбопашецъ измученъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены».

Такое царствованіе не могло не разбудить политической мысли среди русскаго общества. Абсолютизмъ, сбросившій съ себя всѣ фиговые листочки, оказался столь непріятнымъ для созерцанія, что среди людей, самыхъ близкихъ къ нему, зашевелилась мысль о реформѣ...

Но въ чемъ должна состоять эта реформа? Прикрыть ли новыми одеждами русскій абсолютизмъ или измѣнить старую его сущность, и гдѣ искать матеріаловъ для того и для другого: въ старыхъ ли учрежденіяхъ, съ которыми сжилось самодержавіе, или въ новыхъ, заимствованныхъ изъ страны, которая благополучно справилась съ безудержнымъ ростомъ абсолютизма (Англія и Франція). Разрѣшеніе этихъ вопросовъ стояло въ тѣснѣйшей связи съ политическими взглядами и склонностями тѣхъ лицъ, которыя по смерти Павла пріобщились къ власти и вліянію. Среди нихъ центральное мѣсто принадлежитъ, разумѣется, императору Александру: отъ него, какъ мы видѣли,

исходила самая проникновенная критика самодержавной власти, и онъ же, по праву рожденія, унаслѣдовалъ отъ отца всю полноту этой власти.

Политическіе взгляды Александра I и его друзей юности.

Александръ былъ первымъ въ Россіи наслѣдникомъ престола, которому заботливость бабки доставила болѣе или менѣе систематическое образованіе. Это заставляло его глубже вдумываться въ окружающую его обстановку и облегчало ему пониманіе недостатковъ тогдашняго строя, а особенный характеръ этого образованія позволялъ ему отчетливо сознавать всю неправомѣрность этого строя и подсказывалъ ему рѣшительныя средства къ ея устраненію. Наставникомъ его былъ швейцарецъ Лагарпъ, который самъ былъ цѣлостнымъ продуктомъ просвѣтительной философіи, господствовавшей тогда надъ умами лучшихъ людей. Несправедливостъ абсолютной власти, верховныя права народа, естественное равенство людей и неотъемлемыя права человѣка и гражданина, — вотъ политическій кодексъ республиканца-учителя, къ которому онъ стремился пріобщить Александра. Лагарпъ не развивалъ передъ своимъ воспитанникомъ способовъ практическаго выполненія этихъ истинъ, да и не могъ ихъ развивать, такъ какъ Александру было тогда не болѣе 14 лѣтъ; къ тому же всѣ условія русской жизни громко вопіяли противъ этихъ «якобинскихъ и революціонныхъ» истинъ.

Позднѣе, когда Александръ разстался уже съ Лагарпомъ, а смерть Екатерины приблизила его къ престолу, у него, при видѣ хаотическихъ порядковъ, царившихъ кругомъ, мелькаетъ смутное настроеніе — отречься отъ власти и жить частнымъ человѣкомъ. Но бесѣды съ друзьями, надежды, на него возлагавшіяся, обратили его неустойчивую мысль къ болѣе практичнымъ планамъ: онъ думалъ использовать свою будущую власть, чтобы реализовать политическія истины въ русскомъ государственномъ строѣ; его намѣренія — «когда придетъ чередъ царствовать, даровать странѣ свободу, и тѣмъ не допустить ее сдѣлаться въ будущемъ игрушкой въ рукахъ безумцевъ... Это было бы лучшимъ образцомъ революціи, такъ какъ она была бы произведена законной властью, которая перестала бы существовать, какъ только конституція была бы закончена, и нація избрала бы своихъ представителей». Это — цитата изъ письма Александра къ Лагарпу; нѣсколькими строчками ниже онъ выражается еще яснѣе: «когда придетъ мой чередъ, тогда нужно будетъ стараться... *образовать народное представительство*, которое,

должнымъ образомъ руководимое, составило бы свободную конституцію, послѣ чего власть моя совершенно прекратилась бы, и я удалился бы въ какой-нибудь уголокъ, видя процвѣтаніе своего отечества и наслаждаясь имъ». Итакъ, будущій самодержецъ приходитъ къ мысли о народномъ представительствѣ, какъ замѣнѣ своей власти. Но отмѣтимъ тутъ же одну знаменательную черту: Александръ не предвидитъ для себя возможности царствовать рука объ руку съ народнымъ представительствомъ, такъ какъ предполагаетъ создавъ представительный органъ, покинуть престолъ.

Съ юношескихъ лѣтъ Александра связывали дружескія связи съ немногочисленнымъ кружкомъ лицъ, которыя съ воцареніемъ его, естественно, придвинулись къ вліянію и власти. Это были: Новосильцовъ, Строгановъ, Чарторижскій и Кочубей. По происхожденію своему всѣ они (кромѣ Чарторижскаго) принадлежали къ изысканной русской знати; отцы ихъ были лучшими дѣятелями екатерининскихъ временъ; а образованіе они получили такое же, какъ Александръ, и почти такимъ же способомъ: одни восприняли его изъ рукъ наставниковъ-европейцевъ, подобныхъ Лагарпу, другіе поѣхали сами искать его въ Европѣ и, кочуя между Лондономъ и Парижемъ, научились уважать политическую свободу и понимать ея цѣнность. Въ практическихъ построеніяхъ ихъ играли видную роль «принципы чистаго разума» (principes de la saine raison) и «декларація правъ человѣка и гражданина»; впрочемъ, одинъ изъ нихъ (Новосильцовъ) выросъ на англійскихъ политическихъ понятіяхъ и мечталъ о habeas corpus и о кабинетѣ министровъ. Но всѣ они были конституціоналистами, болѣе искренними и послѣдовательными, чѣмъ ихъ пріятель на тронѣ, и всѣ твердо вѣрили, что Россія неотложно должна занять мѣсто въ системѣ свободныхъ государствъ и что это случится не черезъ бурную революцію, призраковъ которой они боялись, а добровольнымъ движеніемъ власти, которая выступитъ вождемъ и организаторомъ на этомъ новомъ пути.

Новыя лица, ставшія у власти, отнюдь не предполагали зарыть въ землю свои теоретическіе взгляды, а на первыхъ порахъ довольно ретиво принялись за подготовку ихъ осуществленія. Для этого они сомкнулись въ тайный комитетъ подъ предсѣдательствомъ самого императора, и въ комитетѣ этомъ закипѣла живая разработка преобразовательныхъ идей.

Однако комитетъ этотъ работалъ не въ пустынѣ: около него глухо волновалось русское общественное мнѣніе, изъ котораго раздавались иногда отдѣльные голоса съ опредѣленными пожеланіями и требованіями, а нѣкоторая часть котораго, примыкавшая къ правящимъ кругамъ, приступила даже къ практической разработкѣ своихъ собственныхъ намѣреній и взглядовъ. Прежде чѣмъ заглянуть въ лабораторію негласнаго комитета, гдѣ выковывались и подготовлялись реформаторскіе планы, нужно посмотрѣть, что дѣлалось около него.

Что молодого царя русское общество встрѣтило шумной радостью, это намъ вполнѣ понятно. Самодержавіе его предшественника спускалось иногда до такихъ назойливыхъ и мелочныхъ стѣсненій обывательской жизни, что за одну отмѣну ихъ общество почувствовало самую живую благодарность къ своему новому повелителю. Сюда присоединялось еще сознаніе личной безопасности, нѣкоторой обезпеченности отъ внезапнаго произвола,—сознаніе, котораго такъ сильно не хватало запуганному обывателю павловскихъ временъ. Все это вмѣстѣ порождало шумную и живую радость, которая въ обѣихъ столицахъ выразилась въ усиленномъ движеніи на улицахъ да въ демонстративномъ попраніи мелочныхъ запретовъ Павла.

Но скрывались ли подъ этой радостью какія-нибудь опредѣленныя надежды или смутные планы, свидѣтельствующіе о работѣ политической мысли? Нельзя дать на этотъ вопросъ единаго и общаго отвѣта: какъ ни отрывочны наши свѣдѣнія объ общественныхъ настроеніяхъ той эпохи, мы можемъ все-таки утверждать, что русское общество, или, вѣрнѣе, та его часть, которую досугъ, образованіе или участіе въ правительствѣ затягивали въ круговоротъ политическихъ интересовъ, занимало по основнымъ вопросамъ своей эпохи неодинаковыя позиціи и лелѣяло неодинаковые планы.

Общественное настроеніе въ началѣ XIX в.

Начнемъ съ той небольшой кучки, которая совсѣмъ не лелѣяла никакихъ плановъ. Люди, ее составлявшіе, были воплощеніемъ упрямаго и слѣпого консерватизма, который осуждалъ всякую реформу уже за одно то, что она есть реформа. Это настроеніе сложилось у нихъ, повидимому, какъ результатъ непомѣрнаго испуга передъ великой революціей, потому что во всѣхъ ихъ возраженіяхъ противъ всякаго проекта фигурировала ссылка на «французскій революціонный духъ», признаки котораго они усматривали въ самыхъ невинныхъ мелочахъ. Нѣтъ нужды

прибавлять, что они были послѣдовательными сторонниками абсолютизма, ничѣмъ не стѣсненнаго, и свои подозрѣнія насчетъ революціоннаго духа искусно переплетали съ ревнивыми опасеніями за цѣлость самодержавной власти. Самымъ колоритнымъ представителемъ этого упорнаго консерватизма, до сихъ поръ плохо отмѣченнаго въ литературѣ эпохи, является вице-канцлеръ князь Куракинъ, который на первую же попытку правительства осуществить самую скромную реформу сената, отвѣтилъ слѣдующими рѣчами въ государственномъ совѣтѣ: «Нѣтъ истинныхъ побуждающихъ причинъ ни къ распространенію правъ правительствующаго сената ни къ дарованію оному какихъ-либо новыхъ правъ и преимуществъ»—утверждалъ князь Куракинъ, становясь въ разрѣзъ и съ самимъ сенатомъ, который неумолчно вопіялъ о своемъ паденіи, и съ настроеніемъ широкихъ круговъ общества, среди котораго эта первая существенная реформа, затѣянная правительствомъ, пользовалась самой неоспоримой популярностью; «вновь чинимое преобразованіе, — продолжалъ дальше упрямый отрицатель новизны,—безполезно уже потому, что оно никогда не сравняется пользой своей» съ тѣмъ учрежденіемъ, которое, «многіе годы существуя, прочность и вліяніе свое ко благу общественному неисчислимыми доказательствами ознаменовало». Эту безнадежную позицію принципіальнаго отрицанія новизны Куракинъ подкрѣплялъ еще тѣмъ, что въ проектѣ, представленномъ на обсужденіе, усматривалъ «прямое отношеніе къ идеямъ, французской революціей порожденнымъ», и считалъ его продуктомъ «сожалѣтельнаго поката умовъ, ложными правилами себя соблазняющихъ къ вольности необузданной и ко всякому посягательству на уничтоженіе древняго порядка и законной власти; наконецъ онъ бралъ самую высокую ноту и утверждалъ что «вновь чинимое преобразованіе клонится къ умноженію правъ и преимуществъ новыхъ, существомъ и дѣйствіемъ своимъ *власть самодержавную умаляющихъ*, несовмѣстныхъ съ правленіемъ, для Россіи по ея составу и обширности единоудобнымъ, полезнымъ и необходимымъ».

Признаніе самодержавія объединяло людей, подобныхъ князю Куракину, съ другой болѣе многочисленной и вліятельной группой, куда входили по преимуществу, старые сподвижники императрицы Екатерины: Румянцевъ, Трощинскій, Безбородко, братья Воронцовы и др. Ихъ также можно назвать консерваторами, но иной марки, чѣмъ князь Куракинъ. Ихъ консерватизмъ объяс-

нялся многолѣтней службой въ старыхъ учрежденіяхъ, съ жизнью и духомъ которыхъ они сроднились и которыхъ не хотѣли разрушать. Поэтому въ своихъ политическихъ построеніяхъ они исходили изъ началъ абсолютизма, но не защищали его (по крайней мѣрѣ — не всѣ они), какъ неизмѣнную и непреложную систему, благодѣтельную для Россіи, а скорѣе считались съ нимъ, какъ съ исторической силой, неоспоримой и устойчивой, и искали средствъ вытравить изъ этой силы ея вредныя и антигосударственныя стороны. Стало-быть, они не занимали позицію безнадежнаго отрицанія реформы, а сами стремились къ реформѣ. Ихъ преобразовательная программа была обвѣяна живымъ духомъ западно-европейскихъ политическихъ идей: они читали и изучали Монтескьё и на страницахъ его безсмертной книги находили свой политическій идеалъ. Россія есть государство монархическое, но она не должна быть государствомъ деспотическимъ; а чтобы отнять у монархіи ядовитое жало деспотизма, нужно создать непреложные основные законы и независимый органъ, призванный охранять ихъ неприкосновенность отъ посягательствъ сверху и снизу. Они не хотѣли создавать новыхъ органовъ и думали приспособить старый сенатъ къ выполненію этой охранительной функціи: за плечами сената стоялъ вѣковой опытъ правительственной практики и безсмертный авторитетъ его основателя. Поэтому реформа сената сдѣлалась основнымъ лозунгомъ этой политической группы; въ осуществленіи ея они видѣли панацею золъ абсолютизма, примиреніе монархіи съ самодержавіемъ, залогъ всякаго дальнѣйшаго усовершенствованія. На ихъ практическихъ планахъ отражалась ихъ теоретическая точка зрѣнія: сенаторовъ они предполагали сдѣлать независимыми и несмѣняемыми, окружить ихъ такими «знаками общественнаго уваженія, чтобы сенаторъ, какъ жена цезаря, былъ выше подозрѣній»; а сенату, какъ учрежденію, хотѣли предоставить такія полномочія, которыми бы обезпечивалась за нимъ возможность самаго широкаго контроля за законностью всѣхъ правительственныхъ актовъ — отъ губернаторскаго распоряженія до высочайшаго указа.

Итакъ, люди этой группы не были конституціоналистами, потому что не говорили о народномъ представительствѣ и сохраняли принципъ самодержавія. Но ими не замыкалось движеніе политической мысли, пробужденной воцареніемъ новаго государя; вѣдь въ основной проблемѣ государственнаго строя — быть или не

быть самодержавію — было уже однажды искушено русское общество, помнившее попытку верховниковъ; немудрено, что историческія обстоятельства, ознаменовавшія переходъ къ новому вѣку, разбудили въ немъ смутныя конституціонныя стремленія, слабо выраженныя, но все же отчетливо различаемыя отъ тѣхъ консервативныхъ проектовъ, которые построены были на принципѣ незыблемости абсолютизма. Любопытнымъ симптомомъ такихъ стремленій служитъ письмо, найденное императоромъ Александромъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ черезъ десять дней послѣ вступленія на престолъ. Въ письмѣ этомъ, переполненномъ самыми пылкими изліяніями по адресу новаго самодержца, содержалась, однакоже, цѣлая политическая программа, направленная къ ограниченію его власти. Авторъ говоритъ объ изданіи «непреложныхъ законовъ», которые должны стать «предѣломъ самодержавія, во-вѣки нерушимымъ»; о «коренномъ учрежденіи», которое царь долженъ составить не только по «совѣту мудрыхъ, поставленныхъ около него», но и по совѣщанію «съ другими, которыхъ гласъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ его государства истину повѣдать ему станетъ»; для охраны кореннаго учрежденія царь долженъ избрать «блюстителей и, оградивъ ихъ личной безопасностью, удѣлить имъ избытокъ своей власти на охраненіе святыхъ законовъ отечества». Наконецъ авторъ взываетъ къ необходимости уменьшить издержки двора изгнаніемъ ласкателей и прислужниковъ, безстыдно расхищающихъ государственное достояніе, и даже выставляетъ требованіе цивильнаго листа, какъ постояннаго средства къ ограниченію издержекъ на дворъ. Какъ видимъ, это была настоящая конституціонная программа, въ которой не хватало только конкретныхъ практическихъ указаній насчетъ способовъ ея выполненія.

Неофиціальный комитетъ.

Среди такихъ теченій началъ свое царствованіе Александръ Первый. Около него тогда еще не было его прежнихъ друзей, которые позднѣе сомкнулись въ неофиціальный или негласный комитетъ; самъ онъ, какъ мы знаемъ, вступилъ на престолъ безъ разработанныхъ практическихъ плановъ. Поэтому первые шаги его отмѣчены безпартійностью и отсутствіемъ широкихъ и опредѣленныхъ плановъ. Къ тому же, прошлое царствованіе накопило такую тьму несправедливостей, жестокостей и безсмысленныхъ запретовъ, что одно устраненіе ихъ становилось богатымъ источникомъ либеральныхъ мѣръ. Александръ началъ съ широкихъ мѣръ политической амнистіи: были освобождены полити-

Первыя мѣры къ поддержанію законности.

ческіе заключенные, жертвы тайной экспедиціи, и даровано прощеніе всѣмъ эмигрантамъ, укрывшимся не отъ преслѣдованія за убійство. Послѣ этихъ частныхъ мѣръ правительство изъявило намѣреніе устранить вообще исключительность политическихъ судовъ и чрезмѣрную растяжимость сферы политическихъ преступленій, отъ чего такъ страдаетъ всегда личная неприкосновенность въ государствахъ съ самодержавнымъ строемъ: особымъ манифестомъ объявлялось упраздненіе тайной экспедиціи па томъ основаніи, что *всѣ преступленія* «должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общей силой закона»; указомъ, изданнымъ въ день коронаціи учреждалась комиссія для пересмотра старыхъ судебныхъ дѣлъ, задача которой заключалась въ выдѣленіи преступленій, дѣйствительно опасныхъ и наказуемыхъ, отъ широкаго круга такихъ дѣяній, которыя «важны были только по обстановкѣ политической и не предполагали ни умысла, ни безчестныхъ правилъ, ни нарушенія государственнаго порядка»; въ указѣ этомъ содержалось самое жестокое обличеніе той безудержной расправы, которую практиковало со своими политическими противниками самодержавное правительство прежнихъ лѣтъ, правительство дворцовыхъ переворотовъ, безцеремонныхъ временщиковъ и случайныхъ фаворитовъ: «нерѣдко случалось, что люди, коихъ вины были важны только по обстоятельствамъ политическимъ, за совершенно случайное прикосновеніе къ дѣлу, за одно слово, безъ намѣренія произнесенное, подвергались осужденію и ссылкѣ для того только, чтобы скрыть свидѣтелей какого-либо происшествія... Обстоятельства, побудившія правительство къ принятію сихъ строгихъ мѣръ, измѣнились, но жертвы ихъ остались въ томъ же положеніи, по забвенію, равнодушію, недостатку заступниковъ и даже иногда по неизвѣстности, гдѣ находились пострадавшіе... правительство... наказывало преступленія не по существу вреда, отъ нихъ происходящаго, а по уваженію лицъ, противъ которыхъ они были совершены; такимъ образомъ, оскорбительныя для высокихъ особъ слова признавались величайшимъ злодѣяніемъ... тысячи жертвъ были принесены этому предразсудку».

Слѣдующій кругъ дѣйствій, наполнившихъ первые мѣсяцы царствованія Александра, заключается въ поддержкѣ закона и законности: былъ учрежденъ «непремѣнный совѣтъ» изъ лицъ, «довѣренностью нашей и общей почтенныхъ», каковой долженъ былъ придать первичную форму законности актамъ самой вер-

ховной власти; была призвана къ жизни «комиссія составленія законовъ», и въ рескриптѣ ея предсѣдателю государь удостовѣрялъ, что онъ «поставляетъ въ единомъ законѣ начало и источникъ народнаго блаженства»; была окончательно запрещена пытка во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ и во всѣхъ случаяхъ, чтобы «самое названіе ея навсегда изгладилось изъ памяти народной»; состоялся указъ по полиціи, чтобы чиновники полицейскіе «отнюдь не дерзали причинять населенію обидъ и стѣсненій». Вообще мысль о законности была въ то время, кажется, единственной опредѣленной идеей въ головѣ Александра и настолько занимала его, что на медали, выбитой по случаю коронаціи, онъ приказалъ сдѣлать надпись: «законъ — залогъ блаженства всѣхъ и каждаго». Наконецъ 5 іюня 1801 года состоялся высочайшій указъ, въ силу котораго на сенатъ возлагалась обязанность представить верховной власти докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ «для утвержденія ихъ на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ». Этой мѣрой правительство вступало уже на путь административно-политическихъ преобразованій...

Реформа сената.

Указъ 5 іюня произвелъ на публику большое впечатлѣніе, а среди сенаторовъ вызвалъ живую работу, направленную къ обновленію этого стараго учрежденія. Докладъ, явившійся результатомъ этой работы, запечатлѣнъ сильнѣйшимъ вліяніемъ той консервативной или умѣренно-либеральной группы, о которой мы говорили выше и которая стремилась использовать іюньскій указъ, какъ поводъ къ оживленной кампаніи для реализаціи своей политичесокй программы. На этомъ пути, однакоже, ей пришлось столкнуться съ неофиціальнымъ комитетомъ, куда сенатскіи докладъ, представленный государю, попалъ на окончательное обсужденіе. Члены негласнаго комитета отнеслись къ нему очень неблагопріятно. Съ ихъ точки зрѣнія вся эта кампанія, поднятая вокругъ сената, была правительственной ошибкой и, если для сената все-таки приходилось «кое-что» сдѣлать, то только потому, что указомъ 5 іюня правительство приняло на себя какъ бы нѣкоторое обязательство. Но въ чемъ именно должно состоять это «кое-что», на этотъ счетъ они опять-таки рѣшительно расходились съ людьми консервативнаго лагеря. Тѣ стремились пріобщить сенатъ къ законодательной власти, а неофиціальный комитетъ полагалъ, что эту важную функцію нельзя ввѣрять собранію, состоящему изъ членовъ назначенныхъ, что этимъ «закрылся бы для общества путь участвовать въ со-

ставленіи законовъ». Относительно судебной власти неофиціальный комитетъ соглашался, что ее нужно предоставить цѣликомъ сенату, но, опасаясь, что въ сенатѣ найдетъ себѣ мѣсто пристрастіе къ сильнымъ, не хотѣлъ запрещать безусловно жалобъ на сенатскія рѣшенія. Наконецъ по вопросу объ исполнительной власти обрисовалось разногласіе, трудно примиримое: консервативная группа хотѣла бы сдѣлать сенатъ средоточіемъ этой власти, а а неофиціальный комитетъ полагалъ, что ее лучше ввѣрить отдѣльнымъ министрамъ, снабженнымъ самостоятельной властью и потому лично отвѣтственнымъ. Послѣдняя идея уже складывалась въ то время среди неофиціальнаго комитета въ опредѣленныя очертанія, въ конкретные планы. Поэтому сенатскій проектъ критиковался и обсуждался съ точки зрѣнія этихъ плановъ, въ него вносились соотвѣтственныя измѣненія и поправки; въ концѣ-концовъ было рѣшено принять этотъ проектъ, приспособивъ его къ задуманному преобразованію министерствъ. Плодомъ этой работы было два акта большой важности, опубликованныхъ 8 сентября 1802 года: 1) указъ о правахъ и обязанностяхъ сената и 2) манифестъ объ учрежденіи министерствъ.

Учрежденіе министерствъ.

По смыслу этихъ законовъ сенатъ становился «верховнымъ мѣстомъ имперіи, повсемѣстнымъ хранителемъ законности и правосудія; его надзору подчинялись всѣ присутственныя мѣста; указы сената исполняются какъ указы именные. Но непосредственная административная власть отнималась у сената и вручалась восьми министрамъ, среди которыхъ нужно отмѣтить новое въ Россіи министерство народнаго просвѣщенія. Министры являлись или самостоятельными распорядителями вѣдомствъ или отвѣтственными руководителями коллегій въ тѣхъ вѣдомствахъ, гдѣ коллегіи еще сохранялись. Однако дѣятельность министровъ не ускользала изъ-подъ сенатскаго контроля: ихъ всеподданнѣйшіе отчеты должны были провѣряться сенатомъ, куда министръ по требованію обязанъ представлять свои объясненія; и независимо отъ отчета, сенатъ имѣлъ право контролировать дѣятельность министра, вмѣшиваясь всякій разъ, какъ замѣчалъ въ его вѣдомствѣ безпорядки и противозаконность; даже право законодательной иниціативы, укрѣпленное за министрами указовъ 8 сентября, обставлялось сенатскимъ контролемъ, такъ какъ сенату усваивалось важное право протестовать передъ верховной властью противъ такихъ ея указовъ, въ которыхъ сенатъ усматривалъ нецѣлесообразность или несоотвѣтствіе съ общими законами.

Это была первая практическая реформа, осуществленная въ царствованіе Александра I при дѣятельномъ участіи негласнаго комитета. Въ ней, какъ видимъ, не содержится еще ни слова о конституціонныхъ ограниченіяхъ самодержавной власти, но въ нее проскользнули все же нѣкоторыя мелочи, плохо совмѣстимыя съ обиходомъ самодержавной практики (например̃ъ, министры должны были скрѣплять своими подписями высочайшіе указы). Исчерпывались ли этой реформой всѣ преобразовательные замыслы самого Александра и его тогдашнихъ сподвижниковъ? Есть прямыя свидѣтельства, что—нѣтъ, что реформа администраціи разсматривалась лишь какъ неотложная очередная задача, за исполненіемъ которой намѣчались преобразованія болѣе широкія.

Проекты преобразованія политическаго строя.

Еще въ первыхъ бесѣдахъ, которыя велъ гр. Строгановъ, будущій участникъ неофиціальнаго комитета, съ только что вступившимъ на престолъ Александромъ, высказывалась мысль, что слѣдуетъ позаботиться объ «укрѣпленіи правъ человѣка», затѣмъ преобразовать администрацію, и въ концѣ-концовъ составить «конституцію», подъ каковой разумѣлся «законъ, препятствующій произвольной власти измѣнять нормы и устанавливающій опредѣленную форму ихъ измѣненій». Для осуществленія этого плана былъ образованъ негласный комитетъ, и на первомъ же его засѣданіи вновь было подтверждено, что всѣ преобразованія нужно «увѣнчать публичной гарантіей въ формѣ конституціи, сообразной съ истиннымъ духомъ народа». И въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ комитета эта мысль проскальзываетъ не однажды. Такъ, по поводу стремленія сосредоточить охранительную власть въ сенатѣ, неофиціальный комитетъ высказался, что «такая охранительная власть была бы совершенно призрачной, что истинная охрана заключается въ учрежденіяхъ съ чисто-политическимъ характеромъ и въ гарантіяхъ, даваемыхъ общественнымъ мнѣніемъ». Такія учрежденія рисовались негласному комитету въ формѣ учрежденій представительныхъ; поэтому онъ не хотѣлъ пріобщить сенатъ къ законодательной власти, такъ какъ организація сената «не даетъ возможности обществу принимать участіе въ составленіи законовъ». Наконецъ въ одномъ изъ засѣданій Новосильцовъ сообщилъ членамъ комитета, что у него разработанъ общій планъ управленія въ Россіи на тотъ случай, когда можно будетъ ввести «представительный образъ правленія».

Но и самъ императоръ, помимо неофиціальнаго комитета, не оставлялъ мысли о широкихъ политическихъ преобразованіяхъ,

прямо или косвенно связанныхъ съ ограниченіемъ самодержавія. Ко дню коронаціи, по его порученію, подготовлялась «всемилостивѣйшая грамота русскому народу», которая должна была содержать въ себѣ «коренной законъ», обязательный и для монарха; незыблемость его монархъ удостовѣрялъ «императорскимъ словомъ своимъ за себя и за преемниковъ». Въ этомъ коренномъ законѣ важно отмѣтить постановленія, обезпечивающія неприкосновенность личности: по требованію арестованнаго судъ удостовѣрялъ правильность и законность его задержанія; неправильно арестованному давалось право иска противъ чиновъ администраціи; находящемуся подъ судомъ дозволялось избирать себѣ защитника. Въ грамотѣ же содержалось признаніе правъ «россійскаго гражданина» на «невозбранное пользованіе свободой мысли, исповѣданія, слова, рѣчи, письма и дѣянія, поколику они законамъ государственнымъ не противны и никому не оскорбительны».

Къ 1803 году относится порученіе, данное Сперанскому, служившему тогда въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, составить планъ устройства судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи. Заслуга этой записки заключается въ отчетливомъ раздѣленіи вопроса о реальныхъ способахъ къ ограниченію самодержавной власти отъ вопроса о простомъ смягченіи самодержавія безъ нарушенія его существа. Чтобы ограниченіе самодержавія не «состояло только въ словахъ», нужно, по мысли Сперанскаго, осуществить въ русской жизни три необходимыхъ условія: 1) ввести основные законы, «укрѣпленные печатью общаго принятія» и, стало-быть, обязательные для монарха; 2) призвать всѣ сословія къ участію въ законодательной власти, что̀ и будетъ истинной гарантіей святости основныхъ законовъ; 3) допустить широкую «свободу тисненія», при которой обезпечивается вліяніе и контроль «со стороны общаго мнѣнія народнаго». Эти три идеи вносили полную опредѣленность въ вопросъ объ ограниченіи абсолютизма и содержали въ себѣ безповоротную критику такихъ проектовъ, какъ разсмотрѣнныя выше «всемилостивѣйшая грамота» или сенатскіе проекты консервативнаго лагеря...

Даже въ 1811 году, наканунѣ историческихъ войнъ съ Наполеономъ, императора Александра продолжали занимать мысли объ устроеніи русскаго политическаго быта. Въ іюнѣ этого года секретарю комиссіи составленія законовъ барону Розенкампфу,

по специальному повелѣнію императора, было поручено написать проектъ «конституціи». Едва ли, впрочемъ, въ этой конституціи могли содержаться прямыя ограниченія самодержавной власти, такъ какъ авторъ ея понималъ свою задачу исторически, какъ обработку началъ, уже выраженныхъ въ сложившемся государственномъ строѣ. Позднѣе набросокъ конституціи, составленный Розенкампфомъ, поступилъ на обсужденіе Новосильцова и Чарторижскаго, которые, нужно думать, внесли въ него элементы истинно-конституціонные. Но работа ихъ осталась историкамъ неизвѣстной.

Всѣ эти наброски, грамоты и планы остались, однакоже, безъ дальнѣйшихъ практическихъ послѣдствій. Наступившая эпоха почти хроническихъ войнъ образуетъ какъ бы разрывъ въ преобразовательныхъ замыслахъ Александра. Къ тому же, распался тотъ дѣятельный кружокъ, который поддерживалъ въ немъ эти замыслы. Такимъ образомъ русскій политическій строй за этотъ періодъ не испыталъ чувствительныхъ измѣненій. Даже то, что было уже сдѣлано для сообщенія ему правильности и законности, оказалось почти безъ остатка разрушеннымъ. Министры, созданные закономъ 1802 года, не получили инструкцій, опредѣляющихъ степень ихъ власти, и использовались этой неопредѣленностью, чтобы на всякую сколько-нибудь важную или сомнительную мѣру испрашивать высочайшія разрѣшенія; благодаря этому управленію подзаконное смѣнилось, въ сущности, управленіемъ посредствомъ высочайшихъ указовъ, иниціаторами которыхъ были, конечно, министры; контролировать же ихъ иниціативу на этомъ пути оказалось труднѣе, чѣмъ думали члены неофиціальнаго комитета: по ихъ намѣреніямъ, проекты указовъ, подносимые министрами, должны были обсуждаться въ собраніи государственнаго совѣта; но вмѣсто совѣта выдвинулся комитетъ, составленный единственно изъ министровъ, а министры, разумѣется, были плохими контролерами другъ друга. Оставался еще контроль сената, но и онъ скоро потерялъ реальное значеніе: сенатъ разсматривалъ министерскіе отчеты и изъ нихъ узнавалъ, что всѣ сомнительныя съ точки зрѣнія законности мѣры министръ проводилъ въ формѣ высочайшихъ указовъ; когда же сенатъ хотѣлъ воспользоваться своимъ правомъ протестовать противъ такихъ указовъ и обратился къ верховной власти съ «представленіемъ», то ему было разъяснено, что право дѣлать подобныя «представленія» относится лишь къ указамъ,

ранѣе состоявшимся, и не простирается на указы, вновь испрашиваемые министрами. Благодаря такимъ обстоятельствамъ, современникамъ приходилось констатировать самыя печальныя черты изъ практики министерскаго управленія: полную безотвѣтственность министровъ, противорѣчіе частныхъ высочайшихъ указовъ общимъ законамъ, неправомѣрныя рѣшенія верховной власти по судебнымъ дѣламъ, необдуманное и непровѣренное распоряженіе государственными средствами...

Итакъ, всѣ задачи, надъ которыми нѣкогда раздумывалъ Александръ, оказались рѣшительно не осуществленными: не только не было конституціи, которая бы сдерживала «произвольную власть» (pouvoir arbitraire), но не подвинулось ни на одинъ шагъ и дѣло законности, которое было самой неотложной потребностью времени и самой прочной идеей Александра. Немудрено, что когда миръ съ Наполеономъ снова вернулъ Александра къ внутреннимъ дѣламъ, онъ захотѣлъ продолжать прерванную работу реформы. Въ это же время судьба поставила около него такого вдохновителя, который по энергіи, послѣдовательности и ясности мышленія далеко оставлялъ за собой всѣхъ членовъ неофиціальнаго комитета.

Проектъ Сперанскаго

Это былъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, одинъ изъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей новой Россіи. Онъ происходилъ изъ духовной семьи, учился сначала во Владимирской семинаріи, а позднѣе въ петербургской, и по окончаніи ея остался тамъ преподавателемъ математики. Служебная карьера его началась еще въ царствованіе Павла, когда онъ сдѣлался экспедиторомъ при генералъ-прокурорѣ князѣ Куракинѣ, у котораго онъ раньше былъ домашнимъ секретаремъ. Съ воцареніемъ Александра онъ перешелъ въ канцелярію только что образованнаго тогда государственнаго совѣта, а съ учрежденіемъ министерствъ попалъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Непосредственныя сношенія его съ государемъ начались въ 1806 году, когда онъ, замѣняя гр. Кочубея, тогдашняго министра, имѣлъ личные доклады у государя. Его умственныя достоинства, въ связи съ его изысканной и ровной рѣчью, не могли не обратить на него вниманія Александра, и съ 1808 года онъ становится однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей, вліятельнымъ руководителемъ всей внутренней политики и иниціаторомъ всеобъемлющихъ политическихъ реформъ.

Вчитываясь въ проекты Сперанскаго, отмѣчаемъ въ немъ прежде всего необыкновенную ясность и точность мысли, которая позволяла ему отчетливо угадывать существо вопроса, имъ изслѣдуемаго, отдѣлять въ немъ случайное отъ основного, обособлять его отъ сходныхъ и затемняющихъ его понятій. Въ вопросахъ политическихъ это становилось чертой неоцѣнимой: россійское самодержавіе той эпохи прикрыло себя такимъ обиліемъ разноцвѣтныхъ одеждъ, что не легко было среди нихъ угадать то мѣсто, въ которомъ пряталась истинная его сущность, принципъ, подлежащій измѣненію. Съ ясностью мысли у Сперанскаго соединялась способность думать систематически, продумывать до конца, — чѣмъ онъ выгодно отличался отъ своихъ предшественниковъ на реформаторскомъ пути — членовъ неофиціальнаго комитета; отъ этого послѣдніе, послѣ многихъ лѣтъ работы, оставили только полузадуманныя реформы и отрывочные планы, а плодомъ трудовъ Сперанскаго, хотя и менѣе продолжительныхъ, явился цѣлостный и вполнѣ законченный планъ «всеобщаго государственнаго образованія». Къ тому же, за плечами Сперанскаго стоялъ многолѣтній служебный опытъ, позволявшій ему легко преодолѣвать всѣ практическія трудности, предусмотрительно считаться съ самыми мелочными подробностями; всѣ его проекты обработаны такъ детально и законченно, что немедленному осуществленію ихъ не могли бы помѣшать никакія практическія препятствія, никакія мелочныя, но досадныя затрудненія. Наконецъ нужно помнить, что Сперанскій, поднявшій на свои плечи дѣло реформы, не имѣлъ за собой ни знатности породы ни связей при дворѣ; вся его служебная карьера была тѣсно связана съ успѣхомъ его конституціонныхъ начинаній; онъ долженъ былъ усердно подталкивать императора Александра на этомъ измѣнчивомъ пути... Однимъ словомъ, Сперанскому приходилось быть болѣе энергичнымъ и послѣдовательнымъ конституціоналистомъ, чѣмъ аристократическимъ друзьямъ императора въ неофиціальномъ комитетѣ.

Благодаря такимъ качествамъ Сперанскаго, никогда политическая реформа въ Россіи не казалась столь близкой къ осуществленію, какъ въ 1809 году, когда на письменномъ столѣ императора Александра лежалъ вполнѣ готовымъ составленный Сперанскимъ планъ «всеобщаго государственнаго образованія». Разсужденія, изложенныя въ этомъ планѣ, заслуживаютъ не меньшаго вниманія, чѣмъ учрежденія, въ немъ проектированныя.

Прежде всего Сперанскій впервые взглянулъ на дѣло политической реформы не съ точки зрѣнія ея желательности, а съ точки зрѣнія необходимости. Всѣ симптомы, — утверждалъ Сперанскій, — свидѣтельствуютъ, что правительство, сохраняя еще силу физическую, утратило уже моральный авторитетъ: всѣ мѣры его вызываютъ общій ропотъ, источникъ котораго нужно искать не въ «частныхъ неудовольствіяхъ», а въ общей неудовлетворенности условіями политической жизни, въ «глухомъ, но сильномъ желаніи другого порядка вещей». Положеніе финансовъ, по мысли Сперанскаго, также дѣлало необходимой политическую реформу: ассигнаціи сильно упали въ цѣнѣ, введеніе новыхъ налоговъ было неотложной задачей бюджета, а пока нѣтъ «публичнаго установленія», которое бы своимъ авторитетомъ удостовѣряло ихъ государственную необходимость, до тѣхъ поръ «всякая тягость народная будетъ приписываться единственно самовластію». Такимъ образомъ, преобразованіе политическаго строя становилось не актомъ свободнаго усмотрѣнія верховной власти, а дѣломъ естественной необходимости, съ которой бороться и безполезно и опасно. Такая постановка вопроса сразу выводила политическую реформу изъ области благожелательныхъ намѣреній, надъ которыми можно было подумать и помедлить (смотря по измѣнчивымъ настроеніямъ), въ область неотложной задачи, которая стучалась въ дверь и не мирилась съ тактикой медлительности и колебаній. Смыслъ назрѣвшей политической реформы Сперанскій выражалъ въ слѣдующихъ словахъ: «нужно правленіе, доселѣ самодержавное, постановить и учредить на непремѣняемомъ законѣ.» Какъ видимъ, самодержавіе и законъ представлялись Сперанскому понятіями, исключающими другъ друга. Относительно способовъ къ выполненію этой задачи Сперанскій высказываетъ три практичныхъ идеи: 1) нужно создать независимый судъ, основанный на свободномъ избраніи; 2) нужно устроить законодательное сословіе, основанное на началѣ представительства всѣхъ сословій; 3) исполнительную власть, принадлежащую государю и осуществляемую министрами, нужно сдѣлать въ лицѣ министровъ отвѣтственной передъ законодательнымъ сословіемъ. При такихъ условіяхъ, — утверждалъ Сперанскій, — самодержавіе будетъ ограничено не «внѣшними только формами», а прочной и самостоятельной силой «вещественныхъ установленій». Эти разсужденія Сперанскаго составляютъ опять-таки большой прогрессъ въ исторіи русской политической мысли: ими

безповоротно отсѣкаются всѣ тѣ реформаторскія начинанія, которыя стремились основать ограниченіе абсолютизма на бюрократическихъ или полубюрократическихъ установленіяхъ, и выпукло обрисовывается тотъ плодотворный политическій принципъ, что единственный успѣшный путь къ реальному ограниченію абсолютизма лежитъ черезъ народное представительство.

Впрочемъ, самая организація народнаго представительства, которому Сперанскій усваивалъ воскресшее теперь наименованіе государственной думы, отмѣчена въ его проектѣ всѣми недостатками, составляющими отраженіе общихъ политическихъ возрѣній вѣка: 1) Сперанскому совершенно чужда идея всеобщаго избирательнаго права, такъ какъ право избирать и быть избираемымъ предоставлено въ его проектѣ только владѣльцамъ недвижимости и собственникамъ промышленнаго капитала; впрочемъ, это помогло Сперанскому отбросить рамки сословности, и въ избирательномъ собраніи его объединяются всѣ собственники безъ различія сословныхъ положеній; 2) онъ вводитъ многостепенность выборовъ: первичнымъ избирательнымъ собраніемъ является волостная дума, выбирающая депутатовъ въ думу окружную; дума окружная выбираетъ членовъ думы губернской, и только послѣдняя намѣчаетъ составъ думы государственной; такимъ образомъ, членъ государственной думы, представляющій «мнѣніе народное», отдѣленъ отъ своихъ избирателей двумя степенями избирательныхъ собраній; 3) наконецъ въ проектѣ Сперанскаго не опредѣленъ срокъ депутатскихъ полномочій, благодаря чему правительство, подобравшее себѣ послушную думу, могло бы, не пользуясь своимъ правомъ роспуска, сдѣлать этотъ составъ думы пожизненнымъ.

Но въ вопросѣ о *правахъ* государственной думы Сперанскій вновь поднимается на высоту своей предусмотрительности и отчетливо проявляетъ ревнивую заботу обезпечить задуманному имъ парламенту всю полноту вліянія, самостоятельности и контроля: 1) государственная дума собирается ежегодно въ срокъ, установленный закономъ, и притомъ безъ всякаго созыва; слѣдовательно, начало дѣятельности ея не связывается съ усмотрѣніемъ правительства или съ какимъ-либо офиціальнымъ актомъ, отъ правительства исходящимъ; 2) никакой законъ не можетъ имѣть силы, если онъ не «составленъ въ законодательномъ сословіи»; 3) въ государственную думу вносятся также всѣ предложенія, направленныя къ установленію новыхъ нало-

говъ и повинностей или къ распоряженію государственными имуществами; 4) государственной думѣ принадлежитъ право возбуждать судебное преслѣдованіе противъ министра, не представившаго въ узаконенный срокъ отчетовъ или скрѣпившаго своей подписью высочайшій указъ, направленный къ нарушенію основныхъ законовъ; 5) наконецъ отсутствіе верхней палаты въ проектѣ Сперанскаго дѣлало государственную думу единственной выразительницей общественнаго мнѣнія и устраняло задержки съ пути ея законодательной работы.

Крушеніе конституціонныхъ плановъ.

Осуществленіе этого проекта Сперанскій предполагалъ закончить въ 1810 году, а къ первому сентября этого года должны были открыться засѣданія государственной думы... Но случилось, какъ извѣстно, иное: въ самомъ разгарѣ своей преобразовательной работы Сперанскій былъ внезапно арестованъ и долгіе годы провелъ въ тяжкой ссылкѣ и въ полномъ удаленіи отъ двора, а открытіе государственной думы состоялось съ опозданіемъ на 95 лѣтъ. Проектъ Сперанскаго былъ безповоротно схороненъ въ кабинетѣ императора, а тѣ его части, которыя Сперанскому удалось осуществить до своей ссылки, переродились подобно дереву, пересаженному на другую почву: обновленный имъ государственный совѣтъ, который долженъ былъ стать законной формой для всей личной дѣятельности монарха, превратился въ громоздкое законосовѣщательное учрежденіе, къ которому обращались въ случаяхъ важныхъ и рѣдкихъ, но отъ котораго ускользнуло все регулирующее вліяніе на личную дѣятельность царя; а министерства, преобразованныя закономъ 1810 года, вмѣсто того, чтобы подъ контролемъ и при содѣйствіи государственной думы внести плодотворное оживленіе въ дѣятельность государственной власти (чего такъ не хватало старымъ коллегіямъ), обратились въ безотвѣтственныя бюрократическія учрежденія съ преобладаніемъ рутины и канцеляріи.

Проектъ Сперанскаго оказался схороненнымъ навсегда. Послѣ Отечественной войны мысль императора Александра отходитъ все дальше и дальше отъ внутреннихъ преобразованій. Однако время отъ времени въ немъ снова загорается мысль о внутреннихъ политическихъ преобразованіяхъ: не такъ-то легко отдѣлаться отъ увлеченій и привычекъ прежнихъ лѣтъ, и онъ не прочь послушать проектъ, въ которомъ заново перекраиваются лоскутья самодержавной Россіи, чтобы изъ нихъ вышли консти-

туціонныя одежды, и даже самъ поручаетъ ихъ сочинять. Къ этому времени относится аристократическій проектъ Мордвинова, который предполагалъ учредить наслѣдственную «думу вельможъ»; а въ 1818 году Новосильцовъ, по порученію Александра, составилъ «уставную государственную грамоту», которая была испорченной копіей польской конституціонной хартіи 1815 года; въ ней устанавливались двѣ палаты, двустепенные выборы и обезпечивалось правительству сильное вліяніе на составъ обѣихъ палатъ. Около этого же времени императоръ Александръ, открывая первое засѣданіе польскаго сейма, снова и публично подтвердилъ свои конституціонныя намѣренія: «вы мнѣ подали средство, — говорилъ онъ въ тронной рѣчи,—явить моему отечеству то, что съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости».

Но практика ближайшихъ лѣтъ грубо опрокидывала эти увѣренія Александра. Какъ польскій государь, онъ самымъ безцеремоннымъ способомъ нарушалъ конституціонную хартію 1815 года: а какъ русскій самодержецъ, онъ послѣ упомянутой выше «уставной грамоты» Новосильцова, не подавалъ уже русскому обществу никакихъ преобразовательныхъ надеждъ, и вся внутренняя политика его окрасилась цвѣтомъ сплошной и упорной реакціи [1]).

Такимъ образомъ всѣ конституціонные планы рушились одинъ за другимъ въ царствованіе Александра I; отъ нихъ, какъ отъ безплодной смоковницы, не выросло ни сладкихъ ни горькихъ плодовъ. Дѣло начиналось всегда конституціонными обѣщаніями, обѣщанія созрѣвали до проектовъ, но проекты хоронились въ императорскомъ кабинетѣ; и всякій разъ, какъ оставалось сдѣлать послѣдній шагъ, точно стеклянная стѣна, невидимая и неожиданная для участниковъ, вставала между проектами и ихъ осуществленіемъ; какая-нибудь историческая «случайность» вызывала какъ будто бы ихъ отсрочку, но отсрочка всякій разъ становилась окончательными похоронами. Сначала наполеоновскія войны разлучили Александра съ неофиціальнымъ комитетомъ, въ которомъ первые годы его царствованія совершалась преобразовательная

---

1) См. въ этой же книгѣ соотвѣтствующія статьи.

работа; потомъ ссылка Сперанскаго похоронила его законченный, вполнѣ созрѣвшій для осуществленія планъ; наконецъ какая-то неизвѣстная намъ «случайность» помѣшала обнародованію грамоты Новосильцова, потому что одинъ изъ дипломатическихъ агентовъ въ Петербургѣ писалъ въ это время своему правительству, что «конституція уже готова и держится втайнѣ». Но, разумѣется, ссылка на случайности никакъ не можетъ объяснить намъ такую постоянную неудачу дѣла политической реформы: никакія войны не могли бы помѣшать Александру осуществить задуманное имъ дѣло, а ссылка Сперанскаго не только не можетъ быть принимаема въ объясненіе отсрочки его плана, но сама, въ концѣ-концовъ, должна быть объясняема тѣмъ, что приходилось отдѣлаться отъ слишкомъ послѣдовательнаго и практичнаго исповѣдника конституціонныхъ идей. Мы будемъ ближе къ истинѣ, если станемъ искать общую причину этихъ неудачъ и отсрочекъ въ личныхъ качествахъ императора Александра.

Мы говорили выше, что отъ Лагарпа онъ воспринялъ не только либеральные, но даже прямо демократическіе идеи своего времени. Однако нужно помнить, что воспитательная дѣятельность Лагарпа относится къ тому времени, когда Александръ былъ четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ; около него въ это время стояли и другіе воспитатели, убѣжденія которыхъ находились въ непримиримомъ противорѣчіи съ воспитательными и политическими взглядами Лагарпа. Самая придворная жизнь, затягивавшая наслѣдника престола, была такой школой, которая нечувствительно рыла яму всякому разумному воспитанію и всякому внушенію политической свободы. Благодаря этому, истины, услышанныя отъ Лагарпа, скользнули неглубоко по душѣ Александра, не сдѣлались органическимъ элементомъ его душевнаго склада. Въ самомъ характерѣ Александра, не безъ содѣйствія придворной атмосферы, съ дѣтскихъ лѣтъ стали складываться такія черты, которыя подходили скорѣе восточному деспоту, чѣмъ государю свободной страны: онъ былъ упрямъ, подозрителенъ и нерѣшителенъ; въ немъ проявлялись скрытность и лицемѣріе, перемѣшанное съ лукавствомъ. Прибавьте сюда привычки самодержца, невольно впитанныя годами безконтрольной власти, и традиціи рода, сильныя во всякомъ представителѣ вѣковой династіи, и предъ нами — образъ властителя, которому никакіе либеральные разговоры, никакія конституціонныя обѣщанія не помѣшали бы обнаруживать когти привычнаго деспота. Александръ, какъ

польскій государь, систематически нарушавшій конституціонную хартію, есть вѣрный прообразъ того Александра, съ которымъ пришлось бы столкнуться русскому парламенту, если бы чудеснымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ онъ получилъ кратковременное бытіе.

Но сказаннымъ не исчерпывается все-таки вопросъ о причинахъ крушенія политической реформы въ эту эпоху. Пусть императоръ Александръ былъ неискрененъ и нерѣшителенъ, пусть жаркія «слова» его смѣнялись непонятной вялостью, когда нужно было претворить слова въ жизнь... Но все это оказывалось возможнымъ только потому, что не было той объективной силы, которая могла бы настойчиво подтолкнуть Александра на этомъ измѣнчивомъ для самодержца пути. Было неопредѣленное движеніе политическихъ идей, было внѣшнее сочувствіе, подсказанное образованіемъ, было даже пониманіе основныхъ недостатковъ абсолютизма; но не было общественнаго класса, жизненнымъ интересамъ котораго была бы необходима политическая реформа и который просвѣтился бы сознаніемъ этой необходимости. Буржуазія, какъ самостоятельный и вліятельный классъ, еще не начинала развиваться; дворянство было повально связано съ абсолютизмомъ и во всякомъ посягательствѣ на него справедливо усматривало прямую или косвенную опасность для своихъ крѣпостническихъ правъ; а крестьянству, многомилліонному объекту этихъ правъ, живому и страдающему, было столько же дѣла до политическихъ плановъ, сколько человѣку въ подземельи до солнечнаго луча...

Крестьянскій вопросъ.

Но тѣмъ свободнымъ и образованнымъ людямъ, которые составляли и обсуждали планы политическихъ реформъ, была ли ясна мысль, что съ освобожденіемъ политическимъ, освобожденіемъ сословій отъ гнета власти самодержавной, должно необходимо связываться освобожденіе крестьянина-раба отъ безконтрольной власти помѣщика? вѣдь власть помѣщика, въ которой господство надъ личностью осложняется правомъ трудовой эксплуатаціи, чувствуется подвластнымъ во много разъ тяжелѣе, чѣмъ власть самодержавная въ самыхъ безудержныхъ ея проявленіяхъ...

Если бы такая мысль была ясна дѣятелямъ реформы, это отразилось бы рѣзко на ходѣ ихъ преобразовательныхъ плановъ: въ основу ихъ работы была бы тогда положена мысль, что радикальное упраздненіе крѣпостного права есть самая насущная и

неотложная потребность времени. Но такой постановки вопроса мы не встрѣчаемъ ни у самого Александра ни у его ближайшихъ сподвижниковъ, членовъ неофиціальнаго комитета. Они придумывали и обсуждали мѣры для «улучшенія быта» крѣпостныхъ, но и тутъ заботились больше о томъ, чтобы соблюсти осторожность и не взволновать умы, чѣмъ о широкомъ и плодотворномъ примѣненіи этихъ мѣръ; имъ, не боявшимся смѣлыми реформами передѣлывать «безобразное зданіе государственной администраціи», приходила въ голову злополучная мысль, что разрушеніе еще болѣе «безобразнаго зданія» русскаго крѣпостного холопства слѣдуетъ предоставить лишь «постепенности обычая». Только у двухъ изъ нихъ можно отмѣтить склонность къ радикальной постановкѣ крестьянскаго вопроса: Чарторижскій въ одномъ изъ засѣданій проронилъ выразительную фразу, что «право помѣщиковъ на крестьянъ столь ужасно, что не слѣдуетъ ничѣмъ удерживаться при нарушеніи его»; а гр. Строгановъ съ жаромъ утверждалъ, что въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ нужно считаться не съ опасеніемъ протеста дворянъ, а съ тяжкимъ положеніемъ девяти милліоновъ людей, «съ дѣтства полныхъ глубокой ненависти къ своимъ притѣснителямъ».

Только Сперанскій, унаслѣдовавшій преобразовательную работу неофиціальнаго комитета, ближе всего подошелъ къ наиболѣе практическому и послѣдовательному разрѣшенію крестьянскаго вопроса. Въ своемъ «планѣ всеобщаго государственнаго образованія» онъ высказалъ ту цѣнную для государственнаго дѣятеля мысль, что покуда существуетъ рабство, до тѣхъ поръ немыслимы въ Россіи никакія прочныя усовершенствованія государственной жизни, никакія плодотворныя заботы о народномъ благосостояніи; такимъ образомъ, отмѣна рабства становилась лозунгомъ всякой творческой и преобразовательной работы. Однако, отдавая дань духу осторожности и постепенности, сковывавшему почти всякаго, кто прикасался къ этому столѣтнему вороху правъ и злоупотребленій, Сперанскій не говоритъ въ своемъ «планѣ» объ *отмѣнѣ* крѣпостного права, а лишь о такомъ его преобразованіи, которое переводило крестьянина изъ положенія раба въ положеніе свободнаго, но обязаннаго помѣщику опредѣленными повинностями. Это преобразованіе выражалось у Сперанскаго вдумчивымъ сочетаніемъ слѣдующихъ четырехъ началъ: 1) никто не обязанъ служить своимъ трудомъ другому безъ прямого требованія закона или безъ своего добро-

вольнаго согласія; 2) никто безъ суда наказанъ быть не можетъ; 3) никто не долженъ отбывать воинскую службу по произволу другого; 4) всѣ имѣютъ право пріобрѣтать собственность движимую и недвижимую и распоряжаться ею по закону. Первымъ изъ этихъ положеній оставлялась возможность (но не предполагалась непремѣнно) сохранить за помѣщикомъ право на трудъ крестьянина, но право, точно регулированное закономъ или «сельскимъ уложеніемъ», какъ проектировалъ Сперанскій. Вторымъ и третьимъ положеніемъ совершенно устранялась личная зависимость крестьянина, основанная на карательной власти помѣщика; этимъ крѣпостное право сразу выводилось изъ области всеобъемлющихъ отношеній господина и раба въ область основанныхъ на законѣ обязательственныхъ отношеній, отнюдь не простирающихся на личность. Лишая помѣщика карательной власти и отнимая, такъ сказать, у одной стороны возможность навязывать другой *свое* пониманіе этихъ обязательственныхъ отношеній, Сперанскій логически приходилъ къ мысли, что необходимо учредить «сельскій судъ», которому принадлежало бы толкованіе этихъ отношеній и разрѣшеніе споровъ, съ ними связанныхъ. Наконецъ четвертымъ положеніемъ принималась подъ охрану закона собственность крестьянина, при крѣпостныхъ порядкахъ ничѣмъ не обезпеченная отъ захватовъ помѣщика, и открывалась для крестьянина возможность создавать себѣ основу экономической независимости отъ помѣщика. Собственность, въ свою очередь, открывала путь къ правамъ политическимъ, каковой не былъ закрытъ для крестьянина никакими сословными ограниченіями.

Послѣ Сперанскаго, печальная судьба котораго намъ извѣстна, правительство Александра I ни разу не приближается къ такой рѣшительной постановкѣ крестьянскаго вопроса. Но предъ нимъ оставалось еще широкое поле борьбы съ крайними и уродливыми формами, въ какія отливалось тогдашнее крѣпостное право въ Россіи. Весь XVIII вѣкъ представляетъ картину непрерывнаго роста помѣщичьихъ правъ или, вѣрнѣе, помѣщичьихъ злоупотребленій: карательная власть помѣщика дошла до права ссылать крестьянъ на каторгу и даже до ненаказуемости убійства крестьянина; практиковалась въ широкихъ размѣрахъ продажа людей безъ земли, и цѣлыя толпы крестьянъ привозились на площади большихъ городовъ и открыто продавались тамъ, какъ «живое мясо»; размѣры крестьянскаго оброка и барщины оста-

влялись цѣликомъ на усмотрѣніи помѣщика; за крестьяниномъ не обезпечивалась никакая собственность, благодаря чему помѣщики широко практиковали обезземеленіе крестьянъ, уменьшая и отнимая ихъ запашки и обращая ихъ въ дворовыхъ. Эти крайности крѣпостного права находили себѣ горячихъ противниковъ среди самыхъ консервативныхъ круговъ русскаго общества. Немудрено, что правительство Александра I, почти отказавшись отъ замысловъ радикальной реформы въ области крестьянскаго вопроса, не могло, по крайней мѣрѣ, не вступить въ борьбу съ этими злоупотребленіями крѣпостныхъ порядковъ. Но нерѣшительность, присущая Александру, въ связи съ общей неустойчивостью его либеральныхъ плановъ, сыграла и здѣсь свою роковую роль... Едва вступивъ на престолъ, Александръ распорядился внести въ государственный совѣтъ проекты указа о запрещеніи продавать крестьянъ безъ земли; но, встрѣтивъ тамъ оппозицію, правительство поспѣшило взять назадъ свой проектъ, и долгіе годы мысль эта оставалась схороненной. Въ 1820 году этотъ вопросъ былъ снова возбужденъ въ государственномъ совѣтѣ, но опять правительство, несмотря на благопріятную обстановку, пріостановило его движеніе до новой переработки его въ министерствѣ; въ концѣ-концовъ, эта попытка пресѣчь наиболѣе бьющій въ глаза симптомъ отечественнаго рабовладѣнія заключилась двумя робкими мѣрами: 1) были запрещены публикаціи о продажѣ людей; 2) былъ запрещенъ ярмарочный торгъ ими.

Мысль объ опредѣленіи крестьянскихъ повинностей сильно занимала императора Александра и притомъ находила сочувствіе даже среди такихъ упрямыхъ консерваторовъ, какимъ былъ, напримѣръ, поэтъ и генералъ-прокуроръ Державинъ. Послѣдній предлагалъ императору Александру созвать въ Петербургѣ предводителей дворянства для обсужденія этого вопроса; но Александръ и тутъ остался вѣренъ своей непослѣдовательности, нерѣшительности и подозрительности: онъ нашелъ такой «многолюдный вызовъ» неудобнымъ и безполезнымъ; такія опасенія, очевидно, могли сдѣлать безплоднымъ всякое благое начинаніе; и дѣйствительно, «либеральное» правительство Александра I не подвинулось въ этомъ вопросѣ ни на шагъ сравнительно съ эпохой Павла: послѣдній установилъ обязательный воскресный отдыхъ для крестьянъ, и правительство Александра I возложило на губернаторовъ обязанность наблюдать за исполненіемъ этой

нормы; но попытка Павла ограничить барщину трехдневной работой, выраженная имъ не въ видѣ обязательной нормы, а въ видѣ правительственнаго совѣта, не получила дальнѣйшаго развитія въ законодательствѣ Александра; только на исходѣ его царствованія было установлено нѣкоторое ограниченіе всеобъемлющихъ хозяйственныхъ правъ помѣщика на крѣпостной трудъ: въ 1825 году, по представленію комитета министровъ, было запрещено помѣщикамъ отдавать своихъ крѣпостныхъ на фабрики въ различныя работы.

Карательная власть помѣщиковъ, сдѣлавшаяся при Екатеринѣ почти безграничной, испытала въ царствованіе Александра I только одно замѣтное стѣсненіе: указомъ 1809 года у помѣщиковъ отнято было право ссылать крестьянъ въ каторжныя работы; но за ними оставалось право на всѣ иныя тяжкія наказанія: они могли заключать своихъ крѣпостныхъ въ смирительные и рабочіе дома и попрежнему практиковали ссылку ихъ въ Сибирь на поселеніе. Противъ послѣдняго наказанія правительство, впрочемъ, пробовало бороться: тѣмъ же указомъ 1809 года ссылка крѣпостныхъ была пріостановлена, но въ концѣ царствованія вновь вернулись къ старой практикѣ, и право ссылки было санкціонировано высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта; при этомъ сенатъ разъяснилъ, что ссылка эта назначается крѣпостнымъ по усмотрѣнію помѣщиковъ за «дурные ихъ поступки» (слѣдовательно, не за преступленія) и что судебныя мѣста не должны производить по такимъ дѣламъ никакихъ изслѣдованій. Сверхъ того, за помѣщиками оставалось ихъ старое право отдавать своихъ крѣпостныхъ въ военную службу; даже продажа крѣпостныхъ съ этими цѣлями, т.-е. продажа для зачисленія въ рекруты, сохранилась въ царствованіе Александра I, хотя правительство пыталось ее искоренить.

Наконецъ торжественное обѣщаніе Александра I, данное имъ при вступленіи на престолъ, не раздавать впредь населенныхъ имѣній и не увеличивать этимъ путемъ числа крѣпостныхъ,—было значительно подорвано тѣмъ, что населенныя имѣнія отдавались въ видѣ награды въ арендное пользованіе: этимъ создавался такой разрядъ крѣпостныхъ, временные хозяева которыхъ не имѣли расчета щадить ихъ благосостояніе и выжимали изъ нихъ трудъ съ большей безцеремонностью, чѣмъ собственники постоянные.

Только одно прочное учрежденіе, отмѣченное вліяніемъ освободительной идеи, сохранилось отъ царствованія Александра I. По указу 1803 года помѣщикамъ было предоставлено право освобождать своихъ крѣпостныхъ цѣлыми селеніями съ надѣленіемъ ихъ землей Такое освобожденіе совершалось на условіяхъ, заключенныхъ по обоюдному согласію помѣщика и крестьянъ, и за денежный выкупъ, вносимый сразу или разсрочиваемый на года; освобожденные, такимъ образомъ, крестьяне составляли разрядъ вольныхъ хлѣбопашцевъ; они несли всѣ государственныя и земскія повинности наравнѣ съ крестьянами казенными и пользовались всѣми правами собственности на землю, полученную при освобожденіи. Указъ этотъ встрѣтилъ полное сочувствіе въ либеральныхъ кругахъ русскаго общества, которое разсматривало его, какъ первый шагъ къ постепенному уничтоженію рабства; однако онъ не получилъ широкаго примѣненія, такъ какъ процедура такого освобожденія была обставлена рядомъ стѣснительныхъ формальностей, а истолкованіемъ этого указа были въ него введены нѣкоторыя существенныя ограниченія (напримѣръ, не допускалось освобожденія крестьянъ по завѣщанію въ родовыхъ имѣніяхъ).

Итакъ, либеральная политика Александра I въ области крестьянскаго вопроса характеризуется такимъ же безплодіемъ, какъ и его конституціонныя потуги. Самодержавіе и крѣпостное право были настолько прочными устоями тогдашней Россіи, что для сокрушенія ихъ требовалось много искренности, послѣдовательности, энергіи; а этихъ-то именно качествъ какъ-разъ и не хватало правительственной политикѣ начала XIX вѣка. Ея робость, половинчатость и даже двусмысленность сказались не только въ томъ, что правительство, поднявъ на свои плечи грузъ крестьянскаго вопроса, безсильно топталось на одномъ мѣстѣ, но и въ томъ, что оно хотѣло бы и русскому обществу навязать такую же недоговоренность и робость мысли и ради этого прибѣгало къ систематическимъ цензурнымъ и полицейскимъ стѣсненіямъ. Немудрено, что такая политика разливала среди русскаго общества широкую струю недовольства.

Георгій Тельбергъ.

Фритредеры и протекціонисты въ первой четверти XIX вѣка.

I. Таможенная политика.

Таможенная политика въ концѣ XVIII вѣка.

Хозяйственный укладъ жизни московскаго государства въ XVII вѣкѣ отличался примитивностью своей организаціи. Страна находилась въ рамкахъ натуральнаго хозяйства и оставалась производительницей сельско-хозяйственнаго сырья, несмотря на развитіе кустарныхъ промысловъ и на зачатки крупнаго производства. Съ начала XVIII вѣка въ хозяйственномъ быту государства можно отмѣтить новыя явленія: благодаря завоеванію береговъ Балтійскаго моря, торговыя сношенія съ Западной Европой стали менѣе затруднительными. Постройка каналовъ, соединявшихъ центральныя губерніи съ Петербургомъ, облегчили доставку въ столицу припасовъ, предназначенныхъ для экспорта. Все это замѣтно отразилось на увеличеніи оборотовъ по внѣшней торговлѣ, непрерывно увеличивавшихся въ теченіе всего XVIII в. Съ другой стороны въ странѣ появились первые зачатки крупнаго производства, фабрикаты котораго до сихъ поръ покупались на Западѣ. Молодая промышленность при наличности свободной конкуренціи не выдержала бы соперничества съ европейскими фабрикатами, и правительству приходилось охранять ее и защищать таможенными тарифами. Благодаря послѣднимъ, къ концу екатерининскаго царствованія молодая промышленность быстро шагнула впередъ, и къ этому времени общее количество промышленныхъ предпріятій доходило до 3.161. Правительство довольно скоро оцѣнило всѣ выгоды крупнаго производства для интересовъ государства. Высокія таможенныя пошлины обыкновенно брались металлической

монетой, а развитіе крупнаго производства уменьшало иностранный ввозъ, создавая тѣмъ самымъ для государства благопріятный торговый балансъ. Съ этой стороны, правительство учло всѣ преимущества запретительныхъ таможенныхъ тарифовъ. На дѣлѣ же они приносили мало существенной пользы, такъ какъ фабрикаты туземнаго происхожденія были очень низкаго качества — страна не могла обходиться безъ иностранныхъ фабрикатовъ, и торговый балансъ не всегда складывался благопріятно для государства. Послѣднее обстоятельство вызывало безконечные споры между сторонниками покровительственныхъ тарифовъ и ихъ противниками.

Развитіе въ странѣ промышленности и торговли значительно увеличило удѣльный вѣсъ русской буржуазіи. Правительственная торговая политика должна была считаться съ ея желаніями и заявленіями. Вотъ почему правительство солидарно въ своей протекціонистской политикой съ большею частью русскаго купечества, такъ какъ и финансовые интересы государства шли навстрѣчу желаніямъ русской буржуазіи. Такого рода правительственная политика встрѣтила серьезное противодѣйствіе въ широкихъ слояхъ дворянства, державшаго въ своихъ рукахъ весь земельный капиталъ, сохранившій и теперь свое доминирующее значеніе въ хозяйственной эволюціи страны, несмотря на развившееся крупное производство.

Дворянство не желало экономическаго и политическаго усиленія буржуазіи. Отсюда всѣ его стремленія направлены къ воздѣйствію на правительство въ смыслѣ радикальной перемѣны принциповъ таможенной политики и перехода къ фритредерству. Къ тому же дворянство, главнымъ образомъ, покупавшее продукты европейскаго производства, было заинтересовано въ отмѣнѣ протекціонистскихъ тарифовъ, благодаря которымъ приходилось переплачивать при покупкѣ товаровъ большія суммы. Кое-что изъ этихъ пожеланій удалось осуществить дворянству въ царствованіе Екатерины II.

Отмѣна разнаго рода торговыхъ привилегій, разрѣшеніе всякому заниматься любымъ промысломъ, покровительство правительства мелкому кустарному производству, разрѣшеніе дворянству торговать оптомъ сельско-хозяйственными продуктами и, наконецъ, переходъ къ болѣе либеральной таможенной политикѣ — вполнѣ соотвѣтствовали интересамъ дворянства, какъ землевладѣльческаго класса. Но такая политика не могла быть

долговѣчной. Либеральный тарифъ Екатерины II создалъ неблагопріятный торговый балансъ, и правительству пришлось вернуться къ принципамъ охранительныхъ тарифовъ, въ надеждѣ создать такимъ образомъ благопріятный торговый балансъ и улучшить финансовые рессурсы страны. Это и заставило правительство порвать съ дворянствомъ и пойти навстрѣчу буржуазіи.

Протекціонистская торговая политика, конечно, была необходима постольку, поскольку она охраняла молодое капиталистическое производство отъ конкуренціи съ болѣе развитыми въ промышленномъ отношеніи странами, и всѣ попытки дворянства дать другое направленіе торговой политикѣ должны были потерпѣть полное крушеніе, ибо ихъ политикой было стремленіе задержать хозяйственную эволюцію въ странѣ и свести до минимума значеніе крупнаго производства въ хозяйственномъ быту государства. И правительство, поддерживая протекціонизмъ, оказывалось болѣе прогрессивнымъ, чѣмъ землевладѣльческій классъ. Ставъ на сторону протекціонизма, правительство имѣло въ виду не столько промышленное развитіе страны, сколько надѣялось съ помощью такой политики пополнить финансовые рессурсы и исправить недочеты финансоваго хозяйства. Въ этомъ отношеніи вся политика правительства потерпѣла полное крушеніе. Напрягая всѣ усилія къ созданію благопріятнаго торговаго баланса, правительство въ то же время не знало, что состояніе государственнаго хозяйства и курсъ рубля зависѣлъ не отъ торговаго, а платежнаго баланса [1]), благодаря системамъ внѣшнихъ и внутреннихъ займовъ, которыми заплатывались финансовыя дыры въ бюджетѣ. Съ другой стороны, финансовые рессурсы страны требовали бережливаго къ нимъ отношенія. Политика же Екатерины II и ея преемниковъ была построена на противоположномъ принципѣ — крайне расточительной тратѣ денегъ, которыя шли на удовлетвореніе чрезмѣрныхъ потребностей двора, на армію, военныя нужды, подарки фаворитамъ... Вотъ почему, если таможенная протекціонистская политика отчасти могла влiять на состояніе нашего государственнаго хозяйства, повышая цѣнность ассигнаціоннаго рубля, то принятая система расходованія народныхъ денегъ достигала какъ разъ обратныхъ результатовъ, и даже запретительная политика не могла принести

---

[1]) См. «Книга для чтенія», т. II, стр. 638—примѣчаніе редакціи.

никакихъ существенныхъ результатовъ. При протекціонизмѣ была необходима умѣренность въ расходахъ, и только это могло поправить финансы государства.

Въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины II правительство подъ давленіемъ отчаянно плохого состоянія государственнаго хозяйства и низкаго курса денегъ — ассигнацій отказалось отъ принциповъ экономическаго либерализма и возвратилось къ системѣ запретительныхъ и покровительственныхъ тарифовъ. Паденіе курса ассигнацій — явленіе характерное для екатерининскаго царствованія; оно вызвано какъ слабостью нашего международнаго товарообмѣна, создавшаго для страны неблагопріятный торговый балансъ, такъ и интенсивной внѣшней политикой, поглощавшей огромное количество денегъ. Расходы по веденію войны не могли покрыться текущими поступленіями. Приходилось создавшіеся дефициты покрывать или внѣшними займами или выпускомъ ассигнацій. Заграничный кредитъ былъ очень дорогъ для Россіи, да фактически было невозможно обращаться чуть ли не каждый годъ къ займамъ. Оставалось одно неудобное средство — дальнѣйшій выпускъ ассигнацій, которыми и пытались заткнуть образовавшіяся финансовыя дыры. До какой неумѣренности доходило правительство въ своемъ выпускѣ бумажныхъ денегъ, нагляднымъ показателемъ могутъ служить слѣдующія данныя:

въ	1775	г. ассигнацій было на сумму	21.500000	руб.
»	1783	» » » » »	36.740.425	»
»	1786	» » » » »	46.219.250	»
»	1792	» » » » »	120.000.000	»
»	1796	» » » » »	157.703.640	»

Конечно, такое количество ассигнацій не соотвѣтствовало металлической наличности — постоянно чувствовался большой недостатокъ въ серебрѣ — размѣна ассигнацій почти не производилось, и ихъ курсъ палъ. Во всѣхъ слояхъ общества говорили «о великомъ упадкѣ денежнаго курса въ Россіи», — но паденіе его объяснялось различно. Если часть купечества и нѣкоторые изъ представителей отъ правительства причину паденія курса видѣли въ слабомъ развитіи производительныхъ силъ страны, то комиссія о коммерціи во всеподданнѣйшемъ докладѣ стѣсненное состояніе денежнаго рынка приписывала «чрезмѣрному привозу разныхъ шелковыхъ дорогихъ ма-

терій и къ одной только роскоши служащихъ вещей, безпошлинному привозу нѣмецкихъ товаровъ и многихъ французскихъ... заготовленію и покупкѣ въ чужихъ государствахъ разныхъ вещей для находящихся внѣ предѣловъ россійскихъ войскъ»... Конечно, подъемъ производительныхъ силъ возможенъ былъ только въ очень далекомъ будущемъ. Переходъ къ запретительной системѣ при такихъ условіяхъ былъ бы единственнымъ средствомъ для поднятія курса рубля. Въ этомъ отношеніи тарифъ 1793 года вполнѣ удовлетворялъ желаніямъ правительства и купечества. Но торговая политика находилась и подъ воздѣйствіемъ другихъ причинъ. Такъ, когда вспыхнула французская революція, правительство Екатерины II, чувствуя полную невозможность остановить побѣдное шествіе французской демократіи, видѣло въ таможенной политикѣ вѣрное средство для борьбы съ революціей на экономической почвѣ. Отсюда рядъ запретительныхъ мѣръ по отношенію къ Франціи. Такъ, указомъ 8 апрѣля 1793 года, запрещался ввозъ изъ Франціи въ Россію какихъ бы то ни было товаровъ, и, кромѣ того, «дабы это запрещеніе, въ пользу народа изданное, въ точности исполнено было, въ отвращеніе подложнаго привоза товаровъ», запрещеніе ввоза вновь распространено на многіе однородные товары, откуда бы они ни привозились.

Тарифъ 1795 г. и политика Павла.

Эти положенія легли въ основу тарифа 14 сентября 1795 года, впрочемъ, никогда не введеннаго въ дѣйствіе, такъ какъ Павелъ I отмѣнилъ новый тарифъ и вернулся къ прежде дѣйствовавшему. Но борьба Павла съ Франціей не могла не отразиться такъ или иначе и на его таможенной политикѣ. Какъ бы Павелъ ни относился враждебно къ дѣйствіямъ и намѣреніямъ Екатерины II — онъ сходился съ ней во взглядахъ на революцію, на необходимость борьбы съ ней, нанесенія ей удара не только военной силой, но и соотвѣтствующей таможенной политикой. Вотъ почему правительство запретило ввозъ въ Россію изъ Франціи разнаго рода товаровъ, обложивъ другіе необычайно высокой пошлиной. Но международная политика Павла не отличалась устойчивостью. Павелъ I замѣтилъ, что союзники преслѣдуютъ цѣли, идущія въ разрѣзъ съ задачами и планами русскаго правительства, поставившаго себѣ цѣлью возстановленіе политическаго равновѣсія въ Европѣ. Австрія же мечтала о территоріальномъ расширеніи на счетъ Италіи, а Англія—о господствѣ на морѣ.

И то и другое нарушало систему Павла и привело къ разрыву съ союзниками и немедленному заключенію мира съ Наполеономъ. Послѣдній хотѣлъ использовать дружбу съ Павломъ съ цѣлью разгромить Англію, нанести ей непоправимое экономическое разореніе, и тѣмъ освободить Францію отъ опаснаго коммерческаго конкурента. Новая политическая комбинація отразилась на таможенной политикѣ. Правительство, чтобы нанести ударъ англійской морской торговлѣ, разрѣшило свободный ввозъ французскихъ товаровъ, запретивъ въ то же время вывозить изъ россійскихъ портовъ какіе бы то ни было товары. Впрочемъ, вывозъ могъ быть разрѣшенъ по высочайшему разрѣшенію (10 марта 1801 года). Подобнаго рода распоряженіе, уничтожавшее нашу экспортную торговлю, грозило полнымъ разореніемъ купечеству и дворянству, продававшему на вывозъ сельско-хозяйственное сырье. Но оно никогда не было введено въ жизнь, такъ какъ на другой день Павла не стало, а его преемникъ отмѣнилъ указъ отца. Вполнѣ понятно, почему купечество и дворянство, весьма заинтересованныя въ развитіи нашего экспорта, привѣтствовали бурными восторгами вступленіе на престолъ Александра I.

Неустойчивая торговая политика Павла, считавшаяся больше съ международными конъектурами, конечно, не могла содѣйствовать улучшенію государственнаго хозяйства. Увеличившееся количество ассигнацій на 55 мил. руб. и невыгодный платежный балансъ повелъ къ еще большему паденію курса сравнительно съ временемъ Екатерины II. Ассигнаціонный рубль терялъ $^1/_3$ своего достоинства. Его курсъ равнялся всего лишь $66^1/_4{}^0/_0$.

Экономическій либерализмъ Александра I.

Новый государь теоретически склонялся къ принципамъ экономическаго либерализма. Въ этомъ отношеніи Александръ раздѣлялъ взгляды своего учителя Шторха, находившаго всякаго рода стѣсненія въ торговлѣ весьма нецѣлесообразными. Но практически таможенная политика почти осталась безъ перемѣнъ, если не считать нѣкоторыхъ распоряженій, отмѣнявшихъ стѣснительныя и нелѣпыя мѣры Павла I. Молодому правительству приходилось считаться съ плохимъ состояніемъ нашего бюджета и, какъ наслѣдіе стараго, низкимъ курсомъ ассигнацій.

Финансы.

Правительству не удавалось свести къ концу года смѣту безъ дефицита. Шумная, но безрезультатная внѣшняя политика едва ли не была основной причиной нашихъ хроническихъ

дефицитовъ, прогрессивно увеличивавшихся съ каждымъ годомъ. Такъ:

въ 1801	году	дефицитъ	равнялся	7.069.794	руб.
» 1804	»	»	»	18.457.817	»
» 1807	»	»	»	26.228.198	»
» 1808	»	»	»	1240.17.535	»
» 1809	»	»	»	143.361.514	»

Для покрытія ихъ приходилось по старому прибѣгать къ займамъ. Впрочемъ, дефициты больше покрывались заимствованіями изъ ассигнаціоннаго банка, такъ какъ политическое положеніе Европы было мало благопріятнымъ для внѣшнихъ займовъ, и даже Англія, наиболѣе экономически развитая и богатая страна, чувствовала нужду въ деньгахъ, такъ какъ расходы ея по борьбѣ съ Наполеономъ, благодаря уплатамъ субсидій союзникамъ, сильно возросли и превышали и ея текущія поступленія. Правда, правительство сознавало, что съ выпускомъ ассигнацій необходимо поступать очень осторожно; въ противномъ случаѣ, возможно полное разстройство денежнаго рынка, но требованія момента были настолько настоятельны, что приходилось отказываться отъ всякихъ теоретическихъ соображеній и пе стѣсняться въ дальнѣйшемъ выпускѣ ассигнацій. Къ 1810 году всего было выпущено ассигнацій на сумму 366.694.546 руб., такъ что въ обращеніи всего состояло 579.373.880 руб., ассигнаціонный рубль стоилъ уже $^1/_5$ своего нарицательнаго достоинства.

Конечно, такое стѣсненное состояніе денежнаго рынка говорило не въ пользу экономическаго либерализма, какъ принципа нѣсколько преждевременнаго. Въ первые годы новаго царствованія торговый балансъ складывался въ пользу Россіи: такъ, въ 1805 году излишекъ равнялся 23.378 т. руб., но вывозъ нашъ попрежнему заключался въ сырьѣ, а ввозъ—въ фабрикатахъ, которыхъ или совсѣмъ не было въ странѣ или были въ очень плохомъ состояніи. Такое отношеніе состава вывоза къ ввозу признавалось нецѣлесообразнымъ и невыгоднымъ для экономическаго процвѣтанія страны, безъ котораго и невозможно улучшеніе государственнаго хозяйства и повышеніе курса рубля. Отсюда необходимо было или измѣнить характеръ нашего вывоза или сократить ввозъ посредствомъ развитія національной промышленности и поднятія техники уже существующихъ промышленныхъ заведеній. Созданіе экономически-самодовлѣющаго государства было невозможно при условіи перемѣны таможенной политики въ сторону экономическаго либерализма, такъ какъ

конкуренція болѣе развитыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ могла задушить національную индустрію. Отсюда и вытекала цѣлесообразность покровительственной таможенной политики.

Уже въ промежутокъ времени отъ 1803 — 1807 года на нѣкоторые фабрикаты была повышена пошлина, но зато уменьшена на машины и бумажную пряжу, благодаря чему было положено прочное основаніе нашей хлопчато-бумажной промышленноти, зачатки которой были уже и въXVIII вѣкѣ. Но и въ дѣлѣ созданія національной индустріи правительство не могло выдержать опредѣленнаго курса, измѣнявшагося подъ непосредственнымъ давленіемъ международной политики, значительно вліявшей на нашъ товарообмѣнъ. Вліяніе международныхъ отношеній на таможенную политику особенно сказалось послѣ Тильзитскаго мира 1807 г., согласно секретнымъ условіямъ котораго Россія должна была приступить къ континентальной системѣ и пригласить къ тому же копенгагенскій, стокгольмскій и лиссабонскіе дворы, если Англія не приметъ посредничества Россіи и не заключитъ мира съ Франціей при условіи признанія ею независимости всѣхъ морскихъ державъ и возвращенія Франціи колоній, завоеванныхъ съ 1805 года. Англія отказалась заключить миръ на вышеназванныхъ условіяхъ, и Александръ I долженъ былъ принять рядъ мѣръ къ водворенію континентальной системы.

Указъ 20 марта 1807 года.

Указомъ 20 марта 1807 года запрещался привозъ англійскихъ мануфактурныхъ товаровъ. Торговыя сношенія съ Англіей совершенно прекращались, подобно тому, какъ это было сдѣлано по отношенію къ Франціи въ 1793 г. Тогда же указомъ отъ 28 окт. 1807 года на всѣ находящіяся въ русскихъ портахъ суда и имущество англичанъ въ Россіи былъ наложенъ арестъ, а въ слѣдующемъ году было сдѣлано распоряженіе всѣмъ судамъ, находящимся въ Англіи, вернуться безъ груза. Торговать было возможно только подъ нейтральнымъ флагомъ. Какое значеніе для внѣшней торговли имѣло примѣненіе континентальной системы— могутъ служить примѣромъ слѣдующія данныя. Такъ, въ 1803 году прибыло изъ Англіи съ грузомъ 319 судовъ, а безъ груза 993 с.; отошло съ грузомъ 1.277, а безъ груза только 17. Другія государства, съ которыми Россія вела торговлю, занимали второстепенное и третьестепенное мѣсто. Закрывая таможенную границу для англійскихъ фабрикатовъ, безъ которыхъ господствующимъ классамъ было очень трудно обойтись, правительство тѣмъ самымъ

побуждало фабрикантовъ къ устройству фабрикъ, вырабатывавшихъ соотвѣтствующаго рода фабрикаты, и въ то же время вызывая крайнее раздраженіе по отношенію къ себѣ со стороны крупнаго землевладѣнія и оптоваго купечества. Крупное землевладѣніе уже сумѣло отчасти приспособить свое хозяйство къ новымъ условіямъ рынка, вложило въ землю нѣкоторые капиталы, и теперь разорялось при прекращеніи торговли съ англичанами [1]). Становились банкротами капиталисты [2]). Цѣны на жизненные припасы удвоились или утроились. Континентальная система зато очень благопріятно отразилась на развитіи національной индустріи. Общее количество фабрикъ значительно увеличилось. Такъ, въ 1804 году число фабрикъ въ Россіи было 2.423, съ общимъ количествомъ рабочихъ—95.202. Къ 1814 году фабрикъ было 3.731, а количество рабочихъ равнялось 169.530. Изъ отдѣльныхъ видовъ производства сильно подвинулось впередъ бумаго-ткацкое; въ 1804 году всего было только 199 фабрикъ съ 6.546 рабочими, а въ 1814 общее количество фабрикъ равнялось 424 съ 39.210 рабочими [3]). Увеличивается также желѣзно-чугунная промышленность. Быстрѣе увеличивается желѣзодѣлательная промышленность благодаря спросу заграничнаго рынка на желѣзо, зато медленнымъ темпомъ увеличивается чугуно-плавильное производство. Замѣтно также увеличеніе суконныхъ фабрикъ (въ 1809 — 136, 1814 — 233), что́ отчасти приходится поставить въ тѣсную связь съ освобожденіемъ купечества отъ обязательной поставки сукна въ казну и разрѣшеніемъ продажи его въ частныя руки. Зато фабрики, вырабатывавшія предметы роскоши — бархатъ, зеркала, шелкъ, уменьшались количественно, встрѣчая сильную конкуренцію въ привозимыхъ изъ Франціи товарахъ, поставленныхъ въ очень благопріятныя условія по отношенію къ отечественному производству [4]).

Особенно замѣтно сокращеніе шелковаго производства (съ 328 до 158). То же можно сказать относительно производства бархата, парчи, кружевъ, чулокъ, перчатокъ.

---

[1]) Въ 1804 г. отпущено за границу хлѣба на 8.143.883 и сала на 10.415.119, а въ 1807—1808 гг.—хлѣба всего на 4.460.530 и сала на 6.668.407 руб.

[2]) Съ 1804—1807 гг. привозъ уменьшился почти на 16 мил. руб.

[3]) За тотъ же промежутокъ времени производство ситца увеличилось болѣе чѣмъ 2 раза (1.462.428 ар. — 4.448.840 ар.), а миткаля въ 4 раза (2.109.035—9.958.945), увеличивается также общее количество выдѣлки платковъ (504.103—1.271.000), одѣялъ (9 397—31.624), чулокъ (10.241—13.393).

[4]) Французскій привозъ товаровъ въ 1806 г.—равнялся 585 т. р., 1808 г.—301 т. въ 1809—1.511 т. р.

Положеніе о нейтральной торговлѣ.

И международныя отношенія и принятая система торговой политики вели государственное хозяйство къ полному банкротству. Правительству предстояло немедленно принять мѣры противъ надвигавшагося финансоваго банкротства, какъ путемъ перемѣны курса торговой политики, такъ и посредствомъ реформы денежнаго обращенія, съ цѣлью поднять цѣнность ассигнаціоннаго рубля и внести хотя бы нѣкоторую устойчивость въ системѣ денежнаго обращенія. Перемѣна курса могла заключаться единственно въ отказѣ отъ принциповъ континентальной системы—возобновленіи торговыхъ сношеній съ Англіей и переходѣ къ покровительственной политикѣ и по отношенію къ французскимъ фабрикатамъ. Всему этому и должно было удовлетворить «Положеніе о нейтральной торговлѣ 1810 года». Для улучшенія торговыхъ сношеній былъ разрѣшенъ вывозъ товаровъ на нейтральныхъ судахъ и ввозъ на таковыхъ продуктовъ британскихъ колоній, — разрѣшался безпошлинно ввозъ сырья и нѣкоторыхъ полуобработанныхъ фабрикатовъ, снималась пошлина съ отпускаемаго за границу сырья (хлѣба, желѣза), но зато на ленъ, смолу, пеньку, соль, льняное сѣмя пошлины были повышены; на предметы потребленія: кофе, сахаръ — вводилась пошлина въ размѣръ 60% ихъ стоимости и, наконецъ, въ интересахъ «сокращенія непомѣрной роскоши и поощренія развитія промышленности», налагалась запретительная пошлина на тѣ продукты, безъ которыхъ находили возможнымъ или обойтись совсѣмъ или которые находили возможнымъ производить внутри государства. На остальные же предметы производства назначалась очень большая пошлина. Положеніе «о нейтральной торговлѣ» должно было улучшить торговый балансъ, хотя правительство не скрывало, что его введеніе можетъ повлечь за собою осложненіе отношеній между Россіей и Франціей [1]).

Финансовая реформа.

Одновременно правительство задумало и финансовую реформу для борьбы съ тяжелымъ финансовымъ положеніемъ государства. Выработка плана финансовыхъ реформъ была поручена Сперанскому, который въ 1810 году и представилъ его государю.

Сущность плана Сперанскаго заключалась въ намѣреніи не только приподнять цѣнность ассигнацій, но возвысить ихъ до ихъ нарицательнаго достоинства. Согласно его проекту всѣ

---

[1]) Введеніе въ дѣйствіе торифа 1810 года вызвало паденіе французскаго импорта съ 1,511 т. руб. до 306 т. руб.

ассигнаціи объявлялись государственнымъ долгомъ, обезпеченнымъ всѣмъ достояніемъ государства. Рекомендовалось уменьшеніе общаго количества ассигнацій находившихся въ обращеніи. Съ этой цѣлью предполагалось прекратить дальнѣйшій выпускъ ассигнацій и начать распродажу государственныхъ имуществъ, назначенныхъ для погашенія ассигнацій, установить также новые налоги на погашеніе ассигнацій и сократить вообще расходы.

Проектъ Сперанскаго былъ утвержденъ Александромъ I, но реформа эта не достигла цѣлей: 1) распродажа государственныхъ имуществъ шла очень медленно и не дала желательныхъ результатовъ, и общее количество бумажныхъ денегъ — ассигнацій уменьшилось въ общемъ на небольшую сумму. Да и самый выпускъ ихъ продолжался впослѣдствіи, такъ какъ ежегодный дефицитъ сталъ хроническимъ явленіемъ. Съ 1811—1817 г. было выпущено ассигнацій на сумму 256.624.820 руб., а всего состояло 836 милл. Чрезвычайно богатыми въ смыслѣ выпуска ассигнацій были года 1812 — 1813, когда было выпущено ассигнацій на сумму 167.940.000 руб. Понятно, что ихъ курсъ, нѣсколько поднявшійся въ 1811 г. ($26^2/_5{}^0/_0$), снова сталъ падать, доходя въ 1814—1815 году до $20^0/_0$. Средній же курсъ все время равнялся $25^1/_3{}^0/_0$. Паденіе курса произвело на правительство такое ошеломляющее впечатлѣніе, что въ 1812 г. оно нашло своевременнымъ узаконить биржевой курсъ ассигнацій. Одновременно съ манифестомъ о реформѣ денежнаго обращенія правительство вводило въ дѣйствіе и новый тарифъ 1810 г., запретительный по своей тенденціи. Особенно страдалъ отъ него экспортъ Франціи, такъ какъ на предметы роскоши налагалась пошлина въ размѣрѣ $50^0/_0$ ихъ стоимости. Но и новый тарифъ не оправдалъ ожиданій. Торговля не налаживалась. Съ Англіей формально были прерваны дипломатическія сношенія, а Россія до войны 1812 г. придерживалась континентальной системы. Тогда, 6 (18) іюня 1812 года, съ Англіей былъ заключенъ мирный трактатъ, но военныя дѣйствія, разореніе страны не могли благопріятствовать экспорту изъ Россіи, хотя торговый балансъ складывался до 1816 года въ пользу Россіи, но въ общемъ нашъ вывозъ сырья значительно сократился [1]).

---

[1]) Такъ, въ 1802—1804 гг. было вывезено пеньки 3.333.770 пуд. на сумму 8.724.026 руб., а въ 1814—1815 гг. было вывезено пеньки 2.939.466 пуд. на сумму 7.637.111 руб., увеличился незначительно вывозъ льна, парусного полотна, уменьшился отпускъ хлѣба, сала.

Таможенный тарифъ 1810 г. не оправдалъ возлагаемыхъ на него ожиданій и не задержалъ паденіе цѣнности ассигнаціоннаго рубля.

Либеральные тарифы

Въ 1815 году окончилась эпоха наполеоновскихъ войнъ. Вѣнскій конгрессъ возстановилъ нарушенное политическое равновѣсіе. Между союзниками окрѣпли дружественныя связи, измѣнились политическія отношенія державъ другъ къ другу. Все это не могло прямо или косвенно не отразиться на таможенной политикѣ. И дѣйствительно, тарифъ 1816 года несомнѣнно либеральнѣе всѣхъ предшествовавшихъ. Въ манифестѣ по случаю опубликованія новаго тарифа, между прочимъ, говорилось въ объясненіе причинъ появленія новаго тарифа: «во возстановленіи свободныхъ политическихъ и торговыхъ отношеній между европейскими державами, разсудили мы за благо, для пользы общественной, допустить нѣкоторыя перемѣны въ запретительной торговой системѣ». Разумѣется, уменьшая таможенныя ставки, правительство это сдѣлало постольку, поскольку это было въ соотвѣтствіи съ финансовыми и экономическими нуждами страны. Пониженіе ставокъ на нѣкоторые фабрикаты, съ одной стороны, и полное запрещеніе ввоза для цѣлаго ряда другихъ продуктовъ, напр., для товаровъ желѣзной и текстильной промышленности — вотъ основныя черты «либеральнаго» тарифа.

Введеніе въ жизнь новаго тарифа не дало отрицательныхъ результатовъ. Правительство, конечно, больше всего заинтересовалось курсомъ ассигнацій. Какъ разъ послѣднія понизились весьма немного ($25^1/_8 — 25^1/_6$), и уже одно это для защитниковъ фритредерства въ таможенной политикѣ являлось наилучшимъ доказательствомъ возможности примѣненія въ жизни фритредерскихъ принциповъ. Защитникамъ этихъ принциповъ удалось осуществить свои мечтанія въ болѣе реальномъ смыслѣ въ тарифѣ 20 ноября 1819 г. Это — наиболѣе либеральный тарифъ въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. По существу, однако, онъ оставался покровительственнымъ. Его экономическій либерализмъ единственно сказывался въ томъ, что было отмѣнено запрещеніе ввоза нѣкоторыхъ товаровъ и понижены таможенныя ставки. Да и пониженіе послѣднихъ больше касалось сырыхъ продуктовъ и полуфабрикатовъ, нужныхъ для хлопчато-бумажнаго производства. Защитники запретительной системы встрѣтили новый тарифъ враждебно, указывая на его утопичность и отвлеченность и несоотвѣтствіе его принциповъ реальнымъ нуждамъ государства.

Новый тарифъ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ принести странѣ экономическое разореніе и привести къ полному уничтоженію промышленности.

Слѣдствіе тарифа 1819 г.

Введеніе новаго тарифа сказалось, прежде всего, въ усиленномъ ввозѣ къ намъ иностранныхъ фабрикатовъ.

Наплывъ иностранныхъ фабрикатовъ вызвалъ сокращеніе производства и закрытіе нѣкоторыхъ фабрикъ, не находившихъ возможности конкурировать съ продуктами европейской промышленности [1]). Отсюда становится яснымъ недовольство, охватившее фабрикантовъ изъ дворянскаго и купеческаго сословій, указывавшихъ на экономическое разореніе страны.

Къ недовольству господствующихъ классовъ присоединялось и тяжелое финансовое положеніе, которое надѣялись исправить путемъ перемѣны таможенной политики. Послѣ войны 1812 года дефициты стали хроническимъ явленіемъ. Въ 1822 году онъ равнялся 351.244.048 руб., а съ невыполненными обязательствами онъ поднимался до 452.521.736 руб.

Такое разстройство государственнаго хозяйства требовало радикальныхъ мѣръ. Правда, послѣ введенія тарифа 1819 г. не произошло паденія курса ассигнацій. Наоборотъ, онъ увеличился съ 23.92 коп. сереб. до 26.81 коп. сер., что приходится поставить въ связь съ уменьшеніемъ количества ассигнацій [2]), находившихся въ обращеніи, благодаря изъятію ихъ изъ обращенія съ помощью займовъ. Но все-таки возвышеніе курса ассигнаціоннаго рубля шло медленнѣе уменьшенія въ общей массѣ ассигнацій, такъ какъ изъятіе изъ обращенія требовало большихъ суммъ, которыми правительство не располагало. Мало-по-малу министръ финансовъ убѣждается въ безплодности своихъ усилій по выкупу ассигнацій. Для удержанія курса ассигнаціоннаго рубля необходимо было измѣнить тарифъ 1819 года и вернуться въ сторону протекціонизма.

Тарифъ 1822 г.

Протекціонисты одержали верхъ. Либеральный тарифъ 1819 г. былъ замѣненъ тарифомъ 12 марта 1822 года съ нарушеніемъ международныхъ обязательствъ, принятыхъ на вѣнскомъ конгрессѣ. Оставались безъ обложенія сырье и иностранные фабри-

---

[1]) Сокращеніе больше всего коснулось шелковыхъ фабрикъ (съ 162 до 142), сахарныхъ заводовъ (съ 51 до 29), немного сократилось общее число суконныхъ фабрикъ (съ 304 до 291). Но зато увеличилось количество фабрикъ по кожевенному, мыловаренному, свѣчному производствамъ, какъ прочно стоявшимъ на ногахъ и выдерживавшимъ конкуренцію съ Западомъ.

[2]) Съ 836 до 595 $^{3}/_{4}$ мил.

каты, на производство которыхъ внутри страны нельзя было разсчитывать; товары, производство которыхъ могло развиться съ теченіемъ времени, облагались незначительной пошлиной; остальные предметы производства или облагались высокой пошлиной или совершенно запрещались. Таковы основныя черты охранительнаго тарифа, запретившаго ввозъ 300 продуктовъ и вывоза 21. Примѣненіе новаго тарифа вызвало оживленіе въ русской промышленности уже въ 1825 г. Увеличивается количество суконныхъ фабрикъ (съ 291 — 324), шелковыхъ (142 — 184), шляпныхъ (77 — 89), такъ что русская буржуазія имѣла полное основаніе привѣтствовать новый тарифъ, ставившій себѣ цѣлью подъемъ русской промышленности при посредствѣ запретительной и покровительственной таможенной политикѣ. Такъ экономическій либерализмъ въ таможенной политикѣ оказался весьма недолговѣчнымъ. Приходилось отказаться отъ его принциповъ не столько благодаря его отрицательному вліянію на экономическое состояніе страны, сумѣвшей выдержать въ нѣкоторыхъ производствахъ конкуренцію Запада, сколько благодаря ропоту и недовольству классовъ, державшихъ въ своихъ рукахъ торговлю и промышленность.

Дворянство и буржуазія въ XVIII в.

Правительственная компанія въ таможенной политикѣ вызвали въ обществѣ большой теоретическій интересъ къ ея основнымъ принципамъ. На почвѣ ихъ обсужденія столкнулись интересы промышленной буржуазіи и землевладѣльческаго класса. Теоретическими спорами интересовались широкіе слои общества и принципіальное значеніе ихъ было гораздо шире первоначальной постановкой вопроса. Вопросъ шелъ не только о характерѣ хозяйственной эволюціи въ странѣ—нуженъ ли намъ капитализмъ или нѣтъ: за этой экономической проблемой скрывался политическій мотивъ — стремленіе дворянства сохранить свою привилегированную позицію. Въ этомъ отношеніи оно должно было стать на сторону либеральной экономической политики, такъ какъ ею задерживался переходъ къ капиталистическому строю и сохранилось политическое доминирующее значеніе за сельско-хозяйственнымъ капиталомъ, какъ единственной производительной силой въ странѣ. Либерализмъ, прикрытый интересами государства, долженъ былъ ослабить буржуазію и уменьшить ея удѣльный вѣсъ. Конечно, теоретическія предпосылки землевладѣльческаго сословія не соотвѣтствовали интересамъ буржуазіи. Отсюда ея стремленіе пересмотрѣть теоретическіе вопросы, выдвинутые дворян-

ствомъ, и новыми аргументами оправдать протекціонизмъ съ практической и теоретической точекъ зрѣнія. Обратимся къ этому спору и начнемъ съ фритредеровъ.

II. Фритредеры.

Экономическія идеи въ началѣ XIX в.

Начало царствованія Александра — моментъ значительнаго оживленія русскаго общества и пробужденія интереса къ политическимъ и экономическимъ вопросамъ. Правительство поспѣшило пойти навстрѣчу желаніямъ общества, въ особенности въ сферѣ теоретическаго обсужденія различныхъ экономическихъ вопросовъ. И общество и правительство въ началѣ XIX вѣка не остались безъ вліянія экономическаго ученія Адама Смита, въ связи съ нимъ обсуждавшіе и характеръ таможенной политики, и соціальный вопросъ, и возможность его разрѣшенія въ томъ или другомъ направленіи. Такое нѣсколько запоздалое увлеченіе смитіанскими идеями приходится объяснить относительно позднимъ знакомствомъ русскаго общества съ основнымъ трудомъ Смита о «Богатствѣ народовъ», появившееся въ Англіи въ 1776 году, а въ Россіи только въ 1804 году.

Піонеромъ въ этомъ отношеніи являлся офиціальный органъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ — «С.-Петербургскій журналъ», на страницахъ котораго появилось изложеніе ученія Смита и сравненіе его съ французскими экономистами. Появленіе на страницахъ офиціальнаго органа ученія Смита должно было служить какъ бы программой правительственной экономической политики. И дѣйствительно, теоретически правительство было противъ системы запретительныхъ тарифовъ и склонялось въ сторону фритредерства. Вотъ, что писалось въ этомъ органѣ: «обязанность правительства очень легка. Оно не должно дѣйствовать, ему надлежитъ только не вредить, ему должно покровительствовать естественной свободѣ промышленности. Пусть оставитъ правительство всѣ запрещенія и одобренія, пусть не связываетъ его промышленности постановленіями своими и не думаетъ усилить ее награжденіемъ». Эти мысли совпадали съ планами мин. внутр. дѣлъ Кочубея—оставлять на свободѣ частную промышленность, имѣть, сколько возможно, достовѣрныя о успѣхахъ ея свѣдѣнія, доставлять ей въ случаяхъ необходимыхъ нужныя пособія, удалять отъ нея всякое стѣсненіе... Но эти

теоретическія положенія свелись только, какъ мы видѣли, къ отмѣнѣ указовъ Павла, но отнюдь не къ перемѣнѣ системы таможенной политики. Въ «С.-Петербургскомъ журналѣ» удѣлялось немало мѣста и теоретическому обсужденію разнаго рода экономическихъ вопросовъ, съ точки зрѣнія смитіанской доктрины.

Смитіанство и соціальный вопросъ.

Такъ, журналъ возстаетъ противъ исключительныхъ привилегій, находя ихъ существованіе вреднымъ для промышленности и стѣсняющимъ хозяйственную дѣятельность индивида. Съ точки зрѣнія того же принципа laisser faire, laisser passer—трактуется вопросъ, «должно ли правительство ободрять торговлю и фабрики предпочтительно земледѣлію». Экономическій либерализмъ «С.-Петербургскаго журнала» сводился къ критикѣ покровительства фабрично-заводской промышленности, чѣмъ и шелъ навстрѣчу желаніямъ господствующаго класса дворянства. Но зато журналъ почти не касался крестьянскаго вопроса, хотя примѣненіе къ нему основныхъ началъ Смита естественно поставило бы на очередь вопросъ о ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Офиціальный органъ предпочелъ помолчать, словно боясь разойтись съ дворянствомъ и не уловить его дѣйствительнаго настроенія. Если правительство, защищая фритредерство въ торговой политикѣ, умалчивало о крестьянскомъ вопросѣ, то дворянство въ этомъ отношеніи, какъ увидимъ впослѣдствіи, рѣзко заявило себя сторонникомъ крѣпостного права, въ то же время убѣжденно доказывая необходимость фритредерскихъ началъ въ торговлѣ. Конечно, знакомство съ Смитомъ шло не только черезъ офиціальный органъ. Его доктрину пропагандировали профессора университетовъ, появлялись различные переводы его сочиненій. Исходя изъ принциповъ доктрины Смита, Якобъ, проф. Харьковскаго университета, пришелъ къ выводу о большей выгодности для помѣщичьяго хозяйства вольнонаемнаго труда, и, являясь сторонникомъ фермерскаго хозяйства, въ то же время былъ противникомъ несвободнаго состоянія людей, отмѣна котораго должна производиться въ извѣстной постепенности. Точно такъ же и Шторхъ, защищая свободу торговли и невмѣшательство государства въ область хозяйственныхъ отношеній, выступалъ противникомъ крѣпостного права, какъ института, задерживающаго подъемъ экономическаго благосостоянія страны, что невозможно безъ свободы личности и безопасности собственности, не говоря о томъ, что вольнонаемный трудъ производи-

тельнѣе крѣпостного, да къ тому же послѣднiй не только работаетъ хуже, но и стоитъ дороже. Пропаганда примѣненiя смитiанскихъ идей въ сферѣ соцiальныхъ отношенiй не прошла безслѣдно: ее усвоивали представители крупнаго землевладѣнiя, перешедшiе къ фермерско-оброчному хозяйству, и такой перемѣной экономическихъ отношенiй крестьянъ къ помѣщикамъ старались какъ-нибудь измѣнить создавшiяся крѣпостныя отношенiя, если полная ликвидацiя ихъ была въ данный моментъ невозможна. Пропаганда смитiанской доктрины, по мнѣнiю ея сторонниковъ, должна была имѣть и политическое значенiе, укрѣпляя принципы либерализма въ сферѣ «политическихъ отношенiй». «Власть увидитъ, — писалъ Н. И. Тургеневъ, — что все благое основывается на свободѣ, а злое происходитъ оттого, что нѣкоторые изъ людей, обманываясь въ своемъ предназначенiи, берутъ на себя смѣлость смотрѣть и думать, за другихъ дѣйствовать и прилагать самое мелочное и всегда тщетное попеченiе».

Экономическая политика фритредеровъ. Фритредеры александровскаго времени въ большинствѣ случаевъ видятъ въ Россiи преимущественно земледѣльческое государство. Слѣдовательно всякаго рода особенныя заботы о промышленности вредны, такъ какъ, будучи направлены противъ земледѣлiя, онѣ задерживаютъ естественную эволюцiю экономической жизни. Защита земледѣлiя сводилась къ защитѣ экономическаго преобладанiя дворянства.

Такъ, Шторхъ въ своемъ «Курсѣ политической экономiи», доказывалъ преимущество земледѣлiя надъ промышленностью и возставалъ противъ тарифной политики, содѣйствующей ускоренiю развитiя промышленности. И вышеупомянутый проф. Якобъ также думаетъ, что Россiя страна не промышленная, и нечего стремиться ускорять въ ней развитiе фабричной промышленности. Ничто не можетъ быть печальнѣе положенiя фабричнаго рабочаго, прiученнаго къ какой-либо простѣйшей операцiи и вдругъ лишающагося заработка, вслѣдствiе закрытiя фабрики. Только такiе заводы, которые непосредственно связаны съ земледѣлiемъ или вообще обладанiемъ земли, нужны для Россiи».

„Духъ журналовъ“. Борьба за фритредерство особенно усилилась въ перiодъ 1815 — 1819 года, когда правительство переходило къ покровительственной политикѣ отъ запретительной, — какъ бы желая еще болѣе закрѣпить союзъ съ дворянствомъ, возникшiй въ 1812 году, когда правительство и дворянство боролись и съ

физическимъ врагомъ — Наполеономъ и революціонными идеями, представителями которыхъ являлся тотъ же Наполеонъ и его армія. Выразителемъ фритредерскихъ и крѣпостническихъ идей въ одно и то же время являлся органъ—такъ называемый «Духъ журналовъ», издававшійся съ 1815 по 1819 годъ, періодъ наибольшаго экономическаго либерализма русскаго правительства. Защищая необходимость существованія крѣпостного права, «Духъ журналовъ» въ то же время доказывалъ опасность безземельнаго освобожденія крестьянъ, такъ какъ при такомъ способѣ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, «можетъ-быть, помѣщики въ томъ своихъ выгодъ не потеряютъ, хотя это еще весьма подлежитъ сомнѣнію, но мужики, навѣрно, будутъ разорены, какой бы оборотъ ни былъ въ этомъ дѣлѣ». При этомъ авторъ статьи ссылается на положеніе крестьянъ прирейнскихъ областей, гдѣ всѣ «вольны, какъ птицы небесныя, но такъ же, какъ сіи, безпріютны и беззащитны, погибаютъ отъ голода и холода. Свобода заставляетъ ихъ оставлять свое отечество, бѣжать за море искать себѣ пропитанія». Конечно, такого рода оцѣнка безземельнаго освобожденія вполнѣ справедлива и, конечно, журналъ правъ, возставая противъ такого рода либерализма въ сферѣ соціальныхъ отношеній. Зато тотъ же журналъ очень рѣшительно защищаетъ принципы свободной торговли. Основные пункты отправленій статей, помѣщенныхъ въ «Духѣ журналовъ», слѣдующіе: Россія— страна земледѣльческая и въ фабрикахъ не нуждается. Это лейтъмотивъ большинства статей. Основой народнаго богатства служатъ: хлѣбопашество, скотоводство и овцеводство. Положеніе крестьянина гораздо обезпеченнѣе положенія рабочаго: «въ избѣ мужика тепло, обуто, одѣто, хотя и въ лаптяхъ; у фабричнаго: блѣдно, бѣдно, босо, холодно и наго». Помѣщики заботятся о нравственности крестьянъ, фабрика портитъ и развращаетъ, пріучаетъ къ разбоямъ и злодѣйствамъ. При господствѣ запретительной системы приходится переплачивать огромныя деньги, идущія на обогащеніе фабрикантовъ: такъ, на одномъ только тонкомъ сукнѣ страна переплачиваетъ лишнихъ 35 мил. р. (ассигн.). Ничего подобнаго не могло бы быть при свободной торговлѣ. Авторы статей не скрываютъ, что введеніе въ жизнь новаго тарифа повлечетъ за собой разореніе тѣхъ фабрикъ, которыя возникли во время запретительной системы, но, по существу, отъ этого большой бѣды не будетъ, такъ какъ вслѣдствіе этого разорятся «многіе спекулянты или, сказать, прямымъ рус-

скимъ словомъ, грабители, на равнинахъ общественнаго состоянія создавшія огромныя свои надежды и богатства на счетъ бѣдности народной, падутъ въ прахъ, изъ коего имъ и выходить никогда бы не должно было. Самъ же народъ отдохнетъ отъ тягостей и лишеній, которыя принужденъ былъ терпѣть столь долгое время». Фритредеры прекрасно понимаютъ, что земледѣльческой par exellence странѣ, невозможно обойтись безъ фабрикатовъ, выработка которыхъ должна производиться самими земледѣльцами въ свободное время. Другими словами, промышленнымъ производителемъ долженъ быть не фабричный рабочій, а кустарь-производитель. Введеніе либеральнаго тарифа 1816 г. редакція привѣтствовала слѣдующими ликующими словами: «Теперь можно прекратить всѣ споры о мануфактурахъ и тарифѣ. Правое дѣло восторжествовало! Монополисты побѣждены! Духъ журналовъ не вотще подвизался. Да здравствуетъ мудрое благодѣтельное правительство!»

И конечно, редакція имѣла полное основаніе торжествовать и воскуривать фиміамъ правительству: наносился огромный ударъ нарождавшейся буржуазіи, развитіе которой было нежелательно дворянству для удержанія за собой не только политическаго, но и экономическаго преобладанія. Правда, въ Россіи нѣтъ и не будетъ столь изящныхъ и чудныхъ рукодѣлій, какъ въ Англіи, но зато у насъ нѣтъ нищихъ, народъ живетъ въ довольствѣ вообще, а не частно». Конечно, довольство народа находится въ тѣсной связи съ крѣпостнымъ правомъ, а потому и апологія его была вполнѣ естественна. Къ тому же, разъ экономическое развитіе Россіи зависитъ отъ процвѣтанія земледѣлія, то, конечно, необходимо отстаиваніе крѣпостного права, на которомъ зиждилось все помѣщичье хозяйство. Итакъ, либерализмъ въ торговой политикѣ и консерватизмъ въ соціальныхъ отношеніяхъ — вотъ программа, развиваемая на страницахъ «Духъ журналовъ», — органа землевладѣльческаго сословія.

Только что названный журналъ посвящалъ много мѣста обсужденію разныхъ экономическихъ вопросовъ, но ему не удалось дать теоретическое оправданіе фритредерства, такъ какъ исходилъ онъ больше изъ практическихъ соображеній, нуждъ и положенія дворянства, нисколько не затрогивая вопроса, настолько фритредерская политика соотвѣтствуетъ выгодѣ самого государства. Для этого ни у руководителей журнала, ни у его со-

трудниковъ не было соотвѣтствующихъ знаній и образованія. Этотъ существенный пробѣлъ въ фритредерской литературѣ удалось заполнить Николаю Тургеневу, выпустившему въ свѣтъ въ 1818 г. знаменитый для того времени трудъ «Опытъ теоріи налоговъ». Тургеневъ выступаетъ защитникомъ фритредерства во всеоружіи экономическихъ и финансовыхъ знаній. Недаромъ онъ слушалъ лекціи въ Гетингенскомъ университетѣ, въ которомъ политическій радикализмъ и экономическій либерализмъ нашли крупныхъ апологетовъ въ средѣ профессорской коллегіи. Трудъ Н. И. Тургенева былъ встрѣченъ обществомъ очень сочувственно.

Значеніе „Опыта теоріи налоговъ“.

Общественное и научное значеніе появленія этого труда можно охарактеризовать словами современника, юриста по образованію: «до перевода сочиненія графа Верти мы ничего не читали на русскомъ языкѣ о государственномъ хозяйствѣ. До перевода творенія Адама Смита мы ничего не могли знать о налогахъ изъ русскихъ сочиненій, и искусство опредѣлять и собирать подати считали непринадлежащимъ къ кругу свѣдѣній частнаго человѣка. То, что непосредственно насъ касается, почитали мы дѣломъ чуждымъ и отдаленнымъ отъ нашихъ выгодъ; то, что составляетъ общій предметъ нашего вниманія, мы признавали собственностью нѣкотораго только класса людей. Нынѣ другое получаемъ понятіе о финансахъ; дѣло общее становится предметомъ общаго разсужденія».

Теорія налоговъ.

Конечно, ничего удивительнаго не было въ томъ, что книга Тургенева произвела столь сильное впечатлѣніе на общество. Являясь теоретическимъ трактатомъ, она въ то же время составляла рѣзкую критику русской дѣйствительности, столь рѣзко расходившейся съ его теоріей. Правительственный механизмъ власти былъ основанъ на принципѣ подавленія личности каждаго гражданина, въ соціальныхъ отношеніяхъ дворянство пользовалось исключительными привилегіями, и въ то же время многомилліонная крестьянская масса была лишена самыхъ элементарныхъ гражданскихъ правъ. Финансовая политика была основана на системѣ казеннаго интереса, совершенно игнорирующаго какія бы то ни было теоретическія основанія въ налоговой системѣ. Торговая и таможенная политика сводилась къ покровительственной и отчасти до 1816 г. запретительной системѣ. Всѣ эти элементы «стараго порядка» подвергались въ книгѣ рѣзкой критикѣ. Государство должно преслѣдовать общую пользу,

общее благо, но осуществленіе послѣдняго достигается не при помощи подавленія свободы и лишенія права народа участвовать въ государственномъ управленіи. Въ основу государственной организаціи должна быть положена «свобода» — вѣдь «все благое основывается на свободѣ, а злое происходитъ оттого, что нѣкоторые изъ люедй, обманываясь въ своемъ предназначеніи, берутъ на себя дерзкую обязанность за другихъ смотрѣть, думать, за другихъ дѣйствовать и прилагать о нихъ самое мелочное и всегда тщетное попеченіе». Такова характеристика просвѣщеннаго абсолютизма. Разъ все «благое» основывается на свободѣ, то отсюда, естественно, вытекаетъ право всякаго гражданина участвовать въ законодательствѣ, если граждане пользуются «сущностью», а не только «однѣми формами гражданской свободы». Рѣзко критикуя такую систему налоговъ, которая всею тяжестью падаетъ на простой народъ, авторъ «теоріи налоговъ» считаетъ, что въ правильно функціонирующемъ государствѣ необходимо «отклонить тяжесть налоговъ отъ простого народа», для чего надо радикальнымъ образомъ измѣнить принятую налоговую систему, тѣмъ болѣе, что тотъ или другой характеръ налоговой системы можетъ или содѣйствовать экономическому развитію государства или задерживать его. Наиболѣе цѣлесообразной, по мнѣнію автора, является та система налоговъ, которая падаетъ на чистый доходъ гражданина, такъ какъ податная система всею тяжестью должна падать на тѣхъ, кто имѣетъ больше возможности платить. Простой народъ долженъ быть свободенъ отъ податного обложенія. Конечно, удовлетвореніе государственныхъ потребностей невозможно съ помощью только одного единаго налога, какъ думали физіократы. Государственный бюджетъ слагается за счетъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, но только соотношеніе тѣхъ и другихъ должно быть нѣсколько иное сравнительно съ прежнимъ: косвенные налоги должны занимать второстепенное мѣсто, первенство отдается прямымъ налогамъ, падающимъ на чистый доходъ отъ земли или капиталовъ. Прямой же налогъ, объектомъ обложенія котораго является «доходъ отъ работы», является несправедливой формой обложенія, какъ падающій на средства, необходимыя для поддержанія жизни. Развитіе въ государствѣ богатства возможно только при условіи существованія свободы и свободныхъ учрежденій. Государство должно имѣть дѣло съ свободной индивидуальностью, какъ плательщикомъ налоговъ.

Въ связи съ финансовой политикой правительства, Тургеневъ касается и крестьянскаго вопроса. Недаромъ эта работа вызвала такой переполохъ въ крѣпостническомъ лагерѣ. Новая теорія налоговъ непримѣнима въ Россіи, пока въ ней есть рабство и существуютъ убѣжденія, что крестьянинъ не можетъ приносить дохода помѣщику иначе, какъ составляя его собственность. Народу необходимо дать личныя права, ограничить власть помѣщиковъ, такъ какъ нигдѣ не бывало, «чтобы народъ, которому правительство даровало священныя права человѣчества и гражданства, возставалъ противъ виновниковъ своего благополучія». Возмущенія народныя всегда происходили отъ противнаго. «Благоустроенное государство, — говоритъ Тургеневъ въ замѣткѣ о крѣпостномъ состояніи въ Россіи,—не должно созидать своего благоденствія на несправедливости; угнетеніе одного класса другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственнаго добраго народа». Такъ, отмѣна крѣпостного права необходима для процвѣтанія государства и усиленія его финансовой мощи. **Крестьянскій вопросъ.**

Возставая противъ какого бы то ни было насилія со стороны государства, такъ или иначе вліяющаго на хозяйственную дѣятельность человѣка, Тургеневъ особенно рѣзко относится къ меркантилизму съ его мелочной и непріятной опекой правительства, мѣшающаго своими регламентами экономическому процвѣтанію страны. Наоборотъ, система физіократовъ съ ея принципами невмѣшательства и свободы конкуренціи—цѣнна для Тургенева постольку, поскольку она пріучаетъ «любить правоту, свободу, уважать классъ земледѣльцевъ, столь достойный уваженія». Но въ цѣломъ система физіократовъ — неосновательная система. Она построена не на конкретномъ матеріалѣ и слишкомъ раціоналистична по своему характеру. Зато система Смита удовлетворяетъ вполнѣ Н. Тургенева. «Изучая систему Смита,—говоритъ Тургеневъ,—занимающійся политической экономіей научается вѣрить однимъ только изслѣдованіямъ и соображеніямъ разсудка, простому здравому смыслу и всему, что естественно, непринужденно».

Свобода торговли. Раздѣляя основныя положенія доктрины Смита, Тургеневъ является сторонникомъ «свободной торговли». Онъ прекрасно понимаетъ, что для государства «выгоднѣе дѣлать свое сукно, нежели покупать его у иностранцевъ, но онъ удивляется тѣмъ, которые требуютъ запрещенія иностранныхъ суконъ, но при-

томъ и не подозрѣваютъ, что можно покупать сукна у иностранцевъ дешевле и лучшей доброты въ сравненіи съ своимъ, а деньги, употребляемыя на выдѣлываніе собственнаго сукна, употреблять другимъ, болѣе выгоднымъ и болѣе приличнымъ образомъ для государства». Въ этомъ отношеніи авторъ близокъ къ взглядамъ «Духа журналовъ», и если бы въ книгѣ не было выпада противъ крѣпостного права и привилегій дворянства, то книга Тургенева только за эти слова встрѣтила бы сочувственное отношеніе въ крѣпостническомъ лагерѣ. Такая таможенная политика, соотвѣтствующая истинной пользѣ государства, вызываетъ недовольство въ соотвѣтствующихъ группахъ населенія, объясняя ее не чѣмъ инымъ «какъ недоброжелательствомъ правительства къ собственнымъ подданнымъ». Являясь принципіальнымъ сторонникомъ фритредерства, Н. Тургеневъ въ то же время прекрасно понимаетъ, что немедленный переходъ къ свободной торговлѣ — невозможенъ, такъ какъ «настоящее состояніе Европы и взаимныя отношенія государствъ дѣлаютъ таможенныя пошлины необходимыми». Но при установленіи ихъ нужно имѣть въ виду возможности свободной конкуренціи; въ данномъ случаѣ слѣдуетъ налагать незначительныя пошлины. Тогда условія конкуренціи для обѣихъ сторонъ будутъ совершенно одинаковыми.

Въ лицѣ Н. И. Тургенева фритредеры александровскаго времени пріобрѣли серьезнаго союзника въ тотъ самый моментъ, когда начиналась борьба между протекціонистами и фритредерами по поводу либеральнаго тарифа 1819 г. Кромѣ книги Тургенева, въ фритредерскомъ духѣ появились и другія работы, въ которыхъ особенно рѣзко нападали на промышленниковъ, которые, благодаря системѣ таможенныхъ тарифовъ, являются хозяевами рынка и заставляютъ населеніе переплачивать большія деньги. Конечно, авторы не противъ промышленности, понимая, что послѣдняя является однимъ изъ источниковъ народнаго богатства, но развитіе ея будетъ успѣшнѣе при системѣ конкуренціи съ иностранными товарами, чѣмъ при помощи запрещенія послѣднихъ. Недостатокъ всѣхъ этихъ работъ тотъ, что полемика въ защиту свободной торговли носила слишкомъ отвлеченный характеръ и мало считалась съ дѣйствительнымъ экономическимъ развитіемъ Россіи и потребностями государства.

Протекціонисты.

Основныя положенія протекціонистовъ.

Таможенная политика правительства вызывала не менѣе горячіе споры и въ лагерѣ протекціонистовъ, принужденныхъ теоретически оправдывать запретительную политику правительства и доказывать безусловность вреда либеральныхъ тарифовъ для національной индустріи и государственнаго хозяйства. Развитіе первой непосредственно должно отразиться на улучшеніи второго — вотъ почему правительство должно повышенными ставками защитить національную индустрію отъ конкуренціи иностранныхъ фабрикатовъ. Сторонники протекціонизма принадлежали не только къ одному купечеству въ узкомъ смыслѣ этого слова. Классъ фабрикантовъ въ началѣ XIX вѣка пополнился лицами, принадлежащими къ дворянству, и многіе изъ нихъ числились въ кругахъ высшей аристократіи. Больше всего это были суконные фабриканты, заранѣе обезпечившіе себѣ сбытъ сукна казенными заказами.

Присутствіе въ лагерѣ протекціонистовъ представителей дворянскаго сословія придавало самому спору о направленіи таможенной политики характеръ борьбы между нарождавшимся промышленнымъ капитализмомъ и сельско-хозяйственнымъ, — борьбы, вышедшей за предѣлы прежняго сословнаго дѣленія XVIII вѣка. Правительство, помимо чисто практическихъ соображеній, принуждено было считаться и съ протекціонистами изъ дворянской среды, указывавшими на необходимость покровительства національной индустріи — въ противномъ случаѣ, вложенные капиталы будутъ изъяты изъ промышленности и будутъ обращены на другіе промыслы, болѣе выгодные для владѣльца капитала. Конечно, говорили протекціонисты, отъ этого произойдетъ паденіе промышленности, фабрики уничтожатся, и всѣ фабричные предметы будутъ привозимы изъ-за границы, да и установка цѣнъ всецѣло будетъ зависѣть отъ иностранныхъ фабрикантовъ. Протекціонисты не считали нужнымъ договаривать, что подобнаго рода таможенная политика создастъ неблагопріятный платежный балансъ, а это, въ свою очередь, прямо или косвенно отразится на вексельномъ курсѣ и цѣнѣ ассигнацій, самомъ больномъ мѣстѣ правительства. Выше было сказано, почему правительство стало сначала на сторону запретительной политики.

Н. С. Мордвиновъ.

Среди теоретиковъ протекціонизма приходится первое мѣсто отвести адмиралу Н. С. Мордвинову — человѣку большого ума и огромной начитанности въ финансово-экономической литературѣ. Принимая близкое участіе въ управленіи государствомъ, благодаря послѣдовательному занятію разныхъ должностей въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, Н. С. Мордвиновъ имѣлъ полную возможность высказываться по разнымъ государственнымъ вопросамъ первостепенной важности, составляя по вопросамъ текущаго законодательства и политики докладныя записки, а иногда цѣлыя книги, посвященныя анализу того или другого вопроса. Среди всѣхъ докладовъ и записокъ финансово-экономическіе занимали преобладающее мѣсто.

Высказывая свои теоретическія соображенія, адмиралу Мордвинову приходилось полемизировать съ лагеремъ фритредерскаго направленія. Благодаря тонкому анализу ихъ положеній, Мордвинову не составляло особеннаго труда опровергнуть ихъ соображенія въ пользу принциповъ свободной торговли и относительно безполезности и даже вредѣ развитія въ странѣ фабрично-заводской промышленности.

У Мордвинова и фритредеровъ былъ общій учитель—Адамъ Смитъ. Раздѣляя его основныя положенія, Мордвиновъ въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ экономическихъ взглядовъ оставилъ доктрину Смита, выработавъ свое оригинальное политико-экономическое ученіе. Н. С. Мордвиновъ, какъ и Смитъ, сторонникъ невмѣшательства государства въ область хозяйственныхъ интересовъ и отношеній, противникъ той опеки, которой полицейское государство стараго порядка связывало по рукамъ и ногамъ индивидуалистическую хозяйственную дѣятельность. Послѣдній принципъ Адама Смита Мордвиновъ принимаетъ съ нѣкоторыми оговорками. Отрицая борьбу интересовъ, какъ главный факторъ прогресса въ экономической жизни, и считая, что «благосостояніе государства зависитъ отъ благосостоянія частныхъ лицъ», Мордвиновъ тѣмъ самымъ приходилъ къ выводу, что все общество и въ особенности правительство заинтересованы въ развитіи промышленности. Вотъ почему послѣднее должно принести нѣкоторыя жертвы на пользу національной индустріи. Требуя жертвъ и матеріальныхъ затратъ отъ правительства въ видѣ тарифа, устройства школъ, проведенія дорогъ, наступательнаго движенія на востокъ, Мордвиновъ въ то же время былъ противъ какой бы то ни было правительственной регламентаціи промышленности,

что и сближаетъ отчасти адмирала съ его учителями Смитомъ и Бентамомъ.

Экономическіе взгляды Мордвинова.

Въ противоположность русскимъ фритредерамъ, Н. С. Мордвиновъ не представляетъ себѣ цвѣтущимъ самодовлѣющее земледѣльческое государство. Для богатства государства и народа и для процвѣтанія самого земледѣлія необходимо развитіе національной индустріи, которая, по своей молодости, конечно, не можетъ выдержать конкуренціи съ болѣе промышленными странами, а потому, естественно, нуждается въ покровительствѣ со стороны государства. Разсматривая протекціонизмъ, какъ неизбѣжное явленіе въ хозяйственной эволюціи страны, Мордвиновъ въ нѣкоторомъ отношеніи предупреждаетъ нѣмецкаго экономиста Листа, во имя тѣхъ же принциповъ настаивавшаго на запретительной таможенной политикѣ. Необходимость и цѣлесообразность созданія національной индустріи — вотъ мысль, проходящая красной нитью черезъ всѣ его политико-экономическіе трактаты.

Мордвиновъ можетъ считаться также и ученикомъ Бентама, который, въ противоположность Смиту, обращалъ все свое вниманіе преимущественно на правовую сторону явленій, хотя послѣдняя была отчасти затронута и самимъ Смитомъ. Благодаря знакомству съ Бентамомъ, Мордвиновъ сильнѣе, чѣмъ фритредеры, выдвигалъ необходимость прочныхъ правовыхъ гарантій для развитія экономической мощи страны. Индивидуалистическая дѣятельность человѣка должна находиться подъ сѣнью незыблемыхъ законовъ, гарантирующихъ ему неприкосновенность собственности и личности. Развитіе народнаго богатства требуетъ самаго широкаго просвѣщенія народныхъ массъ: «только просвѣщеніе,— говоритъ Н. С. Мордвиновъ,— начало народнаго богатства. Не руки человѣка даютъ плодородіе землѣ, не ими процвѣтаютъ художества, торговля, промышленность, не ими умножаются и возрастаютъ денежные капиталы: умъ и наука суть орудія богатства». Все это мысли, и для Россіи и для Европы почти незнакомыя въ то время.

Изъ этихъ основныхъ политико-экономическихъ положеній естественно вытекаетъ «политическое» раскрѣпощеніе народной массы, ибо «умъ и руки рабовъ» не способны къ порожденію народнаго богатства. «Свобода, просвѣщеніе, собственность и правосудіе суть существенные и единственные источники онаго. Дайте свободу мысли, рукамъ, всѣмъ духовнымъ и тѣлеснымъ качествамъ человѣка, предоставьте всякому быть тѣмъ, чѣмъ

его сотворилъ Богъ, и не отнимайте то, что кому природа особенно даровала. Мѣра свободы есть мѣра пріобрѣтаемаго богатства. Учредите общественную пользу на пользѣ частной».

Финансовые взгляды.

Высказывая свои соображенія по финансовымъ вопросамъ, Мордвиновъ рѣзко расходится съ взглядами правительства на причины тяжелаго состоянія государственнаго бюджета. Стремленіе поднять курсъ ассигнацій было одной изъ причинъ примѣненія запретительныхъ таможенныхъ тарифовъ, которые, въ концѣ-концовъ, такъ и не достигли своихъ цѣлей. По мнѣнію Мордвинова, поднятіемъ курса ассигнацій нельзя поправить финансовъ.

Хроническіе дефициты — результатъ жизни правительства сверхъ средствъ. Нельзя расходовать больше того, что даетъ страна. Отсюда естественно и вытекаетъ цѣлесообразность сокращенія расходовъ, ибо только это одно и можетъ внести нѣкоторый порядокъ въ разстроенное государственное хозяйство. Помимо этого, такого рода финансовая политика вноситъ разстройство и въ частно-хозяйственную дѣятельность, а вѣдь отъ «состоянія частныхъ хозяйствъ и капиталовъ» зависитъ и состояніе источниковъ, «обогащающихъ общественное сокровище». Сама финансовая политика, преслѣдующая только казенную выгоду посредствомъ систематическаго возвышенія налоговъ, не выдерживаетъ никакой критики — отъ нея всюду народъ «обѣднѣлъ», и можетъ случиться, что правительство, продолжая политику вымогательства, доведетъ народъ до полнаго обнищанія. А между тѣмъ частное благосостояніе — основа благосостоянія общественнаго — неустанно повторяетъ ученый адмиралъ. Предлагая правительству возможно бережнѣе обращаться съ частной собственностью, Мордвиновъ, какъ и фритредеръ Тургеневъ, является сторонникомъ подоходнаго налога, только на одинъ чистый доходъ. Existenz-minimum равенъ 1.000 рублей, съ которыхъ поступаетъ налогъ въ размѣрѣ 1 рубля. Свыше 10.000 руб. поступаетъ въ казну по 1% съ объявленнаго дохода. Но, чтобы въ странѣ было обиліе капиталовъ, для этого необходимо улучшеніе народнаго хозяйства, поднятіе частнаго благосостоянія. Правительство, не вмѣшиваясь въ хозяйственную дѣятельность индивида, однако, должно принять всѣ мѣры къ устраненію условій, дурно на нее вліяющихъ. Отсюда вытекаютъ заботы правительства о развитіи національной индустріи, осуществляемыя отчасти

Таможенные взгляды.

при посредствѣ покровительственной таможенной политикѣ, такъ

какъ страна не можетъ быть богатой, если въ странѣ не развиты торговля и промышленность, а вѣдь богатство народа—богатство казны. Вотъ почему Мордвиновъ въ теченіе всей своей государственной дѣятельности выступалъ сторонникомъ покровительственной таможенной политики, «дабы остающіеся въ Россіи частные капиталы могли способствовать расширенію внутренняго торга и народной промышленности». Поэтому «произрастенія чужихъ краевъ, коихъ не порождаетъ собственная земля, или порождаетъ, но недостаточно, могутъ свободно входить въ границы наши, но рукодѣльныя произведенія, кои могутъ и должны вырабатываться внутри своего государства, надлежитъ подвергнуть запрещенію. Сіе тѣмъ удобнѣе и съ меньшимъ для пристрастныхъ къ иностранному стѣсненіемъ возможно было бы сдѣлать, чѣмъ вящшее было бы приложено попеченіе о скорѣйшемъ введеніи и распространеніи внутри Россіи всѣхъ возможныхъ рукодѣлій и художествъ».

По вопросамъ таможенной политики Мордвинову пришлось впервые высказать свое мнѣніе въ связи съ вліяніемъ на народное хозяйство континентальной системы и введенія въ дѣйствіе тарифа 1810 года. Для Мордвинова нарушеніе Россіей принятыхъ на себя обязательствъ въ видѣ континентальной системы является государственной необходимостью. Она нисколько не убила англійской торговли и промышленности, скорѣе даже способствовала ея расширенію. Лишенная привозимаго сырья, она принуждена была «отыскивать въ нѣдрахъ своихъ желѣзо, включить въ число посѣвовъ своихъ и коноплю, обращать болотныя и низменныя мѣста подъ ленъ, заводить парусныя фабрики», а между тѣмъ всѣ эти продукты раньше вывозились изъ Россіи. Прекращеніе вывоза сокращаетъ обороты торговли, наноситъ непоправимый ударъ народному благосостоянію, — вотъ почему необходимо отступить отъ континентальной системы. Болѣе опредѣленно на задачи таможенной политики высказался Мордвиновъ въ книгѣ «Нѣкоторыя соображенія по предмету мануфактуръ въ Россіи и о тарифѣ», появившейся въ свѣтъ въ связи съ выработкой новаго тарифа 1816 года. Мордвиновъ констатируетъ недовольство высокими цѣнами и «на сдѣланное правительствомъ воспрещеніе прихода товаровъ въ Россію»: Россія, по мнѣнію этихъ лицъ, должна быть земледѣльческой державой. Конечно, съ такимъ положеніемъ Мордвиновъ не можетъ согласиться: земледѣльческая страна можетъ прокормить ограниченное количество населенія, — а увеличеніе роста населенія влечетъ за

собой развитіе подсобныхъ промысловъ, могущихъ дать избытку населенія средства для существованія. Вотъ почему думаетъ Мордвиновъ, что «введеніе разнообразныхъ ремеслъ и искусствъ есть одинъ изъ благонадежнѣйшихъ способовъ къ умноженію общественнаго продовольствія и неоскудному доставленію работъ и упражненій для каждаго пола и возраста». Плохое состояніе земледѣлія въ Россіи всецѣло объясняется тѣмъ, что въ Россіи мало фабрикъ, «да и можетъ ли оно быть совершенно, когда нѣтъ у поселянина порядочныхъ ни орудія, ни сбруи, ни прочихъ принадлежностей хозяйства»? Кромѣ того, въ Россіи такого рода климатическія условія, что требуютъ развитія не земледѣльческихъ промысловъ, а то «по климатическимъ условіямъ нашъ крестьянинъ полгода долженъ оставаться безъ работъ». Образованіе промышленныхъ центровъ увеличиваетъ емкость внутренняго рынка и «создаетъ рынокъ для произведеній сельскаго хозяйства, которыя теперь не находятъ сбыта». Поэтому и землевладѣльцы заинтересованы въ ростѣ промышленности. Кромѣ того, и земледѣліе выиграло бы оттого, что часть капиталовъ», наживаемыхъ промышленниками, употреблялась бы частью и на сельское хозяйство». Для блага города нужны и земледѣлецъ, и ремесленникъ, и фабрикантъ, и заводчикъ, и купецъ, ибо «народъ, имѣющій токмо земледѣльцевъ и купцовъ, коснѣетъ въ бѣдности и всякихъ недостаткахъ, не можетъ быть народомъ свободнымъ, ибо зависитъ отъ другихъ державъ, по удовлетворенію первѣйшимъ его нуждамъ, не пользуется политической свободой, нужною всякому народу, желающему быть властелиномъ и независимымъ на своей землѣ». Безъ промышленности народъ не можетъ быть ни просвѣщенъ ни богатъ. Самая отсталость Россіи отъ другихъ народовъ въ обогащеніи — результатъ предпочтенія сельскихъ занятій городской промышленности. Развитіе торговли и промышленности создастъ для страны благопріятный расчетный балансъ, а это, въ свою очередь, положительнымъ образомъ повліяетъ на курсъ ассигнацій. Вотъ почему, имѣя въ виду поддержку отечественнаго производства, Мордвиновъ былъ противникомъ либеральнаго тарифа 1816 года.

Являясь сторонникомъ покровительственнаго тарифа, Мордвиновъ не безусловный противникъ свободной торговли. Ея осуществленіе возможно при условіи всеобщей свободы торговли, «чтобы всѣ народы, участвующіе во внѣшней торговлѣ, едино-

гласно между собою условились уничтожить всѣ вообще воспретительныя по торговлѣ узаконенія».

Образованіе національной индустріи разрушитъ натурально-хозяйственный укладъ страны, которая тѣмъ самымъ перейдетъ къ мѣновому хозяйству. Новыя формы хозяйственной жизни требуютъ организаціи кредита, и Мордвиновъ составилъ проектъ открытія банковъ въ цѣляхъ полученія дешеваго кредита, безъ котораго немыслима прогрессивная экономическая жизнь въ странѣ.

Завоеваніе рынковъ.

Являясь сторонникомъ покровительственныхъ тарифовъ, Мордвиновъ въ то же время настаивалъ на необходимости завоевыванія новыхъ рынковъ для сбыта фабрикатовъ. Рынки Россіи не на западѣ, а на востокѣ, въ Азіи: Европа не нуждается въ россійскихъ товарахъ, чего нельзя сказать объ азіатскихъ народахъ. Помимо того, что завоеваніе внѣшнихъ рынковъ увеличитъ производительность національной индустріи — развитіе торговыхъ сношеній сблизитъ народы съ Россіей, заставитъ ихъ относиться съ уваженіемъ къ Россіи. Широко развитыя торговыя сношенія съ азіатскими народами скорѣе подчинятъ ихъ Россіи, чѣмъ только одна завоевательная политика.

Тарифъ 1816 года не смутилъ Мордвинова и не измѣнилъ его экономическихъ убѣжденій, остававшагося и впослѣдствіи убѣжденнымъ націоналистомъ-протекціонистомъ.

Протекціонистская литература.

За исключеніемъ Мордвинова и еще одного неизвѣстнаго автора, протекціонисты не выдвинули больше ни одного талантливаго апологета, что, впрочемъ, и понятно. Протекціонистамъ не было причинъ волноваться, бороться за тарифы, такъ какъ правительственная политика вполнѣ соотвѣтствовала ихъ убѣжденіямъ. Нѣкоторое оживленіе въ протекціонистской литературѣ только замѣтно съ 1815 года, когда правительство склонялось въ сторону либеральныхъ тарифовъ. Вотъ тутъ-то и приходилось защищать занятыя позиціи, которыя собирались брать у нихъ штурмомъ фритредеры-крѣпостники. Но и эта литература не отличается оригинальностью. Протекціонисты защищали свою систему не столько исходя изъ общихъ теоретическихъ основаній, сколько имѣя въ виду практическія нужды промышленности и государства.

Одновременно съ работой Мордвинова появилась небольшая брошюра неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ: «Отвѣтъ русскаго гражданина на вопросъ: полезно ли заводить въ Россіи и распро-

странять мануфактуры». Авторъ, какъ и Мордвиновъ, констатируетъ существующее недовольство высокими тарифами и распространенность убѣжденія, «что государство, имѣющее много земли и, по соразмѣрности, мало жителей, можетъ съ лучшимъ успѣхомъ заниматься земледѣліемъ, нежели мануфактурами и ремеслами, и что привозъ иностранныхъ фабричныхъ издѣлій надобно бы позволить и потому еще, дабы сохранить соревнованіе во внутренней промышленности». Авторъ не согласенъ съ тѣмъ, что мало населенная страна не должна имѣть своихъ фабрикъ и заводовъ, въ особенности такихъ, «коихъ первый матеріалъ не домашняго произведенія». Конечно, земледѣліе необходимо для процвѣтанія страны,—хлѣбъ составляетъ основную потребность населенія, и нѣтъ ни одной страны, въ которой не хватало бы земли для посѣва, однако многія страны предпочитаютъ ввозить чужой хлѣбъ, но производить вмѣсто хлѣба болѣе дорогіе продукты. Лучшимъ примѣромъ этого является Англія. Если слабая населенность Россіи не можетъ служить препятствіемъ къ заведенію фабрикъ и заводовъ, то отсутствіе фабрикъ повлечетъ за собой рядъ неблагопріятныхъ для страны послѣдствій: прежде всего произойдетъ ухудшеніе торговаго баланса, что «можетъ родить пагубнѣйшія послѣдствія для народнаго богатства и финансовъ государства», такъ какъ мы не можемъ «заплатить грубыми нашими производствами за всѣ товары, которые получали раньше изъ-за границы».

Авторъ отчасти считаетъ справедливыми нападки на дороговизну товаровъ, получаемыхъ изъ-за границы, но эта дороговизна — временная. Какъ только возникнетъ національная индустрія, могущая выдержать конкуренцію, тогда запретительные тарифы теряютъ свое значеніе. А пока этого нѣтъ фабриканты «должны имѣть совершенную безопасность, что иностранныя того рода издѣлія останутся запрещенными, ибо никто не осмѣлится употребить свой капиталъ на такое заведеніе, которое легко можетъ быть разрушено при малѣйшей перемѣнѣ обстоятельствъ». Благодаря этому препятствію фабрикъ устраивается меньше, а потому и товары будутъ стоить дороже. Наконецъ причина дороговизны товаровъ не заключается только въ тарифѣ, но и «злосчастномъ періодѣ 1812 года, въ которомъ разрушены великія прекрасныя произведенія». Переходъ къ свободной торговлѣ только увеличилъ бы дороговизну, вызвавъ паденіе курса ассигнацій подъ вліяніемъ неблагопріятнаго платежнаго баланса.

Ничего подобнаго не можетъ быть при существованіи запретительнаго тарифа.

Неизвѣстный авторъ во многомъ совпадаетъ съ Мордвиновымъ: у нихъ обоихъ одни и тѣ же теоретическія и практическія основанія. Но были работы, написанныя съ другихъ точекъ зрѣнія. Къ таковымъ слѣдуетъ отнести работу Василевскаго «Краткое разсужденіе о торговлѣ». Авторъ — довольно узкій и отсталый экономистъ. Его теоретические взгляды примыкаютъ къ меркантилизму. Вся новѣйшая политическая экономія не оказала на него никакого вліянія. Авторъ — сторонникъ запретительной системы, благодаря которой непрерывно совершается приливъ денегъ въ страну. Пусть «собственныя издѣлія и дороже будутъ обходиться, нежели иностранныя, но когда деньги остаются внутри государства, то это — философскій камень». Только при этомъ условіи внѣшняя торговля станетъ «дѣйствующей» и можетъ стать источникомъ народнаго богатства.

Идя въ разрѣзъ съ Мордвиновымъ, авторъ сторонникъ опеки и регламентаціи промышленности. Онъ рекомендуетъ устройство цеховъ, организацію контроля за работой мастеровъ, требуетъ наказанія дурныхъ мастеровъ и выдачи отличія и наградъ за особеннно хорошія произведенія, а также и брака фабричныхъ товаровъ. Все это мѣры чисто въ меркантилистическомъ духѣ...

Изъ изложеннаго теоретическаго спора побѣдителями вышла буржуазія. Правительственная таможенная политика отказалась отъ экономическаго либерализма, и протекціонизмъ торжествовалъ по всей линіи. Содѣйствуя развитію капиталистическаго производства, протекціонизмъ не могъ, однако, поправить финансы страны. Въ этомъ отношеніи всѣ жертвы, принесенныя капитализму, оказались безполезными.

Да и сама промышленность развивалась медленно. Слишкомъ былъ ничтоженъ ея внутренній рынокъ, ибо деревня, жившая въ рамкахъ натуральнаго хозяйства, почти не покупала городскихъ фабрикатовъ. Существованіе же крѣпостного права и преобладаніе крѣпостного труда въ промышленныхъ предпріятіяхъ задерживало техническій прогрессъ въ нашей промышленности. Только съ отмѣной крѣпостного права, съ торжествомъ свободнаго труда и расширеніемъ емкости внутренняго рынка сталъ возможенъ техническій прогрессъ въ нашей промышленности.

В. Пичета.

Русское общество въ эпоху Отечественной войны.

(Общественныя настроенія и участіе народа въ войнѣ).

Радостное, ликующее настроеніе, которымъ было встрѣчено вступленіе на престолъ имп. Александра I, продолжалось недолго. Прошло нѣсколько лѣтъ, какъ наступаетъ реакція, въ обществѣ нарастаетъ оппозиціонное настроеніе, принимающее съ теченіемъ времени все болѣе рѣзкія формы.

Причины такой перемѣны заключались какъ въ личномъ характерѣ молодого императора, такъ и въ томъ курсѣ правитель-

---

Пособія: *П. И. Щукинъ.* Бумаги, относящ. до Отечеств. войны 1812 г.— Архивъ *Раевскихъ*, т. I. — *Н. Дубровинъ.* Отечественная война въ письмахъ современниковъ.— Письма *гр. Ѳ. В. Растопчина* къ имп. Александру Павловичу, «Русск. Арх.» 1892 г., кн. 2. — 1812 г. въ запискахъ *гр. Ѳ. В. Растопчина*, «Русск. Стар.» 1889 г., декабрь. — Записка *гр. Растопчина* о мартинистахъ, представл. въ 1811 г. вел. кн. Екат. Павл., «Русск. Арх.», 1875 г., № 9. — Записки *Ф. Ф. Вигеля*, М., 1892 г. Воспоминанія *А. П. Бутенева*, «Русск. Арх.», 1881 г., кн. 3.—Записки *С. Н. Глинки.*—*С. Н. Глинка.* Записки о двѣнадцатомъ годѣ. Спб., 1836 г.—*Вел. кн. Николай Михайловичъ.* Переписка имп. Александра I съ сестрой, вел. кн. Екатериной Павловной (на франц. яз.).— *Карцовъ* и *Военскій.* Причины войны 1812 г., Спб., 1911 г. *К. А. Военскій.* Отечественная война въ русской журналистикѣ. — *К. А. Военскій.* Костромское ополченіе въ 1812 г., Спб., 1909 г. — *Михайловскій-Данилевскій.* Описаніе Отечественной войны 1812 г.—*Богдановичъ.* Исторія Отечественной войны 1812 г.—*Шильдеръ.* Имп. Александръ I.—*Шильдеръ.* Наканунѣ Эрфуртскаго свиданія, «Русск. Стар.», 1899 г., апрѣль.—*Н. Дубровинъ.* Русская жизнь въ началѣ XIX в., «Русск. Стар.», за 1898 и слѣд. гг.—*Б. Корфъ.* Александръ I и его приближенные до эпохи Сперанскаго, — неизд. гл. изъ «Жизни гр. Сперанскаго», «Русск. Стар.», 1903 г., №№ 1—2.—*А. Н. Поповъ.* Москва въ 1812 г., «Русск. Арх.», за 1875—76 гг.—*Буличъ.* Очерки по истор. литер. и просвѣщ. съ начала XIX в.,—*Булатовъ.* Дворянство Ростовскаго уѣзда, Яросл. губ. въ 1806—1812 гг., «Русск. Стар.», 1884 г., т. 44.—Волынское дворянство въ 1812 г. «Русск. Стар.», 1900 г., май.—*Петровъ.* Лифляндское дворянство въ 1812 г., «Русск. Стар.», 1870 г., май.—Во что обошлась Пензенской губ. Отечеств. война 1812 г., «Русск. Арх.», 1896 г., кн. 1.—Отечественная война и русское общество. Юбилейное изданіе подъ редакціей Исторической Комиссіи. Учебнаго отдѣла. М. 1911—1912 г.

ственной политики, внутренней [1]) и, въ особенности, внѣшней, обозначившейся съ 1806 — 1807 гг. [1]).

Внѣшняя политика 1805–1807 гг. Отношеніе правительства къ Наполеону и Франціи.

Въ это время на политическомъ горизонтѣ уже ярко блистала звѣзда Наполеона, провозглашеннаго французскимъ императоромъ въ 1804 г.

Александръ раздѣлялъ общее негодованіе европейскихъ наслѣдственныхъ монарховъ противъ «коронованнаго солдата», позволившаго себѣ жестокую расправу съ однимъ изъ представителей низвергнутой династіи Бурбоновъ — герц. Энгіенскимъ, разстрѣленнымъ, по его приказанію, во рву Венсенскаго замка. Кромѣ того, Наполеонъ грубо вмѣшивался въ положеніе мелкихъ нѣмецкихъ владѣтелей, по своей прихоти перетасовывалъ, а у нѣкоторыхъ даже и совсѣмъ отнималъ ихъ владѣнія, при чемъ задѣвались интересы князей, состоявшихъ въ близкомъ и дальнемъ родствѣ съ нашимъ дворомъ. Могуществу Наполеона нужно было положить конецъ, пока еще борьба съ нимъ представлялась возможной. Поэтому Александръ принялъ въ 1805 г. предложеніе вступить въ союзъ съ Англіей и Австріей противъ Наполеона.

Какъ извѣстно, знаменитая «битва трехъ императоровъ» при Аустерлицѣ окончилась полнымъ разгромомъ союзныхъ армій. Не болѣе удачна была и кампанія слѣдующаго 1806 г., предпринятая съ цѣлью реванша и изъ личнаго чувства императора Александра — защитить Пруссію, съ королемъ которой онъ состоялъ въ дружбѣ. Проба военнаго счастья оказалась неудачной. Силы были неравныя. Александръ, принявъ жестокій урокъ, отказался отъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій и согласился на переговоры съ Наполеономъ, закончившіеся Тильзитскимъ миромъ (въ іюнѣ 1807 г.).

Тильзитскій миръ.

Императоръ Александръ по природѣ былъ дипломатъ. Издавна нерасположенный къ Наполеону, въ глубинѣ души презиравшій этого «императора-самозванца», онъ скрывалъ свое чувство, какъ искусно скрывалъ и свое нерасположеніе ко многимъ другимъ лицамъ, которыхъ, однакоже, держалъ около себя. Но Наполеонъ оказался еще болѣе искуснымъ дипломатомъ; при свиданіи съ Александромъ на историческомъ паромѣ (посреди Нѣмана) и въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ во время пребыванія Александра въ Тильзитѣ онъ успѣлъ польстить ему и надавать заманчивыхъ обѣщаній (о раздѣлѣ Турціи, о господствѣ Россіи

---

[1]) См. статью «Либеральныя теченія».

въ В. Европѣ, о томъ, чтобы отодвинуть границы Россіи по р. Вислу и пр.).

При этомъ Александръ не позаботился о надлежащемъ формулированіи обѣщаній Наполеона, которыя впослѣдствіи оказались невыполненными. Между тѣмъ Наполеонъ успѣлъ вырвать у Александра формальное согласіе на цѣлый рядъ важныхъ уступокъ, относившихся до признанія его императоромъ Франціи и признанія владѣтельныхъ особъ, поставленныхъ Наполеономъ. По формальному договору Александръ долженъ былъ предложить Англіи посредничество въ примиреніи ея съ Франціей, а въ случаѣ ея отказа Россія давала обязательство дѣйствовать противъ нея въ союзѣ съ Наполеономъ. При этомъ союзники должны были пригласить Копенгагенскій, Стокгольмскій и Лиссабонскій дворы запереть англичанамъ свои гавани и отозвать изъ Лондона своихъ посланниковъ. Въ случаѣ отказа этихъ трехъ державъ, Россія и Франція поступятъ съ отказавшимися, какъ съ непріятелями. Такое постановленіе должно было въ будущемъ вызвать непремѣнно одну или нѣсколько новыхъ войнъ, безплодныхъ для Россіи, а самое главное — поставить ее въ необходимость нажить врага въ Англіи,—обстоятельство, имѣвшее громадное значеніе для всей внутренней жизни Россіи.

Отношеніе общества къ Тильзитскому миру.

Настроеніе подавляющаго большинства при дворѣ, среди высшаго петербургскаго и московскаго общества, широкихъ дворянскихъ круговъ и народной массы далеко не соотвѣтствовало тѣмъ офиціальнымъ заявленіямъ радости и торжества, которыя звучали въ манифестѣ по случаю заключенія Тильзитскаго мира. Договоръ съ Наполеономъ подвергся жестокой критикѣ; условія и обязательства, которыя были положены въ основаніе мирнаго трактата, всѣ считали тягостными, унизительными, даже постыдными. «Очень хорошо помню, — говоритъ Бутеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — что столица была опечалена не столько неудачею нашихъ войскъ, какъ быстрымъ заключеніемъ мира, который считался унизительнымъ для Россіи... Общественное мнѣніе въ Россіи сдѣлалось крайне враждебно къ Наполеону, и императоръ Александръ, несмотря на любовь къ нему народа, былъ холодно встрѣченъ въ Петербургѣ по возвращеніи изъ Тильзита». По словамъ Ѳ. В. Булгарина, миръ «приводилъ въ отчаяніе русскихъ патріотовъ. Наше народное самолюбіе было тронуто, и война съ Англіей не могла возбудить энтузіазма, не

представляя никакихъ пользъ и видовъ, и лишая насъ выгодъ торговли. Вотъ что породило общій ропотъ».

Русскіе политики очень отрицательно относились къ такимъ условіямъ Тильзитскаго мира, какъ образованіе герцогства Варшавскаго, предполагавшаяся война съ Швеціей и Англіей. Говорили, что Тильзитскій миръ выгоденъ только для Наполеона, такъ какъ развязываетъ ему руки на Востокѣ Европы, создаетъ ему новыхъ союзниковъ въ борьбѣ съ Англіей и пр., тогда какъ Россія, несмотря на отсрочку, рано или поздно не избѣжитъ борьбы съ Наполеономъ, а теперь только осложняетъ свое политическое и финансовое положеніе. Союзъ съ Наполеономъ значитъ — постоянная война, ибо онъ постоянно воюетъ, и Россія будетъ ходить на войну, куда онъ захочетъ, — такъ говорили сановные политики. Въ этомъ отношеніи оказывались солидарными какъ люди партіи Чарторижскаго и Новосильцова, такъ и такіе вліятельные «старики»—вельможи, какъ Воронцовъ, Завадовскій, Шишковъ, Растопчинъ, обѣ императрицы и многіе другіе. Возмущенный гр. Семенъ Роман. Воронцовъ въ письмѣ своему сыну изъ Англіи предлагалъ, чтобы лица, подписавшія мирный договоръ съ Наполеономъ (кн. Куракинъ и кн. Лобановъ-Ростовскій), совершили торжественный въѣздъ въ Петербургъ на ослахъ.

Отношеніе дворянства къ Франціи и Наполеону.

Нужно, однако, отмѣтить, что взрывъ негодованія, охватившій высшіе и затѣмъ широкіе дворянскіе слои русскаго общества противъ Франціи, не былъ исключительно порожденіемъ Тильзитскаго мира. Онъ былъ подготовленъ нѣсколько ранѣе, рядомъ предшествующихъ обстоятельствъ, не только узко-политическаго, но и культурнаго свойства. Со второй половины XVIII в. въ Россію широкой струей проникаетъ культурное вліяніе Франціи; французскій языкъ, французская литература и философія эпохи просвѣщенія, на ряду съ модами Версальскаго двора, заняли господствующее мѣсто въ умственной и бытовой жизни русскаго образованнаго общества. Молодое поколѣніе тщательно воспитывалось въ этомъ направленіи въ рукахъ французскихъ наставниковъ, гувернеровъ и гувернантокъ. Но то было, какъ говоритъ одинъ изслѣдователь, господство вліянія старой Франціи— Франціи легитимной монархіи Бурбоновъ, бѣлаго знамени, аббатовъ, изящныхъ трагиковъ, свободныхъ мыслителей XVIII в. Вольтеріанство и поверхностный либерализмъ легко уживались съ грубыми привычками и крѣпостническими замашками русскаго

барства. Но вотъ во Франціи происходитъ переворотъ, сопровождавшійся кровавыми событіями революціи, низверженіемъ Бурбоновъ и казнью Людовика XVI, паденіемъ феодальнаго строя. Франція «стараго порядка» уступаетъ мѣсто торжеству новыхъ идей, политическихъ и соціальныхъ, вышедшихъ изъ революціи. Русское правительство конца царствованія Екатерины и времени имп. Павла тщательно охраняло русское общество отъ «революціонной заразы». Но въ этомъ даже не было большой надобности. Дворянское общество въ массѣ было глубоко консервативно,— такъ крѣпко срослось оно съ привычками и формами жизни крѣпостной Россіи. Всякое потрясеніе основъ политическаго и соціальнаго уклада было ему ненавистно, даже въ томъ случаѣ, когда за это брался самъ представитель верховной власти. Такое отношеніе къ себѣ испыталъ Александръ I, когда въ началѣ царствованія, отдавая дань идеямъ своего вѣка, принялся за государственныя реформы. Людей, сочувствовавшихъ ему, было чрезвычайно мало. Отсюда же шла та страшная ненависть къ Сперанскому, къ его конституціоннымъ планамъ и реформамъ, которыми онъ на нѣкоторое время успѣлъ заинтересовать Александра въ періодъ времени отъ 1808—1812 гг. Общество заклеймило его названіемъ «измѣнника». «Не знаю, смерть лютаго тирана могла ли бы произвесть такую всеобщую радость»,—говоритъ современникъ событій—Вигель, по поводу паденія и ссылки Сперанскаго.

Что касается отношенія русскаго общества къ Наполеону, то сначала оно было обмануто въ своихъ ожиданіяхъ на его счетъ. На перваго консула въ Россіи смотрѣли, какъ на человѣка, который подавитъ революцію и возстановитъ старый порядокъ. Карамзинъ въ своемъ «Вѣстникѣ Европы» привѣтствовалъ Наполеона, поразившаго, по его словамъ, «гидру революціи». Но скоро положеніе разъяснилось. Расправа съ Бурбонами внутри Франціи, завоеванія въ Европѣ, низверженіе цѣлаго ряда троновъ европейскихъ монарховъ, насажденіе новыхъ республикъ, стремленіе къ господству въ Европѣ, все это открыло настоящую физіономію Наполеона, и онъ сдѣлался предметомъ глубокой ненависти правительствъ и людей стараго режима, а вмѣстѣ съ тѣмъ и партіи патріотовъ-націоналистовъ, которые видѣли въ немъ врага самобытности и независимости государствъ.

Поэтому рѣшеніе имп. Александра принять участіе въ кампаніи 1805—1806 гг. было встрѣчено съ сочувствіемъ. Всѣ

были увѣрены въ побѣдѣ и, по русскому обычаю, пренебрежительно отзывались о врагѣ, третировали «сухопарыхъ французишекъ», императоръ которыхъ слылъ подъ уничижительнымъ именемъ — Наполеонишки и Бонапартишки. Позоръ пораженія при Аустерлицѣ и Фридландѣ отрезвилъ крикуновъ, заставилъ измѣнить взгляды на Наполеона, но все же не настолько, чтобы сознать необходимость Тильзитскаго мира. Ненависть къ Наполеону и Франціи еще болѣе усилилась, и такимъ образомъ настроеніе общества и ближайшая политика правительства послѣ Тильзита рѣзко разошлись. Въ Петербургѣ, среди придворнаго и высшаго свѣта, оппозиція выразилась, между прочимъ, въ томъ, что тогда какъ государь и дворъ оказывали всяческіе знаки дружескаго вниманія посламъ Наполеона Савари и Коленкуру, устраивали въ честь ихъ балы и пр., въ аристократическіе дома Петербурга (Салтыкова, Нарышкина и др.) ихъ не приглашали; общество демонстративно игнорировало блестящую французскую молодежь, входившую въ составъ свиты и чиновъ посольства. По словамъ Савари, въ журналахъ появлялись пасквили и статьи, выражавшіе презрѣніе къ французамъ.

Оппозиція въ Москвѣ и въ провинціи.

Оппозиціонное настроеніе быстро перенеслось изъ одной столицы въ другую и въ Москвѣ сказывалось еще, пожалуй, рѣзче. Москва была центромъ, гдѣ проживали отставные, но вліятельные своими родственными связями и богатствомъ вельможи, которые любили показать себя независимыми отъ правительства, не стѣсняясь критикой по его адресу. Сюда же на зиму съѣзжалось со всѣхъ концовъ Россіи богатое помѣстное дворянство, среди котораго быстро распространялась, по выраженію современника, «гибельная мода порицать правительство». Столичное и провинціальное дворянство, дѣйствительно, и помимо чисто политическихъ толковъ и пересудовъ имѣло серьезныя основанія для безпокойства. Особой декларацией 24 октября 1807 г. было объявлено о разрывѣ мира съ Англіей, въ результатѣ чего Россія должна была присоединиться къ разорительной для нея континентальной блокадѣ. Послѣдняя наносила сильнѣйшій ущербъ финансовому и экономическому положенію Россіи. Англія была главной потребительницей русскаго торговаго вывоза, который въ началѣ XIX ст. возрастаетъ до крупной сравнительно суммы въ 75 милл. рублей. Важнѣйшими предметами русскаго вывоза были хлѣбъ и другіе земледѣльческіе продукты, скотъ, продукты скотоводства и проч. сырье; главнымъ поставщикомъ этихъ то-

варовъ являлось землевладѣльческое дворянство. Англіи же по преимуществу принадлежалъ и ввозъ въ Россію иностранныхъ товаровъ, колоніальныхъ и продуктовъ обрабатывающей промышленности, безъ которыхъ Россія уже не могла обходиться въ началѣ XIX в. Обязательство Россіи поддерживать континентальную систему разомъ подрывало торговую и промышленную жизнь въ странѣ. Дѣйствительно, прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ разрывъ съ Англіей сильнѣйшимъ образомъ отразился на государственномъ кредитѣ. Ассигнаціонный рубль, который еще въ сентябрѣ 1807 г. ходилъ за 90 к. сер., къ 1 января 1808 г. упалъ на 75 к. сер. Капиталистовъ и людей, живущихъ однимъ жалованьемъ, это вело къ разоренію. Цѣны на колоніальные и другіе товары, въ виду прекращенія привоза, страшно повысились. Дороговизна затѣмъ распространилась и на мѣстные товары.

Тягость дороговизны особенно чувствительна была для городского населенія, хотя она отражалась и на жизни уѣздовъ, селъ и деревень. Среди широкихъ народныхъ массъ имя «Бонапартія» еще съ 1805—1806 гг. стало извѣстнымъ во всѣхъ уголкахъ Россіи и ненавистнымъ. Умы здѣсь были заняты не столько критической оцѣнкой происходящихъ политическихъ событій; заниматься политикой было не въ характерѣ и не въ обычаѣ нашихъ провинціальныхъ обывателей. Провинція спала непробуднымъ сномъ, въ блаженномъ невѣдѣніи всего того, что сколько-нибудь возвышалось надъ повседневнымъ уровнемъ обывательской жизни; это было естественнымъ послѣдствіемъ отсутствія политическихъ правъ и гласности. Общество знало о происходящихъ политическихъ событіяхъ постольку, поскольку находило нужнымъ освѣдомить о томъ правительство, наблюдавшее за состояніемъ умовъ и преслѣдовавшее всякіе неумѣстные толки. Въ началѣ войны въ столицахъ была учреждена особая высшая полиція для наблюденія за состояніемъ умовъ, а по губерніямъ—внутренняя стража. Но слухи о пораженіяхъ не могли не дойти до провинціи, хотя бы потому, что масса молодежи, вышедшая въ походъ, уже не вернулась съ поля битвы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не могли не учитываться тѣ тягости, которыя падали на населеніе въ связи съ военными дѣйствіями. Въ 1806 г. съ 31 губерніи, сверхъ обычнаго рекрутскаго набора, была собрана громадная милиція — земское войско, въ количествѣ 600 слишкомъ тысячъ человѣкъ. Этотъ чрезвычайный наборъ отрывалъ множество лю-

дей отъ семействъ, земли, отъ полевыхъ работъ, вслѣдствіе чего нарушалъ крестьянское хозяйство и вызывалъ сильный ропотъ среди крестьянъ. Тильзитскій миръ прекращалъ эти тягости, но вызывалъ сильное недоумѣніе въ народѣ. Во время войны въ церквахъ повсюду читалось воззваніе св. синода, въ которомъ православный русскій народъ призывалъ къ борьбѣ съ антихристомъ — Наполеономъ.

Въ скоромъ времени (17 іюля 1807 г.) послѣдовало Высочайшее повелѣніе синоду прекратить чтеніе въ церквяхъ воззванія, въ которомъ Наполеонъ именовался антихристомъ. Вслѣдъ за тѣмъ отъ печати потребовалось полнѣйшее уваженіе къ Наполеону, и прежнее его имя «Бонапартъ» указывалось исключить изъ употребленія въ Россіи. Журналы и книги, не измѣнившіе своихъ отзывовъ о французскомъ императорѣ прямо на противоположные, подвергались преслѣдованію со стороны цензуры.

Оппозиція и имп. Александръ

Непопулярность Тильзитскаго мира и оппозиціонное настроеніе общества были хорошо извѣстны имп. Александру изъ разныхъ источниковъ. Такъ объ этомъ ему доносилъ М. Л. Магницкій въ ноябрѣ 1808 г. во всеподданнѣйшей запискѣ подъ заглавіемъ «Нѣчто объ общемъ мнѣніи въ Россіи». До государя достигло одно большое анонимное письмо, написанное на его имя и распространившееся въ обѣихъ столицахъ во множествѣ экземпляровъ. Письмо это сочувственно читалось и комментировалось; оно появилось вскорѣ послѣ Тильзитскаго мира и ходило по рукамъ отъ имени разныхъ лицъ: сенатора Теплова, гр. Маркова, Н. С. Мордвинова, гр. Растопчина. Въ рѣзкихъ чертахъ въ немъ обрисовывается печальное внутреннее состояніе государства, неудачи внутреннихъ реформъ, недовольство и ропотъ населенія, неудачи внѣшней политики, унизительность, невыгоды и безцѣльность послѣдняго мира, заключеннаго съ Наполеономъ. Несомнѣнно, это письмо написано однимъ изъ представителей той партіи, которая не сочувствовала реформамъ первыхъ лѣтъ царствованія, какъ нѣсколько позднѣе не сочувствовала реформамъ и планамъ Сперанскаго. Въ письмѣ сильна критическая сторона, но положительная отсутствуетъ. Авторъ не предлагаетъ никакихъ радикальныхъ мѣръ для уврачеванія государства отъ разъѣдающихъ его язвъ, кромѣ неопредѣленныхъ указаній на необходимость для государя твердости и рѣшительности; болѣе ясно только одно предложеніе—«положиться болѣе всего на дворянство, на сію истинную подпору трона».

Имп. Марія Θеодоровна и ея письмо по поводу Эрфуртскаго свиданія.

Во главѣ недовольныхъ тильзитской политикой стояла вдовствующая императрица Марія Θеодоровна, резиденція которой въ Павловскѣ сдѣлалась центромъ придворной оппозиціи. Послѣдняя достигла высшаго напряженія, когда Александру въ началѣ сентября 1808 г. пришлось рѣшать вопросъ о новомъ свиданіи съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ. Марія Θеодоровна написала своему сыну письмо, въ которомъ въ самыхъ убѣдительныхъ и сильныхъ выраженіяхъ просила его отмѣнить или, по крайней мѣрѣ, отклонить на неопредѣленное время свиданіе. Императрица приводитъ рядъ аргументовъ, которые должны были отвратить Александра отъ путешествія, подвергая критикѣ общее положеніе вещей за границей и у насъ въ Россіи, цѣль поѣздки и тѣ печальныя послѣдствія, къ которымъ она можетъ привести. Императрица съ ненавистью говоритъ о Наполеонѣ, который дѣлаетъ все, чтобы коварнымъ образомъ обмануть Александра, ослабить Россію и затѣмъ напасть на нее, когда настанетъ удобное для него время. Одинъ Александръ, по ея словамъ, во всемъ мірѣ можетъ вѣрить, что подобнымъ путемъ (т.-е. путемъ дружбы съ Наполеономъ) можно предотвратить бѣдствія и сохранить миръ. «Ради Бога, Александръ,—такъ заканчиваетъ свое письмо императрица-мать,—уклонитесь отъ этого свиданія, уваженіе народа утрачивается легко, но не столь же легко завоевывается обратно. Вы потеряете его черезъ это свиданіе, и вы потеряете вашу имперію и вашу семью; остановитесь, еще есть время, послушайтесь голоса чести, просьбъ, моленій вашей матери; она громогласно взываетъ къ вашему сердцу, остановитесь, мое дитя, мой другъ!»

Отвѣтъ Алексадра.

Моментъ становился драматическимъ. Какъ извѣстно, Александръ не внялъ совѣтамъ матери и 2 сентября 1808 г. выѣхалъ въ Эрфуртъ. Однако онъ не могъ не придавать значенія письму императрицы, выражавшей взгляды значительной и вліятельной части общества; не могъ онъ не чувствовать и того, что въ немъ много правды. Поэтому Александръ написалъ отвѣтъ, представляющій большой интересъ, такъ какъ въ немъ государь изложилъ тѣ основанія, которыя побудили его поступить вопреки голосу матери и общества. Александръ пишетъ, что въ своихъ дѣйствіяхъ онъ руководится только интересами Россіи, которые всегда были для него болѣе дорогими, чѣмъ все остальное въ мірѣ. Въ интересахъ Россіи, по его мнѣнію, быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ этимъ страшнымъ колоссомъ—

Франціей, которая въ данный моментъ является наиболѣе сильной изъ существующихъ континентальныхъ державъ, каждой въ отдѣльности и взятыхъ вмѣстѣ. Она управляется необыкновеннымъ человѣкомъ, таланты, геній котораго не могутъ быть оспариваемы, и управляется со всею силою, опирающеюся на неограниченную власть и армію, закаленную въ многолѣтнихъ бояхъ. Союзъ съ Наполеономъ — единственное средство поддержать миръ въ Европѣ, между прочимъ, предотвратить угрожающій ударъ Австріи, силы которой нужно сохранить «для подходящаго момента». Александръ считаетъ преступнымъ пріостановиться осуществленіемъ того, что служитъ интересамъ имперіи, подъ вліяніемъ того, «что скажутъ»,—подъ вліяніемъ «разговоровъ, которые позволяютъ себѣ въ обществѣ безъ малѣйшаго знанія дѣла, не углубляясь въ сущность обстоятельствъ, не желая даже узнать побудительныхъ причинъ его образа дѣйствій».

Дипломатическія отношенія Россіи и Франціи въ періодъ 1808–1812 гг.

Такимъ образомъ правительство и та часть русскаго общества, которая способна была сколько-нибудь критически относиться къ создавшемуся политическому положенію, разошлись въ своихъ взглядахъ на отношеніе къ Наполеону и Франціи. Этотъ разладъ продолжался, впрочемъ, не долго, такъ какъ имп. Александру скоро пришлось убѣдиться, съ одной стороны, въ ненадежности «тильзитскаго друга», а съ другой—въ крайней невыгодности и тяжести того союза, пользу котораго онъ такъ краснорѣчиво доказывалъ въ только что цитированномъ письмѣ къ имп. Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ виду оппозиціи, Александру нужны были наглядныя доказательства выгодности тильзитскаго соглашенія. Поэтому онъ настаивалъ на скорѣйшей реализаціи обѣщаній Наполеона. Относительно Турціи на первый разъ Александръ добивался признанія за Россіей права на занятыя русскими войсками дунайскія княжества (Молдавію и Валахію); затѣмъ, въ виду личной дружбы съ прусскимъ королемъ, Александръ просилъ Наполеона объ эвакуаціи Пруссіи, занятой французскими войсками. Въ этомъ смыслѣ велись переговоры въ Петербургѣ съ послами Наполеона Савари и Коленкуромъ и въ Парижѣ — черезъ русскаго посла (гр. Толстого). Однако Наполеонъ уклонялся отъ какихъ-либо практическихъ шаговъ. Для виду между парижскимъ и петербургскимъ дворами поддерживались самыя любезныя дружественныя отношенія. Монархи обмѣниваются дружественными письмами и подарками. Наполеонъ посылаетъ Александру драгоцѣнное оружіе, затѣмъ—великолѣп-

ную картину, писанную на фарфорѣ — шедевръ севрской мануфактуры. Александръ отвѣчаетъ комплиментами и подарками съ своей стороны, но въ то же время въ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ по временамъ начинаетъ обнаруживать явное нетерпѣніе. Въ письмѣ отъ 2 февраля 1808 г. Наполеонъ развертываетъ весьма заманчивую картину возможныхъ успѣховъ русскаго оружія въ Швеціи, совмѣстнаго похода Франціи и Россіи черезъ Константинополь на Индію и пр.; но практическіе вопросы —относительно княжествъ и Пруссіи не двигались ни на шагъ впередъ.

Въ 1809 г., послѣ новаго пораженія Австріи, Наполеонъ почувствовалъ, что онъ уже имѣетъ меньше надобности въ союзѣ съ Россіей; поэтому онъ перестаетъ стѣсняться съ Александромъ. При заключеніи Вѣнскаго мира съ Австріей, Наполеонъ присоединяетъ часть отнятыхъ у нея владѣній къ герцогству Варшавскому, вопреки желанію и просьбѣ имп. Александра не увеличивать предѣловъ герцогства. Александръ Павловичъ настаивалъ на томъ, чтобы Наполеонъ далъ обязательство никогда не возстанавливать Польши; Наполеонъ же уклонялся отъ офиціальнаго обязательства, разсчитывая привлечь къ себѣ поляковъ и создать изъ нихъ прочный оплотъ Франціи на востокѣ Европы. Въ то же время отъ русскаго императора не остались тайной переговоры его «союзника» съ давнишней соперницей Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, Австріей, относительно соглашенія, направленнаго противъ Россіи. Дѣйствительно, въ 1810 г. Наполеонъ въ бесѣдѣ съ австрійскимъ канцлеромъ Меттернихомъ высказывалъ, что онъ тяготится обязательствами, принятыми имъ на себя по отношенію къ Россіи. «Если вы хотите объявить войну Россіи,—сказалъ онъ Меттерниху,—то я не буду вамъ препятствовать», и прибавилъ, что въ случаѣ войны съ Россіей Австрія вполнѣ можетъ разсчитывать на него.

Но основной причиной, породившей недоразумѣнія и поведшей, въ концѣ -концовъ, къ разрыву между Россіей и Франціей была континентальная блокада. Она, при условіи строгаго, систематическаго проведенія, дѣйствительно, представляла могучее средство борьбы съ Англіей; потеря европейскаго рынка начала тяжело отражаться на англійской промышленности въ перепроизводствѣ фабрикатовъ, въ увеличеніи числа безработныхъ, наконецъ, въ рядѣ коммерческихъ банкротствъ въ Сити, о чемъ

извѣщали свое правительство французскіе агенты. Оставалось позаботиться о томъ, чтобы стѣна, воздвигавшаяся вокругъ англійскихъ мануфактуръ, становилась все выше и прочнѣе. Наполеонъ въ этомъ отношеніи не останавливался ни передъ какими мѣрами, вплоть до оккупаціи Голландіи и портовъ всего германскаго побережья. Но, къ его величайшей досадѣ, въ блокадѣ оказывались серьезные изъяны. Корабли, нагруженные англійскими товарами, проникали въ гавани Испаніи, съ возстаніемъ которой, поддерживаемымъ Англіей, Наполеонъ никакъ не могъ справиться; отсюда они, путемъ контрабанды, распространялись далѣе на европейскихъ рынкахъ. Въ то же время до Наполеона стали доходить извѣстія, что сотни судовъ съ англійскими же товарами, заходятъ подъ разными флагами въ сѣверо-восточные порты Швеціи и Россіи; здѣсь они разгружаются, и товары идутъ внутрь страны, а затѣмъ попадаютъ и въ сосѣднія европейскія страны, проникая вплоть до Швейцаріи. Такъ, блокада оказывалась прорванной съ двухъ сторонъ. Осенью 1810 г. Наполеонъ пишетъ имп. Александру письмо, въ которомъ, говоря въ тонѣ раздраженія о 600 англійскихъ судахъ, направившихся къ предѣламъ Россіи, требуетъ конфискаціи и истребленія англійскихъ грузовъ, подъ какими бы флагами они не приходили въ русскіе порты.

Въ это время, однако, тягости континентальной блокады уже настолько сильно давали себя чувствовать въ области экономической и финансовой жизни страны, оппозиція въ обществѣ принимала такія серьезныя формы, что Александръ пришелъ къ убѣжденію, что поддерживать долѣе союзъ съ Наполеономъ будетъ, пожалуй, труднѣе, чѣмъ вести съ нимъ войну. Поэтому въ декабрѣ 1810 г. Александръ рѣшился на весьма важную мѣру, въ значительной степени ослаблявшую дѣйствіе континентальной системы въ Россіи. А именно, правительственнымъ указомъ (18 дек. 1810 г.) было постановлено, при сохраненіи прежняго запрещенія англійскимъ судамъ входить въ русскія гавани, разрѣшить привозъ колоніальныхъ товаровъ на американскихъ судахъ; мало того, чтобы сократить вывозъ изъ Россіи звонкой монеты, было рѣшено обложить частью высокой пошлиной, а частью и совсѣмъ запретить ввозъ издѣлій французскихъ фабрикъ, выдѣлывавшихъ предметы роскоши (шелковыя матеріи, ліонскій бархатъ, кружева и пр.). Послѣдняя мѣра представляла собою не что иное, какъ объявленіе таможенной войны Франціи.

Такъ она и была понята Наполеономъ, который по этому поводу выразилъ сильнѣйшее неудовольствіе русскому послу въ Парижѣ и указывалъ на нарушеніе союзнаго договора, а затѣмъ, въ свою очередь, распорядился повысить пошлины во Франціи на поташъ, рыбій жиръ и др. предметы вывоза изъ Россіи. Одновременно съ этимъ самъ Наполеонъ не только демонстративно нарушилъ Тильзитскій договоръ, но и нанесъ личную обиду имп. Александру. Новый инцидентъ разыгрался на почвѣ все той же континентальной системы. При оккупаціи побережья Нѣмецкаго моря, французскія войска заняли владѣнія герц. Ольденбургскаго, близкаго родственника русскаго императора. Потомку стариннаго владѣтельнаго дома французскими властями было объявлено, что если онъ не намѣренъ принять французскаго подданства, то долженъ будетъ выселиться на территорію, которую императору французовъ угодно будетъ пожаловать ему взамѣнъ Ольденбурга. Александръ былъ возмущенъ подобнымъ актомъ заносчивости со стороны Наполеона. Русскому послу въ Парижѣ было поручено предъявить протестъ противъ незаконнаго образа дѣйствій французскаго правительства, нарушающаго Тильзитскій договоръ, гарантировавшій неприкосновенность владѣній германскихъ родственниковъ русскаго императорскаго дома. Когда такое заявленіе русскаго посла не произвело никакого дѣйствія въ Парижѣ, то Александръ впервые публично выразилъ свое недовольство Наполеономъ, разославъ къ дворамъ европейскихъ державъ протестъ противъ его дѣйствій.

Съ этого времени съ обѣихъ сторонъ начинаются серьезныя приготовленія къ борьбѣ, которая уже въ началѣ 1811 г. представлялась несомнѣнной. Въ связи съ перемѣной политическихъ обстоятельствъ въ корнѣ измѣнилось и настроеніе имп. Александра. Теперь онъ уже сочувствуетъ росту патріотическаго движенія и глубокой ненависти къ Франціи въ русскомъ обществѣ, такъ какъ онъ могъ опереться на это движеніе, какъ на наиболѣе прочный базисъ въ борьбѣ съ Наполеономъ.

Патріотическая литература.

Между тѣмъ патріотическое настроеніе общества нашло свое выраженіе въ современной литературѣ, которая впервые принимаетъ политическій характеръ, отражая въ себѣ, насколько это позволяли стѣснительныя цензурныя условія, злободневные политическіе интересы. Литература выставила нѣсколько, если не крупныхъ талантовъ, то все же своеобразныхъ писателей, которые оказывали сильное возбуждающее вліяніе на общество.

Наиболѣе яркой и типичной фигурой представляется здѣсь Растопчинъ, который сыгралъ вообще видную роль въ эпоху борьбы съ Наполеономъ.

Растопчинъ не принадлежалъ къ родовой знати. Отецъ его **Растопчинъ.** былъ всего майоромъ въ отставкѣ. На самый верхъ служебной и общественной лѣстницы Растопчина выдвинуло прихотливое расположеніе имп. Павла. Преданную и усердную службу Растопчина, наравнѣ съ Аракчеевымъ, Павелъ подмѣтилъ еще въ Гатчинѣ; по восшествіи Павла на престолъ на Растопчина посыпались милости новаго императора. Онъ достигъ высшихъ должностей по службѣ (президента военной, и потомъ — иностранныхъ дѣлъ коллегій), получилъ графскій титулъ, сдѣлался обладателемъ огромнаго состоянія, благодаря пожалованію ему многихъ тысячъ крѣпостныхъ душъ и десятинъ земли. Однако отъ Аракчеева Растопчинъ отличался блестящимъ образованіемъ, полученнымъ имъ въ молодости. Благодаря нѣкоторымъ интригамъ, онъ не удержалъ до конца благоволенія Павла и за нѣсколько дней до переворота 11 марта 1801 г. былъ внезапно удаленъ отъ двора. Растопчинъ вышелъ въ отставку, уѣхалъ въ свое богатѣйшее подмосковное имѣніе Вороново и проживалъ тамъ, какъ богатый помѣщикъ, наѣзжая время отъ времени въ Москву и въ Петербургъ; въ обѣихъ столицахъ у него было много знакомствъ и связей. Какъ человѣкъ консервативный, Растопчинъ не сочувствовалъ направленію новаго царствованія и оставался въ отставкѣ вплоть до событій 1812 г. Въ Москвѣ онъ стоялъ въ центрѣ консервативной оппозиціи. Образованіе, богатство, остроуміе сдѣлали его любимымъ гостемъ въ домахъ московской знати. Незадолго до заключенія Тильзитскаго мира Ростопчинъ написалъ небольшой памфлетъ подъ заглавіемъ «Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ россійскаго дворянина Силы Андреевича Богатырева». Главное содержаніе «Мыслей», выраженныхъ чисто русскимъ, простымъ, энергичнымъ, но преднамѣренно грубымъ языкомъ, заключается въ нападкахъ на иностранное, преимущественно французское вліяніе. Памфлетъ проникнутъ ненавистью къ Франціи и Наполеону. «Господи помилуй!—такъ начинаетъ свою думу ефремовскій дворянинъ С. А. Богатыревъ, отставной, израненный въ бояхъ, подполковникъ,—да будетъ ли этому конецъ? Долго ли намъ быть обезьянами? не пора ли опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву и, плюнувъ, сказать французу: сгинь ты, дьявольское наважденіе! ступай въ адъ или

восвояси, — все равно, только не будь на Руси». Главные свои нападки Богатыревъ обращаетъ противъ французскихъ воспитателей, которыхъ берутъ у насъ «на перехватъ», и которые уничтожаютъ въ своихъ воспитанникахъ всякое русское чувство. Затѣмъ авторъ обрушивается на новую революціонную Францію и ея властителя—Наполеона. Революція представлена въ такихъ чертахъ: «Вить что проклятые надѣлали въ эти двадцать лѣтъ! все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потомъ спорить, браниться, драться; ничего на мѣстѣ не оставили, законъ попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя!—отца. Головы рубили, какъ капусту, всѣ повелѣвали, то тотъ, то другой злодѣй. Думали, что это будетъ равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разинуть, и судъ былъ хуже Шемякина». Возвышеніе Наполеона передается также оригинально: «Погналъ сенатъ въ зашей, забралъ все въ руки, запрягъ и военныхъ, и свѣтскихъ, и духовныхъ, и сталъ погонять по всѣмъ по тремъ»... Разсказавъ по-своему о завоеваніяхъ Наполеона, Богатыревъ прибавляетъ: «А все мало! весь міръ захотѣлъ покорить, что за Александръ Македонскій! Мужичишка въ рекруты не годится, ни кожи, ни рожи, ни видѣнья, разъ ударить, такъ слѣдъ простынетъ, и духъ вонъ; а онъ таки лѣзетъ впередъ на русскихъ. Ну, милости просимъ!»

Врядъ ли самъ Растопчинъ, какъ человѣкъ образованный, смотрѣлъ такъ упрощенно и грубо на дѣло; несомнѣнно, тутъ чувствуется поддѣлка подъ вкусы, требованія и настроеніе публики. Памфлетъ Растопчина былъ встрѣченъ съ восторгомъ и быстро разошелся въ громадномъ для того времени количествѣ экземпляровъ (7.000). «Мысли вслухъ» были наиболѣе яркимъ произведеніемъ Растопчина вплоть до момента передъ сдачей Москвы французамъ, когда онъ выступаетъ со своими знаменитыми афишами (о нихъ будетъ упомянуто ниже). Вліяніе Растопчина сказывается въ томъ, что онъ находитъ себѣ подражателей въ литературѣ, которая усваиваетъ патріотическій тонъ и начинаетъ кампанію противъ французскаго вліянія, модъ и легкихъ нравовъ.

Глинка и „Русскій Вѣстникъ“.

Не безъ вліянія Растопчина началъ и свою журнальную дѣятельность С. Н. Глинка, выпустившій въ 1808 г. свой патріотическій журналъ «Русскій Вѣстникъ», въ которомъ Растопчинъ принималъ участіе подъ псевдонимомъ «Устина Вѣникова». Глинка (происход. изъ дворянъ Смоленской губ.) пред-

ставлялъ увлекающуюся, нѣсколько наивную, но глубоко честную натуру; свои убѣжденія онъ ставилъ выше всѣхъ матеріальныхъ выгодъ. Участіе въ земской милиціи 1806 г. поставило его въ близкія сношенія съ солдатами, съ простымъ народомъ. Доброе сердце солдатъ, благородные порывы души «богатырей русскихъ», какъ говоритъ Глинка, заставили его повѣрить въ высокій духъ, могучую силу русскаго народа, и онъ сдѣлался восторженнымъ патріотомъ. Это и натолкнуло его на мысль къ изданію «Русскаго Вѣстника». Цѣлью журнала Глинка поставилъ возбужденіе народнаго духа и подготовку рускихъ къ новой и неизбѣжной, по его мнѣнію, борьбѣ съ Наполеономъ, нашествіе котораго на Москву Глинка предсказывалъ еще въ 1806 г.

Растопчинъ и Карамзинъ.

Но главными руководителями общественнаго мнѣнія, вплоть до начала войны 1812 г., были Растопчинъ и его родственникъ (по женѣ), знаменитый исторіографъ Карамзинъ. Оба они часто видались въ Москвѣ, много и долго бесѣдовали, заговариваясь до утра. Кромѣ Москвы, у нихъ былъ еще центръ, гдѣ оба эти историческіе дѣятеля сходились и входили въ соприкосновеніе съ другими вліятельными лицами, столпами тогдашняго консерватизма. То былъ дворъ сестры государя, вел. кн. Екатерины Павловны въ Твери.

Вел. кн. Екатерина Павловна.

Екатерина Павловна была младшая любимая сестра Александра. Несмотря на свои очень молодые годы (род. 1788 г.), она отличалась прекраснымъ образованіемъ, большимъ умомъ и энергичнымъ характеромъ. Но воспитана она была своею матерью, имп. Маріей Ѳеодоровной, въ строго консервативныхъ убѣжденіяхъ, въ ненависти къ революціи и Наполеону, который, между прочимъ, просилъ ея руки, но получилъ отказъ. Въ 1809 г. Екатерина Павловна вышла замужъ за принца Георга Гольштейнъ Ольденбургскаго, назначеннаго генералъ-губернаторомъ тверскимъ, новгородскимъ и ярославскимъ. Въ Твери образовался маленькій дворъ, куда наѣзжалъ Александръ, чтобы отдохнуть въ кругу своей сестры и избраннаго ею общества. Екатерина Павловна любила покровительствовать лицамъ, чѣмъ-либо замѣчательнымъ. Вечера въ ея дворцѣ проводились въ оживленныхъ бесѣдахъ на волновавшія всѣхъ тогда политическія темы, въ чтеніи литературныхъ и историческихъ сочиненій. Такъ, въ февралѣ 1810 г., Карамзинъ, наиболѣе выдающійся писатель эпохи, читалъ здѣсь отрывки изъ своей исторіи. Екатерина Павловна высоко цѣнила консервативныя убѣжденія Карамзина,

обоснованныя, какъ ей казалось, всѣмъ прошлымъ историческимъ развитіемъ Россіи, много говорила съ нимъ о современныхъ государственныхъ реформахъ, въ полезность которыхъ она не вѣрила.

Записка Карамзина „О древней и новой Россіи“.

По предложенію вел. княгини, Карамзинъ и написалъ свою знаменитую записку «О древней и новой Россіи». Въ мартѣ 1811 г. Екатерина Павловна, воспользовавшись пріѣздомъ къ ней Александра, представила ему Карамзина, который читалъ государю отрывки изъ своей исторіи, а затѣмъ, передъ отъѣздомъ Александра, Екатерина вручила ему и «записку» Карамзина. Въ ней Карамзинъ изложилъ свои воззрѣнія на прошлое и настоящее Россіи, все величіе и могущество которой, по его мнѣнію, во всѣ вѣка исторической жизни было основано на неограниченномъ самодержавіи верховной власти. Карамзинская «записка» является типичнымъ произведеніемъ эпохи, знакомящимъ насъ не только съ личными взглядами Карамзина, но и съ міровоззрѣніемъ всей охранительной партіи, наиболѣе талантливымъ представителемъ которой онъ былъ. Карамзинъ подвергаетъ подробной и ѣдкой критикѣ всѣ прогрессивныя начинанія правительства Александра, какъ первыхъ лѣтъ его царствованія, такъ и въ особенности эпохи Сперанскаго; послѣдняго онъ не называетъ прямо по имени, но на его реформы обрушивается со всею силою ненависти. Карамзинъ кончаетъ, какъ и начинаетъ, записку изображеніемъ картины всеобщаго недовольства, которое царитъ въ странѣ, при чемъ не щадитъ темныхъ красокъ для этой картины: «Россія наполнена недовольными,—говоритъ онъ.—Жалуются въ палатахъ и хижинахъ. Не имѣютъ ни довѣренности ни усердія къ правленію, строго осуждаютъ его цѣли и мѣры... Не будемъ обманывать себя и государя, твердя, что люди обыкновенно любятъ жаловаться и всегда недовольны настоящимъ: сіи жалобы разительны ихъ согласіемъ и дѣйствіемъ на расположеніе умовъ въ цѣломъ государствѣ».

Уступки имп. Александра общественному мнѣнію.

Александръ на первыхъ порахъ, познакомившись съ запиской, остался недоволенъ ея авторомъ и обошелся съ Карамзинымъ холодно. Но это продолжалось недолго. Имп. Александръ, ранѣе пренебрежительно относившійся къ голосу общественнаго мнѣнія, начинаетъ учитывать его какъ внушительную силу въ надвигающейся войнѣ. Первой его уступкой домогательствамъ консервативной партіи, первой жертвой былъ Сперанскій, внезапно и торопливо высланный изъ Петербурга въ мартѣ 1812 г. Въ

дальнѣйшемъ слѣдуютъ и другія уступки общественному мнѣнію. Правительство обращается теперь къ людямъ, ранѣе игравшимъ роль въ общественной оппозиціи и заявившимъ себя ненавистниками Наполеона и Франціи. Въ критическую минуту Александръ выдвигаетъ Ростопчина, Шишикова, Кутузова и назначаетъ ихъ на самыя отвѣтственныя должности, несмотря на то, что ко всѣмъ этимъ лицамъ онъ не питалъ особаго расположенія.

Растопчинъ—московскій главнокомандующій.

Въ маѣ 1812 г. Растопчинъ былъ назначенъ на должность московскаго главнокомандующаго. Новое назначеніе Растопчина состоялось не безъ участія вел. кн. Екатерины Павловны, которая указывала на Растопчина, какъ на наиболѣе популярнаго въ Москвѣ человѣка. По свидѣтельству одной современницы (письма Волковой), нѣкоторые были удивлены, увидавъ «московскаго властелина» въ Растопчинѣ, который въ московскихъ гостиныхъ потѣшалъ общество своими остротами и забавными выходками. Но большинствомъ назначеніе Растопчина было встрѣчено съ удовольствіемъ. Глинка, пользовавшійся въ то время большой извѣстностью, съ увлеченіемъ отмѣчаетъ удачный выборъ защитника и охранителя Москвы въ лицѣ Растопчина, который еще съ 1807 г. прослылъ въ народѣ «русскимъ человѣкомъ». Вигель пишетъ въ своихъ запискахъ: «Можно сказать, что Александръ былъ вдохновленъ свыше, когда въ преемники гр. Гудовичу выбралъ гр. Растопчина. Всѣ жители Москвы чрезвычайно этому обрадовались; только радость была непродолжительна. Онъ выпрямился во всю высоту роста и ума своего и вдругъ явился грознымъ повелителемъ, съ своими нахмуренными бровями, какъ бы Юпитеромъ-громовержцемъ. Это было необходимо. Онъ зналъ дворянъ, зналъ также своеволіе, предразсудки и повѣрья простого народа... Сжавъ тѣхъ и другихъ въ мощной рукѣ своей, онъ въ то же время умѣлъ овладѣть ихъ умами и привязать ихъ къ себѣ... Если вспомнить, что Москва имѣла тогда главное вліяніе на внутреннія провинціи, и что примѣръ ея дѣйствовалъ на все государство, то надобно признаться, что заслуги его въ семъ году суть безсмертны».

Дѣйствительно, новый главнокомандующій проявилъ необыкновенную энергію въ эту памятную для Москвы эпоху — лѣтомъ 1812 г. Самъ Растопчинъ описываетъ въ запискахъ свою дѣятельность, какъ онъ неутомимо трудился, пріѣзжая рано утромъ со своей дачи изъ Сокольниковъ въ генералъ-губернаторскій

домъ, открывъ доступъ къ себѣ всѣмъ желающимъ и летая затѣмъ изъ одного конца города въ другой для наблюденія за сохраненіемъ порядка и правосудія; поздно вечеромъ онъ возвращался къ себѣ домой. Но Растопчинъ, какъ человѣкъ страстный и властолюбивый, съ деспотическими замашками, сталъ самовластно распоряжаться въ Москвѣ и занялъ положеніе настоящаго диктатора. Это могло случиться тѣмъ болѣе, что имп. Александръ предоставилъ ему большія полномочія. Нѣкоторые даже думали, что государь снабдилъ его своего рода «lettres de cachet», — бланками за своею подписью.

Растопчинъ былъ склоненъ преувеличивать свою роль, какъ главнокомандующаго Москвы. Онъ говорилъ, что государь, поручивъ ему Москву, поставилъ его въ затруднительное положеніе импровизатора, которому задали задачу: *Наполеонъ и Москва.* Въ паденіи Москвы Растопчинъ видѣлъ погибель всей Россіи. Но до самаго конца августа 1812 г. онъ едва ли допускалъ возможность сдачи столицы непріятелю. Поэтому вниманіе Растопчина было сосредоточено не столько на приготовленіи Москвы къ борьбѣ съ внѣшней опасностью, сколько на поддержаніи въ ней внутренняго спокойствія; отъ этого послѣдняго, онъ думалъ, зависѣло и спокойствіе всей Россіи, а слѣдовательно, и удачный исходъ борьбы съ Наполеономъ. Москвѣ, по убѣжденію Растопчина, могла угрожать двоякаго рода опасность: «мартинисты» и возстаніе черни, могущее распространиться въ возстаніе крестьянъ по всей Россіи.

Растопчинъ и „мартинисты“.

«Мартинисты» служатъ предметомъ переписки между Ростопчинымъ и вел. кн. Екатериной Павловной, а въ 1811 г. онъ представилъ ей даже особую записку. По мнѣнію Растопчина, «секта» мартинистовъ съ 1806 г. вновь подняла голову и пріобрѣла важное значеніе. Къ ней принадлежитъ рядъ значительныхъ лицъ въ обѣихъ столицахъ, въ Петербургѣ — гр. Разумовскій, Мордвиновъ, Карнѣевъ и др., а въ Москвѣ — Лопухинъ, Ключаревъ (московскій почтъ-директоръ), Кутузовъ (сенаторъ и попечитель Московскаго университета), Поздѣевъ и др. Всѣ они находятся въ сношеніяхъ съ Сперанскимъ, который ихъ поддерживаетъ. Изъ нихъ Ключаревъ, одинъ изъ важнѣйшихъ членовъ секты,— «самый отъявленный и презрѣнный негодяй, который когдалибо существовалъ». Мартинисты, по словамъ Растопчина, скрываютъ свои замыслы подъ покровомъ любви къ ближнему, смиренія и религіи, а между тѣмъ замышляютъ произвести ре-

волюцію, измѣнить образъ правленія и установить право націи избирать новаго государя. Растопчинъ увѣренъ, что мартинисты находятся въ сношеніяхъ съ Франціей и Наполеономъ, и что послѣдній покровительствуетъ имъ, въ надеждѣ найти въ нихъ, въ случаѣ надобности, помощь и опору. «Тогда увидятъ,—заключаетъ Растопчинъ свою записку, — но слишкомъ поздно, что замыслы ихъ не химера, а дѣйствительность... и что эта секта не что иное, какъ потаенный врагъ правительствъ и государей».

Въ качествѣ главнокомандующаго Москвы Растопчинъ нисколько не измѣнилъ своего взгляда на масоновъ. Мирныхъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые увлекались мистическими теоріями, въ большинствѣ же посѣщали масонскія собранія изъ любопытства и отъ скуки, Растопчинъ считалъ политической партіей, заговорщиками, способными на государственное преступленіе и измѣну. Тѣ, кого Растопчинъ назвалъ «мартинистами», не подавали никакого повода къ преслѣдованію, но Растопчинъ приписывалъ это только ихъ хитрости, рѣшивъ, во что бы то ни стало, раскрыть ихъ козни. О своихъ опасеніяхъ по поводу «мартинистовъ» онъ пишетъ въ цѣломъ рядѣ писемъ къ государю, нападая въ особенности на Ключарева; послѣдняго и его помощника, Дружинина, Ростопчинъ подозрѣвалъ въ сношеніяхъ съ заграницей и въ распространеніи по Москвѣ разныхъ извѣстій, опасныхъ для общественнаго спокойствія. «Эта адская секта,—писалъ Растопчинъ государю въ письмѣ отъ 4 августа,—не можетъ сдержать своей ненависти къ Россіи и къ вамъ и своей приверженности къ непріятелю. Я повергаю это дѣло рѣшенію ваш. имп. вел., на колѣняхъ умоляя пощадить имперію, которую Провидѣніе ввѣрило вашему попеченію, и не дать средствъ и способовъ злодѣямъ вести ее къ погибели, поражая умы ужасомъ и убѣждая, что всѣ великодушныя усилія вашего народа останутся безполезными для спасенія отечества». Въ заключеніе Растопчинъ требовалъ увольненія Ключарева или же, въ противномъ случаѣ, своей собственной отставки.

Съ Ключаревымъ Растопчинъ расправился, выславъ его самовластно, безъ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, изъ Москвы въ Воронежъ. Но еще раньше того, въ началѣ іюля мѣсяца отзвукомъ борьбы главнокомандующаго съ «мартинистами» явилось извѣстное дѣло Верещагина.

Дѣло Верещагина.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 3 іюля 1812 г. появилось объявленіе отъ имени московскаго главнокомандующаго о

томъ, что «въ Москвѣ показалась дерзкая бумага», содержащая въ себѣ, во-первыхъ, письмо Наполеона къ прусскому королю, а, во-вторыхъ, обращеніе его къ князьямъ Рейнскаго союза. Въ обоихъ документахъ Наполеонъ дерзко отзывается о Россіи и русскихъ, называя ихъ потомками Чингизъ-хана, древними тиранами Европы и объявляетъ, что прежде шести мѣсяцевъ двѣ сѣверныя столицы будутъ видѣть въ стѣнахъ своихъ побѣдителей Европы. Въ объявленіи главнокомандующаго было названо и имя виновника — сочинителя этой «прокламаціи», каковымъ оказался сынъ московскаго 2-ой гильдіи купца, Верещагинъ, 23 лѣтъ. Опубликованіе такого происшествія вызывалось, по мнѣнію Растопчина, необходимостью предупредить волненіе, которое могло вызвать въ Москвѣ появленіе «сего мерзкаго сочиненія» среди «легковѣрныхъ и наклонныхъ вѣрить невозможному».

Изъ писемъ Растопчина гр. Салтыкову въ Петербургъ и затѣмъ государю видно, какое громадное значеніе онъ придавалъ этому дѣлу. Растопчинъ говоритъ о тайномъ участіи въ этомъ дѣлѣ «мартинистовъ», о покровительствѣ почтъ-директора Ключарева Верещагину, котораго Растопчинъ называетъ измѣнникомъ и государственнымъ преступникомъ, говоритъ о колебаніяхъ въ народѣ и сомнѣніяхъ въ обществѣ, требуетъ для Верещагина самой суровой кары, вплоть до возведенія на висѣлицу и затѣмъ ссылки въ Сибирь на каторжную работу. По свидѣтельству другихъ современниковъ, проступокъ Верещагина, заключавшійся въ переводѣ изъ иностранныхъ газетъ документовъ Наполеона, сдѣланномъ больше изъ любопытства, чѣмъ съ какою-либо другой цѣлью, вообще не произвелъ особеннаго впечатлѣнія на народъ. Вниманіе Москвы въ то время было обращено на военныя дѣйствія; она томилась неизвѣстностью о томъ, что дѣлается на границѣ. Переходъ непріятеля черезъ Нѣманъ, занятіе Вильны, отступленіе нашихъ войскъ, — вотъ что было предметомъ толковъ и слуховъ среди московскаго населенія.

Война и крѣпостные крестьяне.

Другой заботой, тревожившей Растопчина и правительство, была мысль о возмущеніи «черни», т.-е. дворовыхъ и крѣпостныхъ крестьянъ. Растопчинъ сильно опасался, что находившійся въ крѣпостной зависимости народъ цѣной измѣны отечеству былъ способенъ принять освобожденіе изъ рукъ враговъ. Распространителями идей возстанія и освобожденія Растопчинъ считаетъ иностранцевъ - французовъ, живущихъ въ Россіи. Они вліяютъ

на нѣкоторыхъ людей, которые только и ждутъ Наполеона, чтобы получить свободу. Въ письмахъ къ Багратіону отъ 6 и 12 августа (1812 г.) Растопчинъ высказываетъ свои предположенія, что «Наполеонъ навѣрное шелъ на бунтъ», что онъ старается «потрясти духъ русскій». Въ другомъ мѣстѣ, характеризуя настроеніе «черни московской», Растопчинъ говоритъ: «Она теперь день и ночь безразлучно смѣшана въ трактирахъ съ людьми, коихъ понятія и свѣдѣнія внушаютъ черезъ толки дерзость, до сихъ поръ въ народѣ не существующую. При первомъ движеніи съ толпою людей явятся и предводители... Начало будетъ грабежъ и убійство иностранныхъ (противъ коихъ народъ раздраженъ), а послѣ бунтъ людей барскихъ, смерть господъ и разореніе Москвы». Здѣсь Растопчинъ говоритъ о появленіи на ряду съ французскими и русскихъ агитаторовъ.

Не одинъ Растопчинъ такъ думалъ. Подобныя опасенія высказываютъ и другіе современники. Такъ, напр., о возможности «всеобщаго бунта противъ государя, дворянъ и приказчиковъ» со стороны крестьянъ, отягощенныхъ сборомъ рекрутъ, милиціей и ополченіемъ, «особливо въ Московской губерніи, которая теперь уже не наша», пишетъ масонъ Поздѣевъ (въ письмѣ С. С. Ланскому отъ 19 сент. 1812 г.). Извѣстный дѣятель эпохи 1812 г., генералъ Н. Н. Раевскій, пишетъ: «Я боюсь прокламацій, чтобы не далъ Наполеонъ вольности народу, боюсь въ нашемъ краю внутреннихъ безпокойствъ» («Архивъ Раевскихъ», I т., 152 ст.). Правительство, вообще, раздѣляло подобныя опасенія. Такъ, тамбовскій губернаторъ, въ обращеніи къ населенію, объявляя о рекрутскомъ наборѣ, указываетъ на опустошенія, произведенныя французами, и, задаваясь вопросомъ, отчего это произошло, отвѣчаетъ: «Оттого, что жители слушали сладкіе чужестранцевъ разсказы, обманулись и теперь плачутъ, какъ рѣка льетъ». «Поэтому, — говоритъ далѣе губернаторъ въ своемъ обращеніи, — кто вамъ сладко станетъ говорить о французахъ, то знайте, что это — злодѣй». По отдѣльнымъ губерніямъ, съ цѣлью предупрежденія волненій среди поселянъ, принимаются особыя мѣры по усиленію полиціи, городской и земской, которая должна была наблюдать, «чтобы каждый занимался свойственнымъ ему упражненіемъ, отнюдь не разсуждая о военныхъ обстоятельствахъ» (Предписаніе ген.-губ. новгородскаго, тверского и ярославскаго отъ 10 сент. 1812 г.). Опасности внутренней смуты придавалъ очень большое значеніе имп. Александръ

Павловичъ, что видно изъ переписки его съ вел. кн. Екатериной Павловной (см. письмо Александра отъ 18 сентября 1812 г.).

Опасенія правительственныхъ сферъ относительно крѣпостного крестьянства несомнѣнно имѣли свои основанія и проистекали изъ тѣхъ соображеній, что у крестьянъ, на которыхъ помимо обычныхъ тягостей крѣпостного режима пала громадная тяжесть рекрутскихъ наборовъ, народныхъ ополченій, подводной повинности и пр., меньше было стимуловъ для патріотическаго энтузіама, чѣмъ у привилегированныхъ сословій. Дѣйствительно, опасенія отчасти оправдались: со вступленіемъ непріятеля въ предѣлы России въ разныхъ мѣстахъ вспыхнули крестьянскіе бунты.

Крестьянскія волненія раньше всего (въ маѣ — іюнѣ) начались въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ западной границѣ, и, по мѣрѣ передвиженія непріятеля къ Москвѣ, распространялись въ томъ же направленіи: начавшись въ литовскихъ губерніяхъ, они проникаютъ далѣе въ Смоленскую и Московскую. Вотчиный приказчикъ кн. А. М. Голицына въ письмѣ отъ 20 ноября 1812 г. извѣщаетъ своего господина, что многія вотчины въ Дорогобужскомъ, Вяземскомъ и Сычевскомъ уѣздахъ (Смоленской губ.) были охвачены крестьянскими бунтами. Тотъ же приказчикъ выясняетъ и самое происхожденіе волненій: «Я уговаривалъ крестьянъ, чтобы не думали о вольности, однакожъ, за всѣмъ симъ, не въ виду моемъ, дѣлали о неминуемомъ бытіи подъ французскимъ распоряженіемъ разглашеніе и выходили изъ повиновенія». Волненія возникали, большею частью, въ тѣхъ имѣніяхъ, владѣльцы которыхъ, оставивъ ихъ подъ присмотромъ приказчиковъ, уѣзжали въ Москву или болѣе отдаленныя отъ театра военныхъ дѣйствій губерніи. Приближеніе французовъ и удаленіе господъ приводило къ мысли, что Наполеонъ и французы несутъ съ собой волю крестьянамъ. Движеніе выражалось въ разгромѣ барскихъ усадебъ, въ уничтоженіи или дѣлежѣ барскаго добра, въ изгнаніи дворовыхъ, какъ людей болѣе близкихъ къ господамъ; приказчики и др. сельскія власти, поставленныя помѣщиками, насильственно замѣнялись другими, выборными. Въ сентябрѣ и октябрѣ крестьянскія волненія вспыхиваютъ мѣстами и въ другихъ губерніяхъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ театра войны: Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Новгородской, Вологодской и Пермской. Въ нѣсколькихъ уѣздахъ послѣдней возмутились, между прочимъ, заводскіе крестьяне. Послѣ очищенія французами

Москвы и по мѣрѣ отступленія ихъ изъ предѣловъ Россіи, крестьянскія волненія затихаютъ.

Мѣры Растопчина къ охранѣ спокойствія въ столицѣ.

Вернемся къ тѣмъ мѣрамъ, которыя Растопчинъ принималъ для сохраненія спокойствія въ столицѣ. Положеніе Растопчина было довольно затруднительно, такъ какъ въ іюнѣ общественное вниманіе было уже встревожено извѣстіями о вступленіи Наполеона въ русскіе предѣлы, о занятіи Вильны и отступленіи нашихъ войскъ. Правительственныя извѣстія объ этомъ или очень запаздывали, или были кратки и неопредѣленны, что порождало множество толковъ, которые, распространяясь, еще болѣе преувеличивались и искажались. Въ такихъ обстоятельствахъ Растопчинъ рѣшился, какъ онъ самъ говоритъ, при каждомъ непріятномъ извѣстіи, возбуждать сомнѣніе въ его справедливости. «Это ослабляло впечатлѣніе и, прежде нежели успѣвали удостовѣриться въ справедливости одного извѣстія, приходило обыкновенно новое, въ которомъ также приходилось удостовѣряться». Затѣмъ Растопчинъ разсылалъ своихъ агентовъ, которые бродили по городу, вмѣшивались въ толпу, прислушиваясь къ толкамъ, доносили объ нихъ главнокомандующему или сами распускали какой-нибудь слухъ, чтобы поддержать возбужденіе въ народѣ противъ непріятеля или чтобы ослабить впечатлѣніе какого-нибудь непріятнаго извѣстія. Особенно Растопчинъ старался распространить слухи о жестокомъ отношеніи французовъ къ населенію занятыхъ ими мѣстностей, объ ихъ святотатственныхъ дѣйствіяхъ, какъ, напр., объ устройствѣ въ церквахъ непріятельской кавалеріей конюшенъ для лошадей и пр. «Я ни о чемъ не заботился болѣе,—говоритъ Растопчинъ,—какъ распространить повсюду эти извѣстія... Народъ, узнавши объ этомъ, пришелъ въ ярость и началъ вооружаться. Вотъ причина убіенія французскихъ солдатъ крестьянами». Въ дѣлѣ поддержанія и большаго возбужденія патріотическаго духа въ народѣ была оцѣнена дѣятельность Глинки. Растопчинъ былъ склоненъ относиться къ нему нѣсколько подозрительно, въ виду его большого вліянія на народъ, и отдалъ его даже подъ назоръ полиціи. Самъ Растопчинъ, являясь представителемъ государственной власти въ Москвѣ, желалъ разыгрывать какъ бы роль народнаго трибуна. Но, послѣ посѣщенія Москвы государемъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, Глинкѣ, для поддержанія его дѣятельности, было предложено въ его распоряженіе 300 тыс. руб. Но въ своихъ запискахъ о войнѣ 1812 г. Глинка вспоминаетъ, что онъ «не

прикасался рукой» къ ввѣреннымъ ему сотнямъ тысячъ, предпочитая дѣйствовать на народъ силой нравственнаго убѣжденія. Идеалистъ Глинка не смотрѣлъ на народъ, какъ на невѣжественную и грубую силу, неспособную на чувство неподкупной любви къ отечеству, на которую возможно дѣйствовать только ловкими правительственными мѣрами или силой денегъ.

Растопчинскія афиши. Между тѣмъ въ іюлѣ и августѣ мѣсяцѣ Растопчинъ самъ рѣшилъ прибѣгнуть къ печатному слову, какъ мѣрѣ воздѣйствія на умы общества. Цѣлью его было, какъ онъ объясняетъ, «воздѣйствовать на духъ народа, возбудить его и приготовить ко всѣмъ жертвамъ для спасенія отечества». 1 іюля въ Москвѣ появилась печатная картинка, изображающая кабакъ, съ двуглавымъ орломъ надъ дверями; въ дверяхъ, подъ орломъ, стоитъ «московскій мѣщанинъ, бывшій ратникъ, Корнюшка Чихиринъ», который держитъ рѣчь къ собравшейся около толпѣ крестьянъ по поводу нашествія Бонапарта и французовъ. Рѣчь Корнюшки приложена въ надписи подъ картинкой: «Какъ! Къ намъ? Милости просимъ, хоть на святкахъ, хоть на масленицу; да и тутъ жгутами дѣвки такъ припопонятъ, что спина вздуется горой. Полно демономъ-то наряжаться: молитву сотворимъ, такъ до пѣтуховъ сгинешь!.. Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить. Карлъ-то шведскій пожилистѣй тебя былъ, да и чистой царской крови, да уходился подъ Полтавой, ушелъ безъ возврату. Да и при тебѣ будущихъ-то мало будетъ...Посему и прочее разумѣвай, не наступай, не начинай, а направо кругомъ домой ступай и знай, изъ роду въ родъ, каковъ русскій народъ!»

Такова была первая въ ряду знаменитыхъ Растопчиныхъ афишъ, которыя печатались въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» или выходили отдѣльными листками, разносившимися по домамъ. Изъ Москвы они переходили въ ближайшія губерніи и вездѣ читались съ жадностью. Изъ приведеннаго примѣра видно, что Растопчинъ старается воздѣйствовать на народную массу, возбуждая въ ней чувства хвастливости и пренебрежительнаго отношенія къ врагу, какъ это мы видѣли и въ «Мысляхъ вслухъ на Красномъ крыльцѣ». Впрочемъ, не всѣ афиши таковы. Объявленіе «Отъ главнокомандующаго къ Москвѣ» отъ 9 августа хотя и наполнено также прибаутками, но уже не отличалось хвастливостью Корнюшки Чихирина. Это объявленіе, между прочимъ, замѣчательно тѣмъ, что Растопчинъ предостерегаетъ въ

немъ жителей Москвы отъ довѣрія слухамъ, что Наполеонъ обѣщаетъ народу благоденствіе и свободу: «Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ, а его дѣло кожу драть: обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулитъ фельдмаршальство, нищимъ—золотыя горы, народу—свободу,—а всѣхъ ловитъ за виски, да и въ тиски, и пошлетъ на-смерть». Въ заключеніе Растопчинъ проситъ доставлять къ нему, на съѣзжую, всѣхъ смутьяновъ «изъ нашихъ или изъ чужихъ», которые станутъ выхвалять Наполеона или сулить то или другое.

Пріѣздъ имп. Александра въ Москву и обращенія его къ московскому дворянству и купечеству.

Мѣры Растопчина показываютъ, что онъ ежеминутно ждалъ въ Москвѣ вспышки народнаго мятежа. Что его опасенія были преувеличены, это видно изъ обстоятельствъ пріѣзда имп. Александра въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Москву.

Александръ, находившійся въ началѣ кампаніи при арміи въ Вильнѣ, рѣшилъ, по совѣту близкихъ къ нему лицъ, оставить войска, вернуться въ Москву и Петербургъ и подготовить внутреннія губерніи къ народной оборонѣ. Мысль о томъ, чтобы, по примѣру Испаніи, поднять народъ въ помощь войскамъ противъ грознаго непріятеля, занимала Александра съ самаго начала войны. Объ этомъ онъ пишетъ Барклаю де-Толли въ письмѣ отъ 27 іюня 1812 г.: «Я рѣшился призвать народъ къ истребленію врага, вторгнувшагося въ наши предѣлы, какъ къ такому дѣлу, котораго требуетъ самая вѣра. Надѣюсь, что въ этомъ отношеніи мы не уступимъ испанцамъ». Необходимость въ народномъ ополченіи вызывалась громаднымъ численнымъ перевѣсомъ непріятельскихъ армій надъ русскими и тѣмъ планомъ военныхъ дѣйствій, составившимся въ умахъ наиболѣе дальновидныхъ русскихъ стратеговъ 1812 года, въ основѣ котораго лежало отступленіе и завлеченіе непріятеля въ глубь Россіи. Эти соображенія побудили имп. Александра издать 6 іюля воззваніе къ жителямъ первопрестольной столицы и манифестъ о народномъ ополченіи.

Первый примѣръ добровольнаго ополченія представила Смоленская губернія. Когда, въ началѣ іюля, Александръ проѣзжалъ изъ арміи, по дорогѣ въ Москву, черезъ Смоленскъ, то смоленское дворянство подало ему прошеніе, въ которомъ испрашивало дозволенія вооружиться самимъ и вооружить своихъ крестьянъ въ количествѣ 20 тыс. человѣкъ.

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ имп. Александра въ Москву, 15 іюля, состоялось собраніе московскаго дворянства

и купечества въ залахъ Слободскаго дворца (въ Лефортовѣ). На рѣчь государя о постигшемъ Россію бѣдствіи и необходимости пожертвованій дворянство отозвалось готовностью выставить въ ополченіе по 10 человѣкъ со 100 душъ крестьянъ, обмундированныхъ и снабженныхъ провіантомъ на три мѣсяца, что составляло, по расчету населенія губерніи, 32 тыс. человѣкъ. Московское купечество, по разсказу Растопчина, не болѣе, какъ въ полчаса, собрало по подпискѣ 2.400.000 руб. Городской голова, капиталъ котораго состоялъ изъ 100 тыс., первый подписалъ 50 тыс., и т. д. По свидѣтельству современниковъ, не исключая и гр. Растопчина, вообще чуждаго всякой идеализаціи въ изображеніи эпохи, всѣ сословія готовы были на всевозможныя пожертвованія, жизнью и имуществомъ. Всѣ молодые люди изъ гражданской службы поступали на военную; присутственныя мѣста опустѣли. Дворянство Рязанской губерніи въ своемъ усердіи превзошло даже московское. Оно отправило къ государю въ Москву депутатовъ для заявленія, что готово выставить на защиту отечества 60 тыс. ратниковъ, вооруженныхъ и обмундированныхъ.

Народныя ополченія.

Въ Москвѣ, 18 іюля, имп. Александръ подписалъ манифестъ о «составленіи внутреннихъ силъ для защиты отечества». «По прибытіи нашемъ въ Москву,—говорится въ манифестѣ,—нашли мы, къ совершенному удовольствію нашему, во всѣхъ сословіяхъ и состояніяхъ такую ревность и усердіе, что предлагаемыя добровольно приношенія далеко превосходятъ потребное къ ополченію число людей». Поэтому императоръ считалъ возможнымъ ограничить организацію ополченія только 16 губерніями, «чтобы, составя достаточныя силы изъ однѣхъ губерній, не тревожить безъ нужды другихъ». Ополченія были раздѣлены на три округа.

Ополченіе перваго округа, въ числѣ до 122 тыс. человѣкъ, составилось изъ 8 губерній: Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской и Смоленской. Оно предназначалось «охранять первопрестольную столицу Москву и предѣлы сего округа».

Ополченіе второго округа въ количествѣ около 24 тыс. человѣкъ, составленное изъ губерній Петербургской и Новгородской, предназначалось для охраны Петербурга и предѣловъ округа.

Наконецъ въ составъ ополченія третьяго округа вошло 6 губерній: Казанская, Нижегородская, Симбирская, Пензенская, Костромская и Вятская, выставившія до 63 тыс. человѣкъ.

Всего, слѣдовательно, три округа ополченія выставили болѣе 200 тыс. ополченцевъ.

Всѣ прочія губерніи были освобождены отъ составленія ополченій до тѣхъ поръ, какъ сказано въ манифестѣ, пока «не будетъ надобности употребить ихъ къ равномѣрнымъ отечеству жертвамъ и услугамъ». Кромѣ того, отъ участія въ ополченіи освобождались крестьяне государственные и удѣльные; но они, равно какъ и населеніе губерній, не выставлявшее ополченій, подлежали усиленному набору рекрутъ, а именно, по четыре рекрута со 100 душъ.

Участіе въ войнѣ дворянства.

Организація ополченій потребовала крупныхъ личныхъ и имущественныхъ жертвъ со стороны дворянства. Дворяне, не служившіе въ арміи, изъ отставныхъ и гражданскихъ чиновъ, поступали въ ополченіе.

Московское и петербургское дворянство выставило по 10 человѣкъ на 100 крѣпостныхъ. Общимъ же правиломъ было выставлять 4-хъ ополченцевъ со 100 душъ. Дворянство должно было взять на себя обмундированіе, вооруженіе и содержаніе ополченій, а также снабженіе конныхъ полковъ лошадьми, доставленіе для обозовъ фуръ, подъемныхъ лошадей, воловъ и пр.

Въ настоящее время, по состоянію источниковъ, нѣтъ еще возможности подвести точнаго итога всѣмъ жертвамъ, принесеннымъ народомъ въ 1812 г. Что касается такихъ губерній, какъ Смоленская или Московская, которыя подвергались нашествію непріятеля, опустошенію и разоренію, то и въ будущемъ не предвидится возможности представить полныя цифровыя данныя о всѣхъ потеряхъ населенія этихъ губерній. Но въ губернскихъ и дворянскихъ архивахъ, несомнѣнно, сохранились данныя относительно губерній, принимавшихъ участіе въ ополченіи. Такъ, въ свое время была напечатана роспись «во что обошлась Пензенской губерніи Отечественная война 1812 года». Данныя по Пензенской губерніи, вошедшей въ третій округъ ополченія, являются, нужно думать, болѣе или менѣе типичными. Съ дворянскихъ именій этой губерніи въ ополченіе собрано всего 13.923 человѣка. Обмундированіе и содержаніе ополченія стоило дворянству 1.044.225 руб. Съ дворянства и городскихъ обществъ собрано для обмундированія и укомплектованія лошадьми формировавшагося въ Тамбовѣ пѣхотнаго полка 272.778 руб. 89 коп. На дворянство была возложена безденежная поставка для арміи воловъ, фуръ, повозокъ и лошадей. Кромѣ того, дворянство и

другія сословія сдѣлали рядъ пожертвованій деньгами, хлѣбомъ, холстомъ, оружіемъ и другими вещами, какъ въ пользу своего пензенскаго ополченія, такъ и въ пользу дѣйствующей арміи. Вообще, расходы и пожертвованія по губерніи составляютъ, по документамъ, 2.475.848 руб. 62 коп.

Дворянство русскихъ губерній идетъ на жертвы съ большой готовностью, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и съ большимъ воодушевленіемъ. Исключеніе составляютъ нѣкоторыя западныя и юго-западныя губерніи, напр., Волынская и Лифляндская. Дворянство этихъ губерній было увлечено движеніемъ въ пользу французовъ и Наполеона, которымъ были охвачены Литва и Польша. Такъ, волынскій губернаторъ доносилъ министру полиціи Балашову, что волынское дворянство оказало мало усердія въ дѣлѣ ополченія, «бывъ, по мнѣнію его, готово на большія пособія противной сторонѣ». (Письмо Балашова гр. Аракчееву отъ 23 авг. 1812 г.). Поэтому, по особому Высочайшему повелѣнію, было постановлено ополченію по Волынской губ. не быть, за половину же рекрутъ, какъ въ этой, такъ и въ Подольской губерніи, собирать строевыхъ лошадей, по 4 лошади вмѣсто одного рекрута. Лифляндское ополченіе продержалось одну зиму, и затѣмъ было расформировано въ виду того, что часть его сдалась военно-плѣнными, часть перебѣжала въ лагерь непріятеля, а остальная лежала по госпиталямъ и умирала отъ холеры и другихъ лишеній, вслѣдствіе крайней незаботливости лифляндскаго дворянства о своемъ ополченіи. Вмѣсто 4-хъ ополченцевъ со 100 душъ, лифляндское дворянство выставило только по 1-му. Въ числѣ бывшихъ въ г. Вольмарѣ ратниковъ губернаторъ усмотрѣлъ многихъ неспособныхъ къ службѣ и весьма худо одѣтыхъ людей, въ однихъ лѣтнихъ исподникахъ (въ сентябрѣ—октябрѣ), безъ чулокъ и даже безъ кастелей (латышскихъ башмаковъ); вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было усмотрѣно, что большая часть лошадей, по старости и другимъ недостаткамъ, для службы были негодны. Никакія усилія со стороны курляндскаго губернатора Сиверса побудить лифляндское дворянство выдать ополченію рубахи, сапоги, рукавицы, полушубки и т. п.—не привели ни къ какому результату.

Но и для дворянства внутреннихъ губерній доставка всевозможныхъ сборовъ на содержаніе ополченія и армій, поставка лошадей, подводъ и пр. были очень обременительны. Это видно изъ слѣд. характернаго эпизода, а именно — столкновенія гр.

Аракчеева съ новгородскимъ губернаторомъ Сумароковымъ (въ маѣ — сентябрѣ 1812 г.). Гр. Аракчеевъ, пользуясь своимъ высокопоставленнымъ положеніемъ, въ рѣзкой формѣ выражаетъ губернатору свое неудовольствіе по поводу слѣд. требованій губернскаго начальства: о сборѣ съ дворянскихъ имѣній въ Новгородской губ. кавалерійскихъ и казачьихъ лошадей, со всей для верховой ѣзды принадлежностью и трехмѣсячнымъ содержаніемъ по 30 коп. съ души; о перевозкѣ хлѣба изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ и въ развозкѣ его изъ провіантскихъ магазиновъ въ селенія для печенія сухарей. Въ данномъ столкновеніи съ губернаторомъ Аракчеевъ выступаетъ въ качествѣ новгородскаго помѣщика — владѣльца извѣстнаго с. Грузина, защищающаго интересы своихъ «бѣдныхъ крестьянъ», которые разоряются вслѣдствіе непосильныхъ сборовъ и взысканій. А такъ какъ «война нынѣшняя, — пишетъ Аракчеевъ губернатору, — должна будетъ продолжаться долгое время, то и нужно крестьянъ, не какъ господину, а какъ чиновнику Россійской имперіи, сберегать на будущее время». Дѣло дошло до жалобы Аракчеева въ комитетъ министровъ, который, черезъ министерство полиціи, потребовалъ отъ новгородскаго губернатора объясненій. Въ своемъ отвѣтѣ министерству губернаторъ объясняетъ, что сборъ лошадей былъ произведенъ по распоряженію генералъ-губернатора тверского, ярославскаго и новгородскаго, принца Ольденбургскаго и съ согласія новгородскаго дворянства, что раскладка повинностей губернскимъ начальствомъ производится по соглашенію съ губернскимъ и уѣздными предводителями дворянства, что никто, кромѣ гр. Аракчеева, ни на какую раскладку не жаловался и не рогталъ. «Конечно, — заключаетъ губернаторъ свое доношеніе, — въ нынѣшнее время не легко обывателямъ, то извѣстно и самому Государю Императору, но обстоятельства суть необыкновенныя. Да и когда же жертвы могутъ быть приличнѣе, какъ не нынѣ, когда же удѣлять изъ полнаго, какъ не при защитѣ отечества?»

Изъ документовъ, относящихся до сбора пожертвованій на войну 1812 г. по Ярославской губерніи, видно, что цѣлый рядъ пожертвованій, записанныхъ представителями дворянства и др. сословій, въ дѣйствительности не былъ уплаченъ. Наконецъ правительству и казнѣ по окончаніи войны пришлось удовлетворять многочисленныя ходатайства о возмѣщеніи потерь и

убытковъ, понесенныхъ во время войны въ мѣстностяхъ, захваченныхъ непріятелемъ.

Пожертвованія духовенства.

Что касается лепты духовенства на Отечественную войну, то въ отвѣтъ на іюльскій манифестъ о вооруженіи всего государства Св. Синодъ, сдѣлавъ распоряженіе о повсемѣстномъ въ Россіи молебствіи, постановилъ: во-первыхъ, изъ прибыльной суммы, получаемой отъ свѣчной продажи въ церквахъ, поступившей въ С.-Петербургскій и Московскій опекунскіе совѣты предоставить въ пособіе къ составленію новыхъ силъ $1^1/_2$ милл. руб., во-вторыхъ, пригласить епархіальныхъ архіереевъ, монастырскихъ настоятелей и прочее духовенство къ пожертвованію, или лично отъ себя или отъ архіерейскихъ домовъ и монастырей деньгами, серебряными и золотыми вещами; въ-третьихъ, увольнять безпрепятственно причетниковъ, дѣтей священно и церковно-служителей, при отцахъ находящихся, и семинаристовъ, не выше риторическаго класса, въ ополченіе, если того они пожелаютъ, и выдавать имъ пособіе на одежду и продовольствіе. Дубровинъ приводитъ вѣдомость пожертвованія духовенства по епархіямъ 1812—1813 гг., составленную приблизительно по донесеніямъ, сохранившимся въ архивѣ св. синода. Общій итогъ всѣхъ пожертвованій духовенства сводится къ слѣд. цифрамъ: 934.834 р. $6^1/_2$ к. ассигнаціями, 53 п. 22 ф. 93 д. серебра и 10 ф. $13^1/_2$ з. 68 д. золота. Въ спискѣ жертвователей блещутъ своимъ отсутствіемъ такіе монастыри-капиталисты, какъ Сергіевъ-Троицкій. Кіево-Печерскій, московскій Новодѣвичій. Соловецкій монастырь внесъ 5.000 р. ассигн., московскій Донской—10.000 р. ассигн., московскій Новоспасскій—3п. 6 ф. 20 д. серебра, Симоновъ—2 п. 44 д. серебра,—суммы незначительныя, если принять во вниманіе богатство означенныхъ монастырей и громадныя жертвы, выпавшія на долю другихъ сословій.

Участіе крестьянства въ войнѣ.

Но самая тяжелая доля въ войнѣ выпала на крестьянство. Крѣпостные крестьяне на своихъ плечахъ вынесли 200 тысячное ополченіе, составленное, какъ мы видѣли, исключительно изъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Изъ крѣпостныхъ и государственныхъ крестьянъ пополнялись усиленные комплекты дѣйствующихъ армій. «По душамъ» крестьянъ разверстывались всѣ денежные сборы, поставки лошадей и продовольствія, поставка подводъ, печеніе сухарей и всевозможныя чрезвычайныя повинности, на разорительность которыхъ не даромъ жаловался самъ предсѣдатель департамента военныхъ дѣлъ государственнаго

совѣта — новгородскій помѣщикъ гр. Аракчеевъ. Что касается, въ частности, ополченцевъ, то они принимали ближайшее участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Такъ, московское ополченіе принимало участіе въ Бородинской битвѣ; петербургское и новгородское ополченіе участвовало въ сѣверной арміи Витгенштейна, въ бояхъ при осадѣ Полоцка. Ополченцы третьяго округа участвовали въ операціяхъ главной дѣйствующей арміи при отступленіи непріятеля и въ заграничномъ походѣ 1813 — 1814 гг. Во многихъ случаяхъ ополченцы храбро дерутся и получаютъ офиціальное выраженіе похвалы и благодарности командующихъ генераловъ. Въ особенности въ этомъ отношеніи заслуживаетъ быть отмѣченнымъ случай съ петербургскимъ и новгородскимъ ополченіемъ, участвовавшими въ арміи Витгенштейна при осадѣ Полоцка. Полоцкъ былъ занятъ корпусомъ маршала Сенъ-Сира. Послѣ двухдневнаго упорнаго боя (6 — 8 окт.) Сенъ-Сиръ вынужденъ былъ очистить Полоцкъ. При этомъ оба предводителя враждебныхъ силъ одинаково отдаютъ справедливость храбрости войскъ, силѣ нападеній съ одной стороны и упорству обороны съ другой. Но особенно поразили французскаго маршала смѣлость и храбрость «бородатыхъ воиновъ» (les hommes à grande barbe), т.-е. ратниковъ ополченія, въ первый разъ бывшихъ въ дѣлѣ. «Тутъ бы я могъ убѣдиться въ томъ, — говоритъ Сенъ-Сиръ, — если бы не былъ всегда увѣренъ, что какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ, какъ бы ни были различны формы правленія и общественнаго положенія народовъ, нигдѣ не будетъ недостатка въ хорошихъ воинахъ, чтобы защищать отечество, въ которое вторгнулись иностранцы». Въ приказѣ 8 октября гр. Витгенштейнъ выразилъ «искреннѣйшую благодарность всѣмъ, какъ регулярнымъ войскамъ, такъ особенно дружинамъ петербургскаго ополченія, которыя, бывъ отторжены отъ сельскихъ работъ своихъ и поднявъ въ первый разъ оружіе, оказали чудеса храбрости и мужества»... Много такихъ случаевъ беззавѣтной храбрости рисуютъ историки Отечественной войны, какъ при описаніи дѣйствій нашихъ главныхъ армій, такъ, въ особенности, многочисленныхъ партизанскихъ отрядовъ.

Проявленіе храбрости въ русской арміи и ополченцахъ маршалъ Сенъ-Сиръ объясняетъ естественнымъ чувствомъ патріотизма, охватывающимъ народъ, когда въ его страну вторгаются иностранцы. Но онъ не совсѣмъ правъ, говоря, что въ этомъ случаѣ не имѣютъ значенія формы правленія и общественное

устройство народовъ. Тутъ приходятъ на память слова другого современника событій, адм. Чичагова (Его мемуары въ Biblioth. russe, nouv. série, т. VII, Leipzig, 1862 г. стр. 209): «Патріотизмъ (сознательный) есть чувство слишкомъ возвышенное, чтобы онъ могъ въ значительной степени развиться въ деспотическомъ государствѣ. Въ инстинктивной любви къ своему очагу нельзя отказать русскимъ; но ея нельзя смѣшивать съ просвѣщенной любовью къ своему отечеству свободныхъ народовъ».

Дѣйствительно, при характеристикѣ настроенія крѣпостного крестьянства въ эпоху Отечественной войны намъ уже приходилось отмѣтить, что условія крѣпостной жизни были настолько тяжелы, что во многихъ случаяхъ заглушали чистое чувство любви къ родинѣ, вселяли равнодушіе къ ея судьбамъ и даже возбуждали мятежное настроеніе. Тяжелая атмосфера крѣпостного быта отразилась и при организаціи ополченій и въ состояніи самой дѣйствующей арміи. Такъ изъ документовъ видно, что крѣпостные крестьяне не вездѣ охотно шли на войну. При объявленіи о сборѣ ополченія одни скрываются, другіе нанимаютъ вмѣсто себя рекрутовъ; нѣкоторые прибѣгаютъ къ членовредительству, для избѣжанія военной службы; встрѣчаются случаи неповиновенія крестьянъ и буйства ихъ при выборѣ людей въ ополченіе, какъ это было въ имѣніяхъ кн. Голицына. Въ Инсарѣ же (Пензенской губ.) произошелъ открытый бунтъ ратниковъ ополченія, сопровождавшійся буйствомъ и грабежами.

Состояніе русской арміи.

Что касается главной дѣйствующей арміи, то гр. Растопчинъ, находившійся нѣкоторое время послѣ сдачи французамъ Москвы при арміи Кутузова, въ своей перепискѣ съ имп. Александромъ Павловичемъ и друг. лицами, даетъ такую тяжелую картину ея деморализаціи, что вѣрилось бы съ трудомъ, если бы мы не находили подтвержденія этому въ извѣстіяхъ нѣкоторыхъ другихъ современниковъ и очевидцевъ. Сильнѣйшій упадокъ десциплины, побѣги, неповиновеніе, мародерство и грабежи,—таково состояніе русскаго войска, по изображенію Растопчина. «Солдаты уже не составляютъ арміи, — пишетъ онъ государю отъ 8 сентября съ мѣста стоянки арміи по Тульской дорогѣ, въ 34 вер. отъ Москвы, — это орда разбойниковъ, и они грабятъ на глазахъ своего начальства. Въ эту минуту, на 50 верстъ отсюда, страна разорена совершенно, и гвардейцы дѣйствуютъ заодно съ остальными. Разстрѣливать невозможно: нельзя же казнить смертью по нѣскольку тысячъ человѣкъ на день?..

Безпорядокъ вашей арміи превосходитъ всякое вѣроятіе; она завалена пожитками, и у иныхъ солдатъ имѣется мужикъ съ телѣгою, чтобы возить добычу, набранную въ собственномъ отечествѣ». «Безчинства въ арміи,—пишетъ нѣсколько дней спустя Растопчинъ,—дошли до такой степени, что 15-го числа здѣшній священникъ (с. Вороново, въ 60 вер. отъ Москвы) отказался служить обѣдню, потому что за два дня передъ тѣмъ, во время службы, человѣкъ 20 солдатъ пришли грабить церковь. Если наши крестьяне начнутъ драться съ нашими солдатами (а я этого жду), тогда мы наканунѣ мятежа, который непремѣнно распространится по сосѣднимъ губерніямъ, гдѣ раненые, бѣглые и новобранные полки производятъ такую же неурядицу». Далѣе Растопчинъ разсказываетъ, что въ одной изъ его деревень собралось человѣкъ 50 ополченцевъ; они стрѣляли въ офицера и убили его. Одинъ егерскій офицеръ, бѣжавшій изъ-подъ Можайска съ 15 солдатами, набралъ мародеровъ-ополченцевъ; образовалась шайка въ 70 человѣкъ и грабитъ по всѣмъ деревнямъ до Касимова...

Растопчинъ указываетъ и рядъ ближайшихъ причинъ этихъ печальныхъ явленій: тутъ были ссора и соперничество между главными начальствующими генералами—Кутузовымъ, Беннигсеномъ, Барклаемъ де-Толли и др., и воровство интендантовъ, вслѣдствіе чего въ арміи царятъ голодъ и болѣзни, дряхлость, сонливость и нерадѣніе главнокомандующаго и пр. Въ качествѣ героическаго средства Растопчинъ совѣтуетъ Александру Павловичу рѣшиться пріѣхать въ армію, возстановить въ ней порядокъ и поднять духъ, какъ арміи, такъ и общества, потрясеннаго сдачей Москвы, сопровождая, впрочемъ, это предложеніе такого рода оговоркой: «если рѣшено судьбою паденіе вашей имперіи, вамъ подобаетъ погибнуть вмѣстѣ съ нею и сражаться посреди вашихъ вѣрныхъ подданныхъ»... Въ томъ же духѣ нѣсколько ранѣе, 6 сентября, пишетъ имп. Александру изъ Твери и сестра его вел. кн. Екатерина Павловна. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ она указываетъ на общественное мнѣніе, осуждающее Александра въ недостаточномъ проявленіи энергіи и заключаетъ: «Спасите вашу затронутую честь! Ваше присутствіе можетъ вернуть вамъ умы».

Такъ оба эти вліятельные современники очень пессимистически смотрятъ на положеніе вещей. Дѣйствительность оказалась нѣсколько лучше. Русская армія, воспользовавшись стоянкой фран-

цузовъ въ Москвѣ, немного отдохнула, продовольствіе улучшилось благодаря подвозу изъ южныхъ губерній. Между тѣмъ, деморализація французской арміи шла такими быстрыми шагами, что 7 октября Наполеонъ вынужденъ былъ покинуть Москву. Подъ Малоярославцемъ произошелъ послѣдній серьезный бой съ французами. Въ дальнѣйшемъ русскимъ войскамъ и партизанамъ оставалось добивать бѣгущаго, а частью уже и лежачаго, непріятеля.

И. Катаевъ.

Царство Польское и его конституція.

Въ 1795 году кончило свое существованіе старое Польское государство — Рѣчь Посполитая. Героическія усилія польскихъ патріотовъ спасти его, вернуть ему его потери оказались тщетными и только ускорили наступленіе конца. То были въ сущности уже предсмертныя конвульсіи умиравшаго политическаго организма... Волею исторіи этотъ организмъ оказался неприспособленнымъ къ борьбѣ за существованіе, лишеннымъ необходимѣйшихъ средствъ самозащиты. Все, что дало по этой части народамъ Европы новое время, прошло мимо Польши, не было усвоено ею. Польша не завела у себя настоящей арміи, которая могла бы противостать войскамъ сосѣдей. Въ то время, какъ эти сосѣди располагали огромными постоянными арміями, выученными и вымуштрованными по всѣмъ правиламъ новаго военнаго искусства, Польша продолжала выправлять на войну своихъ помѣщиковъ съ ихъ слугами (шляхетское посполитое рушеніе) и наемныя войска, болѣе или менѣе случайнаго состава и количества. Для лучшей организаціи военныхъ силъ Польша не имѣла средствъ. Ея финансовая система была такая же устарѣлая, какъ и военное устройство, носила такой же средневѣковый отпечатокъ. Правительство для покрытія военныхъ расходовъ могло разсчитывать только на тѣ скудныя поступленія, которыя шли съ казенныхъ имѣній въ размѣрѣ четвертой части доходовъ (кварта). Сверхъ того, шляхта на сеймахъ опредѣляла на военныя нужды экстренные налоги на мѣщанъ и крестьянъ подъ именемъ лановаго (съ земли), шоса (съ ремеслъ, промысловъ и торговли), чоповаго

Крушеніе національнаго Польскаго государства.

Пособія: *Prof. Dr. Anatol Lewicki*, Zarys historyi polskiej az do najnowszych czasów. Krakow 1897.; *Wł. Grabenski*. Dzieje narodu Polskiego. Kraków. 1906.; *Szymon Aszkenazy*, Rosya Polska. 1815—1830 Lwów. 1907.; *Шильдеръ*, императоръ Александръ I; Trzy konstitycje (1791, 1807, 1815). Kraków. 1905. Wydownictwo mloduch prawników.

(акциза) и поголовщины (евреевъ), а духовенство отдѣльно давало добровольное вспоможеніе (subsidium charitativum). Такимъ образомъ, въ удовлетвореніи своей наиважнѣйшей потребности Рѣчь Посполитая зависѣла не столько отъ постоянныхъ установленій, сколько отъ доброй воли своихъ высшихъ классовъ. Попытка четырехлѣтняго сейма создать постоянную регулярную армію на такъ называемый «вѣчный даръ шляхты», т.-е. на постоянный подоходный налогъ съ шляхетскихъ имѣній, явилась уже запоздалою попыткою и притомъ удалась только наполовину: вмѣсто стотысячной арміи оказалось возможнымъ организовать только 65-тысячную. Для поддержанія существованія Рѣчи Посполитой у поляковъ не хватало не только войска и денегъ, но и надлежащаго правительства, которое бы полностью могло пользоваться народными силами и средствами для охраны цѣлости и самостоятельности государства, для развитія его внутренней прочности. Правда, реформы второй половины XVIII вѣка такъ или иначе заполнили учрежденіями то пустое мѣсто, которое было въ Польшѣ тамъ, гдѣ полагается быть центральному правительству. Возникли сначала скарбовыя и войсковыя комиссіи, а затѣмъ постоянный совѣтъ (rada nieustająca) съ ея департаментами иностранныхъ дѣлъ, полиціи, военныхъ дѣлъ, юстиціи и финансовъ. Но всѣ эти учрежденія не могли развивать своей дѣятельности въ мѣру государственныхъ нуждъ и потребностей, пока шляхетскія привилегіи граничили съ свободою отъ всякихъ обязательствъ передъ государствомъ, кромѣ добровольныхъ, пока власть землевладѣльцевъ заслоняла ихъ подданныхъ почти отъ всякаго прямого воздѣйствія государства, пока законодателемъ и вершителемъ всѣхъ дѣлъ оставался властный и въ то же время немощный сеймъ съ его liderum veto. Противъ всего этого наслѣдія средневѣковаго феодализма выступила конституція 3 мая, но выступила недостаточно рѣшительно, а главное слишкомъ поздно, когда значительная часть государства была расхватана сосѣдями. Не могли спасти Рѣчь Посполитую и добродѣтели ея гражданъ. Во-первыхъ, какъ бы велики ни были гражданскія добродѣтели, онѣ не могутъ возмѣстить недостатковъ государственной организаціи. Во-вторыхъ, на ряду съ людьми, жертвовавшими достояніемъ и жизнью для отечества, въ Польшѣ оказалось не мало людей, равнодушныхъ къ его судьбѣ. Для большинства поляковъ шляхетская Рѣчь Посполитая была въ сущности не матерью, а мачехою, державшею ихъ либо въ рабствѣ, либо въ

загонѣ и пренебреженіи. Равнодушны были къ ея судьбѣ и тѣ ея баловни, которые въ обстановкѣ бездѣлья и барства растратили свои творческія и нравственныя силы и жаждали болѣе всего личнаго спокойствія и благополучія [1]).

Умерло старое Польское государство, но не умеръ польскій народъ. Въ немъ бродили еще живыя и творческія силы, какъ показали событія послѣднихъ временъ Рѣчи Посполитой. Эти силы тотчасъ же послѣ крушенія національнаго Польскаго государства направились къ его возсозданію.

Надежды Польши на республиканскую Францію.

По условіямъ историческаго момента польскіе патріоты не могли уже разсчитывать на возсозданіе своего государства силами только польской націи. Польша была подѣлена между сосѣдями и угнетена ярмомъ иноземнаго господства. Сами патріоты въ большинствѣ должны были уже искать спасенія на чужбинѣ, эмигрировать изъ отечества. Находясь, съ другой стороны, подъ впечатлѣніемъ краха Польши отъ неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ, польскіе патріоты естественно и возсозданія Польши стали ожидать отъ поворота этихъ обстоятельствъ. Взоры ихъ обратились прежде всего на республиканскую Францію, которая вела войну съ Австріей и готова была вести борьбу и съ другими монархическими государствами Европы. Составившаяся въ Парижѣ изъ бывшихъ участниковъ возстанія «польская депутація» завязала сношенія съ конвентомъ, а затѣмъ уже, по совѣту французскаго правительства, съ Турціею, которая готовилась воевать съ Австріею и Россіею. Результатомъ всѣхъ этихъ сношеній явилось образованіе въ Валахіи двухтысячной польской арміи, которая должна была при первомъ же благопріятномъ случаѣ вторгнуться въ польскія земли и поднять тамъ знамя возстанія. Эмигранты завели сношенія съ своими единомышленниками и на родинѣ, результатомъ чего было возникновеніе тайныхъ организацій и кружковъ во всѣхъ частяхъ бывшей Рѣчи Посполитой для поддержки эмигрантовъ и готовившагося возстанія.

Этотъ первоначальный планъ, однако, не осуществился. Польскіе патріоты усомнились въ успѣхѣ борьбы, предпринятой

---

[1]) Генералъ Зайончекъ, одинъ изъ участниковъ Костюшковскаго возстанія съ грустью пишетъ въ своей «Исторіи польской революціи въ 1794 году», что Костюшко встрѣтилъ въ шляхтѣ вялость, нерадѣніе и равнодушное отношеніе къ дѣлу: съ трудомъ доставляли рекрутъ, неохотно снабжали войско продовольствіемъ и прочими припасами; при всякой мѣрѣ доставляемаго хлѣба кричали, что наступитъ голодъ и т. д.

параллельно съ Франціею и Турціею противъ Австріи и Россіи, и нашли болѣе цѣлесообразнымъ слиться съ тѣми силами которыя подняли борьбу противъ монархій Европы. Генералъ Генрихъ Домбровскій предложилъ французскому правительству образовать во Франціи полный легіонъ, который вмѣстѣ съ французами будетъ сражаться за дѣло свободы. Но директорія отклонила это предложеніе въ виду закона, запрещавшаго принимать иностранцевъ на французскую службу за жалованье, и направила Домбровскаго къ союзному ломбардскому правительству. Такъ возникли польскіе легіоны на службѣ Ломбардіи. Въ короткое время подъ начальствомъ Домбровскаго и прибывшаго къ нему генерала Князевича образовался пятитысячный отрядъ изъ офицеровъ и рядовыхъ бывшаго польскаго войска, изъ поляковъ, бывшихъ на австрійской службѣ и попавшихъ въ плѣнъ къ французамъ, дезертировъ и того подобнаго люда. Легіоны носили національные мундиры, сохраняли польскій командный языкъ; среди нихъ раздавался маршъ, сочиненный Выбицкимъ: «Еще не сгинула Польша!»

Не скоро, однако, пришлось легіонамъ проливать свою кровь за отечество. Сливъ свое дѣло съ дѣломъ Франціи, поляки неизбѣжно должны были запутаться въ такія общеевропейскія политическія коллизіи и комбинаціи, которыя собственно не имѣли никакого отношенія къ дѣлу возстановленія Польши. Заключенъ былъ миръ въ Кампо-Форміо въ 1797 году, и польскимъ легіонамъ предписано было бездѣйствіе. Французскому послу при константинопольскомъ дворѣ было приказано распустить польскую армію, образовавшуюся въ Валахіи. Затѣмъ одинъ изъ польскихъ легіоновъ долженъ былъ сражаться съ папскими войсками и брать Римъ. Въ 1799 году польскіе легіонеры сражались въ Италіи съ войсками Суворова и были чуть не поголовно истреблены. Пополненные новыми наборами польскіе легіонеры участвовали въ войнѣ съ австрійцами, кончившейся Люневильскимъ договоромъ 1801 года. Но всѣ эти жертвы не приносили пока никакой видимой пользы національному польскому дѣлу. Первый консулъ французской республики Наполеонъ Бонапартъ, заключивъ съ Павломъ I миръ, далъ прямое обѣщаніе прекратить поддержку польскаго дѣла. Польскіе легіонеры были переданы имъ королевству Этруріи и Цизальпинской республикѣ. Легіонеровъ охватила досада и отчаяніе. Князевичъ вышелъ въ отставку; Домбровскій намѣревался поступить въ турецкое подданство. Офицеры ломали шпаги и покидали

службу; ихъ примѣру послѣдовали и рядовые, истосковавшіеся по родинѣ и своимъ домашнимъ очагамъ. Свое отношеніе къ польскому дѣлу Наполеонъ обнаружилъ ярко въ томъ, что въ 1802 году отправилъ польскій легіонъ, переданный было Этруріи, на островъ Гаити для усмиренія возставшихъ негровъ. Немного, сто съ чѣмъ-то человѣкъ, изъ 2.750 легіонеровъ вернулись въ Европу. Остальные погибли въ бою отъ болѣзней и лишеній и въ плѣну у англичанъ; около трехсотъ было брошено французами въ Гаити на произволъ судьбы и остались намъ навсегда.

Планъ Чарторыйскаго.

Когда исчезли надежды на возстановленіе Польши съ помощью Франціи и ея союзниковъ, выдвинулся планъ, какъ разъ обратный — возстановленіе Польши при помощи враговъ Франціи. Планъ этотъ возникъ въ головѣ друга императора Александра I — кн. Адама Чарторыйскаго, русскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Послѣ того, какъ Пруссія отказалась присоединиться къ коалиціи Россіи, Австріи, Швеціи и Англіи противъ Наполеона, Чарторыйскій сталъ совѣтовать Александру занять прусскую Польшу, склонить Австрію къ уступкѣ Галиціи и объявить себя польскимъ королемъ. Планъ этотъ сдѣлался широко извѣстнымъ и возбудилъ энтузіазмъ въ польскомъ населеніи. Когда Александръ проѣздомъ на войну заѣхалъ въ Пулавы къ князьямъ Чарторыйскимъ, поляки изъ всѣхъ частей Польши привѣтствовали его, какъ будущаго короля Польши. Планъ Чарторыйскаго не удался, ибо прусскій король, испугавшись возстановленія Польши подъ скипетромъ русскаго царя, поспѣшилъ примкнуть къ коалиціи и заключилъ съ Александромъ оборонительно - наступательный союзъ. Но планъ оказался полезенъ для польскаго дѣла въ томъ отношеніи, что вызвалъ конкуренцію со стороны Наполеона, который задумалъ донять Пруссію такъ же, какъ предлагалъ Чарторыйскій Александру, т.-е. при помощи поляковъ онъ поручилъ генералу Заёнчку составить на Рейнѣ сѣверный легіонъ изъ польскихъ солдатъ, дезертировавшихъ изъ прусской арміи, и добровольцевъ.

Наполеонъ и Польша.

Для возбужденія поляковъ Наполеонъ приказалъ напечатать и распространить сочиненіе Рульера «Исторія анархіи въ Польшѣ», въ которой доказывалась прусская инициатива въ первомъ раздѣлѣ Польши, и «Мемуары относительно польской революціи» Пистора. Разбивъ пруссаковъ при Іенѣ и вступивъ въ Берлинъ, Наполеонъ провозгласилъ польскую войну, побуждая поляковъ къ возстанію. Напрасно прусскій король грозилъ разстрѣломъ въ двадцать четыре часа за измѣну. Отвѣтомъ было

народное возстаніе во всѣхъ великопольскихъ повѣтахъ и разоруженіе прусскихъ гарнизоновъ между Варшавою и Вислою. Французовъ встрѣчали повсюду, какъ избавителей, выносили имъ угощеніе, цѣловали даже ихъ коней.

Наполеонъ, однако, былъ холоденъ ко всѣмъ этимъ изліяніямъ благодарности. Еще въ бытность въ Познани онъ заявилъ польскимъ патріотамъ: «Посмотримъ, достойны ли поляки быть націей; ваша судьба въ вашихъ рукахъ». Прибывъ въ Варшаву, онъ потребовалъ, чтобы его армія была немедленно снабжена всѣмъ необходимымъ; въ противномъ же случаѣ онъ выжжетъ страну и отдастъ ее на расправу врагамъ. Польша въ его глазахъ была только средствомъ, а не цѣлью его политики. Поэтому и при заключеніи Тильзитскаго мира Наполеонъ сообразовался не столько съ чаяніями и надеждами поляковъ, имъ же самимъ возбужденныхъ, сколько съ отношеніемъ силъ боровшихся государствъ. За Россіею остались всѣ ея польскія земли, и, кромѣ того, она получила изъ прежнихъ прусскихъ владѣній Бѣлостоцкій округъ въ 160 квадратныхъ миль съ 280 тыс. населенія. Австрія сохранила всѣ свои владѣнія, а Пруссія — весь первый заборъ и часть второго. Городъ Данцигъ былъ объявленъ вольнымъ городомъ, а изъ остальной части прусскихъ владѣній Наполеонъ образовалъ *Варшавское герцогство*, пространствомъ въ 1.860 квадратныхъ миль съ населеніемъ въ 2.400.000 человѣкъ. Во вниманіе къ своему новому другу и союзнику—императору Александру I Наполеонъ постарался снять съ этого герцогства всякій обликъ національнаго польскаго государства. Данная герцогству конституція избѣгала выраженій «поляки», «польскій», замѣняла ихъ словами: «народы Варшавы и Великой Польши», «варшавскій».

Герцогство Варшавское.

Но хотя мечты польскихъ патріотовъ и не сбылись полностью, все же для нихъ было великое утѣшеніе въ томъ, что въ самомъ центрѣ польской территоріи образовалось политическое ядро, которое при благопріятныхъ обстоятельствахъ могло разрастись, вобрать въ себя и другія польскія земли. Факты подтверждали это. Во время борьбы Австріи съ Наполеономъ въ 1809 году герцогству удалось не только вытѣснить вторгшихся австрійцевъ, но и занять значительную часть польскихъ земель, находившихся подъ австрійскимъ владычествомъ. Въ награду за помощь, оказанную поляками французамъ, герцогство получило по Вѣнскому договору 1809 года весь второй захватъ Австріи и часть перваго. Территорія его и населеніе увеличились почти вдвое (на

919 квадр. миль и 1½ милл. населенія). Дарованная герцогству 22 іюня 1807 года конституція давала возможность этому политическому ядру отвердѣть и усилиться внутренне и набраться жизненныхъ силъ. Конституція, признавая католическую религію господствующей, въ то же время допускала и другія вѣроисповѣданія безъ всякихъ ограниченій въ правахъ ихъ послѣдователей, гарантируя, такимъ образомъ, внутренній религіозный миръ. Соціальному миру служили статьи, уничтожавшія крѣпостное право и всѣ сословныя привилегіи и объявлявшія всѣхъ гражданъ равными передъ законами. Конституція давала герцогству и сильную правительственную власть, недостатокъ которой былъ больнымъ мѣстомъ старой Польши. Исполнительная власть по этой конституціи должна была находиться въ рукахъ наслѣдственнаго короля, обладающаго правомъ законодательной иниціативы и назначенія епископовъ и всѣхъ должностныхъ лицъ и имѣющаго ближайшихъ помощниковъ въ лицѣ министровъ и государственнаго совѣта. Министры юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и исповѣданій, военный, финансовъ и доходовъ, полиціи и статсъ-секретарь должны были завѣдывать отдѣльными отраслями управленія по принадлежности; государственный же совѣтъ (rada stanu), состоящій изъ всѣхъ министровъ и четырехъ референдаріевъ, долженъ былъ изготовлять проекты законовъ, разрѣшать споры о подсудности между судебными властями и исполнительными органами, привлекать къ отвѣтственности чиновниковъ и т. д., дѣйствуя во всемъ этомъ съ утвержденія короля. Часть своей власти король могъ передать вице-королю; если же королю не будетъ угодно назначить вице-короля, онъ назначаетъ предсѣдателя государственнаго совѣта. Въ шести департаментахъ, на которые дѣлилось герцогство, административная власть поручалась префектамъ, въ шестидесяти повѣтахъ, подраздѣленіяхъ департаментовъ, — подпрефектамъ, въ сорока гминахъ — бургомистрамъ; при всѣхъ этихъ начальникахъ состояли совѣты изъ гражданъ — *рады*, избранныя на шляхетскихъ повѣтовыхъ сеймикахъ (департаментскія и повѣтовыя рады) и на гминныхъ собраніяхъ (гминныя рады). Для всѣхъ жителей, безъ различія сословій и вѣроисповѣданій, учреждены были по одному гражданскому трибуналу на департаментъ, по одному уголовному трибуналу на два департамента, одинъ высшій апелляціонный судъ для всего герцогства; функціи высшаго кассаціоннаго суда долженъ былъ отправлять государственный совѣтъ. Обязательную силу получилъ въ гер-

Его конституція.

цогствѣ гражданскій кодексъ Наполеона, проводившій начало равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, гражданскіе браки и разводы. И легко видѣть, что въ организаціи управленія Варшавскаго герцогства отразились въ извѣстной мѣрѣ тогдашніе французскіе порядки. Еще болѣе справедливо это относительно законодательной власти, которая такъ же, какъ въ имперіи, расчленялась и была въ подчиненіи у исполнительной власти. Органомъ законодательной власти былъ сеймъ, созывавшійся королемъ каждые два года на 15 дней и состоявшій, какъ въ старину, изъ двухъ избъ — сенаторской и посольской. Но составъ этихъ палатъ былъ уже не тотъ, что прежде. Сенаторская изба составлялась изъ восемнадцати пожизненныхъ членовъ, назначаемыхъ королемъ: шести епископовъ, шести воеводъ, шести каштеляновъ; но въ ней уже не было министровъ. Посольская изба составлялась не только изъ шестидесяти пословъ, избираемыхъ шляхетскими повѣтовыми сеймиками, но и изъ сорока депутатовъ, избираемыхъ гминными, муниципальными собраніями собственниковъ - нешляхтовъ, плебановъ и викаріевъ, ремесленниковъ и купцовъ, артистовъ, отставныхъ унтеръ - офицеровъ и солдатъ и офицеровъ; кромѣ того, въ посольской избѣ засѣдали и члены государственнаго совѣта съ рѣшающимъ голосомъ. Прохожденіе дѣлъ черезъ сеймъ не имѣло ничего общаго съ прежними сеймовыми порядками и въ общемъ согласовано было съ теченіемъ французскаго законодательства. Во - первыхъ, повѣтовые сеймики и гминныя собранія должны были только избирать пословъ и депутатовъ; но они не имѣли права заниматься предварительнымъ обсужденіемъ подлежащихъ сеймовому рѣшенію вопросовъ, составлять просьбы, давать посламъ и делегатамъ инструкціи. Законодательная инициатива предоставлялась государственному совѣту исключительно. Для разсмотрѣнія законопроектовъ, вносимыхъ государственнымъ совѣтомъ, посольская изба въ самомъ началѣ сессіи избирала три комисіи: финансовъ, гражданскаго законодательства и уголовнаго. Получивъ законопроектъ, комиссія обсуждала его, сносясь съ соотвѣтствующимъ министромъ, и затѣмъ вносила въ посольскую избу. Пренія вели лишь члены комиссіи и государственнаго совѣта, а остальные послы и депутаты должны были только слушать эти пренія и по окончаніи ихъ, по предложенію маршалка избы, тайно голосовать. Проектъ, принятый большинствомъ голосовъ, долженъ былъ представляться затѣмъ на санкцію сената. Сенатъ или санкціонируетъ рѣшеніе посольской избы, или

отвергаетъ его, если находитъ, что оно послѣдовало безъ соблюденія законныхъ формальностей, угрожаетъ спокойствію страны или противно духу конституціи. Въ случаѣ неутвержденія по формальнымъ причинамъ, король, заслушавъ мнѣніе государственнаго совѣта, предлагаетъ посольской избѣ вновь разсмотрѣть проектъ, и если изба снова допуститъ нарушеніе законныхъ формальностей, распускаетъ ее и назначаетъ новые выборы. Но король можетъ найти, что неправъ сенатъ, отвергая законопроектъ. Тогда онъ можетъ назначить шесть новыхъ воеводъ и шесть новыхъ каштеляновъ и внести рѣшеніе посольской избы на новое разсмотрѣніе сената. Рѣшеніе посольской избы, санкціонированное сенатомъ или даже опубликованное королемъ, вопреки мнѣнію сената, немедленно же становится закономъ. Всѣ должности и званія должны были замѣщаться гражданами герцогства; все официальное законодательство вестись на польскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, польская народность, предназначенная было къ онѣмеченію, снова получила въ законодательствѣ, администраціи, судѣ и школѣ свой родной языкъ, доступъ къ службѣ и политической жизни. Пользуясь всѣмъ этимъ, польскіе патріоты, участники великаго сейма, возстанія Костюшки и эмиграціонныхъ трудовъ, стали у кормила правленія Варшавскаго герцогства и развили энергическую дѣятельность по его внутреннему устроенію. Особенно плодотворна была дѣятельность *эдукаціонной избы*, подчиненной министру внутреннихъ дѣлъ. Она покрыла небольшое княжество цѣлою сѣтью низшихъ школъ, увеличивъ число ихъ съ 147 до 1.110, умножила и среднія школы. Патріоты не забыли и о высшемъ образованіи. Были учреждены школы правовѣдѣнія, медицинская, инженерное училище, артиллерійское и т. д.

Но какъ ни цѣнны были всѣ эти внутренніе задатки для дальнѣйшаго развитія, маленькое Варшавское герцогство среди сосѣднихъ великихъ державъ, владѣвшихъ крупными частями полной государственной территоріи, могло существовать и развиваться только при особо благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Такія благопріятныя обстоятельства послѣ войны 1809 г. наступили въ 1812 году, во время борьбы Наполеона съ Россіею.

Конфедерація 1812 г.

Въ іюнѣ 1812 года въ Варшаву явился архіепископъ Прадтъ, назначенный французскимъ посломъ при дворѣ саксонскаго короля, и нарисовалъ полякамъ перспективу возможнаго при наступающихъ обстоятельствахъ возрожденія ихъ отечества соб-

ственными ихъ усиліями. Польскіе патріоты приняли это указаніе къ руководству. Совѣтъ министровъ, которому осторожный король Фридрихъ-Августъ особымъ декретомъ передалъ правительственную власть, поспѣшилъ немедленно созвать чрезвычайный сеймъ для принятія соотвѣтствующихъ рѣшеній. На сеймѣ была прочитана петиція отъ жителей забранныхъ Россіею земель, призывавшая сеймъ къ возстановленію Польши въ историческихъ границахъ. Правда, что эта петиція была составлена и подписана только нѣсколькими десятками лицъ, проживавшихъ въ Варшавѣ. Но при создавшемся уже настроеніи умовъ, и эта петиція была достаточнымъ основаніемъ для постановки вопроса о возсозданіи отчизны. Волковымская прокламація Наполеона, объявлявшая вторую польскую войну, возбудила сильнѣйшій энтузіазмъ поляковъ. По полученіи ея министръ финансовъ, бывшій посолъ четырехлѣтняго сейма Тадеушъ Матушевичъ, произнесъ рѣчь, въ которой, упомянувъ о Франціи и Наполеонѣ, заявилъ, что пришелъ моментъ возрожденія родины: «Итакъ, вновь будетъ Польша! Что я говорю? Есть уже Польша!» Наполнявшая залу засѣданій публика восторженно привѣтствовала эти слова; восторгъ передался и толпѣ, собравшейся подъ окнами сеймоваго зала. По предложенію Матушевича, сеймъ провозгласилъ польскій народъ снова соединеннымъ въ одно тѣло, объявилъ о заключеніи генеральной конфедераціи польскаго народа и приглашалъ жителей всѣхъ забранныхъ земель собираться на сеймики и присоединяться къ конфедераціи[1]). Сеймъ учредилъ затѣмъ «генеральный совѣтъ» конфедераціи польскаго королевства» изъ десяти своихъ членовъ подъ предсѣдательствомъ маршалка кн. Адама Чарторыйскаго, и, передавъ власть этому совѣту, разошелся. Всѣ эти дѣйствія сейма затрогивали не только Россію, но и Пруссію, и Австрію, коимъ гарантированы были ихъ польскія владѣнія по Тильзитскому и Вѣнскому договорамъ. Наполеонъ игнорировалъ это и разсматривалъ польское движеніе, какъ направленное исключительно противъ Россіи. Когда въ качествѣ депутата отъ генеральнаго совѣта конфедераціи явился къ нему Выбицкій, Наполеонъ заявилъ: «Если бы я былъ полякомъ, я думалъ бы и поступалъ, какъ вы... Я люблю вашъ народъ... Хвалю все, что вы сдѣлали... Если ваши желанія и дѣйствія будутъ единодушными, вы можете надѣяться... Пусть Литву, Жмудь, Витебскъ, Могилевъ, Волынь, Украйну и

---

[1]) Рѣшено было отправить къ Наполеону и саксонскому королю депутацію съ просьбою о покровительствѣ и помощи возрождающемуся государству.

Подолію воодушевитъ тотъ самый духъ, который я видѣлъ въ Великой Польшѣ—и Провидѣніе увѣковѣчитъ успѣхомъ святость вашего дѣла». Эти заявленія сильно расхолодили польскихъ патріотовъ, засѣдавшихъ въ «генеральномъ совѣтѣ конфедераціи». Совѣтъ перестал работать, а его предсѣдатель даже уѣхалъ изъ Варшавы.

Какъ бы то ни было, но войска герцогства Варшавскаго подъ начальствомъ князя Понятовскаго соединились съ «великою арміею» и раздѣляли всѣ ея труды, опасности, побѣды и пораженія. Кромѣ войска герцогства, въ составѣ великой арміи были и тѣ польскіе полки, которые были на жалованьи у французовъ и сражались раньше въ Испаніи (такъ называемый «привислянскій легіонъ» и «шволежеры», легкая кавалерія подъ начальствомъ Красинскаго). Всего подъ знаменами Наполеона сражалось около 80 тысячъ поляковъ, которые распредѣлены были по разнымъ корпусамъ. Поляки не покинули Наполеона и послѣ того, какъ французскія войска и союзники вышли изъ предѣловъ Россіи и Польши. Кн. Понятовскій съ остатками польскаго войска сражался подъ Лейпцигомъ, гдѣ и закончилъ свои дни, потонувъ въ волнахъ Эльстера. Но, несмотря на полное пораженіе Наполеона, усилія польскихъ патріотовъ не пропали даромъ. Эти усилія произвели извѣстное моральное впечатлѣніе, воочію показали, что народъ не умеръ, что онъ хочетъ жить своею собственною національною жизнью и готовъ нести великія жертвы за эту жизнь. Это моральное впечатлѣніе легло, несомнѣнно, на чашку вѣсовъ, когда взвѣшивалось устройство Польши по окончаніи борьбы съ Наполеономъ.

Александръ Польша.

Послѣ крушенія надеждъ, связанныхъ съ Наполеономъ, въ верхнихъ кругахъ польскаго общества снова возобладало теченіе, стремившееся къ возрожденію Польши въ единеніи съ Россіею. Въ этомъ направленіи стала работать и польская публицистика. Императоръ Александръ пошелъ навстрѣчу этому польскому теченію. Онъ написалъ письмо Костюшкѣ, въ которомъ говорилъ о своемъ желаніи имѣть въ Польшѣ свою Венгрію. Польскія войска, сражавшіяся противъ Россіи, по возвращеніи на родину, не распускались, а отданы были подъ начальство великаго князя Константина. Герцогству Варшавскому были даны разныя податныя льготы. Но мысль о возстановленіи Польши подъ скипетромъ русскаго императора разбилась о противодѣйствіе со стороны другихъ державъ, главнымъ образомъ, Англіи, Франціи и

Вѣнскій конгрессъ. Австріи, не желавшихъ черезчуръ большого усиленія Россіи. На Вѣнскомъ когрессѣ произведено было не возстановленіе прежняго Польскаго государства, въ полномъ объемѣ, даже не возстановленіе герцогства Варшавскаго, а новое раздѣленіе польскихъ земель. Россія удержала за собою прежнія свои владѣнія, полученныя по первымъ tремъ раздѣламъ и Тильзитскому договору 1807 г. Пруссія также удержала за собою все, что оставлено было ей по Тильзитскому договору, съ присоединеніемъ города Данцига съ округомъ. За Австріею признаны были-королевства Галиціи и Лодомеріи вмѣстѣ съ Тарнопольскимъ повѣтомъ, возвращеннымъ Россіею, и территоріею около Кракова и копями Велички. Бывшее Варшавское герцогство подѣлено на три части. Изъ двухъ его департаментовъ — Познанскаго и Быдгощскаго было образовано великое герцогство Познанское, отданное прусскому королю. Городъ Краковъ съ округомъ въ 23½ квадратныхъ миль былъ признанъ вольнымъ городомъ, т.-е. самостоятельною республикою подъ покровительствомъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Остальная часть (2.312 квадр. миль) образовала царство (королевство) Польское «неразрывно связанное конституціею съ всероссійскимъ престоломъ». Такимъ образомъ, не только не исполнились чаянія польскихъ патріотовъ, одушевлявшія ихъ къ борьбѣ подъ знаменами Наполеона, но раздѣлено было на части небольшое, полунезависимое государство, которое представляло изъ себя Варшавское герцогство. Однако державы, производя эту операцію, сознавали, что они раздѣляютъ на части живой и даже живучій національный организмъ. Чтобы удовлетворить до извѣстной степени и умиротворить поляковъ, Вѣнскій конгрессъ обязалъ Россію, Австрію и Пруссію дать ихъ польскимъ подданнымъ представительство и національныя учрежденія, регулируемыя образомъ политическаго бытія, которое каждое изъ правительствъ, коему они принадлежатъ, сочтетъ полезнымъ и подходящимъ дать имъ (une réprésentation et institutions nationales, reglées par le mode d'existence politique, que chacun des gouvernememte, au quels ils apartiennent, jugera utile et convenable de leurs accords).

Царство Польское. Царство Польское по своимъ размѣрамъ было еще меньше, чѣмъ герцогство Варшавское. Тѣмъ не менѣе, оно съ самаго начала сосредоточило на себѣ всѣ національныя симпатіи и политическія упованія поляковъ. Важно было уже и то, что на Вѣнскомъ конгрессѣ оно было признано не автономною провинціею Россіи, а государствомъ, соединеннымъ съ Россіею реальною уніею (lié

irrévocablement par sa constitution). Это было, если угодно, своего рода иронія дипломатіи надъ планами возстановленія Польскаго государства, съ которыми носился Александръ. Александръ мечталъ о соединеніи съ Варшавскимъ герцогствомъ и другихъ земель бывшей польской Рѣчи Посполитой. Конгрессъ предоставилъ ему это сдѣлать, но только на счетъ собственныхъ владѣній. «Его Императорское Величество, — гласитъ финальный актъ конгресса, сохраняетъ за собою право придать этому государству, пользующемуся опредѣленнымъ управленіемъ, внѣшнее протяженіе, какое онъ сочтетъ подходящимъ» (S. M. Imperiale se reserve de donner à cet Etat, jouissant d'une administration distincte, l'extension intérieure qu'Elle jugera convenable). Маленькое польское государство, такимъ образомъ, могло при доброй волѣ Александра превратиться въ большое. Александръ выказалъ большое расположеніе своему новому государству. Прибывъ въ Варшаву 12 ноября 1815 года, онъ составилъ комиссію изъ однихъ только поляковъ для выработки конституціи. Первый проектъ изъ 438 статей выработанъ былъ Александромъ Линовскимъ и Людовикомъ Платеромъ. Этотъ проектъ, отличавшійся многословностью и проникнутый духомъ сословности и даже олигархіи, не гармонировавшій съ тѣми общественно-юридическими установленіями, съ которыми уже сжились поляки въ Варшавскомъ герцогствѣ, подвергся критикѣ Чарторыйскаго, Шанавскаго и въ особенности Игнатія Соболевскаго, былъ переработанъ, сокращенъ до 162 статей и представленъ на утвержденіе государя. Александръ, съ своей стороны, при сотрудничествѣ Новосильцова, внесъ въ него нѣкоторыя поправки. Переработанный такимъ образомъ проектъ въ 165 статьяхъ былъ утвержденъ и подписанъ Александромъ 15/27 ноября 1815 года.

Конституція 1815 г. Отношенія Царства Польскаго и Россіи.

Первый «титулъ» новой конституціи касался отношеній Царства Польскаго и Россіи. Оно объявлялось навсегда соединеннымъ съ Россіею. Королевская польская корона принадлежитъ Россійскому императору и его наслѣдникамъ и преемникамъ въ порядкѣ преемства, установленномъ для императорскаго Россійскаго престола. Король, въ случаѣ своего отсутствія, назначаетъ намѣстника особымъ публичнымъ актомъ, въ которомъ означается точно родъ и размѣръ ввѣряемой ему власти. Если намѣстникъ не великій князь изъ царствующаго дома, онъ долженъ быть непремѣнно уроженцемъ Царства Польскаго или натурализованнымъ полякомъ. Намѣстникъ можетъ быть отозванъ королемъ по усмо-

трѣнію. Въ отношеніяхъ внѣшней политики Царство Польское объединялось съ Россіею, при чемъ только общему ихъ государю предоставлялось опредѣленіе участія Польши въ войнахъ, ведомыхъ Россіею, въ мирныхъ и торговыхъ трактатахъ, заключаемыхъ ею. Но всѣ издержки, которыя будутъ вызываться отправленіемъ россійскихъ войскъ въ Польшу и польскихъ въ Россію, равно переходами ихъ черезъ области того или другого государства, должны падать на ту страну, которой будутъ принадлежать эти войска. Польскія войска не могли быть употребляемы за предѣлами Европы.

Общія гражданскія гарантіи.

Второй «титулъ» содержалъ общія гражданскія гарантіи. Католическая религія, исповѣдуемая большинствомъ жителей Царства Польскаго, объявлялась предметомъ особаго покровительства правительства, безъ ущерба, однако, для свободы другихъ вѣроисповѣданій, которымъ предоставлялось безъ всякихъ ограниченій публично совершать свои обряды подъ протекціею правительства. Разница христіанскихъ вѣроисповѣданій не должна обусловливать различіе гражданскихъ и политическихъ правъ. Земельныя имущества, находящіяся во владѣніи римско-католическаго и греко-унитскаго духовенства и имѣющія ему быть впредь пожалованными изъ государственныхъ земель, должны составлять неотъемлемую и общую собственность духовной іерархіи. Въ сенатѣ Царства Польскаго должно быть столько римско-католическихъ бискуповъ, сколько будетъ по закону воеводствъ; сверхъ того, имѣетъ засѣдать одинъ греко-унитскій епископъ. Духовенству евангелическо-аугсбургскаго и евангелическо-реформатскаго вѣроисповѣданія обѣщалась ежегодная субсидія по назначенію короля. Всѣ граждане объявлялись равными передъ закономъ, имъ гарантировалась свобода печати и старинные кардинальные права: Neminem captivari permittemus, nisi iure sictum. Въ силу этого права задержаніе гражданина можетъ происходить только въ случаяхъ и формахъ, предусмотрѣнныхъ закономъ. Поводы задержанія должны быть немедленно объявлены письменно арестованному, который не позже, чѣмъ по истеченіи трехъ дней, долженъ быть представленъ подлежащему суду для производства слѣдствія и учиненія приговора; оправданный на первомъ слѣдствіи выпускается на свободу; въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, представившій поруку, можетъ быть освобожденъ временно. Никто не можетъ подвергнуться наказанію иначе, какъ по закону и приговору подлежащаго суда; приговоренный къ наказанію будетъ

отбывать его въ Царствѣ Польскомъ, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ законѣ. Всякая собственность, какого бы то ни было рода и наименованія, гдѣ бы она ни находилась, на поверхности земли или въ ея нѣдрахъ,—священна и неприкосновенна. Но въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, правительство имѣетъ право требовать уступки собственности на общественную пользу за справедливое предварительное вознагражденіе. Въ публичномъ дѣлопроизводствѣ, административномъ, судебномъ и военномъ, будетъ употребляться польскій языкъ. Гражданскія и военныя должности имѣютъ отправляться только поляками, причемъ предсѣдателями судовъ первой инстанціи, воеводскихъ комиссій и апелляціонныхъ трибуналовъ, членами воеводскихъ совѣтовъ, сеймовыми послами и депутатами, сенаторами могутъ быть только земельные собственники (propriétaires fonciers). Всѣ чиновники могутъ быть смѣщаемы по волѣ той же самой власти, которая ихъ назначаетъ, и всѣ безъ исключенія отвѣтственны за свои дѣйствія по должности. Народъ польскій на вѣчныя времена будетъ имѣть представительство въ сеймѣ, состоящемъ изъ короля (царя), двухъ избъ, сенаторской и посольской. Каждый иноземецъ, коль скоро онъ легитимируется, будетъ пользоваться наравнѣ съ другими обывателями покровительствомъ законовъ и всѣми выгодами, съ ними сопряженными. Онъ можетъ оставаться въ странѣ, уходить изъ нея, возвращаться, пріобрѣтать земельную собственность и доискиваться натурализаціи. Каждый иноземецъ, пріобрѣтя земельную собственность и натурализовавшись, выучившись польскому языку и проживъ безупречно пять лѣтъ въ странѣ, можетъ быть допущеннымъ къ занятію публичной должности.

Организація управленія.

Третій «титулъ», самый обширный, посвященъ организаціи управленія въ Царствѣ Польскомъ. Правительство страны сосредоточивается въ особѣ короля, которая священна и неприкосновенна. Король обладаетъ исполнительною властью во всемъ ея объемѣ. Всякая исполнительная или административная власть можетъ имѣть только отъ него свое происхожденіе. Всякіе публичные акты судовъ, трибуналовъ и магистратуръ издаются отъ его имени; монеты и штемпеля носятъ указанные имъ знаки. Передвиженіе вооруженной силы во время мира и войны, назначеніе командировъ и офицеровъ принадлежитъ исключительно королю. Король распоряжается доходами государства сообразно съ выработаннымъ бюджетомъ, имъ самимъ утвержденнымъ. Право объявле-

нія войны и заключенія всякихъ трактатовъ и договоровъ оставляется за королемъ. Онъ назначаетъ сенаторовъ, министровъ, членовъ государственнаго совѣта, референдаріевъ, предсѣдателей воеводскихъ комиссій, предсѣдателей и членовъ разныхъ судовъ, дипломатическихъ и торговыхъ агентовъ и всякихъ другихъ чиновниковъ либо самъ непосредственно, либо чрезъ уполномоченныя на то власти. Онъ же назначаетъ архіепископовъ и епископовъ разныхъ исповѣданій, суфагоновъ, прелатовъ и каноников. Право помилованія принадлежитъ королю, который можетъ отмѣнить или измѣнить наказаніе. Монарху принадлежитъ право установленія и раздачи орденовъ военныхъ и гражданскихъ, право пожалованія шляхетства, натурализаціи и почетныхъ званій. Всѣ приказы и постановленія короля должны скрѣпляться подписью соотвѣтствующаго министра, который является отвѣтственнымъ за все, что въ этихъ приказахъ и постановленіяхъ будетъ противорѣчить конституціи и законамъ. Всѣ преемники государя, даровавшаго конституцію, обязаны будутъ короноваться польскою короною въ столицѣ царства по установленному обряду и приносить присягу по установленной формулѣ въ соблюденіи конституціи. Въ случаѣ установленія въ Россіи регентства, устанавливается таковое же и въ Царствѣ Польскомъ. Регентство царства слагается изъ регента россійскаго, четырехъ членовъ, избранныхъ сенатомъ, и министра статсъ-секретаря и засѣдаетъ въ столицѣ Россійской имперіи подъ предсѣдательствомъ россійскаго регента. Всѣ члены регентства обязаны принести присягу въ соблюденіи конституціи и законовъ царства. Власть регентства — та же самая, что и власть короля, съ тѣмъ ограниченіемъ, что регентство не можетъ назначать министровъ, что всѣ его другія назначенія подлежатъ впослѣдствіи утвержденію короля, и что всѣ его постановленія должны выходить отъ имени короля. При вступленіи короля въ управленіе государствомъ регентство даетъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ; члены его отвѣчаютъ лично и своимъ имуществомъ за все, что совершатъ противъ конституціи и законовъ.

Въ отсутствіе короля управленіе отъ его имени ведется намѣстникомъ и государственнымъ совѣтомъ, состоящимъ при королѣ. Государственный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ короля или его намѣстника слагается изъ министровъ, совѣтниковъ, референдаріевъ и лицъ, коихъ король захочетъ особо ввести въ его составъ. Онъ дѣлится на административный совѣтъ и на общее собраніе. Административный совѣтъ слагается изъ намѣстника,

министровъ пяти правительственныхъ вѣдомствъ и другихъ лицъ, особо приглашенныхъ королемъ. Членамъ административнаго совѣта принадлежитъ только совѣщательный голосъ, а намѣстнику—рѣшающій. Намѣстикъ издаетъ свои постановленія въ соотвѣтствіи съ конституціею, законами и полученнымъ отъ короля полномочіемъ, въ чемъ приноситъ присягу по установленной формулѣ. Каждое его постановленіе, чтобы имѣть обязательную силу, должно быть издано въ совѣтѣ и скрѣплено подписью соотвѣтственнаго министра. Въ бытность короля въ царствѣ власть намѣстника суспендируется, и королю предоставляется работать съ отдѣльными министрами или же созывать административный совѣтъ. Общее собраніе государственнаго совѣта изъ всѣхъ членовъ его, подъ предсѣдательствомъ короля или намѣстника, или—въ ихъ отсутствіи — первенствующаго члена, вырабатываетъ проекты законовъ и установленій, дѣлаетъ постановленія объ отдачѣ подъ судъ чиновниковъ за преступленія по должности, за исключеніемъ тѣхъ, которые принадлежатъ сеймовому суду, рѣшаетъ споры властей о юрисдикціи, обсуждаетъ ежегодные отчеты, представляемые вѣдомствами, собираетъ наблюденія относительно злоупотребленій и всего того, что можетъ вредить конституціи, и дѣлаетъ обо всемъ этомъ общія представленія государю, который отсылаетъ ихъ либо въ сенатъ, либо въ сеймъ, обсуждаетъ и другіе вопросы по приказанію короля или намѣстника, или по желанію начальника того или другого вѣдомства. Всѣ рѣшенія общаго собранія государственнаго совѣта подлежатъ утвержденію короля; тѣ же, кои касаются отдачи подъ судъ чиновниковъ и спора о юрисдикціи, подлежатъ немедленному исполненію.

Исполненіе законовъ ввѣряется разнымъ правительственнымъ вѣдомствамъ, какъ-то: комиссіи вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія, комиссіи юстиціи, выбранной изъ членовъ наивысшаго трибунала, комиссіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи, военной, комиссіи финансовъ. Каждая изъ этихъ комиссій имѣетъ состоятъ подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ министра, для нея назначеннаго. Составъ и вѣдомство комиссій просвѣщенія и юстиціи должны быть опредѣлены органическимъ статутомъ; комиссіи внутреннихъ дѣлъ, военная и финансовая слагаются изъ министра, члена государственнаго совѣта и генеральныхъ директоровъ, согласно установленіямъ органическихъ статутовъ. Кромѣ того, назначается министръ статсъ-секретарь, который долженъ постоянно находиться при особѣ короля и докладывать ему всѣ дѣла, при-

сылаемыя намѣстникомъ, и обратно — присылать намѣстнику королевскія постановленія; ему же ввѣряются и внѣшнія отношенія, насколько они будутъ касаться Царства Польскаго. Всѣ министры и члены правительственныхъ комиссій за нарушеніе конституціи, законовъ и королевскихъ постановленій подлежатъ сеймовому суду. Учреждается особая контрольная палата, которая зависитъ отъ одного только короля, и которая должна провѣрять всѣ денежные отчеты и выдавать квитанціи представляющимъ эти отчеты. Для выполненія приказовъ центральныхъ властей въ воеводствахъ имѣютъ быть воеводскія комиссіи изъ предсѣдателей и комиссаровъ, въ мѣстахъ — муниципальныя власти, въ гминахъ — войты. Все царство дѣлится на восемь воеводствъ (Краковское, Сандомирское, Калишское, Люблинское, Полоцкое, Мазовецкое, Подляшское, Августовское), на 77 повѣтовъ и 51 гмину. Въ воеводствахъ на ряду съ воеводскими комиссіями, органами управленія, устанавливаются органы самоуправленія — воеводскія «рады», изъ совѣтовъ, избранныхъ на шляхетскихъ сеймикахъ (по два отъ каждаго сеймика) и гминныхъ собраніяхъ (по одному отъ каждой гмины). На воеводскихъ «радахъ» избираются члены судовъ первыхъ двухъ инстанцій, окончательно вырабатываются списки кандидатовъ на административныя должности на основаніи представленій сеймиковъ и гминныхъ собраній и вообще охраняется общее благо воеводства согласно особымъ установленіямъ.

Законодательная власть.

Четвертый «титулъ» посвященъ законодательной власти, которая сосредоточивается въ особѣ короля и двухъ сеймовыхъ избахъ, сенаторской и посольской.

Сенатъ слагается изъ принцевъ императорско - королевской крови, бискуповъ, воеводъ и каштеляновъ. Число сенаторовъ не можетъ превышать половины числа пословъ и депутатовъ. Назначаетъ сенаторовъ король; званіе ихъ пожизненно. На каждое вакантное мѣсто воеводы или каштеляна представляетъ королю кандидатовъ самъ сенатъ. Кандидаты должны имѣть не менѣе тридцати пяти лѣтъ отроду, платить не менѣе 2.000 злотыхъ налоговъ и удовлетворять другимъ условіямъ, предписаннымъ законами. Принцы крови имѣютъ право засѣдать въ сенатѣ и голосовать по достиженіи 18 лѣтъ. Для выполненія своей законодательной функціи сенатъ можетъ собираться только во время, объявленное королемъ для сейма. Для выполненія другихъ функцій сенатъ созывается первоприсутствующимъ членомъ. Сенатъ рѣшаетъ вопросы о преданіи суду сенаторовъ, министровъ, членовъ государственнаго со-

вѣта и референдаріевъ за преступленія по должности, либо по указанію короля, либо по жалобѣ посольской избы. Сенатъ же окончательно рѣшаетъ вопросъ относительно законности сеймиковъ и гминныхъ собраній и происходившихъ на нихъ выборахъ, относительно правильности веденія обывательскихъ книгъ какъ сеймиковыхъ, такъ и гминныхъ.

Посольская изба слагается изъ 77 пословъ, выбранныхъ шляхетскими сеймиками, и 51 депутата отъ гминъ, 8 отъ Варшавы и 43 отъ остальныхъ. Послы и депутаты избираются на шесть лѣтъ и выбываютъ по жребію черезъ каждые два года, такъ что треть членовъ посольской избы остается въ своемъ званіи только два года, другая треть—четыре и третья шесть. Чтобы быть избраннымъ въ члены посольской избы, надо имѣть тридцать лѣтъ отроду, пользоваться всѣми гражданскими правами и платить не менѣе ста злотыхъ налоговъ. Состоящій на гражданской или военной службѣ не можетъ быть избраннымъ въ члены посольской избы, если предварительно не получитъ разрѣшенія отъ своего начальства. Въ случаѣ, если бы избранный въ члены посольской избы послѣ избранія занялъ какую-либо платную должность, долженъ быть собранъ новый сеймикъ или гминное собраніе для выбора новаго посла или депутата. Король имѣетъ право распустить посольскую избу, при чемъ обязанъ черезъ два мѣсяца назначить новые выборы пословъ и депутатовъ. Сеймики, на которыхъ избираются послы, члены воеводскихъ совѣтовъ и составляются списки кандидатовъ на административныя должности, созываются королевскимъ указомъ, въ коемъ обозначается время, продолжительность и дѣятельность сеймиковъ. Правомъ голоса на сеймикахъ пользуются только шляхтичи-землевладѣльцы, записанные въ въ обывательскую повѣтовую книгу, составленную воеводскою радою и утвержденную сенатомъ, и имѣющіе не менѣе двадцати одного года отроду. Предсѣдательствуетъ на сеймикѣ назначенный отъ короля маршалокъ. Гминныя собранія, на коихъ избираются депутатъ на сеймъ, членъ воеводской рады и составляется списокъ кандидатовъ на административныя должности, созываются также королемъ. Въ эти собранія допускаются: владѣльцы недвижимой собственности, но не шляхетскаго сословія, платящіе съ нея налогъ; ремесленники и хозяева ремесленныхъ заведеній, купцы, имѣющіе товара на складѣ или въ магазинѣ стоимостью на 10 тыс. злотыхъ, всѣ плебаны и викаріи, профессора, учителя и другія лица, коимъ ввѣрено народное обра-

зованіе, художники, извѣстные талантомъ, знаніемъ или услугами, оказанными торговлѣ или искусству. Никто не можетъ голосовать на гминныхъ собраніяхъ, кто не записанъ въ обывательской книгѣ, не пользуется правомъ гражданства и не имѣетъ двадцати одного года отроду. Списокъ собственниковъ, имѣющихъ право голоса на гминныхъ собраніяхъ, составляетъ воеводская рада; списокъ ремесленниковъ, купцовъ и знаменитыхъ художниковъ составляетъ комиссія внутреннихъ дѣлъ; списокъ плебановъ, викаріевъ и дѣятелей народнаго просвѣщенія — комиссія вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія. На гминныхъ собраніяхъ предсѣдательствуетъ маршалокъ, назначенный королемъ.

Обыкновенный сеймъ собирается по указу короля каждые два года и продолжается тридцать дней. Одинъ только король можетъ его продолжить; онъ же собираетъ и чрезвычайный сеймъ, когда сочтетъ нужнымъ. Членъ сейма во время его сессіи не можетъ быть арестованъ и преданъ суду по уголовному дѣлу безъ согласія той палаты, къ которой онъ принадлежитъ. Сеймъ обсуждаетъ проекты гражданскихъ, уголовныхъ и административныхъ законовъ, которые будутъ ему представлены черезъ государственный совѣтъ, равно такъ же и всѣ проекты, касающіеся ограниченія или измѣненія компетенціи властей и должностей, установленныхъ конституціею, какъ-то: сейма, государственнаго совѣта, вѣдомства полиціи и правительственныхъ комиссій. По предложенію короля сеймъ совѣщается также объ увеличеніи или уменьшеніи податей, налоговъ и всякихъ другихъ политическихъ тягостей, о потребныхъ въ нихъ измѣненіяхъ, о наилучшемъ и болѣе справедливомъ способѣ обложенія, о государственномъ бюджетѣ, объ упорядоченіи монетнаго обращенія, о наборѣ войска и другихъ предметахъ. Сеймъ обсуждаетъ также по предложенію короля и общій отчетъ о состояніи государства, составленный государственнымъ совѣтомъ. По обсужденіи всего этого сеймъ выслушиваетъ заявленія и представленія пословъ и депутатовъ, клонящіяся ко благу и выгодамъ ихъ согражданъ, и пересылаетъ эти заявленія и представленія въ государственный совѣтъ для передачи монарху. Если монархъ передастъ ихъ черезъ государственный совѣтъ на обсужденіе сейма, послѣдній обсуждаетъ проекты, вызванные этими заявленіями и представленіями. Сеймъ можетъ вообще заниматься только тѣми предметами, которые относятся къ его компетенціи или указаны въ актѣ созыва. Совѣщанія сейма публичны, но по желанію десятой части чле-

новъ можетъ быть образованъ тайный комитетъ. Проекты законовъ, выработанные государственнымъ совѣтомъ, вносятся членами его, по приказанію короля, либо въ сенаторскую, либо въ посольскую избу, за исключеніемъ проектовъ финансовыхъ, которые обязательно представляются сначала въ посольскую избу. Для разсмотрѣнія проектовъ въ каждой избѣ тайною подачею голосовъ избираются три комиссіи — изъ трехъ членовъ въ сенаторской избѣ и пяти въ посольской: комиссія финансовыхъ законовъ, комиссія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и комиссія законовъ органическихъ и административныхъ законовъ. Эти комиссіи и сносятся съ государственнымъ совѣтомъ. Внесенные по предложенію короля законопроекты могутъ быть перерабатываемы только государственнымъ совѣтомъ вслѣдствіе представленныхъ ему соображеній отъ сеймовыхъ комиссій. Только члены государственнаго совѣта и сеймовыхъ комиссій при обсужденіи законопроекта въ палатахъ могутъ говорить по-писанному; остальные члены могутъ произносить рѣчи только на память. Члены государственнаго совѣта въ обѣихъ палатахъ имѣютъ совѣщательный голосъ при обсужденіи правительственныхъ законопроектовъ; но они не имѣютъ право вотума, если не состоятъ сенаторами, послами или депутатами. Голосованіе происходитъ открыто. Проектъ, принятый большинствомъ голосовъ, переходитъ въ другую палату, гдѣ долженъ быть принятъ тѣмъ же порядкомъ; при равенствѣ мнѣній проектъ считается принятымъ. Проектъ, принятый одною палатою, не можетъ измѣняться другою, но долженъ быть цѣликомъ либо принятъ, либо отвергнутъ. Принятый обѣими палатами проектъ дѣлается закономъ лишь послѣ санкціи короля. Общій отчетъ о положеніи края, составленный государственнымъ совѣтомъ, читается въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ. Но каждая палата обсуждаетъ его отдѣльно при помощи соотвѣтственныхъ комиссій и представляетъ королю свое мнѣніе объ немъ.

Судебная власть.

Пятый «титулъ» трактуетъ о судебной власти. Судебная власть является по конституціи независимою, въ томъ смыслѣ, что свободна выражать свое мнѣніе въ судѣ, не подчиняясь вліяніямъ высшей власти, администраціи или чьимъ-либо другимъ. Суды состоятъ изъ судей, назначаемыхъ королемъ, и выборныхъ; первые пожизненны и несмѣняемы, вторые несмѣняемы до слѣдующаго выбора. Судья можетъ быть устраненъ отъ должности только по приговору соотвѣтствующей судебной инстанціи за злоупотребленія по должности или другія преступленія. Дисциплинарная власть

надъ назначенными и выборными судьями и надзоръ за точнымъ исполненіемъ ими своихъ обязанностей принадлежитъ наивысшему трибуналу. Для всѣхъ классовъ общества учреждаются прежде всего мировые судьи; ихъ обязанность — примирять стороны. Никакое дѣло не можетъ быть внесено въ гражданскій судъ первой инстанціи, если оно не производилось у мирового судьи, за исключеніемъ тѣхъ, которые по закону не подлежатъ примирительной процедурѣ. Для разбора дѣлъ, стоимостью иска не превышающихъ пятьсотъ злотыхъ, въ каждой гминѣ и въ каждомъ мѣстѣ учреждается судъ гражданскій и полиціи; для разбора дѣлъ, суммою иска превышающихъ пятьсотъ злотыхъ, въ каждомъ воеводствѣ учреждается нѣсколько земскихъ судовъ и съѣздовъ судей, а также торговые суды; для дѣлъ уголовныхъ и исправительной полиціи учреждается въ каждомъ воеводствѣ нѣсколько гражданскихъ судовъ. Учреждается, по крайней мѣрѣ, два трибунала для всего государства, въ которыхъ будутъ разбираться во второй инстанціи дѣла, разбиравшіяся въ судахъ гражданскихъ, уголовныхъ и торговыхъ. Въ Варшавѣ имѣетъ быть наивысшій трибуналъ, въ которомъ, какъ въ послѣдней инстанціи, должны разбираться всякія гражданскія и уголовныя дѣла, за исключеніемъ государственныхъ преступленій. Этотъ трибуналъ состоитъ отчасти изъ сенаторовъ, засѣдающихъ въ немъ по очереди, а отчасти изъ судей, назначаемыхъ королемъ пожизненно. Сеймовый судъ разбираетъ государственныя преступленія и преступленія по должности высшихъ сановниковъ, отдаваемыхъ подъ судъ опредѣленіемъ сената.

Шестой «титулъ» трактуетъ о вооруженной силѣ государства. Эта сила слагается прежде всего изъ войска, состоящаго на дѣйствительной службѣ и жалованьѣ, и затѣмъ милиціи, готовой въ случаѣ надобности его подкрѣпить. Количество войска, состоящаго на иждивеніи страны, опредѣляется монархомъ сообразно съ доходами, опредѣленными въ бюджетѣ. Войско сохраняетъ цвѣта своего мундира, свой національный уборъ и все, что касается его національнаго характера.

Послѣдній, седьмой, «титулъ» содержитъ разныя общія установленія. Имущество и доходы короля слагаются изъ особыхъ имѣній, которыми управляетъ палата или чиновники, назначенные королемъ, затѣмъ изъ дворца королевскаго въ Варшавѣ и дворца саксонскаго. Государственный долгъ гарантируется. Отмѣняется конфискація и ни въ какомъ случаѣ не будетъ возстановлена.

Сохраняются гражданскіе и военные ордена: Бѣлаго Орла, св. Станислава и Военнаго Креста (virtuti militari). Конституціонный уставъ имѣетъ быть развитъ органически статутами. Тѣ изъ нихъ, которые не будутъ изданы немедленно, подлежатъ предварительному разсмотрѣнію въ государственномъ совѣтѣ. Первый бюджетъ доходовъ и расходовъ имѣетъ быть составленъ королемъ и государственнымъ совѣтомъ; измѣняться этотъ бюджетъ долженъ уже королемъ и обѣими палатами. Все, что не входитъ въ содержаніе органическаго статута и книги законовъ, и все, что не подлежитъ внесенію на сеймъ, можетъ быть предметомъ королевскихъ постановленій и правительственныхъ предписаній. Органическіе статуты и книги законовъ не могутъ измѣняться иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ — королемъ и двумя палатами. Законы, постановленія и распоряженія короля публикуются въ «Дневникѣ законовъ». Всѣ прежніе законы и уставы, противорѣчащіе настоящей конституціи, отмѣняются.

Первый сеймъ 1818 г.

Конституція Царства Польскаго, представляющая исправленную и дополненную конституцію герцогства Варшавскаго, вышла чуть не самою либеральною въ тогдашней Европѣ. Въ особенности справедливо это относительно содержащагося въ ней избирательнаго права, основаннаго на умѣренномъ цензѣ и прямыхъ выборахъ. Въ небольшомъ Царствѣ Польскомъ въ 1820 г. было около 100 тыс. избирателей, тогда какъ въ современной Франціи было только 80 тыс.; пропорціонально общему количеству населенія въ царствѣ было вдесятеро больше избирателей, чѣмъ во Франціи. И въ отношеніи гарантій гражданской и политической свободы конституція Царства Польскаго въ общемъ стояла на уровнѣ требованій своего времени. Но этотъ же либерализмъ былъ одною изъ причинъ паденія не только этой конституціи, но и самаго Царства Польскаго, какъ отдѣльнаго государства. Дѣло въ томъ, что съ этою конституціею пришлось имѣть дѣло абсолютному монарху могущественной имперіи, съ которой царство было связано реальною уніею. «Соединеніе на одномъ челѣ короны самодержца и конституціоннаго короля, — говоритъ участникъ и историкъ возстанія 1831 года Мохнацкій, — было политическимъ уродствомъ, которое долго существовать не могло». Правда, что при открытіи перваго сейма въ 1818 году Александръ намекалъ, что конституціонныя учрежденія со временемъ онъ дастъ и своей имперіи. Но этотъ намекъ лишенъ былъ всякой категоричности. «Исполняются, — говорилъ онъ, — ваши надежды и мои желанія.

Вы дали мнѣ возможность явить моему отечеству то, что для него давно готовится и что оно получитъ, какъ скоро зачатки столь важнаго дѣла въ состояніи будутъ получить надлежащее развитіе. Поднимитесь же до высоты вашей задачи. Результаты вашихъ усилій покажутъ мнѣ, буду ли я въ состояніи расширять дальше то, что уже для васъ сдѣлалъ». По этой рѣчи выходило, что введеніе конституціи въ Польшѣ должно было быть своего рода пробою, политическимъ опытомъ. Поведеніе поляковъ обусловливало не только судьбы ихъ отечества, но и судьбы Россійской имперіи. Задача, дѣйствительно, была великая, но надо признать, что въ то же время почти невыполнимая! Дѣло въ томъ, что теоретическія воззрѣнія Александра всегда были слабѣе его чувствъ и привычекъ во вліяніи на волю, и либеральный, конституціонный на словахъ, Александръ всегда оставался автократомъ на дѣлѣ. Со времени же Вѣнскаго конгресса, охваченный общимъ вѣяніемъ реакціоннаго духа въ Европѣ, Александръ пересталъ питать прежнюю увѣренность въ правильности пути свободнаго развитія народовъ. Этимъ объясняется и неувѣренный тонъ его рѣчи, произнесенной при открытіи сейма 1818 года. Преемникъ Александра I былъ болѣе опредѣленнымъ въ этомъ отношеніи человѣкомъ: онъ и словомъ и дѣломъ исповѣдывалъ монархическій абсолютизмъ. При такихъ условіяхъ отъ націи требовалась особая выдержка, тактъ, необычайное политическое искусство, чтобы сохранить свою конституцію и автономію. Но у поляковъ не остылъ еще пылъ борьбы, не кончился періодъ ихъ бурныхъ стремленій къ возсозданію отечества, и потому катастрофа была неминуема [1]).

М. Любавскій.

---

[1]) Разсказъ о проявленіи реакціи въ Польшѣ въ послѣдніе годы царствованія Александра I отнесенъ редакціей въ IV т. въ связи съ польской революціей 1830 г.

Ред.

Мистицизмъ и реакція.

Послѣ Отечественной войны.

Общественныя настроенія послѣ 1812 г.

Прошла тяжелая година, всколыхнувшая всѣ слои русскаго общества въ борьбѣ съ иноземнымъ нашествіемъ. Ушелъ врагъ, и быстро исчезъ тотъ внѣшній налетъ патріотическаго воодушевленія, которымъ окрашенъ 1812 г. Жизнь вернулась въ свое старое русло. Когда великая армія держала въ своихъ рукахъ Москву—сердце Россіи, «офранцузившаяся», по характеристикѣ современника Рунича, русская знать ополчается на прежнюю галломанію и пылаетъ страстью говорить и писать на родномъ языкѣ. Дамы изъ общества въ видѣ протеста скидываютъ фран-

---

Пособія. *Н. Н. Буличъ.* Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX в. Т. I и II. *Д. А. Галаховъ.* Исторія русской словесности. Т. II. *А. Н. Пыпинъ.* Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. *В. И. Семевскій.* Политическія и общественныя идеи декабристовъ. *Шиманъ.* Александръ I. (Пер 1910 г.). *Т. Соколовская.* «Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія». *М. И. Сухомлиновъ.* Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Т. I. *А. М. Скабичевскій.* «Очерки исторіи русской цензуры». Кромѣ того, статьи: *А. Н. Пыпина:* Россійское Библейское Общество. «Вѣстникъ Европы». 1868 г. Кн. 8, 9, 11, 12. *Его же.* Г-жа Крюднеръ. «Вѣстникъ Европы». 1869 г. Кн. 8, 9. *Его же.* Императоръ Александръ I и квакеры. «Вѣстникъ Европы». 1869 г. (Статья эта представляетъ изложеніе книги *Conningham.* The Quakers from their origine till the present time; an international history). Кн. 10. *Н. Ѳ. Дубровинъ.* Изъ русской жизни въ началѣ XIX в. Послѣ Отечественной войны. «Русская Старина». 1903 г. Кн. 11, 12; 1904 г. Кн. 1—5. *Его же.* Наши мистики сектанты. «Русская Старина». 1894 г. Кн. 9—12; 1895 г. Кн. 1—2; 10—12. 1896 г. Кн. 1—2. Многочисленныя записки современниковъ, какъ, напримѣръ: *Вигеля, Шишкова* и др., указанныя въ общихъ сочиненіяхъ, отмѣченныхъ выше.

цузскія платья, чтобы замѣнить роброны русскими сарафанами. И это, вѣроятно, многимъ изъ современниковъ казалось великимъ самопожертвованіемъ на алтарь отечества. Вѣдь было такъ трудно даже отказаться отъ привычки «молить Бога о спасеніи отечества» не «языкомъ враговъ Бога и отечества» (зап. Гнѣдича), а на своемъ природномъ.

Было трудно, но подчасъ необходимо, какъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ современница Волкова: въ то время опасно было даже говорить по-французски, такъ какъ простонародье легко принимало такихъ французолюбовъ за шпіоновъ.

Но недолго длилось и это торжество внѣшняго патріотизма. Кончилась война, успокоились страсти, улеглись опасенія. И прежняя «галломанія» захватываетъ дворянство, захватываетъ, быть-можетъ, еще въ большей степени, чѣмъ въ предшествующіе годы. Теперь такъ легко пріобщаться къ заманчивымъ благамъ утонченной французской культуры — къ ея внѣшнему лоску. Теперь такъ легко и дешево получить французскаго «учителя» изъ числа оставшихся въ Россіи прежнихъ враговъ. Эти «выморозки» разсыпались во внутреннія губерніи. Каждый мелкопомѣстный дворянинъ можетъ теперь тягаться со знатнѣйшими домами, имѣя «своего» француза. И каждый «порядочный домъ», по словамъ Гнѣдича, дѣйствительно считаетъ своимъ долгомъ держать отнынѣ французскаго учителя. Двѣнадцатый годъ не излѣчилъ русскихъ отъ «нелѣпаго пристрастія къ этому проклятому отродію», писалъ 19 января 1814 г. Александру I столь прославившійся въ Отечественную войну «патріотъ» гр. Растопчинъ, самъ, впрочемъ, страдавшій въ дѣйствительности не въ меньшей степени болѣзнью, которую онъ называлъ «нелѣпымъ пристрастіемъ». Въ баснѣ Измайлова «Шутъ въ парикѣ» (1811) довольно мѣтко и остроумно вышучивались эти модныя обличительно-патріотическія нападки: шутъ нападаетъ на одежду и, когда его уличаютъ въ ношеніи французскаго парика, кричитъ: «Безбожникъ, измѣнникъ, фармасонъ. Сжечь надобно его, на вѣру нападаетъ».

Внѣшній лоскъ офранцузившагося вновь дворянина не внесъ, однако, въ его умъ новыхъ идей, не внесъ въ его сознаніе новыхъ представленій, которыя несла съ собой не поверхностная, а настоящая французская культура. Дворянство въ своемъ огромномъ большинствѣ проникнуто было тѣми же крѣпостническими тенденціями. Чувство самохраненія заставило

его заговорить въ 1812 г. другимъ языкомъ со своимъ рабомъ: «Рѣшительный языкъ власти и барства,—свидѣтельствуетъ одинъ наблюдательный современникъ,—болѣе не годился и былъ опасенъ». Хотя манифестъ 30 августа 1814 г. и говорилъ, что въ эпоху борьбы дворянство представляло собой «умъ и душу народа», однако въ дѣйствительности героемъ войны явился русскій крестьянинъ, которому сулили свободу и вернули въ крѣпостныя узы. Сколько разъ гр. Растопчинъ въ своихъ обращеніяхъ къ «крестьянамъ, жителямъ Московской губерніи» обѣщалъ, что послѣ изгнанія французовъ крестьяне заживутъ «припѣваючи», сколько разъ въ періодъ войны Шишковъ и др. восторженно описывали, какъ вельможи, дворяне... народъ «составляютъ единую душу», но миражъ этотъ исчезъ, какъ только кончилась война. «Храбрый воинъ» вновь долженъ былъ обратиться въ «трудолюбиваго земледѣльца» и наслаждаться «посреди родины и семейства своего пріобрѣтенными имъ честью, спокойствіемъ и славою», какъ гласилъ указъ Сенату 30 марта 1813 года. Это означало возвращеніе къ старому крѣпостному состоянію, къ упроченію вѣковой патріархальной связи, существующей между помѣщиками и крестьянами и «на обоюдной пользѣ основанной».

Итакъ, жизнь пошла по прежнему руслу. Война не принесла никакихъ перемѣнъ въ общественномъ и соціальномъ укладѣ. Иначе и не могло быть; побилъ великую армію не героизмъ русскаго народа, не патріотическое воодушевленіе разныхъ общественныхъ классовъ, а факторъ, болѣе могущественный, не зависящій отъ человѣческой воли. Побѣдила въ значительной степени сама природа. Войдя въ Россію,—пророчески предсказывалъ Шишковъ,—Наполеонъ «затворился въ гробѣ, изъ котораго не выйдетъ живъ». «Ваша имперія,—писалъ еще 11 іюля 1812 г. Александру Растопчинъ,—имѣетъ двухъ могущественныхъ защитниковъ въ ея обширности и климатѣ... Императоръ Россіи всегда будетъ грозенъ въ Москвѣ, страшенъ въ Казани и непобѣдимъ въ Тобольскѣ»... На такомъ прозаическомъ фонѣ разыгралась, въ сущности, трагедія 1812 г. Могла ли, однако, эта проза удовлетворить тѣхъ, кто чувствовалъ себя побѣдителями величайшаго военнаго генія того времени, распоряжавшагося въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по своему усмотрѣнію европейскими державами? Нѣтъ, надо было отыскать болѣе глубокое объясненіе пронесшимся, какъ вихрь, историческимъ событіямъ. Провидѣніе руководитъ судьбами міра: оно ниспосылаетъ испытанія народамъ.

И съ этой точки зрѣнія протекшія событія получаютъ иное уже освѣщеніе: «не намъ, не намъ, Господи, а имени Твоему»—было выбито на медали въ память 1812 г. «Гнѣвъ Божій,—говоритъ современникъ,—за преумноженіе нашихъ грѣховъ навелъ на насъ сію горькую годину искушенія, дабы мы восчувствовали руку Божію, могущую сокрушить насъ подобно тростнику, но всегда готовую и сохранить призывающихъ имя Его святое». Перстъ Божій руководилъ событіями 1812 года. «Пожаръ Москвы, — говоритъ Александръ нѣмецкому пастору Эйлерту въ сентябрѣ 1818 г., — просвѣтилъ мою душу, а судъ Господень на снѣговыхъ поляхъ наполнилъ мое сердце такой жаркой вѣрой, какой я до сихъ поръ никогда не испытывалъ... Теперь я позналъ Бога... я понялъ и понимаю Его волю и Его законъ. Во мнѣ согрѣло и окрѣпло рѣшеніе посвятить себя и свое царствованіе прославленію Его. Съ тѣхъ поръ я сталъ другимъ человѣкомъ»... Если въ началѣ 1812 г. Александръ зоветъ знаменитаго Штейна пріѣхать въ Россію и говоритъ о томъ, что «рѣшительныя обстоятельства должны соединить... всѣхъ друзей человѣчества и *либеральныхъ* идей»... (Вѣдь дѣло идетъ о спасеніи человѣчества «отъ варварства и рабства), то теперь Александръ скорѣе уже склоненъ смотрѣть на себя какъ на «избранное орудіе» спасительнаго Божества: Наполеонъ послужилъ бичомъ Божіимъ для выполненія великихъ дѣлъ Провидѣнія, въ лицѣ Александра торжествуетъ доброе начало, призванное покарать «грязную и проклятую Францію» (изъ воспом. Михайловскаго-Данилевскаго). Нашлись особые любители изученія Апокалипсиса, примѣнявшіе пророческія видѣнія къ текущимъ событіямъ. Они превращали буквы въ цифры и высчитывали, что Наполеонъ—антихристъ или его предшественникъ въ виду явнаго сходства съ апокалиптическимъ ангеломъ бездны—Аполліономъ. Адмиралъ Шишковъ спеціально для Александра выписываетъ изъ Священнаго Писанія выраженія, по его мнѣнію, «весьма сходныя съ нынѣшней войной»; онъ читаетъ свои глубокомысленныя выкладки и выписки императору, и оба «въ умиленіи сердца» плачутъ... Это піэтическое настроеніе и приводитъ въ концѣ-концовъ къ идеѣ учрежденія священнаго союза, т.-е. къ обоснованію международной политики на началахъ христіанскихъ. И нельзя въ сущности не признать, что оно благополучнѣйшимъ образомъ разрѣшало всѣ тѣ сложные вопросы, которые возникали послѣ Отечественной войны.

Ликвидація войны.

Растопчинъ въ своихъ письмахъ къ Александру отмѣчаетъ, что послѣ войны въ Москвѣ носятся упорные слухи «объ освобожденіи крестьянъ», этотъ актъ представляется необходимымъ слѣдствіемъ пережитыхъ Россіей потрясеній. Но если война явилась какъ бы испытаніемъ, ниспосланнымъ свыше, то кто же, кромѣ Бога, можетъ воздать должное въ семъ тлѣнномъ мірѣ, послѣ «толикихъ чудесныхъ событій». «Мы, — гласитъ манифестъ 1 января 1816 г., — послѣ толикихъ происшествій и подвиговъ, обращая взоръ свой на всѣ состоянія вѣрноподданнаго намъ народа, недоумѣваемъ въ изъявленіи ему нашей благодарности. Мы видимъ твердость его въ вѣрѣ, видимъ вѣрность къ престолу, усердіе къ отечеству, неутомимость въ трудахъ, терпѣніе въ бѣдахъ, мужество въ браняхъ. Наконецъ видимъ совершившуюся на немъ Божескую благодать; видимъ и съ нами видитъ вся вселенная. Кто, кромѣ Бога, кто изъ владыкъ земныхъ, и что̀ можетъ ему воздать? *Награда* ему дѣла его, которымъ свидѣтели небо и земля. Намъ же, преисполненнымъ любовью и радостью о толикомъ народѣ, *остается токмо* во всегдашнихъ къ Богу моленіяхъ нашихъ призывать на него вся благая». Да и что нужно, наконецъ, избранному Богомъ народу? Правда, «мы претерпѣли болѣзненныя раны; грады и села наши, подобно другимъ странамъ, пострадали», но зато вѣдь «Богъ избралъ насъ совершить великое дѣло; Онъ праведный гнѣвъ Свой на насъ превратилъ въ неизреченную милость. Мы спасли отечество, освободили Европу, низвергли чудовище, истребили ядъ его, водворили на землѣ миръ и тишину... возвратили нравственному и естественному свѣту прежнее его блаженство и бытіе, но самая великость дѣлъ сихъ показываетъ, что не мы то̀ сдѣлали. Богъ для совершенія сего нашими руками далъ слабости нашей Свою силу, простотѣ нашей Свою мудрость, слѣпотѣ нашей Свое всевидящее око». Итакъ, Россія вознесена на верхъ славы. «Что изберемъ, — спрашивалъ манифестъ: — гордость или смиреніе? Гордость наша будетъ несправедлива, неблагодарна передъ Тѣмъ, Кто изліялъ на насъ толикія щедроты... *Смиреніе* наше исправитъ наши нравы, загладитъ вину нашу передъ Богомъ, принесетъ намъ честь, славу».

Только что процитированный историческій документъ даетъ довольно яркую характеристику той правительственной философіи, которая, расширяясь и углубляясь подъ вліяніемъ текущихъ

событій, привела Россію въ тупикъ самой мрачной реакціи. Нужна ли реформа въ томъ государствѣ, благоденствіе котораго какъ бы отмѣчено печатью Божественнаго Провидѣнія. Народъ, совершившій «великое дѣло», не можетъ быть недоволенъ своимъ соціальнымъ и политическимъ укладомъ, ибо этотъ укладъ является продуктомъ высшей политической мудрости. Народъ,— констатируетъ Карамзинъ,—«привязанъ душою къ образу своего существованія и находитъ въ немъ свое счастье». Развѣ не доказали это «намъ и цѣлой Европѣ» послѣднія событія? Отсюда проповѣдь смиренія или, другими словами, общественнаго квіэтизма. И такая психологія дѣйствительно, какъ видимъ, упрощенно разрѣшала важнѣйшіе государственные вопросы, остро поставленные въ періодъ Отечественной войны. Къ тому же подобная психологія вполнѣ гармонировала съ настроеніями императора Александра и придавала особо возвышенный характеръ осуществленію его давнишнихъ мечтаній и стремленій.

Провиденціальная миссія Россіи въ Европѣ.

У Александра съ первыхъ же лѣтъ правленія, какъ отмѣчаетъ современникъ Фонвизинъ, явно сказывается «притязаніе, играть первенствующую роль въ политической системѣ Европы, оспаривать первенство у Франціи». «Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать»,—эти слова, сказанныя Александромъ ген. Мишо де-Боретуру, какъ нельзя болѣе точно передаютъ истинное настроеніе самолюбиваго Александра. «Черезъ три года я буду владыкой вселенной, — гордо заявлялъ соперникъ Александра генералу Вреде въ мартѣ 1810 г.»... Двѣнадцатый годъ сломилъ величіе Наполеона. И Александръ, какъ можно скорѣе, стремился начать играть желанную роль въ Европѣ. Человѣкъ, отличавшійся удивительной непостоянностью, бросавшейся всѣмъ въ глаза, проявилъ рѣдкую твердость въ борьбѣ со своимъ соперникомъ. Когда всѣ окружающіе вліятельные сановники говорили о желательности мира, Александръ его не хотѣлъ. Придворные Александра не хотѣли и заграничной кампаніи. Одни, какъ Шишковъ, изъ-за боязни передъ геніемъ Наполеона, который сумѣетъ вновь развернуться въ условіяхъ болѣе благопріятныхъ; другіе, какъ Растопчинъ, предпочитая, приготовляясь къ борьбѣ съ Наполеономъ, лучше «подумать о мѣрахъ борьбы *внутри* государства съ врагами... отечества»; третій, какъ старикъ Кутузовъ, вовсе не желая уничтоженія Наполеона по политическимъ соображеніямъ—Наполеонъ какъ бы противовѣсъ усиленію Австріи и Пруссіи. Для Александра евро-

пейская слава стояла на первой очереди. Лавры побѣдителя, освободителя Европы отъ тираніи увѣнчали самолюбиваго Александра. И онъ чувствовалъ гордое удовлетвореніе, когда на поздравленіе ген. Ермолова съ занятіемъ Парижа торжественно отвѣчалъ: «Отъ всей души принимаю ваше поздравленіе, двѣнадцать лѣтъ я слылъ въ Европѣ посредственнымъ человѣкомъ; посмотримъ, что она заговоритъ теперь». И для Александра отнынѣ европейскія дѣла начинаютъ играть, дѣйствительно, первенствующую роль.

Во имя какого же идейнаго начала было поднято знамя борьбы съ Наполеономъ? Во имя «либеральныхъ идей», о которыхъ любилъ при удобномъ случаѣ въ подходящей компаніи за границей упомянуть императоръ Александръ, напр., въ парижскомъ салонѣ, въ присутствіи знаменитой г-жи Сталь, когда разговоръ заходилъ о неграхъ и отъ черныхъ рабовъ переходилъ къ бѣлымъ, къ русскому крѣпостному праву? Александръ рядился тогда въ либеральную тогу, это льстило его тщеславію, какъ отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Чарторыйскій, онъ любовался собой, когда торжественно говорилъ въ средѣ просвѣщенныхъ и либеральныхъ людей, что крѣпостничество будетъ отмѣнено еще при его жизни. Онъ говорилъ объ этихъ либеральныхъ идеяхъ, которыя правительства должны проводить въ жизнь, когда Штейнъ призывалъ его быть «освободителемъ Европы». Но эти либеральныя идеи далеко не пользовались въ данный моментъ популярностью среди тѣхъ реакціонныхъ дворянскихъ круговъ, которые со всей страстью ополчались на «адскія изрыгнутыя въ книгахъ... лжемудрованія», на «ужасы революціи», которые желали разъ навсегда «между зломъ и добромъ» поставить крѣпкую «стѣну, дабы зло не прикоснулось къ намъ» (Шишковъ). И передъ ними Александръ выступалъ въ качествѣ исполнителя великой миссіи, возложенной на него самимъ Провидѣніемъ — бороться съ печальнымъ наслѣдіемъ революціи, бороться со всѣми тѣми просвѣтительными идеями, которыя широкой волной распространились по Европѣ изъ революціонной Франціи. Возстановить низвергнутые троны, возстановить попранную революціонной диктатурой идею законной, наслѣдственной монархіи, идею самодержавія, освященнаго Божественной милостью; наконецъ укрѣпить прочно фундаментъ вѣры, религіи, подточенный критикой разума.

Это отвѣчало вглубинѣ истинному настроенію Александра, никогда въ сущности глубоко не увлекавшагося такъ называемыми либеральными идеями; здѣсь онъ могъ опереться на многочисленную группу старовѣровъ, искони кричавшихъ противъ тлетворныхъ вліяній Франціи; могъ опереться на значительное большинство той среды, которая, по характеристикѣ выше протицированнаго правительственнаго акта, представляла собой всегда дѣйствительный «умъ и душу народа», т.-е. на дворянство. Здѣсь онъ могъ опереться на старые авторитеты.

И реакція, исходящая изъ піэтическаго настроенія, прочно уже укоренилась на долгіе годы въ Россіи. Она нашла себѣ и откликъ въ извѣстныхъ общественныхъ кругахъ.

Мистицизмъ въ началѣ XIX в.

Наслѣдіе отъ мистицизма XVIII в.

Мистицизмъ отнюдь не былъ въ Россіи новшествомъ, выросшемъ исключительно на почвѣ настроеній послѣ 1812 года. Мистическія настроенія мы можемъ отмѣтить и въ началѣ царствованія Александра I; это было наслѣдіе, полученное отъ XVIII столѣтія,—отъ старыхъ масоновъ, которые несли съ собой проповѣдь нравственнаго совершенствованія человѣка во имя религіозныхъ началъ. Проповѣдь масоновъ XVIII в. не включала въ себѣ оригинальнаго зерна: это было, въ свою очередь, заимствованіе ученій нѣмецкихъ мистиковъ, піэтистовъ, развившихся, какъ реакція противъ раціонализма и матеріалистическихъ идей. Разумъ и вѣра постоянно находятся между собой въ нѣкоторомъ конфликтѣ. Раціонализмъ XVIII в., необоснованный точными положительными знаніями, самъ превращавшійся въ вѣру, легко вызывалъ въ религіозно настроенныхъ людяхъ, нѣсколько экзальтированныхъ по натурѣ, протестъ — желаніе обосновать мораль не изъ требованій разсудка, а изъ чувства, диктуемаго религіей. Изъ этого чувства вытекала проповѣдь піэтизма и аскетизма у старыхъ масоновъ. Но чувство, не ограниченное разумомъ, легко вдается въ безбрежную и ухищренную фантастику. Такъ было у нѣмецкихъ мистиковъ, такъ было и у ихъ русскихъ послѣдователей. Всѣ нелѣпыя увлеченія нѣмецкаго розенкрейцерства съ его поисками таинственныхъ знаній, средневѣковой алхиміи и кабалистики, доходившей до добыванія золота и «жизненнаго эликсира», съ его таинственной обрядностью, магической терминологіей и архимистическимъ созерца-

ніемъ, — все это нашло себѣ откликъ въ переводной и очень ограниченной оригинальной масонско-мистической литературѣ XVIII в. Въ «Дружескомъ Обществѣ» Шварца и Новикова это «алхимическое масонство» не затемняло, однако, основной идеи о нравственномъ и религіозномъ совершенствованіи человѣка, не затемняло сознанія человѣческаго достоинства. Широкая просвѣтительная и благотворительная дѣятельность отличаетъ знаменитый Новиковскій кружокъ. Онъ не отрѣшается отъ общественныхъ задачъ, ставя себѣ гуманитарныя цѣли общественнаго воспитанія и обличая соціальные недуги страны. У Новиковскаго кружка идея внутренняго обновленія человѣчества не шла до извѣстной степени въ разрѣзъ съ практической работой, направленной на удовлетвореніе глубокихъ реальныхъ потребностей жизни. Наступившая въ концѣ XVIII в. реакція поставила подъ подозрѣніе педагогическую дѣятельность кружка, и онъ былъ разгромленъ. Но традиціи его уцѣлѣли и перешли къ александровскому времени, видоизмѣнились и потеряли ту общественную и моральную цѣнность, которую имѣли въ свое время.

Лопухинскій кружокъ.

Въ уединеніи подъ Москвой доживалъ свой вѣкъ освобожденный Павломъ изъ крѣпости Новиковъ вмѣстѣ со старымъ другомъ своимъ Гамалѣя, не оказывая уже никакого вліянія на общественную жизнь. Вмѣстѣ съ Новиковымъ доживало свой вѣкъ и старое масонство или, вѣрнѣе, то хорошее, что было въ шварцо-новиковскомъ кружкѣ. Традиціи стараго масонства въ первые годы александровскаго царствованія поддерживалъ младшій сверстникъ Новикова сенаторъ Лопухинъ. Около него ютится небольшой кружокъ мистиковъ — его выучениковъ, который, воспользовавшись благопріятнымъ временемъ [1]), пытается вновь оживить мистическую литературу путемъ многочисленныхъ переводовъ нѣмецкихъ піэтистовъ. Лопухинъ, какъ человѣкъ стараго поколѣнія, какъ патріархъ мистицизма — фигура наиболѣе крупная и оригинальная. Его главная литературная дѣятельность пала на XVIII в., когда онъ въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ: «Разсужденіе о злоупотребленіи разума», «Нравоучительный катехизисъ истинныхъ франк.-масоновъ». «Нѣко-

---

[1]) Одинъ изъ современниковъ, между прочимъ, указываетъ, что уже послѣ Аустерлицкаго пораженія въ Россіи стало замѣчаться движеніе «иного духа» — «пора притти въ разумъ истины, искать царства Божія и правды ея».

торыя черты и «внутренней церкви» и др., развивая идеи истинно-христіанскаго пониманія вещей, т.-е. масонства и отыскивая «натуру вещей», съ большой рѣзкостью выступалъ противъ европейскаго просвѣщенія и равнымъ образомъ противъ «французской революціи съ ея пагубными плодами»: «Равенство! Свобода буйная!—Мечты, порожденныя чадомъ тусклаго свѣтильника лжемудрія, расположенныя безумнымъ писаніемъ нечестивыхъ татей»,—такъ бичевалъ Лопухинъ Францію, это «исчадіе папистическаго изученія и новой философіи». Врагъ «разума», врагъ положительной науки, онъ искалъ тѣхъ таинственныхъ знаній, которыя раскрывались людямъ, преданнымъ теософическому экстазу. Другъ «божественной алхиміи и магіи, вооружающихъ избранныхъ сыновъ нетлѣнными сокровищами натуры и провождающихъ ихъ въ обѣтованную землю — въ райскія обители возобновленнаго эдема». Лопухинъ полное, такъ сказать, раскрытіе таинствъ видѣлъ у нѣмцевъ. Эккартсгаузенъ и затѣмъ Юнгъ Штиллингъ — вотъ два величайшихъ авторитета, которымъ раскрыты таинства природы. Вотъ два «величайшихъ свѣтила божественнаго просвѣщенія», «проповѣдниковъ истины и предвѣстниковъ явленія ея царства». Оба признанные оракулы мистицизма были въ сущности крайніе реакціонеры, погрязшіе въ дебряхъ апокалиптическихъ толкованій и теософическаго тумана. Люди, въ которыхъ мистицизмъ убилъ всякую живую мысль, привелъ къ полуболѣзненному состоянію видѣній и галлюцинацій: Юнгъ Штиллингъ умеръ, повидимому, убѣжденный, что въ немъ воплотился Христосъ—«поборникъ престоловъ и алтарей».

За нѣмецкими учителями слѣдовали и русскіе ученики. Запутавшись въ темнотахъ мистическихъ алканій, они являются такими же въ сущности политическими реакціонерами. Всякія мысли объ освобожденіи принадлежатъ, по мнѣнію Лопухина, европейской заразѣ: это «пустословы», т.-е. философы содѣйствовали порожденію «буйнаго стремленія ко мнимому равенству и своеволію, въ противность порядка небеснаго и земного благоустройства». Но Лопухинъ все же человѣкъ стараго поколѣнія, доживавшій свой вѣкъ. Его общественная дѣятельность при Александрѣ была недолга; вліяніе его нешироко. Послѣдніе годы онъ живетъ у себя въ деревнѣ довольно одиноко, окруженный небольшой группой почитателей и учениковъ, проповѣдуя монашескій аскетизмъ, а въ дѣйствительности предаваясь въ своей крѣпостной деревнѣ мистическимъ забавамъ. Онъ развелъ

здѣсь сады, украсилъ ихъ памятниками съ причудливыми символами и въ этомъ красивомъ уединеніи предавался самосозерцанію и мистическимъ размышленіямъ. Это былъ какой-то барскій мистицизмъ, неизбѣжно въ дѣйствительности очень далекій отъ основной проповѣди: «наипаче должно упражняться въ любленіи ближняго». Все любленіе ближняго сводилось къ нѣкоторому «нищелюбію», которымъ, по отзывамъ нѣкоторыхъ современниковъ, отличался старый Лопухинъ.

У Лопухина былъ ограниченный кружокъ сочувствующихъ, и это прежде всего его непосредственные ученики: Ковальковъ и Невзоровъ. Въ ихъ дѣятельности мы не найдемъ въ сущности ничего оригинальнаго — это все варіаціи на тѣ же темы объ аскетизмѣ, о созданіи церкви внутренней и царства свѣта Божія, борьба съ разумомъ и наукой, представляющихъ изъ себя «изліяніе духа нечистоты». Заглушать всякій «гласъ ума собственнаго» — вотъ основная задача мистиковъ. Таковъ былъ по преимуществу Ковальковъ, совсѣмъ юноша, доходившій до болѣзненнаго изступленія въ своемъ мрачномъ религіозномъ экстазѣ. Другой другъ Лопухина — Максимъ Невзоровъ, выученикъ Новиковской семинаріи, не былъ глубокимъ и ревностнымъ мистикомъ; въ своей литературной работѣ онъ преслѣдовалъ болѣе морально-педагогическія задачи. При содѣйствіи Лопухина онъ началъ въ 1807 г. издавать журналъ «Другъ юношества», гдѣ, на ряду съ проповѣдываніемъ нравственно-христіанскихъ цѣлей, борется съ французскимъ вліяніемъ. Къ этому кружку относился и другой чрезвычайно плодовитый выученикъ стараго масонства — глава петербургскихъ мистиковъ, А. Ѳ. Лабзинъ, директоръ департамента военно-морскихъ дѣлъ, начавшій издавать въ 1806 г. спеціальный христіанскій журналъ «Сіонскій Вѣстникъ». Но тогда еще мистика не получила офиціальной санкціи, и Лабзинъ вскорѣ долженъ былъ прекратить изданіе до болѣе благопріятнаго времени. Направленіе «Сіонскаго Вѣстника» въ сущности не выходило изъ общихъ мистическихъ контуровъ. Это все та же «мистическая» ненависть къ французской революціи, къ буйству разума и проповѣдь внутренняго общенія и соединенія человѣка съ Богомъ для достиженія высшихъ моральныхъ цѣлей.

Лабзинъ.

Общественный квіэтизмъ мистиковъ.

Мы отмѣтили главнѣйшихъ представителей той мистической литературы, которая распространилась въ началѣ вѣка. Здѣсь было очень мало оригинальнаго. Эккартсгаузенъ и Юнгъ Штил-

лингъ — это были настоящіе вдохновители тѣхъ, кто принялъ на себя наслѣдіе Новиковскаго кружка. Ихъ проповѣдь, ихъ морально-педагогическая дѣятельность въ сущности никакой положительной цѣнности въ общественномъ отношеніи не имѣла. Ихъ религіозныя исканія заводили въ лабиринтъ самого ухищреннаго мистицизма, который въ лучшемъ случаѣ долженъ былъ вести къ полному квіэтизму, къ отрѣшенію отъ общественныхъ задачъ. Это отрѣшеніе и является характерной чертой мистицизма начала XIX в. Его представители такъ много говорили о христіанской морали, о вредѣ гордости и любостяжанія, а тѣмъ не менѣе проходили мимо того крѣпостного варварства, которое всегда останавливало на себѣ вниманіе ихъ екатерининскихъ предшественниковъ. Они не доходили до идеи противоестественности рабства, убаюкивая себя тѣмъ, что ихъ задача болѣе существенная, чѣмъ думать о тлѣнномъ мірѣ — «свергнуть оковы не мнимыя, оковы грѣха, смерти и ада». «Свобода въ добродѣтели» — устанавливаетъ Лабзинъ въ первой книжкѣ «Сіонскаго Вѣстника». «Добродѣтельный, благочестивый мужъ и въ цѣпяхъ свободенъ, а злый и въ чертогахъ и во славѣ рабъ». До самаго большого, до чего доходили они въ своихъ моральныхъ проповѣдяхъ, это до сентенцій, направленныхъ по адресу помѣщиковъ и фабрикантовъ: не жадничать; быть гуманными и изъ «кровопійцевъ» дѣлаться благодѣтелями трудящихся. Такъ писалъ, между прочимъ, Невзоровъ въ 1809 г. въ своемъ журналѣ. Но вѣдь эта проповѣдь человѣческихъ отношеній къ крѣпостнымъ была, въ концѣ-концовъ, пустымъ мѣстомъ, равно какъ и памфлетическія нападки Невзорова на недостатки современнаго ему общества. Сатира Невзорова сводилась къ шаблоннымъ нападкамъ на галломанію, на поверхностное воспитаніе и т. п. Здѣсь много было правды, какъ была она и въ XVIII в. Но эти нападки были лишены своего общественнаго значенія, ибо оставляли въ сторонѣ ту соціальную подкладку, которая питала крѣпостническія чувства и воспитывала въ моральномъ варварствѣ все молодое дворянское поколѣніе. Наоборотъ, боязнь положительныхъ теченій, шедшихъ изъ Франціи на Россію на ряду съ модами, заставляла мистиковъ становиться всецѣло на защиту консерватизма: и недаромъ Лопухинъ — защитникъ крѣпостного права. Если, такимъ образомъ, общественная цѣнность мистической литературы была весьма незначительна въ смыслѣ моральнаго воспитанія общества, то зато

отрицательная ея сторона находила широкій отзвукъ въ реакціонныхъ кругахъ: мистикъ и реакціонеръ, въ концѣ-концовъ, сливались въ одно цѣлое. Вражда къ наукѣ, къ разуму, къ просвѣтительной философіи, къ идеямъ политической свободы и соціальныхъ реформъ, которая несла съ собой революція, и, наконецъ, вообще къ Франціи — все это объединяло христіанствующихъ литераторовъ и крѣпостниковъ старовѣровъ въ одну реакціонную группу.

Одиночество мистицизма въ началѣ XIX в.

Въ сущности упомянутый кружокъ мистиковъ, примыкавшій по своимъ воззрѣніямъ и традиціямъ скорѣе къ отошедшему уже вѣку, первоначально былъ довольно одинокъ. Какъ ни обильна была относительно сама по себѣ мистическая литература, писателей мистиковъ въ дѣйствительности два-три. Всю первую книгу «Сіонскаго Вѣстника» Лабзинъ написалъ одинъ. Печатая въ своемъ журналѣ незначительные отрывки творчества Лопухина, народнаго философа-мистика XVIII в., Сковороды и др., онъ преимущественно, однако, занимался переводомъ и переложеніемъ нѣмецкихъ оригиналовъ. Такой характеръ носила вся мистическая литература того времени. И понятно, что Батюшковъ приходилъ въ ужасъ отъ этой «фабрики переводовъ».

Эта мистика, будучи и въ литературѣ одинока, не могла захватить широкихъ слоевъ общества, не могла пустить глубокихъ корней. Аскетизмъ и мистицизмъ слишкомъ далеки сами по себѣ отъ обыденной житейской обстановки, отъ того мѣщанства, которое все же является главнымъ содержаніемъ жизни массъ при современной соціальной структурѣ общества,—и особенно въ періодѣ политическаго затишья. И мистицизмъ, конечно, особенно мало подходилъ къ дворянскому крѣпостному обществу. Въ каждомъ обществѣ мы найдемъ, конечно, искреннихъ мечтателей, не удовлетворенныхъ жизнью, стремящихся понять ея смыслъ и разрѣшать сложные религіозные вопросы; мы всегда найдемъ извѣстное число надломленныхъ натуръ, ищущихъ какъ бы самозабвенія въ мистическихъ созерцаніяхъ; мы найдемъ людей слабыхъ волею, поддающихся моднымъ теченіямъ или, какъ Батюшковъ, отъ скуки читающихъ метафизику. Модныя теченія подчасъ могутъ широко охватывать общество. Имъ поддается даже такая трезвая натура, какъ Сперанскій, усиленно рекомендовавшій своему другу пріемы древнихъ аскетовъ для достиженія благодати: уединяться, смотрѣть въ пупъ и повторять: «Господи помилуй», чтобы увидать «Ѳаворскій» свѣтъ.

Но это вовсе не означаетъ еще, что эти теченія глубоко внѣдрились въ общественное сознаніе. Воспринимается скорѣе только внѣшняя оболочка. Такъ было со старымъ масонствомъ, такъ было со всей мистикой александровскаго времени, злую характеристику которой далъ современникъ Измайловъ, обрисовавъ типъ ханжи-мистика.

«Бездушинъ прежде, пилъ, игралъ,
И женщинъ и мужчинъ, какъ дьяволъ соблазнялъ.
Ни чести, ни родства, ни Бога онъ не зналъ,
Но вдругъ потомъ перемѣнился
Ходить прилежно въ церковь сталъ
И въ землю все молился,
А дома Библію да Штиллинга читалъ...
Пусть думаютъ, что я ума рехнулся:
Поддѣлъ я славно и сатану,
А уже людей теперь, конечно, обману...

Мистицизмъ и сентиментализмъ. Мистическій уклонъ въ обществѣ вполнѣ гармонировалъ съ сентиментальнымъ романтизмомъ, столь характернымъ для литературныхъ теченій первой четверти XIX вѣка. Если одни «предаются мрачнымъ разсужденіямъ о бренности жизни и проводятъ цѣлыя ночи, — какъ выразился Батюшковъ, — на гробахъ и бѣдное человѣчество пугаютъ привидѣніями, духами, Страшнымъ судомъ, то другіе всецѣло находятся во власти самой «приторной слезливости». И дѣйствительно, меланхолія очень близка мистицизму. Конечно, искренней эмоціи здѣсь очень мало, это болѣе искусственное или модное возбужденіе. И любопытно, что именно наиболѣе рьяные крѣпостники любили себя настраивать на минорный тонъ. Оставимъ въ сторонѣ литературныя теченія, въ которыхъ неизбѣжно много искусственнаго, именно того, что мы называемъ модой. Принято было писать въ сентиментальномъ духѣ, и всѣ въ такомъ духѣ писали; особенно, плохіе сочинители, умѣющіе лишь подражать установленнымъ образцамъ или разсчитывающіе на сбытъ удовлетвореніемъ вкусовъ читающей публики. Но и въ жизни мы встрѣчаемся съ такой же безпредметной чувствительностью: самая ничтожная причина вызываетъ афектъ. Никогда, вѣроятно, тамъ много не плакали въ русскомъ обществѣ, какъ въ александровскую эпоху. Плачутъ надъ сентиментальнымъ французскимъ романомъ, пла-

чутъ надъ прудомъ «Бѣдной Лизы», плачутъ, какъ самъ Карамзинъ, когда сердцу «очень весело». Происходитъ празднованіе въ Смольномъ институтѣ: иллюминація, музыка, пѣніе, идетъ веселый балетъ и «всѣ плачутъ», какъ разсказываетъ Карамзинъ въ одномъ изъ писемъ къ своему другу Димитріеву. Бесѣдуетъ Александръ съ баронессой Крюднеръ, она ему говоритъ, что онъ грѣшникъ, и Александръ, «опустивъ голову на руки»... проливаетъ «обильныя слезы»; плачетъ въ бесѣдѣ съ квакерами и тогда, какъ мы уже знаемъ, когда Шишковъ читаетъ свои мудреныя выписки изъ Библіи. Разсказываетъ Магницкій о состояніи Казанскаго университета и имѣетъ «счастье рыдать въ объятіяхъ сего ангела Божія (Александръ I). Докладываетъ И. И. Димитріевъ царю о жестокомъ обращеніи помѣщицы съ дворовой дѣвкой. Горько плачетъ Александръ: «Боже мой! можемъ ли мы знать все, что у насъ дѣлается». И тутъ же очень скоро выражаетъ неудовольствіе на слабое наказаніе розгами двороваго Кириллова, который позволилъ себѣ въ Москвѣ на Тверскомъ бульварѣ произнести «неприличныя слова» о вольности: за «столь буйственный и дерзновенный поступокъ слѣдовало наказать строжайшимъ образомъ и публично». Узнаетъ Александръ о жестокомъ усмиреніи бунта въ Чугуевскихъ военныхъ поселеніяхъ и лишь горюетъ о тѣхъ волненіяхъ, которыя въ этотъ моментъ должна была претерпѣвать «чувствительная душа» Аракчеева... Такихъ противорѣчій можно найти безчисленное множество. Аракчеевъ въ этомъ отношеніи представляетъ наиболѣе яркій примѣръ. Человѣкъ, отличавшійся поразительной жестокостью, истязавшій въ своей домашней тюрьмѣ крѣпостныхъ, собственноручно вырывавшій усы у солдатъ во время развода, откусившій однажды ухо, очень легко могъ прослезиться при слушаніи какой-нибудь печальной исторіи. И, слушая этотъ чувствительный разсказъ, одновременно могъ приказывать «строго» наказывать десятилѣтнюю дѣвочку за не чисто выметенную дорожку. Въ библіотекѣ графа на ряду съ нравственно-поучительными сочиненіями, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ, какъ, напр., «О вздыханіи голубицы и пользѣ слезъ», «Сѣятели благочестія», встрѣтятся и самыя изысканныя порнографическія произведенія («Нѣжныя объятія» и т. п.). У Аракчеева былъ даже особый порнографическій кабинетъ. Этотъ крѣпостническій сентиментализмъ былъ самымъ уродливымъ, но въ то же время и характернымъ явленіемъ.

Сентиментальная литература являлась при такихъ условіяхъ одной изъ основъ реакціи. Сентименталисты въ литературѣ любили восторгаться пастушескими идилліями, воспѣвать «щастье крестьянъ», какъ Карамзинъ, и тѣмъ самымъ вмѣсто того, чтобы будить общественное сознаніе, лишь убаюкивали его своими слезливыми изліяніями. Русскій мужикъ, правда, былъ весьма плохимъ объектомъ для идиллическихъ мечтаній. Это чувствовала въ сущности и слезоточивая романтика: «Извѣстно,— писалъ Панаевъ,— каковы нынѣшніе пастухи и земледѣльцы: продолжительное рабство сдѣлало ихъ грубыми и лукавыми. Грубость отвращала тонкія натуры отъ пастушескихъ идиллій, взятыхъ изъ русской жизни, но отнюдь не побуждала къ ослабленію «рабства». Сентиментализмъ Европы стоялъ въ связи съ демократизаціей общественно-политическаго строя; въ Россіи онъ носилъ исключительно крѣпостническій, дворянскій характеръ.

Если люди, способные «по цѣлымъ часамъ» сидѣть въ сентиментально-меланхолической задумчивости (какъ опять тотъ же Карамзинъ), не всегда увлекались мистикой, которую называли «вздорологіей», то все же отъ сентиментализма до мистическаго ханжества оставался одинъ шагъ. «Пустословіе» удивительно легко увлекаетъ людей. Примѣромъ могутъ служить масоны новаго типа, расплодившіеся въ александровское время.

Масонство.

Возобновленіе масонскихъ ложъ при Александрѣ.

Въ сущности мистики и были масонами. Новиковъ, Гамалѣя, Лопухинъ, Поздѣевъ, Ключаревъ, Карнѣевъ — все время представители стараго масонства. Лопухинскій кружокъ первоначально отнесся несочувственно къ возобновленію масонскихъ ложъ, получившихъ въ 1810 г. уже офиціальное разрѣшеніе па существованіе. Но Лабзинъ и Невзоровъ уже дѣятельные масоны. Новыя полуофиціальныя ложи весьма мало походили на таинственныя ложи старыхъ московскихъ мартинистовъ и розенкрейцеровъ. Масонскія ложи захватываютъ довольно широкіе круги общества и превращаются въ своеобразные общественные клубы, гдѣ вся фантастика и символистика была лишь моднымъ придаткомъ. Эти ложи прежде всего находились подъ надзоромъ полиціи. Чиноначальники масонскихъ ложъ

въ 1810 г. были вызваны ген. Балашевымъ, министромъ полиціи, получили отъ него особое руководство и были обязаны ежемѣсячно доставлять въ министерство отчеты о собраніяхъ, которыя иногда посѣщалъ и самъ Балашевъ. Эта практика продолжалась и при Вязьмитиновѣ — преемникѣ Балашева. Естественно, что это офиціальное разрѣшеніе придавало ложамъ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ тотъ, который отличали тайныя масонскія ложи на Западѣ, и чѣмъ были онѣ въ Россіи при своемъ возникновеніи. Чиноначальники масонскіе (преимущественно изъ чиновной аристократіи) строго соблюдали принятое обязательство. При открытіи той или иной ложи всегда освѣдомлялись предварительно — будетъ ли пользоваться «довѣріемъ» правительства открываемая ложа. Въ 1817 г. центральныя масонскія ложи приняли постановленіе, что впредь ни одна ложа не будетъ законна, если не будетъ признана правительствомъ и учреждена безъ вѣдома центральныхъ. Правительственный контроль былъ настолько силенъ, что даже для перехода изъ одной ложи въ другую требовалось до нѣкоторой степени разрѣшеніе администраціи (хотя непосредственное наблюденіе за ложами и было вскорѣ отмѣнено). Были, правда, и тайныя ложи (напр., Лабзина), но общее масонское постановленіе гласило: «не имѣть никакихъ таинствъ передъ правительствомъ».

Ихъ организація и обрядность.

Въ этихъ масонскихъ клубахъ постепенно исчезли и тѣ крайнія черты символистики, которыя отличали старое масонство. Новое масонство, болѣе подходящее для широкихъ круговъ, въ данномъ случаѣ подчинялось и новымъ теченіямъ, получавшимъ преобладаніе въ Германіи. Отсюда распространялась новая масонская система Шредера, отвергающая высшія степени, какъ отжившую «нелѣпость», и распространенная въ Россіи масономъ Феслеромъ, одно время призваннымъ читать лекціи по еврейскому языку и философіи въ петербургской духовной академіи. Это вводило нѣкоторое упрощеніе въ сложный масонскій ритуалъ, упрощеніе, болѣе подходящее къ клубной обстановкѣ. «Уложеніе» Астреи—получившаго вскорѣ преобладанія союза масонскихъ ложъ—опредѣленно уже говоритъ: «не имѣть въ предметѣ работъ изысканія сверхъестественныхъ таинствъ, не слѣдовать правиламъ такъ называемыхъ иллюминатовъ и мистиковъ, тоже алхимистовъ, убѣгать всѣхъ подобныхъ несообразностей съ естественнымъ и положительнымъ закономъ».

Разсказать въ нѣсколькихъ словахъ сложную организацію и обрядность масонскихъ ложъ, съ ихъ причудливой терминологіей, таинственной символистикой и аллегоріей, представляетъ большое затрудненіе. Въ Россіи перебывали всѣ системы, заимствованныя изъ Швеціи, Англіи, Германіи и Франціи. Всѣ эти системы перемѣшивались между собой, и тѣмъ труднѣе дать общую характеристику [1]). Съ XVIII в. въ Россіи господствовала шведская система, вывезенная кн. Куракинымъ въ 1799 г., и злато-розоваго креста (Шварцъ). Затѣмъ елагинская система— нѣсколько упрощенная. Эти системы представляли собой сложную іерархическую организацію (низшія степени, шотландскіе братья, теоретическіе братья), которая обязывала младшихъ братьевъ строгому послушанію. Иногда масонскій орденъ имѣлъ цѣлыхъ 32 степени. Посвящаемый связывался строгимъ обѣтомъ молчанія. Истинныя масонскія цѣли знали лишь члены высшихъ степеней — свободные каменщики. Въ жизни обычнаго масонства эта таинственность превращалась въ смѣшную игру титуловъ... Противъ этого ненужнаго балласта и раздался протестъ среди возобновившихъ свою дѣятельность масонскихъ ложъ. Первыя масонскія ложи александровскаго времени объединялись такъ называемой Великой Провинціальной или Директоріальной Ложей, признававшей всѣ высшія степени. Великимъ мастеромъ ея былъ Беберъ, сумѣвшій, если не обратить императора Александра въ масоны, то вызвать его сочувствіе къ возобновленію дѣятельности масонскихъ ложъ. Подъ вліяніемъ Фесслера извѣстный масонъ англичанинъ Элизенъ, докторъ Обуховской больницы, открыто выступилъ противъ безсмыслицы высшихъ степеней. Возникшія несогласія закончились учрежденіемъ новой великой масонской ложи имени богини правосудія — Астреи; отвергая іерархію, новый союзъ выставлялъ выборное начало и принципъ равноправности членовъ. Союзъ признавалъ всѣ системы, если только правительство въ нихъ не находило ничего противнаго. Въ 1818 г. въ союзѣ Астріи было уже 18 ложъ, а въ 1820 — 21 — 25 ложъ: Петра къ Истинѣ, Нептуна въ Надеждѣ, Изиды, Палестины, избраннаго Михаила, Александра къ коронованному Пеликану и т. д. Въ 1817 г. обѣ Великія ложи на Востокѣ въ

---

[1]) Изложеніе обрядности масоновъ можно найти въ нѣкоторыхъ воспоминаніяхъ: напр., посвященіе въ масоны 1815 г. разсказано А. П. Степановымъ *Русск. Ст.* 1870 г. кн. 2; въ книгѣ Соколовской и въ ея статьяхъ «Обрядность прежняго русскаго масонства». *Русская Старина* 1907 г. кн. 11 и 12.

С.-Петербургѣ (Астрея и Провинціальная) заключили между собой братскій конкордатъ, опредѣлившій ихъ взаимныя отношенія. Большинство этихъ ложъ работало въ Петербургѣ, были ложи въ Москвѣ и провинціи: въ Ревелѣ, Кронштадтѣ, Варшавѣ, Кіевѣ, Симбирскѣ и др. Нѣкоторыя изъ нихъ работали на французскомъ, польскомъ языкѣ, большинство на нѣмецкомъ и русскомъ. Нѣсколько ложъ было смѣшанныхъ. Соціальный составъ ложъ былъ весьма различенъ. Вначалѣ онѣ носили почти исключительно дворянскій характеръ, а послѣ 1815 г. стали нѣсколько демократизироваться: званіе рыцаря могъ получить и братъ «подлаго состоянія», но не крѣпостной. Въ ложахъ стали появляться люди средняго класса: чиновники, купцы, ремесленники. Если однѣ ложи были исключительно аристократическія, напр., «Елизавета къ Добродѣтели» (военно-придворная), то въ другихъ сосредоточивалась интеллигенція («Избраннаго Михаила»), въ-третьихъ люди «подлаго состоянія» («Александра—къ коронованному Пеликану»). Были и чисто военныя ложи («Соединенныхъ друзей»). Такимъ образомъ въ ложахъ собирались люди самаго разнообразнаго общественнаго положенія и настроенія: масономъ былъ вел. кн. Константинъ Павловичъ, пріобрѣтшіе столь печальную извѣстность въ Николаевское время Бенкендорфъ и Дубельтъ, Сперанскій, художникъ Ѳ. Толстой, граверъ Уткинъ, лютеранскіе пасторы, Лабзинъ, нѣкоторые изъ будущихъ декабристовъ и т. д. Самъ императоръ, если пе былъ масономъ, то посѣщалъ масонскія собранія.

Теорія масонства.

Ложи, какъ мы уже видѣли, носили самыя причудливыя наименованія: Александра Тройственнаго Спасенія, Трохъ Вѣнчанныхъ Мечей, Умирающаго Сфинкса, Ключа къ Добродѣтели и пр. Несмотря на упрощеніе въ масонской обрядности, послѣдняя все же переполнена аллегоріями, символами, туманнымъ языкомъ, которымъ любятъ изъясняться свободные каменщики. Вся это обрядность, конечно, не имѣла никакого глубокаго значенія. Да и большинство масоновъ, мечтавшихъ о какомъ-то «всемірномъ гражданствѣ», говорившихъ, что «вселенная есть отечество каменщиковъ»; даже гросмейстеры были въ сущности весьма плохо освѣдомлены о задачахъ дѣятельности своихъ европейскихъ братьевъ. На засѣданіяхъ повторялись заученныя фразы, написанныя въ капитулахъ и уложеніяхъ. Теоретически масонство ставитъ себѣ высокія цѣли: внутренно переродить человѣчество; изгладить между людьми предразсудки кастъ, уни-

чтожить фанатизмъ и суевѣріе, бѣдствія войны. Однимъ словомъ, преобразовать «весь міръ въ единое непоколебимое святилище добродѣтели и человѣколюбія»; образовать изъ всего человѣчества одно семейство братьевъ, связанныхъ узами любви, познанія и труда. Создать «царство равенство»,—такова высокая задача, которую теоретически ставило себѣ масонство, какъ цѣлое. Вольные каменщики не признаютъ никакого другого различія, кромѣ производимой добродѣтелью: порода, чинъ и богатство — отметаются.

«Здѣсь вольность и равенство
Воздвигли вѣчный тронъ,
На нихъ у насъ основанъ
Полезный нашъ законъ».

И символически ватерпасъ въ ложѣ изображаетъ это всеобщее уравненіе: «у насъ и царь со всѣми равенъ, и нѣтъ ласкающихъ рабовъ» — поется въ масонской пѣснѣ.

Практика масонства.

Но отъ этой идеологіи ничего не останется, какъ только мы спустимся съ заоблачныхъ высотъ къ реальной жизни. Правда, нарисовать какую-нибудь единую характеристику общественнаго и политическаго міросозерцанія масоновъ совершенно невозможно: въ масонскихъ ложахъ, какъ мы знаемъ, сходились люди самыхъ различныхъ міросозерцаній и положеній: здѣсь были заядлые крѣпостники, самые ухищренные мистики, люди прогрессивнаго образа мнѣній и, наконецъ, самые безразличные. Было бы глубочайшей ошибкой утверждать, что между вольтерьянцемъ и свободнымъ борцомъ — декабристомъ, стоялъ «сентиментально настроенный идеалистъ, другъ человѣчества и просвѣтителей— свободный каменщикъ». Съ этимъ положеніемъ мы очень часто можемъ встрѣтиться въ современной литературѣ. Самый искренній масонъ былъ скорѣе политическимъ консерваторомъ: вѣдь онъ въ поискахъ истины и свѣта работалъ «надъ созданіемъ храма внутренней жизни». Онъ думалъ о самоусовершенствованіи, путемъ обновленія «изнутри», путемъ нравственнаго возрожденія отдѣльной личности. Онъ мирился съ существующимъ строемъ, слѣдовательно, его идеологія въ лучшемъ случаѣ, какъ мы указывали, приводитъ къ общественному квіэтизму, а по большей части къ оправданію этого несовершеннаго существующаго общественнаго строя. Всякую перемѣну онъ признавалъ «гибельнымъ лжемудрствованіемъ, проявленіемъ пагубнаго буйства, ведущаго свое начало отъ французской революціи. Эти рѣчи мы очень часто слы-

шимъ въ масонскихъ ложахъ. «Простолюдины,—сообщаетъ одинъ изъ видныхъ современныхъ масоновъ гр. Вилегорскій въ своихъ «Бесѣдахъ», — не имѣя никакого понятія о существѣ нашего ордена, весьма его любили, предполагая по названію свободныхъ каменщиковъ, что наше братство старается ихъ сдѣлать вольными, въ чемъ они весьма ошибаются, ибо мы стремимся свергнуть съ себя оковы не мнимыя, поистинѣ тяжкія, а именно оковы грѣха, смерти и ада». Не правъ былъ развѣ декабристъ бар. Штейнгель, раздѣлившій при такихъ условіяхъ всѣхъ масоновъ на два рода людей—обманывающихъ и обманываемыхъ. Свобода человѣка—«свобода силъ его внутреннихъ». Но это положеніе противорѣчило и теоріи масонской: крѣпостной не могъ быть членомъ ложи, его можно было употреблять лишь для услуженія. Масонство и въ теоріи, какъ мы видимъ на примѣрѣ Невзорова, не возвышалось далѣе призыва фабриканта и помѣщика стать «благодѣтельнымъ, милостивымъ христіаниномъ» — быть «кротчайшимъ господиномъ», какъ говорилъ масонскій уставъ. Итакъ, масоны не поднимали вопроса объ уничтоженіи крѣпостного права. Но часто за крѣпостное право они говорили много. Самымъ настоящимъ крѣпостникомъ былъ также знаменитый масонъ, послѣдователь розенкрейцерствъ — Поздѣевъ. Тотъ, кто хлопочетъ объ освобожденіи крестьянъ,—писалъ онъ въ 1817 г. С. С. Ланскому, — тотъ хочетъ Россію «въ корень разорить». «Если дастся воля, это значитъ,—воля дѣлать всякіе безпорядки, грабежи, убійства» и т. д.; за три года передъ тѣмъ Поздѣевъ представилъ спеціальную записку: «Мысли противодарованія простому народу такъ называемой гражданской свободы». Поздѣевъ — защитникъ дворянскихъ привилегій: «дворяне въ государствѣ такъ, какъ пальцы у рукъ». Поздѣевъ вовсе не представлялъ собой какого-либо исключенія. Огромное большинство братьевъ масонскихъ ложъ, одинаковаго съ нимъ соціальнаго положенія, были такими же крѣпостниками. Идеологія масоновъ приводила также и къ политическому консерватизму: «Россія все еще татарщина, въ которой долженъ быть государь самодержавный, подкрѣпляемый множествомъ дворянъ»,—писалъ Поздѣевъ Разумовскому 27 сент. 1816 г. А пока эта татарщина подъ вліяніемъ внутренняго свѣта, несомаго масонствомъ, не переродится, надо сохранять statu quo. И поэтому въ «законахъ» масонскихъ ложъ особенно старательно подчеркивается политическая благонадежность масонъ. По уложенію Астреи члены

союза обязаны были «непоколебимой вѣрностью государю и отечеству» и строгимъ исполненіемъ существующихъ въ государствѣ законовъ. На мастерѣ ложи «Елизаветы отъ Добродѣтели» лежитъ обязанность слѣдить, чтобы въ рѣчахъ неупоминаемо было о политическихъ происшествіяхъ и т. д. И это вовсе не было уставнымъ только требованіемъ, т.-е. требованіемъ формальнаго характера, вытекающимъ изъ того полуофиціальнаго положенія, которое заняли послѣ 1810 г. масонскіе клубы. Это требованіе вытекало по существу изъ всей консервативной идеологіи масонства.

Значеніе масонства и причины его успѣха.

Послѣ 1812 г. масонство, какъ отмѣчаетъ современникъ, въ «большомъ ходу». Что же влечетъ къ нему общественныя симпатіи. Изъ предыдущаго изложенія уже ясно, что причины успѣха масонства самыя различныя. Въ масонскія ложи устремляются мистически настроенные люди, быть-можетъ, искренно желающіе познать и распространять масонскій свѣтъ, люди съ «пламеннымъ воображеніемъ», по характеристикѣ декабриста Трубецкого, видящіе въ масонствѣ (идеальномъ) «какое-то совершенство ума», сюда идутъ люди и просто отъ «скуки», идутъ какъ въ клубы, интересуясь преимущественно «столовыми ложами», идутъ тѣ, которые думаютъ черезъ масонство, покровительствуемое властью, сдѣлать свою карьеру: вѣдь здѣсь можно увидать много людей, занимающихъ видное государственное положеніе, и сдѣлаться ихъ, по крайней мѣрѣ, номинальными братьями. Отсюда—мода, дѣйствующая заражающимъ образомъ. «Полагать должно,—говоритъ современникъ Вигель,—что въ воздухѣ бываютъ и нравственныя повальныя болѣзни, даже меня самого въ это время такъ и тянуло все къ тайнымъ обществамъ». Масонъ Римскій-Корсаковъ въ своихъ «Размышленіяхъ о разности системъ въ масонствѣ» самъ далъ убійственную критику тѣхъ ложъ, которыя были лишены «истиннаго масонства». А такихъ было огромное большинство: есть ложи, въ коихъ все масонство ограничивается искусствомъ въ праздновапіи... торжественныхъ ложъ и банкетовъ: «есть братья, коихъ прилежность доказывается тѣмъ только, что, будучи тунеядцы и празднолюбцы, они не пропускаютъ собираться въ назначенный день... поговорить о профанскихъ матеріяхъ и вмѣстѣ посидѣть у эконома; есть братья, коихъ стремленіе сдѣлаться лучшими и совершеннѣйшими состоитъ въ томъ, чтобы облечься многими безжизненными степенями; есть братья, коихъ

усердіе къ распространенію масонскаго свѣта заключается въ торговлѣ онымъ... есть братья, коихъ связь и дружба имѣютъ единственной цѣлью получить въ профанскомъ быту чинъ или прибыточное мѣсто...» Если таинственность масонскихъ ложъ отталкиваетъ нѣкоторыхъ, какъ, напр., ген. А. П. Ермолова, то другихъ она привлекаетъ. Одинъ современникъ разсказываетъ намъ, какъ онъ рѣшительно ничего не понималъ при чтеніи мистической литературы, но это непониманіе еще больше его подстрекало его добиться смысла аллегоріи. Но, конечно, онъ ничего не понялъ въ концѣ-концовъ. Таинственность подчасъ привлекаетъ и потому, что въ обществѣ ходятъ, какъ всегда, различные преувеличенные слухи. Эта романтическая таинственность союза, служащаго добродѣтели, справедливости и свободѣ, влечетъ и людей, глубоко думающихъ надъ нестроеніями родины и мечтающихъ о преобразованіяхъ. Немудрено, что многіе изъ будущихъ декабристовъ прошли масонскую школу. Многіе изъ нихъ сдѣлались масонами за границей, гдѣ они видѣли въ ложахъ на ряду съ весельемъ и проявленіе серьезной политической мысли. Въ самомъ масонствѣ съ его безсмыслицей, по выраженію Якушкина, «игрушками» (Пестель) такіе члены масонскихъ ложъ быстро разочаровались. Но вѣдь масонскія ложи были единственными общественными организаціями, гдѣ могла проявляться общественная инициатива въ дни наступающей реакціи. Многіе изъ декабристовъ опредѣленно намъ говорятъ (А. Н. Муравьевъ), что хотѣли воспользоваться ложами для прикрытія политическихъ цѣлей, для вербовки членовъ въ зародившіяся политическія организаціи. И, конечно, масонство вслѣдствіе именно пестроты своего состава могло давать подходящій матеріалъ для этихъ цѣлей. Въ клубахъ масонскихъ, несмотря на запрещеніе, почти неизбѣжно должны были подниматься разговоры о «политическихъ дѣлахъ». Въ этомъ отношеніи масонскія ложи сыграли въ Россіи, пожалуй, и значительную общественную роль, такую же, какую они сыграли и въ своемъ первоисточникѣ. Они содѣйствовали прежде всего хоть нѣкоторой нивеллировкѣ общества — недаромъ нѣкоторые изъ современниковъ возмущались тѣмъ, что въ ложи допускается «всякая сволочь», т.-е. люди «подлаго состоянія» по другой терминологіи.

Если можно вообще говорить о какомъ-нибудь моральномъ вліяніи самого масонства, то оно было очень невелико. Масонскія требованія быть «кратчайшимъ господиномъ»; нѣкоторыя

напоминанія въ крѣпостнической средѣ о томъ, что и рабъ — человѣкъ, могло имѣть свое гуманизирующее вліяніе — по крайней мѣрѣ, на отдѣльныя личности это имѣло, какъ мы знаемъ, вліяніе. Филантропическая дѣятельность масоновъ, хоть и въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, клала начала общественной благотворительности. Но въ общемъ даже тѣ, кто считали себя «истинными масонами», неоднократно должны были засвидѣтельствовать, что «работа» масоновъ, въ концѣ-концовъ, давала самые ничтожные реальные результаты. «Мы садимся, встаемъ, зажигаемъ и гасимъ свѣчи, слышимъ вопросы и отвѣты, мы баллотируемъ... и, наконецъ, мы собираемъ нѣсколько рублей для бѣдныхъ—вотъ для чего мы собираемся въ ложи»,—говоритъ одинъ изъ членовъ ложи «Избраннаго Михаила». «Бездѣйствіе искало убѣжище отъ скуки и шампанское заставляло забыть ничтожество цѣлей этихъ собраній». Послѣднее свидѣтельство Рунича отнюдь нельзя признать тенденціознымъ. Дѣйствительно, «столовыя ложи» наиболѣе популярны. Люди, слишкомъ серьезно принимавшіе масонскую мудрость, подаютъ скорѣе поводъ къ остроумію.

И не въ масонскихъ ложахъ свила себѣ центральное гнѣздо та мистика, которую послѣ 1812 г. усиленно начинаютъ насаждать въ виду настроеній, получившихъ господство въ правительственныхъ и руководящихъ общественныхъ кругахъ.

Правительственный мистицизмъ послѣ 1812 г., и его отклики.

Мистика и обскурантизмъ послѣ 1812 г.

Россіи, какъ мы уже знаемъ, предстояло вступить на новый политическій путь—«путь апокалиптическій», какъ мѣтко выразился историкъ Шильдеръ. Этотъ путь уже опредѣленно намѣтился послѣ заграничныхъ походовъ. Въ глазахъ реакціонеровъ пораженіе Наполеона было послѣднимъ этапомъ борьбы съ гидрой революціи. Вмѣстѣ съ Наполеономъ какъ бы уходили послѣднія традиціи, послѣднія завоеванія въ области общественной политики революціи. Если послѣ 1812 г. въ прокламаціяхъ къ Германіи союзники еще говорятъ по соображеніямъ больше тактическаго свойства о борьбѣ съ узурпаціей во имя возвращенія свободы, если въ обращеніи къ французамъ говорятъ о конституціи «сообразно съ желаніемъ «французскаго народа, то теперь уже борьба съ либерализмомъ становится открытымъ девизомъ европейской политики, въ которой Россіи приходится играть одну изъ первыхъ

ролей. Въ реакціонныхъ настроеніяхъ дворянскихъ круговъ правительство находитъ поддержку, а общество, въ свою очередь, идетъ въ ногу съ усиливающейся реакціей. Этотъ взаимный обмѣнъ и приводитъ къ полному торжеству обскурантизма. Правительство усиленно начинаетъ покровительствовать мистицизму, ибо флагъ христіанской любви, великихъ моральныхъ завѣтовъ, высокихъ идей человѣческаго перевоспитанія самое лучшее средство для борьбы съ либеральными теченіями, для борьбы съ свободнымъ просвѣщеніемъ, требованіями разума и соціальной правды: мистика всегда была въ Россіи враждебна либерализму. Это покровительство мистики неизбѣжно должно было привести къ очень печальнымъ результатамъ. Мистическое фантазерство очень легко превращается въ шаблонное ханжество, въ крайнюю религіозную экзальтацію самаго дурного тона, т.-е. въ изувѣрство и фанатизмъ. И эта мистика, дѣйствительно, весьма скоро получаетъ самыя уродливыя формы проявленія. При недостаточной культурности мистической вздорологіи легко пріобрѣсти адептовъ.

Крюднеръ и піэтизмъ Александра.

Самъ Александръ въ своемъ піэтическомъ настроеніи легко поддается вліянію крайнихъ мистиковъ обскурантовъ. За границей онъ охотно бесѣдуетъ съ патріархомъ нѣмецкаго мистицизма Юнгомъ Штиллингомъ. И другая современная «мрачная пиѳія мистики и реакціи»—баронесса Крюднеръ, пользуется такимъ же расположеніемъ съ его стороны. Крюднеръ, жена русскаго посла въ Берлинѣ, представляетъ довольно типичную фигуру религіозной ханжи. Эта прежде свѣтская женщина съ возрастомъ дѣлается очень падкой къ религіозной экзальтаціи. Быть-можетъ, потому, что она честолюбива и хочетъ во что бы то ни стало играть роль. Тенета мистицизма увлекаютъ ее, и трудно разобраться уже, гдѣ фальшь, гдѣ невѣжество, гдѣ искреннее увлеченіе и вѣра. Самъ Штиллингъ посвящаетъ ее въ великія таинства мистицизма. Вмѣстѣ съ нимъ Крюднеръ вызываетъ духовъ, говоритъ съ умершими, произноситъ назидательныя проповѣди, пророчествуетъ не только о кончинѣ міра и наступленіи тысячелѣтняго царства Христова, но и на политическія темы. Въ туманной неопредѣленности, какъ всегда, готовы увидать глубокій смыслъ. Александръ неоднократно бесѣдуетъ съ Крюднеръ. Кто кого обманывалъ, трудно сказать. Александръ говорилъ, что Крюднеръ подняла передъ нимъ завѣсу прошедшаго и представила жизнь его со всѣми заблужденіями, тще-

славія и суетной гордости. Но дѣйствительно, трудно сказать, гдѣ границы «искреннаго увлеченія» и «политическаго притворства. Нѣкоторые утверждають, что Александръ дѣлалъ лишь «видъ, что принимаетъ поученія Крюднеръ, для того, чтобы думали, что онъ преданъ мечтаніямъ, которыя стоятъ квадратуры круга и философскаго камня, и изъ-за нихъ не видѣли его честолюбія и глубокаго маккіавелизма». Крюднеръ сумѣла сблизиться съ фрейлиной Стурдзой, пишетъ ей пророчествующія письма объ Александрѣ и умѣетъ хорошо польстить до болѣзненности самолюбивому императору. Съ такой же охотой Александръ вообще бесѣдуетъ со всякаго рода мистиками, пророками, чудотворцами и пророчицами; съ англійскими квакерами и со скопцомъ Кондратіемъ Селивановымъ, котораго посѣщаетъ еще 1805 г. передъ отъѣздомъ на главную квартиру; бесѣдуетъ съ юродивымъ музыкантомъ Никитушкой Ѳедоровымъ, прославившимся какъ «пророкъ» и награжденнымъ даже чиномъ 14 класса за свое умѣлое пророчество. Изъ бесѣдъ съ нимъ, изъ темпахъ главъ пророка Даніила, выдержки изъ которыхъ читаетъ Шишковъ, изъ своего настроенія Александръ узнаетъ намѣренія Провидѣнія, открываетъ свою новую великую миссію и черпаетъ спасительныя идеи Священнаго союза. Всѣ эти «пророчества» удивительно совпадаютъ съ тѣми охранительными идеями, которыя уже издавна проводитъ Александръ, и довольно твердо, въ своей международной политикѣ. Дипломатія—это истинная сфера Александра; въ ней онъ «тонокъ, какъ кончикъ булавки—по характеристикѣ шведскаго посла въ Парижѣ—остеръ, какъ бритва и фальшивъ, какъ пѣна морская». Александръ любилъ выслушивать пророчества, подходящія его настроенію, но очень не любилъ, когда эти пророки, даже признанные всѣмъ міромъ, вмѣшивались въ политику. И когда Крюднеръ, окруженная европейской славой, явилась въ 1821 г. въ Петербургъ и, подвизаясь въ блестящихъ аристократическихъ салонахъ, попробовала вмѣшаться въ дипломатію, Александръ быстро прекратилъ ея рвеніе, выславъ изъ Петербурга.

Священный союзъ.

«Провидѣніе», волю котораго истолковали мистическіе пророки, какъ мы уже знаемъ, опредѣлило Александру великую мессіанскую роль. И вотъ въ европейскую дипломатію, по мысли Александра, вводятъ новыя религіозныя начала: въ сентябрѣ 1815 г. императорами русскимъ и австрійскимъ и королемъ прусскимъ подписывается знаменитый актъ «Священнаго со-

юза». Прежнія государственныя основанія признаны уже ненадежными, основой взаимныхъ отношеній между державами должны быть вѣчныя, универсальныя истины, открываемыя только религіей. Эти начала «святой вѣры» въ дѣйствительности означали и защиту монархическаго принципа, подорваннаго революціей, и борьбу противъ либеральныхъ общественныхъ стремленій. Для того, чтобы международныя отношенія пріобрѣли дѣйствительную силу непоколебимости, надо и во внутреннемъ управленіи придерживаться тѣхъ же началъ. Чтобы упрочить учрежденія созданныя людьми, ихъ надо исправить, обосновавъ на началахъ, завѣщанныхъ Спасителемъ. Надо перевоспитать людей, чтобы они восприняли благодатныя дѣйствія св. писанія; чтобы они твердо усвоили себѣ вѣчныя религіозныя истины. Въ связи съ этой задачей стояла, конечно, прежде всего реформа образованія, за которую вскорѣ и взялись мистики и реакціонеры. Просвѣщеніе надо было основать на религіозныхъ началахъ.

Кн. А. Н. Голицынъ и библейское общество.

Во главѣ внутренней политики въ этой области стоялъ другъ Александра, человѣкъ неглубокаго ума и весьма поверхностнаго образованія—кн. А. Н. Голицынъ. Прежде «придворный вѣтренникъ» и, какъ говорятъ, «вольтерьянецъ», онъ легко поддался моднымъ теченіямъ. Превращается въ мистика, а потомъ попросту въ религіознаго ханжу. Въ 1803 г. нѣсколько неожиданно для себя поклонникъ идей «французскихъ энциклопедистовъ» сдѣлался оберъ-прокуроромъ синода, а въ 1817 г. въ завѣдываніи оберъ-прокурора оказалось и министерство народнаго просвѣщенія.

Первымъ слѣдствіемъ, извлеченнымъ изъ практической программы Священнаго союза, было развитіе библейскихъ обществъ, при помощи которыхъ можно было бороться съ «мнимо просвѣщеннымъ врагомъ», какъ опредѣлилъ кн. Голицынъ въ 1816 г. задачи библейскихъ обществъ. Библейское общество возникаетъ еще въ 1812 г. по иниціативѣ члена британскаго общества распространенія Библіи—Петерсона. Его задачей является распространеніе Библіи въ обществѣ и народѣ.

Дѣятельность библейскихъ обществъ въ связи съ развитіемъ дѣятельности всевозможныхъ христіанскихъ миссіонерскихъ обществъ, въ это время широко распространилась по Западной Европѣ (первое библейское общество было учреждено въ 1804 г.). Въ сущности въ филантропическихъ и просвѣтительныхъ цѣляхъ этихъ обществъ опредѣленно звучали и реакціонные мо-

тивы, такъ какъ вліяніе Библіи противополагалось какъ бы вліянію идей французской революціи. «Опытъ научаетъ насъ,—говорилось въ проектѣ учрежденія Петербургскаго библейскаго общества, — что повсюду, гдѣ св. писаніе всѣми читается, оное сильно способствуетъ къ преуспѣванію въ добродѣтели, направляетъ человѣческія страсти къ лучшей цѣли». По отношенію къ Россіи Библія должна служить «утѣшеніемъ въ горестяхъ» населенію, пострадавшему отъ непріятельскаго нашествія. Правящіе круги охотно взялись за мысль дать послѣ 1812 г. «утѣшеніе» народу въ Библіи. (Съ такимъ же восторгомъ въ придворной средѣ принимается и манифестъ Священнаго союза.)

Но Библія сама по себѣ—обоюдоострое оружіе; знакомство съ ней приводитъ подчасъ совсѣмъ къ другимъ результатамъ, чѣмъ хотятъ получить. Примѣромъ можетъ служить русское сектантство, обосновывавшее нерѣдко даже свои соціалистическаго характера ученія библейскими текстами. Въ дѣятельности библейскаго общества съ самаго начала его было одно несомнѣнно крупное положительное значеніе. Вѣдь для того, чтобы «бѣдные соотечественники, потерпѣвшіе въ послѣднюю войну разореніе», могли найти дѣйствительное утѣшеніе въ Библіи и поучаться ей, чтобы Библія могла служить противовѣсомъ тлетворнымъ идеямъ разума, читатель ея долженъ былъ прежде всего быть грамотнымъ. И такимъ образомъ библейское общество должно было явиться разсадникомъ просвѣщенія, которое всегда за собой влечетъ пробужденіе того общественнаго самосознанія, которое думали заглушить темнотой библейскихъ текстовъ. То, что у просвѣщенныхъ людей затемняло сознаніе, то для непросвѣщенныхъ являлось пробужденіемъ (Библія притомъ стала издаваться на русскомъ языкѣ). Библейское общество вмѣстѣ со свящ. писаніемъ раздавало и азбуку; оно должно было признать необходимымъ учрежденіе сельскихъ библейскихъ школъ. Въ связи съ дѣятельностью библейскихъ обществъ явились въ Россіи подъ вліяніемъ квакеровъ и такъ называемыя ланкастерскія школы или школы взаимнаго обученія. При помощи этихъ школъ также надѣялись воспитать весь народъ въ религіозно-нравственномъ направленіи...

С.-Петербургское библейское общество, переименованное по высочайшему повелѣнію въ 1814 г. въ «Россійское» открыло цѣлый рядъ отдѣленій своихъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ.

Въ члены попадаетъ немалое число чиновной знати, чуть ли не все высшее духовенство — митрополиты и епископы. Въ провинціи отдѣленія организуются губернаторами, епископами предводителями дворянства и другими лицами, занимающими такое же общественное положеніе и распространяющими идеи библейскихъ обществъ при содѣйствіи капитанъ-исправниковъ, благочинныхъ и т. д. Этихъ отдѣленій уже скоро насчитывается до шести десятковъ, министерство разсылаетъ циркулярныя предписанія по этимъ отдѣленіямъ, вскорѣ министерство какъ бы сливается съ библейскимъ обществомъ. Оно имѣетъ успѣхъ. «Чтеніе св. писанія, — констатируетъ отчетъ 1819 г., — распространяется у насъ и между поселянами. Солдаты и матросы сами ищутъ себѣ пищи духовной. Во внутренности семействъ Библія становится правиломъ жизни и ежедневнымъ изученіемъ. Но еще утѣшительнѣйшіе виды представляются нынѣ для отечества нашего: въ сообразность съ волею монаршею вводится теперь чтеніе св. писанія по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ нашимъ, и таковое основаніе послужитъ непремѣнно къ насажденію благочестія въ духѣ возрастающаго поколѣнія, къ созиданію царства Христова на землѣ». И дѣйствительно, модныя библейскія общества учреждаются среди госпитанниковъ различныхъ учебныхъ заведеній, даже «дѣти» Ришельевскаго лицея предаются «благословенному подвигу», учреждаютъ между собой библейское сотоварищество для снабженія сверстниковъ книгами слова Божія... Библейскія общества распространяются, потому что имъ покровительствуетъ высшее правительство. Президентомъ общества — самъ кн. Голицинъ, глава министерства народнаго просвѣщенія. Понятно, что при такихъ условіяхъ библейскія общества превратились въ орудія насажденія популярнаго мистицизма. Характернымъ образчикомъ можетъ служить рѣчь симбирскаго губернатора Магницкаго при открытіи мѣстнаго отдѣленія библейскаго общества. Эта рѣчь — цѣлая проповѣдь противъ человѣческаго разума, противъ мрака философіи, затемняющаго Свѣтъ Христовъ (См. у Пыпина. «Вѣст. Евр.» 1868 г., кн. 9).

Расцвѣтъ мистицизма.

Въ обществѣ усиленно распространяютъ самую ухищренную мистику. Эккартгаузенъ, Юнгъ Штиллингъ переводятся въ огромномъ для того времени количествѣ. Возрождаются и старые масонскіе авторитеты: Арндтъ, Яковъ Бемъ, Ѳома Кемпійскій, Таулеръ, Сенъ-Мартенъ, г-жа Гюйонъ и др., появляются всевозмож-

ныя «Божественныя философіи», «Гармонія міра», «Таинство Христа» и т. д. Съ 1813—1823 гг. вышло до 60 мистическихъ сочиненій. Возобновляетъ въ 1817 г. съ посвященіемъ непосредственно Господу Іисусу Христу свой «Сіонскій Вѣстникъ» и Лабзинъ, который долженъ былъ прикрыть свой журналъ, такъ какъ А. Н. Голицынъ, тогда еще синодскій оберъ-прокуроръ, славившійся своими забавными и шутовскими выходками, человѣкъ веселаго нрава, въ дѣятельности Лабзина, инспирируемой якобы тайнымъ обществомъ, видѣлъ лишь вредъ для религіи. Но теперь индиферентизмъ религіи смѣнился направленіемъ противоположнымъ. Лабзинъ издаетъ свой журналъ съ «Высочайшаго повелѣнія» и получаетъ даже 15.000 р. правительственной субсидіи. Лабзинъ проповѣдуетъ все тѣ же старыя мистическія «истины», которыя отзываются удивительно ребяческимъ легковѣріемъ. Этотъ «человѣкъ», признававшій «науку», доходилъ до самыхъ невозможныхъ бредней. Химія — это «искусство, которымъ... просвѣщенные собственными очами созерцаетъ таинства Іисуса, послѣдствія Его страданія и въ химическихъ явленіяхъ видятъ все происшествіе и слѣдствія Его воплощенія»... Эта «теософическая химія» была, конечно, весьма своеобразной наукой. Если до такого пониманія «науки» въ духѣ самаго стараго «алхимическаго мистицизма» доходилъ Лабзинъ, то къ какимъ результатамъ должна была приводить мистика, насаждаемая черезъ литературу, библейскія общества, масонскія ложи, людей просто невѣжественныхъ, но поддавшихся по тѣмъ или инымъ мотивамъ господствующему въ правительственныхъ сферахъ настроенію. Она приводила къ самому мрачному и грубому ханжеству. Въ самомъ дѣлѣ, всякаго рода «пророки» пользуются необычайнымъ успѣхомъ. Особенно экспансивны въ этомъ отношеніи дамы высшаго круга. Въ началѣ царствованія Александра среди нихъ успѣшно дѣйствовали патеры іезуиты, теперь успѣхъ имѣютъ всякіе ясновидцы и тому подобные толкователи. Нѣкоторыхъ изъ этихъ дамъ идеи обновленія человѣческой жизни на религіозныхъ началахъ захватываютъ настолько глубоко, что они бросаются въ практическую дѣятельность. Такова была кн. Мещерская, пользовавшаяся большимъ уваженіемъ со стороны самого императора. Это была большая любительница «собачекъ и воспитанницъ». Впрочемъ, воспитанницы составляли второстепенное ея занятіе. Къ каждой изъ собачекъ была приставлена особая воспитанница, на обязанности которой лежало изученіе характера

и наклонностей тѣхъ «Мими и Жужу», которыя окружали княгиню. Съ такимъ же рвеніемъ нѣсколько ранѣе кн. Мещерская, въ связи съ дѣятельностью библейскихъ обществъ, предавалась созданію и распространенію назидательной литературы, въ видѣ религіозно-нравственныхъ поученій. Другія съ такой же страстью отдаются новому религіозному чувству—мистическимъ исканіямъ.

Кондратій Селивановъ.

Для широкихъ круговъ общества того времени чрезвычайно характерно положеніе, которое занялъ въ Петербургѣ знаменитый скопецъ Кондратій Селивановъ [1]). Это было время, когда расцвѣлъ «зеленый райскій садъ», какъ поютъ скопцы въ своихъ письмахъ. Въ «Сіонѣ — градѣ» жилъ «искупитель»; «приходили къ нему царскіе роды, всѣ со страхомъ покоряли сердца, прославляли искупителя-отца». Дѣйствительно, мистицизмъ Селиванова среди многихъ лицъ долженъ былъ вызвать интересъ. Одинъ изъ мистиковъ, находившихся подъ вліяніемъ Лабзина, Кошелева и др., камергеръ Елянскій, сдѣлался даже самымъ вѣрнымъ послѣдователемъ Кондратія Селиванова. Въ царствованіе Павла послѣдній находился въ Обуховской больницѣ, главнымъ врачомъ которой былъ уже извѣстный намъ мистикъ масонъ Эллизенъ. Послѣ посѣщенія въ 1802 г. Александромъ I Обуховскаго дома Селивановъ былъ переведенъ въ богадѣльню при Смольномъ монастырѣ, а затѣмъ былъ переданъ на поруки Елянскаго. Селивановъ поселился въ домѣ петербургскихъ купцовъ Ненастьевыхъ. И очень скоро молва о «святомъ старцѣ» распространилась по Петербургу. Тогда уже домъ Ненастьевыхъ стали осаждать представительницы высшаго свѣта и купечества, желая получить благословеніе отъ праведника. Кондратій Селивановъ и его послѣдователи получили такую популярность, что Елянскій, явно человѣкъ ненормальный и подверженный галлюцинаціямъ, въ 1804 г. представилъ даже императору Александру черезъ Новосильцева цѣлый планъ необходимыхъ государственныхъ преобразованій «на прославленіе истины Господней и на возвышеніе возлюбленнаго отечества, Россъ-Мосоха именуемаго». Правда, за мечты о «таинственной церкви», на фундаментѣ которой должно базироваться государственное устройство Россіи, Елянскій былъ отправленъ въ Суздальскій монастырь; но это не помѣшало самому Александру посѣтить «искупителя» передъ Аустерлицомъ. По пре-

---

[1]) См. статью «Религіозно-общественныя движенія XVIII в.» во II т. «Книги для чтенія».

даніямъ, разговоръ зашелъ: начинать ли войну или нѣтъ? И будто бы Селивановъ не совѣтовалъ начинать войны «съ проклятымъ французомъ»: «не пришла еще пора твоя, побьетъ тебя и твое войско, придется бѣжать, куда ни попало». Во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ интересъ къ предсказателю отъ этого лишь усилился. На вечернихъ собраніяхъ у Ненастьевыхъ можно было видѣть немало представителей знатныхъ петербургскихъ фамилій. Въ 1817 г. Селивановъ переселился уже въ спеціальный домъ, выстроенный для него купцомъ Солодовниковымъ—это былъ «домъ Божій», «Горный Сіонъ». Солодовниковъ устроилъ всѣ приспособленія для жизни «второго сына Божія» и для его проповѣди. Самъ «искупитель возсѣдалъ на тронѣ, съ котораго можно было видѣть танцующихъ и поющихъ во время молитвенныхъ радѣній. Къ Селиванову ежедневно сходилось на радѣнія отъ 200—300 человѣкъ: здѣсь бывали военные, дамы, купчихи, монахи, монахини, здѣсь бывали постоянно племянники петербургскаго генералъ-губернатора Милорадовича, жена полковника Татаринова и др. «Днемъ, — разсказываетъ современникъ, — нерѣдко нѣсколько каретъ, заложенныхъ по тогдашнему обыкновенію четверкою и шестеркою лошадей стояли въ Басковѣ пер.», — это все пріѣзжали къ «извѣстному старцу», — какъ именовался Селивановъ въ полуофиціальной перепискѣ, — чтобы познакомиться съ таинственной проповѣдью новаго христіанства. Только въ 1820 г., когда проповѣдь Селиванова стала распространяться среди нижнихъ чиновъ, проповѣдникъ вновь былъ отправленъ въ Суздальскій монастырь. Отправленъ былъ, впрочемъ, съ почетомъ — въ особой коляскѣ, стоившей казнѣ 1.700 р. Каждый мистикъ былъ любезенъ сердцу кн. Голицына.

Кружокъ Татариновой.

Конечно, проповѣдь Селиванова могла заинтересовать, но не увлечь. Елянскіе считались единцами. Одна изъ посѣтительницъ еще Ненастьевскихъ собраній Татаринова образовала свой кружокъ, получившій значительную популярность своими экзерциціями среди мистиковъ, не могшихъ удовлетворить своихъ религіозныхъ потребностей одними лишь нѣмецкими умствованіями и самосозерцаніями. Въ сущности Татаринова представляла собой довольно заурядное явленіе,—это была женщина, впавшая въ религіозность послѣ семейнаго несчастья. Ненастьева во-время сумѣла подойти и воспользоваться ея настроеніемъ. И весьма скоро Татаринова всецѣло уже отдается мистическому трансу, сама дѣлается пророчицей, что и влечетъ къ ней души и сердца другихъ

ищущихъ. Въ 1817 г. Татаринова образуетъ свое собственное «Братство во Христѣ». Къ ней присоединяются многіе изъ тѣхъ, которые бывали на радѣніяхъ у Селиванова: мы видимъ на ея собраніи тѣхъ же гвардейскихъ офицеровъ Д. и А. Г. Милорадовичей, знаменитаго художника Боровиковскаго, Лабзина, Е. А. Головина, командира л.-гв. Терскаго полка, впослѣдствіи главнокомандующаго на Кавказѣ, министра народнаго просвѣщенія кн. Голицына, тайнаго совѣтника Попова, оберъ-гофмейстера Кошелева, вице-президента библейскаго общества и мн. др. Человѣкъ пятьдесятъ, по словамъ современниковъ, собираются на молитвенныя собранія Татариновой. Скоро эти молитвенныя собранія превращаются въ мистическія радѣнія со всѣми ихъ атрибутами. Къ нимъ члены татаринскаго кружка уже привыкли у Селиванова и «тоскуютъ» по нимъ. Надо вѣдь особо повышенное настроеніе, особое возбужденіе, чтобы впасть въ трансъ и начать пророчествовать. Какъ всегда, это возбужденіе вызывается искусственнымъ путемъ: путемъ пляски, быстраго верченія и т. д. Въ сущности, трудно установить, что въ дѣйствительности происходило на этихъ радѣніяхъ О нихъ ходило по городу много сплетенъ, какъ всегда, быть-можетъ, въ значительной степени ложныхъ. На собраніяхъ одѣвали бѣлую одежду, пѣли различныя масонскія, скопческія, хлыстовскія пѣсни, образовывали «кругъ» и предавались тѣмъ «тѣлеснымъ движеніямъ», которыя болѣе возбуждали способность къ пророчеству. Чѣмъ экзальтированнѣе была натура, тѣмъ бо́льшая проявлялась въ ней способность къ пророчеству. Первенствовала сама Татаринова. Одинъ изъ участниковъ «радѣній» разсказываетъ, какъ подъ вліяніемъ пророческаго слова Татариновой тайн. сов. Поповъ «началъ кружиться невольнымъ образомъ, самъ испугавшись столь сильнаго надъ собой духовнаго вліянія». Все это происходило, конечно, съ «премудростью, всевѣдѣніемъ и властью явно божественнымъ». Вотъ эта «возможность обладать способностью говорить не по размышленію... а по вдохновенію, въ которомъ голова нисколько не участвуетъ», и привлекала на радѣніяхъ. «Подчинясь средству подъ названіемъ радѣнія, — разсказываетъ Головинъ, — я, отлагая и попирая ногами всю мудрость людскую съ ея приличіями», низлагалъ «гордость естественнаго разума». Этотъ родъ движенія, по словамъ того же Головина, производилъ такую «транспирацію», какой и самые земные поклоны «не производили».

И послѣ такой «транспираціи» Головинъ чувствовалъ «себя каждый разъ необыкновенно легкимъ и свѣжимъ», что, какъ оказывается, имѣло благотворное вліяніе на его здоровье. Головинъ попросту въ это время страдалъ истерическими припадками, которые сопровождались для него «сладостнымъ чувствомъ внутренняго блаженства»,—явленіе, хорошо извѣстное въ психопатіи. Участниками татариновскаго кружка и являлись въ большинствѣ люди, которыхъ мистика доводила почти до болѣзненнаго состоянія. Люди съ расшатанными нервами, какъ Головинъ, экзальтированные фанатики, въ родѣ Татариновой, ищущіе мистики, заблудившіеся въ дебряхъ своихъ исканій, въ родѣ Лабзина, религіозные ханжи, въ родѣ т. с. Попова, истязавшаго свою дочь за то, что она чувствовала «отвращеніе» къ обрядамъ татариновскаго кружка,—вотъ кто составлялъ центръ, къ которому притекало, вѣроятно, немало шарлатанствующей братіи; къ нимъ примыкали и другіе религіозные ханжи, которыхъ время плодило немало. Таковъ, напримѣръ, подполковникъ Преображенскаго полка А. П. Дубовицкій, человѣкъ одержимый меланхоліей, носившій вериги въ 30 фунтовъ, сѣкшій себя кнутами и занимавшійся у себя въ деревнѣ миссіонерствомъ. Впослѣдствіи этотъ Дубовицкій—богатый помѣщикъ—устроилъ у себя цѣлое общежитіе въ 68 человѣкъ, щедро одаряя своихъ послѣдователей. И, какъ обнаружило слѣдствіе въ 1828 г., онъ и чужихъ и своихъ собственныхъ дѣтей изнурялъ пищей и побоями, каждодневно наказывалъ розгами и плетью, у которой концы были со смоляными шишками. Также до крови сѣкъ Дубовицкій и тѣхъ своихъ крѣпостныхъ, которые недостаточно проникались его «миссіонерствомъ».

Къ такому религіозному изувѣрству, въ концѣ-концовъ, приводили исканія высшей религіозной истины.

Конечно, всѣ подобныя крайности были только единичными фактами. Недаромъ лишь татариновскій кружокъ пріобрѣлъ незаурядную историческую извѣстность. Ни въ Москвѣ ни въ провинціи въ сущности нѣтъ ничего аналогичнаго. Центромъ мистики является Петербургъ, вѣрнѣе, даже петербургская аристократія, близкая къ придворнымъ кругамъ и очень чуткая ко всякаго рода перемѣнамъ въ высшихъ сферахъ. Мистика расцвѣтаетъ тамъ, гдѣ ей особенно покровительствуютъ, гдѣ она будетъ замѣтна и угодна. И знаменательно, что о татариновскомъ кружкѣ не только знаютъ, но опредѣленно сочувствуютъ.

Татаринова имѣетъ свиданіе съ императрицей Елизаветой Алексѣевной, и послѣдняя обѣщаетъ ей свое покровительство. Самъ императоръ выражаетъ ей одобреніе: «Я вами очень доволенъ за ученіе ваше о Спаситедѣ нашемъ». Сердце Александра пламенѣетъ особой любовью къ Спасителю, когда онъ читаетъ въ письмахъ Д. А. Кошелева о татариновскомъ обществѣ. Имѣется свидѣтельство, что Александръ самъ посѣтилъ татариновскія радѣнія. Характерно, что радѣнія до 1821 г. происходятъ въ Михайловскомъ замкѣ, гдѣ устроительница собраній живетъ, имѣя безплатную квартиру. Въ 1821 г. Татаринову выселяютъ изъ Михайловскаго замка; причина та, что братъ государя, Николай, проситъ замокъ подъ инженерное училище. Александру неловко отказать въ просьбѣ брату, и онъ ассигнуетъ спеціальныя деньги Татариновой на «наемъ квартиры со всѣми удобствами».

Не сама мистика, глубоко никогда не захватывавшая русское общество, а причастность къ ней, такъ сказать, правительства оставила замѣтные слѣды въ русской жизни того времени. Прежде всего, не могло печально не отозваться то обстоятельство, что лицо, руководившее народнымъ просвѣщеніемъ, годами слушаетъ «съ сокрушеніемъ и благочестіемъ» пророческія слова Татариновой. Молодое русское просвѣщеніе при такихъ условіяхъ должно было вынести тяжелое испытаніе.

Реакція.

Правительственный мистицизмъ придалъ въ Россіи нѣсколько своеобразный характеръ той реакціи, которая наступила повсемѣстно въ Европѣ въ періодъ господства Священнаго союза. Русская реакція была лишь отзвукомъ реакціи общеевропейской, охватившей и правительства и господствующіе классы, вышедшіе побѣдителями въ борьбѣ съ революціонными началами. Священный союзъ выродился постепенно въ меттерниховскую «систему», проявившуюся во всей своей силѣ послѣ знаменитаго «Вартбургскаго праздника» (1817) и убійства Коцебу (1819) [1]. Знаменитыя Карлсбадскія постановленія противъ науки и ея носителей — университетовъ нашли себѣ практическое примѣненіе и въ Россіи.

Внутренняя политика Священнаго союза.

Мистическія бредни не могли, конечно, заглушать порывовъ «лжеименнаго разума» у небольшой просвѣщенной части рус-

1) См. соотвѣтствующія статьи «Книги для чтенія».

скаго общества. Заграничные походы способствовали лишь углубленію этихъ интересовъ къ общественнымъ и политическимъ реформамъ, которыя мы могли видѣть въ первые года царствованія Александра [1]). Въ связи съ ростомъ реакціи эти требованія становятся болѣе опредѣленными, они проникаютъ въ масонскіе клубы влекутъ за собой организацію уже спеціальныхъ тайныхъ обществъ съ политическими задачами. Реакція неизбѣжно влечетъ за собой пробужденіе революціонныхъ стремленій. Такъ было въ Европѣ, такъ было и въ Россіи. Боязнь революціи лишь удесетеряетъ реакцію, которая сама себя побиваетъ тѣми безсмысленными крайностями, до которыхъ она доходитъ. Наступаетъ господство Фамусовыхъ и Молчалиныхъ. Такая картина и открывается намъ въ Россіи съ 1819 года въ періодъ господства «министерства затменія», какъ выразился консерваторъ Карамзинъ.

Борьба съ просвѣщеніемъ.

Стремленіе основать просвѣщеніе на благочестіи въ цѣляхъ укрѣпить національный духъ и монархизмъ должно было привести въ дѣйствительности къ борьбѣ съ просвѣщеніемъ; къ тому же, какъ мы знаемъ, принципы новаго общественнаго воспитанія были сдобрены въ значительной степени «мистической вздорологіей»: разумъ стушевывался передъ откровеніемъ. Когда Карамзинъ прочиталъ манифестъ 24 октября 1817 г. о преобразованіи министерства народнаго просвѣщенія въ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, то тогда же въ письмѣ къ Димитріеву онъ отмѣтилъ, что попытка «мірское просвѣщеніе сдѣлать христіанскимъ» лишь умножитъ «число лицемѣровъ». Онъ былъ пророкомъ. Лицемѣріе и обскурантизмъ свили себѣ особенно прочное гнѣздо въ главномъ правленіи училища, которое состояло изъ главарей библейскаго общества, крайнихъ мистиковъ и піэтистовъ. Уже въ инструкціи, данной главнымъ правленіемъ 5 августа 1818 г. ученому комитету, основанной на крайне реакціонной «Запискѣ о современномъ положеніи Германіи» члена правленія Стурдзы, въ сущности уже опредѣленно объявлялся походъ противъ науки. Инструкція говорила, напр., о томъ, что надо въ книгахъ естественныхъ устранять «всѣ пустыя и безплодныя предположенія о происхожденіи и измѣненіи земного шара». Въ медицинскія науки «не должно быть внесено ничего такого, что унижаетъ духовную природу человѣка, его

---

[1]) См. статьи «Либеральныя теченія» и «Политическія и общественныя идеи декабристовъ».

внутреннюю свободу и божественное предопредѣленіе». Ясно, что при такихъ условіяхъ медицинскія науки недалеко могли уйти отъ теософической химіи Лабзина.

Магницкій въ Казанскомъ университетѣ.

Наиболѣе яркое примѣненіе на практикѣ этой ситемы обскурантизма было знаменитое обревизованіе и реформированіе Казанскаго университета, произведенныя Магницкимъ, бывшимъ соратникомъ Сперанскаго, сдѣлавшимся теперь вѣрнымъ адептомъ новыхъ настроеній въ правительственныхъ сферахъ. Послѣ внимательнаго разысканія и труда нѣсколько лѣтъ Магницкій, какъ онъ разсказываетъ о себѣ, былъ пораженъ открывшейся ему глубокой истиной: все дѣло въ воспитаніи, которое должно быть основано на вѣрѣ. «Кровавыми литерами читаю, что сказала исторія: поколебалась вѣра... потомъ взволновались мнѣнія... и тысящелѣтній тронъ древнихъ государей взорванъ». Вотъ къ чему приводитъ «невѣріе философіи». И со страстью Магницкій въ качествѣ попечителя Казанскаго округа сталъ уничтожать «невѣріе» и насаждать «вѣру». Магницкій въ ужасъ пришелъ отъ Казанскаго университета, зараженнаго духомъ «вольнодумства и лжемудрія». Магницкій требовалъ «публичнаго разрушенія университета». Но ему поручили его «исправить». И вотъ Магницкій приступилъ къ преобразованію университета «на началахъ Священнаго союза». Изгнавъ всѣхъ зловредныхъ профессоровъ, Магницкій въ 1821 г. издалъ характернѣйшую инструкцію, опредѣлившую духъ и направленіе, которымъ профессора обязаны были слѣдовать въ преподаваніи наукъ философскихъ, политическихъ, медицинскихъ и т. д. По этой инструкціи, которую гуманный дерптскій профессоръ Парротъ [2]) назвалъ «безконечной фразеологіей, гдѣ невѣжество облекается мантіей знанія», ректоръ университета обязанъ былъ присутствовать на лекціяхъ, просматривать тетради студентовъ и наблюдать, «чтобы духъ вольности ни открыто ни скрыто не ослаблялъ ученія Церкви въ преслѣдованіи наукъ философскихъ и историческихъ». Какъ же шло новое преподаваніе? Философія должна была руководиться исключительно посланіями апостола Павла и доказывать преимущество священнаго писанія надъ наукой; начала политическихъ наукъ должны быть извлекаемы изъ твореній Моисея, Давида и Соломона. Наука естествен-

---

[1]) Парротъ въ запискѣ, представленной Александру, указывалъ на всю пагубность новыхъ направленій въ области народнаго просвѣщенія.

наго права, какъ «мнимая наука», подверглась полнѣйшему остракизму. На профессоровъ всеобщей исторіи возлагалась обязанность показать слушателямъ, «какъ отъ одной пары все человѣчество развелось», преподаваніе новѣйшей исторіи — виновницы всѣхъ смутъ, было также безповоротно запрещено. Русскій историкъ долженъ былъ выяснить, что при Владимирѣ Мономахѣ русское государство «упреждало всѣ прочія государства на пути просвѣщенія»; русская словесность превращалась въ исторію духовнаго краснорѣчія. Математикъ, въ свою очередь, долженъ былъ строить свою науку на принципахъ нравственности и доказывать, что «математика вовсе не содѣйствуетъ развитію вольнодумства. Математика лишь подтверждаетъ высочайшія истоки вѣры, ея законъ совершенно согласенъ съ истоками христіанской религіи». «Причиною вольнодумства—не математика (которая требуетъ «на все доказательствъ самыхъ строгихъ»), а господствующій духъ времени, — доказываетъ ректоръ университета проф. Никольскій. «Въ математикѣ содержатся превосходныя пособія священныхъ истинъ. Напр., какъ числа безъ единицъ быть не можетъ, такъ и вселенная, яко множество, безъ Единаго владыки существовать не можетъ... Двѣ линіи, крестообразно пресѣкающіяся подъ прямыми углами, могутъ быть прекраснѣйшимъ іероглифомъ любви и правосудія... Гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви, черезъ ходатая Бога и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнимъ, небесное съ земнымъ»... Проф. Фуксъ съ такимъ же успѣхомъ показывалъ, что «цѣль анатоміи находить въ строеніи человѣческаго тѣла премудрость Творца»... и т. д. Такимъ путемъ опровергался «гибельный матеріализмъ», такимъ путемъ устранялись «разрушительныя начала» и основывалось просвѣщеніе «на началахъ христіанской религіи». Только тотъ профессоръ удовлетворялъ своему назначенію, который расточалъ «похвалы магіи и кабалистикѣ» въ духѣ стараго масонства.

Въ духѣ господствующаго религіознаго мистицизма преобразовывалась и жизнь студентовъ университета. Ихъ жизнь наполнялась всевозможными упражненіями въ благочестіи. «Порченые студенты въ наказаніе помѣщались въ комнату уединенія въ лаптяхъ и крестьянскомъ армякѣ — они должны были передъ Распятіемъ и картиной страшнаго суда сокрушаться въ своихъ грѣхахъ. Пока происходилъ этотъ искусъ, товарищи грѣшника молились за него передъ лекціями, а самъ грѣшникъ по раская-

нію исповѣдывался и причащался. Неисправимыхъ грѣшниковъ Магницкій отдавалъ въ солдаты. Вотъ что дѣлали «злые невѣжды изъ религіи христіанской», какъ выразился Н. И. Тургеневъ.

Не только одинъ Казанскій университетъ подвергся такому исправленію. Въ аналогичныхъ условіяхъ приходилось дѣйствовать и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Петербургскій попечитель округа Руничъ открылъ такой же походъ противъ всѣхъ наукъ политическихъ и философскихъ. Онъ обвинилъ четырехъ самыхъ «благонамѣреннѣйшихъ и консервативнѣйшихъ» преподавателей въ томъ, что они стремятся къ «ниспроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ». Вліянію этой реакціи подверглись, хотя и въ меньшей степени, университеты: Харьковскій, Московскій и Демидовскій лицей. На ряду съ этимъ особымъ покровительствомъ пользуются всякаго рода библейскія сотоварищества, являвшіяся «во время всеобщаго броженія» оплотомъ противъ безвѣрія Вольтеровъ, Дидротовъ, Даламберовъ, противъ «лжемудрія германскихъ и англійскихъ философовъ», противъ «лжесвятости и кощунства латинскихъ папежниковъ». Изъ преподаванія удалены «всѣ вредныя доктрины», и 1823 г. одинъ изъ профессоровъ Петербургскаго университета съ гордостью констатировалъ, что «развитіе нечестія и опасность, грозившая цивилизаціи, общественному порядку и правительству, остановлены Священнымъ союзомъ, открывшимъ истинный свѣтъ». Но новая цивилизація такого рода, что даже реакціонеру Карамзину оставалось лишь скромно выражать надежду, что «Россія не погрязнетъ въ невѣжествѣ».

Цензура.

Къ школьной борьбѣ противъ просвѣщенія тѣсно примыкала и дѣятельность цензуры, направленной на устраненіе въ книгахъ всего того, что, по мнѣнію господствующаго обскурантизма, подрывало основы вѣры и государства: «благоразумная цензура, соединенная съ утвержденіемъ народнаго воспитанія на вѣрѣ — по мнѣнію Магницкаго — есть единый оплотъ бездны, затопляющей Европу невѣріемъ и развратомъ». Легко себѣ представить, какія требованія должна была предъявлять эта «благоразумная» цензура. Цензура во все царствованіе Александра искореняла «невѣрныя мысли», которыя опредѣлялись направленіемъ правительственной политики въ тотъ или иной моментъ. Послѣ Тильзита нельзя было писать противъ французовъ, затѣмъ наступилъ поворотъ въ противоположномъ направленіи. Но всегда цензоры были тверды лишь въ одномъ направленіи — въ тѣхъ вопросахъ,

которые касались политическаго и общественнаго переустройства Россіи. Крѣпостное право, эта священная старина, всегда охранялась отъ какихъ-либо рѣзкихъ нападковъ, даже тогда, когда въ правительствѣ зрѣла мысль о необходимости его уничтоженія. Въ 20 гг. крестьянскія волненія вызываютъ окончательное запрещеніе касаться крестьянскаго вопроса въ журналистикѣ: Голицынъ распорядился, чтобы «не было печатаемо ничего ни въ защищеніе ни въ опроверженіе вольности или рабства крестьянъ, не только здѣшнихъ, но и иностранныхъ». Такая же судьба постигала и всѣ другіе вопросы политическаго характера. Въ 1824 г. Магницкій подъ псевдонимомъ присылаетъ въ цензурный комитетъ рукопись: «Нѣчто о конституціяхъ», гдѣ доказывалось превосходство неограниченной монархіи. Комитетъ нашелъ ни «нужнымъ ни полезнымъ въ государствѣ съ самодержавнымъ образомъ правленія публично разсуждать о конституціяхъ». Самое лучшее вообще не подавать «повода къ разнымъ заключеніямъ и толкамъ», какъ выразился Голицынъ. Мы не будемъ перечислять длинный мартирологъ запрещеній, отъ которыхъ страдали не только Пушкинъ и Грибоѣдовъ, но даже такіе благонамѣренные писатели, имѣющіе связи при дворѣ, какъ Жуковскій и Карамзинъ. Цензоръ Красовскій, начавшій свою дѣятельность въ 1821 г. обезсмертилъ себя въ исторіи, показавъ на яркомъ примѣрѣ до какой абсурдности можетъ доходить реакція. Этотъ ханжа, любившій раздавать духовно-назидательныя книжечки, усердно клавшій земные поклоны въ церквахъ, чувствовалъ омерзѣніе ко всему иностранному — «смердящему гноищу, распространяющему душегубительную зловонь», особенно къ Парижу — «любимому мѣсту пребыванія дьявола»; испытывалъ, впрочемъ, такое чувство онъ больше потому, что какъ «казенный человѣкъ», твердо слѣдовалъ за правительственной политикой. И онъ запрещалъ статьи «О вредности грибовъ, ибо грибы — постная пища православныхъ, и писать о вредности ихъ значитъ подрывать вѣру и распространять невѣріе». Въ знаменитыхъ примѣчаніяхъ къ стихамъ Олина «Стансы Элизы», которыя Красовскій не рѣшился пропустить «безъ особаго разрѣшенія министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія», сказалась особенно ярко уродливость того положенія, когда писатель попадаетъ въ зависимость отъ религіознаго ханжи и невѣжды.

«Что въ мнѣньи мнѣ людей? Одинъ твой нѣжный взглядъ
Дороже для меня вниманья всей вселенной»...—писалъ поэтъ.

— «Сильно сказано, — дѣлалъ примѣчаніе Красовскій, — къ тому же во вселенной есть и цари и законныя власти, вниманіемъ коихъ дорожить должно»...

«Дыханье каждое и каждое мгновенье
И сердцемъ близъ тебя, другъ милый, обновясь».

— «Всѣ эти мысли противны духу христіанства, ибо въ Евангеліи сказано: кто любитъ отца своего или мать паче Мене, тотъ нѣсть Мене достоинъ»...

Невольно припоминается позднѣйшій отзывъ николаевскаго министра Уварова: «Красовскій у меня, какъ цѣпная собака, за которой я сплю спокойно».

Солидарность мистицизма со всѣми видами реакціи.

Реакція сказывалась во всѣхъ областяхъ жизни. Мы коснулись лишь той, гдѣ реакціонная тупость неизбѣжно должна была проявляться особенно ярко, такъ какъ здѣсь она боролась непосредственно съ просвѣщеніемъ. Въ дѣйствительности этотъ обскурантизмъ объединялъ самые разнородные элементы насколько дѣло шло о защитѣ дворянско-крѣпостническихъ традицій и о борьбѣ съ «софизмами новой философіи», которые «привели къ гибельнымъ переворотамъ французскаго королевства». Патріотъ Трощинскій яро возражаетъ противъ реформы гражданскаго уложенія въ 1815 г., противъ кодекса Наполеона: «Какъ можно заимствовать законы отъ ужасной революціонной пропаганды». Противъ реформы и идеологъ консервативно-дворянской партіи — Карамзинъ. Какъ ни враждебна карамзинистамъ старовѣрческая партія Шишкова (ея сочленъ — Голенищевъ - Кутузовъ прославилъ себя, можно сказать, безконечными доносами на Карамзина—якобинца, сѣющаго вольнодумство, безнравственность и матеріализмъ), и она сольется въ общихъ поступкахъ реакціи. «Опора и надежда дворянства — престолъ, а ограда и твердость престола — дворянство» — какъ мѣтко охарактеризовалъ калужскій предводитель дворянства кн. Вяземскій солидарность интересовъ монархіи и дворянства: истекшія «событія научаютъ паче всякаго умствованія: во Франціи не стало дворянства — она пала; въ Россіи оно было, и Россія возстала (противъ Наполеона), восторжествовала и блаженствуетъ»... Неученый истинно-русскій дворянинъ Аракчеевъ будетъ въ томъ же лагерѣ патріотовъ, масоновъ, піэтистовъ, мистиковъ, которые будутъ восхвалять «божественную поэзію» (Руничъ) Священнаго союза и тотъ государ-

ственный институтъ, которому Россія обязана своимъ «величіемъ» и благосостояніемъ». Это—монархія, какъ доказывалъ «Вѣстникъ Европы» въ 1812 г. Россія благоденствуетъ: русское судопроизводство превосходитъ англійское, состояніе русскихъ крестьянъ лучше англійскихъ и т. д. Только «народы дикіе любятъ порядокъ, а нѣтъ порядка безъ власти самодержавной», доказывалъ Карамзинъ, «республиканецъ по чувствамъ», какъ онъ себя называлъ. Конечно, при такихъ условіяхъ всякій голосъ, напоминающій о реформахъ, встрѣтитъ лишь грубый капральскій окликъ: «Дуракъ! не въ свое дѣло вмѣшался». Напрасны наивныя записки надв. сов. Д. И. Извольскаго, писавшаго Александру еще 14 іюля 1817 г.: «Вы сдѣлали все, какъ полководецъ и дипломатъ, ничего еще какъ законодатель... Вникните въ гибельныя послѣдствія рабства владѣльческаго и казеннаго—ваше сердце обольется кровью, когда вообразите всю жестокость, съ какою мелкопомѣстное дворянство во зло употребляетъ свое право мучить существо чувствительное». Александръ не склоненъ былъ ни къ политическимъ ни къ соціальнымъ реформамъ, которыя затрагивали монархію и дворянство и были какъ бы тѣнью подавленной революціи. Одиноко прозвучитъ въ 1818 г. голосъ малороссійскаго губернатора кн. Н. Г. Репнина о томъ, что дворянское сословіе въ виду собственныхъ интересовъ, должно позаботиться о благосостояніи крѣпостныхъ крестьянъ: «обезпечить ихъ благосостояніе и на грядущія времена, опредѣливъ обязанности ихъ». «Связь, существующая между помѣщиками и крестьянами есть отличительная черта русскаго народа. У иноземцевъ часто владѣлецъ помышляетъ только о доходѣ, а нисколько о тѣхъ, который ему оный доставили. Но сколько пагубы было отъ сего послѣдствія! Пришли враги, и за родину никто не принесъ себя въ жертву. Мѣняли царей, опровергали древніе законы и обычаи, ко всему были равнодушны». Эта въ сущности консервативная рѣчь, напечатанная въ «Духѣ журналовъ», вызвала цѣлую бурю въ цензурѣ и въ лагерѣ тѣхъ, кто былъ глубоко доволенъ мирнымъ исходомъ Отечественной войны. Крестьяне «счастливы» и имъ остается только любить своихъ благодѣтелей, что они и дѣлали въ куплетахъ для «сельской комедіи», написанныхъ сентиментальнымъ Карамзинымъ: «Какъ не пѣть намъ? Мы щастливы! Славимъ барина-отца».

И понятно, что Шишковъ встрѣтилъ большое сочувствіе въ государственномъ совѣтѣ въ 1820 г., когда возражалъ противъ

проекта запрещенія продажи людей безъ земли. Проектъ не получилъ законодательной санкціи, хотя императоръ былъ убѣжденъ, что «въ его землѣ уже двадцать лѣтъ не продаютъ людей порознь».

Военныя поселенія.

Упомянутое засѣданіе государственнаго совѣта было какъ бы эпилогомъ для постановки крестьянскаго вопроса въ царствованіе Александра I. Имъ же были и военныя поселенія, занявшія одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ въ этотъ періодъ. Это былъ дѣйствительно эпилогъ, такъ какъ военныя поселенія осуществляли обѣщаніе Александра (1814 г.) дать войскамъ осѣдлость и присоединить къ нимъ ихъ семейства. Военныя поселенія (первый опытъ поселенія былъ сдѣланъ еще въ 1810 г.) явились какъ бы наградой за подвиги въ Отечественную войну. Мы не можемъ подробно останавливаться на разсказѣ о томъ, что представляло изъ себя это «небывалое великое государственное предпріятіе», — какъ выразился Аркачеевъ въ одномъ изъ приказовъ. Самъ Александръ считалъ учрежденіе военныхъ поселеній «однимъ изъ величайшихъ дѣлъ своего царствованія». Для того, чтобы избавить населеніе отъ тяжелой рекрутчины въ мирное время и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить государственный бюджетъ по содержанію арміи, солдатъ долженъ былъ одновременно сдѣлаться земледѣльцемъ. Первоначально коренные жители мѣстности, избранной для учрежденія военныхъ поселеній, переселялись въ другой край. Но солдаты, отвыкшіе отъ сельскаго хозяйства, оказались плохими хлѣбопашцами, поэтому при дальнѣйшемъ развитіи военныхъ поселеній коренные жители мѣстности, назначенной для учрежденія военнаго поселенія, также зачислялись въ военные поселяне. Остальные жители уѣздовъ, гдѣ учреждены были поселенія освобождались въ мирное время отъ рекрутскихъ наборовъ и за это несли лишь въ усиленныхъ размѣрахъ другія повинности. Военные поселяне, освобожденные ото всѣхъ государственныхъ повинностей, должны были комплектовать тотъ полкъ, въ округѣ котораго они состояли, содержать этотъ полкъ и исполнять всѣ земледѣльческія и общественныя повинности. Ихъ одѣли въ форменную одежду и обязали до 45 лѣтъ одновременно выполнять и фронтовыя занятія и земледѣльческія работы. Послѣ 45-лѣтняго возраста военный поселянинъ попадалъ въ число «инвалидовъ», употребляемыхъ уже для другихъ хозяйственныхъ надобностей. Нетрудно себѣ представить, какъ жилось тѣмъ, которые должны были соединить соху съ обуче-

ніемъ ружейнымъ пріемамъ и другимъ всевозможнымъ военнымъ экзерциціямъ. Военное поселеніе это — въ сущности, полковой лагерь, гдѣ повседневная жизнь регламентируется уставами и соотвѣтствующими предписаніями начальства. И по внѣшней формѣ военное поселеніе напоминаетъ лагерь: впереди — дорожка для начальствующихъ лицъ, сзади — для поселянъ. Въ новгородскихъ поселеніяхъ всѣ дома были выстроены по одному образцу — каждый — для четырехъ поселянъ-хозяевъ. Хозяйственныя работы производятся ротами подъ наблюденіемъ офицеровъ; отлучка на ночь допускается лишь съ разрѣшенія ротнаго командира. Женитьба и замужество совершаются также по приказу начальства, дѣти, зачисляемыя въ кантонисты, подвергались той же начальственной опекѣ. Однимъ словомъ, регламентируются всѣ семейныя отношенія, всѣ подробности обыденной жизни. И надъ всѣмъ этимъ высилась строжайшая военная дисциплина, отличавшаяся въ то время большой жестокостью. Александръ I отличался той же «парадоманіей», что и его отецъ. Въ силу этого солдатская «муштровка сводилась исключительно къ внѣшней выправкѣ: дѣлать 120 шаговъ въ минуту и «отнюдь отъ этой мѣры... ни въ какомъ случаѣ не отступать». И солдатъ «тиранили», по выраженію современника, чтобы достигнуть предписанной точности въ шагистикѣ. Били за то, что солдатъ во фронтѣ «невесело смотритъ» и т. д. Находились такіе любители, которые буквально «распекали» солдатъ, давали 1000 ударовъ палками и тесаками за малѣйшія нарушенія устава. За жалобы проводили сквозь строй. Военная служба того времени была «каторгой», по характеристикѣ севременника (Якушкина). Въ военныхъ поселеніяхъ муштровка отнюдь не уступала общеармейской дисциплинѣ, и понятно здѣсь господствовала палка Аракчеева, который явился главнымъ устроителемъ и управителемъ военныхъ поселеній. Великій князь Николай Павловичъ, осматривая вмѣстѣ съ братомъ Константиномъ, новгородскія поселенія утверждалъ, что въ гвардіи никогда не видѣлъ такихъ ученій.

Если такая военная дисциплина привела къ волненіямъ въ 1820 г. въ гвардейскомъ семеновскомъ полку, который считался «любимымъ» полкомъ государя, то она неизбѣжно должна была вызывать еще большій ропотъ среди военныхъ поселянъ, у которыхъ, по выраженію Н. И. Тургенева, были «права собственности, права человѣчества забыты». Военная рука вошла въ селенія, дома, имущество мирныхъ земледѣльцевъ, и они сами

были взяты «въ общій составъ новаго воинства»... Дѣйствительно исторія еще ни разу не представляла «что-либо тому подобное». Въ офиціальныхъ грамотахъ и приказахъ рисовались самыя идиллическія картины будущаго благополучія, но крестьяне, обреченные на превращеніе въ военныхъ поселянъ, оказываютъ систематическое и рѣшительное сопротивленіе этому нововведенію. Это, правда, съ непривычки. Весьма скоро, какъ офиціально констатировалъ Аракчеевъ, военныя поселенія крестьянъ «очень полюбились», полюбились настолько, что въ 1817 г. нѣсколько сотъ поселенцевъ останавливаютъ вел. князя Николая Павловича и на колѣняхъ просятъ ихъ пощадить: «Прибавь намъ подать, требуй изъ каждаго дома по сыну на службу, отбери у насъ все... но не дѣлай всѣхъ насъ солдатами»... Много разъ они молятъ о защитѣ «крестьянскаго народа отъ Аракчеева». За мольбами идутъ протесты и волненія, за которыми, въ свою очередь, слѣдуютъ жестокія кары. Въ 1819 г. происходитъ бунтъ военныхъ поселянъ въ Чугуевѣ. Военный судъ приговариваетъ 275 виновныхъ «къ лишенію живота». Аракчеевъ смягчаетъ наказаніе, приказавъ наказать виновныхъ шпицрутенами, прогнавъ каждаго черезъ тысячу человѣкъ. Въ дѣйствительности наказаніе шпицрутеномъ было жестокой смертной казнью: шпицрутенъ, это — гибкій, гладкій лозовый прутъ въ діаметрѣ нѣсколько менѣе вершка, въ длину—сажень...

Военныя поселенія, на которыя затрачивалось много милліоновъ, не достигали своей цѣли: не облегчали казну, не облегчали и положенія крестьянъ, ибо хозяйство, руководимое военной дисциплиной, велось самымъ безобразнымъ образомъ. Богатые дѣлались бѣдными послѣ «приписки къ военнымъ поселеніямъ». Иначе и не могло быть при системѣ аракчеевскаго управленія: Аракчеевъ держался мнѣнія, что «нѣтъ ничего *опаснѣе* богатаго поселянина. Онъ тотчасъ возмечтаетъ о свободѣ и не захочетъ быть поселяниномъ». Какова была дѣйствительность уже показываетъ, что рождавшихся въ военныхъ поселеніяхъ было меньше, чѣмъ умиравшихъ. «При десятой долѣ умирающихъ, — разсказываетъ инженеръ Панаевъ,—смертность не считалась большой; когда умирала $^1/_8$, тогда производилось слѣдствіе». Такова была оборотная сторона военныхъ поселеній, офиціально процвѣтавшихъ и пользовавшихся любовью облагодѣтельствованныхъ крестьянъ. Во время офиціальныхъ обозрѣній военныхъ поселеній Аракчеевъ получалъ со всѣхъ сторонъ

восторженные отзывы: «Всѣ торжественно говорятъ, что совершенства въ нихъ по части фронтовой, такъ и экономической, превосходятъ всякое воображеніе», замѣчаетъ современникъ. Всѣ почетные гости — иностранные принцы и посланники считаютъ своей обязанностью съѣздить на Волховъ и осмотрѣть это удивительное чудо». Чудо удивительное въ дѣйствительности: «тамъ, гдѣ за восемь лѣтъ были непроходимыя болота, видишь сады и огороды», пишетъ въ 1825 г. Карамзинъ. Но это «чудо» очень тяжело отзывалось на тѣхъ, кто его творили. Но императоръ былъ твердъ въ осуществленіи своей идеи, которую онъ считалъ великой. Когда ему указывали на отрицательныя стороны военныхъ поселеній, онъ отвѣчалъ: «Они будутъ во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова»... Дѣйствительность была недалека отъ этого, но объ этой дѣйствительности «по волѣ государя» въ 1825 г. было запрещено что-либо сообщать въ печати.

Военныя поселенія были вѣнцомъ реакціи. Эта «ужасная система» (даже по словамъ Карамзина), вызывавшая наибольшую оппозицію въ прогрессивныхъ слояхъ общества, отнюдь, однако, не вызывала протестовъ среди мистиковъ, осуществлявшихъ въ жизни христіанскіе завѣты любви и морали. Мистика, сокрушавшаяся о грѣхахъ, прекрасно уживалась съ такого рода проявленіями реакціи. Всѣ разновидности реакціи, такимъ образомъ, сливались въ нѣчто кошмарное. Скоро и сама мистика попала въ число заподозрѣнныхъ за свою политическую неблагонадежность. На мистику ополчилась ортодоксальная реакція.

Ортодоксальный протестъ противъ мистики.

Мистика увлекла въ началѣ и нѣкоторыхъ изъ церковныхъ дѣятелей, напр., митрополита Михаила, архіепископа Иннокентія, архимандрита Филарета (впослѣдствіи извѣстнаго московскаго митрополита). Филаретъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ библейскаго общества. Но огромное большинство дѣятелей офиціальной церкви, развивавшихъ въ проповѣдяхъ положенія Священнаго союза (они вывѣшены были въ церквахъ), какъ это было приказано изъ центра, участвовавшихъ въ библейскихъ обществахъ, однако, далеко не склонно было съ одобреніемъ смотрѣть на возрастающее вліяніе мистиковъ и піэтистовъ. «Не странны ли, — писалъ Шишковъ, — даже не смѣшны ли въ библейскихъ обществахъ наши митрополиты и архіереи, засѣдающіе вмѣстѣ съ лютеранами, католиками, кальвинами, квакерами, — словомъ со всѣми иновѣрцами».

Самъ по себѣ уже интересъ къ мистикѣ обозначалъ нѣкоторыя исканія, нѣкоторую неудовлетворенность офиціальной церковностью. Расцвѣтъ мистики обозначалъ извѣстный упадокъ авторитета стараго богословія византійскаго типа, которое замѣняло новая «транспирація» въ духѣ татариновскихъ радѣній. Дѣятели офиціальной церкви не могли смотрѣть одобрительно и на то явленіе, которое получаютъ всякаго рода заѣзжіе пасторы, несущіе съ собой протестантско-мистическое вліяніе; на то вліяніе, которое съ другой стороны получаютъ іезуиты, вербующіе себѣ среди дамъ аристократическаго общества усердныхъ прозелитокъ католицизма. Офиціальная церковность была въ сущности враждебна и распространенію въ широкихъ массахъ св. писанія, о чемъ заботились библейскія общества (къ библейскимъ обществамъ несочувственно относилось и католичество), она была враждебна той проповѣди, что внутреннее откровеніе выше слова внѣшняго, которая раздавалась въ устахъ мистиковъ. Она должна была протестовать противъ успѣха, который имѣли въ Петербургѣ квакеры, и видѣть въ печатаніи и распространеніи ихъ догматовъ (въ лабзинскомъ журналѣ) подрывъ господствующей церкви, авторизированной и традиціями и правительственной властью. Наконецъ космополитичность, заключавшаяся по идеѣ въ мистикѣ и аналогичныхъ теченіяхъ, вызывала протестъ, какъ среди ортодоксовъ, такъ и шовинистовъ—патріотовъ типа Шишкова. Основатель «Сіонской церкви»—Лабзинъ говорилъ, что нѣтъ основанія для раздѣленія христіанъ на различныя исповѣданія. Библейское общество въ своихъ идеальныхъ мечтаніяхъ также должно соединить всѣ народы земного шара въ одну христіанскую семью. Одинъ ученый того времени изобрѣтаетъ даже «всеобщій языкъ», дабы привести всѣ народы къ братскому единству и такимъ путемъ образовать единую семью Небеснаго Отца. Истины, провозглашенныя Священнымъ союзомъ, также носятъ универсальный характеръ. *Вселенная* есть отечество и вольнаго каменщика. Масоны — всемірные граждане. Все это явно грозитъ государству, церкви и истинной религіи опасностью. Есть недовольные и положеніемъ, которое занимаетъ въ государственномъ управленіи кн. Голицынъ. Съ нимъ приходится дѣлить власть Аракчееву, который хочетъ быть единственнымъ интимнымъ и вліятельнымъ другомъ царя. И вотъ противъ Голицына образуется довольно дружный союзъ изъ Аракчеева, митрополита петербургскаго Серафима и архимадрита Фотія. Къ

нимъ пристаетъ Шишковъ, а затѣмъ и Магницкій, успѣвшій уже перемѣнить свои убѣжденія. Душой этого заговора является юрьевскій архимандритъ Фотій — самый типичный ортодоксальный фанатикъ и изувѣръ, готовый причислить въ угоду Аракчеева къ лику святыхъ его возлюбленную Анастасію Минкину, убитую крѣпостными за ея жестокое обращеніе. Фотій также умѣлъ пріобрѣсти дамское расположеніе, и особенно въ лицѣ гр. Орловой, имѣвшей большія связи при дворѣ и сдѣлавшейся самой вѣрной послѣдовательницей юрьевскаго архимандрита, его рабой, чуть ли не снимавшей съ него сапоги. Черезъ нее Фотій проникаетъ къ кн. Голицыну и къ самому Александру; какъ хитрый лицемѣръ, умѣетъ ихъ расположить въ свою пользу и постепенно подготовить паденіе кн. Голицына, а вмѣстѣ съ нимъ и всей мистики,—этого «беззаконнаго сборища изъ всѣхъ сектъ», по характеристикѣ Фотія. Изъ этого лагеря идетъ пропаганда того, что «всѣ лжеумствованія о такъ называемой внутренней церкви, т.-е. никакой», подрываютъ основы вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государство. Всѣ книги, изданныя въ періодъ господства Голицына, содержатъ гибельную внутренность, ведущую къ потрясенію христіанства, престоловъ и къ образованію тайныхъ обществъ, стремящихся лишь къ владычеству міра. Іезуиты, масоны, иллюминаты, якобинцы и всѣ остальные заключили таинственный заговоръ, чтобы разрушить порядокъ и нравственность. Вся цѣль Голицына, — констатируетъ записка Фотія въ 1824 г., — ниспроверженіе самодержавія и вѣры. Фотій готовъ утверждать даже, что мистики въ 1817 г. хотѣли совершить покушеніе на Александра. Библейскія общества хотѣли составить изъ всего рода человѣческаго «общую республику», доказываетъ Шишковъ. Ихъ задача «привести въ неуваженіе священныя книги, измѣняя въ нихъ языкъ церкви, на языкъ театра». Протестантскіе пасторы, въ родѣ популярныхъ Фесслера, Госнера, «хуже Пугачева», по мнѣнію Фотія...

Пугачевъ и революція—вотъ два пугала, которымъ можно было устрашить болѣе всего и правительство и общество. Вѣроятно, находились наивные обыватели, которые дѣйствительно вѣрили въ существованіе какой-то тайной секты, стремящейся ниспровергнуть всѣ основы государственныя. По крайней мѣрѣ, Сперанскій въ письмѣ къ Столыпину 22 февраля 1818 г. пишетъ: «Изъ письма вашего я вижу, что тамъ еще нынѣ вѣрятъ бытію мартинистовъ и иллюминатовъ. Старыя бабьи сказки, коими

можно только пугать дѣтей». Но эти старыя сказки незадолго передъ тѣмъ повторялъ никто иной, какъ Растопчинъ въ запискѣ, представленной въ 1811 г. великой кн. Екатеринѣ Павловнѣ по поводу мартинистовъ; запрещеніе масонства въ 1799 г. онъ объяснялъ тѣмъ, что масоны хотѣли убить Екатерину II, и что жребій даже палъ будто бы на Лопухина.

Паденіе мистики.

Врядъ ли Александръ I вѣрилъ этимъ сказкамъ, усиленно распространяемыми антимистиками. Но въ этихъ сказкахъ можно было найти опору для еще большаго усиленія реакціи противъ возрастающей оппозиціи въ обществѣ и прежде всего для закрытія масонскихъ ложъ, направленіе которыхъ съ точки зрѣнія правительственной власти стало пріобрѣтать нежелательный характеръ. Новыя теченія въ масонахъ грозятъ сдѣлать ложи гнѣздомъ иллюминатства и либерализма, докладываетъ въ своей запискѣ 1821 г. масонъ Кулешовъ, принявшій должность великаго мастера исключительно въ цѣляхъ, чтобы «сіе званіе не впало въ руки хищнаго волка или злоумышленнаго изверга». Въ ланкастерскихъ школахъ толкуютъ о какомъ-то просвѣщеніи. Ген.-губернаторы съ «такимъ чутьемъ», какъ маркизъ Паулуччи и кн. Волконскій, уже въ 1818—1819 гг. закрыли въ своихъ губерніяхъ масонскія ложи. Въ 1821 г. надъ масонами было учреждено негласное наблюденіе, а 1 августа 1822 г. масонскія ложи были окончательно запрещены. Мотивомъ были выставлены «безпорядки и соблазны, возникшіе въ другихъ государствахъ отъ существованія разныхъ тайныхъ обществъ». «Всѣ безъ исключенія тайныя общества, — доказывалъ маркизъ Паулуччи въ запискѣ о масонскихъ ложахъ въ Остзейскомъ краѣ,—принадлежатъ къ числу средствъ, которыми пользуются для уничтоженія всего существующаго». Подъ личиной усердія и благочестія проскальзываютъ эмиссары новыхъ ученій — политическихъ и религіозныхъ. Новая реакція склонна была уже видѣть во всемъ проявленіе революціи: мистика, масонство, чрезмѣрное благочестіе, умѣренный католицизмъ — все это несетъ за собой революцію. Еще въ 1813 г. современникъ, будущій министръ народнаго просвѣщенія Николая I и оплотъ тогдашней реакціи, гр. Уваровъ, отмѣтилъ намъ полную путаницу, которая господствуетъ въ представленіяхъ правящихъ круговъ. «Состояніе умовъ теперь таково,—писалъ онъ, — что путаница мыслей не имѣетъ предѣловъ. Одни хотятъ просвѣщенія безопаснаго, т.-е. огня, который бы не жегъ, другіе (а ихъ всего больше) кидаютъ въ одну

кучу Наполеона и Монтескье, французскія арміи и французскія книги, бредни Шишкова и открытія Лейбница; словомъ, этотъ хаосъ криковъ, страстей, партій, ожесточенныхъ одна противъ другой, всякихъ преувеличеній, что долго присутствовать при этомъ зрѣлищѣ невыносимо: религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборникъ иностранныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франкъ-масонъ, фанатикъ и т. п. Словомъ, полное безуміе». И это «безуміе», отмѣченное еще въ 1813 г., дошло въ 20 гг. до своихъ крайнихъ предѣловъ, когда надъ мистикой восторжествовала ортодоксальная реакція. 15 мая 1824 г. Голицынъ пересталъ быть министромъ. «Избіеніе вааловыхъ жрецовъ» произошло. «Несчастіе пресѣклось, — писалъ по этому поводу Фотій, — армія богохульная паде... общества всѣ богопротивныя, яко же адъ, сокрушились». Кто же спасъ отечество отъ всѣхъ неисчислимыхъ золъ, которыя ему грозили? «Молился объ Аракчеевѣ, — сообщаетъ Фотій: — онъ явился, рабъ Божій, за святую церковь и вѣру, яко Георгій Побѣдоносецъ»...

Усиленіе реакціи и новыя общественныя теченія.

Но дѣйствительность мало измѣнилась отъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли. И въ эпоху мистицизма реакція дошла до предѣловъ, за которые было трудно итти. «Изступленныхъ любителей метафизики» смѣнили Скалозубы съ ихъ девизами въ школахъ «лишь учить по нашему: разъ! два! а книги сохранять такъ, для большихъ оказій». Рвеніе къ мистикѣ въ аристократическомъ обществѣ исчезло какъ «по сигналу». И это болѣе чѣмъ понятно: «Все зависѣло отъ двигателя, пускавшаго въ ходъ машину, — замѣчаетъ въ своихъ запискахъ Руничъ: — во время министерства Кочубея и его души — Сперанскаго всѣ были приверженцы конституціи; во время фавора кн. Голицына всѣ были ханжами. Во время милости Аракчеева всѣ были льстецами». Полуофиціальный мистицизмъ, такъ легко павшій подъ ударами ортодоксальной реакціи, какъ видимъ, неглубоко захватывалъ русское общество. Правда, это общее увлеченіе неизбѣжно должно было оказывать нѣкоторое вліяніе на міросозерцаніе современниковъ, окрашивать его извѣстной долей религіозной мечтательности. Мы ее видимъ отчасти даже среди будущихъ декабристовъ. Но, конечно, эта мечтательность въ своей сущности была очень далека отъ выше очерченнаго мистицизма, враждебнаго всему тому, что носило отпечатокъ научности. Мечтательность эта скорѣе приближалась къ раннему философскому идеализму николаевскаго времени; она являлась скорѣе плодомъ

реакціи, когда люди вообще склонны уходить отъ міра реальнаго въ міръ воображаемый. Если александровская мистика питалась въ своей философской части отъ корней нѣмецкихъ, то изъ тѣхъ же источниковъ шли и другія теченія, развивавшіяся параллельно и въ противовѣсъ мистикѣ. Во имя позитивизма, во имя разума они поднимали знамя борьбы противъ всѣхъ ирраціональныхъ началъ жизни. Недаромъ реакціонеръ Руничъ писалъ, что вся новая «нѣмецкая философія... дерзко подрываетъ основы священнаго писанія»... Мистицизмъ не оказалъ никакого вліянія на русскую литературу. И его одиночество показываетъ, что онъ былъ наноснымъ явленіемъ, не имѣвшимъ подъ собой реальной почвы. На смѣну слащаваго и безсодержательнаго сентиментально-романтическаго направленія начала александровскихъ дней шелъ новый романтизмъ, полный гражданскаго гнѣва: поэтомъ можешь ты не быть, но гражданиномъ быть обязанъ. И эта гражданская поэзія Рылѣева съ ея смѣлымъ обращеніемъ «къ временщику», съ ея горячими призывами къ борьбѣ за свободу родины и къ самопожертвованію, вольнолюбивыя произведенія Пушкина—вполнѣ гармонировали съ тѣми карбонарскими настроеніями, которыя растутъ въ просвѣщенномъ русскомъ обществѣ подъ вліяніемъ роста реакціи. Событія на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. были, такимъ образомъ, неизбѣжной развязкой, которую Шишковъ не преминулъ поставить, конечно, въ связь съ мистикой.

С. Мельгуновъ.

Политическія и общественныя идеи декабристовъ.

Значеніе слова „декабристъ“. Декабристами называютъ членовъ русскихъ тайныхъ обществъ, стремившихся въ 1816 — 25 гг. къ преобразованію политическаго и соціальнаго строя Россіи. Названіе это дано имъ въ память 14 декабря 1825 года, дня присяги императору Николаю, въ который произведена была въ Петербургѣ неудачная попытка вооруженнаго возстанія, ограничившаяся въ сущности лишь вооруженною демонстраціею [1]). Но слово «декабристъ» примѣняется не только къ тѣмъ, кто лично участвовалъ въ этой попыткѣ, а ко всѣмъ членамъ тайныхъ обществъ того времени, стремившихся къ уничтоженію самодержавія въ Россіи. Для того, чтобы правильно понять политическія и общественныя идеи декабристовъ, нужно ознакомиться съ тѣми условіями, которыя вызвали существованіе этихъ тайныхъ организацій.

Подъ какими вліяніями складывалось міросозерцаніе декабристовъ. Громадное большинство декабристовъ были люди военные; нѣкоторые уже покинули военную службу. Что касается образовательнаго ценза декабристовъ, то изъ 12 человѣкъ, преданныхъ верховному уголовному суду и осужденныхъ имъ, о воспитаніи которыхъ есть свѣдѣнія, т.-е. всѣхъ, за исключеніемъ одного, болѣе трети (почти 37%) воспитывались въ корпусахъ; кромѣ того, 10% слушали лекціи въ училищѣ колоновожатыхъ (учрежденномъ въ Москвѣ Н. Н. Муравьевымъ, отцомъ двухъ членовъ тайнаго общества); слѣдовательно, почти половина (47%) получили военную подготовку. Всего въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, училось 55% всего числа, въ высшихъ — 10%. Хорошую школу проходили декабристы и въ нѣкоторыхъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и пансіонахъ. Даже тѣ, которые ограничились только до-

---

1) Возстаніе шести ротъ Черниговскаго полка въ Кіевской губерніи (30 декабря 1825 г.) было также подавлено черезъ нѣсколько дней.

машнимъ образованіемъ, имѣли нерѣдко иностранныхъ или русскихъ гувернеровъ и преподавателей, иногда проникнутыхъ либеральными или радикальными взглядами.

Либеральныя идеи проникли даже въ корпуса, и нѣкоторые изъ будущихъ декабристовъ еще кадетами начинали критически относиться къ государю и цесаревичу Константину Павловичу, извѣстному своею требовательностью на военныхъ ученіяхъ. Въ Царскосельскомъ лицеѣ читали запрещенныя книги и ходившія по рукамъ въ рукописяхъ непропущенныя цензурой произведенія; въ университетахъ вліяли лекціи наиболѣе талантливыхъ либеральныхъ профессоровъ, а въ Московскомъ университетѣ и студенческіе диспуты. Если меньшинство декабристовъ окончило образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или прослушало лекціи нѣкоторыхъ университетскихъ профессоровъ, то очень многіе изъ нихъ значительно подвинулись впередъ въ своемъ умственномъ развитіи во время походовъ въ Западную Европу. Существуетъ очень много свидѣтельствъ декабристовъ о томъ неизгладимомъ вліяніи, которое имѣло на нихъ пребываніе за границей какъ въ это время, такъ и позднѣе. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось даже лично познакомиться съ выдающимися писателями и общественными дѣятелями (m-me Сталь, аббатомъ Сіэсомъ, Бенжаменомъ Констаномъ, Сенъ-Симономъ и друг.), присутствовать на засѣданіяхъ англійскаго парламента и проч.

Послѣ возвращенія въ Россію изъ заграничныхъ походовъ 1813—15 гг. среди наиболѣе интеллигентной военной молодежи пробудилось сильное стремленіе къ пополненію своего образованія чтеніемъ наиболѣе выдающихся произведеній русской и западно-европейскихъ литературъ. Благодаря собственнымъ показаніямъ декабристовъ, мы можемъ опредѣлить наиболѣе обычный кругъ чтенія членовъ тайныхъ обществъ. Изъ писателей, у которыхъ они могли почерпнуть свѣдѣнія по государственному праву, чаще другихъ читались Монтескье, Филанджіери, Руссо, сочиненіе де-Лольма объ англійской конституціи, произведенія Бентама и Бенжамена Констана, комментаріи Дэтю-де-Трасси на «Духъ законовъ» Монтескье, сочиненіе г-жи Сталь о французской революціи, труды объ исторіи и современномъ состояніи Сѣверной Америки. Изъ писателей XVIII вѣка, кромѣ того, сыграли значительную роль въ развитіи общественныхъ идей и религіозныхъ убѣжденій многихъ членовъ тайныхъ обществъ Беккарія, Вольтеръ, Гельвецій, Гольбахъ, Рейналь. Изъ экономистовъ наиболѣе

сильное вліяніе имѣлъ Адамъ Смитъ, изъ иностранныхъ поэтовъ— Шиллеръ и Байронъ.

Рѣже называли декабристы въ числѣ источниковъ своего либерализма русскія печатныя произведенія. Они читали «Естественное право» проф. Куницына, удаленнаго за неблагонамѣренность изъ университета и лицея, учились ненавидѣть деспотизмъ, изучая царствованіе Іоанна Грознаго по IX тому исторіи Карамзина, восторгались нѣкоторыми печатными произведеніями Пушкина и Рылѣева, знакомились съ финансовыми вопросами по «Опыту теоріи налоговъ» Н. И. Тургенева (1818 г.), но особенно для пропаганды либеральныхъ и радикальныхъ идей служили или напечатанныя, но почти совершенно уничтоженныя правительствомъ произведенія, какъ, напримѣръ, «Путешествіе изъ Петербруга въ Москву» А. Н. Радищева (1790 г.), или въ рукописи нѣкоторыя стихотворенія Пушкина, Рылѣева, кн. Вяземскаго, «Горе отъ ума» Грибоѣдова, разсужденіе о необходимости основныхъ законовъ Д. И. Фонвизина.

Въ своемъ разсужденіи («Введеніе къ проекту основныхъ законовъ»), составленномъ имъ подъ руководствомъ гр. Н. И. Панина, Фонвизинъ доказываетъ опасность неограниченной верховной власти и необходимость установленія «непремѣнныхъ государственныхъ законовъ», безъ которыхъ «непрочно ни состояніе государства, ни состояніе государя». Признавая договорное начало происхожденія государства, авторъ находитъ, что подданные имѣютъ право низвергнуть власть, дурно исполняющую свое назначеніе. Въ книгѣ Радищева читатели находили сильныя, не устарѣвшія и въ первой четверти XIX вѣка, обличенія крѣпостного права и самодержавнаго строя, которымъ авторъ противопоставлялъ желаніе видѣть въ Россіи: процвѣтаніе наукъ и искусствъ, свободу разума и его господство въ дѣлѣ общественнаго устроенія, религіозную свободу, «равновѣсіе властей», «равенство имуществъ», уничтоженіе крѣпостного права, признаніе вообще права собственности гражданъ на землю, а въ частности и крѣпостныхъ при ихъ освобожденіи, умѣренность наказаній, воспитаніе народа. Освобожденія крѣпостныхъ Радищевъ болѣе всего ждалъ отъ ихъ собственнаго активнаго протеста. Въ разсужденіи о цензурѣ онъ высказывается за полную, неограниченную свободу печати («безпредѣльную вольность печатанія»), не исключая и вопросовъ религіи: «цензура (т.-е. оцѣнка) печатаемаго принадлежитъ обществу; оно дастъ сочинителю вѣнецъ или употребитъ листы на

обвертки». Если же кто сочтетъ себя обиженнымъ печатью, тотъ можетъ обратиться къ защитѣ суда. Отрывки изъ оды «Вольность» доказывали сочувствіе автора открытой борьбѣ съ тиранами.

Не менѣе и, вѣроятно, даже болѣе, чѣмъ научныя, публицистическія и вообще литературныя произведенія, вліяли на русскую молодежь событія въ Западной Европѣ и Америкѣ: введеніе конституціоннаго строя и революціонныя движенія. О великой французской революціи будущіе декабристы узнавали изъ историческихъ книгъ и разсказовъ своихъ гувернеровъ-иностранцевъ, и они производили на нихъ неизгладимое впечатлѣніе. Англійскую конституцію изучали преимущественно по книгѣ де-Лольма. Сѣвероамериканская послужила въ значительной степени источникомъ для составленія Никитою Мих. Муравьевымъ проекта конституціи для Россіи. На глазахъ очень многихъ декабристовъ имперія во Франціи превратилась въ конституціонное королевство; какъ конституціонная хартія Людовика XVIII (1814 г.), такъ и Дополнительный Актъ Наполеона I (1815 г.) были переведены въ русскихъ журналахъ; въ нихъ же читатели могли найти норвежскую конституцію (1814 г.), изложеніе основныхъ началъ польской конституціонной хартіи (1815 г.), баварскую и баденскую конституцію (1818 г.). Газеты русскія и особенно иностранныя сообшали свѣдѣнія о революціонномъ движеніи на Западѣ: объ убійствѣ (въ мартѣ 1819 г.) Карломъ Зандомъ писателя Коцебу, на котораго въ Германіи смотрѣли, какъ на русскаго шпіона, о возстаніи 1820 г. въ Испаніи, иниціаторами котораго были Квирога и Ріэго, и возстановленіи тамъ конституціи 1812 г., о революціяхъ въ томъ же году въ Португаліи, Бразиліи и Неаполѣ. Борьба Греціи за независимость, начатая въ 1821 г., подготовлялась въ самой Россіи. Нѣкоторые декабристы мечтали даже о личномъ участіи въ томъ или другомъ революціонномъ движеніи: въ Неаполѣ, Греціи и Южной Америкѣ.

Люди, выработавшіе себѣ вслѣдствіе указанныхъ вліяній либеральное или радикальное міросозерцаніе, стремившіеся къ достиженію политической свободы и соціальныхъ преобразованій, встрѣчали самыя печальныя явленія въ Россіи во вторую половину царствованія императора Александра I [1]).

Члены перваго тайнаго общества декабристовъ — Союза Спасенія, основаннаго въ 1816 году и окончательно сорганизовав-

---

[1]) См. статью „Реакція и мистицизмъ“.

шагося въ слѣдующемъ году для своего кратковременнаго существованія, вѣрно поняли, что имъ предстоитъ рѣшеніе двухъ громадныхъ задачъ — достиженія политической свободы и уничтоженія крѣпостного права. Естественно, что при выработкѣ программы того и другого должны были имѣть вліяніе и примѣры Западной Европы, и идейныя теченія въ прошлой жизни Россіи.

Планы преобразованія государственнаго строя гр. М. А. Дмитріева-Мамонова и М. Ѳ. Орлова.

Въ области политическихъ преобразованій, въ дѣлѣ ограниченія самодержавія еще сказывались преданія аристократическаго характера. Такимъ направленіемъ отличаются «Пункты преподаваемаго во внутреннемъ орденѣ ученія», относительно которыхъ пришли къ соглашенію въ 1814 — 15 гг. два крупныхъ землевладѣльца, — гр. Матвѣй Александр. Дмитріевъ-Мамоновъ, сынъ одного изъ фаворитовъ имп. Екатерины II (впослѣдствіи человѣкъ психически больной) и Мих. Ѳ. Орловъ (позднѣе членъ одного изъ тайныхъ обществъ — Союза Благоденствія). Мамоновъ интересовался русскою исторіею XVIII вѣка и, повидимому, подъ вліяніемъ «пунктовъ» верховниковъ 1730 г., желалъ ограничить самодержавіе. Составители новыхъ «пунктовъ» предполагали, что верховная власть будетъ лишена права безъ согласія сената: 1) издавать новые законы, 2) устанавливать налоги, 3) объявлять войну и заключать договоры съ иностранными государствами, 4) ссылать и наказывать, 5) назначать въ высшія званія (министры, сенаторы и проч.) и производить въ высшіе чины. Такія же права желали и верховники предоставить верховному тайному совѣту. Членами сената по проекту Мамонова и Орлова должны были быть 200 наслѣдственныхъ пэровъ, 400 представителей дворянства и столько же представителей народа. «Наслѣдственныхъ пэровъ» предполагалось создать искусственно посредствомъ дарованія 200 вельможамъ «удѣловъ городами и помѣстьями» въ полную собственность. Въ этомъ отношеніи могло сказаться вліяніе такъ называемой сенатской конституціи, опубликованной во Франціи 6 апрѣля 1814 года, которая обратила сенатскія имѣнія изъ пожизненныхъ въ наслѣдственныя. По схемѣ преобразованій, составленной Мамоновымъ нѣсколько позднѣе, предполагалось, что Орденъ Русскихъ Рыцарей (тайное общество, о составленіи котораго мечтали Орловъ и Мамоновъ, но которое имъ не удалось устроить) произведетъ государственный переворотъ и учредитъ народное вѣче изъ двухъ палатъ: 1) палаты наслѣдственныхъ вельможъ изъ 221 члена, владѣющихъ неприкосновенными удѣлами, 442 представителей дворянства, 10 депутатовъ рыцарства и

6 представителей вольныхъ городовъ, и 2) «палаты мѣщанъ», состоящей изъ представителей отъ городовъ. Этотъ республиканскій проектъ, составленный Мамоновымъ, былъ, какъ и «пункты» 1814 — 15 гг., однимъ изъ проявленій аристократическихъ теченій XVIII и начала XIX вѣка, отъ вліянія которыхъ удалось отдѣлаться не всѣмъ декабристамъ (см. ниже планы Батенькова).

Планы ограниченія самодержавія при Екатеринѣ II и Александрѣ I.

Эти аристократическія притязанія были извѣстны многимъ декабристамъ. Въ рукахъ братьевъ Фонвизиныхъ, членовъ тайнаго общества, находилось введеніе къ проекту основныхъ законовъ, составленное ихъ дядею, знаменитымъ драматургомъ, подъ вліяніемъ гр. Н. И. Панина. Имъ были извѣстны основныя черты предположеній Панина объ учрежденіи верховнаго сената, часть несмѣняемыхъ членовъ котораго должна была назначаться отъ короны, а большинство состояло бы изъ лицъ, избранныхъ дворянствомъ изъ своего сословія. Другимъ сословіямъ предполагалось предоставить политическія права лишь впослѣдствіи. Чрезъ братьевъ Фонвизиныхъ съ этими предположеніями могли познакомиться и другіе члены тайныхъ обществъ, которымъ они сообщили и «Введеніе» Д. И. Фонвизина. Въ числѣ декабристовъ было три человѣка, близкихъ къ кн. М. М. Щербатову — два внука его по женской линіи (членъ Союза Благоденствія П. Я. Чаадаевъ и членъ общества Соединенныхъ Славянъ Спиридовъ) и кн. Ѳ. П. Шаховской, женатый на его внучкѣ [1]). Чаадаевъ и Шаховской отличались такою же любовью къ книгамъ, какъ и кн. М. Щербатовъ, и у нихъ были превосходныя библіотеки. Нужно думать поэтому, что имъ были извѣстны и основныя аристократическія идеи этого историка, всего болѣе сочувствовавшаго англійскому государственному строю. Въ своемъ сочиненіи «Путешествіе въ землю Офирскую» (1783 — 4 г.) Щербатовъ предоставляетъ политическія права только дворянству и купечеству; въ другомъ же, болѣе позднемъ произведеніи, «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» (1786 — 9 гг.), онъ называетъ «великимъ» намѣреніе ограничить власть государя сенатомъ или парламентомъ. Въ рукахъ братьевъ Тургеневыхъ находились планы государственныхъ преобразованій Сперанскаго 1802 и 1809 гг., а потому, быть-можетъ, ихъ могли знать и нѣкоторые другіе члены Союза Благоденствія и Сѣвернаго Общества. Планъ 1802 года

---

[1]) Съ нѣкоторыми декабристами былъ друженъ и внукъ М. М. Щербатова, кн. И. Д. Щербатовъ, пострадавшій въ связи съ волненіемъ Семеновскаго полка въ 1820 г.

являлся отраженіемъ тѣхъ англоманскихъ теченій, которыя сильно сказывались въ высшемъ обществѣ въ первые годы царствованія имп. Александра I. Въ немъ Сперанскій предлагалъ даровать право первородства высшему дворянству, въ составъ котораго должны были войти 4 первыхъ его класса. Это высшее дворянство должно было составить верхнюю «камеру» государственнаго сейма, а представители «дворянства прочихъ классовъ» вмѣстѣ съ депутатами другихъ сословій должны были составить «камеру народа». Напротивъ, въ проектѣ 1809 года Сперанскій рѣшительно отрицалъ право первородства, и государственная дума, состоящая изъ одной палаты, основывалась здѣсь на сравнительно широкихъ для того времени началахъ избирательнаго права. Декабристы Н. Тургеневъ, Рылѣевъ и нѣкоторые другіе были знакомы съ Н. С. Мордвиновымъ, и имъ были хорошо извѣстны его аристократическія воззрѣнія. Въ 1802 г. онъ прочелъ въ государственномъ совѣтѣ свое мнѣніе по вопросамъ о преобразованіи сената, въ которомъ высказалъ желаніе, чтобы сенатъ сдѣлался «тѣломъ политическимъ», и чтобы каждая губернія присылала въ него по 2 депутата, избираемыхъ однимъ дворянствомъ на 3 года. Сохранился также набросокъ Мордвинова объ учрежденіи двухъ государственныхъ палатъ: верхняя должна была состоять изъ пожизненныхъ представителей дворянства, выбираемыхъ по одному или по два отъ каждой губерніи, а нижняя— изъ депутатовъ, избираемыхъ на 3—5 лѣтъ дворянствомъ, купечествомъ, фабрикантами и заводчиками, получающими *чистаго дохода* болѣе 10,000 руб. въ годъ, и вольными землевладѣльцами, имѣющими не менѣе 1,000 десятинъ земли, и представителей отъ столицъ, губернскихъ городовъ, главныхъ торговыхъ центровъ и университетовъ. Сохранился, наконецъ, набросокъ Мордвинова о «думѣ вельможъ» (или верховной палатѣ), гдѣ верхнюю палату (изъ 50-ти членовъ) предполагалось составить не на основаніи выборовъ, хотя бы и отъ одного дворянства. По этому наброску въ члены «думы вельможъ» долженъ былъ назначать государь; это званіе дѣлалось наслѣдственнымъ и переходило къ старшему сыну. Каждый вельможа долженъ былъ получать не менѣе 10.000 душъ казенныхъ крестьянъ (мужск. пола) въ неотчуждаемое владѣніе; имѣніе это наслѣдуетъ старшій сынъ, который занимаетъ въ думѣ мѣсто своего отца по достиженіи совершеннолѣтія.

Декабристамъ была извѣстна конституціонная хартія Царства Польскаго (1815 г.), учредившая сеймъ изъ двухъ палатъ, изъ

которыхъ верхняя состояла изъ членовъ по назначенію, а нижняя изъ представителей дворянства и городовъ. 15 марта 1818 г. имп. Александръ произнесъ свою знаменитую рѣчь при открытіи польскаго сейма, въ которой подалъ надежду на распространеніе конституціи на всю Россію [1]). Въ это время проявились, хотя и въ слабой степени, желанія дворянства усилить свое значеніе. Въ запискѣ калужскаго губернскаго предводителя дворянства, кн. Н. Г. Вяземскаго (написанной въ 1818 году по поводу рѣчи, произнесенной княземъ Н. Г. Репнинымъ дворянамъ въ Полтавѣ объ улучшеніи положенія крестьянъ), авторъ предлагалъ созвать въ одну изъ столицъ губернскихъ предводителей дворянства и депутатовъ этого сословія, которые не только изложили бы свои нужды, но, если будетъ повелѣно, не умолчали бы и о всемъ, чего требуютъ «польза и внутреннее благоустройство Россіи». Тогда правительство можетъ, «внявъ мнѣнію и нуждамъ дворянства, постановить на грядущія времена твердыя узаконенія» для всего государства. Судя по одному варіанту этой записки (которая была извѣстна декабристамъ), можно думать, что, по мнѣнію автора, дворянство за свои уступки въ дѣлѣ ограниченія ихъ власти надъ крѣпостными, должны были быть вознаграждены не только какими-либо льготами, но и ограниченіемъ самодержавія. Въ этомъ варіантѣ было сказано, что время постепенно сблизитъ крестьянъ «съ тою свободою», которою «пользуются другія націи, *способныя дѣйствовать и существовать собственнымъ правленіемъ и волею*». Такъ какъ эта записка была написана очень скоро послѣ рѣчи Александра I на польскомъ сеймѣ, то можно думать, что эта рѣчь возбудила у нѣкоторыхъ дворянъ мечты о правахъ политическихъ. Эти стремленія, вѣроятно, сказывались и среди части лифляндскихъ дворянъ, по крайней мѣрѣ, ихъ выразителемъ явился лифляндскій помѣщикъ Т. Э. Бокъ, пріятель Жуковскаго и знакомый гр. Палена, организовавшаго низложеніе имп. Павла. Въ запискѣ, оконченной въ февралѣ 1818 г. и отправленной въ апрѣлѣ того же года при очень рѣзкомъ письмѣ къ имп. Александру, Бокъ (поплатившійся за это 10-лѣтнимъ заключеніемъ въ Шлиссельбургской крѣпости, которое довело его до помѣшательства), требовалъ созванія дворянскаго сейма для составленія законовъ «съ согласія другихъ классовъ».

---

[1]) По закону 29 апрѣля 1818 г. въ верховномъ совѣтѣ Бессарабской области, кромѣ 4 членовъ отъ правительства, должны были участвовать 6 депутатовъ, избираемыхъ дворянствомъ.

Онъ сочувствовалъ убійству имп. Павла и утверждалъ въ своей запискѣ, что «государь отвѣтствененъ за свое поведеніе, такъ что его можно арестовать, если онъ предается постыднымъ страстямъ, пренебрегаетъ своими обязанностями или совершаетъ извѣстные проступки». Въ 1804 году Каразинъ въ одномъ наброскѣ также высказалъ мысль, что «охранительный сенатъ» можетъ по постановленію $^3/_4$ голосовъ остановить дѣйствія государя, но позднѣе политическія мечтанія Каразина, встрѣчавшагося въ Петербургѣ съ нѣкоторыми членами тайнаго общества, но не пользовавшагося ихъ симпатіями, стали гораздо скромнѣе: изъ записокъ, написанныхъ имъ въ 1820 г. и посылаемыхъ государю министромъ внутреннихъ дѣлъ Кочубеемъ, видно, что пожеланія Каразина въ это время сводились лишь къ приглашенію правительствомъ свѣдущихъ людей изъ крупнаго дворянства съ совѣщательнымъ голосомъ для выраженія общественнаго (т.-е. дворянскаго) мнѣнія. Въ томъ же 1818 г., когда были написаны записки кн. Н. Г. Вяземскаго и Т. Бока, Мордвиновъ, предъ отъѣздомъ за границу, представилъ государю проектъ (составленный имъ еще въ 1816 г.), въ которомъ онъ предлагалъ привлечь къ участію въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта и сената областныхъ представителей съ сохраненіемъ самодержавія.

Исторія Западной Европы и Америки и ихъ государственный строй вліяли на образованіе политическаго и соціальнаго міросозерцанія членовъ тайныхъ обществъ; но они искали опоры для своихъ взилядовъ и въ русской исторіи. Рылѣевъ бесѣдовалъ съ Батеньковымъ о государственномъ устройствѣ древней Россіи и увѣрялъ его, что народъ готовъ возстановить свои старинные обычаи и что онъ сброситъ все чужеземное, стоитъ лишь повѣсить вѣчевой колоколъ. Членъ тайнаго общества В. Ѳ. Раевскій въ одномъ изъ своихъ стихотвореній также взывалъ о возвращеніи временъ «прошедшей славы», когда гремѣло вѣче. Другіе декабристы вспоминали о земскихъ соборахъ, о попыткѣ ограничить самодержавіе при восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, объ Екатерининской законодательной комиссіи, передавали слухи о намѣреніи ограничить власть государя при восшествіи на престолъ Александра I, ссылались на проекты реформъ Сперанскаго, на сохраненіе конституціоннаго устройства въ Финляндіи и Польшѣ. Польская хартія 1815 года и рѣчь императора при открытіи засѣданій сейма въ Варшавѣ въ 1818 г. имѣли огромное значеніе въ исторіи тайныхъ обществъ: на нихъ многіе де-

кабристы указывали во время слѣдствія и какъ на одинъ изъ источниковъ своего либеральнаго образа мыслей, и какъ на оправданіе стремленій къ преобразованію государственнаго строя Россіи. Пестель воспользовался рѣчью Александра I въ цѣляхъ пропаганды и увѣрялъ, что распространеніе конституціонныхъ идей среди русской молодежи и въ нашихъ войскахъ совершенно согласно съ волею монарха. Рѣчь эта дала возможность, хотя и на короткое время, говорить въ печати о конституціонномъ строѣ. Когда же русское правительство начало дѣйствовать въ Польшѣ въ духѣ реакціи, вводя цензуру и уничтоживъ въ 1825 году публичность засѣданій сейма (кромѣ дней его открытія и закрытія), то такая политика являлась сильнымъ аргументомъ въ пользу необходимости не ожидать реформъ сверху, а дѣйствовать революціоннымъ путемъ. Нарушенія польской конституціи (такъ же, какъ и учрежденіе «варварскихъ военныхъ поселеній») порицалъ и нѣкогда столь близкій и дорогой императору Александру человѣкъ, какъ его учитель Лагарпъ, игравшій въ это время руководящую роль въ карбонарскихъ «вентахъ» Швейцаріи, которыя имѣли какія-то таинственныя, пока невыясненныя связи съ Россіей, и гдѣ занимались даже переводомъ революціонныхъ книгъ на русскій языкъ для распространенія ихъ въ Россіи (вѣроятно, въ рукописяхъ). Есть свидѣтельство одного карбонарія, что многочисленные эмиссары были отправлены въ Польшу и даже въ Россію, чтобы усилить тайныя общества.

Таковы были отрицательныя и положительныя вліянія, содѣйствовавшія появленію у насъ тайныхъ обществъ. Познакомимся теперь съ политическими и общественными идеями декабристовъ и съ ихъ планами преобразованія нашего политическаго и соціальнаго строя.

„Союзъ Спасенія“.

На мысль объ устройствѣ тайнаго общества навелъ М. Ѳ. Орлова существовавшій въ 1808—9 гг. въ Пруссіи Союзъ Добродѣтели (Tugend-Bund), но ему и Мамонову не удалось учредить предположенное ими Общество Русскихъ Рыцарей. Вербуя въ него членовъ, Орловъ узналъ, что въ Петербургѣ существуетъ уже другое тайное общество—«Союзъ Спасенія или Истинныхъ и Вѣрныхъ Сыновъ Отечества», которое было основано въ 1816 г., а въ началѣ 1817 г. былъ составленъ его уставъ. Цѣлью общества было введеніе въ Россіи конституціонно-монархическаго правленія, и въ уставѣ его было сказано, что если царствующій императоръ «не дастъ никакихъ правъ независимости своему

народу, то ни въ какомъ случаѣ не присягать его наслѣднику, не ограничивъ его самодержавія». По свидѣтельству М. А. Фонвизина, общество стремилось провести въ жизнь «тогдашнія любимыя идеи»: конституціи, народнаго представительства, свободы книгопечатанія. По свидѣтельству Якушкина, цѣль общества была извѣстна только членамъ высшей, 4-й степени. Уставъ требовалъ при принятіи членовъ и повышеніи въ каждую новую степень исполненія нѣкоторыхъ обрядовъ, заимствованныхъ у масоновъ. Изъ масонскихъ статутовъ внесены были также въ уставъ угрозы за измѣну и разглашеніе тайны. Нѣкоторые члены союза, какъ, напр., Якушкинъ, отрицательно относившійся къ масонству, возставали противъ клятвъ и слѣпого повиновенія, которыхъ уставъ требовалъ отъ членовъ первыхъ степеней относительно членовъ высшей степени — бояръ. Нѣкоторые члены, привлекаемые въ общество, согласились войти въ него только подъ условіемъ, чтобы уставъ былъ измѣненъ, и въ 1817 г. было приступлено къ составленію устава новаго общества, получившаго названіе «Союза Благоденствія», руководясь уставомъ прусскаго «Союза Добродѣтели». Слѣдуетъ отмѣтить опущеніе при этомъ двухъ очень важныхъ параграфовъ устава этого послѣдняго общества, въ которыхъ непремѣннымъ условіемъ пріема въ члены землевладѣльцевъ, имѣющихъ помѣстныхъ «подданныхъ», было поставлено то, чтобы они обязались въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ вступленія въ союзъ и во всякомъ случаѣ до 1810 г., когда по закону 9 октября 1807 г. прекращалось существованіе наслѣдственнаго подданства, «освободить ихъ отъ подданническихъ отношеній» (Unterthänigkeit) и посредствомъ полюбовнаго соглашенія относительно работъ обратить ихъ условное владѣніе землею въ свободную собственность, по возможности совершенно достаточную для пропитанія трудолюбиваго семейства. Опущеніе этихъ параграфовъ показываетъ, что не только мысль объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ не созрѣла еще среди основателей Союза Благоденствія, но въ уставѣ его они не рѣшились прямо говорить объ освобожденіи крѣпостныхъ и настаивали лишь на гуманномъ отношеніи къ нимъ, устройствѣ для нихъ училищъ и прекращеніи продажи людей по одиночкѣ. Членами Союза Благоденствія могли быть только христіане и вольные люди, въ уставѣ же Союза Добродѣтели (Tugend-Bund'а) нѣтъ этихъ ограниченій. Но зато не былъ принятъ во вниманіе рядъ параграфовъ устава Союза Добродѣтели, въ кото-

„Союзъ Благоденствія“.

рыхъ заявлялось о преданности монарху и требовалось защищать государя и его семейство отъ напора «безнравственнаго духа времени». Цѣлью Союза Благоденствія, какъ она была указана въ первой части его устава, была дѣятельность филантропическая, содѣйствіе распространенію образованія (между прочимъ, посредствомъ литературныхъ занятій и участія въ ученыхъ обществахъ), правосудію (принятіемъ на себя обязанностей по гражданской службѣ, борьбою съ лихоимствомъ) и усовершенствованію сельскаго хозяйства и промышленности Россіи. Союзъ Благоденствія мало сдѣлалъ для осуществленія поставленныхъ имъ себѣ задачъ, но все же члены его распространяли мысль объ уничтоженіи крѣпостного права, улучшали бытъ своихъ крестьянъ, заводили для нихъ училища, энергично боролись противъ жестокаго обращенія съ солдатами, содѣйствовали устройству школъ взаимнаго обученія, нѣкоторые вели пропаганду среди нижнихъ чиновъ, распространяли идеи о необходимости преобразованія судопроизводства, участвовали въ литературныхъ обществахъ. Н. И. Тургеневъ задумывалъ изданіе журнала, но мысль эта не осуществилась, какъ изъ опасенія цензурныхъ строгостей, такъ и вслѣдствіе недостаточно энергичнаго отношенія къ этому дѣлу намѣченныхъ имъ сотрудниковъ. Пріобрѣтенъ былъ станокъ для литографированія уставовъ и «сочиненій» тайнаго общества, но онъ повидимому почти не нашелъ примѣненія. Главнымъ же дѣломъ членовъ общества, хотя объ этомъ и не упоминалось въ его уставѣ, была пропаганда мысли о необходимости политической свободы и уничтоженія крѣпостного права. Якушкинъ, живя въ своемъ имѣніи въ Смоленской губерніи, составилъ было адресъ имп. Александру, въ которомъ описывалъ всѣ «бѣдствія Россіи», доказывалъ, что для прекращенія ихъ необходимо, по примѣру предковъ государя, созвать «земскую думу», и собирался предложить его для подписи всѣмъ членамъ Союза Благоденствія, но былъ удержанъ двумя товарищами по тайному обществу, опасавшимся, что это поведетъ къ его уничтоженію.

Въ началѣ 1820 г. состоялось въ Петербургѣ очень важное собраніе коренной управы Союза Благоденствія, въ которомъ обсуждался вопросъ о томъ, что слѣдуетъ предпочесть: конституціонную монархію или республику. Пестель изложилъ всѣ выгоды и неудобства обѣихъ формъ правленія, затѣмъ каждый изъ присутствовавшихъ высказалъ свое мнѣніе, при чемъ только

Ѳ. Н. Глинка защищалъ конституціонную монархію и предлагалъ возвести на престолъ императрицу Елизавету Алексѣевну, но при голосованіи всѣ подали голосъ за республику. Основываясь на этомъ постановленіи, Пестель утверждалъ, что цѣлью общества должно быть введеніе въ Россіи республиканскаго правленія.

Въ началѣ 1821 г. въ Москвѣ состоялся съѣздъ членовъ Союза Благоденствія; и въ виду полученнаго извѣстія, что существованіе общества извѣстно правительству, и чтобы удалить изъ него неблагонадежные элементы, рѣшено было фиктивно объявить его закрытымъ; но это рѣшеніе въ Тульчинѣ (гдѣ находился Пестель и нѣкоторые другіе члены общества) признано не было; въ Петербургѣ и Москвѣ общество также продолжало существовать, хотя первое время послѣ того дѣятельность его мало проявлялась. Послѣ московскаго съѣзда два подраздѣленія тайнаго общества носятъ названія — Сѣвернаго и Южнаго.

Проектъ конституціи Н. М. Муравьева.

Между тѣмъ, какъ Южное общество рѣшительно стояло за республику, въ Сѣверномъ преобладало направленіе монархически-конституціонное. Наиболѣе выдающимся проявленіемъ въ немъ этого теченія былъ проектъ конституціи, составленный Никитою М. Муравьевымъ, который былъ также членомъ и Союза Спасенія и Союза Благоденствія. Онъ началъ составлять этотъ проектъ весною 1821 г. въ Минскѣ, во время похода гвардіи въ Западный край, но не успѣлъ довести его до конца и вынужденъ былъ уничтожить рукопись. Однако копія его сохранилась и была найдена при арестѣ С. П. Трубецкого въ его бумагахъ. Позднѣе авторъ переработалъ его, но также не успѣлъ закончить; вторая редакція сохранилась, но не попалась въ руки слѣдственной комиссіи. Наконецъ во время слѣдствія Н. Муравьевъ изложилъ вкратцѣ содержаніе своего проекта, дополнивъ его предположеніями о преобразованіи суда и о порядкѣ измѣненія конституціи; при изложеніи его я буду держаться преимущественно второй его редакціи.

Однимъ изъ главныхъ условій обладанія политическими правами по этому проекту является «личная независимость», т.-е. принадлежность, при введеніи этой конституціи, къ числу лицъ свободныхъ. Выборы въ палату народныхъ представителей—прямые, и только для крестьянъ (изъ которыхъ «правами гражданства» пользуются имѣющіе землю въ «общественномъ владѣніи»,

т.-е. «экономическіе»[1]), удѣльные, вольные хлѣбопашцы и бывшіе военные поселяне)—установлены двустепенные выборы. «Крѣпостное состояніе и рабство» отмѣняются, но такъ какъ по первой редакціи конституціи крестьяне получали свободу вовсе безъ земли, а по второй ихъ собственностью признавались лишь дома съ огородами (и только въ изложеніи проекта во время слѣдствія имъ предполагалось дать по двѣ десятины *на дворъ* «для осѣдлости»), то, слѣдовательно, бывшіе крѣпостные крестьяне не имѣли земель «въ общественномъ владѣніи» и потому не имѣли «правъ гражданства».

Конституція Муравьева провозглашаетъ свободу устнаго и печатнаго слова; преступленія по дѣламъ печати судятся судомъ присяжныхъ, который вообще примѣняется не только въ уголовныхъ, но даже и въ тѣхъ гражданскихъ дѣлахъ, гдѣ цѣна иска превышаетъ 25 руб. Военныя поселенія немедленно уничтожаются. «Всѣ русскіе» (граждане) «равны передъ закономъ»; чины и сословія упраздняются. Устанавливается свобода совѣсти.

Подъ вліяніемъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Н. Муравьевъ желалъ ввести въ Россіи федеративный строй. Съ этой цѣлью Россія (кромѣ Царства Польскаго) дѣлится на 13 державъ (при чемъ Финляндія составила бы отдѣльную Ботническую державу) и двѣ области.

Законодательная власть принадлежитъ «народному вѣчу», состоящему изъ двухъ палатъ: 1) верхней — «верховной думы» и 2) нижней — «палаты народныхъ представителей», но вѣче не могло измѣнять конституцію. Избирателями (по второй редакціи) могутъ быть лица, владѣющія недвижимымъ имуществомъ въ 5.000 руб. или движимымъ въ 10.000 руб. сер.; по изложенію же для слѣдственной комиссіи — 500 руб. сер., какого бы то ни было имущества. Крестьяне, имѣющіе земли «въ общественномъ владѣніи», выбираютъ не прямо депутата, а одного «избирателя» отъ 500 жителей мужск. пола, и эти «избиратели» подаютъ голоса при выборахъ наравнѣ съ гражданами, пользующимися избирательными правами на основаніи имущественнаго ценза. Члены палаты представителей (450 чел.) избираются гражданами по одному на

---

[1]) Принадлежавшіе въ моментъ секуляризаціи ихъ въ 1764 г. синоду, архіерейскимъ домамъ, многимъ монастырямъ и нѣкоторымъ церквамъ. Впрочемъ, терминъ «экономическіе крестьяне» употреблялся въ первой половинѣ XIX в. и въ болѣе широкомъ смыслѣ, т.-е. имъ иногда обозначали и тѣхъ государственныхъ крестьянъ, которые прежде назывались черносошными.

50.000 чел. муж. пола. Верховная дума, т.-е. верхняя палата народнаго вѣча, состоитъ изъ 42 членовъ, которые избираются не прямыми выборами, а въ каждой державѣ въ соединенныхъ засѣданіяхъ ея «правительственныхъ» собраній — палаты выборныхъ и державной думы. Между тѣмъ какъ для избранія въ члены «палаты народныхъ представителей» (нижней палаты народнаго вѣча) по второй редакціи конституціи никакого имущественнаго ценза не требовалось, — для того, чтобы сдѣлаться членомъ верховной думы, нужно было имѣть значительный имущественный цензъ на 30.000 руб. недвижимаго или 60.000 руб. сер. движимаго имущества [1]). Если палата народныхъ представителей возбудитъ обвиненіе противъ министровъ и другихъ сановниковъ, то верховная дума, въ случаѣ признанія ихъ виновными, лишаетъ ихъ мѣста, послѣ чего они предаются суду съ присяжными. Верховная дума вмѣстѣ съ императоромъ рѣшаетъ вопросы о заключеніи мира, назначеніи судей «верховныхъ судебныхъ мѣстъ», главныхъ военныхъ и морскихъ начальниковъ. Народное вѣче *должно быть созываемо ежегодно. Члены его не подлежатъ отвѣтственности* за свои рѣчи въ немъ. Засѣданія обѣихъ палатъ открыты для публики, но, по предложенію императора или извѣстнаго числа членовъ, они могутъ быть объявлены закрытыми. Всякое «предложеніе» (билль) объ установленіи новаго налога или наборѣ ратниковъ должно обсуждаться первоначально въ палатѣ представителей; если верховная дума сдѣлаетъ измѣненія въ принятомъ нижнею палатою биллѣ о налогахъ, то для дѣйствительности ихъ требуется согласіе палаты представителей. Всякое «предложеніе», принятое обѣими палатами народнаго вѣча, представляется на одобреніе императора. Если онъ откажетъ въ немъ, то отсылаетъ «предложеніе» со своими замѣчаніями въ ту палату, которою оно первоначально было принято. Если обѣ палаты большинствомъ $^2/_3$ голосовъ останутся при прежнемъ рѣшеніи, то «предложеніе» становится закономъ и безъ согласія императора. Точно такъ же, если императоръ, по прошествіи 10 дней, не возвратитъ проекта, принятаго народнымъ вѣчемъ, то послѣдній получаетъ силу закона. Муравьевъ вообще стремился возможно болѣе ограничить власть государя. Народное вѣче

---

[1]) Въ недвижимомъ имуществѣ это приблизительно могло соотвѣтствовать 1500 дес. ненаселенной земли или 300 душъ крестьянъ мужескаго пола съ землею.

устанавливаетъ налоги, рѣшаетъ вопросы о займахъ, принимаетъ бюджетъ не болѣе, какъ на два года, объявляетъ войну, издаетъ законъ о «всепрощеніи» (амнистіи) и проч. На содержаніе себя и своего семейства императоръ получаетъ ежегодно 2 милліона рублей сер.; члены императорской фамиліи не отличаются ничѣмъ отъ частныхъ лицъ и не пользуются никакими особыми правами и преимуществами. «Такъ называемый дворъ не можетъ,— по словамъ Муравьева, — имѣть существованія, признаннаго законами въ землѣ благоустроенной», и хотя императору дозволяется держать при себѣ лицъ, носящихъ придворное званіе, но они не считаются на общественной службѣ и не получаютъ никакого вознагражденія изъ общественнаго казначейства, а императоръ можетъ давать имъ жалованье изъ назначенныхъ ему денегъ. Правительствующія собранія державъ состоятъ изъ двухъ палатъ: палаты «выборныхъ» и «думы»; они устанавливаютъ налоги на мѣстныя потребности, дѣлаютъ постановленія относительно внутренняго управленія державъ и проч.

Предположенія Муравьева относительно порядка измѣненія конституціи или составленія новой состоятъ въ слѣдующемъ. Для этого народное вѣче созываетъ народный соборъ, состоящій изъ такого же, какъ и вѣче, числа членовъ, который долженъ исполнить свою задачу не позже, какъ черезъ полгода. Для разсмотрѣнія выработаннаго имъ проекта созываются областные соборы, которые большинствомъ $^2/_3$ голосовъ принимаютъ или отвергаютъ проектъ, не имѣя права дѣлать новыя предложенія. Затѣмъ подсчитывается не число соборовъ, а число голосовъ, поданныхъ на нихъ за проектъ и противъ него, и большинствомъ $^2/_3$ рѣшается его судьба.

Пестель и вообще Южное тайное общество отрицательно относились къ проекту конституціи Н. Муравьева вслѣдствіе устанавливаемаго имъ высокаго ценза, который «узаконялъ» денежную «аристократію». Дѣйствительно, по второй редакціи конституціи, чтобы быть избирателями и присяжными, нужно было имѣть имущества недвижимаго на 5.000 руб. или движимаго на 10.000 руб. сер. А чтобы быть избраннымъ въ члены верховной думы, правители державъ, члены державныхъ думъ и судовъ, нужно было имѣть недвижимаго имущества на 30.000 руб. или движимаго на 60.000 руб. сер. Высокій активный цензъ для непосредственнаго участія въ выборахъ, не дававшій возможности быть избирателями народныхъ представителей большей части не-

крестьянскаго населенія Россіи, и лишеніе политическихъ правъ всѣхъ бывшихъ крѣпостныхъ, т.-е. болѣе половины крестьянъ, составляли весьма серьезные недостатки проекта конституціи Н. Муравьева. Требованіе высокаго ценза встрѣчало протесты со стороны нѣкоторыхъ членовъ Сѣвернаго тайнаго общества [1]). Такъ, напр., въ замѣчаніяхъ на конституцію Н. Муравьева, составленныхъ морскимъ офицеромъ Торсономъ, другомъ Н. А. Бестужева, авторъ предлагалъ не требовать отъ лицъ, выбираемыхъ въ верхнюю палату (т.-е. «въ верховную думу»), никакого ценза. Торсонъ также считалъ необходимымъ болѣе точное опредѣленіе отвѣтственности министровъ. Что касается Пестеля и Южнаго общества вообще, то они не сочувствовали и предложенному въ проектѣ Н. Муравьева введенію федеративнаго строя.

По собственному показанію Н. Муравьева, его дальнѣйшія предположенія состояли въ слѣдующемъ. Онъ желалъ: 1) распространить «между всѣми состояніями людей» множество экземпляровъ проекта конституціи, какъ только онъ будетъ имъ оконченъ. 2) Вызвать въ войскѣ возстаніе и обнародовать конституцію. 3) «По мѣрѣ успѣховъ военныхъ» (т.-е. распространенія возстанія во всѣхъ занятыхъ губерніяхъ и областяхъ) приступить къ созыву избирателей, выбору тысяцкихъ (исправниковъ), судей, учрежденію областныхъ (т.-е. державныхъ) палатъ, а въ случаѣ «великихъ успѣховъ» — и народнаго вѣча. 4) Если бы и тогда императорская фамилія не согласилась на введеніе конституціи, то ее слѣдуетъ изгнать и предложить установленіе республики.

Предположенія Г. С. Батенькова.

Пестель говоритъ въ одномъ изъ своихъ показаній, что членами тайнаго общества было начато составленіе нѣсколькихъ конституцій. Къ числу лицъ, обдумывавшихъ планы конституціонныхъ преобразованій, принадлежалъ декабристъ Г. С. Батеньковъ, который долго служилъ подъ начальствомъ Сперанскаго. Онъ трудился надъ составленіемъ «Опыта теоріи правительственныхъ учрежденій» (въ монархіи) и хотѣлъ представить его имп. Александру, но не успѣлъ окончить этого труда; онъ до сихъ поръ не разысканъ, но преобразовательные планы Батенькова извѣстны изъ его показаній. Онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ республиканскаго строя и не только полагалъ, что Россія

---

[1]) Замѣчанія товарищей по обществу, очевидно, и побудили Н. Муравьева, при изложеніи своего проекта во время слѣдствія, понизить цензъ для избирателей народныхъ представителей до 500 руб.

должна быть наслѣдственною монархіею, но что въ ней должно существовать «сильное вельможество». Онъ относился съ величайшимъ уваженіемъ къ англійской конституціи и ненавидѣлъ французскую конституцію 1791 г. Батеньковъ полагалъ, что законодательная власть должна принадлежать: императору, палатѣ вельможъ и палатѣ, избранной отъ средняго сословія. Палату вельможъ онъ предполагалъ составить такъ, чтобы большинство ея членовъ получало это званіе по наслѣдству съ присоединеніемъ къ нимъ: 1) опредѣленнаго числа лицъ изъ чернаго и бѣлаго духовенства, носящихъ извѣстное званіе, въ которое они возводятся государемъ («по мѣстамъ, на кои они назначаются государемъ») и 2) лицъ свѣтскихъ, назначаемыхъ императоромъ на всю ихъ жизнь [1]). Въ нижней палатѣ, кромѣ депутатовъ «отъ извѣстныхъ городовъ» и землевладѣльцевъ [2]), должны быть депутаты отъ трехъ университетовъ и трехъ академій. Онъ считалъ необходимыми и «частныя палаты въ областяхъ», слѣдовательно, склонялся къ федерализму. Исполнительную власть онъ желалъ предоставить: безотвѣтственному государю, учрежденію, называемому «верховнымъ правительствомъ», отвѣтственному передъ законодательною властью и особенно передъ государемъ, и министрамъ, отвѣтственнымъ передъ государемъ, верховнымъ правительствомъ и предъ законодательною властью. Онъ указывалъ также на необходимость обезпеченій (гарантій) «неизмѣнности установленнаго порядка», которыя раздѣлялъ на «вещественныя» и «моральныя». Къ числу первыхъ онъ относилъ: 1) обращеніе военныхъ поселеній въ народную гвардію или стражу (мысль эта показалась императору Николаю «ужасною»); 2) ограниченіе государя «въ личномъ командованіи» арміею; 3) «учрежденіе родового вельможества»; 4) право вице-президента палаты вольможъ созывать обѣ палаты, если въ извѣстный срокъ онѣ не будутъ созваны государемъ; 5) передачу въ вѣдѣніе петербургскаго городского управленія Петропавловской крѣпости и помѣщеніе въ ней городского совѣта и городской стражи; 6) независимость трехъ

---

[1]) Впрочемъ, въ переговорахъ съ кн. С. П. Трубецкимъ Батеньковъ соглашался, въ видѣ временной уступки, на составленіе верхней палаты изъ членовъ 1) пожизненно занимающихъ свои мѣста (но не передающихъ ихъ сыновьямъ) и 2) состоящихъ членами палаты лишь нѣкоторое время.

[2]) Въ одномъ изъ показаній Батеньковъ упоминаетъ, впрочемъ, о соглашеніи съ Рылѣевымъ относительно избранія депутатовъ въ эту палату по сословіямъ отъ дворянства, купечества, духовенства и «поселянъ».

университетовъ и трехъ академій; 7) учрежденіе областныхъ палатъ и др. Къ числу «моральныхъ обезпеченій» онъ относилъ: 1) свободу печати, 2) независимость судебной власти, 3) отвѣтственность министровъ и верховнаго правительства и проч.

Республиканское теченіе въ Сѣверномъ обществѣ.

Въ 1824 г. Пестель пріѣзжалъ въ Петербургъ, и хотя онъ не встрѣтилъ здѣсь со стороны Трубецкого и Н. Муравьева сочувствія своему мнѣнію о введеніи республиканскаго строя посредствомъ диктатуры, но все же послѣ того и въ Сѣверномъ обществѣ стало отчасти сказываться республиканское теченіе. Такъ, по словамъ А. Бестужева, онъ самъ и Рылѣевъ постепенно дошли до мысли о необходимости установленія республики, и относительно Рылѣева онъ приписываетъ это вліянію Пестеля. Рылѣевъ говорилъ Батенькову, что «въ монархіи не можетъ быть ни великихъ характеровъ ни истинныхъ добродѣтелей, что одни американцы поняли всю важность этой истины, что въ Европѣ даже и Англія пребываетъ въ тяжкомъ рабствѣ у аристократіи, что она освободится послѣ всѣхъ, а прочіе должны ждать всего отъ Россіи, гдѣ опытъ 1812 года служитъ лучшимъ доказательствомъ, что революція «наша, въ отличіе отъ Неаполя, Пьемонта и даже Испаніи, «не можетъ быть прекращена чужеземною силою». Ревностными республиканцами были Каховскій, морской офицеръ Завалишинъ и нѣкоторые другіе.

Предположенія Сѣвернаго общества о способѣ осуществленія государственныхъ преобразованій.

Наиболѣе выдающіеся члены Сѣвернаго общества полагали, что преобразованіе государственнаго и соціальнаго строя должно быть, въ отличіе отъ взглядовъ Пестеля, совершено не посредствомъ диктатуры временнаго правленія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а принято народными представителями, которыхъ предполагали созвать манифестомъ отъ имени сената, а до созванія ихъ думали учредить временное правленіе изъ трехъ лицъ; членами его чаще всего называли Сперанскаго, Мордвинова и Ермолова [1]). Барономъ Штейнгелемъ (по порученію Рылѣева) былъ написанъ во время междуцарствія проектъ манифеста отъ имени соединеннаго присутствія сената и синода, которымъ, въ виду отказа отъ престола Константина и Николая Павловичей, предписывалось присягнуть временному правленію, назначенному сена-

---

[1]) Рылѣевъ питалъ къ Мордвинову такое же двойственное чувство, какъ и Н. Тургеневъ, т.-е. уважалъ его за политическій либерализмъ, хотя и аристократическаго характера, но въ то же время съ негодованіемъ относился къ его крайнему консерватизму въ крестьянскомъ вопросѣ. Тургеневъ негодовалъ на желаніе Мордвинова надѣлить членовъ „думы вельможъ“ казенными крестьянами.

томъ, и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ каждой губерніи избрать по два депутата отъ каждаго сословія. Съ своей стороны Трубецкой набросалъ проектъ манифеста, которымъ объявлялась слѣдующая программа предстоящихъ преобразованій: учрежденіе временнаго правленія до установленія постояннаго выборнаго, введеніе свободы печати и свободы богослуженія для всѣхъ вѣроисповѣданій, уничтоженіе права собственности на людей, установленіе равенства всѣхъ сословій передъ закономъ, уничтоженіе всякаго рода экстраординарныхъ военныхъ судовъ и судныхъ комиссій, уничтоженіе подушной подати и сложеніе прежнихъ недоимокъ по ней, разрѣшеніе всѣмъ винокуренія и добыванія соли съ уплатою пошлинъ съ получаемаго продукта, уничтоженіе рекрутскихъ наборовъ и военныхъ поселеній, распространеніе воинской повинности на всѣ сословія и сокращеніе срока службы для нижнихъ чиновъ до 15 лѣтъ, введеніе выборовъ при замѣщеніи должностей въ волостныхъ, уѣздныхъ, губернскихъ и областныхъ правленіяхъ, гласности суда, суда присяжныхъ въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ и нѣкоторые друг.

Временному правленію изъ двухъ или трехъ лицъ кн. Трубецкой въ своей запискѣ предполагалъ подчинить всѣ министерства, государственный совѣтъ, комитетъ министровъ, армію и флотъ; ему же должно было поручить осуществленіе нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ мѣръ и, кромѣ того: 1) учрежденіе внутренней народной стражи, 2) уничтоженіе постоянной арміи и 3) установленіе «порядка избранія выборныхъ въ палату представителей народныхъ», которые должны «утвердить на будущее время имѣющій существовать порядокъ правленія и государственное законоположеніе».

По одному показанію Рылѣева, Сѣверное общество предполагало созванному при посредствѣ сената великому собору представить проектъ конституціи Муравьева. По другому показанію его же, общество думало предложить собору, какъ проектъ, государственный уставъ, одобренный большинствомъ членовъ обоихъ обществъ. Но какъ въ совѣщаніяхъ общества, такъ и въ бесѣдахъ съ отдѣльными его членами Рылѣевъ настойчиво повторялъ, что «никакое общество не имѣетъ права вводить насильно въ своемъ отечествѣ новый образъ правленія, сколь бы оный ни казался превосходнымъ», но что установленіе его должно предоставить выборнымъ представителямъ народа, рѣшенію которыхъ всѣ обязаны безпрекословно подчиниться. Ни въ проектѣ мани-

феста, составленномъ Штейнгелемъ, ни въ запискѣ Трубецкого не упоминалось объ имущественномъ цензѣ для участія въ выборахъ, слѣдовательно, пока правила конституціи Муравьева принять не предполагалось. Рылѣевъ и Бестужевъ думали предоставить рѣшеніе судьбы императорской фамиліи великому собору; но съ другой стороны Рылѣевъ побуждалъ Каховскаго къ цареубійству. Нѣкоторые республиканцы Сѣвернаго и Южнаго общества считали необходимымъ истребить всю императорскую фамилію, а изъ монархистовъ Сѣвернаго общества нѣкоторые желали возвести на престолъ императрицу Елизавету Алексѣевну или, сдѣлавъ императоромъ малолѣтняго великаго князя Александра Николаевича, учредить регентство.

П. И. Пестель—глава Южнаго общества.

Во главѣ Южнаго общества стоялъ самый выдающійся изъ всѣхъ декабристовъ, Пав. Ив. Пестель, человѣкъ замѣчательнаго ума, широко образованный, чрезвычайно начитанный въ области вопросовъ философскихъ, политическихъ и экономическихъ, обладавшій литературнымъ талантомъ, огромною энергіею, рѣдкимъ даромъ слова и способностью вліять на лицъ, его окружающихъ, проникнутый, наконецъ, самою горячею любовью къ русскому народу. Умственное превосходство его было настолько велико, что нѣкоторые товарищи по тайному обществу даже въ глаза называли его человѣкомъ геніальнымъ. Онъ сумѣлъ правильно оцѣнить аристократическія стремленія, сказывавшіяся въ высшемъ русскомъ обществѣ, и рано понялъ вредъ «большихъ преимуществъ аристократіи», которую онъ считалъ стѣною, отдѣляющею монарха отъ его подданныхъ и скрывающею отъ государя истинное положеніе народа; онъ горячо ненавидѣлъ крѣпостное право. Первоначально Пестель выработалъ планъ преобразованія государственнаго устройства съ сохраненіемъ монархіи. Исполнительная власть по этому проекту принадлежитъ попрежнему императору, который участвуетъ и въ законодательной власти, принадлежащей вѣчу изъ 1.000 членовъ, выбираемыхъ на 2 года (вѣче ежегодно обновляется наполовину по жребію). «Умѣрительная» власть (т.-е. наблюденіе за исполненіемъ законовъ) предоставлена сенату, пожизненные члены котораго назначались императоромъ изъ числа кандидатовъ, представленныхъ ему вѣчемъ. Какъ и позднѣе, Пестель предлагалъ въ этомъ планѣ установить двустепенные выборы членовъ вѣча, причемъ для того, чтобы быть избирателями первой степени, не нужно имѣть какого-либо ценза, а для выборщиковъ требова-

лось «извѣстное состоянiе» (отъ послѣдняго требованiя Пестель впослѣдствiи отказался); но чтобы быть депутатомъ въ вѣчѣ, опять не требовалось имущественнаго ценза. Предполагалось учредить и «областныя вѣча», такъ что въ это время Пестель не былъ, какъ позднѣе, противникомъ федеративнаго строя. Отъ монархически-конституцiоннаго образа мыслей онъ перешелъ къ республиканскому подъ влiянiемъ сочиненiя Дэтю-де-Траси «Комментарiй на «Духъ законовъ» Монтескьё»[1], изученiя исторiи республикъ древней Грецiи, Рима и Новгорода и быстраго возрастанiя благосостоянiя Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ пришелъ къ убѣжденiю, что тогдашнiя конституцiи Францiи и Англiи только «покрывала», не стѣсняющiя власти министерства въ Англiи и короля во Францiи; онъ понялъ, что главное стремленiе XIX вѣка состоитъ въ борьбѣ между народными массами и «всякаго рода аристократiями», основанными какъ на богатствѣ, такъ и на наслѣдственности званiя, слѣдовательно, Пестель отрицательно относился и къ поземельной аристократiи, и къ крупной буржуазiи. Большое влiянiе на его политическое мiросозерцанiе имѣли также революцiи въ Неаполѣ, Испанiи и Португалiи (1820 г.). Относительно главныхъ вопросовъ государственнаго и общественнаго устройства взгляды Пестеля развивались, становились болѣе демократичными, и онъ все правильнѣе понималъ, въ чемъ должно состоять политическое и соцiальное преобразованiе. Отъ многаго, что онъ высказывалъ въ своихъ первоначальныхъ черновыхъ набросках на русскомъ и французскомъ языкахъ[2], онъ позднѣе отказался. Послѣднiй фазисъ развитiя его мiросозерцанiя отразился въ его главномъ трудѣ, озаглавленномъ такъ: «Русская Правда или заповѣдная государственная грамота великаго народа россiйскаго, служащая завѣтомъ для усовершенствованiя государственнаго устройства

„Русская Правда“ Пестеля.

---

[1]) Дэтю-де-Траси, обсуждая вопросъ о наслѣдственной монархiи, между прочимъ, говоритъ, что считали бы безумнымъ сдѣлать наслѣдственнымъ званiе кучера или повара, адвоката или доктора, обязавшись пользоваться только услугами ихъ и ихъ старшихъ дѣтей, будутъ ли это младенцы или дряхлые старики, манiаки или подлецы, а между тѣмъ считаютъ вполнѣ естественнымъ повиноваться государю, получившему власть такимъ порядкомъ. Весьма возможно, что дѣти человѣка, облеченнаго великою властью, будутъ дурно воспитаны, но если одинъ изъ нихъ избѣгнетъ вредныхъ влiянiй, то мало вѣроятно, чтобы это былъ непремѣнно старшiй.

[2]) «Краткое умозрительное обозрѣнiе государственнаго правленiя» (1820 г.) и другихъ.

Россіи и содержащая вѣрный наказъ какъ для народа, такъ и для временнаго верховнаго правленія». Этотъ наказъ должно было, какъ полагалъ Пестель, обнародовать въ видѣ приложенія къ манифесту сената, но его планы аграрныхъ преобразованій не встрѣтили сочувствія со стороны Сѣвернаго общества и, между прочимъ, со стороны столь вліятельнаго его члена, какъ Н. Тургенева. Къ сожалѣнію, этотъ трудъ Пестеля былъ не только написанъ лишь наполовину (5 главъ изъ 10), но и часть написаннаго была еще не вполнѣ обработана. Во всякомъ случаѣ совершенно неправильно поступаютъ тѣ ученые, которые, характеризуя міросозерцаніе Пестеля, смѣшиваютъ черты, принадлежащія къ совершенно различнымъ эпохамъ: это такъ же неправильно, какъ если бы, излагая окончательные взгляды Бѣлинскаго, сложившіеся у него въ 40-хъ годахъ, стали бы пользоваться его статьею о книгѣ Ѳ. Н. Глинки: «Очерки Бородинскаго сраженія» (1839 г.).

Мы видѣли, что Н. Муравьевъ въ своемъ проектѣ конституціи высказался за введеніе федеративнаго строя и предложилъ всю Россію, за исключеніемъ Царства Польскаго, раздѣлить на извѣстное число державъ и областей. Пестель же въ «Русской Правдѣ», предоставляя Польшѣ независимое политическое существованіе, всю Россію желалъ видѣть единою и нераздѣльною. За Финляндіею онъ не хотѣлъ признать даже автономіи, отчасти, быть-можетъ, потому, что составъ ея сейма, съ 1809 г. ни разу при Александрѣ I не созываемаго, былъ основанъ на антипатичномъ для него сословномъ началѣ. Что касается Польши, то независимость ея съ передачею ей значительной части Западной Россіи [1]) онъ считалъ необходимою, но лишь при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) она должна ввести такое же республиканское устройство, какъ и Россія; 2) назначеніе и выборъ всѣхъ лицъ во всѣ правительственныя учрежденія должны происходить въ обоихъ государствахъ на одинаковыхъ основаніяхъ, и 3) всякая аристократія, основанная какъ на богатствѣ, такъ и «на привилегіяхъ и правахъ родовыхъ» должна быть

---

[1]) Впрочемъ, при переговорахъ въ 1825 г. съ кн. Яблоновскимъ, членомъ польскаго тайнаго патріотическаго общества, Пестель заявилъ, что если бы возникли какія-либо сомнѣнія насчетъ возвращенія Польшѣ присоединенныхъ къ Россіи земель, «то жителямъ дадутъ на выборъ присоединиться къ тому или другому государству по своей волѣ», т.-е. вопросъ будетъ рѣшенъ народнымъ плебисцитомъ.

совершенно, навсегда отвергнута, и въ польскомъ народѣ, какъ и въ русскомъ, должно уничтожить раздѣленіе на сословія.

Требуя совершеннаго уничтоженія сословій, Пестель въ частности относительно дворянства высказывается противъ сохраненія какихъ бы то ни было ихъ преимуществъ: 1) слѣдуетъ уничтожить рабство и крѣпостное состояніе, а также право учреждать майораты; 2) дворяне должны быть обложены податями наравнѣ со всѣми прочими гражданами; они не должны быть избавлены отъ набора въ ратники, при чемъ, какъ и всѣ остальные, могутъ вступать на службу не рядовыми, а офицерами, если выдержатъ извѣстный экзаменъ; 4) преступники изъ дворянъ должны подвергаться одинаковымъ со всѣми наказаніямъ. Гильдіи и цехи уничтожаются. Все населеніе, не исключая и городского, распредѣляется по волостямъ. Земли государственныхъ крестьянъ (вмѣстѣ съ бывшими удѣльными и арендными) раздѣляются на 2 равныя части: одна, подъ названіемъ общественныхъ, отдается въ собственность волости, другая остается собственностью казны. Земли, принадлежащія «вольнымъ земледѣльцамъ» (свободные крестьяне, малороссійскіе казаки, панцырные бояре, однодворцы, колонисты и друг.), раздѣляются также на 2 равныя части: одна принадлежитъ цѣлому обществу или селенію, другая составляетъ частную собственность земледѣльцевъ. При обращеніи (напримѣръ, у свободныхъ хлѣбопашцевъ) общественной земли въ частную собственность Пестель допускалъ вознагражденіе лишившимся своей земли отъ казны денежною платою или отводомъ участка одинаковой цѣнности. Мысль о раздѣленіи земли въ волостяхъ на 2 равныя части объясняется желаніемъ Пестеля согласить противоположные взгляды на аграрный вопросъ. Одни, по его словамъ, полагаютъ, что «земля есть общая собственность всего рода человѣческаго» и если «существуетъ хоть одинъ человѣкъ, который никакимъ обладаніемъ землею не пользуется, то воля Всевышняго и законъ природы совершенно нарушены и права естественныя и природныя человѣка утрачены насиліемъ и зловластіемъ». По мнѣнію другихъ, трудъ, приложенный къ землѣ, есть источникъ права земельной собственности. Послѣ раздѣленія земли въ волостяхъ на 2 равныя части общественная земля будетъ составлять неприкосновенную собственность всей волости, а частныя земли будутъ принадлежать казнѣ или отдѣльнымъ лицамъ на правѣ полной собственности. Общественная земля должна быть раздѣлена на такіе участки, чтобы каждый изъ нихъ могъ давать

средства къ жизни для мужа, жены и троихъ дѣтей. Участки должны раздаваться въ пользованіе членамъ волости на одинъ годъ; каждый имѣетъ право требовать сколько угодно участковъ (но не обязанъ брать ихъ противъ желанія), если же нельзя удовлетворить всѣ требованія, то предпочтеніе отдается людямъ болѣе бѣднымъ. По приговору суда за преступленіе или по рѣшенію волости за развратъ виновный можетъ быть лишенъ права на полученіе участка. Этой солидарности, этому праву каждаго члена волости получить участокъ, если онъ живетъ въ ней или явится въ нее, Пестель справедливо придавалъ громадное значеніе. Мысль его о такомъ правѣ каждаго на пользованіе землею была навѣяна частью общиннымъ землевладѣніемъ нашихъ крестьянъ, частью, вѣроятно, нѣкоторыми произведеніями французской литературы: «Общественнымъ договоромъ» Руссо, «Духомъ законовъ» Монтескьё и, повидимому, болѣе всего, брошюрою по аграрному вопросу (1791 г.), принадлежащею, вѣроятно, перу аббата де-Курнана.

Выборы представителей въ народное вѣче двустепенные, причемъ ни для избирателей ни для избираемыхъ не требуется никакого ценза. Женщины избирательными правами не пользуются.

„Государственный Завѣтъ" Пестеля.

Пестель не окончилъ «Русской Правды», но, къ счастью, сохранилось ея краткое изложеніе (подъ названіемъ «Государственный Завѣтъ»), которое онъ самъ продиктовалъ Бестужеву-Рюмину въ видахъ пропаганды. Изъ него видно, что законодательную власть предполагалось поручить народному вѣчу, «верховно-исполнительную» — державной думѣ, власть блюстительную — верховному собору. Народное вѣче составляется изъ народныхъ представителей, выбранныхъ на 5 лѣтъ, но ежегодно пятая частъ ихъ замѣняется вновь избранными. Вѣче, кромѣ законодательной дѣятельности, объявляетъ войну и заключаетъ миръ. Законы «завѣтные» (конституціонные) составляются инымъ порядкомъ, чѣмъ всѣ остальные: проекты первыхъ обнародываются и предлагаются на «сужденіе всей Россіи», т.-е. примѣняется референдумъ. Народное вѣче никѣмъ, кромѣ его самого, распущено быть не можетъ.

Державная дума состоитъ изъ пяти членовъ, избранныхъ на 5 лѣтъ. Ежегодно одинъ изъ нихъ выходитъ изъ ея состава и замѣняется другимъ лицомъ, избраннымъ народнымъ вѣчемъ изъ кандидатовъ, предложенныхъ губерніями («окружными собра-

ніями»). Державная дума ведетъ войну, но не объявляетъ ея, ведетъ переговоры о мирѣ, но не заключаетъ его (то и другое предоставлено народному вѣчу). Всѣ министерства и другія правительственныя учрежденія состоятъ подъ начальствомъ державной думы. Въ верховный соборъ, который состоитъ изъ 120 пожизненныхъ членовъ («бояръ», назначаемыхъ народнымъ вѣчемъ изъ кандидатовъ, избираемыхъ въ губерніяхъ), препровождаются на утвержденіе законопроекты, принятые народнымъ вѣчемъ, при чемъ этотъ соборъ не обсуждаетъ ихъ по существу, а разсматриваетъ только, были ли соблюдены всѣ условія ихъ принятія, и если они были выполнены, то утверждаетъ ихъ [1]).

Таково въ главнѣйшихъ чертахъ политическое и социальное міросозерцаніе Пестеля, этого геніальнаго общественнаго дѣятеля, далеко опередившаго своихъ современниковъ въ Россіи. Слабыми сторонами его взглядовъ были якобинская склонность къ централизаціи и стремленіе къ обрусенію всѣхъ національностей, населяющихъ Россію. Только изъ Польши онъ готовъ былъ сдѣлать самостоятельную, но соединенную союзомъ съ Россіей республику: это былъ бы союзъ двухъ братскихъ народовъ, возрожденныхъ къ новой жизни дѣйствительною политическою свободою.

Общество Соединенныхъ Славянъ.

Общество Соединенныхъ Славянъ, основанное въ 1823 году Петромъ Ив. Борисовымъ, стремилось къ тому, чтобы учредить «федеративный союзъ славянскихъ поколѣній, подобный греческому, но гораздо его совершеннѣе». По словамъ его члена Горбачевскаго, это общество «имѣло главною цѣлью освобожденіе всѣхъ славянскихъ племенъ отъ самовластія, уничтоженіе существующей между нѣкоторыми изъ нихъ національной ненависти и соединеніе всѣхъ обитаемыхъ ими земель въ федеративный союзъ. Предполагалось съ точностью опредѣлить границы каждаго государства, ввести у всѣхъ славянскихъ народовъ демократическое представительное правленіе, составить конгрессъ для управленія дѣлами союза и для измѣненія въ случаѣ на-

---

[1]) По мысли Пестеля, ввести республиканскій строй должно было посредствомъ диктатуры временнаго верховнаго правленія, состоящаго изъ 3 членовъ, на что потребовалось бы отъ 8 до 15 лѣтъ. Послѣ установленія новаго строя временное правленіе должно было сложить свою власть. Самъ Пестель не считалъ возможнымъ быть его членомъ изъ опасенія, чтобы его не заподозрѣли въ «личныхъ видахъ»; онъ находилъ это неудобнымъ и вслѣдствіе своей не русской фамиліи.

добности общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи своихъ узаконеній»[1].

Члены тайнаго общества въ своихъ предположеніяхъ относительно преобразованія существующаго строя останавливались почти на всѣхъ явленіяхъ русской жизни: они задумывались надъ тѣмъ, какъ нужно реформировать высшую и мѣстную администрацію, судопроизводство, тюремное устройство, ограничить тѣлесное наказаніе, правильнѣе устроить государственное хозяйство. Они стремились къ совершенному уничтоженію сословнаго строя и къ освобожденію крестьянъ, къ установленію свободы совѣсти или, по крайней мѣрѣ, вѣротерпимости, къ введенію свободы печати и проч. Остановимся на предположеніяхъ декабристовъ относительно нѣкоторыхъ изъ этихъ преобразованій.

Проекты судебной реформы.

Надъ вопросомъ о необходимости введенія гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ болѣе другихъ членовъ тайнаго общества размышляли Н. Тургеневъ и Н. М. Муравьевъ. Тургеневъ написалъ особый трудъ о судѣ присяжныхъ, къ сожалѣнію, пока не разысканный, но основные принципы его изложены авторомъ въ его книгѣ «La Russie et les Russes» (1847 г.); онъ требовалъ примѣненія суда присяжныхъ не только къ уголовнымъ, но и къ гражданскимъ дѣламъ (къ этимъ послѣднимъ — особыхъ присяжныхъ, обладающихъ спеціальными знаніями); адвокаты составляютъ, по его мнѣнію, необходимую принадлежность судопроизводства. Сохранился другой трудъ Тургенева «Мысли о возможныхъ исправленіяхъ россійскаго судопроизводства», гдѣ онъ говоритъ объ его устности и гласности, объ «отдѣленіи и независимости части судной отъ правительственной», о судоустройствѣ, объ адвокатахъ и стряпчихъ.

Н. Муравьевъ въ основу своего плана судоустройства положилъ учрежденіе въ каждомъ уѣздѣ совѣстныхъ судей, выбираемыхъ изъ лицъ съ имущественнымъ цензомъ не менѣе 2.000 руб. сер. Черезъ каждые 3 мѣсяца въ уѣздныхъ городахъ происходятъ гласныя засѣданія совѣтовъ совѣстныхъ судей. Дѣла уголовныя и гражданскія (если послѣднія не основаны только на документахъ), разсматриваются судомъ присяжныхъ, которые бы-

---

[1]) На восьмиугольной печати этого общества были перечислены 8 славянскихъ племенъ: русскіе, болгары, сербо-хорваты, чехи, словаки, лужичане, словинцы и поляки.

ваютъ двухъ родовъ: «предварительные» и «окончательные». Первые рѣшаютъ, дать ли дальнѣйшій ходъ дѣлу, вторые произносятъ единогласный приговоръ. Въ городахъ уѣздныхъ, областныхъ и въ столицѣ существуютъ адвокаты (стряпчіе). Въ каждой области столько областныхъ судей, сколько въ ней «присудовъ» (губерній). Областные судьи каждый мѣсяцъ объѣзжаютъ свои присуды и въ уѣздныхъ городахъ происходятъ подъ ихъ предсѣдательствомъ засѣданія совѣстныхъ судей съ присяжными, въ которыхъ рѣшаютъ уголовныя дѣла. Есть еще «судилища» областныя и верховное [1]). Судъ производится въ верховномъ судилищѣ гласно и съ присяжными, журналы его печатаются. Пестель въ своемъ произведеніи «Записки о государственномъ правленіи», набросанномъ вчернѣ ранѣе «Русской Правды», считаетъ необходимыми публичное (гласное) судопроизводство и разсмотрѣніе существа дѣла и рѣшеніе вопроса о виновности подсудимаго судомъ присяжныхъ; но въ то же время онъ желаетъ сохранитъ письменное судопроизводство и не допускаетъ произнесенія въ судѣ рѣчей. Судьи могутъ быть лишены мѣста только по судебному приговору; присяжные для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ назначаются изъ среды гражданъ по очереди и постановляютъ рѣшеніе единогласно. Въ «Русской Правдѣ» Пестеля и въ спискѣ главнѣйшихъ преобразованій, составленномъ кн. Трубецкимъ, указано на необходимость уничтоженія всякихъ чрезвычайныхъ судовъ; того же требовалъ и Н. Тургеневъ.

Пестель рѣшительно высказался противъ смертной казни. Декабристы отстаивали смягченіе тѣлесныхъ наказаній: такъ, бар. Штейнгель въ запискѣ 1817 г., представленной государю, доказывалъ необходимость отмѣны кнута и плетей.

Предположенія относительно преобразованія военнаго строя.

Такъ какъ громадное большинство членовъ тайныхъ обществъ были люди военные, то естественно, что они серьезно задумывались надъ тѣмъ, какія преобразованія необходимо произвести въ военномъ строѣ. На первомъ мѣстѣ стояло требованіе сократить срокъ службы нижнихъ чиновъ. Пестель въ «Русской Правдѣ» предлагалъ назначить его въ 15 лѣтъ; таково же было мнѣніе и Сѣвернаго общества. Тайное общество желало также сокращенія количества войскъ въ мирное время, смягченія тѣлесныхъ наказаній нижнихъ чиновъ (и многіе изъ нихъ осуществляли это на

---

[1]) Члены послѣдняго выбираются народнымъ вѣчемъ изъ числа лицъ, обладающихъ имуществомъ не менѣе, чѣмъ на 15.000 руб.

дѣлѣ), увеличенія ихъ жалованія, улучшенія пищи, уничтоженія военныхъ поселеній и военно-сиротскихъ отдѣленій (кантонистовъ), оставленія солдатскихъ дѣтей въ распоряженіи родителей съ выдачею имъ отъ казны средствъ для воспитанія въ то время, пока отцы будутъ служить, введенія всеобщей воинской повинности. Въ программу преобразованій, составленную Трубецкимъ, было включено уничтоженіе постоянной арміи и устройство «внутренней стражи»; Торсонъ въ замѣчаніяхъ на проектъ конституціи Муравьева развилъ предложеніе объ учрежденіи милиціи; Батеньковъ совѣтовалъ обратить военныя поселенія въ народную стражу или народную гвардію.

Требованіе свободы печати.

Декабристы единодушно требовали свободы печати. Въ «Русской Правдѣ» по этому вопросу сказано слѣдующее: 1) «каждый гражданинъ имѣетъ право писать и печатать все то, что онъ хочетъ», за исключеніемъ личныхъ ругательствъ, «которыя никогда допускаемы быть не должны», 2) «за мнѣнія и правила, въ сочиненіи изложенныя, отвѣчаетъ каждый писатель... и судится общимъ судебнымъ порядкомъ», т.-е. судомъ присяжныхъ, 3) такой же порядокъ распространяется и на всѣ оригинальныя и переводныя сочиненія, всѣ газеты, журналы и рисунки. Объ изданіи «срочныхъ сочиненій» (журналовъ) должно только извѣстить предварительно правительство, 4) каждый гражданинъ можетъ имѣть типографію, предварительно заявивъ о томъ правительству, но не испрашивая его разрѣшенія.

Проекты по крестьянскому вопросу.

Первыя предположенія декабристовъ относительно уничтоженія крѣпостного права весьма неопредѣленны. Пестель на слѣдствіи показалъ, что при основаніи Союза Спасенія въ 1816 г. первоначально, хотя и не долгое время, освобожденіе крестьянъ было единственною цѣлью общества; но изъ записокъ Якушкина видно, что, при всемъ убѣжденіи въ мерзости крѣпостного права, не было еще ясно, какъ осуществить эту реформу. Освобожденіе крестьянъ безъ земли въ герцогствѣ Варшавскомъ въ 1807 г. и въ Остзейскомъ краѣ въ 1816—19 гг. и пропаганда этой идеи въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ по крестьянскому вопросу, подкрѣпленная доказательствами, что такое освобожденіе будетъ выгодно для самихъ помѣщиковъ, вызвало въ нѣкоторыхъ убѣжденіе, что желательно уничтоженіе крѣпостного права, хотя бы и безъ надѣленія крестьянъ землею. Н. Тургеневъ, не бывшій еще тогда членомъ тайнаго общества, но серьезно интересовавшійся крестьянскимъ вопросомъ, съ радостью привѣтствовалъ беземельное

освобожденіе крестьянъ въ Эстляндіи въ 1816 г. и даже позднѣе (въ 1824 г.) полагалъ, что все же новый порядокъ лучше стараго, что примѣненіе его къ Россіи было бы «благодѣяніемъ» для крестьянъ, что ни одного помѣщика нельзя увѣрить въ томъ, что земля должна принадлежать крестьянину, «а безъ помѣщиковъ нельзя провести дѣло освобожденія». Онъ не предлагалъ освобожденія крестьянъ съ землею потому, что боялся испугать помѣщиковъ и «отдалить» ихъ мысли «отъ освобожденія крѣпостныхъ». Вѣроятно, на этомъ основаніи и въ первую часть устава Союза Благоденствія не рѣшились внести требованіе уничтоженія крѣпостного права. Нужно помнить, что проповѣдь освобожденія крестьянъ считалась тогда преступною, и В. Ѳ. Раевскому, первому члену общества, попавшему подъ судъ, ставились во время слѣдствія въ виду даже вылазки въ рукописныхъ стихахъ и прозѣ противъ крѣпостного права. Тѣмъ не менѣе декабристъ С. М. Семеновъ говоритъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія, какъ объ одной изъ задачъ Союза Благоденствія, а по словамъ Басаргина, каждый членъ этого союза долженъ былъ дать согласіе «на уничтоженіе подданства крестьянъ». Безземельное освобожденіе крестьянъ предлагалъ и Муравьевъ въ первой редакціи своего проекта конституціи. Такъ какъ составленіе ея относится къ 1821 г., когда авторъ жилъ въ Минскѣ, то возможно вліяніе на него въ это время и мѣстнаго дворянства, которое въ сѣверо-западной Россіи, по примѣру Остзейскаго края, уже за 2 — 3 года передъ тѣмъ стало обнаруживать стремленіе къ безземельному освобожденію. Въ первой редакціи конституціи Муравьева сказано: «Земли помѣщиковъ остаются за ними»; мало того, если крестьяне захотятъ переселиться въ другое мѣсто, то должны вознаградить помѣщика за перерывъ въ полученіи доходовъ съ воздѣлываемой ими земли, что должно быть опредѣлено особымъ закономъ [1]).

Второю ступенью въ развитіи взглядовъ декабристовъ на крестьянскій вопросъ было предположеніе Якушкина освободить своихъ крестьянъ съ предоставленіемъ имъ безвозмездно усадебъ съ одною усадебною землею и общимъ выгономъ, о чемъ онъ послалъ заявленіе въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ осо-

---

[1]) Одинъ изъ читавшихъ проектъ въ этомъ видѣ замѣтилъ на поляхъ, что «при срочныхъ свободныхъ условіяхъ» такое постановленіе не нужно и что «на первый случай должно такъ устроить, чтобы такихъ переселеній не было».

бой запискѣ, составленной, вѣроятно, съ цѣлью пропаганды этой мысли, Якушкинъ высказался въ пользу общиннаго землевладѣнія, такъ какъ при немъ «всѣ частныя дѣйствія направлены духомъ общественности». Но законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ (1803 г.) не допускалъ безземельнаго освобожденія крестьянъ селеніями, и предположеніе Якушкина осуществлено не было: крестьяне не пожелали принять его предложенія, а такое согласіе было необходимымъ условіемъ ихъ поступленія въ свободные хлѣбопашцы (исключеніе допущено было лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ). Н. Тургеневъ съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ плану Якушкина и когда въ 1820 г. принялъ участіе въ попыткѣ гр. М. С. Воронцова и кн. А. С. Меншикова основать общество съ цѣлью постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ, принадлежащихъ его членамъ, то въ основу составленной Н. Тургеневымъ программы была положена мысль Якушкина объ освобожденіи крестьянъ съ усадебною землею на условіяхъ продолжительной аренды (даже наслѣдственной), но съ предоставленіемъ имъ «права перехода». Быть-можетъ, эта мысль повліяла и на Н. Муравьева; какъ бы то ни было, во второй редакціи его конституціи, вмѣсто предложенія совершенно безземельнаго освобожденія крестьянъ находимъ слѣдующее постановленіе: «Земли помѣщиковъ остаются за ними», а дома крестьянъ съ огородами, земледѣльческими орудіями и принадлежащимъ крестьянамъ скотомъ признаются ихъ собственностью. Но и такое постановленіе не удовлетворило нѣкоторыхъ членовъ Сѣвернаго Общества, и на копіи второй редакціи конституціи Н. Муравьева, написанной рукою Рылѣева, И. И. Пущинъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: «Ежели огородъ, то земля».

Еще въ 1816 г., вѣроятно, подъ вліяніемъ прусскаго аграрнаго законодательства, у Н. Тургенева явилась мысль о томъ, что крестьянину слѣдуетъ отдать половину помѣщичьей земли, при чемъ, считаясь съ интересами помѣщиковъ, имѣющихъ мало крестьянъ и много земли, онъ предполагалъ опредѣлить для этихъ случаевъ максимумъ величины участковъ крестьянъ; въ 1820 г. онъ также выражаетъ желаніе, чтобы крестьянамъ дана была въ собственность часть земли «по соразмѣрности», опредѣливъ наименьшую и наибольшую величину надѣловъ. Примѣръ Пруссіи, гдѣ крестьяне сохранили значительную часть находившейся въ ихъ пользованіи земли при уничтоженіи ихъ подданства помѣщикамъ, могъ также вліять на Н. Муравьева, и вотъ въ пересказѣ своего проекта конституціи, сдѣланномъ имъ по

требованію слѣдственной комиссіи, онъ говоритъ: «Крѣпостное состояніе отмѣняется. Помѣщичьи крестьяне получаютъ въ свою собственность дворы, въ которыхъ они живутъ, скотъ и земледѣльческія орудія, въ оныхъ находящіяся, и по двѣ десятины земли на каждый дворъ для осѣдлости. Земли же обрабатываютъ по договорамъ обоюднымъ, которые они заключаютъ съ владѣльцами оныхъ. Они получаютъ право пріобрѣтать землю въ потомственное владѣніе». По двѣ десятины на дворъ крестьяне получаютъ безплатно; если же они желаютъ обрабатывать въ свою пользу большее количество земли, то должны были арендовать ее у помѣщика по свободнымъ договорамъ или пріобрѣтать въ «потомственное владѣніе».

Опытъ Якушкина показалъ, что освобожденія съ одними усадебными землями крестьяне не принимали; ихъ не могли удовлетворить и двѣ десятины на дворъ, а произвести безвозмездное отчужденіе помѣщичьихъ земель въ большемъ размѣрѣ, вѣроятно, казалось членамъ Сѣвернаго Общества невозможнымъ; оставался одинъ исходъ — выкупъ земель, и это ранѣе всѣхъ другихъ въ Сѣверномъ Обществѣ понялъ Якушкинъ, обдумывавшій способъ освобожденія крестьянъ въ своемъ имѣніи (Вяземскаго уѣзда, Смоленской губерніи), а въ Южномъ Обществѣ — Пестель.

Живя въ деревнѣ и старательно занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, Якушкинъ въ 1824 г. уже обрабатывалъ часть своихъ полей наемными людьми и надѣялся, что при улучшеніи положенія его крестьянъ они скоро окажутся въ состояніи платить ему оброкъ, «часть котораго ежегодно учитывалась бы на покупку» (т.-е. на выкупъ) той земли, которою они пользовались, и что со временемъ они, «совершенно освободясь, будутъ имѣть въ собственности нужную имъ землю». Оставалось только примѣнить мысль о выкупѣ ко всѣмъ крестьянамъ, что и сдѣлалъ Якушкинъ. Когда онъ былъ арестованъ въ Москвѣ (10 января 1826 г.), на столѣ у него нашли листокъ съ вычисленіями о выкупѣ крѣпостныхъ крестьянъ правительствомъ. Якушкинъ предложилъ взять эти вычисленія, но этого сдѣлано не было. На первомъ же допросѣ онъ указалъ, что необходимо уничтожить крѣпостное состояніе и что правительство «можетъ выкупить крестьянъ у помѣщиковъ». Трудно сказать, насколько справедливо свидѣтельство Завалишина, что на совѣщаніяхъ Сѣвернаго Общества мнѣнія большей части членовъ склонялись къ выкупу госу-

дарствомъ», который облегчался тѣмъ, что «большинство имѣній было заложено» въ казенныхъ учрежденіяхъ.

Подобно тому, какъ взгляды Якушкина и Н. М. Муравьева относительно освобожденія крестьянъ постепенно прогрессировали, такъ и мнѣнія Пестеля не остались безъ измѣненія. Въ первоначальномъ наброскѣ конституціи (на французскомъ языкѣ) онъ предлагалъ, чтобы всѣ помѣщичьи крестьяне при освобожденіи получали въ общественное владѣніе половину земель помѣщиковъ, но съ уплатою того же оброка, которымъ они были обложены прежде. Въ «Государственномъ Завѣтѣ» Пестеля, послѣ изложенія устройства волостей и раздѣленія въ нихъ земель, сказано: «Переходъ изъ нынѣшняго положенія въ порядокъ, здѣсь предлагаемый, есть постепенный. У нынѣшнихъ помѣщиковъ земля откупается оброкомъ или работою лѣтнею. Напередъ заводится сіе въ казенныхъ селеніяхъ и волостяхъ, а потомъ уже въ частныхъ. Оброчныя... и пахотныя селенія, дворовые люди, заводскіе крестьяне, продолжая нынѣшнія занятія, въ положенное время... сами откупаются, а дворовые—въ волости поступаютъ». Въ «Русской Правдѣ» Пестель выставилъ требованіе, чтобы освобожденіе дало крестьянамъ «лучшее положеніе противу прежняго, а не мнимую свободу» даровало бы имъ, чтобы «положеніе крестьянъ, елико возможно, было улучшено и на твердыхъ началахъ и правилахъ положительнымъ образомъ основано». Правила освобожденія должно было выработать временное верховное правленіе, пользуясь, какъ матеріаломъ, проектами, доставленными дворянскими собраніями, но, очевидно, на основаніи общихъ принциповъ, которые должны быть указаны въ «Русской Правдѣ». Къ сожалѣнію, обработка соотвѣтственнаго отдѣла этого труда не была закончена, но, судя по особому наброску о «дѣлежѣ земель», основными началами освобожденія должны были быть, смотря по бо́льшему или меньшему обилію земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, или безвозмездное принудительное отчужденіе въ пользу земледѣльцевъ половины помѣщичьихъ земель (если въ имѣніи болѣе 10 десятинъ на душу), или вознагражденіе дворянъ за отобранныя у нихъ земли казенною землею или деньгами [1]). Къ сожалѣнію, въ этомъ наброскѣ указаны мѣры лишь относительно имѣній, въ которыхъ было 1.000 десятинъ земли и болѣе. Вѣроятно, въ

---

[1]) Однако вознагражденіе производилось не въ полной мѣрѣ, если въ имѣніи было отъ 5 до 10 дес. на душу.

помѣстьяхъ меньшаго размѣра вознагражденіе за отобранную въ пользу крестьянъ землю производилось полностью. Во всякомъ случаѣ, Пестель требовалъ предоставленія земли всѣмъ желающимъ заниматься земледѣліемъ на условіяхъ общиннаго владѣнія.

Изъ всего изложеннаго видно, что, несмотря на нѣкоторые недостатки плановъ декабристовъ относительно политическихъ и общественныхъ преобразованій, пропаганда ихъ идей должна была имѣть самое благотворное вліяніе на русское общество. Требованіе преобразованія неограниченной монархіи въ монархію конституціонную или республику, требованіе введенія гласности судопроизводства и суда присяжныхъ, уничтоженія смертной казни, введенія свободы печати, уничтоженія военныхъ поселеній, крѣпостного права и сословныхъ привилегій (установленія равноправія относительно налоговъ, воинской повинности, уничтоженія исключительныхъ судовъ, равноправія относительно наказаній за уголовныя преступленія, занятій торговлею и промыслами и проч.), пропаганда всѣхъ этихъ идей была въ высшей степени полезна. Вопросъ о способахъ и размѣрахъ надѣленія крестьянъ землею не былъ еще окончательно продуманъ, но въ Сѣверномъ обществѣ предположенія о безземельномъ освобожденіи крестьянъ были, видимо, окончательно устранены, Южное же общество въ лицѣ Пестеля высказалось за крупныя аграрныя реформы. Слабую сторону въ предположеніяхъ декабристовъ представлялъ вопросъ національный; въ Сѣверномъ обществѣ надъ нимъ мало задумывались, Пестель же, глава Южнаго общества, предоставляя большія преимущества полякамъ, къ остальнымъ народамъ Россіи относился съ антинаціональной точки зрѣнія.

Императоръ Николай сказалъ декабристу Завалишину: «Зачѣмъ вамъ революція; я самъ вамъ революція: я самъ сдѣлаю все, чего вы стремитесь достигнуть революціею». Но русское общество слышало отъ его предшественника выраженіе намѣренія даровать конституцію и не дождалось его исполненія. Естественно, что интеллигентная молодежь, возмущенная всѣмъ, что творилось тогда въ Россіи, рѣшилась революціоннымъ путемъ добиться того, что самодержавіе отказывалось дать добровольно даже послѣ печальнаго конца царствованія имп. Павла.

Декабристъ Батеньковъ въ одномъ изъ своихъ показаній говоритъ: «Тайное общество наше отнюдь не было крамольнымъ, но политическимъ... Никто изъ членовъ не имѣлъ своекорыстныхъ видовъ. Покушеніе 14 декабря» (1825 г.) «не мятежъ..., но пер-

вый въ Россіи опытъ революціи политической, опытъ почтенный въ бытописаніяхъ и въ глазахъ другихъ просвѣщенныхъ народовъ. Чѣмъ менѣе была горсть людей, его предпріявшая, тѣмъ славнѣе для нихъ, ибо, хотя по несоразмѣрности силъ и по недостатку лицъ, готовыхъ для подобныхъ дѣлъ, гласъ свободы раздавался не долѣе нѣсколькихъ часовъ, но и то пріятно, что онъ раздавался» [1].

В. Семевскій.

[1] **Пособія:** *В. И. Семевскій*, «Политическія и общественныя идеи декабристовъ», гдѣ можно найти подробныя указанія на всѣ источники и пособія для изученія ихъ міросозерцанія, *М. В. Довнаръ-Запольскій*, «Идеалы декабристовъ». *Его же*, «Тайное общество декабристовъ». *Пестель*, «Русская Правда» Монографіи объ отдѣльныхъ декабристахъ: *Н. Котляревскій*. «Рылѣевъ», *Его же*, Декабристы (Одоевскій и Бестужевъ-Марлинскій). *Богучарскій*, Изъ прошлаго русскаго общества. (Семейство Бестужевыхъ»). Записки декабристовъ: *Якушкина, Розена, Волконскаго, Трубецкого, Фонвизина, Оболенскаго. Штейнгеля* (послѣднія три въ «Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX в.», составлено *Семевскимъ, Богучарскимъ, Щеголевымъ*) *Завалишина, Гангеблова* и мн. др., отдѣльно не изданное. *Довнаръ-Запольскій*, Мемуары декабристовъ», *Бороздинъ*, «Изъ показаній и писемъ декабристовъ». Статьи въ журналѣ «Былое» за 1906, 1907 г. и «Минувшіе Годы» 1908 и др.

Ред.

